LGU

ЧЕЛОВѢКЪ

КАКЪ

ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ

какъ

ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ.

ОПЫТЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГІИ

КОНСТАНТИНА УШИНСКАГО.

Изданіе ВТОРОЕ, исправленное самимъ авторомъ.

Съ рисунками.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. М. Котомина, на углу Большой Морск. и Невск. просп. д. № 18.
1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ.

А. СОЗНАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Искусство воспитанія имѣетъ ту особенность, что почти всѣмъ оно кажется дѣломъ знакомымъ и понятнымъ, а инымъ даже дѣломъ легкимъ,– и тѣмъ понятнѣе и легче кажется оно, чѣмъ менѣе человѣкъ съ нимъ знакомъ, теоретически или практически. Почти всѣ признаютъ, что воспитаніе требуетъ *терпѣнія*; нѣкоторые думаютъ, что для него нужны *врожденная способность* и *умѣнье*, т. е. навыкъ; но весьма немногіе пришли къ убѣжденію, что кромѣ терпѣнія, врожденной способности и навыка необходимы еще и спеціальныя *знанія*, хотя многочисленныя педагогическія блужденія наши и могли бы всѣхъ убѣдить въ этомъ.

Но развѣ есть *спеціальная наука воспитанія*? Отвѣчать на этотъ вопросъ положительно или отрицательно можно только опредѣливъ прежде, что мы разумѣемъ вообще подъ словомъ *наука*. Если мы возьмемъ это слово въ его общенародномъ употребленіи, тогда и процессъ изученія всякаго мастерства будетъ наукою; если же подъ именемъ науки мы будемъ разумѣть объективное, болѣе или менѣе полное и организованное изложеніе законовъ тѣхъ или другихъ явленій, относящихся къ одному предмету или къ предметамъ одного рода, то ясно, что въ такомъ смыслѣ предметами науки могутъ быть только или явленія природы, или явленія души человѣческой, или наконецъ математическія отношенія и формы, существующія также внѣ человѣческаго произвола. Но ни политика, ни медицина, ни педагогика не могутъ быть названы науками въ этомъ строгомъ смыслѣ, а только искусствами, имѣющими своею цѣлью не изученіе того, что существуетъ независимо отъ воли человѣка, но практическую дѣятельность,—будущее, а не настоящее и не прошедшее, которое также не зависитъ болѣе отъ воли человѣка. Наука только изучаетъ существующее или существовавшее, а искусство стремится творить то, чего еще нѣтъ, и передъ нимъ въ буду-

щемъ несется цѣль и идеалъ его творчества. Всякое искусство, конечно, можетъ имѣть свою *теорію*; но теорія искусства—не наука: теорія не излагаетъ законовъ существующихъ уже явленій и отношеній, но предписываетъ *правила* для практической дѣятельности, почерпая основаніе для этихъ правилъ въ наукѣ.

„Положенія науки, говоритъ англійскій мыслитель Джонъ Стюартъ Миль, утверждаютъ только существующіе факты: существованіе, сосуществованіе, послѣдовательность, сходство (явленій). Положенія искусства не утверждаютъ, что что-нибудь есть, но указываютъ на то, что должно быть.“ Ясно, что въ такомъ смыслѣ ни политику, ни медицину, ни педагогику нельзя назвать науками; ибо онѣ не изучаютъ того, что есть, но только указываютъ на то, что было бы желательно видѣть существующимъ, и на средства къ достиженію желаемаго. Вотъ почему мы будемъ называть педагогику *искусствомъ*, а не *наукою воспитанія*.

Мы не придаемъ педагогикѣ эпитета *высшаго* искусства, потому что самое слово—искусство уже отличаетъ ее отъ ремесла. Всякая практическая дѣятельность, стремящаяся удовлетворить высшимъ нравственнымъ и вообще духовнымъ потребностямъ человѣка, т. е. тѣмъ потребностямъ, которыя принадлежатъ исключительно человѣку и составляютъ отличительныя черты его природы, есть уже искусство. Въ этомъ смыслѣ педагогика будетъ, конечно, первымъ, высшимъ изъ искусствъ, потому что она стремится удовлетворить величайшей изъ потребностей человѣка и человѣчества — ихъ стремленію къ усовершенствованіямъ въ самой человѣческой природѣ: не къ выраженію совершенства на полотнѣ или въ мраморѣ, но къ усовершенствованію самой природы человѣка — его души и тѣла; а вѣчно предшествующій идеалъ этого искусства есть совершенный человѣкъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ уже само собою, что педагогика не есть собраніе положеній науки, но только *собраніе правилъ воспитательной дѣятельности*. Такимъ собраніемъ правилъ или педагогическихъ рецептовъ, соотвѣтствующимъ въ медицинѣ терапіи, являются дѣйствительно почти всѣ нѣмецкія педагогики, всегда выражающіяся „въ повелительномъ наклоненіи“, что, какъ основательно замѣчаетъ Миль, служитъ внѣшнимъ отличительнымъ признакомъ теоріи искусства [1]). Но какъ было бы совершенно нелѣпо ограничиться для медиковъ изученіемъ одной терапіи, такъ было

[1]) «Гдѣ говорятъ въ правилахъ и наставленіяхъ, а не въ утвержденіяхъ отсительно фактовъ, тамъ искусство». Mill's Logic. B. VI. Ch. XII. § 1.

бы нелѣпо для тѣхъ, кто хочетъ посвятить себя воспитательной дѣятельности, ограничиться изученіемъ одной педагогики въ смыслѣ собранія правилъ воспитанія. Что сказали бы вы о человѣкѣ, который, не зная ни анатоміи, ни физіологіи, ни патологіи, не говоря уже о физикѣ, химіи и естественныхъ наукахъ, изучилъ бы одну терапію и лечилъ бы по ея рецептамъ, тоже почти можете вы сказать и о человѣкѣ, который изучилъ бы только одни правила воспитанія, обыкновенно излагаемыя въ педагогикахъ, и соображался бы въ своей воспитательной дѣятельности съ одними этими правилами. И какъ мы не называемъ медикомъ того, кто знаетъ только „лечебники" и даже лечитъ по „Другу Здравія" и тому подобнымъ собраніямъ рецептовъ и медицинскихъ совѣтовъ, то точно также не можемъ мы назвать педагогомъ того, кто изучилъ только нѣсколько учебниковъ педагогики и руководствуется въ своей воспитательной дѣятельности правилами и наставленіями, помѣщенными въ этихъ „педагогикахъ", не изучивъ тѣхъ явленій природы и души человѣческой, на которыхъ, быть можетъ, основаны эти правила и наставленія. Но такъ-какъ педагогика не имѣетъ у себя термина, соотвѣтствующаго медицинской терапіи, то намъ прійдется прибѣгнуть къ пріему, обыкновенному въ тождественныхъ случаяхъ, а именно—различать *педагогику въ обширномъ смыслѣ*, какъ собраніе знаній, необходимыхъ или полезныхъ для педагога, отъ *педагогики въ тѣсномъ смыслѣ*, какъ собранія воспитательныхъ правилъ.

Мы особенно настаиваемъ на этомъ различіи, потому что оно очень важно, а у насъ, какъ кажется, многіе не сознаютъ его съ полною ясностію. По крайней мѣрѣ, это можно заключить изъ тѣхъ наивныхъ требованій и сѣтованій, которыя намъ часто удавалось слышать. „Скоро ли появится у насъ порядочная педагогика?" говорятъ одни, подразумѣвая, конечно, подъ педагогикой книгу въ родѣ „Домашняго лечебника". „Неужели нѣтъ въ Германіи какой-либо хорошей педагогики, которую можно было бы перевести?" Какъ бы кажется не быть въ Германіи такой педагогики: мало ли у нея этого добра! Находятся и охотники переводить; но русскій здравый смыслъ повертитъ, повертитъ такую книгу, да и броситъ. Положеніе выходитъ еще комичнѣе, когда открывается гдѣ-нибудь каѳедра педагогики. Слушатели ожидаютъ новаго слова и читающій лекціи начинаетъ бойко, но скоро бойкость эта проходитъ: безчисленныя правила и наставленія, ни на чемъ не основанныя, надоѣдаютъ слушателямъ, и все преподаваніе педагогики мало по малу сводится, какъ говорятъ ремесленники, — *на нѣтъ*. Во всемъ этомъ выра-

жаются самыя младенческія отношенія къ предмету и полное несознаваніе различія между *педагогикою въ обширномъ смыслѣ*, какъ собраніемъ наукъ, направленнымъ къ одной цѣли, и *педагогикою въ тѣсномъ смыслѣ*, какъ теоріею искусства, выведенною изъ этихъ наукъ.

Но въ какомъ же отношеніи находятся обѣ эти педагогики? „Въ мастерствахъ несложныхъ, говоритъ Миль, можно изучить одни правила; но въ сложныхъ наукахъ жизни (слово наука здѣсь употреблено некстати) приходится постоянно возвращаться къ законамъ науки, на которыхъ эти правила основаны". Къ этимъ сложнымъ искусствамъ, безъ сомнѣнія, должно быть причислено и искусство воспитанія, едвали не самое сложное изъ искусствъ.

„Отношеніе, въ которомъ правила искусства стоятъ къ положеніямъ науки, продолжаетъ тотъ же писатель, можетъ быть такъ очерчено. Искусство предлагаетъ самому себѣ какую-нибудь цѣль, которая должна бычь достигнута, опредѣляетъ эту цѣль и передаетъ ее наукѣ. Получивъ эту задачу, наука разсматриваетъ и изучаетъ ее, какъ явленіе или какъ слѣдствіе, и изучивъ причины и условія этого явленія, передаетъ обратно искусству, съ теоремою комбинаціи обстоятельствъ (условій), которыми это слѣдствіе можетъ быть произведено. Искусство тогда изслѣдуетъ эти комбинаціи обстоятельствъ, и, соображаясь съ тѣмъ, находятся они или нѣтъ въ человѣческой власти, признаетъ цѣль достижимою или нѣтъ. Единственная изъ посылокъ, доставляемыхъ наукѣ, есть оригинальная главная посылка, утверждающая, что достиженіе данной цѣли желательно. Наука же сообщаетъ искусству положеніе, что при исполненіи данныхъ дѣйствій цѣль будетъ достигнута, а искусство превращаетъ теоремы науки, если цѣль оказывается достижимою, въ правила и наставленія".

Но откуда же искусство беретъ *цѣль* для своей дѣятельности, и на какомъ основаніи признаетъ достиженіе ея желательнымъ и опредѣляетъ относительную важность различныхъ цѣлей, признанныхъ достижимыми? Здѣсь Миль, чувствуя быть можетъ, что почва, на которой стоитъ вся его „Логика", начинаетъ колебаться, проектируетъ особую *науку цѣлей*, или *телеологію*, какъ онъ ее называетъ, и вообще *науку жизни*, которая по его словамъ, заканчивающимъ его „Логику", вся еще должна бить создана, и называетъ эту *будущую* науку важнѣйшею изъ всѣхъ наукъ. Въ этомъ случаѣ Миль очевидно впадаетъ въ одно изъ тѣхъ великихъ противорѣчій самому себѣ, которыми отличаются геніальнѣйшіе мыслители практичной Британіи. Онъ ясно противо-

рѣчитъ тому опредѣленію науки, которое самъ же сдѣлалъ, назвавъ ее изученіемъ „существованія, сосуществованія и послѣдовательности явленій", уже существующихъ, а не тѣхъ, которыя еще не существуютъ, а только желательны. Онъ хочетъ вездѣ поставить науку на первое мѣсто; но сила вещей невольно выдвигаетъ впередъ жизнь, показывая, что не наука должна указывать окончательныя цѣли жизни, а жизнь указываетъ практическія цѣли и самой наукѣ. Это вѣрное практическое чувство британца заставляетъ не одного Миля, но также Бокля, Бэна и другихъ ученыхъ той же партіи часто впадать въ противорѣчія съ собственными своими теоріями, чтобы обезопасить жизнь отъ вредныхъ вліяній односторонности, свойственной всякой теоріи и необходимой для хода науки. И вотъ какой, дѣйствительно, великой черты въ характерѣ англійскихъ писателей не понимаютъ наши критики, воспитанные большею частью на германскихъ теоріяхъ, всегда почти послѣдовательныхъ, послѣдовательныхъ часто до очевидной нелѣпости и положительнаго вреда. Вотъ это то практическое чувство британца заставило Миля въ томъ же сочиненіи признать окончательною цѣлью жизни человѣка *не счастье*, какъ слѣдовало бы ожидать по его научной теоріи, а *образованіе идеальнаго благородства воли и поведенія*, а Бокля, отвергающаго свободу воли въ человѣкѣ, признать въ тоже время вѣрованіе *въ загробную жизнь однимъ изъ самыхъ дорогихъ и самыхъ несомнѣнныхъ вѣрованій человѣчества*. Эта же причина заставляетъ англійскаго психолога Бэна, объясняя всю душу нервными токами, признать за человѣкомъ власть распоряжаться этими токами. Германскій ученый не сдѣлалъ бы такого промаха: онъ остался бы вѣренъ своей теоріи—и утонулъ бы вмѣстѣ съ нею. Причина такихъ противорѣчій та же, которая, за 200 лѣтъ до Бокля, Миля и Бэна, побудила Декарта, приготовляясь къ своему труду, обезопасить отъ своего, все-опрокидывающаго скептицизма одинъ уголокъ жизни, гдѣ самъ мыслитель могъ бы жить, *пока* наука переломаетъ и перестроитъ вновь все зданіе жизни [1]); но это декартовское *пока* продолжается и теперь, какъ мы это видимъ на самыхъ передовыхъ представителяхъ современнаго европейскаго мышленія.

Мы однако не будемъ вдаваться здѣсь въ подробный разборъ, откуда и какъ должна заимствовать педагогика цѣль своей дѣятельности, что можетъ быть сдѣлано конечно не въ предисловіи, а

---

[1]) Oeuvres de Descartes. Edit. Charp. 1865. Discourses de la methode. P. III p. 16.

тогда только, когда мы короче ознакомимся съ тою областью, въ которой педагогика хочетъ дѣйствовать. Однако же мы не можемъ не указать уже здѣсь на необходимость яснаго опредѣленія цѣли воспитательной дѣятельности; ибо, имѣя постоянно въ виду необходимость опредѣлить цѣль воспитанія, мы должны были дѣлать такія отступленія въ область философіи, которыя могутъ показаться лишними читателю, особенно если онъ не знакомъ съ той путаницей понятій, которая господствуетъ у насъ въ этомъ отношеніи. Внести, на сколько можемъ, хоть какой-нибудь свѣтъ въ эту путаницу,—было однимъ изъ главныхъ стремленій нашего труда, потому что она, переходя въ такую практическую область, каково воспитаніе, перестаетъ уже быть невиннымъ бредомъ и отчасти необходимымъ періодомъ въ процессѣ мышленія, но становится положительно вредною и загораживаетъ путь нашему педагогическому образованію. Удалять же все, что̀ мѣшаетъ ему, — прямая обязанность каждаго педагогическаго сочиненія.

Что сказали бы вы объ архитекторѣ, который, закладывая новое зданіе, не сумѣлъ бы отвѣтить вамъ на вопросъ, что онъ хочетъ строить,—храмъ ли, посвященный Богу истины, любви и правды, простой ли домъ, въ которомъ жилось бы уютно, красивыя ли, но безполезныя торжественныя ворота, на которыя заглядывались бы проѣзжающіе, раззолоченную ли гостинницу для обиранія нерасчетливыхъ путешественниковъ, кухню ли для переварки съѣстныхъ припасовъ, музеумъ ли для храненія рѣдкостей или, наконецъ, сарай для складки туда всякаго, никому уже въ жизни ненужнаго хлама? Тоже самое должны вы сказать и о воспитателѣ, который не сумѣетъ ясно и точно опредѣлить вамъ цѣли своей воспитательной дѣятельности.

Конечно, мы не можемъ сравнить мертвыхъ матеріаловъ, надъ которыми работаетъ архитекторъ, съ тѣмъ живымъ и организованнымъ уже матеріяломъ, надъ которымъ работаетъ воспитатель. Придавая большое значеніе воспитанію въ жизни человѣка, мы тѣмъ не менѣе ясно сознаемъ, что предѣлы воспитательной дѣятельности уже даны въ условіяхъ душевной и тѣлесной природы человѣка и въ условіяхъ міра, среди котораго человѣку суждено жить. Кромѣ того, мы ясно сознаемъ, что воспитаніе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ *преднамѣренная* воспитательная дѣятельность—школа, воспитатель и наставники ex officio—вовсе не единственные воспитатели человѣка и что столь же сильными, а можетъ быть и гораздо сильнѣйшими, воспитателями его являются воспитатели *не преднамѣренные*: природа, семья, общество, народъ, его религія и его

языкъ, словомъ, природа и исторія въ обширнѣйшемъ смыслѣ этихъ обширныхъ понятій. Однакоже и въ самихъ этихъ вліяніяхъ, неотразимыхъ для дитяти и человѣка совершенно неразвитаго, многое измѣняется самимъ же человѣкомъ въ его послѣдовательномъ развитіи, и эти измѣненія выходятъ изъ предварительныхъ измѣненій въ его собственной душѣ, на вызовъ, развитіе или задержку которыхъ *преднамѣренное воспитаніе*, словомъ, школа со своимъ ученьемъ и своими порядками, можетъ оказывать прямое и сильное дѣйствіе.

„Каковы бы ни были внѣшнія обстоятельства, говоритъ Гизо, все же человѣкъ самъ составляетъ міръ. Ибо міръ управляется и идетъ сообразно идеямъ, чувствамъ, нравственнымъ и умственнымъ стремленіямъ человѣка, и отъ внутренняго его состоянія зависитъ видимое состояніе общества"; а нѣтъ сомнѣнія, что ученіе и воспитаніе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, могутъ имѣть большое вліяніе на „идеи, чувства, нравственныя и умственныя стремленія человѣка". Если же кто-нибудь усумнился бы и въ этомъ, то мы укажемъ ему на послѣдствія, такъ называемаго, іезуитскаго образованія, на которыя уже указывали Бэконъ и Декартъ, какъ на доказательства громадной силы воспитанія. Стремленія іезуитскаго воспитанія большею частью были дурны; но сила очевидна: не только человѣкъ до глубокой старости сохранялъ на себѣ слѣды того, что былъ когда-то, хотя только въ самой ранней молодости, подъ ферулою отцовъ-іезуитовъ, но цѣлыя сословія народа, цѣлыя поколѣнія людей до мозга костей своихъ проникались началами іезуитскаго воспитанія. Не достаточно ли этого, всѣмъ знакомаго примѣра, чтобы убѣдиться, что сила воспитанія можетъ достигать ужасающихъ размѣровъ, и какіе глубокіе корни можетъ пускать оно въ душу человѣка? Если же іезуитское воспитаніе, противное человѣческой природѣ, могло такъ глубоко внѣдряться въ душу, а черезъ нее и въ жизнь человѣка, то не можетъ ли еще большею силою обладать то воспитаніе, которое будетъ соотвѣтствовать природѣ человѣка и его истиннымъ потребностямъ?

Вотъ почему, ввѣряя воспитанію чистыя и впечатлительныя души дѣтей, ввѣряя для того, чтобы оно провело въ нихъ первыя и потому самыя глубокія черты, мы имѣемъ полное право спросить воспитателя, какую цѣль онъ будетъ преслѣдовать въ своей дѣятельности, и потребовать на этотъ вопросъ яснаго и категорическаго отвѣта. Мы не можемъ въ этомъ случаѣ удовольствоваться общими фразами, въ родѣ тѣхъ, какими начинаются большею частію нѣмецкія педагогики. Если намъ говорятъ, что цѣлью воспитанія

будетъ сдѣлать человѣка *счастливымъ*, то мы въ правѣ спросить, что такое разумѣетъ воспитатель подъ именемъ *счастья*; потому что, какъ извѣстно, нѣтъ предмета въ мірѣ, на который люди смотрѣли бы такъ различно, какъ на счастье: что одному кажется счастьемъ, то другому можетъ казаться не только безразличнымъ обстоятельствомъ, но даже просто несчастьемъ. И если мы всмотримся глубже, не увлекаясь кажущимся сходствомъ, то увидимъ, что рѣшительно у каждаго человѣка свое особое понятіе о счастьи и что понятіе это есть прямой результатъ характера людей, который, въ свою очередь, есть результатъ многочисленныхъ условій, разнообразящихся безконечно, для каждаго отдѣльнаго лица. Та же самая неопредѣленность будетъ и тогда, если на вопросъ о цѣли воспитанія отвѣчаютъ, что оно хочетъ сдѣлать человѣка *лучше*, *совершеннѣе*. Не у каждаго ли человѣка свой собственный взглядъ на человѣческое совершенство, и что одному кажется совершенствомъ, то не можетъ ли казаться другому безуміемъ, тупостью или даже порокомъ? Изъ этой неопредѣленности не выходитъ воспитаніе и тогда, когда говоритъ, что хочетъ воспитывать человѣка *сообразно его природѣ*. Гдѣ же мы найдемъ эту нормальную человѣчечкую природу, сообразно которой хотимъ воспитывать дитя? Руссо, опредѣлившій воспитаніе именно такимъ образомъ, видѣлъ эту природу въ дикаряхъ и притомъ въ дикаряхъ, созданныхъ его фантазіею, потому что если бы онъ поселился между настоящими дикарями, съ ихъ грязными и свирѣпыми страстями, съ ихъ темными и часто кровавыми суевѣріями, съ ихъ глупостью и недовѣрчивостью, то первый бѣжалъ бы отъ этихъ „дѣтей природы", и нашелъ бы тогда, вѣроятно, что въ Женевѣ, встрѣтившей философа каменьями, все же люди ближе къ природѣ, чѣмъ на островахъ Фиджи.

Опредѣленіе цѣли воспитанія мы считаемъ лучшимъ пробнымъ камнемъ всякихъ философскихъ, психологическихъ и педагогическихъ теорій. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ запутался, напр., Бенеке, когда ему пришлось, переходя отъ психологической теоріи къ педагогическому ея приложенію, опредѣлить цѣль воспитательной дѣятельности. Мы увидимъ также, какъ путается въ подобномъ же случаѣ и новѣйшая, позитивная философія.

Ясное опредѣленіе цѣли воспитанія мы считаемъ далеко не безполезнымъ и въ практическомъ отношеніи. Какъ бы далеко ни запряталъ воспитатель или наставникъ свои глубочайшія нравственныя убѣжденія; но если только они въ немъ есть, то они выскажутся, можетъ быть, невидимо для него самого, не только уже для

начальства, въ томъ вліяніи, которое окажутъ на души дѣтей и будутъ дѣйствовать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ скрытнѣе. Опредѣленіе цѣли воспитанія въ уставахъ учебныхъ заведеній, предписаніяхъ, программахъ и бдительный надзоръ начальства, убѣжденія котораго также могутъ не всегда сходиться съ уставами, совершенно безсильны въ этомъ отношеніи. Выводя открытое зло, они будутъ оставлять скрытое, гораздо сильнѣйшее и самымъ гоненіемъ какого-нибудь направленія будутъ усиливать его дѣйствіе. Неужели исторія не доказала еще множествомъ примѣровъ, что самую слабую и въ сущности пустую идею можно усилить гоненіемъ? Особенно это вѣрно тамъ, гдѣ идея обращается къ дѣтямъ и юношамъ, незнающимъ еще жизненныхъ расчетовъ. Кромѣ того, всякіе уставы, предписанія, программы—самые дурные проводники идей. Уже самъ собою плохъ тотъ защитникъ идеи, который принимается проводить ее только потому, что она высказана въ уставѣ, и который точно также примется проводить другую, когда уставъ перемѣнится. Съ такими защитниками и проводниками идея далеко не уйдетъ. Не показываетъ ли это ясно, что если въ мірѣ финансовомъ или административномъ можно дѣйствовать предписаніями и распоряженіями, не справляясь о томъ, нравятся ли идеи ихъ тѣмъ, кто будетъ ихъ исполнять, то въ мірѣ общественнаго воспитанія нѣтъ другаго средства проводить идею, кромѣ откровенно высказываемаго и откровенно принимаемаго убѣжденія? Вотъ почему, пока не будетъ у насъ такой среды, въ которой бы свободно, глубоко и широко, на основаніи науки, формировались педагогическія убѣжденія, находящіяся въ тѣснѣйшей связи вообще съ философскими убѣжденіями, общественное образованіе наше будетъ лишено основанія, которое дается только прочными убѣжденіями воспитателей. Воспитатель не чиновникъ; а если онъ чиновникъ, то онъ не воспитатель, и если можно приводить въ исполненіе идеи другихъ, то проводить чужія убѣжденія невозможно. Среда же, въ которой могутъ формироваться педагогическія убѣжденія, есть философская и педагогическая литература и тѣ каѳедры, съ которыхъ излагаются науки, служащія источникомъ и педагогическихъ убѣжденій: каѳедры философіи, псилогіи и исторіи. Мы не скажемъ однако, что науки сами по себѣ даютъ убѣжденіе; но они предохраняютъ отъ множества заблужденій при его формаціи.

Однакоже примемъ покудова, что *цѣль* воспитанія нами уже опредѣлена: тогда останется намъ опредѣлить его *средства*. Въ этомъ отношеніи наука можетъ оказать существенную помощь воспитанію. Только изучая природу, замѣчаетъ Бэконъ, можемъ мы

надѣяться управлять ею и заставить ее дѣйствовать сообразно нашимъ цѣлямъ. Такими науками для педагогики, изъ которыхъ она почерпаетъ знаніе средствъ, необходимыхъ ей для достиженія ея цѣлей, являются всѣ тѣ науки, въ которыхъ изучается тѣлесная или душевная природа человѣка и изучается притомъ не въ мечтательныхъ, но въ дѣйствительныхъ явленіяхъ.

Къ обширному кругу *антропологическихъ наукъ* принадлежатъ: анатомія, физіологія и патологія человѣка, психологія, логика, филологія, географія, изучающая землю, какъ жилище человѣка, и человѣка, какъ жильца земнаго шара, статистика, политическая экономія и исторія въ обширномъ смыслѣ, куда мы относимъ исторію религіи, цивилизаціи, философскихъ системъ, литературъ, искуствъ и собственно воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Во всѣхъ этихъ наукахъ излагаются, сличаются и группируются факты и тѣ соотношенія фактовъ, въ которыхъ обнаруживаются свойства *предмета воспитанія*, т. е. человѣка.

Но неужели мы хотимъ, спросятъ нас, чтобы педагогъ изучалъ такое множество и такихъ обширныхъ наукъ, прежде чѣмъ приступить къ изученію педагогики въ тѣсномъ смыслѣ, какъ собранія правилъ педагогической дѣятельности? Мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ положительнымъ утвержденіемъ. *Если педагогика хочетъ* воспитывать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, то она должна *прежде узнать его* тоже во всѣхъ отношеніяхъ. Въ такомъ случаѣ, замѣтятъ намъ, педагоговъ еще нѣтъ, и не скоро они будутъ. Это очень можетъ быть; но тѣмъ не менѣе положеніе наше справедливо. Педагогика находится еще не только у насъ, но и вездѣ, въ полномъ младенчествѣ, и такое младенчество ея очень понятно, такъ какъ многія изъ наукъ, изъ законовъ которыхъ она должна черпать свои правила, сами еще только недавно сдѣлались дѣйствительными науками и далеко еще не достигли своего совершенства. Но развѣ несовершенство микроскопической анатоміи, органической химіи, физіологіи и патологіи помѣшало сдѣлать ихъ основными науками для медицинскаго искусства?

Но, замѣтятъ намъ, въ такомъ случаѣ потребуется особый и обширный факультетъ для педагоговъ? А почему же и не быть *педагогическому факультету?* Если въ университетахъ существуютъ факультеты медицинскіе, и даже камеральные, и нѣтъ *педагогическихъ*, то это показываетъ только, что человѣкъ до сихъ поръ болѣе дорожитъ здоровьемъ своего тѣла и своего кармана, чѣмъ своимъ нравственнымъ здоровьемъ, и болѣе заботится о богатствѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ о хорошемъ ихъ воспитаніи. Обществен

ное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы не заслуживало особаго факультета. Если же мы до сихъ поръ, готовя технологовъ, агрономовъ, инженеровъ, архитекторовъ, медиковъ, камералистовъ, филологовъ, математиковъ, не готовили воспитателей, то не должны удивляться, что дѣло воспитанія идетъ плохо и что нравственное состояніе современнаго общества далеко не соотвѣтствуетъ его великолѣпнымъ биржамъ, дорогамъ, фабрикамъ, его наукѣ, торговлѣ и промышленности.

Цѣль педагогическаго факультета могла бы быть опредѣленнѣе даже цѣли другихъ факультетовъ. Этою цѣлью было бы изученіе человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его природы съ спеціальнымъ приложеніемъ къ искусству воспитанія. Практическое значеніе такого педагогическаго, или вообще *антропологическаго* факультета, было бы велико. Педагоговъ численно нужно не менѣе, а даже еще болѣе, чѣмъ медиковъ, и если медикамъ мы ввѣряемъ наше здоровье, то воспитателямъ ввѣряемъ нравственность и умъ дѣтей нашихъ, ввѣряемъ ихъ душу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущность нашего отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что такой факультетъ охотно посѣщали бы и тѣ молодые люди, которые не имѣютъ нужды смотрѣть на образованіе съ политико-экономической точки зрѣнія, какъ на умственный капиталъ, долженствующій приносить денежные проценты.

Правда, заграничные университеты не представляютъ намъ образцовъ педагогическихъ факультетовъ; но вѣдь не все же, что за границей, то хорошо. Притомъ же тамъ есть нѣкоторая замѣна этихъ факультетовъ въ учительскихъ семинаріяхъ и въ сильномъ историческомъ направленіи воспитанія, а у насъ оно также не пустило корней, какъ растеніе, которое дитя посадило и постоянно выдергиваетъ, чтобы пересадить въ другое мѣсто, не рѣшаясь, какое выбрать.

Однако же, еще замѣтитъ намъ читатель, такое младенчество педагогики и несовершенство тѣхъ наукъ, изъ которыхъ она должна черпать свои правила, не помѣшали же воспитанію дѣлать свое дѣло и давать очень часто, если не всегда, хорошіе, а нерѣдко и блестящіе результаты? Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ мы очень сомнѣваемся. Мы не такіе пессимисты, чтобы называть абсолютно дурнымъ всякіе порядки современной жизни, но и не такіе оптимисты, чтобы не видѣть, что насъ до сихъ поръ заѣдаетъ безчисленное множество нравственныхъ и физическихъ страданій, пороковъ, извращенныхъ наклонностей, вредныхъ заблужденій, и тому подобныхъ золъ, отъ которыхъ очевидно могло бы насъ избавить одно хорошее воспитаніе. Кромѣ того мы увѣрены, что воспитаніе, совершенству-

ясь, можетъ далеко раздвинуть предѣлы человѣческихъ силъ: физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ. По крайней мѣрѣ на эту возможность ясно указываютъ и физіологія, и психологія.

Здѣсь, можетъ быть, опять нападаетъ на читателя сомнѣніе въ томъ, чтобы отъ воспитанія можно было ожидать существенныхъ перемѣнъ въ общественной нравственности. Развѣ мы не видимъ примѣровъ, что отличное воспитаніе сопровождалось часто самыми печальными результатами? Развѣ мы не видимъ, что изъ подъ ферулы у отличныхъ воспитателей выходили иногда самые дурные люди? Развѣ Сенека не воспиталъ Нерона? Но кто же намъ сказалъ, что это воспитаніе было дѣйствительно хорошо, и что эти воспитатели были дѣйствительно хорошіе воспитатели? Что же касается до Сенеки, то если онъ не удержалъ своей болтливости, и читалъ Нерону тѣ же моральныя сентенціи, которыми подарилъ потомство, то мы можемъ прямо сказать, что самъ же Сенека былъ одною изъ главныхъ причинъ ужасной нравственной порчи своего страшнаго воспитанника. Такими сентенціями можно убить въ ребенкѣ, особенно если у него натура живая, всякую возможность развитія нравственнаго чувства, и такую ошибку очень можетъ сдѣлать воспитатель, незнакомый съ физическими и психическими свойствами человѣческой природы. Ничто не искоренитъ въ насъ твердой вѣры въ то, что прійдетъ время, хотя можетъ быть и не скоро, когда потомки наши будутъ съ удивленіемъ вспоминать, какъ мы долго пренебрегали дѣломъ воспитанія и какъ много страдали отъ этой небрежности.

Мы указали выше на одну несчастную сторону обычныхъ понятій о воспитательномъ искусствѣ, а именно на то, что оно для многихъ кажется съ перваго взгляда дѣломъ понятнымъ и легкимъ: теперь же намъ приходится указать на столь же несчастную и еще болѣе вредную наклонность. Весьма часто мы замѣчаемъ, что люди подающіе намъ воспитательные совѣты и начертывающіе воспитательные идеалы или для своихъ воспитанниковъ, или для своей родины, или вообще для всего человѣчества, въ тайнѣ срисовываютъ эти идеалы съ самихъ себя, такъ-что всю воспитательную проповѣдь подобнаго проповѣдника можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ „воспитывайте дѣтей такъ, чтобы они походили на меня, и вы дадите имъ *отличное* воспитаніе; я же достигъ подобнаго совершенства такими-то и такими-то средствами, а потому вотъ вамъ и готовая программа воспитанія!" Дѣло, какъ видите, очень легкое но только такой проповѣдникъ забываетъ познакомить насъ со своею собственною личностью и своею біографіею. Если же мы сами возьмемъ на себя этотъ трудъ, и разъяснимъ личную основу его педа

гогической теоріи, то найдемъ, быть можетъ, что намъ никакъ нельзя вести чистое дитя по тому нечистому пути, по которому прошелъ самъ проповѣдникъ. Источникъ такихъ убѣжденій—отсутствіе истиннаго христіанскаго смиренія, не того лживаго, фарисейскаго смиренія, которое потупляетъ глаза *долу* именно за тѣмъ, чтобы имѣть право *горѣ* вознести свою гордыню, но того, при которомъ человѣкъ, съ глубокою болью въ сердцѣ, сознаетъ всю свою испорченность и всѣ свои скрытые пороки и преступленія своей жизни, сознаетъ даже и тогда, когда толпа, видящая только внѣшнее, а не внутреннее, называетъ эти преступленія безразличными поступками, а иногда и подвигами. Такого полнаго самосознанія достигаютъ не всѣ и не скоро. Но, приступая къ *святому* дѣлу воспитанія дѣтей, мы должны глубоко сознавать, что наше собственное воспитаніе было далеко неудовлетворительно, что результаты его большею частью печальны и жалки и что, во всякомъ случаѣ, намъ надо изыскивать средства сдѣлать дѣтей нашихъ лучше насъ.

Какъ бы ни казались обширны требованія, которыя мы дѣлаемъ воспитателю, но эти требованія вполнѣ соотвѣтствуютъ обширности и важности самого дѣла. Конечно, если видѣть въ воспитаніи только обученіе чтенію и письму, древнимъ и новымъ языкамъ, хронологіи историческихъ событій, географіи и т. п., не думая о томъ, какой цѣли достигаемъ мы при этомъ изученіи и какъ ее достигаемъ, тогда нѣтъ надобности въ спеціальномъ приготовленіи воспитателей къ своему дѣлу; за то и самое дѣло будетъ идти, какъ оно теперь идетъ, какъ бы мы не передѣлывали и не перестроивали нашихъ программъ: школа по прежнему будетъ чистилищемъ, черезъ всѣ степени котораго надо пройти человѣку, чтобы добиться того или другаго положенія въ свѣтѣ, а дѣйствительнымъ воспитателемъ будетъ по прежнему жизнь со всѣми своими безобразными случайностями. Практическое значеніе науки въ томъ и состоитъ, чтобы овладѣвать случайностями жизни и покорять ихъ разуму и волѣ человѣка. Наука доставила намъ средство плыть не только по вѣтру, но и противъ вѣтра; не ждать въ ужасѣ громоваго удара, а отводить его; не подчиняться условіямъ разстоянія, но сокращать его паромъ и электричествомъ. Но конечно важнѣе и полезнѣе всѣхъ этихъ открытій и изобрѣтеній, часто не дѣлающихъ человѣка ни на волосъ счастливѣе прежняго, потому что онъ внутри самого себя носитъ многочисленныя причины несчастья, было бы открытіе средствъ къ образованію въ человѣкѣ такого характера, который противостоялъ бы напору всѣхъ случайностей жизни, спасалъ бы человѣка отъ ихъ

вреднаго растлѣвающаго вліянія и давалъ бы ему возможность извлекать отовсюду только добрые результаты.

Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, педагогическіе или антропологическіе факультеты въ университетахъ появятся не скоро, то для выработки дѣйствительной теоріи воспитанія, основанной на началахъ науки, остается одна дорога — дорога литературы, и конечно не одной педагогической литературы въ узкомъ смыслѣ этого слова. Все, что споспѣшествуетъ пріобрѣтенію педагогами точныхъ свѣдѣній по всѣмъ тѣмъ *антропологическимъ* наукамъ, на которыхъ основываются правила педагогической теоріи, содѣйствуетъ и выработкѣ ея. Мы полагаемъ, что эта цѣль уже и теперь достигается шагъ за шагомъ, хотя очень медленно и страшно окольными путями. По крайней мѣрѣ, это можно сказать о томъ распространеніи свѣдѣній по естественнымъ наукамъ и въ особенности по физіологіи, котораго нельзя было не замѣтить въ послѣднее время. Еще недавно можно было встрѣтить воспитателей, которые не имѣли даже самыхъ общихъ понятій о главнѣйшихъ физіологическихъ процессахъ, даже такихъ воспитателей и воспитательницъ ex officio, которые сомнѣвались въ необходимости чистаго воздуха для организма. Теперь же общія физіологическія свѣдѣнія, болѣе или менѣе ясныя и полныя, встрѣчаются уже вездѣ, и нерѣдко можно найти воспитателей, которые, не будучи ни медиками, ни естествоиспытателями, имѣютъ порядочныя свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла, благодаря довольно обширной переводной литературѣ по этому отдѣлу.

Къ сожалѣнію, никакъ нельзя сказать того же о свѣдѣніяхъ психологическихъ, что зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: *во-первыхъ*, отъ того, что сама психологія, не смотря на неоднократное заявленіе о вступленіи ея на путь опытныхъ наукъ, еще до сихъ поръ продолжаетъ болѣе строить теоріи, чѣмъ изучать факты и сличать ихъ; *во-вторыхъ*, отъ того, что въ нашемъ общественномъ образованіи давно уже философія и психологія находятся въ забросѣ, что̀ не осталось безъ вредныхъ вліяній на наше воспитаніе, и было причиною печальной односторонности во взглядахъ многихъ воспитателей. Человѣкъ весьма естественно придаетъ большее значеніе тому, что̀ знаетъ, передъ тѣмъ, чего не знаетъ. Въ Германіи и Англіи психологическія свѣдѣнія распространены между воспитателями гораздо болѣе, чѣмъ у насъ. Въ Германіи почти каждый воспитатель знакомъ во крайней мѣрѣ съ психологической теоріей Бенеке; въ Англіи—читалъ Локка и Рида. Кромѣ того замѣчательно, что въ Англіи гораздо даже болѣе, чѣмъ

въ Германіи, издано было разныхъ психологическихъ учебниковъ и популярныхъ психологій; даже преподаваніе психологіи, судя по назначенію различныхъ изданій въ этомъ родѣ, введено въ нѣкоторыя школы. И въ этомъ видѣнъ какъ вѣрный практическій смыслъ англичанъ, такъ вліяніе великихъ англійскихъ писателей по психологіи. Отчизна Локка не могла отнестись съ пренебреженіемъ къ этой наукѣ. У насъ же воспитатель, сколько-нибудь знакомый съ психологіей, составляетъ весьма рѣдкое исключеніе; а психологическая литература, даже переводная, почти равняется нулю. Конечно, недостатокъ этотъ нѣсколько восполняется тѣмъ, что каждый человѣкъ, сколько-нибудь наблюдавшій надъ собою, уже болѣе или менѣе знакомъ съ душевными процессами; но мы увидимъ далѣе, что эти темныя, безотчетныя, неорганизованныя психологическія знанія далеко не достаточны для того, чтобы ими одними можно было руководиться въ дѣлѣ воспитанія.

Но мало еще имѣть въ своей памяти тѣ факты различныхъ наукъ, изъ которыхъ могутъ возникнуть педагогическія правила: надобно еще сопоставить эти факты лицомъ къ лицу съ цѣлью допытаться отъ нихъ прямаго указанія послѣдствій тѣхъ или другихъ педагогическихъ мѣръ и пріемовъ. Каждая наука сама по себѣ только сообщаетъ свои факты, мало заботясь о сравненіи ихъ съ фактами другихъ наукъ и о томъ приложеніи ихъ, которое можетъ быть сдѣлано въ искусствахъ и вообще въ практической дѣятельности. На обязанности же самихъ воспитателей лежитъ извлечь изъ массы фактовъ каждой науки тѣ, которые могутъ имѣть приложеніе въ дѣлѣ воспитанія, отдѣливъ ихъ отъ великаго множества тѣхъ, которые такого приложенія имѣть не могутъ, свести эти избранные факты лицомъ къ лицу и, освѣтивъ одинъ фактъ другимъ, составить изъ всѣхъ удобо-обозрѣваемую систему, которую безъ большихъ трудовъ могъ бы усвоить каждый педагогъ-практикъ и тѣмъ избѣжать односторонностей, нигдѣ столь не вредныхъ, какъ въ практическомъ дѣлѣ воспитанія.

Но возможно ли уже въ настоящее время, сведя всѣ факты наукъ, приложимые къ воспитанію, построить полную и совершенную теорію воспитанія? Мы никакъ этого не полагаемъ; потому что науки, на которыхъ должно основываться воспитаніе, далеки еще отъ совершенства. Но неужели людямъ слѣдовало отказаться отъ пользованія желѣзною дорогою на томъ основаніи, что они еще не выучились летать по воздуху? Человѣкъ идетъ въ усовершенствованіяхъ своей жизни не скачками, но постепенно, шагъ за шагомъ и, не сдѣлавъ предыдущаго шага, не можетъ сдѣлать послѣдую-

щаго. Вмѣстѣ съ усовершенствованіями наукъ будетъ совершенствоваться и воспитательная теорія, если только она, переставъ строить правила, ни на чемъ не основанныя, будетъ постоянно справляться съ наукою въ ея постоянно развивающемся состояніи и каждое свое правило выводить изъ того или другаго факта или сопоставленія многихъ фактовъ, добытыхъ наукою.

Мы не только не думаемъ, чтобы полная и законченная теорія воспитанія, дающая ясные и положительные отвѣты на всѣ вопросы воспитательной практики, была уже возможна; но не думаемъ даже, чтобы одинъ человѣкъ могъ составить такую теорію воспитанія, которая уже дѣйствительно возможна при настоящемъ состояніи человѣческихъ знаній. Можно-ли надѣяться, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ былъ столь же глубокимъ физіологомъ и врачомъ, сколько и глубокимъ психологомъ, историкомъ, филологомъ и т. д.? Пояснимъ это примѣромъ. Въ каждой педагогикѣ существуетъ и теперь отдѣлъ физическаго воспитанія, правила котораго, чтобы быть сколько нибудь положительными, точными и вѣрными, должны быть выведены изъ обширнаго и глубокаго знанія анатоміи, физіологіи и патологіи: иначе они будутъ походить на тѣ безцвѣтные, пустые и безполезные по своей общности и неопредѣленности, часто противорѣчащіе, а иногда и вредные совѣты, которыми обыкновенно наполняется этотъ отдѣлъ въ общихъ курсахъ педагогики, написанныхъ не врачами. Но не можетъ ли педагогъ заимствовать уже готовые совѣты изъ медицинскихъ сочиненій по гигіенѣ? Это, конечно, возможно; но при томъ условіи, чтобы педагогъ обладалъ самъ такими свѣдѣніями, каторыя дали бы ему возможность отнестись критически къ этимъ медицинскихъ совѣтамъ, часто противорѣчащимъ одинъ другому, да кромѣ того необходимо, чтобы и слушатели или слушательницы его обладали такими предварительными свѣдѣніями по физикѣ, химіи, анатоміи и физіологіи, чтобы могли понять объясненіе правилъ физическаго воспитанія, основанное на этихъ наукахъ. Положимъ, напримѣръ, что педагогу приходится дать совѣтъ, чѣмъ слѣдуетъ кормить младенца, если почему нибудь онъ не можетъ пользоваться своею естественною пищею, или какую пищу слѣдуетъ назначить для того, чтобы облегчить ему переходъ отъ груди къ обыкновенной пищѣ. Въ каждой гигіенѣ педагогъ встрѣтитъ различныя мнѣнія: одна совѣтуетъ кашку изъ сухарей, другая аророутъ, третья молоко сырое, четвертая кипяченое, одна находитъ необходимымъ подмѣшивать къ молоку воду, другая это находитъ вреднымъ и т. д. На чемъ же остановиться добросовѣстному педагогу, если онъ самъ не медикъ

и не знаетъ на столько химіи и физіологіи, чтобы отдать преимущество одному совѣту предъ другимъ? Тоже самое и въ дальнѣйшей пищѣ: одна гигіена держится преимущественно мясной, и даетъ мясной бульонъ еще до прорѣза зубовъ; другая находитъ это вреднымъ; третья предпочитаетъ пищу растительную и не отворачивается даже отъ картофеля, на который четвертая смотритъ съ ужасомъ. Тѣ же противорѣчія относительно температуры ваннъ и комнатъ. Въ германскихъ закрытыхъ заведеніяхъ дѣти спятъ при 5° тепла и ниже, ѣдятъ картофель и здоровы. Казалось бы, что у насъ слѣдуетъ еще болѣе, чѣмъ въ Германіи, пріучать дѣтей къ холоду и, держа низкую температуру въ комнатахъ и особенно въ спальняхъ, смягчать ту страшную рѣзкость переходовъ, которую выдерживаютъ наши легкія, переходя изъ 15° тепла въ 20° мороза; но мы положительно думаемъ, что если-бы вздумали въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ держать дѣтей въ такой же холодной спальнѣ, какъ, напримѣръ, у Стоя въ Іенѣ, то подвергли бы ихъ серьезной опасности, особенно, если бы имъ при этомъ давали и ту же пищу. Но можемъ ли мы чѣмъ нибудь мотивировать наше мнѣніе? Неужели ограничиться намъ словомъ „кажется“ или „мы убѣждены“? Кто же обязывается раздѣлять наши убѣжденія, которыхъ мы не можемъ основать на точныхъ физическихъ и физіологическихъ законахъ или, по крайней мѣрѣ, на опытности, опирающейся на долгую медицинскую практику?

Вотъ почему мы, не обладая спеціальными свѣдѣніями въ медицинѣ, вовсе удержались въ нашей книгѣ отъ подачи совѣтовъ по физическому воспитанію, кромѣ тѣхъ общихъ, для которыхъ мы имѣли достаточныя основанія. Въ этомъ отношеніи педагогика должна ожидать еще важныхъ услугъ отъ педагоговъ—спеціалистовъ въ медицинѣ. Но не одни педагоги, спеціалисты въ анатоміи, физіологіи и патологіи, могутъ, изъ области своихъ спеціальныхъ наукъ, оказать важную услугу всемірному и вѣчно-совершающемуся дѣлу воспитанія. Подобной же услуги слѣдуетъ ожидать, напримѣръ, отъ историковъ и филологовъ. Только педагогъ—историкъ можетъ уяснить намъ вліяніе общества, въ его историческомъ развитіи, на воспитаніе и вліяніе воспитанія на общество, не гадательно только, какъ дѣлается это теперь почти во всѣхъ всеобъемлющихъ германскихъ педагогикахъ, но основывая всякое положеніе на точномъ и подробномъ изученіи фактовъ. Точно также отъ педагоговъ, спеціалистовъ по филологіи, слѣдуетъ ожидать, что они фактически обработаютъ важный отдѣлъ въ педагогикѣ, показавъ намъ, какъ совершалось и совершается развитіе человѣка въ области слова: на

сколько психическая природа человѣка отразилась въ словѣ и на сколько слово, въ свою очередь, имѣло и имѣетъ вліянія на развитіе души.

Но и наоборотъ: медикъ, историкъ, филологъ могутъ принести непосредственную пользу дѣлу воспитанія только въ томъ случаѣ, если они не только спеціалисты, но и педагоги: если педагогическіе вопросы предшествуютъ въ ихъ умѣ всѣмъ ихъ изысканіямъ, если они, кромѣ того, хорошо знакомы съ физіологіей, психологіей и логикой—этими тремя главными основами педагогики.

Изъ всего, что нами сказано, мы можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ:

Педагогика—не наука, а искусство: самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое изъ всѣхъ искусствъ. Искусство воспитанія опирается на науку. Какъ искусство сложное и обширное, оно опирается на множество обширныхъ и сложныхъ наукъ; какъ искусство, оно кромѣ знаній требуетъ способности и наклонности и, какъ искусство же, оно стремится къ идеалу вѣчно достигаемому и никогда вполнѣ недостижимому: къ идеалу совершеннаго человѣка. Споспѣшествовать развитію искусства воспитанія можно только вообще распространеніемъ между воспитателями тѣхъ разнообразнѣйшихъ *антропологическихъ* знаній, на которыхъ оно основывается. Достигать этого было бы правильнѣе устройствомъ особыхъ факультетовъ, конечно, не для приготовленія всѣхъ учителей, въ которыхъ нуждается та или другая страна, но для развитія самого искусства и приготовленія тѣхъ лицъ, которыя или своими сочиненіями, или прямымъ руководствомъ, могли бы распространять въ массѣ учителей необходимыя для воспитателей познанія и оказывать вліяніе на формировку правильныхъ педагогическихъ убѣжденій какъ между воспитателями и наставниками, такъ и въ обществѣ. Но такъ-какъ педагогическихъ факультетовъ мы долго не дождемся, то остается одинъ путь для развитія правильныхъ идей воспитательнаго искусства—путь литературный, гдѣ каждый изъ области своей науки содѣйствовалъ бы великому дѣлу воспитанія.

Но если нельзя требовать отъ воспитателя, чтобы онъ былъ спеціалистомъ во всѣхъ тѣхъ наукахъ, изъ которыхъ могутъ быть почерпаемы основанія педагогическихъ правилъ, то можно и должно требовать, чтобы ни одна изъ этихъ наукъ не была ему совершенно чуждою, чтобы по каждой изъ нихъ онъ могъ понимать, по крайней мѣрѣ, популярныя сочиненія, и стремился, на сколько мо-

жетъ, пріобрѣсть *всестороннія* свѣдѣнія о человѣческой природѣ, за воспитаніе которой берется.

Ни въ чемъ, можетъ быть, *одностороннее* направленіе знаній и мышленія такъ не вредно, какъ въ педагогической практикѣ. Воспитатель, который глядитъ на человѣка сквозь призму физіологіи, патологіи, психіатріи, также дурно понимаетъ, что такое человѣкъ и каковы потребности его воспитанія, какъ и тотъ, кто изучилъ бы человѣка только въ великихъ произведеніяхъ искусствъ и великихъ историческихъ дѣяніяхъ и смотрѣлъ бы на него вообще сквозь призму великихъ, совершенныхъ имъ дѣлъ. Политико-экономическая точка зрѣнія, безъ сомнѣнія, тоже очень важна для воспитанія; но какъ бы ошибся тотъ, кто смотрѣлъ бы на человѣка только какъ на экономическую единицу на производителя и потребителя цѣнностей! Историкъ, изучающій только великія или, по крайней мѣрѣ, крупныя дѣянія народовъ и замѣчательныхъ людей, не видитъ частныхъ, но тѣмъ не менѣе глубокихъ страданій человѣка, которыми куплены всѣ эти громкія и нерѣдко безполезныя дѣла. Односторонній филологъ еще менѣе способенъ быть хорошимъ воспитателемъ, чѣмъ односторонній физіологъ, экономистъ, историкъ. Не односторонность ли филологическаго образованія, преобладавшая до новѣйшаго времени во всѣхъ школахъ Западной Европы, пустила въ ходъ безчисленное множество чужихъ, плохо переваренныхъ фразъ, которыя, обращаясь теперь между людьми, вмѣсто дѣйствительныхъ, глубоко сознанныхъ идей, затрудняютъ оборотъ человѣческаго мышленія, какъ фальшивая монета затрудняетъ обороты торговли? Сколько глубокихъ идей древности пропадаетъ теперь даромъ именно потому, что человѣкъ заучиваетъ ихъ прежде, чѣмъ бываетъ въ состояніи ихъ понять, и такъ пріучается употреблять ихъ ложно и безсмысленно, что потомъ рѣдко добирается до ихъ истиннаго смысла. Такія великія, но чужія мысли, несравненно безполезнѣе хотя маленькихъ, да своихъ. Не отъ того ли и самый языкъ современной литературы уступаетъ въ точности и выразительности языку древнихъ, что мы учимся говорить почти единственно изъ книгъ и пробавляемся чужими фразами, тогда-какъ слово древняго писателя выростало изъ его собственной мысли, а мысль—изъ непосредственнаго наблюденія надъ природой, другими людьми и самимъ собою? Мы не оспариваемъ великой пользы филологическаго образованія, но показываемъ только вредъ его односторонности. Слово хорошо тогда, когда оно вѣрно выражаетъ мысль; а вѣрно выражаетъ оно мысль тогда, когда выростаетъ изъ нея, какъ кожа изъ организма, а не надѣвается, какъ перчатка, сшитая изъ чужой

кожи. Мысль же современнаго писателя часто бьется во множествѣ вычитанныхъ имъ фразъ, которыя для нея или слишкомъ узки или слишкомъ широки. Языкъ конечно есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ воспитателей человѣка; но онъ не можетъ замѣнить собою знаній, извлекаемыхъ прямо изъ наблюденій и опытовъ. Правда, языкъ ускоряетъ и облегчаетъ пріобрѣтеніе такихъ знаній; но онъ же можетъ и помѣшать ему, если вниманіе человѣка слишкомъ рано и преимущественно было обращено не на содержаніе, а на форму мысли, да притомъ еще мысли чужой, до пониманія которой, можетъ быть, еще и не доросъ учащійся. Не умѣть хорошо выражать своихъ мыслей —недостатокъ; но не имѣть самостоятельныхъ мыслей—еще гораздо большій; самостоятельныя же мысли вытекаютъ только изъ самостоятельно же пріобрѣтаемыхъ знаній. Кто не предпочтетъ человѣка, обогащеннаго фактическими свѣдѣніями и мыслящаго самостоятельно и вѣрно, хотя выражающагося съ трудомъ, человѣку, у котораго способность говорить обо всемъ чужими фразами, хотя бы взятыми даже изъ лучшихъ классическихъ писателей, далеко переросла и количество знаній, и глубину мышленія? Если же безконечный споръ о преимуществахъ реальнаго и классическаго образованій длится еще до сихъ поръ, то только потому, что самый вопросъ этотъ поставленъ невѣрно и факты для его рѣшенія отыскиваются не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Не о преимуществахъ этихъ двухъ направленій въ образованіи, а о гармоническомъ ихъ соединеніи слѣдовало бы говорить, и искать средствъ этого соединенія въ душевной природѣ человѣка.

Воспитатель долженъ стремиться узнать человѣка, *каковъ онъ есть въ дѣйствительности*, со всѣми его слабостями и во всемъ его величіи, со всѣми его будничными, мелкими нуждами и со всѣми его великими духовными требованіями. Воспитатель долженъ знать человѣка въ семействѣ, въ обществѣ, среди народа, среди человѣчества и наединѣ со своею совѣстью; во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ положеніяхъ, въ радости и горѣ, въ величіи и униженіи, въ избыткѣ силъ и въ болѣзни, среди неограниченныхъ надеждъ и на одрѣ смерти, когда слово *человѣческаго* утѣшенія уже безсильно. Онъ долженъ знать побудительныя причины самыхъ грязныхъ и самыхъ высокихъ дѣяній, исторію зарожденія преступныхъ и великихъ мыслей, исторію развитія всякой страсти и всякаго характера. Тогда только будетъ онъ въ состояніи почерпать въ самой природѣ человѣка средства воспитательнаго вліянія,—а средства эти громадны!

Мы сохраняемъ твердое убѣжденіе, что великое искусство вос-

питанія едва только начинается, что мы стоимъ еще въ преддверіи этого искусства и не вошли въ самый храмъ его, и что до сихъ поръ люди не обратили на воспитаніе того вниманія, какого оно заслуживаетъ. Много ли насчитываемъ мы великихъ мыслителей и ученыхъ, посвятившихъ свой геній дѣлу воспитанія? Кажется люди думали обо всемъ, кромѣ воспитанія, искали средствъ величія и счастья вездѣ, кромѣ той области, гдѣ скорѣе всего ихъ можно найти. Но уже теперь видно, что наука созрѣваетъ до той степени, когда взоръ человѣка невольно будетъ обращенъ на воспитательное искусство.

Читая физіологію, на каждой страницѣ мы убѣждаемся въ обширной возможности дѣйствовать на физическое развитіе индивида, а еще болѣе на послѣдовательное развитіе человѣческой рассы. Изъ этого источника, только что открывающагося, воспитаніе почти еще и не черпало. Пересматривая психическіе факты, добытые въ разныхъ теоріяхъ, мы поражаемся едва ли еще не болѣе обширною возможностью имѣть громадное вліяніе на развитіе ума, чувства и воли въ человѣкѣ, и точно также поражаемся ничтожностью той доли изъ этой возможности, которою уже воспользовалось воспитаніе.

Посмотрите на одну силу привычки: чего нельзя сдѣлать изъ человѣка съ одною этою силою? Посмотрите хотя на то, напримѣръ, что дѣлали ею спартанцы изъ своихъ молодыхъ поколѣній, и сознайтесь, что современное воспитаніе пользуется едва малѣйшею частицею этой силы. Конечно, спартанское воспитаніе было бы теперь нелѣпостью, не имѣющею цѣли, но развѣ не нелѣпость то изнѣженное воспитаніе, которое сдѣлало насъ и дѣлаетъ нашихъ дѣтей доступными для тысячи неестественныхъ, но тѣмъ не менѣе мучительныхъ страданій и заставляетъ тратить благородную жизнь человѣка на пріобрѣтеніе мелкихъ удобствъ жизни? Конечно, страненъ спартанецъ, жившій и умиравшій только для славы Спарты; но что вы скажете о жизни, которая вся была бы убита на пріобрѣтеніе роскошной мебели, покойныхъ экипажей, бархатовъ, кисей, тонкихъ суконъ, благовонныхъ сигаръ, модныхъ шляпокъ? Не ясно ли, что воспитаніе, стремящееся только къ обогащенію человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ плодящее его нужды и прихоти, беретъ на себя трудъ Данаидъ?

Изучая процессъ памяти, мы увидимъ, какъ безсовѣстно еще обращается съ нею наше воспитаніе, какъ валитъ оно туда всякій хламъ и радуется, если изо ста брошенныхъ туда свѣдѣній одно какъ нибудь уцѣлѣетъ; тогда какъ воспитатель собственно не долженъ бы давать воспитаннику ни одного свѣдѣнія, на сохраненіе

котораго онъ не можетъ расчитывать. Какъ мало еще сдѣлала педагогика для облегченія работы памяти—мало и въ своихъ пропрограммахъ, и въ своихъ методахъ, и въ своихъ учебникахъ! Всякое учебное заведеніе жалуется теперь на множество предметовъ ученія,—и дѣйствительно ихъ слишкомъ много, если принять въ расчетъ ихъ педагогическую обработку и методу преподаванія; но ихъ слишкомъ мало, если смотрѣть на безпрестанно разрастающуюся массу свѣдѣній человѣчества. Гербартъ Спенсеръ, Контъ и Милль весьма основательно доказываютъ, что нашъ учебный матерьялъ долженъ подвергнуться сильному пересмотру, а программы наши должны быть до основанія передѣланы. Но и въ отдѣльности ни одинъ учебный предметъ далеко не получилъ еще той педагогической обработки, къ которой онъ способенъ, что болѣе всего зависитъ отъ ничтожности и шаткости нашихъ свѣдѣній о душевныхъ процессахъ. Изучая эти процессы, нельзя не видѣть возможности дать человѣку съ обыкновенными способностями, и дать прочно, въ десять разъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ получаетъ теперь самый талантливый, тратя драгоцѣнную силу памяти на пріобрѣтеніе тысячи знаній, которыя потомъ позабудетъ безъ слѣда. Не умѣя обращаться съ памятью человѣка, мы утѣшаемъ себя мыслію, что дѣло воспитанія— только *развить умъ*, а не наполнить его свѣдѣніями; но психологія обличаетъ ложь этого утѣшенія, показывая, что самый умъ есть ничто иное какъ хорошо организованная система знаній.

Но если неумѣнье наше учить дѣтей велико, то еще гораздо больше наше неумѣнье дѣйствовать на образованіе въ нихъ душевныхъ чувствъ и характера. Тутъ мы положительно бродимъ въ потьмахъ, тогда какъ наука предвидитъ уже полную возможность внести свѣтъ сознанія и разумную волю воспитателя и въ эту, доселѣ почти недоступную область.

Еще менѣе, чѣмъ душевными чувствами, если возможно, умѣемъ мы пользоваться *волею* человѣка—этимъ могущественнѣйшимъ рычагомъ, который можетъ измѣнять не только душу, но и тѣло съ его вліяніями на душу. Гимнастика, какъ система произвольныхъ движеній, направленныхъ къ цѣлесообразному измѣненію физическаго организма, только еще начинается, и трудно видѣть предѣлы возможности ея вліянія не только на укрѣпленіе тѣла и развитіе тѣхъ или другихъ его органовъ, но и на предупрежденіе болѣзней и даже излеченіе ихъ. Мы думаемъ, что не далеко то время, когда гимнастика окажется могущественнѣйшимъ медицинскимъ средствомъ даже въ глубокихъ внутреннихъ болѣзняхъ. А что же такое гимнастическое леченье и воспитаніе физическаго организма

какъ не воспитаніе и леченье его волею человѣка? Направляя фичическія силы организма къ тому или другому органу тѣла, воля передѣлываетъ тѣло или излечиваетъ его болѣзни. Если же мы примемъ во вниманіе тѣ чудеса настойчивости воли и силы привычки, которыя такъ безполезно расточаются, напримѣръ, индѣйскими фокусниками и факирами, то увидимъ, какъ еще мало пользуемся мы властью нашей воли надъ тѣлеснымъ организмомъ.

Словомъ, во всѣхъ областяхъ воспитанія мы стоимъ только при началѣ великаго искусства, тогда какъ *факты* науки указываютъ на возможность для него самой блестящей будущности, и можно надѣяться, что человѣчество наконецъ устанетъ гнаться за внѣшними удобствами жизни и пойдетъ создавать гораздо прочнѣйшія удобства въ самомъ человѣкѣ, убѣдившись, не на словахъ только, а на дѣлѣ, что главные источники нашего счастья и величія не въ вещахъ и порядкахъ, насъ окружающихъ, а въ насъ самихъ.

Выставивъ взглядъ нашъ на искусство воспитанія, на теорію этого искусства, на его блѣдное настоящее, на его необъятное будущее и на то, какими средствами могла бы мало по малу вырабатываться и совершенствоваться воспитательная теорія, мы тѣмъ самымъ показали уже, какъ мы далеки отъ мысли дать въ нашей книгѣ не только такую теорію воспитанія, которую мы считали бы совершенною, но даже и такую, которую считаемъ уже возможною въ настоящее время, если бы составитель ея былъ основательно знакомъ со всѣми разнообразными науками, на которыхъ она должна строить свои правила. Наша задача далеко не такъ обширна. и мы выяснимъ всю ея ограниченность, если разскажемъ, какъ и для чего задумали нашъ трудъ.

Лѣтъ восемь тому назадъ педагогическія идеи оживились у насъ съ такою силою, какой нельзя было и ожидать, принявъ въ расчетъ почти совершенное отсутствіе педагогической литературы до того времени. Мысль о народной школѣ, которая удовлетворала бы потребностямъ народа, вступавшаго въ новый періодъ своего существованія, пробудилась повсемѣстно. Нѣсколько педагогическихъ журналовъ, появившихся почти одновременно, находили себѣ читателей; въ журналахъ обще-литературныхъ педагогическія статьи появлялись безпрестанно и занимали видное мѣсто; повсюду писались и обсуждались проекты различныхъ реформъ по общественному образованію, даже въ семействахъ гораздо чаще стали слышаться педагогическія бесѣды и споры. Читая педагогическіе проекты разнаго рода и статьи, присутствуя при обсужденіи педагогическихъ вопросовъ въ различныхъ собраніяхъ, прислушиваясь

къ частнымъ спорамъ, мы пришли къ убѣжденію, что всѣ эти толки, споры, проекты, журнальныя статьи выиграли бы много въ основательности, если бы придавали одно и тоже значеніе психологическимъ и отчасти физіологическимъ и философскимъ терминамъ, которые въ нихъ безпрестанно повторялись. Намъ казалось, что иное педагогическое недоумѣніе или горячій педагогическій споръ могли бы легко быть рѣшены, если бы, употребляя слова: *разсудокъ*, *воображеніе*, *память*, *вниманіе*, *сознаніе*, *чувство*, *привычка*, *навыкъ*, *развитіе*, *воля* и т. д., согласились сначала въ томъ, что разумѣть подъ этими словами. Иногда было совершенно очевидно, что изъ спорящихъ сторонъ одна понимаетъ подъ словомъ *память*, напримѣръ, тоже самое, что другая подъ словомъ *разсудокъ* или *воображеніе*, и обѣ употребляютъ эти слова какъ совершенно извѣстныя, заключающія въ себѣ точно опредѣленное понятіе. Словомъ, пробудившаяся тогда педагогическая мысль обнаружила существенное упущеніе въ нашемъ общественномъ образованіи, а также и въ нашей литературѣ, которая могла бы дополнить образованіе. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что литература наша въ то время не имѣла ни одного сколько нибудь основательнаго психологическаго сочиненія, ни оригинальнаго, ни переводнаго, а въ журналахъ психологическая статья была рѣдкостью и притомъ рѣдкостью незанимательною для читателей, ничѣмъ не подготовленныхъ къ такому чтенію. Тогда пришло намъ на мысль: нельзя ли внести въ наше только-что пробуждающееся педагогическое мышленіе сколь возможно точное и ясное пониманіе тѣхъ психическихъ и психо-физическихъ явленій, въ области которыхъ это мышленіе необходимо должно вращаться? Предварительныя занятія философіею и отчасти психологіею, а потомъ педагогикою давали намъ поводъ думать, что мы можемъ *до нѣкоторой степени* способствовать удовлетворенію этой потребности, и хотя *начать* разъясненіе тѣхъ основныхъ идей, около которыхъ необходимо вращаются всякія воспитательныя соображенія.

Но какъ это сдѣлать? Перенести къ намъ цѣликомъ одну изъ психологическихъ теорій Запада мы не могли, ибо сознавали односторонность каждой изъ нихъ и что во всѣхъ ихъ есть своя доля правды и ошибки, своя доля вѣрныхъ выводовъ изъ фактовъ и ни на чемъ неоснованныхъ фантазій. Мы пришли къ убѣжденію, что всѣ эти теоріи страдаютъ теоретическою самонадѣянностью, объясняя то, чего еще нѣтъ возможности объяснять, ставя вредный призракъ знанія тамъ, гдѣ слѣдуетъ сказать еще простое *не знаю*, строя головоломные и утлые мосты черезъ неизвѣданныя еще пропасти,

на которыя слѣдовало просто только указать, и, словомъ, даютъ читателю за нѣсколько вѣрныхъ и потому полезныхъ знаній столько же, если не болѣе, ложныхъ и потому вредныхъ фантазій. Намъ казалось, что всѣ эти теоретическія увлеченія, *совершенно необходимыя* въ процессѣ образованія науки, должны быть оставлены, когда приходится пользоваться результатами, добытыми наукою, для приложенія ихъ къ практической дѣятельности. Теорія можетъ быть одностороння, и эта односторонность ея даже бываетъ очень полезна, освѣщая особенно ту сторону предмета, которую другія оставляли въ тѣни; но практика должна быть по возможности всестороння. „Идеи мирно уживаются въ головѣ; но вещи тяжело сталкиваются въ жизни", говоритъ Шиллеръ, и если намъ приходится не разработывать науку, а имѣть дѣло съ дѣйствительными предметами дѣйствительнаго міра, то часто мы бываемъ вынуждены поступаться своими теоріями требованіямъ дѣйствительности, въ уровень которой не выросла еще ни одна психологическая система. Въ педагогикахъ, написанныхъ психологами, каковы педагогики Гербарта и Бенеке, мы часто съ поразительной ясностью можемъ наблюдать это столкновеніе психологической теоріи съ педагогическою дѣйствительностью.

Сознавая все это, мы задумали изо всѣхъ извѣстныхъ намъ психологическихъ теорій взять только то, что казалось намъ несомнѣннымъ и фактически вѣрнымъ, снова провѣрить взятые факты внимательнымъ и общедоступнымъ самонаблюденіемъ и анализомъ, дополнить новыми наблюденіями, если это гдѣ нибудь окажется по нашимъ силамъ, оставить откровенные пробѣлы вездѣ, гдѣ факты молчатъ, а если гдѣ, для групировки фактовъ и уясненія ихъ, понадобится гипотеза, то, избравъ наиболѣе распространенную и вѣроятную, отмѣтить ее вездѣ не какъ достовѣрный фактъ, а какъ гипотезу. При всемъ этомъ мы полагали опираться на *собственное сознаніе* нашихъ читателей—ultimum argumentum въ психологіи, передъ которымъ безсильны всякіе авторитеты, хотя бы они были озаглавлены громкими именами Аристотеля, Декарта, Бэкона, Локка. Изъ психическихъ явленій мы полагали останавливаться преимущественно на тѣхъ, которыя имѣютъ большее значеніе для педагога, прибавить тѣ изъ физіологическихъ фактовъ, которые необходимы для уясненія психическихъ, словомъ, мы тогда еще задумали и начали подготовлять „Педагогическую Антропологію". Мы думали кончить этотъ трудъ года въ два, но, отрываемые отъ нашихъ занятій различными обстоятельствами, только теперь выпускаемъ въ свѣтъ первый томъ, и

то далеко не въ томъ видѣ, который бы удовлетворялъ насъ. Но что же дѣлать? Можетъ быть, если бы мы снова принялись его исправлять и переработывать, то никогда бы и не издали. Всякій даетъ, что можетъ дать по своимъ силамъ и по своимъ обстоятельствамъ. Впрочемъ, мы расчитываемъ на снисходительность читателя, если онъ вспомнитъ, что это первый трудъ, въ такомъ родѣ— первая попытка не только въ нашей, но и въ общей литературѣ, по крайней мѣрѣ, на сколько она намъ извѣстна: а первый блинъ всегда бываетъ комомъ; но безъ перваго не будетъ втораго.

Правда, Гербартъ, а потомъ Бенеке пытались уже вывести педагогическую теорію прямо изъ психологическихъ основаній; но этимъ основаніемъ были ихъ собственныя теоріи, а не психологическіе, несомнѣнные факты, добытые всѣми теоріями. Педагогики Гербарта и Бенеке скорѣе добавленія къ ихъ психологіи и метафизикѣ, и мы увидимъ, къ какимъ натяжкамъ часто велъ такой образъ дѣйствія. Мы же задали себѣ задачу, безъ всякой предвзятой теоріи, насколько возможно точнѣе изучить тѣ психическія явленія, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для педагогической дѣятельности. Другой недостатокъ въ педагогическихъ приложеніяхъ Гербарта и Бенеке тотъ, что они совершенно почти выпустили изъ виду явленія физіологическія, которыхъ, по ихъ тѣсной, неразрывной связи съ явленіями психическими, выпустить невозможно. Мы же безразлично пользовались какъ психологическимъ самонаблюденіемъ, такъ и физіологическими наблюденіями, имѣя въ виду одно— объяснить, сколь возможно, тѣ психическія и психо-физическія явленія, съ которыми имѣетъ дѣло воспитатель.

Правда также, что педагогика Карла Шмидта опирается и на физіологію и на психологію, и еще болѣе на первую, чѣмъ на послѣднюю, но въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи данъ такой разгулъ германской ученой мечтательности, что въ немъ менѣе фактовъ, чѣмъ поэтическихъ увлеченій разнообразнѣйшими надеждами, вызванными наукою, но далеко еще неосуществившимися. Читая эту книгу, часто кажется, что слышишь бредъ германской науки, гдѣ могучее слово многосторонняго знанія едва прорывается сквозь тучу фантазій—гегелизма, шеллингизма, матерьялизма, френологическихъ призраковъ.

Можетъ быть, названіе нашего труда, „*Педагогическая Антропологія*“, не вполнѣ соотвѣтствуетъ его содержанію, и во всякомъ случаѣ далеко обширнѣе того, что мы можемъ дать; но точность названія, равно какъ и научная стройность системы, насъ мало занимали. Мы всему предпочитали ясность изложенія, и если

намъ удалось объяснить сколько-нибудь тѣ психическія и психофизическія явленія, за объясненіе которыхъ мы взялись, то и этого уже съ насъ довольно. Нѣтъ ничего легче, какъ разгородить стройную систему, озаглавивъ каждую изъ ея клѣтокъ то римскими и арабскими цифрами, то буквами всѣхъ возможныхъ азбукъ; но подобныя системы изложенія всегда казались намъ не только безполезными, но вредными путами, которыя писатель добровольно и совершенно напрасно надѣваетъ самъ на себя, обязываясь впередъ наполнить всѣ эти клѣтки, хотя въ иную, за неимѣніемъ дѣйствительнаго матерьяла, не оставалось бы помѣстить ничего, кромѣ пустыхъ фразъ. Такія стройныя системы часто платятъ за свою стройность истиною и пользою. Кромѣ того, если и возможно такое догматическое изложеніе, то только въ томъ случаѣ, когда авторъ задался уже предвзятою, вполнѣ законченною теоріею, *знаетъ все*, что относится къ его предмету, ни въ чемъ не сомнѣвается самъ, и, постигнувъ альфу и омегу своей науки, начинаетъ поучать ей своихъ читателей, которые должны только стараться уразумѣть то, что говоритъ авторъ. Мы же думали — и вѣроятно читатель согласится съ нами — что такой способъ изложенія не возможенъ еще ни для психологіи, ни для физіологіи, и что надобно быть большимъ мечтателемъ, чтобы считать эти науки законченными, и думать, что можно уже безъ натяжки вывести всѣ ихъ положенія изъ одного основнаго принципа.

Подробности методы, которой мы придерживаемся при изученіи психическихъ явленій, изложены нами въ той главѣ, гдѣ мы переходимъ отъ физіологіи къ психологіи. (Т. 1. Гл. XVIII). Здѣсь же намъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какъ мы пользовались различными психологическими теоріями.

Мы старались не быть пристрастными ни къ одной изъ нихъ и брали хорошо описанный психическій фактъ или объясненіе его, казавшееся намъ наиболѣе удачнымъ, не разбирая, гдѣ мы его находили. Мы не стѣснялись брать его у Гегеля или гегеліанцевъ, не обращая вниманія на ту дурную славу, которою гегелизмъ расплачивается теперь за прежній, отчасти мишурный блескъ. Мы не стѣснялись также заимствовать и у матеріялистовъ, не смотря на то, что считаемъ ихъ систему столь же одностороннею, какъ и идеализмъ. Вѣрная мысль на страницахъ сочиненій Спенсера нравилась намъ болѣе, чѣмъ великолѣпная фантазія, встрѣчающаяся у Платона. Аристотелю мы обязаны за очень многія мѣткія описанія психическихъ явленій; но и это великое имя не связывало насъ нигдѣ, и должно было вездѣ уступать дорогу нашему собственному созна-

нію и сознанію нашихъ читателей—этому свидѣтельству „паче всего міра". Декартъ и Бэконъ, эти двѣ личности, отдѣлившія новое мышленіе отъ средневѣковаго, имѣли большое вліяніе на ходъ нашихъ идей: индуктивная метода послѣдняго привела насъ неудержимо къ дуализму перваго. Мы знаемъ очень хорошо, какъ ославленъ теперь картезіанскій дуализмъ; но если онъ единственно могъ объяснить намъ то или другое психическое явленіе, то мы не видѣли причины, почему бы не должны были пользоваться могучею помощью этого взгляда, когда наука не дала намъ еще ничего, чѣмъ мы могли бы его замѣнить. Мы вовсе не сочувствуемъ восточному міросозерцанію Спинозы, но нашли, что никто лучше его не очертилъ человѣческихъ страстей. Мы очень многимъ обязаны Локку, но не затруднялись стоять на сторонѣ Канта тамъ, гдѣ онъ до очевидности ясно показываетъ невозможность такого опытнаго происхожденія нѣкоторыхъ идей, на которое указываетъ Локкъ. Кантъ былъ для насъ великимъ мыслителемъ, но не психологомъ, хотя въ его „Антропологіи" мы нашли много мѣткихъ психическихъ наблюденій. Въ Гербартѣ мы видѣли великаго психолога, но увлеченнаго германскою мечтательностью и метафизическою системою Лейбница, которая нуждается въ слишкомъ многихъ гипотезахъ, чтобы держаться. Въ Бенеке мы нашли удачнаго популяризатора гербартовскихъ идей, но ограниченнаго систематика. Джону Стюарту Милю мы обязаны многими свѣтлыми взглядами, но не могли не замѣтить ложной метафизической подкладки въ его „Логикѣ". Бэнъ также уяснилъ намъ много психическихъ явленій; но его теорія душевныхъ токовъ показалась намъ вполнѣ несостоятельною. Такимъ образомъ мы отовсюду брали, что намъ казалось вѣрнымъ и яснымъ, никогда не стѣсняясь тѣмъ, какое имя носитъ источникъ, и хорошо ли онъ звучитъ въ ушахъ той или другой изъ современныхъ матафизическихъ партій [1]). Но какова же наша собственная теорія, спросятъ насъ? Никакой, отвѣтимъ мы, если ясное стрем-

[1]) Сначала мы полагали представить въ предисловіи къ нашей книгѣ разборы замѣчательнѣйшихъ психологическихъ теорій, но, написавъ нѣкоторыя изъ нихъ, увидѣли, что намъ пришлось бы вдвое увеличить книгу и безъ того объемистую. Нѣсколько подобныхъ разборовъ мы помѣстили въ «Отечественныхъ Запискахъ»; всѣ же надѣемся издать отдѣльною книгою. Для читателей, вовсе незнакомыхъ съ психологическими теоріями Запада, мы можемъ указать на книгу г. Владиславлева «Современныя направленія въ наукѣ о душѣ» (С.-Петерб. 1866), которая хотя сколько нибудь можетъ замѣнить недостатокъ историческаго введенія.

леніе предпочитать вездѣ фактъ не можетъ дать нашей теоріи названія фактической. Мы шли вездѣ за фактами и на сколько вели насъ факты: гдѣ факты переставали говорить, такъ мы ставили гипотезу — и *останавливались*, никогда не употребляя гипотезу, какъ признанный фактъ. Можетъ быть нѣкоторые подумаютъ, „какъ можно смѣть свое сужденіе имѣть“ въ такомъ знаменитомъ обществѣ? Но нельзя же имѣть разомъ десять различныхъ мнѣній, а мы были бы вынуждены къ этому, если бы не рѣшились оспаривать Локка или Канта, Декарта или Спинозу, Гербарта или Миля.

Нужно ли говорить о значеніи психологіи для педагога? Должно быть нужно, если у насъ столь немногіе изъ педагоговъ обращаются къ изученію психологіи. Конечно, никто не сомнѣвается въ томъ, что главная дѣятельность воспитанія совершается въ области психическихъ и психофизическихъ явленій; но обыкновенно расчитываютъ въ этомъ случаѣ на тотъ *психологическій тактъ*, которымъ въ большей или меньшей степени обладаетъ каждый, и думаютъ, что уже этого одного такта достаточно, чтобы оцѣнить истину тѣхъ или другихъ педагогическихъ мѣръ, правилъ и наставленій.

Такъ называемый *педагогическій тактъ*, безъ котораго воспитатель, какъ бы онъ ни изучилъ теорію педагогики, никогда не будетъ хорошимъ воспитателемъ—практикомъ, есть въ сущности не болѣе, какъ *тактъ психологическій*, который столько же нуженъ литератору, поэту, оратору, актеру, политику, проповѣднику и, словомъ, всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя такъ или иначе думаютъ дѣйствовать на душу другихъ людей, сколько и педагогу. Педагогическій тактъ есть только особое приложеніе такта психологическаго, его спеціальное развитіе въ области педагогическихъ понятій. Но что же такое самъ этотъ психологическій тактъ? Ни что иное, какъ болѣе или менѣе темное и полусознательное собраніе воспоминаній разнообразныхъ психическихъ актовъ, пережитыхъ нами самими. На основаніи этихъ-то воспоминаній душою своей собственной исторіи человѣкъ полагаетъ возможнымъ дѣйствовать на душу другаго человѣка и избираетъ для этого именно тѣ средства, дѣйствительность которыхъ испробовалъ на самомъ себѣ. Мы не думаемъ уменьшать важности этого психическаго такта, какъ это сдѣлалъ Бенеке, который полагалъ тѣмъ самымъ рѣзче выставить необходимость изученія своей психологической теоріи. Напротивъ, мы скажемъ, что никакая психологія не можетъ замѣнить человѣку психологическаго такта, который незамѣнимъ въ практикѣ уже потому, что дѣйствуетъ быстро, мгновенно, тогда-какъ по-

ложенія науки припоминаются, обдумываются и оцѣниваются медленно. Возможно ли представить себѣ оратора, который вспоминалъ бы тотъ или другой параграфъ психологіи, желая вызвать въ душѣ слушателя состраданіе, ужасъ или негодованіе? Точно также и въ педагогической дѣятельности нѣтъ никакой возможности дѣйствовать по параграфамъ психологіи, какъ бы ни твердо они были изучены. Но, безъ сомнѣнія, психологическій тактъ не есть что-нибудь врожденное, а формируется въ человѣкѣ постепенно: у однихъ быстрѣе, обширнѣе и стройнѣе, у другихъ медленнѣе, скуднѣе и отрывочнѣе, что уже зависитъ отъ другихъ свойствъ души, —формируется по мѣрѣ того, какъ человѣкъ живетъ и наблюдаетъ, преднамѣренно или безъ намѣренія, надъ тѣмъ, что совершается въ его собственной душѣ. Душа человѣка узнаетъ сама себя только въ собственной своей дѣятельности и познанія души о самой себѣ, такъ же какъ и познанія ея о явленіяхъ внѣшней природы, слагаются изъ наблюденій. Чѣмъ болѣе будетъ этихъ наблюденій души надъ собственною своею дѣятельностью, чѣмъ будутъ они настойчивѣе и точнѣе, тѣмъ большій и лучшій психологическій тактъ разовьется въ человѣкѣ, тѣмъ этотъ тактъ будетъ полнѣе, вѣрнѣе, стройнѣе. Изъ этого вытекаетъ уже само собою, что занятіе психологіею и чтеніе психологическихъ сочиненій, направляя мысль человѣка на процессъ его собственной души, можетъ сильно содѣйствовать развитію въ немъ психологическаго такта.

Но не всегда же педагогъ быстро дѣйствуетъ и рѣшаетъ: часто приходится ему обсуждать или уже принятую мѣру, или ту, которую онъ думаетъ еще предпринять: тогда онъ можетъ и долженъ, не полагаясь на одно темное психологическое чувство, уяснить себѣ вполнѣ тѣ психическія или физіологическія основанія, на которыхъ строится обсуждаемая мѣра. Кромѣ того, всякое чувство есть дѣло субъективное, непередаваемое, тогда какъ знаніе, изложенное ясно, доступно для всякаго. Особенно же недостатокъ опредѣленныхъ психологическихъ знаній, какъ мы уже замѣтили выше, высказывается, когда какая-нибудь педагогическая мѣра обсуждается не однимъ, а нѣсколькими лицами. По невозможности передачи психологическаго чувства и самая передача педагогическихъ познаній, на основаніи одного чувства, становится невозможною. Тутъ остается одно изъ двухъ: положиться на авторитетъ говорящаго или узнать тотъ психическій законъ, на которомъ основывается то или другое педагогическое правило. Вотъ почему, какъ излагающій педагогику, такъ и слушающій ее должны непремѣнно прежде сойтись въ пониманіи психическихъ и психо-физическихъ явленій, для

которыхъ педагогика служитъ только приложеніемъ ихъ къ достиженію воспитательной цѣли.

Но не только для того, чтобы основательно обсудить предпринимаемую или уже предпринятую педагогическую мѣру и понимать основаніе правилъ педагогики, нужно научное знакомство съ психическими явленіями: столько же нужна психологія и для того, чтобы оцѣнить результаты, данные тою или другою педагогическою мѣрою, т. е., другими словами, оцѣнить *педагогическій опытъ*.

Педагогическій опытъ имѣетъ, конечно, такое же важное значеніе, какъ и педагогическій тактъ; но не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать этого значенія. Результаты большей части воспитательныхъ опытовъ, какъ справедливо замѣтилъ Бенеке, отстоятъ слишкомъ далеко по времени отъ тѣхъ мѣръ, результатами которыхъ мы ихъ считаемъ, чтобы мы могли назвать данныя мѣры *причиною*, а данные результаты слѣдствіемъ этихъ мѣръ; тѣмъ болѣе, что эти результаты приходятъ уже тогда, когда воспитатель не можетъ наблюдать надъ воспитанникомъ. Поясняя свою мысль примѣромъ, Бенеке говоритъ: „Мальчикъ, который на всѣхъ экзаменахъ отличается первымъ, можетъ оказаться впослѣдствіи ограниченнѣйшимъ педантомъ, тупымъ, невоспріимчивымъ для всего, что лежитъ внѣ тѣснаго круга его науки, и никуда негоднымъ въ жизни“. Мало этого, мы сами знаемъ изъ практики, что очень часто послѣдніе ученики нашихъ гимназій дѣлаются уже въ университетѣ лучшими студентами, и наоборотъ — оправдывая на себѣ евангельское изрѣченіе о „послѣднихъ“ и „первыхъ“.

Но педагогическій опытъ не только по отдаленности своихъ послѣдствій отъ причинъ не можетъ быть надежнымъ руководителемъ педагогической дѣятельности. Большею частью педагогическіе опыты очень сложны, и каждый имѣетъ не одну, а множество причинъ, такъ - что нѣтъ ничего легче, какъ ошибиться въ этомъ отношеніи, и назвать причиною даннаго результата то, что вовсе не было его причиною, а можетъ быть даже задерживающимъ обстоятельствомъ. Такъ, напримѣръ, еслибы мы заключили о развивающей силѣ математики или классическихъ языковъ только по тому, что всѣ знаменитые ученые и великіе люди западной Европы учились въ молодости своей математикѣ или классическимъ языкамъ, то это было бы очень опрометчивое заключеніе. Какъ же имъ было не учиться по латыни или избѣжать математики, если не было школы, въ которой не учили бы этимъ предметамъ? Считая ученыхъ и умныхъ людей, вышедшихъ изъ школъ, гдѣ преподавались математика и латынь, отчего мы не считаемъ тѣхъ, которые, учившись и

латыни и математикѣ, остались людьми ограниченными? Такой *огульный* опытъ даже не исключаетъ возможности предположенія, что первые безъ математики или безъ латыни, можетъ быть, были бы еще умнѣе, а вторые не такъ ограничены, еслибы ихъ молодая память была употреблена на пріобрѣтеніе другихъ свѣдѣній. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что на развитіе человѣка имѣетъ вліяніе не одна школа. Такъ, напримѣръ, мы любимъ часто указывать на практическіе успѣхи англійскаго воспитанія и для многихъ преимущество этого воспитанія сдѣлалось недопускающимъ возраженія доказательствомъ. Но при этомъ забываютъ, что во всякотъ случаѣ между англійскимъ воспитаніемъ и, напримѣръ, нашимъ болѣе сходства, чѣмъ между нашею и англійскою исторіею. Чему же слѣдуетъ приписать эту разницу въ результатахъ воспитанія? Школамъ ли, національному ли характеру народа, его ли исторіи и его общественнымъ учрежденіямъ, какъ результатамъ характера и исторіи? Можемъ ли мы ручаться, что та же англійская школа, только переведенная на русскій языкъ и перенесенная къ намъ, не дастъ худшихъ результатовъ, чѣмъ тѣ, которые даются нашими теперешними школами?

Указывая на какой - нибудь удачный педагогическій опытъ того или другаго народа, мы, если дѣйствительно хотимъ узнать истину, не должны опускать тѣхъ же опытовъ, сдѣланныхъ въ другой странѣ и давшихъ результаты противоположные. Такъ у насъ обыкновенно указываютъ на тѣ же англійскія школы для высшаго сословія, какъ на доказательство, что изученіе латыни даетъ хорошіе практическіе результаты и въ особенности дѣйствуетъ на развитіе здраваго смысла и любви къ труду, которыми отличается высшее сословіе Англіи, получившее воспитаніе въ этихъ школахъ. Но почему же не указываютъ при этомъ на примѣръ, гораздо болѣе намъ близкій—на Польшу, гдѣ такое же, если еще не болѣе прилежное, изученіе латинскаго языка высшимъ классомъ дало въ этомъ классѣ совершенно противуположные результаты, и именно, не развило въ немъ того здраваго практическаго смысла, на развитіе котораго, по мнѣнію тѣхъ же людей, изученіе классическихъ языковъ оказываетъ такое сильное вліяніе и который въ высшей степени развитъ у простаго русскаго народа, никогда не учившагося по латыни? Если мы скажемъ, что различныя дурныя вліянія парализировали въ образованіи польскаго шляхетства хорошее вліяніе изученія латыни, то чѣмъ же мы докажемъ, что различныя хорошія вліянія въ Англіи, чуждыя школѣ, не были прямою причиною тѣхъ хорошихъ практическихъ результатовъ, которые мы приписываемъ изученію классическихъ

въ русскихъ школахъ дастъ результаты, болѣе близкіе къ англійскимъ, чѣмъ къ тѣмъ, которые обнаружило польское шляхетство.

Читатель пойметъ, конечно, что мы вооружаемся здѣсь не противъ устройства англійскихъ школъ и не противъ цѣлесообразности преподаванія математики или латинскаго языка. Мы только хотимъ доказать, что въ дѣлѣ воспитанія опытъ имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если мы можемъ показать психическую связь между данною мѣрою и тѣми результатами, которые мы ей приписываемъ.

„Вульгарное понятіе, говоритъ Миль, что истинно здравая метода въ политическихъ предметахъ есть бэконовская индукція, что истинный руководитель въ этомъ отношеніи есть не общее размышленіе, а спеціальный опытъ, будетъ когда-нибудь приводимо какъ одно изъ несомнѣннѣйшихъ доказательствъ низкаго состоянія мыслительныхъ способностей въ томъ вѣкѣ, въ которомъ это мнѣніе пользовалось довѣренностью. Ничто не можетъ быть смѣшнѣе тѣхъ пародій на размышленіе, основанное на опытѣ, съ которыми часто встрѣчаешься не только въ популярныхъ рѣчахъ, но и въ важныхъ трактатахъ, темою которыхъ являются дѣла націи. „Какъ", спрашиваютъ обыкновенно: „можетъ быть дурно учрежденіе, когда страна процвѣтала при немъ?" „Какъ можетъ быть приписано той или другой причинѣ благосостояніе какой-нибудь страны, когда другая процвѣтала безъ этой причины?" Кто пользуется доказательствами такого рода, *безъ намѣренія обманывать*, *тотъ долженъ быть отосланъ назадъ въ школу для изученія элементовъ какой-нибудь самой легкой физической науки*" [1]).

Крайнюю нераціональность такихъ разсужденій Миль совершенно справедливо выводитъ изъ необыкновенной сложности явленій физіологическихъ и еще большей сложности политическихъ и историческихъ, къ которымъ, безспорно, слѣдуетъ причислить и народное образованіе, а равно и образованіе народнаго и индивидуальнаго характера; ибо это не только явленіе историческое, но и самое сложное изъ всѣхъ историческихъ явленій, такъ какъ оно есть результатъ всѣхъ прочихъ, съ примѣсью еще племенныхъ особенностей народа и физическихъ вліяній его страны.

Такимъ образомъ мы видимъ, что ни *педагогическій тактъ*, ни *педагогическій опытъ* сами по себѣ недостаточны для того, чтобы изъ нихъ можно было выводить сколько-нибудь твердыя педагогическія правила, и что изученіе психическихъ явленій научнымъ

[1]) Mill's Logic. B. III. Ch. XI. § 8, p. 497.

путемъ—тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ мы изучаемъ всѣ другія явленія—есть необходимѣйшее условіе для того, чтобы воспитаніе наше, *сколь возможно*, перестало быть или рутиною, или игрушкою случайныхъ обстоятельствъ, и сдѣлалось, *сколь возможно же*, дѣломъ раціональнымъ и сознательнымъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самомъ расположеніи тѣхъ предметовъ, которые мы хотимъ изучать въ нашемъ трудѣ. Хотя мы избѣгаемъ всякой стѣснительной системы, всякихъ рубрикъ, которыя заставили бы насъ говорить о томъ, что намъ вовсе неизвѣстно; но, тѣмъ не менѣе, мы должны же излагать изучаемыя нами явленія въ нѣкоторомъ порядкѣ. Сначала мы естественно займемся тѣмъ, что нагляднѣе, и изложимъ тѣ физіологическія явленія, которыя считаемъ необходимыми для яснаго пониманія психическихъ. За тѣмъ приступимъ къ тѣмъ психо-физическимъ явленіямъ, которыя, сколько можно судить по аналогіи, общи въ началахъ своихъ какъ человѣку, такъ и животнымъ, и только подъ конецъ займемся чисто психическими, или лучше сказать, *духовными* явленіями, свойственными одному человѣку. Въ заключеніе же всего мы представимъ рядъ педагогическихъ правилъ, вытекающихъ изъ нашихъ психическихъ анализовъ. Сначала мы помѣстили было эти правила вслѣдъ за каждымъ анализомъ того или другого психическаго явленія, но потомъ замѣтили проистекающее отсюда неудобство. Почти всякое педагогическое правило является результатомъ не одного психическаго закона, но многихъ, такъ-что, перемѣшивая этими педагогическими правилами наши психическіе анализы, мы вынуждены были и многое повторять и въ тоже время многаго не досказывать. Вотъ на какомъ основаніи мы рѣшились помѣстить ихъ въ концѣ всего сочиненія, въ видѣ приложенія, понимая вполнѣ справедливость выраженія Бенеке, что „педагогика есть прикладная психологія", и только находя, что въ педагогикѣ прилагаются выводы не одной психологической науки, а и многихъ другихъ, которыя мы перечислили выше. Но, конечно, психологія, въ отношеніи своей приложимости къ педагогикѣ и своей необходимости для педагога, занимаетъ первое мѣсто между всѣми науками.

Въ *первомъ томѣ* „Педагогической Антропологіи", который мы выпускаемъ теперь въ свѣтъ, изложены нами не многочисленныя физіологическія данныя, которыя мы считали необходимыми изло-

жить, и весь *процессъ сознаванія*, начиная отъ простыхъ первичныхъ ощущеній и доходя до сложнаго разсудочнаго процесса.

Во *второмъ томѣ* излагаются процессы *душевныхъ чувствъ*, которые, въ отличіе отъ пяти внѣшнихъ чувствъ называемъ просто *чувствованіями*, а иногда *чувствами душевными*, или чувствами *сердечными* и *умственными* (каковы: удивленіе, любопытство, горе, радость и т п.). Въ этомъ же томѣ, за изложеніемъ процесса желаній и воли, изложимъ мы и духовныя особенности человѣка, оканчивая тѣмъ нашу *индивидуальную* антропологію.

Изученіе человѣческаго общества съ педагогическою же цѣлью потребовало бы новаго, еще большаго труда, для котораго у насъ не достаетъ ни силъ, ни знаній.

Въ *третьемъ томѣ* мы изложимъ въ системѣ, удобной для обозрѣнія, тѣ педагогическія мѣры, правила и наставленія, которыя сами собою вытекаютъ изъ разсмотрѣнныхъ нами явленій человѣческаго организма и человѣческой души. Въ этомъ томѣ мы будемъ кратки, потому что не видимъ никакой трудности для всякаго мыслящаго педагога, изучивъ психическій или физіологическій законъ, вывести изъ него практическія приложенія. Во многихъ мѣстахъ мы будемъ только намекать на эти приложенія, тѣмъ болѣе, что изъ каждаго закона можно вывести ихъ такое же множество, какое множество разнообразныхъ случаевъ представляется въ педагогической практикѣ. Въ этомъ и состоитъ преимущество изученія самыхъ законовъ наукъ, прилагаемыхъ къ педагогикѣ, передъ изученіемъ голословныхъ педагогическихъ наставленій, которыми наполнена большая часть германскихъ педагогикъ. Мы не говоримъ педагогамъ: поступайте такъ или иначе; но говоримъ имъ: изучайте законы тѣхъ психическихъ явленій, которыми вы хотите управлять, и поступайте, соображаясь съ этими законами и тѣми обстоятельствами, въ которыхъ вы хотите ихъ приложить. Не только обстоятельства эти безконечно разнообразны, но и самыя натуры воспитанниковъ не походятъ одна на другую. Можно ли же при такомъ разнообразіи обстоятельствъ воспитанія и воспитываемыхъ личностей предписывать какіе-нибудь общіе воспитательные рецепты? Едва ли найдется хотя одна педагогическая мѣра, въ которой нельзя было бы найти вредныхъ и полезныхъ сторонъ и которая не могла бы дать въ одномъ случаѣ *полезныхъ* результатовъ, въ другомъ *вредныхъ*, а въ третьемъ *никакихъ*. Вотъ почему мы совѣтуемъ педагогамъ изучать сколь возможно тщательнѣе физическую и душевную природу человѣка вообще, изучать своихъ воспитанниковъ и окружающія ихъ обстоятельства, изучать исторію различныхъ пе-

3*

дагогическихъ мѣръ, которыя не всегда могутъ придти на мысль, выработать себѣ ясную положительную цѣль воспитанія и идти неуклонно къ достиженію этой цѣли, руководствуясь пріобрѣтеннымъ знаніемъ и своимъ собственнымъ благоразуміемъ.

Первая часть нашего труда, которую мы теперь выпускаемъ въ свѣтъ, можетъ быть прямо приложена къ дидактикѣ, тогда какъ вторая имѣетъ преимущественное значеніе для воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ. Вотъ почему мы рѣшились выпустить первую часть отдѣльно.

Мы едвали заблуждаемся на счетъ полноты и достоинства нашего труда. Мы ясно видимъ его недостатки: его неполноту и въ то же время растянутость, необработку его формы и безпорядочность содержанія. Мы знаемъ также и то, что онъ выходитъ въ самое несчастное для себя время и не удовлетворитъ многихъ и многихъ.

Трудъ нашъ не удовлетворитъ того, кто смотритъ на педагогику свысока и, не будучи знакомъ ни съ практикой воспитанія, ни съ его теоріею, видитъ въ общественномъ воспитаніи лишь одну изъ отраслей администрація. Такіе судьи назовутъ нашъ трудъ лишнимъ, потому что для нихъ рѣшается все очень легко и даже все давно уже рѣшено въ ихъ умѣ, такъ-что они не поймутъ, о чемъ тутъ собственно толковать и писать такія толстыя книги.

Трудъ нашъ не удовлетворитъ тѣхъ педагоговъ-практиковъ, которые, не вдумавшись еще въ собственное свое дѣло, хотѣли бы имѣть подъ рукою „краткое педагогическое руководство", гдѣ наставникъ и воспитатель могли бы найти для себя прямое указаніе, что̀ они должны дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, не утруждая себя психическими анализами и философскими умозрѣніями. Но еслибы мы дали этимъ педагогамъ требуемую ими книгу, что весьма нетрудно, такъ какъ такихъ книгъ въ Германіи довольно, то она не удовлетворила бы ихъ точно такъ, какъ не удовлетворяются они педагогикой Шварца и Куртмана, переведенной на русскій языкъ, хотя это едва ли не самое полное и не самое дѣльное собраніе педагогическихъ рецептовъ всякаго рода.

Мы не удовлетворимъ тѣхъ преподавателей педагогики, которые желали бы дать своимъ ученикамъ или ученицамъ хорошее руководство для изученія основныхъ правилъ воспитанія. Но мы полагаемъ, что лица, берущіяся за преподаваніе педагогики, дол-

жны очень хорошо понимать, что выучиваніе педагогическихъ правилъ не приноситъ никому никакой пользы и что самыя правила эти не имѣютъ никакихъ границъ: всѣ ихъ можно умѣстить на одномъ печатномъ листѣ, и изъ нихъ можно составить нѣсколько томовъ. Это одно уже показываетъ, что главное дѣло вовсе не въ изученіи правилъ, а въ изученіи тѣхъ научныхъ основъ, изъ которыхъ эти правила вытекаютъ.

Трудъ нашъ не удовлетворитъ тѣхъ, кто, принимая такъ называемую *позитивную* философію за послѣднее слово европейскаго мышленія, полагаетъ, быть можетъ, не испробовавъ на дѣлѣ, что эта философія довольно зрѣла для того, чтобы ее можно уже было приложить къ практикѣ.

Трудъ нашъ не удовлетворитъ, тѣхъ идеалистовъ и систематиковъ, которые думаютъ, что всякая наука должна быть системою истинъ, развивающихся изъ одной идеи, а не собраніемъ фактовъ, группированныхъ на столько, на сколько позволяютъ сами эти факты.

Трудъ нашъ не удовлетворитъ, наконецъ, тѣхъ психологовъ-спеціалистовъ, которые подумаютъ, и *весьма справедливо*, что для писателя, берущагося за изложеніе психологіи и при томъ не одной какой-нибудь психологической теоріи, а желающаго выбрать изъ всѣхъ то, что можно считать фактически вѣрнымъ, слѣдовало бы имѣть побольше познаній и поглубже вдумываться въ изучаемый предметъ. Вполнѣ соглашаясь съ такими критиками, мы первые съ радостью встрѣтимъ ихъ собственный трудъ, болѣе полный, болѣе ученый и болѣе основательный; а насъ пусть извинятъ за эту первую попытку, именно потому, что она *первая*.

Но мы надѣемся принести положительную пользу тѣмъ людямъ, которые, избравъ для себя педагогическую карьеру и прочитавъ нѣсколько теорій педагогики, почувствовали уже необходимость основывать ея правила на психическихъ началахъ. Мы знаемъ, конечно, что прочтя психологическія сочиненія или Рида, или Локка, или Бенеке, или Гербарта, можно уже глубже войти въ психологическую область, чѣмъ прочтя нашу книгу. Но мы думаемъ также, что, по прочтеніи нашей книги, теоріи великихъ психологическихъ писателей будутъ понятнѣе для того, кто приступаетъ къ изученію этихъ теорій; а можетъ быть, кромѣ того, книга наша удержитъ отъ увлеченій тою или другою теоріею и покажетъ, что должно пользоваться ими всѣми, но не увлекаться ни одною въ такомъ практическомъ дѣлѣ, каково воспитаніе, гдѣ всякая односторонность обнаруживается практическою ошибкою. Книга наша назначается не для психологовъ-спеціалистовъ, но для педагоговъ, сознав-

шихъ необходимость изученія психологіи для ихъ педагогическаго дѣла. Если же мы облегчимъ кому-нибудь изученіе психологіи съ педагогическою цѣлью, и поможемъ ему подарить русское воспитаніе книгою, которая далеко оставитъ за собою нашу первую попытку, то трудъ нашъ не пропадетъ даромъ.

7-го декабря 1867 года *). К. Ушинскій.

---

*) Предисловіе это было написано покойнымъ къ *первому* изданію «Антропологіи».

ЧЕЛОВѢКЪ КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГІЯ.

ГЛАВА I.

Объ организмахъ вообще.

1. Слово *воспитаніе* прилагается не къ одному человѣку, но также къ животнымъ и растеніямъ, а равно и къ историческимъ обществамъ, племенамъ и народамъ, т. е. *къ организмамъ* всякаго рода, и воспитывать, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, значитъ способствовать развитію какого нибудь организма посредствомъ свойственной ему пищи, матеріальной или духовной.

Понятія *организма* и *развитія* являются, слѣдовательно, основными понятіями воспитанія и мы должны предварительно ознакомиться съ точнѣйшимъ смысломъ этихъ понятій; а потому и поставимъ себѣ прежде всего вопросы: что такое организмъ и органическое развитіе?

Всѣ существа окружающаго насъ міра распадаются на двѣ большія группы: существъ неорганическихъ и органическихъ. Это различіе такъ очевидно, что мы, безъ большаго труда, съ перваго же взгляда, отличаемъ неорганизмы отъ организмовъ, причисляя къ первымъ всѣ вещи, сдѣланныя руками человѣка, а равно и всѣ произведенія природы, не показывающія присутствія въ нихъ никакого органическаго плана, никакихъ органовъ и никакой самостоятельной, изнутри идущей силы развитія, каковы: камни, земли, металлы, газы, жидкости и т. п. Къ организмамъ мы относимъ всѣ растенія, начиная отъ самой простой водоросли, всѣхъ животныхъ, начиная съ микроскопической инфузоріи, представляющей собою одну живую *клѣточку*, относимъ человѣка въ его индивидуальности и историческія общества людей, племена, народы и государства, въ которыхъ также, какъ и въ единичныхъ существахъ,

мы замѣчаемъ основной органическій планъ, органы и силу самостоятельнаго развитія плана, выраженнаго въ соотношеніяхъ этихъ органовъ.

2. Изыскивая начала, по которымъ мы одни существа признаемъ за организмы, а другія нѣтъ, мы замѣтимъ, что называемъ организмомъ всякое существо, одаренное самостоятельною внутреннею силою развитія и органами, посредствомъ которыхъ эта сила выполняетъ органическій планъ существа. «Причина и цѣль существованія каждаго органа, говоритъ Кантъ, заключается въ цѣломъ организма; а цѣлое организма живетъ въ своихъ органахъ.»

Это соотношеніе между цѣлымъ организма и его органами, составляющее планъ организма, не мертвое, но живое соотношеніе, выполняемое присущею организму силою развитія, и составляетъ отличительный признакъ организмовъ отъ неорганизмовъ. На какія бы мелкія части мы ни дѣлили камень, газъ и всякій химическій элементъ, каждая изъ этихъ частей покажетъ всѣ существенныя свойства цѣлаго и будетъ отъ него отличаться только по объему и вѣсу, будетъ такимъ же, какъ и цѣлое, газомъ, камнемъ, химическимъ элементомъ. Не то мы видимъ въ организмахъ: чѣмъ организмъ совершеннѣе, тѣмъ менѣе имѣютъ самостоятельности его органы, тѣмъ болѣе раздѣленъ между ними трудъ развитія и жизни, тѣмъ болѣе органы принадлежатъ цѣлому и цѣлое своимъ органамъ.

Растеніе уже имѣетъ отдѣльные органы, посредствомъ которыхъ совершается его развитіе и размноженіе; но раздѣленіе труда между этими органами еще не выразилось вполнѣ: они, въ своей дѣятельности и въ своемъ устройствѣ, во многомъ повторяютъ другъ друга, и почка, смотря по обстоятельствамъ, можетъ развиться въ листокъ, дать начало новой вѣткѣ или образоваться въ цвѣтокъ. Въ породахъ низшихъ животныхъ, въ которыхъ жизнь проявляется едва замѣтно, какъ напримѣръ, въ дождевомъ червѣ, мы видимъ то же повтореніе органовъ, а потому можемъ поперегъ разрѣзать червя на нѣсколько кусочковъ и каждая изъ частей примется жить и расти самостоятельно. Но чѣмъ выше организмъ, тѣмъ невозможнѣе становится дробленіе его на части съ сохраненіемъ жизни въ частяхъ, или отдѣленіе первостепенныхъ, неповторяющихся органовъ, каковы: сердце, легкія и проч., безъ уничтоженія жизни цѣлаго организма.

3. Такимъ образомъ, вдумываясь внимательнѣе въ существенное отличіе всякаго организма, мы видимъ, что въ немъ соединяются три особенности: 1) общій организму планъ устройства, развитія и жизни; 2) органы, живущіе въ цѣломъ и цѣлое въ своихъ органахъ, и 3) сила развитія, отъ чего бы она ни зависѣла, выполняющая общій планъ развитія. Органы въ организмѣ и планъ, по которому располагаются и развиваются органы, составляющіе организмъ, дѣло видимое и безспорное; но о *силѣ развитія*, которую мы признаемъ присущею всѣмъ организмамъ,—и растительнымъ, и животнымъ, слѣдуетъ, для удаленія недоразумѣній, сказать нѣсколько словъ.

4. Прежнее понятіе о *«жизненной силѣ»*, какъ о какомъ-то отдѣльномъ существѣ, непостижимою дѣятельностью котораго объясняли все, чему причины не знали въ организмѣ,—теперь, какъ кажется, навсегда оставлено и съ большою пользою для науки, которой, во всякомъ случаѣ, лучше прямо имѣть дѣло съ нерѣшенными вопросами, чѣмъ съ обманчивыми объясненіями. Но ошибочно было бы думать, что съ удаленіемъ прежняго термина—*жизненной силы* мы *уже* можемъ замѣнить его другимъ, взятымъ изъ области химіи или механики. Вотъ какъ отзывается объ этомъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ жизненной силы, знаменитый французскій физіологъ Клодъ-Бернардъ: «Жизнь есть твореніе, организмъ—машина, необходимо совершающая свои отправленія въ силу физико-химическихъ свойствъ составляющихъ ея элементовъ. Мы различаемъ въ настоящее время три порядка свойствъ, обнаруживаемыхъ въ явленіяхъ живыхъ существъ: свойства физическія, химическія и жизненныя. *Это послѣднее названіе свойствъ жизненныхъ существуетъ только пока*; ибо мы называемъ жизненными тѣ органическія свойства, которыя мы не могли еще свести на физико-химическія соображенія; но нѣтъ сомнѣнія, что мы этого когда нибудь достигнемъ». (Слѣдовательно это только pia desideria науки). Нѣсколько далѣе: «Когда цыпленокъ развивается въ яйцѣ, то вовсе не образованіе животнаго тепла, разсматриваемое какъ группировка химическихъ элементовъ, существенно характеризуетъ жизненную силу. Это группированіе совершается только вслѣдствіе законовъ, которые управляютъ физико-химическими свойствами матеріи; но что существенно принадлежитъ жизни, и что не принадлежитъ ни физикѣ, ни химіи, ни чему другому—это *идея*, управляющая этимъ жизненнымъ развитіемъ. *Во всякомъ живомъ зародышѣ есть творящая идея*, которая развивается и обнаруживается въ организаціи. Впродолженіе всего своего существованія, живое существо остается подъ вліяніемъ этой самой творящей жизненной силы, и смерть наступаетъ, когда она не можетъ болѣе реализироваться. Здѣсь, какъ повсюду, все исходитъ отъ идеи, которая одна только творитъ и управляетъ. Физико-химическія средства обнаруженія общи всѣмъ явленіямъ природы и остаются смѣшанными, какъ попало, какъ азбучныя буквы въ ящикѣ, гдѣ нѣкоторая сила отыскиваетъ ихъ, чтобы выразить самыя разнообразныя мысли или механизмы» [1]).

Что такое въ сущности эта *новая жизненная идея*, которая и творитъ организмъ, и «сохраняетъ существо, возстановляя живыя части, дезорганизованныя дѣятельностью или разрушаемыя случайностями и

---

[1]) Введеніе въ опытную медицину. Клодъ-Бернардъ. 1866. Перев. Страхова, стр. 120 и 121. По поводу послѣдняго выраженія невольно приходятъ на мысль слова Руссо: «Si l'on venait me dire que des caractéres d'imprimerie projetés au hasard ont donné l'Eneide tout arrangée, je ne daignerais pas fair un pas pour aller vérifier le mensonge». (Emile. Liv. IV, p. 307).

болѣзнями [1])»—этого, конечно, физіологъ не анализируетъ. Но если это и идея, то, конечно, какъ замѣтилъ еще знаменитый физіологъ Мюллеръ, существенно отличная отъ нашей, которая собственно ничего не творитъ [2]). Вотъ почему мы считаемъ лучшимъ удержать выраженіе—*сила развитія*, выражая при этомъ увѣренность, хотя еще и немогущую превратиться въ фактъ науки, что эта сила принадлежитъ плану организма, т. е. устройству органическаго зародыша: его механическимъ, химическимъ и физическимъ свойствамъ. Но при этомъ, какъ уяснится ниже, мы совершенно отличаемъ *душу*, принадлежность *существъ одушевленныхъ*, отъ *силы развитія*, принадлежащей одинаково какъ растительнымъ, такъ и одушевленнымъ организмамъ. Мы принимаемъ терминъ—*сила развитія*, нисколько не скрывая всего, что есть загадочнаго и темнаго въ этомъ терминѣ; но, *пока*, наука не можетъ обойтись безъ этого или подобнаго ему термина [3]).

5. Въ безчисленномъ множествѣ извѣстныхъ намъ организмовъ мы, прежде всего, различаемъ два отдѣла: организмы *единичные* и организмы *общественные*.

Органы единичныхъ организмовъ, растеній, животныхъ и человѣка, *матеріально связаны между собою* въ пространствѣ и времени; органы же общественныхъ организмовъ представляются намъ отдѣльными органическими существами въ пространствѣ и времени, связанными между собою не матеріальною связью, но условіями развитія и жизни. Такъ,

---

[1]) Клодъ-Бернардъ, стр. 122.

[2]) Manuel de Physiologie, par J. Muller. 1845. T. II. p. 97, 483, 492.

[3]) Правда, матеріалистическія теоріи дѣлали такую попытку; но она совершенно неудалась и самые яростные матеріалисты и контрвиталисты невольно прибѣгаютъ къ этому или подобнымъ терминамъ, закрывающимъ пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ. Такъ напр., докторъ Пидеритъ въ своей брошюрѣ «Мозгъ и духъ» говоритъ: «Словомъ *душа* обозначаю я *пластическую, образующую силу*, которая выстраиваетъ организмъ и, впродолженіи жизни, сдерживаетъ въ свойственной ему формѣ *полную таинственности* силу, которая, будучи скрыта въ органическомъ зародышѣ и съ нимъ связана, проявляется мало по малу въ сообразномъ плану и цѣлесообразномъ развитіи организма. По мѣрѣ того, какъ эта сила, при благопріятныхъ обстоятельствахъ привязываетъ къ себѣ и подчиняетъ своей цѣли годные для употребленія матеріалы (brauchbare Stoffe), съ присущими имъ силами,— возникаютъ органы тѣла, которые, посредствомъ взаимнаго вліянія, условливаютъ жизненныя проявленія организма». Gehirn und Geist, Dr. Piderit. Leipz. Heidelb. 1863. s. 4). Далѣе еще г. Пидеритъ фантазируетъ какую-то—Urseele, какъ силу, производящую жизненныя явленія во всемъ органическомъ твореніи. Это едва-ли не значитъ уйти гораздо далѣе виталиста *Кювье*, который тоже конечно не разумѣлъ подъ *жизненною силою* какого-то слѣпаго и, въ тоже время, не по законамъ природы творящаго существа.

напримѣръ, въ пчелинномъ роѣ каждая пчела представляется намъ отдѣльнымъ органическимъ существомъ; но ея происхожденіе, развитіе и жизнь условливаются общею жизнью роя и внѣ его невозможны; а самый рой представляетъ намъ образчикъ весьма стройнаго и сложнаго общественнаго организма, всѣ связи котораго возникли изъ такъ называемаго инстинкта составляющихъ его насѣкомыхъ. Происхожденіе этихъ общественныхъ организмовъ также скрыто отъ нашей любознательности въ тайнахъ творенія, какъ и происхожденіе организмовъ единичныхъ. Слѣды общественныхъ организмовъ мы замѣчаемъ уже въ царствѣ растительномъ, въ такъ называемыхъ двудомныхъ растеніяхъ, но гораздо болѣе въ царствѣ животныхъ и еще болѣе въ царствѣ людей. Семейство, родъ, племя, народъ, государство представляются намъ такими общественными органическими существами, и наконецъ весь родъ человѣческій есть одинъ великій общественный организмъ, покрывшій собою весь земной шаръ и существованіе котораго продолжается уже многія тысячелѣтія.

6. Въ организмахъ единичныхъ органы не только связаны матеріально въ одно матеріально-цѣлое, но и живутъ только для выполненія назначенія цѣлаго существа. Въ организмахъ общественныхъ, наоборотъ, цѣлое, соединенное нематеріальными условіями необходимости, заключенными въ каждомъ матеріально-отдѣльномъ органѣ, живетъ исключительно для своихъ органовъ или для тѣхъ отдѣльныхъ органическихъ существъ, которыя являются его органами, для того, чтобы дать имъ возможность существованія, жизни и развитія. Это справедливо въ отношеніи пчелинаго роя, справедливо и въ отношеніи человѣческихъ обществъ. Взгляните на жизнь отдѣльнаго человѣка и вы убѣдитесь, что не только существованіе его и первый возрастъ необходимо условливаются семействомъ, но что и все дальнѣйшее развитіе его и даже самая способность языка зависятъ вполнѣ отъ жизни посреди того народа, къ которому онъ принадлежитъ, и посреди рода человѣческаго, однимъ изъ органовъ котораго является народъ.

Органы тѣлеснаго организма имѣютъ свою цѣль въ цѣломъ: цѣлое общественнаго организма имѣетъ свою цѣль въ органахъ; такъ семья, племя, народъ, государство, человѣчество имѣютъ свою цѣль въ личности отдѣльныхъ людей.

ГЛАВА II.

Существенныя свойства растительнаго организма.

1. Русскій языкъ весьма логически выражаетъ сущность *растительныхъ* организмовъ самымъ названіемъ ихъ — *растенія*: они *растутъ*, т. е. увеличиваются въ объемѣ и умножаются въ числѣ и — только: все ихъ значеніе состоитъ единственно въ этомъ ростѣ, увеличиваніи и

размноженія; къ этому приспособлены и всѣ ихъ органы, посредствомъ которыхъ они питаются и размножаются. Впродолженіе всего своего существованія, растеніе само увеличивается въ объемѣ и даетъ новыя вѣтви или новыя сѣмена подобныхъ же растеній. По прекращеніи-же растительнаго процеса, растеніе перестаетъ существовать, какъ отдѣльный организмъ: засыхаетъ, гніетъ, разлагается на составлявшіе его химическіе элементы.

2. *Животное*, хотя растетъ и размножается, какъ растеніе, и въ этомъ отношеніи должно быть поставлено въ одну категорію съ растеніями, но въ животномъ, кромѣ растительныхъ органовъ и процессовъ, есть еще *процессы жизненные*, процессы *чувства* и *движенія*, и органы, выполняющіе именно эти процессы: *нервы*, *органы чувствъ* и *мускулы*. Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что въ животномъ уже заключается растеніе, такъ-что, изучая общія, основныя условія растительнаго организма въ растеніяхъ, мы изучаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ условія растительнаго процесса во всѣхъ другихъ организмахъ: въ животныхъ и въ человѣкѣ, въ которыхъ растительный процессъ только видоизмѣняется сообразно различію идеи организма: въ растеніи—ростъ составляетъ окончательную его цѣль, тогда-какъ въ животныхъ и человѣкѣ онъ только есть подготовленіе къ другимъ, болѣе высокимъ процессамъ. Само растеніе, лишенное чувства своего существованія, существуетъ не для себя (an sich, но не für sich по выраженію Канта), — существуетъ для другихъ растеній (гніеніемъ удобряя почву) и окончательно для животныхъ, которымъ оно подготовляетъ необходимую для ихъ жизни органическую пищу [1]).

3. Мы признаемъ растеніе за организмъ, потому что въ немъ находятся всѣ существенные признаки организма: планъ (или основная идея), органы и сила развитія. Всѣ эти признаки организма существуютъ, непостижимымъ для насъ образомъ, въ зародышѣ каждаго растительнаго и животнаго организма и даже въ простой и, повидимому, однообразной клѣточкѣ, служащей основою всему безконечно-разнообразному растительному и животному царству. Но мы узнаемъ о существованіи этого скрытаго плана и органовъ въ ихъ особенности, свойственной каждому организму, тогда только, когда сила развитія, также заключающаяся въ зародышахъ организмовъ, выведетъ эти особенности наружу и сдѣлаетъ ихъ доступными для нашихъ наблюденій.

4. Но плана органовъ и врожденной зародышу силы развитія еще мало: для того, чтобы развитіе началось и чтобы планъ развитія могъ осуществиться видимымъ для насъ образомъ, необходимъ еще *матерьялъ*, изъ котораго сила развитія могла бы построить организмъ, по плану, скрытому въ зародышѣ. Этотъ матерьялъ даетъ зародышу окружающая его неорганическая природа.

---

[1]) Говоря здѣсь о цѣляхъ, о назначеніи, мы выражаемъ только *фактъ* существующаго соотношенія между организмами.

5. Разлагая химически организмы животныхъ и растеній, наука открыла, что всѣ они состоятъ изъ тѣхъ же простыхъ химическихъ элементовъ, какіе мы находимъ и въ неорганической природѣ: изъ углерода, кислорода, водорода, азота, сѣры, кремнія, желѣза и др., и что если неорганическая природа имѣетъ много элементовъ, не входящихъ въ составъ организмовъ, то органическая не имѣетъ ни одного, котораго не было бы въ неорганической природѣ, въ чистомъ видѣ, или въ химическомъ соединеніи съ другими элементами.

Изъ такого наблюденія весьма логически вытекло убѣжденіе, что всѣ безпрестанно возникающіе вновь, растущіе и развивающіеся безчисленные организмы растеній, животныхъ и людей, берутъ весь свой строительный, вѣсомый матерьялъ единственно изъ неорганической природы, изъ химическихъ элементовъ, составляющихъ воздухъ, воду и поверхность земли, и что въ организмахъ ничто не творится вновь, а только перерабатывается изъ одной формы въ другую, вводятся новыя и новыя химическія соединенія. Словомъ: неорганическій міръ составляетъ единственную *пищу* всѣхъ тѣлесныхъ организмовъ, тотъ матеріалъ, который нуженъ организму, чтобы проявить видимымъ образомъ свой планъ.

6. Разсматривая составныя матеріи растительныхъ и животныхъ организмовъ до ихъ окончательнаго разложенія на простые химическіе элементы (кислородъ, углеродъ и проч.), наука открыла, что эти органическія матеріи, каковы: жиръ, бѣлокъ, фибринъ и проч., сложены изъ простыхъ химическихъ элементовъ вовсе не такъ и не въ тѣхъ пропорціяхъ, какъ эти элементы слагаются въ различныя неорганическія тѣла: камни, воду, земли и проч., но совершенно особеннымъ способомъ, образуя соединенія, встрѣчающіяся только въ организмахъ. Изъ этого изслѣдованія также весьма логически было выведено заключеніе, что органическія соединенія совершаются въ организмахъ подъ вліяніемъ какой-то особенной органической силы, которую мы назвали *силою развитія*, въ отличіе отъ *жизни*, такъ-какъ слово *жизнь* нашъ народный языкъ придаетъ только тѣмъ существамъ, которыя обнаруживаютъ въ своихъ движеніяхъ способность чувства.

7. Усвоеніе организмами неорганическихъ элементовъ и переработка ихъ въ разнообразныя органическія соединенія и составляетъ *процессъ питанія*, посредствомъ котораго каждый организмъ, и животный, и растительный, выполняетъ въ дѣйствительности свой планъ развитія.

8. Первоначально пускаютъ въ органическій оборотъ неорганическіе элементы одни растенія, да и тѣ, большею частію, для превращенія неорганическихъ элементовъ въ органическіе, нуждаются уже въ готовыхъ органическихъ элементахъ: въ почвѣ, болѣе или менѣе обладающей органическими остатками, т. е. въ удобреніи. Какъ произошли первыя органическія матеріи, это остается тайною созданія; но въ настоящее время удобреніе дается гніющими, разлагающимися тѣлами растеній и животныхъ. Животныя же для своего питанія нуждаются уже въ подготовленныхъ другими организмами органическихъ соединеніяхъ: питаются или

растительною пищею, какъ всѣ травоядныя, или животною, поглощая одни другихъ.

9. Если разрѣжемъ пополамъ сѣмя растенія, напримѣръ, ржи, то увидимъ внутри его болѣе менѣе ясно обозначившійся *зародышъ*, а вокругъ, такъ называемый, *бѣлокъ* [1]), который есть первая пища, приготовленная зародышу уже въ томъ плодѣ, гдѣ сѣмя созрѣло. Но питаніе зародыша, а вслѣдствіе того и развитіе, начинается только тогда, когда сѣмя будетъ поставлено въ благопріятныя для питанія обстоятельства. Эти благопріятныя для питанія обстоятельства, общія всѣмъ организмамъ, суть:

а) *Влага*, необходимая для того, чтобы привести бѣлокъ, а потомъ послѣдующую пищу въ размягченное или жидкое состояніе.

б) *Надлежащая температура*, дающая возможность движенію соковъ въ зародышѣ и условливающая возможность многихъ химическихъ соединеній.

в) *Воздухъ*, составныя части котораго даютъ обильнѣйшій матерьялъ тѣлу растенія, а черезъ кровь и тѣлу животнаго.

г) *Свѣтъ*, который необходимъ для совершенія важныхъ химическихъ процессовъ въ растительныхъ организмахъ. Взгляните, какъ поворачиваются многіе цвѣты вслѣдъ за солнцемъ, какъ многія растенія раскрываютъ, а другія закрываютъ чашечки своихъ цвѣтовъ, или свертываютъ и развертываютъ свои листья подъ вліяніемъ свѣта, какъ иныя начинаютъ благоухать только вечеромъ, какъ, наконецъ, всѣ вѣтки растенія, стоящаго на окнѣ, направляются мало по малу къ окну, туда, откуда приходитъ къ нему свѣтъ, — и вы поймете, почему и дѣти въ мрачныхъ жилищахъ блѣднѣютъ, растутъ плохо, подвергаются различнымъ болѣзнямъ, въ особенности золотушнымъ, а переведенные въ свѣтлую, освѣщенную солнцемъ комнату, поправляются и оживаютъ какъ цвѣты.

10. Свѣтъ, надлежащая температура, достаточное количество влаги и свѣжаго воздуха составляютъ необходимыя условія усвоенія организмомъ пищи, т. е. питанія, а слѣдовательно и развитія не только растеній, но животныхъ и человѣка, потому что растительный или, собственно, питательный процессъ—который, вмѣстѣ съ воспроизводительнымъ, и составляетъ весь растительный—вездѣ остается одинъ и тотъ-же: и въ растеніи, и въ животномъ, и въ человѣкѣ, только видоизмѣняясь сообразно особенной идеѣ каждаго организма.

11. Мы сказали уже, что планъ развитія каждаго организма и сила, двигающая это развитіе, скрыты отъ нашихъ наблюденій въ зародышѣ, слѣдовательно мы не можемъ *тамъ* дѣйствовать на нихъ и должны предоставить ихъ мудрости природы. Но въ пищѣ, которою питается растительный организмъ, и обстоятельствахъ, способствующихъ процессу

---

[1]) Нѣкоторыя растенія не имѣютъ въ сѣменахъ бѣлка; но ботаническія подробности не нужны для нашей цѣли.

питанія и развитія, открывается обширное поприще произвольному вліянію человѣка.

12. Множество явленій убѣждаетъ насъ, что растительные организмы, съ перемѣною почвы, климата и вообще положенія своего въ окружающей природѣ, не только развиваются болѣе или менѣе скудно, или полно и роскошно, но даже видоизмѣняютъ самыя формы свои, оставляя нетронутымъ только существенный планъ своего организма. Такъ, многія породы растеній и животныхъ, перенесенныя въ другой климатъ, перерождаются. Подмѣчая законы этихъ перерожденій, человѣкъ научился по произволу своему, сообразно своимъ потребностямъ и прихотямъ, видоизмѣнять породы растеній и животныхъ и большая часть цвѣтовъ, которыми мы любуемся въ нашихъ цвѣтникахъ и оранжереяхъ, являются столько же созданіями природы, сколько и созданіями искусства. Этого достигаетъ человѣкъ отчасти возможностью оказывать нѣкоторыя вліянія на воспроизводительный процессъ растительныхъ организмовъ, отчасти вліяніемъ своимъ на пищу и обстоятельства, дѣлающія питаніе возможнымъ: влагу, температуру и свѣтъ. Если же растительный организмъ уже рѣшительно не можетъ выносить новаго климата и человѣкъ не можетъ пріучить его мало по малу къ новымъ климатическимъ условіямъ, тогда онъ создаетъ ему климатъ искусственный: теплицу, оранжерею, звѣринецъ.

13. При этомъ перерожденіи организмовъ замѣчено, что оно совершается не разомъ, не въ одномъ индивидуумѣ, но послѣдовательно, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, изъ которыхъ каждое послѣдующее поколѣніе измѣняется болѣе предшествующаго, пока, наконецъ, растительный организмъ не достигнетъ той нормы, при которой его существованіе въ новомъ климатѣ, при новой пищѣ и при новыхъ условіяхъ питанія, сдѣлается совершенно возможнымъ и обезпеченнымъ. Такъ, нѣкоторыя растенія, перенесенныя въ новыя климатическія условія, даютъ въ первый годъ тѣ же плоды, какіе давали и на родинѣ, во второй—нѣсколько измѣняютъ свои формы, а изъ сѣмянъ третьяго или четвертаго года выходитъ уже совершенно перерожденное растеніе.

14. Изъ всѣхъ развитыхъ органическихъ существъ человѣкъ едва ли оказывается не самымъ способнымъ къ перенесенію разнообразнѣйшихъ климатическихъ условій. Самая близкая къ человѣку, по своему физическому устройству, порода животныхъ, а именно обезьяны, въ которыхъ матеріалисты не разъ пытались найти нашихъ прародителей, ограничена въ своемъ распространеніи самыми тѣсными предѣлами жаркаго климата, и оказывается менѣе способною къ акклиматизаціи въ умѣренныхъ странахъ, чѣмъ многія другія животныя; тогда какъ человѣкъ распространенъ отъ полярныхъ до экваторіальныхъ странъ и совершенно удобно выноситъ жизнь на 1,500 ф. ниже морскаго уровня (берега Мертваго моря) и на 12,000 ф. выше (Квито). Кромѣ того, какъ замѣтилъ еще Гумбольдтъ, европейская расса оказывается самою способною къ акклиматизаціи. Но это послѣднее обстоятельство,

а равно и распространеніе американской рассы по всѣмъ поясамъ, наводитъ на мысль, что самая эта способность акклиматизаціи есть способность не совсѣмъ прирожденная, а отчасти выработанная жизнью, т. е. духомъ человѣка въ его воздѣйствіи на тѣло[1]). Однако же перемѣна климатическихъ условій не остается безъ вліянія на видоизмѣненіе человѣческаго организма. Породы людей, точно также какъ и породы растеній, перерождаются подъ новымъ небомъ и при новыхъ условіяхъ пищи и жизни, хотя люди остаются людьми и подъ экваторомъ, и подъ полюсами, при употребленіи роскошнѣйшаго и разнеобразнѣйшаго стола и при скудной пищѣ эскимоса [2]).

15. Не только климатъ и мѣстность, но болѣе или менѣе грубый или утонченный образъ жизни, въ томъ же климатѣ и той же мѣстности, оказываютъ ощутительное вліяніе на человѣческую породу, вызываемое, можетъ быть, съ полною ясностью только въ пятомъ, шестомъ, десятомъ поколѣніи. Такъ, вмѣстѣ съ цивилизаціей, видоизмѣняется и самый организмъ людей, и внѣшній ихъ видъ; такъ мы видимъ даже, что люди, принадлежащіе къ одной народности, но къ различнымъ сословіямъ, пріобрѣтаютъ чрезъ нѣсколько поколѣній нѣкоторыя физическія особенности. Въ этой возможности произвольнаго вліянія на перерожденіе людскихъ поколѣній выказывается вся важность общихъ въ народѣ или въ какомъ нибудь его сословіи воспитательныхъ правилъ и воспитательныхъ мѣръ. Такъ, изнѣженное, удалившееся отъ природы воспитаніе не разъ вело за собою изнѣженность и вырожденіе цѣлыхъ поколѣній.

16. Какъ далеко можетъ идти такое перерожденіе человѣческаго организма подъ вліяніемъ климатическихъ, пищевыхъ и вообще жизненныхъ условій—этого наука еще не опредѣлила. Въ естествознаніи Ламаркъ и Дарвинъ, а въ философіи Шоппенгауеръ не видятъ границъ возможности такого перерожденія организмовъ. Но, признавая такое расширеніе этой мысли, по крайней мѣрѣ, преждевременнымъ и несоотвѣтствующимъ фактамъ, которыми до сего времени обладаетъ наука, мы, тѣмъ не менѣе, видимъ, что измѣненія, которымъ подвергается человѣческій организмъ въ разныхъ климатахъ и при различномъ образѣ жизни, идутъ очень глубоко. Не только цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ, ростъ, относительная величина членовъ тѣла, величина и сила мускуловъ, тем-

---

[1]) Любопытныя подробности объ акклиматизаціи различныхъ человѣческихъ рассъ и племенъ см. въ сочиненіи Вайца: Antropologie der Naturvölker von Th. Waitz. Leipz. 1859. Erst T. S. 144 и др.

[2]) Одна и та-же порода животныхъ, перенесенная изъ теплыхъ или умѣренныхъ странъ въ холодныя, показываетъ большую убыль «въ величинѣ, быстротѣ роста и половаго развитія, плодовитость также уменьшается; тогда какъ ростъ волосъ и перьевъ, а равно жировыя отложенія увеличиваются; пестрые же цвѣта по большей части смѣняются однообразными и преимущественно бѣлымъ». См. Waitz. Erst T. S. 41.

пература, но даже самая форма черепа и форма мозга измѣняются. Жители Огненной земли и Лапландіи, не смотря на все, неподлежащее сомнѣнію, различіе своего происхожденія, имѣютъ много сходства, которое должно быть приписано ихъ одинаковой близости къ полюсамъ [1]). Наоборотъ, Бушмэны, хотя принадлежатъ къ одному племени съ Готтентотами, но загнанные своими врагами въ скалистую и неплодородную страну и принужденные питаться кореньями, муравьями, саранчой, змѣями и т. п., выродились въ племя, гораздо худшее по формаціи, чѣмъ Готтентоты, и поражающее путешественника своимъ безобразіемъ и близостью къ животнымъ. Тѣ же Бушмэны въ плодородной странѣ, къ сѣверо-востоку отъ озера Нгами, образовали сильное и красивое племя [2]).

17. Изъ этого мы видимъ, что на развитіе растительнаго организма въ индивидуальномъ человѣкѣ и болѣе или менѣе полное раскрытіе его можетъ оказывать произвольное вліяніе другой человѣкъ, посредствомъ тѣхъ же агентовъ, которые давали ему власть надъ растеніями и надъ животными, т. е. посредствомъ пищи, воздуха, температуры и свѣта, —словомъ, посредствомъ произвольнаго вліянія на процессъ питанія, который, сравнительно съ процессомъ питанія въ растеніяхъ, только видоизмѣняется въ человѣкѣ, но требуетъ также пищи, сообразной организму, и тѣхъ же условій, дѣлающихъ питаніе и развитіе возможными. Правила этого вліянія, сообразно цѣлямъ, для которыхъ назначается растительный организмъ человѣка, составляютъ одинъ изъ отдѣловъ теоріи искусства воспитанія, а именно *воспитаніе физическое*, которое спеціально разработывается медициной.

ГЛАВА III.

Растительный организмъ въ животномъ. Процессъ питанія.

1. Животное питается, растетъ, развивается изъ зародыша по плану, вложенному въ него Создателемъ, какъ и всякій другой растительный организмъ; но существеннымъ отличіемъ животнаго отъ растенія является присутствіе въ немъ *жизни*, т. е. способности ощущеній и соотвѣтствующихъ имъ движеній. Мы видимъ, конечно, движеніе и въ растеніяхъ: такъ, нѣкоторыя изъ нихъ, при прикосновеніи къ нимъ, свертываютъ свои листья, другія обращаются своими цвѣтами къ солнцу; такъ, сѣмя, посаженное въ землю, переворачивается, обращаясь стебелькомъ кверху, а корешкомъ книзу; но всѣ эти движенія растеній происходятъ не вслѣдствіе ощущеній, а вслѣдствіе болѣе или менѣе объясненныхъ химическихъ и механическихъ причинъ. Въ животномъ-же

---

[1]) Antrop. der Naturvölk. von Waitz. Erst T. S. 54.

[2]) Ibid, S. 63.

движеніе есть только форма выраженія ощущенія, и безъ движенія мы не могли бы убѣдиться въ томъ, что животное имѣетъ ощущеніе. Но и въ животномъ, какъ въ растеніи, есть много движеній, не сопровождаемыхъ ощущеніемъ и не зависящихъ отъ ощущенія; таковы всѣ движенія, сопровождающія растительный или питательный процессъ въ животномъ, какъ-то: ростъ, обращеніе крови, біеніе сердца, червеобразное движеніе желудка, отчасти дыханіе, на которое имѣетъ вліяніе произволъ, хотя оно также совершается и само собою.

2. Что такое чувствуетъ въ животномъ и что является первою причиною его произвольныхъ движеній — *мы не знаемъ*, и *жизнь*, отличающая животное отъ растеній, доступна намъ только или въ нашемъ собственномъ сознаніи, или въ своихъ проявленіяхъ на предметахъ, подверженныхъ нашимъ ощущеніямъ. Движенія животнаго производятъ измѣненія въ ощущаемыхъ нами. предметахъ и по движеніямъ мы заключаемъ объ ощущеніяхъ, которыми эти движенія произведены. Кромѣ того, мы судимъ объ ощущеніяхъ по тѣмъ движеніямъ жизни, которыя совершаются въ насъ самихъ; но что̀ такое ощущаетъ и въ насъ самихъ, намъ *также совершенно неизвѣстно*.

3. Мы замѣчаемъ только, что это ощущающее существо жизни тѣсно связано съ *нервнымъ организмомъ*, который является единственнымъ орудіемъ для проведенія впечатлѣній отъ предмета ощущаемаго къ существу ощущающему и движеній отъ существа, рѣшающагося на движеніе, къ предмету, на которомъ движеніе проявляется. Нервный организмъ есть орудіе жизни, оживляющей царство животныхъ, а потому и составляетъ исключительную принадлежность животнаго организма или, сказать точнѣе, всю сущность животнаго; все же остальное въ животномъ есть только видоизмѣненіе растительнаго организма, сообразное съ его новымъ назначеніемъ—служить питательною почвою, оболочкою и орудіемъ для проявленія дѣятельности нервнаго организма и черезъ него всѣхъ способностей, скрывающихся въ существѣ жизни. Такъ животное видитъ собственно черезъ нервы глаза; но глазъ, со всѣмъ своимъ удивительнымъ устройствомъ, необходимъ только для того, чтобы отразить на сѣтчатой оболочкѣ глазнаго нерва видимый предметъ; такъ слуховой органъ весь приспособленъ къ тому, чтобы, сосредоточивая звуковыя волны воздуха, вѣрно и вполнѣ сообщать ихъ колебаніе слуховымъ нервамъ; такъ кожа является необходимымъ условіемъ для того, чтобы осязательный нервъ получилъ впечатлѣніе осязанія. Точно также всѣ произвольные мускулы приспособлены къ тому, чтобы двигательные нервы могли посредствомъ ихъ приводить въ движеніе различные члены тѣла и, наконецъ, весь питательный процессъ въ животномъ, по окончаніи періода роста, имѣетъ единственною цѣлію своею постоянное обновленіе тѣла, истощаемаго дѣятельностію нервнаго организма.

4. Пока животное растетъ и развиваетъ свои органы, т. е. подчиняется общему процессу съ растеніемъ, до тѣхъ поръ и питательный

процессъ въ немъ имѣетъ двѣ цѣли: *во первыхъ*, доставлять матерьялъ, необходимый для матерьяльнаго развитія организма и устройства всѣхъ необходимыхъ ему органовъ, а *во вторыхъ*, обновлять тѣло, истощаемое дѣятельностію нервовъ, истощаемыхъ въ свою очередь проявленіями жизни, которыя начинаются въ организмѣ задолго до окончанія роста и вскорѣ за началомъ развитія. Но когда ростъ животнаго организма достигнетъ положенныхъ животному предѣловъ, когда оно разовьетъ всѣ свои органы въ ихъ нормальномъ видѣ, тогда питательный процессъ весь направляется къ подновленію тѣла, постоянно истощаемаго жизненною дѣятельностію, которая потому вполнѣ и проявляется только въ то время, когда ростъ животнаго уже конченъ и всѣ органы его приняли свой нормальный видъ. Конечно, весь этотъ процессъ въ различныхъ животныхъ совершается различно; но мы, имѣя въ виду только живой организмъ человѣка, говоримъ преимущественно объ однѣхъ высшихъ породахъ, наиболѣе приближающихся къ человѣку.

5. Въ растеніи, слѣдовательно, питательный процессъ имѣетъ единственнымъ результатомъ *ростъ*, т. е. увеличеніе въ объемѣ и размноженіе, или иначе: безпрестанную обработку неорганическихъ матерьяловъ въ органическіе и разлагающихся органическихъ въ новые органическіе. Въ животныхъ же питательный процессъ доставляетъ матерьялъ не для одного роста и размноженія, но и для проявленій жизни; а потому и самый этотъ процессъ значительно видоизмѣняется.

Мы выше сказали, что животные организмы питаются органическими соединеніями, подготовленными уже въ организмахъ растеній или другихъ животныхъ, а потому и принимаютъ ихъ не въ видѣ газовъ или совершенныхъ жидкостей, какъ растенія; но по большей части въ сложныхъ комбинаціяхъ готовыхъ тѣлъ, растительныхъ и животныхъ. Прежде чѣмъ усвоить ихъ себѣ, животный организмъ долженъ, слѣдовательно, привести ихъ въ тотъ видъ, въ которомъ они могли-бы быть имъ усвоены: разложить ихъ на составные элементы и ввести эти элементы въ новыя комбинаціи, организму свойственныя; а для этого животный организмъ, сколько нибудь совершенный, нуждается въ особенномъ, сложномъ пищеварительномъ органѣ, средоточіемъ котораго является желудокъ. Присутствію желудка въ животномъ соотвѣтствуетъ также способность животнаго перемѣнять мѣсто и та необходимость отыскивать и выбирать себѣ свойственную пищу между растеніями и животными, въ которую поставленъ всякій, сколько нибудь совершенный, животный организмъ.

6. Въ желудкѣ и кишкахъ растительная и животная пища, съ помощію особенной желудочной жидкости, желчи, сока поджелудочной железы, воды и болѣе или менѣе высокой температуры, которою обладаетъ желудокъ, подвергается различнымъ механическимъ, физическимъ и химическимъ измѣненіямъ, въ которыхъ всѣ элементы пищи, способные питать тѣло, принимаютъ видъ, удобный для всасыванія кровеносными сосудами, а неспособные извергаются вонъ.

7. Приготовленный въ желудкѣ и кишкахъ новый матерьялъ для крови вносится въ кровь посредствомъ сложной системы всасывающихъ, млечныхъ сосудовъ. *Кровь* и есть именно та жидкость, которая заключаетъ въ себѣ всѣ элементы питанія тѣла животнаго и служитъ къ его безпрестанному возобновленію.

Но, чтобы сдѣлаться совершенно способною къ питанію и возобновленію животнаго организма, кровь должна подвергнуться еще вліянію кислорода воздуха, соединиться съ нимъ, т. е. окислиться. Только по соединеніи съ кислородомъ кровь дѣлается способною питать тѣло и возобновлять всѣ ткани, изъ которыхъ тѣло состоитъ: кости, мускулы, железы, нервы, кожу; поэтому многіе справедливо и называютъ кислородъ элементомъ, придающимъ крови жизнь.

8. Это необходимое окисленіе крови, послѣ котораго она изъ *венозной* или темнокрасной превращается въ яркокрасную, *артеріальную*, совершается въ легкихъ, въ которыхъ кровь соприкасается съ атмосфернымъ воздухомъ въ процессѣ, извѣстномъ подъ именемъ дыханія. Въ породахъ высшихъ животныхъ масса крови, требующая окисленія, такъ велика, что для окисленія ея нужна огромная поверхность соприкосновенія крови и воздуха, и эта громадная поверхность дана въ безчисленныхъ трубочкахъ *легкихъ*, особеннаго, весьма обширнаго органа, наполняющаго грудь.

9. Изъ млечныхъ сосудовъ матерьялъ крови поступаетъ въ вены, а черезъ вены въ правую сторону сердца; изъ сердца идетъ въ легкія, гдѣ, окислившись, опять переходитъ въ другую уже часть сердца, и оттуда безпрестанными движеніями, сжатіями и расширеніями этого органа, вгоняется въ артеріи, далѣе развѣтвляющіяся на безчисленные волосные сосуды, проникающіе въ видѣ сѣти всю массу тѣла животнаго.

10. Здѣсь, въ этихъ сосудахъ, совершается питаніе и подновленіе всѣхъ тканей тѣла, такъ-что кости, мускулы, нервы, кожа, железы берутъ изъ крови потребную имъ пищу и извергаютъ въ нее элементы, сдѣлавшіеся негодными отъ употребленія. Кровь уноситъ эти отжившіе элементы въ вены и извергаетъ ихъ вонъ изъ тѣла главнымъ образомъ черезъ дыханіе и черезъ испарину. Въ венахъ прибавляется къ прежней крови новый матерьялъ, выдѣляемый изъ пищи пищеварительнымъ органомъ и вносимый въ вены млечными сосудами, и вся масса крови, какъ съ этими новыми питательными элементами, такъ отчасти и со старыми, уже отжившими, которыхъ кровь еще не успѣла выбросить, стремится опять къ сердцу и опять къ легкимъ и т. д.

11. Такимъ образомъ, въ своемъ постоянномъ, быстромъ круговоротѣ, управляемомъ быстрыми движеніями сердца, кровь приноситъ всему тѣлу новый матерьялъ и увлекаетъ старый, отжившій, что̀ составляетъ совершенно новое явленіе питательнаго процесса, который въ растеніи только увеличиваетъ массу органическаго матерьяла, а не замѣняетъ стараго новымъ. Это же новое направленіе зависитъ отъ необходимости

обновленія животнаго организма. Спрашивается теперь: отчего является самая эта необходимость [1])?

ГЛАВА IV.

Необходимость и особенныя условія возобновленія тканей животнаго организма.

1. Весьма легко замѣтить, что послѣ продолжительнаго и сильнаго дѣйствія какого-нибудь органа, мы чувствуемъ въ немъ утомленіе: такъ, разсматривая долго и пристально какія-нибудь отдаленные или мелкіе предметы, мы чувствуемъ усталость въ глазахъ; такъ, послѣ долгаго и усиленнаго движенія мускуловъ рукъ или ногъ, мы чувствуемъ усталость этихъ мускуловъ. Но мы замѣчаемъ также, какъ, послѣ болѣе или менѣе долгаго отдыха уставшаго органа, усталость его проходитъ и силы возобновляются.

2. Это явленіе, всѣмъ намъ знакомое, ближайшимъ образомъ объясняется тѣмъ, что мускулы, т. е. тѣ органы, посредствомъ сокращенія которыхъ двигательные нервы управляютъ движеніями тѣла, послѣ усиленныхъ движеній, оказываются вялыми, возбуждаются къ сокращенію гораздо слабѣе, и что даже самый химическій составъ ихъ измѣняется. То же самое, по всей вѣроятности, дѣлается и со всѣми другими органами животнаго и съ самыми нервами [2]) и, нѣтъ сомнѣнія, что жизненная дѣятельность производитъ матеріальное измѣненіе во всемъ организмѣ, такъ сказать, потребляетъ его ткани и дѣлаетъ ихъ менѣе и менѣе годными къ выраженію дѣятельности. Вотъ почему жизненная дѣятельность, присущая животному, дѣлаетъ необходимымъ постоянное обновленіе всѣхъ тканей тѣла. Это обновленіе, какъ мы уже видѣли, совершается кровью, которая безпрестанно, посредствомъ проникающей тѣло сѣти кровеносныхъ сосудовъ, приноситъ новый, оживленный кислородомъ матерьялъ ко всѣмъ частямъ тѣла, а въ томъ числѣ и къ тѣмъ, которыя истощены жизненною дѣятельностію, и уноситъ прочь частицы отжившія и сдѣлавшіяся отъ употребленія негодными.

3. Постоянное обновленіе кровью всѣхъ тканей тѣла животнаго одно только и дѣлаетъ его способнымъ выносить дѣятельность жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть достаточно гибкимъ и сильнымъ, чтобы выражать ея проявленія. Безъ такого постояннаго обновленія, животный организмъ

---

[1]) Мы знаемъ, что критика можетъ упрекнуть насъ въ слишкомъ поверхностномъ обзорѣ физіологическихъ процессовъ; но мы желали только указать ихъ значеніе въ жизни человѣка. Кто же захочетъ познакомиться съ ними подробнѣе, тотъ обратится за этимъ, конечно, не къ педагогическому сочиненію.

[2]) Учебн. Физіол. Германа, стр. 185 и 186.

весьма быстро сдѣлался бы негоднымъ для выраженія жизни и, такъ сказать, послѣ перваго же напора ея устремился бы къ разрушенію. И дѣйствительно, остановка, напримѣръ, дыхательнаго процесса на нѣсколько минутъ лишаетъ животное жизни, остановка или даже замедленіе въ питаніи кровью какого-нибудь органа тѣла немедленно производитъ въ этомъ органѣ болѣзнь и можетъ даже парализировать навсегда его отправленія, если ткани, составляющія этотъ органъ, такъ разрушены, что уже не могутъ и возобновиться.

Пищеварительный и кровообращательный процессъ въ животномъ организмѣ есть, слѣдовательно, тотъ же процессъ питанія, который мы видѣли и въ растеніи; но назначеніе его уже другое: изъ него, какъ изъ почвы, постоянно выростаетъ тѣло, постоянно потребляемое жизненною дѣятельностію.

4. Теперь уже понятно то общеизвѣстное явленіе, что если усиленная нервная дѣятельность въ человѣкѣ не сопровождается соотвѣтствующимъ питаніемъ тѣла, то нервы, продолжая дѣйствовать, истощаютъ тѣло, сушатъ его, производятъ худобу. При испорченномъ и недостаточномъ кровообращеніи, напримѣръ, въ грудныхъ болѣзняхъ, нервный организмъ долго еще питается на счетъ тѣла, объемъ котораго замѣтно уменьшается. Здоровое же состояніе организма именно и состоитъ въ томъ, чтобы пищевареніе, посредствомъ обращенія крови, настолько вознаграждало силы тѣла, насколько онѣ поглощаются дѣятельностію нервовъ.

Но если, наоборотъ, нервная дѣятельность животнаго организма гораздо слабѣе совершающагося въ немъ растительнаго процесса или питанія тѣла, то нормальное отправленіе организма также нарушается, и вновь проносимая пища, не поглощаемая дѣятельностію нервовъ, идетъ на увеличеніе объема тѣла, чрезмѣрная толстота котораго является болѣзнію, противоположною чрезмѣрной худобѣ.

На этомъ главнѣйшемъ законѣ животнаго организма основывается, напримѣръ, способъ выкормки домашняго скота, употребляемый сельскими хозяевами Англіи, для которыхъ возможно-большая масса тѣла животнаго составляетъ главную цѣль. Они запираютъ откармливаемое животное, никогда не выводятъ его въ поле и почти совершенно лишаютъ движенія; даже заботятся о томъ, чтобы свѣтъ и шумъ не приводили въ дѣятельность нервовъ животнаго,—словомъ предохраняютъ его отъ всѣхъ проявленій животной жизни, предоставляя дѣйствовать по возможности одному растительному процессу, т. е. пищеваренію, дыханію и кровообращенію. При такомъ уходѣ, почти превращающемъ животное въ растеніе, масса тѣла его быстро возрастаетъ; но если продолжить такое питаніе далѣе извѣстнаго срока, то животное захирѣетъ, начнетъ болѣть и издохнетъ, потому что это не есть его нормальная жизнь и увеличивающаяся масса тѣла не означаетъ еще прибавленія жизненныхъ силъ организма.

5. Для увеличенія силъ организма, для того, чтобы дать ему небольшое по объему, но богатое по содержанію, энергическое и сильное

тѣло, необходимо, чтобы поглощеніе, производимое нервною дѣятельностію, соотвѣтствовало (по окончаніи роста) его питанію, чтобы дѣятельность животнаго организма (нервной системы) въ животномъ вызывала дѣятельность его растительнаго процесса и чтобы между этими двумя процессами, истощающимъ и обновляющимъ, животнымъ и растительнымъ, соблюдалась постоянная гармонія.

Но соблюденія одной гармоніи между поглощающею дѣятельностію нервнаго организма и возстановляющею дѣятельностію питательнаго или растительнаго—еще недостаточно. Нервная дѣятельность, превышающая дѣятельность возобновительнаго процесса, ослабляетъ организмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ объемъ тѣла: возобновительная дѣятельность растительнаго процесса, превышающая поглощающую дѣятельность жизни, также ослабляетъ организмъ, дѣлаетъ его дряблымъ и безсильнымъ, хотя и увеличиваетъ его объемъ; но если и возобновительная, и поглощающая дѣятельность животнаго организма, хотя соотвѣтствуютъ одна другой, но обѣ слабы и оборотъ между ними совершается медленно, то силы организма также медленно увеличиваются и онъ развивается также слабо. Только постоянный и быстрый оборотъ питанія тѣла и поглощеніе этого питанія жизнью, находясь въ постоянной гармоніи, развиваютъ всѣ силы, къ проявленію которыхъ способенъ тотъ или другой животный организмъ [1]). Такъ, напримѣръ, ручные мускулы работника, истощаемые безпрестанно усиленною постоянною дѣятельностію и возобновляемые постоянно обильною пищею, пріобрѣтаютъ значительный объемъ и ту упругость и силу, которыми они отличаются. То же самое, хотя и не столь замѣтнымъ образомъ, совершается во всѣхъ органахъ животнаго организма, оживляемыхъ дѣятельностію жизни черезъ посредство нервной системы. Зрѣніе, слухъ, осязаніе, всѣ мускулы движенія нуждаются въ постоянной нервной дѣятельности для своего полнаго развитія.

6. Вліяніе дѣятельности, даваемой организму жизнію, на устройство самаго организма не ограничивается мускулами и органами чувствъ: кости и даже сама нервная система и центръ ея—мозгъ измѣняются подъ вліяніемъ жизненной дѣятельности. Точнѣйшимъ измѣреніемъ череповъ, взятыхъ изъ разныхъ эпохъ въ одной и той же мѣстности, доказано, что вмѣстѣ съ дальнѣйшей цивилизаціей народа форма череповъ и толщина ихъ измѣняется, крѣпость уменьшается, вмѣстимость увеличивается, передняя часть начинаетъ преобладать надъ затылочною, а личной уголъ болѣе и болѣе приближается къ прямому. Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Вайтцъ [2]), непереходимыя границы между рассами людей, которыя хотѣли прежде найти въ формѣ череповъ, теряютъ свое значеніе. Но кромѣ того, не доказываетъ ли этотъ фактъ ложности матеріалистической мысли, что человѣкъ своими духовными преимуще-

---

[1]) Man. de Phys. p. Müll. T. II, p. 91.

[2]) Antr d. Nat. Völk. Er. T. S. 63.

ствами и обязанъ формѣ своего черепа и мозга? Факты науки свидѣтельствуютъ, наоборотъ, что самая форма мозга и черепа зависитъ отъ духовной жизни человѣчества и что, слѣдовательно, не формѣ и развитію своего мозга и вмѣстимости черепа обязанъ человѣкъ своими духовными преимуществами, а, наоборотъ, своему духу и его жизни, работающимъ въ нервномъ организмѣ, обязанъ человѣкъ формою своего черепа и развитіемъ своего мозга.

7. На этихъ физіологическихъ законахъ развитія, подъ вліяніемъ жизни всѣхъ силъ животнаго организма и самыхъ его формъ, основывается, главнѣйшимъ образомъ, дѣятельность физическаго воспитанія. Мы уже видѣли, какъ посредствомъ прямаго вліянія на процессъ питанія, на пищу и обстоятельства, условливающія питаніе—влагу, свѣтъ, температуру и воздухъ, можетъ воспитаніе способствовать успѣшнѣйшему развитію растительнаго организма какъ въ растеніи, такъ въ животномъ и въ человѣкѣ, и даже видоизмѣнять самыя формы этого развитія; но возможность черезъ посредство дѣятельности нервнаго организма оказывать вліяніе на самый растительный организмъ и на развитіе тѣла открываетъ гораздо болѣе обширное и свободное поприще воспитанію. Человѣкъ легко и свободно можетъ приводить въ дѣятельность мускулы и нервы другаго, особенно еще развивающагося человѣка, и тѣмъ оказывать сильнѣйшее вліяніе на самый процессъ его физическаго развитія. Воспитатель не только можетъ давать большую или меньшую дѣятельность мускуламъ и нервамъ воспитываемаго организма, но разнообразить эту дѣятельность, ослабляя или усиливая ее постепенно, прекращать ее и возвращаться къ ней снова послѣ болѣе или менѣе длинныхъ промежутковъ отдыха; онъ можетъ усиливать дѣятельность одной системы мускуловъ и нервовъ на счетъ другой, прямо дѣйствовать на развитіе того или другаго органа или даже вообще на развитіе всей мускульной и нервной системы и даже самаго мозга.

ГЛАВА V.

Потребность отдыха и сна.

1. Мы видѣли выше условія, сопровождающія вообще питаніе или усвоеніе пищи организмомъ; но растительный или питательный процессъ, получая въ животномъ организмѣ новое назначеніе—обновленіе силъ тѣла, истощенныхъ дѣятельностью жизни—требуетъ не только всѣхъ прежнихъ условій: влаги, температуры, воздуха, свѣта, но прибавляетъ къ нимъ еще два новыя, а именно: 1) *необходимость отдыха или временнаго бездѣйствія той или другой системы нервнаго организма* и 2) *необходимость сна.*

2. Обновленіе животнаго организма въ цѣломъ и по частямъ совершается только во время бездѣйствія всего организма или той его части,

которая нуждается въ обновленіи, чѣмъ и объясняется то явленіе, что, давши, напримѣръ, отдохнуть усталой рукѣ болѣе долгій или короткій промежутокъ времени,—смотря по степени усталости, по привычкѣ и быстротѣ процесса возобновленія,—человѣкъ чувствуетъ въ ней снова присутствіе силы.

3. Быстрота, съ которою снова возобновляются силы уставшаго органа, зависитъ главнымъ образомъ вообще отъ здороваго состоянія организма, сохраняющаго полную гармонію между возобновленіемъ и истощеніемъ тѣла (больной и слабый человѣкъ устаетъ скоро и отдыхаетъ очень медленно). Но быстрота возобновленія можетъ быть также увеличена привычкой, т. е. частымъ и постояннымъ оборотомъ между процессомъ истощенія и процессомъ возобновленія, и притомъ можетъ быть увеличена какъ во всемъ организмѣ, такъ и въ отдѣльныхъ органахъ его, и даже отдѣльныхъ системахъ мускуловъ и нервовъ. Начиная непривычную для насъ работу, мы быстро устаемъ и послѣ непродолжительнаго труда нуждаемся въ продолжительномъ отдыхѣ; чѣмъ же болѣе привыкаемъ мы къ тому или другому труду, тѣмъ болѣе эта пропорція измѣняется: періоды труда становятся длиннѣе, а періоды отдыха короче. Это относится и къ общей дѣятельности тѣла, и къ частной дѣятельности тѣхъ или другихъ его органовъ, мускуловъ и нервовъ; такъ, напримѣръ, при изученіи игры на рояли, которая повидимому не представляетъ ничего тяжелаго для тѣла, изучающій чувствуетъ въ первое время, послѣ нѣсколькихъ минутъ занятія, продолжительную усталость въ рукахъ и въ особенности въ пальцахъ; а потомъ онъ играетъ цѣлые часы, не замѣчая усталости, и если устанетъ наконецъ, то нѣсколькихъ минутъ отдыха достаточно ему, чтобы возобновить силы своихъ пальцевъ.

4. Возобновленіе силы одного органа можетъ совершаться и во время дѣятельности другаго: такъ, напримѣръ, при переноскѣ тяжести человѣкъ инстинктивно перемѣняетъ руки или плечи, и даже при продолжительномъ стояніи на одномъ мѣстѣ опирается болѣе то на одну, то на другую ногу. Привычка же къ переносу тяжести или къ стоянію дѣлаетъ возможнымъ долгое и постоянное дѣйствіе одного и того же члена и болѣе быстрое и болѣе полное возобновленіе силъ. Солдатскій ранецъ, который несетъ солдатъ иногда въ продолженіи десяти часовъ въ сутки и десятки верстъ безъ явныхъ признаковъ усталости, въ десять минутъ ходьбы отдавитъ плечи даже сильному человѣку, если онъ не привыкъ къ ходьбѣ съ тяжестью на плечахъ. Но полчаса письма или даже чтенія для солдата, который къ нему не привыкъ, утомляетъ его болѣе, нежели человѣка, привыкшаго къ кабинетнымъ трудамъ,—цѣлый день такихъ занятій. Привычка въ этомъ отношеніи необыкновенно расширяетъ всѣ силы человѣка.

5. На этомъ же физіологическомъ явленіи основывается необходимость перемѣны дѣятельности нервовъ при воспитаніи животнаго организма въ человѣкѣ: и чѣмъ менѣе развиты силы организма, тѣмъ чаще должна быть эта перемѣна. Такъ, перемѣняя дѣятельность ребенка, вы

успѣете заставить его сдѣлать гораздо болѣе и безъ усталости, нежели давая его дѣятельности одно и тоже направленіе. Заставьте ребенка идти—онъ устанетъ очень скоро, прыгать—тоже, стоять—тоже, сидѣть—онъ также устанетъ; но онъ перемѣшиваетъ всѣ эти дѣятельности различныхъ органовъ и рѣзвится цѣлый день, не уставая. Тоже самое замѣчается и при учебныхъ занятіяхъ дѣтей, и для 8-ми или 9-ти лѣтняго ребенка почти невозможно вынести десятиминутнаго направленія вниманія на одинъ и тотъ же предметъ; но постепенная привычка можетъ расширить этотъ короткій промежутокъ времени до нѣсколькихъ часовъ. Усвоивъ этотъ физіологическій законъ, мы легко поймемъ, отчего такъ губительно дѣйствуетъ на ребенка всякая, слишкомъ долгая и постоянная дѣятельность въ одномъ направленіи: она насильственно устремляетъ всю силу обновляющаго питательнаго процесса къ одному органу и отвлекаетъ ее отъ другихъ, требующихъ роста, развитія и силы. Это одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему дѣти, рано употребляемыя на фабричныя работы, какъ ни легки казались бы эти работы, развиваются такъ болѣзненно и слабо, и почему дѣти, которыхъ начинаютъ усаживать за уроки слишкомъ рано, болѣютъ, развиваются плохо и даже тупѣютъ. Однакожъ, этимъ я никакъ не хочу сказать, чтобы воспитаніе не должно было постепенно развивать въ дѣтяхъ привычку къ постоянству въ усиліяхъ: это одна изъ главнѣйшихъ его задачъ.

6. Но какъ бы ни привыкъ человѣкъ къ дѣятельности, какъ бы ни перемѣнялъ онъ ее, настаетъ наконецъ минута, когда онъ долженъ дать совершенный и полный отдыхъ своему организму, когда онъ нетолько не можетъ работать, ходить, стоять или заниматься чѣмъ бы то ни было, но даже не можетъ глядѣть, слушать, не можетъ даже пассивно воспринимать никакихъ внѣшнихъ впечатлѣній, словомъ, когда онъ долженъ уснуть. *Сонъ* есть исключительная принадлежность животной природы, сопровождающая возобновительный процессъ. Правда, что и растенія во время ночи, показываютъ нѣкоторыя измѣненія, свертываютъ или развертываютъ свои листья, чашечки своихъ цвѣтовъ, и даже замѣчено, что самый процессъ ихъ питанія и дыханія нѣсколько измѣняется ночью; но это—вліяніе ночи, отсутствія свѣта, періодичности органическихъ процессовъ, а не сна. «Безъ сознанія не можетъ быть и рѣчи о настоящемъ бодрствованіи», говоритъ Карусъ [1]); а слѣдовательно существа, неимѣющія сознанія, не могутъ имѣть и настоящаго сна [2]).

---

[1]) Vorles. über Psych. S. 280.

[2]) Миллеръ, правда, говоритъ о снѣ растеній, но отличаетъ его отъ сна животныхъ: «сонъ животныхъ, говоритъ онъ, есть явленіе исключительно принадлежащее животной жизни. Вся органическая жизнь, т. е. питаніе, со всѣми непроизвольными движеніями, его сопровождающими, продолжаютъ совершаться тихо и спокойно, не принимая никакого участія во снѣ».— Man. de Phys. T. II. p. 552.

7. Физіологическія причины необходимости сна далеко еще не объяснены. Казалось бы, что, давая поочередно отдыхъ то тому, то другому органу тѣла, то той, то другой системѣ нервовъ и возобновляя такимъ образомъ поочередно ихъ силы, можно избѣжать необходимости общаго отдыха — сна. Достаточно на нѣсколько минутъ закрыть утомленные глаза, чтобы почувствовать въ нихъ присутствіе возвратившейся энергіи и силы; достаточно посидѣть, чтобы отдохнули ноги. И въ самомъ дѣлѣ были люди, которые, считая сонъ за привычку, хотѣли отвыкнуть отъ такой дурной привычки; но, конечно, попытки ихъ не удались. Можно привыкнуть спать очень мало; но хотя на нѣсколько минутъ долженъ отдаться человѣкъ тому полному отдыху, который дается только сномъ, чтобы быть способнымъ для новой жизненной дѣятельности, и минутная дремота освѣжаетъ человѣка болѣе, чѣмъ продолжительный отдыхъ безъ сна. Можно *предполагать* двѣ причины этого явленія, необъясненнаго вполнѣ и физіологами:

а) *Во первыхъ*, процессъ обновленія силъ и вообще растительный процессъ вполнѣ и безпрепятственно можетъ совершаться только въ продолженіи сна [1]). Недостатокъ сна разстроиваетъ пищевареніе и, замедляя все болѣе и болѣе процессъ возобновленія, разрушаетъ силы организма. Въ дѣтскомъ возрастѣ, когда растительный процессъ разомъ достигаетъ двухъ цѣлей — *роста*, т. е. увеличенія объема, устройства и развитія органовъ, и *возобновленія организма*, истощаемаго жизненною дѣятельностію — количество времени, потребнаго для сна, гораздо продолжительнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. «Въ первые 8 дней по рожденіи ростъ дитяти прибываетъ на $^1/_{12}$, а вѣсъ на $^1/_4$ часть. Еслибы продолжалось такое возрастаніе, то дитя черезъ шесть или семь мѣсяцевъ достигло бы обыкновенной человѣческой величины. Но ростъ и сонъ уменьшаются постоянно и, по мѣрѣ ихъ уменьшенія, проявляется психическое развитіе [2])». Пища, употребляемая сначала преимущественно на ростъ и развитіе тѣла, начинаетъ все болѣе и болѣе употребляться на возобновленіе тканей тѣла, истощаемыхъ жизненною дѣятельностью ребенка, которая все усиливается и усложняется. Отчего происходитъ

---

[1]) Льюисъ опровергаетъ, но едва ли основательно, этотъ общеизвѣстный фактъ. (См. «Физіологію обыденной жизни»). Конечно, пищевареніе во снѣ совершается медленнѣе, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи и отягченный желудокъ не даетъ намъ покойнаго сна; но извѣстно также, что недостатокъ сна разстроиваетъ пищевареніе. Льюисъ забываетъ, что пищевареніе еще не весь *возобновительный процессъ;* отдыхъ организма и сонъ, можетъ быть, не столько требуются для пищеваренія, сколько для возобновленія тканей тѣла изъ массы крови: иначе ничѣмъ нельзя объяснить утомленія, потребности отдыха и потребности сна. См. Учеб. Физіолог. Германа, стр. 184 и 185.

[2]) Benecke's Erziehungs und Unterrichts-Lehre. T. I, § 16. S. 72.

такое измѣненіе? Матеріалисты отвѣтятъ на это, что самое развитіе душевной дѣятельности условливается все большими и большими остатками силъ, вырабатываемыхъ изъ пищи; но этотъ отвѣтъ будетъ не основателенъ: ростъ могъ бы продолжаться съ одинаковой быстротою, оставляя одинаково мало силъ для работъ душевныхъ. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что душа дитяти, постоянно обогащаясь впечатлѣніями, сама расширяетъ область своей дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе истощаетъ тѣло, которое все болѣе и болѣе потребляетъ пищи для своего возобновленія, оставляя ее все менѣе и менѣе для роста тѣла; а еще вѣроятнѣе, что обѣ причины дѣйствуютъ вмѣстѣ, сообразно идеѣ организма.

Дѣти больныя, если организмъ ихъ еще имѣетъ достаточно силы, чтобы бороться самому съ болѣзнью, спятъ болѣе обыкновеннаго, иногда по цѣлымъ днямъ, и болѣзнь проходитъ во снѣ: природа сама вознаграждаетъ потерянныя силы. Люди, подверженные болѣзни, извѣстной подъ именемъ спячки, отекаютъ, толстѣютъ, хотя толстота ихъ носитъ всѣ признаки болѣзненности. Всѣ эти и многія другія вліянія сна на организмъ человѣка убѣждаютъ насъ, что именно во время сна возобновительный процессъ совершается въ человѣкѣ полнѣе и безпрепятственнѣе.

б) *Вторую причину* необходимости сна для животнаго организма можно предполагать въ томъ, что только *исключительно* во время сна, когда человѣкъ перестаетъ управлять своими ощущеніями и своими движеніями, происходитъ, *можетъ быть*, возобновленіе тканей центральныхъ органовъ нервной системы, посредствомъ которыхъ дѣйствуетъ наше сознаніе и наша воля [1]). Дать отдыхъ этимъ органамъ, отказаться отъ власти надъ организмомъ—и значитъ уснуть. Люди, привыкшіе проводить безсонныя ночи въ занятіяхъ, чувствуютъ, какъ они, мало по малу, теряютъ власть надъ своими впечатлѣніями и представленіями, памятью и воображеніемъ, хотя эти способности продолжаютъ работать: минута дремоты—и власть эта возвращается снова. Центральные органы мозга, посредствомъ которыхъ мы управляемъ и движеніями, и ощущеніями, можетъ быть, не могутъ отдохнуть иначе, какъ въ ту минуту, когда человѣкъ спитъ. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ явленіемъ, что пріостановка дѣятельности большаго мозга, зависящая отъ какой-нибудь механической причины, напримѣръ, отъ давленія крови или какой-нибудь другой тяжести на мозгъ, немедленно производитъ безчувствіе (при параличахъ) и сонъ: это показали многіе опыты надъ животными и даже случайные опыты надъ людьми [2]).

---

[1]) Мозгъ, дѣятельность котораго необходима для духовной жизни, повинуется общимъ законамъ всѣхъ органическихъ явленій, т. е. что проявленіе жизни производятъ въ немъ матерьяльныя измѣненія. Man. de Phys. p. Müll. T. II. p. 549.

[2]) См. собраніе этихъ опытовъ у Фехнера: Elemente der Psychophysik von Fechner. Leipzig 1860 T. II Глава: Schlaf und Wachen.

8. Но если недостатокъ сна ослабляетъ организмъ, а иногда усиливаетъ нервную дѣятельность на счетъ растительной, что мы замѣчаемъ по особой раздражительности нервовъ послѣ безсонной ночи, то съ другой стороны излишній сонъ усиливаетъ растительный процессъ болѣе, чѣмъ того требуетъ дѣятельность животнаго организма, и дѣлаетъ человѣка вялымъ, мало впечатлительнымъ, тупымъ, лѣнивымъ, увеличиваетъ объемъ его тѣла—словомъ, дѣлаетъ его болѣе растеніемъ. Вотъ почему воспитаніе, заботясь о гармоническомъ развитіи человѣческаго организма, должно управлять и сномъ.

ГЛАВА VI.

Нервная система. Органы чувствъ: органъ зрѣнія и его дѣятельность.

1. Отличительнымъ признакомъ *жизни* является *чувство* и *движеніе*, а отличительнымъ органомъ живаго (или животнаго) организма—*нервная система*, посредствомъ которой совершается и чувство, и движеніе. Этимъ самымъ уже объясняется, почему, преслѣдуя психологическую и педагогическую цѣль, мы должны обозрѣть эту систему и ея отправленія нѣсколько подробнѣе, чѣмъ сдѣлано это нами въ отношеніи растительныхъ органовъ и растительныхъ процессовъ. Свойство органа психическихъ явленій, конечно, не можетъ остаться безъ вліянія на самыя эти явленія, и не зная, по крайней мѣрѣ, главныхъ чертъ въ устройствѣ нервной системы и главныхъ законовъ ея дѣятельности, мы совершенно не могли бы понять такихъ психо-физическихъ процессовъ, каковы—ощущеніе и движеніе; а изъ продуктовъ этихъ процессовъ слагается почти весь матерьялъ душевнаго міра, который составляетъ предметъ изученія для психолога и предметъ дѣятельности для воспитателя.

2. Нервная система, составляющая сама средоточіе животнаго организма, удобно раздѣляется на—а) *центры*, б) *развѣтвленія* и в) *окончанія* или приспособляющіе аппараты.

Главные центры нервной системы составляютъ *головной* и *спинной мозгъ*. Первый находится въ черепѣ, второй—въ позвоночномъ хребтѣ; оба соединяются между собою въ затылочномъ отверстіи черепа и составляютъ одинъ большой срединный органъ нервной системы.

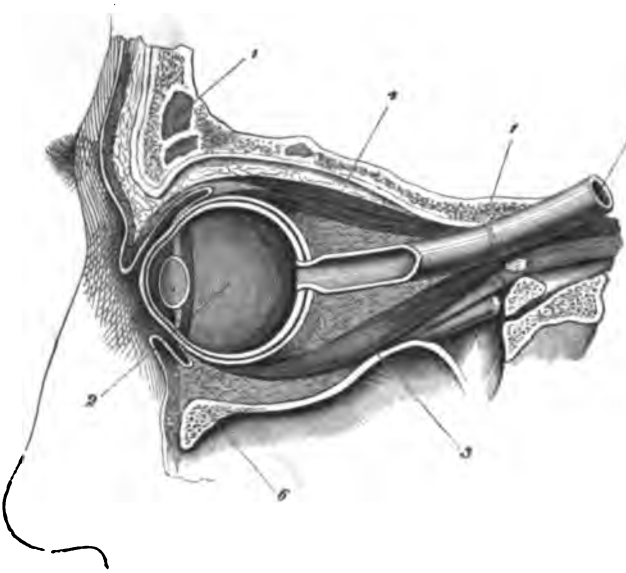
Отъ *голово-хребетнаго мозга*, какъ отъ срединнаго органа, идутъ во всѣ стороны и распространяются по всему тѣлу, до каждой его точки, гдѣ только замѣчается ощущеніе или движеніе, тончайшія *нервныя нити*, соединенныя въ болѣе или менѣе толстые пучки—*нервы*. Одни изъ этихъ нервныхъ нитей исключительно служатъ для воспріятія впечатлѣній, другія—для произведенія движеній. Первыя называютъ обыкновенно *нервами чувства*, вторыя—*нервами движенія*.

Нервы чувства не соприкасаются непосредственно съ предметами

внѣшняго міра, дающими намъ впечатлѣнія, но имѣютъ при своихъ окончаніяхъ особые аппараты для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній. Эти *аппараты*, въ которыхъ оканчиваются нервы чувства, извѣстны подъ именемъ *органовъ чувствъ*: глазъ, ухо, кожа и т. д. Точно также и нервы движенія проявляютъ свою дѣятельность въ особыхъ органахъ, въ которые они входятъ: эти органы движенія называются *мускулами*.

Для ясности изложенія мы считаемъ удобнѣе начать съ описанія органовъ внѣшнихъ чувствъ и мускуловъ, а потомъ уже перейти къ центральнымъ органамъ нервной системы и ихъ развѣтвленіямъ — нервамъ. Сначала займемся органами чувствъ, потомъ органами движенія — мускулами.

Намъ нѣтъ надобности разсматривать подробно устройство всѣхъ органовъ чувствъ: для этого въ настоящее время есть много спеціальныхъ и превосходныхъ трактатовъ; мы изъ описанія каждаго органа возьмемъ только то, что́ нужно для нашихъ психологическихъ цѣлей, и, разсмотрѣвъ нѣсколько подробнѣе устройство органа зрѣнія, объ остальныхъ упомянемъ коротко, такъ какъ въ дѣятельности всѣхъ органовъ есть много общаго и именно это общее важно для насъ.

Вертикальный разрѣзъ *глазной впадины* и *глазнаго яблока* по направленію спереди кзаду.

1. Часть лобной кости. 2. *Глазное яблоко*. 3. Мускулъ, поворачивающій *глазное яблоко* книзу. 4. Мускулъ, поворачивающій глазъ кверху. 5. *Зрительный нервъ*. 6. Часть скуловой кости.

Органъ зрѣнія.

3. Для объясненія акта зрѣнія, физика, со времени Ньютона, принимаетъ, что весь міръ наполненъ особеннымъ тонкимъ и невѣсомымъ веществомъ, и называетъ это предполагаемое вещество *свѣтовымъ эфиромъ*. Свѣтовой эфиръ, какъ предполагаетъ гипотеза, приводится въ колебаніе вообще горящими тѣлами; а солнце, громадное, раскаленное тѣло, приводитъ въ вибрацію свѣтовой эфиръ, наполняющій нашу планетную систему. Вибрація свѣтоваго эфира распространяется отъ солнца во всѣ стороны по прямымъ линіямъ и эти линіи вибраціи эфира называются *свѣтовыми лучами*. Свѣтовые лучи проходятъ свободно въ прозрачныхъ тѣлахъ, каковы: воздухъ, вода, стекло, стекловидныя тѣла нашего глаза, и проходятъ прямолинейно; но, входя изъ одной прозрачной среды въ другую различной плотности, лучъ измѣняетъ свое направленіе или, какъ говорятъ, *преломляется*. Черезъ прозрачныя среды нашего глаза свѣтовой лучъ достигаетъ до зрительнаго нерва и возбуждаетъ въ немъ соотвѣтствующія движенія, которыя отражаются въ душѣ свѣтовыми ощущеніями.

4. Предметы, сами собою свѣтящіеся, какъ напр. солнце, горящая свѣча — т. е. такіе, которые приводятъ свѣтовой эфиръ въ дрожаніе— дѣйствуютъ на нашъ зрительный нервъ своими собственными лучами. Всѣ же прочіе, не самосвѣтящіеся предметы, мы видимъ уже только посредствомъ лучей *отраженныхъ*. Свѣтовые лучи, выходя изъ свѣтящагося предмета и падая на предметъ несвѣтящійся, или проходятъ *сквозь* предметъ, если онъ *прозраченъ*, или *поглощаются* предметомъ, напримѣръ предметами черпаго цвѣта, или *отражаются* отъ предметовъ, и, уже отраженные отъ предмета, попадаютъ въ нашъ глазъ, дѣйствуютъ на глазной нервъ и даютъ намъ возможность видѣть предметъ. Предметовъ, абсолютно прозрачныхъ и абсолютно черныхъ, нѣтъ; мы видимъ и воздухъ въ большой массѣ, видимъ и сажу именно потому, что хотя небольшая часть свѣтовыхъ лучей отражается ими. Точно также нѣтъ видимыхъ предметовъ, которые отражали бы всѣ падающіе на нихъ лучи: обыкновенно одни лучи *поглощаются* предметомъ, а другіе *отражаются*.

Свѣтовой лучъ отражается всегда по одному направленію, такъ что *уголъ его паденія на видимый нами предметъ равняется углу его отраженія*. Если отражающая поверхность предмета совершенно гладка (абсолютно это тоже невозможно), то всѣ лучи, падающіе на него отъ свѣтящейся точки, отражаются почти въ одномъ направленіи: тогда мы ощущаемъ блескъ, худо различая самый предметъ, какъ то бываетъ съ предметами, хорошо полированными. Если же поверхность предмета неровна, шероховата, какъ у большей части предметовъ, то лучи отъ каждой его точки отражаются въ разныхъ направленіяхъ, *разсѣеваются*. Глазъ нашъ ощущаетъ это различное направленіе отра-

жающихся лучей и, такъ сказать, *осязаетъ каждую точку предмета,* а потому видитъ предметъ ясно и отчетливо, какъ видимъ мы всякій непрозрачный и неполированный цвѣтной предметъ, если только на него падаетъ и отъ него отражается достаточное количество лучей.

5. Разлагая посредствомъ призмы бѣлый солнечный лучъ, нашли, что онъ состоитъ изъ *семи* цвѣтныхъ лучей, изъ которыхъ три, *красный, зеленый* и *фіолетовый,* принимаются за основные, а прочіе за разнообразныя смѣшенія этихъ основныхъ. Красные, зеленые и фіолетовые лучи въ соединеніи даютъ бѣлый лучъ. Чернаго же цвѣта нѣтъ,— это отсутствіе отраженныхъ лучей, абсолютный покой глазнаго нерва [1]). Каждый цвѣтной лучъ имѣетъ свою особенную вибрацію, и, проходя прозрачную среду, каждый принимаетъ свое особенное направленіе, отклоняется отъ другихъ; вотъ почему нашли средство прозрачною призмою разложить составной бѣлый лучъ на составляющіе его цвѣтные лучи. Ощущеніе различныхъ цвѣтовъ, слѣдовательно, будетъ только осязаніе глазомъ различно вибрирующихъ (дрожащихъ) свѣтовыхъ лучей [2]).

Не входя въ подробности этой свѣтовой теоріи, мы скажемъ только, что органъ зрѣнія приспособленъ именно къ тому, чтобы сосредоточивать на окончаніяхъ безчисленныхъ нитей зрительнаго нерва, входящаго въ глазъ, эти разнообразныя вибраціи свѣтовыхъ лучей и сосредоточивать такъ, чтобы онѣ, по возможности, не сливались между собою, а каждая давала бы себя чувствовать отдѣльно.

6. Для достиженія первой цѣли—т. е. для сосредоточиванія лучей, отражающихся отъ предметовъ, на окончаніи зрительнаго нерва,—назначенъ собственно глазной аппаратъ, напоминающій собою нашу камеръ-обскуру. Въ камеръ-обскурѣ обоюдо-выпуклое стекло, принимая на себя свѣтовые разсѣевающіеся лучи, отражаемые отъ какой-нибудь точки предмета, соединяетъ ихъ потомъ за собою опять въ одну точку, называемую *фокусомъ*. (Всякій, кто имѣлъ въ рукахъ зажигательное стекло, знаетъ, что такое фокусъ). Такимъ образомъ, позади стекла камеръ-обскуры, на извѣстномъ отъ него разстояніи и именно въ фокусѣ, образуется изображеніе предмета въ уменьшенномъ видѣ и, притомъ, въ обратномъ положеніи; это изображеніе мы и видимъ на матовомъ стеклѣ камеръ-обскуры.

«Представимъ же теперь, что зрительный нервъ распространенъ въ матовомъ стеклѣ (камеръ-обскуры) такъ, что каждой точкѣ на поверх-

---

[1]) «Покой ретины есть причина появленія темноты». Man. de Phys. p. Müll. T. II, p. 342. Мнѣніе нѣкоторыхъ психологовъ, наприм., Фриса (Anthropologie T. 1, S. 117), что «для глаза нѣтъ состоянія покоя, ибо во мракѣ онъ видитъ черный цвѣтъ», не имѣетъ основанія: видѣть черный цвѣтъ значитъ ничего не видѣть.

[2]) Еще Демокритъ, по свидѣтельству Аристотеля, называлъ всѣ наши внѣшнія чувства *видоизмѣненіями* осязанія.

ности стекла соотвѣтствуетъ окончаніе одной изъ нервныхъ нитей, тогда каждая точка предмета будетъ дѣйствовать на особое волокно зрительнаго нерва и, слѣдовательно, можетъ быть отличаема отъ всѣхъ другихъ точекъ» [1]).

Эта природная камеръ-обскура глаза представляется намъ въ видѣ небольшаго почти правильнаго шара, внутрь котораго сзади входитъ зрительный нервъ и развѣтвляется тамъ сѣткою или *ретиною*. Шаръ этотъ мы называемъ глазнымъ яблокомъ.

7. *Глазное яблоко* лежитъ въ глазной впадинѣ и имѣетъ почти правильную сферическую форму. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ оболочекъ, внутри которыхъ находятся прозрачныя тѣла, не только проводящія свѣтовые лучи къ глазному нерву, но и преломляющія ихъ такъ, что они сосредоточиваются въ одномъ фокусѣ на ретинѣ.

Первую оболочку глазнаго яблока составляетъ бѣлая твердая перепонка, называемая *склеротикой*. Сзади глазнаго яблока эта перепонка пропускаетъ глазной нервъ вовнутрь яблока. Спереди склеротика представляется намъ въ видѣ бѣлка, по срединѣ котораго находится круглая выпуклость, совершенно прозрачная и похожая на часовое стекло. Эту выдающуюся и прозрачную часть склеротики, чрезъ которую мы видимъ зрачекъ и радужную оболочку или раекъ, называютъ *роговою перепонкою*. Бѣлокъ мы видимъ безъ всякаго труда, но роговую перепонку, по причинѣ ея необыкновенной прозрачности, можно разсмотрѣть только сбоку; прямо же за нею мы видимъ только цвѣтной (голубой, черный, сѣрый и т. д.) *раекъ* и черный *зрачекъ*.

«Если мы представимъ себѣ фарфоровый шаръ, изображающій склеротику, у котораго впереди не доставало бы сегмента, замѣняемаго очень выпуклымъ часовымъ стекломъ, и представимъ себѣ, что вся внутренность этого шара наполнена водою то такой приборъ уже могъ бы дѣйствовать, какъ камеръ-обскура. Но онъ представлялъ бы важное неудобство: именно, фарфоровый шаръ пропускалъ бы слишкомъ много свѣта со всѣхъ сторонъ и изображеніе, составляющееся въ глубинѣ его, было бы такъ сильно освѣщено этимъ разсѣяннымъ свѣтомъ, что его съ трудомъ можно было бы различить. Это неудобство можно устранить, покрывая снаружи или внутри фарфоровую часть прибора чернымъ слоемъ (поглощающимъ лишніе лучи), какъ это обыкновенно дѣлается во всѣхъ оптическихъ приборахъ. Природа употребляетъ въ глазу тоже самое средство, только къ черному *пигменту* она прибавляетъ и органъ, его приготовляющій. Непосредственно подъ склеротикою существуетъ вторая оболочка, имѣющая такое же протяженіе, какъ склеротика, и почти исключительно состоящая изъ кровеносныхъ сосудовъ, почему ее и называютъ *сосудистою*. Въ толщѣ своей, а особенно на внутренней сторонѣ, она приготовляетъ вещество весьма темнаго бураго цвѣта: *пигментъ* глаза. Зрительный нервъ проходитъ чрезъ нее сзади, и,

[1]) Шваннъ. Анатомія человѣч. тѣла, стр. 263.

распространяясь по ней, образуетъ *ретину* (сѣтчатую оболочку) на внутренней сторонѣ пигмента» [1]). Слой этой послѣдней, самой внутренней оболочки толще при входѣ нерва въ зрительное яблоко; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе утончается и не покрываетъ собою всей внутренней поверхности сосудистой оболочки.

8. Въ срединѣ глазнаго яблока, состоящаго такимъ образомъ изъ трехъ главныхъ оболочекъ и въ которомъ есть два отверзстія:—одно сзади, куда входитъ глазной нервъ, другое спереди, закрытое прозрачною роговою выпуклостію,—находится нѣсколько прозрачныхъ тѣлъ, совершенно наполняющихъ собою внутренность этого шара, а именно: непосредственно за роговою оболочкою находится *водянистая влага*, за нею *хрусталикъ*, напоминающій нѣсколько своею формою наши зажигательныя стекла, а за хрусталикомъ такъ называемое *стекловидное* тѣло, тоже совершенно прозрачное, которое наполняетъ собою всю остальную полость яблока: въ вырѣзкѣ этого тѣла, на передней его сторонѣ, и вставленъ хрусталикъ.

9. Передъ хрусталикомъ, въ связи съ сосудистою оболочкою, тамъ, гдѣ роговая оболочка переходитъ въ склеротику, находится цвѣтной кружокъ съ отверстіемъ въ срединѣ—это, такъ называемая, *радужная оболочка*, или раекъ, а отверзстіе этой оболочки называется *зрачкомъ*. Спереди этотъ кружочекъ бываетъ различнаго цвѣта, а сзади подложенъ толстымъ слоемъ пигмента. Въ этомъ кружкѣ проходятъ круглые и поперечные, (какъ радіусы), мускулы. При сокращеніи первыхъ раекъ расширяется и, слѣдовательно, отверзстіе его—зрачекъ уменьшается; при сокращеніи вторыхъ, раекъ дѣлается уже и, слѣдовательно, зрачекъ увеличивается. Назначеніе райка двоякое: онъ не пропускаетъ въ глазъ крайнихъ лучей, которые и въ нашихъ оптическихъ инструментахъ мѣшаютъ чистотѣ изображенія, такъ-какъ эти крайніе лучи, удаленные отъ оси зрѣнія, не пересѣкаются въ одной точкѣ, отчего бѣлый лучъ разлагается на цвѣтные и получаются разноцвѣтные оттѣнки. Въ этомъ случаѣ раекъ играетъ ту же роль, какую въ оптическихъ инструментахъ играетъ діафрагма, прикрывающая края стекла.

«Впрочемъ, говоритъ Шваннъ, форма и составъ прозрачныхъ частей глаза до такой степени совершенны, что почти нѣтъ необходимости устранять лучи, удаленные отъ оси. Поэтому радужная оболочка имѣетъ еще другое отправленіе, гораздо болѣе важное: именно, обладаетъ такою способностію сокращаться, что расширяетъ зрачекъ, если свѣтъ слабъ, и съуживаетъ его, если свѣтъ силенъ. Такимъ образомъ получается степень свѣта, наиболѣе благопріятная для зрѣнія, и это дѣлается безъ содѣйствія воли. Какъ въ музыкѣ нельзя хорошо различать самые тонкіе оттѣнки звуковъ, когда играютъ слишкомъ громко, такъ точно сильный свѣтъ не даетъ возможности хорошо видѣть и можетъ даже вредно

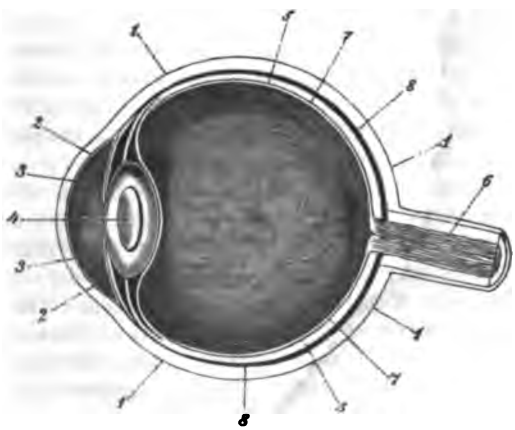
[1]) Шваннъ, стр. 65.

дѣйствовать на нервъ. Радужная оболочка пропускаетъ на ретину количество свѣта «самое благопріятное для зрѣнія» [1]).

10. Говоря коротко, глазное яблоко состоитъ, слѣдовательно, изъ нѣсколькихъ оболочекъ, вложенныхъ одна въ другую: склеротика и роговая оболочка составляютъ первый слой; сосудистая оболочка съ пигментомъ выстилаетъ склеротику; ретина, составляющая внутренній слой, простирается не такъ далеко, какъ сосудистая. Пространство, обнимаемое этими оболочками, наполнено сзади, на сколько простирается ретина, стекловиднымъ тѣломъ; предъ этимъ тѣломъ мы находимъ хрусталикъ, и между нимъ и роговой оболочкой—водянистую жидкость, въ которую погружена радужная оболочка, сливающаяся на своей окружности въ сосудистою.

Лучъ свѣта, входя въ зрачекъ, и проходя съ различными преломленіями всѣ лежащія за зрачкомъ прозрачныя среды (водянистую влагу, хрусталикъ и стекловидное тѣло), падаетъ на ретину, лежащую непосредственно за стекловидными тѣлами и облекающую его, и которая, какъ мы уже знаемъ, есть развѣтвленіе зрительнаго нерва. Зрительный нервъ, возбуждаемый къ дѣятельности этимъ падающимъ на него лучемъ, въ свою очередь возбуждаетъ специфическую дѣятельность клѣточекъ мозговаго центра, которая и выражается въ сознаніи свѣтовымъ ощущеніемъ.

11. Не всѣ точки ретины или глазной сѣтки одинаково чувствитель-

Вертикальный разрѣзъ *глазнаго яблока* спереди кзаду.
1. Бѣлая *роговая оболочка*. 2. Прозрачная часть роговой оболочки. 3. Радужная перегородка или *раекъ*. 4. Линія, проходящая сквозь *зрачекъ* и указывающая *хрусталикъ*. 5. *Стекловидное тѣло*. 6. *Зрительный нервъ*. 7. Нервная сѣтка или *ретина*. 8. Черный пигментъ, покрывающій сосудистую оболочку.

[1]) Ibid. стр. 67.

ны къ впечатлѣніямъ свѣта: въ томъ мѣстѣ, гдѣ глазной нервъ входитъ въ глазное яблоко, ретина вовсе не способна производить свѣтовыхъ ощущеній подъ вліяніемъ лучей свѣта, хотя и производитъ ихъ подъ вліяніями болѣе грубыми, какъ напр. при прикосновеніи анатомическаго ножа, или электрическаго тока. Несправедливо, слѣдовательно, считать это мѣсто, называемое у анатомовъ *слѣпымъ* пятномъ, или пятномъ Маріота, вовсе неспособнымъ къ воспроизведенію свѣтовыхъ ощущеній: оно неспособно только ощущать впечатлѣній такого тонкаго дѣятеля, каковъ свѣтовой эфиръ, для чего требовалось снабдить зрительный нервъ особенными, болѣе тонкими и чувствительными аппаратами, которые могли бы ощущать и передавать колебанія свѣтовыхъ лучей [1]).

12. Микроскопическая анатомія открыла такіе аппараты, весьма разнообразные и сложные, въ безчисленныхъ микроскопическихъ *колбочкахъ* и *палочкахъ*. Этихъ колбочекъ и палочекъ вовсе нѣтъ на томъ кружечкѣ, который обозначаетъ вхожденіе зрительнаго нерва въ глазное яблоко; тамъ только нервныя нити, которыя, не смотря на свою тонкость (ихъ насчитываютъ, примѣрно, до милліона въ одномъ зрительномъ нервѣ), все же не способны еще отвѣчать соотвѣтствующими колебаніями на вибраціи различныхъ свѣтовыхъ лучей.

13. Точно также, какъ есть на ретинѣ *слѣпое пятно*, есть на ней и самое *зрячее мѣсто*, которое лежитъ почти на самомъ концѣ зрительной оси, такъ что изображеніе предмета, на который мы направляемъ нашъ глазъ, прямо падаетъ на это мѣсто. Оно окружено такъ называемымъ *желтымъ пятномъ*, въ которомъ вовсе нѣтъ нервныхъ нитей, а только палочки и колбочки. Чувствительность къ свѣту сѣтчатой оболочки постепенно уменьшается съ удаленіемъ отъ желтаго пятна, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и число колбочекъ. Вотъ почему полагаютъ, что колбочки всего чувствительнѣе къ свѣтовымъ впечатлѣніямъ.

14. «Такъ какъ каждое мѣсто сѣтчатой оболочки содержитъ только опредѣленное число концевыхъ элементовъ зрительнаго нерва (палочекъ и колбочекъ), то въ образѣ ощущается только опредѣленное число точекъ и послѣднія должны относиться къ цѣлому образу, какъ отдѣльные камушки къ мозаикѣ. Мозаика эта однако такъ тонка, что образъ кажется непрерывнымъ рисункомъ. Одинъ и тотъ же предметъ будетъ видѣнъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ большее число перципирующихъ (воспринимающихъ впечатлѣніе) элементовъ сѣтчатой оболочки занимаетъ его образъ. Поэтому ясность видѣнія опредѣленнаго предмета зависитъ: 1) отъ *величины* его изображенія на сѣтчатой оболочкѣ: предметы яснѣе видны вблизи, чѣмъ на далекомъ разстояніи; 2) отъ *мѣста сѣтчатой оболочки*, на которое падаетъ изображеніе: перципирующіе элементы всего

---

[1]) Одна ретина, говоритъ Миллеръ, безъ помощи концевыхъ аппаратовъ, могла бы различить только свѣтъ отъ тьмы. Отсюда нелѣпость видѣнія ясновидящихъ съ закрытыми глазами. (Man. de Phys. T. II. p. 276).

тѣснѣе собраны въ fovea centralis и въ желтомъ пятнѣ, и меньше всего распространены по краямъ сѣтчатой оболочки. При пристальномъ разсматриваніи предмета (фиксированіи), глазъ всегда поворачивается къ нему такимъ образомъ, что изображеніе предмета падаетъ на желтое пятно. Далѣе, предметъ видѣнъ ясно только въ томъ случаѣ, если изображеніе на сѣтчатой оболочкѣ занимаетъ достаточное количество перципирующихъ элементовъ. Въ сознаніе доходитъ при этомъ достаточное число *отдѣльныхъ* свѣтовыхъ ощущеній и оно можетъ точнѣе опредѣлить форму предмета. Нашли, что двѣ точки изображенія fovea centralis сѣтчатой оболочки должны отстоять другъ отъ друга, по крайней мѣрѣ, на 0,004 или на 0,005 миллиметра, чтобы впечатлѣніе отъ каждой изъ нихъ можно было отдѣлять въ сознаніи другъ отъ друга. Въ другихъ мѣстахъ сѣтчатой оболочки разстояніе это должно быть гораздо больше. На этомъ основаніи очень маленькіе или очень далекіе предметы не могутъ быть видимы» [1].

Съ этимъ наблюденіемъ совершенно согласно и другое: если уголъ зрѣнія, т. е. уголъ между двумя свѣтовыми лучами малъ до того, что двѣ точки, въ которыхъ эти лучи падаютъ на зрительную сѣтку, такъ близки между собою, что между ними не можетъ помѣститься одна колбочка, то мы перестаемъ различать эти точки и онѣ намъ кажутся одною [2]. Для увеличенія угла зрѣнія употребляются телескопы и микроскопы: первые для очень далекихъ, вторые—для очень маленькихъ предметовъ.

15. Наблюденія эти имѣютъ большую важность для психологіи: изъ нихъ ясно выходитъ, что мы рѣшительно не могли-бы видѣть предметовъ, если-бы наше сознаніе не обладало способностію *одновременно ощущать* дѣятельность многихъ нервныхъ волоконъ. Изображеніе всякаго предмета на ретинѣ есть мозаика, а если мы видимъ цѣлый предметъ, то не иначе, какъ вслѣдствіе способности сознанія ощущать *разомъ* каждую точку этой мозаики. Актъ зрѣнія былъ-бы совершенно невозможенъ безъ этой способности сознанія—соединять одновременно и одноиѣстно разнообразныя движенія разнообразныхъ нитей глазнаго нерва [3].

16. Что касается до различія цвѣтовъ, то одни думаютъ, что «ощущеніе каждаго простаго или смѣшаннаго цвѣта зависитъ отъ различнаго рода раздраженій однихъ и тѣхъ же волоконъ зрительнаго нерва свѣтовыми волнами различныхъ формъ; а другіе (Юнгъ и Гельмгольцъ) принимаютъ, что въ каждомъ мѣстѣ сѣтчатой оболочки, гдѣ возбужденіе ощущается ясно, кончается не одно зрительное волокно, а *нѣсколько*

---

[1]) Краткій учебникъ Физіологіи Германа, стр. 286.

[2]) Самый малый уголъ зрѣнія 4 секунды. Man. de Phys. p. Müll. T. II. p. 313.

[3]) Одно нервное волокно способно передать только впечатлѣніе точки. Man. de Phys. p. 319.

волоконъ съ различными специфическими дѣятельностями: при раздраженіи каждаго изъ этихъ волоконъ является ощущеніе отдѣльнаго цвѣта [1]). Принимаютъ три рода такихъ волоконъ для трехъ основныхъ цвѣтовъ—краснаго, зеленаго и фіолетоваго. Смѣшанные же цвѣта по такой гипотезѣ ощущаются уже отъ сложнаго колебанія различныхъ свѣтовыхъ волнъ. Это новѣйшее мнѣніе особенно ясно подтверждается случаями такъ называемой *цвѣтовой слѣпоты*, когда человѣкъ не ощущаетъ именно какого нибудь цвѣта и не видитъ этого цвѣта не только въ отдѣльности, но и во всѣхъ смѣшанныхъ цвѣтахъ, куда онъ входитъ, какъ составная часть. Такимъ образомъ, можно, кажется, принять съ достовѣрностію, что ощущеніе цвѣтовъ зависитъ отъ специфическаго свойства различныхъ волоконъ зрительнаго нерва. Но такъ какъ всякая дѣятельность какого бы ни было нервнаго волокна не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ механическимъ движеніемъ частицъ этого волокна, то мы можемъ сказать, что *всѣ разнообразные цвѣта этого міра суть созданія нашей души, отвѣчающей разнообразными цвѣтовыми ощущеніями на разнообразныя колебанія разнообразныхъ нитей зрительнаго нерва* [2]).

17. Удивительное оптическое устройство глаза далеко не было бы совершенно, еслибы глазное яблоко не могло поворачиваться въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и еслибы, желая перемѣнить предметъ зрѣнія, мы должны были каждый разъ поворачивать голову. Это неудобство устраняется множествомъ глазныхъ мускуловъ, посредствомъ которыхъ мы, съ необычайною быстротою, можемъ поворачивать глазное яблоко вверхъ, внизъ, въ сторону, по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, и, такимъ образомъ, не поворачивая головы, имѣть всегда обширный кругозоръ. Но и этого приспособленія еще не достаточно.

18. Въ каждомъ освѣщенномъ предметѣ, если это не одна точка, слѣдуетъ видѣть собраніе освѣщенныхъ точекъ. Отъ каждой точки отражается множество лучей, которые расходятся въ разныя стороны. Если нѣсколько этихъ расходящихся отъ одной точки лучей принять на поверхность обоюдо-выпуклаго стекла, то лучи эти, преломляясь въ стеклѣ, измѣнятъ свое направленіе и опять станутъ сближаться; такъ-что за стекломъ они пересѣкутся въ одной точкѣ, которая и называется *фокусомъ*. Слѣдовательно, въ фокусѣ, за стекломъ, лучи дѣйствуютъ всего сильнѣе.

---

[1]) Краткій учебн. Физіологіи Германа, стр. 284. Эта гипотеза, конечно, не уничтожаетъ различія въ самыхъ лучахъ; но точно также, какъ и въ органѣ слуха, извѣстная нервная нить отвѣчаетъ только на соотвѣтствующую ей вибрацію. См. ниже.

[2]) Это не есть уже скептическая теорія Беркли и Юма, противъ которой справедливо возставалъ Ридъ (The Works of Reid 1863. Edindurg. Vol. I. 101—102),—теорія, превращавшая весь міръ въ идеи и ощущенія, но—прямой выводъ изъ фактовъ физіологіи, не имѣющій претензій на метафизическую всеобщность.

Отъ каждой точки освѣщеннаго предмета лучи пересѣкаются за стекломъ на одномъ и томъ же разстояніи (конечно, если мы представляемъ себѣ предметъ въ одной плоскости), и на этомъ разстояніи, слѣдовательно, будетъ то мѣсто, въ которомъ произойдетъ самое отчетливое изображеніе предмета. Ближе этого мѣста лучи отъ каждой точки еще не сойдутся; дальше—разойдутся. Разстояніе фокуса отъ стекла измѣняется, смотря по отдаленности предмета: для отдаленныхъ предметовъ фокусъ ближе къ стеклу, для близкихъ—дальше. Вотъ почему, если мы хотимъ получить на матовомъ стеклѣ камеръ-обскуры ясное изображеніе отдаленнаго предмета, то вдвигаемъ трубку, т. е. приближаемъ обоюдо-выпуклое стекло къ матовому; а если хотимъ получить ясное изображеніе близкаго предмета, то поступаемъ наоборотъ.

Глазная сѣтка (ретина) наша, замѣняющая въ органѣ зрѣнія матовое стекло камеръ-обскуры, видитъ предметы ясно на самыхъ разнообразныхъ разстояніяхъ, слѣдовательно имѣетъ способность приспособляться къ различнымъ фокусамъ. Эту способность глаза приспособляться къ различнымъ разстояніямъ предметовъ объясняли прежде почти такими же движеніями, какими достигается это приспособленіе въ камеръ-обскурѣ, т. е. способностію глаза приближать или удалять ретину отъ глазныхъ средъ, преломляющихъ лучи, смотря по близости или отдаленности предмета. Но впослѣдствіи убѣдились въ неосновательности этого объясненія и нашли другое.

19. Можно достичь того же самаго удаленія или приближенія фокуса, увеличивая или уменьшая выпуклость преломляющаго стекла: чѣмъ стекло выпуклѣе, тѣмъ фокусъ его ближе, чѣмъ площе—тѣмъ фокусъ далѣе. Этимъ способомъ и достигается приспособленіе глаза къ далекимъ и близкимъ предметамъ, а именно—сжиманіемъ или растяженіемъ хрусталика, замѣняющаго въ нашемъ глазу обоюдо-выпуклое стекло камер-обскуры: чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ болѣе сжимается хрусталикъ, т. е. дѣлается болѣе выпуклымъ, чѣмъ дальше—тѣмъ хрусталикъ растягивается, т. е. дѣлается болѣе плоскимъ. Всего сильнѣе это происходитъ въ той части хрусталика, которая не прикрыта радужной оболочкой и выдается впередъ черезъ зрачекъ. Это сжиманіе производится особыми мышцами (мускулами), натягивающими сосудистую оболочку и окружающими края хрусталика. Нервы, черезъ которые дѣйствуетъ этотъ механизмъ мышцъ, еще совершенно не изслѣдованы [1]). У различныхъ людей отъ большей или меньшей выпуклости хрусталика, данной уже природою, а можетъ быть отчасти и отъ недѣятельности мышцъ, сжимающихъ и раздвигающихъ хрусталикъ, зависитъ близорукость и дальнозоркость. У близорукихъ фокусъ хрусталика лежитъ слишкомъ впереди сѣтчатой оболочки, а у дальнозоркихъ—слишкомъ позади. Вотъ почему дитя можетъ сдѣлаться дальнозоркимъ и близорукимъ.

20. Для нашей психологической цѣли очень важно обратить внима-

[1]) Учебникъ физіологіи Германа, стр. 273.

ніе на то, что, приспособляя глазъ къ дальнимъ и близкимъ разстояніямъ посредствомъ мышцъ, мы можемъ, самою различною напряженностію ихъ, измѣрять разстояніе предмета точно такъ-же, какъ по передвиженію глаза, которое мы должны сдѣлать, чтобы предметъ отразился самымъ лучшимъ образомъ, т. е. на *зрячемъ пятнѣ*, мы можемъ уже судить о положеніи предметовъ въ пространствѣ, и отчасти даже о формѣ предметовъ. Для того, напр., чтобы осмотрѣть съ одинаковою ясностію всѣ точки большаго круга, мы должны дать нашему глазу *кругообразное движеніе*. Это кругообразное движеніе мускуловъ, повторенное нѣсколько разъ, можетъ укоренить въ нихъ (или еще ближе въ нервахъ, управляющихъ этими мускулами) привычку такого движенія, которая будетъ въ нашей нервной системѣ *слѣдомъ памяти*, возникающимъ вновь при внѣшнемъ возбужденіи или при внутреннемъ побужденіи нашей воли. Такимъ образомъ, различныя *аккомодаціи глаза* при разсматриваніи предметовъ могутъ оставлять въ нашей нервной системѣ и въ нашей нервной памяти слѣды этихъ предметовъ: это будетъ не болѣе, какъ привычка нервовъ къ тѣмъ или другимъ движеніямъ или къ системамъ тѣхъ или другихъ движеній. Движенія глазныхъ мышцъ, слѣдовательно, и движеніе нервовъ, управляющихъ этими мышцами, играютъ важную роль не только въ актѣ зрѣнія, но и въ актѣ запоминанія образовъ видимаго міра.

21. Изображеніе предмета отражается на сѣтчатой оболочкѣ глаза и сознаніе наше ощущаетъ, слѣдовательно, то состояніе сѣтчатки, въ которомъ она находится, отражая на себѣ тотъ или другой предметъ. Спрашивается, какимъ же образомъ мы видимъ предметы *внѣ нашего тѣла* и вѣрно размѣщаемъ ихъ въ пространствѣ? Прежде это объясняли привычкою, предполагая, что младенецъ и дѣйствительно видитъ предметы, какъ бы они были въ немъ самомъ, и только потомъ, съ помощію чувства осязанія, исправляетъ этотъ недостатокъ. Теперь это объясненіе поколебалось; но другаго, болѣе яснаго, покуда нѣтъ. Полагаютъ, что сознаніе наше «переноситъ наружу причину каждаго свѣтоваго впечатлѣнія, упавшаго на элементы сѣтчатой оболочки, перенос каждую точку изображенія по направленію того свѣтоваго луча, по ко торому отраженіе ея перенесено въ глазъ» [1]. Такое объясненіе едва л вѣроятно; по крайней мѣрѣ, оно предполагаетъ за сознаніемъ какую-т особую способность, кромѣ способности ощущать то или другое состо ніе нервной системы, и намъ кажется даже прежнее объясненіе бол вѣроятнымъ, такъ-какъ оно подтверждается наблюденіемъ, что ребено въ первые дни своей жизни рѣшительно ни чѣмъ не выказываетъ, ч видитъ предметы внѣ его находящимися, хотя они и отражаются сѣтчатой оболочкѣ его глаза. Весьма вѣроятно, что первыя, случайн движенія, сопровождаемыя осязательными ощущеніями, мало по мал убѣждаютъ дитя въ томъ, что видимые имъ предметы существую

[1]) См. тамъ же, стр. 285.

внѣ его тѣла, и только уже впослѣдствіи пріобрѣтаетъ онъ привычку считать для себя внѣшнимъ все, что видитъ, и протягивать руку къ предмету. Сначала дитя протягиваетъ руку одинаково и къ близкому, и къ далекому предмету, и это продолжается довольно долго; слѣдовательно, и способность распознавать относительную отдаленность предметовъ дается человѣку не разомъ, а только вслѣдствіе многочисленныхъ и *сознательныхъ* опытовъ, образующихъ впослѣдствіи безсознательную привычку, такъ-что уже то или другое напряженіе глазныхъ мышцъ, то или другое движеніе ихъ отражаются въ сознаніи отдаленностію, или близостію предмета, его относительнымъ положеніемъ и т. д. 1).

22. Точно также не уяснено, почему мы видимъ одинъ предметъ двумя глазами, тогда-какъ на двухъ сѣтчаткахъ двухъ глазъ получаются одновременно два изображенія. Не много объяснимъ мы себѣ, если скажемъ, что «это можетъ происходить только потому, что въ сѣтчатыхъ оболочкахъ существуютъ съ обѣихъ сторонъ точки *(тождественныя)*, возбужденіе которыхъ относится сознаніемъ къ одной и той же точкѣ внѣшняго міра, такъ-что всякій предметъ, видимый одиночно, долженъ давать изображенія на сѣтчатыхъ оболочкахъ, падающія на тождественныя мѣста послѣднихъ; какъ только этого условія не существуетъ, предметъ начинаетъ видѣться вдвойнѣ». Здѣсь опять приписывается сознанію особенная способность, тогда-какъ у него есть только одна— сознавать состояніе нервной системы. Кромѣ того, полнаго тождества нѣтъ между двумя изображеніями одного и того же предмета на двухъ сѣтчаткахъ. «Предметъ, стоящій предъ глазами, разсматривается каждымъ изъ нихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и, слѣдовательно, образы, видимые въ перспективѣ, будутъ въ обоихъ глазахъ различны и не будутъ падать на тождественныя мѣста сѣтчатокъ». Этимъ, какъ намъ кажется, физіологія Германа сама себѣ противорѣчитъ, такъ какъ тутъ же доказывается, что одинъ и тотъ же предметъ отражается въ обоихъ глазахъ не на тождественныхъ мѣстахъ и не одинаково. Мы видимъ, такъ сказать, двѣ стороны предмета—правую и лѣвую, и если эти стороны соединяются въ нашемъ сознаніи въ одинъ предметъ, то объясненія этого должно искать, можетъ быть, въ устройствѣ мозгонаго центра, куда приносятся впечатлѣнія глазныхъ сѣтокъ, или также въ привычкѣ, пріобрѣтаемой въ безчисленныхъ опытахъ безсловеснаго, но небезсознательнаго младенчества.

23. Способность наша—опредѣлять зрѣніемъ относительную величину предметовъ, безъ сомнѣнія, зависитъ прежде всего отъ величины изображенія предметовъ на сѣтчатой оболочкѣ. Но кажущаяся величина предмета, какъ извѣстно, уменьшается съ удаленіемъ предмета, слѣдова-

---

1) Мюллеръ говоритъ: «Не въ природѣ нерва помѣщать внѣ себя содержаніе своихъ ощущеній: воображеніе, *научаемое опытомъ*, сопровождающимъ наши ощущенія, есть причина такого переноса». (Man. de Phys. T. II, p. 268).

тельно, относительной величины предметовъ, *дѣйствительную величину которыхъ мы уже знаемъ* по какому-нибудь опыту, достаточно, чтобы дать намъ понятіе объ отдаленности предмета. Кромѣ того, удаленіе предмета, какъ уже замѣчено выше, можетъ измѣряться нами ощущеніемъ большей или меньшей напряженности мышцъ, которую мы употребляемъ, чтобы ясно разсмотрѣть предметъ. Самая ясность или неясность знакомаго намъ предмета даетъ уже намъ нѣкоторое понятіе о его отдаленности или близости. Къ этому присоединяется еще, если мы смотримъ на предметъ двумя глазами, ощущеніе бо́льшаго или меньшаго *введенія осей* двухъ глазъ, которое мы дѣлаемъ для того, чтобы направить оба наши *зрячія пятна* на одинъ и тотъ же предметъ: чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ болѣе мы должны склонить оси эти одна къ другой, сводить ихъ, чѣмъ дальше—тѣмъ больше раздвигаются оси зрѣнія. Вліяніе степени сведенія зрительныхъ осей на понятіе о величинѣ предмета доказывается весьма наглядными опытами [1]).

24. Изъ всего этого краткаго очерка устройства глаза и его дѣятельности мы можемъ совершенно послѣдовательно вывести, что различныя зрительныя ощущенія суть произведенія: 1) анатомическаго устройства глаза, 2) мускульныхъ движеній, которыми этотъ органъ приспособляется къ своей дѣятельности, 3) множества привычекъ, которыя дѣлаются нами въ періодъ безсловеснаго младенчества и, наконецъ, 4) сознанія, превращающаго всѣ эти состоянія органа зрѣнія, какъ прирожденныя, такъ и пріобрѣтенныя привычкою, въ сознательныя ощущенія.

ГЛАВА VII.

Остальные органы чувствъ.

Органъ слуха.

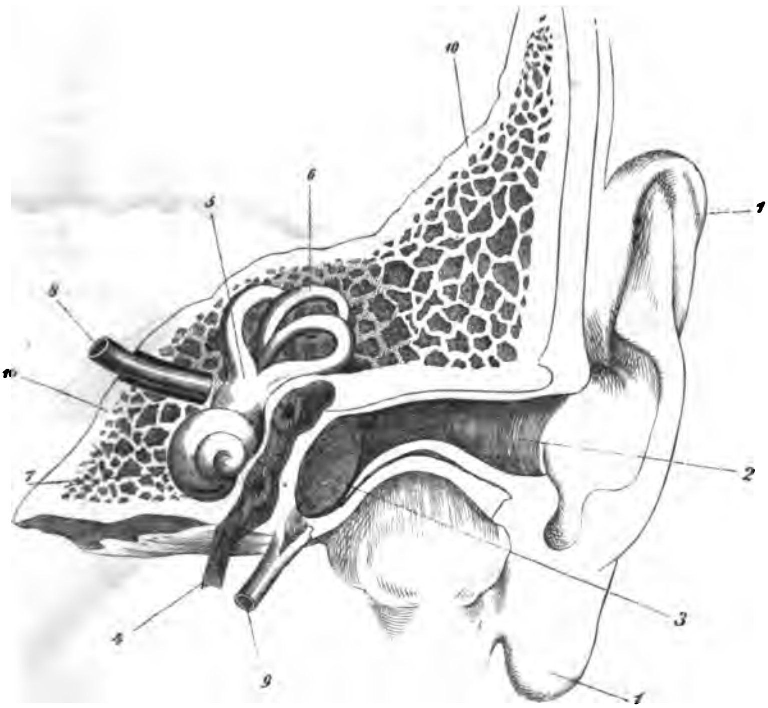
1. Мы видимъ одну наружную часть слуховаго органа, *ушную раковину*, но не видимъ ни *средней*, ни самой важной *внутренней*, которая скрыта въ *височной кости* черепа.

2. *Наружная* часть слуховаго органа, *ушная раковина*, состоит изъ воронкообразнаго хряща со множествомъ завитковъ и извилинъ Значеніе раковины еще не вполнѣ уяснено, но всего вѣроятнѣе, что она дѣйствуетъ, какъ хорошій резонаторъ, какъ дека скрипки; передавая своими тонкими и упругими стѣнками внутреннему слуховому органу колебанія воздушныхъ волнъ. Приставляя къ уху стетоскопъ или слуховую трубу, мы, такъ сказать, увеличиваемъ ушную раковину. Слуховой проходъ, начинаясь въ ушной раковинѣ, идетъ около дюйма в

[1]) Учебн. физіол. Германа, стр. 304.

глубину и оканчивается *барабанной перепонкой*, которая отдѣляетъ наружное ухо отъ *средняго*.

3. *Барабанная перепонка*, преграждающая внѣшній слуховой проходъ, будетъ въ толщину не болѣе листа почтовой бумаги, но гораздо крѣпче; она около трехъ линій въ діаметрѣ и имѣетъ круглую форму. Натянутая кожа, какою представляется эта перепонка, есть одна изъ лучшихъ средъ для передачи звуковыхъ сотрясеній. Между барабанной перепонкой и внутреннею частью слуховаго органа помѣщается *среднее*

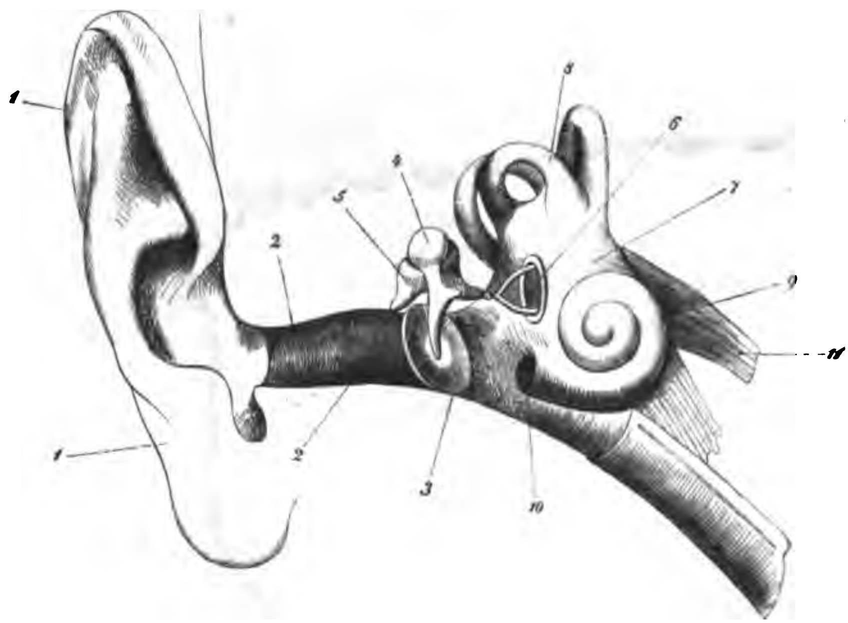
Органъ слуха. — Разрѣзъ височной кости по вертикальному направленію.

1. *Ушная раковина.* 2. Наружный *ушной каналъ.* 3. *Барабанная перепонка.* 4. Барабанная камера или *среднее ухо*, въ которомъ видны два окошечка: *овальное* и *круглое.* 5. *Преддверіе лабиринта.* 6. *Полукруговые каналы.* 7. *Улитка.* 8. *Слуховой нервъ.* 9. *Евстахіева труба.* 10. Разрѣзъ каменистой части височной кости.

ухо—небольшое пространство, наполненное воздухомъ. На противуположной стѣнкѣ *средняго уха* находятся два отверзстія (*круглое* и *овальное*), ведущія во внутреннее ухо или *лабиринтъ*: эти отверзстія также закрыты перепонками. Въ *среднемъ* ухѣ есть три маленькія косточки,

сочлененныя между собою, изъ которыхъ первая, бо́льшая, *молоточекъ*, прикрѣплёна къ внутренней сторонѣ барабанной перепонки, а послѣдняя, *стремя*, входитъ въ *овальное* отверстіе, ведущее въ *лабиринтъ*, и можетъ имѣть маленькое движеніе. Съ молоточкомъ соединена система мускуловъ, посредствомъ которыхъ мы можемъ по волѣ то натягивать барабанную перепонку, то ослаблять, приноравливая ее къ различнымъ звукамъ [1]).

4. *Внутренній* слуховой органъ очень сложенъ и потому его называютъ *лабиринтомъ*. Онъ состоитъ изъ маленькаго *перепончатаго*

Органъ слуха вынутый изъ височной кости.

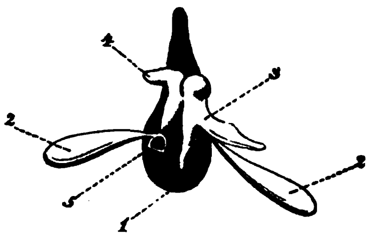
1. *Ушная раковина*. 2. *Ушной каналъ*. 3. *Барабанная перепонка*. 4. *Молоточекъ* 5. *Наковальня* 6. *Стремя*, закрывающее овальное окошечко, ведущее въ преддверіе лабиринта. 7. *Преддверіе лабиринта*. 8. Костяные *полукруговые каналы*. 9. *Улитка*. 10. *Круглое окошечко*, ведущее въ улитку 11. *Слуховой нервъ*.

мѣшка (который называется *перепончатымъ преддверіемъ*) и *улитки* Перепончатое преддверіе сообщается съ тремя перепончатыми же каналами, которые изъ него выходятъ и въ него же входятъ въ видѣ при

[1]) Натянутыя перепонки не такъ легко принимаютъ сотрясенія воздуха какъ перепонки не натянутыя (Шваннъ, стр. 72).

бавочныхъ дугъ къ мѣшку. Весь этотъ аппаратъ находится въ височной кости, какъ-бы въ футлярѣ, выдѣланномъ по формѣ этого маленькаго перепончатаго мѣшка. Но футляръ этотъ не много больше аппарата и наполненъ водою, которою, такимъ образомъ, окружено перепончатое преддверіе.

Улитка есть полый спиральный каналъ въ височной кости, сообщающійся съ той костяною полостью, въ которой находится перепончатый

Барабанная перепонка съ тремя слуховыми косточками.

1. Барабанная перепонка. 2. Мускулы, натягивающіе перепонку. 3. *Молоточекъ*. 4. *Наковальня*. 5. *Стремя*.

аппаратъ и наполненъ тою же жидкостію, какъ и эта полость. Улитка раздѣлена продольной перегородкой на два канала.

Слуховой нервъ, проходя черезъ внутреній слуховой проходъ, оканчивается своими безчисленными нитями въ *перепончатомъ преддверіи* и его *каналахъ*, а также на перегородкѣ улитки.

«Мы не знаемъ въ подробности отправленій этихъ различныхъ частей лабиринта; но если привести ихъ къ самому простому выраженію, то это—перепонка сложной формы, плавающая въ водѣ, и по ней распространяется слуховой нервъ. Все остальное въ слуховомъ органѣ имѣетъ цѣлію сообщеніе дрожаній звучащихъ тѣлъ водѣ лабиринта, а черезъ нее перепонкѣ и окончаніямъ нерва» [1]).

5. Движеніе звучащаго тѣла можетъ передаться водѣ лабиринта, а черезъ нее и окончаніямъ слуховыхъ нервовъ, двумя путями: или черезъ слуховое отверзстіе, барабанную перепонку, воздухъ и косточки средняго уха, перепонкамъ, закрывающимъ лабиринтъ, и черезъ нихъ водѣ,—или прямо чрезъ твердыя среды, кости черепа и спеціально черезъ височную кость, такъ какъ жидкость лабиринта заключается въ височной кости. Вторымъ путемъ мы слышимъ, напримѣръ, чиканье часовъ, взятыхъ въ зубы, а первымъ—всѣ звуки, передаваемые черезъ сотрясеніе воздуха. И тѣмъ, и другимъ путемъ водѣ лабиринта сообщается *волнообразное* движеніе, и эти маленькія волны, пробѣгая запутанные ходы лабиринта, приводятъ

---

[1]) Шваннъ, стр. 69 и 70.

въ дѣятельность окончанія слуховыхъ нервовъ; дѣятельность же нервовъ сказывается въ нашемъ сознаніи слуховыми ощущеніями.

6. Концевые аппараты слуховаго нерва очень разнообразны: одни напоминаютъ формою своею щетинки, приводимыя въ движеніе волнами воды, другіе оканчиваются маленькими отолитами (хрусталиками), которые, прилегая къ нервнымъ окончаніямъ, давятъ ихъ при малѣйшемъ сотрясеніи, третьи (въ улиткѣ) похожи на упругіе клавиши, которые при своемъ дрожаніи давятъ на лежащія подъ ними нервныя клѣточки.

7. Отъ высоты волнъ зависитъ *сила* ощущенія, а отъ числа колебаній въ одинъ и тотъ же періодъ времени *высота* тона. Мы можемъ еще слышать тонъ при *сорока* колебаніяхъ въ секунду и это будетъ самый низкій, а самый высокій мы слышимъ еще при 16,000 колебаній.

Мы слышимъ обыкновенно не простые тоны, а смѣшанные, т. е. *звуки* и *шумы* (смѣшенія звуковъ); но слухъ нашъ имѣетъ способность разлагать звукъ на составляющіе его тоны и, слушая многіе звуки разомъ, слѣдитъ за каждымъ звукомъ отдѣльно. Это заставило предположить, что въ ухѣ долженъ существовать особый аппаратъ для такого разложенія звуковъ на основные тоны и этотъ аппаратъ предполагаютъ въ улиткѣ, думая, что тоны ея клавишъ различны, такъ-что простой тонъ, «пробѣгающій по улиткѣ, колеблетъ сильно только одну клавишу, и очень слабо сосѣднія. Звукъ же или сочетаніе тоновъ будетъ колебать тѣ клавиши, которыхъ собственные тоны соотвѣтствуютъ составнымъ частямъ звука, все равно какъ гласный звукъ, пропѣтый около фортепьянъ, заставляетъ звучать только тѣ струны, тоны которыхъ входятъ въ составъ этого звука. Чтобы вполнѣ опредѣлить способность уха слышать и анализировать звуки, нужно еще принять, что къ каждому клавишу (ихъ насчитываютъ въ улиткѣ до 3,000) подходитъ отдѣльное нервное волокно, оканчивающееся въ мозгу отдѣльнымъ аппаратомъ. Наконецъ, надобно принять, что въ дѣлѣ слуховыхъ ощущеній, не такъ какъ въ свѣтовыхъ, вниманіе можетъ сосредоточиваться и на одномъ нервномъ волокнѣ» [1]). Слѣдовательно, новѣйшая физіологія, слѣдуя Гельмгольцу, предполагаетъ, что слуховые клавиши уже отъ природы какъ бы настроены на различные тоны, точно также, какъ концевые аппараты зрительнаго нерва уже отъ природы настроены подъ вибрацію того или другаго свѣтоваго луча. Въ этомъ отношеніи дѣятельность слуховаго и зрительнаго органа чрезвычайно сходны; но кто скажетъ, откуда происходитъ столь рѣзко замѣчаемое нами различіе между свѣтовыми и звуковыми ощущеніями?

8. Обратимъ еще особенное вниманіе на тотъ фактъ, что человѣкъ по волѣ можетъ приготовлять къ дѣятельности или удалять отъ нея любые клавиши своего слуховаго нерва. Еще Мюллеръ замѣтилъ, что музыкантъ, слушая цѣлый оркестръ, можетъ выбрать въ немъ какой–ни-

---

[1]) Учебникъ Физіол. Германа, стр. 316, 317.

будь одинъ инструментъ и слѣдить за игрой именно этого инструмента [1]). Не показываетъ ли это, что душа наша не только можетъ имѣть вліяніе на двигательные нервы, но и на нервы чувствующіе, приводя ихъ въ то напряженное состояніе, которое нужно для того, чтобы внѣшнія впечатлѣнія передались имъ съ силою и ясностію? Правда, Германъ приписываетъ эту возможность только слуховымъ нервамъ, но это едва-ли справедливо. При сосредоточенности нашего вниманія на какой-нибудь мысли, мы смотримъ во всѣ глаза на предметъ и не видимъ его, хотя, безъ сомнѣнія, по законамъ оптики, онъ точно также, какъ и всегда, рисуется на нашей ретинѣ. Правда, мы не можемъ произвольно видѣть одинъ цвѣтъ и не видѣть другаго; но если вниманіе наше отвлечено, то мы точно также не видимъ предмета, какъ будто бы онъ и не отражался на сѣтчаткѣ нашего глаза [2]).

Способность наша произвольно натягивать и ослаблять барабанную перепонку и тѣмъ усиливать и ослаблять тоны [3]), соотвѣтствуетъ способности нашей закрывать и открывать вѣки. Но власть наша надъ органомъ слуха простирается гораздо далѣе: мы можемъ, не заграждая вообще звукамъ пути въ нашъ слуховой органъ, слышать чутко только одни и не слышать другихъ, что̀ дѣлаетъ музыкантъ, слѣдящій за игрою одного инструмента въ цѣломъ оркестрѣ, и этого мы можемъ достичь не иначе, какъ прямымъ вліяніемъ воли на концевые аппараты слуховыхъ нервовъ [4]). Это мы можемъ дѣлать какъ подъ вліяніемъ нашей воли, такъ и подъ вліяніемъ нашихъ привычекъ, наклонностей и страстей: слухъ нашъ всегда открытъ тѣмъ звукамъ, которые насъ особенно занимаютъ. Такъ, служащіе при телеграфахъ, засыпая иногда столь глубокимъ сномъ, что и громкій крикъ ихъ не пробуждаетъ, пробуждаются отъ легкаго стука телеграфическаго прибора; такъ, утомленная мать, забывшись крѣпкимъ сномъ, не слышитъ громкаго стука и въ тоже время слышитъ легкій стонъ младенца или его движеніе въ колыбели.

---

[1]) Physiologie p. I. Müller. T. II. p. 273.

[2]) «Безъ перемѣны оси зрѣнія, говоритъ Мюллеръ, вниманіе наше можетъ обращаться на ту часть видимаго предмета, которая лежитъ въ сторонѣ. Смотря на сложную геометрическую фигуру и не передвигая оси зрѣнія, мы можемъ разсматривать послѣдовательно различные элементы, составляющіе эту фигуру, и не обращать вниманія на остальные» (Man. de Phys. T. II. p. 272). Но, конечно, здѣсь вниманіе дѣйствуетъ чрезъ зрительные нервы, возбуждая одни, ослабляя другіе.

[3]) Мюллеръ утверждаетъ, что изъ двухъ одновременно шепчущихъ намъ на ухо людей мы можемъ слышать того, кого захотимъ (Man. de Phys. T. II. p. 273). Слѣдовательно, натягивая барабанную перепонку одного уха, мы можемъ въ тоже время ослаблять другую.

[4]) Ib. p. 272.

Съ перваго раза кажется, что этой власти человѣка надъ органомъ слуха нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ отношеніи органа зрѣнія, но и здѣсь легко замѣтить, что, смотря на одну и ту же картину природы, сельскій хозяинъ увидитъ въ ней тѣ черты, которыхъ вовсе не увидитъ живописецъ, и наоборотъ; а опытный корректоръ замѣтитъ въ корректурномъ листѣ десятки опечатокъ, которыхъ совершенно не будетъ видѣть человѣкъ, непривыкшій держать корректуру.

9. Особенное значеніе для психологіи имѣетъ замѣчаніе, сдѣланное физіологіею, «что для произведенія ощущенія звука необходимо, по крайней мѣрѣ, два слѣдующихъ другъ за другомъ колебанія. Одиночное колебаніе чувствуется какъ толчекъ [1])». Слѣдовательно для сознанія *звукъ есть выводъ изъ сравненія,* по крайней мѣрѣ, двухъ ударовъ, гдѣ же сравненіе становится невозможнымъ, тамъ уже и звука нѣтъ. Даже одиночный ударъ сознаніе ощущаетъ только потому, что можетъ сравнивать и различать два свои собственныя состоянія: внѣ вліянія этого удара и подъ его вліяніемъ [2]). Еслибы этотъ ударъ, не прерываясь и не колеблясь, все въ одной и той же силѣ продолжался вѣчно, то мы не ощущали бы его, потому что сознанію не съ чѣмъ было бы его сравнить или сравнить своего одного состоянія со своимъ другимъ состояніемъ.

«При сочетаніи очень многихъ различныхъ тоновъ, такъ что ухо не можетъ уже ихъ разложить, или если тоны слѣдуютъ такъ быстро другъ за другомъ, что не успѣетъ еще пройти впечатлѣніе перваго, какъ появляется другой,—звукъ теряетъ періодичность, и ощущеніе, происходящее отсюда, называется шумомъ [3])». Спрашивается, что же такое звукъ,—какъ не способность сознанія сравнивать и различать различныя колебанія концевыхъ аппаратовъ слуховаго нерва, колебанія, соотвѣтствующія различнымъ вибраціямъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, составляющихъ слуховой органъ?

10. Но отчего же зависитъ самая *гармонія* звуковъ? «Если нѣсколько тоновъ или звуковъ одновременно дѣйствуютъ на слухъ, то, какъ извѣстно, происходитъ пріятное или непріятное ощущеніе, что происходитъ отъ отношенія чиселъ колебаній, входящихъ въ аккордъ звуковъ. Различаютъ на этомъ основаніи гармоническія и диссонантныя сочетанія звуковъ. Всего болѣе согласны звуки, состоящіе въ отношеніяхъ октавы (1:2) или основной тонъ съ дуодецимой (1:3). За ними слѣдуютъ: квинта (2:3), кварта (3:4), большая секста (3:5), большая терцъ (4:5), маленькая секста (5:8), малая терцъ (5:6) и т. д. Эти явленія легко объясняются слѣдующей гипотезой (Helmholtz):

---

[1]) Германъ, стр. 117.

[2]) Поразительно, какъ Аристотель при тогдашнемъ состояніи естествознанія могъ предвидѣть эту истину. Arist. de anima. lib. III. cap. 2. Uebers. von Weisse 1829. S. 69.

[3]) Германъ, стр. 317.

диссонансъ есть результатъ *колебаній, силы звука* (Schwebungen), происходящихъ вслѣдствіе интерференціи двухъ различныхъ по длинѣ волнъ. Именно, въ случаѣ, когда волны сходятся одноименными частями, возвышеніями или долинами, звуки должны усиливаться, а въ противномъ случаѣ ослабѣвать. Періоды колебанія силы звука должны, очевидно, быть равны разности между числами колебаній обоихъ тоновъ. Слѣдовательно, колебанія силы тѣмъ рѣже, чѣмъ меньше интервалъ между обоими тонами и чѣмъ ниже послѣдніе. Если колебанія эти на столько часты, что въ нихъ не могутъ быть ощущаемы отдѣльные толчки, то они производятъ непріятное звуковое впечатлѣніе. Самыя рѣзкія и непріятныя ощущенія бываютъ при 33 колебаніяхъ силы въ секунду. На основаніи сказаннаго, звуки тѣмъ менѣе гармоничны, чѣмъ больше колебаній силы можетъ произойти изъ встрѣчи составляющихъ ихъ тоновъ между собою или съ сочетанными тонами [1])».

11. Этимъ объясняется происхожденіе диссонанса, но нисколько не объясняется, почему диссонансъ производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе. Намъ кажется, что это послѣднее обстоятельство можно объяснить тѣмъ, что душа наша, по самой природѣ своей, требуетъ жизни, т. е. дѣятельности, а потому тѣмъ большее испытываетъ удовольствіе, чѣмъ обширнѣе и безпрепятственнѣе можетъ совершаться эта дѣятельность, и, наоборотъ — испытываетъ неудовольствіе, если начатая ею дѣятельность вдругъ встрѣчаетъ помѣху. Главная же дѣятельность сознанія, одной изъ трехъ душевныхъ способностей, состоитъ въ безпрестанномъ различеніи и сравненіи и вотъ почему сознаніе, вызванное къ дѣятельности звуками, требуетъ возможности различать и сравнивать, а диссонансъ является помѣхой этой дѣятельности. Чѣмъ обширнѣе дѣятельность, представляемая звуками сознанію, чѣмъ успѣшнѣе можетъ быть совершаема эта дѣятельность по свойству звуковъ, тѣмъ живѣйшее удовольствіе испытываетъ наша душа [2]). Диссонансъ непріятно поражаетъ насъ, какъ помѣха сравнивающей и различающей дѣятельности сознанія, какъ камень, падающій намъ подъ ноги, когда мы идемъ полнымъ ходомъ. Кромѣ того, степень удовольствія, получаемая нами отъ сочетанія звуковъ, зависитъ и отъ ихъ разнообразія. Нервныя волокна слуховаго нерва, точно такъ же какъ нервныя волокна органа зрительнаго утомляются, и потому одни и тѣ же тоны, вызывающіе къ дѣятельности одни и тѣ же клавиши окончаній слуховыхъ нервовъ, должны насъ утомлять. Но, и наоборотъ, разнообразіе не должно быть слишкомъ велико, такъ какъ слуховыя нервныя нити стремятся къ повторенію и намъ (какъ мы это увидимъ въ главѣ о памяти) именно нравится повтореніе, какъ дѣя-

---

[1]) Ibid., стр. 318.

[2]) Но это не есть еще собственно *эстетическое удовольствіе*, а только *средство его*, какъ это будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ.

тельность для насъ относительно легкая, а между тѣмъ все же дѣятельность. Однако и повтореніе намъ не нравится, если оно безпрестанно, потому что дѣятельность, которой требуетъ сознаніе, при слишкомъ частыхъ повтореніяхъ, будетъ уже слишкомъ ничтожна, и наконецъ, обратившись въ навыкъ, совсѣмъ прекратится. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что удовольствіе можетъ зависѣть такъ же отъ большаго или меньшаго числа клавишей, задѣваемыхъ звуками.

12. Но звуки, которые мы уже прослушали, не исчезаютъ изъ нашей памяти и слѣды слышаннаго вносятся нами въ то, что мы еще слушаемъ: этимъ открывается новое поле для работы сознанія—для сравненій и различеній. Вотъ почему слухъ нашъ требуетъ не только того, чтобы не было диссонанса въ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ звукахъ, но чтобы не было его между началомъ, срединою и окончаніемъ музыкальной пьесы. Словомъ наше сознаніе, для своей безпрестанной и успѣшной работы въ мірѣ звуковъ, требуетъ, чтобы звуки, его занимающіе, были разнообразны и въ тоже время выходили какъ бы изъ одного мотива, чтобы мы ощущали разомъ и удобство повторенія и прелесть новизны, чтобы различающая и сравнивающая работа сознанія совершалась обширно, разнообразно и вездѣ успѣшно, чтобы ни одинъ толчекъ диссонанса не мѣшалъ этой работѣ и чтобы, наконецъ, работа эт усложнялась вмѣстѣ съ развитіемъ музыкальной пьесы и, въ тоже время трудность самой работы не увеличивалась. Мы, такъ сказать, вносим начало музыкальной пьесы въ ея средину, а начало и средину въ конецъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширяется работа нашего сознанія. М жетъ быть ни въ чемъ такъ не видно, какъ въ нашихъ музыкальны ощущеніяхъ, до какой степени сознаніе можетъ расширить кругъ свои работъ,—одновременныхъ сравненій и различеній, и испытывать м жество разнообразныхъ слуховыхъ ощущеній, если только эти ощуще нигдѣ не сталкиваются между собою и не даютъ непріятныхъ толчк обширно работающему сознанію.

13. Окончивъ краткое обозрѣніе устройства и дѣятельности зрит наго и слуховаго органа, мы просимъ читателя обратить вниманіе н обстоятельство, что при нынѣшней теоріи звука и свѣта, какъ св выя, такъ и звуковыя явленія всѣ сводятся на движеніе матер ныхъ молекюлей, въ первомъ случаѣ неосязаемаго свѣтоваго эфи во второмъ на движеніе молекюлей воздуха и другихъ осязаемыхъ Слѣдовательно, всякое свѣтовое и всякое звуковое явленіе есть во в ней для насъ природѣ только движеніе, и единственно въ насъ, в шемъ сознаніи, превращаются эти движенія въ звуки, цвѣта, свѣ тѣнь. Такимъ образомъ мнѣніе философовъ іонической школы, котор свидѣтельству Аристотеля, утверждали, что «безъ зрѣнія нѣтъ в ни бѣлаго, ни чернаго»[1]), оправдываются новѣйшею физіологіею, п

[1]) Aristot. De anima. Lib. III. c. 2.

тая только другое выраженіе, какое напр. даетъ ему I. Мюллеръ, а именно, что «безъ живаго уха нѣтъ звуковъ, а безъ живаго глаза нѣтъ ни красокъ, ни свѣта, ни тьмы» [1]).

Органъ обонянія.

14. О дѣятельности органа обонянія физіологія знаетъ очень мало; извѣстно только, что концевые аппараты *обонятельнаго нерва*, распространяющіеся въ верхней части внутренней оболочки носа, возбуждаются къ дѣятельности газообразными веществами при проходѣ ихъ чрезъ носовую полость. «Возбужденіе происходитъ, по видимому, только въ первую минуту соприкосновенія, потому что ощущеніе поддерживается только тогда, если въ насъ входятъ новыя и новыя порціи пахучаго вещества, и ощущеніе бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чаще происходитъ возобновленіе частичекъ [2])». Душистая жидкость, прямо соприкасающаяся съ обонятельными нервами, у людей не даетъ обонятельнаго ощущенія. Въ связи съ этимъ находится и то явленіе, что для произведенія обонятельнаго ощущенія необходимо движеніе пахучаго вещества: при удержаніи дыханія, а равно и при выдыханіи, по замѣчанію Аристотеля, обонятельныя ощущенія не происходятъ, хотя бы обонятельная полость и была наполнена душистымъ газомъ [3]).

15. Замѣтимъ, кстати, что въ языкѣ нѣтъ словъ для наименованія различныхъ запаховъ и что мы называемъ ихъ только по тѣмъ тѣламъ, которымъ они принадлежатъ: запахъ розы, запахъ табаку и т. д. Аристотель прямо объясняетъ это тѣмъ, что «чувство обонянія у человѣка слабо: слабѣе, чѣмъ у многихъ другихъ животныхъ» [4]). Но намъ кажется, что это явленіе находится въ связи съ другимъ и именно съ тѣмъ, что мы только рѣдко, при сильномъ вліяніи пассивнаго воображенія, возпроизводимъ субъективно чувство запаха, и рѣшительно не можемъ воспроизвести его произвольно, какъ воспроизводимъ ощущенія свѣтовыя [5]). Мы различаемъ запахи только тогда, когда они на насъ дѣйствуютъ. Но такъ-какъ мы даемъ имена собственно не предметамъ и явленіямъ природы, а нашимъ понятіямъ или представленіямъ этихъ предметовъ и явленій, то и нѣтъ у насъ названій для запаховъ, кото-

---

[1]) Man. de Phys. T. II. p. 261. von Weisse. S. 69.

[2]) Уч. Физ. Германа. Стр. 322.

[3]) Опыты показываютъ, что жидкостей, соприкасающихся прямо съ носовою полостью, человѣкъ не обоняетъ; но животныя, живущія въ водѣ, безъ сомнѣнія имѣютъ эту способность, какъ замѣтилъ еще Аристотель и подтверждаетъ I. Миллеръ. (Man. de Phys. T. II. p. 267. Arist. L. II. Cap. 9).

[4]) Arist. De anima. L. II. Cap. 9. Ueb. von Weisse. S. 54.

[5]) Psycho-Phys. von Fechner. T. II. S. 479. Тоже наблюденіе сдѣлано въ отношеніи сновидѣній.

рыхъ мы не можемъ себѣ представить, а потому и не можемъ подраздѣлить ихъ на роды и виды. Мы не могли образовать общихъ понятій изъ частныхъ явленій запаховъ, а это лишило насъ возможности дать имъ названія. Мы ощущаемъ частныя явленія, но не можемъ мыслить о нихъ, а потому и не могли наименовать ихъ.

16. Аристотель называетъ чувство вкуса особымъ видомъ осязанія [1]; но намъ кажется, что это же самое можно сказать, еще по большему праву, о чувствѣ обонянія. «По отношенію ко многимъ газообразнымъ и парообразнымъ элементамъ, говоритъ Миллеръ, трудно отличить осязательныя ощущенія отъ обонятельныхъ, таковы: аммоніакъ въ состояніи газа, хрѣнъ, горчица и пр. Ощущенія, отъ нихъ испытываемыя, очень похожи на осязаніе и аналогія становится еще разительнѣе, когда подумаешь, какъ эти ѣдкіе пары дѣйствуютъ на слизистую ткань вѣкъ» [2].

Органъ вкуса.

17. О дѣятельности органа вкуса знаютъ также мало: не опредѣлен
съ точностію даже поверхности, ощущающія вкусъ. Вкусовыя ощущ
нія сопровождаются иногда ощущеніями обонятельными, а иногда
осязательными, отъ которыхъ ихъ трудно отдѣлить. Нервы вкуса вс
буждаются къ дѣятельности жидкостями, но отчасти и газами, имѣющ
ми вкусъ. «Какими свойствами тѣлъ обусловливаются тѣ неопредѣле
ные характеры вкусовыхъ ощущеній, которые мы обозначаемъ слова
сладкое, горькое, кислое—неизвѣстно». Вкусъ развивается замѣтны
образомъ отъ упражненія и можно въ этомъ отношеніи достигнуть
высокой степени, которою отличаются истые гастрономы, и въ осо
ности знатоки винъ.

18. Что вкусовыя ощущенія иногда бываетъ трудно отличить
осязательныхъ, въ этомъ каждый можетъ убѣдиться на себѣ, кушая
роженое, кисель, устрицъ и вообще что-нибудь такое, при чем
число вкусовыхъ ощущеній входитъ температура или гладкость пр
та. Нѣтъ нужды доказывать, что обонятельныя ощущенія еще т
осязательныхъ связаны съ вкусовыми, и что иногда невозможно
чить, наслаждаемся ли мы запахомъ или вкусомъ пищи. Субъект
ощущенія вкуса чаще и легче воспроизводятся, чѣмъ субъективныя
щенія обонянія; видъ кислаго возбуждаетъ въ насъ чувство оск
воспоминаніе сильной горечи невольную дрожь и т. п. Вотъ почем
различныхъ вкусовъ мы имѣемъ нѣсколько спеціальныхъ назва
все же очень мало [3].

---

[1]) Arist. De anima. L. II. Cap. 10. Weisse. S. 57.

[2]) Man. de Phys. p. Müll. T. II. p. 469.

[3]) Даже о числѣ основныхъ вкусовъ еще не условились: Платонъ
ленъ считаютъ ихъ 7; Аристотель и Теофрастъ 8; нѣкоторые 1
16. (См. Read T. I. p. 116. Примѣчаніе Гамильтона).

Органъ осязанія.

19. Органъ осязанія, какъ мы уже сказали, распространенъ въ кожѣ и въ сходныхъ съ нею слизистыхъ оболочкахъ, которыя въ сущности тоже видоизмѣненная кожа. Концевые аппараты осязательныхъ нервовъ мало изслѣдованы, хотя и открыто уже нѣсколько различныхъ формъ ихъ, какъ наприм. *осязательныя тѣльца* Вагнера, встрѣчающіяся особенно на ладони и подошвѣ и состоящія изъ продолговатыхъ пузырьковъ съ поперечными полосками. Но характеръ дѣятельности этихъ аппаратовъ совершенно неизвѣстенъ. Раздражать концевые аппараты осязательныхъ нервовъ можно электрическими, химическими, термическими вліяніями, но не колебаніями свѣтовыхъ волнъ.

20. Въ осязательныхъ ощущеніяхъ много родственнаго съ *ощущеніемъ боли* и *мускульнымъ чувствомъ*; однако же намъ кажется, что къ осязательнымъ ощущеніямъ собственно слѣдуетъ причислить только два характеристическіе рода ощущеній: *осязаніе въ тѣсномъ смыслѣ слова*, посредствомъ котораго мы ощущаемъ поверхность предметовъ, и *ощущеніе тепла* и *холода*. Существуютъ ли разные нервы для обоихъ родовъ этихъ ощущеній, или они передаются одними и тѣми же нервами—неизвѣстно. Но специфическій характеръ этихъ ощущеній кажется указываетъ на существованіе и отдѣльныхъ нервовъ. Осязательныя ощущенія въ тѣсномъ смыслѣ особенно сильны въ концахъ пальцевъ рукъ и на кончикѣ языка, въ губахъ, вообще въ лицѣ и всего менѣе въ спинѣ.

21. Осязательное ощущеніе происходитъ только въ то мгновеніе, когда мы прикасаемся къ тѣлу: потомъ же оно быстро замѣняется ощущеніемъ давленія. Если опустить руку въ воду, согрѣтую до температуры кожи, то мы получаемъ осязательное ощущеніе въ минуту соприкосновенія съ жидкостью, а затѣмъ оно исчезаетъ. «Подобными опытами не трудно убѣдиться, что вообще осязательное ощущеніе происходитъ только подъ условіемъ, если давленіе на чувствующую поверхность претерпѣваетъ колебанія» [1]).

При сильномъ раздраженіи осязательныхъ нервовъ, говорятъ нѣкоторые физіологи, ощущается боль. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Гризингеръ, приписываютъ боль ненормальной дѣятельности нерва; но Гассе говоритъ, «что мы не имѣемъ никакого основанія приписывать нерву и

---

[1]) Учеб. Физ. Германа, стр. 328. Замѣтимъ, между прочимъ, что то же условіе мы встрѣчали уже въ актѣ слуха и актѣ обонянія. Не существуетъ ли оно въ актѣ зрѣнія? Да, но только въ другой формѣ, сообразной этому акту. Мы ощущаемъ цвѣтъ предмета только потому, что переходимъ къ этому ощущенію отъ ощущенія другихъ цвѣтовъ, или отъ воспоминанія этихъ ощущеній. Если бы все было, напр., краснаго цвѣта, то мы не ощущали бы никакого цвѣта.

при его возвышенной дѣятельности другой роли кромѣ роли, передаточной, потому что и здѣсь онъ работаетъ, какъ и при проводѣ каждаго другаго ощущенія» [1]). Не вдаваясь въ этотъ темный вопросъ, мы замѣтимъ только, что между ощущеніемъ боли и ощущеніемъ осязанія мало общаго; напротивъ, когда мы ощущаемъ боль, то ощущеніе осязанія уже прекращается. Чтобы осязать предметъ, мы должны водить по немъ пальцами слегка, т. е. дотрогиваться до предмета только окончаніями осязательныхъ нервовъ, и притомъ безпрестанно мѣнять точки соприкосновенія, т. е. другими словами, *давать сознанію возможность сравнивать и различать цѣлый рядъ точекъ соприкосновенія*. Прикоснувшись пальцами крѣпче къ предмету, мы уже задѣваемъ мускулы и получаемъ мускульное, а не осязательное ощущеніе. Мускульное же ощущеніе передаетъ намъ чувство силы, которую мы тратимъ преодолѣвая какое-нибудь препятствіе, почему Веберъ и назвалъ его — Kraftsinn. При познаваніи нами предметовъ эти два ряда ощущеній мускульное и осязательное, взаимно дополняютъ другъ друга: рука наш именно и есть такой превосходный инструментъ, въ которомъ соединен самыя тонкія осязательныя и самыя тонкія мускульныя ощущенія; кромѣ того, дана ей возможность самыхъ разнообразныхъ движеній, отч она можетъ обнимать предметъ, и разомъ испытывать его форму, отно тельную упругость или мягкость, тяжесть, температуру, шероховато и движеніе, если оно есть.

22. Со времени Вебера осязательныя и мускульныя ощущенія і вергались весьма точнымъ измѣреніямъ въ отношеніи того, какую ницу можетъ замѣчать сознаніе въ ряду постепенно увеличивающ тяжестей, и на сколько можетъ оно различать два одновременныя осяза ныя ощущенія, напр., на сколько должно раздвинуть ножки циркуля, ч мы могли различить не одно, а два различныхъ прикосновенія. При з замѣчено, напр., что маленькое кольцо, форма котораго ясно ощущ еще оконечностями пальцевъ, даетъ на спинѣ безформенное осязате впечатлѣніе. «Двойственность ощущенія получается только подъ усло если между раздражаемыми точками кожи лежитъ нѣсколько нетрон осязательныхъ участковъ [2])». Упражненіе замѣчательно уменьшает стояніе между двумя ощущаемыми точками прикосновенія, и любоı что при упражненіи кожи въ одной половинѣ тѣла утончается і съ тѣмъ чувствительность къ формѣ въ симметричной части тѣла гой стороны. Замѣчательно также, что разстояніе между ножкал куля, дающими различаемыя впечатлѣнія, можно уменьшить, ес вить ихъ не разомъ, а одну за другою, т. е. если сознаніе наш ляетъ не только мѣстомъ, но и временемъ одно ощущеніе отъ

[1]) Handbuch der Speciallen Pathol. Redig. von Virchov. 1855. B. I' von Hasse S. 24.

[2]) Учеб. Физ. Германа, стр. 133.

и сравниваетъ уже не два ощущенія, а *слѣдъ* ощущенія и ощущеніе.

23. Физіологи принимаютъ, что осязательные нервы, какъ и зрительные, идутъ, не сливаясь съ другими, до головнаго мозга и каждый несетъ свое особое впечатлѣніе, слѣдовательно и въ актѣ осязанія, какъ и въ актѣ зрѣнія, сознаніе наше получаетъ мозаическую картину одновременныхъ, но разномѣстныхъ точекъ соприкосновенія и соединяетъ всѣ эти разномѣстныя движенія различныхъ нервовъ въ одно ощущеніе. Вотъ новое доказательство, что не нервъ ощущаетъ движеніе свое и въ тоже время движеніе другихъ нервовъ, а эти разномѣстныя и разновременныя движенія различныхъ нервовъ ощущаются сознаніемъ, которое и превращаетъ ихъ въ одно ощущеніе [1]).

24. Тепловыя ощущенія мы испытываемъ подъ условіемъ, чтобы была разница въ температурѣ нашего тѣла и ощущаемаго предмета. Выше 47° Цельсія мы уже ощущаемъ боль. Когда температура ощущаемаго тѣла сравняется съ температурою кожи, то ощущеніе прекращается. Слѣдовательно мы и здѣсь ощущаемъ только колебанія, различія, словомъ, ощущаемъ только тогда, когда сознаніе наше имѣетъ возможность сравнивать и различать.

25. Въ существованіи отдѣльныхъ нервныхъ нитей, для проведенія чувства осязанія, физіологи уже убѣдились. Но есть ли особенные нервы для передачи чувства боли—не извѣстно. Правда, при употребленіи хлороформа больные не чувствуютъ боли, продолжая ощущать прикосновеніе [2]), но можетъ быть при этомъ уничтожается возможность такой степени возбужденія въ нервѣ, которая уже вызываетъ чувство боли [3]).

Всякій знаетъ, что чувство боли очень разнообразно; но всѣ попытки подвести болѣзненныя ощущенія подъ опредѣленные виды оказались недостаточными.

Безъ сомнѣнія особенныя нервныя нити существуютъ и для мышечнаго чувства, но о мышечномъ чувствѣ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ, говоря о мышцахъ.

Вообще, въ послѣднее время физіологія, кажется, склоняется къ тому, чтобы принять существованіе специфическихъ нервовъ для различныхъ основныхъ ощущеній. Если мы признаемъ, что въ глазу есть

---

[1]) Два отдѣльныя осязательныя ощущенія сливаются въ одно, «если промежутокъ между ножками циркуля раздражать легкимъ щекотаньемъ или индукціонными токами», т. е. другими словами, сознаніе наше перестаетъ различать ощущенія, такъ-какъ они идутъ сплошнымъ рядомъ.

[2]) Учебн. Физіол. Германа, стр. 329.

[3]) «Боль, по мнѣнію Гассе, условливается возбужденіями не однихъ осязательныхъ нервовъ, но вообще всѣхъ нервовъ чувства и даже появляется въ такихъ частяхъ тѣла, въ которыхъ вовсе нѣтъ обыкновеннаго осязанія.» Handb. der Path. B. IV, s. 21.

особые нервы для каждаго основнаго цвѣта, а въ ухѣ—особые для каждаго тона, то еще основательнѣе будетъ принять, что существуютъ особые специфическіе нервы для передачи ощущеній осязанія, мышечныхъ сокращеній, тепла, боли и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ специфическихъ ощущеній.

26. Аристотель придаетъ необыкновенную важность чувству осязанія и даже приписываетъ остротѣ и обширности его у людей (такъ какъ большая часть человѣческаго тѣла не покрыта волосами) превосходство человѣческаго ума, сравнительно съ другими животными [1]). Но такое обширное значеніе можно было придавать осязанію только тогда, когда изъ него не было выдѣлено *чувство мускульное*. Если же з осязаніемъ оставить только ощущеніе прикосновенія къ кожѣ и слизи стой оболочкѣ, замѣняющей кожу, напр. во рту и носу, а также ощу щеніе температуры тѣлъ и, можетъ быть, то специфическое *чувст щекота*, которое Скалигеръ и Бюффонъ предполагали назвать *шесты* чувствомъ, то осязаніе потеряетъ много своего значенія для психическ жизни и снизойдетъ въ одинъ разрядъ съ чувствами обонянія и вку которыя также мало вносятъ матерьяла въ наши психическія работы.

Ощущенія общія.

27. Кромѣ этихъ, все же еще сколько-нибудь опредѣленныхъ изученныхъ ощущеній, есть еще множество такъ называемыхъ *общ ощущеній*, которыя мы испытываемъ, но причины которыхъ мы о мало знаемъ, таковы: ощущеніе голода, жажды, тошноты, физиче тоски, головокруженія и множество особенныхъ болѣзненныхъ ощ ній. Кажется, по неопредѣленности этихъ ощущеній, можно пред жить, что они передаются головному мозгу, а чрезъ него и сознані *непосредственно* по отдѣльнымъ нервнымъ волокнамъ, а только *чре средство* цѣлыхъ собраній нервныхъ узловъ или ганглій, такъ чт ощущаемъ уже не дѣятельность нервныхъ нитей и ихъ мозговыхъ чаній, а дѣятельность цѣлыхъ системъ ганглій. Вмѣстѣ съ этимъ застъ возможность, такъ сказать, точко-образныхъ впечатлѣній и ются ощущенія обширныя, неопредѣленныя, слитныя и которыхъ но по этому мы не можемъ себѣ представить въ воображеніи.

Эти общія неопредѣленныя ощущенія играютъ, тѣмъ не очень важную роль въ нашей психо-физической дѣятельности. Д постоянно, они постоянно вмѣшиваются въ ряды нашихъ опредѣл ощущеній, такъ сказать занимаютъ интервалы между ними, и т мымъ даютъ направленіе этимъ ощущеніямъ,—что мы изложим въ главахъ о вниманіи и воображеніи.

[1]) Arist. De anima. L. II. cap. 9. Uebers. von Weisse 1829. s. 55. «В ніи всѣхъ чувствъ человѣкъ остается позади многихъ животныхъ; н у него гораздо острѣе, чѣмъ у другихъ; потому онъ и умнѣйшее вотныхъ».

ГЛАВА VIII.

Мускулы. Мускульное чувство. Органъ голоса.

Мускулы.

1. Непосредственною причиною всѣхъ тѣхъ движеній, которыя составляютъ отличительный признакъ животныхъ организмовъ, являются *мускулы*, или вообще мускульное вещество, облегающее почти весь остовъ человѣка и сверху закрытое кожею. Вещество это краснаго цвѣта и на обыденномъ языкѣ называется мясомъ. Анатомія различаетъ два рода мускуловъ или мышцъ: *рубчатыя*, которыя иначе называются *произвольными*, ибо движенія ихъ, за немногими исключеніями, подчинены волѣ,—и *гладкія*, или органическія мышцы, волѣ неподчиненыя и служащія для движеній органическихъ, вызываемыхъ растительными процессами. Для нашей психологической и педагогической цѣли важны только мышцы перваго рода, которыми мы и займемся исключительно.

2. Хотя мускульное вещество облегаетъ почти весь остовъ человѣка, но оно не составляетъ сплошной массы, а состоитъ само изъ множества продолговатыхъ пучковъ, отдѣльныхъ мускуловъ или мышцъ, имѣющихъ большею частію веретенообразную форму. Пучки эти очень различны по толщинѣ и длинѣ, и въ свою очередь раздѣляются на меньшіе пучки. Это дробленіе мускуловъ доходитъ до такъ называемыхъ *первичныхъ* пучковъ, которые опять же не состоятъ изъ одной массы, а раздѣляются на тонкія мускульныя волокна, безчисленное множество которыхъ, собранное въ пучки различной толщины, и составляетъ каждый мускулъ. Каждый мускулъ облеченъ особенною *клѣтчатою тканью*, которая, проникая въ самый мускулъ, облекаетъ и соединяетъ отдѣльные пучки, его составляющіе. Въ этой клѣтчатой соединительной ткани проходятъ кровеносные сосуды и нервы. Такимъ сложнымъ устройствомъ мускуловъ, при которомъ не только каждый мускулъ и каждый пучекъ его, но и каждое мускульное волокно можетъ имѣть свое особенное движеніе, объясняется матеріальная возможность того неуловимаго разнообразія безчисленныхъ движеній, къ которому способно человѣческое тѣло, а въ особенности физіономія человѣка, его голосовой органъ и его языкъ, который есть ничто иное, какъ одинъ большой мускулъ.

3. Отдѣльное мускульное волокно представляется намъ черезвычайно тонкою трубочкою, наполненною полужидкимъ веществомъ, физіологическое значеніе котораго мало извѣстно. Въ коротенькихъ мускулахъ волокна идутъ во всю длину ихъ, а въ длинныхъ прерываются; тогда волокно представляется ни чѣмъ инымъ, какъ растянутою и замкнутою растительною клѣточкою.

4. Большая часть мускуловъ прикрѣплены къ костямъ, движеніями которыхъ они управляютъ; другіе прикрѣплены къ кожѣ, каковы у человѣка мускулы лица и нѣкоторые мускулы шеи. Чтобы представить

себѣ наглядно дѣятельность мускула, двигающаго костями, вообразимъ себѣ двѣ линейки, соединенныя на одномъ концѣ шолнеромъ, а по срединѣ эластическимъ шнуркомъ. Если мы, растягивая шнурокъ, раскроемъ линейки, то понятно, что эластичность шнурка заставитъ снова ихъ сблизиться, какъ только мы перестанемъ удерживать линейки; если же мы будемъ удерживать одну линейку, то другая будетъ подыматься, описывая болѣе или менѣе значительную дугу своимъ свободнымъ концемъ. Если теперь вмѣсто этихъ линеекъ мы представимъ себѣ двѣ части руки—плечевую и локтевую, вмѣсто шолнера—локтевое сочлененіе, а вмѣсто эластическаго шнурка—такой же эластическій мускулъ, который однимъ своимъ концомъ прикрѣпленъ къ плечевой кости, а другимъ къ локтевой, сочлененнымъ въ локтѣ, то легко поймемъ, что при сокращеніи мускула локтевая часть руки станетъ подыматься и описывать дугу свободнымъ своимъ концомъ.

Мы описали здѣсь самую простую дѣятельность мускула, но и этого уже достаточно, чтобы понять, что при огромномъ множествѣ мускулов при сложности ихъ, при разнообразныхъ прикрѣпленіяхъ къ костямъ т. д., движенія могутъ разнообразиться до безконечности.

5. При сокращеніи масса мускула не уменьшается, но только п уменьшеніи его длины увеличивается его толщина; при чемъ замѣчае въ немъ волнообразное движеніе, быстрое какъ молнія [1]). Что муск при сокращеніи утолщается иногда очень значительно, это каждый жетъ повѣрить надъ собою, сгибая руку приближеніемъ кисти руки плечу и ощупывая въ тоже время, какъ вздуется мускулъ на п вой части руки. Но еслибы мускулъ былъ такъ же прикрѣпленъ къ стямъ, какъ эластическій шнурокъ къ нашимъ линейкамъ, т. е. по динѣ, то утолщеніе мускула должно бы ощущаться въ сгибѣ руки, представляло бы значительную помѣху движеніямъ. Этого неудо избѣгаетъ природа особою системою *тяжей*, прикрѣпляющихъ му къ той кости, для движеній которой онъ назначенъ. Посредствомъ мускулъ, оставаясь на значительномъ разстояніи отъ кости, м управлять ея движеніями. Мы не будемъ входить въ подробност стемы мускуловъ и ихъ прикрѣпленій къ костямъ, что можно най каждой анатоміи; для насъ достаточно только вынести убѣждені простыми *сокращеніями* мускула можно выполнять всѣ разнооб движенія тѣла.

Что мускулъ, насильственно сдавленный, приметъ свою о форму, какъ только насиліе прекратится, это легко понять: то ж сдѣлается со всякимъ упругимъ тѣломъ; но что же заставляетъ щаться, укорачиваться мускулъ? Мускулы, прикрѣпленные къ в находятся всегда нѣсколько въ растянутомъ состояніи. Что же ляетъ ихъ сокращаться и сокращаться такъ энергически и съ т лою, съ какою, напримѣръ, движется рука человѣка, подымая

---

[1]) Man. de Phys. par Müller. T. II. p. 35.

большую тяжесть? Прежде думали, что мускулъ можетъ сокращаться единственно подъ вліяніемъ двигательнаго нерва, раздражаемаго или нашею волею, или какими-нибудь внѣшними агентами; но теперь убѣдились достовѣрными опытами, что мускулъ можетъ сокращаться безъ посредства нерва, при дѣйствіи на него самыхъ разнообразныхъ агентовъ, каковы: гальваническій токъ, какой-нибудь химическій элементъ, быстро дѣйствующій на измѣненіе мускульнаго вещества, механическое движеніе и наконецъ свѣтъ, заставляющій сокращаться мускулы радужной оболочки глаза.

6. Для того, однако, чтобы мускулъ сокращался, необходимо одно условіе, а именно, чтобы растительный процессъ продолжалъ въ немъ совершаться, чтобы мускулъ питался и подновлялся. Мускулъ, выдѣленный изъ тѣла, продолжаетъ сокращаться, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ агентовъ, только до той минуты, пока въ немъ продолжаетъ совершаться растительный процессъ, т. е. передѣлка крови въ ткани и силы организма. Въ мускулахъ теплокровныхъ животныхъ процессъ этотъ, по выдѣленіи мускула, прекращается очень быстро; въ мускулахъ холоднокровныхъ—продолжается гораздо долѣе [1]).

Слѣдовательно, способность мускула отвѣчать сокращеніями на дѣйствія различныхъ агентовъ находится въ прямой зависимости отъ его питанія.

7. Питаніе мускула совершается, конечно, изъ общаго запаса матеріальныхъ силъ организма, т. е. изъ крови. Кровь приносится въ мускулъ множествомъ тончайшихъ кровеносныхъ сосудовъ, распространяющихся, какъ мы видѣли, въ соединительной ткани и потому проникающихъ въ самый мускулъ между пучками, его составляющими. Артеріи вносятъ въ мышцы кровь ярко-красную; вены выносятъ изъ мышцъ кровь уже темную, богатую угольною кислотою — продуктомъ горѣнія, а въ этомъ случаѣ, мускульной работы. Кровь, такъ сказать, перегораетъ въ мускулѣ, и этотъ химическій процессъ горѣнія, или ближе *окисленія,* необходимъ для того, чтобы мускулъ отвѣчалъ сокращеніями на раздраженія различныхъ агентовъ. И замѣчательно, что чѣмъ больше работаетъ мускулъ, тѣмъ темнѣе вытекающая изъ него кровь; слѣдовательно, химическій процессъ окисленія усиливается въ мускулѣ съ усиленіемъ его дѣятельности.

8. Чтобы понять, какимъ образомъ изъ *химическихъ* процессовъ, совершающихся въ мускулахъ, могутъ выработываться *физическія* силы организма, для этого надобно припомнить, хотя въ общихъ чертахъ, теорію превращенія силъ—однѣхъ въ другія.

Всѣмъ намъ извѣстенъ фактъ превращенія теплоты въ движеніе. Благодаря этому превращенію, мы ѣздимъ по желѣзнымъ дорогамъ и пользуемся дѣятельностію безчисленныхъ паровыхъ машинъ: здѣсь теплота при химическомъ процессѣ горѣнія наглядно превращается въ дви-

[1]) Man. de Phys. par Müller. T. II. p. 33.

женіе. Что движеніе можетъ, наоборотъ, превратиться въ теплоту, въ этомъ также легко убѣдиться, ударяя молотомъ по гвоздю и наблюдая, какъ разгорячается и молотъ, и шляпа гвоздя. При многихъ химическихъ соединеніяхъ развивается теплота или электричество. Электричество возбуждается движеніемъ и, въ свою очередь, выражается въ движеніи и т. д.

Эти и множество другихъ наблюденій привели къ теоріи, что всѣ различныя физическія силы—сила химическаго сродства, теплота, электричество, магнетизмъ — суть не что иное, какъ различные виды движенія атомовъ или молекюлей, составляющихъ всякое тѣло. Движеніе это можетъ быть или *частичное*, незамѣтное для насъ въ формѣ движенія, какъ, напримѣръ, теплота, скрытое электричество и т. п., или *массивное*, и одно можетъ переходить въ другое, какъ напр. тепло движеніе частичное, переходитъ въ массивное движеніе пара и еще бо лѣе массивное движеніе парохода. Никакая матеріальная сила вновь і творится, а только переходитъ изъ состоянія скрытой силы, т. е. ког мы ее не замѣчаемъ,' въ состояніе силы, для насъ замѣтной.

Запасъ силъ въ природѣ не увеличивается, а главнымъ источни комъ силъ для земнаго шара является горящее солнце. Эту силу солн поглощаетъ органическая природа въ видѣ свѣта, пищи, тепла, и т. Но всѣ эти силы суть только разнообразныя формы движенія, котор могутъ долго скрываться въ тѣлѣ, въ формѣ частичныхъ движеі пока, подъ какимъ-нибудь вліяніемъ, онѣ не перейдутъ въ движ массивныя, замѣтныя для глаза. Такъ, топя нашъ паровозъ камени углемъ, мы только пользуемся тою силою, скрытою въ углѣ, кот накопилась въ немъ за многія тысячи лѣтъ тому назадъ, когда у этотъ былъ еще деревомъ, и питался, т. е. въ разныхъ формахъ п щалъ силу, исходящую изъ горящаго солнца, сохраняя ее въ своей весинѣ, изъ которой образовался уголь [1]). Точно также и кровь п ситъ съ собою въ мускулъ *запасъ скрытыхъ силъ*, которыя при хи скомъ процессѣ въ мышцѣ вступаютъ въ другія формы, и перва этихъ формъ, по всей вѣроятности, есть *электричество*.

9. Развитіе электрическихъ токовъ въ питающейся мышцѣ зано фактически, и замѣчательно, что укорочиваніе мышцы не начи немедленно вслѣдъ за раздраженіемъ, а опаздываетъ на нѣк время (около $^1/_{100}$ секунды). Въ теченіе этого времени мышца о въ видимомъ покоѣ, и это состояніе назвалъ Гельмгольцъ состо *скрытаго раздраженія*. Затѣмъ начинается сокращеніе и идетъ шею частію, сначала съ увеличивающеюся, потомъ съ уменьша скоростію. Чѣмъ больше отягощена мышца, тѣмъ періодъ скрыта драженія въ ней дольше. Изъ этого ясно, что развитіе силъ, п дящихъ сокращеніе мышцы, происходитъ подъ вліяніемъ раздра

[1]) Ueber die Wechselwirkung der Naturkräfte, von Helmholtz. König p. 35, 36.

что сокращеніе начинается тогда только, когда силъ, сокращающихъ мышцу, накопится достаточно. Чѣмъ далѣе идетъ сокращеніе, тѣмъ болѣе оно встрѣчаетъ препятствія въ растяжимости мышцъ, такъ-что настаетъ наконецъ минута, когда мышца перестаетъ сокращаться и начинаетъ растягиваться [1]).

10. Намъ нѣтъ надобности входить въ физіологическія подробности мускульнаго процесса. Фактовъ, которые мы привели, достаточно, чтобы доказать, что физическія силы, обнаруживаемыя мускулами при ихъ сокращеніи, выработываются въ мускулахъ же изъ крови, и что нервъ, дѣйствуя на мышцу, какъ всякій другой раздражающій агентъ, не творитъ въ ней силъ (хотя, конечно, самъ долженъ обладать нѣкоторою силою для акта раздраженія), а только вызываетъ ихъ изъ скрытаго состоянія, или, другими словами, превращаетъ *незамѣтное* движеніе атомовъ въ химическихъ процессахъ мышцы, въ *молекулярное,* уже замѣтное, сокращеніе, выражающееся окончательно *массивнымъ* движеніемъ органа, которымъ мышца управляетъ. Тоже самое дѣлаетъ и всякій другой агентъ: раздражаетъ мышцу или непосредственно, или чрезъ посредство входящаго въ нее нерва.

11. Величина силы, развивающейся въ мускулѣ, чрезвычайно различна и условливается, съ одной стороны, величиною мускула, а съ другой—его раздражительностью и силою его раздраженія. «При равной раздражительности и силѣ раздраженія мышца можетъ поднять на опредѣленную высоту тѣмъ большую тяжесть, чѣмъ мышца толще» [2]). Изъ этого уже видно, что величина силы мускульнаго раздраженія такъ же разнообразна, какъ разнообразны по величинѣ мускулы у различныхъ животныхъ и различные мускулы у одного и того же животнаго. Сильный человѣкъ подымаетъ одною рукою 3, 4 пуда и тѣмъ измѣряетъ силу сокращенія своего ручнаго мускула; но той же тяжести не подыметъ онъ однимъ пальцемъ. Насъ поражаетъ сила мускуловъ у большихъ звѣрей; но эта сила совершенно пропорціональна самому объему мускуловъ, ихъ раздражимости и величинѣ ихъ раздраженія въ то время, когда они дѣйствуютъ. Мускулъ, небольшой по объему и выказывающій незначительную нормальную силу, можетъ оказаться гораздо сильнѣе, чѣмъ мы предполагали, если онъ сильно раздражается. За то послѣ такого раздраженія онъ также сильно истощается: это можно объяснить тѣмъ, что мускулъ не при всякомъ раздраженіи выдаетъ всѣ свои силы, и что, такимъ образомъ, сила раздраженія въ нѣкоторой степени можетъ увеличить процессъ выдѣлимости силъ, процессъ превращенія частичныхъ движеній въ массивныя. Вотъ почему и слабый человѣкъ можетъ, при сильномъ раздраженіи, выказать такія мускульныя силы, какихъ и самъ не ожидалъ; но наступающая за тѣмъ слабость покажетъ, что выработка силъ переступила свой нормальный предѣлъ.

---

[1]) Учебникъ Физіологіи Германа, стр. 189 и 191.

[2]) Тамъ же, стр. 194.

Такимъ взглядомъ на дѣятельность мышцъ объясняется также, почему силы мускуловъ увеличиваются вмѣстѣ съ упражненіемъ. Это увеличеніе силы соотвѣтствуетъ увеличенію мускула въ объемѣ, а увеличеніе объема зависитъ отъ увеличенія процесса питанія, такъ-какъ кровь приливаетъ къ мускулу по мѣрѣ надобности. Кромѣ того привычка къ работѣ ускоряетъ процессъ возобновленія силъ въ мускулѣ [1]).

Раздражаемость мышцы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе въ ней электрическій токъ, а послѣ усиленной дѣятельности и раздражительность ослабѣваетъ. Но, оставленная въ покоѣ, мышца снова возвращаетъ свои силы изъ процесса питанія, т. е. отдыхаетъ и набирается силъ. Вѣроятно, что мышечныя силы образуются во время покоя мышцы, чѣмъ объясняется явленіе усталости и необходимость отдыха.

12. Говоря о раздражимости мышцы, или объ ея *чувствитель*
ности къ раздраженію, мы должны быть введены въ обманъ неточн
стію этихъ выраженій. Слово *чувствительность* употребляется здѣ
не въ прямомъ—*психологическомъ*, а въ переносномъ—*физическо*
смыслѣ, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о чувствите
ности магнитной стрѣлки или о чувствительности фотографической п
стинки [2]). Мускулъ органическимъ процессомъ питанія получаетъ
крови физическія силы, запасъ скрытыхъ частичныхъ движеній, ко
рый при извѣстномъ, *тоже физическомъ*, вліяніи на мускулъ пере
дитъ въ молекулярное движеніе сокращающагося мускула и окончател
посредствомъ простаго механизма, переходитъ въ массивное движ
костей или кожи, смотря по тому, къ чему мускулъ прикрѣпленъ
Это очень сложная и, по сложности своей, способная къ разнообраз
шимъ движеніямъ машина, но *только* машина, въ которой въ сущн
дѣлается тоже самое, что и въ паровой машинѣ, куда мы брос
дрова или каменный уголь съ накопившимся въ нихъ запасомъ сил
посредствомъ процесса горѣнія, получаемъ въ результатѣ массивное
женіе паровоза. Говорить при этомъ о чувствительности мускула в
хологическомъ смыслѣ крайне нелогично. Если, дѣйствуя на мускул
кими-нибудь химическими или механическими агентами, мы пол
такое же или подобное движеніе, какое получалось и тогда, ког
скулъ сокращался подъ вліяніемъ сознанія, чувства и воли, ко
него дѣйствовала душа черезъ посредство нерва, то изъ этого
какъ не можемъ выводить, что мускулъ, вырѣзанный изъ тѣла

[1]) Man. de Phys. p. Müller. T. II. p. 94.

[2]) «Мускулы обнаруживаютъ *чувствительность* и *сократимость*;
вая принадлежитъ нервнымъ волокнамъ, распространеннымъ въ му
вторая составляетъ существенную дѣятельность самаго мускула
p. 32.

[3]) «Произвольное движеніе требуетъ только возбужденія тока в
тѣхъ или другихъ нервовъ; все остальное сводится къ простому ме
Ibid. p. 85.

жется потому, что онъ самъ чувствуетъ или желаетъ. Физіологія, раскрывъ механизмъ мускульныхъ движеній, помогаетъ намъ отбросить ложныя воззрѣнія, которыя имѣли мѣсто только при непониманіи этого процесса. Душа наша управляетъ движеніями мускуловъ и при этомъ управленіи пользуется лишь тѣмъ устройствомъ и лишь тѣми процессами, которые уже находятся въ мускулѣ и, если мы съумѣемъ вызвать эти процессы какимъ-нибудь постороннимъ физическимъ или химическимъ агентомъ, то что же удивительнаго, что въ результатѣ получится движеніе, совершенно подобное тому, какое получалось, когда на мускулъ дѣйствовала душа посредствомъ нервовъ? *Сходство принадлежитъ здѣсь машинѣ, а не дѣятелю.*

13. Нервныя волокна, распространяясь въ клѣтчатой соединительной ткани, входятъ въ мышечныя волокна съ боку, а центральный стержень нервнаго волокна развѣтвляется въ мышечной трубочкѣ. Изъ такого устройства уже видно, что вліяніе нерва, какъ раздражителя, вызывающаго въ мышцѣ сокращеніе, можетъ дѣйствовать на каждое мышечное волокно въ отдѣльности, чѣмъ и дается физическая возможность той необыковенной тонкости движеній, которой мы удивляемся въ рукѣ искуснаго живописца или піаниста, въ ногѣ танцора, въ физіономіи актера, въ тончайшихъ оттѣнкахъ звуковъ голоса и т. п. Но, конечно, это только физическая возможность матеріальнаго проявленія душевной способности и въ этомъ случаѣ природа, посредствомъ довольно простаго механизма, достигаетъ удивительныхъ результатовъ одною только тонкостію, микроскопичностію своей работы. Нервъ, какъ раздражающій агентъ, дѣйствуетъ на мускулъ всегда одинаково—сокращеніемъ, и разница только въ степени, количествѣ, даваемаго имъ раздраженія, а не въ его качествѣ, и результатъ раздраженія получается всегда одинъ и тотъ же; а именно — большее или меньшее сокращеніе мускульнаго волокна, уменьшеніе его въ длину и увеличеніе въ толщину, т. е. простое укорачиваніе. Но такъ-какъ каждая мышца состоитъ изъ множества волоконъ, то, укорачивая одно волокно больше, а другое меньше, третье оставляя въ покоѣ, укорачивая при томъ съ различными перерывами и въ различной послѣдовательности, мы можемъ придать одной и той же мышцѣ самыя разнообразныя формы и самыя разнообразныя движенія, какія, напр., мы придаемъ нашему языку. Вся непостижимая тайна здѣсь заключается только въ томъ, какимъ образомъ душа наша знаетъ, какую нервную нить ей надо привести въ дѣйствіе и какую оставить въ покоѣ, чтобы получить въ результатѣ задуманное движеніе, т. е. другими словами тайна здѣсь опять та же — непостижимость связи души и нервнаго организма.

Мы не понимаемъ, какимъ образомъ тѣ или другія движенія волоконъ въ органахъ чувства отражаются въ душѣ тѣми или другими звуковыми или слуховыми ощущеніями: точно также не понимаемъ мы, какимъ образомъ идея движенія, образовавшаяся въ душѣ, отражается въ нервной системѣ рядомъ раздраженій тѣхъ, а не другихъ нервныхъ

волоконъ, и въ той, а не въ другой степени для каждаго волокна. Мы видимъ только, что предполагаемыя колебанія нервовъ чувства рождаютъ въ душѣ опредѣленныя ощущенія; а зародившаяся въ душѣ идея движенія вызываетъ, наоборотъ, въ нервахъ движенія соотвѣтствующія ей раздраженія; но какъ это дѣлается—не знаетъ ни физіологія, ни психологія: здѣсь остается только метафизикѣ строить свои предположенія; факты же опытной науки прекращаются [1]).

14. Наблюдая надъ собою и надъ другими, особенно надъ дѣтьми, мы можемъ замѣтить, что душа не сразу пріучается управлять мускулами, и что упражненіе чрезвычайно расширяетъ власть души въ этомъ отношеніи. Однако же мы не согласны съ Бэномъ, который хочетъ всю эту власть приписать опыту и упражненію [2]),—не согласны потому, что при всей безпорядочности движеній новорожденнаго младенца видны уже въ немъ врожденныя умѣнья, врожденная связь души и нервнаго организма, иначе, напр. младенецъ умеръ бы съ голоду прежде, чѣмъ выучиться сосать.

15. Идея дѣйствія, достигшая степени яркаго представленія, как кажется, сама собою уже производитъ соотвѣтствующія ей раздражені въ двигательныхъ нервахъ, вслѣдствіе чего и происходятъ въ муск лахъ сокращенія, а въ членахъ—движенія, соотвѣтствующія этимъ ра драженіямъ. Живо представляя себѣ какое-нибудь движеніе, мы невол но его дѣлаемъ и надобно иногда замѣтное усиліе воли, чтобы возде жаться отъ такого мимическаго выраженія нашихъ идей движенія. «Свя идей и движеній, говоритъ Мюллеръ, показываетъ, кажется, что при ка дой идеѣ развивается въ органахъ, назначенныхъ переводить идеи движенія, стремленіе къ движенію. Чтобы зѣвнуть невольно, достато подумать о зѣвкѣ, когда расположеніе къ этому акту уже существуе Смотря на штурмъ или на дуэль, мы сопровождаемъ каждое движ невольнымъ движеніемъ тѣла» [3]). Люди съ живымъ воображеніемъ,

---

[1]) Весьма вѣроятно предположеніе Мюллера, что непосредственная чина движенія есть нарушеніе равновѣсія нервнаго принципа въ прод ватомъ мозгу. «Покуда это равновѣсіе существуетъ, мы одинаково спос ко всѣмъ произвольнымъ движеніямъ во всемъ нашемъ тѣлѣ; это и состояніе покоя. Всякое стремленіе къ движенію, исходящее изъ души, шаетъ это равновѣсіе и производитъ разряженіе (нервной силы?) въ оп ленномъ направленіи, то есть возбуждаетъ извѣстное количество двиг ныхъ нервныхъ волоконъ». (Man. de Phys. T. II, p. 87). Но при этомъ н дуетъ забывать, что это не простое, а точно опредѣленное нарушеніе равно

[2]) The Emotion and the Will. Lond. 1859. p. 381.

[3]) Man. de Phys. par Müller. T. II, p. 96. Странно только, что Мк вводитъ въ это явленіе привычку и упражненіе: зѣвокъ вовсе не д привычное, а врожденное, и потому говорить здѣсь, что упражненіе чаетъ переходъ идей въ дѣйствіе, неумѣстно. Скорѣе мы можемъ п нуть удерживать зѣвокъ.

сказывая о какихъ-нибудь сильныхъ, энергическихъ движеніяхъ, которыя они видѣли, совершенно невольно подражаютъ этимъ движеніямъ. Воспитаніе употребляетъ значительныя усилія, чтобы пріучить человѣка не передавать своихъ идей движенія мимикою, чтобы говорить спокойно, съ достоинствомъ; но тогда-какъ англичанинъ пріучается разсказывать о самыхъ сильныхъ движеніяхъ, не шевельнувъ бровью, это почти недоступно ни итальянцу, ни русскому. Но самая необходимость сдерживать себя непоказываетъ ли уже ясно, что идея движенія, отразившись въ нервахъ въ формѣ живаго представленія, стремится сама къ воплощенію въ мускульныхъ сокращеніяхъ [1])?

Мускульное чувство.

16. Для того, чтобы посредствомъ нервовъ управлять сокращеніями мускуловъ, мы естественно должны ощущать, какъ они сокращаются: для этого служитъ намъ особое *мышечное* или *мускульное чувство*, называемое иногда *чувствомъ истрачиваемой силы* (Kraftsinn). Чувство это, со времени Вебера, получило прочное право гражданства въ физіологіи и психологіи.

17. Существованіе отдѣльныхъ нервныхъ проводниковъ для чувства мускульныхъ движеній не открыто анатоміей, но необходимость ихъ доказана патологическими наблюденіями и физіологическими опытами. При потерѣ мышечнаго чувства въ ногахъ, наприм., человѣкъ можетъ двигать ими, но не можетъ по прежнему управлять этими движеніями и координировать ихъ: слѣдовательно, мускульное чувство передается не двигательными нервами или, по крайней мѣрѣ, не ими одними. По отдѣленіи кожи при операціяхъ чувство осязанія прекращается, но возможность управлять членомъ и координація движеній остается: слѣдовательно, мышечное чувство не связано съ нервами осязанія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюденія надъ ощущеніями нашихъ движеній заставляютъ признать, что сами нервы движеній даютъ намъ ощущеніе истрачиваемой ими силы при сокращеніи мускуловъ [2]).

---

[1]) Объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить въ главѣ о произволѣ.

[2]) Существуютъ ли особенные нервы для чувства мускульныхъ движеній и принадлежатъ ли они къ отдѣлу нервовъ, принимающихъ впечатлѣнія,— или мы узнаемъ о мускульныхъ движеніяхъ черезъ посредство тѣхъ же двигательныхъ нервовъ, которыми производится движеніе?—это одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ физіологіи. Англійскій психологъ Алек. Бэнъ, приводя по этому поводу различныя мнѣнія физіологовъ, Арнольда, Секарда, Вебера, Людвига и Вундта, приходитъ самъ къ слѣдующему заключенію: «Нервныя волокна, передающія впечатлѣніе, распространены въ мускульной ткани, рядомъ съ нервами движенія, и раціонально будетъ предположить, что черезъ нихъ передаются душѣ *органическія* состоянія мускуловъ (како-

18. Есть полное основаніе признать мускульное чувство не за *простое*, каково напр. чувство тепла, но за *сложное*, каково напр. чувство зрѣнія. Въ мускульномъ чувствѣ слѣдуетъ различать чувство *производимаго движенія* и чувство *результатовъ* движенія: *первое* принадлежитъ самому нерву движенія и сознается душою *количественно*, какъ большее или меньшее, постоянное или прерывающееся напряженіе самыхъ нервовъ движенія (напряженіе, идущее отъ центра къ периферіи), и слѣдовательно, какъ чувство истрачиваемой нервами силы (Kraftsinn Вебера, но въ тѣсномъ смыслѣ слова); а *второе*, и именно ощущеніе результатовъ движенія, принадлежитъ *различнымъ нервамъ чувства*, возбужденіе которыхъ идетъ отъ периферіи къ мозговому центру. Эти послѣднія ощущенія принадлежатъ прямо нервамъ осязанія въ обширномъ смыслѣ и *особеннымъ нервамъ чувства*, распространеннымъ уже не въ кожѣ, а въ самомъ мускулѣ, рядомъ съ нервами движенія, и увѣдомляющимъ сознаніе не только объ усталости или бодрости мускула и его ненормальныхъ состояніяхъ, но и о его сокращеніяхъ или растяженіяхъ при движеніи.

19. Такимъ образомъ, мускульныя ощущенія слѣдуетъ раздѣлить н *пассивныя* и *активныя*: къ *пассивнымъ*, напримѣръ, принадлежи чувство *тяжести* предмета, положеннаго на руку, лежащую спокойн а къ *активнымъ*—чувство *вѣса*, когда мы подымаемъ тяжесть. То становится понятнымъ, почему «при перерѣзѣ заднихъ корней спин мозговыхъ нервовъ, т. е. тѣхъ, которые передаютъ мозгу внѣшнія в чатлѣнія, сильно страдаютъ сложныя движенія мышцъ [1])»—страдаю но остаются возможными. Не сознавая вовсе *результатовъ* наш движеній, мы, конечно, не можемъ производить сложныхъ движеній, тѣмъ же успѣхомъ, какъ прежде, но если бы мы вовсе не чувство нашихъ движеній, то не могли бы ихъ и производить. Одно уничто чувства осязанія въ кожѣ не производитъ такого эффекта [2]); но къ нему присоединяется общее уничтоженіе ощущенія результатовъ скульныхъ движеній, какъ это бываетъ при пораженіи заднихъ ко спинномозговыхъ нервовъ, передающихъ чувство, то понятно, что женіе должно затрудняться.

20. *Пассивныя* и *активныя* мускульныя ощущенія всегда пе шиваются между собою и кромѣ того соединяются съ чувствомъ

вы: чувство ушиба, раны, болѣзни, отдыха, усталости); но изъ эт слѣдуетъ, что характеристическое чувство употребляемой силы пере также (отъ периферіи—внутрь) черезъ волокно нервовъ чувства; напр мы скорѣе должны предположить, что это послѣднее чувство (употреб силы) непосредственно сопровождаетъ токъ (изъ мозговаго центра) рымъ мускулы возбуждаются къ дѣятельности» (The Senses and th lect, p. 92).

[1]) Уч. Физ. Германа, стр. 332.

[2]) Тамъ же, стр. 333.

нія въ обширномъ смыслѣ; но тѣмъ не менѣе ихъ возможно раздѣлять. Если, закрывъ глаза, мы беремъ въ руку желѣзный шаръ и сжимаемъ его, то получаемъ разомъ много различныхъ ощущеній: а) ощущеніе прикосновенія къ кожѣ; б) ощущеніе температуры; в) пассивное ощущеніе формы шара въ обнимающихъ его мускулахъ —давленіе на мускулъ; г) сжатія или растяженія кожи, при томъ происходящія, и наконецъ д) активное чувство силы, издерживаемой на то, чтобы держать или подымать шаръ. Это активное мускульное чувство, передаваемое самими нервами движенія, находится въ нераздѣльной связи съ ихъ дѣятельностью, и оно-то составляетъ основу нашихъ понятій о вѣсѣ предметовъ и о быстротѣ движенія.

21. Мускульное чувство вообще, и активное, и пассивное, имѣетъ для психологіи большое значеніе. Ощущенія, даваемыя этимъ чувствомъ, входятъ въ составъ почти всѣхъ представленій, которыя прежде обыкновенно приписывали только ощущеніямъ зрѣнія и осязанія. Мы уже видѣли, какъ ощущеніе мускульныхъ движеній даетъ намъ понятіе объ относительной отдаленности предметовъ, ихъ величинѣ и отчасти даже ихъ формѣ [1]). При ощущеніяхъ осязанія расположеніе, принимаемое различными мускулами, т. е. относительное сокращеніе мускульныхъ волоконъ даетъ намъ понятіе о формѣ тѣлъ, которыя мы беремъ въ руки. Понятіе относительнаго вѣса тѣлъ и относительной ихъ плотности всецѣло принадлежитъ мускульному чувству. Въ представленіи различныхъ движеній, ихъ относительной скорости, перерывчатости или постоянства, направленія, относительной трудности или легкости, мускульное чувство играетъ главную роль.

22. Чтобы понять важное значеніе мускульнаго чувства въ психическихъ актахъ и оцѣнить, на сколько результаты, доставляемые имъ, участвуютъ въ матерьялахъ, изъ которыхъ мы строимъ наши представленія, нужно припомнить, что почти все человѣческое тѣло состоитъ изъ безчисленнаго множества мускуловъ, составляющихъ какъ будто одну его массу, и что мы почти безпрерывно получаемъ безчисленное число ощущеній изъ разнообразныхъ движеній этой подвижной массы. При каждомъ малѣйшемъ поворотѣ тѣла, движеніи членовъ или кожи, мы получаемъ различныя мускульныя ощущенія. Можетъ быть болѣе половины всѣхъ ощущеній, изъ которыхъ строятся наши обыденныя представленія и понятія, дается намъ чувствомъ мускульныхъ движеній. Вотъ почему въ послѣднее время психологія обратила вниманіе на это чувство, но это вниманіе и еще должно быть усилено. Особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ мускульное чувство, когда мы припомнимъ, что тѣ же самыя мускульныя ощущенія, которыя для взрослаго человѣка являются чѣмъ-то до того привычнымъ, что онъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, являются для младенца поучительною новостію. Въ собственныхъ своихъ движеніяхъ пріобрѣтаетъ онъ множество познаній, которыя

[1]) См. выше, гл. VI, п. 20.

потомъ, отъ частаго употребленія и навыка, дѣлаются какъ бы его прирожденными знаніями или инстинктами. Такъ, напр., мускульныя ощущенія играютъ главнѣйшую роль въ образованіи основныхъ нашихъ понятій, *о пространствѣ* и *времени*, которыя входятъ во всѣ прочія представленія, какъ необходимая часть ихъ, и которыя по тому самому Кантъ считалъ прирожденными знаніями души. Мы не согласны съ тѣми физіологами и психологами, которые, какъ напр. Вундтъ, хотятъ все понятіе о пространствѣ и времени вывести или сложить изъ мускульныхъ ощущеній; мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что понятія эти не могли бы сформироваться безъ участія особаго агента, находящагося внѣ условій пространства и времени: но, тѣмъ не менѣе, мы оцѣниваемъ вполн ту роль, какую играютъ мускульныя ощущенія въ образованіи и развиті этихъ основныхъ человѣческихъ понятій. Изъ своихъ собственныхъ дви женій научается человѣкъ впервые, что его тѣло существуетъ въ пр странствѣ и что движенія его совершаются во времени, но научает только потому, что *можетъ* научиться, потому что душа его существуе внѣ пространства и времени, и узнаетъ ихъ, какъ нѣчто объективн внѣ ея лежащее и ей противоположное. Мы увидимъ далѣе, что есл душа существовала во времени и пространствѣ, то ничего не знала ни о времени, ни о пространствѣ.

23. *Чувство усталости* нѣкоторые приписываютъ также ис чительно мускульнымъ нервамъ; но очевидно, что это общая принад ность всей нервной системы. Мы также устаемъ смотрѣть, слуша даже представлять себѣ одно и тоже, какъ и дѣйствовать одним тѣмъ же мускуломъ. Вообще, во всѣхъ психо-физическихъ актахъ которыхъ нервы принимаютъ какое-либо участіе, мы замѣчаемъ яв утомленія и отдыха. И это очень понятно: не только мускулы даются въ возобновленіи своихъ тканей и соединенныхъ съ ним зическихъ силъ, но въ томъ же нуждаются и нервы [1]), въ кот какъ мы увидимъ ниже, также открыта необходимость возобн электрическихъ токовъ для того, чтобы нервъ могъ дѣйствовать, раздражать мускулъ и, по всей вѣроятности, также и для того, нервъ могъ воспринимать и передавать впечатлѣнія.

24. *Чувство тѣлеснаго усилія* вызывается въ душѣ сто состояніемъ мускуловъ, сколько и состояніемъ нервовъ. Положи при началѣ какой-нибудь мускульной работы мускулъ полонъ с силъ, ожидающихъ только, чтобы какой-нибудь раздражающій превратилъ ихъ въ *открытыя* силы массивнаго движенія. что при началѣ раздраженія, когда процессъ переработки силъ вполнѣ сформировался, сокращеніе мускула будетъ медленно; далѣе, тѣмъ это сокращеніе будетъ быстрѣе. Это соотвѣтствуе денію, что первое движеніе даже сильныхъ мускуловъ, долго н нявшихся, вызываетъ вначалѣ непріятное усиліе, которое, п

[1]) Man. de Phys. p. Müller. T. II, p. 94.

мѣрѣ движенія, уменьшается. Въ этомъ смыслѣ очень вѣрны обыденныя выраженія: «руки разработались», «ноги расходились». Но чѣмъ далѣе работаетъ мускулъ, тѣмъ болѣе истощается, а слѣдовательно требуетъ бо́льшаго раздраженія отъ управляющихъ имъ нервовъ. Если эти нервы въ свою очередь въ полной силѣ, то эта полнота отражается въ душѣ легкостью ихъ раздраженія; но чѣмъ болѣе они истощены, тѣмъ болѣе отзывается это ощущеніе въ душѣ непріятнымъ чувствомъ усилія. Чувство тѣлеснаго усилія, слѣдовательно, какъ и всякое другое чувство, принадлежитъ душѣ: мертвая природа его не знаетъ; но вызывается это чувство въ душѣ или состояніемъ нервовъ, или состояніемъ мускуловъ, черезъ посредство нервовъ; а иногда и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Намъ кажется, что мы можемъ различать въ себѣ нервную усталость отъ мускульной усталости и нервное усиліе отъ мускульнаго усилія. Иногда мы чувствуемъ себя готовыми для дѣйствія, такъ что самое дѣйствіе кажется намъ легкимъ; но мускулы обманываютъ наше ожиданіе — оказываются слабыми или усталыми. Иногда, наоборотъ, мы чувствуемъ ясно нервную усталость, хотя, побѣдивъ ее усиліемъ воли, раздраживъ наши нервы и сосредоточивъ въ нихъ силы организма, находимъ мускулы готовыми для дѣятельности.

Въ заключеніе скажемъ еще объ одной отдѣльной системѣ мускуловъ, съ которою намъ часто придется имѣть дѣло, а именно—о системѣ мускуловъ, управляющихъ органомъ голоса.

Органъ голоса.

25. *Голосовой органъ* человѣка представляетъ собою очень сложный духовой инструментъ, надуваемый воздухомъ, выходящимъ изъ легкихъ, подобно тому, какъ волынка надувается воздухомъ, выходящимъ изъ мѣховъ. Принявъ въ основаніе вертикальное положеніе человѣка, для удобства разсмотрѣнія раздѣлимъ органъ голоса на три части: нижнюю, среднюю и верхнюю.

26. *Нижнюю часть* голосоваго органа составляетъ снарядъ, вдувающій воздухъ: это *легкія* со своими развѣтвленіями въ дыхательныхъ трубкахъ и нижняя часть гортани. Значеніе этого органа понятно само собою. Онъ проводитъ въ инструментъ воздухъ съ различною силою и съ различными перерывами. Обыкновенно звуки издаются только при выходѣ воздуха изъ легкихъ черезъ гортань; гораздо рѣже и труднѣе происходятъ звуки при входѣ воздуха въ легкія; но они возможны [1]) и эту возможность можно значительно развить привычкою [2]).

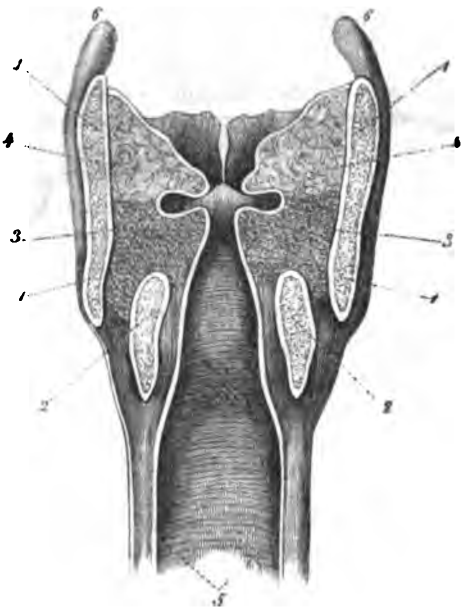
27. *Среднюю часть* голосоваго органа, гдѣ собственно образуется голосъ, составляютъ двѣ *голосовыя перепонки*, находящіяся въ гор-

---

[1]) Man. de Phys. p. Müller. T. II, p. 246.

[2]) Между нашими башкирами такое искусство считается искусствомъ пѣнія, и намъ случалось самимъ слышать, какъ нѣкоторые искусники цѣлый часъ, безъ малѣйшаго перерыва, издаютъ самые рѣзкіе звуки, пользуясь для этого какъ выдыхаемымъ, такъ и вдыхаемымъ воздухомъ.

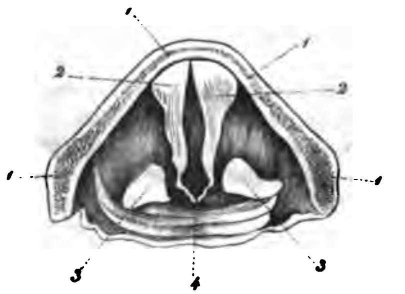
тани, между которыми остается болѣе или менѣе узкая *щель*. Воздухъ, проходя изъ легкихъ въ эту голосовую щель, издаетъ звукъ на томъ же основаніи, по которому появляется звукъ, когда мы съ силою вдуваемъ воздухъ въ узкое отверзстіе дудки или кларнета. Но тогда-какъ въ дудкѣ щель эта остается одною и тою же, а въ кларнетѣ язычекъ инструмента имѣетъ постоянно одну и туже плотность, *голосовая щель* можетъ принимать по нашей волѣ самую разнообразную величину и форму, а самыя перепонки — различную напряженность. Величина и форма голосовой щели, а равно большая или меньшая натянутость перепонокъ, или обѣихъ вмѣстѣ, или даже каждой порознь, зависятъ отъ цѣлой

Вертикальный разрѣзъ гортани справа налѣво.
I. Разрѣзъ *щитовиднаго хряща*. 2. Разрѣзъ *перстневиднаго хряща*. 3. Нижнія *голосовыя связки* (струны). 4. Верхнія *голосовыя связки*. 5. Дыхательное горло. 6. Рожки щитовиднаго хряща.

системы небольшихъ, но очень подвижныхъ хрящей, на которыхъ натянуты перепонки. Движеніями этихъ голосовыхъ хрящей управляютъ пять особыхъ мускуловъ, изъ которыхъ одинъ, кромѣ того, входитъ въ самую ткань голосовыхъ перепонокъ. Такимъ устройствомъ дается физическая возможность разнообразить величину и форму голосовой щели, а равно и натянутость перепонокъ и, вслѣдствіе этого, разнообразить до безконечности тонъ звуковъ, выходящихъ изъ горла.

29. *Верхняя часть* голосоваго органа соотвѣтствуетъ надставной части кларнета, но безконечно сложнѣе и подвижнѣе. Она состоитъ изъ верхней части гортани, глотки и рта со всѣми его частями: языкомъ, небною занавѣскою, небомъ, щеками, зубами и губами; кромѣ того, въ дѣятельности этого органа принимаетъ участіе и носъ. Надставная часть самаго сложнаго духоваго инструмента, не смотря на множество отверстій и клапановъ, далеко не можетъ достичь необыкновенной подвижности верхней части голосоваго органа. Эта часть дѣйствуетъ тоже какъ

Голосовыя струны или связки, разсматриваемыя сверху при горизонтальномъ разрѣзѣ гортани.

1. Разрѣзъ *щитовиднаго хряща*. 2. *Голосовыя струны* съ открытою *гортанною щелью*. 3. Разрѣзъ *черпаловиднаго хряща*, ограничивающаго гортань съ задней стороны. 4. Щель для прохода воздуха.

резонаторъ; но, будучи въ состояніи принимать безконечно-разнообразныя формы, она можетъ и звукамъ придавать безконечно разнообразные оттѣнки. Самымъ важнымъ членомъ этого резонатора является необык-

Голосовыя струны или связки съ закрытою щелью.

1. *Щитовидный хрящъ* въ разрѣзѣ. 2. *Голосовыя струны*. 3. *Черпаловидный хрящъ*.

новенно подвижной мускулъ—*языкъ*, а потому и названіе этого мускула слилось съ названіемъ дара слова.

30. *Гласные звуки* даются различною высотою тона, выходящаго изъ гортани, а высота эта условливается различною формою резонатора, т. е. формою, которую принимають щеки и губы. *Согласные звуки* зависять уже отъ самостоятельнаго дрожанія частей верхняго голосоваго органа: небной занавѣски, неба, языка, зубовъ и наконецъ участія носа. Эти дрожанія не дають сами громкаго звука, а только *шумъ*, который, комбинируясь съ гласными звуками, становится слышнымъ, измѣняя своеобразно эти гласные звуки. На этомъ основывается возможность *члено-раздѣльныхъ* звуковъ, т. е. слоговъ и матеріальная возможность рѣчи.

31. Прежде напрасно приписывали только человѣку способность *члено-раздѣльныхъ* звуковъ. Этою способностію обладають и животныя, и нѣкоторыя въ замѣчательной степени, какъ, напр., попугаи. Человѣку же исключительно принадлежитъ только способность воспользоваться этими члено-раздѣльными звуками, и, умноживъ ихъ до безконечности, создать рѣчь. Не изъ способности къ члено-раздѣльнымъ звукамъ вытекаетъ даръ слова, а изъ душевнаго дара слова возникаетъ въ человѣкѣ необыкновенное развитіе способности члено-раздѣльныхъ звуковъ, матеріальныя условія которыхъ одинаково даны человѣку и многимъ другимъ животнымъ. По сознанію самого Фохта у многихъ породъ обезьянъ устройство голосоваго органа ничѣмъ не уступаетъ устройству того же органа у людей [1]); однако же обезьяна не могла выработать члено раздѣльной рѣчи; попугая человѣкъ выучиваетъ произношенію члено-раздѣльныхъ звуковъ,—слѣдовательно, у попугая есть матеріальная къ нимъ способность; а все же рѣчи нѣтъ: не вытекаетъ ли изъ этого логически, что даръ слова возникаетъ не изъ способности къ члено-раздѣльнымъ звукамъ?

ГЛАВА IX.

Нервная система: ея центръ и развѣтвленія.

1. Давно уже прошло то время, когда смотрѣли на мозгъ какъ на органъ для отдѣленія мокротъ, а нервовъ и вовсе не замѣчали,—давно уже анатомы и физіологи съ особенною ревностью занимаются изученіемъ устройства и дѣятельности нервной системы; но, тѣмъ не менѣе, изученіе это далеко еще не дало такихъ положительныхъ результатовъ, къ какимъ привело изученіе системы питанія, и потому, самое описаніе нервной системы и ея дѣятельности, особенно въ краткомъ обзорѣ, представляетъ значительныя трудности. Если мы понимаемъ назначеніе

[1]) Физіологическія письма Карла Фохта.

машины и то участіе, которое принимаетъ въ достиженіи этого назначенія каждая часть машины; если мы понимаемъ, *зачѣмъ* въ машинѣ каждый ея винтъ и каждое ея колесо, то намъ легко описать, коротко или съ подробностями, самую машину и ея дѣятельность. Вотъ почему описаніе, напримѣръ, довольно сложнаго процесса кровообращенія такъ ясно и наглядно излагается во всѣхъ физіологіяхъ. Значеніе легкихъ, значеніе сердца и т. п. для насъ вполнѣ ясно именно потому, что намъ стоитъ только объяснить *принаровленность* того или другаго орудія къ выполненію задачи, которую мы за нимъ фактически знаемъ и ясно понимаемъ.

Совсѣмъ другое представляется намъ при описаніи нервной системы: здѣсь мы безпрестанно встрѣчаемся съ органами, значеніе которыхъ для насъ совершенно неизвѣстно; а потому, и самое описаніе такихъ органовъ, особенно безъ помощи наглядности, выходитъ какое-то неясное, трудно понимается и легко спутывается. Такъ напр. мы находимъ въ головномъ мозгу множество различныхъ частей и ни объ одной изъ этихъ частей не можемъ *съ увѣренностью* сказать, *для чего* она тамъ помѣщена, каково ея назначеніе, какова та особенность ея роли, для которой она является отдѣльнымъ органомъ головнаго мозга. Вотъ почему мы введемъ въ наше описаніе нервной системы только тѣ данныя, которыя или необходимы для самаго общаго понятія ея устройства и ея дѣятельности, или находятся въ тѣсной связи съ тѣми психо-физическими явленіями, которыя имѣютъ значеніе для психолога и педагога.

2. Нервную систему удобно раздѣлить на *центры*, *развѣтвленія* и *окончанія развѣтвленій*: мускулы и органы чувствъ, о которыхъ мы уже говорили.

Центры нервной системы, *головной* и *спинной мозгъ*, находятся въ прочныхъ костяныхъ хранилищахъ—въ полости черепа и спиннаго хребта; *развѣтвленія* же ея, извѣстныя вообще подъ названіемъ *нервовъ*, расходятся отъ этихъ центровъ по всему тѣлу, растространяясь по всей его периферіи, гдѣ только есть признаки ощущенія или движенія. Развѣтвленія нервной системы и центры ея соединены въ одинъ организмъ, который можетъ быть названъ *голово-хребетнымъ нервнымъ организмомъ*. Кромѣ того есть еще какъ бы добавочная часть нервной системы, состоящая изъ особеннаго сплетенія нервныхъ узловъ и нервныхъ нитей, которая по своей формѣ носитъ названіе *узловой системы*. Эти нити и эти узлы узловой или *симпатической* системы нервовъ находятся въ разныхъ частяхъ тѣла, но главнымъ образомъ собираются у позвоночнаго столба, въ полости груди и живота.

3. Теперь посмотримъ, что такое сами *нервы*, расходящіеся отъ центровъ по всему тѣлу и составляющіе также, какъ мы увидимъ ниже, и большую часть спиннаго и головнаго мозга.

«Голово-спинные нервы (т. е. идущіе отъ головнаго и спиннаго мозга) представляютъ собою бѣлые шнурки весьма различной толщины. Самый большой нервъ человѣка (сѣдалищный) не много тонь

ше мизинца. Начиная отъ этой толщины, находимъ всѣ переходныя степени, до толщины ниточекъ, которыя едва замѣтны для простаго глаза. Всѣ нервы, которые потолще, состоятъ изъ множества соединенныхъ *пучковъ*, а самые маленькіе пучки изъ *первичныхъ нервныхъ* нитей, соединенныхъ между собою клѣтчатою тканью, и весь нервъ сверхъ того окруженъ слоемъ изъ той же ткани» [1]).

Толщина первичныхъ нервныхъ нитей очень разнообразна; даже въ одномъ и томъ же нервѣ иныя нити доходятъ до $^1/_{14,000}$ линіи, другія имѣютъ $^1/_{500}$ линіи въ діаметрѣ. Въ одномъ оптическомъ нервѣ, идущемъ къ глазу, насчитываютъ, конечно приблизительно, болѣе милліона первичныхъ нитей [2]).

4. Подъ микроскопомъ первичная нить представляется полою трубочкою, имѣющею мягкое содержаніе, въ срединѣ же этого содержимаго проходитъ еще болѣе твердая ниточка. Значеніе такого устройства нерва совершенно неизвѣстно. Гораздо понятнѣе для насъ значеніе того явленія, что каждая первичная нервная нить отъ периферіи тѣла,—гдѣ она оканчивается, теряясь въ какомъ нибудь мускулѣ, или гдѣ она начинается особеннымъ аппаратомъ въ какомъ нибудь органѣ чувствъ (въ глазу, въ кожѣ и т. п.),—и до самаго своего соединенія со спиннымъ или головнымъ мозгомъ *сохраняетъ свою отдѣльность*, идетъ отдѣльною ниточкою, не соединяясь съ другими нитями, какъ соединяются, напр., между собою артеріи и вены въ общіе кровеносные каналы. Нервная нить повсюду удерживаетъ свою отдѣльность, хотя сходится съ множествомъ другихъ нитей въ общіе пучки и даже переходитъ не только изъ одного пучка въ другой въ одномъ и томъ же нервѣ, но и изъ одного нерва (собранія пучковъ) въ другой.

«Часто вѣтки одного и того же (нервнаго) ствола соединяются между собою или съ отростками (отдѣлившимися вѣтками) и дальше снова дѣлятся. Эти сплетенія называются *анастомозами*. Цѣль анастомозъ — привести нервныя нити въ иной порядокъ, и такъ какъ въ анастомозахъ не бываетъ слитія многихъ нитей въ одну, то отсюда слѣдуетъ, что каждая нить остается уединенною на всемъ своемъ пути, начиная отъ нервнаго центра до своего окончанія» [3]) или отъ своего начала на периферіи тѣла до своего окончанія въ мозговомъ центрѣ, слѣдовало бы прибавить для нервовъ передающихъ впечатлѣнія сознанію.

5. Такимъ устройствомъ нервныхъ нитей объясняется съ *матеріяльной стороны* возможность *одновременной* передачи нервнымъ центрамъ *разомъ многихъ впечатлѣній*, не сливая ихъ въ одно общее, слѣдовательно темное и невѣрное. Еслибы нервныя нити сливались между собою, какъ сливаются вены и артеріи, образуя изъ двухъ, трехъ и т. д. одну, то мы не могли бы, напр., видѣть предмета въ разно-

[1]) Анатомія Швана, стр. 45.

[2]) The Senses and the Intellect. by Bain. p. 17.

[3]) Анатомія Швана, стр. 47.

образіи составляющихъ его точекъ; впечатлѣніе предмета сливалось бы для насъ въ одно темное и неопредѣленное пятно, тогда какъ именно въ разнообразіи частей, составляющихъ предметъ, и въ сравненіи этихъ разнообразныхъ частей между собою состоитъ ощущеніе предмета. Необыкновенная тонкость и многочисленность нервовъ на какомъ нибудь небольшомъ пространствѣ нашихъ органовъ ощущенія и постоянная уединенность другъ отъ друга этихъ безчисленныхъ нервныхъ нитей даютъ намъ возможность ясности и опредѣленности ощущеній. Осязая какой-нибудь крошечный предметъ концами нашихъ пальцевъ, мы замѣчаемъ въ немъ ничтожную шероховатость, выпуклости и впадины,—именно потому, что прикасаемся къ нему не одною, а множествомъ нервныхъ нитей, изъ которыхъ каждая несетъ свое особенное впечатлѣніе къ мозговымъ центрамъ, не смѣшивая его съ впечатлѣніями сосѣднихъ ей нитей. Если же осязаемый предметъ такъ малъ, что задѣваетъ только одну нервную нить, то мы получимъ только самое неопредѣленное впечатлѣніе точки, т. е. чего-то, неимѣющаго никакихъ отличительныхъ признаковъ, и слѣдовательно чего-то невозможнаго для усвоенія сознаніемъ, которое не можетъ усвоить ничего, въ чемъ нѣтъ какой нибудь особенности. Тоже самое, какъ мы уже видѣли, можетъ быть отнесено и къ нервамъ зрѣнія [1]).

6. Всѣ нервы, распространяющіеся по человѣческому тѣлу, соединяются съ голово-хребетнымъ мозгомъ въ формѣ такъ называемыхъ *паръ*. *Двѣнадцать* изъ этихъ нервныхъ паръ соединяются непосредственно съ головнымъ мозгомъ въ полости черепа, а *тридцать одна пара* входитъ въ позвоночный хребетъ и соединяется со спиннымъ мозгомъ. Но такъ какъ спинной и головной мозгъ соединяются между собою посредствомъ затылочнаго отверстія, то и справедливо смотрѣть на всю нервную систему какъ на одинъ связный организмъ.

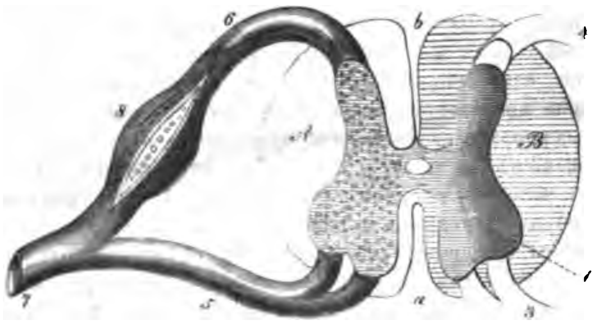
7. Головной и спинной мозгъ находятся въ одномъ и томъ же костяномъ хранилищѣ; потому-что на самый черепъ сравнительная анатомія смотритъ какъ на продолженіе позвоночнаго хребта и въ образованіи черепа указываетъ на присутствіе тѣхъ же позвонковъ, изъ которыхъ состоитъ хребетный столбъ, но только чрезвычайно увеличенныхъ и измѣненныхъ.

Мозгъ лежитъ въ этомъ костяномъ хранилищѣ и защищенъ кромѣ того еще тремя оболочками, изъ которыхъ внѣшняя, называемая твердою, толще остальныхъ и покрываетъ собою стѣнки всей костяной полости.

8. *Позвоночный столбъ* состоитъ собственно изъ 24 позвонковъ: 7 шейныхъ, 12 грудныхъ и 5 поясничныхъ. Каждый позвонокъ представляетъ собою кольцо, очень утолщенное съ передней стороны (обращенной къ внутренности), и съ отросткомъ сзади, обращеннымъ къ спинѣ, такъ-что, проводя по спинѣ рукою, мы можемъ ощупать эти

[1]) Man. de Phys. p. Müller. T. II. p. 318, 320.

отростки позвонковъ. Кромѣ того у каждаго позвонка есть еще два отростка, служащіе для сочлененія позвонковъ между собою и прикрѣпленія къ нимъ мускуловъ. Эти позвоночныя кольца такъ наложены одно на другое, что своими отверстіями составляютъ вмѣстѣ одну длинную трубку, называемую *позвоночнымъ каналомъ*. Позвоночный каналъ сообщается вверху непосредственно съ полостію черепа, внизу же оканчивается пятью небольшими позвонками, которые, въ противуположность тремъ позвонкамъ, составляющимъ черепъ, не расширились, но срослись въ одну кость, называемую крестцовою. Позвонки соединены между собою такъ, что даютъ намъ возможность самыхъ разнообразныхъ спинныхъ движеній.

Поперечный разрѣзъ спиннаго мозга.

А. Правая половина *спиннаго мозга*. В. Лѣвая половина *спиннаго мозга*. а. Передняя *продольная бороздка* между обѣими половинками мозга. b. Задняя *продольная бороздка*. 1. *Сѣрое вещество мозга* внутри *бѣлаго* *). 3 и 4. Нервы, получающіе свое начало изъ *сѣраго вещества*. 5. Нервы, собранные *въ передній корешокъ* (нервы движеній). 6. Нервы, собранные *въ задній корешокъ* (нервы ощущеній). 7. Общій нервный стволъ, въ который сливаются оба корешка (передній и задній) еще до выхода изъ хребетнаго канала. 8. *Ганглій* или утолщеніе задняго корешка.

*) Цифра 2 на рисункѣ пропущена.

9. Въ каналѣ позвоночнаго хребта проходитъ *спинной мозгъ* въ видѣ шнура толщиною въ палецъ. Спинной мозгъ доходитъ только до втораго поясничнаго позвонка, далѣе же выходитъ пукъ нервныхъ шнурковъ, который наполняетъ нижнюю часть канала и называется *лошадинымъ хвостомъ*. Спинной мозгъ двумя глубокими бороздами, проходящими на немъ спереди и сзади, раздѣляется на двѣ половины, впрочемъ соединенныя между собою.

«На передней сторонѣ каждой половины спиннаго мозга видно, какъ выходитъ изъ него рядъ пучковъ нервныхъ нитей, которыя потомъ соединяются въ большомъ числѣ вмѣстѣ и составляютъ такимъ образомъ *передніе корешки* спинныхъ нервовъ. Тоже самое устройство имѣетъ

мѣсто на задней сторонѣ, только пучки толще. Они образуютъ *заднiе корешки* спинныхъ нервовъ. Каждый заднiй корешокъ представляетъ утолщенiе, или узелъ, и, соединяясь потомъ съ соотвѣтственнымъ передним корешкомъ, составляетъ одинъ спинной нервъ. Съ каждой стороны 31 такой нервъ. Они выходятъ изъ позвоночнаго канала въ отверстiя, которыя находятся по обѣимъ сторонамъ между позвонками, а послѣднiй нервъ выходитъ въ отверстiя крестцовой кости» [1]).

10. Устройство *головнаго мозга* гораздо сложнѣе; но такъ какъ цѣлесообразность различныхъ его частей и ихъ размѣщенiя совершенно неизвѣстны, то мы считаемъ лишнимъ подробное ихъ изложенiе и ограничимся только тѣми чертами, которыя могутъ бросить какой нибудь свѣтъ на психо-физическiе акты.

Головной мозгъ наполняетъ всю черепную полость, «и о формѣ его можно получить довольно точное понятiе, если вообразить себѣ гипсовый слѣпокъ, который можно бы сдѣлать съ внутренней поверхности этого ящика». Главныхъ частей головнаго мозга три: *большой мозгъ, малый мозгъ* или *мозжечекъ* и *мозговой узелъ*.

Большой мозгъ занимаетъ верхнюю и большую часть черепной полости; *мозжечекъ*—гораздо менѣе, занимаетъ затылочную часть черепа и лежитъ внизу, подъ большимъ мозгомъ. Большой мозгъ и мозжечекъ почти совершенно отдѣлены одинъ отъ другаго и отъ спиннаго мозга; но всѣ эти три части соединяетъ такъ называемый *мозговой узелъ*. Онъ лежитъ на основанiи черепа, впереди затылочнаго отверстiя и состоитъ изъ нѣсколькихъ частей: продолговатаго мозга, варолiева моста, ножекъ мозга и четырехолмiя. Изъ этихъ частей мозговаго узла всего замѣчательнѣе для насъ *продолговатый мозгъ*, который, по видимому, служитъ продолженiемъ въ черепной полости спиннаго мозга и почти сохраняетъ еще его цилиндрическую форму.

Весь мозгъ, во всѣхъ своихъ частяхъ, представляетъ совершенно симметрическое половинчатое устройство. Если смотрѣть на большой мозгъ сверху, то онъ представляется совершенно раздѣленнымъ глубокою бороздою на двѣ половины, которыя и называются *полушарiями большаго мозга*. Если раздвинуть эти половины, то видно, что на днѣ борозды оба полушарiя соединены особенною бѣлою пластинкой, которую называютъ *мозолистымъ тѣломъ*. На поверхности своей полушарiя представляютъ неправильно извивающiяся выпуклости, называемыя *извивами мозга*.

11. Мы описали только главнѣйшiя части мозга, опустивъ многiя подробности; но значенiе даже этихъ, *главнѣйшихъ* частей въ психо-физической дѣятельности весьма мало извѣстно и тутъ представляются намъ почти однѣ гипотезы, измѣняющiяся безпрестанно.

12. Въ большомъ мозгѣ физiологи видятъ преимущественно органъ дѣятельности сознанiя. Самъ по себѣ большой мозгъ оказывается безчувственнымъ: прикосновенiя къ нему и даже значительныя поврежде-

---

[1]) Шванъ, стр. 51.

лія его не вызываютъ никакихъ ощущеній; но пригнетеніе большаго мозга производитъ сонъ. Правда, можно вынуть осторожно весь большой мозгъ и животное еще остается жить; но, спрашивается, какая это жизнь? По всей вѣроятности, только растительная, сопровождаемая совершенно механическими, рефлективными движеніями, въ которыхъ замѣтно отсутствіе всякаго сознанія.

Но если большой мозгъ—органъ сознанія, то это не значитъ еще, чтобы онъ былъ самое сознаніе. Стоитъ лишь, сколько нибудь основательно, познакомиться съ психическими актами, чтобы видѣть невозможность ихъ самостоятельнаго выполненія какимъ бы то ни было органомъ мозга. Далѣе мы вполнѣ увидимъ эту невозможность. Если же можно признать большой мозгъ *непосредственнымъ* органомъ сознательной дѣятельности души, то только въ томъ смыслѣ, что душа ощущаетъ всѣ колебанія, производимыя внѣшними впечатлѣніями въ нервной системѣ не иначе, какъ черезъ посредство большаго мозга, находящагося въ посредственной или непосредственной связи со всей нервной системой, которую онъ какъ бы завершаетъ собою, имѣя общее назначеніе въ дѣятельности этой системы и никакого частнаго.

13. *Малому мозгу* или *мозжечку* приписываютъ координацію (согласованіе) различныхъ движеній животнаго [1]), замѣчая, что при поврежденіи этой части мозга въ движеніяхъ животнаго обнаруживается отсутствіе согласованія, такъ что одно движеніе не соотвѣтствуетъ другому. Есть основаніе предполагать, что эти согласованія движеній могутъ происходить совершенно безъ участія сознанія, какъ происходятъ они въ хорошо устроенной машинѣ. Мы сами испытываемъ на себѣ, что при ходьбѣ, ѣздѣ и другихъ привычныхъ дѣйствіяхъ согласуемъ множество разнообразныхъ движеній, совершенно неупотребляя для этого ни малѣйшаго усилія воли или сознанія. Въ сложномъ актѣ сосанія груди младенцемъ согласованіе разнообразнѣйшихъ движеній уже подготовлено въ самомъ механизмѣ мускуловъ и нервовъ чувства и движенія: достаточно коснуться губъ младенца и нѣсколько раздражить ихъ, чтобы привести этотъ механизмъ въ дѣятельность безъ всякаго участія сознанія [2]).

14. *Продолговатому мозгу* приписываютъ управленіе нервами, которые, въ свою очередь, управляютъ процессомъ дыханія; по этой причинѣ поврежденіе этой части мозга производитъ прекращеніе дыханія и вслѣдствіе того быструю смерть. Это обстоятельство заставило нѣкоторыхъ физіологовъ искать въ продолговатомъ мозгѣ центральнаго пункта жизни всей нервной системы (а вслѣдствіе того и мѣстопребыванія души). Флурансъ даже указалъ такую точку, уколъ въ которую производитъ мгновенную смерть. Эту точку назвали *узломъ жизни* (noeud vital); но потомъ другому физіологу (Brown Sequar) удалось осторож-

[1]) Man. de Phys. par Müller. T. II. p. 101.

[2]) Ibid.

но вынуть весь этотъ *узелъ жизни* и животное оставалось жить [1]). Впрочемъ, если и дѣйствительно малѣйшее, быстрое повреждение продолговатаго мозга производитъ прекращеніе дыханія и вслѣдствіе того смерть, то это доказываетъ только, что этотъ мозговой центръ управляетъ дѣятельностію дыхательныхъ нервовъ; но нисколько не доказываетъ, чтобы здѣсь было сѣдалище жизни: того же прекращенія дыханія мы можемъ достигнуть и другими средствами; но никому же не придетъ въ голову искать сѣдалища жизни въ сердцѣ или въ дыхательномъ горлѣ.

15. *Спинному мозгу*, кромѣ обязанности проводить къ большому мозгу, какъ органу сознанія, всѣ впечатлѣнія туловища, и отъ большаго мозга всѣ сознательныя движенія въ мускулы членовъ—приписываютъ еще спеціально всѣ *рефлективныя* движенія, то есть такія, которыя, хотя и вызываются внѣшними впечатлѣніями, но не сопровождаются сознаніемъ и не зависятъ отъ нашего произвола. Но если обратимъ вниманіе на то, что въ нашихъ глазахъ, въ лицѣ и во рту происходитъ едва ли не болѣе рефлексовъ (непроизвольныхъ и безсознательныхъ движеній), чѣмъ во всемъ остальномъ тѣлѣ, и что нервы, управляющіе движеніями глаза и его частей, а равно движеніями лица, рта, челюстей и проч., выходятъ непосредственно изъ головнаго мозга, то мы увидимъ, что рефлективная дѣятельность должна быть приписана столько же головному мозгу, сколько и спинному.

16. Вообще, если отбросить всѣ мечтательныя, ни на чемъ неоснованныя гаданія о психическомъ значеніи тѣхъ или другихъ частей голово-хребетнаго мозга, то окажется, что, основываясь на фактахъ, физіологія можетъ говорить рѣшительно только объ одной *рефлективной*, т. е. чисто-механической дѣятельности этого органа: все же остальное—мечты, не имѣющія за себя никакихъ положительныхъ данныхъ. Для положительной физіологіи, неувлекающейся несбыточными надеждами—объяснить психическіе акты физіологическими наблюденіями, вся нервная система, со своими центрами и развѣтвленіями, должна бы являться неболѣе какъ *отлично устроеннымъ рефлектирующимъ снарядомъ*,—машиною, способною къ самымъ разнообразнымъ отражательнымъ движеніямъ и комбинаціямъ этихъ движеній. Движенія этой машины могутъ сопровождаться сознаніемъ, но могутъ и не сопровождаться имъ; во всякомъ случаѣ сама машина неспособна породить сознанія и тѣхъ психическихъ актовъ, которые изъ сознанія выходятъ [2]).

---

[1]) Psychophysik von Fechner. T. II. s. 403.

[2]) Англійскій психологъ Бэнъ (The Senses and the Intellect. p. 49.) видитъ также во всѣхъ частяхъ головнаго мозга, за исключеніемъ полушарій *большаго*, разнообразныя продолженія мозга спиннаго и приписываетъ имъ одинаковую рефлективную дѣятельность; въ большомъ же мозгѣ видитъ органъ сознательной дѣятельности. Этотъ взглядъ кажется намъ наиболѣе основательнымъ, если только видѣть въ мозговыхъ полушаріяхъ не болѣе какъ посредствующій органъ между душею и нервнымъ организмомъ.

17. Всѣ части голово-хребетной системы находятся между собою въ связи не только потому, что непосредственно или посредственно, какъ мы видѣли, прикасаются другъ къ другу; но и потому, что нервныя нити и волокна переходятъ изъ одного мозговаго центра въ другой. Этотъ переходъ нервовъ имѣетъ также нѣкоторое значеніе въ психологической жизни.

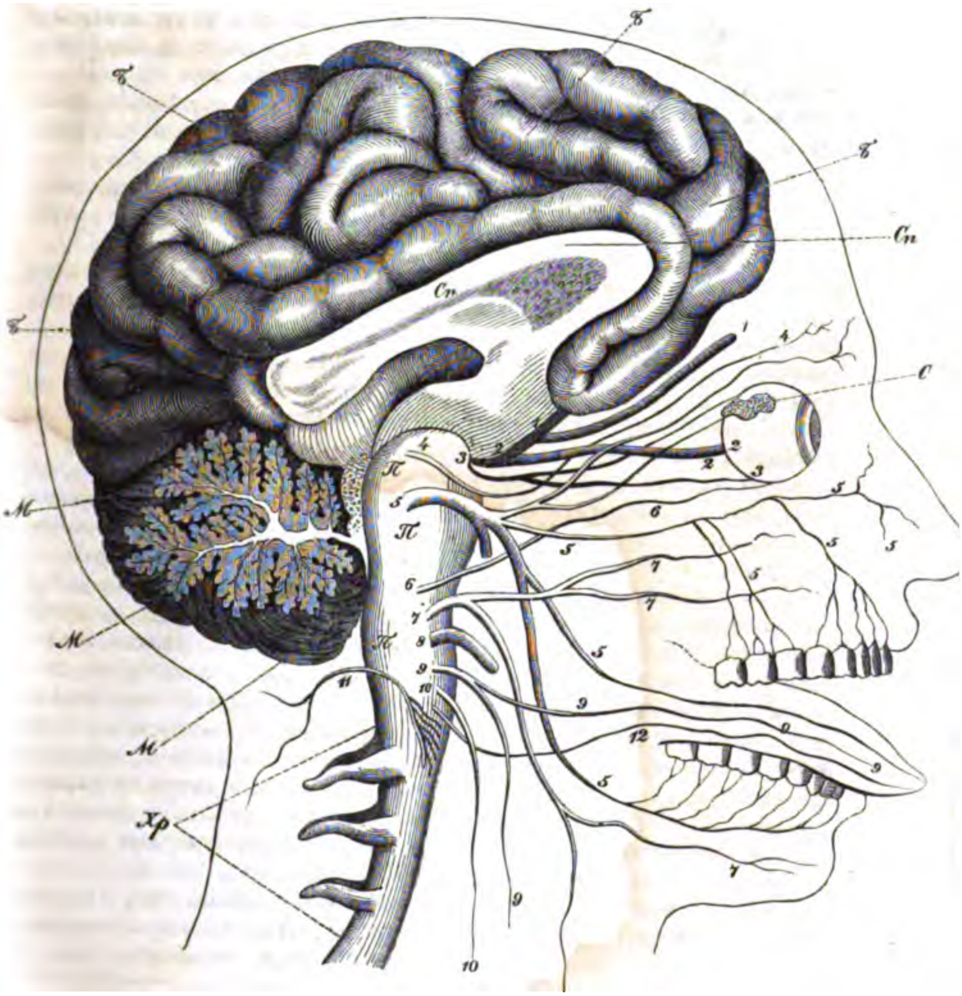
Одни нервныя волокна, входя въ спинной хребетъ, продолжаются въ немъ до той или другой его высоты и тамъ прерываются; другія проходятъ сквозь весь спинной мозгъ и достигаютъ продолговатаго мозга, мозжечка или наконецъ полушарій большаго мозга. Кромѣ того одни нервныя волокна начинаются только въ спинномъ мозгу и идутъ далѣе, прерываясь въ томъ или другомъ органѣ головнаго мозга или доходя окончательно до большаго мозга. Каждый мозговой центръ въ этомъ отношеніи является собраніемъ нервныхъ клѣточекъ или гангліи, о которыхъ мы скажемъ ниже, и нервныхъ нитей, изъ которыхъ однѣ въ него входятъ и въ немъ оканчиваются, другія сквозь него проходятъ, а третьи въ немъ начинаются, изъ него выходятъ и идутъ далѣе, достигая или не достигая большаго мозга. Если принимать большой мозгъ за непосредственный органъ сознанія, чрезъ который душа сознаетъ всѣ колебанія въ нервномъ организмѣ, возбуждаемыя въ немъ впечатлѣніями внѣшняго міра, то ясно, что одни изъ этихъ колебаній душа будетъ сознавать въ непосредственной передачѣ и слѣдовательно болѣе ясно и отчетливо, другія будетъ сознавать только посредственно, слѣдовательно смутно и неотчетливо, какъ напримѣръ разныя внутреннія ощущенія боли, усталости, тошноты и т. п., а третья могутъ и совсѣмъ не сознаваться, хотя они будутъ совершаться въ тѣлѣ и вызывать рефлективныя движенія, напримѣръ, въ сжиманіи зрачка подъ вліяніемъ яркаго свѣта и т. п. Впрочемъ все это не болѣе, какъ весьма вѣроятная догадка, такъ-какъ необычайная тонкость нервныхъ волоконъ не даетъ возможности прослѣдить съ точностію и послѣдовательно ходъ ихъ въ различныхъ мозговыхъ центрахъ.

18. Съ головнымъ мозгомъ непосредственно соединяется 12 паръ головныхъ нервовъ, изъ которыхъ каждая назначена для особенной психофизической дѣятельности.. Перечислимъ эти нервныя пары:

Первая пара—нервъ обонянія. Онъ развѣтвляется въ слизистой оболочкѣ носовой полости.

Вторая пара—нервъ зрѣнія. Выходя изъ черепа въ глазныя впадины, онъ оканчивается весьма сложными аппаратами внутри глазнаго яблока, развѣтвляясь тамъ, за прозрачными средами, *сѣтчатою* оболочкою, на которой и отражаются видимые нами предметы.

Третья, четвертая и *шестая* пара головныхъ нервовъ управляютъ движеніями глаза и его частей. Замѣтимъ, между прочимъ, какъ много нервныхъ паръ назначается для движеній глаза и его частей: мы уже видѣли, какую важную роль въ актѣ зрѣнія и въ составленіи нашихъ

Головной мозгъ съ нервами изъ него выходящими.

Б. *Большой мозгъ съ извивами* на его поверхности. (На рисункѣ изображена одна только лѣвая его половина).—М. *Малый мозгъ*, въ продольномъ разрѣзѣ котораго бѣлое мозговое вещество въ видѣ древесной вѣтки (древо жизни).—П. *Продолговатый мозгъ*, изъ котораго выходитъ 10 паръ нервовъ. — Хр. Верхняя часть *хребетнаго мозга* съ нервными корешками, обращенными назади.—Сп. *Спайка* обѣихъ половинокъ большого мозга или *мозолистое тѣло* (бѣлое вещество).

Нервы головнаго мозга.

1. Нервъ *Обонятельный*. — 2. *Зрительный*.—3 и 4. Нервы, *управляющіе движеніемъ глазъ*.—5. Нервъ *Трехраздѣльный*.—6. *Поворачивающій глаза вкось*. 7. *Личной*.—8. *Слуховой*.—9. *Языко-глоточный*.—10. *Блуждающій*.— 11. *Прибавочный*.—12. *Подъязычный*.

зрительныхъ представленій играютъ движенія глазныхъ мускуловъ и связанныя съ ними мускульныя ощущенія.

Пятая пара, называемая *тройнымъ* нервомъ, управляетъ движеніями челюсти, условливаетъ чувствительность лица, слизистой оболочки, ноздрей и полости рта. При перерѣзѣ этого нерва чувствительность лица теряется, а при перерѣзѣ съ обоихъ боковъ жеваніе становится невозможнымъ, тогда-какъ движеніе мускуловъ лица сохраняется, такъ-какъ ими управляетъ особая—

Седьмая пара—*личной нервъ*, который развѣтвляется отъ уха къ мышцамъ лица. При пораженіи этой пары лице дѣлается неподвижнымъ, какъ у трупа, но чувствительность лица остается вполнѣ.

Восьмая пара головныхъ нервовъ, *нервъ слуховой*, оканчивается во внутренней части слуховаго органа, въ такъ называемомъ лабиринтѣ. При механическомъ давленіи на этотъ нервъ, напр. при приливѣ къ нему крови, мы ощущаемъ шумъ, звонъ въ ушахъ и т. п.

Девятая пара—*языко-глоточный нервъ* оканчивается въ языкѣ и верхней части глотки, онъ управляетъ движеніями глотки, а равно служитъ для передачи ощущеній вкуса; но движеніями языка управляетъ особая пара—*двѣнадцатая*.

Десятая пара—*легочно-желудочный* нервъ называется также *блуждающимъ нервомъ*, потому что, выходя изъ черепа, онъ сходитъ вдоль по шеѣ и по груди до желудка, и по пути развѣтвляется въ горлѣ, легкихъ, сердцѣ, органахъ глотанія и желудкѣ. Этой парѣ нервовъ мы обязаны всѣми тѣми сочувствіями, которыя принимаютъ наши дыхательные органы, а равно сердце, грудобрюшная преграда, и желудокъ, въ нашихъ душевныхъ потрясеніяхъ. Отъ дѣйствія этого нерва на сердце, а чрезъ него и на систему кровообращенія, на нашемъ лицѣ появляется краска стыда или блѣдность испуга, сердце наше замираетъ или бьется сильно при чувствѣ страха, радости, при испугѣ спирается дыханіе, при горѣ слышатся глубокіе вздохи, самый желудокъ при посредствѣ блуждающаго нерва не остается безучастнымъ къ нашимъ душевнымъ потрясеніямъ. Этотъ же нервъ, какъ полагаютъ, сообщаетъ сознанію различныя состоянія пищевыхъ органовъ, которыя отражаются въ насъ ощущеніемъ голода и жажды.

Одиннадцатая пара головныхъ нервовъ называется собственно *прибавочными нервами*, такъ какъ она выходитъ не изъ головнаго, а изъ спиннаго мозга, но входитъ скоро въ полость черепа и соединяется тамъ съ нервами десятой пары. Прибавочная пара управляетъ движеніями затылочныхъ мышцъ.

Двѣнадцатая пара головныхъ нервовъ—*язычный* нервъ, какъ мы замѣтили уже выше, управляетъ движеніями языка.

Всѣ головные нервы, за исключеніемъ 1-й и 2-й пары, выходятъ изъ *продолговатаго* мозга.

19. Нервныя пары, выходящія изъ спиннаго мозга, не носятъ особыхъ названій, такъ-какъ всѣ онѣ служатъ или для сокращенія мускулозныхъ

ловъ, расположенныхъ въ нашихъ членахъ и различныхъ частяхъ туловища, или для передачи тѣхъ ощущеній, которыя мы въ немъ испытываемъ; а потому эти нервы распространяются по всему нашему туловищу и входятъ во всѣ наши члены, гдѣ, въ видѣ микроскопическихъ нитей, развѣтвляются въ мускулахъ, какъ органахъ движенія, и въ кожѣ, какъ органѣ осязанія.

20. *Симпатическая* или *узловая* система составляетъ какъ бы прибавленіе къ голово-хребетной нервной системѣ. Она состоитъ изъ нервныхъ нитей и маленькихъ узловъ (величиною отъ проснаго зерна до обыкновеннаго боба). Эти узлы «разсѣяны въ значительной части тѣла, но главнымъ образомъ находятся въ груди и въ полости брюха у позвоночнаго столба. Ни въ одномъ мѣстѣ нѣтъ столькихъ соединенныхъ узловъ, какъ позади желудка, передъ первымъ поясничнымъ позвонкомъ, гдѣ узлы эти образуютъ, такъ называемое, *солнечное сплетеніе* [1]).» Симпатическая система управляетъ непроизвольными движеніями нашихъ внутренностей, какъ напр. движеніями желудка.

ГЛАВА X.

Дѣятельность нервной системы и ея составъ.

1. Значеніе нервной системы въ психо-физической дѣятельности обнаруживается очень ясными фактами.

«Достаточно—говоритъ Шванъ—разрѣзать нервы, распространяющіеся въ какомъ нибудь членѣ, напр. нервы плеча, положимъ подъ мышкой, чтобы сдѣлать этотъ членъ (руку), такъ сказать, чуждымъ нашей волѣ. Можно въ этомъ случаѣ отрѣзать палецъ и—паціентъ этого не замѣтитъ: самыя огромныя усилія воли не въ состояніи уже произвести ни малѣйшаго движенія пальцами. Нервы уже не чувствуютъ, ибо они не приносятъ нашему сознанію ни одного изъ получаемыхъ ими впечатлѣній, какъ скоро нервы разобщены съ головно-спиннымъ центромъ. Слѣдовательно только въ этомъ центрѣ, въ мозгу—головномъ или спинномъ—мы должны искать сѣдалища нашего я [2])».

Изъ этого опыта ясно видно, что нервы суть единственные проводники нашихъ движеній, выражающихся въ сокращеніи мускуловъ и въ движеніи членовъ, а также проводники впечатлѣній внѣшняго міра къ тому *невѣдомому центру*, который превращаетъ эти впечатлѣнія въ ощущенія.

2. Но справедливо ли заключеніе, что центръ нашей сознательной жизни распространенъ въ головномъ и спинномъ мозгу? На это отвѣтитъ намъ отчасти тотъ же самый авторъ.

---

[1]) Шванъ, стр. 43.

[2]) Анат. Швана, стр. 44.

«Какъ скоро, говоритъ онъ, связь спиннаго мозга съ головнымъ нарушена, напр. переломомъ втораго шейнаго позвонка,—никакое впечатлѣніе, сдѣланное на члены, какъ бы сильно оно ни было, уже не достигаетъ сознанія и воля уже не имѣетъ никакого вліянія на ихъ мускулы» [1]).

Слѣдуетъ ли однако вывести изъ этого то заключеніе, какое выводитъ Шванъ въ противоположность нѣкоторымъ физіологамъ, напримѣръ Льюису; а именно, что сознаніе и воля заключаются въ одномъ головномъ мозгу? На это мы дадимъ отвѣтъ въ слѣдующей главѣ, говоря о рефлексахъ. Здѣсь же скажемъ только, что мы считаемъ возможнымъ принять, что центральнымъ органомъ сознательной дѣятельности является головной мозгъ и, можетъ быть, исключительно два полушарія большаго мозга.

3. Но что же такое представляетъ въ своемъ устройствѣ или въ своемъ составѣ головной мозгъ, или лучше сказать полушарія большаго мозга, чѣмъ можно было бы объяснить его удивительныя дѣйствія,—явленія сознанія, чувствованій и воли? Ничего! Опыты, указывая намъ на полушарія большаго мозга, какъ на средоточіе сознанія и воли, какъ на органъ, черезъ который непосредственно дѣйствуетъ тѣло на душу и душа на тѣло, вовсе не обнаруживаютъ въ самомъ этомъ органѣ никакихъ свойствъ, которыя сколько нибудь объясняли бы намъ возможность сознательной дѣятельности. Если мы мало знаемъ о другихъ частяхъ нервной системы и по большей части только фантазируемъ ихъ отправленія, то еще менѣе знаемъ о большомъ мозгѣ. Но можетъ быть неполнота этихъ знаній и подаетъ нѣкоторый поводъ видѣть въ большомъ мозгѣ причину явленій сознательной жизни? Не даромъ же онъ молчаливо занимаетъ такое верховное мѣсто въ нервномъ организмѣ! Но такой образъ дѣйствій невольно напоминаетъ намъ бурята, который приписываетъ всѣ непонятныя ему явленія своему деревянному божку, имено потому, что онъ молчаливо и безотвѣтно торчитъ на почетнѣйшемъ мѣстѣ въ его кибиткѣ.

4. Изъ приведенныхъ выше опытовъ мы убѣдились, что нервы являются единственными проводниками ощущеній и движеній во всемъ нашемъ тѣлѣ, и что центромъ всего этого движенія является головной мозгъ. Другіе опыты показали, что не всѣ нервы одинаковы въ этомъ отношеніи и что одни изъ нихъ передаютъ ощущенія отъ органовъ чувства къ мозговому центру, а другіе приносятъ движеніе отъ мозговыхъ центровъ къ мускуламъ, заставляя послѣдніе сокращаться.

Между каждыми двумя позвонками, какъ мы это уже видѣли, отдѣляются отъ спиннаго мозга и выходятъ изъ позвоночнаго столба по *двѣ* пары нервовъ. Съ каждой боковой стороны спиннаго хребта выходятъ два пучка: одинъ спереди, а другой сзади, и, такимъ образомъ, образуются *два корешка* нервовъ, изъ которыхъ задній потолще и при

[1]) Тамъ же, стр. 44.

томъ съ узломъ. Вскорѣ за тѣмъ оба эти корешка соединяются и образуютъ одинъ толстый нервъ, состоящій изъ безчисленнаго множества нервныхъ пучковъ и первичныхъ нитей. Нервы эти расходятся по всему тѣлу и его членамъ. Опыты показали, что если, напримѣръ, перерѣзать *передній* корешокъ того нерва, который идетъ въ ту или другую ногу, то всякое *движеніе* въ этой ногѣ прекратится, тогда какъ чувствительность въ ней останется; если же наоборотъ перерѣзать *задній* корешокъ того же нерва, то чувствительность въ ногѣ уничтожится, а способность двигать ею останется. Бываютъ такіе случаи, что всѣ задніе корешки нервовъ, идущихъ въ нижнія оконечности, парализованы, и тогда человѣкъ теряетъ всякую возможность движенія въ ногахъ, но чувствительность въ нихъ остается. Бываютъ и такіе случаи, что поражаются одни задніе корешки и тогда теряется всякая чувствительность въ ногахъ, хотя остается возможность движенія, такъ что больной можетъ ходить только смотря на свои собственныя ноги и управляя ихъ движеніями уже черезъ посредство зрѣнія и отчасти черезъ посредство чувства истрачиваемой для движенія силы [1]), а не черезъ посредство осязанія и пассивнаго чувства мускульныхъ сокращеній, какъ управляетъ своими ногами здоровый человѣкъ [2]).

5. Изъ этихъ наблюденій физіологи совершенно логически вывели раздѣленіе нервовъ на нервы *ощущающіе* и нервы *двигающіе;* только названія эти слѣдовало бы измѣнить, такъ какъ они подали поводъ ко многимъ заблужденіямъ: нервъ ощущать самъ по себѣ ничего не можетъ, а является только такимъ аппаратомъ, дѣятельность котораго, отражаясь въ головномъ мозгу, превращается душею въ ощущеніе. Намъ казалось бы лучше назвать одни нервы — *нервами движенія*, а другіе — *нервами чувства* [3]), чтобы избѣжать ложныхъ понятій, къ которымъ

[1]) См. выше гл. VIII, п. 19—22.

[2]) При пораженіи однихъ нервовъ, передающихъ чувство, «больной не сознаетъ собственныхъ своихъ движеній, а потому и можетъ ихъ съ точностью выполнить только тогда, когда слѣдитъ глазами за собственнымъ движеніемъ: такъ онъ роняетъ изъ руки предметъ, какъ только вниманіе его отвлекается отъ руки. Если такому больному завязать глаза, то онъ не можетъ стоять и не можетъ опредѣлить положеніе своихъ членовъ. Онъ не чувствуетъ вѣса предметовъ и не имѣетъ сознанія силы, употребляемой для поднятія тяжести.» Handbuch der Specielien Patholog. und Therap. Redig. von Virchow. Erlang. 1855, IV B. I Abth. von Hasse § 133.

[3]) Если же принять въ расчетъ и нервы, идущіе къ отдѣлительнымъ железамъ, то тогда вошедшее уже въ употребленіе названіе *центробѣжныхъ* и *центростремительныхъ* нервовъ полнѣе обнимаетъ предметъ. Если же мы не беремъ этихъ названій, то по ихъ сбивчивости; потому-что они ложно напоминаютъ термины и понятія, принадлежащія другой наукѣ. Кромѣ того нервы, идущіе къ отдѣлительнымъ железамъ, не имѣютъ для нашей цѣли значенія.

всего чаще ведутъ не точно употребляемыя слова. Съ нашими терминами мы соединяемъ только самое простое свѣдѣніе, неподлежащее сомнѣнію, что *нервъ движенія* есть органъ необходимый при актѣ движенія, а *нервъ чувства* — при актѣ ощущенія.

Въ устройствѣ нервныхъ нитей того и другаго рода, идущихъ часто не только въ одномъ и томъ же нервѣ, но даже въ одномъ и томъ же нервномъ пучкѣ, незамѣчено никакого особаго различія, но на периферіи тѣла *нервы чувствъ* соединяются съ органами ощущеній; а *нервы движенія* — съ мускулами (а иногда съ отдѣлительными железами). Кромѣ того нервы чувства снабжены на своихъ концахъ особыми воспринимающими аппаратами (какъ, напр., въ сѣтчатой оболочкѣ зрительнаго нерва), которыхъ нѣтъ на периферическихъ окончаніяхъ нервовъ движенія [1]).

6. Чтобы понять сколько возможно вліяніе нервной дѣятельности на психо-физическія явленія, мы должны еще нѣсколько ближе ознакомиться съ самымъ сложеніемъ нервной системы.

При поверхностномъ взглядѣ на нервные центры, головной и спинной мозгъ, мы видимъ въ нихъ смѣшанными два мягкія вещества, различнаго цвѣта: одно *сѣрое*, а другое *бѣлое*. Въ головномъ мозгу сѣрое вещество лежитъ на поверхности органа, а нѣсколько массъ его находится и внутри, между бѣлымъ веществомъ. Въ спинномъ мозгу, наоборотъ, бѣлое вещество расположено снаружи, а сѣрое внутри.

7. «Бѣлое вещество состоитъ исключительно изъ нервныхъ нитей, между которыми пробираются кровеносные сосуды» [2]). Однѣ изъ этихъ нитей, составляющихъ бѣлое вещество мозга, суть только продолженія первичныхъ нервныхъ нитей, находящихся въ нервахъ, распространяющихся внѣ черепа и позвоночнаго столба по всему тѣлу. Эти продолжающіяся въ мозгу нити нервовъ, какъ мы уже видѣли, или оканчиваются въ спинномъ мозгу, или, проходя во всю длину спиннаго мозга, какую имъ остается пройти, входятъ въ головной мозгъ и тамъ — или останавливаются въ нижнихъ частяхъ мозга или доходятъ, не прерываясь, до мозговыхъ полушарій. Такому расположенію нервныхъ нитей Бэнъ придаетъ важное психическое значеніе, выраженное нами выше [3]).

Другія нити, составляющія бѣлое вещество мозга, начинаются и оканчиваются въ самомъ мозгу въ различныхъ его частяхъ, связывая между собою различные органы мозга, какъ напр., спинной мозгъ съ головнымъ, продолговатый мозгъ съ мозжечкомъ и т. п.

---

[1]) Намъ кажется удобно было бы смотрѣть на нервы чувства какъ на начинающіеся на периферіи тѣла въ органахъ ощущенія, тогда какъ начало нервовъ движенія слѣдовало бы искать въ мозговыхъ центрахъ, такъ-что тутъ являются двѣ нервныя системы, идущія на встрѣчу одна другой, и изъ которыхъ одна тамъ начинается, гдѣ другая оканчивается.

[2]) Шванъ, стр. 47.

[3]) Bain. The Senses and the Intellect. p. 30, 31.

«Число этихъ *между-центральныхъ* нервныхъ волоконъ, какъ ихъ называютъ, необыкновенно велико. Относительно же ихъ значенія существуютъ только гипотезы» [1]).

Нервныя нити, составляющія бѣлое вещество мозговыхъ центровъ, большею частію гораздо тоньше нервныхъ нитей, составляющихъ собственно нервы, но имѣютъ всѣ тѣ же свойства—«только немного мягче и измѣняются при обстоятельствахъ, которыя не имѣютъ вліянія на нити нервовъ».

8. *Сѣрое* вещество мозговыхъ центровъ мягче *бѣлаго;* въ немъ также замѣчаются тонкія бѣлыя нити нервовъ, проникающія въ него изъ бѣлаго вещества; но въ немъ, кромѣ того, есть еще *другой элементъ,* изъ котораго главнымъ образомъ и состоитъ само сѣрое вещество. Это — *нервные шарики, нервные узлы* или *гангліи.* Устройство нервнаго шарика напоминаетъ растительную клѣточку: изъ нихъ наиболѣе развитые «имѣютъ клѣточную оболочку, которая окружаетъ зернистое содержимое и ядро въ видѣ пузырька, а это ядро еще содержитъ маленькое тѣльце—зернышко» [2]). Одни изъ нервныхъ шариковъ соединяются съ одною или многими нервными нитями, какъ будто выпуская ихъ изъ себя въ видѣ отростковъ или принимая въ видѣ входящихъ каналовъ; другіе же лежатъ отдѣльно между нервными волокнами.

9. Нѣкоторые физіологи, напримѣръ Льюисъ, приписываютъ различное значеніе нервнымъ волокнамъ и нервнымъ узламъ или гангліямъ. Нервныя волокна, по мнѣнію Льюиса, имѣютъ свойство, подъ вліяніемъ какого-нибудь стимула (напр., прикосновенія теплаго или холоднаго тѣла къ кожѣ, волны свѣта—къ сѣтчатой оболочкѣ глаза, волны воздуха—къ барабанной перепонкѣ уха и т. п.) входить въ особенное, имъ только свойственное состояніе дѣятельности, которое этотъ физіологъ и называетъ *нервозностью* (Nëurility) [3]). Самое изобрѣтеніе новаго слова для названія дѣятельности, возбужденной въ нервѣ, показываетъ уже, что физіологи весьма мало знаютъ, въ чемъ состоитъ эта дѣятельность, которой нѣтъ возможности наблюдать никакимъ микроскопомъ, но которая безъ сомнѣнія должна быть. «О сущности дѣятельнаго состоянія нервовъ, говоритъ Германъ, еще очень мало извѣстно. Не знаютъ ни природы силъ, дѣлающихся свободными при дѣятельности нервовъ, ни химическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ ея. Для глаза нѣтъ никакого видимаго различія между покоющимся и дѣятельнымъ нервомъ» [4]).

Есть нѣсколько гипотезъ, старающихся объяснить, въ чемъ состоитъ дѣятельность возбужденнаго нервнаго волокна, но ни одна изъ нихъ вполнѣ не удовлетворительна. Несомнѣнно только, что дѣятельность эта *должна существовать* и выражаться, какъ и всякая дѣятельность

---

[1]) Германъ. Учебн. Физіолог., стр. 242.

[2]) Шванъ, стр. 49.

[3]) The Physiology of common Life by Lewes. Vol. 2. Tauchnitz Edition p. 14.

[4]) Германъ. Учебн. Физіологіи, стр. 225.

матеріи, въ какихъ-нибудь движеніяхъ микроскопическихъ частицъ: молекюлей или можетъ быть атомовъ нерва. Вѣрно также, что это движеніе усиливается по мѣрѣ своего поступленія отъ раздражающаго стимула далѣе по нерву. «Сила возбужденія по всей длинѣ нерва неодинакова, но увеличивается съ удаленіемъ отъ мѣста, гдѣ было приложено раздраженіе. Чтобы объяснить это наростаніе возбужденія, принимаютъ, что каждая нервная частичка заключаетъ въ себѣ извѣстное количество силъ въ состояніи напряженія, и часть ихъ освобождается при раздраженіи нерва. Эти живыя силы въ свою очередь освобождаютъ въ сосѣднихъ молекюлахъ силы, находившіяся въ состояніи напряженія, такъ-что распространеніе возбужденія по нерву есть рядъ процессовъ освобожденія силы. Наростаніе же возбужденія объясняется тѣмъ, что при процессѣ освобожденія силъ каждый предъидущій молекюль получаетъ возможность освобождать въ послѣдующемъ все большее и большее количество живой силы» [1]).

Ясно, что эта гипотеза покоится на другой гипотезѣ—о силѣ въ скрытомъ состояніи, и что мы имѣемъ полное право назвать, вмѣстѣ съ Шваномъ, совершенно неизвѣстною ту дѣятельность, которая возбуждается въ нервѣ стимуломъ внѣшняго возбужденія или стимуломъ нашей воли. Мы знаемъ только, что эти стимулы вызываютъ въ нервѣ какое-то «особенное состояніе, о которомъ мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что оно существуетъ (можетъ быть это какое-нибудь сотрясеніе частицъ нити) и что это состояніе распространяется по всей длинѣ нити» [2]).

Быстрота распространенія этой неизвѣстной дѣятельности вдоль по нервной нити весьма невелика, сравнительно не только съ быстротою свѣта, но даже съ быстротою электричества. Въ нервахъ движенія у лягушки нервная дѣятельность распространяется съ быстротою отъ 26 до 27 метровъ въ секунду; у человѣка, по измѣренію Гельмгольца, до 60 метровъ въ секунду. Она усиливается или уменьшается отъ различныхъ вліяній, напр., при холодѣ замѣтно уменьшается [3]). Эта относительная медленность распространенія нервной дѣятельности по нервнымъ нитямъ отняла возможность у психологовъ матеріалистическаго направленія объяснять ходъ нашихъ движеній и ощущеній движеніемъ электрическихъ токовъ и побудила нѣкоторыхъ, какъ напр. Бэна, признать особые *нервные токи*, имѣющіе сходство въ своихъ проявленіяхъ съ электрическими, но уже не электрическіе [4]), т. е. другими словами, *отодвинуть гипотезу еще подальше*.

10. Дѣятельность возбужденнаго нерва имѣетъ свойство, по мнѣнію Льюиса, пробуждать *чувствительность* въ томъ нервномъ шарикѣ или

---

[1]) Германъ, стр. 238.

[2]) Шванъ, стр: 48.

[3]) Германъ, стр. 238.

[4]) The Senses and the Intellect, by Bain p. 64.—Впрочемъ нервные токи и нервный принципъ встрѣчаются и гораздо ранѣе.

узлѣ, въ который нервъ входитъ или съ которымъ онъ соприкасается. «Когда нервное волокно возбуждено, говоритъ Льюисъ, тогда появляется въ немъ *нервозность*. Если это волокно находится въ связи съ мозгомъ или спинною хордою, то слѣдствіемъ возбужденнаго состоянія нерва будетъ ощущеніе. Если нервное волокно находится въ связи съ мускуломъ, то слѣдствіемъ его раздраженія будетъ сокращеніе, а если съ желѣзою— то отдѣленіе (напр. отдѣленіе слезъ слезными железками, отдѣленіе слюны, желчи и проч.)» [1]. «Свойство нервныхъ узловъ, по мнѣнію Льюиса, состоитъ въ томъ, что нервозная дѣятельность соединяющагося съ ними нерва пробуждаетъ въ нихъ ощущеніе и только возбужденный къ дѣятельности нервъ, а не какой-нибудь другой стимулъ (напр. непосредственное прикосновеніе къ нервному шарику), имѣетъ свойство пробуждать ощущеніе въ нервныхъ шарикахъ.» (Вотъ почему, между прочимъ, полушарія большаго мозга, состоящія изъ сѣраго вещества, оказываются при прикосновеніи безчувственными).

Но если физіологи мало знаютъ о томъ, въ чемъ состоитъ дѣятельность нерва, то еще менѣе извѣстны имъ тѣ условія, которыя будто бы дѣлаютъ возможнымъ проявленіе ощущеній въ нервныхъ шарикахъ. *Ни анатомическое устройство этихъ шариковъ, ни ихъ химическій составъ не намекаютъ намъ даже на малѣйшую возможность ощущенія въ этихъ, очень простыхъ по устройству, ячейкахъ и зернышкахъ.*

11. Прежде думали, что специфичность ощущеній условливается самымъ разнообразіемъ нервовъ. На эту мысль наводили многіе опыты. Такъ, зрительный нервъ, при дѣйствіи на него самыхъ разнообразныхъ стимуловъ, даетъ только однѣ свѣтовыя ощущенія. Придавливая глазной нервъ, мы получаемъ не ощущеніе осязанія, но видимъ свѣтлые кружки; при ударѣ по глазу кажется, что сыплются искры; въ операціяхъ при разрѣзѣ глазнаго нерва ощущается не боль, но видится яркій свѣтъ. Приливъ крови къ слуховымъ нервамъ выражается не ощущеніемъ осязанія, но шумомъ и звономъ въ ушахъ. Опухоль въ слизистой оболочкѣ носа выражается не чувствомъ осязанія, но ощущеніемъ дурнаго запаха. Всѣ эти наблюденія заставляли предполагать, что разнообразіе нашихъ ощущеній зависитъ отъ разнообразія самихъ нервныхъ нитей, въ которыхъ эти ощущенія рождаются [2]. Но, не находя въ устройствѣ различныхъ нервовъ ничего, чѣмъ объяснялось бы такое разнообразіе въ производимыхъ ими ощущеніяхъ, физіологи нашлись вынужденными переставить гипотезу подальше, и приписать разнообразіе ощущеній не нервнымъ нитямъ, въ сущности однороднымъ, но нервнымъ центрамъ (нервнымъ шарикамъ), въ которыхъ эти нервы оканчиваются. Но развѣ разнообразіе, незамѣченное въ нервныхъ нитяхъ, было открыто физіологами въ нервныхъ шарикахъ, въ которыхъ нервы оканчиваются, и при томъ такое разнообразіе, которое показало

[1] Lewes. V. 2, p. 14.

[2] Manuelle de Phys. p. Müller. T. II, p. 251 и слѣд.

бы намъ возможность всего разнообразія нашихъ ощущеній? На этотъ вопросъ физіологія отвѣчаетъ намъ слѣдующее: «О свойствахъ нервныхъ клѣточекъ (шариковъ), говоритъ Германъ, почти ничего неизвѣстно; по химическому составу онѣ, вѣроятно, не отличаются отъ нервныхъ волоконъ; по крайней мѣрѣ, въ органахъ, богатыхъ нервными клѣточками, напр. въ мозгу, находятъ тѣ же самыя составныя части, что и въ нервахъ. Еще менѣе знаютъ о развитіи силъ въ нервныхъ клѣткахъ. До сихъ поръ въ нихъ не доказано ни развитія теплоты, ни развитія электричества. Вообще здѣсь *слѣдуетъ предположить* тѣ же самыя молекулярныя движенія, которыя были приняты для нервныхъ волоконъ, потому что эти форменные элементы состоятъ между собою въ непрерывной связи [1])». Такимъ образомъ переносъ причины ощущенія съ нервныхъ нитей на нервные узлы ни чуть не объяснилъ дѣла болѣе. Это только передвиженіе гипотезы далѣе въ глубь неизвѣстнаго, гдѣ царствуетъ еще большій мракъ, чѣмъ въ нашихъ знаніяхъ о дѣятельности нервныхъ нитей.

12. Изъ всѣхъ этихъ предположеній, построенныхъ опять же на предположеніи существованія атомовъ и ихъ движеній, можно сдѣлать сколько нибудь раціонально только слѣдующіе выводы:

а) Нервы наши имѣютъ свойство подъ вліяніемъ какихъ нибудь внѣшнихъ стимуловъ, проистекающихъ изъ матерьяльнаго міра, или подъ вліяніемъ внутреннихъ стимуловъ, проистекающихъ изъ душевнаго, внутренняго міра, приходить въ дѣятельное состояніе, особенности котораго намъ совершенно неизвѣстны, но которое, по всей вѣроятности, состоитъ въ своеобразномъ движеніи частицъ нерва.

б) Это дѣятельное состояніе нерва отъ того мѣста, гдѣ оно было возбуждено тѣмъ или другимъ стимуломъ, распространяется съ извѣстною быстротою вдоль нервныхъ нитей и, если эти нити оканчиваются въ мускулахъ, то возбуждаетъ въ нихъ сокращеніе, а если въ отдѣлительныхъ желѣзахъ—то отдѣленіе. Если же внѣшній стимулъ дѣйствуетъ на нервъ чувства и дѣятельность эта распространяется по нервной нити до нервнаго узла, въ который эта нить входитъ въ мозговыхъ полушаріяхъ, то въ нервныхъ узлахъ мозговыхъ полушарій возбуждается своеобразная дѣятельность, свойства которой намъ еще менѣе извѣстны, чѣмъ свойства дѣятельности нервныхъ волоконъ. Эта же дѣятельность нервныхъ клѣточекъ большаго мозга, состоящая, безъ сомнѣнія, какъ и всякая матерьяльная дѣятельность, въ движеніи молекюлей, отражается непостижимымъ для насъ образомъ въ нашей душѣ и *превращается* въ ней въ ощущенія, такъ что мы ощущаемъ уже не движеніе нервныхъ атомовъ, которое предполагается физіологіею, но нѣчто особенное, неимѣющее ничего общаго съ какимъ бы то ни было матеріяльнымъ движеніемъ: ощущаемъ свѣтъ, цвѣтъ, звукъ, вкусъ, а не движеніе

[1]) Германъ, стр. 336 и 337.

нервныхъ атомовъ, не ощущаемъ даже самыхъ нервовъ или нервныхъ шариковъ, открываемыхъ только наукою [1]).

в) Если же нервная нить чувства не достигаетъ большаго мозга, а оканчивается, не доходя до него, напр. въ спинномъ мозгу или въ симпатической узловой системѣ, то она тоже возбуждаетъ своеобразную дѣятельность въ томъ нервномъ узлѣ, въ который входитъ или съ которымъ соприкасается, и эта дѣятельность нервнаго узла въ свою очередь можетъ возбудить выходящіе изъ него или соприкасающіеся съ нимъ нервы движенія, что выразится сокращеніемъ соотвѣтствующихъ мускуловъ. Но весь этотъ процессъ можетъ совершиться внѣ нашего сознанія и порождать такимъ образомъ *несознаваемыя нами, отраженныя* или *рефлективныя движенія*, о которыхъ подробнѣе мы скажемъ ниже.

г) Отъ чего зависитъ специфическое различіе въ ощущеніяхъ, мы также не знаемъ; но опыты показываютъ, что одинъ и тотъ же нервъ можетъ порождать только одного рода ощущенія, хотя и въ различной степени. Кромѣ того, можно предполагать (какъ и дѣйствительно предполагаетъ Гельмгольцъ), что между безчисленными нитями напр. зрительнаго нерва назначены отдѣльныя нити для трехъ основныхъ цвѣтовъ, а въ слуховомъ нервѣ различныя нити—для тоновъ различной высоты. Одинъ и тотъ же нервъ чувства можетъ возбуждать только ощущенія одного рода (напр. свѣтовыя) и одного вида въ этомъ родѣ (напр. ощущенія краснаго цвѣта), но различной степени, чѣмъ условливается дальнѣйшее разнообразіе ощущеній. Это разнообразіе ощущеній можетъ также условливаться и смѣшеніемъ двухъ ощущеній въ одно, какъ напр. при смѣшеніи красокъ.

д) Весьма вѣроятно предположить, что органомъ, посредствомъ котораго душа наша испытываетъ различныя состоянія нервной системы, является головной мозгъ и притомъ не весь, а только та часть его, которая называется большимъ мозгомъ. Но все, что извѣстно о большомъ мозгѣ, не отличающемся ни чѣмъ ни по анатомическому своему устройству, ни по химическому составу отъ другихъ нервныхъ центровъ, ни малѣйше не объясняетъ намъ возможности самостоятельнаго зарожденія въ немъ ощущеній и мотивовъ произвольныхъ движеній.

[1]) Можно, пожалуй, гадать, вмѣстѣ съ Фехнеромъ (Psycho-Physik. T. II. S. 544—547), что движенія возбуждаются собственно въ нервномъ эѳирѣ, подобномъ эѳиру свѣтовому, и что эти движенія, вибраціи, достигнувъ опредѣленной степени быстроты, дѣлаются сознательными сами; но гдѣ факты для такой сложной гипотезы? И какъ бы ни было быстро движеніе, все же оно не будетъ ощущеніе, которое, какъ мы увидимъ далѣе, не только не есть движеніе, но и не ощущеніе движенія. Неужели этотъ споръ, начавшійся еще споромъ Аристотеля съ тѣми философами, которые называли душу движеніемъ, будетъ безконечно начинаться, каждый разъ оканчиваясь ничѣмъ, за неимѣніемъ фактовъ?

ГЛАВА XI.

Нервная усталость и нервное раздраженіе.

1. Нервы устаютъ точно также, какъ и мускулы; точно также послѣ продолжительной дѣятельности нуждаются они въ отдыхѣ, во время котораго пріобрѣтаютъ, безъ сомнѣнія, изъ питательнаго процесса новыя силы для дѣятельности [1]). Возстановленіе въ нервахъ одной изъ этихъ силъ, а именно электрическаго тока, положительно доказано Дюбуа-Реймономъ [2]). Изъ этого, конечно, смѣшно было бы выводить, что электричество или самъ нервъ есть нѣчто чувствующее, какъ дѣлали нѣкоторые, увлеченные слишкомъ далеко открытіемъ знаменитаго физіолога; но весьма логически будетъ вывести, что нервамъ для дѣятельности необходимо электричество, и что это электричество нервы почерпаютъ въ тѣхъ самыхъ химическихъ процессахъ, посредствомъ которыхъ возобновляются изъ крови ткани и силы мускула.

2. Ощущая посредствомъ большаго мозга измѣненіе въ состояніяхъ нервной системы, душа наша не можетъ не ощущать и обилія или недостатка электричества въ нервахъ. Естественно, что это обиліе или этотъ недостатокъ нервнаго тока выражается въ душѣ чувствомъ *усталости* или *бодрости*. Матеріальная природа сама по себѣ уставать не можетъ, точно также, какъ и душа; но неспособность нервной системы отвѣчать на требованія души, неспособность, зависящая въ этомъ случаѣ отъ недостатка въ нервахъ электричества, выражается въ душѣ непріятнымъ ощущеніемъ усталости, а обиліе электричества въ нервахъ пріятнымъ чувствомъ бодрости, которое мы въ особенности испытываемъ послѣ продолжительнаго отдыха или спокойнаго сна. Чувство усталости въ мускулахъ, о которомъ мы говорили выше, также передается намъ, вѣроятно не иначе, какъ черезъ нервы, а именно ощущеніемъ того количества усилія, котораго требуетъ для своего раздраженія болѣе или менѣе истощенный мускулъ.

3. Ощущеніе усталости можетъ выражаться не только въ отношеніи всей нервной системы, но и въ отношеніи частей ея, различныхъ частныхъ системъ нервовъ, и даже, кажется, въ отношеніи одного нервнаго волокна. Мы, напр., замѣтно устаемъ живо представлять себѣ, т. е. слѣдовательно выражать въ нервныхъ движеніяхъ какую-нибудь одну картину, такъ-что картина эта, не смотря на всѣ усилія нашей воли, начинаетъ блѣднѣть все болѣе и болѣе, тогда-какъ въ тоже самое время мы можемъ себѣ представить живо другую картину. Но пройдетъ нѣсколько времени, и мы можемъ представить себѣ прежнюю съ прежнею жи-

---

[1]) Manuelle de Phys. p. Müller. T. II. p. 90.

[2]) Учеб. физіол. Германа, стр. 176, 228.

востью [1]). Оптическія наблюденія показали, что если мы смотримъ долго на одинъ какой-нибудь цвѣтъ, то нервы наши устаютъ именно въ отношеніи этого цвѣта и на нѣкоторое время перестаютъ воспроизводить его, хотя онъ и есть въ разсматриваемомъ предметѣ [2]). Принявъ же положеніе, усвоенное Гельмгольцемъ, что для каждаго изъ основныхъ цвѣтовъ существуютъ особыя нервныя волокна, мы легко объяснимъ себѣ, что если напр. нервы, передающіе зеленый цвѣтъ, устали, а нервы, передающіе другіе цвѣта, — нѣтъ, то мы перестаемъ видѣть въ предметахъ именно зеленый цвѣтъ, хотя онъ въ нихъ и находится, тогдакакъ продолжаемъ видѣть другіе цвѣта и видимъ ихъ еще съ особенною яркостію. Отдохнувъ же, нервы опять начинаютъ дѣйствовать по прежнему.

4. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно очень важное нервное явленіе. Если нервъ усталъ, а мы продолжаемъ его возбуждать, то онъ не всегда отказывается отъ дѣятельности, а иногда, наоборотъ, впадаетъ въ такую судорожную дѣятельность, отъ которой мы отдѣлаться не можемъ. Каждому, напримѣръ, знакомо то явленіе, что иная, сильно подѣйствовавшая на насъ картина иногда долго мучитъ насъ и мы не можемъ отъ нея освободиться. Этимъ же объясняется и то, отъ чего сильная усталость лишаетъ насъ возможности уснуть, и отъ чего этимъ въ особенности страдаютъ люди съ такъ называемыми раздражительными нервами. Нормальная дѣятельность нервовъ состоитъ именно въ томъ, что они устаютъ, отдыхаютъ и потомъ снова начинаютъ дѣйствовать; но, выведенные изъ этой нормальной дѣятельности, они

[1]) «Когда, говоритъ Миллеръ, во тмѣ и тишинѣ кабинета, удаленный отъ всего, что могло бы произвести вліяніе на чувства, стараешься составить себѣ какую нибудь идею (Миллеръ не отличаетъ идеи отъ представленія), и долго сохранить ее, то замѣчаешь, что это рѣшительно невозможно. Какъ бы ни было твердо наше рѣшеніе, идея птицы быстро уступаетъ мѣсто другой, родственной, напримѣръ идеѣ Пегаса, далѣе выйдетъ Гомеръ, Ахиллесъ, Ахиллесова жила, міологія и т. д...» (Man. de Phys. T. II. p. 505). Здѣсь ясно Миллеръ смѣшалъ идею съ представленіемъ: сохранять долго одно и тоже представленіе мы дѣйствительно не можемъ; но одну и ту же *идею*, подъ вліяніемъ которой мѣняются въ головѣ нашей тысячи представленій, ею подбираемыхъ, мы можемъ сохранять неопредѣленно долго и это составляетъ рѣзкое отличіе между *духовнымъ существованіемъ идеи* и *психо-физическимъ существованіемъ представленія*, невозможнымъ безъ участія нервовъ. — Неопредѣленное употребленіе слова *идея* ведетъ ко множеству ошибокъ. Локкъ, кажется, первый смѣшалъ идею и представленіе. (См. Locke's Philosophical Works. V. I. Of human understanding. Ch. II). Въ своемъ мѣстѣ мы постараемся провести между ними рѣзкую черту.

[2]) Menschen- und Thierseele. Wundt.

какъ бы перестаютъ уставать, продолжаютъ работать съ необыкновенною энергіею и часто мучатъ насъ своею непрошенною работою [1]).

5. Мы уже указали на важность физіологическаго объясненія нервной усталости и отдыха; но теперь рождается другой вопросъ: откуда нервы, истощенные дѣятельностію и впавшіе въ раздраженіе, берутъ силы для этой сверхштатной работы? Мы уже видѣли, что силы, дѣйствующія въ организмѣ, вырабатываются вообще въ питательномъ процессѣ; но силы, вырабатываемыя организмомъ въ питательномъ процессѣ или, лучше сказать, усвоиваемыя организмомъ изъ пищи, изъ неистощимаго запаса силъ матеріальной природы, идутъ не на одну нервную дѣятельность въ процессѣ ощущеній и движеній, а также на множество другихъ жизненныхъ процессовъ, безпрестанно совершающихся въ нашемъ организмѣ. Изъ этого возникаетъ вѣроятіе, что чрезъ мѣру раздраженная нервная система, вся или какая нибудь ея часть, можетъ, не смотря на свое истощеніе, продолжать дѣятельность, поглощая силы, назначенныя для другихъ органическихъ процессовъ. Заключеніе это дѣлается еще болѣе вѣроятнымъ, когда мы припомнимъ положеніе новой науки, которая принимаетъ такую солидарность между всѣми физическими силами, что одна изъ нихъ можетъ переходить въ другую: движеніе—въ тепло, тепло—въ движеніе, та и другая—въ электричество, электричество — въ магнетизмъ и т. д. Тогда становится понятнымъ, что раздраженные нервы начинаютъ превращать, положимъ, въ необходимое для нихъ электричество другія силы, какъ напримѣръ—силу тепла, которая, удаляясь такимъ образомъ отъ другихъ жизненныхъ процессовъ и въ ущербъ имъ, даетъ возможность истощеннымъ нервамъ продолжать работу; тогда становится также понятнымъ, почему раздраженная нервная дѣятельность наноситъ всегда ущербъ общему здоровью организма.

6. Что такая ненормальная дѣятельность раздраженныхъ нервовъ, повторяясь часто и продолжаясь долго, истощаетъ силы тѣла,—это общеизвѣстный фактъ. Иногда она сама бываетъ признакомъ физическихъ страданій, въ особенности при женскихъ болѣзняхъ. Но утомляетъ ли нервы также дѣятельность вполнѣ сознательная и произвольная? Утомляетъ и несравненно болѣе, какъ замѣтилъ еще Миллеръ: полчаса упрямаго произвольнаго мышленія утомляетъ болѣе, чѣмъ нѣсколько часовъ мечты, несущей насъ куда попало, на крыльяхъ своихъ безчисленныхъ рефлексовъ, такъ-что невольная мечта, сравнительно съ произвольнымъ мышленіемъ, кажется намъ даже отдыхомъ. Если принять полушарія большаго мозга за органъ сознательной и произвольной дѣятельности души, то понятно, что чрезмѣрное и частое утомленіе этого центральнаго органа нервной системы, непрерываемое достаточными отдыхами,

[1]) Множество наблюденій въ этомъ родѣ собрано у Фехнера (Psycho-Physik. T. II. 498—515).

можетъ дѣйствовать всего гибельнѣе на общее здоровье организма, что и подтверждаетъ медицина фактами.

7. Нетрудно замѣтить, что нервная система чрезвычайно различна у различныхъ людей. У однихъ нервы впадаютъ въ раздраженное состояніе отъ всякой бездѣлицы; у другихъ, не смотря на сильнѣйшее впечатлѣніе, не выходятъ изъ нормальнаго своего состоянія, такъ-что послѣ усталости наступаетъ немедленно отдыхъ, послѣ отдыха — бодрость. У иныхъ нервы дѣйствуютъ вообще вяло: какъ-то тупо принимаютъ впечатлѣнія и медленно отвѣчаютъ на нихъ рефлексами; у другихъ нервы воспринимаютъ впечатлѣнія чрезвычайно живо, но удерживаютъ ихъ какъ-то слабо, непродолжительно; у третьихъ усвоиваютъ медленно, но удерживаютъ прочно и т. д. Отчего зависятъ всѣ эти различныя состоянія нервовъ у разныхъ людей — физіологія не знаетъ. Однако, не трудно замѣтить, что эти различія въ свойствахъ нервной системы играютъ большую роль въ различіи людскихъ характеровъ, и что эти свойства часто передаются наслѣдственно отъ родителей дѣтямъ: можетъ быть, такъ называемая наслѣдственность характеровъ и есть не что иное, какъ наслѣдственность особенностей нервной системы.

8. Общее состояніе здоровья имѣетъ сильное вліяніе на состояніе нервной системы; но, кромѣ того, есть еще болѣзненныя разстройства самыхъ нервовъ, составляющія самый темный отдѣлъ въ медицинѣ. Мы думаемъ, что нерѣдко эти болѣзненныя состоянія нервовъ суть только дурныя нервныя привычки. Нервы, часто раздражаемые, раздражаются все съ большею и большею легкостію, и наконецъ пріобрѣтаютъ привычку раздражаться, т. е. впадать въ ненормальное состояніе дѣятельности. Извѣстная тайная болѣзнь дѣтей производитъ часто нервное раздраженіе и, въ свою очередь, сама производится и поддерживается нервнымъ же раздраженіемъ. Замѣчательно, что часто, при началѣ этой болѣзни, дѣти выказываютъ необыкновенно быстрое развитіе способностей; но это только призрачное развитіе рефлективныхъ способностей нервной системы, за которымъ слѣдуетъ отупѣніе. По прекрасному выраженію Гуфеланда—это роза, насильственно развернутая, которая, блеснувъ на мгновеніе всею яркостію своихъ красокъ, начинаетъ быстро вянуть. Въ сомнамбулизмѣ и лунатизмѣ болѣзненное дѣйствіе нервной системы, вполнѣ выбившейся изъ подъ контроля воли, также поражаетъ насъ своими эффектами: въ лунатическомъ снѣ, человѣкъ, напр., ходитъ ловко и быстро по крышамъ и карнизамъ, по которымъ, конечно, не сдѣлаетъ и шагу въ бодрственномъ состояніи. Но это—не способности человѣка, а способности нервной системы, которою человѣкъ не владѣетъ. Возрастъ человѣка также имѣетъ большое вліяніе на состояніе нервовъ. Въ дѣтствѣ нервы необыкновенно впечатлительны и легко впадаютъ въ раздраженное состояніе; въ старости тупо воспринимаютъ новыя впечатлѣнія и мало дѣятельны.

9. То, что мы высказали уже выше о дѣйствіи правильныхъ, нераздражающихъ упражненій на мускулъ, относится вполнѣ и къ нервной

системѣ. «Постоянная смѣна покоя и дѣятельности, говоритъ Миллеръ, — вотъ что укрѣпляетъ наши органы и дѣлаетъ ихъ болѣе способными къ отправленію ихъ дѣятельности; тогда-какъ мускулы и нервы, участвующіе рѣдко въ напряженіи нервнаго принципа, какъ, напримѣръ, мускулы ушные, теряютъ часть своей способности къ движеніямъ. Изъ этого слѣдуетъ вывести, что проводимость нервныхъ волоконъ развивается по мѣрѣ учащенія возбужденія, сообщаемаго этимъ волокнамъ» [1]).

10. Не трудно видѣть уже, что процессъ уставанія и отдохновенія нервовъ, а равно ихъ нормальная или раздраженная дѣятельность, должны имѣть большое вліяніе на яркость, отчетливость и ходъ нашихъ представленій, а слѣдовательно — на акты вниманія, воспоминанія, воображенія и даже мышленія, на сколько мышленіе связано съ представленіями.

ГЛАВА XII.

Отражательныя или рефлективныя движенія.

1. Прежде всего замѣтимъ, что о существованіи сознанія и произвола мы можемъ знать только *субъективно*, т. е. ощущая ихъ въ самихъ себѣ; а слѣдовательно, только въ самомъ себѣ человѣкъ могъ отличить движенія, сопровождаемыя произволомъ и сознаніемъ, отъ движеній безсознательныхъ и непроизвольныхъ. Если же мы говоримъ о сознаніи у животныхъ, то говоримъ только по аналогіи съ человѣкомъ, заключая уже по характеру ихъ дѣйствій, сходныхъ съ нашими, что эти дѣйствія *должны быть* произведены произвольно и сознательно, такъ-какъ въ насъ самихъ подобныя дѣйствія сопровождаются желаніемъ и сознаніемъ [2]). Отсюда логически вытекаетъ, что, говоря о рефлексахъ, физіологія заимствуетъ это понятіе изъ *психологіи*, изъ *самонаблюденія*, тогда-какъ собственно физіологическій методъ есть *наблюденіе*. Но, къ сожалѣнію, многіе физіологи забываютъ это психологическое происхожденіе понятія рефлексовъ и, смѣшивая психологическій методъ съ физіологическимъ, впадаютъ въ важную ошибку, которая имѣетъ и важныя послѣдствія [3]). Сущность этой странной ошибки состоитъ въ томъ,

---

[1]) Man. de Phys. T. II, p. 91.

[2]) Вотъ почему Декартъ, слѣдуя скептической методѣ, имѣлъ полное логическое право признать животныхъ движущимися автоматами, такъ-какъ въ существованіи сознанія у животныхъ онъ не могъ ни чѣмъ убѣдиться. Современная наука, уяснивъ сложную природу рефлекса, сдѣлала это мнѣніе Декарта еще возможнѣе. (Oeuvres de Descartes. 1865, Discour de la méthode, p. 37 et Réponses aux sixièmes objections, p. 401).

[3]) Страннѣе всего то, что въ эту ошибку впадаетъ Льюисъ, который самъ же въ своей физіологіи весьма справедливо замѣчаетъ, что одна наука

что, придя къ понятію рефлекса, *по самонаблюденію*, какъ дѣйствію, не сопровождаемому ни сознаніемъ, ни произволомъ, прилагаютъ это понятіе къ *наблюденію* надъ животными и, наблюдая рефлексы въ оперируемыхъ животныхъ, предполагаютъ, что всякій рефлексъ сопровождается сознаніемъ. Чтобы разоблачить вполнѣ эту важную и богатую послѣдствіями ошибку, разсмотримъ нѣсколько подробнѣе различные виды рефлексовъ.

2. Наблюдая надъ движеніями, совершающимися въ нашемъ собственномъ тѣлѣ, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ совершаются нами сознательно и по волѣ, а другія, напротивъ, совершаются безъ всякаго участія сознанія и воли, такъ-что мы наблюдаемъ ихъ въ себѣ, какъ-бы въ чужомъ тѣлѣ или машинѣ. Мы *хотимъ* поднять руку и *сознаемъ*, какъ ее поднимаемъ; но если бы наука не сказала намъ, что при вліяніи яркаго свѣта на нашъ глазъ раекъ расширяется, а въ темнотѣ, наоборотъ, сжимается, то мы ничего и не знали бы объ этихъ движеніяхъ, хотя они, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, всегда и постоянно въ насъ совершаются. Точно также мы чувствуемъ, какъ проглатываемъ пищу; но когда пища перейдетъ за глотку, то мы уже вовсе не ощущаемъ тѣхъ рефлективныхъ движеній, которыя она вызываетъ въ нашемъ желудкѣ и о которыхъ увѣдомляетъ насъ опять же только наука.

Такія, не только *непроизвольныя*, но и *неощущаемыя* движенія въ нашемъ тѣлѣ мы назовемъ *рефлексами полными*. Полные рефлексы, слѣдовательно, совершаются не только внѣ нашей воли, но и внѣ нашего сознанія, и вызываются въ нашемъ тѣлѣ вліяніями, которыхъ мы тоже не ощущаемъ.

3. Кромѣ полныхъ рефлексовъ, мы замѣчаемъ въ себѣ еще *полурефлективныя* движенія, которыя иногда ощущаются въ нашемъ сознаніи, а иногда не ощущаются, и на которыя воля наша *можетъ* имѣть нѣкоторое вліяніе, но которыя однако совершаются и *помимо нашей* воли. Таковы дыханіе, кашель, чиханіе, отдѣленіе слезъ, смѣхъ, плачъ и т. под.

Обративъ вниманіе на процессъ дыханія, мы ясно замѣчаемъ его совершеніе и можемъ отчасти ускорить, замедлить и даже пріостановить его на нѣсколько мгновеній. Точно также мы можемъ въ нѣкоторой степени задержать кашель или чиханіе, удержать слезы, которыя *готовы были навернуться* на глазахъ и т. п. Но тутъ же мы замѣтимъ, что дыханіе, кашель, чиханіе и навертываніе слезъ и т. п. движенія совершаются и безъ нашего произвола; а если вниманіе наше не обращено на эти движенія, то они совершаются и безъ нашего сознанія, т. е.

можетъ пользоваться результатами другой, но подъ условіемъ не забывать различія своихъ методъ и не смѣшивать ихъ, отъ чего происходятъ важныя ошибки. Кромѣ Льюиса и мн. др. въ эту же ошибку впадаютъ Вундтъ и Сѣченовъ, и дѣлаютъ изъ положеній, основанныхъ на этой логической ошибкѣ, множество важныхъ уже психологическихъ выводовъ.

мы не ощущаемъ ихъ, хотя и ощущаемъ ясно то, что, вызвало *невольную* улыбку на нашихъ устахъ, или *невольныя* слезы на нашихъ глазахъ. Мы дышемъ и даже кашляемъ въ глубокомъ снѣ точно такъ же, какъ и на яву, часто совершенно этого не ощущая.

4. Изъ этого *логически* слѣдуетъ, что *ощущеніе и рефлективное движеніе — два явленія совершенно различныя, которыя могутъ сопровождать другъ друга, но могутъ совершаться отдѣльно*. А потому было бы логическою ошибкою предполагать непремѣнно ощущеніе вездѣ, гдѣ мы замѣчаемъ рефлективныя движенія, какъ дѣлаютъ это Льюисъ, Вундтъ и другіе писатели того же направленія. Человѣкъ составилъ понятіе о рефлективномъ движеніи именно потому, что не ощущалъ его; а потомъ эти писатели предполагаютъ ощущеніе тамъ, гдѣ замѣчаютъ рефлективное движеніе, т. е. забываютъ ту точку, отъ которой отправились, и въ концѣ своихъ выводовъ противорѣчатъ тѣмъ положеніямъ, изъ которыхъ сами же вышли.

Самое простое наблюденіе и сужденіе заставляетъ насъ признать, что ощущенія и рефлективныя движенія суть два явленія совершенно различныя, которыя въ однихъ случаяхъ никогда не сопровождаются одно другимъ, какъ напримѣръ въ полныхъ рефлексахъ, а въ другихъ могутъ сопровождать одно другое и могутъ не сопровождать, какъ во всѣхъ *полурефлексахъ*.

5. Здѣсь рождается вопросъ: всегда-ли можемъ мы имѣть произвольное вліяніе на наши полурефлексы? Другими словами: существуютъ ли такіе рефлексы, которые, при обращеніи на нихъ вниманія, могутъ быть сознаваемы нами, но на которые, въ тоже самое время, мы не можемъ имѣть никакого произвольнаго вліянія? Этотъ вопросъ мы не беремся рѣшить, но, во всякомъ случаѣ, думаемъ, что вліяніе нашего произвола на рефлексы идетъ гораздо далѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, и что упражненіе можетъ далеко расширить область этого вліянія; такъ, говорятъ, что индѣйскіе фокусники могутъ оказывать произвольное вліяніе даже на движенія желудка и сердца [1]). Однакожъ вліяніе наше на полурефлексы всегда болѣе или менѣе ограничено: мы можемъ долго удерживать дыханіе; но, наконецъ, это дѣлается невозможнымъ, и человѣкъ можетъ еще уморить себя голодомъ, но никакъ не задержаніемъ дыханія; тоже относится къ кашлю, судорогамъ и т. п. Вообще, мы можемъ предполагать, что, гдѣ возможно сознаніе, тамъ возможно и вліяніе произвола, хотя бы въ самой слабой степени, иначе соединеніе сознанія съ рефлексомъ было бы ошибкою природы. Гдѣ рефлексъ нисколько отъ насъ не зависитъ, тамъ и сознаніе будетъ ненужною, пустою роскошью, а природа не любитъ такой роскоши.

6. Какъ полные рефлексы, такъ и полурефлексы установлены въ насъ самымъ устройствомъ нашего организма, такъ сказать, механизмомъ его:

---

[1]) Psychologische Antropol. v. Fries. Erst B. S. 48.

возможность дыханія, кашля, смѣха, плача, сжиманія зрачка, движенія желудка, т. е. возможность всѣхъ *полныхъ* рефлексовъ и многихъ *полу-рефлексовъ*, дана намъ самымъ устройствомъ нашего тѣла. Въ противоположность этимъ *природнымъ* рефлексамъ, мы замѣчаемъ еще въ себѣ существованіе такихъ, въ установленіи которыхъ принималъ дѣятельное участіе самъ человѣкъ: таковы, напримѣръ, многія мимическія движенія, многіе рефлексы голосоваго органа, рефлексы пальцевъ при игрѣ на фортепіано, при скорописи и т. п. Мы, наприм., сначала произвольно пріучили себя къ какой нибудь гримасѣ, а потомъ она появляется на нашемъ лицѣ не только безъ участія нашей воли, но даже часто къ великой нашей досадѣ, и появляется прежде, чѣмъ мы замѣтимъ, что она появилась, — слѣдовательно, появляется безъ участія нашего сознанія. Одинъ профессоръ, о которомъ говоритъ Вундтъ, изучая личную мимику, такъ пріучилъ свои личные нервы къ гримасамъ, что потомъ гримасы эти появлялись у него совершенно непроизвольно и даже безсознательно, въ родѣ судорогъ. Точно также мы сознательно пріучаемся произносить какое нибудь докучное присловіе; но потомъ оно вырывается изъ нашего голосоваго органа противъ нашей воли и безъ участія нашего сознанія. Въ скорописи мы такъ пріучаемся къ опредѣленнымъ движеніямъ руки, что потомъ, при всемъ усиліи нашей воли, не можемъ писать такъ, чтобы письмо наше не имѣло ничего сходнаго съ нашимъ обыкновеннымъ почеркомъ, на чемъ и основаны судебные приговоры по сходству или различію почерковъ. И наоборотъ: упражненіемъ мы можемъ разстроивать нѣкоторые врожденные рефлексы, такъ напр. врожденное стремленіе къ симметрическимъ движеніямъ рукъ или стремленіе къ соотвѣтствующимъ движеніямъ въ пальцахъ, съ которымъ борятся обыкновенно учителя музыки.

Такимъ образомъ мы видимъ, что нѣкоторыя рефлективныя движенія въ нашемъ нервномъ организмѣ установляются уже не природою, но нами самими, и что движенія, вначалѣ сознаваемыя и произвольныя, дѣлаются отъ частаго повторенія несознаваемыми и непроизвольными, наравнѣ съ рефлексами, установленными самою природою въ организаціи нашего тѣла.

7. Какъ и какими средствами произвольныя движенія превращаются въ рефлективныя, т. е. какими физіологическими процессами и анатомическими измѣненіями въ нашемъ тѣлѣ установляются у насъ привычки, — это осталось совершенно неизвѣстнымъ, не смотря на объясненія, предлагаемыя нѣкоторыми физіологами и психологами.

Нисколько не уяснимъ мы себѣ этого вопроса, если скажемъ вмѣстѣ съ Льюисомъ, что частое повтореніе однихъ и тѣхъ же дѣйствій (напр. при игрѣ на фортепіано) «*прокладываетъ дорогу, удаляетъ затрудненія*, такъ-что дѣйствія, прежде насъ затруднявшія, становятся до такой степени машинальными, что можно ихъ совершать и въ то время,

когда голова будетъ занята совсѣмъ другимъ, и можетъ случиться, что, разъ начатыя, они будутъ продолжаться сами собою [1])».

Что, чему и гдѣ прокладываетъ дорогу? Какія затрудненія исчезаютъ?—Все это вопросы, на которые физіологія не отвѣчаетъ.

«Въ природѣ (органической?) говоритъ Вундтъ, очень обыкновенно явленіе, что движеніе, принимающее при повтореніи все одно и тоже направленіе, мало по малу, все легче и легче принимаетъ то, а не какое-нибудь другое направленіе. Каждое движеніе преодолѣваетъ какія-нибудь затрудненія; одни изъ этихъ затрудненій остаются постоянно неизмѣнными, но другія уменьшаются и тѣмъ облегчаютъ движенія. Все, что называется навыкомъ, основывается на этомъ явленіи. Выполненіе привычныхъ движеній облегчается потому, что электрическій процессъ въ нервахъ и мускулахъ, при частомъ повтореніи, проводится легче, при чемъ онъ находитъ источникъ (силы?) въ большой прибавкѣ существенныхъ составныхъ частей этой ткани. Вотъ почему въ часто упражняемомъ мускулѣ замѣчается значительное прибавленіе сокращающейся субстанціи [2])». «Кромѣ того, замѣчаетъ Вундтъ далѣе, нервный процессъ, проходя по извѣстнымъ нервнымъ нитямъ, все болѣе и болѣе сосредоточивается въ нихъ и менѣе задѣваетъ сосѣдніе нервы, которые вначалѣ также раздражались. Такимъ образомъ, упражненіе дѣлаетъ возможнымъ такое изолированное дѣйствіе мускула, которое вначалѣ никакъ не удавалось; такъ, при игрѣ на скрипкѣ или на фортепьяно, мы привыкаемъ къ изолированному движенію пальцевъ, которые въ началѣ непремѣнно двигались вмѣстѣ; такъ, можно привыкнуть давать изолированное движеніе самымъ мелкимъ личнымъ мускуламъ [3])».

Также мало объясняетъ намъ это явленіе англійскій психологъ Бэнъ своими «нервными токами» [4]). Пріобрѣтеніе какихъ-нибудь привычекъ нервными токами такъ же непонятно, какъ и пріобрѣтеніе ихъ нервными волокнами.

Итакъ, намъ остается только признать существованіе факта и отказаться покуда отъ всякихъ его объясненій. Такое превращеніе сознательныхъ и произвольныхъ движеній въ полусознательныя и даже въ непроизвольные и безсознательные рефлексы, безъ сомнѣнія, предполагаетъ какія-нибудь матерьяльныя измѣненія въ нервной системѣ; но что это за измѣненія—физіологія не знаетъ. Безчисленность нервныхъ нитей и клѣточекъ, неопредѣленность ихъ соединеній и развѣтвленій, особен-

---

[1]) Физіологія обыденной жизни, стр. 401.

[2]) Vorlesungen über die Menschen und Thierseele. T. I. S. 229 и 230. Это—хорошее описаніе явленія; но объясненія здѣсь нѣтъ никакого. Кромѣ того, привычку, какъ кажется, пріобрѣтаютъ не мускулы, а нервы: мускулы же, увеличившись въ объемѣ, даютъ только возможность сильнѣйшихъ и продолжительнѣйшихъ движеній.

[3]) Тамъ же, стр. 231.

[4]) The Senses and the Intellect. p. 388.

ная мягкость мозговой массы, свойство перерѣзанныхъ нервовъ легко между собою сростаться, если одинъ изъ отрывковъ не отдѣленъ отъ нервнаго центра, — все это указываетъ намъ только на *возможность* безчисленныхъ и разнообразныхъ матерьяльныхъ измѣненій въ нервной системѣ подъ вліяніемъ произвольныхъ или случайныхъ жизненныхъ дѣйствій.

8. Слѣдовательно, въ конечномъ выводѣ, подъ именемъ рефлекса, основываясь на однихъ фактахъ науки и не допуская произвольныхъ мечтаній, слѣдуетъ разумѣть чисто механическое движеніе въ нервахъ движенія, вызываемое въ нихъ такимъ же совершенно механическимъ и безсознательнымъ движеніемъ въ нервахъ чувства, которые вызваны къ дѣятельности какимъ-нибудь внѣшнимъ прикосновеніемъ, но могутъ и не сопровождаться чувствомъ. Посредникомъ между нервами чувства (въ анатомическомъ смыслѣ слова) и нервами движенія является нервная клѣточка, изъ которой они оба выходятъ (точнѣе — одинъ выходитъ, а другой входитъ), или съ которою они оба соприкасаются, если клѣточка эта принадлежитъ къ числу лежащихъ отдѣльно между нервными нитями. Говорить о какомъ-нибудь сознаніи или ощущеніи въ самыхъ нервахъ или соединяющихъ ихъ клѣточкахъ при этой чисто механической передачѣ движеній также раціонально, какъ говорить о сознаніи въ проволокѣ электрическаго телеграфа.

9. Въ отношеніи физической возможности *полурефлексовъ* психологія, какъ намъ кажется, можетъ уже воспользоваться открытіемъ физіологіи, указывающей на существованіе особенныхъ, *задерживающихъ рефлексы нервовъ*.

Мы уже видѣли выше [1]), что *нѣкоторыя* нервныя волокна, изъ тѣхъ, которыя составляютъ нервы, распространяющіеся въ туловищѣ, входя въ спинной мозгъ, прерываются въ немъ, не подымаясь выше и не вступая въ черепную полость. Если нѣкоторые нервы, принимающіе впечатлѣнія, чрезъ посредство нервныхъ клѣточекъ сѣраго вещества спиннаго мозга находятся въ связи съ соотвѣтствующими имъ нервами движенія, выходящими изъ той же клѣточки и направляющимися изъ спиннаго мозга къ мускуламъ, то становится понятнымъ, что при механическомъ раздраженіи такого входящаго нерва (каплею ѣдкой кислоты, уколомъ и т. п.), движеніе, возбужденное въ этомъ нервѣ, сообщится клѣточкѣ, въ которую этотъ нервъ входитъ, а черезъ клѣточку сообщится выходящему изъ нея двигательному нерву и выразится окончательно сокращеніемъ мускула, при чемъ произойдетъ, совершенно механически, *полное* рефлективное движеніе, котораго мы не ощутимъ и ощутить не можемъ по совершенному разобщенію его съ полушаріями большаго мозга. Такія движенія легко производятся даже и въ отрѣзанной лапкѣ лягушки.

Теперь предположимъ себѣ, что отъ этой центральной нервной клѣ-

[1]) Гл. X.

точки спиннаго мозга, связывающей *входящую* нервную нить съ *выходящею*, идетъ еще *третье* нервное волокно, которое, подымаясь вверхъ по позвоночному столбу и потомъ по различнымъ центрамъ головнаго мозга, доходитъ до большихъ полушарій, которыя мы выше признали за органъ сознанія. Тогда могутъ произойти два различныхъ явленія:

а) Движеніе, возбужденное входящимъ (чувствительнымъ) нервомъ, передастся прямо нерву выходящему или двигательному черезъ соединяющую ихъ нервную клѣточку, не возбудивъ соотвѣтствующаго движенія въ той нервной нити, которая идетъ изъ той же клѣточки къ полушаріямъ большаго мозга, и такимъ образомъ произойдетъ мускульное движеніе, *несопровождаемое сознательнымъ ощущеніемъ*.

б) Или, при переходѣ движенія чрезъ данную клѣточку, оно распространится не только по нерву, идущему къ мускулу, но и по нерву, идущему отъ той же клѣточки къ полушаріямъ большаго мозга. Такимъ образомъ произойдетъ рефлективное же движеніе, но такое, которое мы ощущаемъ.

10. Такое различіе въ этихъ сходныхъ явленіяхъ можетъ произойти, какъ намъ кажется, отъ двухъ различныхъ причинъ:

а) Какъ бы мы ни объясняли себѣ дѣятельности нервовъ, но, во всякомъ случаѣ, это не болѣе, какъ движеніе частицъ. Если движеніе, сообщенное впечатлительному нерву, слабо, то, достигнувъ клѣточки, оно передастся или нерву движенія или нерву чувства, но его не станетъ на то, чтобы оно могло раздвоиться и разомъ произвести рефлективное движеніе и принести впечатлѣніе къ мозговымъ полушаріямъ. Если же впечатлѣніе будетъ достаточно сильно, то оно разомъ и сообщитъ движеніе мускулу, и отразится на полушаріяхъ большаго мозга, т. е. дастъ ощущеніе душѣ. Если предположить, что впечатлѣніе еще усилилось, то движеніе, возбужденное имъ въ нервѣ, а чрезъ него и въ клѣточкѣ, можетъ сообщиться разомъ и двигательному нерву, и нерву, сообщающему эту клѣточку съ полушаріями, да кромѣ того можетъ перейти на сосѣднія клѣточки и нервы, возбудивъ такимъ образомъ не одно, а нѣсколько движеній. Это и бываетъ при сильномъ раздраженіи впечатлительныхъ нервовъ, а также и при отдѣленіи головнаго мозга, когда сила движенія, не теряясь въ мозговыхъ центрахъ черепной полости, распространяется за то гораздо энергичнѣе, можетъ быть, по всему спинному мозгу и производитъ тѣ общія и продолжительныя конвульсіи, которыя замѣчаются при опытахъ надъ животными, отравленными стрихниномъ или обезглавленными.

б) Есть поводъ думать, что нервы наши для того, чтобы принять и выразить въ своихъ частичныхъ движеніяхъ энергично и отчетливо внѣшнее впечатлѣніе, должны быть въ напряженномъ состояніи, а это напряженіе дается нервамъ изъ мозговыхъ центровъ и въ данномъ случаѣ изъ полушарій большаго мозга [1]). Чѣмъ слабѣе это напряженіе, тѣмъ

[1]) Bain. The Senses and the Intellect, p. 55, 96.

труднѣе впечатлѣнію возбудить нервъ къ отчетливой дѣятельности. Но если сознаніе наше направило энергію мозговыхъ полушарій на движеніе какихъ-нибудь однихъ нервовъ, то тѣмъ труднѣе впечатлѣнію возбудить движеніе въ другихъ нервахъ, т. е. при отсутствіи вниманія, сосредоточеннаго въ одной области нервовъ, другіе нервы возбуждаются труднѣе и въ нихъ можетъ произойти рефлексъ, котораго мы не ощутимъ.

Если теперь предположить, что къ той же самой нервной клѣточкѣ идетъ отъ мозговыхъ полушарій еще *четвертая* нервная нить, принадлежащая къ разряду выходящихъ или нервовъ движенія, то окажется, что рефлективное движеніе не только можетъ сопровождаться сознаніемъ, но что на это движеніе душа наша можетъ имѣть произвольное вліяніе: можетъ приготовиться къ движенію, умѣрить его, измѣнить или даже совсѣмъ *задержать*.

11. На сколько анатомія и физіологія доказали убѣдительно существованіе такихъ *нервовъ, задерживающихъ рефлексы*, мы разбирать не будемъ. Но такое устройство нервной системы, если бы оно было вполнѣ доказано, превосходно объяснило бы намъ явленіе, психологически совершенно достовѣрное, а именно, что одно и тоже мускульное движеніе можетъ быть: 1) совершенно неощущаемымъ и непроизвольнымъ—совершенно механическимъ, 2) непроизвольнымъ, но ощущаемымъ, 3) ощущаемымъ и болѣе или менѣе произвольнымъ, по крайней мѣрѣ на столько, что мы можемъ задержать его на нѣкоторое время, или уменьшить, или оставить ему проявиться въ полной его механической силѣ. Такихъ движеній у насъ множество: мы можемъ кашлянуть совершенно безсознательно, можемъ кашлять, сознавая, что кашляемъ, но не удерживая кашля; мы можемъ задержать кашель на время и, наконецъ, мы можемъ кашлянуть нарочно, когда намъ нехочется кашлять. Тоже самое замѣчаемъ мы при миганіи вѣками, при невольныхъ движеніяхъ, выражающихъ испугъ и т. п., словомъ (за исключеніемъ полныхъ рефлексовъ), при всѣхъ природныхъ или усвоенныхъ привычкою, полурефлективныхъ нашихъ движеніяхъ.

12. Такимъ устройствомъ нервной системы, такимъ разнообразіемъ ея нитей и существованіемъ такихъ задерживающихъ рефлексы нервныхъ волоконъ, мы легко себѣ объяснимъ и другія явленія, замѣченныя физіологами, какъ напр. то, что число рефлексовъ увеличивается и самые рефлексы выполняются энергичнѣе, разнообразнѣе, сложнѣе при отравленіи животнаго стрихниномъ и другими ядами, дѣйствующими прямо на головной мозгъ [1]), а равно при вынутіи большаго мозга или при совершенномъ обезглавленіи животныхъ. Тогда было бы совершенно понятно, почему при перерѣзѣ всѣхъ задерживающихъ рефлексы нервовъ (то есть идущихъ къ полушаріямъ большаго мозга) число рефлексовъ и ихъ энергія возрастаютъ.

13. Но изъ этого вытекаетъ для насъ уясненіе еще гораздо болѣе

---

[1]) Wundt. Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele. 1 T. S. 205 и 206.

важныхъ явленій, замѣчаемыхъ въ человѣкѣ и имѣющихъ значеніе для воспитанія. Взгляните на ребенка, который пересидѣлъ то время, когда онъ обыкновенно ложится спать, и—вы замѣтите въ его движеніяхъ, голосѣ, мимикѣ что-то *нервное*, какъ говорятъ обыкновенно, т. е. что-то судорожное, непроизвольное, или, точнѣе, *рефлективное*: ребенокъ разсмѣется и не можетъ перестать, расплачется и не можетъ остановиться, капризамъ его нѣтъ конца. Такое явленіе, знакомое каждому, легко объясняется усталостью главнаго центра нервной дѣятельности и именно полушарій большаго мозга, которыя, какъ мы уже замѣтили выше, играютъ такую важную роль въ наступленіи сна. Число рефлексовъ, сложность ихъ и энергія въ дѣйствіяхъ ребенка увеличиваются именно потому, что мозговыя полушарія, требующія сна, дѣйствуютъ слабо въ задерживаніи рефлексовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и сложность рефлексовъ, о которой мы должны сказать нѣсколько словъ.

14. Выше мы описали самый простой рефлексъ, такъ сказать *схему рефлекса*. Въ такомъ простомъ видѣ мы даже и не можемъ наблюдать рефлекса, потому что не можемъ наблюдать надъ связью *только* двухъ, необыкновенно тонкихъ нервныхъ нитей. Обыкновенно же дѣйствіе на входящій или принимающій впечатлѣніе нервъ отражается (рефлектируется) не на одномъ нервѣ движенія, но на нѣсколькихъ сосѣднихъ, какъ выходящихъ, такъ и входящихъ нервахъ, и производитъ часто весьма сложныя и разнообразныя движенія мускуловъ. Анатомически это объясняется близкимъ сосѣдствомъ нервныхъ нитей: не только въ одномъ нервѣ, но даже въ одномъ нервномъ пучкѣ проходятъ многія тысячи разнообразныхъ нервныхъ нитей, и двигательныхъ и получающихъ впечатлѣнія, такъ-что раздраженіе съ одного нерва, если оно слишкомъ сильно, можетъ легко передаться и на другіе. Кромѣ того, какъ мы уже видѣли, не всѣ нервныя клѣточки служатъ началомъ или окончаніемъ нервныхъ нитей; но нѣкоторыя изъ нихъ лежатъ отдѣльно между нервными нитями, не принимая и не выпуская изъ себя нервныхъ волоконъ, но соприкасаясь со множествомъ ихъ. Вѣроятно, эти отдѣльно лежащія клѣточки имѣютъ своимъ назначеніемъ усложненіе рефлексовъ, такъ сказать, переходъ нервнаго раздраженія съ одной нервной нити на другую, не находящуюся съ нею въ непосредственной связи. Вообще, здѣсь есть только мѣсто догадкѣ; но фактъ тотъ, что нервное раздраженіе не проходитъ уединенно по одному нерву или по одной соединенной системѣ нервовъ, но распространяется болѣе или менѣе обширно по сосѣднимъ нервамъ. Область этого распространенія зависитъ отчасти также отъ большаго или меньшаго дѣйствія сознанія и задерживающихъ нервовъ, черезъ которые оно дѣйствуетъ на рефлексы. При отравленіи животныхъ стрихниномъ, при обезглавленіи ихъ, равно-какъ и при нѣкоторыхъ болѣзняхъ спиннаго мозга рефлексы не только умножаются и становятся энергичнѣе, но и усложняются. Легкій уколъ въ одну точку тѣла животнаго, которое отравлено стрихниномъ, производитъ чрезвычайно обширныя движенія, а повтореніе укола

можетъ все тѣло привести въ разнообразнѣйшія и продолжительныя судороги. Кромѣ того, замѣчается, что обширность распространенія рефлексовъ съ однихъ нервовъ на другіе зависитъ также отъ силы раздраженія: чѣмъ сильнѣе раздраженіе, тѣмъ и рефлексъ можетъ быть сложнѣе и область затронутыхъ нервовъ обширнѣе.

15. Въ устройствѣ нервнаго организма, данномъ ему отъ природы, должно уже признать существованіе цѣлыхъ сложныхъ системъ рефлексовъ. Въ актѣ сосанія груди младенцемъ мы видимъ уже такую систему рефлексовъ, начало которой, безъ сомнѣнія, положено въ самой организаціи младенца [1]), точно также, какъ въ организаціи животныхъ лежитъ уже связь рефлексовъ, выражающаяся въ очень сложныхъ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ. Достаточно одного впечатлѣнія, чтобы привести въ дѣйствіе разомъ всю такую сложную систему. Но въ болѣзненномъ состояніи, какъ напр. у очень нервныхъ женщинъ, и, при болѣзняхъ спиннаго мозга мы замѣчаемъ такія связи рефлексовъ, которыхъ никакъ не ожидали; эти связи капризны, измѣнчивы и выражаются въ самыхъ неожиданныхъ сочувствіяхъ одного мускула къ другому. Судорги личныхъ мускуловъ, мускуловъ глазъ, рукъ и ногъ, судорожное сжиманіе сердца и т. п. отвѣчаютъ самымъ неожиданнымъ образомъ на какое-нибудь слабое, повидимому, потрясеніе нервовъ.

16. Связь рефлексовъ точно также, какъ и самый рефлексъ, можетъ быть *установлена* привычкою. Такъ, въ гимнастическихъ упражненіяхъ, при чтеніи и письмѣ и т. п. сложныхъ механическихъ дѣйствіяхъ, мы установляемъ такую связь рефлексовъ, какой отъ природы дано не было. Сначала мы выполняемъ эту связь сознательно и она стоитъ намъ иногда большаго напряженія воли; но потомъ она дѣлается чистымъ механизмомъ, совершающимся безсознательно, иногда даже противъ нашей воли. Точно также, и наоборотъ, мы можемъ разстроить привычкою систему рефлексовъ, установленныхъ уже самою природою или прежнею привычкою. Сначала это разстройство установившихся рефлексовъ стоитъ намъ большаго труда, но потомъ выполняется все легче и легче. Такъ, при обученіи на фортепіано намъ стоитъ сначала большаго труда подымать и опускать отдѣльно тѣ пальцы, которые привыкли двигаться вмѣстѣ. Точно также, напр. намъ, необыкновенно трудно вертѣть руками такъ, чтобы каждая вертѣлась въ обратную сторону, но посредствомъ привычки и этого навыка можно достигнуть. Плясуны на канатѣ и вообще гимнасты поражаютъ насъ именно этимъ разстройствомъ обыкновенныхъ системъ рефлективныхъ движеній и устройствомъ новыхъ, которыя кажутся намъ невозможными.

17. Миллеръ, признавая врожденныя ассоціаціи движеній, отвергаетъ ассоціаціи, установленныя привычкою, видя въ нихъ только комбинацію *произвольныхъ* движеній. Но намъ кажется, что въ этомъ случаѣ Дарвинъ и Риль, которыхъ Миллеръ оспариваетъ, имѣютъ истину на своей

[1]) Man. de Phys. T. II. p. 94.

сторонѣ [1]). Наравнѣ съ врожденною наклонностью къ ассоціаціи тѣхъ или другихъ движеній, которую можно разстроить упражненіемъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ и такія ассоціаціи, которыя хотя и установлены привычкою, но съ которыми воспитанію такъ же трудно бываетъ бороться, какъ и съ врожденными. Замѣчаніе Миллера, что еслибы упражненіе установляло невольныя ассоціаціи движеній, то «воспитаніе дѣлало бы насъ болѣе неловкими, чѣмъ мы были прежде», очень часто оправдывается на дѣлѣ, и воспитателю нерѣдко приходится бороться съ дурными привычками, пріобрѣтенными прежде. Миллеръ соглашается съ тѣмъ, что привычка облегчаетъ намъ ассоціацію движеній, отъ природы не находившихся въ ассоціаціи; но въ чемъ же состоитъ это облегченіе, какъ не въ томъ, что при частомъ повтореніи одной и той же ассоціаціи движеній каждый разъ требуется все менѣе усилій сознанія и воли? А если это такъ, то не значитъ ли, что такая ассоціація выполняется, хотя отчасти, безъ участія сознанія и воли; такъ-что, по выраженію Риля, одно дѣйствіе, вызванное волею, уже само собою вызываетъ другія, съ которыми оно привыкло ассоціироваться? Миллеръ не можетъ отвергнуть такого общеизвѣстнаго явленія, но видитъ въ немъ только очень быстрое дѣйствіе воли, быстрое отъ привычки и, такимъ образомъ, не уничтожаетъ привычки, но переноситъ ее изъ нервовъ въ волю, ставя это явленіе въ разрядъ «ассоціаціи идей и движеній, а не движеній съ движеніями [1])». Но этому прямо противорѣчитъ общеизвѣстный фактъ такихъ сложныхъ привычекъ, которыя, безъ сомнѣнія, установились у насъ дѣйствіями сознательными и произвольными; но потомъ совершаются *не только помимо нашей воли*, но даже *противъ нашей воли*. Безъ сомнѣнія, такъ называемыя *присловія* не врождены намъ; но они выскакиваютъ потомъ сами собою, даже къ великой досадѣ того, кто ихъ произноситъ, всякій разъ, какъ только сознаніе и воля говорящаго будутъ чѣмъ нибудь отвлечены; слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, что въ такихъ дѣйствіяхъ участвуетъ воля.

18. Привычная ассоціація идей и движеній, о которой говоритъ Миллеръ, конечно, тоже существуетъ; но ею объясняется другое психофизическое явленіе; а именно: актъ невольнаго подражанія и, если можно такъ выразиться, заразительность рефлексовъ. «Связь идей и движеній, говоритъ Миллеръ, можетъ сдѣлаться такою же привычною, какъ и связь идей между собою, и если идея и движеніе часто ассоціируются, то потомъ движеніе уже невольно сопровождаетъ идею». Такъ мы невольно и безсознательно мигаемъ, когда быстрое приближеніе посторонняго предмета угрожаетъ глазу и т. п. Но связь идей между собою можетъ происходить только *въ сознаніи*, слѣдовательно, можетъ быть только *сознательною*; а гдѣ есть сознаніе, тамъ нѣтъ уже привычки, ибо это два понятія, прямо исключающія другъ друга. Сознаніе можетъ соединяться съ привычкою и дѣйствительно соединяется въ безчисленномъ

[1]) Ibid. p. 95.

множествѣ психо-физическихъ актовъ, почти во всемъ, что мы дѣлаемъ, говоримъ и даже думаемъ; но сознаніе здѣсь слѣдуетъ за привычнымъ дѣйствіемъ, а не вызываетъ его: связавъ два дѣйствія или два слова по привычкѣ, мы только уже потомъ сознаемъ, что связали ихъ, и часто сами удивляемся, какъ мы это сдѣлали, и если эта привычная связь кажется намъ ложною, то мы уже сознательно и насильно разрываемъ ее. Здѣсь мы уже видимъ борьбу сознанія съ привычкой, что было бы невозможно, еслибы сознаніе само усвоивало эти привычки. Но, дѣйствительно, идея, возбужденная въ душѣ, стремится воплотиться въ движеніи мускуловъ. Причина этого стремленія скрыта отъ насъ въ таинственной связи души и тѣла; но фактъ тотъ, что идеи горя, радости, гнѣва непроизвольно отражаются въ движеніяхъ личныхъ мускуловъ, въ мускулахъ голосоваго органа и т. д. Слѣдовательно, первый толчокъ здѣсь во всякомъ случаѣ даетъ таинственное воплощеніе нашихъ идей; но потомъ идетъ уже непроизвольная, рефлективная ассоціація движеній, все равно будетъ ли эта ассоціація установлена природою или привычкою. Положимъ теперь, что человѣкъ видитъ какое-нибудь сильное мимическое движеніе въ лицѣ другаго человѣка; естественно, что идея этого движенія ярко обрисовывается въ душѣ его, а вслѣдствіе этой силы и яркости стремится воплотиться въ его собственныхъ мимическихъ движеніяхъ: онъ можетъ *задержать* этотъ рефлексъ, удержаться отъ воплощенія, но можетъ и *не задержать*,—а чѣмъ чаще будетъ выполняться это *подражательное воплощеніе*, тѣмъ легче, независимо отъ сознанія и воли, будетъ оно совершаться. На этомъ основано множество общеизвѣстныхъ явленій, носящихъ общій характеръ *невольнаго подражанія*. Людямъ слабонервнымъ, т. е. такимъ, которые слабо удерживаютъ свои рефлексы и слабо управляютъ ими, опасно смотрѣть на личныя судорги человѣка, одержимаго падучей болѣзнью. Слабонервныя женщины невольно принимаютъ мимику людей энергическихъ и сильно воплощающихъ свои идеи. Почерки мужа и жены дѣлаются сходными черезъ нѣсколько лѣтъ сожительства, хотя вначалѣ были совершенно различны; между супругами образуется даже нѣкоторое личное сходство, то есть, сходство въ мимикѣ. Въ обществѣ заикъ дитя очень часто дѣлается заикою. Кликушество распространяется иногда по деревнямъ повальною болѣзнью и т. п. Актъ невольнаго и безсознательнаго подражанія, играющій такую важную роль въ жизни и воспитаніи дѣтей, объясняется именно этимъ невольнымъ и иногда неудержимымъ стремленіемъ живо представляемой идеи воплотиться въ движенія тѣла, и установленіемъ ассоціаціи этихъ движеній въ привычку.

19. Соединеніе въ одномъ и томъ же психо-физическомъ актѣ дѣйствій *сознательно-произвольныхъ* и дѣйствій *привычно-рефлективныхъ*, т. е. безсознательныхъ и непроизвольныхъ, заслуживаетъ величайшаго вниманія со стороны психолога и педагога. «Когда мы учимся языку, говоритъ Ридъ, то вслушиваемся въ каждый звукъ, а когда выучимся,

то внимаемъ только смыслу [1])». Точно также, когда мы начинаемъ учиться говорить на иностранномъ языкѣ, то, сознательно и употребляя замѣтное усиліе воли, выговариваемъ не только каждое слово, но и каждый звукъ, а потомъ, когда выучимся, заботимся только о смыслѣ того, что говоримъ: звуки, слова и цѣлыя предложенія, съ соблюденіемъ всѣхъ грамматическихъ правилъ, идутъ сами собою, такъ что мы не даемъ себѣ никакого отчета въ соблюденіи правилъ языка, пріобрѣсть которыя намъ стоило столько сознательнаго труда. Здѣсь рефлективныя дѣйствія, установленныя привычкою, дѣйствія, безсознательныя и непроизвольныя, слѣдовательно—*нервныя*, соединяются и переплетаются съ дѣйствіями, которыми руководитъ наше сознаніе и наша воля,—съ дѣйствіями *душевными*. Но кто же возьмется провести между ними точную границу? Какъ это явленіе, такъ и многія другія, подобныя ему, побудили нѣкоторыхъ психологовъ [2]) принять два теченія мыслей: «низшее», управляемое законами привычки, и «высшее», теченіе разсудочное, овладѣвающее привычкою. Но если мы не отымемъ у привычки сознанія и воли, то самое слово *привычка* не будетъ имѣть никакого смысла; а если привычное дѣйствіе есть дѣйствіе, непремѣнно исключающее сознаніе и волю, то на какомъ же основаніи мы причислимъ его къ разряду дѣйствій душевныхъ? Вотъ почему вездѣ, гдѣ мы замѣчаемъ хотя малѣйшее участіе привычки, мы прямо указываемъ на участіе тѣла, на участіе нервнаго организма съ его удивительною способностью къ разнообразнѣйшимъ рефлексамъ и къ усвоенію новыхъ и новыхъ рефлексовъ въ видѣ привычекъ. Душа наша руководитъ этою изумительною рефлектирующею машиною; но, тѣмъ не менѣе, машина эта существуетъ и дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ механическимъ законамъ.

20. Неясное пониманіе природы привычекъ вводитъ философовъ, психологовъ и педагоговъ въ многочисленныя ошибки и противорѣчія. Кантъ, замѣчая въ привычкѣ отсутствіе сознанія, относится къ ней съ презрѣніемъ и какъ бы желаетъ вовсе исключить ее изъ человѣческихъ дѣйствій [3]). Локкъ, принимая прямо, что душа можетъ усвоивать привычки, объясняетъ ими почти всѣ психическія явленія и строитъ на привычкѣ почти всю свою систему воспитанія [4]). Оба эти мнѣнія, а равно и выводы, которые изъ нихъ дѣлаются, мы считаемъ *односторонними*. Душа, какъ существо сознающее и желающее, не можетъ имѣть привычекъ, въ которыхъ нѣтъ ни сознанія, ни желанія; но съ другой стороны, нервный организмъ, со своею необыкновенной способностью усвоивать привычки, открываетъ имъ сильнѣйшее вліяніе на дѣятельность души, которая въ своемъ стремленіи жить, т. е. дѣйствовать,

[1]) Read. T. I. p. 120.
[2]) Послѣдователь Канта—Фрисъ. См. Antropol. T. I. S. 87.
[3]) Antropologie. XXV.
[4]) Locke's Works. Vol. I. Cond. of the underst. p. 35, 37 etcet.

выбираетъ пути самые легкіе, а путь, проложенный привычкою въ нервномъ организмѣ, всегда легче пути, который нужно еще прокладывать въ немъ. Подробнѣе мы скажемъ объ этомъ далѣе; здѣсь же выразимъ только въ короткихъ словахъ нашъ окончательный выводъ изъ разсмотрѣнія рефлексовъ: *всякое привычное дѣйствіе есть дѣйствіе рефлективное, какъ-разъ на столько, на сколько оно привычно, и если въ какомъ-нибудь психо-физическомъ актѣ мы замѣчаемъ привычку, то значитъ, что въ этомъ актѣ принимаетъ большее или меньшее участіе нервная система со своею способностью усвоивать новые рефлексы.*

21. Изъ всего предъидущаго видно, что хотя мы и признаемъ нервный организмъ въ его отдѣльности отъ души только машиною, не имѣющею никакихъ условій чувства и возможности движеній, вслѣдствіе сознанія и чувства; но, тѣмъ не менѣе, мы предполагаемъ за этой органической машиной такую обширную, изумительную и разнообразную дѣятельность, возможность которой едва можетъ быть объяснена необыкновенною сложностью нервнаго организма, изученіе котораго до сихъ поръ далеко не можетъ считаться оконченнымъ ни въ анатоміи, ни въ физіологіи. Три четверти всего того, что мы дѣлаемъ, говоримъ и думаемъ, Лейбницъ приписывалъ привычкѣ, а нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ привычка—тамъ работаетъ нервная система. Но, отдавая тѣлу вполнѣ все, что ему принадлежитъ, мы тѣмъ свободнѣе можемъ отдать душѣ, что не можетъ быть выведено ни изъ какихъ законовъ матеріи, а именно—сознаніе, чувство и волю.

ГЛАВА XIII.

Привычки и навыки, какъ усвоенные рефлексы.

1. Въ прошедшей главѣ мы видѣли, что способность нервнаго организма не только имѣетъ природные рефлексы, но и усвоиваетъ новые, подъ вліяніемъ дѣятельности, весьма достовѣрно объясняетъ намъ возможность пріобрѣтенія привычекъ. Какое-нибудь дѣйствіе, стоившее намъ вначалѣ замѣтнаго сосредоточенія вниманія и усилія воли, повторяясь часто, выполняется нами все легче и легче, все при меньшемъ вниманіи и меньшемъ усиліи воли, и, наконецъ, можетъ до того укорениться въ нашу природу, что выполняется даже противъ нашей воли и именно тогда, когда вниманіе наше отвлечено чѣмъ-нибудь другимъ: таковы, напримѣръ, всѣ дурныя привычки, съ которыми человѣку бываетъ иногда также трудно бороться, какъ и съ врожденными наклонностями.

Однакоже далеко не всѣ такъ называемые привычки и навыки могутъ быть объяснены рефлексами; но это потому, что названіе «привычка» употребляется въ разговорномъ языкѣ неопредѣленно и прила-

гается одинаково къ самымъ разнообразнымъ психическимъ и психо-физическимъ явленіямъ.

2. Привычкою часто называютъ пріобрѣтаемую человѣкомъ способность выносить какія-нибудь ощущенія, или цѣлые ряды ощущеній, которыхъ прежде онъ не могъ выносить; таковы: привычка къ перенесенію холода, жара, шума, тряски, качки, боли и т. п. Привычки этого рода можно назвать *пассивными*. Какъ объяснить это явленіе, мы не знаемъ; но очевидно, что часто повторяющееся впечатлѣніе должно въ самомъ организмѣ нашемъ производить какія-то измѣненія, мало по малу приспособляющія организмъ къ перенесенію того, чего прежде онъ не могъ перенести, и что могло даже подѣйствовать на него разрушительно. Такъ, мало по малу, привыкаютъ люди къ быстрымъ перемѣнамъ температуры, которыя прежде могли бы произвести въ нихъ болѣзнь; такъ были примѣры, что люди привыкали къ пріему ядовъ въ такихъ дозахъ, которыя были бы смертельны для человѣка непривычнаго [1]). Эти *пассивныя* привычки не объясняются рефлексами, и не о нихъ хотимъ говорить мы въ этой главѣ.

3. Привычкою, на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, называютъ также усиленіе той или другой способности, происходящее отъ упражненія: такъ обыкновенно говорятъ, что человѣкъ привыкъ подымать большія тяжести, ходить много, безъ устали, считать быстро и вѣрно, сосредоточивать вниманіе на извѣстномъ предметѣ, заниматься тою или другою умственною работою и т. п. Но мы уже видѣли выше, что усиленіе мускула не есть собственно привычка, а прямо увеличеніе его массы, зависящее отъ упражненія, простая прибавка мускульнаго матерьяла, отъ чего въ мускулѣ можетъ развиваться большее противъ прежняго количество силъ [2]). Точно такъ же, если умъ нашъ, обогащаясь познаніями въ какой-нибудь области, выказываетъ въ ней болѣе способности, чѣмъ прежде, то это уже не привычка, а прямо расширеніе способности, развитіе ея, увеличеніемъ и обработкою ея содержанія. Явленіе это объяснится вполнѣ въ главахъ о разсудкѣ; но здѣсь мы говоримъ не о развитіи способностей тѣлесныхъ или душевныхъ, но только о привычкахъ [3]).

4. Подъ именемъ нервной привычки, въ точномъ смыслѣ слова, мы разумѣемъ то замѣчательное явленіе нашей природы, что многія дѣйствія, совершаемыя нами вначалѣ сознательно и произвольно, отъ частаго ихъ повторенія, совершаются потомъ безъ участія нашего сознанія и произвола и, слѣдовательно, изъ разряда дѣйствій произвольныхъ

---

[1]) Elem. de Pathologie par Chomel. 4 ed. 1861, p. 96.

[2]) См. выше Глава VIII.

[3]) Смѣшеніе нервныхъ привычекъ и навыковъ съ духовнымъ развитіемъ какъ напр., у Фриса (Anthropol. T. I, S. 29) вело къ очень ложнымъ выводамъ. Теже смѣшеніе находимъ мы у Локка и всѣхъ его послѣдователей. Locke's Works. Vol. I. p. 37.

и сознательныхъ переходятъ въ разрядъ дѣйствій рефлективныхъ или рефлексовъ, совершаемыхъ нами помимо нашей воли и нашего сознанія. Въ этомъ уже само собою открывается вся обширность возможности через посредство привычки вносить въ нервный организмъ человѣка существенныя измѣненія, дающія ему тѣ способности, которыхъ онъ не имѣлъ отъ природы. На этой способности нервовъ къ усвоенію новыхъ ассоціацій рефлексовъ и разстройству старыхъ основываются не только всѣ тѣ привычки и навыки, которые преднамѣренно сообщаются дитяти воспитаніемъ, но такъ же и тѣ, которыя сообщаются ему безъ всякаго намѣренія, самою жизнью, и съ которыми нерѣдко приходится бороться воспитателю, а потомъ и самому человѣку или обществу.

5. Но этимъ не ограничивается значеніе привычки. Въ привычкѣ нервовъ есть другая, можетъ быть еще болѣе важная сторона, которой не слѣдуетъ упускать изъ виду. Нервъ, получившій привычку къ той или другой дѣятельности, не только легче выполняетъ эту дѣятельность, но иногда, получая къ ней физическую наклонность, даетъ чувствовать эту наклонность душѣ, которая, какъ мы уже видѣли, ощущаетъ нервный организмъ съ его особенностями, а слѣдовательно, и съ тѣми физическими наклонностями, которыя въ немъ установились отъ частаго повторенія той или другой дѣятельности. Такимъ образомъ, сначала намъ нужно употреблять значительное напряженіе сознанія и воли, чтобы дать то или другое направленіе той или другой дѣятельности нашихъ нервовъ, а потомъ мы принуждены бываемъ употреблять такое же усиліе сознанія и воли, чтобы противодѣйствовать наклонности нервовъ, которую мы сами же въ нихъ укоренили: сначала мы ведемъ наши нервы, куда хотимъ, а потомъ они ведутъ насъ, куда, быть можетъ, мы совсѣмъ не хотимъ идти. Привычку, непереходящую въ *наклонность*, правильнѣе было бы называть *навыкомъ*, каковы всѣ привычки въ искуствахъ и ремеслахъ, и сохранить названіе *привычки* для привычекъ-наклонностей [1]).

6. Образованіе наклонности изъ привычки объясняется свойствомъ нашей души, о которомъ мы подробнѣе скажемъ дальше, но на которое можемъ уже указать и здѣсь. Душа наша требуетъ постоянной дѣятельности и въ тоже время избѣгаетъ препятствій, а слѣдовательно требуетъ дѣятельности легкой: вотъ почему самая легкость для насъ той дѣятельности, къ которой привыкли нервы, установляетъ наклонность къ этой дѣятельности. Правда, сознаніе и воля всегда остаются при насъ, и какъ бы сильно не было влеченіе нашего нервнаго организма въ какомъ-нибудь направленіи, мы всегда можемъ противодѣйствовать ему; но дѣло въ томъ, что, тогда-какъ сознаніе наше и воля дѣйствуютъ почти мо-

---

[1]) Ридъ также отличаетъ привычку, пріобрѣтаемую нами въ искусствахъ и ремеслахъ, отъ привычки, какъ принципа дѣйствій, ибо привычка въ этомъ видѣ «не только даетъ легкость дѣйствію, но порождаетъ наклонность или побужденіе къ нему». Works of Read. Vol. II, p. 550.

ментально, урывками, нервный организмъ, со своими наклонностями и привычками, вліяетъ на насъ постоянно; и тогда-какъ идти вслѣдъ за наклонностями нервовъ для насъ легко и пріятно, противодѣйствовать имъ тѣмъ труднѣе и непріятнѣе, чѣмъ болѣе вкоренилось въ нихъ противоположное направленіе. Какъ только воля наша ослабѣетъ на мгновеніе, или сознаніе займется другимъ предметомъ, такъ нервы и начинаютъ подталкивать насъ на тотъ образъ дѣйствія, къ которому они привыкли, и «мы, по выраженію Рида, увлекаемся привычкою, какъ потокомъ, когда плывемъ, не сопротивляясь теченію» [1]). Человѣку, привыкшему къ куренью, вовсе не трудно не курить: это и не потребность, и не такое большое удовольствіе, отъ котораго было бы тяжело отказаться; но тяжело и непріятно цѣлые годы, каждый часъ и почти каждую минуту держать на сторожѣ нашу волю противъ привычки, которая ежеминутно подталкиваетъ насъ къ сигарѣ.

7. Чѣмъ моложе организмъ, тѣмъ быстрѣе укореняются въ немъ привычки. Дитя усвоиваетъ привычку гораздо быстрѣе и вѣрнѣе, чѣмъ старикъ. Младенецъ, жизнь котораго считается днями, привыкаетъ къ какому-нибудь дѣйствію послѣ двухъ, трехъ разъ его повторенія, такъ что матери, напримѣръ, которыя, откладываютъ пріучать ребенка къ правильному кормленію грудью, пока онъ окрѣпнетъ, черезъ нѣсколько же дней бываютъ принуждены бороться съ укоренившеюся уже привычкою. Пеленка свернутая, подушка положенная такъ или иначе два, три раза сряду, уже установляютъ въ младенцѣ привычку, противодѣйствіе которой сопровождается крикомъ. Вотъ почему у безпорядочныхъ матерей и дѣти безпокойны, тогда-какъ у матери съ опредѣленнымъ образомъ дѣйствій дѣти не кричатъ понапрасну. Нервы человѣка, такъ сказать, жаждутъ навыка и привычки, и первыя привычки и навыки усвоиваются, быть можетъ, съ перваго же разу; но чѣмъ болѣе накопляется привычекъ и навыковъ у человѣка, тѣмъ труднѣе вкореняются новые, встрѣчая сопротивленіе въ прежнихъ: дитя пріучается въ нѣсколько мѣсяцевъ такъ говорить на иностранномъ языкѣ, какъ не можетъ пріучаться взрослый человѣкъ и въ нѣсколько лѣтъ. Если же у старика привычки выступаютъ яснѣе, чѣмъ у молодаго человѣка, то это потому, что часто старикъ также устаетъ держать на сторожѣ свое сознаніе и волю, какъ и поддерживать свое тѣло въ прямомъ положеніи: такой старикъ опускается въ привычку, какъ опускается въ покойное кресло. Но мы не совсѣмъ согласны съ тѣми, которые, какъ напримѣръ Бэконъ [2]), думаютъ, что привычки дѣтства труднѣе искореняются. Это справедливо только въ томъ отношеніи, что, чѣмъ старѣе привычка, тѣмъ она крѣпче, такъ-какъ она укореняется именно повтореніемъ. Но если дитя, напримѣръ, скоро выучивается иностранному языку, то оно точно такъ же скоро и забываетъ его, если перестаетъ въ немъ упраж-

[1]) The Works of Read. Vol. II, p. 550.

[2]) Oeuvres de Bacon. 1845. T. II, p. 342.

няться. Словомъ, чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ скорѣе въ немъ укореняется привычка и тѣмъ скорѣе искореняется; и чѣмъ старѣе сами привычки, тѣмъ труднѣе ихъ искоренить.

8. Область привычки и навыка гораздо обширнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Немедленно же по рожденіи начинаетъ дитя дѣлать различные опыты и приноровливанія, которыя потомъ обращаются для него въ безсознательные навыки и привычки. Мы уже видѣли выше, что многія изъ способностей зрѣнія вовсе не простыя прирожденныя способности, а весьма сложные выводы, сдѣланные человѣкомъ въ безпамятномъ младенчествѣ изъ множества наблюденій, сравненій, опытовъ, приспособленій, аналогій и умозаключеній, обратившихся потомъ въ безсознательно-выполняемый навыкъ, которымъ мы пользуемся впослѣдствіи, какъ прирожденнымъ даромъ. Такъ ребенокъ уже на третьемъ или на четвертомъ мѣсяцѣ послѣ рожденія навыкаетъ вѣрно схватывать ручонкою подаваемый ему предметъ. Но если мы анализируемъ это дѣйствіе и сравнимъ его съ тѣми условіями, которыя врождены органу зрѣнія и осязанія, то увидимъ, что только посредствомъ множества наблюденій, аналогій и умозаключеній могъ достигнуть ребенокъ до этого, повидимому, столь простаго дѣйствія. Чтобы протянуть свою ручонку къ предмету, младенецъ долженъ: 1) *навыкнуть* знать свою руку *своею*, потому что всѣ впечатлѣнія осязанія отражаются у насъ ощущеніемъ не тамъ, гдѣ предметъ прикасается къ кожѣ, но въ мозгу, такъ что, если мы, прикасаясь пальцами къ предмету, получаемъ ощущеніе осязанія въ пальцахъ, то это не болѣе какъ безсознательный навыкъ, укореняющійся въ младенчествѣ такъ сильно, что потомъ взрослый человѣкъ, у котораго отрѣзали руку, долго еще продолжаетъ чувствовать, какъ чешутся или болятъ у него пальцы отрѣзанной руки. 2) Ребенокъ долженъ былъ навыкнуть отличать свое тѣло и, слѣдовательно, свою руку отъ всѣхъ постороннихъ предметовъ, точно также отражающихся въ его мозгу посредствомъ акта зрѣнія. 3) Ребенокъ долженъ былъ навыкнуть по своему желанію направлять руку, распускать и сжимать пальцы, тоже актъ весьма сложный, выходящій изъ комбинаціи дѣятельностей трехъ чувствъ: зрѣнія, осязанія и мускульнаго чувства. 4) Кромѣ того, множествомъ наблюденій, аналогій и умозаключеній ребенокъ долженъ былъ усвоить понятіе о перспективѣ и такъ усвоить, чтобы *дѣйствительно видѣть* предметы въ перспективѣ, а это — одинъ изъ самыхъ сложныхъ, человѣческихъ навыковъ. Всѣ предметы отражаются на нашей сѣтчатой оболочкѣ глаза въ одной плоскости, безъ всякой перспективы, а только свѣтъ и тѣнь, знаніе относительной величины предметовъ и мгновенное сравненіе предметовъ разной величины даютъ намъ возможность видѣть ихъ въ перспективѣ. Если же ребенокъ вѣрно схватываетъ подаваемый ему предметъ, то значитъ, что онъ уже видитъ его въ перспективѣ. И все это громадное и сложное изученіе пройдено ребенкомъ въ какіе-нибудь три-четыре первые мѣсяца его жизни! Такъ дѣятельно работаетъ

психическая жизнь въ ребенкѣ въ то время, когда на глаза взрослыхъ онъ почти нечеловѣкъ.

Къ такимъ же навыкамъ, укореняющимся въ младенчествѣ, которыми мы потомъ пользуемся, не помня совершенно ихъ трудной исторіи, принадлежатъ въ насъ: навыкъ видѣть двумя глазами одинъ предметъ, т. е. превращать два отраженія въ одно ощущеніе; навыкъ видѣть одноцвѣтные предметы одноцвѣтными, тогда какъ по устройству глазной сѣтки это должно бы быть иначе; навыкъ при движеніи головы и глазъ не считать неподвижные предметы движущимися; навыкъ брать себя за больное мѣсто и чесать то, которое чешется. (Младенецъ, непріобрѣвшій этого навыка, и у котораго чешется, положимъ, рука, будетъ метаться и кричать, не зная, чѣмъ помочь себѣ, потому что это ощущеніе отражается у него только общимъ ощущеніемъ въ мозгу). Къ такимъ же безсознательнымъ навыкамъ относятся: комбинація слуха и зрѣнія, когда мы направляемъ глаза въ ту сторону, откуда исходитъ звукъ; комбинація ощущеній мускульныхъ, осязательныхъ съ движеніями при ходьбѣ; комбинація ощущеній слуховыхъ, мускульныхъ и движеній при произношеніи словъ и мн. др.

9. Новѣйшая физіологія глубоко разъяснила эти безсознательныя, неврожденныя, но выработанныя нами дѣятельности нашихъ чувствъ, и психологіи остается воспользоваться этими результатами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сочиненіе Вундта, какъ психолога и физіолога, имѣетъ весьма важное значеніе. Намъ кажется только ошибочнымъ тотъ выводъ, который Вундтъ дѣлаетъ изъ этихъ анализовъ: онъ не только говоритъ объ ощущеніяхъ, которыхъ мы не замѣчаемъ, но говоритъ о *безсознательныхъ* опытахъ, наблюденіяхъ, сравненіяхъ, умозаключеніяхъ, словомъ, о безсознательной жизни души, безпрестанно въ насъ совершающейся, изъ которой, будто бы, безпрестанно входятъ въ сознаніе уже готовые результаты, принимаемые сознаніемъ за простые опыты и только наукою разлагаемые въ сложныя умозаключенія. Но вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ такимъ неестественнымъ объясненіямъ и признавать какую-то *безсознательную* работу *сознанія*, не гораздо ли проще будетъ принять, что всѣ эти сложныя и неврожденныя намъ дѣятельности нашихъ чувствъ, открытыя физіологіею, суть ничто иное, какъ навыки, сдѣланные нами въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, сдѣланные сознательно, точно такъ же, какъ множество навыковъ, которые мы дѣлаемъ впослѣдствіи, но самый актъ выработки которыхъ позабытъ нами, какъ и все, что относится къ *безсловесному* періоду нашей жизни.

Къ такому объясненію приводятъ насъ многія убѣдительныя причины. *Во-первыхъ* [1]), мы не можемъ, какъ сказали уже выше, не противорѣча логикѣ, принять безсознательныя ощущенія, опыты и умозаключенія, потому что всѣ эти акты суть акты сознанія и безъ него не мыслимы. *Во-вторыхъ*, прямыя наблюденія надъ младенцемъ показы-

[1]) Vorles. ueber Menschen-und Thierseele, v. Wundt. Erst B. S. 113 и др.

ваютъ намъ, что одинъ напр. изъ сложнѣйшихъ безсознательныхъ навыковъ, надъ объясненіемъ котораго много потрудилась и физіологія и психологія, а именно навыкъ, пріобрѣтаемый младенцемъ на пятомъ или шестомъ мѣсяцѣ жизни, — схватывать вѣрно подаваемый ему предметъ, пріобрѣтается видимыми для насъ попытками ребенка, сначала весьма неудачными, а потомъ болѣе и болѣе вѣрными. *Въ-третьихъ*, и въ зрѣломъ возрастѣ мы нерѣдко, пріобрѣвши какой-нибудь навыкъ, должны потомъ употребить иногда значительное усиліе памяти, чтобы вспомнить, какъ и когда пріобрѣли его: что же удивительнаго, если мы забываемъ совершенно процессъ пріобрѣтенія навыковъ и привычекъ, усвоенныхъ нами въ младенческомъ возрастѣ, такъ-что считаемъ ихъ за врожденную способность и наклонность души, какъ думали прежде, или за безсознательный душевный актъ, какъ хочетъ думать Вундтъ? [1])

10. Чтобы понять вполнѣ данное нами объясненіе этихъ сложныхъ безсознательныхъ актовъ души, въ которыхъ мы видимъ ничто иное, какъ навыки и привычки, сдѣланные въ младенчествѣ, должно нѣсколько уяснить себѣ состояніе дѣтской памяти. Память младенца очень свѣжа и воспріимчива; но въ ней недостаетъ именно того, что связываетъ отрывочныя впечатлѣнія въ одинъ стройный рядъ и даетъ намъ потомъ возможность вызывать изъ души нашей впечатлѣніе за впечатлѣніемъ,— *недостаетъ дара слова.* Даръ слова совершенно необходимъ для того, чтобы мы могли сохранить воспоминаніе исторіи нашей душевной дѣятельности и имѣетъ громадное значеніе для способности памяти [2]). Если привычка сдѣлана нами, хотя и сознательно, но въ тотъ періодъ нашей жизни, когда мы не обладали еще даромъ слова, то, безъ сомнѣнія, мы не можемъ припомнить, *какъ* мы сдѣлали ее хотя она въ насъ остается. Въ томъ же, что у безсловеснаго младенца дѣйствуетъ уже память, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: множество наблюденій показываютъ это очень ясно. Младенецъ помнитъ лица, образы, впечатлѣнія, хотя и не обладаетъ еще тѣмъ могучимъ средствомъ, которое одно можетъ связать наши душевные акты въ стройную систему, не обладаетъ словомъ.

11. Но, замѣтятъ намъ, не слишкомъ ли много приписываемъ мы безсловесному младенцу, говоря, что онъ наблюдаетъ, дѣлаетъ опыты, сравниваетъ, умозаключаетъ? Однако же, если наука открыла, что человѣкъ уже при выходѣ изъ младенчества обладаетъ множествомъ *пріоб-*

---

[1]) Джонъ Стюартъ Миль думаетъ, что подобнымъ способомъ, на который мы здѣсь указали, пріобрѣтены нами даже наши увѣренности въ геометрическія аксіомы. Эти увѣренности мы пріобрѣтаемъ изъ опытовъ, говоритъ Миль, но изъ опытовъ, дѣлаемыхъ въ такое раннее время жизни, «что мы не можемъ припомнить исторіи интеллектуальныхъ операцій этого періода» (Mill's Logic. 1862 г. Vol. I, p. 263).

[2]) Значеніе слова для памяти очень хорошо развито Вайтцемъ. Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft von Theodor Waitz. 1849. S. 115 und 116.

рѣтенныхъ способностей, пріобрѣтеніе которыхъ обусловливается наблюденіемъ, опытомъ и умозаключеніемъ, то намъ остается одно изъ двухъ: или приписать возможность дѣлать опыты, наблюденія и умозаключенія безсознательной природѣ, какъ дѣлаетъ это Вундтъ, т. е. придать сознаніе тому, что въ тоже время признается нами безсознательнымъ, или приписать эту возможность такому, все же сознательному существу, какимъ является намъ ребенокъ, — и мы выбираемъ послѣднее [1]).

12. Открывая и разъясняя эти сложные процессы душевной жизни младенца, наука удовлетворяетъ не одной любознательности, но приноситъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительную практическую пользу; ибо для родителей и воспитателей чрезвычайно важно сознавать ясно, что ребенокъ и въ первый годъ своей жизни живетъ не одною физическою

---

[1]) Многіе новые ученые, въ своемъ стремленіи удовлетворить реалистическому направленію вѣка, впадаютъ въ странное противорѣчіе, желая, съ одной стороны, слишкомъ возвысить природу, а съ другой — слишкомъ понизить человѣка. Такъ, въ новѣйшей наукѣ совершенно уже укоренилась мысль, что степень развитія сознательности въ животномъ царствѣ идетъ рядомъ со степенью развитія нервнаго организма вообще, и въ частности съ развитіемъ головнаго мозга сравнительно со спиннымъ. Въ то же самое время во множествѣ новыхъ ученыхъ сочиненій, принявшихъ эту мысль за аксіому, когда дѣло доходитъ до объясненія дѣятельности насѣкомыхъ, объясняемой прежде непонятнымъ инстинктомъ, приписывается этимъ животнымъ способность сознательно наблюдать, дѣлать опыты, выводить умозаключенія и вводить эти умозаключенія въ принципы своей дѣятельности. Это странное противорѣчіе найдемъ мы у Вундта, Фогта и другихъ, а также во многихъ энтомологіяхъ. Но нервный организмъ насѣкомаго, часто даже при совершенномъ отсутствіи головнаго мозга, весь состоитъ изъ нѣсколькихъ нервныхъ узелковъ и во всякомъ случаѣ гораздо менѣе развитъ, чѣмъ нервный организмъ даже однонедѣльнаго утробнаго младенца. Если бы эти ученые были послѣдовательны, то невольно бы остановились, приписывая пчелѣ и муравью болѣе ума, чѣмъ приписываютъ его большимъ млекопитающимъ животнымъ съ совершенно развитымъ нервнымъ организмомъ, и должны были бы принять одно изъ двухъ: *или, что аксіома ихъ—о зависимости ума отъ мозговаго организма, вовсе не аксіома, или что умъ у насѣкомыхъ—не умъ, а нѣчто другое, непонятное.* Во всякомъ случаѣ, признавая за насѣкомымъ сознаніе, способное дѣлать наблюденія, опыты и умозаключенія, нѣтъ никакой причины не признать такого же сознанія за безсловеснымъ младенцемъ, нервный организмъ котораго, во всякомъ случаѣ, несравненно больше развитъ, чѣмъ у насѣкомаго. Признавъ же важное значеніе мускульнаго чувства, сообщающаго сознанію ощущенія движеній мы съ большею вѣроятностью можемъ предположить, что исторія души начинается съ первыхъ движеній младенца, слѣдовательно, еще до рожденія его на свѣтъ.

жизнію, но что въ душѣ его и въ его нервной системѣ подготовляются основные элементы всей будущей психической дѣятельности: вырабатываются тѣ силы и тѣ основные пріемы, съ которыми онъ впослѣдствіи будетъ относиться и къ природѣ, и къ людямъ. Усвоивъ такой взглядъ на младенца, родители и воспитатели подумаютъ не объ одномъ его физическомъ здоровьи, но и объ его духовномъ развитіи. Конечно, этотъ періодъ слишкомъ закрытъ отъ насъ, чтобы мы могли внести въ него наше положительное вмѣшательство, но мы можемъ дѣйствовать на него благодѣтельно, удаляя отъ ребенка въ этомъ возрастѣ все, что могло бы помѣшать его правильному развитію—физическому и духовному. Такъ, мы можемъ внести порядокъ въ его жизнь, позаботиться о спокойствіи его нервной системы, объ удаленіи отъ него всего раздражающаго, грязнаго и уродливаго не въ одномъ только физическомъ смыслѣ. Существуетъ, напримѣръ, убѣжденіе, кажущееся для многихъ предразсудкомъ, что злая кормилица вскормитъ и злаго ребенка; но это не совсѣмъ предразсудокъ. Конечно, злость не можетъ быть передана черезъ молоко, хотя молоко раздраженной женщины портитъ желудокъ ребенка; но злая женщина обращается *зло* съ младенцемъ, и своимъ обращеніемъ, а не молокомъ, сѣетъ въ немъ сѣмена злости или трусости. Не должно забывать, что первое понятіе о человѣкѣ, которое впослѣдствіи закрѣпится словомъ, образуется въ ребенкѣ въ безсловесный періодъ его жизни, и что на образованіе этого понятія имѣютъ рѣшительное вліяніе тѣ первыя человѣческія личности, которыя отразятся въ душѣ ребенка и лягутъ въ основу его будущихъ отношеній къ людямъ. И счастливо дитя, если первое человѣческое лицо, отразившееся въ немъ, есть полное любви и ласки лицо матери! Въ отношеніи разныхъ людей къ другимъ людямъ, мы замѣчаемъ величайшее разнообразіе и много безсознательнаго, какъ бы прирожденнаго; но, конечно, многое здѣсь не врождено, а идетъ изъ періода безсловеснаго младенчества.

13. Изъ всего обширнаго процесса психической жизни младенца мы видимъ ясно только отрывки, указывающіе на цѣлый періодъ развитія: вотъ ребенокъ сталъ слѣдить глазами за движущимися предметами, вотъ протягиваетъ къ нимъ рученки, вотъ сталъ улыбаться, узнавать мать, отца, няню; а все это такіе сложные душевные выводы, надъ которыми много поработалъ младенецъ, и когда онъ произнесетъ первое слово, то душа его представляетъ уже такой сложный и богатый организмъ, такое собраніе наблюденій и опытовъ, такую высоту, до которой не могъ достигнуть весь міръ животныхъ во всемъ своемъ послѣдовательномъ развитіи. Вмѣстѣ со словомъ, закрѣпляющимъ образы и понятія, быстро начинаетъ развиваться память, которая со временемъ свяжетъ всю жизнь человѣка въ одно цѣлое; тогда отъ безсловеснаго періода останутся одни результаты въ формѣ безсознательныхъ привычекъ и наклонностей, не только приводящихъ въ изумленіе физіолога и психолога, но и оказывающихъ огромное вліяніе на способности, характеръ и всю жизнь человѣка.

ГЛАВА XIV.

Наслѣдственность привычекъ и развитіе инстинктовъ.

1. Особенное значеніе придается привычкѣ возможностію ея наслѣдственной передачи. «Привычка или особенность, говоритъ Льюисъ [1]), пріобрѣтенная и удержанная такъ долго, что она, такъ сказать, организовалась въ особи, и что организмъ этой послѣдней приладился къ ней, будетъ имѣть такіе же шансы передаться, какъ массивность мышцъ и костей». Тотъ же физіологъ нѣсколько далѣе говоритъ: «какъ бы это не было трудно объяснить, но нѣтъ факта болѣе несомнѣннаго, чѣмъ тотъ, что привычки, твердо установившіяся, могутъ быть переданы въ той же мѣрѣ, какъ и всякая нормальная наклонность». Всѣхъ, кто могъ бы еще сомнѣваться въ наслѣдственной передачѣ привычекъ, мы отсылаемъ къ сочиненію Льюиса, у котораго столько приведено фактовъ этой наслѣдственности и въ людяхъ, и въ животныхъ, что сомнѣніе становится невозможнымъ. Еще болѣе фактовъ подобнаго рода приводитъ Дарвинъ въ своемъ сочиненіи, получившемъ извѣстность и между русскими читателями [2]). Дарвинъ проводитъ эту наслѣдственность, быть можетъ, уже слишкомъ далеко и старается объяснить ею вполнѣ даже инстинкты насѣкомыхъ [3]), хотя и самъ сознаетъ невозможность полнаго доказательства этой мысли.

2. Непроизвольныя и чисто безсознательныя дѣйствія наши, подъ вліяніемъ глубоко вкоренившейся въ насъ привычки, имѣютъ такъ много сходнаго съ дѣйствіями животныхъ подъ вліяніемъ инстинкта, чтоРидъ вправѣ былъ сказать: «привычка отличается отъ инстинкта не по своей сущности, а только по своему происхожденію: первая пріобрѣтается, вторая дается отъ природы» [4]). Но если мы примемъ во вниманіе, что и привычка можетъ передаваться наслѣдственно, тогда уничтожается и эта послѣдняя возможность отличать привычку отъ инстинкта. Здѣсь сама собою рождается мысль, нельзя ли всѣхъ *инстинктовъ* — этого камня преткновенія для физіологіи и психологіи — объяснить наслѣдственностью привычекъ? По крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи науки, намъ кажется это совершенно невозможнымъ. Что привычка, укоренившись въ наслѣдственную особенность, сливается съ природнымъ инстинктомъ, видоизмѣняетъ его и служитъ къ его дальнѣйшему развитію, это, послѣ Дарвина, можно считать доказаннымъ фактомъ. Изъ книги мы выносимъ полное убѣжденіе, что подъ вліяніемъ образа жизни, обращающагося въ привычку, инстинкты животныхъ дѣйствительно могутъ *видоизмѣняться* мало по малу, въ теченіе многихъ

[1]) Физіолог. обыд. жизни Льюиса, стр. 666.

[2]) О происхожденіи видовъ соч. Чарльса Дарвина. Переводъ Рачинскага.

[3]) Ibid. стр. 170.

[4]) Works of Read. Vol. I, p. 550.

поколѣній, все болѣе и болѣе приспособляясь къ новымъ условіямъ жизни; — *но и только.* Утверждать же вмѣстѣ съ Дарвиномъ, или лучше, съ поклонниками его новой системы, идущими иногда дальше самого автора, что всѣ инстинкты образовались изъ этихъ наслѣдственно передаваемыхъ приспособленій и привычекъ, мы не имѣемъ никакого права, не выходя изъ области науки, основанной на фактахъ, въ область фантазій, основанныхъ на отдаленныхъ догадкахъ. Признавая существованіе привычекъ у животныхъ, признавая возможность наслѣдственности этихъ привычекъ и видоизмѣненія инстинктовъ подъ ихъ вліяніемъ, мы, тѣмъ не менѣе, не видимъ въ настоящее время никакой возможности обойтись безъ прежней гипотезы о врожденности *первоначальныхъ* инстинктовъ, точно также какъ и безъ гипотезы о независимомъ происхожденіи первоначальныхъ родовъ животныхъ [1]).

3. Мы уже говорили выше о невозможности признать инстинктивныя дѣйствія животныхъ за проявленія сознательнаго умственнаго процесса, что совершенно противорѣчило бы положенію, доказанному тѣми же естественными науками, что умственное развитіе находится въ тѣсной связи съ развитіемъ нервнаго организма. Инстинктъ же имѣетъ ту особенность, что онъ наиболѣе проявляется тамъ, гдѣ онъ наиболѣе нуженъ, гдѣ нервная организація бѣднѣе, а вслѣдствіе того и умственное развитіе слабѣе. У человѣка мы замѣчаемъ такъ мало инстинктовъ, что, можетъ быть, одно только сосаніе груди младенцемъ и глотаніе слѣдуетъ

---

[1]) Дарвинъ, какъ и всякій другой проповѣдникъ новой мысли, увлекается ею, какъ кажется, слишкомъ далеко; но то, что высказывается Дарвиномъ только какъ отдаленная догадка, нерѣдко принимается его послѣдователями какъ доказанная истина. Конечно, Дарвинъ видимо желалъ бы доказать, что всѣ роды и виды животныхъ происходятъ отъ одного какого-то прародителя; но самъ же онъ во многихъ мѣстахъ своей книги говоритъ, что это только указаніе, въ какомъ направленіи могла бы плодовито работать наука, а вовсе не доказанная истина, на которой могло бы строиться наше міросозерцаніе. Намъ же кажется, что въ самой догадкѣ есть уже логическая ошибка. Въ самомъ дѣлѣ, если нашъ земной шаръ, какъ предполагаетъ наука, находился когда-нибудь въ такомъ состояніи, что могъ производить живые организмы (предположеніе это не противорѣчитъ и библейскому сказанію о произведеніи животныхъ *землею* по слову Божію: «и рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду». Книг. Быт. гл. I, ст. 24), то, безъ сомнѣнія земля столько же могла вызвать къ жизни и различные организмы съ различными условіями развитія, сколько и одинъ организмъ, съ возможностію развитія въ безконечное разнообразіе. Первое же предположеніе, согласное съ библейскими словами «по роду», гораздо вѣроятнѣе втораго и по простой логикѣ, потому что, если было когда-нибудь на земномъ шарѣ то время, когда организмы сами собой возникали изъ неорганическихъ матерій и растительные организмы сами собой преобразовались въ животные,

признать вполнѣ инстинктивными и сложными дѣйствіями [1]). У млекопитающихъ животныхъ, и особенно у высшихъ породъ, замѣчательныхъ инстинктовъ также не много; тогда-какъ у насѣкомыхъ, при всей бѣдности ихъ нервной организаціи, замѣчаются именно самыя изумительныя проявленія инстинкта [2]).

4. Вглядѣвшись въ жизнь муравьевъ и пчелъ, нельзя не быть пораженнымъ необыкновенно умными и цѣлесообразными, глубоко, математически разсчитанными дѣйствіями этихъ крошечныхъ существъ. Поразительное геометрическое устройство сотовъ, математически достигающее возможно меньшей траты воску, при возможно большей вмѣстительности для мёду [3]); дивная ткань паутины; необыкновенно цѣлесообразное устройство коконовъ; непостижимый разсчетъ бабочки для сохраненія своихъ яичекъ, разсчетъ, простирающійся на всю долгую жизнь будущей гусеницы, которой мать, живущая нѣсколько часовъ, никогда не увидитъ,—все это такія дѣйствія, для которыхъ, если бы они были произведеніемъ ума, потребовались бы необыкновенно развитыя умственныя способности, а слѣдовательно и необыкновенно развитая нервная организація. Общественная жизнь муравьевъ, ихъ войны съ цѣлію награбить чужихъ яичекъ и вывести изъ нихъ рабовъ для своего племени, или содержаніе муравьями тли, въ видѣ домашняго скота, при чемъ маленькіе мудрецы, пользуясь умѣренно сокомъ податливыхъ насѣкомыхъ, отпускаютъ ихъ до новаго удоя, — всѣ эти дѣйствія такъ похожи на дѣйствія человѣка, что если бы мы признали ихъ за проявленіе ума, то должны были бы удивляться, почему, напримѣръ, медвѣдь, съ гораздо обширнѣйшею нервною организаціею, въ продолженіи

чему мы не видимъ и слѣда при нынѣшнемъ состояніи природы, то, без сомнѣнія, земной шаръ и въ то время представлялъ на своей поверхности и въ различныхъ средахъ своихъ уже по своему астрономическому положенію достаточно разнообразныхъ условій, чтобы на разныхъ мѣстностяхъ его могли возникнуть различные организмы. Все, что мы можемъ извлечь изъ теоріи Дарвина, такъ это только то, совершенно вѣрное, мнѣніе, что послѣ періода созданія первыхъ организмовъ они безпрестанно видоизмѣнялись, и что множество видовъ произошло вслѣдствіе этихъ видоизмѣненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ посредство наслѣдственности привычекъ, тѣсно связанныхъ съ измѣненіемъ самихъ органовъ, измѣнялись и развивались инстинкты животныхъ.

[1]) «Сосаніе и глотаніе очень сложныя операціи. Анатомы описываютъ до тридцати паръ мускуловъ, которые должны быть приведены въ дѣйствіе при каждомъ глоткѣ. Дѣйствіе этихъ мускуловъ не одновременно, а одинъ дѣйствуетъ за другимъ и этотъ порядокъ также необходимъ, какъ и самое дѣйствіе». Works of Read. V. II, p. 545.

[2]) «У животныхъ число инстинктивныхъ дѣйствій возрастаетъ, по мѣрѣ неспособности ихъ выполнять цѣль вида душевными актами». Man. de Phys. par Müller. T. II, p. 97.

[3]) Пчелы въ устройствѣ сотовъ рѣшаютъ проблему изъ высшей математики, которую называютъ проблемою maxima и minima. Read. Vol. II. p. 546.

вѣковъ лакомящійся сотами, не сдѣлался пчеловодомъ, или разсчетливая хозяйка—лиса не займется разведеніемъ цыплятъ. Гораздо раціональнѣе будетъ признать эти удивительныя *умѣнья* прирожденными инстинктами, которыя развились и усложнились накопленіемъ привычекъ. Гораздо легче представить себѣ, что насѣкомое, при всей бѣдности своей нервной организаціи, обладаетъ способностью передавать свою крошечную опытность, въ видѣ наслѣдственной привычки, потомкамъ, и потому успѣло, въ теченіи своей многовѣковой родовой жизни, накопить такое множество этихъ крошечныхъ привычекъ, что онѣ всѣ вмѣстѣ составляютъ тотъ сложный и умный инстинктъ, который въ настоящее время поражаетъ насъ изумленіемъ. Такъ, если позволительно такое сравненіе, крошечный коралловый полипъ, работая громаднымъ обществомъ и многіе вѣка, и передавая начатую работу потомкамъ, ее продолжающимъ, выдвигаетъ на поверхность моря обширный островъ.

5. Только наслѣдственностью нервныхъ привычекъ мы и можемъ сколько-нибудь уяснить себѣ *наслѣдственность человѣческихъ характеровъ*—фактъ, который кажется намъ совершенно несомнѣннымъ, хотя, къ сожалѣнію, и мало изслѣдованнымъ [1]). Но если наслѣдственность наклонностей у животныхъ уже окончательно принята наукою, то наслѣдственность въ человѣческихъ характерахъ, имѣющая тоже основаніе, слишкомъ очевидна, чтобы ее нужно было доказывать: она ожидаетъ только ближайшаго изученія и разъясненія. Если подъ именемъ *характера* разумѣть индивидуальную особенность (habitus) въ мысляхъ, наклонностяхъ, желаніяхъ и поступкахъ человѣка, то, конечно, одни явленія въ характерѣ человѣка будутъ продуктами его собственной жизни и жизни той среды, въ которой онъ вращался, а другія — продуктами наслѣдственныхъ наклонностей и особенностей. Взявъ же только эти послѣднія явленія, мы необходимо должны будемъ признать, что наслѣдственная передача этихъ особенностей и наклонностей могла совершиться не иначе, какъ черезъ унаслѣдованіе дѣтьми нервной системы родителей со многими ея, какъ наслѣдственными, такъ и пріобрѣтенными посредствомъ привычки наклонностями. Нервныя болѣзни чаще передаются отъ родителей къ дѣтямъ, чѣмъ болѣзни другихъ системъ организма. Печальный фактъ наслѣдственнаго помѣшательства едва ли можетъ быть подверженъ сомнѣнію; а само сумасшествіе есть, конечно, не болѣе, какъ особое состояніе нервнаго организма, такое же особое состояніе, какое дается, безъ сомнѣнія, и укоренившеюся привычкою [2]). Но что же пе-

[1]) Нельзя не удивляться, что такой проницательный писатель, какъ Бокль, выразилъ сомнѣніе въ столь очевидномъ фактѣ, и это мы можемъ объяснить себѣ только тѣмъ, что фактъ этотъ противорѣчилъ его, все же односторонней, теоріи.

[2]) Наслѣдственность болѣзней признается патологіею за фактъ столько же несомнѣнный, сколько и необъяснимый, особенно наслѣдственность отъ отца. Elements de Pathologie, par Chomel. 4 Edit. Paris 1861. p. 102.

редается въ такой наслѣдственной привычкѣ?—Этотъ вопросъ заслуживаетъ изслѣдованія.

6. Для того, чтобы по возможности подсмотрѣть, въ чемъ состоитъ наслѣдственная передача привычки, мы обратимъ вниманіе читателя на явленіе, безъ сомнѣнія, ему знакомое: на наслѣдственную передачу тѣхъ мелкихъ, но тѣмъ не менѣе характеристическихъ движеній личныхъ мускуловъ, которыя составляютъ нашу личную мимику. Если сынъ или дочь вообще очень похожи на отца или мать, то сходство мелкихъ мимическихъ движеній теряется въ общемъ сходствѣ. Но часто случается такъ, что, напримѣръ, сынъ, вообще похожій на мать, наслѣдуетъ отъ отца только одну какую-нибудь мимическую черту, какъ, напримѣръ, улыбку, движеніе бровей и т. п.; тогда эта наслѣдственная черта выставляется необыкновенно ярко на чуждомъ ей фонѣ лица, напоминающаго мать во всемъ остальномъ. Случается и такъ, что какая-нибудь мимическая черта отца или матери, не замѣчаемая въ сынѣ въ дѣтскомъ возрастѣ, начинаетъ проявляться въ юношескомъ, а иногда даже подъ старость. Бываетъ и такъ, что этихъ вновь пробивающихся чертъ въ теченіи времени набирается такъ много, что дитя, походившее въ дѣтствѣ, положимъ, на мать, становится потомъ болѣе похожимъ на отца. Наконецъ, бываетъ и такъ, что мимическія черты лица дѣда или бабки, какъ бы миновавъ сына или дочь, отражаются во внукѣ или внучкѣ. Этотъ же самый фактъ проявляется и въ томъ видѣ, что дитя, мало похожее на мать, бываетъ рѣзко похоже на дядю, брата матери, какъ будто въ сестрѣ таинственно хранились наслѣдственныя черты, выразившіяся въ братѣ. Это любопытные факты и заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія [1]).

7. Но что такое мимическая черта въ своемъ основаніи? Это ничто

---

[1]) Всѣ эти и безчисленные другіе факты наслѣдственности, хотя и обходились наукою до настоящаго времени и находили себѣ мало мѣста въ антропологіяхъ и психологіяхъ, тѣмъ не менѣе замѣчались всѣми народами съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и выражались въ ихъ пословицахъ, законодательствахъ и религіяхъ. Мало есть такихъ распространенныхъ въ человѣчествѣ убѣжденій, какъ убѣжденіе въ наслѣдственности порока и добродѣтели, наслѣдственности преступленія и наслѣдственности грѣха. Такая повсемѣстность убѣжденій есть уже сама по себѣ лучшее доказательство, что въ основѣ ихъ лежитъ своя доля правды. Дѣло науки не съ презрѣніемъ обращаться къ такимъ всемірнымъ убѣжденіямъ, а отыскать ихъ природную истинную основу и воспользоваться этимъ, всегда драгоцѣннымъ зерномъ, отдѣливъ отъ него шелуху фантазій и преувеличеній, столь свойственныхъ человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Эта увѣренность въ наслѣдственности выражается у разныхъ народовъ различно: въ Китаѣ казнятъ дѣтей за преступленія отца; въ Индіи убѣжденіе это выразилось въ окаменѣлыхъ кастахъ; въ Греціи—въ судьбѣ знаменитыхъ родовъ, и т. п. Христіанство было великимъ переворотомъ въ исторіи этого всемірнаго убѣжденія.

иное, какъ привычка мускуловъ выражать какое-нибудь, часто повторяемое, душевное движеніе и выражать притомъ съ тою особенностію, съ которою это душевное движеніе совершается въ томъ или другомъ человѣкѣ. Безчисленное множество личныхъ мускуловъ даетъ человѣку возможность безконечнаго множества оттѣнковъ самыхъ тонкихъ особенностей чувства. Эти оттѣнки до того тонки и неуловимы, что для выраженія какого-нибудь изъ нихъ словами потребовался бы цѣлый романъ, цѣлая исторія души человѣческой. Наши выраженія — горькая или презрительная улыбка, гордое или униженное, заискивающее выраженіе глазъ и т. п., далеко не выражаютъ всего разнообразія мимическихъ движеній, обозначая, такъ сказать, только цѣлыя семейства ихъ, и никакъ не доходя до безконечнаго разнообразія индивидуальныхъ выраженій. Та или другая мимическая черта, вызываемая сначала сознательнымъ чувствомъ, нерѣдко обращается потомъ въ безсознательную привычку, вслѣдствіе частаго повторенія тѣхъ ощущеній, которыя ею выражаются, и, такимъ образомъ, дѣлается тѣлесною особенностью человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что эта тѣлесная особенность, пріобрѣтенная человѣкомъ въ теченіи жизни, выражается не только въ мускулахъ, но и въ нервахъ, управляющихъ сокращеніями этихъ мускуловъ, и даже болѣе въ нервахъ, чѣмъ въ мускулахъ, движеніе которыхъ и самое развитіе зависятъ отъ нервовъ. Какъ отпечатлѣвается эта особенность въ нервахъ, физіологія не знаетъ; но необыкновенная тонкость и сложность нервнаго организма, равно какъ и измѣнчивость его подъ вліяніемъ жизни, указываютъ намъ на возможность такихъ отпечатковъ подъ вліяніемъ привычки; и эти отпечатки, будучи недоступны непосредственнымъ наблюденіямъ, тѣмъ не менѣе, выражаются въ дѣятельности мускуловъ и мимикѣ.

8. Теперь мы подошли нѣсколько ближе къ рѣшенію вопроса: въ какой формѣ передаются наслѣдственныя наклонности? Но чтобы рѣшить его окончательно, мы должны признать здѣсь доказаннымъ еще другой, уже не физіологическій, а чисто психическій законъ, который мы надѣемся вывести и доказать вполнѣ только въ психологическомъ отдѣлѣ нашей книги. Впрочемъ этотъ законъ такъ простъ и такъ чувствуется каждымъ изъ насъ, что мы легко можемъ принять его покуда на вѣру. Кто не испыталъ на себѣ, что душа наша требуетъ безпрестанной дѣятельности и томится, тоскуетъ безъ нея и въ то же время отвращается отъ всякихъ чрезмѣрныхъ усилій? Этотъ основной законъ развитъ отчасти Гербартовской школой [1]). Приложивъ его къ данному случаю, мы поймемъ, почему душа человѣка, если ею не руководитъ сильно возбужденное сознаніе и ясное стремленіе къ чему нибудь опредѣленному (минуты, сравнительно рѣдкія въ исторіи души), выбираетъ изъ двухъ дѣйствій то, которое, давая ей дѣятельность, не требуетъ въ то же время отъ нея слишкомъ большаго напряженія и оставляетъ ее въ томъ естественномъ положеніи, которое мы называемъ спокойствіемъ души, т. е. спокойною ея дѣя-

[1]) Empirische Psychologie von Drobisch. Leipzig. 1842. § 80 и 81.

тельностью, потому что если душа приходитъ въ безпокойство отъ чрезмѣрной дѣятельности, то она точно также страдаетъ и отъ недостатка дѣятельности. Это *срединное, спокойно-дѣятельное состояніе души* [1]), это ея равновѣсіе, къ которому она всегда стремится возвратиться, въ какую бы сторону ни была изъ него выведена, составляетъ ея нормальное, здоровое состояніе, и въ этомъ нормальномъ состояніи мы находимся почти всю нашу жизнь, если исключить изъ нея немногія, рѣзко замѣчаемыя нами минуты, когда душа наша приходитъ въ безпокойство или отъ недостатка содержанія, или отъ излишка его, котораго она не можетъ переработать.

Теперь становится ясно само собою, почему душа наша можетъ выбирать съ особенною охотою тѣ дѣятельности, мысли, стремленія, чувства, наклонности, тѣлесныя движенія, мимическія черты, для которыхъ находитъ уже подготовку въ нервной системѣ. Душа безпрестанно ищетъ дѣятельности и изъ двухъ представляющихся ей дѣятельностей избираетъ ту, которая легче для организма, къ которой организмъ болѣе подготовленъ наслѣдственно. Такимъ образомъ, наслѣдственно переданная въ нервной системѣ подготовка къ какой-нибудь душевной или тѣлесной дѣятельности можетъ весьма легко послужить основаніемъ къ образованію въ человѣкѣ какой-нибудь привычки или наклонности. Эта же привычка или наклонность, въ свою очередь, разовьетъ и укоренитъ еще болѣе зависящую отъ нея особенность въ нервахъ и передастъ ее еще вѣрнѣе дальнѣйшему потомству. Другими словами, частое повтореніе въ насъ какого-нибудь одного психическаго явленія отражается особенностью въ нашемъ организмѣ, а особенность эта, передаваясь потомственно, наводитъ человѣка на тѣ же душевныя явленія, потому что человѣкъ живетъ, мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ подъ безпрестаннымъ вліяніемъ своей нервной системы, со всѣми ея особенностями, и только моментально, при сильномъ возбужденіи своего сознанія, можетъ властвовать надъ этимъ вліяніемъ нервнаго организма.

9. Изъ сказаннаго уже видно, что наслѣдственно передается не самая привычка, а *нервные задатки привычки*, и эти нервные задатки, смотря по обстоятельствамъ жизни, могутъ развиться въ привычку или остаться неразвитыми, и заглохнуть съ теченіемъ времени. Такъ, если человѣкъ, получившій въ своемъ организмѣ печальное наслѣдство наклонности къ запою или къ азартной игрѣ, не имѣлъ бы во всю свою жизнь случая испытать удовольствій опьяненія или волненій азартной игры, то нѣтъ сомнѣнія, что ни та, ни другая привычка не развились бы въ немъ, хотя нельзя ручаться, чтобъ онѣ не проглянули снова въ его сынѣ, т. е. во внукѣ отца привычки. Образъ жизни человѣка, его воспитаніе, случайное направленіе его обычныхъ занятій имѣютъ рѣшительное вліяніе на выясненіе въ немъ тѣхъ или другихъ наслѣдственныхъ задатковъ. Жизнь женщины, напримѣръ, такъ отличается отъ

[1]) Mittlerer Zustand der Erfüllung des Bewustseyns—по выраженію гербартіанцевъ. Ibidem. § 208.

жизни мущины, что нѣтъ ничего мудренаго, если химическія черты, унаслѣдованныя дочерью отъ отца, не выразятся въ ней ясно, подавленныя ея женственнымъ характеромъ и женственною жизнью; но, тѣмъ не менѣе, онѣ останутся въ ней скрытыми и выразятся ясно въ ея сынѣ, подъ вліяніемъ мужскаго характера и мужской жизни, и тогда этотъ сынъ поразитъ насъ своимъ сходствомъ не съ отцомъ или матерью, а съ дядей или дѣдомъ. Точно также женственныя черты бабки, не находя возможности выразиться въ сынѣ, и подавленныя въ немъ другими вліяніями, могутъ ясно обозначиться во внучкѣ и т. п. и развить въ ней наклонности, чувства и привычки, которыя произвели въ бабкѣ эту химическую черту.

10. Такая установившаяся и унаслѣдованная нервная особенность, выражающаяся въ сознаніи невольною наклонностью, дѣйствуетъ на душу подобно тому, какъ дѣйствуютъ *темныя представленія* или *идеи* Лейбница [1]); а именно, что они становятся доступными сознанію только въ своихъ дѣйствіяхъ, оставаясь сами внѣ области сознанія. Говоря строго, весь нашъ нервный организмъ, со всѣми своими особенностями, потребностями, со всею періодичностью своей жизни, со всѣми унаслѣдованными и пріобрѣтенными болѣзнями и привычками, составляетъ собраніе такихъ *темныхъ идей* въ отношеніи души или, выражаясь опредѣленнѣе, организацію причинъ, дѣйствію которыхъ душа подвергается, но о существованіи которыхъ она не знаетъ, какъ не знаетъ, безъ помощи объективной науки, и о существованіи самаго нервнаго организма. Не всѣ ли потребности нервной жизни высказываются въ душѣ подобнымъ же образомъ? Развѣ, безъ помощи науки, человѣкъ знаетъ, почему онъ хочетъ ѣсть, пить, спать, отдыхать, двигаться и т. п., почему въ одно время высказывается настойчиво одна потребность, въ другое—другая? Все это—условія организма, о существованіи которыхъ мы не знаемъ, но вліяніе которыхъ ощущаемъ по той необъяснимой связи, въ которую угодно было Творцу поставить душу и тѣло человѣка. Въ такомъ же отношеніи къ душѣ находятся и тѣ особенности нервнаго организма, которыя мы называемъ унаслѣдованными и пріобрѣтенными наклонностями и привычками. Однако же при этомъ случаѣ мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что не всѣ тѣ психофизическія явленія, которыя объясняются только вліяніемъ темныхъ или, лучше, *скрытыхъ идей*, скрытыхъ внѣ области сознанія, выходятъ изъ нервнаго организма и его особенностей. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что, судя по характеру дѣйствій о характерѣ причинъ, мы должны будемъ, оставивъ однѣ изъ этихъ скрытыхъ идей въ области тѣлеснаго организма, помѣстить

---

[1]) Гамильтонъ въ своихъ драгоцѣнныхъ примѣчаніяхъ къ книгѣ Рида совершенно справедливо говоритъ, что Лейбницъ придумалъ это совершенно неловкое названіе для явленія, неподлежащаго сомнѣнію; но что самъ фактъ по себѣ заслуживаетъ величайшаго вниманія. Works of Read. V. II, p. 551.

другія въ область духа. Но говорить о скрытыхъ идеяхъ, дѣйствующихъ на наше сознаніе изъ области духа, еще преждевременно.

ГЛАВА XV.

Нравственное и педагогическое значеніе привычекъ.

1. Уяснивъ природу привычки, обратимся теперь къ нравственному и педагогическому ея значенію. Аристотель называлъ привычками: мудрость, благоразуміе, здравый смыслъ, науки и искусства, добродѣтель и порокъ, и если, какъ замѣчаетъ Ридъ [1]), онъ хотѣлъ этимъ высказать, что всѣ эти явленія усиливаются и укрѣпляются повтореніемъ, то мысль его совершенно вѣрна. «Кто можетъ, спрашиваетъ Бэконъ, сомнѣваться въ силѣ привычки, видя, какъ люди, послѣ безчисленныхъ обѣщаній, увѣреній, формальныхъ обязательствъ и громкихъ словъ дѣлаютъ и передѣлываютъ какъ-разъ тоже, что они дѣлали прежде, какъ будто-бы всѣ они были автоматами и машинами, заведенными привычкою?» [2]) По мнѣнію Макіавелли, въ дѣлѣ исполненія нельзя довѣриться ни природѣ человѣка, ни самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ его, если то и другое не закрѣплено и, какъ-бы сказать, не освящено привычкою. Лейбницъ, какъ мы уже говорили, три четверти всего, что человѣкъ думаетъ, говоритъ и дѣлаетъ, приписывалъ привычкѣ. Если Бэконъ полагаетъ, что «мысли людей зависятъ отъ ихъ наклонностей и вкусовъ, рѣчи—отъ образованія и учителей, у которыхъ они учились, и мнѣній, которыя они приняли, но что только одна привычка опредѣляетъ ихъ дѣйствія»,—то такое ограниченіе области привычки одною практическою жизнью зависитъ отъ того, что Бэконъ не обратилъ вниманія на смыслъ словъ: «наклонность», «вкусъ», «ученье», «мнѣніе», а то, безъ сомнѣнія, онъ замѣтилъ бы, что во всѣхъ этихъ явленіяхъ, которыя онъ противополагаетъ привычкѣ, работаютъ сильнѣйшимъ образомъ, если не исключительно, тѣ же привычки и навыки.

2. Но если всѣ болѣе или менѣе согласны въ громадномъ значеніи привычки въ жизни человѣка, то въ отношеніи ея нравственнаго и педагогическаго значенія существуетъ большое разногласіе. Англійское воспитаніе ставитъ на первый планъ сообщеніе дѣтямъ добрыхъ привычекъ [3]); германское далеко не придаетъ имъ такой важности; а Руссо,

---

[1]) Works of Read. T. II. p. 550.

[2]) Oeuvres de Bacon. T. II. p. 342.

[3]) «Въ силѣ привычки заключается сила воспитанія». The principles of Common School Education. J. Currie. Edinb. 1862. p. 16. «Ученье есть передача принциповъ, а воспитаніе—передача привычекъ». The Training System. by D. Stow. Lond. 1859. II-e Edit. Со времени Локка нѣтъ, кажется, ни одной англійской книги о воспитаніи, въ которой бы не повторялось тоже самое.

напримѣръ, прямо говоритъ, что «единственная привычка, которую онъ дастъ своему Эмилю, — это не имѣть никакихъ привычекъ» [1]); Кантъ тоже смотритъ на привычку съ презрѣніемъ, и единственная допускаемая имъ привычка, и то для пожилаго человѣка — это обѣдать въ свое время [2]). Но въ этихъ крайностяхъ не трудно видѣть увлеченіе системою. Гораздо благоразумнѣе для педагога глядѣть на значеніе привычки не глазами метафизиковъ и систематиковъ, но такъ, какъ смотрѣлъ на него величайшій изъ знатоковъ всѣхъ стимуловъ человѣческой жизни, глубокомысленный Шекспиръ, который называетъ привычку то чудовищемъ, пожирающимъ чувства человѣка, то его ангеломъ хранителемъ [3]).

3. Дѣйствительно, наблюдая людскіе характеры въ ихъ разнообразіи, мы видимъ, что добрая привычка есть *нравственный капиталъ*, положенный человѣкомъ въ свою нервную систему; капиталъ этотъ растетъ безпрестанно и процентами съ него пользуется человѣкъ всю свою жизнь. Капиталъ привычки отъ употребленія возрастаетъ, и даетъ человѣку возможность, какъ капиталъ вещественный въ экономическомъ мірѣ, все плодовитѣе и плодовитѣе употреблять свою драгоцѣннѣйшую силу—*силу сознательной воли*, и возводить нравственное зданіе своей жизни все выше и выше, не начиная каждый разъ всей постройки съ основанія и не тратя своего *сознанія* и своей *воли* на борьбу съ трудностями, которыя были уже разъ побѣждены. Возьмемъ для примѣра одну изъ самыхъ простыхъ привычекъ: привычку къ порядку въ распредѣленіи своихъ вещей и своего времени. Сколько такая привычка, обратившаяся въ *безсознательно выполняемую потребность*, сохранитъ и силъ и времени человѣку, который не будетъ принужденъ ежеминутно призывать свое *сознаніе необходимости* порядка и *свою волю* для установленія его и, оставаясь въ свободномъ распоряженіи этими двумя силами души, употребитъ ихъ на что-нибудь новое и болѣе важное? [4])

4. Но если хорошая привычка есть нравственный капиталъ, то дурная, въ той же мѣрѣ, есть *нравственный невыплаченный заемъ*, который въ состояніи заморить человѣка процентами, безпрестанно наростающими, парализировать его лучшія начинанія и довести до нравственнаго банкротства. Сколько превосходныхъ начинаній и даже сколько отличныхъ людей пало подъ бременемъ дурныхъ привычекъ! Если бы для искорененія вредной привычки достаточно было одновременнаго, хотя самаго энергическаго усилія надъ собой, тогда не трудно было-бы отъ нея избавиться. Развѣ не бываетъ случаевъ, что человѣкъ готовъ дать отрѣзать себѣ руку или ногу, если-бы вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзали и вредную привычку, отравляющую его жизнь? Но въ томъ-то и бѣда, что привычка, установляясь понемногу и въ теченіи времени, искореняется

[1]) Emile. p. 39.

[2]) Antropologie. § LIII.

[3]) Hamlet. Act. III. Scene IV.

[4]) Совершенно тоже, что даетъ человѣку экономическій капиталъ въ економическомъ отношеніи.

точно также пѣнящемуся и послѣ продолжительной борьбы съ нею. Сознаніе наше и наша воля должны постоянно стоять на сторожѣ противъ дурной привычки, которая, залегши въ нашей нервной системѣ, подкарауливаетъ всякую минуту слабости или забвенія, чтобы ею воспользоваться: такое же постоянство въ напряженіи сознанія и воли — самый трудный, если и возможный, душевный актъ.

5. Впрочемъ, въ неисчерпаемо богатой природѣ человѣка бываютъ и такія явленія, когда сильное душевное потрясеніе, необычайный порывъ духа, высокое одушевленіе—однимъ ударомъ истребляютъ самыя вредныя наклонности и уничтожаютъ закоренѣлыя привычки, какъ-бы стирая, сжигая своимъ пламенемъ всю прежнюю исторію человѣка, чтобы начать новую, подъ новымъ знаменемъ. Евангеліе представляетъ намъ примѣръ такого быстраго измѣненія души человѣческой въ одномъ изъ разбойниковъ, распятыхъ со Спасителемъ. Если мы вникнемъ, какая сильная и глубокая душевная драма могла вызвать изъ устъ разбойника, страдающаго на крестѣ, его замѣчательныя слова, то поймемъ также и значеніе обращенныхъ къ нему словъ Спасителя. Сильная душа нужна была для того, чтобы посреди мученій креста подумать не о себѣ, а о другомъ, кто страдалъ невинно, сознать законность своего наказанія, всю глубину своего паденія и все величіе другаго. Такая минута есть дѣйствительный переворотъ души и можетъ сдѣлать душу разбойника чистою душою младенца, для которой открыты райскія двери. Но огонь, выжигающій вредное зелье съ корнемъ, можетъ зародиться только въ сильной душѣ, да и въ ней не можетъ пламенѣть долго, не ослабѣвая самъ, или не разрушая ея временной оболочки. Существуетъ повѣрье, что внезапное оставленіе человѣкомъ своихъ привычекъ есть предвѣстіе близкой смерти; но это справедливо только въ томъ отношеніи, что дѣйствительно нуженъ сильный организмъ и благопріятныя обстоятельства, чтобы человѣкъ могъ вынести иную крутую душевную перемѣну, и что въ старые годы такая крутая перемѣна можетъ подѣйствовать разрушительно на организмъ, можетъ быть, приготовляя человѣка къ лучшей жизни.

6. Вглядываясь въ характеры людей, мы легко отличимъ характеръ *природный* отъ характера *выработаннаго* самимъ человѣкомъ [1]). Есть люди отъ природы съ отличными наклонностями, для которыхъ все хорошее является природнымъ влеченіемъ; но есть и такіе, которые сознательно борятся всю жизнь со своими дурными врожденными стремленіями и, одолѣвая ихъ мало по малу, создаютъ въ себѣ добрый, хотя и искусственный характеръ. Характеры перваго рода кажутся намъ привлекательнѣе: для нихъ такъ естественно дѣлать добро, что они привлекаютъ насъ именно этою природною легкостью, граціей добра, если можно такъ выразиться. Но если мы захотимъ быть справедливыми, то должны будемъ отдать пальму первенства характерамъ втораго рода, ко-

[1]) Характеръ есть уже сумма наслѣдственныхъ и выработанныхъ наклонностей организма: въ однихъ характерахъ преобладаютъ наслѣдственныя наклонности, въ другихъ выработанныя.

торые тяжелой борьбой побѣдили врожденныя дурныя наклонности и выработали въ себѣ добрыя правила, руководствуясь сознаніемъ необходимости добра. Такіе *сократовскіе* характеры вырываютъ съ корнемъ зло не только изъ себя, но можетъ быть изъ своихъ дѣтей и внуковъ и вносятъ въ жизнь человѣчества новые живые источники добра [1]). Пока живъ человѣкъ, онъ можетъ измѣниться и изъ глубочайшей бездны нравственнаго паденія стать на высшую ступень нравственнаго совершенства. Этотъ глубокій психологическій принципъ, проглядывающій наконецъ и въ европейскихъ законодательствахъ (которыя вообще сохранили много языческаго, римскаго наслѣдства), внесенъ христіанствомъ въ убѣжденія человѣчества [2]).

7. Наслѣдственныя наклонности, распространяясь и наслѣдственно, и примѣромъ, составляютъ матерьяльную основу того психическаго явленія, которое мы называемъ народнымъ характеромъ [3]).

«Если привычка, говоритъ Бэконъ, имѣетъ такую власть надъ отдѣльнымъ человѣкомъ, то власть эта еще гораздо больше надъ людьми, соединенными въ общество, какъ напр. въ арміи, училищѣ, монастырѣ и т. п. Въ этомъ случаѣ примѣръ научаетъ и направляетъ, общество поддерживаетъ и укрѣпляетъ, соперничество побуждаетъ и подстрекаетъ; наконецъ, почести возвышаютъ душу, такъ-что въ подобныхъ общинахъ сила привычки достигаетъ своей высшей ступени» [4]). Ясно, что здѣсь сила примѣра и сила привычки смѣшаны, и дѣйствительно, если

---

[1]) Христіанство, снимая съ человѣка наслѣдственный грѣхъ, внесло въ человѣчество, и въ этомъ отношеніи, великій и животворный принципъ личной свободы. Надъ человѣкомъ уже не тяготѣетъ неотразимая судьба древняго міра, переносимая теперь ученіемъ матерьялистовъ съ миѳологическаго неба въ законы матеріи.

[2]) Новѣйшія теоріи уголовнаго права все болѣе и болѣе переходятъ къ *исправительнымъ* наказаніямъ; а необходимость смертной казни сильно уже подкопана. Замѣчательно, что въ нашей древней исторіи, Владиміръ Мономахъ — эта глубоко славянская и вмѣстѣ христіанская личность — завѣщаетъ дѣтямъ своимъ не губить ни одной христіанской души, не казнить смертью даже того, кто повиненъ смерти; хотя греческое духовенство даже еще Владиміра Святаго уговаривало казнить разбойниковъ смертью. Такъ сродна истинно-*христіанская* идея истинно-*славянской* душѣ.

[3]) Просимъ читателя не забывать, что мы говоримъ здѣсь не объ однихъ, чисто рефлективныхъ и безсознательныхъ дѣйствіяхъ, но и о такихъ, въ которыхъ рефлективный элементъ составляетъ какую-нибудь, хотя малую, долю. Если человѣкъ или народъ хоть сколько-нибудь *привыкъ* къ какому-нибудь образу мыслей, дѣйствій или чувствъ, то здѣсь есть уже своя доля рефлекса: безсознательнаго, изъ нервнаго организма выходящаго побужденія.

[4]) Oeuvres de Bacon. Ib. p. 312.

эти двѣ силы дѣйствуютъ за одно, то почти ничто съ ними не можетъ бороться. Вотъ почему, напримѣръ, тѣ воспитательныя заведенія, которыя, будучи проникнуты однимъ, давно укоренившимся духомъ, будучи постоянны въ своихъ дѣйствіяхъ, опредѣлительны и настойчивы въ своихъ требованіяхъ, кромѣ того еще соотвѣтствуютъ народному характеру своихъ воспитанниковъ,—обладаютъ тою воспитательною силою, которой мы удивляемся въ англійскихъ и американскихъ училищахъ и институтахъ. Тѣлесныя основы народнаго характера передаются также наслѣдственно, какъ и тѣлесныя основы характера индивидуальнаго человѣка; онѣ также измѣняются и развиваются въ теченіи исторіи, подъ вліяніемъ историческихъ событій, какъ и характеръ индивида, подъ вліяніемъ его индивидуальной жизни; но, конечно, эти измѣненія народнаго характера происходятъ гораздо медленнѣе. Великіе люди народа и великія событія его исторіи могутъ быть по справедливости названы въ этомъ отношенія воспитателями народа; но и всякій, сколько-нибудь самостоятельный характеръ, всякая, сколько-нибудь сознательная, самостоятельная жизнь, какъ посредствомъ наслѣдственной передачи, такъ и посредствомъ примѣра, принимаетъ участіе въ воспитаніи народа, въ развитіи и видоизмѣненіи его характера.

8. Значеніе *навыка* въ ученьи слишкомъ ясно, чтобъ о немъ нужно было распространяться. Во всякомъ *умѣньи*,—въ умѣньи ходить, говорить, читать, писать, считать, рисовать и т. д. навыкъ играетъ главную роль. Въ самой сознательной изъ наукъ, математикѣ, навыкъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, и если бы намъ всякій разъ должно было *подумать*, что $2 \times 7 = 14$, то это сильно задерживало бы насъ въ математическихъ вычисленіяхъ; но за словами *дважды семь* языкъ нашъ механически произноситъ, а рука пишетъ — *четырнадцать*. Въ каждомъ словѣ, которое мы произносимъ, въ каждомъ движеніи руки при письмѣ, во всякомъ мастерствѣ есть непремѣнно своя доля навыка, доля рефлекса, болѣе или менѣе укоренившагося. Еслибъ человѣкъ не имѣлъ способности къ навыку, то не могъ бы подвинуться ни на одну ступень въ своемъ развитіи, задерживаемый безпрестанно безчисленными трудностями, которыя можно преодолѣть только навыкомъ, освободивъ умъ и волю для новыхъ работъ и для новыхъ побѣдъ. Вотъ почему то воспитаніе, которое упустило бы изъ виду сообщеніе воспитанникамъ полезныхъ *навыковъ* и заботилось единственно объ ихъ умственномъ развитіи, лишило бы это самое развитіе его сильнѣйшей опоры; а именно эта ошибка, замѣтная отчасти и въ германскомъ воспитаніи, много вредила намъ и вредитъ до сихъ поръ. Но объ этомъ, впрочемъ, мы скажемъ подробнѣе въ нашей педагогикѣ. Здѣсь же замѣтимъ только, что навыкъ во многомъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ и прокладываетъ ему путь къ дальнѣйшему прогрессу. Еслибъ человѣкъ при ходьбѣ каждую минуту долженъ былъ съ такимъ же усиліемъ преодолѣвать трудности этого сложнаго дѣйствія, съ какимъ преодолѣвалъ ихъ во младенчествѣ, то какъ бы *связанъ* былъ онъ, какъ бы не далеко ушелъ! Только благо-

даря тому, что ходьба превратилась у человѣка въ навыкъ, т. е. въ его рефлексъ, ходитъ онъ потомъ и самъ того не замѣчая, не замѣчая всѣхъ трудностей этого акта; а онъ такъ труденъ, что его едва ли бы могли одолѣть животныя если бы, въ противоположность человѣку, не обладали этою способностью отъ рожденія [1]).

ГЛАВА XVI.

Участіе нервной системы въ актѣ памяти.

1. Всѣ животныя, болѣе или менѣе, обладаютъ способностью памяти: птица находитъ дорогу въ свое гнѣздо, пчела—въ свой улей; собака, нѣсколько лѣтъ невидавшая своего хозяина, узнаетъ его; мышь, попавшая разъ въ мышеловку, не попадаетъ въ нее въ другой. Слѣдовательно, говоря о памяти, мы будемъ говорить о явленіяхъ, общихъ природѣ человѣка и природѣ животнаго — о явленіяхъ животной жизни. Эта простая истина часто забывалась тѣми, которые, задавшись заранѣе составленною теоріею, хотѣли видѣть въ памяти чисто духовную способность и тѣмъ самымъ закрывали себѣ дорогу къ объясненію ея явленій. Дѣйствительно, память человѣка представляетъ много явленій, которыхъ мы не замѣчаемъ у животныхъ; но, разбирая подобнаго рода явленія, мы должны отличать содержаніе ихъ отъ формы. Содержаніе памяти можетъ быть чисто человѣческое, чуждое животному міру; но форма, носительница этого содержанія, обща и человѣку, и животнымъ. И люди помнятъ не одно и тоже, и у людей содержаніе памяти бываетъ чрезвычайно разнообразно; но, тѣмъ не менѣе, должно прежде всего изучать общіе законы явленій, не принимая въ разсмотрѣніе различія ихъ содержаній.

2. Животная или *душевная* способность памяти (въ отличіе отъ памяти *духовной*) представляетъ два элемента. Наблюдая какой бы то ни было актъ памяти, мы непремѣнно замѣтимъ въ немъ элементъ *сознательный*: мы сознаемъ то, что вспоминаемъ, и элементъ *безсознательный*: мы не сознаемъ того, что сохраняется въ нашей памяти. Замѣтивъ эту двойственность въ каждомъ актѣ памяти, мы естественно приписываемъ безсознательный элементъ этого акта безсознательному существу—тѣлу, или, опредѣленнѣе, нервному организму. Приписывая весь актъ памяти нервной системѣ, какъ дѣлаютъ это иные физіологи или психологи матерьялистическаго направленія, мы сдѣлали бы ошибку, противоположную той, которую дѣлаютъ психологи — идеалисты, какъ напр. Гегель, Розенкранцъ, Эрдманъ, Фихте Младшій и другіе, приписывая духу весь актъ памяти со всѣми его случайными, рефлективными особенностями. Должно отдать тѣлу все, что принадлежитъ тѣлу, а душѣ все, что принадлежитъ душѣ. Можетъ быть намъ удастся при такомъ образѣ

---

[1]) Man. de Phys. par Müller. T. II, p. 99.

дѣйствій, если не рѣшить окончательно вопроса о памяти, составляющаго, по справедливому замѣчанію Германа Фихте, «пробный камень» каждой психологической системы [1]), то, по крайней мѣрѣ, выставить ясно, что въ немъ можетъ считаться рѣшенымъ, и что остается въ немъ нерѣшенаго. Постановка яснаго вопроса есть уже выигрышъ для науки и мы вездѣ предпочитаемъ ясный вопросъ неясному отвѣту. Само собою разумѣется, что въ этой главѣ можетъ быть развита только одна сторона этого вопроса: участіе нервной системы въ актѣ памяти, *память нервная*, если можно такъ выразиться. Память душевная и память духовная, принадлежащая только человѣку, *память развитія*, будутъ анализированы нами въ психологической части нашего труда.

3. На тѣсную связь нервнаго организма съ явленіями памяти указываетъ намъ множество физіологическихъ явленій.

Періодъ лучшей памяти совпадаетъ съ отроческимъ возрастомъ и проходитъ довольно быстро [2]). Впечатлѣнія молодости сохраняются гораздо глубже, чѣмъ впечатлѣнія, полученныя въ старости: такъ-что старикъ, забывая то, что дѣлалъ сегодня, вспоминаетъ очень живо то, что дѣлалъ въ дѣтствѣ. Это невольно наводитъ на мысль, что впечатлѣнія, ложащіяся въ нервный организмъ въ періодъ его молодости, естественно ложатся въ немъ гораздо глубже, чѣмъ тѣ, которыя входятъ въ него впослѣдствіи, когда развитіе его останавливается или замедляется и когда онъ уже загроможденъ множествомъ прежнихъ впечатлѣній [3]). Въ первые семь или восемь лѣтъ нашей жизни память наша усвоиваетъ столько, сколько не усвоиваетъ во всю нашу остальную жизнь. Въ это время мы пріобрѣтаемъ именно большую часть той громадной массы свѣдѣній,

---

[1]) Psychologie von Herman Fichte. 1864. Th. 1. S. 423. «Вопросъ о томъ, что дѣлается съ представленіями, вышедшими изъ сознанія, и какъ они внѣ его продолжаютъ существовать, такъ же старъ, какъ самая психологія, и можетъ считаться ея основной проблемой и ея пробнымъ камнемъ.»

[2]) Benecke's Erz. und Uner. Leh. T. I. § 22.

[3]) Англійскій физіологъ Карпентеръ говоритъ: «можно признать за общее правило, что прочность (слѣдовъ) ассоціацій (образуемыхъ памятью) гораздо сильнѣе въ періодъ роста и развитія, чѣмъ послѣ того, когда нервная система достигнетъ полной своей зрѣлости. Припоминая же, что тѣ функціональныя отношенія между частями нервной системы, которыя порождаютъ вторичныя автоматическія движенія (рефлексы, укореняемые привычкою) или пріобрѣтенные инстинкты, образуются въ тотъ же самый періодъ жизни, становится возможнымъ предположить, что субстанція мозга (cerebrum) выростаетъ въ тѣ условія, въ которыхъ она упражняется. А такъ какъ питаніе мозга, сообразно съ общими законами уподобленія пищи (assimilation), совершается по тому же плану, то этимъ и объясняется хорошо извѣстная сила раннихъ ассоціацій и упрямая прочность раннихъ привычекъ мысли».

которая обща всѣмъ людямъ и которая, по замѣчанію Руссо, гораздо болѣе массы свѣдѣній, принадлежащихъ только ученымъ [1]).

4. Множество болѣзней чисто физическихъ, при которыхъ потрясается и измѣняется какимъ-нибудь образомъ нервный организмъ, оказываютъ изумительное дѣйствіе на память [2]). Простой народъ уже замѣтилъ, что ударъ по головѣ отшибаетъ память, а иногда подобный ударъ производитъ странное явленіе, изглаживая изъ памяти не всѣ впечатлѣнія, а какую-нибудь группу впечатлѣній; такъ, напримѣръ, одинъ англійскій матросъ, о которомъ говоритъ Льюисъ, упавъ съ мачты, весьма надолго потерялъ сознаніе; но, придя въ себя, вспомнилъ очень хорошо все, что было съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ поступилъ на корабль, и позабылъ рѣшительно все, что было съ нимъ впродолженіи послѣдняго времени, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ на корабль, до паденія съ мачты [3]). «Въ болѣзняхъ мозга, говоритъ Вундтъ, особенно при приливахъ крови къ головѣ, можно наблюдать связь физіологическихъ функцій мозга съ силою памяти. Прежде всего исчезаютъ самыя новѣйшія воспоминанія, потомъ, при дальнѣйшемъ развитіи болѣзни, у больнаго замѣтно уменьшается запасъ словъ, и онъ называетъ разные предметы одними и тѣми же именами» [4]).

5. Нервныя болѣзни и потрясенія оказываютъ сильное вліяніе на память не только въ явленіяхъ забвенія, но и въ явленіяхъ воспоминанія: такъ, докторъ Риль, въ своемъ трактатѣ о горячкѣ, разсказываетъ о крестьянинѣ, который въ горячешномъ бреду декламировалъ греческіе стихи. По выздоровленіи его оказалось, что въ молодости онъ вмѣстѣ съ сыномъ пастора учился по гречески; но въ здоровомъ состояніи не помнилъ ни одной буквы этого языка. Аберкромби говоритъ объ одномъ человѣкѣ, который родился во Франціи; но, будучи въ раннемъ дѣтствѣ перевезенъ въ Англію, совершенно забылъ французскій языкъ. Однако же, получивъ сильный ударъ въ голову, отъ чего у него развилась горячка, снова заговорилъ по-французски [5]).

6. При болѣзненномъ, раздраженномъ состояніи нервовъ, когда они, такъ сказать, выбиваются изъ-подъ воли больнаго, и память становится

---

[1]) Emile. p. 58.

[2]) Физіологія обыденной жизни. Стр. 438.

[3]) «Иногда при мозговыхъ поврежденіяхъ память не выдаетъ больному словъ для выраженія *его идеи*. Память удерживаетъ только общіе термины, какъ напр., прилагательныя, выражающія качества, принадлежащія большему числу предметовъ; а существительныя, обозначающія индивидуальныя вещи, забываются». Elem. de Path. par Chomel. p. 167.

[4]) Vorlesungen über den Menschen und Thierseele. B. II. S. 388.

[5]) Выписываемъ эти два примѣра изъ психологіи Бенеке, который ихъ приводитъ только для доказательства, какъ долго могутъ оставаться слѣды въ душѣ. Подобныхъ примѣровъ разсѣяно, впрочемъ, не мало въ сочиненіяхъ физіологовъ и медиковъ.

такою же капризною, какъ нервы: она то вспоминаетъ мелочи какого-нибудь пустаго событія, то забываетъ очень важное. Въ хроническихъ болѣзняхъ, оказывающихъ разрушительное вліяніе на нервный организмъ, прежде всего поражается память и т. п. [1]).

7. Всякій можетъ замѣтить надъ собою, какъ одно и тоже воспоминаніе, вызываемое нами изъ памяти, достигнувъ возможной для него степени ясности, начинаетъ тускнѣть и меркнуть, такъ-что мы никакими усиліями воли не можемъ возстановить его въ прежней ясности. Но, занявшись нѣсколько времени другими представленіями, мы получаемъ возможность опять ясно представить себѣ прежнее. Такое, независящее отъ воли нашей, возобновленіе силы въ слѣдахъ представленій особенно замѣтно утромъ послѣ спокойнаго сна. Бенеке, обратившій на это явленіе особенное вниманіе, объясняетъ его тѣмъ, что душа наша, безсознательно, во время сна или отдыха, безпрестанно выработываетъ первичныя силы (Urvermögen), которыя, соединяясь съ внѣшнимъ впечатлѣніемъ (Reize), или съ слѣдомъ прежняго впечатлѣнія, даютъ намъ новое ощущеніе, или свѣжее повтореніе стараго. Если эти первичныя силы были всѣ уже употреблены нашимъ мысленнымъ процессомъ, тогда мы чувствуемъ умственное утомленіе и даемъ себѣ отдыхъ, во время котораго вырабатывается запасъ первичныхъ силъ [2]).

Не говоря уже о томъ, что эти *первичныя силы*, вырабатываемыя душою безсознательно, чистѣйшая, ни на чемъ не основанная гипотеза, онѣ не объясняютъ и того, почему усталость, мѣшая мнѣ воспроизводить одно представленіе, не мѣшаетъ, однако, ясно воспроизводить другое. Замѣчательно, однако, какъ глубокій психологъ, путемъ самонаблюденія, близко подошолъ къ той истинѣ, которая уже послѣ него, и совершенно противоположнымъ путемъ, путемъ физіологическаго наблюденія, была открыта Дюбуа-Реймономъ. Читатели наши, вѣроятно, помнятъ, какъ мы объяснили путемъ физіологіи это частное утомленіе нашихъ представленій [3]), и могутъ видѣть, что здѣсь выражается не недостатокъ душевныхъ силъ, что заставило бы насъ приписать усталость душѣ, а недостатокъ электричества или какой-нибудь другой чисто физической силы въ нервахъ, истощенной ихъ дѣятельностію. Слѣдовательно, и въ этомъ явленіи выражается непосредственное участіе нервной системы и ея питанія въ безсознательномъ элементѣ акта памяти.

---

[1]) Миллеръ признаетъ существованіе этихъ фактовъ, но страннымъ образомъ обходитъ ихъ. Man. de Physiol. T. II, p. 498.

[2]) Lehrbuch der Psych. v. Benecke. 1861. § 24, s. 335. Съ особенною ясностью изложено это мнѣніе въ Benecke's Neue Seelenlehre in anschaulicher Weise dargestellt von Dr. Raue. Mainz. 1865. (Vierte Auflage). § 28. Рекомендуемъ эту книгу всѣмъ желающимъ легко познакомиться съ ученіемъ Бенеке: это не только наглядное, ясное, но и глубокое изложеніе этого ученія. Замѣчательно, что Raue—профессоръ медицинской академіи въ Филадельфіи.

[3]) См. выше, гл. XI.

8. Ещё большую связь между нервнымъ организмомъ и памятью найдемъ мы во множествѣ всѣмъ намъ знакомыхъ явленій, въ которыхъ привычное, рефлективное движеніе, принадлежность котораго нервному организму мы показали выше [1]), и явленія памяти сходятся такъ близко, что нельзя собственно сказать, гдѣ оканчивается явленіе привычки и гдѣ начинается явленіе памяти, такъ-что невольно мы видимъ въ иной привычкѣ память, а въ иномъ воспоминаніи—чистую привычку. Если нервный организмъ нашъ усвоиваетъ какую-нибудь сложную привычку, гдѣ есть не одно, а нѣсколько послѣдовательныхъ движеній, цѣлая ассоціація движеній, слѣдующихъ одно за другимъ, то значитъ организмъ нашъ помнитъ, безъ участія сознанія, въ какомъ порядкѣ одно дѣйствіе должно слѣдовать за другимъ. Съ другой стороны, есть много явленій, гдѣ мы справляемся у нервнаго организма о томъ, что мы позабыли. Такъ, наприм., если танцмейстеръ, желая разсказать своему ученику, въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать одно за другимъ движенія ногъ, сбивается въ своемъ разсказѣ и забываетъ порядокъ движеній, то онъ начинаетъ танцовать и ноги его сами припоминаютъ ему порядокъ движеній. Точно также ремесленникъ, желая объяснить послѣдовательность своихъ дѣйствій, часто прибѣгаетъ за напоминаніемъ къ своимъ рукамъ и оказывается, что руки его помнятъ то, что голова позабыла или даже никогда не сознавала ясно [2]).

9. Точно также, какъ наши руки и ноги, дѣйствуетъ и нашъ голосовой органъ, который тоже состоитъ изъ хрящей и перепонокъ, управляемыхъ мускулами и, какъ мы уже видѣли [3]), мускуловъ, управляемыхъ нервами. Взглянувъ же на голосовой органъ, какъ на аппаратъ, состоящій изъ двигательныхъ мускуловъ и нервовъ, мы поймемъ уже легко, что и этотъ органъ, какъ и всякій другой двигательный органъ человѣческаго тѣла, можетъ пріобрѣтать привычки,—можетъ, точно такъ же, какъ руки или ноги, привыкать къ извѣстнымъ дѣйствіямъ и къ извѣстному порядку дѣйствій. «Голосовой органъ, говоритъ Бэнъ, есть органъ движенія, представляющій всѣ тѣ же явленія, которыя вообще относятся къ каждому двигательному органу. Упражненіе этого органа порождаетъ массу мускульныхъ ощущеній, пріятныхъ въ опредѣленныхъ границахъ (мы любимъ говорить, пѣть, кричать), а за этими границами сопровождающихся утомленіемъ и вызывающихъ потребность отдыха» [4]). «Едва ли, говоритъ Бэнъ далѣе, какая-нибудь другая часть тѣла, не исключая даже руки, можетъ достигнуть такой ловкости въ совершеніи безсознательныхъ движеній, какъ голосовой органъ» [5]).

10. Что голосовой аппаратъ нашъ усвоиваетъ многія привычки, ко-

[1]) См. гл. XII и XIII.
[2]) The Senses and the Intellect, by A. Bain. p. 325.
[3]) См. выше. Гл. VIII, п. 28.
[4]) The Sens. and the Intell. p. 322.
[5]) Ibid. p. 338.

торыя изъ сознательныхъ становятся безсознательными, дѣлаются его *второю природою*, въ этомъ можетъ убѣдить насъ множество явленій, знакомыхъ каждому, но не всегда обращающихъ на себя то вниманіе, какого они заслуживаютъ. Мы разсмотримъ здѣсь эти явленія подробнѣе, такъ-какъ они, кромѣ своего антропологическаго значенія, имѣютъ весьма важное педагогическое примѣненіе.

11. Такъ называемыя *докучныя присловья* (того, разумѣется, собственно, говоритъ, теперече, батинька мой, и т. п.) становятся нерѣдко непреодолимыми привычками у многихъ людей. Замѣчая за собою подобную привычку, укоренившуюся невѣдомо какъ, человѣкъ нерѣдко пробуетъ бороться съ нею и борется не всегда удачно. Пока вниманіе его сосредоточено на томъ, чтобы не произнести докучнаго словца—онъ и не произноситъ его, но за то чувствуетъ, какъ ему трудно говорить: вниманіе его раздвоено, и онъ, заботясь о томъ, чтобы не произнести затверженнаго присловья, не можетъ сосредоточиться на содержаніи того, что говоритъ. Но если онъ увлечется содержаніемъ того, что говоритъ, то обычное присловье начинаетъ выскакивать само собою. Слѣдовательно, присловіе появляется тогда, когда сознаніе отвлечено отъ голосовыхъ органовъ — появляется безсознательно, рефлективно, по привычкѣ голосовыхъ органовъ, которые, будучи приведены въ движеніе рѣчью, въ каждое свободное мгновеніе, когда сознаніе отъ нихъ удаляется, вбрасываютъ въ рѣчь свое затверженное словцо. Тоже самое случается и тогда, если человѣкъ заучитъ какое-нибудь слово съ неправильнымъ удареніемъ и это показываетъ намъ, что не только звуки, составляющіе слово, и ихъ порядокъ, но и взаимныя отношенія звуковъ суть только привычки голосоваго аппарата.

12. Еще страннѣе то явленіе, когда мы безсознательно переставляемъ слоги, какъ будто дѣлаемъ опечатки въ устной рѣчи: слогъ одного слова мы приставляемъ къ другому; но потомъ пропущенный слогъ ставимъ къ третьему слову, совершенно не кстати. Это обыкновенно случается при сходствѣ словъ; такъ, напримѣръ, желая сказать: «у моей кумы мало ума», мы ошибаемся и говоримъ: «у моей умы мало кума». Мы пропустили букву *к*; но голосовой органъ носился съ нею и впечаталъ ее при другомъ словѣ, то есть, сдѣлалъ ту же самую ошибку и ошибочную поправку, которую также безсознательно дѣлаетъ часто рука наборщика.

13. Почти тоже замѣчается и въ цѣломъ ряду словъ; такъ, напримѣръ, если мы заучили, что называется на зубокъ, какіе нибудь стихи или молитвы, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаемъ возможность произносить ихъ и въ то же время думать о другомъ; а это было бы невозможно, если бы произнесеніе заученнаго было *только* дѣломъ сознанія, и въ него не вмѣшивалась рефлективная способность голосовыхъ органовъ, которые, будучи двинуты въ извѣстномъ направленіи, продолжаютъ работать почти сами, какъ работаютъ ноги, когда мы ходимъ, погруженные въ глубокую думу. Мы даемъ только общее направленіе этому сложному и продолжительному движенію; частности же его выполняются ты-

сячами мелкихъ привычекъ, ставшихъ *полусознательными рефлексами* [1]). Замѣчательно, что, если при такомъ механическомъ произнесеніи стиховъ случится намъ вдуматься въ содержаніе того, что мы произносимъ, то вдругъ языкъ нашъ замедляется, путается, останавливается, и часто мы забываемъ то, что, казалось, невозможно было позабыть. Отчего это? Оттого, что сознаніе наше вмѣшалось въ дѣло голосовыхъ органовъ и помѣшало имъ работать. И припомните, что мы дѣлаемъ, чтобы вспомнить позабытыя слова, перескочить неожиданно открывшійся перерывъ; мы начинаемъ стихи сначала, потомъ пускаемъ наши голосовые органы въ полный ходъ, удаляя по возможности сознаніе, и они, разогнавшись по привычной дорожкѣ, благополучно перескакиваютъ тотъ ровъ, который былъ вырытъ вмѣшательствомъ сознанія.

14. Еще замѣчательнѣе то явленіе, что мы отъ продолжительной привычки къ извѣстнымъ стихамъ или фразамъ получаемъ возможность не только произносить ихъ вслухъ, думая о чемъ-нибудь другомъ, но даже произносить ихъ умственно, какъ говорится, про себя, и въ то же время думать о другомъ. Эта двойная, одновременная работа сознанія была бы явленіемъ совершенно необъяснимымъ, если бы въ такомъ механическомъ произношеніи *про себя* дѣйствительно принимало участіе сознаніе, для котораго такая двойная и разнохарактерная работа совершенно невозможна. Но въ томъ то и дѣло, что сознаніе наше занято совсѣмъ другимъ, можетъ быть, крайне противоположнымъ содержанію затверженныхъ стиховъ, и молчаливое произношеніе ихъ объясняется только рефлексами голосоваго органа, который, будучи пущенъ въ ходъ, потомъ дѣйствуетъ самъ собою, какъ бы разъигрывая заученную арію на органѣ, отъ котораго отдѣлены раздувальные мѣха. Такое молчаливое произношеніе словъ, рѣчей, молитвъ, стиховъ и т. п. играетъ очень важную роль вообще въ нашей психической дѣятельности, и есть полное основаніе предполагать, что всегда, когда мы думаемъ словами, голосовые органы наши слегка шевелятся, не издавая звука. Не только говоря, но даже думая трудное для произношенія нашего слова, мы какъ бы запинаемся въ мысляхъ, т. е. ощущаемъ нѣкоторую неловкость въ голосовыхъ органахъ и преодолѣваемъ эту трудность иногда съ такимъ успѣхомъ, что, произнося потомъ это слово вслухъ, произносимъ его уже правильно: то есть, мы упражняемъ мускулы голоса безъ звука, какъ можно упражнять руку на фортепьяно безъ струнъ. Если же мы очень увлечемся этимъ внутреннимъ, беззвучнымъ произношеніемъ, то начинаемъ шептать или даже говорить вслухъ, сами того не замѣчая. Привычка эта особенно часто является у стариковъ, потому что они болѣе увлечены внутреннимъ теченіемъ своихъ мыслей, чѣмъ внѣшними впечатлѣніями, мало дѣйствующими на ихъ мозгъ, уже переполненный слѣдами.

Заучивая урокъ, ученикъ иногда также беззвучно произноситъ его

[1]) См. выше гл. XII.

болѣе или менѣе ясно, и отъ степени этой ясности зависитъ умѣнье его отвѣчать потомъ въ слухъ. Если ученикъ замѣтитъ только мысль, но не пріучитъ своихъ голосовыхъ органовъ къ теченію звуковъ, выражающихъ эту мысль, то будетъ при отвѣтѣ заикаться и путаться. Вотъ почему дитя, еще не привыкшее къ беззвучному произношенію читаемаго, инстинктивно учитъ урокъ вслухъ, *выкрикиваетъ* его, то есть, другими словами, пріучаетъ свои голосовые органы къ движеніямъ въ данномъ порядкѣ. И такъ-какъ выработка голосовыхъ органовъ есть дѣло очень важное, то такое ученье вслухъ необходимо; но, конечно, ученье вообще далеко не должно этимъ ограничиваться. Особенно важно такое упражненіе голосовыхъ мускуловъ при изученіи иностранныхъ языковъ. На основаніи этого психо-физическаго явленія должно пріучать ребенка учить вслухъ, потомъ учить глазами, произнося въ то же время слова безъ звука, и наконецъ, только тогда уже замѣчать однѣ мысли, когда дитя или, лучше сказать, юноша можетъ вполнѣ положиться на выработку своихъ голосовыхъ органовъ. Но этимъ я никакъ не хочу сказать, чтобы дитя не должно было пріучать къ самостоятельной передачѣ своихъ мыслей въ самостоятельно вырабатываемой фразѣ. Это необходимо, и притомъ съ самаго начала ученья; но учитель долженъ сознавать трудность этого, уже творческаго процесса, всю бѣдность дѣтскаго запаса въ словахъ и выраженіяхъ и, слѣдовательно, упражнять въ этомъ дитя постепенно, обогащая его въ то же время затверженными, но хорошо сознанными словами и выраженіями. Одно также необходимо, какъ и другое. Если бы мы захотѣли, чтобы дитя, какъ этого и добивались нѣкоторые педагоги, само создало изъ созерцанія предметовъ (Anschauungs-Unterricht) весь свой языкъ, то не ушли бы далеко и напрасно связали бы душу ученика необыкновенною бѣдностью словъ и выраженій. Вотъ почему и то заучиванье чужихъ фразъ и словъ, которымъ богаты французскія школы, и то самостоятельное самообученіе, выводимое изъ созерцанія предметовъ, которое проводила крайняя песталоцціевская школа, имѣютъ обѣ свои дурныя и хорошія стороны; а умѣнье педагога въ томъ и состоитъ, чтобы воспользоваться хорошими и избѣжать дурныхъ, пополняя и исправляя одну методу другою.

15. Еще одна замѣтка о странныхъ привычкахъ голосовыхъ органовъ. Не знаемъ, на сколько можно доказать, что заиканье, такъ часто встрѣчающееся у дѣтей, есть иногда физическій недостатокъ голосоваго органа [1]; но мы убѣждены въ томъ, что въ большей части случаевъ это есть только дурная привычка голосоваго органа, который привыкаетъ останавливаться на какихъ-нибудь звукахъ. Вотъ почему въ послѣднее время научились отучать отъ этой привычки, заставляя ребенка произносить трудныя для него слова и звуки медленно, сначала потихоньку, потомъ громче и громче. Заиканье происходитъ часто у дѣтей съ

[1]) Физіологи приписываютъ заиканье судорожному состоянію язычнаго (12-я пара) нерва; но отъ чего начинаются эти судорги нерва?

робкимъ характеромъ отъ испуговъ, которые заставляютъ ребенка останавливаться на полусловѣ отъ неувѣренности, что это слово именно то, которое требуется, или отъ боязни учительскаго крика и колотушки въ случаѣ ошибки. Голосовой органъ пріучается хромать, останавливаться на тѣхъ или другихъ звукахъ, зацѣпляться за нихъ, идти, какъ сломаное колесо, и эта привычка голосовыхъ органовъ можетъ такъ укорениться, что останется на всю жизнь, если человѣкъ не употребитъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ усилій, чтобъ отъ нея отдѣлаться. Иногда случается, что заиканье начинается разомъ, отъ сильнаго испуга: нервы ребенка такъ поражаются, что привычка заиканья разомъ врѣзывается въ его голосовые органы.

Если при исправленіи заиканья прибѣгаютъ къ механическимъ пособіямъ, открытіе которыхъ принадлежитъ м. б. Демосфену, какъ, напримѣръ, къ употребленію подъ языкъ дощечки, то это не потому, чтобы языкъ былъ неправильно устроенъ; но потому, что этотъ, чрезвычайно подвижной мускулъ пріобрѣлъ дурную привычку упираться внизъ или вверхъ полости рта, отъ чего онъ предохраняется досчечкой.

Точно также происходитъ чаще всего отъ привычки гортани невозможность выговора той или другой буквы или замѣна одной буквы другою. Если иностранецъ не можетъ произнести нашей буквы л, то это не потому, чтобы у него аппаратъ голоса былъ устроенъ иначе, чѣмъ у насъ, но именно потому, что онъ не пріобрѣлъ привычки, которая въ дѣтствѣ пріобрѣтается легко, а въ старости съ большимъ трудомъ. Если англичанинъ всѣ языки коверкаетъ на свой ладъ, то это отъ привычнаго типическаго сложенія его голосовыхъ органовъ, придающаго даже лицу его то птичье выраженіе, о которомъ говоритъ Гоголь. Англійское произношеніе чрезвычайно типично: можно даже сказать, что весь англійскій языкъ состоитъ только въ переработкѣ словъ нѣмецкихъ и французскихъ на этотъ англійскій ладъ. Вотъ почему англичанинъ такъ рѣдко говоритъ хорошо на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ: слова обоихъ языковъ напоминаютъ ему его родной, и это напоминаніе, данное его голосовымъ органамъ, вызываетъ въ нихъ родную привычку.

16. Всѣ эти явленія и множество другихъ ясно указываютъ на огромадное участіе чисто нервной, механической способности къ рефлексу, которою обладаютъ наши голосовые органы, въ изученіи и употребленіи языка, въ изученіи не только отдѣльныхъ словъ и фразъ, но и цѣлыхъ тирадъ.

Этою же рефлективною способностью голосовыхъ органовъ объясняется, почему мы легче заучиваемъ стихи, чѣмъ прозу, а стихи съ риомами легче, чѣмъ стихи безъ риомъ. Голосовые органы наши, пріучаясь къ кадансу стиха, механически уже вкладываютъ слова въ этотъ кадансъ. Это тотъ же самый законъ, по которому ногамъ нашимъ легче танцовать подъ музыку, чѣмъ безъ музыки. Риома же или сходство окончаній, требуя при этихъ окончаніяхъ одинаковаго движенія голосовыхъ органовъ, еще болѣе облегчаетъ пріобрѣтеніе привычки. Мы замѣчаемъ твердо только кадансъ и риому, а они уже ведутъ за собою слова и

цѣлые стихи. Равномѣрность, кадансъ въ движеніи нервовъ, столько же облегчаетъ пріобрѣтеніе привычекъ голосовымъ органамъ, сколько ногамъ при танцахъ и рукамъ при игрѣ на фортепьяно.

17. Та же самая способность привычки, которую мы замѣчаемъ въ голосовыхъ органахъ, замѣчается и въ слуховыхъ. Если наши голосовые органы произносятъ затверженный ими стихъ, не только безъ нашего желанія, но даже и къ великой нашей досадѣ; то не точно ли также иной мотивъ затверживается нашимъ слуховымъ органомъ и назойливо надоѣдаетъ человѣку, который радъ бы, да не можетъ отъ него отдѣлаться? [1]) Этотъ примѣръ достаточно показываетъ, что слуховой органъ нашъ также способенъ къ механическимъ рефлексамъ, какъ и голосовой, и что *механическая* память слуха есть точно такой же нервный рефлексъ, какъ и *механическая* память голоса. Два, три тона, слѣдующіе въ заученномъ порядкѣ, вызываютъ другіе, безъ всякаго участія сознанія и воли. Точно также музыкантъ, припоминая какую-нибудь арію, дѣйствительно слушаетъ ее, какъ и мы, припоминая какіе-нибудь стихи, дѣйствительно говоримъ ихъ. Слуховые органы при этомъ случаѣ, получая толчекъ отъ первыхъ двухъ, трехъ звуковъ, продолжаютъ работать привычнымъ образомъ, безъ участія воли и сознанія. Разница въ такой механической работѣ между слуховыми и голосовыми органами несущественна. Въ голосовыхъ органахъ работаютъ главнымъ образомъ мускулы, въ слуховыхъ—воспринимающіе впечатлѣнія нервы; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы ощущаемъ только движеніе нервовъ, а это движеніе и въ слухѣ, и въ голосѣ можетъ совершаться привычнымъ, рефлективнымъ образомъ.

18. Мы уже видѣли, что ощущенія, даваемыя намъ зрѣніемъ, суть частію оптическія, происходящія отъ вліянія свѣта на глазную сѣтку, а частію мускульныя, происходящія отъ движенія шести глазныхъ мускуловъ [2]). Что мускульныя ощущенія движеній глаза также способны укладываться въ форму привычки, какъ и мускульныя движенія рукъ, ногъ, голосовыхъ органовъ—въ этомъ нельзя сомнѣваться; но и самыя оптическія ощущенія не сводятся ли къ движеніямъ, вибраціямъ глазныхъ нервовъ по господствующей нынѣ теоріи свѣта? А гдѣ есть движеніе нервовъ, тамъ можетъ быть и привычка къ движеніямъ въ затверженномъ порядкѣ. Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что если въ голосовыхъ органахъ, противъ нашей воли, можетъ произноситься какой-нибудь стихъ, а въ слуховыхъ органахъ слышаться какой-нибудь

---

[1]) Фехнеръ, напр., рѣзко испыталъ это явленіе, когда послѣ долговременныхъ опытовъ, при которыхъ онъ долженъ былъ прислушиваться къ стуку секунднаго маятника, онъ не могъ потомъ отдѣлатся отъ этого стука. Онъ такъ ясно слышалъ эти удары, какъ будто они совершались въ сосѣдней комнатѣ, и долженъ былъ заглянуть туда, чтобы убѣдиться, что этой причины не существуетъ. Psycho-physik. T. II. S. 500.

[2]) См. выше. Гл. VII, пп. 17—20.

мотивъ, то въ нашихъ зрительныхъ органахъ можетъ рисоваться какой-нибудь образъ, иногда до того назойливый, что мы употребляемъ всѣ усилія, чтобъ отъ него избавиться, и не можемъ. Мы говоримъ тогда: «эта картина, это лицо, этотъ человѣкъ стоитъ передо мною; едва я закрываю глаза, какъ вижу его передъ собою и т. п.» При разстройствѣ нервнаго организма такая привычка органа зрѣнія можетъ довести до видѣній.

При сильномъ возбужденіи органа зрѣнія, закрывая глаза, мы совершенно непроизвольно видимъ образы, смѣняющіе другъ друга. Взглянувъ мелькомъ на предметъ, мы съ трудомъ возстановляемъ его въ нашемъ органѣ зрѣнія; но чѣмъ чаще видимъ мы предметъ, тѣмъ легче намъ это удается; а если мы долго и внимательно разсматриваемъ его, то онъ можетъ потомъ рисоваться въ нашемъ органѣ зрѣнія безъ нашей воли [1]). Словомъ, и въ актѣ зрѣнія, какъ и въ актѣ слуха или голосовыхъ органовъ, мы замѣчаемъ возможность механической привычки, то-есть, возможность механической памяти.

19. Такимъ образомъ, вмѣсто одной памяти, мы получаемъ нѣсколько: память зрѣнія, слуха, голосоваго органа и вообще мускульныхъ движеній. Строго отдѣливъ *механическую* память отъ *душевной*, мы можемъ сказать, что основа первой лежитъ въ способности нервовъ усвоивать привычки, и что нервная система, не освѣщенная сознаніемъ, но сохраняющая въ себѣ привычки, разъ или нѣсколько разъ испытанныхъ ею движеній, есть именно та «темная пещера памяти», гдѣ, по выраженію Платона, сохраняются слѣды протекшихъ впечатлѣній, дающіе потомъ матерьялъ нашимъ *представленіямъ*, и облекающіе нашу мысль въ формы, краски, звуки и движенія. Привычки нервовъ къ движеніямъ, производящимъ тѣ или другія ощущенія звуковъ, красокъ, формъ и т. д. составляютъ именно тѣ строительные, тѣлесные матерьялы, изъ которыхъ душа наша создаетъ всѣ припоминаемые ею *образы* [2]).

20. Но гдѣ собственно въ нервной системѣ сохраняются эти навыки? Въ окончаніяхъ ли нервныхъ волоконъ въ органахъ чувствъ, гдѣ Іессенъ помѣщаетъ даже зарожденіе идей [3]), или въ томъ общемъ

---

[1]) Миллеръ обратилъ вниманіе на это явленіе (Man. de Phys. T. II, p. 505—509); Фехнеръ подробно изучилъ его (Psycho-physik. T. II. XLIV). Послѣдній приводитъ много замѣчательныхъ фактовъ и, между прочимъ, разсказъ профессора Генле (ib. s. 499), который, проработавъ долго надъ приготовленіемъ нервнаго и артеріальнаго препарата, вечеромъ потомъ, въ темнотѣ, когда онъ теръ себѣ глаза или кашлялъ, внезапно видѣлъ блестящій образъ препарата, во всѣхъ его мелочныхъ подробностяхъ.

[2]) Просимъ читателя не забыть, что мы говоримъ здѣсь только о механическомъ, безсознательномъ элементѣ памяти; о сознательномъ же будемъ говорить далѣе.

[3]) Versuch einen wissenschaftlichen Begründung der Psychologie von Yessen. Berlin. 1855. s. 395—396

центрѣ, головномъ мозгѣ, къ которому сходятся всѣ нервныя волокна [1])? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ всѣ тѣ физіологическіе опыты, которые показываютъ, что при уединеніи нервовъ отъ головнаго мозга ощущенія въ нихъ прекращаются, и что ощущенія, слѣдовательно, рождаются въ головномъ мозгу. Человѣкъ, у котораго отрѣзана рука, еще долго чувствуетъ, какъ болитъ или чешется у него отрѣзанная рука; при полной слѣпотѣ, но пока глазной нервъ еще дѣйствуетъ, человѣкъ продолжаетъ думать въ образахъ [2]). Послѣ этого понятно само собою, что и движенія, устанавливающія навыки въ нервахъ, а слѣдовательно и самые эти навыки принадлежатъ центральнымъ органамъ нервной системы: головному и спинному мозгу въ ихъ связи. Слѣдовательно, было бы противно фактамъ физіологіи говорить о механической памяти рукъ, ногъ, глазъ, ушей; но можно говорить о нервной, механической памяти зрѣнія, слуха, движенія, о механической памяти нервной системы вообще въ различныхъ ея органахъ.

21. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что нервная система не представляетъ безсвязнаго аггломерата различныхъ нервныхъ системъ: зрѣнія, слуха и т. д. Это только органы одного цѣльнаго и стройнаго нервнаго организма, оживленнаго и связаннаго однимъ потокомъ жизни; такъ-что дѣйствіе одного органа не остается безъ вліянія на другіе, но немедленно же въ нихъ отражается. Уже слишкомъ далеко простираетъ свою догадку Бэнъ [3]), когда говоритъ: «токъ сознательной нервной энергіи, какимъ бы то ни было образомъ возбужденный, производитъ мускульное ощущеніе, а другой токъ дѣйствуетъ на другой мускулъ. Если оба эти тока текутъ вмѣстѣ черезъ мозгъ, то и этого достаточно, чтобы образовать частное сліяніе обоихъ токовъ, которое черезъ нѣсколько времени дѣлается полнымъ сліяніемъ, такъ-что одинъ токъ не можетъ начать своего движенія безъ того, чтобъ не началось движеніе другаго. Токъ, направляющій нашу руку ко рту, есть часть сложнаго тока, открывающаго ротъ, глотку т. д.». Не простирая догадки такъ далеко [4]), мы прямо укажемъ на обыкновенныя, всѣмъ извѣстныя явленія, дока-

---

[1]) Fechner's Psycho-phys. T. II, s. 517.

[2]) Grundriss der Psychologie von Volkmann. 1856. § 42.

[3]) Bain. The Senses and the Intellect. p. 338.

[4]) Кантъ какъ будто провидѣлъ въ своей «Антропологіи» возможность такой преждевременной догадки, когда, сказавъ, что «эмпирическія идеи (т. е. полученныя путемъ опыта), слѣдуя одна за другою, могутъ образовать привычку въ душѣ, такъ-что, когда является одна изъ нихъ, то и другая слѣдуетъ за нею», сомнѣвается въ возможности объяснить это явленіе физіологическимъ путемъ, «такъ-какъ мы не знаемъ въ мозгу мѣста, гдѣ бы слѣды впечатлѣній, безъ участія сознанія, могли симпатически связываться между собою, дотрогиваясь взаимно». Словомъ, здѣсь намъ остается изучать явленія, насколько это возможно, и отказаться отъ изслѣдованія глубокой причины, которое покудова невозможно.

зывающія ясно такую связь между навыками различныхъ органовъ нервной системы.

Такъ, напримѣръ, дрожаніе слуховыхъ нервовъ, въ которыхъ безъ воли нашей происходитъ какой-либо затверженный мотивъ, пробуждаетъ въ нервахъ, а за ними въ мускулахъ голосовыхъ органовъ, звуки и тоны, соотвѣтствующіе этому мотиву. И мы не только слышимъ этотъ мотивъ, но начинаемъ напѣвать его, иногда совершенно для насъ безсознательно и безъ участія нашей воли.

Точно также слова, которыя мы слышимъ, пробуждаютъ въ нашемъ зрѣніи образъ, который почему бы то ни было связанъ съ этими словами и, на оборотъ: образъ, который мы припоминали, вызываетъ слова и звуки, къ нему относящіеся. Точно также затверженный мотивъ танца, возбуждающійся въ слуховомъ органѣ, возбуждаетъ, безъ участія нашей воли, не только соотвѣтствующее движеніе голосовыхъ органовъ, но и соотвѣтствующее движеніе ногъ.

Такимъ образомъ, нервная система наша не только получаетъ привычки движеній того или другаго органа, но получаетъ привычки къ комбинаціямъ движеній различныхъ органовъ. Эта способность нервной системы служитъ основаніемъ множеству замѣчательныхъ явленій памяти, объясненіе которыхъ важно не только для психолога, но и для педагога.

22. Чѣмъ болѣе органовъ нашихъ чувствъ принимаетъ участіе въ воспріятіи какого-нибудь впечатлѣнія, или группы впечатлѣній, тѣмъ прочнѣе ложатся эти впечатлѣнія въ нашу механическую, нервную память, вѣрнѣе сохраняются ею и легче потомъ вспоминаются. Мы скорѣе и прочнѣе заучимъ иностранныя слова, если пустимъ при этомъ въ ходъ не одинъ какой-нибудь, а три или четыре органа нашей нервной системы: если мы будемъ читать эти слова глазами, произносить въ слухъ голосовымъ органомъ, слушать, какъ произносимъ сами, или какъ произносятъ другіе, и въ то же время писать ихъ на доскѣ или на тетради; и если, потомъ, одинъ изъ нашихъ органовъ ошибется, напримѣръ, голосовой, то слухъ скажетъ намъ, что мы ошиблись и что это не то чуждое слово, которое онъ привыкъ связывать съ тѣмъ или другимъ русскимъ словомъ; если ошибутся слухъ и голосъ, то поправитъ зрѣніе; даже привычка руки можетъ оказать свое замѣтное содѣйствіе: такъ очень часто случается, что человѣкъ, забывши, пишется ли слово съ буквы ѣ или е, прибѣгаетъ къ помощи своей руки, которая, привыкши писать слово съ тою или другою буквою, пишетъ его вѣрно. Вотъ почему безошибочная орѳографія пріобрѣтается тоже и упражненіемъ руки.

Изъ этого мы можемъ вывести прямо, что педагогъ, желающій что-нибудь прочно запечатлѣть въ дѣтской памяти, долженъ позаботиться о томъ, чтобы какъ можно болѣе органовъ чувствъ — глазъ, ухо, голосъ, чувство мускульныхъ движеній, и даже, если возможно, обоняніе и вкусъ, — приняли участіе въ актѣ запоминанія. Паукъ потому бѣгаетъ

такъ изумительно вѣрно по тончайшимъ нитямъ, что держится не однимъ когтемъ, а множествомъ ихъ: оборвется одинъ, удержится другой.

Если вы хотите, чтобы дитя усвоило что-нибудь прочно, то заставьте участвовать въ этомъ усвоеніи возможно большее число нервовъ; заставьте участвовать

1) Зрѣніе, показывая карту или картину; но и въ актѣ зрѣнія заставьте участвовать не только мускулы глаза безцвѣтными очертаніями изображеній, но и глазную сѣтку дѣйствіемъ красокъ раскрашенной картины, или пишите слово четкими бѣлыми буквами на черной доскѣ и т. п.

2) Призовите къ участію голосовой органъ, заставляя дитя произносить громко и отчетливо то, что оно учитъ, разсказывать заученное по картинкѣ, или по картѣ и т. п.

3) Призовите къ участію слухъ, заставляя дитя внимательно слушать то, что говоритъ ясно и громко учитель, или повторяютъ другія дѣти, и замѣчать сдѣланныя ошибки.

4) Призовите къ участію мускульное чувство руки, заставляя рисовать картину, чертить карту, писать слово.

5) Призовите къ участію осязаніе, обоняніе и вкусъ, если изучаемые предметы, какъ, напримѣръ, нѣкоторые предметы изъ естественныхъ наукъ, это допускаютъ.

При такомъ дружномъ содѣйствіи всѣхъ органовъ въ актѣ усвоенія, вы побѣдите самую лѣнивую память. Конечно, такое сложное усвоеніе будетъ происходить медленно; но не должно забывать, что первая побѣда памяти облегчаетъ вторую, вторая третью и т. д. Прочное и всестороннее усвоеніе памятью первыхъ образовъ чрезвычайно важно; потому что, какъ мы увидимъ далѣе, чѣмъ прочнѣе залягутъ въ памяти дитяти эти первые образы, даваемые ученьемъ, тѣмъ легче и прочнѣе будутъ ложиться послѣдующіе, конечно, если между этими и послѣдующими образами есть связь.

23. У различныхъ людей различныя части нервнаго организма бываютъ развиты неодинаково: у иныхъ сильнѣе развитъ органъ слуха, у другихъ органъ зрѣнія. Сила органа, какъ мы уже видѣли, заключается въ его разборчивости, впечатлительности, въ его большей или меньшей способности различать мельчайшіе оттѣнки впечатлѣній. Вслѣдствіе того у иныхъ бываетъ болѣе памяти слуха, у другихъ болѣе памяти зрѣнія [1]).

---

[1]) Послѣдователи френологіи, какъ напримѣръ Карлъ Шмидтъ (Die Antropologie 1865 Zw. T. I. S. 283), говорятъ, что «память соотвѣтствуетъ каждому отдѣльному органу мозга: большой музыкальный органъ (Tonorgan) обладаетъ хорошею памятью для мелодій; большое чувство фактовъ (Thatsachensinn)—для происшествій и т. п. И потому есть столько же памятей, сколько есть способностей познаванія, представленія, пониманія (а у френологовъ ихъ безчисленное множество), и каждый можетъ имѣть хорошую па-

Бэнъ по особенной легкости того или другаго рода памяти совѣтуетъ даже угадывать наклонности дѣтей. «Врожденная способность органовъ, говоритъ онъ, уже даетъ особенность памяти и, вслѣдствіе того, направляетъ всю внутреннюю жизнь человѣка. Такъ, напримѣръ, ощущеніе свѣта, тѣни, цвѣтовъ у различныхъ людей бываетъ различно. Тонкое же чувство оттѣнковъ свѣта и цвѣта есть уже достаточное доказательство высшихъ мѣстныхъ способностей, которыя проявятся потомъ въ соотвѣтствующей силѣ памяти. Эта же особенная чувствительность оказываетъ большое и ясное вліяніе на индивидуальный характеръ человѣка. Она не только опредѣляетъ легкость воспоминаній оттѣнковъ различныхъ цвѣтовъ, но и возбуждаетъ интересъ именно къ конкретному, живописному и поэтическому взгляду на міръ и отвращеніе ко всему безцвѣтному и отвлеченному» [1]). Другими словами, дитя, обладающее такою спеціальною способностью органа зрѣнія, не только выразитъ эту способность въ памяти, но и въ своихъ стремленіяхъ, и имѣетъ болѣе задатковъ, чтобы сдѣлаться поэтомъ и живописцемъ, чѣмъ математикомъ и философомъ.

24. Намъ кажется, что мы теперь достаточно доказали участіе нервной системы въ актѣ памяти и уяснили, на сколько это допускаютъ извѣстные намъ факты, въ чемъ именно состоитъ это участіе. Вліяніе внѣшняго міра на нервный организмъ сообщаетъ ему множество впечатлѣній, оставляющихъ въ организмѣ безчисленное множество слѣдовъ или «отпечатковъ», о существованіи которыхъ говорится, начиная съ Аристотеля, во всѣхъ психологіяхъ и физіологіяхъ. Психологи гербартовской и бенековской школъ, признавая также существованіе этихъ отпечатковъ, подъ названіемъ слѣдовъ (Spuren), какъ у Бенеке, или остатковъ (Residuen), какъ у Вайтца, или потѣмнѣвшихъ, связанныхъ представленій, какъ у Гербарта и Дробиша, не помѣщали ихъ, собственно говоря, нигдѣ: ни въ нервахъ, о которыхъ они не говорятъ [2]), ни въ душѣ, которая, строго говоря, у нихъ не существуетъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ заключающихся въ ней представленій [3]). Правда новѣй-

---

мять для однихъ представленій, чиселъ, мѣстъ, именъ, физіономій, и слабую для другихъ». Явленія спеціальной памятливости, конечно, не подлежатъ сомнѣнію, но объясняются гораздо проще, безъ помощи френологическихъ фантазій: во-первыхъ, прирожденнымъ, исключительнымъ развитіемъ тѣхъ или другихъ органовъ чувствъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, а во-вторыхъ, развитіемъ какого нибудь одного рода *слѣдовъ* въ памяти, зависящемъ отъ воспитанія и обстоятельствъ жизни, о чемъ будемъ говорить далѣе.

[1]) The Senses and the Intellect. by Bain p. 366.

[2]) Впрочемъ новѣйшіе гербартіанцы, какъ напримѣръ, Вайтцъ, начинаютъ уже кое-гдѣ упоминать о нервахъ, какъ хранителяхъ отпечатковъ впечатлѣній, хотя это противорѣчитъ всему складу гербартовской системы. См. Lehrbuch der Psychologie von Waitz. § 117, 118.

[3]) Этотъ пріемъ тоже, кажется, заимствованъ у Локка, который го-

ніе психологи-примирители, какъ, напримѣръ, Фихте сынъ, помѣщаютъ эти отпечатки, или слѣды протекшихъ ощущеній въ духѣ, а самые слѣды пережитыхъ ощущеній называютъ актами духа, о которыхъ онъ «вспоминаетъ, какъ о собственныхъ своихъ, пережитыхъ имъ состояніяхъ». Но нельзя насильно удалять отъ себя тѣ безчисленныя чисто-физіологическія явленія въ актѣ памяти, изъ которыхъ мы привели только весьма немногіе и, не выдѣливъ изъ психологіи того, что принадлежитъ физіологіи, тѣмъ самымъ подавать поводъ послѣдней вторгаться въ психическую область. Разобравъ внимательнѣе разнообразныя явленія памяти, мы увидимъ, что̀ въ этихъ явленіяхъ принадлежитъ душѣ и что̀ принадлежитъ тѣлу, которыя Творецъ такъ связалъ между собою, что они во все теченіе нашей земной жизни работаютъ вмѣстѣ и тысячеобразно переплетаютъ свои вліянія въ тѣхъ психофизическихъ явленіяхъ, которыя физіологи изучаютъ съ одной стороны, а психологи—съ другой; *духовная* память, о которой говоритъ Фихте, конечно, есть; но есть также и *нервная* память, о которой говоритъ физіологія.

25. Желая дать какое нибудь названіе этимъ навыкамъ въ нервахъ, мы приводимъ имъ также названіе *нервныхъ* слѣдовъ; но нашъ слѣдъ отличается отъ *слѣдовъ* Бенеке тѣмъ, что, во-первыхъ, наши слѣды имѣютъ опредѣленное мѣстопребываніе, именно въ органахъ нервной системы, въ нервахъ зрѣнія, слуха и т. д.; а во-вторыхъ, самое значеніе слѣдовъ опредѣлено строже: это ничто иное, какъ привычки нервовъ къ тѣмъ движеніямъ, которыя они разъ испытали подъ вліяніемъ какого-нибудь впечатлѣнія.

26. Само собою разумѣется, что *нервные слѣды* составляютъ только одинъ безсознательный элементъ въ актѣ памяти, нисколько не исчерпывая всего этого акта. Самый слѣдъ въ нервахъ можетъ установиться только тогда, когда движеніе нервовъ, сохранившееся въ этомъ слѣдѣ, было нами сознано. Впечатлѣніе внѣшняго міра на нервную систему, прошедшее мимо сознанія, хотя и можетъ оказать сильнѣйшее вліяніе на весь нашъ организмъ, напримѣръ, сквозной вѣтеръ на наше здоровье, но не оставитъ въ нервахъ того, что мы называемъ слѣдомъ памяти. Въ организмѣ нашемъ останется слѣдъ, и можетъ быть очень глубокій, вреднаго вліянія сквознаго вѣтра, но въ *памяти* нашей никакого. *Для того также, чтобы нервный слѣдъ опять возникъ*

воритъ: «говорятъ, что идеи сохраняются въ нашей памяти; но это значитъ, что они *нигдѣ*, а только въ душѣ есть способность возобновлять ихъ, когда захочется». (Of Human. Underatand. Ch. X. 2). Гербартіанцы, вслѣдъ за Юмомъ, пошли далѣе и самую эту способность воспроизводить бывшія идеи перенесли изъ души въ самыя идеи. Но тутъ совершенно на мѣстѣ то возраженіе, которое Гегеліанцы (напр. Розенкранцъ) дѣлаютъ Гербартовской, а отъ части и Локковской мысли: спрашивая что такое эти *потемнѣвшія представленія?* Это что нибудь другое, а ужъ никакъ не представленіе; такъ какъ представленіе есть то, что мы себѣ представляемъ.

къ сознанію необходимо участіе другаго агента жизни, сознанія, о которомъ мы здѣсь еще неговоримъ.

27. Въ какой формѣ эти *нервные слѣды*, эти «отпечатки» Аристотеля, сохраняются въ нервной системѣ? На это мы можемъ отвѣтить только одно: въ формѣ нервныхъ навыковъ и привычекъ. Правда, природа привычекъ для насъ непонятна; но лучше имѣть дѣло съ однимъ неизвѣстнымъ, чѣмъ съ двумя. Если Миллеръ отклонилъ отъ себя объясненіе физіологическихъ явленій памяти, то именно на томъ основаніи, что невозможно себѣ представить этихъ слѣдовъ нервной памяти какими-то «наслоеніями въ мозгу». Шоппенгауеръ, говоря о невозможности воображать себѣ представленія; вышедшія изъ сознанія и сохраняемыя памятью, какими-то опредѣленными существами, сравниваетъ ихъ очень удачно со «складками сукна», которое, будучи сложено нѣсколько разъ по однимъ и тѣмъ же складкамъ, ложится по нимъ легче, чѣмъ по новымъ. Замѣчаніе Фортлаге, что «складка также существо, которое можно видѣть» [1]), едва ли справедливо: если мы и не видимъ складокъ, то ощущаемъ ихъ, когда начинаемъ складывать сукно. Если бы душа наша ощущала сукно, какъ ощущаетъ свою нервную систему, то, конечно, чувствовала бы, что сукно складывается легче по старымъ складкамъ, чѣмъ дѣлаетъ новыя. Такой взглядъ на память, приложимый конечно къ одной механической памяти, высказанъ еще Малебраншемъ: «какъ вѣтка дерева, говоритъ онъ, будучи наклонена нѣкоторое время въ одну сторону, сохраняетъ способность легче нагибаться въ ту же сторону, такъ и мозговыя волокна, получивъ однажды извѣстныя впечатлѣнія, удерживаютъ долго способность получать тоже самое расположеніе». Конечно, это не болѣе, какъ сравненіе, но сравненіе, помогающее намъ уяснить себѣ дѣйствіе механической памяти. Правда Ридъ, а за нимъ и Дюгальдъ Стюартъ называютъ такое мнѣніе Малебранша «нефилософскимъ [2]); но едва бы они осудили такъ строго это объясненіе, подтверждаемое множествомъ физіологическихъ фактовъ, если бы отдѣлили, какъ то дѣлаемъ мы, память *механическую* отъ памяти *духовной*, памяти идей, а не представленій.

28. Не относительная ли легкость дѣйствія нервной системы, привыкшей къ извѣстнымъ движеніямъ, и порождаетъ въ насъ то *ощущеніе воспоминанія,* на которое указалъ еще Локкъ [3]) и которое, по справедливому замѣчанію Германа Фихте, слѣдуетъ непремѣнно отличать отъ самаго акта воспоминанія [4])? Возьмемъ для примѣра самый простой

---

[1]) System der Psychologie. Fortlage. B. I. S. 121.

[2]) Elements of the Philosophy of the Human Mind. by Dugald Stewart. Lond. 1867, P. II, Ch. VII, p. 217.

[3]) Vol. I, p. 263.

[4]) Psychologie. T. I, s. 427. Но объясняетъ ли Фихте это явленіе, говоря, что «тогда какъ представленіе, какъ сознательное, исчезнетъ, въ духѣ остается *залогъ, способность* повторить это представленіе и, повторяя его,

актъ воспоминанія. Взглянувъ на человѣка, мы ощущаемъ, что гдѣ-то и когда-то уже видѣли это самое лицо; но *гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ*, рѣшительно ничего не помнимъ. Въ такомъ воспоминаніи нѣтъ ничего, кромѣ самаго *ощущенія воспоминанія*, или, по принятому нами объясненію, ощущенія той относительной легкости, съ которою нервная система повторяетъ впечатлѣнія, уже разъ воспроизведенныя ею: она дрожитъ, такъ сказать, по старымъ складкамъ. Вотъ почему удачное воспоминаніе, независимо отъ своего содержанія, есть дѣйствіе пріятное, какъ легкое, привычное дѣйствіе. Можетъ быть вдумавшись въ содержаніе воспоминанія, мы будемъ огорчены имъ; но первое сердечное движеніе, прежде чѣмъ мы сознаемъ содержаніе воспоминанія, есть движеніе удовольствія. Это можетъ замѣтить всякій въ самомъ себѣ и даже на лицѣ того, кто вспоминаетъ.

29. Если *ощущеніемъ* можно назвать чтеніе душою по какой то таинственной азбукѣ состояній нервнаго организма, вибрирующаго подъ вліяніемъ внѣшняго міра, то *воспоминаніемъ* можно назвать чтеніе душою по той же таинственной азбукѣ слѣдовъ прежнихъ вибрацій въ той же нервной системѣ. Но какъ отыскиваетъ душа въ нервной системѣ тѣ *слѣды*, которые ей нужны? Если она ихъ ищетъ, то не должна ли она сама ихъ помнить, независимо отъ нервной системы? Положимъ, что нервная система, есть именно тотъ гардеробный шкафъ, куда складываются платья нашихъ идей; но все же хозяйка должна помнить, что̀ она туда положила, уже не для того только, чтобы найти то, что̀ ей нужно, что можетъ случится и часто случается на удачу, но даже и для того, чтобъ начать свои поиски. Слѣдовательно, независимо отъ *нервной* памяти, душа, по крайней мѣрѣ, человѣческая душа, должна имѣть свою особую память — память идей, для которыхъ она отыскиваетъ въ своей нервной памяти бывшіе ихъ одежды: формы, краски, звуки, мускульныя движенія. Какъ бы не объясняла физіологія явленій нервной памяти, она никогда не объяснитъ явленій памяти духовной, памяти идей, для которыхъ мы иногда долго ищемъ ихъ тѣлесныхъ одеждъ. Стоитъ только внимательно и безпристрастно анализировать совершающіеся въ насъ ежеминутно акты воспоминаній, чтобы убѣдиться совершенно, что здѣсь дѣйствуютъ не одинъ, а *два* агента:

духъ сознаетъ, что повторяетъ, такъ какъ духъ можетъ сознавать только то, что въ немъ самомъ находится» (Ib. s. 428). Но развѣ духъ не сознаетъ состояній нервной системы? Развѣ состояніе голода, жажды, усталости, болѣзни находится въ духѣ, а не въ тѣлѣ? Точно также мало уясняетъ намъ это явленіе теорія Гербарта. «Испытывая какое-нибудь впечатлѣніе, говоритъ Дробишъ, я чувствую, было ли оно уже прежде или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ впечатлѣнію, произведенному въ чувственномъ воспріятіи (т. е. гдѣ же это?) выходитъ на встрѣчу (откуда?) внутренно произведенное представленіе. Если же впечатлѣніе ново, то оно возбуждаетъ духовное безпокойство».

нервная система, со своею способностію привычекъ, и душа, со своею способностью развитія, т. е. сохраненія слѣдовъ идей. Этого намека уже достаточно, чтобы понять, почему въ этой главѣ мы могли говорить только объ одной сторонѣ памяти, о памяти *нервной* или *механической*, которая, впрочемъ, имѣетъ большое значеніе для психолога и педагога. При такомъ взглядѣ на актъ памяти насъ не будутъ уже удивлять тѣ явленія, когда цѣлые ряды словъ, фразъ, названій исчезаютъ изъ памяти человѣка подъ вліяніемъ какихъ-нибудь физическихъ пораженій: когда человѣкъ хочетъ говорить и не отыскиваетъ звуковъ, слѣды которыхъ вдругъ исчезли изъ его нервной системы и т. п.

30. Эти нервныя привычки, составляющія тѣлесную оболочку того, что мы помнимъ, не ложатся въ насъ отдѣльно, но *парами, рядами, вереницами, группами, сѣтями*, такъ-что одно привычное дѣйствіе нервной системы вызываетъ, *невольно* для насъ, связанное съ нимъ другое, а это другое вызываетъ третье и т. д., но объ этихъ *ассоціаціяхъ* слѣдовъ памяти, такъ-какъ они составляются сознаніемъ и могутъ быть наблюдаемы только посредствомъ самосознанія, намъ удобнѣе будетъ говорить въ психологическомъ отдѣлѣ нашей антропологіи.

ГЛАВА XVII.

Вліяніе нервной системы на воображеніе, чувство и волю.

1. Вліяніе нервной системы на воображеніе выражается уже въ томъ, что этотъ психическій процессъ весьма часто совершается въ насъ не только *безъ* нашей воли, но даже *противъ* нашей воли, такъ-что мы замѣтно боремся съ нашими фантазіями, какъ съ чѣмъ-то *внѣ насъ* лежащимъ. Послѣ того, что мы сказали о способности нервной системы— сохранять слѣды впечатлѣній въ формѣ привычекъ—нельзя сомнѣваться, что это *внѣ насъ* есть ничто иное, какъ наша нервная система, непрошенная дѣятельность которой нерѣдко насъ смущаетъ и тревожитъ. Одинъ нѣмецкій ученый посреди своихъ кабинетныхъ занятій увидалъ предъ собою призракъ, впрочемъ, весьма мирнаго свойства [1]. Не смутившись этимъ явленіемъ, онъ вынулъ ланцетъ, бросилъ себѣ кровь и, по мѣрѣ того, какъ кровь текла, призракъ блѣднѣлъ и наконецъ совсѣмъ изсчезъ. Подобныя явленія, извѣстныя вообще подъ именемъ галюцинацій, не доказываютъ ли неоспоримо сильнѣйшаго вліянія состояній организма на наше воображеніе? Вліяніе же это, безъ сомнѣнія, выражается окончательно въ измѣненномъ состояніи нервной системы, безъ посредства которой мы не можемъ ощущать никакихъ состояній организма.

2. Но не въ однихъ случаяхъ галюцинацій, случаяхъ нерѣдкихъ, но

[1]) Fechner's Psycho-Physik. T. II.

все же патологическихъ, замѣчается такая непроизвольность въ актѣ воображенія. Гёте, по собственному его сознанію, стоило только закрыть глаза и представить себѣ какой-нибудь цвѣтокъ, чтобы потомъ, совершенно независимо отъ воли, этотъ цвѣтокъ началъ измѣняться, принимать самые разнообразные цвѣта и формы, разрастаться въ цѣлый, симетрически расположенный, букетъ, такъ-что Гёте съ любопытствомъ слѣдилъ за этими измѣненіями, совершенно для него неожиданными [1]). Тоже самое замѣтилъ надъ самимъ собою Мюллеръ; на то же явленіе указываетъ Спиноза, Локкъ [2]) и мн. др. Но нужно ли приводить такія громкія имена, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности подобнаго явленія? Всякій, кто слѣдилъ внимательно за ходомъ своихъ мыслей и фантазій, безъ сомнѣнія, замѣчалъ въ немъ этотъ оттѣнокъ *непроизвольности*, независимости отъ нашихъ желаній. Наконецъ, что же такое наши сновидѣнія, какъ не такая же независящая отъ насъ игра нашей нервной фантазіи?

3. Еще Локкъ, какъ мы указали выше, обратилъ вниманіе на ту особенность нашего воображенія, что мы не можемъ надолго остановить хода нашихъ представленій, и, не смотря ни на какія усилія воли, не можемъ удерживать въ нашемъ сознаніи одно и то же представленіе неизмѣннымъ и въ одинаковой степени ясности. Причину этого, всѣмъ знакомаго явленія, мы указали въ усталости нервовъ, для которыхъ также необходимо безпрестанно почерпать новыя силы для своей дѣятельности изъ процесса питанія, какъ необходимо безпрестанное вдыханіе кислорода для цѣлаго организма. Бенеке придалъ этому психофизическому явленію особенную важность и, приписавъ явленіе усталости и отдыха душѣ, основалъ на немъ всю свою систему безпрестанной выработки душою новыхъ и новыхъ *первичныхъ силъ* (Urvermögen), безпрестанно поглощаемыхъ впечатлѣніями внѣшняго міра (Reize). Но мы видѣли уже, что явленіе усталости есть чисто физическое явленіе, объясняемое вполнѣ процессомъ питанія, а потому мы не имѣемъ никакого права приписать усталость душѣ. Не душа, а нервы устаютъ представлять одно и то же, выполнять какъ-разъ однѣ и тѣ же движенія и въ одной и той же комбинаціи; не для души, а для нервовъ нужны безпрестанныя остановки въ этой работѣ, остановки, въ продолженіи которыхъ нервы возобновляютъ свои силы изъ процесса питанія. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ одно явленіе, на которое ни одинъ психологъ не обратилъ должнаго вниманія, а именно, что тогда, какъ *представленія* неудержимо и быстро въ насъ смѣняются, *идеи* могутъ оставаться въ насъ неопредѣленно долго, и цѣлые часы, дни, мѣсяцы, годы, руководить подборомъ нашихъ представленій. Локкъ смѣшалъ *представленіе* и *идеи* подъ общимъ именемъ идей; Гербартъ, а вслѣдъ за нимъ, и Бенеке, назвали и *идеи*, и представленія безразлично представ-

[1]) Man. de Phys. par Müller. T. II. p. 536—539.

[2]) Locke's Works. Vol. I. of hum. Und. Ch. XIV. § 13, 14, 15.

леніями. Отъ этого смѣшенія, какъ мы увидимъ это яснѣе впослѣдствіи, произошли самыя важныя ошибки англійской и англо-германской психологіи, которыхъ мы постараемся избѣжать вездѣ, отдѣляя *представленія*, въ которыхъ работаютъ нервы со своими привычками, отъ *идей*, которыя сохраняются душою и только руководятъ подборомъ представленій, необходимыхъ для ихъ выраженія въ тѣлесной формѣ. Какъ только мы станемъ *идею нашей души* выражать въ словахъ, звукахъ, очеркахъ, образахъ, красвахъ, такъ и начнемъ приводить въ дѣятельность нашу нервную систему, въ привычкахъ и навыкахъ которой, хранятся всѣ эти *одежды* нашихъ идей; а однѣ и тѣ же нервныя нити не могутъ работать безъ устали и, давъ намъ то или другое представленіе, требуютъ отдыха, т. е. возобновленія силъ изъ процесса питанія. Вотъ чѣмъ объясняемъ мы *неудержимый ходъ* нашихъ представленій и необходимость ихъ безпрестанной смѣны. Если же одно и то же представленіе, въ одинаковой степени яркости, остается долгое время въ ясномъ полѣ нашего сознанія, то это уже не нормальное, а болѣзненное состояніе нашей нервной системы, объясняемое тѣмъ, что при раздраженіи наши нервы, или какой-нибудь отдѣлъ ихъ, могутъ поглощать силы организма, назначенныя для другихъ отправленій.

4. Какъ быстро происходитъ эта смѣна однихъ представленій другими? Если не ошибаемся, то Локкъ первый обратилъ вниманіе на этотъ важный вопросъ и даже на относительной быстротѣ смѣны представленій построилъ объясненіе, какъ человѣкъ создалъ себѣ идею времени; а Гербартъ перенесъ въ свою психологію это предположеніе Локка [1]). И Локкъ, и Гербартіанцы (напр. Вайцъ) думаютъ, что у каждаго человѣка есть свой обычный *темпъ* хода представленій и что у однихъ людей вереницы представленій идутъ быстрѣе, у другихъ медленнѣе. Это совершенно справедливо; но причинъ этой относительной быстроты или медленности въ ходѣ представленій у разныхъ людей слѣдовало искать не тамъ, гдѣ искали ее эти мыслители: не въ особенностяхъ души, а въ особенностяхъ нервной системы, или вообще въ тѣхъ особенностяхъ тѣлесныхъ организацій, которыя выражаются въ такъ-называемыхъ *темпераментахъ*. Быстрое обращеніе крови, быстрое возобновленіе всѣхъ тканей, а слѣдовательно и тканей нервной системы, есть, какъ намъ кажется, необходимое условіе быстроты въ ходѣ представленій. Зависимость скорости хода представленій отъ тѣлесныхъ условій доказывается еще и тѣмъ, что скорость эта у одного и того же человѣка въ различное время бываетъ различна; не только въ различные періоды жизни, — у юноши, напр. гораздо быстрѣе, чѣмъ у старика, — но и въ одинъ и тотъ же періодъ при различныхъ состояніяхъ здоровья. Въ горячешныхъ припадкахъ, при сумашествіи и т. п. ходъ представленій ускоряется иногда поразительно.

5. Большое вліяніе на скорость хода представленій оказываютъ вну-

---

[1]) Locke's Works. Vol. I. of human Understanding. Ch. XIV. § 12.

тренніія, *сердечныя* чувства. Въ спокойномъ состояніи мы не пропустимъ черезъ ясное поле нашего сознанія и сотой доли того количества представленій, какое пройдетъ въ немъ, когда наша душа чѣмъ-нибудь сильно взволнована. Въ одну минуту грозящей опасности мы передумаемъ столько, что если бы захотѣли записать потомъ всѣ наши мысли со всѣми ихъ оттѣнками и измѣненіями, то не умѣстили бы содержанія этой минуты на нѣсколькихъ листахъ. Конечно, въ этомъ явленіи выражается не вліяніе нервовъ на ходъ воображенія, но вліяніе чувствъ души на ходъ ея представленій; но мы имѣемъ основаніе думать, какъ покажемъ ниже, что самое это вліяніе чувства совершается ненепосредственно, а посредствомъ нервной системы, которая возбуждается чувствами къ усиленной дѣятельности.

6. Вліяніе состояній нервной системы на вызовъ въ душѣ тѣхъ или другихъ сердечныхъ чувствъ, гнѣва, страха, ненависти, любви, доказывается ясно многими патологическими явленіями. Безъ сомнѣнія, ядъ бѣшеной собаки дѣйствуетъ не на душу, а на организмъ и окончательно на нервную систему; но, тѣмъ не менѣе, болѣзненное состояніе этой системы высказывается чисто *душевными* симптомами: безпричиннымъ гнѣвомъ, безпричиннымъ страхомъ, необъяснимымъ отвращеніемъ ко всякой жидкости и т. п. [1]). Почти всѣ болѣзни оказываютъ замѣтное вліяніе на измѣненіе сердечныхъ чувствъ, или экзальтируютъ или притупляютъ ихъ [2]). Иное сумасшествіе располагаетъ къ любви, иное къ ненависти, иное къ страху, иное къ бѣшенству, а причины всѣхъ этихъ психическихъ явленій лежатъ, конечно, въ измѣненномъ состояніи нервовъ [3]). Вліяніе опьяняющихъ напитковъ на воображеніе высказывается уже достаточно въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ: «разгоряченное воображеніе», «пьяное воображеніе». Наблюдая же пристально это явленіе, мы замѣтимъ, что опьяняющее средство дѣйствовало прежде всего черезъ нервную систему на возбужденіе чувства и уже черезъ посредство чувства—на воображеніе. Таково же и вліяніе возрастовъ и различныхъ періодовъ развитія, которое замѣчается всѣми воспитателями. Что же производитъ эти вліянія, какъ не сердечныя *чувства*, вызываемыя въ душѣ тѣми или другими ненормальными или періодическими состояніями организма и окончательно нервной системы? Мы не можемъ отдать себѣ отчета въ этихъ чувствахъ, которыя потому кажутся намъ

[1]) Traité de Pathologie interne, par Grisolle. Paris. 1852. T. II. p. 138—141.

[2]) Element de Pathologie général par Chomel. 4 Edit. Paris 1861. p. 166.

[3]) Эскироль замѣчаетъ, что у безумныхъ чаще всего происходитъ измѣненіе въ нравственныхъ привязанностяхъ. Часто они становятся равнодушными къ своимъ роднымъ и друзьямъ или даже выказываютъ ненависть. Traité de Path. par Grisolle. p. 665. Подъ вліяніемъ помѣшательства честнѣйшіе люди дѣлаются ворами; женщины, самыя добродѣтельныя, говорятъ циническія фразы и т. д. Сумасшедшіе по большей части трусы, малодушны, непредусмотрительны, слѣпо-довѣрчивы или подозрительны, вовсе необщительны (Ibid. p. 666).

безпричинными; но медицинское наблюденіе открываетъ причину ихъ въ тѣхъ или другихъ состояніяхъ организма. Еще Аристотель обратилъ вниманіе на такія *безпричинныя*, *органическія* чувства [1]; но новѣйшая психологія совершенно выпустила ихъ изъ виду, хотя ими, какъ мы увидимъ далѣе, проливается яркій свѣтъ на многіе психофизическіе акты.

7. Еще очевиднѣе вліяніе состояній организма на наши желанія, изъ которыхъ многія раждаются прямо изъ органической потребности, ощущаемой душою не иначе, какъ въ измѣненномъ состояніи нервной системы. Организмъ можетъ испытывать потребность пищи, но не можетъ чувствовать страданій голода. Страданія эти вызываются въ душѣ тѣмъ ненормальнымъ состояніемъ организма, въ которое онъ впадаетъ при не достаткѣ пищи. Чувство голода, жажды, усталости, бодрости, потребности движеній, половыя стремленія, потребность сна ощущаются душою только какъ ненормальныя состоянія или слишкомъ истощеннаго или слишкомъ переполненнаго нервнаго организма.

8. Мы не знаемъ, каково состояніе нервнаго организма, вызывающее въ душѣ, наприм., страданіе голода и жажды; но знаемъ ли мы, каково состояніе нерва, вызывающее въ душѣ ощущенія зрѣнія, слуха или осязанія? Въ обоихъ случаяхъ мы можемъ только предполагать, что *какія-то* состоянія нервнаго организма дѣйствительно существуютъ и предшествуютъ нашимъ ощущеніямъ и многимъ чувствамъ и желаніямъ, и что душа отзывается на нихъ сообразно ихъ различнымъ характерамъ, то слуховыми и свѣтовыми ощущеніями, то страданіями, то горемъ, то веселостью, то потребностью отдыха, пищи или сна и т. д. Вотъ все, что мы знаемъ положительнаго: далѣе могутъ идти однѣ догадки.

9. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ называемые *инстинкты* и инстинктивныя стремленія людей и животныхъ—также ничто иное, какъ непроизвольные отзывы души на состоянія нервнаго организма, со всѣми его особенностями: его спеціальными потребностями, его наслѣдственными и пріобрѣтенными навыками и привычками, его болѣзненными и нормальными періодами. Безъ сомнѣнія, организмъ пчелы побуждаетъ ее искать тотъ или другой цвѣтокъ точно такъ же, какъ организмъ человѣка побуждаетъ его искать пищи, питья, отдыха, и т. п. Человѣкъ ищетъ пищи не потому, что знаетъ потребность ея для организма (долго не зналъ онъ этой потребности); но потому, что ненормальное состояніе

[1]) «Всѣ состоянія души кажутся связанными съ тѣломъ: гнѣвъ, нѣжность, страхъ, состраданіе, мужество, радость, любовь и ненависть; ибо вмѣстѣ съ ними нѣчто претерпѣваетъ и тѣло. Это проявляется въ томъ, что иногда сильныя и поражающія событія не внушаютъ намъ страха, а иногда слабыя и ничтожныя волнуютъ насъ, когда тѣло возбуждено и возбужденіе это того же рода. Еще же виднѣе это изъ того, что часто впадаютъ въ состояніе страха, когда нѣтъ ничего страшнаго». (Arist. De anima, L. I. Cap. I. Uebers. von Weisse. S. 6).

истощеннаго организма заставляетъ человѣка страдать и искать средства для прекращенія этихъ страданій. Но этого мало: организмъ не только заявляетъ душѣ о своей потребности; но наводитъ ее на средства, которыми можно удовлетворить эту потребность. Маленькая черепаха, только-что вылупившаяся изъ яйца на морскомъ берегу, бѣжитъ уже не къ горамъ, но по направленію къ морю; пчелка, только-что вышедшая изъ червы, летитъ уже за медомъ не на камень, а на цвѣтокъ. Какъ это дѣлается, какими гіероглифами начертаны въ организмѣ потребность и средства ея удовлетворенія, какъ и когда душа разбираетъ эти гіероглифы,—этого мы не знаемъ но не можемъ сомнѣваться въ томъ, что душѣ *врождена способность* при одномъ состояніи нервной системы испытывать страданія голода, а при другомъ—страданія жажды, точно такъ же, какъ при колебаніи зрительнаго нерва испытывать зрительныя ощущенія, а при колебаніи слуховаго—слуховыя.

10. Если состоянія нервнаго организма оказываютъ вліяніе на наше воображеніе, наши сердечныя чувства и наши желанія, то, безъ сомнѣнія, вліяніе это выражается въ нашихъ мысляхъ, рѣшеніяхъ, словахъ и поступкахъ, которыя выходятъ изъ души, но души, часто находящейся подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ состояній нервной системы. Мы не будемъ входить здѣсь по этому поводу въ излишнія подробности; но излагая отдѣльно различные психо-физическіе акты, мы, на сколько это возможно, будемъ отличать то, что принадлежитъ душѣ, отъ того, что принадлежитъ тѣлу, зная, что, если тѣло имѣетъ вліяніе на душу, то и душа въ свою очередь имѣетъ такое же вліяніе на тѣло и, безъ сомнѣнія, оказываетъ его не иначе, какъ чрезъ посредство того же нервнаго организма. Внезапное горе, а еще чаще внезапная радость убиваютъ иногда мгновенно. Продолжительная и сильная печаль часто порождаетъ чахотку, и также часто бываетъ причиною *рака* [1]). Медицина, напримѣръ, раздѣляла прежде *ипохондрію* на hipochondria cum materia и hipochondria sine materia; но теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что почти всегда совершенно психическое явленіе, какое-нибудь ложное направленіе души, данное ей или воспитаніемъ, или жизнью, или какимъ-нибудь случаемъ, можетъ породить и дѣйствительно порождаетъ сначала ипохондрію, а потомъ дѣйствительное разстройство тѣхъ или другихъ органовъ [2]).

---

[1]) Elements de Pathologie par Chomel, p. 82.

[2]) «Причины ипохондріи, говоритъ Гассе, отчасти духовныя, отчасти тѣлесныя; но первыя играютъ гораздо важнѣйшую роль» (Handbuch der Speciellen Pathologie und Therapie. Redig. von Virchow. 1855. B. IV. Abth. I. von Hasse. S. 119). Странно, что Гассе не соглашается съ мнѣніями Ромберга, Миша, Дюбуа, которые, принимая также, какъ и онъ, что «психическое разстройство составляетъ основаніе и исходный пунктъ этой болѣзни», думаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что «вслѣдствіе ненормальнаго направленія представленій, воображаемыя страданія могутъ сдѣлаться дѣйствительными:

ГЛАВА XVIII.

Переходъ отъ физіологіи къ психологіи.

Методы психологическаго и физіологическаго изслѣдованія такъ различаются между собою, что намъ необходимо теперь остановиться и, припомнивъ путь, уже пройденный, бросить взглядъ на тотъ, по которому предстоитъ намъ идти.

1. Мы видѣли, что человѣкъ есть организмъ развивающійся, какъ и всякій другой организмъ, по своей внутренней идеѣ. Разсматривая явленія человѣческаго организма, мы прежде всего выдѣлили изъ нихъ тѣ, которыя общи всѣмъ организмамъ, какъ растительнымъ, такъ и животнымъ. Къ растительнымъ явленіямъ въ человѣческомъ организмѣ мы отнесли два обширные и сложные процесса: процессъ *питанія* и процессъ *размноженія*. Оба эти процесса составляютъ одинъ обширный процессъ: *процессъ развитія* индивидуальнаго и видоваго.

2. Процессъ *питанія* въ человѣкѣ, какъ и во всякомъ другомъ организмѣ, состоитъ въ заимствованіи организмомъ элементовъ внѣшней природы и переработкѣ ихъ въ свое тѣло. Вслѣдствіе такой переработки организмъ получаетъ возможность выразить въ тѣлесныхъ формахъ своихъ органовъ присущую ему идею.

3. Питательный процессъ въ животномъ организмѣ, кромѣ доставки матерьяла для выработки органовъ, получаетъ еще новое назначеніе — постоянно подновлять органическія ткани и возобновлять силы, постоянно потребляемыя жизненною дѣятельностью, составляющею отличительный признакъ животныхъ организмовъ.

4. *Жизнью* мы назвали неизвѣстную намъ причину или собраніе причинъ, дающихъ животному организму возможность *чувствовать* и проявлять свои чувства въ *произвольныхъ движеніяхъ*. Не будучи въ состояніи узнать *самую жизнь*, мы обратились къ изученію ея проявленій и нашли, что непосредственнымъ орудіемъ жизни является нервная система во всей своей полнотѣ, т. е., ея мозговые центры, нервы, органы чувствъ и органы движеній, мускулы. Это уже чисто животная система, неимѣющая ничего ей соотвѣтствующаго въ растительномъ цар-

---

сначала происходитъ неправильная иннервація и функціональное разстройство въ тѣхъ частяхъ, на которыя больной направилъ свои представленія; но за тѣмъ мало по малу развивается измѣненіе самыхъ тканей». Не самъ ли Гассе говоритъ, что опыты Людвига показали сильное вліяніе нервовъ на растительные процесы (ib. p. 114)? Нельзя же отвергать этого факта на томъ только основаніи, что онъ теменъ! Не самъ ли Гассе говоритъ, что подъ вліяніемъ ипохондріи разстраивается пищевареніе (§ 116)? Развѣ рѣдко печаль бываетъ причиной чахотки или рака? Но измѣняется ли тотъ самый органъ, который по мнѣнію больнаго разстроенъ? Это другой вопросъ, на который одни отвѣчаютъ утвердительно, а другіе отрицательно.

ствѣ. Она безпрестанно потребляется жизненною дѣятельностью и постоянно возобновляетъ свои силы и свои ткани изъ питательнаго процесса, такъ что выраженіе Гербарта, называвшаго душу, по ея отношенію къ тѣлу, «чужеяднымъ растеніемъ» [1]), еще болѣе приложимо къ нервной системѣ, по ея отношенію къ растительному процессу.

5. Обозрѣвъ нервную систему, мы нашли въ ней три главныя свойства: а) необыкновенную *впечатлительность*, такъ сказать, чуткость, съ которою она отвѣчаетъ разнообразными вибраціями на разнообразныя вліянія внѣшняго міра; б) *способность рефлектировать* эти вибраціи въ сокращеніяхъ мускуловъ и в) способность *усвоивать привычки* тѣхъ или другихъ вибрацій, а также получать и передавать ихъ наслѣдственно.

6. Но какъ ни сложна нервная система, какъ ни поразительны ея свойства, физіологія, основанная на фактахъ, не могла отыскать въ ней ничего кромѣ *машины*—машины необыкновенно сложной, необыкновенно чувствительной, въ физическомъ смыслѣ этого слова, имѣющей органическую способность сохранять слѣды своей дѣятельности, но все же—машины. Физіологія не могла отыскать въ нервной системѣ никакихъ условій, которыя могли бы объяснить намъ возможность такихъ явленій, каковы: *сознаніе*, *чувство* и *воля*. Достигая вездѣ до этихъ явленій, мы испытывали ясно, что съ физіологическими средствами изслѣдованія нельзя сдѣлать ни шагу далѣе, что здѣсь мы встрѣчаемся съ какимъ-то *новымъ агентомъ*, который не поддается физіологическому наблюденію [2]).

[1]) Lehrbuch der Psycholog. § 164.

[2]) Но если физіологія не нашла до сихъ поръ условій жизни, т. е. сознанія чувства и воли, въ нервной системѣ, то нельзя ли надѣяться, что она отыщетъ ихъ со временемъ? Мало ли еще чего мы не знаемъ? «Сущность минеральнаго явленія, самаго простаго, говоритъ Клодъ-Бернардъ, такъ же донынѣ неизвѣстна физику, какъ неизвѣстна физіологу сущность интеллектуальныхъ явленій». (Вв. въ Оп. Медиц. стр. 105). Но неужели Клодъ-Бернардъ не видитъ разницы въ отношеніи къ намъ минеральныхъ и интеллектуальныхъ явленій? Минеральное явленіе намъ чуждо, и понятно, что въ *сущность* его мы не можемъ проникнуть, но *интеллектуальное явленіе*—вѣдь это *мы сами*, и слѣдовательно можемъ наблюдать это явленіе безъ помощи глазъ, ушей или осязанія. Мало этого, только такимъ образомъ мы и можемъ наблюдать интеллектуальныя и вообще психическія явленія. Физіологъ, не оставляя метода своей науки, не только не можетъ изучать интеллектуальныхъ явленій, но даже не можетъ удостовѣриться, то ли передъ нимъ, что онъ хочетъ изучать. Весьма можетъ быть, что движеніе, въ которомъ физіологъ хочетъ видѣть выраженіе интеллектуальнаго явленія, есть не болѣе, какъ механическій рефлексъ, не имѣющій въ себѣ ничего интеллектуальнаго — и физіологъ не имѣетъ средствъ убѣдиться, такъ ли это или нѣтъ. Подъ его ножомъ, микроскопомъ или каплею ѣдкой жидкости ничто не крикнетъ ему: «да это я—сознаніе»!»; да еслибъ и раздался такой крикъ, то это можетъ быть такое же механическое движеніе, какъ и

7. Отношеніе, въ которое душа поставлена къ нервному организму, составляетъ одну изъ величайшихъ тайнъ творенія, которая, возбуждая сильнѣйшее любопытство въ человѣкѣ, остается для него непостижимою, хотя человѣкъ, такъ сказать, живетъ посреди этой тайны и каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждою своею мыслію рѣшаетъ на практикѣ задачу, неразрѣшимую для него въ теоріи [1]). Теперь, по крайней мѣрѣ, ясно для насъ уже одно, что нервный организмъ стоитъ неизбѣжнымъ звеномъ и единственнымъ посредникомъ между внѣшнимъ міромъ и душою. Душа не ощущаетъ ничего, кромѣ разнообразныхъ состояній нервнаго организма и насколько внѣшній міръ своими вліяніями отражается въ этихъ состояніяхъ, настолько онъ и доступенъ душѣ. Если предположить, что во внѣшнемъ мірѣ существуютъ явленія, непроизводящія никакого вліянія, ни непосредственнаго, ни посредственнаго, на измѣненіе состояній нервнаго организма, то такія явленія останутся для души навсегда неизвѣстными. Если, наоборотъ, предположить, что въ душѣ есть явленія, которыя не производятъ никакого впечатлѣнія на нервный организмъ, то такія явленія ничѣмъ не заявятъ своего существованія во внѣшнемъ мірѣ [2]). Таково отношеніе души и къ нервной системѣ, и ко внѣшнему міру. Какъ разбираетъ душа іероглифы, начертываемые вліяніями внѣшней природы въ состояніяхъ нервной системы — этого мы не знаемъ; а соотвѣтствуютъ ли эти іероглифы дѣйствительнымъ явленіямъ внѣшняго міра — это составляетъ основной вопросъ метафизики, въ который мы не будемъ здѣсь углубляться.

8. Но, оставляя физіологическія наблюденія, чѣмъ же мы замѣнимъ ихъ? Наблюденіемъ души надъ собственною своею жизнью, или *самонаблюденіемъ*. Наблюденіе есть методъ естественныхъ наукъ: самонаблюденіе — методъ психологіи. Уже сама физіологія, какъ только дѣло идетъ въ ней о дѣятельности органовъ чувствъ и движеній, не довольствуется наблюденіями, а прибѣгаетъ къ самонаблюденіямъ: мѣняетъ физіологическій методъ на психологическій; да иначе и быть не можетъ.

звонъ струны, по которой повели смычкомъ. Неужели такъ трудно понять эту идею, и видѣть невозможность идти къ изученію сознанія физіологическимъ путемъ, а, вслѣдствіе того, и не предаваться такимъ сангвиническимъ надеждамъ, какимъ предается, напр., Клодъ-Бернардъ? (Тамъ же, стр. 117).

[1]) «Какимъ бы образомъ мы не представляли себѣ тѣсной связи души и тѣла», говоритъ Эйлеръ, разбирая различныя гипотезы этой связи: «она навсегда останется неизъяснимою тайною въ философіи». (Euler, P. II. L. XIV. p. 276). Послѣ Эйлера наука не сдѣлала въ этомъ отношеніи ни шагу далѣе.

[2]) Миллеръ кажется первый ясно выразилъ эту важную для психолога идею: «чувства, говоритъ онъ, сообщаютъ намъ только сознаніе о качествахъ и состояніяхъ нашихъ нервовъ». (Man. de Phys. par J. Müller. T. II. p. 251). Онъ долго останавливается на этой идеѣ и развиваетъ ее во всей ея полнотѣ.

Если бы, напримѣръ, человѣкъ не обладалъ самъ органомъ слуха, то, открывъ его у другихъ животныхъ, онъ не имѣлъ бы никакой возможности узнать, для чего служитъ такой органъ. «Пусть кто-нибудь попробуетъ, говоритъ Локкъ, вообразить вкусъ, котораго никогда не испытывалъ, или запахъ, котораго никогда не обонялъ» [1]). Точно также физіологъ, предполагая чувство или желаніе причинами тѣхъ или другихъ движеній оперируемаго имъ животнаго, отправляется отъ психологическихъ наблюденій чувствъ и желаній въ самомъ себѣ и знаетъ о нихъ только то, что̀ испыталъ въ самомъ себѣ. Въ этомъ отношеніи физіологія находится въ полной зависимости отъ психологіи, хотя не всегда сознаетъ эту зависимость. Если бы человѣкъ никогда не видалъ ни существъ себѣ подобныхъ, не зналъ даже, что у него есть глаза и уши, то и тогда могъ бы различать въ самомъ себѣ слуховыя ощущенія отъ зрительныхъ, отвращеніе отъ желанія, горе отъ радости, словомъ, могъ бы уже заниматься психологіею. Но если психологъ можетъ обойтись безъ физіологическихъ наблюденій, то еще не значитъ, чтобы они не приносили ему значительной пользы. Мы хотимъ только показать, что основной методъ для физіологіи есть наблюденіе, а основной методъ для психологіи — самонаблюденіе и что если одна наука можетъ пользоваться результатами другой, то только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы обѣ онѣ не смѣшивали своихъ методъ [2]).

9. Что *самонаблюденіе*, основывающееся на врожденной человѣку способности сознавать и помнить свои душевныя состоянія [3]), есть основной способъ психологическихъ изслѣдованій — въ этомъ не трудно убѣдиться. Всякое психологическое *наблюденіе*, которое мы дѣлаемъ надъ другими людьми или извлекаемъ изъ сочиненій, рисующихъ душевную природу человѣка, возможно только подъ условіемъ предварительнаго *самонаблюденія*. Какъ бы ярко ни выражалась какая-нибудь страсть въ лицѣ, въ движеніяхъ, или въ голосѣ человѣка, мы не поймемъ этой страсти, если не испытывали въ самихъ себѣ чего-нибудь подобнаго. Поэтъ, мѣтко и ярко выразившій какое-нибудь человѣческое чувство, останется непонятнымъ для того, кто не испыталъ этого чувства, хотя

---

[1]) Locke's Works T. I. Conduct of the Understanding, p. 225.

[2]) Весьма странно то презрѣніе, съ которымъ иные физіологи относятся къ психологіи. Неужели трудно понять, что вся физіологія нервной системы находится въ такой зависимости отъ психическихъ самонаблюденій, что физіологъ, говоря о чувствахъ, желаніяхъ, произволѣ и т. п., долженъ, по крайней мѣрѣ, имѣть опредѣленное понятіе о томъ, что онъ говоритъ? Психологическое невѣжество многихъ физіологовъ и есть главная причина тѣхъ ложныхъ міросозерцаній, которыхъ насоздавалось въ послѣднее время такое множество.

[3]) Способность эту Локкъ довольно темно назвалъ *рефлексіею* (Reflection) въ отличіе отъ *ощущеній*. *Ощущеніе* и *рефлексія* составляютъ, по мнѣнію Локка, два единственные источника всѣхъ нашихъ идей. (Of hum. Underts. B. II, Ch. I. § 2).

бы въ слабѣйшей степени. Дитя, читающее лирическія или драматическія произведенія, въ которыхъ выражены чувства, доступныя только взрослому, или изучающее басни, проповѣди и вообще такія произведенія, въ которыхъ рисуется нравственная природа взрослаго человѣка, читаетъ и изучаетъ только слова и ничего болѣе, кромѣ словъ. Напрасно мы старались бы растолковать слѣпому, что такое цвѣта, и глухому, что такое звуки.

10. Чтобы обозначить еще яснѣе отношеніе психологіи къ наблюденію и самонаблюденію, позволимъ себѣ построить небольшую гипотезу. Предположимъ, что явно выразившееся стремленіе современной физіологіи увѣнчалось успѣхомъ и что этой наукѣ удалось доказать, что всѣ явленія въ жизни животныхъ и людей, которыя приписывались прежде сознанію и волѣ, суть ничто иное, какъ неизбѣжныя «роковые» рефлексы, по мѣткому выраженію профессора Сѣченова; положимъ, что *я*, принявъ этотъ выводъ науки съ полною вѣрою, введу его въ свое міросозерцаніе: чѣмъ же долженъ показаться мнѣ тогда весь живой, внѣшній для меня міръ, вся дѣятельность животныхъ и людей? Одною рефлектирующею машиною, вовсе не имѣющею нужды въ сознаніи, чувствѣ и волѣ, чтобы дѣлать то, что она дѣлаетъ. Спрашивается, разувѣрюсь ли я тогда въ существованіи сознанія, чувства и воли? Конечно, нѣтъ: я буду ощущать ихъ въ самомъ себѣ и только потому, что они во мнѣ совершаются, буду убѣжденъ, что они дѣйствительно существуютъ. Въ такомъ скептическомъ отношеніи ко внѣшнему міру конечно не стоитъ ни одинъ человѣкъ; но именно въ такомъ отношеніи ко всѣмъ наблюденіямъ должна стоять психологическая наука. Она должна начинать съ самонаблюденій и къ нимъ же возвращаться. Если же она говоритъ о психическихъ явленіяхъ у другихъ людей, то не иначе, какъ *по аналогіи*, заключая по сходству въ проявленіяхъ о сходствѣ причинъ: путь всегда невѣрный, если нѣтъ для повѣрки его другаго, болѣе прочнаго критеріума. Такимъ же критеріумомъ для психическихъ аналогій является опять *самонаблюденіе*, опять—*самосознаніе* человѣка. Если есть что-нибудь, въ чемъ я не могу сомнѣваться, то это только въ томъ, *что я ощущаю то, что я ощущаю*. Я могу сомнѣваться въ томъ, чувствуютъ ли другіе люди подобно мнѣ, соотвѣтствуютъ ли мои ощущенія дѣйствительному міру, ихъ вызывающему, могу даже сомнѣваться въ существованіи самаго внѣшняго міра, какъ сомнѣвался, напримѣръ, Беркли; могу все принимать за сонъ моей души, какъ принималъ Декартъ, приготовляясь къ своимъ философскимъ изслѣдованіямъ [1]); но, замѣчая сходство или различіе въ моихъ собственныхъ ощущеніяхъ, я не могу сомнѣваться въ томъ, что это различіе или сходство дѣйствительно существуютъ, ибо эти ощущенія совершаются во мнѣ самомъ, мною самимъ и для меня самого. Въ этомъ отношеніи психологія самая несомнѣнная изъ наукъ.

11. Существуетъ ли однакоже какое-нибудь ручательство, что пси-

[1]) Oeuvres de Descartes. 1865. Meditation. Med. Premiere. p. 66.

хическія явленія, наблюдаемыя психологомъ въ самомъ себѣ, совершаются точно также и въ душѣ другихъ людей и что, описывая эти явленія и анализируя ихъ, психологъ создаетъ науку, общую для всего человѣчества, а не описываетъ свои собственныя грёзы, индивидуальныя и потому ни для кого ненужныя? Единственное ручательство заключается въ самосознаніи того, кто читаетъ эти описанія и анализы. Если читающій психологію находитъ, что описанія вѣрны въ отношеніи тѣхъ психическихъ явленій, которыя въ немъ самомъ совершаются, то эти описанія имѣютъ для него полный авторитетъ. Въ такомъ отношеніи къ читателямъ стоитъ, впрочемъ, не одна психологія, но всѣ тѣ науки, въ глубокой основѣ которыхъ лежатъ результаты самознанія человѣка или человѣчества. Чѣмъ, напримѣръ, читающій исторію повѣряетъ справедливость отношенія между причинами и слѣдствіями, если не своимъ собственнымъ сознаніемъ? Историкъ говоритъ намъ, что изъ такихъ то причинъ произошли такія то слѣдствія, и мы вѣримъ его разсказу именно потому, что чувствуемъ, что и въ насъ самихъ, изъ тѣхъ же причинъ и при тѣхъ же условіяхъ, произошли бы непремѣнно тѣ же, а не другія слѣдствія.

12. Однако мы встрѣчаемъ въ психологіяхъ не однѣ описанія явленій, а находимъ кромѣ того выводы, объясненія, гипотезы, законы: описаніе явленія можетъ быть вѣрно, но объясненіе его, выводъ, гипотеза могутъ оказаться ложными. Все это можетъ быть—и дѣйствительно бываетъ, иначе мы не встрѣчали бы въ психологіи столько теорій, противорѣчащихъ одна другой. Но въ этомъ отношеніи психологія раздѣляетъ участь всѣхъ наукъ, основанныхъ на опытѣ и наблюденіи. Всѣ опытныя науки, какъ это уже уяснилось въ современной логикѣ, стремятся къ тому, чтобы дать такое описаніе явленій, которое дѣлало бы ненужными теоріи и гипотезы; но развѣ хотя одна наука, кромѣ математики, достигла такого положенія? Въ этомъ отношеніи математика стоитъ уединенно посреди наукъ, основанныхъ на наблюденіи надъ внѣшнею природою, и наукъ, основанныхъ на психическихъ самонаблюденіяхъ. Одна математика основывается *не на наблюденіи* надъ фактами внѣшней природы или души, которое всегда можетъ быть ошибочно, но на *самомъ фактѣ*: она *совершаетъ* то, что доказываетъ, и *возможность совершенія* есть ея доказательство. Попытки поставить въ такое положеніе философію и психологію до сихъ поръ оказывались неудачными, и психологія остается раздѣлять общую участь со всѣми науками, основанными на опытѣ и наблюденіи: добиваться все болѣе и болѣе точнаго описанія явленій и прибѣгать къ теоріямъ и гипотезамъ, гдѣ одного описанія явленій оказывается недостаточнымъ для объясненія ихъ связи.

13. Гораздо основательнѣе тотъ упрекъ, дѣлаемый обыкновенно психологіи, что предметъ ея чрезвычайно подвиженъ: не лежитъ спокойно передъ сознаніемъ изучающаго, какъ цвѣтокъ подъ микроскопомъ ботаника, но безпрестанно мѣняется, какъ хамелеонъ, смотря потому, кто къ нему подходитъ и съ какой стороны, и что, наконецъ, изучающій

не можетъ оторвать предмета своего изученія отъ самого себя. Этотъ упрекъ вѣренъ; но онъ показываетъ только трудность науки, а не невозможность ея. Къ счастію, люди вообще обладаютъ весьма прочною памятью въ отношеніи совершающихся въ нихъ психическихъ явленій [1]). Изъ воспоминаній психическихъ явленій, въ насъ совершавшихся, слагается тотъ *психологическій тактъ*, которымъ обладаетъ, хотя не въ равной степени, всякій человѣкъ, начиная отъ величайшаго генія и оканчивая идіотомъ.

14. *Психологическій тактъ* имѣетъ самое широкое приложеніе во всей нашей жизни и безъ него невозможно было бы никакое общеніе между людьми и самый даръ слова не могъ бы существовать. Художникъ, актеръ, поэтъ, проповѣдникъ, ораторъ, адвокатъ, политикъ, педагогъ, льстецъ, обманщикъ руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ ни чѣмъ инымъ, какъ психологическимъ тактомъ. Если льстецъ увѣренъ въ успѣхѣ своей лести, то лишь по тому, что знаетъ по собственному опыту, какъ сладко лесть дѣйствуетъ на душу. Если адвокатъ, рисуя картину горя или нищеты, надѣется возбудить чувство состраданія въ присяжныхъ, то единственно потому, что вспоминаетъ, какъ подобныя картины дѣйствовали на его собственную душу, и знаетъ по собственному же опыту, каковы бываютъ душевныя послѣдствія возбужденнаго состраданія. Читая вѣрное описаніе картинъ природы, мы съ наслажденіемъ говоримъ: «какъ вѣрно и какъ мѣтко!» Но въ этихъ восклицаніяхъ мы выражаемъ только, что писатель возобновилъ въ насъ тѣ самыя ощущенія, которыя мы сами испытывали при взглядѣ на природу. Руссо, поставивъ своего воспитанника передъ великолѣпною картиною солнечнаго восхода, ошибся въ своемъ расчетѣ. Дитя осталось хладнокровнымъ къ той картинѣ, которая приводила въ восторгъ Руссо. Картина была слишкомъ велика и слишкомъ сложна для души ребенка. Ему надобно было перечиспытать много мелкихъ ощущеній, чтобы изъ нихъ могло сложиться то обширное, какого ожидалъ Руссо. Чему удивляемся мы въ драмахъ Шекспира, какъ не его необъятному психологическому такту? Знаніе, какой поступокъ или какія рѣчи вытекутъ изъ того или другаго душевнаго движенія и какое душевное движеніе возбудятъ они въ другомъ лицѣ, съ другимъ характеромъ, и, какъ, наконецъ, эти рѣчи и поступки подѣйствуютъ на душу зрителя или читателя—вотъ вся тайна шекспировскаго генія. Конечно, между ребенкомъ, говорящимъ взрос-

[1]) Но можетъ быть память насъ обманываетъ и намъ только *кажется*, что чувство горя, которое мы испытываемъ сегодня, похоже на чувство горя, которое мы испытывали вчера? Можетъ быть намъ только *кажется*, что ощущеніе зеленаго цвѣта, испытываемое нами нынѣшнею весною при взглядѣ на траву, похоже на то, которое мы испытывали въ прошломъ году? Изъ самой постановки этихъ вопросовъ видно уже, что, допустивъ скептицизмъ такъ далеко, мы подрываемъ не одну психологію, а всѣ науки, основанныя на опытѣ и наблюденіи.

лому ласковое слово съ цѣлью выманить себѣ то или другое удовольствіе, и Шекспиромъ, въ продолженіи трехъ столѣтій потрясающимъ сердца безчисленныхъ зрителей, разница громадная; но, тѣмъ не менѣе, и ребенокъ, и Шекспиръ дѣйствуютъ на основаніи одного и того же психологическаго такта, основаннаго на воспоминаніи психологическихъ явленій, въ нихъ совершавшихся. Въ ребенкѣ этихъ воспоминаній десятки, въ Шекспирѣ—неисчислимыя тысячи; въ ребенкѣ они смутны, отрывочны, узки, въ Шекспирѣ—необозримы, ярки, стройны. Нужна была громадная натура Шекспира, чтобы пережить въ своей душѣ то, что онъ пережилъ, и помнить то, что онъ помнилъ изъ этой необъятной, внутренней жизни. Такихъ организацій немного; но всякій человѣкъ, говорящій другому оскорбительное или ласковое слово, говоритъ ихъ на основаніи своихъ психическихъ воспоминаній, потому что самъ испыталъ, какъ дѣйствуетъ на душу грубость и ласка, и расчитываетъ вызвать и въ другомъ тѣ же самыя психическія явленія.

15. Мы уже высказали въ предисловіи, какую обширную роль играетъ психологическій тактъ въ воспитаніи. Воспитатель учитъ дитя, хвалитъ его или наказываетъ, избираетъ тѣ или другія педагогическія средства, ожидаетъ отъ нихъ тѣхъ или другихъ послѣдствій не иначе, какъ на основаніи своего психологическаго такта, на основаніи болѣе или менѣе обширныхъ, вѣрныхъ и ясныхъ воспоминаній своей собственной душевной жизни. Вотъ почему коренныя педагогическія усовершенствованія совершаются чрезвычайно медленно: человѣкъ, по большей части, учитъ и воспитываетъ дѣтей, какъ его самого учили и воспитывали, и только трудно и медленно вноситъ новыя идеи и пріемы въ дѣло воспитанія.

Степень психологическаго такта, которою обладаетъ воспитатель, и обозначаетъ ту *педагогическую врожденную способность*, которою практика и теорія воспитанія только разработываютъ, но не создаютъ. Въ предисловіи также мы показали, почему воспитатель не можетъ ограничиться однимъ психологическимъ тактомъ и почему изученіе психологіи, какъ науки, является краеугольнымъ камнемъ педагогики. Теперь же, показавъ основной методъ психологическаго изслѣдованія, намъ слѣдуетъ показать систему, которую мы примемъ при описаніи и анализѣ психическихъ явленій.

Система изложенія психическихъ явленій.

16. Въ психологіи вопросъ о системѣ изложенія важнѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, въ которыхъ самый предметъ своею *видимою* организаціею указываетъ уже, какова должна быть эта система. Въ психологіи же написать полную систему изложенія значитъ почти тоже, что изложить самую науку; такъ какъ организація души и есть именно тотъ вопросъ, къ разрѣшенію котораго стремится психологія.

17. Одни психологи, выработавъ себѣ какую-нибудь теорію органи-

зацію душевныхъ явленій, ставятъ ее на первыхъ страницахъ своей книги, подбирая потомъ и душевныя явленія и ихъ объясненія подъ эту теорію. Таковы германскіе психологи. Другіе психологи, по преимуществу англійскіе, не любятъ предпосылать теорій своимъ анализамъ душевныхъ явленій, но анализируютъ одно душевное явленіе за другимъ въ такомъ порядкѣ, какой кому кажется удобнѣе. Оба эти способа имѣютъ свои преимущества и свои недостатки. *Первый* способъ, германскій, внушаетъ менѣе довѣрія читателю, но за то выигрываетъ въ стройности изложенія и допускаетъ менѣе возможности противорѣчій; при *второмъ* способѣ, англійскомъ, читатель можетъ быть довѣрчивѣе къ писателю, присутствуя самъ при его аналитическихъ работахъ, но за то по окончаніи чтенія не вынесетъ никакого цѣльнаго взгляда на изучаемый предметъ и пропуститъ, быть можетъ, множество противорѣчій, которыхъ и дѣйствительно находится немало у англійскихъ психологовъ, начиная отъ Локка и оканчивая Бэномъ и Спенсеромъ. Лучше всего было бы воспользоваться достоинствами обѣихъ этихъ системъ и избѣжать ихъ недостатковъ; но при настоящемъ состояніи психологической науки мы считаемъ совершенное выполненіе такой задачи невозможнымъ: по крайней мѣрѣ, намъ оно положительно не удалось. Тѣмъ не менѣе, не расчитывая на совершенство, мы будемъ стараться удерживать средній путь, предпосылая анализъ теоріи, гдѣ это возможно, и гипотезу анализу, гдѣ это окажется неизбѣжнымъ. Такъ, напр., вынуждаемые необходимостью группировать психическія явленія, мы уже должны допускать отдѣльный субстратъ для нихъ, еще не доказавъ его. такъ-какъ онъ доказывается лишь изъ анализа тѣхъ же самыхъ явленій. Въ этомъ случаѣ, мы только слѣдуемъ примѣру другихъ *опытныхъ* наукъ: не предпосылаетъ ли химикъ гипотезу атомовъ и эквивалентовъ изложенію явленій химическаго сродства, а физикъ—гипотезу свѣтоваго эфира изложенію явленій свѣта, хотя самому изложенію свѣтовыхъ явленій предстоитъ показать, на сколько достовѣрна предпосылаемая имъ гипотеза? Иногда даже мы позволяемъ себѣ принимать въ началѣ нашихъ анализовъ такія гипотезы, которыя въ концѣ ихъ окажутся отвергнутыми. Такъ, напр., въ началѣ нашей психологіи вездѣ, гдѣ намъ приходится говорить о сознаніи, памяти, воображеніи, разсудкѣ, чувствѣ, желаніи и т. п., мы признаемъ ихъ за отдѣльныя способности души, хотя впослѣдствіи вынуждены будемъ самыми анализами этихъ явленій измѣнить многое въ такомъ взглядѣ. Но намъ кажется лучше вездѣ начинать съ общепринятыхъ психологическихъ убѣжденій и потомъ уже изъ наблюденій надъ явленіями, одни изъ этихъ убѣжденій принимать, другія ограничивать, третьи измѣнять. Такимъ образомъ, не будучи въ состояніи назвать нашу методу изложенія ни вполнѣ *догматическою*, ни вполнѣ *аналитическою*, мы назовемъ ее *дидактическою*, такъ-какъ главная цѣль наша есть ясность въ изложеніи и удобство въ обозрѣніи описаній и анализовъ психическихъ явленій.

18. Вопросъ о *субстратѣ душевныхъ явленій* считается вопро-

сомъ не *психологическимъ*, а *метафизическимъ*. Локкъ первый вооружился противъ метафизической психологіи [1]), но онъ же самъ не разъ вдается въ метафизическіе вопросы, какъ это замѣтилъ еще Дюгальдъ Стюартъ. Знаменитый логикъ Миль не безъ ироніи относится къ метафизическимъ вопросамъ психологіи [2]); но кто со вниманіемъ читалъ сочиненія Миля, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, какого міросозерцанія держится самъ писатель и какъ онъ рѣшилъ для себя главные метафизическіе вопросы. Бэнъ тщательно изгоняетъ метафизику изъ своей психологіи; но метафизическія воззрѣнія Бэна проглядываютъ на каждой страницѣ его книги. Міросозерцаніе Спенсера слишкомъ открыто, чтобы его не видѣть, и для читателя ясно, что Спенсеръ рѣзко порѣшилъ съ метафизическими вопросами, но не отказался отъ ихъ рѣшенія. Въ Германіи Тетенсъ первый, кажется, высказалъ необходимость замѣнить метафизическую психологію опытною [3]). Кантъ, подъ вліяніемъ Локка, показалъ до очевидности невозможность метафизической психологіи [4]) и пользу опытной; но самъ не пошелъ по этому пути: это сдѣлали въ Германіи уже послѣ Канта Гербартъ и Бенеке. Однако же и Гербартъ, и Бенеке, вооружаясь противъ метафизическихъ умозрѣній въ психологіи, построили каждый свои особыя метафизическія міросозерцанія и системы души. Оба эти психолога, которымъ послѣдователи ихъ приписываютъ честь основанія новой, *опытной* психологіи, хотя и вооружаются противъ прежней, метафизической, но безпрестанно метафизируютъ сами. Гербартъ высказываетъ откровенно свои метафизическія воззрѣнія, нелишенныя высокой поэзіи. Бенеке прикрываетъ ихъ, вынужденный, можетъ быть, необходимостью своего положенія; но, тѣмъ не менѣе, для внимательнаго читателя метафизическое воззрѣніе Бенеке ясно, и выработка изъ силъ матеріяльной природы *первичныхъ* душевныхъ силъ, изъ которыхъ все слагается въ психологіи Бенеке, такъ ясно высказывается во многихъ мѣстахъ бенековской психологіи [5]), что всѣ усилія Дреслера прикрыть эти мѣста кажутся намъ тщетными [6]). Изъ всего этого мы выводимъ поучительную мысль, давно уже, впрочемъ, высказанную Кантомъ, что какъ бы ни казались невозможными метафизическія теоріи, человѣкъ не перестанетъ строить ихъ, точно также, какъ не перестанетъ дышать воздухомъ, хотя бы ему сказали, что этотъ воздухъ отравленъ. Вотъ почему и мы откровенно будемъ вдаваться въ метафизическія воззрѣнія тамъ, гдѣ намъ невозможно будетъ избѣгнуть ихъ, хотя и знаемъ, что эти воззрѣнія не дадутъ положительныхъ результатовъ. Если, въ концѣ концовъ, мы путемъ опытной пси-

[1]) Locke's Works. Vol. I. Of hum. Und. B. I. Ch. I. 128.
[2]) Mil's Logik. Vol. I. p. 69, 82 et cet.
[3]) Tetens. Philosophische Versuche. 1777.
[4]) Kant's. Kritik der Rein. Vernunft. Ed. Hart. 1853. Zw. B. s. 293—311.
[5]) Lehrbuch der Psychol. § 24.
[6]) Ist Benecke Materialist? Berl. 1862.

хологіи придемъ къ тому же результату, къ какому пришелъ Кантъ, въ своей «Критикѣ Чистаго Разума», а именно, что существо души не можетъ быть постигнуто и что матеріалистическія воззрѣнія на душу также неосновательны какъ и идеалистическія, то и такого результата будетъ для насъ достаточно. Не построивъ своей теоріи, мы, можетъ быть, разрушимъ другія, потому что считаемъ полезнымъ, отъ времени до времени, очищать метафизическую атмосферу отъ накопляющихся въ ней міазмовъ, что̀ особенно важно въ области воспитанія.

19. Признавая гипотетически *особенный субстратъ душевныхъ явленій*, мы также должны раздѣлить эти явленія, чтобы дать какой-нибудь порядокъ ихъ изслѣдованію. Для этой цѣли мы избираемъ общепринятое дѣленіе, которое имѣетъ уже тотъ авторитетъ, что оно создано не какимъ-нибудь однимъ психологомъ, а выработано всѣмъ человѣчествомъ. Раздѣленіе психическихъ явленій на явленія *сознанія, чувства* и *воли* есть дѣленіе не научное, но общечеловѣческое, которое только перешло въ психологію и оставалось въ ней до тѣхъ поръ, пока Гербартъ, а за нимъ Бенеке не попытались замѣнить его новою теоріею. Самый анализъ этихъ явленій покажетъ намъ, насколько право было общечеловѣческое сознаніе и насколько научная теорія.

20. Всякій, наблюдая надъ собственными своими психическими явленіями, удобно раздѣлитъ ихъ на три рода: на *явленія сознанія, чувства и воли*. Всякій замѣчаетъ надъ собою, что *видѣть* цвѣтокъ еще не значитъ *любоваться* имъ и любоваться цвѣткомъ еще не значитъ *желать* сорвать его. *Видѣть* картину горя еще не значитъ *испытывать горе*, а чувствовать горе еще не значитъ *желать* отъ него избавиться. Конечно, всѣ эти три рода психическихъ явленій весьма часто соединяются между собою: *желаніе* избавиться отъ страданій непремѣнно предполагаетъ *чувство* такихъ страданій, а чувство страданій непремѣнно предполагаетъ *сознаніе* страданій, *но не наоборотъ:* мы можемъ смотрѣть на цвѣтокъ, не ощущая при этомъ ни удовольствія, ни неудовольствія, и можемъ *ощущать удовольствіе, не желая* продолжать его, такъ-какъ ничто и не угрожаетъ намъ его прекращеніемъ. Изъ этого мы выводимъ, что *явленія сознанія* проще и независимѣе *явленій чувства*, а явленія чувства проще и независимѣе *явленій воли*. Поэтому, не вдаваясь покуда въ метафизическія умозрѣнія, которыя заставили, напримѣръ, Шопенгауера поставить явленія воли въ основаніе всѣхъ прочихъ психическихъ явленій [1]); не вдаваясь также и въ психологическія тонкости, которыя заставили, напримѣръ, Гербарта признать одни явленія сознанія самостоятельными и вывести чувство и желаніе, какъ необходимыя послѣдствія изъ явленія сознанія [2]); мы раздѣлимъ, покудова, нашу психологію на *три главные отдѣла: въ первомъ*, изложимъ явленія сознанія, *во второмъ*—явленія внутрен-

[1]) Ueber den Willen in der Natur. Franc. 1854. s. 2 и 3.

[2]) Lehrbuch zur Psychologie.

наго или сердечнаго чувства (въ отличіе отъ 5 внѣшнихъ чувствъ, орудій сознанія) и *въ третьемъ* — явленія воли или желанія. *Сознавать, чувствовать* и *хотѣть*—вотъ три главные психическіе акта, которые мы разсмотримъ одинъ за другимъ.

21. Но для нашей дидактической цѣли и этого раздѣленія мало. Чтобы не быть вынужденнымъ излагать сложныя психическія явленія наравнѣ съ простыми и объяснять сложныя, прежде чѣмъ будутъ объяснены простыя, мы введемъ еще одно раздѣленіе, котораго въ психологіяхъ обыкновенно не бываетъ, но которое, какъ намъ кажется, можетъ имѣть мѣсто въ антропологіи, а именно: мы выдѣлимъ изъ психическихъ явленій тѣ, которыя, судя по аналогіи нашихъ дѣйствій съ дѣйствіями животныхъ, свойственны только одному человѣку. Для этихъ явленій мы назначимъ особый, *послѣдній отдѣлъ*, подъ названіемъ *явленій духовныхъ*, въ отличіе отъ явленій *душевныхъ*, общихъ и человѣку и животному, сколько можно судить по аналогіи. Въ этомъ случаѣ слову «*духъ*», не пускаясь въ философскія умозрѣнія, мы придадимъ, въ отличіе отъ слова «*душа*», только значеніе собирательнаго имени для всѣхъ психическихъ явленій, свойственныхъ одному человѣку.

22. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть въ нашей антропологіи *три главные отдѣла*: отдѣлъ первый, посвященный явленіямъ *тѣлеснаго организма*, мы уже окончили; ко *второму* отдѣлу, посвященному *душевнымъ* явленіямъ, приступаемъ теперь; а *третьимъ* отдѣломъ, отдѣломъ явленій *духовныхъ*, закончимъ нашу психологію. Связь и отношеніе этихъ явленій выразятся при самомъ изложеніи.

23. Приступая теперь къ отдѣлу явленій сознанія, мы можемъ начать или съ того, что зададимся вопросомъ: что такое сознаніе? или можемъ, изучивъ сначала различныя проявленія сознанія, потомъ вывести изъ этихъ явленій характеристику самаго дѣятеля. Мы предпочитаемъ второй путь первому; но только не будемъ откладывать нашихъ выводовъ до конца отдѣла, а станемъ излагать тотъ или другой выводъ, какъ только найдемъ, что можно уже это сдѣлать, предоставляя себѣ дополнить или исправить его, если новыя наблюденія того потребуютъ. Пусть читатель, присутсвуя съ нами при анализахъ различныхъ проявленій сознанія, будетъ потомъ компетентнымъ судьею правильности или неправильности нашихъ выводовъ. Мы не имѣемъ причины опасаться, что, говоря о проявленіяхъ *сознанія*, мы будемъ говорить о чемъ-то неизвѣстномъ читателю. «Сознаніе, говоритъ Мюллеръ: есть актъ, имя котораго уже заключаетъ въ себѣ его объясненіе и который нельзя опредѣлить точно также, какъ нельзя опредѣлить, что такое звукъ, синій цвѣтъ, горькій или сладкій вкусъ» [1]). Этого *непосредственнаго* чувства сознанія достаточно для насъ, чтобы приступить прямо къ изученію его проявленій.

---

[1]) Man. de Phys. T. II, p. 493.

24. Сознаніе проявляется въ различныхъ душевныхъ процессахъ, каждому знакомыхъ: въ процессѣ *вниманія*, *памяти*, *воображенія* и *разсудка*, и мы станемъ теперь анализировать эти процессы, одинъ за другимъ. Мы начнемъ съ процесса *вниманія*, потому что *безъ вниманія* впечатлѣніе, полученное нервною системою изъ внѣшняго міра, не можетъ перейти въ ощущеніе, а ощущеніями начинается и изъ ощущеній строится вся психическая жизнь человѣка. Затѣмъ мы перейдемъ къ процессу воспоминанія; потомъ къ процессу воображенія и заключимъ разсудочнымъ процессомъ, какъ самымъ сложнымъ изъ всѣхъ процессовъ, въ которыхъ работаетъ наше сознаніе.

ГЛАВА XIX.

Процессъ вниманія.

1. Въ главахъ, посвященныхъ органамъ чувства и ихъ дѣятельности [1]) мы изложили только физическіе элементы *процесса ощущенія* или образованіе тѣхъ нервныхъ движеній, которыя превращаются душою въ ощущенія. Теперь намъ слѣдуетъ говорить о психической сторонѣ того же процесса, о переходѣ нервнаго движенія или состоянія нервовъ въ ощущеніе: о томъ, какимъ образомъ разнообразныя нервныя движенія, въ разнообразныхъ нервныхъ аппаратахъ, становятся въ душѣ столь-же разнообразными ощущеніями. Что же мы знаемъ объ этомъ переходѣ, который совершается въ насъ въ каждое мгновеніе нашей сознательной жизни? Говоря откровенно, *почти ничего*, и мы считаемъ полезнѣйшимъ выставить въ яркомъ свѣтѣ этотъ пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ, чѣмъ прикрывать его такими туманными фразами, какими прикрытъ онъ, напримѣръ, у Бенеке и Фехнера.

2. Бенеке стушевываетъ пробѣлъ между нервнымъ впечатлѣніемъ и душевнымъ ощущеніемъ, говоря, что слѣды впечатлѣній, *безсознательные въ началѣ, накопляясь мало по малу, дѣлаются потомъ сознательными* [2]). Но эта гипотеза прямо противорѣчитъ опыту, показывающему ежеминутно, что въ душѣ нашей остаются слѣды *только тѣхъ впечатлѣній внѣшняго міра, которыя уже были нами сознаны*. Мало ли организмъ нашъ получаетъ ежеминутно впечатлѣній, которыя могутъ имѣть на него даже самое разрушительное, физическое вліяніе; но которыя, тѣмъ не менѣе, не оставляютъ никакого слѣда въ нашей памяти, потому-что мы ихъ не сознавали? Если-бы такія впечатлѣнія даже оставались въ насъ какимъ-нибудь образомъ, то, встрѣтившись съ ними, мы не узнали-бы ихъ, а приняли бы за новыя. Слѣдо-

---

[1]) См. выше, главы VI, VII, VIII, IX.

[2]) Lehrbuch der Psichologie § 57. Еще же яснѣе Erzieh. und Unterr. B. I. § 17. S. 75.

довательно, говорить о томъ, что изъ накопленія слѣдовъ безсознательныхъ впечатлѣній образуются сознательныя ощущенія, значитъ впадать въ ложный кругъ, ибо самый слѣдъ безъ дѣйствія сознанія невозможенъ. Сколько ни прикладывай безсознательнаго къ безсознательному—въ суммѣ все же будетъ безсознательное. Разница здѣсь не въ количествѣ, а въ качествѣ.

3. Такъ же мало объяснимъ мы себѣ переходъ впечатлѣній нервной системы въ ощущенія души, принявъ фехнеровскій терминъ *психо-физическихъ* движеній. Мы можемъ имѣть понятіе о *движеніи физическомъ*; но не можемъ имѣть никакого о томъ, что такое *психическое движеніе*. Въ томъ-то и вопросъ, какимъ образомъ физическое движеніе нервовъ превращается въ психическое ощущеніе; а слово *психо-физическій*, ничего намъ не объясняя, закрываетъ только прорѣху въ нашихъ знаніяхъ. Чтобы уяснить эту гипотезу, Фехнеръ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ какому-то новому *эфиру*, котораго онъ не называетъ психическимъ, только избѣгая рѣзкости этого названія [1]). Эфиръ этотъ, по мнѣнію Фехнера, способенъ къ *такимъ быстрымъ* вибраціямъ, что онѣ уже дѣлаются сознательными. Опять тоже стремленіе—качественное различіе между движеніями нервовъ и ощущеніемъ свести на количественное.

4. Веберъ, Гельмгольцъ и др. физіологи нервной системы опредѣляли довольно точно для различныхъ чувствъ ту степень силы, за которую должно перейти нервное впечатлѣніе, чтобы его *возможно* было сознавать (для осязанія—степень вѣса; для зрѣнія—величину предмета; для слуха—число колебаній струны въ секунду). Но дѣло въ томъ, что, перейдя и эту физическую ступень (порогъ — по выраженію Вебера), впечатлѣніе, хотя и можетъ быть сознаннымъ, но не всегда сознается на самомъ дѣлѣ: иногда мы его сознаемъ, а иногда нѣтъ. Это явленіе, извѣстное подъ общимъ именемъ *вниманія* и *разсѣянности*, заставило Фехнера передвинуть вопросъ подальше. Онъ признаетъ, что недостаточно еще перехода силы впечатлѣнія за Веберовскій *порогъ*, для того, чтобы впечатлѣніе могло сдѣлаться дѣйствительнымъ ощущеніемъ. За этимъ *порогомъ* впечатлѣніе только возбуждаетъ психо-физическое движеніе (чего—эфира?), а это психо-физическое движеніе должно перейти въ свою очередь за *новый порогъ силы*, чтобы стать сознательнымъ, и когда количество этихъ психо-физическихъ вибрацій въ секунду достигнетъ опредѣленнаго числа, тогда впечатлѣніе становится сознательнымъ [2]). Но не есть ли это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ уловокъ незнанія? Если милліона колебаній въ секунду недостаточно, чтобы движеніе сдѣлалось сознательнымъ, то вотъ вамъ десять милліоновъ; а если мало десяти, то почему же не дать ста? Такъ *вниманіе* дѣлается камнемъ претыновенія для всякой психологической теоріи, старающейся объ-

---

[1]) Fechner's Psycho-physik. T. II. S. 545 и 546.

[2]) Ib. s. 428.

яснить физiологическимъ путемъ переходъ нервныхъ движенiй въ ощущенiя.

5. Самое слово *вниманiе* показываетъ уже, что подъ нимъ разумѣется актъ *взиманiя* сознанiемъ тѣхъ или другихъ впечатлѣнiй внѣшняго мiра, и не трудно убѣдиться, что этотъ актъ сознанiя является необходимымъ условiемъ превращенiя нервнаго впечатлѣнiя въ душевное ощущенiе. Изъ огромнаго числа впечатлѣнiй внѣшняго мiра, ежеминутно потрясающихъ нашъ нервный организмъ, мы ощущаемъ сравнительно весьма немногiя; остальныя же, дѣлаясь физическими впечатлѣнiями, не дѣлаются психическими ощущенiями. Ухо наше открыто всегда; волны потрясеннаго звуками воздуха къ нему прикасаются; составныя части слуховаго аппарата дрожатъ; волны жидкости лабиринта струятся; погруженные въ нихъ концевые аппараты слуховаго нерва принимаютъ эти движенiя; слуховой нервъ несетъ ихъ къ мозговымъ центрамъ; все это совершается по неизбѣжнымъ физическимъ законамъ: а между тѣмъ, если вниманiе наше чѣмъ-нибудь отвлечено, то мы не слышимъ звуковъ такой силы, что и малой доли ея было-бы достаточно, чтобы разслушать эти звуки при малѣйшемъ вниманiи. Тоже самое замѣчаемъ мы при актѣ зрѣнiя: «Безъ перемѣны оси зрѣнiя, говоритъ Миллеръ, вниманiе можетъ обращаться на ту часть видимаго предмета, которая лежитъ въ сторонѣ. Смотря на сложную геометрическую фигуру и не передвигая оси зрѣнiя, мы можемъ *послѣдовательно* видѣть различные элементы этой фигуры, не обращая вниманiя на другiе [1])». То есть, мы будемъ видѣть, *что намъ хочется*, хотя глазъ нашъ, по законамъ оптики, будетъ отражать одновременно всѣ элементы фигуры, всю фигуру. Не въ правѣ ли мы вывести изъ этого, что *глазъ нашъ* и *мы*— два существа различныя, и что глазъ нашъ не можетъ видѣть безъ *нашего* участiя, безъ участiя нашего вниманiя?

6. Сила впечатлѣнiя не только можетъ перешагнуть за физическiй порогъ возможности сознанiя, но даже достигнуть чрезвычайно высокой степени—и все же не пробудить сознанiя. Мать выноситъ своего ребенка изъ пламени: платье и волосы на ней обгорѣли, на тѣлѣ страшные обжоги, а она ничего не замѣчаетъ; даже душевныя страданiя въ ней слабы—вся она одинъ актъ воли. Но вотъ, наконецъ, дитя ея внѣ опасности и она начинаетъ кричать, стонать, плакать, и то еще не отъ физической боли, а отъ душевныхъ страданiй, причиняемыхъ ей одною мыслiю, какая опасность угрожала ребенку. И только уже потомъ, когда нравственныя страданiя ея поутихнутъ, начинаетъ она чувствовать боль отъ обжоговъ, такихъ обжоговъ, что и одной сотой части ихъ было бы достаточно, чтобы заставить эту женщину сильно страдать при обыкновенномъ состоянiи души. Говорятъ, что въ пылу битвы люди долго не чувствуютъ сильныхъ, даже смертельныхъ ранъ, и быстро слабѣютъ или даже падаютъ за-мертво, когда обратятъ вниманiе на текущую изъ нихъ

---

[1]) Man. de Phys. p. Müller. T. II. p. 278.

кровь. Конечно, впечатлѣнія такого рода далеко перешли Веберовскій порогъ сознанія, и если бы душа наша, какъ утверждаютъ матеріалисты, была тождественна съ нервнымъ организмомъ, то не было бы никакой причины не сдѣлаться этимъ впечатлѣніямъ ощущеніями.

7. Однако же, нельзя ли объяснить этого явленія какими-нибудь физическими причинами? Эту попытку и дѣлаетъ Фехнеръ: «Если бы, говоритъ онъ, струна, не прикрѣпленная къ скрипкѣ, могла быть приведена въ тѣ же колебанія, какимъ подвергается она, будучи прикрѣпленною, то она дала бы и тотъ же звукъ. Но она только на скрипкѣ можетъ такъ колебаться (давать опредѣленное число колебаній въ секунду), и слѣдовательно только на скрипкѣ можетъ издавать звуки» [1]). Однако же мы видимъ, что нервъ остается въ организмѣ, подвергается впечатлѣніямъ и не даетъ ощущенія. Но, можетъ быть, онъ не натянутъ какъ слѣдуетъ для того, чтобы подвергнуться такому числу колебаній, какое нужно для того, чтобы эти колебанія могли сдѣлаться сознательными? Положимъ, что такъ (хотя мы сейчасъ увидимъ, что и это предположеніе несправедливо); но и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать силу, отдѣльную отъ нервнаго организма, которая способна напрягать нервы. Но этого то признанія и не хочется Фехнеру; вотъ почему онъ говоритъ глухо: «Значитъ, не всѣ условія движенія были выполнены, если оно не переходитъ въ ощущеніе» [2]). Но въ томъ то и дѣло, какое же *физическое* условіе не было выполнено? Что помѣшало нерву перейти въ напряженное состояніе, достаточное для того, чтобы его колебанія могли сдѣлаться сознательными?

8. Кому не знакомо то явленіе, на которое указываетъ самъ же Фехнеръ, что мы можемъ не слыхать фразы въ то мгновеніе, какъ она произнесена, и потомъ уже, иногда черезъ довольно замѣтный промежутокъ времени, услыхать ее, какъ бы въ самихъ себѣ. Въ разсѣянности мы часто просимъ повторить сказанный намъ вопросъ; но, прежде чѣмъ намъ повторятъ его, мы уже слышимъ его какъ бы въ самихъ себѣ и притомъ съ тою же самою интонаціею, съ которой онъ было произнесенъ. Скорезби утверждаетъ (намъ самимъ знакомо это явленіе), что онъ часто разсматривалъ предметъ послѣ того, какъ уже отворотился отъ него, и тогда различалъ въ немъ такія подробности, какихъ вовсе не замѣчалъ, когда смотрѣлъ на предметъ [3]). Многіе медики показываютъ, что часто при кровопусканіи они видятъ *сперва* брызнувшую кровь, а *потомъ* уже движеніе ланцета и производимый имъ разрѣзъ [4]). Подобное же ощущеніе послѣдующихъ событій предыдущими и предыдущихъ послѣдующими испытывается при астрономическихъ наблюденіяхъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда два событія быстро слѣдуютъ одно за дру-

[1]) Fechner's Psycho-physik. T. II. S 437.
[2]) Ib. S. 436.
[3]) Ib. S. 422.
[4]) Ib. S. 433.

гимъ и одно изъ нихъ почему-нибудь особенно возбуждаетъ любопытство, то есть вниманіе наблюдателя.

9. Всѣ эти явленія указываютъ намъ на два факта: *во-первыхъ*, на то, что производимое на нервы впечатлѣніе можетъ быть совершенно полно и все же оставаться внѣ сознанія; а *во-вторыхъ*, что это впечатлѣніе можетъ нѣсколько мгновеній оставаться въ нервахъ во всей полнотѣ своей, не переходя въ ощущеніе. Изъ этого уже выходитъ само собою, что *впечатлѣніе* и *вниманіе* два совершенно розные акта двухъ различныхъ дѣятелей и что эти акты могутъ сойтись и произвести *ощущеніе*, но могутъ и не сойтись, и тогда впечатлѣніе останется впечатлѣніемъ, не дошедшимъ до сознанія, или вниманіе, несмотря на всю свою напряженность, останется только вниманіемъ, какъ бываетъ съ нами тогда, когда мы напряженно прислушиваемся и приглядываемся, ничего не видя и не слыша. Что впечатлѣнія совершаются въ насъ и исчезаютъ не мгновенно, что они нѣкоторое время продолжаются въ нашихъ нервахъ, несмотря на то, ощущаемъ ли мы ихъ или нѣтъ,— къ этой мысли приводятъ насъ еще и другія однородныя явленія. Еще Спиноза замѣтилъ, что образы сновидѣній, по пробужденіи нашемъ, стоятъ нѣсколько мгновеній передъ нашими глазами. Мюллеръ сдѣлалъ тоже наблюденіе и вывелъ изъ него логически, что въ сновидѣніяхъ нашихъ нервы зрѣнія и слуха дѣйствуютъ точно также, какъ и подъ впечатлѣніемъ внѣшнихъ предметовъ. Фехнеръ изъ своихъ собственныхъ наблюденій и изъ наблюденій своихъ друзей приводитъ прекрасные примѣры того, какъ, насмотрѣвшись внимательно на какой-нибудь предметъ, мы долго не можемъ отдѣлаться отъ слѣдовъ его образа, врывающихся совершенно для насъ непроизвольно и неожиданно въ промежутки нашихъ мыслей, принявшихъ совсѣмъ другое теченіе [1]). Къ этому слѣдуетъ еще прибавить наблюденіе, приводимое Бурдахомъ, но знакомое, конечно, многимъ, что, задремавъ при громкомъ разговорѣ или чтеніи, мы, просыпаясь, знаемъ послѣднее слово или послѣднюю фразу безъ всякой связи съ предыдущими, которыхъ мы не знаемъ. Еще необыкновеннѣе то явленіе, что мы знаемъ, что насъ разбудило, хотя причина разбудившая насъ уже перестала дѣйствовать, когда мы проснулись [2]). Всѣ эти явленія указываютъ намъ на два факта: *во-первыхъ*, на то, что и во снѣ мы получаемъ впечатлѣнія, хотя они не дѣлаются ощущеніями (иначе ничто не могло бы разбудить, какъ замѣчаетъ Бурдахъ [3]), и *во-*

[1]) Psycho-Physik T. II. S. 500.

[2]) Ib. T. II. S. 445.

[3]) «Человѣкъ, засыпающій въ церкви, говор. Дюгальдъ Стюартъ, не знаетъ, что говорилъ проповѣдникъ; но если проповѣдникъ остановится, то спящій быстро проснется: въ этомъ случаѣ ясно, что человѣкъ можетъ сознавать впечатлѣнія, не будучи впослѣдствіи способенъ припомнить ихъ». Elements of the Phylosophy of the human Mind, by Dugald Stewart. Lond. 1867. P. I. Ch. II. p. 56. Но что сознавалъ спящій, смыслъ словъ или только

вторыхъ, что впечатлѣніе можетъ нѣсколько времени оставаться впечатлѣніемъ, прежде чѣмъ сдѣлается ощущеніемъ или, пробывъ нѣсколько времени, совсѣмъ исчезнуть, не достигнувъ до нашего сознанія. Если бы мы не проснулись, то и послѣдняя часть рѣчи оставалась бы только впечатлѣніемъ и исчезла бы; но такъ какъ мы проснулись, то и сознаемъ послѣднее впечатлѣніе, полученное прежде, чѣмъ мы проснулись, но еще не успѣвшее исчезнуть.

Изъ всѣхъ этихъ наблюденій мы считаемъ себя вправѣ вывести, что впечатлѣніе можетъ быть совершенно полно, выполнить всѣ физическія условія, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться ощущеніемъ, но *не* сдѣлается имъ, пока не подѣйствуетъ на него какой-то другой агентъ, а именно, *сознаніе* въ своемъ актѣ вниманія.

10. Не только появленіе, но и его переходъ съ одного предмета на другой не объяснимъ по теоріи, не отдѣляющей сознаніе отъ нервовъ. Признавъ, что впечатлѣніе, переходя за веберовскій *порогъ* силы, можетъ не сдѣлаться ощущеніемъ, Фехнеръ, какъ мы уже видѣли, кромѣ этого *физическаго* порога, принимаетъ еще новый *психо-физическій*: *извѣстную силу быстроты психо-физическихъ движеній, которой они должны достигнуть, чтобы сдѣлаться сознательными*. Этотъ *психо-физическій порогъ* Фехнера двоякаго рода: одинъ можно назвать *общимъ*, другой—*мѣстнымъ*.

«При *общемъ* пробужденіи и засыпаніи, говоритъ онъ далѣе: происходитъ вообще временной переходъ всей психо-физической дѣятельности изъ-подъ порога (сонъ) на верхъ порога (бодрствованіе). При частномъ пробужденіи и засыпаніи (то-есть, при вниманіи и разсѣянности) происходитъ только *мѣстная* перемѣна, между поднятіемъ психо-физической дѣятельности надъ порогомъ въ одномъ мѣстѣ и пониженіемъ ея подъ порогъ, въ другомъ. Съ этимъ связано и то, что пробужденіе изъ *общаго* сна происходитъ безъ участія произвола (такъ-какъ произволъ спитъ, и не можетъ разбудить самъ себя), тогда какъ *частный* сонъ (разсѣянность) происходитъ только отъ передвиженія сознательнаго состоянія съ одного мѣста на другое [1]). Человѣкъ не можетъ произвольно уснуть, такъ-какъ онъ не можетъ высоко подымающуюся (надъ уровнемъ сознательнаго состоянія) психо-физическую дѣятельность по произволу погрузить подъ *порогъ*; но онъ передвигаетъ вершину этой дѣятельности съ мѣста на мѣсто, расширяетъ ее или сосредоточиваетъ, одну сферу психо-физической дѣятельности погружаетъ въ сонъ, а другую приводитъ въ бодрственное состояніе, и, такимъ образомъ,

журчаніе рѣчи? Ни того, ни другаго: нервы, настроенные этимъ журчаніемъ, *вдругъ* измѣняютъ свое состояніе, когда журчаніе прекращается и это-то быстрое и сильное измѣненіе состоянія нервовъ будитъ спящаго.

[1]) Psycho-Physik. T. II. s. 452. Замѣтимъ, что Фехнеръ упустилъ изъ виду весьма замѣчательное явленіе: многіе люди могутъ просыпаться именно въ тотъ часъ, который сами себѣ назначатъ.

хотя не прямо, можетъ способствовать наступленію общаго сна черезъ возможно-равномѣрное распредѣленіе психо-физической дѣятельности» [1]). Такимъ образомъ Фехнеръ видитъ въ разсѣянности частный (мѣстный) сонъ [2]), а во снѣ—общее пониженіе психо-физической дѣятельности ниже уровня сознанія (развѣ въ сновидѣніяхъ сознаніе не дѣйствуетъ?) [3]).

Но, спрашивается, кто же этотъ *онъ*, передвигающій вершину психо-физической дѣятельности, то подымающій, то опускающій ее по произволу, то разсѣевающій, то сосредоточивающій, если самъ человѣкъ ничто иное, какъ эта психо-физическая дѣятельность? Во всемъ этомъ описаніи процесса вниманія видно, что тутъ не одинъ дѣятель, а *два борца*, и что скованное Фехнеромъ слово *психо-физическій* приходится разорвать на два—*психическій* и *физическій:* сознаніе и нервный организмъ.

11. Конечно, жизнь *слѣдовъ* впечатлѣній, не сдѣлавшихся ощущеніями, не доступна наблюденіямъ сознанія; но тѣмъ не менѣе любопытно бы узнать, могутъ ли эти слѣды имѣть какое-либо вліяніе на наши сознательныя работы? Фехнеръ полагаетъ, что могутъ; такъ, по его словамъ: «солнечное сіяніе, зелень, пѣніе птицъ дѣйствуютъ на ходъ нашего мышленія, хотя мы ихъ и не замѣчаемъ» [4]). Но развѣ мы можемъ назвать эти побочныя впечатлѣнія незамѣчаемыми? Если мы думаемъ о чемъ-нибудь другомъ, а не объ окружающей насъ природѣ, то это еще не значитъ, чтобы мы ее вовсе не замѣчали. Эти побочныя впечатлѣнія все же дѣлаются *ощущеніями* и врываются въ интервалы главнаго ряда нашихъ мыслей. Эту возможность побочныхъ ощущеній каждый можетъ повѣрить на самомъ себѣ. Но ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, припоминая потомъ этотъ періодъ моего мышленія, я вспоминаю только главный рядъ мыслей, забывая побочныя, которыя, тѣмъ не мѣнѣе, оказывали на меня тогда вліяніе. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что затрудненное дыханіе оказываетъ вліяніе на наши мысли и чувства; но это именно потому, что мы ощущаемъ эту затрудненность, хотя и не дѣлаемъ ее предметомъ размышленія, не связываемъ

[1]) Тамъ же, стр. 450. Здѣсь есть очень вѣрное замѣчаніе; дѣйствительно, лучшее средство уснуть—это привести въ столкновеніе два ряда мыслей, такъ, чтобы силы ихъ уравновѣсились. Вотъ почему мы побѣждаемъ мысли, не дающія намъ уснуть, чтеніемъ книги; но если книга гораздо занимательнѣе мыслей, то она насъ увлекаетъ и мы не засыпаемъ; а если книга мало интересна, то мы опять не засыпаемъ: нужно равновѣсіе двухъ токовъ мыслей, чтобы произошла въ насъ та головная путаница, которая обыкновенно предшествуетъ сну.

[2]) Тамъ же, стр. 443.

[3]) Вотъ почему Фехнеръ былъ вынужденъ принять особенное мѣсто для сновидѣній въ нервномъ организмѣ, что совершенно противорѣчитъ всѣмъ наблюденіямъ дѣятельности памяти, ясно участвующей въ сновидѣніяхъ.

[4]) Ibid. S. 461.

ее съ другими нашими мыслями, а потому и не можемъ въ послѣдствіи припомнить. Вѣроятно, такимъ же путемъ производитъ вліяніе на наши психическіе процессы не только всякое нарушеніе нормальнаго состоянія нервнаго организма, но даже нормальныя и періодическія измѣненія въ немъ, которымъ онъ подвергается подъ вліяніемъ голода, жажды, усталости, возраста и т. п.

12. На вопросъ, можетъ ли вниманіе наше быть обращено *одновременно* на различныя впечатлѣнія, отвѣчаютъ различно. Вундтъ, напр. говоритъ прямо, что мы не можемъ сознавать разомъ *болѣе одного* впечатлѣнія. Мюллеръ думаетъ, что вниманіе не можетъ заниматься разомъ *большимъ числомъ* впечатлѣній; «если много впечатлѣній является въ одно и тоже время, то ясность ихъ уменьшается пропорціонально ихъ множеству» [1]). Фехнеръ не даетъ рѣшительнаго отвѣта; впрочемъ, онъ скорѣе готовъ признать, что вниманіе можетъ раздѣляться, но при этомъ думаетъ, что, чѣмъ болѣе предметовъ входитъ разомъ въ наше сознаніе, тѣмъ каждый изъ нихъ обнимается сознаніемъ слабѣе [2]). Замѣтимъ, однако, что если-бы вниманіе не могло обращаться разомъ на нѣсколько впечатлѣній, то не было бы возможности перехода отъ одного впечатлѣнія къ другимъ: наше вниманіе не могло бы быть отвлечено отъ предмета другимъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ; точно также, какъ мы не могли бы быть разбужены, если бы чувства наши во снѣ были совершенно закрыты для внѣшнихъ впечатлѣній. Но, конечно, чѣмъ обильнѣе и разнообразнѣе получаемые нами одновременно впечатлѣнія, тѣмъ они смѣшаннѣе и туманнѣе. Такъ, падая изъ быстро ѣдущаго экипажа, мы нѣсколько мгновеній не можемъ сообразить своего положенія. Впрочемъ, это важное свойство вниманія мы разсмотримъ подробнѣе, когда будемъ говорить о томъ, что такое значитъ *сознавать*.

13. Если при отсутствіи вниманія ощущеніе становится невозможнымъ, а при разсѣянности вниманія слабымъ, то, и наоборотъ, при сосредоточенности вниманія усиливается самое ощущеніе. «Поразительно вліяніе вниманія на различеніе слабыхъ звуковъ, говоритъ Миллеръ: слабые шумы, сопровождающіе звуки струнъ и другихъ инструментовъ, проходятъ обыкновенно незамѣченными; но вниманіе можетъ сдѣлать ихъ столь ясными, что они насъ поразятъ» [3]). Въ противуположность этому Фехнеръ говоритъ, что сосредоточенное вниманіе не усиливаетъ впечатлѣнія [4]). Конечно, впечатлѣніе не усиливается; но ощущеніе этого впечатлѣнія *непремѣнно* усиливается: поглядѣвъ бѣгло на предметъ, мы такъ мало его замѣчаемъ, что каждый легко можетъ испытать надъ самимъ собою.

14. Отношеніе нашего вниманія къ настоящимъ впечатлѣніямъ точ-

---

[1]) Man. de Phys. T. II. p. 272.

[2]) Psycho-Physik. S. 451.

[3]) Man. de Physiol. par Müll. p. 273.

[4]) Psycho-Phys. p. 452.

но такое же, какъ и къ *слѣдамъ* бывшихъ впечатлѣній. «Если, говоритъ Фехнеръ, мы хотимъ представить себѣ видѣнный нами предметъ въ воспоминаніи, то ощущаемъ такое же напряженіе вниманія, какъ и тогда, когда хотимъ разсмотрѣть предметъ намъ предстоящій. Въ органѣ чувствъ, къ которому имѣетъ отношеніе представляемый нами образъ, мы испытываемъ (при живомъ воспоминаніи) то же утомленіе, какое испытывается въ немъ и при прямомъ дѣйствіи предмета» [1]). Наблюденіе это совершенно вѣрно и очень объяснимо, такъ какъ, представляя воображаемый предметъ, мы заставляемъ работать наши нервы, какъ они работали при принятіи впечатлѣнія отъ того же предмета [2]). Слѣдовательно, все, что мы говоримъ объ отношеніи вниманія къ впечатлѣніямъ, примѣнимо и къ отношенію вниманія къ *слѣдамъ* впечатлѣній.

15. До сихъ поръ мы говорили только о внѣшней сторонѣ вниманія; теперь слѣдуетъ обратиться къ его внутренней сторонѣ, и задать себѣ вопросъ: къ чему мы особенно внимательны и къ чему невнимательны? «Мы *болѣе* внимательны, говоритъ теорія Бенеке, когда къ новому впечатлѣнію приливаютъ въ большемъ количествѣ слѣды однородные съ тѣми, которые мы уже имѣемъ; мы *менѣе* внимательны, если этихъ прежнихъ слѣдовъ мало. Къ такимъ же предметамъ, слѣдовъ которыхъ у насъ нѣтъ, мы не можемъ быть внимательны» [3]). Въ этой замѣткѣ много справедливаго, но она заключаетъ въ себѣ и странное недоразумѣніе. Спрашивается, какъ же мы получаемъ *первое* ощущеніе, если для того намъ необходимо вниманіе, а для вниманія намъ необходимы слѣды бывшихъ ощущеній того же рода? Если же подъ именемъ слѣда разумѣть нѣчто, не достигавшее нашего сознанія, то мы не можемъ и узнать такого слѣда. Дѣло въ томъ, что кромѣ слѣдовъ Бенеке не хочетъ признать ничего, не хочетъ признать сознанія, а безъ этого невозможно объяснить явленій вниманія. Однако же, мы не можемъ отвергнуть вѣрности замѣчанія, что «степень вниманія усиливается массою притекающихъ слѣдовъ» [4]), только видимъ въ этомъ не *единственную*, а *одну изъ причинъ* возбужденія вниманія; другія же причины находятся какъ въ силѣ самаго впечатлѣнія, такъ и въ произвольной сосредоточенности вниманія [5]).

---

[1]) Ibid. S. 317.

[2]) «Вспоминать красный цвѣтъ, говор. Герб. Спенсеръ: значитъ испытывать въ *слабой степени* то физическое состояніе, которое вызывается впечатлѣніемъ краснаго цвѣта; вспоминать движеніе сдѣланное рукою — значитъ испытывать то внутреннее состояніе, которымъ движеніе сопровождается». (Но мы увидимъ, что не въ этомъ *одномъ* состоитъ актъ воспоминанія).

[3]) Raue. Benecke's Seelenlehre. S. 182.

[4]) Benecke's Erziehungs-lehre. B. I. S. 78.

[5]) Впрочемъ, надобно замѣтить, что Бенековская теорія въ приложеніи

16. Количество притекающихъ слѣдовъ того же рода (но не совершенно подобныхъ) есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, обусловливающихъ степень вниманія. Каждый на себѣ испытываетъ, что душа наша особенно чутка къ тому, что ее интересуетъ; а интересуетъ ее всегда то, что можетъ возбудить въ ней большее число слѣдовъ и тѣмъ дать ей обширнѣйшее поприще дѣятельности [1]). «Не одинъ какой-нибудь слѣдъ, говоритъ Бенеке, но вся связь слѣдовъ (цѣлое души — das Ganze der Seele), стремящихся къ сознанію, условливаетъ силу вниманія» [2]). «Вниманіе, говоритъ онъ далѣе, не находится изолированнымъ въ душѣ: *склонности* всякаго рода (а склонность по Бенеке также образуется изъ слѣдовъ) могутъ ослаблять или напрягать его, и въ этомъ отношеніи вниманіе находится въ тѣсной связи съ моральною стороною человѣка.» Вотъ почему Бенеке называетъ *хорошее* вниманіе, т. е. направленное въ хорошую сторону—первою добродѣтелью дѣтства. Направленіе вниманія зависитъ отъ общей суммы душевныхъ *слѣдовъ* или *залоговъ*, а потому оно можетъ служить намъ «нѣкотораго рода барометромъ, по которому, пока еще дитя не дѣйствуетъ и мало говоритъ, мы можемъ вообще судить о его душевномъ образованіи. Наблюдая, къ чему особенно внимательно дитя, вы можете вывести довольно вѣрное заключеніе объ исторіи его души». Эта замѣтка Бенеке совершенно вѣрна и примѣнима не къ однимъ дѣтямъ. Если вы хотите узнать направленіе и взрослаго человѣка, то присмотритесь и прислушайтесь со стороны, къ чему онъ особенно внимателенъ. Разсказывая что-нибудь въ обществѣ и присматриваясь, къ какой сторонѣ разсказа оказался внимателенъ тотъ или другой изъ слушателей, можно вывести болѣе вѣрное заключеніе о степени развитія и направленіи каждаго, чѣмъ наблюдая, что они говорятъ сами. По той же самой причинѣ, «музыкантъ, какъ замѣчаетъ Эйлеръ, схватываетъ разомъ всѣ ноты музыкальной пьесы и пріобрѣтаетъ о ней ясную идею; но если дадутъ ему китайскую рукопись, то онъ получитъ очень темное понятіе о буквахъ; тогда какъ китаецъ разомъ схватитъ истинный смыслъ каждой. Ботаникъ замѣтитъ въ растеніи тысячи вещей, которыхъ не замѣтитъ неботаникъ» [3]).

къ его педагогикѣ дѣлаетъ сильныя уступки и признаетъ уже не одну, какъ въ теоріи, но нѣсколько причинъ вниманія: только о другихъ, противорѣчащихъ его теоріи, Бенеке упоминаетъ вскользь (Erz. und. Unterr. L. S. 86). Ничто такъ не обнаруживаетъ односторонности теоріи, какъ приложеніе ея къ практическимъ цѣлямъ.

[1]) Ibid. S. 87. Просимъ припомнить читателя, что по Бенековской теоріи *слѣдъ* (Spur) есть въ то же время и *залогъ* (Anlage), то-есть, *душевная сила*, стремящаяся сама къ сознанію и къ образованію новыхъ сочетаній съ другими слѣдами.

[2]) Ibid. S. 88.

[3]) Lettres d'Euller. L. XXXI. p. 334. Только Эйлеръ приписываетъ это

17. Но если наблюденіе надъ вниманіемъ важно, какъ средство познакомиться съ содержаніемъ души питомца, то еще важнѣе прямое вліяніе воспитателя на образованіе вниманія въ воспитанникѣ. Понятно, что тамъ, гдѣ уже положено прочное основаніе хорошему вниманію, остается только продолжать расширять сѣть душевныхъ ассоціацій въ томъ же направленіи; но что дѣлать тамъ, гдѣ приходится полагать первые *слѣды* или, что еще труднѣе, бороться съ дурными задатками, положенными прежде? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ очерчиваются дурныя и хорошія стороны бенековской теоріи души, какъ ассоціаціи слѣдовъ. «Въ этихъ случаяхъ, говоритъ Бенеке, обыкновенно прибѣгаютъ или къ *усиленію внѣшнихъ впечатлѣній* или къ *возбужденію мотивовъ*, постороннихъ предмету вниманія: ребенку обѣщаютъ то или другое, если онъ дѣйствительно займется духовно тѣмъ, чѣмъ его хотятъ занять, или угрожаютъ ему наказаніемъ и проч. Конечно, если уже какимъ-нибудь образомъ образовалось во вниманіи направленіе, противное тому, которое хотятъ дать, то остается только выше высказанный способъ. Но сильное внѣшнее впечатлѣніе есть, *по большей части* (?), посторонняя вещь; а если дитя обращаетъ вниманіе на предметъ только за тѣмъ, чтобы избѣжать наказанія или получить обѣщанныя лакомства, то воспріятіе, требуемое отъ дитяти, совершится только бѣгло и слабо: отъ него не останется никакого слѣда, *или развѣ* (?) очень слабый, и, такимъ образомъ, ко внутренней силѣ вниманія ничего не прибавится; но, по *большей части* (?), еще нанесенъ ей будетъ ущербъ, такъ какъ черезъ употребленіе этихъ постороннихъ мотивовъ усиливаются еще болѣе противоположные слѣды (и вредные, каковы слѣды страха, или слѣды лакомства) и образуется склонность, если опять представится предметъ (на который хотѣли обратить вниманіе), обращать вниманіе не на предметъ, а на мотивы» [1]). Просимъ читателя обратить вниманіе, какъ въ этомъ мѣстѣ нерѣшителенъ языкъ Бенеке, обыкновенно столь догматическій: эти безпрестанныя «*почти*», «*по большей части*», «*развѣ*», показываютъ, что здѣсь психологическая его теорія сильно столкнулась съ неумолимою дѣйствительностью. Что-нибудь одно изъ двухъ: или такое возбужденіе вниманія посторонними предмету мотивами достигаетъ своей цѣли, или нѣтъ; а въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ эти средства по теоріи души, какъ ассоціаціи слѣдовъ, положительно должны быть признаны вредными, то почему Бенеке, нѣсколько ниже, допускаетъ ихъ употребленіе?

18. Дѣлая прямой выводъ изъ теоріи Бенеке, слѣдовало прямо сказать, что если вниманіе дитяти разъ приняло дурное направленіе, то тутъ ничего уже нельзя сдѣлать: накопившіеся слѣды дурнаго свойства будутъ неизбѣжно привлекать слѣды того же рода и уничтожать вліяніе

прямому упражненію вниманія, тогда какъ это зависитъ отъ количества тѣхъ или другихъ слѣдовъ, уже пріобрѣтенныхъ человѣкомъ.

[1]) Erzieh. und Unterr. P. 1. S. 88.

добрыхъ впечатлѣній; мотивы же страха или поощреній не исправятъ дѣла, а еще болѣе повредятъ ему. Но что же сталось бы съ педагогикой Бенеке, если бы онъ пришелъ къ такому безотрадному заключенію? Приходилось пожертвовать теоріей, признавъ ея односторонность и противорѣчіе дѣйствительности, которая показываетъ намъ безпрестанно, что дѣтское вниманіе, почти всегда направленное на чувственныя воспріятія, шалости и лакомства, мало по малу исправляется и привязывается къ предметамъ самаго серьезнаго свойства. Сознаться въ односторонности своей теоріи Бенеке не захотѣлъ, не захотѣлъ также разстаться и съ ролью педагога, а потому и прибѣгнулъ къ самому жалкому средству— къ темнотѣ и неопредѣленности языка.

«Въ противуположность этому (возбужденію вниманія посторонними для предмета мотивами) во всякомъ случаѣ, произошло ли уже ложное образованіе вниманія или нѣтъ, *давай дитяти рѣшительно направленіе на предметъ* (gebe dem Kinde entschieden die Richtung auf die Sache). Только слѣды, остающіеся отъ сильнаго воспріятія предмета, могутъ увеличить *внутреннюю силу* вниманія. До тѣхъ же поръ, пока еще не достигли того, чтобы эти посторонніе мотивы могли быть, мы не хотимъ сказать, совершенно выброшены, но отодвинуты на задній планъ,—до тѣхъ поръ употребляютъ еще паліативное лѣченіе» [1].

Однако, что-же значитъ дать дитяти *рѣшительно направленіе на предметъ?* Какъ же дать его, если ни усиленіе впечатлѣнія, ни посторонніе мотивы не достигаютъ этой цѣли, какъ говоритъ самъ Бенеке выше? И зачѣмъ же Бенеке допускаетъ посторонніе мотивы, если эти мотивы, что тоже онъ сказалъ выше, вредно дѣйствуютъ на образованіе вниманія? Зачѣмъ онъ не показалъ той *малой части*, когда они дѣйствуютъ полезно? И зачѣмъ ему эти посторонніе мотивы, когда у него есть прямое средство дѣйствовать на установленіе хорошаго вниманія въ дѣтяхъ? Зачѣмъ онъ не уяснилъ намъ этого прямаго и единственно-полезнаго средства? *Затѣмъ*, что, вникнувъ въ этотъ педагогическій вопросъ, Бенеке былъ бы долженъ подкопать самое основаніе своей психологической теоріи и теоріи своего учителя Гербарта; *затѣмъ*, что, не признавая души, независимой отъ слѣдовъ впечатлѣній и обладающей способностью сознанія и произвола, мы не можемъ объяснить себѣ произвола въ направленіи нашего вниманія; а непризнавъ этого произвола и призвавъ всю душу за *ассоціацію слѣдовъ*, которые тянутъ за собою другіе *слѣды* того же рода и т. д., мы уничтожаемъ *всякую возможность произвольнаго* воспитанія души. Вотъ какое послѣдствіе заставило Бенеке свернуть въ своей педагогикѣ съ той дороги, по которой онъ такъ прямо шелъ въ своей психологіи!

19. Но если Бенеке не можетъ объяснить намъ, какъ можетъ завязаться въ душѣ новаго рода ассоціація слѣдовъ, то это не мѣшаетъ ему очень хорошо раскрыть, какъ ассоціаціи, *уже разъ завязавшіяся*,

---

[1]) Ibid. S. 88.

могутъ развиваться и усиливаться и въ этомъ отношеніи бенековскіе анализы имѣютъ большую цѣну для психолога и педагога.

«Наклонность къ невнимательности, говоритъ онъ, можетъ имѣть свою причину во всемъ, что мѣшаетъ правильному основанію вниманія: въ недостаточности однородныхъ слѣдовъ и въ недостаточной связи ихъ, въ ихъ неправильныхъ, разсѣянныхъ соединеніяхъ съ чуждыми слѣдами (что происходитъ отъ того, если мы собираемъ въ память дитяти слишкомъ много разнородныхъ вещей, при чемъ, по *закону ассоціаціи*, соединяются самые разнородные слѣды, положенные одновременно); къ недостаточной силѣ стремленія слѣдовъ вообще (или иначе, въ прирожденной слабости душевныхъ стремленій); въ многочисленности слѣдовъ другаго рода; въ извращеніи образованія склонностей. Чтобы не блуждать въ потьмахъ, должно прежде всего убѣдиться, въ которомъ изъ этихъ моментовъ (а можетъ быть и во всѣхъ вмѣстѣ) скрыта причина разсѣянности. О склонностяхъ мы будемъ говорить ниже; но если причина разсѣянности скрывается только въ безпорядочности и разбросанности ассоціацій (самая обыкновенная причина разсѣянности въ дѣтствѣ), и если одичаніе пустило уже глубокіе корни, то основательное уничтоженіе ихъ вообще чрезвычайно трудно (а мы думаемъ, что по теоріи, непризнающей воли въ человѣкѣ, и совершенно невозможно). Только, если долгое время продолжать цѣлесообразно усложняющіяся упражненія въ указанномъ направленіи (?), то можно вытѣснить прежнія разсѣянныя ассоціаціи новыми, концентрированными. При этомъ въ особенности должно избѣгать нетерпѣнія, которое портитъ даже уже положенные правильно задатки, такъ-какъ при этомъ вниманіе дѣтьми обращается на душевное движеніе воспитателя и на то, чего дитя должно отъ нихъ страшиться,—и такимъ образомъ самъ воспитатель мѣшаетъ себѣ достичь предположенной цѣли [1])».

Но нѣсколько выше Бенеке, уступая своей теоріи, говоритъ: «сомнителенъ успѣхъ, если требуютъ отъ дитяти вниманія къ предмету, тогда какъ душа его (его сознаніе) уже занята другимъ предметомъ [2])». Но въ такомъ случаѣ не было бы никакой возможности обратить вниманія мальчика, поступившаго въ школу, на учебные предметы, такъ-какъ вниманіе его уже занято непремѣнно предметами неучебными. Ошибка бенековской (и гербартовской) психической теоріи, отвергающей произволъ души, высказывается здѣсь во всей силѣ: здѣсь дѣйствительность и практика прямо указываютъ на ошибку теоріи.

Но, тѣмъ не менѣе, замѣтка Бенеке о необходимости большей дозы терпѣнія со стороны воспитателя, когда требуется исправить испорченное вниманіе дитяти, имѣетъ полную свою силу. Ничто такъ не испытываетъ терпѣнія наставника, какъ испорченное вниманіе ученика, и ничто

[1]) Ibid. S. 89. Тоже самое въ отношеніи терпѣнія говоритъ и Бэнъ (The Senses and the Intellect. p. 212).

[2]) Ibid. S. 90.

такъ часто не вызываетъ упрековъ, брани и взысканій, которыя только еще болѣе отвлекаютъ вниманіе дитяти отъ предмета. Много надобно природнаго хладнокровія и привычки, чтобы не сердиться на упорную невнимательность иного дитяти, но не надобно забывать, что хладнокровіе здѣсь—неизбѣжное условіе, безъ котораго невозможно развитіе дѣтскаго вниманія.

Совершенно справедлива также и та замѣтка Бенеке, что воспитаніе вниманія не оканчивается дѣтскимъ возрастомъ, и что впослѣдствіи все наше образованіе, по какому бы то ни было спеціальному предмету, выражается въ накопленіи слѣдовъ и ихъ организаціи, слѣдовательно въ развитіи вниманія въ избранномъ направленіи [1]).

20. Такъ неполно разрѣшается у Бенеке важный для педагога вопросъ о вниманіи; но напрасно искали бы мы полнѣйшаго разрѣшенія этого вопроса у Гербарта и его послѣдователей. Кто смотритъ на сознаніе, какъ на *слово*, «придуманное для обозначенія собранія всѣхъ одновременно дѣйствующихъ представленій [2])», для того вниманіе будетъ всегда явленіемъ необъяснимымъ.

«Наше вниманіе, говоритъ, напр., послѣдователь Гербарта Дробишъ, покоится всегда на тѣхъ предметахъ чувственнаго воспріятія, которые въ это время достигаютъ высшей степени ясности [3])», а почему достигаютъ—неизвѣстно! Не наоборотъ ли: не достигаютъ ли въ нашемъ сознаніи особенной ясности именно тѣ предметы, на которые мы обращаемъ преимущественное вниманіе? Развѣ мы не можемъ каждую минуту повѣрить справедливость этого опытомъ?

Въ противоположность Бенеке, ученики Гербарта говорятъ, что «вниманіе наше привлекается только новизною [4])» представленій. Впрочемъ, это кажущееся противорѣчіе примиряется довольно легко. Если *новизна* предмета возбуждаетъ мое вниманіе, то именно въ той степени, въ какой этотъ *новый* слѣдъ противорѣчитъ прежнимъ слѣдамъ того же рода. Всѣмъ знакомъ фактъ, что повтореніе одного и того же впечатлѣнія ослабляетъ силу вниманія, и ничего нѣтъ труднѣе, какъ быть внимательнымъ къ длинному ряду совершенно сходныхъ впечатлѣній (вотъ почему мы засыпаемъ подъ однообразные звуки падающихъ капель); но точно такъ же нѣтъ ничего труднѣе, какъ замѣтить рядъ словъ на чуждомъ намъ языкѣ. Незначительное видоизмѣненіе (нѣчто новое) въ цвѣткѣ обратитъ сильное вниманіе ботаника и не обратитъ вниманія человѣка, не занимающагося ботаникой, т. е. имѣющаго мало однородныхъ

---

[1]) Ibid. S. 91.

[2]) Herbart's Lehrbuch. zur Psychol. S. 18. Замѣчательно, что въ *психологіи* Гербарта и Бенеке мало говорится о такомъ важномъ актѣ, каковъ вниманіе; только въ своей педагогикѣ Бенеке *былъ вынужденъ* заняться этимъ вопросомъ, столь опаснымъ для теоріи души, какъ ассоціаціи слѣдовъ.

[3]) Drobisch, Empyrische Psycholog. S. 81.

[4]) Ibid. S. 80.

слѣдовъ съ тою новизною, которая теперь ему представляется. Слѣдовательно, противоложныя замѣчанія Гербарта и Бенеке только дополняютъ другъ друга. Дѣло въ томъ, что нашему сознанію для того, чтобы оно могло усвоивать, непременно надобно *различать* и *сравнивать* и, чѣмъ сильнѣе возбуждается въ сознаніи какимъ нибудь предметомъ *эта сравнивающая* и *различающая* дѣятельность, тѣмъ сильнѣе будетъ степень нашего вниманія.

«Чувства наши, говоритъ Бэнъ, могутъ быть одинаково отврыты для каждаго впечатлѣнія; но только нѣкоторыя изъ этихъ впечатлѣній имѣютъ силу удержать монополію въ душѣ, давая ей большое потрясеніе удивленія (surprising [1])». Но удивленіе можетъ возникнуть только при двухъ условіяхъ: при новости впечатлѣнія и при существующихъ уже слѣдахъ однородныхъ впечатлѣній. Мы не удивляемся самымъ удивительнымъ вещамъ въ мірѣ только потому, что привыкли ихъ видѣть все въ томъ же видѣ; такъ, мы вовсѣ не удивляемся непостижимѣйшему изъ явленій—явленію тяготѣнія. Наоборотъ, столы и стулья, сами собою летающіе по воздуху, не возбудивъ удивленія въ младенцѣ, въ душѣ котораго набралось еще очень мало слѣдовъ отъ спокойнаго положенія этихъ предметовъ, безъ сомнѣнія возбудили бы во взросломъ напряженнѣйшее вниманіе.

21. Бэнъ, по своей британской натурѣ, вслѣдъ за Локкомъ, Ридомъ, Гамильтономъ, Чальмерсомъ, разработываетъ наиболѣе тѣ явленія вниманія, въ которыхъ выражается *воля* человѣка.

«Это фактъ, говоритъ Бэнъ, что мы можемъ *свободнымъ усиліемъ* измѣнить или отклонить потокъ образовъ или воспоминаній въ нашей душѣ... Но власть моя въ этомъ отношеніи не неограниченна: у однихъ эта власть болѣе, чѣмъ у меня; у другихъ — менѣе [2])». «Точно такъ же, говоритъ онъ далѣе, какъ мы можемъ сосредоточить свое вниманіе на одномъ пунктѣ въ предстоящей намъ разнообразной сценѣ, слѣдить за одними звуками, оставаясь глухими къ другимъ, или наблюдать давленіе на одну часть нашего тѣла, незамѣчая давленія на другія; точно такъ же мы можемъ въ нашемъ умственномъ вниманіи сильно фиксировать одну идею [3])». «Способность управлять нашими мыслями (въ сущ-

---

[1]) The Emotion and the Will. p. 637.

[2]) Ibid. p. 409.

[3]) Ibid. p. 410. Бэнъ хочетъ при этомъ доказать, что и на умственный образъ, занимающій мѣсто въ мозгу, мы дѣйствуемъ не иначе, какъ черезъ систему мускуловъ. Это необходимо ему потому, что онъ назначилъ для воли одну область—мускулы (въ противоположность съ германскимъ физіологомъ Людвигомъ, допускающимъ непосредственное воздѣйствіе воли на нервы чувства); но это утвержденіе Бэна не основывается на фактахъ. Какіе факты, напримѣръ, покажутъ намъ, что при возстановленіи тѣхъ или другихъ красокъ въ нашемъ воображеніи у насъ работаютъ глазные мускулы? Для этого мы должны были бы сфантазировать безчисленное число мускуловъ,

ности тоже, что способность управлять вниманіемъ) есть вовсе не какая-нибудь ранняя или легко-пріобрѣтаемая способность... Уже въ школѣ дитя можетъ быть пріучаемо фиксировать бѣглый взглядъ на находящуюся передъ нимъ азбуку; нѣсколько позднѣе учитель можетъ уже остановить вниманіе учениковъ на многихъ цифрахъ умственной ариѳметической задачи. Молодая душа, всегда отвращающаяся отъ сосредоточенія, можетъ сначала потребовать или возбужденія страха или приманки наградъ (словомъ, мотивовъ постороннихъ для предмета, по выраженію Бенеке, какъ мы видѣли выше); но, напослѣдокъ, все же наставникъ торжествуетъ. Власть эта (надъ вниманіемъ) быстро укрѣпляется хорошо направленными упражненіями и такъ созрѣваетъ въ разныхъ областяхъ умственной дѣятельности, что можетъ обойтись безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій. Конечно, развѣ только идіоты (да и тѣ не всегда) могутъ оказаться совершенно неспособными къ умственному вниманію, по крайней мѣрѣ въ той степени, которая требуется, чтобы выслушать самый простой вопросъ и отвѣтить на него. Но есть высшая степень усилій въ этомъ родѣ, которая принадлежитъ ученому, изобрѣтателю или человѣку, стоящему во главѣ какого-нибудь сложнаго дѣла. Для этихъ людей подобная способность есть соединеніе *произвольнаго* элемента съ *интеллектуальнымъ*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Большое изобиліе образовъ, идей и знаній, сохраняемыхъ памятью, приноситъ мало пользы для практическихъ цѣлей безъ этой власти останавливать и выбирать (между предметами сознанія, какъ внѣшними, такъ и внутренними, т. е. идеями), которая въ *своемъ началѣ* принадлежитъ чисто къ области воли [1])». «Слова—прилежаніе, постоянство, искусство и т. п. прямо указываютъ на энергію воли въ распоряженіи интеллектуальными способностями [2])».

Если мы сопоставимъ эти слова Бэна съ приведенными выше словами Бенеке, исключающими всякій произволъ во вниманіи, то для насъ ярко выскажутся особенности англійскаго и германскаго характера, отразившіяся и въ психологическихъ системахъ обоихъ народовъ. Даже впадая въ противорѣчіе со своимъ матеріалистическимъ міросозерцаніемъ, Бэнъ не можетъ отказаться отъ принципа *власти надъ собой*, отъ которой германецъ отказывается весьма хладнокровно.

Однако же оба эти противоположные взгляда на вниманіе имѣютъ свою справедливую сторону и даютъ намъ возможность стать на прямую дорогу.

22. Бенеке, видя въ нашей волѣ ничто иное, какъ произведеніе слѣдовъ ощущеній, потерялъ возможность объяснить явленіе произвольнаго вниманія, а когда столкнулся съ необходимостью признать его въ

сопровождающихъ всѣ безчисленные элементы ретины. Вотъ почему мы оставили это предположеніе Бэна, какъ бездоказательное.

[1]) Ibid p. 411.

[2]) Ibid. Примѣчаніе.

педагогической практикѣ, то спутался и скорѣе занялъ возникающіе вопросы, чѣмъ разрѣшилъ ихъ. Бэнъ же, напротивъ, придаетъ слишкомъ мало значенія слѣдамъ ощущеній и приписываетъ все дѣятельности воли, признавая какое-то безсодержательное созрѣваніе ея отъ упражненія. И то, и другое въ крайности своей невѣрно. Воля, какъ мы это увидимъ ниже, не возникаетъ изъ *слѣдовъ* ощущеній, но принадлежитъ душѣ, какъ ея самостоятельная способность; однако же степень нашего вниманія въ какой-нибудь области интеллектуальной дѣятельности возрастаетъ не прямо отъ упражненія воли въ этой области, но отъ постепеннаго накопленія въ ней слѣдовъ и ихъ, все болѣе и болѣе усложняющихся, ассоціацій — и это уже не сила воли, а сила интереса, т. е. сила самихъ слѣдовъ и ихъ ассоціацій. Конечно, упражняя нашу волю или волю другихъ въ *произвольномъ* направленіи вниманія, какъ на внѣшніе предметы, такъ и на наши идеи, мы замѣчаемъ, что эта операція, вначалѣ трудная, дѣлается все легче, хотя степень достигаемой легкости различается не только по степени упражненій, но и по врожденному характеру человѣка. Однако же и это общее укрѣпленіе воли въ отношеніи *всякаго рода* внѣшнихъ предметовъ и внутреннихъ идей, объясняется опять же *слѣдами* упражненій воли: чѣмъ болѣе накопляется въ душѣ слѣдовъ побѣдъ воли надъ упорствомъ непроизвольнаго вниманія, тѣмъ власть наша надъ вниманіемъ дѣлается сильнѣе, новыя побѣды для нея становятся легче [1]). И такъ, не увлекаясь крайностями, а *руководясь фактомъ*, мы признаемъ, что *начало* нашей власти надъ вниманіемъ лежитъ не въ *слѣдахъ ощущенія*, но и не въ *нервныхъ токахъ*, а въ душѣ, которая потому и имѣетъ возможность распоряжаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, непревышающихъ ея природныхъ силъ, какъ слѣдами ощущеній, лежащими въ нервной системѣ, такъ и нервными токами (если, конечно, эти токи существуютъ на дѣлѣ, а не въ одной теоріи Бэна). Свободное распоряженіе слѣдовъ ощущеній самихъ собою и токовъ одними другими — есть невозможная нелѣпость; а такъ-какъ фактъ свободнаго распоряженія существуетъ, то мы и должны приписать это явленіе особому существу — душѣ. Крѣпнетъ же власть наша надъ вниманіемъ слѣдами своей собственной дѣятельности.

23. Движимый скорѣе своимъ британскимъ характеромъ, чѣмъ послѣдовательностью своей теоріи душевныхъ токовъ, Бэнъ придаетъ громадное значеніе власти нашей надъ вниманіемъ. Онъ находитъ, что степень этой власти имѣетъ рѣшительное значеніе даже въ ученыхъ изысканіяхъ, гдѣ «энергія воли поддерживаетъ вниманіе въ выжидательномъ положеніи, и какъ только что-нибудь подходящее начинаетъ показываться уму,

---

[1]) Замѣчательно, что Эйлеръ считалъ ученье чтенію лучшимъ упражненіемъ дѣтскаго вниманія. Eul. Let: XXI. Въ нашемъ «Родномъ Словѣ» мы провели ту же мысль, показавъ ее выполненіе на практикѣ. См. книгу для учащихъ.

то вниманіе наше кидается на него, какъ звѣрь на свою добычу» [1]). Локкъ идетъ еще далѣе и въ различной степени умѣнья управлять потокомъ нашихъ мыслей видитъ главную причину различія людей по уму [2]).

24. Отправляясь отъ того факта, что наши различныя внутреннія чувства (гнѣвъ, радость, завистъ и т. п.) возбуждаются не иначе, какъ при представленіи ихъ предмета, какъ, напримѣръ, чувство дружбы—при видѣ или воспоминаніи друга, Бэнъ говоритъ, что и наоборотъ: «мы до нѣкоторой степени можемъ управлять нашими страстями, направляя нашъ умъ (наше вниманіе) на произвольно избираемые предметы или причины. Мы можемъ сами въ себѣ выработать любящее расположеніе духа, обращая наше вниманіе или (что все равно), вызывая въ насъ ряды идей или воспоминаній, способные пробудить въ насъ чувство любви. Подобными же стимулами воли, вызывая въ себѣ каталогъ обидъ, испытанныхъ нами, мы можемъ раздуть въ себѣ чувство негодованія. И, наоборотъ, мы можемъ удалить отъ себя потокъ тѣхъ или другихъ чувствъ, насильно обращая наше вниманіе въ противоположную сторону. Въ этомъ случаѣ мы сами дѣлаемъ для себя тоже, что наши друзья, а равно проповѣдники и моралисты, пытаются сдѣлать для насъ, представляя намъ насильно мысли, факты и разсужденія, могущія возбудить въ насъ желаемое настроеніе духа. Но эта операція (надъ самимъ собою) не легка и превосходитъ средства большинства людей» [3]).

Эта послѣдняя замѣтка Бэна едва ли справедлива: въ большей или меньшей степени каждый изъ насъ имѣетъ эту власть черезъ посредство вниманія надъ своими чувствованіями и каждый сколько-нибудь ею пользуется. Но, конечно, люди, способные подавить во всякое время самый сильный взрывъ страстей,—эти моральные силачи, встрѣчаются также рѣдко, какъ громадные физическіе силачи и геніальные умы.

Бэнъ справедливо полагаетъ, что такое вліяніе на страсти, черезъ посредство идей, легче, чѣмъ непосредственное вліяніе на мускулы: «такъ, смѣхъ намъ легче подавить, обращая мысли въ другую сторону, чѣмъ прямымъ усиліемъ». Но мы кромѣ того полагаемъ, что второй способъ подавленія страстей отъ перваго отличается тѣмъ, что въ сущности онъ вовсе не уничтоженіе страсти, а сокрытіе ея: такъ, подавляя наружное проявленіе смѣха, мы тѣмъ злѣе можемъ смѣяться надъ человѣкомъ въ глубинѣ нашей души; тогда-какъ, измѣняя идеи наши, мы уничтожаемъ самую причину смѣха. Спиноза придавалъ также, какъ и

[1]) Ibid. p. 414.

[2]) Locke's Worcks Vol. 1. p. 83. «Очень важно, говоритъ Локкъ, найти средство пріобрѣтать это умѣнье; но я не могу указать другаго, какъ частымъ упражненіемъ вниманія пріобрѣсть привычку вниманія». Тутъ ясно ошибочное пониманіе *привычки*: привычка и вниманіе—двѣ вещи, исключающія другъ друга. Привычка дѣлаетъ вниманіе ненужнымъ.

[3]) Ibid. p. 415.

Руссо, огромное значеніе этому средству черезъ вниманіе управлять нашими страстями. «Если мы, говоритъ Спиноза въ своей этикѣ, станемъ часто думать о несправедливости свойственной людямъ и о томъ, что лучшее средство побѣдить ненависть вовсе не ненависть, а любовь и великодушіе, то между образомъ несправедливости и этимъ правиломъ установится такая связь, что какъ только намъ будетъ сдѣлана несправедливость, такъ и это правило предстанетъ нашему уму» [1]). Руссо властью нашею надъ вниманіемъ, и черезъ него надъ воображеніемъ, доказываетъ возможность управлять нашими склонностями [2]). Самое полное искорененіе страстей противоположными имъ идеями представляютъ намъ христіанскіе мученики, не обнаружившіе и признака злобы къ своимъ мучителямъ, слѣдовательно вырвавшіе съ корнемъ то чувство гнѣва, которое кажется намъ столь естественнымъ. Бэнъ смотритъ на это высшее и по-истинѣ удивительное свойство человѣческой души только глазами практическаго англичанина, для котораго главное дѣло въ дѣлѣ, а не въ душѣ. «Привычка, говоритъ онъ, приневоливать теченіе нашихъ идей и направлять наше вниманіе, имѣетъ высочайшую цѣну, какъ для интеллектуальныхъ цѣлей, такъ и для управленія нашимъ темпераментомъ и нашими чувствами: достигнуть этой привычки—есть высшая степень самоуправленія» [3]). Мы же видимъ, что есть степень еще выше.

Тѣмъ же характеромъ отзывается и мнѣніе Локка о томъ же предметѣ. Показывая, какъ направленіе нашего вниманія зависитъ отъ привычки заниматься тѣми или другими предметами и смотрѣть на нихъ съ той или съ другой точки зрѣнія, Локкъ говоритъ: «очень важно пріучиться держать умъ нашъ свободнымъ отъ такихъ преобладаній, и обязанность воспитанія состоитъ не въ томъ, чтобы сдѣлать умъ нашъ совершеннымъ въ той или другой наукѣ, но такъ раскрыть его, чтобы онъ былъ способенъ ко всему» [4]). Еще рѣшительнѣе выражается другой англійскій психологъ Ридъ, говоря: «большая часть нашей мудрости и добродѣтели зависитъ отъ направленія, которое мы даемъ нашему вниманію» [5]). Знаменитый логикъ Джонъ Стюартъ Милль также придаетъ большое значеніе *произвольному* вниманію, хотя признаніе произвола во вниманіи противорѣчитъ его міросозерцанію [6]).

25. Однакоже, эта борьба со страстью, увлекающею наше вниманіе на ту или другую дорогу—не легка.

---

[1]) Spinoza Ethica. Part. V. Propos. 10. Сравни также P. IV Prop. 56.

[2]) Emil. p. 237. «Mais l'homme est-il maître d'ordonner ses affections? Sans doute s'il est maître de diriger son imagimation sur tel ou tel objet, ou de lui donner telle ou telle habitude.»

[3]) The Emotion and the Will. p. 316.

[4]) On the Conduct of the Understanding, by Locke. 1859. Lond. p. 49 и 50.

[5]) Read P. II. p. 538.

[6]) Mill's Logic. B. V. (on Fallacies). Ch. I. § 3.

«Если, говоритъ Бэнъ, мы имѣемъ въ виду усиліемъ нашей воли измѣнить теченіе нашихъ мыслей въ глубокой печали или при сильномъ гнѣвѣ, то противъ насъ дружно возстаютъ двѣ остальныя силы нашей природы: мы должны въ одно и тоже время противодѣйствовать потоку ассоціацій или собственно уму и бѣшенству возбужденнаго чувства» [1]).

Понятно само собою, что тому, у кого связь ассоціацій слабѣе, теченіе ихъ медленнѣе и самое чувство не такъ сильно, легче совладать съ этими врагами, которые однакоже въ другомъ отношеніи являются величайшими двигателями человѣческаго развитія и усовершенствованія. Сильная связь душевныхъ ассоціацій, а равно и упорная страсть, быстро и вѣрно подбирающая эти ассоціаціи, составляютъ необходимую принадлежность всякаго великаго характера,—необходимое условіе великихъ открытій и великихъ дѣяній. Вотъ почему у британскаго психолога слагается такой высшій идеалъ человѣка:

«Если мы представимъ себѣ, говоритъ Бэнъ: великій страстный характеръ, упорно подыскивающій то, что ему нужно, — умъ, необыкновенно сильный въ элементахъ умственнаго производства, и волю, которая держитъ въ подчиненіи и то, и другое — то должны будемъ сознаться, что желаемъ чего-то сверхъ-человѣческаго». Этотъ же британскій національный идеалъ встрѣчаемъ мы и во многихъ англійскихъ романахъ; такъ-какъ романъ вообще, насколько онъ націоналенъ, рисуетъ всегда, или положительно, или отрицательно, народный идеалъ человѣка.

ГЛАВА XX.

Вниманіе: выводы.

Изъ критическаго разбора различныхъ анализовъ вниманія, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Вниманіе совершенно необходимо для того, чтобы *впечатлѣніе* могло превратиться въ *ощущеніе;* это единственная дверь, черезъ которую впечатлѣнія внѣшняго міра, или ближе, состоянія нервнаго организма, вызываютъ въ душѣ ощущенія. Впечатлѣнія же, не сосредоточивающія на себѣ нашего вниманія, хотя и могутъ производить вліяніе на нашъ организмъ, но эти вліянія не будутъ сознаны нами.

2. Вниманіе не можетъ принадлежать самой нервной системѣ, такъ-какъ ясныя наблюденія показываютъ, что оно часто находится въ борьбѣ съ вліяніемъ нервовъ и въ этой борьбѣ иногда одолѣваетъ то вниманіе, то нервная система. Кромѣ того мы видѣли, что нервная система, выполнивъ необходимо всѣ *физическія* условія впечатлѣнія, отразивъ предметъ на сѣтчаткѣ глаза по законамъ оптики, или передавъ дрожаніе воздуха водѣ ушнаго лабиринта по законамъ акустики, тѣмъ не менѣе,

[1]) The Emotion and the Will. p. 417.

не даетъ намъ ощущенія, если вниманіе наше по какому-нибудь обстоятельству отвлечено отъ дѣятельности нервовъ. Наконецъ, мы видѣли, что вниманіе можетъ переходить съ одного предмета на другой и съ одной части предмета на другую безъ всякаго замѣтнаго измѣненія въ нервной системѣ. Всѣ эти наблюденія заставляютъ насъ признать, что вниманіе принадлежитъ какому-то особенному агенту, тѣсно связанному съ нервной системой, но не тождественному съ нею.

3. По дѣятельности своей, вниманіе можетъ быть раздѣлено на *произвольное* или *активное* и *непроизвольное* или *пассивное*. *Произвольное* вниманіе отличается отъ пассивнаго по тому вѣрному признаку, что выбираетъ себѣ предметъ съ замѣтнымъ усиліемъ съ нашей стороны; тогда-какъ *пассивное* вниманіе, наоборотъ, увлекается предметами или, вѣрнѣе сказать, состояніями нервной системы, которыя вызываются въ ней тѣми или другими вліяніями внѣшняго міра. Этотъ психическій фактъ такъ знакомъ каждому, что отъ него не могли отвернуться даже тѣ мыслители и психологи, для которыхъ существованіе *произвольнаго* вниманія было загадкою, противорѣчащею ихъ теоріи. Такъ, Гербартъ признаетъ вниманіе «непроизвольное» и «произвольное», объясняя послѣднее самообладаніемъ души [1]); но, какъ мы увидимъ ниже, самообладаніе души не имѣетъ никакого опредѣленнаго смысла, если признать самую душу собраніемъ представленій или слѣдовъ представленій: представленія, обладающія сами собою, совершенно непонятны, и такая душа, подчиняющаяся *своей* самой низкой страсти, точно также *обладаетъ собою*, какъ и та, которая подчиняется своей разумной мысли. Душа гербартовской теоріи, подчиняющаяся законамъ механики, знаетъ только *силу*, не разбирая, чья это сила — разума или страсти. Знаменитый логикъ Джонъ Стюартъ Милль также въ противорѣчіе со своею теоріею, говоря о вниманіи, постоянно прибавляетъ, что оно «произвольно въ извѣстныхъ предѣлахъ» [2]), хотя самъ же не можетъ признать существованія произвола. Бенеке въ своей психологіи уклоняется отъ рѣшенія вопроса, что̀ такое произвольное вниманіе и объясняетъ вниманіе такъ, что произволъ въ немъ становится невозможнымъ. Но въ своей педагогикѣ онъ не можетъ уже уклониться отъ вопроса о произвольномъ вниманіи и долженъ, противъ своего желанія, признать его существованіе или отказаться отъ возможности педагогической дѣятельности. Такимъ образомъ, не объясняя покудова, изъ чего можетъ происходить произволъ вниманія, мы просто должны признать существованіе произвольнаго вниманія за несомнѣнный фактъ, открываемый психологическими наблюденіями; должны признать, что «воля, какъ выражается Миллеръ, въ направленіи вниманія дѣйствуетъ съ неменьшею силою, какъ и въ управленіи нервами движенія» [3]).

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie § 213, а также и въ своей педагогикѣ.

[2]) Mill's Logic. B. V. Ch. 1. § 3. s. 294, 295.

[3]) Man. de Phys. T. II. p. 88.

4. Въ обыкновенномъ ходѣ нашего мышленія вниманіе *произвольное* и *пассивное* безпрестанно перемѣшиваются между собою, какъ это очень удачными примѣрами, хотя съ другою цѣлью, объяснилъ Рау, излагая психологію Бенеке [1]). Но, иногда мы ясно замѣчаемъ, что пассивное вниманіе беретъ верхъ надъ нами, что мы въ этомъ состояніи непроизвольно выбираемъ предметы для нашего мышленія, увлекаемые тѣми впечатлѣніями, которыя, по какой-нибудь причинѣ, настойчивѣе навязываются намъ нашею нервною системою. Часто, несмотря ни на какія усилія нашей воли, мы не можемъ оторваться отъ какого-нибудь предмета созерцанія или отъ какого-нибудь воспоминанія.

5. Власть наша надъ вниманіемъ играетъ большую роль и въ нашемъ умственномъ развитіи, и въ нашей практической жизни. Для человѣка необыкновенно важно быть въ состояніи произвольно выбирать предметы для своего мышленія и отрываться отъ тѣхъ, которые насильственно въ него вторгаются. «Умѣнье быть невнимательнымъ», отрываться отъ предметовъ, завладѣвающихъ нашимъ вниманіемъ, Кантъ ставитъ даже выше умѣнья быть внимательнымъ [2]). Локкъ ищетъ средства этого умѣнья и не находитъ другаго, кромѣ привычки быть внимательнымъ, пріобрѣтаемой упражненіемъ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Ридъ, наше спокойствіе, а часто и наша добродѣтель зависятъ отъ большей или меньшей степени нашей власти надъ направленіемъ нашего вниманія; но эта власть не безгранична. Можетъ быть, стоило бы только не думать о самой сильной боли, отвлечь отъ нея свое вниманіе, чтобы ее не чувствовать, и нѣтъ сомнѣнія, что самая мучительная мысль перестаетъ насъ мучить, когда мы замѣняемъ ее другою; но у многихъ ли людей и въ отношеніи всѣхъ ли мыслей и чувствъ найдется достаточно силы, чтобы по произволу удалять ихъ?

6. Формація и развитіе *пассивнаго* вниманія такъ хорошо разъяснены у Бенеке, что намъ осталось только дополнить его теорію теоріею Гербарта и показать, какъ мы это и сдѣлали выше, что предметъ, для того, чтобы быть для насъ интереснымъ, долженъ быть непремѣнно отчасти *знакомъ* намъ, а отчасти *новъ:* долженъ или вносить новыя звенья въ вереницы нашихъ слѣдовъ, или разрывать эти вереницы. Не такъ легко объяснить усиленіе произвольнаго вниманія, хотя это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Почти всѣ психологи, начиная съ Локка, согласно утверждаютъ, что произвольное вниманіе наше или, выражаясь точнѣе, власть нашей души надъ перемѣнами предметовъ сознанія, усиливается отъ *упражненія.* Но какая перемѣна происходитъ въ насъ отъ такихъ упражненій—этого нигдѣ не выяснено. Видно только одно, что власть

---

[1]) Benecke's Seelenlehre von Raue. p. 88.

[2]) Kant's Antropologie § 3. Фрисъ также думаетъ, что «многіе люди несчастливы именно отъ того, что не умѣютъ отвлечь своего вниманія». Handbuch der Antropol. s. 86.

[3]) Works. Vol. 1. p. 83.

наша надъ вниманіемъ тѣсно связана, съ одной стороны, вообще съ силою нашей воли, а съ другой — съ здоровымъ состояніемъ нервнаго организма: разстроенный или сильно раздраженный нервный организмъ — такой врагъ произвольнаго вниманія, съ которымъ не можетъ всегда справиться и сильная воля. Но вообще люди, замѣчательные по силѣ своей воли, замѣчательны также и по власти своей надъ вниманіемъ. Такъ, говорятъ, что Наполеонъ I могъ засыпать по желанію и спалъ спокойно наканунѣ самыхъ рѣшительныхъ битвъ; тогда-какъ люди съ раздраженными нервами и слабовольные лишаются сна отъ самой пустой безпокоящей ихъ мысли. Такъ, говорятъ, что Карлъ XII, отличавшійся желѣзною волею, а вовсе не блестящими умственными способностями, могъ, точно также, какъ и Цезарь, диктовать разомъ нѣсколькимъ секретарямъ, что показываетъ огромную степень власти въ распоряженіи своими мыслями. Слѣдовательно, все, что укрѣпляетъ волю, укрѣпляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и произвольное вниманіе. Воля же, какъ мы это увидимъ дальше, укрѣпляется именно своими побѣдами. Каждая побѣда воли, надъ чѣмъ бы то ни было, придаетъ человѣку *увѣренности* въ собственной своей нравственной силѣ, въ возможности побѣдить тѣ или другія препятствія, и этой увѣренности приписываемъ мы именно укрѣпленіе воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и укрѣпленіе произвольнаго вниманія. Кромѣ того, если человѣкъ съ дѣтства и юности своей не давалъ нервамъ властвовать надъ собою, то они не привыкнутъ раздражаться и будутъ ему послушны.

7. Вниманіе *активное* или произвольное естественно *переходитъ* во вниманіе *пассивное*. Почти всякое, новое для насъ занятіе требуетъ сначала отъ насъ активнаго вниманія, болѣе или менѣе замѣтныхъ усилій воли съ нашей стороны; но чѣмъ болѣе мы занимаемся этимъ предметомъ, чѣмъ удачнѣе идутъ наши занятія, чѣмъ обширнѣе совершается работа сознанія въ слѣдахъ, оставляемыхъ въ насъ этими занятіями, — тѣмъ болѣе предметъ возбуждаетъ въ насъ интереса, тѣмъ *пассивнѣе* въ отношеніи къ нему становится наше вниманіе. Локкъ, а вслѣдъ за нимъ и Бэнъ, хотя не такъ абсолютно, какъ Локкъ, этимъ самымъ процессомъ объясняютъ образованіе въ человѣкѣ тѣхъ или другихъ способностей и умственныхъ наклонностей. «Умъ, мало воспріимчивый къ какому-нибудь предмету, говоритъ Бэнъ, можетъ выработать въ себѣ это расположеніе настойчивымъ занятіемъ, подъ вліяніемъ произвольныхъ рѣшеній, направленныхъ на одинъ предметъ [1])».

Такое выработанное вниманіе дѣлается потомъ какъ-бы природною способностью; а если оно, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, выработалось въ раннемъ дѣтствѣ, то и дѣйствительно принимается часто за природную способность. Это явленіе тѣмъ понятнѣе, что и природныя способности наши разработываются въ наклонности и таланты тѣмъ же самымъ процессомъ. Мы уже видѣли, выше, что особенно удачно устроен-

[1]) The Emotion and the Will by Bain.p. 411.

ный, тонкій, впечатлительный органъ зрѣнія или слуха привлекаетъ къ себѣ сознаніе преимущественно передъ другими органами,—привлекаетъ именно тѣмъ, что даетъ сознанію болѣе работы и работы, относительно, легкой, если сравнить ея трудность съ результатами, которые ею достигаются т. е. болѣе обширной и удачной работы [1]). Мы увидимъ далѣе, что коренное свойство души нашей состоитъ въ требованіи дѣятельности и потому она преимущественно обращаетъ свое сознаніе къ той области ощущенія и слѣдовъ ощущенія, въ которой можетъ получить болѣе обширную, разнообразную и сравнительно легкую дѣятельность. Дѣятельность же сознанія, въ свою очередь, накопляетъ еще болѣе слѣдовъ въ той области, въ которой она преимущественно работаетъ; а слѣды этихъ работъ сознанія, расширяясь, усложняясь, укореняясь отъ повторенія, все сильнѣе и сильнѣе привлекаютъ сознаніе къ новымъ работамъ въ той же области. Такъ развиваются въ насъ пріобрѣтенныя способности и наклонности, точно также развиваются и тѣ природные задатки, которые были намъ даны уже въ особенностяхъ нашей нервной системы.

8. На такую формацію и на такое развитіе нашихъ способностей и наклонностей могутъ имѣть вліяніе совершенно случайныя обстоятельства. «Мы, говоритъ Локкъ, часто называемъ даромъ природы то, что̀ есть только слѣдствіе упражненія и практики. Если человѣкъ, по счастливому случаю, успѣлъ въ чемъ-нибудь, то эта удача заставляетъ его вновь пробовать себя на томъ же поприщѣ, пока онъ нечувствительно, самъ того не замѣчая, выработаетъ въ себѣ способность къ тому или другому дѣлу». Однако-жъ эта мысль Локка, не смотря на всю свою справедливость, проведена слишкомъ далеко. Сама первая удача должна же была отъ чего-нибудь зависѣть; если же она была чистымъ дѣломъ случая и не имѣла основанія въ нашихъ природныхъ способностяхъ, то за нею неминуемо послѣдуютъ неудачи, которыя парализируютъ вліяніе удачъ и отобьютъ у человѣка охоту идти по дорогѣ, для которой у него не было природнаго дара. Правда, есть характеры, для которыхъ, чѣмъ сильнѣе была борьба, тѣмъ крѣпче они привязываются къ пріобрѣтенному; но часто бываетъ и на оборотъ: непосильная трудность, встрѣчаемая въ началѣ дѣла, дѣлаетъ намъ самое дѣло противнымъ. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда въ душѣ человѣческой, многое зависитъ отъ счастливой гармоніи и равновѣсія силъ. Сознаніе наше не любитъ ни слишкомъ легкой, ни слишкомъ трудной работы; оно любитъ середину, т. е. *посильный* трудъ, но положеніе этой средины у различныхъ людей различно. Оно опредѣляется, съ одной стороны, нашими способностями, а съ другой — силою нашей воли. Кромѣ того на него имѣютъ вліяніе обстоятельства и даже просто случай. Но самъ по себѣ чистый случай способности не создастъ, хотя многіе однородные случаи, слѣдуя одинъ за другимъ, могутъ выработать наклонность, которая будетъ тогда не соотвѣтствовать способностямъ. Такъ, напримѣръ, извѣстна

[1]) См. выше, глава VII, п. 11, 12.

страсть Ришельё къ стихоплетству, хотя у великаго политика не было ни малѣйшаго дара поэзіи. Мы не знаемъ, какъ выработалась въ немъ эта наклонность, но понимаемъ, что льстецы могли ее укоренить въ немъ. Очень часто слишкомъ снисходительныя похвалы къ рисункамъ дитяти, развиваютъ въ немъ страсть къ рисованію, хотя у него нѣтъ ни малѣйшаго дара живописи [1]).

9. При такомъ взглядѣ на активное вниманіе, а равно и на возможность перехода активнаго вниманія въ пассивное, понятна уже сама собою обязанность воспитателя въ отношеніи вниманія воспитанниковъ. Воспитатель долженъ пользоваться способностью души—произвольно направлять свое вниманіе, долженъ укрѣплять власть души надъ вниманіемъ; но въ тоже самое время долженъ заботиться о томъ, чтобы пассивное вниманіе развивалось въ воспитанникѣ, чтобы его интересовало то, что должно интересовать развитаго и благороднаго человѣка, а это достигается не иначе, какъ множествомъ и стройностью слѣдовъ того или другаго рода. Принуждать себя вѣчно никто не въ состояніи, и если въ человѣкѣ не разовьется интересъ къ добру, то онъ не долго пройдетъ по хорошей дорогѣ. Изъ частныхъ побѣдъ надъ собою мало по малу выростаетъ сила, которая, сначала облегчаетъ намъ тотъ или другой путь, а потомъ ведетъ насъ по этому пути.

10. Аристотель, Спиноза ,Локкъ, Ридъ, Руссо, Бэнъ, всѣ единогласно находятъ во вниманіи лучшее средство управлять страстями. Поэтому, воспитывая власть человѣка надъ вниманіемъ, мы не только открываемъ ему широкую дорогу къ умственному развитію, но и даемъ могущественнѣйшее средство бороться со страстями и, не смотря на ихъ вліяніе, идти дорогою здраваго разсудка и добродѣтели. «Мы не можемъ *вѣрить* въ какую-нибудь мысль только изъ желанія или изъ страха», говоритъ Джонъ Стюартъ Милль: «самое страстное желаніе не дастъ возможности даже слабѣйшему изъ людей повѣрить чему-нибудь безъ признака умственнаго основанія, безъ какой-нибудь, хотя кажущейся, очевидности. Но чувства наши дѣйствуютъ на то, что въ нѣкоторой степени произвольно, а именно — на вниманіе человѣка, направляя его на заключеніе ему пріятное» [2]) и въ этомъ Милль видитъ одну изъ главныхъ причинъ нашихъ ошибокъ. Бороться же съ такимъ *вліяніемъ чувства* на вниманіе можетъ только тотъ, у кого не только окрѣпло *произвольное* вниманіе, но и *пассивное* вниманіе развилось, какъ слѣдуетъ: у кого интересы истины и добродѣтели сдѣлались главными руководящими интересами жизни именно потому, что онъ часто вращался и часто одерживалъ побѣды надъ собою въ этой области мысли и дѣйствій.

11. Что же такое вниманіе? какъ мы опредѣлимъ его? Одни психологи придаютъ ему слишкомъ большую самостоятельность. Такъ, напри-

---

[1]) О противорѣчіи между наклонностями и способностями см. у Бэна. The Senses and the Intellect, p. 45.

[2]) Mill's Logik. B. V. Ch. 1. § 3. p. 294.

мѣръ, Ридъ дѣлаетъ его особенною способностью души и ставитъ рядомъ съ сознаніемъ [1]). Другіе, какъ напримѣръ, Бенеке, вовсе вычеркиваютъ вниманіе изъ числа способностей и видятъ въ немъ только большее или меньшее накопленіе слѣдовъ, привлекающихъ другіе однородные слѣды. Намъ кажется, что справедливѣе всѣхъ думаютъ тѣ, которые опредѣляютъ вниманіе, какъ *способность сознанія сосредоточиваться* [2]). Мы думаемъ, однако, что это опредѣленіе слѣдуетъ расширить и опредѣлить вниманіе способностью, *не одного сознанія только, а всей души* сосредоточиваться въ той или другой сферѣ своей дѣятельности, т. е. или въ сферѣ сознанія, или въ сферѣ воли, или въ сферѣ внутренняго чувства.

Мы ясно можемъ замѣтить надъ собою, что при сильныхъ тѣлесныхъ страданіяхъ, а такъ-же въ гнѣвѣ, въ горѣ, въ радости и другихъ сердечныхъ или внутреннихъ чувствахъ, сознаніе наше тускнѣетъ и впечатлѣнія внѣшняго міра ощущаются нами слабо и неясно. Точно такъ же, при сильномъ напряженіи нашей воли въ какомъ-нибудь актѣ не только сознаніе, но и внутреннее чувство наше дѣйствуетъ слабо, какъ мы видѣли это на примѣрѣ матери, спасающей свое дитя изъ пламени. Вотъ почему мы думаемъ, что слѣдуетъ отличать *вниманіе въ обширномъ смыслѣ*, т. е. способность души сосредоточиваться въ одной изъ трехъ сферъ своей дѣятельности, *отъ вниманія въ тѣсномъ смыслѣ*, т. е. отъ способности души сосредоточиваться въ области сознанія на томъ или другомъ предметѣ сознанія.

12. Причины, сосредоточивающія дѣятельность души, очень разнообразны. Однѣ изъ нихъ принадлежатъ самой душѣ и изъ нея вытекаютъ—таковы источники произвольнаго вниманія; другія причины скрываются во вліяніяхъ на душу внѣшняго міра, чрезъ посредство нервнаго организма: это причины пассивнаго вниманія. Причины пассивнаго вниманія можно снова раздѣлить на внутреннія и внѣшнія.

а) *Внѣшнія причины*, сосредоточивающія наше пассивное вниманіе, заключаются въ силѣ самаго впечатлѣнія: не замѣчая легкаго прикосновенія, мы замѣчаемъ сильный толчекъ. Кромѣ абсолютной силы впечатлѣнія важна и его относительная сила: въ тишинѣ ночи мы слышимъ такіе звуки, которыхъ не могли бы разслышать днемъ; бѣлое виднѣе для насъ на черномъ фонѣ, чѣмъ на сѣромъ и т. п. Къ этому же роду причинъ, сосредоточивающихъ наше вниманіе, слѣдуетъ причислить болѣзненныя или періодическія состоянія нашего организма, которыя невольно привлекаютъ наше вниманіе, отвлекая его отъ другихъ предме-

---

[1]) Read's Works. Vol. 1. p. 230 и 240. Здѣсь Ридъ называетъ вниманіе «произвольною дѣятельностью души»; но въ другомъ мѣстѣ (Vol. II. p. 538) самъ себѣ противорѣчитъ, показывая прекрасными примѣрами, до какой степени бываетъ непроизвольно наше вниманіе.

[2]) Fichte. Psychologie. T. I. s. 89.

товъ. «Каждое тѣлесное чувство, говоритъ Гербартъ, можетъ ввести въ сознаніе связанные съ нимъ ряды представленій [1])».

б) Ко *внутреннимъ* причинамъ пассивнаго вниманія слѣдуетъ отнести самую связь слѣдовъ нашихъ ощущеній и ассоціаціи этихъ слѣдовъ. Одно представленіе вызываетъ за собою другое, съ нимъ связанное, по законамъ ассоціаціи слѣдовъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Сюда же слѣдуетъ отнести вліяніе сердечныхъ чувствъ, заправляющихъ нашимъ вниманіемъ, безъ посредства нашей воли и даже противъ воли. Такъ, мы противъ воли внимательны ко всему тому, что затрогиваетъ сильно возбужденное въ насъ чувство: гнѣвъ, страхъ, любовь, самолюбіе и т. п.

13. Мы невнимательны ко всему тому, что̀ намъ совершенно знакомо, если только при этомъ не задѣто какое-нибудь внутреннее, сильно возбужденное чувство; но мы такъ же невнимательны и ко всему тому, что намъ совершенно незнакомо, а потому не можетъ составить сильныхъ ассоціацій съ тѣми слѣдами, которые уже укоренились въ насъ. Другими словами, чтобы возбудить наше вниманіе, предметъ долженъ представлять для насъ новость; но новость интересную, т. е. такую новость, которая или дополняла бы, или подтверждала, или опровергала, или разбивала то, что уже есть въ нашей душѣ, т. е. однимъ словомъ, такую новость, которая что-нибудь измѣняла бы въ слѣдахъ, уже въ насъ укоренившихся. Появленіе новой планеты, могущее взволновать всѣ обсерваторіи, не было бы даже и замѣчено толпою. Нужно уже было быть волхвомъ, звѣздочетомъ, чтобы замѣтить новую звѣзду на небѣ.

14. Перечисливъ причины, сосредоточивающія нашу душу, перечислимъ теперь, хотя коротко, и послѣдствія такого сосредоточенія. Общія послѣдствія тѣ же, какія бываютъ всегда отъ сосредоточенія силъ. Чѣмъ сосредоточеннѣе душа въ какомъ-нибудь своемъ актѣ, тѣмъ болѣе силы обнаруживаетъ она въ немъ. Безумные обнаруживаютъ неожиданно большую силу во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Лунатики, какъ замѣтилъ еще Мюллеръ[2]), потому съ необычайной ловкостью ходятъ по крышамъ и заборамъ, что вся душа ихъ такъ сосредоточена на одномъ актѣ, какъ не можетъ быть она сосредоточена у бодрствующаго человѣка, чувства котораго открыты тысячамъ внѣшнихъ впечатлѣній. Животныя, можетъ быть, именно потому такъ ловки въ своихъ дѣйствіяхъ, что мало думаютъ и разсѣеваются.

15. Сосредоточеніе сознанія на предметѣ дѣлаетъ всѣ ощущенія, получаемыя нами отъ этого предмета, рѣзче и яснѣе, такъ-что мы замѣчаемъ такія черты въ картинѣ или такіе оттѣнки въ звукахъ, которыхъ и не подозрѣвали, когда сознаніе наше было развлечено. Отсутствіе развлеченія уже само по себѣ открываетъ возможность сосредоточенія сознанія. Вотъ почему, вслушиваясь въ арію пѣвца, мы инстинк-

---

[1]) Herbart's Schriften zur Psychologie. Herausgegeben von Hartenstein. Erst. T. § 214.

[2]) Man. de Physiologie. T. II. p. 99.

тивно закрываемъ глаза, удерживаемъ дыханіе, даже приподымаемся съ мѣста, желая по возможности уменьшить поле нашихъ впечатлѣній и тѣмъ самымъ усилить ощущеніе, вызываемое въ насъ наблюдаемымъ предметомъ. Вотъ почему у слѣпыхъ, для которыхъ закрыта громадная область дѣятельности зрѣнія, бываютъ обыкновенно тонки слухъ и осязаніе.

16. Чѣмъ сильнѣе вниманіе, тѣмъ ощущеніе отчетливѣе, яснѣе, а потому и слѣдъ его тѣмъ прочнѣе ложится въ нашу память [1]). Всякій испыталъ надъ собою, что мы тѣмъ тверже запоминаемъ какой-нибудь предметъ или какое-нибудь обстоятельство, чѣмъ болѣе они сосредоточили на себѣ наше вниманіе [2]). Незамѣчательные, обыденные предметы тысячами проходятъ ежедневно передъ нашими глазами, не сосредоточивая на себѣ нашего вниманія и потому не оставляя по себѣ никакого слѣда въ нашей памяти; предметъ же сильно сосредоточившій на себѣ наше вниманіе запоминается надолго. Можетъ быть, если бы человѣкъ способенъ былъ къ долговременному и *абсолютному* вниманію, то для него достаточно было бы прочесть разъ большую книгу, чтобы помнить ее отъ слова до слова. Такимъ абсолютнымъ вниманіемъ отличаются иногда идіоты, не развлекаемые въ своемъ созерцаніи словъ даже смысломъ того, что читаютъ. Такъ идіотъ, приводимый въ примѣръ Дробишемъ, прочтя разъ объемистую медицинскую диссертацію на латинскомъ языкѣ, передавалъ ее отъ слова до слова, не зная ни медицины, ни даже латинскаго языка [3]).

17. Не только ощущеніе, непосредственно получаемое нами отъ внѣшнихъ предметовъ, но также и *слѣды ощущеній*, изъ которыхъ слагаются наши представленія, становятся для насъ ярче, образнѣе, когда мы сосредоточиваемъ на нихъ свое вниманіе или когда уменьшается въ насъ возможность развлеченія. Во тьмѣ и тишинѣ ночи наши представленія пріобрѣтаютъ яркость дѣйствительности; а когда сонъ лишаетъ насъ возможности сравнивать яркость нашихъ внутреннихъ представленій съ яркостью дѣйствительныхъ ощущеній, то наши мечты превращаются въ сновидѣнія до того образныя, что мы вѣримъ въ ихъ дѣйствительность.

18. Сосредоточенность души въ области сердечныхъ чувствъ произво-

[1]) Elements of the Phylosophy by Dugald Stewart Ed. 1867. p. 216.

[2]) Для доказательства такого отношенія вниманіи къ памяти Дюгальдъ Стюартъ приводитъ примѣръ, что человѣкъ, незанимающійся особенно лошадьми, можетъ долго смотрѣть на лошадь, и потомъ не узнать ее; тогда-какъ лошадиный торговецъ, разъ и бѣгло взглянувъ на лошадь, узнаетъ ее потомъ между тысячами другихъ. (Elements of Phylosophy p. 217). Но это примѣръ не подходящій: здѣсь не столько дѣйствуетъ *интересъ*, сколько множество прежнихъ слѣдовъ и, вслѣдствіе этого множества слѣдовъ одного рода, лошадиный торговецъ умѣетъ отыскать сразу отличительный признакъ каждой новой лошади.

[3]) Empyrische Psychologie, von Drobisch. § 37. s. 95.

дитъ иногда гибельное дѣйствіе. Сосредоточенное, ни чѣмъ не развлекаемое горе, а еще болѣе радость, иногда убиваютъ человѣка, или производятъ такой глубокій переворотъ въ его нервномъ организмѣ, что этотъ разстроенный, извращенный организмъ отражается въ душѣ помѣшательствомъ. Сосредоточенность же души въ актѣ воли часто придаетъ этому акту, какъ мы уже показали выше, изумительную силу и ловкость.

ГЛАВА XXI.

Что такое значитъ — сознавать? Появленіе ощущенія.

1. Изучая вниманіе, мы не безъ намѣренія пропустили одну изъ замѣчательнѣйшихъ его особенностей, такъ-какъ она можетъ прямо повести насъ къ ближайшему знакомству съ *дѣятельностью сознанія* и къ ближайшому опредѣленію, что такое *ощущеніе*—этотъ матеріялъ всѣхъ душевныхъ построекъ.

2. Всякій, безъ сомнѣнія, замѣчалъ надъ самимъ собою, что *ясность сознанія*, независимо отъ большей или меньшей возбужденности вниманія, причины которой мы изложили выше, *находится въ обратномъ пропорціональномъ отношеніи съ числомъ впечатлѣній, входящихъ одновременно въ сознаніе*. «Вниманіе, говоритъ Мюллеръ, не можетъ заниматься разомъ большимъ числомъ впечатлѣній; если же многія впечатлѣнія являются одновременно, то ясность ихъ уменьшается пропорціонально ихъ множеству.» [1]).

3. Это такое простое и знакомое каждому явленіе, что мы не имѣли бы нужды доказывать его дѣйствительность, если бы не было противуположныхъ теорій. «Мы никогда не въ состояніи, говоритъ Вундтъ, одновременно видѣть образъ и слышать звукъ, сознавать настоящее впечатлѣніе и вспоминать протекшее представленіе, составлять сужденіе и образовывать понятіе. Если же наблюденіе надъ собственнымъ духомъ представляетъ намъ одновременность различныхъ актовъ мышленія, то это значитъ, что мы обманываемся быстротою, съ которою одинъ актъ смѣняется другимъ» [2]). Англійскій психологъ одного направленія съ Вундтомъ, Гербартъ Спенсеръ, отличаетъ физіологическія явленія отъ психическихъ именно тѣмъ, что тогда - какъ первыя «представляются безчисленнымъ числомъ различныхъ рядовъ (идущихъ разомъ, одновременно), явленія психическія представляются намъ единичнымъ рядомъ», т. е. идутъ одно за другимъ, а не вмѣстѣ, какъ явленія физіологическія [1]).

---

[1]) Man. de Phys. par J. Müller. T. II, p. 272.

[2]) Vorlesungen über die Menchen und Thierseele. 1863. Erst. Th. 4 Vorles s. 40.

[1]) Principles of Psychologie by Herb. Spencer. Lond. 1855. p. 491. Впро-

4. Но если самонаблюденіе въ этомъ случаѣ насъ обманываетъ, представляя намъ ощущенія, слѣдующія одно за другимъ, одновременными, то, спрашивается, какъ могли эти психологи удостовѣриться въ ошибкѣ нашего сознанія? Вундтъ, правда, ссылается на Аристотеля; но развѣ возможно въ такомъ дѣлѣ, какъ самосознаніе, ссылаться на кого-нибудь, кромѣ самаго сознанія? Если мы всѣ ошибаемся, принимая быстроту послѣдовательности душевныхъ актовъ за одновременность, то точно также могъ ошибаться и Аристотель, и повѣрить этой ошибки нѣтъ никакой возможности. Замѣчательно однако, что то мѣсто въ сочиненіи Аристотеля «De sensu et sensili», на которые ссылается Вундтъ, вовсе его не подтверждаетъ. «Есть нѣкоторыя вещи, говоритъ Аристотель, которыя могутъ быть соединяемы въ одно ощущеніе и есть другія, которыя соединяться не могутъ. Первыя принадлежатъ къ одному чувству и способны къ смѣшенію, послѣднія же принадлежатъ различнымъ чувствамъ. Такъ могутъ соединяться между собою различныя краски, а равно и различные тоны; но соединить въ одно ощущеніе, тонъ и краску—нельзя» [2]). Гдѣ же тутъ видитъ Вундтъ утвержденіе въ томъ, что два одновременныя впечатлѣнія невозможны? Здѣсь говорится только объ очень простомъ фактѣ смѣшанныхъ красокъ и смѣшанныхъ тоновъ и что нельзя смѣшивать тона и краски, какъ нельзя складывать верстъ и пудовъ. Напротивъ, въ своей книгѣ «О душѣ», Аристотель съ обычною силою своей логики опровергаетъ тѣхъ греческихъ натуръфилософовъ, которые, предупреждая Гоббеза, Вундта и Спенсера, объясняли душевныя явленія движеніями матеріи и потому не могли примириться съ очевиднымъ фактомъ необходимости сравненій между ощущеніями и, слѣдовательно, одновременности сравниваемыхъ ощущеній [3]). Это мѣсто въ Аристотелевой книгѣ «О душѣ» такъ замѣчательно, что мы разберемъ его подробнѣе, не потому, чтобы мы ссылались на Аристотеля въ дѣлѣ самосознанія, но потому, что его проницательная логика поможетъ намъ яснѣе описать явленіе, столько же доступное наблюденію нашему и каждаго изъ нашихъ читателей, сколько и наблюденію Аристотеля.

5. «Ощущеніе, говоритъ Аристотель, есть средняя мѣра для проти-

---

чемъ, Спенсеръ проницательнѣе Вундта и, видя вполнѣ невозможность мышленія безъ сравненій, а сравненій безъ одновременности сравниваемыхъ впечатлѣній, старается примирить открывающееся противорѣчіе, но примиряетъ его очень неудачно (стр. 503—505 и др.).

[2]) De sensu et sensili. Edit Berolin 1833. cap. 7, p. 231. Wund. Erst. Th. 1 Vorles. S. 42 и въ концѣ: Anmerkung zu 4 Vorles. S. 471.

[3]) Гоббезъ только возобновилъ мнѣніе древнихъ: «образы и цвѣта, говоритъ онъ, суть только появленіе въ насъ движеній, волненій или измѣненій, которыя производятся предметомъ въ нашемъ мозгу, или въ какойнибудь внутренней субстаціи головы».

воположностей въ ощущаемомъ, и потому-то ощущеніе можетъ различать ощущаемое. Среднее и есть различающее; ибо оно, въ отношеніи обѣихъ крайностей, есть нѣчто другое» [1]). Въ слѣдующей за тѣмъ главѣ, Аристотель говоритъ о растеніяхъ, что хотя они испытываютъ тепло и холодъ, но не чувствуютъ ихъ именно потому, что у нихъ нѣтъ *средняго* различающаго» [2]). Въ третьей же книгѣ «О душѣ» Аристотель еще яснѣе высказываетъ мысль, что ощущающее не можетъ быть ни одно, ни одной природы съ ощущаемымъ. «Мы *чѣмъ-то* различаемъ, говоритъ онъ, бѣлое и сладкое и все ощущаемое; вотъ изъ чего видно, что тѣло не есть послѣднее орудіе ощущенія; ибо тогда можно было бы различать осязаніемъ то, что само различаетъ. Нельзя отличать *отдѣльно*, что бѣлое различается отъ сладкаго; но и то, и другое должны сдѣлаться ясными черезъ нѣчто *одно*, общее имъ обоимъ; ибо иначе выходило бы, какъ будто *одно* ощущаешь *ты*, а *другое* ощущаю—*я*, и изъ этого уяснялось бы, что ощущаемое тобою отличается отъ ощущаемаго мною. Итакъ что-нибудь *одно* должно выражать, что впечатлѣнія различны, что бѣлое различается отъ сладкаго, и это одно *столько же мыслитъ, сколько* и *чувствуетъ* [3]). Что отдѣльнымъ и въ отдѣльное время нельзя различать отдѣльнаго — это ясно. Точно также *это различающее* выражаетъ, что добро отличается отъ зла: говоря объ одномъ (положимъ о добрѣ), что оно различно отъ другаго (отъ зла), это различающее тѣмъ же самымъ (и въ то же время) говоритъ и о другомъ (о злѣ), что оно отличается отъ перваго (добра). Если я говорю, что что-нибудь различается отъ другаго, то хотя я и не выражаю тогда же, что это второе отличается отъ перваго; но выражаю разомъ и то, и другое. Такимъ образомъ это дѣлается нераздѣльно и въ нераздѣльное время» [4]). Переводчикъ Аристотеля, Вейсе, думаетъ, что эта глава изъ книги «О душѣ» очень испорчена [5]), и дѣйствительно нѣкоторыя выраженія въ ней не совсѣмъ понятны; но общій смыслъ ея такъ ясенъ, что не трудно вполнѣ возстановить его, тѣмъ болѣе, что это не описаніе какого-нибудь историческаго событія, которое никогда не возвратится, но описаніе явленія, которое безпрестанно въ каждомъ изъ насъ вновь и вновь совершается.

6. Какъ бы не объяснили мы себѣ природу ощущенія, но въ томъ уже не можетъ быть сомнѣнія, что во всякомъ ощущеніи нашемъ мы что-нибудь да *различаемъ:* тьму отъ свѣта, тепло отъ холода, тишину отъ звука, одинъ звукъ отъ другаго, красное отъ зеленаго, твердое отъ мягкаго, сладкое отъ кислаго, движеніе отъ покоя, движеніе вверхъ отъ движенія внизъ и т. д. Если бы по какому-нибудь случаю, субъективно

---

[1]) Arist. De anima L. II cap. 11. Uebers. von. Weise. s. 62.

[2]) Ibid. cap. 12.

[3]) Въ главахъ «о разсудкѣ» мы увидимъ всю справедливость и глубину этой замѣтки Аристотеля.

[4]) De anima, L. III. cap. 2. Uebers. s. 70 и 71.

[5]) Ibid. S. 286.

въ насъ самихъ или объективно во внѣшней для насъ природѣ, исчезла для насъ возможность *различать*, то вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась бы и возможность *ощущать*. Если бы не было *свѣта*, то мы не только не ощущали бы свѣта, но не ощущали бы и *тьмы*, какъ не ощущаютъ ее слѣпорожденные; тьма существовала бы для зрячихъ, но не существовала бы для насъ, хотя мы ходили бы во тьмѣ: не существовала бы потому, что мы не имѣли бы возможности отличить ее отъ свѣта. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ *различеніе* совершенно тождественно *съ ощущеніемъ*. Но, можетъ быть, только свѣтъ и тьма, какъ отсутствіе свѣта, находятся между собою въ такомъ отношеніи, въ какомъ, по замѣчанію Аристотеля, находится для насъ добро и зло, или въ какомъ находятся между собою *плюсъ* и *минусъ* въ математикѣ? Однако же, всмотрѣвшись внимательнѣе и во всѣ другія ощущенія, мы замѣтимъ въ нихъ тоже самое. Предположимъ себѣ, что предсказаніе современной физики сбылось и что температура всѣхъ тѣлъ уравновѣсилась, такъ что всѣ тѣла, не исключая и нашего, имѣли бы одну и ту же высокую или низкую температуру, и положимъ, что мы продолжали бы жить и чувствовать. Тогда, безъ сомнѣнія, мы потеряли бы ощущеніе температуры: *не имѣя случая различать тепло отъ холода, мы не ощущали бы ни тепла, ни холода*. Могло бы даже случиться, что мы сильно *страдали* бы отъ *постояннаго*, *неизмѣняющагося* жара или отъ *постояннаго*, *неизмѣняющагося* холода, но не знали бы, отъ чего страдаемъ, не различали бы жара отъ холода: а слѣдовательно, не сознавали бы ни жара, ни холода; эти ощущенія, эти акты сознанія были бы для насъ невозможны. И въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, *различеніе*, *ощущеніе* и *сознаваніе* суть только различныя названія одного и того же психическаго акта. Возьмемъ еще одинъ случай: предположимъ, что все въ мірѣ стало *желтаго* цвѣта и мы легко поймемъ, что тогда для насъ не только бы не существовали ощущенія другихъ цвѣтовъ, потому что ихъ не было бы; *но не существовало бы ощущенія и желтаго цвѣта*, хотя бы онъ и былъ въ природѣ и дѣйствовалъ на наши глазные нервы, какъ дѣйствуетъ и теперь. Мы не ощущали бы его потому, что намъ не съ чѣмъ было бы его *сравнивать*, не отъ чего было бы его *отличать*, и потому мы перестали бы его *ощущать*, не могли бы его *сознавать*. Слѣдовательно, въ нашей психической дѣятельности не было бы всѣхъ тѣхъ матеріяловъ, которые даются ей теперь ощущеніями различныхъ цвѣтовъ, а слѣдовательно, не было бы и *понятія о цвѣтѣ*. Тоже самое приложимо ко вкусу, запаху и движеніямъ. Если мы сознали движеніе земли, то только потому, что наблюдали звѣзды. Если же бы вся вселенная двигалась также, какъ движется наша земля со всѣмъ, что на ней есть, то мы считали бы землю неподвижною.

Изъ всѣхъ этихъ небольшихъ анализовъ, а равно изъ всѣхъ тѣхъ опытовъ надъ различнаго рода ощущеніями, которые мы приводили въ главахъ объ органахъ чувствъ, мы вправѣ вывести, что *ощущеніе или*

сознаванiе есть не болѣе, какъ различенiе, плодъ сравненiя, и что тамъ, гдѣ невозможны сравненiе и различенiе—нѣтъ ощущенiй и нѣтъ сознанiя.

7. Но, спрашивается, развѣ мы не можемъ чувствовать страданiя или удовольствiя, не сравнивая ни съ чѣмъ нашихъ страданiй и нашихъ наслажденiй? Развѣ страданiя и наслажденiя, гнѣвъ и зависть не чувства? Дѣйствительно, если слову *чувство* мы придадимъ обширное значенiе, включивъ въ него, какъ сознанiе внѣшнихъ впечатлѣнiй, такъ и внутреннiя *сердечныя* чувства, недовольства, страданiя, гнѣва и т. д., то слово *чувствовать* будетъ заключать въ себѣ слово *сознавать*. Но мы можемъ гнѣваться, почти не сознавая того, что мы гнѣваемся, хотя въ нашихъ словахъ и поступкахъ будетъ выражаться гнѣвъ—и таковъ именно самый сильный гнѣвъ. Напротивъ, какъ только мы обратимъ свое сознанiе на наше чувство, на то, что мы гнѣваемся, гнѣвъ нашъ начнетъ замѣтно ослабѣвать. Точно также слѣдуетъ различать радость и сознанiе радости; страданiе и сознанiе страданiя. Но можно ли радоваться, не сознавая радости, или страдать не сознавая страданiя? Конечно, нѣтъ: если страданiе такъ сильно, что вся душа въ немъ сосредоточивается и сознанiе становится невозможнымъ, тогда мы теряемъ сознанiе, впадаемъ въ обморокъ. Точно также удовольствiе, гнѣвъ или страхъ могутъ до того усилиться, что сдѣлаютъ сознанiе невозможнымъ. Чувствовать боль и сознавать боль не одно и тоже: если мы слѣдимъ за перерывами боли, повышенiемъ или пониженiемъ ея интензивности, ея мѣстнымъ распространенiемъ и пр.: это значитъ, что мы сознаемъ боль. Но чѣмъ сильнѣе боль, тѣмъ сознаванiе ее становится затруднительнѣе; а поднявшись до высокой степени, она прекращаетъ сознанiе. Въ этой главѣ мы говоримъ о чувствѣ только въ тѣсномъ смыслѣ сознанiя и находимъ, что сознавать и различать одно и тоже. Анализъ же *внутреннихъ, сердечныхъ чувствъ* ожидаетъ насъ впереди.

8. Убѣдившись въ томъ, что сознавать или ощущать значитъ различать, а различенiе возможно только при сравненiи, мы легко уже убѣдимся въ томъ, что, еслибы сознанiе наше не могло *одновременно* сравнивать двухъ или болѣе впечатлѣнiй, то оно не могло бы ихъ различать, слѣдовательно, не могло бы ихъ сознавать—не было бы сознанiя. Еслибъ мысль Вундта, а отчасти и Спенсера, была справедлива, т. е. еслибы въ нашемъ сознанiи въ одно и тоже время не могло быть болѣе одного впечатлѣнiя, то актъ сравненiя былъ бы невозможенъ. Съ чѣмъ же я могу сравнить *единичное* впечатлѣнiе, если не съ другимъ современнымъ же ощущенiемъ или слѣдомъ бывшаго впечатлѣнiя, который, однакожъ, при актѣ сравненiя, изъ слѣда дѣлается современнымъ ощущенiемъ [1])? Сравненiе есть камень преткновенiя теорiй, подобныхъ теорiямъ Вундта и Спенсера. Вотъ почему, можетъ быть, и Джонъ

[1]) См. выше гл. XIX. п. 14. Тоже утверждаетъ и самъ Спенсеръ въ своей теорiи памяти. Это очень ясно выражено также у Милля (Logic T. I. p. 76).

Стюартъ Миль, какъ-то обходя этотъ актъ мышленія, называетъ его «необъяснимымъ», «исключительнымъ», «специфическимъ» и отводитъ ему особенное, послѣднее мѣсто въ основныхъ актахъ мышленія [1]). Но мы видимъ уже теперь, что сравненіе вовсе не какой-нибудь исключительный, неважный, *стоящій особнякомъ* актъ мышленія; но что это есть самый существенный актъ сознанія, безъ котораго самое сознаніе, а слѣдовательно и вся сознательная жизнь человѣка невозможны. Безъ современнаго ощущенія двухъ или нѣсколькихъ ощущеній или слѣдовъ бывшихъ ощущеній [2]), невозможно *сравненіе*; безъ сравненія—невозможно *различеніе*, безъ различенія—нѣтъ *сознанія*. Слѣдовательно, возможность сравненія есть необходимое условіе сознанія; а одновременность сознанія разомъ нѣсколькихъ ощущеній—есть необходимое условіе сравненія.

9. Вмѣстѣ съ признаніемъ необходимости процесса сравненія для происхожденія каждаго опредѣленнаго ощущенія, дѣлается совершенно невозможнымъ объясненіе психическихъ явленій, какими бы то ни было матерьяльными движеніями, будутъ ли то движенія нервныхъ волоконъ или движенія *нервнаго принципа*, или *психическаго эфира* и т. п. Если всякое впечатлѣніе, по признанію современной физіологіи, есть ничто иное, какъ движеніе нервовъ, вызываемое въ нихъ внѣшними вліяніями, то ясно само собою, что два нервныя движенія не могутъ сравнивать себя другъ съ другомъ: для этого *первое* движеніе должно бы быть *вторымъ* движеніемъ и въ тоже время самимъ собою, а *второе* движеніе—*первымъ* и въ тоже время самимъ собою. Впечатлѣніе сладкаго, примѣняясь къ выраженію Аристотеля, даетъ нашимъ нервамъ *одно* движеніе, а впечатлѣніе горькаго даетъ *другое*—противоположное; впечатлѣніе же зеленаго цвѣта опять особеннымъ образомъ движетъ наши нервы. Движенія эти могутъ совершаться въ отношеніи другъ друга двоякимъ образомъ: или *одновременно*, но *разномѣстно*, или въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но *разновременно*. Въ первомъ случаѣ два

[1]) Mill's Logic. Book. I. Ch. III. § 11. S. 75. Онъ признаетъ чувство сходства особеннаго рода ощущеніемъ: мы же доказываемъ, что всякое ощущеніе есть результатъ сравненія, т. е. чувство сходства и различія. Также см. B. I. Ch. V. § 6. Здѣсь онъ даетъ предложеніямъ, основаннымъ на сходствѣ особое и, притомъ, послѣднее мѣсто. Мы же утверждаемъ, что чувство сходства и различія есть основаніе всякаго предложенія. Но не противорѣчитъ ли Милль самъ себѣ (B. IV. гл. 2, p. 196), говоря, что сравненіе предшествуетъ всякой индукціи? Подробнѣе этотъ вопросъ разобранъ въ главахъ о разсудкѣ.

[2]) Ощущать слѣдъ бывшаго впечатлѣнія и ощущать настоящее впечатлѣніе—въ сущности одно и тоже. Въ обоихъ случаяхъ мы ощущаемъ нервное состояніе; слѣдовательно, ощущая слѣдъ бывшаго впечатлѣнія и настоящее впечатлѣніе одновременно, мы ощущаемъ разомъ два различныя состоянія нервовъ.

различныя нервныя движенія, изъ которыхъ одно, положимъ, дастъ намъ впечатлѣніе зеленаго цвѣта, а другое — впечатлѣніе краснаго, будутъ выполняться двумя разными системами глазныхъ нервовъ [1]). Во второмъ случаѣ два различныя нервныя движенія одного и того же рода, но различной силы (быстроты, или непрерывности) будутъ выполняться одними и тѣми же нервами, но въ различное время: одно сначала, а другое потомъ, когда первое уже прекратится. Ясно само собою, что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ сравненіе между этими различными нервными движеніями, а слѣдовательно и различеніе ихъ было бы совершенно невозможно, если бы *то, что различаетъ*, были бы тѣ же самые движущіеся нервы. Утверждать это все равно — воспользуемся опять мѣткимъ словомъ Аристотеля — что утверждать, что если бы одинъ человѣкъ ощущалъ красный цвѣтъ, а другой ощущалъ зеленый, то изъ этого могло бы возникнуть различеніе зеленаго цвѣта отъ краснаго. По такъ-какъ различеніе, какъ мы уже доказали, есть тоже самое, что ощущеніе и сознаніе, то ясно, что актъ сознанія не можетъ быть выполняемъ нервами, а долженъ быть выполняемъ чѣмъ-то особеннымъ, отдѣльнымъ отъ нервовъ, чѣмъ-то такимъ, что не стѣсняется условіями мѣста и времени.

10. Нервы наши способны къ *одновременнымъ*, но *разномѣстнымъ* движеніямъ; они способны также къ *одномѣстнымъ*, но *разновременнымъ* движеніямъ: къ соединенію же различныхъ движеній въ одно мѣсто и въ одно время, что требуется для выполненія самаго простаго ощущенія, самаго простаго акта сознанія, не способны ни нервы, ни что-нибудь иное матерьяльное. *Ничто матерьяльное,* на сколько наука опредѣлила матерію, *не способно*, какъ замѣтилъ еще Аристотель, *въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ двигаться въ различныхъ направленіяхъ*. Движеніе, вызываемое въ нервахъ впечатлѣніями чернаго цвѣта, противоположно движенію, вызываемому въ нервахъ впечатлѣніями бѣлаго цвѣта. Но для того, чтобы совершился актъ ощущенія, т. е. различенія между этими двумя движеніями, первое должно было бы сдѣлаться вторымъ и второе первымъ въ одинъ и тотъ же моментъ времени и въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Напрасно мы, слѣдуя Фехнеру, старались бы увернуться изъ желѣзныхъ клещей аристотелевской логики, представляя себѣ, что такое *отождествленіе противоположныхъ движеній съ полнымъ сохраненіемъ ихъ противоположности* (иначе нечего было бы и различать) сдѣлается возможнымъ, если мы ускоримъ быстроту этихъ движеній въ громадной степени (громадныя цифры — обыкновенное прибѣжище худой логики). Мы не можемъ понять движенія иначе, какъ совершающимся въ пространствѣ и времени: иначе это будетъ уже не движеніе, а нѣчто другое. Какъ бы ни было быстро движеніе, всякая данная частица движущагося

---

[1]) См. выше, гл. VI. п. 16.

тѣла (всякій молекюль его или даже атомъ) въ настоящій моментъ будетъ уже не тамъ, гдѣ была въ прошедшій. Напрасно также прибѣгли бы мы въ этомъ случаѣ, как и пробовали дѣлать иные, къ извѣстному механическому явленію одновременнаго дѣйствія двухъ силъ на одно и тоже тѣло или, къ такъ называемому, *параллелограму силъ*. Если тѣло подъ вліяніемъ двухъ различно дѣйствующихъ на него силъ движется по среднему направленію, т. е. по діагонали параллелограма, то, какъ справедливо замѣтилъ Лотце [1]), здѣсь происходитъ не соединеніе двухъ движеній, а третье, новое движеніе, тогда-какъ для акта сознанія должны бы совпасть два различныя движенія, нисколько не утрачивая своего различія. Движеніе, которое дается нашимъ нервамъ вліяніемъ краснаго луча, должно бы ощущать, что оно не то, которое дается вліяніемъ желтаго луча, а для этого оно должно бы быть движеніемъ желтаго луча и въ то же время движеніемъ краснаго. *Изъ этого мы въ полномъ правѣ вывести, что никакое матерьяльное движеніе не способно выполнить того акта, который мы называемъ ощущеніемъ или вообще сознаніемъ.* Вотъ почему психологи и мыслители физіологическаго направленія такъ неохотно вдумываются въ актъ сравненія, лежащій, какъ мы видѣли, въ основѣ всѣхъ ощущеній,—этихъ единственныхъ матеріаловъ всѣхъ нашихъ сознательныхъ психическихъ работъ.

11. Однако же не привелъ ли насъ нашъ анализъ акта ощущенія къ странному и непримиримому противорѣчію? Для того, чтобы ощущать, какъ мы доказали, нужно уже сравнивать два различныя впечатлѣнія, нужно ихъ уже различать; но для того, чтобы сравнивать и различать впечатлѣнія, развѣ не нужно уже ихъ ощущать? Къ этому противорѣчію, какъ кажется, пришелъ и Аристотель и отвѣтилъ на него не положительно, но вопросомъ, смыслъ котораго не совсѣмъ для насъ понятенъ [2]). Это же противорѣчіе почувствовалъ и Кантъ, когда задался вопросомъ: «видимъ ли мы цвѣта только чувственно или съ помощію сравнивающаго разума?» Это же противорѣчіе заставило и Фриса отдѣлить «чистое созерцаніе» отъ «чувственнаго созерцанія» [3]). Однако же такое раздѣленіе кажется намъ лишеннымъ смысла, ибо мы видимъ, что самые чувственные изъ нашихъ актовъ сознанія — ощущенія цвѣтовъ, звуковъ, вкусовъ и т. д., требуютъ уже предварительно различенія, а слѣдовательно и сравненія. Что же такое будетъ «чувственное созерцаніе», если оно не будетъ ощущеніемъ? Въ этомъ случаѣ мы только описываемъ явленіе, не будучи въ состояніи отгадать тѣхъ средствъ, которыми это явленіе выполняется; но развѣ, описывая напр. явленіе притяженія или электричества или явленіе химическаго сродства, мы понимаемъ средства, которыми эти явленія выполняются? «Вездѣ мы

[1]) Mikrokosmos. Erst. B. s. 179.
[2]) Arist. De Anima. Lib. III. Cap. 2. Uebers. s. 71.
[3]) Antrop. Erst. T. s. 106.

видимъ только *какъ* и не знаемъ *почему*» [1]). И въ явленіи сознаванія для насъ ясно только одно, что душа наша начинаетъ сознавать, когда получается возможность сравнивать и различать,—что ощущеніе единичныхъ впечатлѣній въ ихъ раздѣльности для души невозможно, что она, наконецъ, сознаетъ только отношеніе между единичными впечатлѣніями, а не самыя единичныя впечатлѣнія. Всякое ощущеніе, какъ сказалъ Аристотель, есть непремѣнно отношеніе и душа сознаетъ только эти отношенія между нервными движеніями, а не самыя нервныя движенія, о которыхъ она *непосредственно* ничего не знаетъ, равно какъ и о самыхъ нервахъ: то и другое открывается только *объективною* наукою.

12. Признавъ за фактъ, что ощущеніе единичнаго нервнаго движенія для души невозможно, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны признать, что и *раздвоеніе* сознанія между двумя нервными движеніями также невозможно. Если бы сознаніе при этомъ раздваивалось, то ощущеніе опять было бы невозможно, какъ невозможно полное совпаденіе двухъ различныхъ движеній съ полнымъ сохраненіемъ ихъ различія. Изъ этого прямой выводъ тотъ, что *актъ сознанія не есть движеніе, а нѣчто особенное, свойственное одной душѣ и невозможное для матерьяльнаго міра* Самое поверхностное наблюденіе надъ дѣятельностью нашего сознанія убѣдитъ насъ, что всякое раздвоеніе противно природѣ сознанія и что если оно не можетъ соединять, то оно перестаетъ дѣйствовать. Сознаніе можетъ собою обнимать одновременно два впечатлѣнія; но только подъ условіемъ, что оно находитъ между ними отношеніе. Собственно говоря, сознаніе сознаетъ всегда только одно отношеніе между впечатлѣніями и не можетъ стремиться въ разныя стороны, къ разнымъ впечатлѣніямъ, несоединяемымъ въ одно отношеніе. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова Аристотеля о «единствѣ сознанія», которыми такъ злоупотребилъ Вундтъ.

13. Нервныя впечатлѣнія могутъ разсѣевать сознаніе, могутъ, такъ сказать, тянуть его въ разныя стороны. Не признавъ этого, мы не могли бы себѣ объяснить, какимъ образомъ одно впечатлѣніе можетъ вытѣснить изъ души другое, а этотъ фактъ ежеминутно въ насъ совершается. Во время борьбы новаго впечатлѣнія со старымъ, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго (когда, напримѣръ, стукъ или холодъ, или какое-нибудь другое впечатлѣніе прерываютъ ходъ нашихъ мыслей и т. п.) долженъ быть непремѣнно моментъ, когда оба эти впечатлѣнія, и вытѣсняющее, и вытѣсняемое, находятся въ сознаніи, т. е. оба они сознаются. Но само по себѣ сознаніе не можетъ стремиться къ двумъ разнымъ, ничѣмъ между собою несоединеннымъ впечатлѣніямъ. Полную

[1]) Введеніе въ опытную медицину. Клодъ-Бернара, стр. 130. «Когда мы знаемъ, что вода и всѣ ея свойства представляютъ результатъ соединенія кислорода съ водородомъ въ извѣстныхъ пропорціяхъ, то мы знаемъ все, что можемъ знать объ этомъ предметѣ, и это отвѣчаетъ на вопросъ *какъ*, а не *почему*».

невозможность такого раздвоенія сознанія можетъ испытать на себѣ всякій, попытавшись разомъ направить свое сознаніе на два предмета. Изъ этого мы вправѣ вывести, что вліянія внѣшняго міра, вызывая въ нашемъ организмѣ разомъ множество различныхъ, одновременныхъ нервныхъ движеній, стремятся всегда развлечь сознаніе, увлекаютъ его въ разныя стороны; но сознаніе, по самой природѣ своей, борется съ этими увлеченіями и всегда стремится къ единству, къ сознанію общаго отношенія. Не только сознаніе не можетъ направиться на два разныя впечатлѣнія; но оно точно также не можетъ направиться на два разныя, уже сознанныя имъ отношенія. Оно всегда будетъ стремиться найти отношеніе, общее этимъ отношеніямъ — *отношеніе отношеній*. Это стремленіе сознанія всегда къ единству и *полная невозможность для него стремленія обратнаго,* стремленія въ различныя стороны или въ различныхъ направленіяхъ, безъ сомнѣнія, и было причиною, почему, при поверхностномъ наблюденіи, Вундту, Спенсеру и другимъ писателямъ того же направленія казалось, что сознаніе въ одно и то же время можетъ ощущать только одно впечатлѣніе, одно нервное движеніе.

14. Изучая впослѣдствіи дѣятельность памяти, воображенія и разсудка, мы увидимъ, что самая степень ясности сознанія зависитъ отъ количества выполненныхъ имъ соединеній; но и теперь уже можно замѣтить, что чѣмъ болѣе отношеній соединило сознаніе въ одно общее отношеніе, тѣмъ яснѣе отразится въ немъ предметъ, который своимъ вліяніемъ на органы чувствъ и нервную систему вызвалъ въ душѣ всѣ эти акты сравненія и различенія, всѣ эти отношенія и отношенія отношеній. Взглянувъ бѣгло на большую картину, на которой нарисовано множество лицъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, мы сохранимъ въ душѣ нашей только самое неясное сознаніе картины; но чѣмъ пристальнѣе мы будемъ вглядываться въ ея подробности, связывая эти подробности въ общія отношенія и если, наконецъ, идя этимъ путемъ, мы постигнемъ *основную идею* картины, т. е. то общее для всѣхъ ея подробностей отношеніе, которымъ всѣ онѣ связываются въ одно цѣлое, тогда только наше сознаніе картины достигнетъ высшей степени. При такой степени сознанія достаточно, чтобы въ насъ родилась основная идея картины, и всѣ подробности ея возникнутъ передъ нашимъ умственнымъ взоромъ. Впрочемъ, это явленіе объяснится намъ болѣе, когда мы изучимъ законы ассоціацій, по которымъ сознаніе наше дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ и на основаніи которыхъ слѣды работъ нашего сознанія сохраняются въ памяти тѣлесной и душевной не отдѣльно, а цѣлыми вереницами, группами и сѣтями.

ГЛАВА XXII.

Припоминаніе.

1. Актъ *припоминанія* такъ часто и такъ ясно совершается въ насъ, что каждый имѣетъ полную возможность наблюдать его. Наблюдая же этотъ актъ, мы легко замѣтимъ, что онъ бываетъ *двоякаго рода*. Одно припоминаніе бываетъ невольное, которое потому мы назовемъ *механическимъ*; въ другомъ мы замѣчаемъ ясно участіе нашего желанія: мы стараемся припомнить, что намъ нужно, и наше желаніе исполняется иногда очень не скоро, а иногда остается даже и вовсе безъ исполненія, не смотря на долгія старанія наши. Такое припоминаніе, такъ-какъ иниціатива его выходитъ изъ души, мы назовемъ *душевнымъ*. Припоминаніе душевное и припоминаніе механическое часто перемѣшиваются между собою въ одинъ продолжительный процессъ. Вспомнивъ произвольно какое-нибудь событіе нашей жизни, мы начинаемъ развертывать длинную цѣпь воспоминаній—одно звено за другимъ, и при этомъ замѣтимъ, что одни изъ звеньевъ этой вереницы воспоминаній сами собою входятъ въ наше сознаніе, иногда пробуждая въ насъ замѣтное чувство изумленія, вызываемаго неожиданностью; тогда какъ другое звено, наоборотъ, долго, а иногда и вовсе не поддается нашимъ душевнымъ усиліямъ.

2. Причины и средства *механическаго припоминанія* уже объяснены нами въ главахъ «о рефлексахъ», «привычкѣ» и «нервной памяти». Ясно само собою, что въ этомъ припоминаніи привычки нервовъ, почему либо связанныя между собою, взаимно вызываютъ одна другую; какъ вообще одинъ рефлексъ вызываетъ другой, съ нимъ связанный [1]).

3. Гораздо труднѣе объяснить явленіе *душевнаго припоминанія*, хотя это одно изъ самыхъ частыхъ и самыхъ яркихъ душевныхъ явленій. Кто изъ насъ не испытывалъ того, довольно мучительнаго, состоянія, когда мы припоминаемъ что-нибудь, чего, казалось, не могли забыть, и что однако-же позабыли. То *то*, то *другое* подвертывается ищущему сознанію; но оно отвергаетъ и *то*, и *другое*, ясно сознавая, что это *не то*, чего оно ищетъ. Слѣдовательно, нельзя сказать, чтобы наше сознаніе совершенно не знало, чего оно ищетъ: уже для того, чтобъ искать, оно должно знать, чего ищетъ. Но, съ другой стороны, если бы сознаніе наше знало, чего ищетъ, то ему не нужно было бы искать. Если библіотекарь ищетъ данной книги въ своей библіотекѣ и не находитъ, то это потому, что библіотекарь и библіотека два разныя существа, и на полкахъ библіотеки можетъ не оказаться тѣхъ книгъ, образъ и заглавіе которыхъ, а можетъ быть и содержаніе, сохраняются въ головѣ библіотекаря. И на оборотъ, можетъ случиться и такъ, что на полкахъ библіотеки стоитъ книга, о которой ничего не знаетъ библіотекарь. Но если душа наша была бы разомъ и библіотекарь и библіотека, то этого не

[1]) См. выше гл. XII, XIII, XVI.

могло бы съ нею случиться. Библіотека, одаренная сознаніемъ, не могла бы позабыть, что въ ней хранится; а если бы та или другая книга исчезла изъ нея, то библіотека не могла бы ее вспомнить. Если бы память библіотекаря была въ то же время и библіотекою, то ей нечего было бы искать: все, что въ ней есть, было бы ею самою.

4. Такимъ образомъ, если бы припоминаніе было дѣломъ одной души, какъ это утверждаютъ психологи—идеалисты [1]), то тяжелое ощущеніе долгаго и нерѣдко безплоднаго припоминанія было бы невозможно. Душа или воспроизводила бы свой прежній актъ или не могла бы его воспроизвести, не зная ничего о своемъ безсиліи: середины не могло бы быть. А между тѣмъ, душа наша очень часто ищетъ *чего-то* опредѣленнаго въ области памяти: перебираетъ при этомъ тѣ или другія подвертывающіяся ей воспоминанія и отвергаетъ ихъ, какъ негодныя, какъ не тѣ, которыхъ она ищетъ; *слѣдовательно, душа наша знаетъ, чего она ищетъ въ области памяти.* То же самое слѣдуетъ сказать и о нервной системѣ. Если бы весь актъ воспоминанія совершался одною нервною системою, то явленіе припоминанія, столь знакомое каждому изъ насъ, было бы невозможно. Нервная система или прямо воспроизводила бы прежде установившееся въ ней привычное движеніе, или не могла бы его воспроизводить, и не сознавала бы въ то же время своего безсилія; она не могла бы въ одно и тоже время и знать то, чего она въ себѣ ненаходитъ, и не находить того, что она въ самой себѣ знаетъ. Словомъ, актъ неудачнаго припоминанія, продолжающійся въ насъ иногда слишкомъ долго, чтобы мы могли его не замѣтить, былъ бы невозможенъ, если бы въ этомъ актѣ не участвовали два агента: *сознаніе* и *нервная система*. Можетъ быть, ни въ чемъ не выражается такъ ощутительно двойственность нашей природы, какъ въ актѣ припоминанія.

5. Чтобы уяснить себѣ сколько возможно способъ участія каждаго изъ этихъ двухъ агентовъ (нервной системы и сознанія) въ актѣ припоминанія, мы должны припомнить, какую роль играли тѣ же агенты въ произведеніи ощущенія: *нервная система* давала два или болѣе одновременныя движенія; а *сознаніе* ощущало отношеніе этихъ движеній и, такимъ образомъ, рождалось опредѣленное ощущеніе. Но если таковъ способъ происхожденія ощущеній, то, вѣроятно, таковъ же и способъ сохраненія ихъ слѣдовъ въ нашей памяти. Душа помнитъ то, что есть ея собственное дѣло—т. е. помнитъ *отношенія*, а нервная система сохраняетъ слѣды того, что произведено ею же,—а именно: слѣды нервныхъ движеній въ видѣ пріобрѣтенной *привычки* къ тому или другому движенію.

6. Въ какой формѣ сохраняются душею *слѣды* разъ прочувствованныхъ ею *отношеній* между двумя нервными движеніями—этого мы не знаемъ; но точно также не знаемъ мы и того, въ какой формѣ нервная система сохраняетъ слѣды *движеній*, испытанныхъ ею разъ или нѣ-

[1]) Напр. Эрдманъ, Розенкранцъ, Фихте-сынъ и др.

сколько разъ. Послѣднюю форму мы назвали *привычкою*, показавъ въ то же время всю неудачу попытокъ объяснить, въ чемъ состоитъ сущность привычки [1]); первую же форму—форму, въ которой душа сохраняетъ слѣды прочувствованныхъ ею отношеній, — мы назовемъ *идеею*.

7. Мысль о томъ, что душа сохраняетъ въ себѣ только отношенія движеній, вызываемыхъ въ тѣлѣ вліяніями внѣшняго міра, видна уже у Аристотеля, и изъ этой мысли, съ помощію Декарта, вышла впослѣдствіи крайняя идеалистическая школа, превратившая всю душу въ *одни отношенія*, и математическая школа въ психологіи, поставившая всю задачу этой науки въ томъ, чтобы уловить математическіе законы этихъ отношеній. «Идея, говоритъ Ридъ: вошла въ философію съ скромнымъ характеромъ образа или представителя вещи»; но потомъ она разрушила существованіе того, что должна была представлять собою. Посредствомъ идей найдено было, что «тепло и холодъ, звукъ и цвѣтъ, вкусъ и запахъ суть сами только идеи». Беркли провелъ *идею* еще на шагъ далѣе и нашелъ, что протяженіе, плотность, пространство, фигура и тѣло суть идеи и что нѣтъ ничего въ мірѣ, кромѣ идей и духа. «Но полнаго торжества идея достигла въ «трактатѣ о человѣческой природѣ» (Юма), въ которомъ удаленъ уже и духъ, и оставлены однѣ идеи, какъ единственныя существа міра» [2]).

8. Въ Германіи слово *идея* имѣло подобную же исторію; потому что философская Германія въ этомъ отношеніи получала свое направленіе изъ Франціи и Англіи. Картезіанское опредѣленіе души, какъ существа *всегда* мыслящаго, пройдя субъективный идеализмъ Фихте — *отца*, выработалось въ гегелевской философіи въ опредѣленіе души, какъ мысли, или какъ идеи [3]); а въ психологіи Гербарта, и еще болѣе Бенеке, душа, потерявъ всѣ особенности, дающія ей возможность отдѣльнаго существованія, превратилась въ ассоціацію впечатлѣній.

9. Мы же постараемся удержаться на этомъ скользкомъ пути, и не пойдемъ, покудова, дальше того значенія идеи, которое мы здѣсь ей придали. Для насъ идея есть не болѣе какъ *слѣдъ*, оставшійся въ сознаніи отъ совершившагося въ немъ акта опредѣленнаго ощущенія, соотвѣтствующій слѣду движеній въ нервной системѣ, который мы назвали привычкою. Идея, слѣдовательно, есть слѣдъ *отношенія* двухъ или болѣе нервныхъ движеній, оставшійся въ душѣ, тогда-какъ слѣдъ этихъ самыхъ движеній, въ видѣ привычки къ нимъ, остался въ нервной системѣ.

10. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго [4]), что *всѣ ощущенія*, ощущеніе свѣта, цвѣта, звука, вкуса и т. д. суть душевные акты, которымъ во внѣшнемъ мірѣ соотвѣтствуютъ только *движенія* матеріи, от-

[1]) См. выше. Гл. XII. п. 7.
[2]) Read. Vol. I, p. 109.
[3]) Hegel's Werke. Berl. 1845. VII B. 2 Abth. S. 15, 20, 46, 51 и др.
[4]) См. выше. Гл. X. п. 12.

ражающіяся движеніями же въ нервной системѣ. Этими душевными актами отвѣчаетъ душа на всѣ вибраціи нервной системы, а совершивъ ихъ разъ, душа сохраняетъ *слѣды* своихъ актовъ, или *идеи* разъ вызванныхъ въ ней отношеній и стремится вновь воплотить ихъ въ нервныя движенія, т. е. вновь объектировать ихъ въ формѣ тѣлесныхъ движеній, или, другими словами, стремится *представить* ихъ самой себѣ. При такомъ взглядѣ на *идею* и *представленіе* мы будемъ твердо различать ихъ: *идея* будетъ для насъ только слѣдъ отношенія, схваченнаго душею, отношенія между двумя или болѣе нервными вибраціями, схваченнаго и превращеннаго въ ощущеніе; *представленіе* же будетъ для насъ *воплощенною* идеею и *воплощенною* въ тѣхъ самыхъ движеніяхъ, которыя вызвали въ душѣ то ощущеніе или, вѣрнѣе, то отношеніе, *слѣдомъ* котораго является идея.

11. Миллеръ весьма мѣтко замѣтилъ, что идею какого-нибудь цвѣта слѣдуетъ отличать отъ ощущенія этого цвѣта, замѣчая, что ощущеніе гораздо ярче идеи [1]). Но почему оно ярче? Именно потому, что здѣсь *совпадаетъ* дѣятельность двухъ агентовъ сознанія: нервной системы и души. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ отношеніи идеи къ представленію: представленіе гораздо ярче идеи именно потому, что въ немъ идея души заставляетъ дѣйствовать и нервы, вызывая въ нихъ ту же дѣятельность, которая вызывалась въ нихъ внѣшними вліяніями. Но, къ сожалѣнію, отличивъ такъ мѣтко идею отъ ощущенія, Миллеръ смѣшалъ идею съ представленіемъ; тогда-какъ идея также относится къ ощущенію, какъ и къ представленію.

12. Отношеніе идеи къ ея воплощенію, ощущенію или представленію, Миллеръ сравниваетъ съ отношеніемъ знака къ вещи и слова къ тому предмету, котораго представителемъ оно служитъ [2]). Но въ этомъ сравненіи есть нѣкоторая неточность. Слово само по себѣ есть уже собраніе нервныхъ движеній, т. е. уже воплощеніе идеи. Но, думая о красномъ цвѣтѣ въ *формѣ слова*, мы ощущаемъ только это слово, а не красный цвѣтъ, и нужно употребить замѣтное усиліе, чтобы ощущеніе краснаго цвѣта дѣйствительно появилось. Слово есть уже представленіе особеннаго рода, общее для всѣхъ ощущеній—условный, но *чувственный* знакъ ощущеній; тогда-какъ идея есть необходимое душевное послѣдствіе ощущенія.

13. Изъ предыдущаго уже ясно, что мы напрасно старались бы *представить* себѣ идею въ какой-либо *формѣ*: представить ее нельзя;

---

[1]) Man. de Phys. T. II, p. 508. «Кажется, говоритъ Миллеръ: есть абсолютное различіе между идеею и ощущеніемъ: ощущеніе требуетъ энергія органовъ чувства, которой не требуется, чтобы составить себѣ идею». Въ доказательство же того, что идея не есть слабое ощущеніе, Миллеръ приводитъ, что можно имѣть идею цвѣта вообще, идею ощущеній вообще: т. е. по нашему объясненію можно сознавать не только отношеніе между нервными движеніями, но и отношенія отношеній.

[2]) Ibid. p. 509.

ибо тогда она перестанетъ быть идеею и станетъ представленіемъ. Все, что мы можемъ сказать о ней, такъ это только то, что идея есть предполагаемый слѣдъ акта души, остающійся въ душѣ; точно также какъ привычка есть предполагаемый слѣдъ акта нервной системы, остающійся въ ней и послѣ того, какъ дѣятельность нервовъ прекратилась. Миллеръ хочетъ себѣ представить отношеніе идеи къ ощущенію въ видѣ отношенія геометрической фигуры къ алгебраическому ея выраженію; но, конечно, это не болѣе, какъ сравненіе: всякая попытка представить себѣ идею въ какой-нибудь формѣ противна самой сущности идеи, которая не есть представленіе. Представленіе уже выражаетъ идею въ нервныхъ движеніяхъ, но въ такомъ случаѣ это не идея.

14. Установивъ опредѣленный взглядъ на *привычку* нервовъ, *ощущеніе*, *представленіе* и *идею*, мы уже легко можемъ объяснить себѣ актъ припоминанія. Въ этомъ актѣ *идея* ощущенія, или цѣлой ассоціаціи ощущеній, *совпадаетъ* съ нервными привычками къ тѣмъ движеніямъ, изъ отношенія между которыми уже прежде возбудилась въ душѣ та же идея, которая теперь, въ актѣ припоминанія, снова въ нихъ воплощается. Это уже *повторительный актъ*, совершаемый совокупнымъ дѣйствіемъ нервной системы и души; но *иниціатива* въ этомъ повторительномъ актѣ можетъ принадлежать или нервной системѣ, или душѣ.

15. «Какъ только какой-нибудь предметъ дѣйствуетъ снова на наши чувства, говоритъ Миллеръ, то мы узнаемъ его посредствомъ идеи, которая въ насъ осталась объ этомъ предметѣ; изъ этого не слѣдуетъ выводить, что между идеею и ощущеніемъ предмета есть сходство; но только то, что всякое ощущеніе вызываетъ непремѣнно опредѣленную идею и что одно и тоже ощущеніе вызываетъ всегда одну и ту же идею» [1]). Но великій физіологъ описалъ здѣсь только одинъ путь припоминанія; тогда-какъ можетъ быть и другой, обратный: идея, возбужденная въ душѣ собственною внутреннею жизнью души, собственнымъ теченіемъ идей, можетъ возбудить тѣ самыя движенія въ нервахъ, которыя прежде вызвали ее или вызывали нѣсколько разъ, и можетъ воспроизвести ощущеніе, возбудивъ тѣ самыя движенія въ нервной системѣ, для которыхъ эта идея есть ихъ взаимное отношеніе. Въ припоминаніи перваго рода *напоминаніемъ* служитъ впечатлѣніе, идущее изъ внѣшняго міра: въ припоминаніи втораго рода *напоминаніемъ* служитъ сама идея, до которой душа достигла какимъ-нибудь образомъ въ процессѣ своихъ психическихъ работъ. Оба эти противоположные акта припоминанія каждый можетъ замѣтить въ самомъ себѣ. Иногда мы смотримъ на представившійся намъ предметъ, какъ бы не понимая или не узнавая его: предметъ подѣйствовалъ на наши нервы и возбудилъ въ нихъ привычныя движенія; движенія эти вызвали въ душѣ соотвѣтствующія имъ отношенія, т. е. ощущенія; но отношеніе между этими

[1]) Man. de Phys. T. II. p. 502.

ощущеніями, отношеніе между отношеніями, т. е. *идея* предмета еще не возбуждена, можетъ быть, потому, что вниманіе нашей души развлечено ея внутренними работами. Противоположное этому чувство испытываемъ мы, когда душа наша въ своихъ мысленныхъ работахъ достигнетъ до какой-нибудь идеи и захочетъ воплотить ее или въ общую одежду всѣхъ идей—слово, или въ ощущенія, для чего самые нервы, дающіе то или другое ощущеніе, должны прійти въ движеніе. Въ первомъ случаѣ *напоминаніе* идетъ изъ внѣшняго міра въ видѣ матерьяльныхъ движеній, сообщающихся нервамъ; во второмъ изъ души — въ видѣ идеи.

16. Но, кромѣ того, *напоминаніемъ* можетъ служить намъ или *другая* нервная привычка, или *другая* идея. Одно привычное движеніе нервовъ можетъ вызывать другое, связанное съ нимъ въ одну *ассоціацію*, и, такимъ образомъ, одно внѣшнее впечатлѣніе можетъ вызвать не одно привычное движеніе нервовъ, но цѣлую *группу* или *вереницу ихъ*. Такъ, первыя два-три слова заученныхъ стиховъ вызываютъ за собою остальныя, одно за другимъ, въ заученномъ порядкѣ. При такомъ развертываніи верениць нервныхъ привычекъ душа наша можетъ оставаться почти безучастною зрительницею, испытывая ощущенія знакомыхъ звуковъ, но не улавливая отношенія между звуками. Точно также одна идея можетъ вызвать въ душѣ нашей цѣлую группу или вереницу другихъ, связанныхъ съ нею или общимъ смысломъ, или общимъ чувствомъ, и эти вереницы идей могутъ развертываться въ душѣ нашей съ такою быстротою, что мы рѣшительно не успѣваемъ облекать ихъ ни въ слова, ни въ образы, ни въ какія другія нервныя движенія, и если захотимъ потомъ высказать или записать то, что совершилось въ душѣ нашей въ одно мгновеніе, то употребляемъ для этого цѣлые часы, дни, мѣсяцы, а можетъ быть, и годы.

17. Связь нервныхъ слѣдовъ въ пары, группы, вереницы и сѣти, и связь идей между собою существенно различны. Первые связываются своею внѣшнею стороною, вторыя — своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Но тѣ и другія безразлично разсматриваются въ психологіяхъ подъ именемъ *ассоціацій представленій*, къ которымъ мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XXIII.

Ассоціація представленій.

1. Словомъ *представленіе* мы обозначили въ прошедшей главѣ соединеніе идеи съ нервными движеніями, ей соотвѣтствующими, откуда бы ни проистекала иниціатива этого соединенія: изъ впечатлѣній ли внѣшняго для души міра, или изъ идей, внутренняго міра самой души. Вотъ почему мы будемъ говорить прямо объ ассоціаціяхъ представленій безразлично, будутъ ли эти ассоціаціи связаны единствомъ идеи и родствомъ одной идеи съ другою, или механическою связью самихъ нерв-

ныхъ слѣдовъ, въ которыхъ воплощается идея. При самомъ разсмотрѣніи ассоціацій мы ясно увидимъ, къ какому роду слѣдуетъ отнести ту или другую.

2. На разнообразную связь представленій между собою давно уже обратили вниманіе психологи и философы. У Локка, у Юма, у Канта анализируется эта связь. Гербартъ и Бенеке болѣе занимаются законами движенія ассоціацій, чѣмъ самими ассоціаціями; но гербартіанцы стараются пополнить этотъ пропускъ. Однако же, несмотря на эту разработку ассоціацій памяти, самое дѣленіе ихъ еще не установилось; такъ что каждый психологъ даетъ ассоціаціямъ свое особое раздѣленіе [1]. Такъ напр., Юмъ и Кантъ отдѣляютъ ассоціаціи представленій *по мѣсту* отъ ассоціацій *по времени* и ассоцаціи *по сходству* отъ ассоціацій по *противуположности*; но Дробишъ связь по *единству времени* и связь по *единству* мѣста принимаетъ за одну и ту же, а равно не различаетъ *связи по сходству* отъ *связи по противоположности* [2]. Германъ Фихте, вмѣсто всѣхъ разнообразныхъ ассоціацій, принимаетъ только двѣ: ассоціацію «внѣшнюю, эмпирическую», данную самимъ расположеніемъ предметовъ въ пространствѣ и времени, ассоціацію «внутреннюю, логическую», данную мышленіемъ [3]. Это различіе между психологами, какъ мы увидимъ далѣе, не существенно и зависитъ отъ метафизическихъ воззрѣній того или другаго психолога. Имѣя въ виду нашу педагогическую цѣль, мы избрали наиболѣе мелкое дѣленіе: самый же анализъ различнаго рода ассоціацій укажетъ уже намъ на сродство между ними.

3. Единичные слѣды ощущеній могутъ связываться въ представленія [4], а единичныя представленія въ цѣлыя группы и вереницы представленій различно: во-первыхъ, *противоположностью*: припоминая бѣлый цвѣтъ, мы вспоминаемъ черный; во-вторыхъ, *большимъ или меньшимъ сходствомъ*: такъ, напримѣръ, взглядъ на человѣка, похожаго платьемъ на другаго человѣка, заставляетъ насъ припомнить и лицо этого другаго; въ-третьихъ, *единствомъ времени*: такъ, происшествія, слѣдовавшія одно за другимъ, связываются въ насъ въ одинъ рядъ представленій; въ-четвертыхъ, *единствомъ мѣста*: такъ два предмета, которые мы видѣли вмѣстѣ, производятъ въ насъ одинъ рядъ

[1]) На этомъ основаніи Гегель говоритъ, что эти законы ассоціацій, «возникшіе во время упадка философіи, въ періодъ процвѣтанія эмпирической психологіи», вовсе не законы (Hegel's Werke. 1845. VII B. 2 Abth. § 455. S. 329). Гегель видно и не предчувствовалъ, что *эмпирическая психологія*, о которой онъ отзывается съ такимъ презрѣніемъ, далеко переживетъ и обгонитъ его философскую психологію.

[2]) Empiriche Psychologie § 63.

[3]) Psychologie. Erst B. S. 457.

[4]) Всякое, сколько-нибудь сложное представленіе соединяетъ въ себѣ множество слѣдовъ ощущеній.

слѣдовъ, и воспоминаніе одного слѣда ведетъ за собою воспоминаніе другаго; въ-пятыхъ, *связь разсудочная*, когда мы разсудкомъ сковываемъ представленія въ одинъ рядъ, какъ причину и слѣдствіе, какъ цѣлое и часть, необходимо его дополняющую, и т. п.; въ-шестыхъ — *связь по сердечному чувству*, когда два представленія связываются именно тѣмъ, что оба они порождаютъ въ насъ одинаковое *сердечное* чувство; въ-седьмыхъ — *связь развитія* или *разумная*.

Теперь разберемъ поочередно всѣ эти роды связей, или, какъ выражается гербартовская теорія, *спаекъ* представленій.

Ассоціаціи по противуположности.

4. Мы уже видѣли выше, что представленіе о жарѣ связывается у насъ съ представленіемъ о холодѣ; представленіе свѣта съ представленіемъ мрака и т. п. Эта связь служитъ къ тому, чтобы выяснить особенность каждаго представленія, которое, какъ мы уже сказали, безъ такихъ сравненій вовсе невозможно. Вотъ почему ничто такъ не уясняетъ намъ особенности какого-нибудь представленія, какъ противоположность его съ другимъ представленіемъ: бѣлое пятно ярко вырѣзывается на черномъ фонѣ, черное на бѣломъ.

5. Поэтому, если мы хотимъ запечатлѣть въ душѣ дитяти особенность какой-нибудь картины, то лучше всего прибѣгнуть къ сравненію съ другой картиной, въ которой по возможности было бы болѣе сгруппировано противоположныхъ признаковъ. Такъ, напримѣръ: если мы хотимъ, чтобы дитя вполнѣ постигло и твердо усвоило себѣ преимущества какой-нибудь благословенной мѣстности, орошаемой рѣками, покрытой прохладными рощами и тучными пажитями, наполненной деревнями и городами и т. д., то мы достигнемъ этого всего лучше, если рядомъ представимъ противуположную картину песчаной пустыни, гдѣ недостатокъ влаги ведетъ за собою отсутствіе растительности, животныхъ и людей, гдѣ солнце, катясь по безоблачному небу, раскаляетъ и воздухъ, и почву. Если мы хотимъ выставить, напримѣръ, ученику преимущества цивилизаціи какого нибудь народа, то поставимъ рядомъ съ этимъ картину жизни дикарей и т. п. Такимъ сопоставленіемъ противоположностей мы достигаемъ нѣсколькихъ цѣлей: не только мы даемъ ученику вмѣсто одной картины двѣ, но каждая изъ этихъ картинъ становится яснѣе въ его душѣ и укореняется глубже, чѣмъ укоренилась бы одна, по тому общему закону, что два слѣда, вызывающіе въ душѣ одинъ другой, укореняются лучше, чѣмъ одинъ; каждый слѣдъ придаетъ силы другому и получаетъ силы другаго, не теряя своей собственной. Словомъ, противоположности, связываясь, какъ нервные слѣды или какъ идеи, взаимно дополняютъ и укореняютъ другъ друга.

Ассоціаціи по сходству.

6. Если возбужденное въ насъ представленіе есть вполнѣ повтореніе прежняго, то оно только углубляетъ слѣдъ прежняго и тѣмъ укореняетъ его въ памяти. Тоже самое происходитъ, если новое представленіе, хотя собственно и могло бы быть отличено отъ прежняго, но это отличіе такъ слабо, что сознаніе не могло его уловить. Такъ, напримѣръ, новое имя, сильно сходное съ тѣмъ, которое мы уже помнимъ, не запоминается нами, если мы не обратимъ особеннаго вниманія на различіе, между ними существующее. Но если въ новомъ представленіи есть нѣсколько членовъ, которые были и въ прежнемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ есть нѣсколько и новыхъ, которыхъ въ прежнемъ не было, тогда происходитъ совершенно другое явленіе: сходные слѣды, одинаковые члены ассоціацій, *совпадаютъ*, усиливая другъ друга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпко связывая и то, что есть различнаго въ новыхъ представленіяхъ. Это объясняется свойствами нервной системы, съ которыми мы познакомились уже въ главѣ о привычкѣ. Усвоивъ какую-нибудь привычку, можетъ быть, съ большимъ трудомъ, нервы наши легко уже дѣлаютъ прибавленіе къ этой привычкѣ; такъ, человѣкъ, привыкшій къ игрѣ на фортепьяно, легко усвоиваетъ новую музыкальную пьесу и т. п. Новая ассоціація представленій, такъ сказать, сростаясь одною своею частію со старою, уже глубоко укоренившеюся, опирается новою своею частью на это прочное основаніе. На этомъ свойствѣ памяти основаны, напримѣръ, всѣ методы изученія иностранныхъ языковъ, берущія свое начало отъ методы Жакото (методы Робертсона, Зейденштюкера и др.). Здѣсь трудны собственно только первые уроки: дальнѣйшіе же все постепенно становятся легче и легче, если первые были выучены съ величайшею точностію. Новыя слова и обороты, безпрестанно перемѣшиваясь со старыми, укрѣпляются крѣпостью именно этихъ старыхъ, твердо выученныхъ; а старыя, хотя и сообщаютъ свою крѣпость новымъ, но не теряютъ своей силы, потому что безпрестанно повторяются. Въ этомъ и заключается психологическій секретъ методы Жакото, такъ удивившей въ свое время педагоговъ Европы. Казалось бы, что при такомъ безпрестанномъ повтореніи ученье должно идти медленно, а выходитъ наоборотъ; оно идетъ медленно тогда, когда мы пріобрѣтаемъ все новое и новое, не повторяя стараго и не сплавляя новаго со старымъ.

7. Весьма естественно, что новое представленіе, сросшееся своими тождественными членами со старымъ, глубоко укоренившимся, ложится съ нимъ *рядомъ*, отъ чего образуется новая ассоціація двухъ, трехъ, четырехъ представленій и т. д., спаянныхъ между собою общими для нихъ звеньями. Понятно также, что эти ряды связанныхъ между собою ассоціацій возникаютъ въ нашемъ сознаніи такою же цѣпью, какою легли въ нашу память: одно звено этой цѣпи слѣдовъ вытягиваетъ за собою другое, за другимъ выходитъ третье и т. д. То-есть, простая привычка нервовъ, мало по малу, разростается въ сложную привычку,

и простая идея въ сложную идею, и каждое звено изъ *этого ряда* или *нервныхъ привычекъ* или душевныхъ *идей* влечетъ за собою дѣятельность другаго звена, другое—третьяго и т. д.

8. Теперь намъ легко объяснить себѣ, почему человѣкъ, занимающійся преимущественно, напримѣръ, исторіею, все легче и легче усвоиваетъ историческія событія, а человѣкъ, занимающійся ботаникою, все легче и легче усвоиваетъ ботаническія свѣдѣнія; почему у различныхъ людей формируются различныя памяти — ботаническая, историческая, математическая и т. д. Новые историческіе факты, входя въ память, улегаются въ ней тѣмъ легче и прочнѣе, чѣмъ болѣе находятъ возможности образовать ассоціаціи съ прежними, уже твердо залегшими въ памяти фактами. Ботаникъ, напримѣръ, легко замѣчаетъ десятки и сотни растеній, тогда-какъ неботаникъ быстро забываетъ и тѣ немногія, на которыя случайно обратилъ свое вниманіе. Это происходитъ не только отъ того, что ботаникъ знаетъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе въ растеніи, въ чемъ собственно состоитъ его особенность, тогда какъ неботаникъ, смотря безразлично на всѣ части растенія, не различая случайнаго отъ существеннаго, не замѣчаетъ прочно ничего,—но также и отъ того, что въ памяти ботаника есть уже твердо укоренившіяся представленія множества растеній, такъ-что представленіе всякаго новаго растенія сейчасъ же составляетъ въ умѣ его множество ассоціацій со слѣдами прочихъ и укореняется прочно силою уже укоренившихся прежде представленій. Тотъ же самый ботаникъ, занявшись изученіемъ другаго предмета, напримѣръ, языковъ или исторіи, оказывается часто безпамятнымъ. Такъ знаменитый Линней, обладая необъятною ботаническою памятью, былъ замѣчательно безпамятенъ въ отношеніи изученія языковъ. Проживъ три года въ Голландіи, онъ не могъ выучиться говорить по голландски, даже латынь онъ зналъ плохо, хотя создалъ ботаническую номенклатуру на латинскомъ языкѣ [1]). «Люди, занимавшіеся изученіемъ какой-либо номенклатуры, говоритъ г-жа де-Соссюръ, могли замѣтить, что первыя пять-шесть словъ заучиваются съ большимъ трудомъ и что потомъ удерживается безъ труда несравненно болѣе. Тоже самое замѣчается при изученіи иностранныхъ языковъ, стихотвореній и вообще при всякомъ упражненіи памяти. Кажется, какъ будто при входѣ въ каждую область знанія стоитъ препона, которая, будучи снята разъ, уже не представляется болѣе [2])». Однако же, принимая вмѣстѣ съ послѣдователями Гербарта, что память есть нѣчто пріобрѣтаемое человѣкомъ, есть ассоціація слѣдовъ, — мы не согласны видѣть въ этомъ *всю* способность памяти и всю причину различія этой способности у разныхъ людей. Мы уже видѣли, какъ, съ одной стороны, память находится вообще въ зависимости отъ нервной системы, какъ она ослабѣваетъ съ годами и подвергается вліянію болѣзненнаго состоянія нер-

[1]) Erziehung und Unterrichts-Lehre von Beneke. I B. S. 92.

[2]) L'éducation progressive par M. Necker-de-Saussure, 4 edit. T. II, p. 134.

вовъ; а съ другой — какъ направленіе памяти можетъ зависѣть отъ прирожденныхъ способностей организма: отъ различной силы, впечатлительности и разборчивости, того или другаго органа нервной системы у различныхъ лицъ.

9. Ассоціація представленій посредствомъ частнаго сходства ихъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для педагога. Привязывать къ старому, уже твердо укоренившемуся, все изучаемое вновь — это такое педагогическое правило, отъ котораго главнымъ образомъ зависитъ успѣхъ всякаго ученья. Хорошая школа кажется только и дѣлаетъ, что повторяетъ, а между тѣмъ знанія учениковъ быстро растутъ: дурная школа только и дѣлаетъ, что все учитъ вновь, или повторяетъ забытое, а между тѣмъ знанія мало прибавляются. Хорошій педагогъ, прежде чѣмъ сообщитъ какое-нибудь свѣдѣніе ученикамъ, обдумаетъ: какія ассоціаціи, по противоположности или по сходству, можетъ оно составить со свѣдѣніями, уже укоренившимися въ головахъ учениковъ, и, обративъ вниманіе учащихся на сходство или различіе новаго свѣдѣнія со старымъ, прочно вплететъ новое звено въ цѣпь старыхъ, а потомъ нарочно подыметъ старыя звенья вмѣстѣ съ новыми и тѣмъ самымъ укрѣпитъ прочно новыя ассоціаціи. Безпрестанное передвиженіе въ головѣ старыхъ звеньевъ необходимо уже для того, чтобы придать имъ силу, укрѣпляющую новыя звенья, и потому хорошій педагогъ повторяетъ старое не для того, чтобы повторять забытое, но для того, чтобы этимъ старымъ прочнѣе укрѣпить новое. Понятно, что сила такой пріобрѣтенной памяти увеличивается новыми пріобрѣтеніями.

Ассоціаціи по порядку времени.

10. Два представленія, слѣдовавшія непосредственно одно за другимъ, связываются уже тѣмъ, что они одно за другимъ слѣдуютъ. Такимъ образомъ связываются въ памяти ученика слова какого-нибудь отрывка на незнакомомъ для него языкѣ. Не понимая значенія словъ онъ ставитъ одно слово за другимъ единственно потому, что они въ этомъ порядкѣ улеглись въ его памяти, и если отрывокъ заученъ твердо и голосовые мускулы привыкли къ данному порядку звуковъ, то довольно сказать первое слово, чтобы всѣ остальныя побѣжали за нимъ, какъ кольца развертывающейся якорной цѣпи, безъ участія воли и даже сознанія дитяти. Но замѣчательно, что если ученикъ заучилъ такой отрывокъ не разомъ, а въ различное время, то каждый разъ будетъ останавливаться на этихъ перерывахъ и долженъ прочесть отрывокъ въ цѣлости нѣсколько разъ, чтобы связать эти куски, раздѣленные единственно только временемъ изученія. Конечно, такое изученіе, требующее меньше всего работы сознанія, а только упражненія, главнымъ образомъ, голосовыхъ мускуловъ и отчасти слуховыхъ и глазныхъ нервовъ, есть изученіе самое механическое. Вотъ почему такимъ именно ученьемъ отличаются всѣ тѣ натуры, для которыхъ по непривычкѣ ихъ къ умствен-

ной работѣ, она является самою тяжелою и нелюбимою. Для дѣтей вообще мышленіе тяжело, и иной ученикъ, не привыкшій къ мышленію, охотнѣе *выкрикиваетъ* заданный урокъ нѣсколько десятковъ разъ, чѣмъ прочтетъ его разъ съ сознаніемъ: онъ полагается на силу привычки голосовыхъ мускуловъ и она дѣйствительно его вывозила въ старинныхъ школахъ. Остановится такое дитя: учитель подскажетъ ему слово, и опять мельница замолола. Но, сознавая вполнѣ всю нелѣпость ученья, основаннаго *только* на удивительной силѣ привычки въ голосовыхъ мускулахъ, мы, тѣмъ не менѣе, находимъ, что и такое ученіе въ хорошей школѣ, хотя въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, имѣетъ свое мѣсто, именно, укрѣпляя въ сознаніи учащагося слѣды представленій и понятій памятью голосоваго органа.

Ассоціаціи по единству мѣста.

11. Предметы, размѣщенные въ пространствѣ одинъ возлѣ другаго, въ такомъ же порядкѣ оставляютъ и слѣды въ нашей памяти. Припоминая предметъ, мы припоминаемъ и сосѣдній съ нимъ. Эти ассоціаціи, конечно, схватываются болѣе всего органомъ зрѣнія и отчасти только органомъ осязанія. Такія ассоціаціи, основанныя на единствѣ мѣста, весьма сильны у людей, у которыхъ природою и упражненіемъ тонко развитъ органъ зрѣнія, и особенно сильны у живописцевъ. Но вообще у дѣтей почти всегда преимущественно развита память зрѣнія и часто цѣлые уроки укореняются въ памяти дитяти такими ассоціаціями *мѣста*. Отвѣчая урокъ, дитя видитъ передъ собою развернутую книгу или развернутую тетрадь и переходитъ со строчки на строчку, со страницы на страницу. Вотъ почему полезно печатать въ дѣтскихъ книгахъ крупными буквами собственныя имена и подчеркивать въ тетрадяхъ тѣ слова или названія, которыя должны быть твердо замѣчены.

12. Ассоціаціи по мѣсту всего болѣе способствуютъ установленію въ насъ уже не *рядовъ*, а цѣлыхъ *группъ* представленій, въ которыхъ съ однимъ срединнымъ звеномъ связано множество другихъ, идущихъ въ разныя стороны. Конечно, описывая въ словахъ такую группу и даже наблюдая ее внимательно въ своемъ воображеніи, *мы не можемъ разомъ идти въ разныя стороны*; но, тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ намъ, идя въ одну сторону, помнить, что есть другія, и, разсмотрѣвши или описавши все, что̀ стоитъ на лѣво, приняться потомъ за такое же разсмотрѣніе или описаніе того, что стоитъ на пра̀во. Вотъ почему ученикъ, замѣтившій хорошо, напримѣръ, карту страны, группу красокъ и очертаній на ней изображенныхъ, можетъ потомъ свободно описывать эту карту, начиная съ какого угодно конца; и, конечно, такое изученіе географіи несравненно полезнѣе и тверже изученія ея по книгѣ. Можно только тогда назвать географическое изученіе основательнымъ и прочнымъ, когда ученикъ, у котораго вы потребуете, напримѣръ, описанія Волги, немедленно можетъ представить въ своей зрительной памяти всю

эту рѣку, какъ она изображается на картѣ, съ ея извилинами, притоками и городами, и достаточно оторвалъ свои познанія отъ книги и привязалъ къ картѣ, чтобы начать описывать Волгу отъ истока къ устью, или отъ устья къ истоку. Словомъ, надобно заботиться, чтобъ географическія познанія ученика, черезъ разсматриваніе и черченіе карты, изъ *ассоціацій по времени* изученія въ книгѣ, перешли *въ ассоціаціи по мѣсту*, связанныя не нитью разсказа, но картой, оставившею глубокій слѣдъ въ памяти и безъ труда вызываемой воображеніемъ ученика въ его зрительномъ органѣ.

13. Зрительный органъ нашъ имѣетъ такое преимущественное участіе въ актѣ памяти и мы такъ привыкаемъ все облекать въ краски и формы, что, даже изучая самые отвлеченные философскіе предметы, мы все же придаемъ имъ какую-то форму, что не мало помогаетъ намъ удерживать нить разсказа и группировать его. Такъ, даже знаменитый профессоръ философіи, съ которымъ въ ясности изложенія самыхъ трудныхъ и отвлеченныхъ философскихъ категорій едва-ли кто можетъ сравняться, знаменитый іенскій профессоръ Куно-Фишеръ, читая свою лекцію, прибѣгаетъ къ помощи доски и на ней чертитъ, и именно *чертитъ*, а не *пишетъ*, схему своей лекціи, столько же для слушателей, сколько и для самого себя: чертами онъ показываетъ, какъ два или три понятія выходятъ изъ одного, какъ они сливаются или раздѣляются и въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу.

14. Всѣ предметы въ мірѣ расположены группами, а не рядами, и у каждаго предмета не только два сосѣда — передній и задній, но множество: и справа, и слѣва, и сверху, и снизу. То же самое можно сказать и о представленіяхъ души, а также и о мысляхъ. Умѣнье *видѣть* умственными глазами нашими предметъ *въ центрѣ всѣхъ его отношеній* составляетъ отличительный признакъ великихъ умовъ. «Этою способностію, говоритъ Неккеръ-де-Соссюръ, отличаются именно великіе полководцы и администраторы. Они ведутъ разомъ (de front) тысячи различныхъ нитей, слѣдятъ за ихъ соединеніемъ, раздѣленіемъ, перекрещиваньемъ, потому что эти люди, такъ сказать, *видятъ всѣ предметы своей мысли разомъ*. Можетъ быть и мы видимъ, болѣе или менѣе темно, предметы нашихъ мыслей; можетъ быть наши соображенія, даже самыя отвлеченныя, сопровождаются какими-нибудь образами въ нашемъ умѣ. Если это такъ, то очень важно сообщить дѣтямъ такой способъ представленія, который позволилъ бы имъ обнимать разомъ множество предметовъ вмѣстѣ и созерцать ихъ внутренно, не раздѣляя. Но это такая способность, которой нельзя образовать посредствомъ языка, потому что языкъ, какъ письменный такъ и изустный, подчиненъ порядку послѣдовательности, выпускаетъ идеи одна за другой, и тогда, какъ мы разсматриваемъ одну, другая можетъ отъ насъ ускользнуть. Вотъ почему люди, получившіе только одно литературное образованіе, имѣя способность очень далеко преслѣдовать послѣдствія одной и той же идеи,

теряются въ лабиринтѣ, какъ только предметъ усложняется [1]). Вотъ почему, для удаленія неудобства, соединеннаго съ исключительнымъ употребленіемъ языка, полезно сколько возможно прибѣгать къ ученью, обращающемуся къ чувству зрѣнія. Память мѣстная или представляющая (въ картинѣ) имѣетъ уже сама по себѣ преимущество представлять образы въ одно и то же время и можетъ пріучить дѣтей и для идей составлять картины или планы того же рода [2])».

15. Для этой цѣли Неккеръ-де-Соссюръ рекомендуетъ не только изученіе географіи по картамъ и черченіе таблицъ синоптическихъ и синхронистическихъ, но и рисовку плановъ комнаты, зданія, улицы. Мы же находимъ, кромѣ того, очень полезнымъ вообще черченіе *схемъ* всякаго рода, какъ-только приходится дать замѣтить дѣтямъ соотношеніе частей какого-нибудь предмета, нѣсколькихъ предметовъ, составляющихъ одну группу и т. п. Такъ напримѣръ, весьма полезно при изученіи съ дѣтьми человѣческаго тѣла, семействъ, родовъ и видовъ животныхъ и т. п. чертить на доскѣ соотвѣтствующія таблички, по которымъ дитя вело бы свой разсказъ.

16. На основаніи того же самаго психическаго закона полезно изучать историческія происшествія, имѣя передъ собою карту мѣстности, въ которой эти происшествія совершались, чертить походы, о которыхъ разсказывается, чертить постепенное расширеніе какого-нибудь государства, родословныя таблицы, словомъ все, что можетъ быть начерчено. Посредствомъ такихъ чертежей учитель пріобрѣтаетъ въ зрительной памяти дѣтей самаго могущественнаго союзника [3]).

---

[1]) «Отсюда частая односторонность въ мысляхъ кабинетныхъ людей».

[2]) L'Education progressive par M-me Necker de-Saussure. 4 édition. T. II. p. 137 et 138. Здѣсь же глубокомысленная писательница дѣлаетъ важное примѣчаніе, что «самые успѣхи науки обязаны много этой возможности одновременнаго представленія многихъ предметовъ вмѣстѣ, такъ-какъ и въ природѣ предметы образуютъ группы». Читая эти строки и припоминая, что психологіи Гербарта и Бенеке были неизвѣстны этой писательницѣ (впрочемъ, Соссюръ была знакома не только съ Локкомъ, Кантомъ, но и съ англійскимъ психологомъ Ридомъ), нельзя по истинѣ не удивляться ея психологическому и педагогическому такту, равныхъ которому мы не видимъ ни въ одномъ нѣмецкомъ педагогѣ. Я думаю, что нѣмецкіе педагоги (а французскіе и подавно) даже не воспользовались еще всѣмъ тѣмъ, что представляетъ сочиненіе этой, поистинѣ, великой педагогической писательницы. Какія пошлости въ педагогической литературѣ представила Франція послѣ сочиненія Соссюръ! Какъ будто и не читала его. Нѣмецкіе педагоги цитируютъ ее также очень рѣдко.

[3]) Англійскій математикъ Валлисъ (Wallis) не только могъ удерживать въ памяти число изъ 53 цифръ, но извлекалъ въ умѣ квадратный корень изъ числа, состоящаго изъ 27-ми цифръ. Приводя этотъ примѣръ, Дробишъ не совсѣмъ справедливо замѣчаетъ, что здѣсь надо болѣе удивляться во-

17. Такъ-какъ память зрѣнія въ особенности сильна у дѣтей, то потому и ассоціаціи, основанныя на связи *по мѣсту*, всего удобнѣе воспринимаются дѣтьми и крѣпче залегаютъ въ ихъ душѣ. Вотъ почему изученіе географіи, ассоціаціи которой преимущественно основаны *на связи по мѣсту*, самое приличное занятіе для ученья дѣтей, какъ это замѣтилъ уже Кантъ [1]).

Разсудочныя ассоціаціи.

18. Въ разсудочныя ассоціаціи слѣды связываются нами по внутренней логической необходимости: какъ причина и слѣдствіе, какъ средство и цѣль, какъ цѣлое и *необходимая* его часть, какъ положеніе и выводъ и т. д. Мы называемъ эти ассоціаціи *разсудочными* не потому, чтобы въ другихъ ассоціаціяхъ (по мѣсту, времени и т. д.) вовсе не участвовалъ разсудокъ (мы видѣли, что участіе разсудка, т. е. способности сравнивать и различать, необходимо даже для всякаго опредѣленнаго ощущенія), но потому, что въ разсудочныхъ ассоціаціяхъ участіе разсудка преобладаетъ надъ механизмомъ, составляетъ основаніе, главную причину и цѣль ассоціаціи. Всякая механическая ассоціація можетъ быть превращена въ разсудочную, какъ-только я сознаялъ логическую необходимость связи. Такъ напримѣръ, два послѣдовательныя явленія, появленіе весенней теплоты и появленіе травы, могутъ связаться сначала въ чисто-механическую ассоціацію, по единству времени обоихъ этихъ явленій; а потомъ эту же самую механическую ассоціацію я могу превратить въ разсудочную, признавъ въ одномъ явленіи причину, а въ другомъ слѣдствіе этой причины.

19. Замѣтимъ при этомъ, что лучшимъ началомъ для ученья будетъ превращеніе (вопросами) механическихъ ассоціацій, готовыхъ уже въ душѣ дитяти, въ ассоціаціи разсудочныя. Для этого стоитъ только обратить вниманіе дитяти на тѣ ассоціаціи, которыя механически уже въ немъ установились, и показать логическую связь между тѣми явленіями, которыя уже связаны въ душѣ его единствомъ времени, мѣста, по частному сходству и т. д. Вайтцъ [2]) совершенно справедливо замѣчаетъ, что уже «сама природа даетъ намъ много разсудочныхъ ассоціацій, связывая явленія, какъ причину и слѣдствіе» [3]). Но та же природа, сопо-

---

ображенію, чѣмъ памяти. Самое воображеніе такого рода основано на памяти и справедливѣе было бы сказать, что здѣсь слѣдуетъ удивляться *памяти зрѣнія*, рисующей такую громадную таблицу цифръ.

[1]) Kant's Rechtslehre etc. 1838 s. 408 и 411. На основаніи уже пріобрѣтенныхъ дѣтьми географическихъ свѣдѣній, Кантъ совершенно логически совѣтуетъ переходить къ исторіи. Но даже и эта простая и естественная мысль встрѣтила у насъ тупыхъ соперниковъ.

[2]) Waitz. Lehrbuch der Psychologie § 109.

[3]) На это мы указывали уже въ предисловіи къ первымъ изданіямъ

ставляя явленія, вовсе не относящіяся одно къ другому, какъ причина и слѣдствіе, нерѣдко вводитъ насъ и въ ошибки. Такъ, напримѣръ, находя послѣ грозы фульгуриты въ пескѣ и видя, какъ при ударахъ молніи чертится на небѣ блестящая стрѣла и расщепляются деревья, люди составили разсудочное, но ошибочное умозаключеніе о громовыхъ стрѣлахъ. Часто также, наблюдая природу, человѣкъ принимаетъ причину за слѣдствіе, и наоборотъ; такъ, напримѣръ, замѣчая, что при вѣтрѣ облака бѣгутъ по небу, дѣти приписываютъ бѣгу облаковъ причину вѣтра и т. п. Изъ этого уже видно, что разсудочная логическая ассоціація вовсе не означаетъ ассоціаціи вѣрной, безошибочной. Она, будучи вѣрною логически, можетъ быть въ то же время ложна, потому что основана на ложныхъ данныхъ, на неточныхъ или неполныхъ наблюденіяхъ; такъ, если бы крестьянинъ зналъ образованіе фульгуритовъ, то не приписалъ бы имъ раздробленія деревьевъ.

20. На этомъ основывается различіе логической *разсудочной* истины отъ истины *разумной*. Гдѣ собственно логическая истина переходитъ въ разумную, опредѣлить невозможно. Мы можемъ имѣть только большую или меньшую степень достовѣрности въ разумности логической истины, но никогда полной увѣренности; такъ, мы не можемъ сказать ни объ одномъ явленіи, что совершенно знаемъ его причину: можетъ быть, завтра же наука покажетъ намъ, что то, что̀ мы считаемъ за причину, вовсе не причина, а только сопровождающее явленіе. Логическая же истина сама по себѣ самая дешевая истина и вовсе не показываетъ особаго развитія головы, а только особенность въ направленіи человѣка. Мы часто встрѣчаемъ глупѣйшихъ резонеровъ, у которыхъ что ни слово—то разчудочная истина; а вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни слово—то ложь и доказательство невѣжества и тупости. Вотъ почему, хотя и необходимо, съ самаго же начала ученья, развивать въ дѣтяхъ разсудочныя ассоціаціи, но должно остерегаться, чтобы не впасть при этомъ въ односторонность и не сообщить дѣтямъ страсти къ резонерству, которая могла бы увлечь ихъ далѣе того, чѣмъ идутъ ихъ знанія и точныя наблюденія. Разсудочныя ассоціаціи должны развиваться и усложняться вмѣстѣ съ развитіемъ способности къ точнымъ наблюденіямъ и увеличеніемъ запаса знаній. Даже надо сообщить дѣтямъ опасеніе преждевременныхъ разсудочныхъ ассоціацій, показывая имъ, какъ часто эти ассоціаціи бываютъ ошибочны.

21. Изъ сказаннаго уже видно, что разсудочныя ассоціаціи не составляютъ сами по себѣ чего-нибудь твердаго, постояннаго и что онѣ измѣняются вмѣстѣ съ развитіемъ человѣка, увеличеніемъ его знаній и перемѣною взглядовъ. Post hoc — propter hoc есть тоже разсудочная

«Дѣтскаго Міра»,—и вотъ чего не хотѣли понять люди, обвинявшіе насъ именно за то, что мы начинаемъ книгу для класснаго чтенія предметами, дѣтямъ уже знакомыми или полузнакомыми, каковы, напр., времена года и домашнія животныя.

ассоціація, хотя на ней-то и основана большая часть человѣческихъ предразсудковъ. Послѣ просыпки соли на столѣ случилась въ домѣ ссора: эти два явленія связываются въ душѣ человѣка, конечно, сначала по времени, механически; но потомъ, замѣчая нѣсколько разъ повтореніе послѣдовательности этихъ явленій и, не обращая вниманія на то, что самая просыпка соли была иногда уже слѣдствіемъ дурнаго расположенія духа, что ссоры были и безъ просыпки соли, или что послѣ просыпки соли иногда и не слѣдовало ссоры, человѣкъ превращаетъ механическую *ассоціацію по времени* въ разсудочную ассоціацію и видитъ въ просыпкѣ соли—причину ссоры [1]). Слѣдовательно, и эта глупѣйшая ассоціація есть уже разсудочная ассоціація, а не ассоціація по единству времени, какъ говоритъ Дробишъ: она была ассоціацией по времени только до тѣхъ поръ, пока я не увидѣлъ въ одномъ явленіи причину другаго. Правда такихъ ассоціацій относительна: почему мы знаемъ, что иная ученая правда (какъ, напр., прежнее horror vacui природы) не обратится со временемъ въ предразсудокъ, надъ которымъ посмѣется наука?

22. Въ этой передѣлкѣ механическихъ ассоціацій по времени и мѣсту въ разсудочныя, однѣхъ разсудочныхъ въ другія и связи отдѣльныхъ разсудочныхъ ассоціацій въ болѣе общія, на основаніи опыта, точнѣйшихъ и обширнѣйшихъ наблюденій и открытій науки,—состоитъ главнымъ образомъ умственная жизнь отдѣльнаго человѣка и цѣлаго человѣчества.

Ассоціаціи по сердечному чувству.

23. Строго говоря, эти ассоціаціи входятъ въ разрядъ ассоціацій по противуположности и сходству. Такъ, если поэтъ подмѣчаетъ въ шумѣ моря сходство со стонами человѣка, въ блескѣ глазъ видитъ блескъ молніи, въ шумѣ лѣса слышитъ жалобы, въ прекрасномъ оживленномъ ландшафтѣ видитъ улыбку и т. п., то въ сущности это не болѣе, какъ ассоціаціи по сходству, но только это сходство открывается не разсудкомъ, а поэтическимъ чувствомъ человѣка. Такими ассоціаціями исполненъ языкъ народа; изъ нихъ образовалось множество метафорическихъ выраженій въ языкѣ, какъ напримѣръ: «завываніе вѣтра», «стонъ моря» и т. п., на нихъ построены большею частію миѳологія народовъ, а народная поэзія обильно черпаетъ изъ этого источника. Бѣлая лебедушка, отставшая отъ своего стада, связывается съ представленіемъ дѣвушки, выданной замужъ на чужую сторону и т. п. Эти ассоціаціи усыпаютъ метафорами, какъ цвѣтами, языкъ народа и придаютъ языку жизнь и красоту. Мы съ самаго дѣтства, сами того не замѣчая, пита-

[1]) Бэконъ совершенно справедливо видитъ причину подобныхъ предразсудковъ въ томъ, что человѣкъ, замѣчая каждый случай, когда оправдывается предразсудокъ, забываетъ сотни случаевъ, когда онъ не оправдывается; а Локкъ обращаетъ особенное вниманіе педагоговъ на предупрежденіе такихъ ложныхъ ассоціацій.

ейся этою поэзіею языка, выработанною милліонами поэтовъ, изъ которыхъ одни самостоятельно подмѣтили какія-нибудь поэтическія сходства и противоположности, а другіе оцѣнили и сохранили ихъ, ввели въ общее употребленіе и передали намъ.

24. Конечно, не всѣ связи по внутреннему чувству такого поэтическаго характера. Часто любовь и ненависть, симпатіи и антипатіи связываютъ представленія въ нашей памяти: такъ, представленіе о дорогомъ для меня человѣкѣ можетъ сковаться во мнѣ съ представленіемъ какого-нибудь цвѣта, который онъ особенно любилъ, вещи, которую онъ особенно употреблялъ и т. п. Точно также какое-нибудь событіе, возбудивъ во мнѣ чувство отвращенія или ненависти, можетъ связаться такъ съ представленіемъ какой-нибудь самой обыкновенной вещи, что одинъ взглядъ на нее пробудитъ во мнѣ воспоминаніе событія или лица и притомъ такъ пробудитъ, что я только долгимъ и внимательнымъ анализомъ открываю, какое напоминаніе заставило меня вспомнить это лицо или событіе.

Связь развитія или разумная.

25. Наше перечисленіе всѣхъ родовъ ассоціацій было бы неполно, если бы мы не прибавили къ нимъ *ассоціацій развитія*, хотя эти ассоціаціи относятся собственно къ явленіямъ духовной жизни. Вотъ почему мы ограничимся здѣсь однимъ намекомъ на нихъ, однимъ указаніемъ, хотя бы въ видѣ общеизвѣстнаго факта. Это намъ тѣмъ болѣе необходимо, что эта, чисто *человѣческая*, *духовная* память (если ее можно назвать памятью) опредѣляетъ относительное положеніе въ человѣкѣ всѣхъ перечисленныхъ уже ассоціацій и придаетъ этимъ явленіямъ, общимъ и человѣку и животному, особый, *чисто человѣческій* характеръ.

26. Положимъ, что дитя заучило какіе-нибудь стихи на иностранномъ, непонятномъ для него языкѣ, заучило, слѣдовательно, только звуки въ ихъ послѣдовательности одинъ за другимъ. Сознаніе, конечно, принимало участіе въ этомъ заучиваньи: безъ участія вниманія дитя не слышало бы звуковъ, безъ участія разсудка не сознавало бы различія и сходства между этими звуками, а слѣдовательно и не усвоило бы ихъ въ ихъ послѣдовательности. Однако же роль сознанія была самая пассивная. Но вотъ, наконецъ, нервы усвоили механическую привычку произносить заученные стихи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, участіе сознанія въ этомъ произнесеніи все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, такъ-что дитя, произнося эти стихи, можетъ уже думать въ то же самое время о чемъ-нибудь другомъ. Положимъ, что дитя черезъ нѣсколько времени выучится языку, на которомъ написаны заученые стихи, и переведетъ ихъ, буквально, отъ слова до слова, не понимая, впрочемъ, смысла, выражающагося въ связи этихъ словъ: тогда на помощь прежней механической ассоціаціи звуковъ придетъ уже менѣе механическая ассоціація понятныхъ словъ. Но и эти ряды словъ отъ упражненія станутъ снова

однимъ механизмомъ. Положимъ далѣе, что дитя, подростая, пойметъ наконецъ и самую связь словъ, мысль, въ нихъ выражающуюся; но эта мысль будетъ до того чужда душѣ дитяти, что останется въ ней въ своей отдѣльности. Эта мысль, повторяясь часто, будетъ снова все больше и больше механической ассоціаціей словъ, не требующей особеннаго усиленнаго сосредоточенія вниманія. Случайное напоминаніе можетъ вызвать въ ребенкѣ заученныя созвучія и кадансированныя строчки; строчки и риѳмы вызовутъ понятныя слова; ряды понятныхъ словъ вызовутъ заключающуюся въ нихъ мысль: но мысль такъ и замретъ безъ послѣдствій въ душѣ дитяти. Но положимъ, наконецъ, что дитя сдѣлалось юношею, что въ душѣ юноши созрѣлъ *вопросъ*, на который мысль, заключающаяся въ стихахъ, будетъ отвѣтомъ, или созрѣло *чувство*, для котораго заученные стихи будутъ болѣе полнымъ, поэтическимъ выраженіемъ, — тогда зерно, заключающееся въ стихахъ, освобожденное отъ всѣхъ своихъ оболочекъ, перейдетъ въ *духовную* память юноши и перейдетъ не въ видѣ стиховъ, не въ видѣ словъ, даже не въ видѣ мысли, выраженной въ словахъ, а въ видѣ новой *духовной силы*, такъ что юноша, вовсе уже не думая объ этихъ стихахъ, не вспоминая даже мысли, въ нихъ заключенной, будетъ, послѣ усвоенія ихъ, глядѣть на все нѣсколько измѣнившимся взоромъ, будетъ чувствовать нѣсколько другимъ образомъ, будетъ хотѣть уже не совсѣмъ того, чего хотѣлъ прежде, — то-есть, другими словами, какъ говорится, человѣкъ разовьется ступенью выше. Такое усвоеніе духовной памятью есть не только *духовный актъ*, какъ говоритъ довольно неясно Германъ Фихте [1], но актъ, обратившійся въ новую *силу духа*. И эта новая сила духа, какъ и всѣ прежде имъ пріобрѣтенныя, будетъ всегда ему соприсуща и будетъ участвовать, какъ новая функція, въ каждомъ новомъ духовномъ актѣ.

27. Существованіе въ человѣкѣ этой духовной памяти, или памяти развитія, придаетъ памяти какъ разсудочной, такъ и механической, совершенно новый чисто человѣческій характеръ, ставя ихъ, такъ сказать, въ служебное къ себѣ отношеніе. Изъ духовной памяти появляются въ человѣкѣ идеи; разсудочная память облекаетъ ихъ въ форму логической мысли, а механическая облекаетъ эти мысли въ слова, краски, звуки, движенія. И на оборотъ: изъ слѣдовъ, сохраненныхъ механическою памятью, выплетаетъ разсудокъ сѣть ассоціацій, а изъ сближенія этихъ ассоціацій раждается идея, усвоиваемая духовной памятью. Такой оборотъ вѣчно совершается въ человѣкѣ; но не все, усвоенное механическою памятью, и даже не все, переработанное разсудочною, приноситъ идею въ память духовную и, на оборотъ, — не всякая идея духа находитъ себѣ воплощеніе въ силлогизмахъ разсудка и слѣдахъ, сохраненныхъ нервами. Много слѣдовъ сохраняется нашею механическою памятью и даже много есть у насъ разсудочныхъ знаній, которыя не приносятъ никакой пользы нашему ду-

[1] Psychologie. T. I. s. 61.

ховному развитію, ни на волосъ не подвигаютъ его впередъ, и, на оборотъ, много мы носимъ въ себѣ глубокихъ духовныхъ убѣжденій, которыхъ, можетъ быть, никогда не суждено высказаться не только въ формѣ дѣла, но даже въ формѣ слова. Однако же эти два *потока* нашей душевной жизни, идущіе, такъ сказать, отъ периферіи человѣческаго существа къ его центру и отъ центра къ периферіи, составляютъ самое существенное явленіе нашего психическаго міра.

Этого поверхностнаго анализа явленій памяти достаточно съ насъ покудова, и мы перейдемъ къ такому же анализу явленій забвенія, чтобы потомъ, собравъ всѣ эти явленія вмѣстѣ, намъ удобнѣе было сдѣлать характеристику памяти.

ГЛАВА XXIV.

Забвеніе: разрывъ ассоціацій памяти.

1. Слово *забвеніе*, по замѣчанію Эрдмана, имѣетъ два смысла: *во-первыхъ*, подъ именемъ забвенія разумѣется вообще переходъ представленій изъ области нашего сознанія въ безсознательную область памяти, изъ которой они опять могутъ быть вызваны; и *во-вторыхъ*, подъ именемъ забвенія мы разумѣемъ совершенное исчезновеніе изъ памяти самыхъ слѣдовъ какого-нибудь представленія [1]). Разговорный языкъ не различаетъ этихъ двухъ формъ забвенія и, можетъ быть, руководствуется при этомъ вѣрнымъ чутьемъ, что въ дѣйствительности невозможно различить ихъ, такъ-какъ ни объ одномъ представленіи, вышедшемъ изъ нашего сознанія, нельзя сказать съ полною достовѣрностію, сохраняется ли оно еще въ нашей памяти или навсегда и безъ слѣда исчезло изъ нея. Мы привыкли думать, что многое забываемъ совершенно, а между тѣмъ, вопросъ о томъ, можемъ ли мы что-нибудь совершенно забыть,— вопросъ нерѣшенный.

2. Послѣднею степенью забвенія можно, кажется, считать, если мы видимъ вещь, которую видѣли, и не сознаемъ, что видѣли ее; а, между тѣмъ, и это еще не можетъ служить доказательствомъ совершеннаго забвенія. Такъ, напримѣръ, переложивъ какую-нибудь вещь съ мѣста на мѣсто, мы можемъ совершенно позабыть, какъ и когда это сдѣлали, хотя переложенная вещь очевидно будетъ свидѣтельствовать, что это дѣло рукъ нашихъ. Однако же очень часто случается, что, перебирая потомъ нарочно или случайно въ нашей памяти событія протекшаго дня или часа, мы ясно вспоминаемъ, что вещь дѣйствительно была переложена нами, и какъ, когда и для чего мы это сдѣлали. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы попасть на ту цѣпь слѣдовъ, въ которой состоитъ звеномъ и слѣдъ нашего дѣйствія, забытаго нами, что бываетъ не легко, а иногда и совершенно невозможно. Но никакъ нельзя ручаться, чтобы мы совершенно нечаянно не набрели на забытый нами слѣдъ.

---

[1]) Psychologische Briefe. Leipzig 1863. 14-er Brief. S. 286.

Такъ иногда мы искренно спорнмъ о томъ, что не видали какого-нибудь человѣка, или не сказали какихъ-нибудь словъ, а потомъ совершенно случайно вспоминаемъ, что мы были не правы, что мы видѣли этого человѣка, или сказали эти слова.

3. Еще большему сомнѣнію подвергается возможность абсолютнаго забвенія многочисленными примѣрами поразительныхъ воспоминаній въ болѣзненномъ состояніи человѣка, и особенно въ горячкахъ. Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ мы привели выше [1]), а здѣсь приведемъ еще нѣсколько:

Одна простая женщина произносила въ горячечномъ бреду цѣлыя тирады по-сирійски и по-еврейски, — оказалось, что она прежде была служанкою одного ученаго пастора, часто читавшаго вслухъ тирады на этихъ языкахъ. Безъ сомнѣнія, эта женщина и сама не знала, что эти звуки, долетавшіе къ ней въ кухню, такъ врѣзались въ ея память и такъ долго сохранялись въ ней [2]). Шубертъ упоминаетъ о маркизѣ Солари, которая говорила въ раннемъ дѣтствѣ по-французски, а потомъ совершенно забыла этотъ языкъ и стала говорить по-итальянски. Заболѣвъ горячкою, она забыла по-итальянски и стала говорить по-французски; по выздоровленіи она опять забыла французскій языкъ и стала говорить по-итальянски; въ глубокой старости она снова заговорила на языкѣ своего дѣтства [3]). Знаменитый математикъ Паскаль, какъ говорятъ, заболѣвши, вспомнилъ все, что онъ читалъ, дѣлалъ, говорилъ, думалъ во всю свою жизнь. Локкъ считаетъ такія явленія рѣдкими, но возможными, хотя вполнѣ совершенную память предполагаетъ только у ангеловъ [4]).

4. Оставивъ однако въ сторонѣ нерѣшенный психологіею вопросъ о существованіи *абсолютнаго* забвенія, мы примемъ, что оно существуетъ въ той релятивной формѣ, которая знакома каждому. Что многое, и

---

[1]) См. выше глава XV п. 5.

[2]) Beneckе's Neue Seelenlehre von Raue. 1865. S. II.

[3]) См. также подобные примѣры: System der Psychologie v. Fortlage 1855. S. 126.

[4]) Of hum. underst. Ch. X. § 9. Упомянувъ о памяти Паскаля, Локкъ говоритъ: «эта привиллегія такъ мало извѣстна большинству людей, что она кажется невѣроятною тому, кто мѣряетъ всѣхъ другихъ по своей мѣркѣ; но однакоже она можетъ устремить нашу мысль къ совершенству этой способности въ высшемъ рядѣ духовъ. Способность памяти у Паскаля все-же была соединена съ слабостью человѣческаго ума, сознающаго большое разнообразіе идей послѣдовательно, а не всѣ разомъ; тогда-какъ ангелы, вѣроятно, могутъ быть одарены способностью удерживать вмѣстѣ и имѣть передъ собою разомъ, какъ бы въ одной картинѣ, всѣ свои протекшія знанія. Если бы думающій человѣкъ имѣлъ всегда передъ собою всѣ свои прошедшія мысли и разсужденія, то это, какъ мы можемъ себѣ представить, дало бы немалое преимущество его наукѣ».

очень многое, ускользаетъ изъ нашей памяти, въ этомъ мы можемъ убѣдиться, разсказывая даже вчерашнее происшествіе и повѣривъ нашъ разсказъ разсказами другихъ очевидцевъ. При этомъ мы увидимъ, какъ обманываетъ насъ наше воображеніе, вставляя свои кольца въ разорванныя цѣпи памяти, такъ-что, желая связать какую-либо цѣпь слѣдовъ, разорвавшуюся въ нашей памяти, мы связываемъ ее кольцомъ, которое только-что вновь сковано нашимъ разсудкомъ, или нашимъ воображеніемъ или выхвачено нами изъ совсѣмъ другаго ряда звеньевъ. Надобно особенное усиліе воли, чтобы съ полной точностью разсказать происшествіе, видѣнное нами, не вковавши въ этотъ разсказъ ни малѣйшаго кольца своего собственнаго производства. При потворствѣ же себѣ, это обращается въ привычку очень неблаговидную, такъ-что мы лжемъ, сами того несознавая. У дѣтей, у которыхъ особенно сильно развито воображеніе, а усиліе воли возстановлять объективную истину еще слабо, такая невольная ложь встрѣчается очень часто. Бываетъ даже, что дѣти смѣшиваютъ съ дѣйствительностію то, что видѣли во снѣ, припутывая еще къ этому какія-нибудь ассоціаціи своего собственнаго воображенія, которыя, по особенной впечатлительности дѣтской нервной системы, отразились въ ней съ такою силою, глубиною и яркостію, что дитя, встрѣчаясь потомъ въ своей памяти со слѣдами этихъ ассоціацій воображенія, принимаетъ ихъ за слѣды дѣйствительныхъ событій и впечатлѣній внѣшняго міра [1]). Взрослыхъ спасаетъ отъ этихъ невольныхъ ошибокъ или разсудокъ, показывающій невозможность событія, или сильное напряженіе вниманія, причемъ слѣды внѣшнихъ впечатлѣній отличаются своею особою яркостью отъ слѣдовъ внутри создаваемыхъ ассоціацій: у дѣтей же воля и разсудокъ еще слабы, психическій анализъ почти не существуетъ, поэтому не удивительно, что такая невольная

---

[1]) «Есть, говоритъ Эйлеръ, большое различіе между идеями (Эйлеръ беретъ слово *идеи* въ обширномъ, локковскомъ смыслѣ, т. е. все, что мы ощущаемъ), которыя дѣйствительно ощущаютъ, и идеями воспоминаемыми; первыя производятъ гораздо живѣйшее впечатлѣніе и болѣе занимательны, чѣмъ вторыя» (Lettres d'Euler. T. I. Let. XXX. p. 329). Что касается до интереса, то здѣсь Эйлеръ совершенно не правъ, и воспоминаніе бываетъ для насъ часто гораздо интереснѣе ощущенія, вызываемаго непосредственно внѣшнимъ міромъ. На относительной же *слабости*, *блѣдности* воспоминаній дѣйствительно шотландскіе спиритуалисты строили возраженіе противъ сенсуализма Локка, Юма и Кондильяка. Но эта опора очень не надежная: не кажутся ли намъ во снѣ воспоминанія наши дѣйствительными ощущеніями? Во снѣ мы теряемъ возможность *сравнивать* представленія, возбуждаемыя *извнѣ*, съ представленіями, возбуждаемыми *изнутри*. Весьма вѣроятно, что *различный ходъ* этого возбужденія и заставляетъ различать насъ представленія, возбуждаемыя внѣшнимъ міромъ, отъ представленій, возбуждаемыхъ душею.

ложь встрѣчается безпрестанно, и ее надобно старательно отличать от лжи преднамѣренной, которую самъ ребенокъ сознаетъ, какъ ложь [1]).

5. Разсказывая то, что мы наблюдали, мы сознаемъ только то, что вспоминаемъ, и потому естественно разсказъ нашъ кажется намъ совершенно вѣрнымъ и полнымъ; но стоитъ намъ взглянуть опять на тотъ же предметъ или услыхать отъ другихъ разсказъ того же событія, чтобы мы сознали, какъ многое мы забываемъ и какъ не точно наблюдаемъ. Тутъ мы убѣдимся на дѣлѣ, что множество слѣдовъ ощущеній не возобновляется нами при воспоминаніи и, невозобновляемые никогда, естественно исчезаютъ изъ памяти. Это несовершенство памяти есть отчасти благодѣяніе, потому-что иначе она была бы загромождена такимъ количествомъ слѣдовъ, что, наконецъ, воспріятіе новыхъ было бы крайне затруднительно или даже совершенно невозможно. Слѣды, совершенно безполезные и ни къ чему негодные, напрасно загромождали бы нашу память, которая какъ ни обширна, но все же имѣетъ свои предѣлы. Вотъ почему Куртманъ [2]) весьма основательно совѣтуетъ укоренять въ дѣтской памяти только то, что стоитъ укорененія и предавать забвенію то, чего помнить не стоитъ.

6. Весьма часто мы забываемъ какой-нибудь слѣдъ ощущенія потому, что онъ, по сходству своему съ другими слѣдами, не имѣя рѣзкаго отъ нихъ отличія, сливается съ ними. Такъ, напримѣръ, многіе дни, проведенные нами однообразно, въ регулярныхъ занятіяхъ, сливаются въ

[1]) Эти явленія указываютъ педагогу на необходимость пріучать дѣтей къ вѣрной передачѣ событій или созерцаній и предупреждать тѣмъ возможность образованія, особенно у дѣтей съ развитымъ воображеніемъ, привычки полуневольной лжи, которая можетъ потомъ остаться и въ зрѣломъ возрастѣ. Для этого слѣдуетъ заставлять дѣтей описывать предметъ, который они видѣли, разсказывать событіе, въ которомъ они принимали участіе или котораго были свидѣтелями. Такъ, напримѣръ, весьма полезно, если ученики въ концѣ уроковъ разскажутъ весь ходъ уроковъ, или въ концѣ недѣли разскажутъ занятія своей недѣли. При этихъ разсказахъ сейчасъ выскажутся дѣти съ особенно сильнымъ воображеніемъ и у которыхъ ходъ внутреннихъ концепцій такъ силенъ и оставляетъ такіе яркіе слѣды въ памяти, что вѣрный разсказъ событія становится для нихъ чрезвычайно затруднительнымъ. Наставникъ будетъ внимателенъ къ такимъ дѣтямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и снисходителенъ, если самъ на себѣ испыталъ, какъ трудно съ объективною вѣрностью передать самое простое событіе, и замѣчалъ, какъ разнообразно передается одно и то же событіе разными людьми безо всякаго желанія лгать. Это вмѣшательство нашихъ внутреннихъ концепцій въ ходъ нашихъ непосредственныхъ наблюденій бываетъ причиною множества невольныхъ ошибокъ и ложныхъ взглядовъ, а потому пріученіе дѣтей къ точному наблюденію и точной передачѣ наблюдаемаго есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія.

[2]) Lerhbuch der Erziehung und Unterrichts. 1865. T. II. S. 211.

нашихъ воспоминаніяхъ въ одинъ день, и жизнь для насъ никогда не протекаетъ такъ быстро, какъ тогда, когда одинъ день похожъ на другой, проходитъ регулярно, ни чѣмъ отъ другихъ не отличаясь. Мѣсяцы и даже годы, проведенные такимъ образомъ, кажутся намъ въ воспоминаніи однимъ днемъ, и только слѣды жизни, оставшіеся въ насъ или въ дѣлахъ нашихъ, говорятъ, что мы жили долго. Точно также сливаются въ насъ въ одинъ слѣдъ всякія сходныя ассоціаціи, если только сознаніе наше не отмѣтило рѣзко ихъ различія. Такъ сливаются часто у насъ сходныя имена, потому что мы не обратили вниманія на ихъ различіе, сходные образы лицъ, воспоминанія сходныхъ происшествій. Вотъ почему, давая, напримѣръ, ученику какое-нибудь новое имя, сходное съ тѣмъ, которое онъ замѣтилъ прежде, мы должны указать именно на различіе этихъ именъ, или желая, чтобы ребенокъ замѣтилъ годъ, подходящій къ другому году, имъ уже замѣченному, мы должны указать на соотношеніе этихъ годовъ и т. п.

7. Одну изъ причинъ забвенія Дробишъ [1]) указываетъ совершенно справедливо въ отрывочности слѣда: такъ имена, чуждыя нашему слуху, трудно укореняются въ памяти и легко исчезаютъ изъ нея; таковы, напримѣръ, имена, взятыя нами изъ чуждыхъ намъ языковъ семитической рассы, которыя однако спеціалистъ помнитъ очень хорошо, именно потому, что они ложатся въ памяти его не отдѣльными звуками, а входятъ въ обширныя ассоціаціи слѣдовъ его ученыхъ изслѣдованій. Для европейскаго ученика также нѣтъ почти возможности запомнить десятокъ именъ китайскихъ императоровъ, тогда-какъ китаецъ помнитъ ихъ сотни.

8. На томъ же основаніи видитъ Дробишъ, вслѣдъ за Гербартомъ, причину забвенія въ томъ, что мы сами разрываемъ цѣпи слѣдовъ, вынимая изъ нихъ тѣ звенья, которыя намъ почему-нибудь понадобились, и вставляя ихъ въ новую цѣпь. Такой разрывъ прежнихъ вереницъ представленій мы дѣлаемъ безпрестанно при нашей умственной работѣ, сплетая новыя вереницы и для того разрывая старыя. Вотъ почему, напримѣръ, философское мышленіе у многихъ ослабляетъ память, такъ-какъ пріучаясь къ постройкѣ рядовъ, связанныхъ философскою необходимостью, мы безпрестанно разрываемъ для этого ряды другихъ нашихъ представленій и помнимъ только то, что имѣетъ для насъ философское значеніе [2]). Цѣпи же слѣдовъ, разорванныя на отдѣльные куски и отдѣльныя представленія, быстро изглаживаются изъ памяти именно по причинѣ своей отдѣльности и разорванности.

9. На этой же причинѣ забывчивости основано отчасти то явленіе, что дѣти съ сильно-возбужденнымъ воображеніемъ оказываются очень забывчивыми. Они забываютъ не потому, что у нихъ память слаба, но потому, что при безпрестанной постройкѣ воображеніемъ новыхъ и но-

---

[1]) Empiriche Psychologie. 1842. S. 88.

[2]) Философскія занятія, впрочемъ, не помѣшали Канту сохранить до глубокой старости сильную механическую память.

выхъ ассоціацій, они берутъ матерьялъ изъ прежнихъ, безпрестанно ихъ разрывая. Кромѣ того, внутренняя работа воображенія отвлекаетъ вниманіе дитяти отъ уроковъ и вообще незанимающихъ его предметовъ. Вотъ на какомъ основаніи раннее развитіе воображенія можетъ считаться опаснымъ соперникомъ памяти, хотя въ сущности это вовсе не противуположныя способности, и вотъ почему педагогъ долженъ избѣгать всего, что слишкомъ сильно возбуждаетъ ни къ чему не ведущія, безполезныя ассоціаціи въ душѣ дитяти, какъ, напр., чтенія романовъ, противъ котораго вооружался еще Кантъ [1]). Но чтеніе не однихъ романовъ, а вообще всякое чтеніе, не имѣющее отношенія къ ученію ребенка, и потому остающееся безъ повторенія, дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ на память, разрывая прежнія ассоціаціи и составляя новыя, которыя, не будучи потомъ повторяемы, ослабляются сами, ослабивъ въ свою очередь другія. Конечно, изъ этого не выходитъ, что ребенку не надобно давать читать ничего, не относящагося къ урокамъ; но воспитатель долженъ знать дѣйствіе чтенія на душу дѣтей и ослаблять его дурныя вліянія, оставляя хорошія. Не только чтеніе, но и безполезное ученье ослабляетъ память: такъ, если мы выучимъ дитя чему-нибудь, что оно потомъ забудетъ, то это дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ на его память. Если мы слишкомъ рано, напримѣръ начали учить ребенка, географіи или исторіи, а потомъ бросили, то можемъ знать, что подѣйствовали дурно на его память вообще.

10. Забывчивость, во многихъ отношеніяхъ, можетъ быть названа также дурною привычкою. Эта привычка часто происходитъ отъ лѣни. Каждый можетъ замѣтить надъ самимъ собою, что при упорномъ воспоминаніи требуется сосредоточеніе вниманія, которое, въ свою очередь, требуетъ усилія воли, большаго или меньшаго, смотря по трудности воспоминанія. Вспоминая что-нибудь упорно и долго, мы ясно ощущаемъ, что это трудъ не легкій. Вотъ почему общая лѣность, отвращеніе отъ труда вообще и въ особенности отъ труда умственнаго, который гораздо тяжелѣе физическаго для дѣтей и людей не развитыхъ, можетъ имѣть сильное вліяніе на ослабленіе памяти. Оставляя по лѣности многіе *слѣды* не возбужденными къ сознанію, мы позволяемъ имъ затериваться болѣе и болѣе въ темной области памяти, загромождаясь новыми ассоціаціями, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаемъ вообще дурную привычку забывать.

11. Англійскій психологъ Спенсеръ [2]) причисляетъ къ забывчивости и то явленіе, когда какое-нибудь воспоминаніе повторяется до такой степени часто, что обращается наконецъ въ привычку, за которою уже не признаютъ характера воспоминанія: таково, напримѣръ, употребленіе

---

[1]) Kant's Rechtslehre etc. 1838. s. 407. «Чтеніе романовъ ослабляетъ память, потому-что было бы смѣшно запоминать романы и потомъ разсказывать ихъ другимъ. Читая романъ, дѣти вплетаютъ въ него свой собственный романъ и сидятъ, мечтая, и безъ мысли въ головѣ.

[2]) The principles of Psychology by Herb. Spencer. Lon. 1855 S. 561.

словъ роднаго языка, не требующее, повидимому, ни малѣйшаго усилія памяти; таково множество навыковъ: ходить, читать и т. п., таковы, наконецъ, всѣ тѣ привычки, которыя, какъ мы видѣли выше, составляются нами въ безпамятномъ младенчествѣ: видѣть двумя глазами одинъ предметъ, видѣть предметы неподвижными при движеніяхъ головы и глазъ, видѣть предметы въ перспективѣ и т. п., словомъ, всѣ тѣ навыки человѣчества, которые оно пріобрѣтаетъ въ безпамятномъ дѣтствѣ и считаетъ потомъ до того принадлежностями своей природы, что только новѣйшая физіологія разрушаетъ это заблужденіе. Принимать такіе твердо укоренившіеся слѣды памяти за забвеніе мы считаемъ игрою словъ. Собственно здѣсь нѣтъ забвенія, а есть только уничтоженіе чувства воспоминанія отъ чрезвычайной твердости слѣдовъ и вслѣдствіе того отъ уничтоженія всякой трудности возстановленія ихъ изъ нервной системы къ сознанію.

12. Однако же печальные опыты убѣждаютъ насъ, что и эти, какъ казалось, неизгладимые слѣды привычекъ нервной системы могутъ изглаживаться изъ нея подъ вліяніемъ хроническихъ болѣзней или временныхъ потрясеній нервной системы. Такъ, при параличномъ состояніи мозга, больные забываютъ названіе многихъ предметовъ; такъ, часто въ глубокой старости человѣкъ путается въ словахъ и разучается говорить. Тоже самое явленіе замѣчаемъ мы при совершенномъ опьяненіи человѣка, которое дѣйствуетъ сильно на нервную систему. При сильномъ опьяненіи, человѣкъ разучается въ тѣхъ привычкахъ, которыя, казалось, были неотъемлемою принадлежностью его природы: разучается на время въ привычкахъ безпамятнаго дѣтства; такъ, напримѣръ, у него двоится въ глазахъ, т. е. онъ видитъ два предмета двумя глазами; у него кружатся предметы при движеніяхъ головы, то-есть, представляются ему, какъ представляются они младенцу; онъ протягиваетъ руку, чтобы схватить далекій предметъ, натыкается на печку, которую считаетъ далекою; онъ разучается ходить, то-есть, комбинировать движенія своихъ мускуловъ, и подымаетъ ногу, когда надо ее опустить,—вотъ почему пьянымъ такъ неудобно ходить по лѣстницамъ. Недостаткомъ силы этого объяснить нельзя, потому что пьяные часто бываютъ очень сильны. Во всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ пьяный рѣзко напоминаетъ собою младенца: вмѣсто рѣчи онъ издаетъ лепетъ, подобный младенческому, кричитъ безъ цѣли, какъ ребенокъ, изъ одного удовольствія крикнуть, двигаетъ руками и ногами безъ всякаго соображенія и соотвѣтствія движеній, только изъ одного удовольствія двигаться. И чѣмъ сильнѣе степень пьянства, тѣмъ ближе человѣкъ къ младенчеству, такъ-что онъ и засыпаетъ наконецъ безмятежнымъ сномъ младенца. Пьяный—это младенецъ, но только въ отвратительномъ видѣ, производящемъ на насъ тяжелое впечатлѣніе именно этимъ уродливымъ сближеніемъ чертъ младенчества и возмужалости.

ГЛАВА XXV.

Исторія памяти.

1. Въ продолженіе жизни человѣка память его, работающая постоянно, обнаруживаетъ то возрастаніе своихъ силъ, то упадокъ ихъ, то особенное направленіе въ своихъ работахъ. Эти періодическія измѣненія въ дѣятельности памяти, конечно, имѣютъ важное значеніе и для педагога, который пользуется памятью воспитанника едва ли не болѣе, чѣмъ какою-либо другою его способностью. Казалось бы, что въ младенческомъ возрастѣ память должна быть чрезвычайно воспріимчива и усвоивать быстро и прочно; но мы замѣчаемъ, напротивъ, что память младенца усвоиваетъ съ большимъ трудомъ и забываетъ легко; въ отрочествѣ память усвоиваетъ легко и забываетъ легко; въ возрастѣ мужества одне помнитъ хорошо, а другое забываетъ. Всѣ эти явленія можно объяснить не иначе, какъ прослѣдивъ начало, развитіе и установленіе памяти въ человѣкѣ.

2. Дитя родится безо всякихъ *слѣдовъ* въ своей памяти, и въ *этомъ отношеніи* дѣйствительно представляетъ «чистую таблицу» (tabula rasa) Аристотеля, на которой еще ничего не написано. Однако же отъ самаго свойства таблицы зависитъ уже, легко или трудно на ней писать, а также большая или меньшая степень прочности въ сохраненіи ею того, что на ней *будетъ* написано. Младенецъ, не имѣя еще никакихъ *слѣдовъ* воспоминаній, имѣетъ уже возможность быстрѣе или медленнѣе принимать ихъ, ярче или тусклѣе отражать, сохранять болѣе или менѣе прочно, комбинировать и воспроизводить живѣе или медленнѣе. Эти прирожденныя способности зависятъ, по нашему мнѣнію, отъ особенностей нервной системы и составляютъ дѣйствительную основу такъ-называемыхъ врожденныхъ способностей человѣка, которымъ одни психологи приписываютъ всерѣшающее значеніе, а другіе, какъ напр., психологи гербартовской школы, не даютъ почти никакого [1]). Кромѣ

---

[1]) Признавая душу за ассоціацію представленій и оставаясь вѣрнымъ этой мысли, трудно объяснить не подлежащее сомнѣнію явленіе врожденности способностей. По этой-то причинѣ Бенеке нашелся уже вынужденнымъ, отвергая всякія врожденныя способности души и не оцѣнивъ, какъ слѣдуетъ, вліянія организма на душу, признать *особенныя* свойства *первичныхъ* душевныхъ силъ у различныхъ людей. Особенности эти: Reizempfänglichkeit, Beharrlichkeit und Lebhaftigkeit, по терминологіи Бенеке; но Бенеке приписываетъ ихъ не нервной системѣ и даже не существу души, а первичнымъ силамъ (Uhrvermögen). Такъ фактъ, отъ котораго нельзя было отвернуться, былъ признанъ и на *живую нитку*, кое-какъ, пришитъ къ теоріи. См. объ томъ во II-мъ томѣ Антропологіи.

этихъ прирожденныхъ способностей, зависящихъ отъ *общихъ* природныхъ свойствъ всей нервной системы и отъ разнообразія въ устройствѣ отдѣльныхъ ея органовъ, у различныхъ индивидовъ (системы зрительныхъ нервовъ, слуховыхъ и такъ далѣе), нервная система можетъ заключать въ себѣ, какъ мы уже видѣли выше, наслѣдственные *задатки* (возможности установленія) какихъ-нибудь привычекъ и наклонностей; но не одного опредѣленнаго образа, ни одного опредѣленнаго слѣда какого-нибудь ощущенія не заключаетъ въ себѣ память младенца: въ этомъ отношеніи все предстоитъ еще сдѣлать собственному труду младенца, труду, къ которому онъ *получаетъ стремленіе* вмѣстѣ съ рожденіемъ.

3. Первое проявленіе жизни выражается въ тѣхъ, повидимому, безпричинныхъ и безцѣльныхъ движеніяхъ, которыя начинаются у живаго существа еще въ зародышномъ состояніи и высказываются съ энергіею при рожденіи на свѣтъ. «Новорожденный младенецъ, говоритъ Бэнъ, движется, не имѣя еще никакой цѣли этихъ движеній, не зная ихъ послѣдствій, *даже не ощущая ихъ*,—это только выраженіе стремленія жизни къ проявленію себя въ чемъ бы то ни было, врожденная потребность движенія [1])». Что младенецъ «не ощущаетъ» своихъ первыхъ движеній—это не имѣетъ никакого вѣроятія: нѣтъ причины, почему онъ не могъ бы ощущать ихъ; но ощущеніе міра внѣшняго, внѣшняго по отношенію къ организму ребенка, должно наступить только по развитіи органовъ чувствъ и прежде всего, безъ сомнѣнія, органа осязанія. Съ перваго *столкновенія* съ тѣлами внѣшняго міра начинается безпрерывный рядъ ощущеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ опытовъ и приноровленій. Всѣ же эти первые акты душевной жизни оставляютъ свои *слѣды* въ памяти ребенка, слѣды болѣе или менѣе глубокіе и болѣе или менѣе связанные между собою.

4. Но мы очень ошиблись бы, представивъ себѣ, что младенецъ въ первые дни своей жизни ощущаетъ такъ же, какъ ощущаемъ и мы. Всѣ наши ощущенія болѣе или менѣе опредѣленны, сложны и немедленно становятся въ извѣстное отношеніе къ *слѣдамъ* ощущеній, пережитыхъ нами прежде. Для взрослаго человѣка, въ строгомъ смыслѣ слова, не можетъ быть никакихъ *совершенно новыхъ* ощущеній. Если бы вамъ случилось, напримѣръ, увидать животное, котораго вы до сихъ поръ не видали ни въ натурѣ, ни на картинѣ, о которомъ даже ничего не слыхали, то и тогда это не будетъ совершенно новое ощущеніе. Видъ никогда невиданнаго животнаго пробудитъ въ вашей памяти множество слѣдовъ прежнихъ ощущеній: цвѣтъ животнаго уже знакомъ вамъ, безъ сомнѣнія, потому что вы видѣли этотъ цвѣтъ или на растеніяхъ, или на другихъ животныхъ; величина новаго животнаго напомнитъ вамъ величину другихъ, уже знакомыхъ. Вы будете искать въ немъ уже знакомыхъ вамъ членовъ животнаго, имѣя понятіе о томъ, что такое голова, глаза, ротъ, ноги и т. д., и если не найдете одного

[1]) The Sences and the Intellect. S. 301, 302.

изъ этихъ членовъ, то это васъ удивитъ, и, слѣдовательно, будетъ вами замѣчено. Если какой-нибудь изъ членовъ будетъ развитъ особенно, то и на это вы обратите вниманіе, понимая эту особенность. Вы пріурочите немедленно новую ассоціацію слѣдовъ, полученную вами отъ созерцанія новаго животнаго, къ тысячамъ другихъ ассоціацій, которыя получили отъ прежнихъ созерцаній, или которыя построились въ васъ мыслительною способностію изъ тысячи другихъ слѣдовъ ощущеній и опытовъ, какъ, напримѣръ: къ понятіямъ о формѣ, величинѣ, жизни, сознаніи, движеніи и т. п. Если, напримѣръ, у новаго животнаго голова будетъ какая-нибудь вытянутая, то вы замѣтите это потому именно, что давно уже соединили съ понятіемъ головы понятіе о шарообразной формѣ и т. д. Созерцаніе новаго животнаго дастъ вамъ очень мало новыхъ слѣдовъ, сравнительно съ тѣмъ количествомъ старыхъ, которые оно пробудитъ въ вашей памяти. Вы привяжете къ старымъ слѣдамъ, можетъ быть, одинъ, можетъ быть, два новые признака—не болѣе, да и тѣ свяжете по противоположности или по сходству съ прежними слѣдами; такъ-что въ васъ произойдетъ собственно лишь нѣсколько другое перемѣщеніе признаковъ, уже прежде вами усвоенныхъ. Словомъ, взрослый человѣкъ не можетъ относиться совершенно *пассивно* ни къ какому новому ощущенію и ощущаетъ его не только органами чувствъ, но и многочисленнѣйшими слѣдами своихъ прежнихъ ощущеній, представленій и ассоціацій.

5. Совсѣмъ не таково должно быть ощущеніе новорожденнаго младенца, если бы то же животное и по законамъ той же оптики, отразилось на сѣтчаткѣ его глазъ. *Величина* животнаго.... но величина ощущается только сравнительно съ другими величинами и притомъ сравнительно съ разстояніемъ предмета отъ глазъ, и притомъ по движенію глазныхъ мускуловъ, какъ это убѣдительно доказала физіологія [1]; слѣдовательно, величина предмета не возбудитъ *никакого ощущенія* въ младенцѣ. *Цвѣтъ* животнаго.... но ощущеніе цвѣта есть только выводъ изъ сравненія цвѣтовъ [2]; а если это *первый* цвѣтъ, который задѣваетъ концевые аппараты глазной сѣтки младенца, то онъ произведетъ *физическое* впечатлѣніе; но оно не перейдетъ въ *психическое* ощущеніе и, слѣдовательно, не оставитъ никакого слѣда въ памяти. *Форма* животнаго.... но понятіе о формѣ есть слѣдствіе тысячи опытовъ и наблюденій, да кромѣ того, чтобы судить о формѣ, нужно видѣть животное, а ребенокъ *его не видитъ*, ибо не получаетъ ощущенія ни цвѣта, ни величины, хотя животное точно также отражается на сѣтчаткѣ младенца, какъ и на сѣтчаткѣ взрослаго, потому что законы оптики одинаковы, какъ для младенца, такъ и для взрослаго. Вотъ почему младенецъ, въ первые дни своей жизни, оказывается совершенно индиферентнымъ ко всему тому, что совершается передъ его глазами и что должно бы поражать его слухъ: онъ, соб-

---

[1]) См. выше, глава VI, п. 23.

[2]) См. выше, глава XXI, п. 17.

ственно говоря, и не видитъ, и не слышитъ, и не обоняетъ, остается равнодушнымъ ко вкусу пищи и даже самое осязаніе его, начавшее свои опыты въ эмбріоническомъ состояніи младенца, еще крайне не развито. Явленіе это не можетъ быть объяснено неполнотою физическаго развитія органовъ младенца, ибо въ нихъ не произойдетъ существенной перемѣны черезъ 3 или 4 мѣсяца, когда ребенокъ замѣтно начнетъ слышать, видѣть, различать вкусъ пищи. Слѣдовательно, эта перемѣна можетъ быть объяснена только психически, и мы должны отдать справедливость теоріи Гербарта, что она сравнительно съ прежними теоріями даетъ самое удовлетворительное объясненіе этого явленія.

6. Младенецъ, какъ мы уже показали выше, ощущаетъ только *отношеніе одного состоянія нервовъ*, вызываемаго однимъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ, къ другому состоянію, вызываемому другимъ впечатлѣніемъ, да и то сначала ощущаетъ очень не ясно. Только нѣсколько разъ повторившійся переходъ оставляетъ опредѣленный слѣдъ въ его памяти. Чѣмъ чаще совершается этотъ переходъ въ душѣ ребенка, тѣмъ яснѣе вырѣзываются противоположныя особенности состояній, тѣмъ прочнѣе начертывается слѣдъ каждаго изъ ощущеній. Такъ, напримѣръ, переходъ отъ свѣта къ темнотѣ и отъ темноты къ свѣту сначала не производитъ никакого замѣтнаго вліянія на младенца; но, чѣмъ чаще онъ совершается,—тѣмъ болѣе глубокіе слѣды оставляетъ въ памяти, и тѣмъ яснѣе начинаетъ сознавать младенецъ противоположность свѣта и темноты. Вѣроятно это наблюденіе повело Бенеке къ тому, что онъ призналъ возможность непосредственнаго перехода *безсознательныхъ впечатлѣній*, вліяній внѣшней природы на органы чувствъ, въ *сознательныя ощущенія*, то-есть, другими словами, что смѣна тьмы свѣтомъ, въ началѣ совершенно *безсознательная* для ребенка, дѣлается потомъ, вслѣдствіе повторенія, *самосознательною* [1]). Но мы уже замѣтили выше, что, выставляя такое положеніе, Бенеке дѣлаетъ громадный скачекъ, и изъ простой фразы хочетъ выстроить мостъ черезъ ту бездну, которая отдѣляетъ сознательный міръ отъ безсознательнаго. Не трудно видѣть, что если бы ребенокъ не сознавалъ перваго перехода отъ тьмы къ свѣту, то этотъ переходъ не могъ бы оставить слѣда въ его памяти, а слѣдовательно младенецъ также мало могъ бы сознать его во второй и третій разъ, какъ и въ первый. Конечно, мы можемъ предположить, что повторенія впечатлѣній внѣшняго міра, не сознаваемыя младенцемъ, могутъ, какимъ-то непонятнымъ для насъ образомъ, усиливать свое дѣйствіе на органы чувствъ, такъ-что, наконецъ, младенецъ, сознающій собственно только одну свою нервную систему, а не внѣшній міръ, начинаетъ замѣчать ихъ, такъ-какъ они углубляются въ эту систему все болѣе и болѣе. Но это будетъ чистое предположеніе, не основанное ни на какихъ физіологическихъ данныхъ, которыя бы показали, что первое впечатлѣніе свѣта *такъ-то* и *такъ-то* измѣняетъ нервы, второе уси-

[1]) Erziehungs und Unterrichtslehre von Benecke. Erst B. S. 75.

ливаетъ это измѣненіе и такъ далѣе [1]). Несомнѣнно только то, что если бы *сознаніе* не было *прирождено* младенцу, то оно также мало могло бы родиться въ немъ и отъ десятаго или сотаго впечатлѣнія, какъ и отъ перваго, и ребенокъ остался бы безъ ощущеній сознательныхъ, какъ остается растеніе, хотя частые порывы вѣтра въ одну сторону могутъ мало по малу измѣнить направленіе и ростъ его вѣтвей. Словомъ, изъ повторенія безсознательныхъ впечатлѣній никакъ не вытечетъ сознательныхъ ощущеній, и мы вправѣ укорить Бенеке и его послѣдователей за то, что они, ради законченности своей теоріи, закрыли фразою пропасть, еще непереходимую для науки [2]).

7. Оставивъ однако въ сторонѣ таинственное рожденіе перваго ощущенія, о которомъ замѣтимъ только тотъ фактъ, что повтореніе ощущеній, усиливая слѣдъ, оставляемый этими ощущеніями въ памяти, даетъ все большую и большую яркость самимъ ощущеніямъ. Отъ повторенія перехода свѣта въ тьму и обратно, тишины въ шумъ, тепла въ холодъ, младенецъ сознаетъ все опредѣленнѣе и яснѣе отношенія этихъ ощущеній между собою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, особенность каждаго изъ нихъ; ибо эта особенность выдается только сравненіями. Слухъ и зрѣніе ребенка, а съ ними и его вниманіе къ впечатлѣніямъ, развиваются вмѣстѣ съ углубленіемъ слѣдовъ ощущеній отъ повторенія ихъ и усиливаются съ увеличеніемъ числа этихъ слѣдовъ. Каждый слѣдъ, уже пріобрѣтенный, облегчаетъ пріобрѣтеніе новаго, потому-что новый слѣдъ не только углубляется самъ собою отъ повтореній, но и привязывается къ прежнему слѣду. и каждый слѣдъ въ этомъ отношеніи есть не только *остатокъ* отъ прежняго ощущенія, но и *задатокъ* (Anlage) воспріятія новаго [3]). Такимъ образомъ, чѣмъ больше пріобрѣтается слѣдовъ, тѣмъ

---

[1]) Но да не поставлена будетъ такая нерѣшенность основныхъ вопросовъ въ упрекъ психологіи. Этотъ недостатокъ раздѣляетъ она со всѣми прочими науками опыта. «Каковъ бы ни былъ предметъ человѣческихъ изысканій, говоритъ Морель, всегда есть въ нихъ предѣлъ, за которымъ перестаютъ говорить факты и остается мѣсто только для аналогій и умозаключеній. Рожденіе насѣкомаго или растенія также переходитъ въ трансцендентальную область, какъ и зарожденіе души», точно такъ же, какъ и зарожденіе сознанія, добавимъ мы, признавая полную неудачу попытокъ Бенеке. Elements of Psychologie by Morel. P. I, p. 67.

[2]) Впрочемъ, Бенеке, чувствуя неполноту своей системы, оговаривается и признаетъ прирожденность душѣ того, что *предопредѣляетъ* сознаніе (prädeterminirt) (Erz. u. Unt.-Lehre. S. 75); а Дреслеръ, издатель сочиненій Бенеке, объясняетъ это весьма неудачно *большею силою* прирожденныхъ человѣку «первичныхъ силъ» (Uhrvermögen): какъ будто у животныхъ нѣтъ сознанія, и какъ будто сила впечатлѣнія, увеличиваясь, можетъ породить сознаніе! Врѣзывайтесь въ дерево, какъ хотите, глубоко—оно не почувствуетъ.

[3]) «Остающіеся въ душѣ слѣды, говоритъ Бенеке, дѣйствуютъ потомъ какъ новыя силы, для воспріятія новыхъ ощущеній, и чѣмъ болѣе наби-

пріобрѣтеніе новыхъ идетъ легче и быстрѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливается душевная работа младенца и по мѣрѣ этого усиленія замедляется его ростъ, то-есть, другими словами: дѣятельность нервнаго организма, вызываемая психическою жизнью все болѣе и болѣе требуетъ пищи, которая сначала шла почти вся на ростъ и развитіе тѣла.

8. Изъ того, что уже сказано, ясно само собою, что предметъ, отражаясь одинаково на сѣтчаткѣ глазъ взрослаго человѣка и младенца, совершенно различно отражается въ ихъ сознаніи. Взрослый видитъ, сознаетъ и запоминаетъ весь предметъ, со всѣми его особенностями; младенецъ усвоиваетъ только то изъ созерцанія предмета, на что у него хватаетъ уже прежде пріобрѣтенныхъ имъ слѣдовъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ не только огонь на свѣчѣ, но и свѣчу, и подсвѣчникъ, и руку человѣка, который держитъ подсвѣчникъ; ребенокъ же ощущаетъ только свѣтъ, и то не въ первые дни своей жизни, а начинаетъ поворачивать головку за свѣчею уже гораздо позже, потому что для этого требуется довольно сложная привычка комбинаціи движеній съ ощущеніями. Первыя ощущенія младенцемъ внѣшняго міра должны быть самыя общія: свѣта въ противоположность темнотѣ, звука въ противоположность тишинѣ, холода въ противоположность теплотѣ, движенія въ противоположность неподвижности. Вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ слѣдовъ этихъ общихъ ощущеній, которое высказывается въ томъ, что ребенокъ, напримѣръ, безпокоится отъ свѣта или плачетъ въ темнотѣ, — усиливается въ ребенкѣ *вниманіе* къ этимъ ощущеніямъ, и *вслѣдствіе этого усиленія вниманія* общія ощущенія начинаютъ яснѣть и *разлагаться на частныя*: общее ощущеніе свѣта на ощущенія различныхъ цвѣтовъ, общее ощущеніе звука на ощущеніе различныхъ звуковъ и т. д. Мы можемъ замѣтить сами на себѣ, какъ отъ усиленія вниманія при созерцаніи какого-нибудь предмета, показавшагося намъ въ началѣ совершенно однообразнымъ, онъ начинаетъ разнообразиться и вмѣсто одного ощущенія даетъ намъ цѣлую ассоціацію ощущеній. Всматривайтесь внимательнѣе въ самое простое чернильное пятно, и вы будете находить въ немъ все болѣе и болѣе разнообразія. Всѣ эти *внѣшнія* ощущенія, изъ которыхъ многія вызываются произвольными движеніями младенца (поворачивая голову, младенецъ видитъ то, чего не видѣлъ, протягивая руку испытываетъ холодъ тѣла, къ которому прикасается, и т. п.), комбинируются съ ощущеніями внутренними, съ ощущеніями и измѣреніями собственныхъ произвольныхъ движеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ, мало по малу, оріентироваться, пріурочиваться къ опредѣленному мѣсту и времени, помѣщаться въ точку, опредѣленную координатами пространства и времени. Для посторонняго наблюдателя вся эта психическая, сознательная работа младенца, вся эта безпрестанно растущая и усложняющаяся сѣть внутреннихъ и внѣшнихъ ощущеній и

рается этихъ слѣдовъ, тѣмъ совершеннѣе дѣлается этотъ психическій внутренній дѣятель». Erziehungs und Unterrichtslehre von Benecke. 1 B. S. 76.

ихъ комбинацій, сознательныхъ наблюденій и тысячеобразно повторяющихся опытовъ, весь этотъ сознательный ростъ души выражается видимымъ усиленіемъ способностей зрѣнія, слуха, вкуса, осязанія, регуляризаціею движеній, въ началѣ безпорядочныхъ и неудачныхъ, усиленіемъ внимательности младенца къ тому, что вокругъ него совершается, и, наконецъ, видимымъ пониманіемъ ребенка, что предметы, лежащіе внѣ его, размѣщены въ перспективѣ, видимою удачею движеній, чтобы схватить эти предметы. *Младенческій* глазъ становится *дѣтскимъ*: онъ не только *смотритъ*, какъ открытое окно, но и *видитъ;* видитъ же онъ не потому, чтобъ онъ измѣнился, но потому, что къ нему прилило вниманіе, или, по выраженію великаго славянскаго поэта, «душа уже прилетѣла къ глазамъ».

9. Уже большіе успѣхи сдѣлаетъ младенецъ въ то время, когда начнетъ брать рученками подаваемую ему вещь. Если же мы видимъ, что ребенокъ начинаетъ узнавать мать, отличать ее отъ другихъ людей и тянуться къ ней, то мы можемъ сказать, что уже много слѣдовъ ощущеній накопилось въ его душѣ. «Въ первомъ дѣтствѣ, говоритъ Гербартъ [1]), составляется несравненно большій запасъ простыхъ (элементарныхъ) чувственныхъ представленій, чѣмъ во всю послѣдующую жизнь, дѣло которой состоитъ уже въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ этого запаса». Всѣмъ, что мы сказали выше, объясняется извѣстное явленіе, что младенецъ такъ медленно запоминаетъ предметъ, который взрослымъ запоминается съ перваго разу. Нѣсколько недѣль нужно младенцу, чтобы узнавать мать, или кормилицу, хотя онъ безпрестанно ихъ видитъ. Это совершенно противорѣчитъ той свѣжести и незагромowжденности памяти, которую должно предполагать въ младенцѣ, но объясняется хорошо, сначала, совершеннымъ отсутствіемъ, а потомъ, не многочисленностію слѣдовъ въ памяти, которыхъ нужно уже очень много, чтобы усвоить такое сложное представленіе, какъ лицо человѣческое [2]). Потомъ эти усвоенія идутъ все быстрѣе и быстрѣе; но однако же безпамятность младенчества, зависящая именно отъ малочисленности *слѣдовъ*, накопляемыхъ только постепенно, замѣчается еще очень долго. Трехлѣтній ребенокъ скоро забываетъ человѣка, котораго не видалъ нѣсколько времени, перемѣшиваетъ лица, имена, съ трудомъ заучиваетъ два, три стиха, которые черезъ годъ, чрезъ два, замѣтитъ съ перваго же разу. Какъ ни быстро развивается память въ ребенкѣ, какъ ни быстро накопляются въ немъ слѣды ощущеній; но все же внимательный наблюдатель долго еще будетъ замѣчать постепенно изчезающій оттѣнокъ этой *младенческой* безпамятности, которая въ послѣдствіи выражается въ

[1]) Herbart's Lehrbuch zur Psychologie. 3 Auflage S. 35.

[2]) Да и вообще всякое человѣческое представленіе, которое, какъ говоритъ Гербартъ, «состоитъ изъ безчисленнаго множества безконечно малыхъ и притомъ неодинаковыхъ воспріятій (слѣдовъ по Бенеке), которыя образовались въ различные моменты времени.» Herbart's Lehrbuch der Psycholog. S. 35.

томъ, что ребенокъ, съ необычайною быстротою усвоивающій слѣды ощущеній, которые легко могутъ составить ассоціаціи съ ощущеніями, пріобрѣтенными имъ прежде, съ большимъ трудомъ усвоиваетъ слѣды ощущеній совершенно новаго рода. Такъ, напримѣръ, дитя съ большимъ трудомъ усвоиваетъ первые звуки чуждаго языка; но, потомъ, усвоивъ эти первые звуки, идетъ въ усвоеніи дальнѣйшихъ съ быстротою, недоступною для взрослаго человѣка, такъ какъ память взрослаго уже загромождена слѣдами и сознаніе его работаетъ надъ комбинаціями этихъ слѣдовъ, поглощающихъ вниманіе человѣка образовавшимися уже въ немъ интересами.

10. Здѣсь мы еще разъ напомнимъ читателю то, что говорили выше о безпамятности младенчества [1]), такъ-какъ думаемъ, что теперь объяснили достаточно причину этой безпамятности. Мы не помнимъ того, что испытывали въ младенчествѣ, не потому, чтобы не сознавали этого въ то время, когда испытывали, а потому, что не имѣли въ младенчествѣ такихъ опредѣленныхъ ассоціацій слѣдовъ, которыя можно было бы запомнить. Всѣ наши воспоминанія совершаются въ опредѣленныхъ образахъ, звукахъ или словахъ; а въ первомъ младенчествѣ у насъ ничего этого не было. Вспоминать же переходъ отъ покоя къ движенію, отъ свѣта къ темнотѣ, отъ тепла къ холоду, конечно, невозможно; потому-что эти переходы, повторяясь безпрестанно, сливаются потомъ въ одинъ общій слѣдъ [2]): ихъ невозможно вспоминать уже потому, что невозможно позабывать [3]). Говоря о происхожденіи слова въ человѣкѣ, мы покажемъ все его отношеніе къ процессу памяти; но и теперь уже будетъ понятно, что младенецъ не говоритъ до тѣхъ поръ, пока не въ состояніи будетъ удерживать въ памяти своей не только сложныя представленія, но и вырабатывать умомъ своимъ отвлеченныя понятія, потому что слово выражаетъ собою всегда отвлеченное понятіе. Надобно видѣть множество деревьевъ и соединить ихъ признаки въ одно общее понятіе, чтобы намъ сознательно понадобилось слово *дерево*. Вотъ почему дитя начинаетъ говорить *собственными* именами. Для него слова *мама*, *папа* не нарицательныя, а собственныя; для него слово *кися* означаетъ только ту кошку, которую онъ знаетъ, и слово *столъ*—только тотъ столъ, который онъ привыкъ видѣть въ своей комнатѣ [4]). Уже потомъ, замѣчая сходство другихъ предметовъ того же

---

[1]). См. главу XIII, п. 10.

[2]) Эрдманъ справедливо, кажется, полагаетъ, что наши воспоминанія не могутъ идти дальше втораго года и то, конечно, въ самой темной, неопредѣленной формѣ. Psychologische Briefe. Br. 14. S. 296.

[3]) См. выше. Гл. XXIV, п. 11.

[4]) Если ребенокъ не видалъ никакого другаго животнаго, кромѣ кошки, то онъ называетъ кошкою и собаку; тоже дѣлаютъ часто и идіоты. Это показываетъ, съ одной стороны, неполноту дѣтской памяти, а съ другой,—уже дѣятельность разсудка въ ребенкѣ: онъ находитъ уже сходство между

рода съ предметами, которые оно знаетъ, дитя даетъ имъ общее имя и нерѣдко ошибается; такъ, называетъ папою каждаго мужчину, и если первый цвѣтокъ, съ которымъ оно познакомилось, была роза, то розой—всякій другой цвѣтокъ [1]). Изъ этого явленія Бенеке выводитъ правило, чтобы дѣтямъ называть предметы ихъ общими именами, напримѣръ, всякую птицу—«птицей» [2]). Но мы не придаемъ этому правилу никакого особеннаго значенія.

11. Періодъ отрочества ребенка, начиная отъ 6-ти или 7-ми лѣтъ, до 14-ти и 15-ти, можно назвать періодомъ самой сильной работы механической памяти. Память къ этому времени пріобрѣтаетъ уже очень много слѣдовъ и, пользуясь могущественною поддержкою слова, можетъ работать быстро и прочно въ усвоеніи новыхъ слѣдовъ и ассоціацій; а внутренняя работа души, перестановка и передѣлка ассоціацій, которая могла бы помѣшать этому усвоенію, еще слаба. Вотъ почему періодъ отрочества можетъ быть названъ именно *учебнымъ періодомъ,* и этимъ короткимъ періодомъ жизни долженъ воспользоваться педагогъ, чтобы обогатить внутренній міръ дитяти тѣми представленіями и ассоціаціями представленій, которыя понадобятся мыслящей способности для ея работъ. Тратить это время исключительно на *такъ называемое* развитіе разсудка—было бы великой ошибкой и виною передъ дѣтствомъ; а эта ошибка не чужда новѣйшей педагогикѣ.

12. Періодъ сильной механической памяти продолжается не у всѣхъ одинаково. «Замѣтный упадокъ памяти, говоритъ Бенеке, начинается у большей части дѣтей довольно рано (иногда уже на двѣнадцатомъ году). Этотъ упадокъ долженъ показаться съ перваго разу чрезвычайно загадочнымъ, такъ-какъ память, будучи только удержаніемъ образовавшихся въ насъ представленій, должна бы съ каждымъ годомъ возрастать болѣе и болѣе, до безконечности». «Это такъ и бываетъ, говоритъ далѣе Бенеке: но только для тѣхъ представленій, въ которыя то, что усвоено прежде, входитъ какъ составная часть. Занимаясь, напримѣръ, постоянно изученіемъ стиховъ, проповѣдей, ролей, мы пріучаемся изучать ихъ все быстрѣе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается убыль силы воспріятія совершенно новыхъ представленій и новыхъ рядовъ представленій; ибо тѣ, которыя уже образовались и образовались съ извѣстною силою, разрываютъ новыя. Элементы, условливающіе сознаніе и связь представленій (т. е. Uhrvermögen, выработываемыя душою), привлекаются туда, гдѣ находятъ для себя уже готовое русло» [3]). Но какъ бы замѣчая недостаточность этого объясненія, Бенеке прибавляетъ нѣсколько ни-

---

двумя животными, только вмѣсто слова «животное» употребляетъ единственно ему извѣстное названіе животнаго.

[1]) L'Education progressive par M-me Necker de Saussur. 4 Edit. T. I. p. 141 et cet.

[2]) Erziehungs und Unterrichtslehre von Benecke. S. 71.

[3]) Ibid. 1 B. S. 96.

же: «Дитя, которое пошло далѣе въ интеллектуальномъ развитіи, отвращается отъ механическаго изученія, потому-что въ немъ возбуждается реакція, увлекающая его къ высшимъ, духовнымъ занятіямъ». Но и это справедливо только отчасти. *Постепеннаго* же и *общаго* упадка силы памяти съ возрастомъ нельзя объяснить себѣ иначе, какъ признавъ дѣятельное участіе нервной системы въ актѣ усвоенія.

13. Однако же самая эта быстрота усвоенія новыхъ и новыхъ ассоціацій въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ ведетъ за собою тотъ недостатокъ дѣтской памяти, на который мы указали выше. Младенецъ усвоиваетъ трудно и медленно; но усвоенное разъ не забываетъ, потому что его *элементарныя усвоенія* павторяются безпрестанно. Дитя усвоиваетъ легко и быстро: но также легко и быстро забываетъ, если не повторяетъ усвоеннаго. Это происходитъ именно отъ того, что, дѣлая все новыя и новыя ассоціаціи, дитя разрываетъ прежнія и забываетъ ихъ, если не повторяетъ. Вотъ почему, напримѣръ, семилѣтняя дѣвочка, удивляющая всѣхъ поразительнымъ знаніемъ географіи, т. е. именъ и цифръ, можетъ утратить *всякій слѣдъ* своего знанія въ продолженіе года, какъ только ее перестаютъ спрашивать, наскучивъ ея всегда безошибочными отвѣтами [1]).

14. Въ юности, когда въ человѣкѣ пробуждаются съ особенною силою и идеальныя стремленія, и тѣлесныя страсти, работа механической памяти естественно становится на второй планъ; но мы ошиблись бы, сказавъ, что память вообще въ юношескомъ возрастѣ ослабѣваетъ. Она также сильна, но только въ отношеніи тѣхъ ассоціацій, которыя находятся въ связи съ стремленіями юности.

15. Память зрѣлаго возраста, въ противоположность отроческой, мы можемъ назвать *спеціальною* памятью; здѣсь человѣкъ усвоиваетъ легко только то, что относится къ его спеціальнымъ занятіямъ, обращая мало вниманія на все остальное. Въ старости и эта спеціальная память слабѣетъ. Однако же у многихъ замѣчательныхъ людей даже механическая память сохраняется до глубокой старости—такъ сильна и живуча ихъ нервная система.

Уже само собою видно, что такая постепенность въ развитіи памяти имѣетъ обширное приложеніе въ воспитательной и особенно въ учебной дѣятельности и что съ этою постепенностію должны соображаться и школа, и педагогъ, и учебникъ.

16. Содержимое нашею памятью не есть что-нибудь постоянное, не мѣняющееся, къ которому только изъ внѣшняго міра прибавляется новый матеріалъ. Сознаніе не только извлекаетъ изъ впечатлѣній новыя идеи для души и для нервной системы новыя привычки, но еще болѣе, особенно начиная съ юношескаго возраста, работаетъ надъ ассоціаціями, уже прежде усвоенными: не оставляетъ ряды и группы слѣдовъ въ томъ видѣ, какъ они залегли въ памяти, но—то разрываетъ, то связываетъ

---

[1]) L'education progressive par M-me Necker de Saussure. T. II. p. 139.

ихъ, или по законамъ разсудка, или подъ вліяніемъ какого-нибудь сердечнаго чувства, или по требованію разумной воли. Совершивъ такія перемѣны въ рядахъ и группахъ представленій, сознаніе опять превращаетъ ихъ съ одной стороны въ душевныя идеи, а съ другой—въ нервныя привычки, укореняющіяся тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще онѣ повторяются. Эта безпрестанная работа сознанія безпрестанно измѣняетъ сѣть того, что мы помнимъ.

17. Понятно само собою, что на этой работѣ сознанія надъ содержаніемъ памяти должны отразиться не только большая или меньшая дѣятельность работника, но и тѣ вліянія, подъ которыми совершалась его работа. Чѣмъ менѣе жилъ человѣкъ внутреннею жизнію, тѣмъ менѣе цѣлости будетъ въ сѣти его воспоминаній. У человѣка мало развитаго воспоминанія представляются въ отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ рядахъ и группахъ; у человѣка много думавшаго, часто перебиравшаго и пересматривавшаго матеріалы своей памяти, выплетется изъ нихъ болѣе или менѣе одна общая сѣть,—общее міросозерцаніе. Конечно, нѣтъ такой головы, въ которой бы душевная жизнь не выплетала ровно ничего, и, за исключеніемъ случаевъ идіотизма, въ которой въ числѣ рядовъ и группъ представленій не было бы хотя какого-нибудь отдѣла, наиболѣе обширнаго и стройнаго: такая голова давала бы намъ каждое мгновеніе только противорѣчія и безсмыслицы. Конечно, нѣтъ и такой головы, въ которой бы всѣ матеріалы памяти были передуманы, перечувствованы и сплетены этою думою и этимъ чувствомъ въ одну общую, стройную сѣть, такъ-чтобы въ душѣ не оставалось никакихъ оторванныхъ рядовъ или группъ представленій: въ самой философской головѣ очень часто встрѣчаемъ мы не только оторванныя группы представленій, но даже иногда грубѣйшія противорѣчія и предразсудки, не находящіеся ни въ какой связи съ общею сѣтью. Однако же по большему или меньшему единству сѣти матеріаловъ памяти мы судимъ о бо́льшемъ или меньшемъ душевномъ развитіи человѣка.

18. Но не въ одной только стройности, цѣльности и обширности этой сѣти слѣдовъ ассоціацій отразится работникъ: въ самомъ характерѣ плетенья выразится ясно природный характеръ, условія жизни и вытекающія изъ нихъ стремленія того, кто сплеталъ эту сѣть. Натура поэтическая изъ тѣхъ же звеньевъ сплететъ совсѣмъ не ту сѣть, какую сплететъ натура философская, и сѣть, выплетенная кабинетнымъ философомъ, будетъ отличаться отъ сѣти, выплетенной философомъ практикомъ, философомъ опыта. Если сѣть эту сплеталъ человѣкъ отъ природы робкій, мнительный, безпрестанно подверженный разнымъ страхамъ, то она будетъ вовсе не похожа на ту, которую выплететъ человѣкъ бодрый, легко и весело переходящій отъ одного впечатлѣнія къ другому. Жизнь бѣдная, трудовая, или жизнь обезпеченная, жизнь исполненная радости или горя... все это оставитъ свой отпечатокъ не на элементахъ слѣдовъ, которые болѣе или менѣе у всѣхъ одинаковы, но на сѣти, выплетенной изъ этихъ элементовъ. Характеръ этого плетенья и есть имен-

но то, что мы называемъ *образомъ мыслей*. Если мы возьмемъ два самые противоположные образа мыслей, то увидимъ, что звенья, изъ которыхъ они сложены, и здѣсь и тамъ, почти одни и тѣ же, но что плели эти сѣти разные работники—различные люди и различныя жизни.

ГЛАВА XXVI.

Что же такое память? Значеніе памяти.

1. Слово «память» употребляется очень неопредѣленно; но, принявъ во вниманіе всѣ явленія, которыя относятся къ области памяти, можно вывести *три* значенія этого слова, значенія родственныя и дополняющія другъ друга. Подъ именемъ памяти мы разумѣемъ: 1) или способность сохранять слѣды протекшихъ ощущеній и представленій и потомъ снова сознавать ихъ, 2) или психофизическій процессъ, посредствомъ котораго мы возобновляемъ пережитыя нами прежде ощущенія, 3) или мы представляемъ память какъ результатъ этой способности и этого психофизическаго процесса, т. е. какъ сумму всего того, что мы помнимъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ психологи, принимающіе всю душу за ассоціацію слѣдовъ, дѣлаютъ память и душу понятіями тождественными. Всѣ эти три значенія памяти справедливы, но односторонни, и мы будемъ имѣть вѣрный взглядъ только на память тогда, когда будемъ видѣть въ ней разомъ и способность, и процессъ, руководимый этою способностью, и результатъ этого процесса. Выразимъ всѣ эти три значенія возможно короче и яснѣе.

2. *Память, какъ способность*, принадлежитъ всякому сколько-нибудь развитому животному организму. Мы видимъ признаки памятливости даже у насѣкомыхъ. Но въ человѣческой памятливости мы различили собственно не одну, а двѣ способности: одну, принадлежащую тѣлу, или точнѣе, нервной системѣ, и другую, принадлежащую душѣ, или точнѣе, исключительно духу человѣческому.

3. Основаніе способности нервной памяти мы нашли въ способности нервной системы усвоивать привычки. Привычка можетъ установиться въ организмѣ только вслѣдствіе его способности сохранять въ себѣ слѣды своей дѣятельности и проявлять существованіе этихъ слѣдовъ при всякой новой дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ способность усвоивать привычки и способность памяти совершенно тождественны. Такою памятью обладаютъ не только живые, но даже растительные организмы, и если бы мы представили себѣ растеніе, вдругъ одаренное сознаніемъ, то оно сознавало бы свои привычки, какъ слѣды бывшихъ движеній: оно не только бы наклоняло свои вѣтви въ ту сторону, въ которую подъ какимъ-нибудь постороннимъ вліяніемъ они привыкли наклоняться, но и чувствовало бы, что ему легче наклоняться въ эту сторону, чѣмъ въ другую,—чувствовало бы наклонность именно къ такому наклоненію. Явленіе памяти, которое мы замѣчали у животныхъ, объясняется вполнѣ

этою органическою способностью усвоивать привычки; но одною этою способностью нельзя объяснить явлений человѣческой памяти.

4. Мы не знаемъ, какъ совершается процессъ воспоминанія у животныхъ; но, судя по аналогіи, можемъ легко себѣ представить, что онъ весь состоитъ въ одномъ нервномъ процессѣ, который только отражается въ душѣ животнаго, какъ вообще отражаются въ ней всѣ состоянія нервной системы. Видъ какого-нибудь знакомаго предмета возбуждаетъ въ нервной системѣ животнаго слѣды или привычки, оставшіеся въ ней отъ прежнихъ впечатлѣній того же предмета. Эти слѣды, въ силу рефлективной способности нервнаго организма и по закону ассоціаціи слѣдовъ, возбуждаютъ къ дѣятельности другіе слѣды, связанные съ ними въ одну ассоціацію,—связанные или по сходству и по противоположности, или по мѣсту и по времени, или, наконецъ, по единству сердечнаго чувства: гнѣва, страха, радости и т. п. Ассоціація слѣдовъ, вошедшая въ сознаніе, или, другими словами, ассоціація представленій пробуждаетъ другіе слѣды или другія представленія; второе представленіе возбуждаетъ третье, третьимъ вызывается четвертое и т. д. Этотъ пассивный процессъ воспоминанія необходимо долженъ совершаться и въ животныхъ, точно также, какъ совершается и въ насъ; иначе мы не могли бы объяснить себѣ явленій памятливости въ животномъ царствѣ.

5. Кромѣ этого *пассивнаго* процесса памяти мы замѣчаемъ въ самихъ себѣ процессъ *активный*, стимулъ котораго выходитъ уже не изъ нервной системы, а изъ души, когда мы ищемъ въ нервной памяти нашей того, что намъ нужно, употребляемъ для этого замѣтныя душевныя усилія и часто долго боремся съ недостатками нашей нервной памяти. Этого активнаго процесса воспоминанія мы не можемъ предположить въ животныхъ именно потому, что онъ не нуженъ намъ для объясненія какого бы то ни было явленія памятливости въ животномъ царствѣ: въ себѣ же самихъ мы очень ясно замѣчаемъ этотъ процессъ. Для объясненія этихъ, человѣку только свойственныхъ, явленій памяти, мы признали, что ощущеніе, прочувствованное нами, не только оставляетъ свой слѣдъ въ нервной системѣ, въ таинственной формѣ *привычки*, но и въ душѣ, въ столь же таинственной формѣ *идеи*. Эту свойственную только человѣку память мы назвали еще *памятью развитія*, потому что этою духовною памятью обусловливается тотъ духовный и свойственный одному человѣку процессъ, который, по аналогіи съ процессами растительной природы, принято называть развитіемъ. Если бы животныя не имѣли *пассивной* памяти, то мы не видѣли бы множества явленій памятливости въ животныхъ: если бы животныя обладали *активною* памятью, то породы животныхъ могли бы развиваться умственно, какъ развивается человѣчество. Вотъ почему мы должны были признать въ животныхъ память пассивную и не признать въ нихъ памяти активной. *Животному вспоминается, но животное не вспоминаетъ.* Въ человѣкѣ же мы различаемъ ясно оба эти явленія памяти. На памяти душевной, *памяти развитія*, мы не могли остановиться, пото-

ну-что она, какъ особенность человѣческой души, какъ одинъ изъ признаковъ человѣческаго духа, подлежитъ разсмотрѣнію въ третьей части нашей антропологіи. Здѣсь же намъ достаточно было указать на существованіе этого явленія.

6. Слѣдъ *нервный* и слѣдъ *душевный* относятся между собою, какъ *идея* и ея *воплощеніе,* или какъ *отношеніе* къ тѣмъ *различіямъ,* между которыми оно является отношеніемъ. Если различныя движенія, возбужденныя въ нервахъ внѣшними напоминающими впечатлѣніями, вызываютъ въ душѣ ощущеніе отношенія, то такое воспоминаніе будетъ для души *пассивнымъ*: если *идея* или *отношеніе*, возбужденное въ душѣ ея внутреннимъ процессомъ, вызываетъ въ нервной системѣ именно тѣ различныя движенія, изъ которыхъ отношеніе возникло, то такое воспоминаніе для души будетъ *активнымъ*. Такимъ образомъ, мы нашли два процесса воспоминанія, какъ и два процесса вниманія: процессъ *активный*, идущій изъ души въ нервный организмъ, и процессъ *пассивный,* идущій обратнымъ путемъ—изъ нервной системы въ душу.

7. *Память, какъ психо-физическій процессъ*, какъ процессъ *запоминанія, забвенія* и *воспоминанія*, совершается въ насъ безпрерывно во все время дѣятельности нашего сознанія и совершается подъ вліяніемъ не одного стимула, какъ у животныхъ, но подъ вліяніемъ двухъ стимуловъ—нервной системы и души: то внѣшнее впечатлѣніе пробуждаетъ въ нервной системѣ нашей прежде усвоенные ею слѣды, расположенные въ ней парами, группами, вереницами и сѣтями, и эти слѣды отражаются въ нашемъ сознаніи представленіями и вереницами представленій; то, наоборотъ, душа наша въ своей внутренней работѣ, переходя отъ идеи къ идеѣ, стремится къ воплощенію этихъ идей и воплощаетъ ихъ въ формѣ тѣхъ же слѣдовъ привычекъ нервной системы, изъ которыхъ или съ помощію которыхъ эти идеи возникли. Тогда идея снова облекается въ форму *представленія* и сознается душою съ удвоенною ясностью, которая происходитъ отъ дѣятельности органовъ чувствъ, такъ-что душа сознаетъ свою воплощенную идею какъ нѣчто объективное, ощущаетъ ее въ *представленіи* энергіею внѣшняго чувства.

8. Такимъ образомъ *представленіе*, въ нашей теоріи памяти, стоитъ посрединѣ между нервными слѣдами и идеею души, служа какъ бы перекресткомъ, какъ при воплощеніи идей въ ассоціаціи нервныхъ слѣдовъ, такъ и при вызовѣ идей въ нашей душѣ *отношеніями* этихъ слѣдовъ и ихъ ассоціацій. Представленіе есть тоже ассоціація, но уже не нервныхъ слѣдовъ, еще не доступныхъ сознанію, и не идей, еще не доступныхъ внѣшнему чувству, но ассоціація ощущеній, доступныхъ уже сознанію въ формѣ внѣшняго чувства. Вотъ почему мы излагали потомъ не ассоціаціи нервныхъ слѣдовъ и не ассоціаціи идей, а ассоціаціи сознаваемыхъ представленій, которыя только и даютъ намъ возможность предполагать съ одной стороны ассоціацію н рвныхъ слѣдовъ, а съ другой—ассоціацію идей. Только въ формѣ представленій можемъ мы ясно изучать нашу психическую дѣятельность и только изъ этой ясной сферы

можемъ заглядывать, болѣе догадкою и силлогизмомъ, чѣмъ опытомъ, въ область нервной системы, съ одной стороны, и въ область нашего духа, съ другой.

9. Въ психо-физическомъ процессѣ памяти развивается самая способность памяти и притомъ такъ развивается, что самое содержаніе памяти является матеріаломъ ея развитія или, лучше сказать, память развивается въ томъ, что она содержитъ. Такой взглядъ на память, установленный психологіею со времени Гербарта, имѣетъ очень важное педагогическое приложеніе. Когда считали память какою-то самостоятельною способностью, индиферентною въ отношеніи содержимаго ею, то полагали, что память вообще можно развивать безразлично всякаго рода упражненіями,—что, изучая, напримѣръ, латинскіе или нѣмецкіе вокабулы, мы изощряемъ память для воспріятія историческихъ фактовъ или хронологіи событій. Теперь же ясно, что память не можетъ изощряться, какъ стальное лезвіе, на какомъ бы оселкѣ мы его ни точили; но что память крѣпнетъ именно тѣми фактами, которые мы въ нее влагаемъ, и изощряется къ принятію подобнаго же рода фактовъ, на сколько эти новые факты могутъ составить прочныя ассоціаціи съ фактами, пріобрѣтенными прежде. Теперь, наоборотъ, мы видимъ ясно, что, предавая памяти факты безполезные, не ведущіе къ усвоенію другихъ полезныхъ фактовъ, мы наносимъ ей вредъ, потому-что во всякомъ случаѣ сила памяти, зависящая такъ много отъ нервной системы, ограничена. Свѣдѣніе же, которое останется въ памяти одинокимъ и не послужитъ къ усвоенію другихъ однородныхъ свѣдѣній, только обремeняетъ, а не развиваетъ память. Показавъ это, психологія оказала весьма важную услугу педагогикѣ.

10. Однако же, признавъ вполнѣ важность этого вывода новой опытной психологіи, мы не можемъ принять его безъ всякаго ограниченія. Признавая вполнѣ, что память развиваютъ только тѣ представленія и ассоціаціи представленій, которыя могутъ послужить *залогами* для воспріятія новыхъ представленій, мы должны однако же сказать, что вообще всякое упражненіе произвольнаго воспоминанія (не запоминанія) упражняетъ власть нашей воли надъ нашей нервной системой. Заставляя себя упорно вспоминать то или другое, мы привыкаемъ не забывать,—получаемъ увѣренность въ возможности вспомнить, а эта увѣренность имѣетъ сильнѣйшее вліяніе на актъ воспоминанія. Въ этомъ можетъ легко убѣдиться всякій внимательный наставникъ. Дитя, неувѣренное въ своей памяти, привыкшее знать, что оно забываетъ, легко отказывается отъ усилій воспоминанія и тѣмъ самымъ заставляетъ изглаживаться въ памяти пріобрѣтенные ею факты. Часто учитель самъ виноватъ въ такой неувѣренности ученика и можетъ легко замѣтить, какъ дурно дѣйствуетъ на память подобная неувѣренность. Уже только по тому слѣдуетъ изучать твердо и часто повторять изученное, чтобы дѣти не привыкли забывать и, не будучи часто въ состояніи преодолѣть слишкомъ большой трудности насильственныхъ воспоминаній, не потеряли увѣренности въ

силу своей памяти: безпрестаннымъ повтореніемъ слѣдуетъ предупреждать забвеніе, а не возобновлять забытое.

11. Безпрестанное повтореніе въ началѣ ученія необходимо уже и потому, что представленія, усвоиваемыя памятью, суть въ тоже время *залоги* для усвоенія новыхъ представленій; чѣмъ прочнѣе будутъ эти залоги, тѣмъ легче и прочнѣе будутъ усвоиваться новыя представленія. Въ силу этого же самаго психическаго закона слѣдуетъ полагать въ память учащагося прежде всего такіе залоги, которые могли бы повести къ усвоенію многихъ, однородныхъ.

12. Въ процессъ развитія памяти входитъ не только усвоеніе новыхъ представленій, но и новыя ассоціаціи представленій уже усвоенныхъ. Собственно говоря, память наша вовсе не усвоиваетъ единичныхъ, отъ всего оторванныхъ представленій, да и всякое представленіе есть уже ассоціація слѣдовъ элементарныхъ ощущеній. Сознаніе наше безпрестанно работаетъ надъ этою перестановкою представленій и перестановкою ассоціацій. Но, тѣмъ не менѣе, ассоціаціи, составленныя въ раннемъ дѣтствѣ или подъ вліяніемъ сильнаго сердечнаго чувства, разрываются потомъ съ величайшею трудностью. Если эти ассоціаціи ложны, односторонни или почему нибудь вредны, то онѣ безпрестанно путаются въ нашъ умственный процессъ и мѣшаютъ его правильному и свободному совершенію. Это явленіе обратило на себя особенное вниманіе Локка и онъ совѣтуетъ воспитателямъ и наставникамъ ревностно заботиться о томъ, чтобы въ головѣ дитяти не установлялись и не укоренялись такія ложныя и вредныя ассоціаціи [1]). Не должно думать, что стоитъ только высказать человѣку ложь подобной ассоціаціи— этого основанія всѣхъ человѣческихъ предразсудковъ,—чтобы ее разрушить. Она разрушится только въ томъ случаѣ, когда новая правильная ассоціація, которую вы хотите дать вмѣсто прежней ложной, будетъ повторяться столько же разъ, сколько и прежняя старая, а главное—будетъ прилагаться безпрестанно и войдетъ въ обширныя связи съ другими ассоціаціями: это же дѣлается не съ разу.

13. Перестройка ассоціацій составляетъ главную работу души и хотя рѣдкая душа (да едва ли и какая-нибудь) достигаетъ того, чтобы всѣ, хранящіяся въ ней представленія составили одну стройную систему; но тѣмъ не менѣе, степень этой стройности можетъ служить лучшимъ мѣриломъ развитія и сосредоточенности души, а сосредоточенность души есть ея сила. Мы, конечно, не можемъ требовать отъ дѣтской души, чтобы всѣ представленія, въ ней хранящіяся, составляли одну систему; но мы должны подготовлять возможность такой системы въ умѣ ученика и пріучать его къ внутренней работѣ надъ приведеніемъ въ ясную и отчетливую стройность всего богатства его представленій.

14. *Память, какъ результатъ процесса нашей сознательной жизни. Мы—то, что мы помнимъ*—вотъ выводъ новой психологіи. Съ этимъ выводомъ нельзя вполнѣ согласиться, даже если мы введемъ

[1]) Cond. of the Underst. p. 100.

въ области нашей памяти наши сердечныя чувства и желанія, какъ результаты борьбы усвоенныхъ нами представленій. Внѣ области нашей памяти все же будутъ лежать способности, врожденныя нашей душѣ и нашему нервному организму, ихъ врожденныя потребности и стремленія. Возьмемъ, напримѣръ, одну потребность пищи: развѣ она имѣетъ мало вліянія на наши умственные процессы? А между тѣмъ потребность эта не есть слѣдствіе представленій, усвоенныхъ душою. Странно даже, какъ гербартовская и бенековская психологія упустила изъ виду такое крупное явленіе. Однако же, не отождествляя душу и память, душу и то, что она помнитъ, какъ это дѣлаетъ даже Фихте младшій, мы, тѣмъ не менѣе, придаемъ памяти, какъ суммѣ всѣхъ сохраняемыхъ нами представленій или какъ суммѣ душевныхъ актовъ, огромное, хотя невсеобъемлющее, значеніе. Мотивы нашей душевной дѣятельности выходятъ изъ врожденныхъ потребностей нашего тѣла и врожденныхъ потребностей нашей души, какъ это мы увидимъ дальше еще яснѣе. Но матеріалъ, надъ которымъ душа работаетъ, дается тѣмъ, что она помнитъ, а этотъ матеріалъ опредѣляетъ и самую форму ея работъ. Не признавая тождества между душою и тѣмъ, что она помнитъ, мы тѣмъ не менѣе признаемъ, что память есть исторія души и, притомъ, исторія не протекшая, но всегда настоящая. Все, что сохраняется памятью, имѣетъ всегда вліяніе на душу и принимаетъ такое или иное участіе въ ея дѣятельности. У души, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ прошедшаго; все ея прошедшее живо въ ея настоящемъ, и отдаленнѣйшее событіе нашего дѣтства не есть дѣло, сданное въ архивъ, хотя мы позабыли бы самое производство этого дѣла и когда оно производилось, но всегда живой членъ нашей настоящей дѣятельности. Мы можемъ измѣнять функцію той или другой ассоціаціи представленій, но не можемъ сдѣлать небывшимъ того, что разъ уже было въ душѣ.

15. *Въ психическомъ* отношеніи все значеніе памяти выяснится для насъ, если мы представимъ себѣ существо, вовсе лишенное памяти. Какимъ является только-что родившійся младенецъ въ первыя минуты своей жизни, такимъ, безъ пособія памяти, и остался бы онъ на всю жизнь, то-есть, болѣе не развитымъ въ душевномъ отношеніи, чѣмъ являются намъ самыя низшія породы животныхъ. Такое существо не только не могло бы помнить своихъ ощущеній и усложнять ихъ, привязывая слѣды однихъ ощущеній къ другимъ, но даже не могло бы имѣть, какъ мы доказали выше, никакихъ опредѣленныхъ ощущеній: безцѣльныя, ничего не выражающія движенія—вотъ все, чѣмъ обнаруживалось бы присутствіе жизни въ такомъ безпамятномъ существѣ. Все развитіе животнаго и человѣка совершается не иначе, какъ въ области памяти и черезъ ея посредство, такъ-что все психическое развитіе живаго существа есть собственно развитіе памяти.

16. *Способность сохранять слѣды ощущеній въ формѣ нервныхъ слѣдовъ и въ формѣ идей, вызывать эти слѣды снова къ сознанію, ассоціировать эти повторенныя ощущенія, вновь со-*

хранять слѣды этихъ ассоціацій, вызывать эти слѣды ассоціацій къ сознанію въ формѣ представленій, вновь комбинировать эти представленія въ ряды и группы, сохранять слѣды этихъ рядовъ и группъ въ ассоціаціяхъ привычекъ нервной системы и въ ассоціаціяхъ идей, вновь вызывать къ сознанію эти ряды и группы, выплетать изъ нихъ цѣлыя, болѣе или менѣе обширныя сѣти, сохранять слѣды этихъ цѣльныхъ сѣтей привычекъ и идей—вотъ въ чемъ состоитъ дѣятельность памяти, а потому уже само собою видно все психическое значеніе этой способности. На ней основана вся *внутренняя жизнь* человѣка, для которой внѣшняя служитъ только обнаруживаньемъ. Способность памяти, сохраняя въ насъ слѣды вліяній на насъ внѣшняго міра, даетъ самостоятельность нашей внутренней жизни. Мы работаемъ уже не надъ этими впечатлѣніями, измѣнчивыми, какъ міръ и наши отношенія къ нему, но надъ ихъ слѣдами, которые усвоили: безъ этого мы находились бы въ такой же зависимости отъ внѣшняго міра, въ какой находится растеніе [1]).

17. *Нравственное значеніе* того, что мы помнимъ, раскроется для насъ вполнѣ тогда только, когда мы, излагая зарожденіе чувствъ, желаній и стремленій, увидимъ, что и ихъ развитіе совершается также въ области памяти и ея силами, какъ и развитіе умственныхъ способностей,—когда мы убѣдимся, что отъ нашихъ чувствъ, желаній и стремленій точно также остаются слѣды въ душѣ, какъ и отъ нашихъ представленій, и что эти слѣды, превращаясь въ силы, точно также развиваютъ наши сердечныя чувства, желанія и волю, какъ и слѣды представленій развиваютъ нашу память и нашъ умъ. Теперь же намъ можетъ показаться, что содержаніе того, что мы помнимъ, не имѣетъ значительнаго вліянія на наши нравственныя стремленія. Такъ, напримѣръ, не только читая, но даже создавая какой-нибудь разбойничій романъ или описывая плутовство, человѣкъ не получаетъ еще наклонности къ воровству и разбою, или, описывая геройскіе подвиги, можетъ оставаться трусомъ и т. п. Однако же, съ другой стороны, чтеніе *дурныхъ* романовъ развратило не одного юношу. Отчего же происходитъ такое различіе? Оттого, что, читая, напримѣръ, описаніе разбойничьей или развратной жизни, я могу не сочувствовать или сочувствовать ей: въ первомъ случаѣ, *ассоціаціи представленій не входятъ въ комбинаціи съ чувствами, а во второмъ входятъ*. Не только представленія могутъ составлять между собою ассоціаціи; но ассоціаціи представленій могутъ комбинироваться съ чувствами, желаніями и стремленіями. Въ Спартѣ показывали дѣтямъ пьянаго илота, чтобы укоренить въ нихъ

[1]) Клодъ Бернаръ *внутренней физіологической средѣ* приписываетъ самостоятельность организмовъ въ отношеніи внѣшнихъ вліяній. (Введеніе въ опыт. мед. стр. 79, 98 и др.). Еще по большему праву мы можемъ сказать, что память создаетъ *внутреннюю психическую среду*, дающую самостоятельность душѣ въ отношеніи вліяній на нее внѣшняго міра.

навсегда отвращеніе къ пьянству, то-есть, *представленіе пьянаго илота комбинировали съ чувствомъ отвращенія, и эта комбинація представленія съ чувствомъ оставляла глубокій слѣдъ въ душѣ дѣтей*. Если то, что заучивается дѣтьми, не пробуждаетъ въ нихъ никакого чувства, желанія и стремленія, то тогда заученное не можетъ имѣть никакого *непосредственнаго* вліянія на ихъ нравственность; но если чтеніе или ученье, какъ говорится, *затрогиваютъ сердце*, то и въ памяти останутся слѣды комбинацій представленій съ чувствами, желаніями и стремленіями, пробужденными чтеніемъ или ученьемъ, и такой сложный образъ, *слѣдъ*, возбуждаясь къ сознанію, пробудитъ въ немъ не только представленіе, но и желаніе, стремленіе, чувство [1]).

18. Изъ комбинаціи слѣдовъ этихъ моментальныхъ и, какъ казалось, забытыхъ чувствъ, желаній и стремленій образуются страсти и упорныя нравственныя или безнравственныя наклонности. Вотъ почему далеко не безразлично въ нравственномъ отношеніи, что учитъ, что слышитъ и что читаетъ дитя. Конечно, еще важнѣе то, что дитя переживетъ, перечувствуетъ; но нѣтъ и такой книги и такой науки, которая не задѣвала бы хоть сколько-нибудь сердца ребенка, а отъ этихъ маленькихъ задѣваній образуются черточки, а изъ этихъ черточекъ образуются ассоціаціи, а изъ этихъ ассоціацій иногда слагаются потомъ такіе источники наклонностей и страстей, съ которыми уже не въ состояніи совладать и взрослый человѣкъ. Теперь уже для насъ понятны будутъ слѣдующія знаменательныя слова Бенеке, которыя не теряютъ своей силы отъ того, что въ нихъ нѣсколько выражается односторонность теоріи этого психолога:

«Мысль, что отъ всего, что только развивается въ душѣ, *остается слѣдъ въ ея внутреннемъ существѣ*, должна служить съ одной стороны великимъ *ободреніемъ* для воспитателя. Онъ можетъ быть увѣренъ, что недаромъ работаетъ, и если онъ только умѣетъ придать настоящую крѣпость своимъ вліяніямъ и ихъ продуктамъ и умѣетъ поставить ихъ въ настоящее положеніе другъ къ другу, то они, тѣмъ или другимъ образомъ, будутъ приносить плоды во всю жизнь человѣка. Но, съ другой стороны, мысль эта должна внушить воспитателю и *серьезную осторожность*, какъ въ отношеніи его собственныхъ дѣйствій, такъ и еще больше въ отношеніи постороннихъ вліяній, которымъ подвергается воспитанникъ. Многіе воспитатели, и въ особенности большая часть родителей, имѣютъ несчастную способность страуса, который, спрятавъ голову, такъ что онъ самъ ничего не видитъ, полагаетъ, что и его никто не видитъ. Не зная, какъ предохранить дитя отъ вредныхъ вліяній со стороны прислуги, товарищей, гостей и т. п., они не находятъ ничего лучшаго, какъ предоставить этимъ вліяніямъ идти, какъ они идутъ,

[1]) Комбинація представленій съ чувствами и стремленіями особенно хорошо развита у Фортлаге. System der Psychologie. Erst. B. S. 133, 134, 135, 160 и 174.

полагая, что дурныя послѣдствія не будутъ слишкомъ значительны и что имъ удастся безъ труда уничтожить ихъ, какъ только они возьмутся за дѣло. Но ничто не можетъ быть невѣрнѣе этой надежды» [1]).

19. Дѣйствительно, смотря на способности душевныя, какъ смотрѣлъ на нихъ Бенеке, мы должны придать *безграничную* силу воспитанію. Если всѣ душевныя способности слагаются изъ слѣдовъ ощущеній, то самое созданіе всего внутренняго человѣка въ рукахъ воспитанія, если только оно съумѣетъ завладѣть тѣми путями, какими эти слѣды проходятъ въ душу человѣка. Но мы, придавая также огромное значеніе воспитанію, какъ преднамѣренному, такъ и случайному, видимъ однако, что вліянію его есть предѣлъ въ прирожденныхъ силахъ души и въ тѣхъ прирожденныхъ задаткахъ наклонностей, о которыхъ мы говорили въ главахъ о привычкѣ. Воспитаніе можетъ сдѣлать много, очень много—но не все: природа человѣка, какъ мы видѣли уже во многихъ мѣстахъ нашего труда, имѣетъ также значительную долю въ развитіи внутренняго человѣка.

Послѣ всего сказаннаго не нужно уже и говорить о *педагогическомъ значеніи* памяти. Можно сказать безъ большой натяжки, что воспитатель имѣетъ дѣло только съ одною памятью воспитанника и что на способности памяти основывается вся возможность воспитательнаго вліянія. «Только то, что мы удерживаемъ внутри насъ, говоритъ Бенеке, можемъ мы перерабатывать далѣе: развивать въ высшія духовныя формы и прилагать къ жизни. Разсудокъ, способность сужденій и умозаключеній, короче, всѣ духовныя силы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, зависятъ отъ совершенства памяти» [2]). «Вся культура и всякій успѣхъ культуры, говоритъ тотъ же психологъ въ другомъ мѣстѣ, основывается на томъ, что каждому уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ сообщаются безчисленныя комбинаціи (ассоціаціи слѣдовъ), не только тѣ, которыя комбинированы людьми, поставленными съ воспитанниками въ непосредственное соотношеніе, но и тѣ, которыя накоплялись безчисленными поколѣніями человѣчества, въ продолженіи тысячелѣтій, и всѣми народами земли. Усвоивая эти комбинаціи, человѣкъ пріобрѣтаетъ умственное, эстетическое и моральное наслѣдство милліоновъ и пользуется для своего образованія плодами трудовъ (плодами жизни) возвышеннѣйшихъ геніевъ, какихъ только производила человѣческая природа».

ГЛАВА XXVII.

Процессъ воображенія.

1. Отдѣлить процессъ воображенія, съ одной стороны, отъ процесса ощущеній и воспоминаній, а съ другой, отъ процесса мышленія — не такъ легко, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Рѣшенію этой

[1]) Benecke's Erziehungs- und Unterrichtslehre. Erst. B. S. 32.

[2]) Ibid. стр. 93.

задачи Аристотель посвящаетъ почти всю третью книгу свою «О душѣ», и, несмотря на туманность этой книги, происходящую вѣроятно отъ испорченности, мы воспользуемся изъ нея многимъ. Гербартовская психологія соединяетъ воспоминаніе, мышленіе и воображеніе въ одинъ актъ *воспроизведенія* (reproductio). Но такимъ смѣшеніемъ она, какъ намъ кажется, не уясняетъ, а затемняетъ явленія. Вотъ почему, можетъ быть, нѣкоторые изъ гербартіанцевъ, какъ напр. Дробишъ, считаютъ уже необходимымъ признать, что воспоминаніе и воображеніе суть двѣ вѣтви одного и того же процесса ассоціацій и воспроизведенія [1]). Но въ такомъ случаѣ слѣдовало показать, гдѣ раздѣляются и чѣмъ различаются между собою эти двѣ вѣтви и гдѣ отдѣляется отъ нихъ третья, мышленіе, или, по крайней мѣрѣ, показать, откуда происходитъ у насъ то ясное чувство различія этихъ трехъ процессовъ, которое говоритъ намъ, что *вспоминать*, *воображать* и *мыслить*—не одно и тоже. Постараемся же съ помощью Аристотеля, а еще болѣе съ помощью самонаблюденія, разграничить эти три главные душевные процесса: тогда будетъ для насъ понятнѣе и связь между ними.

2. Взглянувъ на какой-нибудь предметъ, даже очень сложный, мы можемъ потомъ воспроизвести его въ своемъ сознаніи съ большею или меньшею вѣрностью и большею или меньшею ясностью. Степень этой ясности бываетъ очень различна, и отъ слабаго очерка, какъ бы закрытаго туманомъ, достигаетъ иногда до яркости дѣйствительнаго созерцанія, такъ-что на яву насъ часто поражаетъ эта необыкновенная живость представляемаго нами лица, зданія, происшествія и т. п.; а во снѣ мы получаемъ полное убѣжденіе въ дѣйствительности того, что представляемъ. Спрашивается, что же это такое,—*воспоминаніе* или *воображеніе?* Если предположить, что мы ничего не *прифантазировали* къ тому, что было сохранено нашею памятью и что теперь воспроизводится нашимъ сознаніемъ, то, безъ сомнѣнія, это будетъ воспоминаніе—очень живое, но все же воспоминаніе. Слѣдовательно, степенью живости и образности воспоминаемыя представленія не могутъ быть отличаемы отъ воображаемыхъ.

3. Нельзя ли вывести изъ этого, что произведенія воображенія отличаются отъ произведеній воспоминанія тѣмъ, что въ воображеніи мы измѣняемъ воспоминаемое или создаемъ нѣчто такое, чего не было въ нашихъ воспоминаніяхъ? Можетъ быть, въ процессѣ воображенія мы *создаемъ* нѣчто *новое*, чего не было положено въ нашу память? Однако нетрудно убѣдиться, что воображеніе наше рѣшительно не можетъ создать что-нибудь совершенно новое; но мы не можемъ *представить* себѣ чего-нибудь такого, чего совершенно не было бы въ нашихъ воспоминаніяхъ. «Власть человѣка въ маленькомъ мірѣ его понимація, говоритъ Локкъ, такова же, какова и въ большомъ мірѣ видимыхъ вещей, гдѣ человѣкъ можетъ творить только изъ даннаго уже ему приро-

[1]) Empir. Psych. § 118.

дою матеріала, но не можетъ ни разрушать, ни создавать ни одного атома». Воображеніе египтянъ сфантазировало и выразило въ гранитѣ не существующаго въ природѣ сфинкса; но каждая черта въ этомъ фантастическомъ животномъ взята изъ природы. Только соединеніе этихъ чертъ принадлежитъ воображенію человѣка. Тогда рождается вопросъ, не можемъ ли мы отличить представленій воображаемыхъ тѣмъ, что первыя вѣрны дѣйствительности, а вторыя нѣтъ? Но, во-первыхъ, не всѣ наши воспоминанія вѣрны дѣйствительности и даже едва ли есть совершенно вѣрныя; а во-вторыхъ, если я представляю себѣ сфинкса, образъ котораго сформировалъ прежде, то ясно, что въ этомъ случаѣ я вспоминаю, а не воображаю. Но что же я вспоминаю? То, что прежде было сформировано моимъ воображеніемъ изъ элементовъ, сохраненныхъ памятью. Изъ этого мы можемъ вывести, что воображеніе отличается отъ воспоминанія *новостью* производимыхъ имъ ассоціацій изъ тѣхъ представленій, которыя сохранялись въ памяти. Память сохраняетъ намъ следы и идеи представленій; процессъ воспоминанія, откуда бы ни шла его инціатива [1]), выдаетъ ихъ снова сознанію въ ощущаемой формѣ представленій, а воображенію принадлежитъ только *новая комбинація* этихъ элементовъ сохраненныхъ памятью [2]).

4. Отдѣливъ процессъ воображенія отъ процесса воспоминанія, мы должны отличить его и отъ процесса *мышленія*, хотя не можемъ сдѣлать этого съ тою же точностью, такъ-какъ процессъ мышленія еще не анализированъ нами. Но сдѣлаемъ хотя предварительное отдѣленіе, предоставивъ себѣ право исправить его, если это окажется необходимымъ, когда мы ближе ознакомимся съ процессомъ мышленія.

Въ процессѣ мышленія мы также не дѣлаемъ ничего инаго, какъ только комбинируемъ представленія, выдаваемыя сознанію памятью. Однако же, какъ справедливо замѣчаетъ Аристотель, мы можемъ преднамѣренно сфантазировать какую-нибудь комбинацію представленій безъ всякой вѣры въ дѣйствительность этой комбинаціи, зная, что это только дѣло нашего воображенія. Мало этого, мы можемъ даже совершенно невольно представлять себѣ что-нибудь и въ тоже время сознавать, что это не болѣе, какъ фантазія. Мы, какъ говоритъ Аристотель, представляемъ себѣ солнце небольшимъ кругомъ, а между тѣмъ *думаемъ*, что оно гораздо больше всей обитаемой нами земли [3]). Не только на яву, но *даже и во снѣ* мы нерѣдко сознаемъ, что представляемое нами

---

[1]) См. выше, гл. XXII, п. 15.

[2]) Душа наша, говоритъ Локкъ, часто обнаруживаетъ активную дѣятельность въ образованіи многихъ комбинацій: будучи снабжена простыми идеями, она можетъ соединять ихъ въ комбинаціи и, такимъ образомъ, образовывать множество разнообразныхъ сложныхъ идей (представленій), не справляясь, существуютъ ли онѣ вмѣстѣ въ природѣ». (Of hum. Underst. Ch. XXII. § 2).

[3]) Arist. De anima. L. III c. 3. Uebers. von Weisse. S. 74.

явленіе есть только фантазія. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ въ насъ ясно совершаются два одновременные процесса: *мы мыслимъ о томъ, что̀ воображаемъ*,—оцѣниваемъ его странности, вѣроятность или невѣроятность, красоту или безобразіе, передѣлываемъ его, исправляемъ или прогоняемъ. Вотъ почему Аристотель былъ *отчасти* вправѣ сказать, что мы отличаемъ воображеніе отъ мышленія *увѣренностью*, которою сопровождается наше мышленіе: если мы увѣрены въ дѣйствительности того, что̀ воображаемъ, то, значитъ, мы мыслимъ. Слѣдовательно, между воображеніемъ и мышленіемъ есть лишь одно *субъективное*, для насъ только существующее различіе, и безумецъ, воображающій, напр., что у него стеклянныя ноги, и вполнѣ увѣренный въ этомъ, уже не фантазируетъ, а мыслитъ.

5. Принявъ такое отличіе воображенія отъ памяти, съ одной стороны, и отъ мышленія, съ другой, мы можемъ задать себѣ вопросъ: чѣмъ же воображеніе отличается отъ непосредственнаго ощущенія? Отвѣтъ на это мы находимъ опять же у Аристотеля. «Воображеніе, говоритъ онъ, есть какъ бы чувствованіе, но только безъ матеріала» [1]). Это замѣчаніе поразитъ насъ своею вѣрностью, если мы ясно припомнимъ тѣ минуты, когда намъ приходилось долго и упорно бороться съ созданіями нашего собственнаго воображенія. Мы боремся тогда съ ними, какъ съ непосредственными впечатлѣніями, возбуждаемыми въ насъ внѣшнимъ міромъ, съ тою только разницею, что отъ предметовъ внѣшняго міра мы можемъ отвернуться или уйти, но созданія нашего воображенія мы носимъ съ собою всегда и вездѣ, и можемъ отдѣлаться отъ нихъ только прямымъ усиліемъ нашей воли, выбирающей другой матеріалъ для нашей психической дѣятельности. Это усиліе не всегда легко и не всегда увѣнчивается успѣхомъ съ перваго же раза: какъ-только усиліе ослабѣетъ, такъ созданіе нашего воображенія опять возникаетъ въ нашемъ сознаніи, и иногда нужно какое-нибудь сильное нервное потрясеніе, чтобы отдѣлаться отъ такого фантома, нами самими созданнаго. Это явленіе объяснится намъ безъ труда, когда мы припомнимъ, что въ нашихъ психофизическихъ актахъ дѣйствуетъ не одна душа, но и нервная система со своею способностью сохранять слѣды впечатлѣній и, будучи возбуждена къ сильной дѣятельности, вводить эти слѣды въ наше сознаніе уже въ формѣ ощущеній и ассоціацій ощущеній или представленій. По теоріи же души, какъ ассоціаціи слѣдовъ или представленій, и вообще по теоріи, не раздѣляющей души и тѣла, это явленіе, каждому изъ насъ знакомое, вовсе не можетъ быть объяснено. Здѣсь мы видимъ борьбу *чего-то* съ нервной системой, а не дѣятельность одного и того же агента. Замогильные призраки, приводимые мистиками или плутами для доказательства отдѣльнаго существованія души, вовсе доказываютъ противное. Хороша душа, одѣтая въ саванъ или въ мундиръ и которую можно видѣть и слышать. Но человѣкъ, спокойно разсматри-

[1]) De anima. L. III, c. 8.

вающій такое явленіе съ сознаніемъ, что это дуритъ его больная фантазія, доказываетъ, что душа и нервы не одно и то же. Не трудно же видѣть, что это вовсе не какое-нибудь исключительное душевное явленіе и что если оно не часто встрѣчается въ рѣзкой формѣ фантомовъ и видѣній, то, тѣмъ не менѣе, ясное присутствіе его мы можемъ замѣтить почти при всякомъ процессѣ мышленія. Наблюдая внимательно за процессомъ нашей мысли, мы убѣдимся, что мы безпрестанно боремся съ тѣми представленіями, которыя подсовываетъ намъ наша фантазія: то признаемъ ихъ вѣрность дѣйствительности, то отвергаемъ, какъ представленія ложныя, то передѣлываемъ и исправляемъ.

6. Невсегда однако воображеніе наше дѣйствуетъ какъ бы наперекоръ нашему мышленію; но столь же часто является оно болѣе или менѣе покорнымъ слугою нашей мысли и нашей воли. Сильное, стремительное и яркое воображеніе, съ которымъ душа человѣка не можетъ бороться, создаетъ безумцевъ. То же самое воображеніе, покорное волѣ человѣка, создаетъ не только великихъ поэтовъ, но также великихъ мыслителей и ученыхъ. «Для самостоятельнаго мышленія въ наукѣ, говоритъ Гербартъ, нужно не менѣе фантазіи, какъ и для поэтическаго творчества, и трудно рѣшить, у кого было болѣе фантазіи, у Шекспира или у Ньютона» [1]). Воображеніе слабое, вялое, блѣдное не доведетъ человѣка до безумія, но и не создастъ генія. Слѣдовательно, мы видимъ, что если воображеніе наше есть дѣятельность нервовъ, отражающаяся въ сознаніи, то управленіе этою дѣятельностью можетъ вытекать или изъ души, или изъ источниковъ, внѣшнихъ для души. Выражаясь другими словами, такъ какъ мы признали за воображеніе только новую комбинацію представленій, сохраняемыхъ памятью, то эти комбинаціи могутъ происходить или независимо отъ нашей души, по какимъ-то внѣшнимъ для нея причинамъ, или производиться ею самою. Такимъ образомъ и самый процессъ воображенія мы можемъ раздѣлить на процессъ *пассивный* и процессъ *активный*, подобно тому, какъ раздѣляли уже и процессъ воспоминанія, и процессъ вниманія или ощущенія. Это дѣленіе, встрѣчающееся уже у Мелебранша [2]) (но онъ не вывелъ изъ него тѣхъ послѣдствій, какія изъ него сами собою вытекаютъ), кажется намъ наиболѣе соотвѣтствующимъ тѣмъ явленіямъ, которыя каждый изъ насъ, не задаваясь предварительно никакою теоріею, наблюдаетъ въ самомъ себѣ. Разсмотримъ особо каждый изъ этихъ процессовъ.

ГЛАВА XXVIII.

Воображеніе пассивное.

1. Признавъ за нервнымъ организмомъ способность удерживать слѣды бывшихъ ощущеній и притомъ въ тѣхъ комбинаціяхъ, въ которыхъ эти ощущенія сознавались душою, признавъ, съ другой стороны, что душа

[1]) Herbart's Schriften. Erst T. § 92.

[2]) Oeuvres de Malebranche. 1854. T. 2. p. 120.

наша можетъ ощущать всѣ перемѣны въ состояніяхъ нервнаго организма, когда эти перемѣны достигнутъ опредѣленной степени интензивности и переступятъ тотъ порогъ сознанія, на который указалъ еще Гербартъ [1]) и который старались опредѣлить Веберъ и Фехнеръ, — мы легко себѣ представимъ, что если нервная система наша будетъ чѣмъ-нибудь возбуждена, взволнована, то эти волненія, достигнувъ опредѣленной степени высоты, будутъ сказываться въ нашемъ сознаніи ощущеніями и ассоціаціями ощущеній—представленіями. Понятно, что нервная система, взволнованная чѣмъ-нибудь, будетъ вводить въ сознаніе, *по законамъ своего волненія*, тѣ или другіе слѣды, привычки прежнихъ движеній, и сознаніе будетъ превращать ихъ въ представленія и въ вереницы и группы представленій. Но при такомъ взглядѣ слѣдуетъ ожидать, что душа наша будетъ сознавать эти слѣды бывшихъ ощущеній именно въ томъ видѣ, въ какомъ они залегли въ нервную систему, въ томъ видѣ и въ тѣхъ комбинаціяхъ; слѣдовательно, въ насъ будетъ происходить актъ воспоминанія, но не воображенія, тогда-какъ мы замѣчаемъ, что *невольная мечта* наша заводитъ насъ своими вереницами представленій совсѣмъ не туда, куда могло бы завести одно воспоминаніе.

2. Чтобы объяснить себѣ явленіе *невольной мечты*, мы должны сознать прежде всего, что всякое представленіе наше непремѣнно сложено изъ множества слѣдовъ, ставшихъ элементами одного представленія. Если бы мы захотѣли перечислить на бумагѣ всѣ «простые» элементы, какъ ихъ называетъ Локкъ, изъ которыхъ сложено, наприм., наше представленіе извѣстнаго дерева, то едвали умѣстили бы этотъ каталогъ на нѣсколькихъ листахъ. Всѣ эти элементы не сбиты въ одно представленіе безформенною кучею, но размѣщены въ немъ группами; каждая такая группа (кора, листъ и проч.) представляетъ собою отдѣльное представленіе, въ которомъ простые элементы опять расположены своеобразными группами [2]). Такое обширное и сложное представленіе, каждымъ изъ своихъ безчисленныхъ элементовъ, каждымъ изъ слѣдовъ, его составляющихъ, связано со множествомъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ представленій. Эти связывающіе, *общіе слѣды* и являются тѣми звеньями, по которымъ отъ одного какого-нибудь представленія, напр., дерева или цвѣтка, *мечта* наша можетъ уйти на самыя разнообразныя дороги. Въ этомъ отношеніи каждое представленіе, занимающее собою въ данную минуту ясное поле нашего сознанія, является

[1]) См. выше, гл. XIX, пп. 4—10, а также у Гербарта: Herbart's Schtiften. B. I. § 14. s. 18 и 20.

[2]) «Всѣ наши сложныя идеи», говоритъ Локкъ, у котораго слово *идея* значитъ тоже, что у насъ *представленіе*: «всѣ наши сложныя идеи разрѣшаются окончательно въ простыя идеи, изъ которыхъ они первоначально составлены, хотя можетъ быть ихъ непосредственные ингредіенты, если можно такъ выразиться, были также сложными идеями». Of hum. Underst. Ch. XXII. § 9.

какъ бы перекресткомъ тысячи путей, и на такомъ-то перекресткѣ мысленныхъ путей стоитъ наше сознаніе каждую минуту. Положимъ, напримѣръ, что въ моемъ сознаніи, почему бы то ни было, возникаетъ представленіе *розы*. Это одно представленіе можетъ увлечь мою мечту по самымъ различнымъ путямъ. Если я обращу вниманіе на цвѣтъ розы, то, можетъ быть, по сходству вспомню о цвѣтѣ какого-нибудь платья, отъ платья перейду къ лицу, которое его носило, отъ этого лица къ годамъ моей юности и т. д. Если я обращу вниманіе на форму розы и потому именно не цвѣтъ, а форма этого цвѣтка сильнѣе отразится въ моемъ сознаніи, то я могу перейти къ представленію шара, отсюда къ представленію земли и увлечься на путь геометрическихъ и астрономическихъ представленій. Если я обращу особенное вниманіе на шипы розы и вслѣдствіе того именно эти шипы, а не какой-нибудь другой признакъ цвѣтка, съ особенною ясностью отразятся въ моемъ сознаніи, и потому сильнѣе затронутъ въ нервной системѣ моей тѣ слѣды, которые составляютъ или могутъ составить ассоціацію именно съ шипами розы, то, можетъ быть, я вспомню змѣиное жало, или угрызеніе совѣсти и т. д. Если же въ это время вниманіе мое обращено не столько на предметъ, сколько на слово, обозначающее предметъ, то очень можетъ случиться, что нервная система моя подскажетъ мнѣ извѣстную поговорку: «нѣтъ розы безъ шиповъ», а затѣмъ, можетъ быть станутъ выдаваться извѣстные стихи Державина, воспоминаніе же о Державинѣ приведетъ къ воспоминанію Екатерининскаго вѣка и т. д. Обративъ вниманіе на время, когда цвѣтутъ розы, я могу вспомнить Неаполь; а если я обращу вниманіе на имя розы больше, чѣмъ на самый предметъ, то вспомню, можетъ быть, какого-нибудь господина Розанова. *Словомъ, отъ одного и того же представленія я могу уйти на самые разные пути въ моей мечтѣ*. Кольца цѣпи все будутъ тѣ же; но вереницы, вылетаемыя изъ этихъ колецъ, могутъ быть безконечно разнообразны, совершенно новы и до того для насъ самихъ неожиданны, что занесенные мечтою, не вѣсть куда, мы съ удивленіемъ спрашиваемъ себя, какъ попали въ такую глушь, и не всегда даже можемъ добраться до выхода изъ этого лабиринта по той самой дорогѣ, по которой пришли; чаще же, вмѣсто того, чтобы медленно и осторожно добираться до этого выхода по аріадниной нити нашихъ воспоминаній, мы однимъ усиліемъ разрываемъ паутинную сѣть, сотканную нашею мечтою. Но если эта дорога покажется намъ почему либо замѣчательною—оживитъ и сосредоточитъ на себѣ наше сознаніе— то мы *запомнимъ ее*, т. е. скуемъ новую и прочную ассоціацію изъ тѣхъ колецъ, по которымъ, совершенно отъ насъ независимо, руководимая, можетъ быть, какою нибудь органическою причиною, пробѣжала наша мечта. Такимъ образомъ изъ этого *непроизвольнаго* блужданія сознанія по безконечной сѣти слѣдовъ, сгруппированныхъ въ безчисленныя представленія, возникаютъ иногда, совершенно для насъ неожиданно, новыя ассоціаціи, новыя представленія и новыя группы представ-

леній, которыя мы называемъ созданіями нашего воображенія. Но если ничто не возбудитъ нашего особеннаго вниманія, то сознаніе наше, покачавшись на этихъ волнахъ нервной системы, вдругъ перейдетъ къ своимъ очереднымъ работамъ и въ насъ не сохранится никакого воспоминанія нашей мечты. Такихъ *легкихъ* мечтаній проходитъ ежедневно безчисленное множество въ нашей головѣ, не оставляя по себѣ никакого слѣда: и это большое счастье для человѣка, ибо эти безполезные слѣды пустыхъ мечтаній и сновидѣній быстро загромоздили бы нашу память. Во снѣ, когда наше вниманіе не развлекается внѣшними впечатлѣніями, это безцѣльное и безслѣдное блужданіе сознанія «по вершинамъ волнъ движеній нервной системы» пріобрѣтаетъ яркій характеръ сновидѣній, изъ которыхъ только весьма немногія запоминаются нами, т. е. превращаются въ новыя ассоціаціи—созданія нашего воображенія.

3. Откуда же возникаетъ это движеніе представленій? Отчего интензивность одного нервнаго слѣда, достигшая степени, вызывающей вниманіе, начинаетъ потомъ понижаться, тогда-какъ интензивность другаго слѣда начинаетъ возвышаться, и вслѣдствіе этого одно представленіе смѣняется въ сознаніи другимъ? На этотъ вопросъ мы уже отчасти отвѣчали выше [1]), говоря о вліяніи усталаго и бодраго состоянія нервовъ на вообраafженіе, и объясняя, почему одно и тоже представленіе не можетъ долго и въ одинаковой степени яркости оставаться въ сознаніи. Это, какъ мы видѣли, происходитъ по той же самой причинѣ, по которой нога или рука не можетъ долго выполнять однихъ и тѣхъ же движеній, не ощущая усталости и потребности отдыха, и почему послѣ отдыха она опять получаетъ эту возможность. Нервная система наша также нуждается въ безпрестанномъ возобновленіи своихъ тканей, т. е. нуждается въ подновленіи своихъ силъ изъ крови, этого общаго источника силъ, выработываемыхъ организмомъ въ процессѣ питанія. Если бы правильно и мѣрно совершающійся процессъ питанія и кровообращенія былъ одинъ причиною смѣны нашихъ представленій, то въ этой смѣнѣ мы могли бы замѣтить также правильность и періодическую равномѣрность. И дѣйствительно что-то правильное и періодически-равномѣрное подмѣчается въ ходѣ нашихъ представленій, что и навело Локка, а потомъ Гербарта, на мысль о возможности вычислить движеніе во времени хода нашихъ идей, по Локку, или представленій, по Гербарту, какъ можно измѣрить біеніе пульса. Но эта попытка не привела ни къ какому положительному результату и остановилась на общемъ замѣчаніи именно потому, что на ходъ нашихъ представленій вліяетъ не одна, а множество причинъ. Представленіе, или вѣрнѣе, комбинація нервныхъ движеній, превращаемая въ представленіе сознаніемъ, можетъ еще не вполнѣ потерять свою интензивность, не упасть ниже порога возможности сознаванія, и въ то же время уступить мѣсто другимъ представленіямъ. Абсо-

---

[1]) См. гл. XVII, п. 3 и гл. XI, пп. 3—5.

лютной интензивности въ данномъ представленіи еще достаточно для существованія въ сознаніи; но такъ-какъ эта интензивность упала уже на нѣсколько градусовъ ниже, то другое представленіе, почему либо съ нимъ связанное, и которое за мгновеніе было слабѣе перваго, не усилившись само, становится сильнѣе своего сосѣда и потому вытѣсняетъ его, хотя оно, если можно такъ выразиться, еще не отжило своего короткаго вѣка. Другой нервный слѣдъ стремится сдѣлаться представленіемъ или потому, что въ немъ, по какимъ-нибудь физическимъ причинамъ, накопилось болѣе силы, чѣмъ *осталось* ея въ томъ представленіи, которое въ настоящую минуту занимаетъ собою сознаніе, или потому, что этотъ слѣдъ, оставаясь съ тѣмъ же запасомъ силы, какъ и прежде, становится сильнѣе сознаваемаго представленія, такъ-какъ это послѣднее, вслѣдствіе собственной своей дѣятельности, утратило уже часть своей силы и стало слабѣе того, которое граничитъ съ нимъ. Явленіе это будетъ для насъ ясно, если мы припомнимъ, какъ болѣе сильныя впечатлѣнія внѣшняго міра заставляютъ насъ не замѣчать впечатлѣній болѣе слабыхъ; но если это болѣе сильное впечатлѣніе ощущается довольно продолжительно, то мы начинаемъ различать и современныя ему слабыя, которыхъ прежде не ощущали за сильнымъ. Перенесите то же самое явленіе въ сферу отношеній нашей души къ нервнымъ слѣдамъ, не къ непосредственнымъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, но къ слѣдамъ ихъ въ нервной системѣ, и вы поймете, какъ одинъ нервный слѣдъ можетъ *вытѣснять* другой, еще довольно сильный, чтобы держаться въ сознаніи, если бы его не тѣснили. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что степень интензивности силъ въ нервномъ слѣдѣ, точно также, какъ и въ мускулѣ [1]), зависитъ не отъ того только, что этотъ слѣдъ набрался силы изъ процесса питанія, но и отъ степени раздраженія, которому подвергается этотъ слѣдъ и вслѣдствіе котораго онъ начинаетъ превращать свои силы, можетъ быть, изъ формы электричества или тепла въ форму силы движенія или проще въ движеніе— начинаетъ двигаться. Мы видѣли, что сила движенія мускула зависитъ не только отъ силы, поглощаемой имъ изъ процесса питанія, но и отъ силы раздраженія, прилагаемой къ мускулу или предметами внѣшней природы (кислотами, щипцами и т. п.) или нервомъ движенія. Мы видѣли даже, что какъ бы ни наполнился мускулъ силами, самое превращеніе этихъ силъ въ форму движенія (сокращеніе мускула) начинается только при раздраженіи мускула или внѣшними агентами или нервами движенія. Можно предполагать, *по аналогіи, конечно*, что то же самое совершается и при движеніи нервовъ, которыми физіологія думаетъ объяснять психофизическія явленія. При такомъ же положеніи мы поймемъ, что вызовъ нервнаго слѣда къ дѣятельности, къ движенію, зависитъ не отъ одного процесса его питанія, но и отъ степени раздраженія, которому подвергается этотъ слѣдъ. Раздраженіе это въ данномъ

---

[1]) См. выше, гл. VIII, п. 12.

случаѣ происходитъ отъ того представленія, которое занимаетъ собою сознаніе и которое раздражаетъ всѣ нервные слѣды, находящіеся съ нимъ въ связи, но раздражаетъ ихъ не въ одинаковой степени.

4. Мы уже видѣли, что на каждое представленіе, сколько нибудь сложное, можно смотрѣть не только какъ на ассоціацію многихъ слѣдовъ, но какъ на перекрестокъ, въ которомъ сходятся многія другія представленія, соприкасаясь съ центральнымъ, т. е. сознаваемымъ въ данное мгновеніе—соприкасаясь тѣмъ или другимъ изъ своихъ слѣдовъ. Если теперь предположить, что ассоціація слѣдовъ, занимающая наше сознаніе въ формѣ представленія, не вся одинаково отразилась въ нашемъ сознаніи и что, *почему бы то ни было*, одинъ изъ слѣдовъ, составляющихъ ассоціацію, особенно ясно сознается нами, то и нервное движеніе, соотвѣтствующее этому члену ассоціаціи или этому признаку представленія, будетъ особенно сильно и, слѣдовательно, будетъ съ особенной силой дѣйствовать на связанные съ нимъ слѣды въ тѣхъ ассоціаціяхъ, которыя, хотя и скованы съ ассоціаціей, занимающей наше сознаніе, но еще сами не вошли въ него. Если эти ассоціаціи полны силъ, то малѣйшее раздраженіе вызываетъ ихъ къ сильной дѣятельности; если эти ассоціаціи, напротивъ, уже истощены, то нужно большое раздраженіе, чтобы ихъ вызвать; если эти ассоціаціи полны силъ и раздраженіе ихъ велико, то превращеніе скопленныхъ ими силъ въ силы движенія начинается очень быстро; если же, наоборотъ, они слабы, то раздраженіе должно быть очень сильно, чтобы вызвать ихъ къ дѣятельности, достаточно интензивной, чтобы она могла быть сознаваема.

5. Предположимъ себѣ, что сознаваемая ассоціація окружена другими, такъ-что съ каждою изъ этихъ ассоціацій она связывается своими слѣдами, какъ радіусами, идущими изъ одного центра въ разныя стороны. Предположимъ также, что всѣ слѣды сознаваемой ассоціаціи въ одинаковой степени интензивности отражаются въ нашемъ сознаніи, т. е. что степень ихъ дѣятельности одинакова (чего, однако, въ дѣйствительности не бываетъ: какое бы представленіе мы ни сознавали, всегда, въ данный моментъ, одинъ признакъ его сознаемъ мы яснѣе, чѣмъ остальное), и положимъ, что вся эта ассоціація, т. е. всѣ слѣды, ее составляющіе, начинаетъ слабѣть, отживая свой недолгій вѣкъ. Спрашивается, какая же изъ всѣхъ ассоціацій, периферически ее окружающихъ, войдетъ въ сознаніе? Та, въ которой болѣе будетъ накопившихся физическихъ силъ; ибо, по нашему предположенію, степень раздраженія, исходящая изъ центральной ассоціаціи, для всѣхъ периферическихъ ассоціацій одинакова. Этимъ можно объяснить дѣйствіе ненормальныхъ состояній организма на ходъ представленій. Для человѣка голоднаго, жаждущаго, или подверженнаго вліянію какой-нибудь другой сильной тѣлесной потребности, малѣйшей *напоминающей* черты въ сознаваемомъ представленіи достаточно, чтобы вызвать цѣлые ряды ассоціацій о пищѣ, о водѣ и т. п. Эта напоминающая черта можетъ быть или сходство, или противоположность, или одинаковость мѣста, или одинаковость времени,

словомъ, всякая *родная* черта. Положимъ теперь, наоборотъ, что въ ассоціаціи слѣдовъ, которую мы сознаемъ, одинъ изъ слѣдовъ особенно живъ, особенно ясенъ въ нашемъ сознаніи,—тогда понятно, что онъ вызоветъ къ сознанію именно тѣ ассоціаціи, которыя этимъ слѣдомъ скованы съ сознаваемою ассоціаціею. Эта особенная живость одного слѣда можетъ или зависѣть отъ нашего произвола, или быть независимою отъ насъ: мы *произвольно* можемъ въ разсматриваемомъ нами предметѣ сосредоточить наше вниманіе на томъ или другомъ признакѣ его, и тогда уже этотъ самый признакъ приведетъ насъ къ другимъ родственнымъ ассоціаціямъ, или эта живость слѣда можетъ опять же зависѣть отъ другихъ, *физическихъ*, причинъ и тогда она насъ *невольно* приведетъ къ соотвѣтствующимъ ассоціаціямъ. Изъ этого уже видно, какъ важно для человѣка быть въ состояніи произвольно сосредоточивать свое вниманіе на той или другой сторонѣ предмета, на томъ или другомъ членѣ сознаваемой ассоціаціи, и что въ этомъ именно состоитъ власть наша надъ воображеніемъ, отъ которой столь многое зависитъ въ нашей жизни и въ нашей нравственности.

6. Что же однако все это такое? Что это за движенія нервовъ, или лучше сказать, нервныхъ атомовъ и молекулей, которыхъ никто не видалъ? Что это за отношенія между этими движеніями, которыхъ никто не наблюдалъ? Не есть ли это просто созданіе психологическаго воображенія? Можетъ быть; но странно только, что именно на эту фантазію наталкивались и древніе мыслители, и новые; а *Гербартъ именно на этой фантазіи построилъ всю свою психологическую систему*. Такое совпаденіе болѣе или менѣе полное между мыслителями самыхъ разныхъ направленій въ объясненіи дѣятельности воображенія не можетъ быть совершенно случайно. Дѣйствительно, каждый изъ насъ, наблюдая пристально надъ ходомъ своихъ мечтаній и мыслей, можетъ замѣтить что-то сходное въ этихъ движеніяхъ съ движеніями волнъ и тогда невольно рождается мысль: нельзя ли въ движеніи этихъ психо-физическихъ волнъ, которое мы ощущаемъ въ самихъ себѣ, подмѣтить той же самой правильности и законности, которую удалось подмѣтить въ движеніи волнъ морскихъ? Нельзя ли и въ эти психо-физическія явленія внести математическихъ исчисленій, какъ вносятъ ихъ въ движенія водной поверхности, несмотря на всю, кажущуюся, прихотливость этихъ движеній? Сходство волнообразныхъ движеній, наблюдаемыхъ въ жидкостяхъ, съ психо-физическими явленіями, совершающимися въ насъ самихъ, поразило даже такого осторожнаго мыслителя, каковъ Мюллеръ; но онъ поспѣшилъ прибавить, что это не болѣе, какъ сходство и сравненіе [1]), и не пошелъ далѣе за Гербартомъ, психологическую теорію

[1]) Наблюдая надъ непроизвольною смѣною представленій въ нашемъ сознаніи, Мюллеръ говоритъ, что кромѣ сродства идей (представленій) должна быть какая-нибудь другая причина, полагающая срокъ жизни каждой идеи. «Безъ причины этого рода, продолжаетъ онъ, нѣтъ возможности понять, какимъ

котораго впрочемъ ставилъ высоко,—не пошелъ именно потому, что было бы странно говорить въ мірѣ душевныхъ явленій о какихъ-нибудь столкновеніяхъ, стѣсненіяхъ, замѣщеніяхъ, перевѣсѣ силъ и т. п. Гербартъ же прямо принялся строить на этомъ явленіи свою «статику и динамику духа» [1]..

7. Мюллеръ совершенно правъ, замѣчая, что невозможно внести «статику» и «динамику» въ психическія явленія и говорить о борьбѣ силъ духовныхъ по образцу борьбы силъ физическихъ, и дѣйствительно, вся эта борьба представленій совершается по теоріи Гербарта гдѣ-то въ пустомъ пространствѣ: борьба за мѣсто между существами, не занимающими мѣста; борьба за сознаніе между существами, которыя, по замѣчанію Розенкранца [2]), внѣ сознанія равняются нулю. Но, тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя слишкомъ легко отнестись къ попыткѣ Гербарта, и въ его математико-психическихъ формулахъ мы невольно поражаемся тѣмъ, что эти формулы иногда чрезвычайно мѣтко выражаютъ то или другое психическое явленіе, въ насъ совершающееся. Гербартъ ошибся только въ одномъ: онъ принялъ за *психическія* явленія тѣ чисто *физическія* вліянія, которыя наша нервная система въ своихъ движеніяхъ, подчиненныхъ конечно математическимъ законамъ, оказываетъ на наши чисто психическія явленія. Если же мы всю эту борьбу представленій, или лучше сказать, борьбу слѣдовъ перенесемъ въ органи-

---

образомъ идея, разъ вызванная къ дѣятельности, можетъ перейти въ состояніе покоя. Въ волнообразномъ движеніи это объясняется стремленіемъ къ равновѣсію, но въ движеніи идей нельзя и думать о какомъ-нибудь механическомъ препятствіи. Однако же кажется, что даже и здѣсь стремленіе къ равновѣсію идей, существующихъ въ духѣ въ скрытомъ состояніи, разсѣеваетъ помѣху, производимую тѣмъ напряженнымъ состояніемъ, до котораго идея была доведена. Итакъ продолжительность идеи (т. е. продолжительность ея сознаванія) зависитъ отъ времени, которое необходимо для того, чтобы она пришла въ равновѣсіе. Въ продолженіе этого времени движеніе идеи, которая была въ состояніи напряженія, распространяется на другую идею и тогда уже эта послѣдняя переходитъ въ состоряніе напряженія. Кромѣ того, продолжительность идеи зависитъ отъ интензивности ея движеній (какъ будто сама идея можетъ двигаться?), отъ быстроты, съ которою это движеніе распространяется въ ея собственномъ содержаніи, отъ обширности этого распространенія». (Man. de Phys. T. II. S. 505). Не лучше ли, вмѣсто того, чтобы такъ механизировать духъ, перенести эту борьбу туда, гдѣ она становится возможною и понятною, а именно — въ нервную систему, какъ мы это сдѣлали? Душа, какъ мы увидимъ и какъ мы уже отчасти видѣли, управляется не механическими законами, а своими собственными, совершенно противуположными механическими, нарушающими механику.

[1]) Herbart's Schriften. Erst T. § 13. S. 17 и мн. др.

[2]) Psychologie, s. 108.

ческую жизнь нашей нервной системы, то намъ покажется совершенно понятнымъ, что мы, подмѣчая эти физическія вліянія въ нашей психической жизни, можемъ подмѣтить въ нихъ періодичность, свойственную вообще всякимъ движеніямъ матеріи. Къ такому переносу приходятъ уже отчасти сами гербартіанцы, хотя еще не могутъ сдѣлать рѣшительнаго шага и оторваться отъ теоріи своего великаго учителя. Такъ напр., Вайцъ приписываетъ уже и нервной системѣ способность сохранять слѣды (Residua) ея прежнихъ состояній, которыя дѣйствуютъ или какъ благопріятствующія, или какъ затрудняющія расположенія, и изъ этого выводитъ вѣроятность, что «функціи нервовъ оказываютъ столь же существенное вліяніе на воспроизведеніе (Reproductio) представленій, какъ и на ихъ первоначальное образованіе» [1]).

8. Можемъ ли мы, наблюдая эти нервныя движенія черезъ призму нашего сознанія и не будучи въ состояніи наблюдать ихъ внѣ сознанія, въ мозгу и нервахъ, какъ другія внѣшнія для насъ явленія,—можемъ ли мы узнать законы этихъ движеній достаточно для того, чтобы выразить ихъ въ математическихъ формулахъ? Это другой вопросъ, котораго мы здѣсь не будемъ рѣшать. Замѣтимъ только, что на одну логичность математики въ этомъ отношеніи положиться нельзя, и если мы, подмѣтивъ какой-нибудь математическій законъ нервныхъ движеній, станемъ выводить изъ него формулу за формулой, какъ это дѣлаетъ Гербартъ, то очень легко можемъ далеко разойтись съ дѣйствительностью, какъ и расходится иногда теорія Гербарта, именно потому, что сама организація того, что здѣсь движется, намъ очень мало извѣстна, такъ-что опытъ можетъ опрокинуть всѣ наши формулы. Такъ, если бы мы, наблюдая уменьшеніе объема тѣла при пониженіи температуры, остановились на наблюденіи нѣкоторыхъ тѣлъ и по аналогіи приложили тотъ же законъ къ водѣ, то очень бы ошиблись: плаваніе льда на поверхности воды фактически опровергало бы выведенный нами законъ. Опытъ и наблюденіе даютъ матеріалъ математикѣ, и математика не всегда можетъ замѣнить ихъ своими вычисленіями.

9. Прямыя же психическія наблюденія надъ вліяніемъ органической жизни нервовъ на ходъ нашихъ представленій чрезвычайно затруднительны, если и возможны. Можетъ быть, кому нибудь и удастся найти средство удалить тѣ постороннія вліянія, которыя безпрестанно измѣняютъ этотъ органическій и, по всей вѣроятности, математически правильный процессъ. Рѣдко удается видѣть столбъ дыма, который бы выходилъ изъ трубы, нисколько не колеблясь; но нѣтъ возможности подмѣтить въ себѣ совершенно нормальнаго хода представленій. Вліяніе органической жизни нервной системы на ходъ нашихъ представленій безпрестанно колеблется и видоизмѣняется, какъ столбъ дыма подъ вліяніемъ то ослабѣвающаго, то усиливающагося вѣтра и притомъ безпрестанно мѣняющаго свои направленія. Эти вліянія, измѣняющія нор-

[1]) Lehrbuch der Psychologie. § 15. s. 119.

мальный (предполагаемый нормальнымъ) ходъ нашихъ представленій, можно раздѣлить на *физическія, психо-физическія* и *психическія*.

10. О *физическихъ* вліяніяхъ на ходъ нашихъ представленій мы уже говорили выше [1]). Теперь же намъ болѣе уяснился самый способъ этихъ вліяній: они могутъ безсознательно для насъ ускорять процессъ питанія въ тѣхъ нервныхъ слѣдахъ, которые имъ соотвѣтствуютъ, и тѣмъ самымъ подготовлять ихъ къ дѣятельности, такъ-что они будутъ возбуждаться къ сознанію уже при самомъ слабомъ намекѣ, при самомъ слабомъ возбужденіи со стороны того представленія, которое въ данный моментъ занимаетъ собою наше сознаніе. Вотъ почему намъ бываетъ такъ трудно не пустить въ сознаніе этихъ нервныхъ слѣдовъ, переполненныхъ силами. Всякое представленіе, составленное изъ множества слѣдовъ, почти всегда имѣетъ и такіе элементы, которые могутъ намъ напомнить слѣды, приготовленные уже къ дѣятельности какими-нибудь органическими причинами, и тогда-какъ для того, чтобы возбудить къ дѣятельности другой слѣдъ, неособенно наполненный силами, нужно сильное возбужденіе этого слѣда, сильное сродство его съ тѣмъ, что мы сознаемъ въ настоящую минуту, или большое усиліе нашей воли,—достаточно въ то же время самаго слабаго раздраженія напоминаніемъ, чтобы возбудить къ сильной и продолжительной дѣятельности такую ассоціацію слѣдовъ, которая уже по органическимъ, независящимъ отъ сознанія причинамъ переполнена силами и, такъ сказать, сама просится въ свѣтлую область сознанія. Достаточно самаго легкаго прикосновенія къ такой ассоціаціи, самой отдаленной черты сходства, чтобы она съ силою ворвалась въ сознаніе и повела за собою множество другихъ родственныхъ ей ассоціацій. Этимъ объясняется то знакомое каждому явленіе, что намъ бываетъ трудно мыслить произвольно, когда въ тоже время какая-либудь органическая причина или внѣшнее впечатлѣніе увлекаютъ наше сознаніе въ противоположную сторону. Мы дѣлаемъ предметомъ нашего сознаванія какое-нибудь представленіе и обращаемъ наше вниманіе на тотъ элементъ этого представленія, который намъ нуженъ по ходу нашихъ душевныхъ работъ; но въ тоже время въ этомъ представленіи есть много и другихъ элементовъ, на которые мы не хотѣли бы обращать вниманія, но которые находятся въ связи съ сильными ассоціаціями слѣдовъ, уже подготовленными къ дѣятельности какою-нибудь органическою причиною, и эти ассоціаціи врываются въ наше сознаніе, несмотря на то, что напоминаніе ихъ, казалось, было слабо. Мы насильственно удаляемъ эти непрошенныя ассоціаціи и пробуждаемъ тѣ, которыя намъ были нужны, употребляя для этого замѣтное усиліе; но новыя ассоціаціи, сдѣлавшись въ нашемъ сознаніи представленіями, снова заключаютъ въ себѣ много элементовъ и одинъ изъ этихъ элементовъ, едва коснувшись нашего вниманія, можетъ опять пробудить тѣ ассоціаціи, которыя мы только что прогнали, или родственныя имъ. Такую борьбу мы ясно

[1]) См. выше, глава XVII.

замѣчаемъ въ самихъ себѣ, когда, напр. томимые жаждею, голодомъ или другою какою-нибудь физическою потребностью, хотимъ насильственно думать о предметѣ, нами избранномъ, и удалять отъ себя мысли, вызываемыя въ насъ нашими физическими потребностями. При этомъ мы легко замѣтимъ, что чѣмъ стремительнѣе ходъ нашихъ мыслей, тѣмъ труднѣе разорвать ихъ тѣми нервными слѣдами, которые подсовываются сознанію нервными же причинами.

11. *Психо-физическія* причины, имѣющія вліяніе на подборъ нашихъ представленій и на формировку тѣхъ вереницъ ихъ, которыя безпрестанно проходятъ въ нашемъ сознаніи, называются у германскихъ психологовъ *аффектами*; а мы, не заботясь покуда о точности выраженія, назовемъ ихъ просто *страстями*. О страстяхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей книгѣ; но и здѣсь уже должно замѣтить, что онѣ имѣютъ такое же вліяніе на формировку вереницъ нашихъ представленій, какъ и физическія потребности, и притомъ дѣйствуютъ тѣмъ же самымъ путемъ. Гнѣвъ, или страхъ, или любовь, пробужденные чѣмъ нибудь въ нашей душѣ, не остаются безъ вліянія на нервный организмъ, которое мы ясно ощущаемъ въ усиленномъ біеніи сердца, въ судорожномъ состояніи мускуловъ, въ дрожаніи кожи и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что такое дѣйствіе страсти на организмъ совершается не иначе, какъ черезъ посредство нервной системы: посредствомъ тѣхъ измѣненій, которыми прежде всего воплощается страсть въ нашу нервную систему. Подѣйствовавъ же на нашъ нервный организмъ, гнѣвъ или страхъ оказываютъ тоже вліяніе, *оттуда же и тѣми же средствами*, на работу нашего сознанія, какъ и физическія потребности тѣла. Съ чувствомъ возбужденнаго страха или гнѣва, безпрестанно подсовывающимъ намъ ассоціаціи, ему соотвѣтствующія, намъ также трудно бываетъ бороться при работахъ нашего сознанія, какъ и съ представленіями, возбуждаемыми прямо физическими потребностями тѣла. Страсти, какъ замѣтилъ еще Декартъ, зарождаясь почему-либо въ душѣ, прежде всего дѣйствуютъ на тѣло и потомъ уже изъ области тѣла обратно дѣйствуютъ на душу [1]).

Психическія вліянія на воображеніе уяснятся для насъ, когда мы будемъ говорить объ *активномъ* воображеніи, къ которому теперь и перейдемъ.

ГЛАВА XXIX.

Воображеніе активное.

1. Кто старался заниматься какою-нибудь наукою, когда его безпрестанно развлекали взволнованныя въ немъ чувства или страсти, кто хотѣлъ, помня требованія правды, думать безъ гнѣва о человѣкѣ, почему-либо ненавистномъ, или, не обманываясь любовью, разсмотрѣть любимый предметъ, тотъ знаетъ хорошо, что такое борьба воображенія,

[1]) Oeuvres de Descartes. Les passions de l'ame. Art. 46.

активнаго съ *пассивнымъ*. Если мы не совсѣмъ еще потеряли самообладаніе, что случается рѣдко, то какъ бы ни сильно и какъ бы ни часто врывались въ наше сознаніе представленія, такъ сказать, вталкиваемыя въ него интензивностью нашихъ тѣлесныхъ потребностей и нашихъ страстей, мы можемъ еще бороться съ ними и можемъ думать о томъ, о чемъ хотимъ, хотя съ большими трудностями, перерывами и замѣтнымъ психическимъ усиліемъ съ нашей стороны. Правда, вереница нашихъ представленій будетъ именно напоминать собою столбъ дыма, вырывающійся изъ трубы и въ тоже время колеблемый и разносимый вѣтромъ; но все же намъ удается наклонять его въ ту сторону, куда мы хотимъ. Ясно, что здѣсь борятся два агента на одномъ и томъ же полѣ сознанія, изъ которыхъ одинъ съ большею или меньшею настойчивостью подсовываетъ свои матеріалы, а другой выбираетъ свои. Орудіе, посредствомъ котораго въ этомъ случаѣ борется душа, есть та ея способность сосредоточиваться, на чемъ она хочетъ, которую мы уже изучали выше. Здѣсь же мы видимъ только приложеніе этой способности.

2. Чтобы легче сознать тѣ средства, которыми воля наша оказываетъ вліяніе на ходъ нашихъ представленій, предположимъ, что въ данный моментъ сознаніе наше занято какимъ-нибудь сложнымъ представленіемъ, элементы котораго пусть будутъ: *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*. Положимъ, что элементъ *a* связываетъ это представленіе съ другимъ, *которое намъ нужно*, по теченію нашего произвольнаго мышленія. Элементы *c*, *d* *сильно связаны* съ другими ассоціаціями слѣдовъ, которыя для насъ безразличны и въ то же время не особенно полны силъ, не питаясь какою-нибудь физическою потребностью или сердечною страстью; тогда-какъ элементы *e*, *f* очень *слабо* связаны, но связаны съ такими ассоціаціями слѣдовъ, которыя уже подготовлены къ сильной дѣятельности какими-нибудь органическими причинами. Понятно, что эти послѣдніе слѣды, *e* и *f*, при малѣйшемъ напоминаніи, почти безъ зова, ворвутся въ наше сознаніе, тогда-какъ намъ нужно усиленно сосредоточить вниманіе наше на элементѣ *a*, чтобы онъ пробудилъ относительно слабую ассоціацію слѣдовъ, съ нимъ связанную, и которая намъ нужна. Въ главѣ о дѣятельности мускуловъ мы видѣли, что мускулъ, уже ослабѣвшій, нуждается въ болѣе сильномъ раздраженіи, чтобы прійти въ ту же степень дѣятельности, которой мускулъ, полный силъ, достигаетъ при слабомъ раздраженіи. Точно также и, можетъ быть, по тѣмъ же самымъ причинамъ мы должны, если хотимъ мыслить, а не увлекаться мечтою, усиліемъ нашимъ, прилагаемымъ къ элементу *a*, вознаградить всю ту разницу въ силахъ, которая существуетъ между ассоціаціею слѣдовъ, связанною съ элементомъ *a* и ассоціаціями слѣдовъ, связанными съ элементами *e* и *f*. Кромѣ того элементы *c* и *d*, *сильно* связанные (или сходствомъ, или единствомъ времени, или единствомъ мѣста) съ ассоціаціями слѣдовъ не особенно сильныхъ, будутъ тянуть сознаніе въ свою сторону не силою слѣдовъ, но силою связи. Можетъ случиться, и это можно иногда замѣтить въ самомъ себѣ, что сознаніе наше на мгно-

веніе какъ бы остановится, увлекаемое въ разныя стороны силами, противодѣйствующими одна другой: можетъ побѣдить сила сродства элементовъ *c* и *d*; можетъ побѣдить органическая сила тѣхъ слѣдовъ, съ которыми слабо связаны элементы *d* и *f*; можетъ, наконецъ, побѣдить и элементъ *a*; но для этого мы должны придать ему силу, сосредоточивъ на немъ вниманіе *силою нашей воли*, и эта сила, приданная нами элементу *a*, должна перевысить силу, съ которою дѣйствуютъ въ нашемъ сознаніи остальные элементы или признаки представленія, сознаваемаго нами въ данный моментъ. Если же мы въ этомъ не успѣемъ, то въ сознаніе войдутъ, противъ нашей воли, или ассоціаціи, связанныя со слѣдами *c* и *d*, или со слѣдами *d* и *f*, смотря по тому, что преодолѣетъ — сродство ли ассоціацій или органическія силы слѣдовъ. Въ такомъ случаѣ мы часто даемъ время *отжить* этимъ представленіямъ и, когда они, слѣдуя естественному закону жизни всѣхъ представленій, станутъ ослабѣвать, тогда мы пользуемся этимъ мгновеніемъ слабости и, прежде чѣмъ войдутъ въ наше сознаніе другія представленія, родственныя съ тѣми, которыя подсунуты намъ страстью или физическою потребностью, поспѣшно возвращаемъ назадъ прежнее представленіе: сосредоточиваемъ свое вниманіе на элементѣ *a* и стараемся перейти къ очередной работѣ нашего мышленія. Иногда это намъ удается; ибо въ представленіи, возвращенномъ назадъ, элементы *e* и *f* будутъ уже дѣйствовать слабо, такъ-какъ они утратили свою силу въ дѣятельности. Но если страсть или физическая потребность очень въ насъ сильны, а воля слаба, то вслѣдъ за первыми представленіями, втиснутыми въ наше сознаніе, быстро появляются другія, третьи и т. д. родственныя имъ представленія: тогда уже остается дать отжить не одному страстному представленію, а иногда цѣлымъ сотнямъ и тысячамъ ихъ. Если же мы довольно осторожны и не настолько потеряли самообладаніе, чтобы позволить этимъ незваннымъ представленіямъ перейти въ поступокъ, то замѣтимъ, какъ они, перебывавъ по нѣсколько разъ въ нашемъ сознаніи, ослабѣютъ и дадутъ намъ возможность сосредоточить наше психическое усиліе на элементѣ *a* и все же перейти, наконецъ, къ очереднымъ работамъ нашего мышленія. На этомъ психофизическомъ явленіи основано то практическое замѣчаніе, что вспыльчивому человѣку надобно дать время перекипѣть, т. е. слѣдуетъ обождать, пока представленія, исполненныя гнѣва, отживутъ въ немъ свой короткій вѣкъ. Чѣмъ больше этихъ представленій, т. е. чѣмъ болѣе причинъ раздраженія (кажущихся или дѣйствительныхъ — это все равно) и чѣмъ медленнѣе представленія движутся, смотря по темпераменту человѣка [1]), тѣмъ долговременнѣе совершается въ немъ этотъ процессъ гнѣва. Этимъ же объясняется и другое, всѣмъ знакомое явленіе, что, напримѣръ, ударъ по столу рукою, сдѣланный въ гнѣвѣ, на мгновеніе ослабляетъ нашъ

[1]) См. выше, гл. XVII, п. 4.

гнѣвъ. Но всѣ эти явленія найдутъ себѣ болѣе полное объясненіе въ главахъ о *сердечномъ* чувствѣ.

3. Мы видѣли, что *нормальное* движеніе представленій въ процессѣ пассивнаго воображенія условливается закономъ питательнаго процесса, такъ-что каждый слѣдъ представленія постепенно слабѣетъ, по мѣрѣ потери физическихъ силъ отъ дѣятельности, и наконецъ ослабѣетъ до того, что станетъ ниже порога сознанія и тогда естественно смѣнится другою волною, стоящею выше этого порога. Конечно, такое нормальное движеніе представленій бываетъ только въ сновидѣніяхъ, да и то не всегда, потому-что и во снѣ на него могутъ имѣть вліяніе различныя органическія причины. Но чѣмъ же руководится *активное* воображеніе въ своемъ подборѣ представленій? Что побуждаетъ его къ этому подбору, къ смѣнѣ одного представленія другимъ? Почему *мы* не дожидаемся, пока представленіе само уйдетъ, отживъ нормально свой короткій вѣкъ, а болѣе или менѣе быстро смѣняемъ его другимъ. Въ этомъ случаѣ мы руководствуемся уже другимъ закономъ, чисто *психическимъ*, а именно, требованіемъ безпрестанной, легкой и все расширяющейся дѣятельности, которое присуще нашей душѣ, какъ это мы увидимъ далѣе.

4. Мы ошиблись бы однако, если бы видѣли въ пассивномъ воображеніи процессъ, только враждебный нашему свободному мышленію. Напротивъ, въ пассивномъ воображеніи почерпаетъ себѣ матеріалъ и ученый, и художникъ, и поэтъ. Обширною и быстрою дѣятельностью пассивнаго воображенія условливается не только *остроуміе*, но и *изобрѣтательность*. Матеріальная основа остроумія въ томъ и состоитъ, что, имѣя въ нашемъ сознаніи въ одно и тоже время цѣлую ассоціацію сложныхъ представленій, съ безчисленными элементами, ихъ составляющими, мы подмѣчаемъ малѣйшія черты сходства, которыми шевелятся всѣ эти элементы, связанные со множествомъ другихъ, едва мелькающихъ въ сознаніи, схватываемъ это сходство и выражаемъ его въ мѣткомъ и неожиданномъ словѣ. Слѣдовательно, чѣмъ обширнѣе и быстрѣе совершается въ насъ процессъ пассивнаго воображенія, тѣмъ болѣе мы имѣемъ шансовъ уловить самое отдаленное сходство и попасть на такую вереницу мыслей, на которую другіе не попадали. Остроуміе и состоитъ именно въ сближеніяхъ, которыхъ не ожидали, въ отысканіи возможности связать два такія представленія, связи между которыми другіе не видали. Вотъ почему остроуміе бываетъ также двоякаго рода: пассивное и активное. Пассивное связано всегда съ необыкновенно живымъ, подвижнымъ, нервнымъ темпераментомъ и проявляется только тогда, когда нервы раздражены, когда безчисленные слѣды, въ нихъ находящіеся, взволнованы и просятся въ сознаніе, такъ сказать, напоминая о родствѣ своемъ съ представленіемъ, въ немъ пребывающимъ. Активное же остроуміе, кромѣ живаго и дѣятельнаго нервнаго темперамента, требуетъ еще сильной воли, могущей обозрѣвать все поле представленій, не давая имъ увлекать себя и отыскивая сходство или различіе, но не увлекаясь имъ. Вотъ почему остроуміемъ отличаются и два сорта людей: или люди нерв-

ные, живые, слабовольные, болтливые, котбрые скорѣе наталкиваются на остроту, чѣмъ отыскиваютъ ее,—или люди сосредоточенные, холодные повидимому и неразговорчивые. Изобрѣтательность имѣетъ тоже психо-физическое основаніе, какъ и остроуміе, но только матеріалъ ея другой и цѣль серьезнѣе. Цѣль остроумія — шутка; цѣль изобрѣтательности—дѣло. Однако же не трудно видѣть, что какъ остроуміе, такъ и изобрѣтательность уже не произведенія одного воображенія. Главная черта воображенія, какъ замѣтилъ еще Аристотель, есть *движеніе*: въ воображеніи представленія движутся и смѣняютъ другъ друга безпрестанно; воображеніе—опять же, по мѣткому слову Аристотеля — видитъ только то представленіе, которое воображаетъ, а не сосѣднее съ нимъ; но для того, чтобы найти сходство или различіе между представленіями, надобно хотя на мгновеніе остановить ихъ теченіе и окинуть однимъ душевнымъ взглядомъ возможно большую сѣть ихъ. Эта же мгновенная остановка движенія представленій, какъ мы увидимъ далѣе, есть дѣло разсудка.

5. Сила нашего активнаго воображенія или, вѣрнѣе сказать, сила нашей власти надъ теченіемъ представленій въ процессѣ воображенія, зависитъ отъ силы нашей воли вообще, отъ большей или меньшей покорности намъ нашей нервной системы, и отъ силы нашего хотѣнія въ данномъ случаѣ. Эта сила хотѣнія условливается въ свою очередь опять силою нашей воли или силою нашей душевной страсти. Если бы человѣкъ, удивляющійся изобрѣтательности генія, могъ взглянуть на самый процессъ этихъ изобрѣтеній, то сталъ бы удивляться не уму, а силѣ воли, страсти и настойчивости изобрѣтателя. Наблюдатель, можетъ быть, увидалъ бы, что при такомъ непрестанномъ психическомъ трудѣ, какой предшествовалъ открытію, *невозможно было не сдѣлать его*. Безчисленное число разъ улавливаетъ геній неуловимое повидимому сходство или различіе и, испытавъ тысячи неудачныхъ попытокъ, онъ дѣлаетъ новыя, перебираетъ все содержаніе своей души, разрываетъ, строитъ и опять перестраиваетъ ея ассоціаціи и все это дѣло идетъ обширно и быстро, потому что нервная организація его сложна, впечатлительна, памятлива, жива и сильна. Что же удивительнаго, если, наконецъ, выйдетъ такая комбинація представленій, которую міръ назоветъ великимъ открытіемъ? Въ продолженіи долгихъ лѣтъ воображеніе Колумба все подбирало ассоціаціи одного рода, строило новыя и перестраивало ихъ все по одной идеѣ. Но страсть, одушевляющая ученаго и художника, не есть страсть сердечная, а умственная: она работаетъ въ идеяхъ и посредствомъ идеи же подбираетъ представленія, смѣняемыя въ сознаніи быстрымъ и живымъ воображеніемъ.

6. Однако же страсть необходимая для усиленной дѣятельности активнаго воображенія, дѣлаетъ его одностороннимъ; она сосредоточиваетъ вниманіе человѣка на той сторонѣ предмета, которая ему нужна, или которая соотвѣтствуетъ заранѣе избранной цѣли; но она же заставляетъ не видѣть сторонъ противорѣчащихъ и, усиливая теченіе представленій все въ одну сторону, мѣшаетъ всестороннему ихъ разсмотрѣ-

нію. Отсюда и происходитъ та односторонность, которая такъ часто замѣчается въ великихъ дѣятеляхъ. Можетъ быть ничего нельзя и сдѣлать великаго безъ этой страстной односторонности. Страстный математикъ всюду видитъ математическія отношенія и все думаетъ разрѣшить ими; страстный физикъ повсюду видитъ признаки физическихъ явленій, поэтъ смотритъ на міръ сквозь свои поэтическія очки и т. д. Цѣлыя эпохи бываютъ подчинены такому одностороннему направленію воображенія и, можетъ быть, только такими односторонними движеніями, такою лавировкою подвигается человѣчество впередъ. Новый геніальный человѣкъ, новая эпоха замѣчаетъ односторонность въ прежней и также насильственно и чрезмѣрно подвигается въ другую сторону. Но, замѣтятъ намъ, въ такомъ случаѣ мы осуждены на вѣчную односторонность: и это было бы дѣйствительно такъ, если бы въ человѣкѣ не было врожденной любознательности, стремленія знать предметъ, каковъ онъ самъ въ себѣ, однимъ словомъ—стремленія къ всесторонней истинѣ. И эту то, благороднѣйшую изъ страстей, слѣдуетъ воспитывать въ дѣтяхъ и юношахъ всестороннимъ и въ тоже время основательнымъ образованіемъ. Воспитаніе приготовляетъ человѣка, а не исключительнаго, односторонняго генія. (Замѣчаютъ обыкновенно, что женщины одностороннѣе мужчинъ въ своемъ воображеніи, т. е. вносятъ болѣе страсти въ этотъ психическій процессъ. Въ миломъ человѣкѣ имъ все мило и въ самомъ дурномъ поступкѣ его онѣ непремѣнно отыщутъ хорошую сторону и съумѣютъ незамѣтить дурныхъ. Но, безъ сомнѣнія, и въ женщинѣ этотъ недостатокъ могъ бы быть исправленъ образованіемъ болѣе глубокимъ и всестороннимъ, чѣмъ то, которое имъ даютъ обыкновенно. Кто привыкнетъ повсюду искать истины, тотъ и полюбитъ ее болѣе всего на свѣтѣ).

ГЛАВА XXX.

Исторія воображенія.

1. Воображеніе человѣка, какъ и память, и притомъ въ зависимости отъ нея, переживаетъ различные періоды, сообразные возрасту человѣка. Оно работаетъ только надъ матеріалами, которые доставляются ему памятью; но и въ свою очередь ввѣряетъ памяти плоды своихъ произведеній. Воображеніе въ этомъ отношеніи можетъ быть названо *движущеюся памятью*, которая, кромѣ того, и запоминаетъ нѣкоторыя изъ своихъ движеній.

2. Воображеніе начинаетъ развиваться въ дѣтяхъ, вѣроятно, очень рано, хотя мы въ первое время и не можемъ замѣтить его скрытой работы. Образы, надъ которыми работаетъ младенческое воображеніе, немногочисленны, но за то необыкновенно ярки, такъ-что дитя увлекается ими, какъ бы дѣйствительностью. Физической причины этого слѣдуетъ искать въ необыкновенной впечатлительности дѣтскаго мозга, а психи-

ческая причина—неуменье отличать действительность отъ созданій воображенія, такъ-какъ уменье это дается только опытомъ. Дѣти очень часто, по замѣчанію Бенеке, считаютъ свои сновидѣнія за дѣйствительность, требуютъ игрушки, которую они видѣли во снѣ и т. п. Незнаніе самыхъ обыкновенныхъ законовъ природы, съ которыми потомъ само собою познакомится дитя, заставляетъ его вѣрить самой нелѣпой сказкѣ; но за то вы напрасно пожелали бы удивить младенца какимъ-нибудь фокусомъ: для того, чтобы понять, напримѣръ, что въ исчезновеніи шарика есть фокусъ, надобно убѣжденіе въ невозможности исчезновенія вещи. Ребенокъ, можетъ быть, смѣется, смотря на фокусъ, но онъ доволенъ шарикомъ, движеніемъ рукъ, и вовсе не понимаетъ, что тутъ есть фокусъ. Вотъ почему, слушая какую-нибудь сказку, гдѣ совершаются самыя невозможныя чудеса, ребенокъ вовсе не удивляется этимъ чудесамъ, онъ прямо сочувствуетъ говорящимъ козламъ, принцу, превращающемуся въ муху, и вовсе не спрашиваетъ о томъ, какъ козлы могутъ говорить, или принцы превращаться въ мухъ: для ребенка не существуетъ невозможнаго, потому-что онъ не знаетъ, что возможно и что нѣтъ.

3. Слушаніе сказокъ уже на третьемъ году начинаетъ доставлять большое удовольствіе ребенку. «Удовольствіе, говоритъ г-жа Неккеръ-де-Соссюръ [1]), доставляемое дѣтямъ самыми простыми разсказами, зависитъ отъ живости представленій въ ихъ душѣ. Картины, вызываемыя разсказомъ въ дѣтской душѣ, можетъ быть, гораздо блестящѣе и радужнѣе дѣйствительныхъ предметовъ и сказка показываетъ ребенку волшебный фонарь. Не нужно большихъ усилій воображенія, чтобы занять дитя. Дайте въ вашемъ разсказѣ главную роль ребенку, присоедините сюда кошку, лошадку, нѣсколько подробностей, чтобы выходила картинка, разсказывайте съ одушевленіемъ и вашъ слушатель будетъ слушать васъ съ жадностью, доходящею до страсти. Встрѣчая васъ, ребенокъ всякій разъ заставитъ повторить вашъ разсказъ; но берегитесь что-нибудь измѣнить въ немъ». Дитя хочетъ видѣть тѣ же сцены и малѣйшее обстоятельство, вами опущенное или прибавленное, разсѣеваетъ въ немъ то заблужденіе, которое именно ребенку нравилось. Послѣднее происходитъ отъ того, что ребенокъ въ сказкѣ видитъ правду и хочетъ только правды; если же онъ замѣтитъ, какъ вы создаете или передѣлываете сказку, то она перестанетъ его интересовать: художественная правда еще недоступна ребенку. Вотъ почему дѣти любятъ больше сказки простыхъ людей, въ которыхъ обыкновенно не измѣняется ни одно слово.

4. «Многіе удивляются, говоритъ далѣе та же писательница, что самыя грубыя подражанія природѣ совершенно удовлетворяютъ дѣтей, и выводитъ изъ этого, что у дѣтей нѣтъ понятія объ искусствѣ, тогда-какъ слѣдовало бы удивляться могуществу дѣтскаго воображенія, которое дѣлаетъ для нихъ иллюзію возможною. Вылѣпите, какую угодно, фигуру изъ воску, лишь былъ бы какой-нибудь признакъ рукъ и ногъ,

[1]) Education progressive. T. I. p. 186.

и шарикъ или кружокъ сидѣли на мѣстѣ головы, и ваша работа будетъ совершеннымъ человѣкомъ въ глазахъ ребенка. Потеря одного изъ двухъ членовъ ничего не измѣнитъ въ любимцѣ, и онъ будетъ прекрасно исполнять всѣ роли, какія дастъ ему ребенокъ. Ребенокъ видитъ не дурную копію, но образъ, который сохраняется у него въ головѣ. Восковая фигура для ребенка только символъ, на которомъ онъ не останавливается» [1]).

Въ играхъ ребенка можно замѣтить еще и другую особенность: дѣти не любятъ игрушекъ неподвижныхъ, оконченныхъ, хорошо отдѣланныхъ, которыхъ они не могутъ измѣнить по своей фантазіи; ребенку нравится именно живое движеніе представленій въ его головѣ и онъ хочетъ, чтобы игрушки его хоть сколько-нибудь соотвѣтствовали ассоціаціямъ его воображенія. «Опрокинутый стулъ представляетъ для ребенка лодку или коляску: поставленный на ноги, онъ является лошадью или столомъ. Кусочекъ картона для него то домъ, то шкафъ, то экипажъ—все, что дитя хочетъ» [2]). Вотъ почему лучшая игрушка для дитяти та, которую онъ можетъ заставить измѣняться самымъ разнообразнымъ образомъ, и вотъ почему Жанъ-Поль-Рихтеръ говоритъ, что для маленькихъ дѣтей самая лушая игрушка—куча песку.

6. Игра для ребенка—не игра, а дѣйствительность. «Двухлѣтнее дитя моихъ знакомыхъ, говоритъ г-жа Неккеръ, проводитъ часть своего дня, разыгрывая роль кучера; лошадьми для дитяти служатъ два стула, запряженные ниточками; самъ онъ, сидя позади на третьемъ, съ возжами въ одной рукѣ и кнутикомъ въ другой, управляетъ своими мирными бѣгунами. Легкое покачиванье его тѣла показываетъ, что онъ видитъ, какъ бѣгутъ лошади; но если кто-нибудь остановится передъ стульями, то неподвижность предмета разочаровываетъ мальчика и онъ приходитъ въ отчаяніе, что помѣшали бѣжать его лошадкамъ» [3]). Дитя искренно привязывается къ своимъ игрушкамъ, любитъ ихъ нѣжно и горячо и любитъ въ нихъ не красоту ихъ, а тѣ картины воображенія, которыя само же къ нимъ привязало. Новая кукла, какъ бы она ни была хороша, никогда не сдѣлается сразу любимицей дѣвочки и она будетъ продолжать любить старую, хотя у той давно нѣтъ носа и лицо все вытерлось. Попробуйте поправить разбитую куклу и дѣвочка ее разлюбитъ, а часто даже броситъ съ негодованіемъ. «Въ одномъ госпиталѣ принуждены были отрѣзать ногу маленькой дѣвочкѣ; она вынесла операцію съ удивительнымъ мужествомъ и только прижимала къ себѣ свою куклу. Окончивъ операцію, хирургъ сказалъ, смѣясь: «вотъ я отрѣжу теперь ногу твоей куклѣ», и дитя, перенесшее жестокую операцію безъ малѣйшаго крика, залилось слезами» [4]).

[1]) Ibid. p. 187.
[2]) Ibid. p. 188.
[3]) Ibid. p. 189.
[4]) Ibid. p. 191.

7. Такая живость дѣтскаго воображенія и такая вѣра дитяти въ дѣйствительность его собственныхъ представленій показываетъ уже, какъ опасно играть дѣтскимъ воображеніемъ и дѣтскою безграничною довѣрчивостью. При раздражительности нервовъ дѣйствіемъ страха можно сдѣлать дѣтей безумными, тупыми или подверженными ужасамъ, которые составятъ несчастіе ихъ жизни. «Вліяніе ужаса на нравственность—безгранично: оно дѣлаетъ трусливымъ, притворщикомъ, иногда лживымъ, и дитя можетъ потеряться при малѣйшей опасности» [1]) Многіе писатели уже возставали противъ пуганья дѣтей домовыми, стучащими въ стѣну, волками, влѣзающими въ окошко, и т. п. Но и теперь, къ сожалѣнію, эти пуганья продолжаются, особенно со стороны нянюшекъ, которыя не находятъ лучшаго средства, чтобы заставить уняться дитя, раскричавшееся почью, или заставить его послушаться, когда оно упрямится. Стуча въ стѣну и говоря при этомъ, что «вотъ идетъ волкъ» съѣсть ребенка, няня, конечно, не понимаетъ, что дитя видитъ и этого волка и какъ онъ къ нему приближается. Что бы сдѣлалось съ самой няней, если бы она сама дѣйствительно увидѣла волка, а она должна знать, что ребенокъ вѣритъ ей вполнѣ? Разувѣрить ребенка въ томъ, во что онъ уже повѣрилъ, невозможно; потому-что тутъ дѣйствуетъ не вѣра, а живость представленія. При словѣ «волкъ», «старикъ съ мѣшкомъ», «домовой» — эти чудовища рисуются ребенку, подобно тому, какъ рисуются намъ во снѣ, и тутъ одно средство—развлечь дитя другими представленіями и избѣгать всякаго напоминанія о томъ, что напугало дитя. Если ребенокъ знаетъ даже, что его пугаютъ нарочно, то и это не мѣшаетъ ему испугаться: онъ знаетъ очень хорошо, что старшій братъ спрятался въ уголъ темной комнаты и хочетъ испугать его, но кричитъ и проситъ, чтобъ его не пугали. Такъ не вольно и такъ сильно потрясаются нервы дитяти.

8. Г-жа де-Соссюръ, описавшая такъ хорошо первыя проявленія воображенія въ дѣтскомъ возрастѣ, ошибается однако, называя дѣтей маленькими поэтами, а воображеніе ихъ сильнымъ, богатымъ, могучимъ. Такой взглядъ имѣютъ многіе на дѣтское воображеніе и думаютъ, что съ возрастомъ оно слабѣетъ, тускнѣетъ, теряетъ живость, богатство и разнообразіе. Но это большая ошибка, противорѣчащая всему ходу развитія человѣческой души. Воображеніе ребенка и бѣднѣе, и слабѣе, и однообразнѣе, чѣмъ у взрослаго человѣка, и не заключаетъ въ себѣ ничего поэтическаго, такъ-какъ эстетическое чувство развивается позднѣе другихъ; но дѣло въ томъ, что и слабенькое дѣтское воображеніе имѣетъ такую власть надъ слабой и еще неорганизовавшейся душой дитяти, какого не можетъ имѣть развитое воображеніе взрослаго человѣка надъ его развитой душой. Не воображеніе у дѣтей сильно; но душа слаба и власть ея надъ воображеніемъ ничтожна.

9. Въ исторіи памяти мы уже показали, какъ мало по малу изъ от-

---

[1]) Ibid. p. 192.

дѣльныхъ небольшихъ вереницъ представленій выплетаются все болѣе и болѣе обширныя сѣти, и какъ душа человѣка мало по малу приходитъ къ единству своего содержанія, никогда, впрочемъ, не достигая его вполнѣ [1]). Въ дѣтской же душѣ разорванность вереницъ представленій или, вѣрнѣе, совершенная отдѣльность ихъ, такъ-какъ онѣ и не были никогда сплетены вмѣстѣ, составляетъ самую характеристическую черту дѣтства. Вотъ почему въ ребенкѣ болѣе всего поражаетъ насъ быстрота перехода отъ одного порядка мыслей къ другому, и отъ однихъ чувствъ къ другимъ: отъ смѣха къ слезамъ и отъ слезъ къ смѣху, отъ гнѣва къ ласкѣ, отъ скуки къ веселью и отъ веселья къ скукѣ. Эта необыкновенная подвижность дѣтской души зависитъ именно отъ того, что въ ней, такъ сказать, еще мало собственнаго вѣсу; эта безпрестанная смѣна ея характеровъ объясняется именно тѣмъ, что въ ней не выработался еще *свой* характеръ.

10. Вереницы представленій у дитяти коротки, а потому и проходъ ихъ въ сознаніи совершается быстро: каждая изъ нихъ скоро отживаетъ свой вѣкъ. За этой короткой вереницей слѣдуетъ другая—такая же короткая и ничѣмъ съ прежнею не связанная. Ее втолкнетъ въ сознаніе какое нибудь внѣшнее впечатлѣніе: неожиданный стукъ, пролетѣвшая птица, собственное тѣлодвиженіе ребенка. Новая, также короткая вереница отживаетъ въ сознаніи свой вѣкъ также скоро, какъ и прежняя, и также неожиданно смѣняется новою, м. б. совершенно противоположною. Отсюда-то происходитъ та необыкновенная внимательность и та необыкновенная разсѣянность, которой мы часто удивляемся у дѣтей. Ребенокъ заигрался, замечтался и ничего не видитъ и не слышитъ; но вереница отжила свой недолгій вѣкъ и дитя внимательно ловитъ каждую мелочь, чтобы вновь увлечься ею. Движеніе дѣтскаго воображенія напоминаетъ прихотливое порханье бабочки, а уже никакъ не могучій полетъ орла: малѣйшее движеніе вѣтра, малѣйшій шелестъ листка, кажется, даже каждый солнечный лучъ можетъ измѣнить направленіе движеній бабочки и потому-то они идутъ такою ломаною линіею и кажутся такими случайными и прихотливыми.

11. Но если вереницы представленій, наполняющія дѣтскую память и движущіяся въ дѣтскомъ воображеніи, коротки, за то каждая изъ нихъ, въ недолгій періодъ своей жизни въ сознаніи, царствуетъ такъ полновластно, именно потому, что она отдѣльна: она не ведетъ за собою множество другихъ вереницъ, которыя могли бы напомнить ребенку дѣйствительность; она не вызываетъ у него идей возможности и невозможности и дѣйствуетъ на душу дитяти почти такъ, какъ дѣйствуютъ

---

[1]) Мечтательный Гербартъ, изучившій лучше другихъ психологовъ эту постепенную организацію представленій, думаетъ, что только въ загробной жизни душа оканчиваетъ эту организацію и, наконецъ, въ ней установляется полное равновѣсіе. Herbart's, Schriften zur Psychologie. 1850. Erst. Th. § 249. S. 172.

сновидѣнія на душу взрослаго. Представленія же наши въ сновидѣніяхъ ярки именно потому, что на нихъ сосредоточивается все наше вниманіе, неразвлекаемое внѣшними впечатлѣніями, и потому также, что мы не можемъ сравнивать степени ихъ яркости со степенью яркости дѣйствительныхъ созерцаній, передъ которыми они показались бы блѣдными, едва мелькающими очерками. Недостатокъ же внутренняго, уже образовавшагося интереса не даетъ ребенку возможности управлять своимъ воображеніемъ: ребенку все равно, куда бы его ни несла его прихотливая мечта, волнуемая разнообразіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, только бы эти мечты занимали его душу, уже по природѣ своей требующую безпрестанной дѣятельности. Только тогда, когда созрѣютъ въ душѣ внутренніе для нея интересы и когда выплетутся въ памяти обширныя сѣти изъ отдѣльныхъ вереницъ, душа, выражаясь метафорически, получаетъ собственный вѣсъ, становится тяжелѣе и не позволяетъ прихотливой мечтѣ уносить себя, куда попало.

12. Эту разорванность вереницъ представленій душа уничтожаетъ мало по малу въ своихъ безпрестанныхъ внутреннихъ работахъ: связываетъ одну, разрываетъ другую, сплетаетъ нѣсколько въ одну ассоціацію, изъ нѣсколькихъ сложныхъ ассоціацій дѣлаетъ еще болѣе обширную. Въ это же самое время, и отчасти тѣми же средствами, вырабатываются душевные интересы, постоянныя наклонности, и страсти, и душа, усиленная всею ихъ стремительностью, овладѣваетъ фантастической игрой пассивнаго воображенія. Эта *сковка* и *перековка* вереницъ представленій можетъ происходить подъ различными вліяніями: или подъ вліяніями дѣйствительности и дѣйствительныхъ событій жизни, или, при недостаткѣ ихъ, внутреннею, самостоятельною работою воображенія, образуя такъ называемый мечтательный характеръ, — или подъ вліяніемъ науки, или подъ вліяніемъ физическихъ потребностей, или подъ вліяніемъ быстро развивающихся страстей юности. Память человѣка сохраняетъ эти новыя образованія, будутъ ли они слѣдствіемъ вліяній дѣйствительнаго міра и науки или будутъ они произведеніемъ души, волнуемой страстью.

13. Чѣмъ болѣе сковываются между собою вереницы представленія, тѣмъ непрерывнѣе движется наша мечта, тѣмъ дольше проходятъ ряды ея и сѣти въ нашемъ сознаніи, и тѣмъ богаче наше воображеніе. Удивляясь богатству воображенія поэтовъ, мы готовы видѣть въ немъ природный даръ; но природнаго здѣсь только богатая, впечатлительная нервная организація, вѣрно сохраняющая слѣды впечатлѣній, и сильно требовательная душа, жаждущая безпрестанной дѣятельности — всѣ же сокровища воображенія, поражающія насъ своею роскошью, созданы уже этими двумя агентами въ ихъ безпрестанномъ и дѣятельномъ воздѣйствіи другъ на друга. Поэтъ или живописецъ щедро сыплетъ намъ роскошнѣйшія гирлянды цвѣтовъ, людей, ангеловъ, ландшафтовъ и пр.: Рафаель буквально засыпалъ ими стѣны и потолки Ватикана, а Байронъ— страницы своихъ поэмъ; но каждый цвѣтокъ въ этихъ гирляндахъ уже

вытканъ прежде, самые куски гирляндъ тоже были готовы и художникъ, руководимый своею идеею, только комбинируетъ эти, уже давно заготовленныя сокровища. Если чему должно удивляться въ этихъ натурахъ, то это именно силѣ и быстротѣ ихъ внутренней дѣятельности и силѣ памяти, сохранившей безчисленныя произведенія этой дѣятельности. О силѣ эстетическаго чувства мы здѣсь не говоримъ, хотя оно-то, конечно, и управляетъ работами какъ въ образованіи подробностей, такъ и въ комбинаціи этихъ подробностей въ великое цѣлое: вотъ почему оно и проникнуто тѣмъ, что мы называемъ поэзіею.

14. Изъ сказаннаго мы уже видимъ, какое важное значеніе и для нравственной стороны человѣка имѣютъ тѣ вліянія, подъ которыми работаетъ наше воображеніе, создавая новыя вереницы представленій и связывая прежнія. «Человѣческое воображеніе, говоритъ Ридъ, есть обширная сцена, на которой разыгрывается все въ человѣческой жизни: хорошее и дурное, великое и ничтожное, высокое и низкое. Въ дѣтяхъ воображеніе—игрушечная лавка, [1]) а въ тѣхъ, кто пользуется больше памятью, чѣмъ сужденіемъ—это лавка ветошника. У нѣкоторыхъ сцена воображенія занята темными предразсудками, съ ихъ свитою горгонъ, гидръ и химеръ; у другихъ играютъ на этой сценѣ демоны убійства и грабежа; здѣсь начинается все, что есть въ жизни дурнаго; но какъ счастливъ тотъ, въ чьей душѣ свѣтъ истиннаго знанія разгоняетъ фантомы воображенія, а ясность души охраняетъ воображеніе отъ всего грязнаго» [2]).

15. Въ этихъ словахъ Рида мы видимъ, что онъ не вполнѣ уяснилъ себѣ значеніе воображенія и приписываетъ ему то, что принадлежитъ уже исторіи сердечныхъ чувствъ. Мы видимъ, что душа поэта или романиста можетъ быть постоянно занята сценами убійствъ, грабежа и разврата, не дѣлая поэта ни злодѣемъ, ни развратникомъ. Но если въ душѣ не выработались высшіе интересы, которые позволяютъ ей безопасно обращаться съ такимъ грязнымъ матеріаломъ, то нѣтъ сомнѣнія, что характеръ этихъ вереницъ воображенія отразится и въ характерѣ того, въ чьей головѣ онѣ бродятъ. Наполните голову дитяти предразсудками и душа выплететъ изъ этого матеріала темный и трусливый характеръ; набейте его голову романами и очень вѣроятно, что выйдетъ романическій характеръ. Но это отношеніе воображенія къ нравственности можетъ быть уяснено только тогда, когда мы будемъ говорить о формаціи *сердечныхъ* чувствъ и желаній, которая имѣетъ свои особенности, хотя во многомъ и зависитъ отъ формаціи воображенія.

16. Если вы хотите узнать, какое направленіе принимаютъ работы

---

[1]) Но не каждый ли возрастъ, говоря словами поэта, «имѣетъ свои игрушки». Чѣмъ же старикъ, распоряжающійся, какъ должны нести его звѣзды за его гробомъ, благоразумнѣе дитяти, которое привязываетъ къ ножкѣ стола свою деревянную лошадку, чтобы она не убѣжала?

[2]) Read. Vol. I. p. 388.

дѣтскаго воображенія, то наблюдайте внимательно за играми ребенка. Мы хорошо познакомились бы съ душою взрослаго человѣка, если могли заглянуть въ нее свободно; но въ дѣятельности и словахъ взрослаго намъ приходится только угадывать его душу, и мы часто ошибаемся; тогда-какъ дитя въ своихъ играхъ обнаруживаетъ безъ притворства всю свою душевную жизнь. Вотъ почему не совершенно лишено основанія то мнѣніе, что игры ребенка, хотя отчасти и очень отчасти, предсказываютъ его будущее. Но это угадываніе будущаго въ дѣтскихъ играхъ имѣетъ еще большее основаніе, если принять вмѣстѣ съ Бенеке, что «дѣтскія игры могутъ сами быть причиною будущаго направленія или имѣть съ ними одинаковыя причины [1])». Для дитяти игра — дѣйствительность и дѣйствительность, гораздо болѣе интересная, чѣмъ та, которая его окружаетъ. Интереснѣе она для ребенка именно потому, что понятнѣе; а понятнѣе она ему потому, что отчасти есть его собственное созданіе. Въ игрѣ дитя живетъ и слѣды этой жизни глубже остаются въ немъ, чѣмъ слѣды дѣйствительной жизни, въ которую онъ не могъ еще войти по сложности ея явленій и интересовъ. Въ дѣйствительной жизни дитя не болѣе, какъ дитя; существо, не имѣющее еще никакой самостоятельности, слѣпо и беззаботно увлекаемое теченіемъ жизни; въ игрѣ же дитя—уже зрѣющій человѣкъ, пробуетъ свои силы и самостоятельно распоряжается своими же созданіями. Вотъ почему Бенеке совершенно справедливо замѣчаетъ, что «въ первомъ возрастѣ игра имѣетъ гораздо большее значеніе въ развитіи дитяти, чѣмъ ученье» [2]).

17. Но если дитя больше и дѣятельнѣе живетъ въ игрѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, то тѣмъ не менѣе, окружающая его дѣйствительность имѣетъ сильнѣйшее вліяніе на его игру: она даетъ для нея матеріалъ, гораздо разнообразнѣе и дѣйствительнѣе того, который предлагается игрушечною лавкою. Присмотритесь и прислушайтесь, какъ обращаются дѣвочки со своими куклами, мальчики со своими солдатиками и лошадками, и вы увидите въ фантазіяхъ ребенка отраженіе дѣйствительной, окружающей его жизни, — отраженіе, часто отрывочное, странное, подобное тому, какъ отражается комната въ граненомъ хрусталикѣ, но тѣмъ не менѣе поражающее вѣрностію своихъ подробностей. У одной дѣвочки кукла стряпаетъ, шьетъ, моетъ и гладитъ; у другой величается на диванѣ, принимаетъ гостей, спѣшитъ въ театръ или на раутъ; у третьей бьетъ людей, заводитъ копилку, считаетъ деньги. Намъ случалось видѣть мальчиковъ, у которыхъ пряничные человѣчки уже получали чины и брали взятки. Не думайте же, что все это пройдетъ безслѣдно съ періодомъ игры, исчезнетъ вмѣстѣ съ разбитыми куклами и разломанными барабанщиками: весьма вѣроятно, что изъ этого завяжутся ассоціаціи представленій и вереницы этихъ ассоціацій, которыя со временемъ, если какое-нибудь сильное, страстное направленіе чувства

[1]) Erzieh. u. Unter. B. I. S. 103.

[2]) Ibid. p. 101.

и мысли не разорветъ и не передѣлаетъ ихъ на новый ладъ, свяжутся въ одну обширную сѣть, которая опредѣлитъ характеръ и направленіе человѣка.

18. Въ играхъ общественныхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе многія дѣти, завязываются первыя ассоціаціи общественныхъ отношеній. Дитя, привыкшее командовать или подчиняться въ игрѣ, не легко отучается отъ этого направленія и въ дѣйствительной жизни. Насъ, русскихъ, упрекаютъ часто въ лѣности, въ страсти распоряжаться и ничего не дѣлать самимъ; но нѣтъ сомнѣнія, что на образованіе такой черты въ нашемъ характерѣ, рѣзко кидающейся въ глаза, особенно посреди иноземцевъ, имѣли большое вліяніе игры помѣщичьихъ дѣтей съ крѣпостными мальчиками и дѣвочками, которые, исполняя всѣ прихоти своего маленькаго барина, избавляли его отъ труда что-нибудь дѣлать самому.

19. Игра потому и игра, что она самостоятельна для ребенка; а потому всякое вмѣшательство взрослаго въ игру лишаетъ ее дѣйствительной, образовывающей силы. Взрослые могутъ имѣть только одно вліяніе на игру, не разрушая въ ней характера игры, а именно — доставленіемъ матеріала для построекъ, которыми уже самостоятельно займется самъ ребенокъ. Но не должно думать, что этотъ матеріалъ весь можно купить въ игрушечной лавкѣ. Вы купите для ребенка свѣтлый и красивый домъ, а онъ сдѣлаетъ изъ него тюрьму; вы накупите для него куколки крестьянъ и крестьянокъ, а онъ выстроитъ ихъ въ ряды солдатъ; вы купите для него хорошенькаго мальчика, а онъ станетъ его сѣчь: онъ будетъ передѣлывать и перестроивать купленныя вами игрушки не по ихъ значенію, а по тѣмъ элементамъ, которые будутъ вливаться въ него изъ окружающей жизни,—и вотъ объ этомъ-то матеріалѣ должны болѣе всего заботиться родители и воспитатели. Что касается до ученья, то оно только очень не скоро можетъ вложить и свои матеріалы въ работы дѣтскаго воображенія. Всѣ начатки ученья такъ сухи и бѣдны, что ребенокъ не въ состояніи съ ними ничего сдѣлать: только въ будущемъ они могутъ принести свои плоды и войти дѣйствительнымъ матеріаломъ въ самостоятельную жизнь человѣка. Впрочемъ, всѣ попытки воспитанія внести игрою, а еще лучше, дѣтскими работами, серьезный матеріалъ въ фантазію ребенка (самыя удачныя изъ этихъ попытокъ, конечно, принадлежатъ фребелевской системѣ) имѣютъ свою полную цѣну, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи.

20. Въ исторіи воображенія ни одинъ періодъ не имѣетъ такой важности, какъ періодъ юности. Въ юности отдѣльныя, болѣе или менѣе обширныя вереницы представленій сплетаются въ одну сѣть. Въ это время именно идетъ самая сильная передѣлка этихъ вереницъ, которыхъ уже накопилось столько, что душа, такъ сказать, занята ими. Мы считаемъ періодъ въ жизни человѣческой отъ 16 до 22—3 лѣтъ самымъ рѣшительнымъ. Здѣсь именно довершается періодъ образованія отдѣльныхъ вереницъ представленій, и если не всѣ онѣ, то значительная часть ихъ групируется въ одну сѣть, достаточно обширную, чтобы дать рѣшительный перевѣсъ тому или другому направленію въ образѣ мыслей человѣка и въ его характерѣ. Если какая нибудь возвышенная идея

или какая-нибудь благородная страсть руководили въ это время окончательною формировкою матеріала въ воображеніи, то многое еще может быть исправлено: многія ложныя или грязныя ассоціаціи дѣтства и отрочества будутъ отброшены, изъ многихъ, безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи, выплетется что-нибудь высокое и, въ концѣ концовъ, умное и благородное стремленіе возьметъ верхъ. Впослѣдствіи уже такая перестройка всего содержанія души гораздо затруднительнѣе, если и возможна. *Въ огнѣ, оживляющемъ юность, отливается характеръ человѣка.* Вотъ почему не слѣдуетъ ни тушить этого огня, ни бояться его, ни смотрѣть на него какъ на нѣчто опасное для общества, ни стѣснять его свободнаго горѣнія, а только заботиться о томъ, чтобы матеріалъ, который въ это время вливается въ душу юноши, былъ хорошаго качества.

21. Говорятъ, что въ старости воображеніе слабѣетъ,—и это справедливо въ томъ отношеніи, что къ этому періоду жизни душа уже настроитъ столько ассоціацій, что работаетъ въ нихъ и надъ ними, не нуждаясь въ новыхъ.

ГЛАВА XXXI.

Разсудочный процессъ.

1. Въ прежнихъ психологіяхъ подъ именемъ разсудка принимали особенную способность «образовывать понятія и соединять ихъ сообразно свойствамъ и отношеніямъ предметовъ, подвергнутыхъ нашему мышленію [1])».

[1]) Empyrische Psychologie, von Drobisch. S. 249. Мы беремъ изъ старыхъ опредѣленій разсудка наиболѣе ясное и простое, наиболѣе подходящее къ общему человѣческому самосознанію. У психологовъ же мы можемъ встрѣтить самыя странныя опредѣленія разсудка. Такъ, напр., Фрисъ, (впрочемъ, вслѣдъ за Кантомъ), чтобы отдѣлить разсудочный процессъ отъ процесса воображенія и воспоминанія, раздѣляетъ мышленіе на *верхнее* и *нижнее* теченіе мыслей (Obere und Untere Gedankenlauf), относя къ нижнему теченію мыслей дѣятельность памяти и воображенія (Antropol. Erst T. S. 49 и 50), а къ верхнему — «*произвольное*» теченіе мыслей, принадлежащее разсудку. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Милль, нѣтъ ничего непроизвольнѣе разсудка: какъ бы ни противно намъ было рѣшеніе разсудка, но оно стоитъ передъ нашими глазами. Бываютъ случаи, что намъ очень бы хотѣлось думать, что $2 \times 2 = 5$: но это оказывается совершенно невозможнымъ. На выборъ предметовъ для нашего разсужденія можетъ имѣть вліяніе нашъ произволъ, но не на заключеніе разсудка о выбранномъ предметѣ. Вообще понятія Фриса (да и его ли одного)? о разсудкѣ чрезвычайно смутны: онъ приписывалъ разсудку въ мышленіи — *убѣжденіе и самосознаніе*, въ чувствахъ—*вкусъ* и *совѣсть*, въ дѣйствіяхъ—*разумное рѣшеніе* (ib. s. 52). Но развѣ нашъ вкусъ и наша совѣсть не противорѣчатъ часто нашему разсудку? Мысль, что разсудокъ нашъ управляется съ тѣмъ, что доставляется

Этой особенной способности приписывали обыкновенно также дѣятельность сравнивающую, различающую и дѣлающую выводы изъ этихъ сравненій и различій. Новая же опытная психологія, сначала въ ученіи Гербарта, а потомъ еще рѣзче въ ученіи Бенеке, возстала не только противъ такого опредѣленія разсудка, но и вообще противъ признанія его за отдѣльную способность души. «Прежде перваго процесса абстракціи, говоритъ Бенеке: прежде перваго процесса отвлеченія, посредствомъ котораго образуются понятія, въ человѣческой душѣ не существуетъ никакой разсудочной формы, или другими словами, человѣкъ не имѣетъ еще разсудка [1])». Мы уже видѣли выше, какъ, по теоріи Бенеке, образуются въ душѣ слѣды представленій. Оставаясь вѣренъ своей теоріи, Бенеке признаетъ, что самые эти слѣды, накопляясь въ душѣ болѣе и болѣе, являются въ ней *силами* или *задатками*, изъ которыхъ сами собою образуются понятія; *понятія*, въ свою очередь, являются также задатками (Anlage), изъ которыхъ также сами собою образуются *сужденія*; изъ сужденій, по накопленіи сужденій однородныхъ, самостоятельно и сами собою, образуются *умозаключенія*. «Разсудокъ, говоритъ Бенеке, начинается у ребенка рано: какъ только наберется въ душѣ его достаточно представленій, чтобы они своими сходными признаками могли составить *понятія*. Накопившіяся *понятія* сами составляютъ уже *сужденія*, а изъ комбинаціи понятій возникаютъ *умозаключенія*. Изъ понятій же, сужденій и умозаключеній выплетаются ученыя системы [2])».

ему нашимъ воображеніемъ,—вѣрна; но какъ управляется? Понятно послѣ этого, что Фрисъ, какъ и многіе другіе психологи (основаніе ошибки Фриса см. у Канта: Kritik der Rein. Vern. § 15), какъ отчасти даже и Локкъ, видятъ въ разсудкѣ какое-то особое существо, которое можетъ быть укрѣпляемо дѣятельностью, какъ мускулъ, и можетъ получать привычки въ этой дѣятельности, о чемъ постоянно говоритъ Локкъ. (Locke's Works. Vol. I. p. 27, 39, 44, 52 и друг.). Но не должно забывать, что даже и мускулъ крѣпнетъ собственно не отъ дѣятельности: напротивъ, отъ дѣятельности мускулъ ослабѣваетъ, а крѣпнетъ онъ отъ той пищи, которую получаетъ. Чѣмъ же могла бы быть *привычка* въ отношеніи разсудка, внѣ идей, сохраняемыхъ памятью—это невозможно и представить. Привычка души, привычка разсудка, привычка воображенія — темныя, неразъясненныя пятна въ системѣ Локка.

[1]) Erziehungs und Unterrichtslehre von Beuecke. T. I. S. 125.

[2]) Lehrbuch der Psychologie. § 125. Мы вовсе не приписываемъ Бенеке оригинальную выработку такого взгляда на разсудокъ. Зародышъ этого воззрѣнія мы видимъ уже у Локка, который, напр. въ одномъ мѣстѣ, говоритъ: «Слѣдите за ребенкомъ съ его рожденія и наблюдайте перемѣны, производимыя въ немъ временемъ, и вы замѣтите, что душа его пробуждается по мѣрѣ того, какъ она черезъ посредство чувствъ обогащается идеями: чѣмъ болѣе она получаетъ матеріаловъ для мысли, тѣмъ болѣе думаетъ». (Of hum. Underst. Ch. I. § 23). Но Локкъ не остановился на этой мысли и не далъ

2. Чтобы оцѣнить всю противоположность этого взгляда прежнему, мы приведемъ мнѣніе Руссо о томъ, какъ формируется разсудокъ въ ребенкѣ. «Изъ всѣхъ человѣческихъ способностей», говоритъ онъ, вооружаясь противъ требованій Локка, чтобы съ дѣтьми разсуждали: «разсудокъ, который, такъ сказать, состоитъ изъ всѣхъ прочихъ способностей, развивается всѣхъ труднѣе и всѣхъ позднѣе, и его-то именно хотятъ употреблять, чтобы развивать первыя? Это значитъ начинать съ конца» [1]). «Самый опасный періодъ человѣческой жизни, говоритъ Руссо нѣсколько далѣе, это періодъ отъ рожденія до 12 лѣтъ: тутъ-то зарождаются ошибки и пороки, тогда-какъ нѣтъ еще орудія, которымъ можно было бы ихъ разрушать, а когда придетъ это орудіе (т. е. разсудокъ), корни зла уже слишкомъ глубоки и прошло время вырывать ихъ». Вотъ на какомъ основаніи Руссо говоритъ дальше: «первое воспитаніе должно быть чисто отрицательное: оно состоитъ не въ томъ, чтобы учить добродѣтели и истинѣ, но въ томъ, чтобы сохранить сердце отъ порока и умъ отъ ошибки. Еслибы вы могли ничего не дѣлать съ вашимъ воспитанникомъ и ничего не позволять съ нимъ дѣлать, еслибы вы могли довести его до 12 лѣтъ, здороваго и крѣпкаго, такъ чтобы онъ не умѣлъ отличить своей правой руки отъ лѣвой, то съ первыхъ же вашихъ уроковъ глаза его пониманія открылись бы разуму. Безъ предразсудковъ, безъ привычекъ, дитя не имѣло бы въ себѣ ничего, что могло бы противодѣйствовать вашимъ заботамъ. Въ вашихъ рукахъ вашъ воспитанникъ сдѣлался бы скоро мудрѣйшимъ изъ людей, и вы, начавъ тѣмъ, что ничего бы съ нимъ не дѣлали, сдѣлали бы изъ него чудо воспитанія» [2]). Это-то и заставило Руссо такъ затрудняться, куда бы помѣстить своего Эмиля; онъ хотѣлъ бы кажется спрятать его на луну; но за невозможностью—прячетъ въ глухую деревню, жителей которой *подкупаетъ* обманывать ребенка за одно съ воспитателемъ.

3. Воспитатель же, придерживающійся новой психологіи, могъ бы сказать Руссо, что изъ такого воспитанія не только не можетъ выйти какого-нибудь *чуда*, но не выйдетъ ничего, кромѣ звѣря, едва ли уже и способнаго къ воспитанію. Руссо забываетъ, что до 12-лѣтняго возраста онъ долженъ былъ бы по крайней мѣрѣ выучить Эмиля говорить, а вмѣстѣ съ языкомъ; сколько бы привычекъ, навыковъ, понятій, чувствъ вошло бы въ душу дитяти [3])? Къ такимъ противоположнымъ

ей должнаго значенія въ своей психологіи, какъ это показываютъ его постоянныя упоминанія о привычкахъ души. Если можно кому-нибудь въ особенности приписать разработку взгляда на разсудокъ, какъ на способность, создаваемую жизнью души, то это, конечно, Гербарту; Бенеке же только съ особенною ясностью выразилъ это воззрѣніе.

[1]) Emile, p. 70.

[2]) Ibid. p. 76.

[3]) Впрочемъ, Руссо отчасти самъ догадывается, что въ этихъ словахъ

воззрѣніямъ приводятъ два различные взгляда на разсудокъ и его образованіе въ человѣкѣ! Если разсудокъ есть особенная прирожденная человѣку способность, то она можетъ одинаково работать, къ чему бы ни была приложена, и развитіе разсудка возможно одинаково на всякомъ предметѣ, который только упражняетъ его силу. Разсудокъ, развитой, напримѣръ, на математикѣ, окажется развитымъ и въ приложеніи къ вопросамъ общественной или частной жизни, не имѣющимъ ничего общаго съ математикою; а разсудокъ, развитой, напримѣръ, филологіею, окажется развитымъ при изученія математики, исторіи или географіи [1]). Если же принять мнѣніе Бенеке, что разсудокъ есть только сумма образовавшихся въ душѣ понятій, сужденій и умозаключеній, то выводы будутъ совершенно противоположные, и разсудокъ, обогащенный математическими понятіями, можетъ оказаться совершенно бѣднымъ, т. е. слабымъ въ жизненныхъ вопросахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ математикою; точно также, какъ разсудокъ, развитой на филологіи, т. е. наполненный филологическими понятіями, сужденіями и умозаключеніями, можетъ оказаться чрезвычайно слабымъ и дѣтскимъ, даже тупымъ, въ области математики, исторіи и т. п.

Изъ этого уже видно, какъ важно для воспитателя и наставника

есть недоразумѣніе. Такъ въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «хотя память и разсудокъ двѣ способности совершенно различныя, но одна не развивается иначе, какъ вмѣстѣ съ другою» и тутъ же, въ противорѣчіе съ самимъ собою, прибавляетъ: «прежде возраста разсудка дитя воспринимаетъ не идеи, а только образы». «Я слишкомъ далекъ отъ того, говоритъ еще Руссо, чтобы думать, что дѣти не имѣютъ никакого разсудка; напротивъ, я вижу, что дѣти разсуждаютъ очень хорошо о томъ, что знаютъ и что относится къ ихъ настоящимъ и ощутительнымъ для нихъ интересамъ» (Emile p. 95). Въ примѣчаніи Руссо оправдывается недостаточностью языка, т. е. онъ бы хотѣлъ сдѣлать различіе между разсудкомъ дѣтей и разсудкомъ взрослыхъ; но намъ кажется, что это не недостатокъ языка, а неясность пониманія самого Руссо, о которомъ весьма справедливо сказала г-жа Неккеръ-де-Соссюръ, что онъ превосходный наблюдатель и плохой мыслитель. (L'education progressive. T. I. p. 121).

[1]) Такъ, Локкъ, согласно своей системѣ, требуетъ отъ воспитанія, чтобы оно не дѣлало воспитанника «совершенно ученымъ во всѣхъ наукахъ или въ одной изъ нихъ, но дало его уму ту свободу, то расположеніе и тѣ привычки, которыя сдѣлали бы его способнымъ достичь всякой ступени знанія, какая понадобится ему въ жизни» (Locke's Works. Vol. I. Cond. of the Underst. p. 53). Но новая психологія могла бы сказать Локку: нельзя дать уму никакихъ привычекъ, а можно дать только *знанія:* но слѣдуетъ давать такія знанія, которыя имѣли бы наиболѣе обширное приложеніе въ жизни и въ наукѣ. Здѣсь не только разница въ словахъ, но большая разница въ самой идеѣ, и эта разница необходимо должна отразиться и въ воспитательной практикѣ.

рѣшить, по возможности вѣрнѣе, психологическій вопросъ о томъ, что такое разсудочная дѣятельность, какими силами и какъ она совершается?

4. Въ обоихъ выставленныхъ нами воззрѣніяхъ на разсудокъ, не смотря на ихъ крайнюю противоположность, есть однако нѣчто общее, въ чемъ оба эти воззрѣнія согласны. Они согласны въ томъ, что предметами разсудочной дѣятельности являются:

1) образованіе понятій,

2) составленіе сужденій,

3) выводъ умозаключеній.

Если мы прибавимъ къ этому еще три сродныя же дѣятельности, обыкновенно приписываемыя разсудку:

4) постиженіе предметовъ и явленій,

5) постиженіе причинъ и законовъ явленій и

6) постройку системъ науки и практическихъ правилъ для жизни,— то, кажется, мы перечислимъ всѣ тѣ дѣятельности, которыя обыкновенно приписываются разсудку и разсудочному мышленію. Разберемъ же поочередно всѣ эти роды разсудочной дѣятельности и въ нихъ постараемся узнать характеръ дѣятеля.

ГЛАВА XXXII.

Образованіе понятій.

1. Слово понятіе принимается обыкновенно въ двухъ смыслахъ— *обширномъ* и *тѣсномъ*.

Въ обширномъ смыслѣ понятіемъ называютъ то, что Локкъ называетъ *идеей*, а именно все, о чемъ мы можемъ думать, что является предметомъ нашего мышленія: не непосредственнаго ощущенія, не созерцанія, а мышленія. Если я мыслю о моемъ братѣ, о какомъ-нибудь предметѣ, мнѣ знакомомъ, мною видѣнномъ, или о какомъ-нибудь извѣстномъ мнѣ фактѣ, то все это въ области мышленія является мнѣ уже въ формѣ понятій.

2. Въ смыслѣ болѣе тѣсномъ подъ именемъ понятія разумѣются тѣ, несуществующіе въ дѣйствительномъ мірѣ, но существующіе только въ моемъ мышленіи предметы, которые грамматически обозначаются *общими* или *нарицательными* именами. Эти общія имена принадлежатъ цѣлому роду существъ, качествъ и дѣйствій, въ отличіе отъ именъ собственныхъ, которыя мы усиливаемся привязать къ предметамъ, существующимъ *одиночно*. Легко замѣтить, что въ мірѣ внѣшнемъ нѣтъ ничего, что сколько-нибудь соотвѣтствовало бы нашимъ общимъ, нарицательныхъ именамъ: въ мірѣ все единично, и потому только и существуетъ, что оно единично: omne quod est, eo quod est, singulare est, замѣтилъ еще Боэцій, тогда-какъ въ языкѣ человѣческомъ, а слѣдовательно, и въ человѣческомъ мышленіи, все обще и даже единичныя представленія о единичныхъ предметахъ, которыя мы усиливаемся удержать въ ихъ единичности собственными именами, принимаютъ общій характеръ. Такъ,

напримѣръ, мы придаемъ человѣку собственное имя; но подъ этимъ именемъ есть множество людей; или желая ввести единичность въ языкѣ, мы говоримъ: *вотъ это* дерево, вотъ *эта именно* картина; но слова: *это, эта именно*, какъ замѣтилъ Гегель въ своей «Феноменологіи духа», оказываются самыми общими, которыя одинаково относятся ко всѣмъ возможнымъ предметамъ. Чтобы уединить предметъ совершенно, намъ остается только взять его въ руку, или указать на него пальцемъ, такъ-какъ языкъ нашъ не имѣетъ словъ для обозначенія единичныхъ предметовъ въ той единичности, въ какой они существуютъ въ мірѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что Ридъ сказалъ еще мало, говоря, что «большинство словъ въ языкѣ составляютъ имена общія, и въ большинствѣ книгъ нѣтъ ни одного слова, которое бы не было общимъ» [1]. Мы же думаемъ, что во всемъ человѣческомъ языкѣ нѣтъ и не можетъ быть другихъ *словъ*, кромѣ общихъ, представляющихъ собою понятія.

3. Эта-то противоположность между всѣмъ существующимъ во внѣшней природѣ и понятіемъ и дѣлаетъ понятіе труднымъ для пониманія явленіемъ. Въ мірѣ нѣтъ вообще треугольника, какъ и нѣтъ вообще животнаго, нѣтъ дерева, нѣтъ дома и т. д., а между тѣмъ понятія эти въ насъ существуютъ и замѣняютъ собою для нашего мышленія дѣйствительный міръ, весь состоящій изъ единичностей. На этомъ противорѣчіи понятій со всѣмъ существующимъ основанъ давній и безконечный споръ между реалистами, номиналистами и концепціоналистами. Не вдаваясь въ этотъ споръ, мы, по своему обыкновенію, постараемся подсмотрѣть въ самихъ себѣ душевный процессъ, посредствомъ котораго образуются въ насъ понятія.

4. Въ главахъ о памяти мы видѣли уже, что всякое внѣшнее *впечатлѣніе*, перешедшее въ опредѣленное *ощущеніе*, оставляетъ свой слѣдъ въ нашей нервной системѣ и въ нашей душѣ, а самое существованіе такихъ слѣдовъ объяснили мы возможностію нервныхъ привычекъ и душевныхъ идей. Тамъ же мы видѣли, какъ изъ этихъ слѣдовъ образуются небольшія отдѣльныя *ассоціаціи*, а потомъ изъ этихъ ассоціацій выплетаются цѣлые *ряды* и *сѣти* ассоціацій. Ассоціаціи слѣдовъ ощущеній, возникающія снова къ сознанію нашей души, назвали мы представленіями. Представленія наши одиночны и въ этомъ отношеніи соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ предметамъ, впечатлѣніемъ которыхъ они произведены; закрывши глаза, я вижу дѣйствительно розу, *которую* я только что разсматривалъ, розу индивидуальную,—какова она и въ дѣйствительности. Однакожъ, не слѣдуетъ забывать, что всякое представленіе внѣшняго для насъ, реальнаго предмета есть не болѣе, какъ ассоціація его атрибутовъ или признаковъ [2]). Чѣмъ же являются наши понятія относительно нашихъ представленій? Понятіе является соединеніемъ въ одну ассоціацію *одинаковыхъ* атрибутовъ, взятыхъ изъ многихъ единичныхъ представленій. Мы видимъ, напримѣръ,

[1]) Read. Vol. I. p. 389.

[2]) Тоже у Гербарта. Erst. T. S. 126.

различныхъ лошадей: вороныхъ, гнѣдыхъ, рыжихъ, большихъ, малыхъ, старыхъ, молодыхъ, хромыхъ и здоровыхъ,—составляемъ о каждой изъ нихъ единичное представленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ этихъ многихъ единичныхъ представленій образуется у насъ, мало по малу, *общее понятіе* лошади. Въ этой *лошади понятія* нѣтъ уже никакого особеннаго цвѣта, она ни стара, ни молода, ни велика, ни мала и т. д. Все наше понятіе о лошади составлено изъ *признаковъ, общихъ* всѣмъ лошадямъ, которыхъ мы видѣли и о которыхъ составились у насъ представленія, причемъ мы отбросили всѣ *особенные признаки* той или другой лошади. Какимъ же психо-физическимъ процессомъ произошло въ насъ это превращеніе многихъ *единичныхъ* представленій въ одно *общее* понятіе? Могъ ли произойти этотъ процессъ съ помощью тѣхъ психо-физическихъ силъ, какія мы уже видѣли, или для этого понадобилась новая сила—сила абстракцій, сила разсудка?

5. Мы видѣли также въ главахъ, посвященныхъ нами памяти, что, по свойству этой способности, слѣды въ ней, послѣ каждаго повторенія тѣхъ же ощущеній или послѣ каждаго новаго вызова слѣдовъ этихъ ощущеній въ область сознанія,—*углубляются*, т. е. залегаютъ въ памяти прочнѣе и вызываются изъ нея легче и вѣрнѣе. Отъ этого само собою происходитъ, что при многочисленныхъ нашихъ однородныхъ *представленіяхъ*, напр. различныхъ лошадей, *признаки общіе* всѣмъ этимъ лошадямъ (общіе атрибуты этихъ различныхъ представленій), повторяясь въ насъ всякій разъ, при всякомъ новомъ представленіи лошади, укореняются въ памяти тверже, чѣмъ признаки *особенные*, принадлежащіе только нѣкоторымъ, но не всѣмъ лошадямъ, повторяемые гораздо рѣже или не повторяемые вовсе. Понятно, что такимъ образомъ, по самому свойству нашей памяти, изъ *однихъ общихъ* признаковъ однородныхъ представленій должна возникнуть особая, сильная ассоціація признаковъ, въ сравненіи съ которою ассоціаціи частныхъ представленій будутъ гораздо слабѣе и, такъ сказать, стушевываются.

6. Но исчезаютъ ли совсѣмъ эти частные признаки единичныхъ представленій? Выходитъ ли понятіе изъ этого процесса совершенно чистымъ, свободнымъ отъ частныхъ, несущественныхъ признаковъ тѣхъ единичныхъ представленій, изъ которыхъ оно отложилось такимъ естественнымъ путемъ? Напротивъ, на всякомъ понятіи мы видимъ долго, до превращенія его въ слово и часто даже послѣ, слѣды его образованія: обрывки тѣхъ пеленокъ, изъ которыхъ вышло это новое, многообѣщающее дитя нашей психо-физической жизни. Легко замѣтить, что какъ-только захотимъ мы *представить* себѣ, сколько-нибудь живѣе, напр. понятіе о лошади, такъ оно и начинаетъ облекаться въ особенные индивидуальные признаки той или другой лошади изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли,—начинаетъ принимать опредѣленный цвѣтъ, опредѣленный ростъ и т. д. Мы не можемъ *представить* себѣ лошади вообще, хотя можемъ *мыслить* о ней. *Процессъ воображенія*, слѣдовательно, *совершается въ формѣ единичныхъ представленій, а процессъ мышленія въ формѣ понятій.*

7. Но такъ ли въ дѣйствительности, въ нашей дѣйствительной психической жизни различаются процессы воображенія и мышленія, которые мы такъ рѣзко различаемъ въ нашихъ логическихъ выводахъ? Въ дѣйствительности вовсе нѣтъ такого рѣзкаго различія между этими двумя процессами [1]). Въ сущности это одинъ и тотъ же, безпрестанно совершающійся въ насъ психо-физическій процессъ, на одномъ концѣ котораго мы видимъ *представленія* въ опредѣленныхъ формахъ и красахъ, или, лучше сказать, видимъ множество мелькающихъ представленій, а на другомъ—*понятіе* безъ опредѣленныхъ формъ и опредѣленныхъ красокъ. Эти мелькающія въ душѣ нашей представленія сбиваютъ другъ друга во всемъ, что въ нихъ есть различнаго, и оставляютъ въ душѣ нашей прочный слѣдъ только сходными своими признаками. Процессъ этотъ можетъ идти и назадъ и впередъ: иногда берутъ верхъ представленія, а иногда понятія, выдѣлившіяся изъ этихъ представленій: въ первомъ случаѣ мы *воображаемъ* и *мечтаемъ*, а во второмъ *думаемъ;* но можетъ быть никогда въ чистотѣ своей ни тотъ, ни другой процессъ не совершаются отдѣльно въ душѣ человѣка.

8. Такое отношеніе понятія къ представленіямъ, изъ которыхъ оно отложилось, побудило нѣкоторыхъ психологовъ вовсе отвергать существованіе понятій. «Мнѣ кажется, говоритъ Юмъ, что можно избѣжать многихъ нелѣпостей и противорѣчій, принявъ, что нѣтъ вовсе абстракцій въ нашихъ идеяхъ (идея у Юма тоже, что и у Локка, т. е. представленіе); но что всѣ общія идеи наши суть въ дѣйствительности только частныя, привязанныя къ общимъ терминамъ, которыя напоминаютъ намъ другія частныя идеи, сходныя при извѣстныхъ обстоятельствахъ съ тою, которую душа сознаетъ. Такъ, когда произносятъ слово *лошадь*, то мы непосредственно представляемъ себѣ идею чернаго или бѣлаго животнаго, опредѣленнаго роста и фигуры. Но такъ-какъ это названіе прилагается тоже къ животнымъ другихъ цвѣтовъ, размѣровъ и фигуры, то идеи ихъ, хотя и не присущія въ туже минуту воображенію, легко припоминаются и наше сужденіе и умозаключеніе совершается такъ, какъ будто эти идеи были бы дѣйствительно присущи. Если это допустить (какъ того требуетъ здравый разсудокъ), то изъ этого выйдетъ, что всѣ идеи количества, о которыхъ разсуждаютъ математики—тоже только частныя идеи, внушаемыя намъ чувствомъ и воображеніемъ» [2]). Однако же не трудно видѣть, что если бы Юмъ былъ правъ и мы дѣйствительно мыслили только представленіями, а не понятіями, то самыя понятія въ насъ не могли бы образоваться, а вслѣдствіе того не могъ бы образоваться и языкъ, слова котораго вызваны были потребностью выразить понятія, а не вызывали понятій. Принимая же теорію Юма, слѣдовало бы принять, что языкъ составленъ не

---

[1]) На отличіе *психическаго* понятія отъ *логическаго* указалъ также Гербартъ. Herbart's Schriften Erst. T. § 79.

[2]) Hume's Essais ed. 1757. p. 371. Locke's Works. Vol. I. p. 222.

людьми для выраженія понятій, а далъ людямъ и вызвалъ въ нихъ понятія, что конечно не имѣетъ смысла [1]). Кромѣ того мы очень часто, какъ справедливо замѣчаетъ Миль [2]), исправляемъ, пополняемъ или ограничиваемъ значеніе словъ, влагая въ нихъ точныя понятія, которыхъ они не имѣли или которыя они утратили; а если бы понятіе и слово были тождественны, то это явленіе было бы невозможно.

9. Любопытно отношеніе Джона Стюарта Миля къ этому вопросу. «Названіе класса, говоритъ онъ, вызываетъ въ насъ нѣкоторую идею, посредствомъ которой мы можемъ думать о цѣломъ классѣ, а не только объ индивидуальномъ членѣ его» [3]). Миль избѣгаетъ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ: что такое идея, говоря, что рѣшеніе этого вопроса не принадлежитъ логикѣ; но намъ кажется, что логика, только и занимающаяся что понятіями, должна бы ясно сознавать, чѣмъ она занимается. «Вѣрно только то, говоритъ Миль, что нѣкоторая идея или умственная концепція внушается намъ нарицательнымъ именемъ, слышимъ ли мы его или употребляемъ сами съ сознаніемъ его значенія и это,—что мы можемъ назвать, если намъ угодно, общею идеею—представляетъ въ нашей душѣ цѣлый классъ вещей, къ которому прилагается данное названіе. Думая или разсуждая о данномъ классѣ, мы дѣлаемъ это посредствомъ идеи. Свободная же власть, которую имѣетъ душа, обращать вниманіе только на часть того, что представляется ей въ данный моментъ и оставлять безъ вниманія другую часть, даетъ намъ возможность разсуждать и дѣлать наши умозаключенія относительно цѣлаго класса, не подвергая этихъ заключеній и разсужденій вліянію того, чего нѣтъ дѣйствительно въ нашей идеѣ или нашемъ образѣ (?), или по крайней мѣрѣ вліянію того, чего мы не считаемъ общимъ цѣлому классу» [4]). Правда, Миль не хочетъ метафизировать; но однакоже онъ принужденъ

[1]) На ту же мысль нашелъ новый филологъ г. Гейгеръ, книга котораго (Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft von Geiger. Stuttgart 1868) вышла послѣ перваго изданія нашего перваго тома. Мы встрѣтимся съ этой книгой г. Гейгера при изложеніи теоріи языка въ 3-мъ томѣ.

[2]) Mill's Logic. B. IV. Ch. II. § 2. Здѣсь Миль признаетъ, что языкъ есть орудіе, облегчающее мышленіе, но не условіе его. «Какъ искусственная память, говоритъ Миль въ другомъ мѣстѣ: языкъ дѣйствительно является орудіемъ мысли; но одно быть орудіемъ, а другое быть исключительнымъ предметомъ, надъ которымъ упражняется орудіе. Дѣйствительно, мы *по большей части* думаемъ посредствомъ именъ; но то, о чемъ мы думаемъ, суть вещи, называемыя этими именами, и не можетъ быть большей ошибки, какъ воображать, что мы можемъ мыслить одними именами,—или что мы можемъ заставить имена думать за насъ» (Mill's Logic. B. I. Ch. II. § 2. p. 200).

[3]) Mill's Logic. B. IV. Ch. II. § 1. примѣч.

[4]) Ibid. p. 190.

употребить слово *абстракція*, хотя и сваливаетъ объясненіе этого слова на метафизику. Что Миль не привязываетъ идеи, или по его выраженію, общей концепціи къ названію, это видно изъ слѣдующихъ словъ: «хотя наведеніе возможно безъ употребленія знаковъ (т. е. словъ), но безъ нихъ оно никогда не пошло бы выше самыхъ простыхъ случаевъ, составляющихъ, по всей вѣроятности, предѣлъ въ мышленіи животныхъ, которымъ не доступенъ условный языкъ» [1]). Но если признать несправедливымъ, что идея или понятіе тождественны слову и что безъ слова они ничто, то, отказавшись отъ мнѣнія Юма, нельзя пристать и къ тому мнѣнію, на которое намекаетъ Миль своимъ душевнымъ «образомъ». Мышленіе словами о значеніи словъ невозможно, но и мышленіе объ индивидуальныхъ образахъ тоже невозможно. Единичное представленіе не признается нашимъ умомъ и если бы кто-нибудь сказалъ, что лошадь есть существо бѣлое, то мы бы его поправили. Дѣло въ томъ, что надобно раздѣлять процессъ воображенія отъ процесса мышленія: въ воображеніи мы имѣемъ дѣло съ единичными представленіями, а въ мышленіи—съ понятіями или идеями. Мы дѣйствительно *представляемъ* себѣ всегда единичную лошадь; но въ тоже время сознаемъ, что это представленіе не совпадаетъ съ нашимъ понятіемъ лошади и когда хотимъ думать о лошади, то сокращаемъ признаки нашихъ представленій, отбрасывая несущественные. Такую же передѣлку представленій дѣлаемъ мы, конечно, сообразуясь *съ чѣмъ нибудь существующимъ въ нашей душѣ*, но не въ нашихъ представленіяхъ. и это-то *что-нибудь*, несоизмѣримое съ нашими представленіями, мы называемъ идеею, или понятіемъ, или абстракціею; но какъ бы мы его не называли, дѣло въ томъ, что оно въ насъ *есть*, что мы можемъ о немъ *мыслить*, но не можемъ его *представить*,—не можемъ *вообразить*, т. е. воплотить въ образъ, въ движенія нервовъ.

10. Есть еще одно различіе между воображеніемъ и мышленіемъ (на него мы намекнули выше), по которому мышленіе можно назвать *остановившимся воображеніемъ*. Въ процессѣ воображенія одно представленіе смѣняется другимъ: въ процессѣ мышленія нѣсколько представленій *одновременно* остаются въ ясномъ полѣ нашего сознанія, что и даетъ намъ возможность дѣлать сравненія, составлять понятія, сужденія, выводы и т. д. [2]). Легко видѣть, что безъ процесса воображенія процессъ мышленія невозможенъ; труднѣе подмѣтить, что безъ процесса мышленія невозможенъ процессъ воображенія, но тѣмъ не менѣе это такъ. Мы не можемъ воображать отдѣльныхъ признаковъ, и воображаемъ только *ассоціаціи* этихъ признаковъ или представленія, а чтобы составить ассоціацію признаковъ, мы должны были *подумать*, т. е. посредствомъ

[1]) Ibid. § 3. p. 207.

[2]) На это различіе, кажется, намекаетъ Аристотель, говоря, что воображеніе знаетъ только одно текущее представленіе, и не знаетъ другаго—сосѣдняго. (Arist. De Anima. Lb. C. III. c. 3. Uebers. von Weisse. S. 74.

сравненія и различенія сковать эти признаки въ одну ассоціацію или представленіе. Кромѣ того, когда мы мечтаемъ, то въ сознаніи нашемъ проходятъ не однѣ представленія, но и понятія, по которымъ мы подбираемъ представленія. Можетъ быть только въ состояніи полной галлюцинаціи проходятъ въ воображеніи однѣ представленія во всей своей реальной яркости, не тронутыя отвлеченіемъ: даже въ обыкновенныхъ сновидѣніяхъ мы не много *думаемъ*, точно также, какъ при отвлеченнѣйшихъ умствованіяхъ немного *мечтаемъ*. Но такъ-какъ самыя представленія наши скованы изъ отдѣльныхъ ощущеній посредствомъ мышленія, да и всякое опредѣленное ощущеніе есть уже плодъ сравненія двухъ или болѣе психо-физическихъ состояній нашихъ, то мы и можемъ сказать, что продукты мышленія дѣлаются матеріаломъ въ процессѣ воображенія, а воображеніе поставляетъ процессу мышленія матеріалъ, мышленіемъ же заготовленный.

11. Такимъ образомъ мы видимъ, что оба эти процесса безпрестанно въ насъ перемѣшиваются и безпрестанно переходятъ одинъ въ другой, такъ что мы рѣшительно не могли бы различить ихъ, закрѣпить процессъ мышленія, выдѣлить его изъ хаоса воображенія, *если бы не обладали даромъ слова* и *идеи*. Только въ *словѣ* и *идеѣ*, какъ мы увидимъ ниже, понятіе совершенно отвлекается отъ частныхъ признаковъ тѣхъ представленій, изъ которыхъ оно выдѣлилось, пріобрѣтаетъ произвольный признакъ, созданный духомъ, получаетъ *печать* духа и дѣлается полною его собственностью. Каждое слово для насъ есть тоже, что номеръ книги въ библіотекѣ; подъ этимъ номеромъ скрывается цѣлое твореніе, стоившее намъ продолжительнаго труда въ свое время. Библіотекарь, знающій только номера и заглавія библіотеки, знаетъ не много; но и человѣкъ, прочитавшій всѣ книги огромной библіотеки, но не знающій номеровъ и заглавій, безполезно потерялся бы въ ней. Слова, значеніе которыхъ мы понимаемъ, дѣлаютъ насъ обладателями громадной библіотеки нашей памяти: это произвольные значки, которые мы наложили на безчисленныя творенія, нами же выработанныя. Но мы имѣемъ способность не только наложить эти значки въ нашей памяти, но и сохранить, *какъ бы* въ геометрической точкѣ духа, самое содержаніе твореній, хранящихся въ библіотекѣ нашей памяти и записанныхъ въ ней подъ тѣмъ или другимъ номеромъ: эта *геометрическая точка* (конечно, это лишь сравненіе, и довольно грубое) называется *идеей*. Въ *идеяхъ* мы сохраняемъ содержаніе библіотеки нашей памяти; въ *словахъ* сохраняется каталогъ этой библіотеки [1]). И только это участіе духа въ процессѣ мышленія, посредствомъ *идеи* и *слова*, даетъ намъ возможность безконечно умножать богатство нашего разсудка и свободно распо-

[1]) Не должно забывать, что слово, какъ собраніе звуковъ и мускульныхъ движеній голосоваго органа, есть само по себѣ *представленіе*, когда мы его сознаемъ, и *ассоціація слѣдовъ* въ нервной системѣ, когда мы его не сознаемъ.

лагать этими богатствами, а эта возможность поставила нашъ разсудокъ такъ недосягаемо высоко надъ разсудкомъ животныхъ, не обладающихъ ни *словомъ*, ни *идеей*. Мы имѣемъ всѣ данные предполагать, что въ душѣ животныхъ процессъ мышленія, или разсудочный процессъ, и процессъ воображенія совершаются именно въ такомъ хаотическомъ движеніи, въ какомъ совершались бы въ насъ, если бы мы не обладали двумя могучими средствами, завершающими процессъ образованія понятій, т. е. *словомъ* и *идеею*.

12. Бенеке весьма справедливо замѣчаетъ, что процессъ отвлеченія, которымъ составляются понятія, весьма рѣдко достигаетъ въ насъ полнаго своего результата, что большая часть нашихъ понятій вовсе не чистыя понятія, а только полувыдѣленные аггрегаты болѣе или менѣе особенныхъ представленій [1]). Въ насъ есть какая-то неудержимая сила, побуждающая насъ *воплощать* наши понятія, т. е. *представлять* ихъ такъ, что при каждомъ нашемъ понятіи мелькаютъ какіе либо особенные признаки, обрывки тѣхъ представленій, изъ которыхъ оно отвлечено. Обыкновенно яснѣе выдаются признаки тѣхъ особенныхъ представленій, которыя, или по новости своей, или по силѣ своей, вкоренились прочнѣе въ нашей нервной системѣ; такъ, напр., при понятіи лошади, мелькаютъ признаки послѣдней лошади, которую мы видѣли, или той, которую мы особенно часто видѣли, или наконецъ той, которая почему бы то ни было произвела на насъ особенно сильное впечатлѣніе. Легко уже видѣть, что эти обрывки представленій, привязывающіеся къ понятіямъ, какъ обрывки тѣхъ пеленокъ, изъ которыхъ оно вышло, могутъ значительно затруднять правильность мышленія и портить его продуктъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ обыкновенно, что *воображеніе мѣшаетъ разсудочному процессу;* но мы видѣли также, что разсудочный процессъ безъ воображенія невозможенъ. Вотъ почему можетъ быть и Гегель опредѣлилъ понятіе только, какъ *стремленіе* духа уловить общее въ безчисленныхъ признакахъ предметовъ, и, по своему обыкновенію, обратясь къ этимологіи, показалъ, что самое слово Begriff (понятіе) происходитъ отъ глагола begreifen (ergreifen), т. е. ловить. Замѣчательно, что и на нашемъ языкѣ слово *понятіе* и слово *понимать* имѣютъ общій корень съ глаголомъ *поймать*, такъ что понятіе можно передать словомъ *уловленіе*, т. е., процессъ улавливанія общихъ признаковъ, мелькающихъ въ массѣ единичныхъ представленій: это неоконченный процессъ, безпрестанно совершающійся и никогда не завершающійся вполнѣ до тѣхъ поръ, пока это ловимое нами понятіе по формѣ не превратится въ слово, а содержаніе его не выразится въ духѣ нашемъ идеею [2]).

13. У дѣтей эти мелькающіе обрывки представленій, при сознаваніи

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie von Benecke § 129. S. 89. Anmerk. 2.

[2]) Но не одно слово *понятіе* заставляетъ удивляться глубокому философскому и психическому такту народа; таковы же напр. слова: память, воображеніе, законъ, животное, растеніе, разсудокъ и мн. др.

понятій, бываютъ ярче и многочисленнѣе, чѣмъ у взрослыхъ, болѣе привыкшихъ обращаться съ отвлеченными понятіями, и на эту особенность дѣтскаго мышленія долженъ обращать вниманіе педагогъ, какъ мы это увидимъ ниже. У людей съ сильнымъ и притомъ распущеннымъ воображеніемъ понятія почти утопаютъ въ этихъ яркихъ обрывкахъ представленій; но и у самыхъ холодныхъ людей, привыкшихъ работать разсудкомъ, понятія не являются въ своемъ чистомъ видѣ, и если бы человѣкъ не обладалъ способностью идей и слова, то его процессъ мышленія остался бы на той же ступени, на которой онъ находится и у животныхъ [1]). Но такъ какъ даръ *слова* и даръ *идеи* (означимъ ихъ покуда хотя подъ этимъ именемъ) идутъ изъ другаго источника, а именно—*духа человѣческаго*, изъ тѣхъ особенностей, которыми человѣкъ отличается отъ всего существующаго (а мы покудова говоримъ здѣсь только о животной душѣ, о тѣхъ способностяхъ и душевныхъ процессахъ, которые общи и душѣ человѣка, и душѣ животнаго, то и не будемъ, *сколько возможно* [2]), вдаваться преждевременно въ тѣ чисто человѣческія особенности, которыя въ душѣ человѣка вносятъ сильнѣйшее измѣненіе во весь разсудочный процессъ, общій въ своихъ основахъ и человѣку, и животному.

14. Многіе философы и психологи отличали человѣка отъ животныхъ именно тѣмъ, что человѣкъ можетъ образовывать понятія, а животное нѣтъ, и это мнѣніе справедливо, если къ процессу образованія понятій присоединяютъ *слово* и *идею*, какъ завершеніе этого процесса въ человѣкѣ. Но если брать этотъ процессъ въ его отдѣльности, какъ мы его изложили здѣсь, то нельзя сомнѣваться, что онъ совершается и у животныхъ.

15. Мы видимъ, что въ разсудочномъ процессѣ, какъ мы его изложили, нѣтъ никакихъ новыхъ агентовъ, а все тѣ же, съ которыми мы уже ознакомились выше: сознаніе, какъ способность различать, а слѣдовательно и сравнивать ощущенія, способность механической памяти усвоивать слѣды опредѣленныхъ ощущеній; способность этихъ слѣдовъ и ихъ ассоціацій возникать вновь въ сознаніи, въ формѣ представленій; передвиженіе этихъ представленій въ области сознанія и временное замедле-

---

[1]) «Языкъ, говоритъ Эйлеръ, также необходимъ, чтобы развивать и преслѣдовать свои мысли, какъ и для того, чтобы сообщать ихъ другимъ (Eul. T. II. L. XXXII p. 339).

[2]) Сколько возможно, говоримъ мы, потому что, говоря о разсудочномъ процессѣ, какъ онъ совершается въ человѣкѣ, невозможно вовсе не говорить о *словѣ* и объ *идеѣ*. Всякій душевный процессъ въ человѣкѣ, какъ мы уже неоднократно замѣчали, представляетъ результатъ всѣхъ его особенностей и тѣлесныхъ, и душевныхъ, и духовныхъ; но необходимость ясности въ анализѣ заставляетъ насъ говорить сначала *преимущественно* о первыхъ, потомъ о вторыхъ и, наконецъ, о третьихъ, хотя мы не можемъ въ тоже время не забѣгать впередъ и не принимать какъ бы за извѣстное то, что вполнѣ раскроется только впослѣдствіи.

ніе или временная остановка этого передвиженія,—вотъ всѣ тѣ агенты и процессы, изъ которыхъ состоитъ такъ называемый разсудочный процессъ. Изъ этого уже видно, что этотъ процессъ очень сложенъ и мы никакъ не согласны признать его вмѣстѣ съ Дробишемъ за самый простой [1]): напротивъ, это самый сложный психо-физическій процессъ, составляющійся изъ одновременнаго дѣйствія нѣсколькихъ психо-физическихъ агентовъ, и въ которомъ соединяются нѣсколько психо-физическихъ актовъ. Въ разсудочномъ процессѣ мы —

1) сознаемъ разомъ нѣсколько различныхъ ощущеній, понятій, представленій, сужденій, и т. д.,

2) сознаемъ ихъ сходство,

3) сознаемъ ихъ различіе,

4) сознаемъ ихъ отношенія въ этихъ сходствахъ и различіяхъ, и

5) соединяемъ въ одинъ выводъ, не уничтожая различія.

Кромѣ того въ этомъ процессѣ, какъ мы увидимъ ниже, принимаютъ дѣятельное участіе состоянія нашей нервной системы и наши сердечныя чувства. Болѣе сложнаго психо-физическаго акта мы не знаемъ: это вѣнецъ, до котораго достигаетъ животная природа, послѣдняя ступень развитія этой природы и первая, на которую опирается духовная природа человѣка.

16. Однако, какъ ни сложенъ этотъ процессъ, но главный характеристическій дѣятель въ немъ одинъ, и этотъ дѣятель не есть что-нибудь новое, для чего нужно было бы особенное названіе *разсудка*, но знакомое уже намъ *сознаніе*.

Читатель нашъ уже знакомъ съ этою мыслью, потому-что она начала высказываться нами уже давно; но мы считаемъ необходимымъ высказать ее здѣсь вполнѣ, чтобы потомъ уже не возвращаться къ ней и пользоваться ею, какъ доказанною. Всякая новая мысль не можетъ быть высказана сразу вся, особенно, если она вытекаетъ изъ сложныхъ и разнообразныхъ наблюденій, принадлежащихъ къ различнымъ областямъ знанія. Мысль эта уже высказана отчасти Бэномъ, но только онъ не придаетъ ей всего того значенія, которое она должна имѣть, и не выводитъ изъ нея всѣхъ тѣхъ важныхъ послѣдствій, которыя изъ нея вытекаютъ сами собой.

17. Новая физіологія, особенно со времени наблюденій Вебера надъ осязаніемъ, приходитъ къ заключенію, по крайней мѣрѣ для тѣхъ чувствъ, дѣятельность которыхъ наиболѣе уяснена, что ощущеніе есть сознаніе колебанія въ нашей нервной системѣ, сознаніе разницы въ двухъ ея различныхъ состояніяхъ. Слѣдовательно, всякое опредѣленное ощущеніе есть уже результатъ *сравненія*, а сравненіе, какъ извѣстно, есть основная отличительная дѣятельность разсудка. На этомъ основаніи мы признали уже выше, что уже при образованіи первыхъ ощущеній работаетъ

[1]) Empyrische Psychologie. S. 160.

разсудокъ. Точно также работаетъ онъ при образованіи *слѣда* [1]). Слѣдъ не можетъ быть образованъ безъ участія разсудка, такъ-какъ слѣдъ есть результатъ сравненія, иначе мы не могли бы узнать въ немъ слѣда опредѣленнаго ощущенія. Я припоминаю красный цвѣтъ только потому, что могу его *отличить* отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ, *узнать* его между другими цвѣтами. Безъ участія разсудка не можетъ быть сдѣлана ни одна *ассоціація* слѣдовъ, такъ-какъ всякая ассоціація дѣлается только по сходству или различію слѣдовъ,—слѣдовательно есть плодъ *сравненія и различенія*, а способность сравнивать и различать приписывается разсудку. Изъ этого уже видно, что *представленіе* — эта ассоціація ассоціацій слѣдовъ, — есть плодъ дѣятельности разсудка. Ничего новаго не находимъ мы и въ образованіи *понятій:* здѣсь продолжается таже работа разсудка, начатая имъ съ простаго первоначальнаго ощущенія и съ простаго основнаго *слѣда;* понятіе есть тоже не болѣе, какъ плодъ сравненія многихъ представленій.

18. При этомъ объясненіи, какъ мы показали выше [2]), остается только трудность объяснить появленіе *перваго* ощущенія; но какъ только произошло первое ощущеніе, какъ только оно оставило *слѣдъ* свой въ памяти, такъ и появляется возможность безконечной *цѣпи сравненій*, такъ и начинается процессъ, порождающій безпрестанно новыя ощущенія, болѣе и болѣе опредѣляющіеся, новые *слѣды* ощущеній, новыя ассоціаціи слѣдовъ, новыя *представленія* и наконецъ новыя *понятія*, словомъ, начинается *жизнь сознанія*.

19. Что же такое разсудокъ въ этомъ процессѣ, въ этой жизни сознанія? Явленіе ли, сопровождающее сознаніе, одна ли изъ способностей сознанія? Не трудно видѣть, что другой способности сознанія и нѣтъ, и что если вся способность разсудка состоитъ только въ различеніи и сравненіи различныхъ состояній въ нервной системѣ, отражающихся различными состояніями въ душѣ, то—*разсудокъ и сознаніе одно и тоже*.

Что сознаніе есть только процессъ различенія и сравненія — это мы уже доказали; но что *разсудокъ есть тоже только процессъ различенія и сравненія*,—этого мы еще не доказали вполнѣ. Мы доказали это только для ощущеній и ихъ слѣдовъ, для ассоціацій слѣдовъ и представленій, доказали наконецъ для *понятій*; но намъ остается еще доказать это для тѣхъ дѣятельностей, приписываемыхъ обыкновенно разсудку, которыя называютъ *сужденіями*, *умозаключеніями*, постиженіемъ предметовъ и ихъ отношеній, постиженіемъ законовъ явленій, уче-

[1]) Здѣсь видна ошибка Бенеке, когда онъ говоритъ: «Дитя въ первое время своей жизни ничего не понимаетъ» (Erz. und Unter. § 6. S. 27). Дитя чувствуетъ, т. е. сравниваетъ и различаетъ, слѣдовательно, понимаетъ. Предѣла, когда начинаютъ образовываться *понятія*, положить нельзя: образованіе ихъ начинается съ первой дѣятельностью сознанія, а не оканчивается вполнѣ и во всю жизнь.

[2]) См. гл. XXI, п. 11.

ными системами или наукою, и наконецъ правилами житейской дѣятельности.

Эти то доказательства и составятъ предметъ слѣдующихъ главъ, а теперь мы позволимъ себѣ маленькое отступленіе въ пользу царства животныхъ. Это отступленіе уяснитъ намъ еще больше мысль, которую мы хотѣли здѣсь провести.

20. Если мы только признаемъ, что у животныхъ есть сознаніе, т. е. способность получать опредѣленныя (т. е. различаемыя, а слѣдовательно и сравниваемыя) ощущенія, есть память, т. е. способность сохранять и возстановлять, а слѣдовательно и различать (а слѣдовательно и сравнивать) слѣды этихъ ощущеній; если мы признаемъ (а этого невозможно отрицать), что у животныхъ есть воображеніе, т. е. что слѣды представленій, возникая въ ихъ сознаніи передвигаются тамъ съ большею или меньшею быстротою, то замедляясь, то на время останавливаясь,—то не можемъ не признать, что въ сознаніи животныхъ могутъ образовываться и понятія, только не могутъ они превращаться въ идеи и облекаться въ слова. Опытъ подтверждаетъ этотъ психологическій выводъ. Не трудно убѣдиться, что животныя руководятся въ своей дѣятельности не единичными представленіями, но понятіями, болѣе или менѣе ясными, вообще о той или другой породѣ животныхъ, вообще о пищѣ и т. п. И по прежнему понятію о разсудкѣ, какъ отдѣльной способности сравнивать, различать и дѣлать выводы изъ этихъ сравненій и различій, мы не можемъ отказать животному въ разсудкѣ. Собака, преслѣдуя лисицу, изъ многихъ дорогъ выбираетъ кратчайшую или удобнѣйшую: слѣдовательно, она различаетъ, сравниваетъ и дѣлаетъ правильное умозаключеніе. Но дѣйствія животныхъ по *разсудку* слѣдуетъ строго отличать отъ дѣйствій по *инстинкту*. Для этого различенія весьма пригоденъ пріемъ, употребленный Фортлаге для доказательства присутствія сознанія, а именно — нерѣшительность, колебаніе, раздумье, ошибки, опытъ и поправки. Дѣйствуя по инстинкту, животное не колеблется, не раздумываетъ и не ошибается, какъ не колеблется и не ошибается сама безчувственная природа въ своей дѣятельности. Дѣйствуя по разсудку, животное ошибается, недоумѣваетъ, дѣлаетъ опыты и поправляется. Чѣмъ ближе животное къ человѣку по своей нервной организаціи, тѣмъ болѣе у него проявляется разсудочной дѣятельности и тѣмъ менѣе инстинктивной, и на оборотъ, чѣмъ менѣе развита нервная система животнаго, тѣмъ болѣе замѣчаемъ въ его дѣятельностяхъ инстинкта и тѣмъ менѣе разсудка. Вотъ почему самыя удивительныя произведенія животныхъ принадлежатъ именно животнымъ низшихъ породъ, у которыхъ едва замѣчаются только кое-какіе признаки нервной системы. (Кто не удивлялся устройству сотовъ, паутины, коралловымъ островамъ, постройкамъ муравьевъ и т. п.?). Но и этимъ маленькимъ животнымъ нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ разсудка, такъ-какъ наблюденія показываютъ, что и они могутъ, какъ то прекрасно доказалъ Дарвинъ, дѣлать опыты и примѣроваться къ обстоятельствамъ; только эти опыты дѣлаются

чрезвычайно медленно, можетъ быть въ тысячахъ поколѣній, микроскопическими дозами, пока наконецъ изъ нихъ наслѣдственно образуется новая привычка и войдетъ въ составъ наслѣдственнаго инстинкта животныхъ, измѣнивъ его сообразно новымъ обстоятельствамъ, новому климату, новой почвѣ, новому матеріалу для работъ, и т. п. Наука ожидаетъ отъ Дарвина подробнаго развитія этого процесса измѣненій инстинкта животныхъ [1]).

Въ породахъ же высшихъ животныхъ разсудочныя дѣйствія преобладаютъ надъ инстинктивными: въ дѣйствіяхъ слона,, напр. не менѣе, если не болѣе, разсудочности, чѣмъ въ дѣйствіяхъ новозеландскаго дикаря [2]). Только слово и идея—эти *дары духа* развили разсудокъ человѣка до такой степени, на которой онъ кажется, съ перваго взгляда, неимѣющимъ ничего общаго съ разсудкомъ животнаго.

ГЛАВА XXXIII.

Образованіе сужденій и умозаключеній.

1. Въ простомъ сужденіи Бенеке совершенно справедливо видитъ только соединеніе понятія съ единичнымъ представленіемъ. Такъ, напримѣръ, говоря: *это* (то, что я вижу, или то, что я видѣлъ, а теперь себѣ представляю) *есть дерево; это коршунъ* и т. п., я только соединяю представленіе съ понятіемъ, въ которое оно входитъ; но понятіе, въ свою очередь, содержится въ представленіи, такъ-какъ въ каждомъ *единичномъ деревѣ* находятся всѣ признаки *дерева вообще*, да кромѣ того есть еще особенные признаки, принадлежащіе только этой *породѣ* деревьевъ, этому *виду*, этой *семьѣ* и, наконецъ, этой *особи* [3]). Эту связь яснѣе можно, кажется, выразить такъ: въ сужденіи представленіе *связывается* съ понятіемъ своими *общими* признаками, исчерпываю-

---

[1]) «Въ душѣ животныхъ не образуется разсудокъ», говоритъ Бенеке (Erz. und Unter. § 30, S. 126) и основываетъ это на несовершенствѣ *первичныхъ силъ* животнаго. Но это противорѣчитъ факту: у животныхъ внѣшнія чувства часто сильнѣе, чѣмъ у человѣка; память часто тоже замѣчательная. На это указалъ и Миллеръ (Man. de Phys. T. II. p. 495). «Причинъ способности отвлеченія, говоритъ онъ, вовсе не должно искать въ ясности или темнотѣ впечатлѣній, ибо въ этомъ нѣтъ различія между человѣкомъ и животнымъ». Въ способности же «отвлекать общія идеи изъ частныхъ явленій» Миллеръ видитъ главное отличіе человѣка отъ животнаго. Но это тоже не *совсѣмъ* справедливо, какъ мы видимъ: у животнаго формируются *понятія*, но они не превращаются въ *идеи*; процессъ абстракціи начинается, но не оканчивается. (Man. de Phys. T. II. p. 509).

[2]) Брэмъ. Жизнь животныхъ. Петерб. 1866. т. I. Общій обзоръ жизни животнаго царства, стр. II.

[3]) Lehrbuch der Psychologie § 124.

щими все содержаніе понятія, и въ тоже время *отдѣляется* отъ него своими *особенными*, ему только принадлежащими признаками. Липа, напримѣръ, имѣя всѣ общіе признаки дерева, имѣетъ, кромѣ того, свои особенные признаки. Сознаніе *разомъ* отражаетъ въ одномъ *сужденіи* это соединеніе и различеніе, а языкъ выражаетъ ихъ въ формѣ, которую мы называемъ *предложеніемъ*. Такимъ образомъ, и въ этой формѣ разсудочной дѣятельности мы не находимъ ничего, чтобы превышало средства сознанія. И въ сужденіи сознаніе только сравниваетъ и различаетъ: соединяетъ, не сливая, и различаетъ, не разрывая. Для этой дѣятельности не нужно никакой особенной способности—*для нея довольно сознанія*.

2. Но если сужденіе есть сознательное соединеніе (но не сліяніе) понятія съ особеннымъ представленіемъ, или одного понятія съ другимъ понятіемъ, входящимъ въ первое въ роли единичнаго представленія (такъ напр. *это* [1]) липа, липа — дерево; дерево — растеніе; растеніе — организмъ); то съ другой стороны всякое понятіе, какъ справедливо замѣтилъ Дробишъ, есть «дитя сужденія», составлено нами посредствомъ соединенія нѣсколькихъ сужденій, а иногда такого множества ихъ, что и перечислить трудно; такъ, напримѣръ, въ понятіи *человѣкъ* соединилось такъ много сужденій, что для изложенія ихъ, для того, чтобы исчерпать содержаніе этого понятія, потребовались бы цѣлые томы. Спрашивается однако, если въ сужденіи предполагается уже понятіе, а каждому понятію необходимо предшествуетъ сужденіе, то что же произошло прежде, понятіе или сужденіе? Такимъ вопросомъ задается англійскій психологъ Ридъ и говоритъ, что его рѣшить также невозможно, какъ и тотъ знаменитый вопросъ: вышло ли первое яйцо изъ курицы или первая курица изъ яйца, и прибавляетъ, что начало каждаго сужденія также скрыто отъ насъ, какъ источники Нила [2]).

Но мы видѣли, что сознаніе и при воспріятіи перваго опредѣленнаго ощущенія уже сравниваетъ и различаетъ, и вопросъ Рида принимаетъ для насъ другую форму: какъ родилось у насъ первое опредѣленное ощущеніе, когда для того, чтобы оно родилось, нужно уже сравненіе, а для того, чтобы возможно было сравненіе, нужно уже ощущеніе? Мы уже выше указали на этотъ вопросъ, какъ и на то, что въ психологіи нѣтъ на него отвѣта [3]).

---

[1]) Въ сужденіяхъ, выраженныхъ словами, мы обыкновенно соединяемъ подчиненное понятіе съ главнымъ; для особей у насъ нѣтъ словъ, а есть только указательныя мѣстоимѣнія, которыя, въ свою очередь, представляютъ самое общее въ человѣческомъ языкѣ: сказать «вотъ это дерево», почти тоже, что указать на дерево пальцемъ; но указать пальцемъ можно одинаково на все.

[2]) Read. p. 322.

[3]) Смотри выше, гл. XXI.

3. «Въ сужденіи, замѣчаетъ Бенеке, особенное представленіе становится яснѣе черезъ соединеніе съ понятіемъ, а понятіе въ свою очередь освѣжается черезъ присоединеніе къ нему особеннаго представленія» [1]). Замѣтка эта очень вѣрна; но къ ней слѣдуетъ прибавить, что представленіе наше становится яснѣе въ томъ только случаѣ, когда мы поняли особенности даннаго представленія, выдвигающія его изъ понятія и мѣшающія ему слиться съ понятіемъ, отъ чего собственно и происходитъ сужденіе. Если же этого нѣтъ, то сужденіе есть не болѣе, какъ *словесный* актъ, ничего не прибавляющій къ содержанію разсудка, и можетъ потому имѣть значеніе только грамматическаго примѣра. Это уже не сужденіе, а *пустая форма сужденія*.

4. Въ простомъ сужденіи особенное представленіе является подлежащимъ, а понятіе сказуемымъ. (Иванъ—человѣкъ, лошадь — млекопитающее животное и т. п.). Такое сужденіе называется *простымъ* или *аналитическимъ*; но легко видѣть, что къ тому же роду относятся и тѣ сужденія, въ которыхъ мы приписываемъ какой-нибудь признакъ предмету, только тутъ особенный признакъ играетъ роль особеннаго представленія: напр. у коровы раздвоенныя копыта. Здѣсь особый признакъ или вводится въ понятіе, *еще не готовое*, или выводится изъ него, если понятіе *уже готово*. Простыя *сужденія* выражаются и простыми *предложеніями*. Предложеніе, имѣющее смыслъ, есть только словесная форма сужденія и болѣе ничего; въ предложеніи только выражается, въ формѣ языка, отношеніе между двумя явленіями или двумя предметами. Но какъ ни проста эта мысль, однакоже неясное пониманіе ея вело ко многимъ ошибкамъ.

5. «Мнѣніе, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, что для логики всего важнѣе въ предложеніи отношеніе между двумя идеями, соотвѣтствующими подлежащему и сказуемому (вмѣсто отношенія между двумя *явленіями*, которыя выражаются этими идеями), кажется мнѣ самою гибельною ошибкою изъ всѣхъ, когда-либо введенныхъ въ философію логики, и главною причиною, почему теорія этой науки сдѣлала такіе незначительные успѣхи въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій. Трактаты по логикѣ и по тѣмъ отдѣламъ философіи, которые связаны съ логикою, написанные со времени введенія этой основной ошибки (cardinal error), хотя и принадлежатъ часто людямъ необыкновенныхъ способностей, всегда почти заключаютъ въ себѣ молчаливое признаніе теоріи, что изысканіе истины состоитъ въ созерцаніи и обработкѣ нашихъ идей или концепцій вещей, вмѣсто самихъ вещей» [2]). Главная заслуга Милля состоитъ именно въ указаніи этой гибельной ошибки и вся его обширная «Логика» есть, собственно говоря, только развитіе и доказательство этой простой идеи и указаніе тѣхъ важныхъ ошибокъ, которыя вкрались въ мы-

[1]) Lehrbuch der Psychologie, § 44.

[2]) Logic. Book 1. Ch. V. § 1. p. 98. На это ошибочное направленіе мышленія указалъ еще Бэконъ.

шленіе человѣка и науку изъ идеи противоположной, до пресыщенія развитой номиналистами и идеалистами и достигшей въ «Логикѣ» Гегеля своего печальнаго апоѳеоза.

6. Заслуга Миля состоитъ именно въ томъ, что онъ вновь и энергически выразилъ эту здравую идею *реальности мышленія* и внесъ ее въ логику, откуда, какъ можно надѣяться, она уже не выйдетъ болѣе и сдѣлаетъ опять эту науку достойною изученія. Но Миль только угадалъ теченіе мысли своего вѣка, уже шевелившейся повсюду, въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ науки и жизни, но шевелившейся еще подъ покрываломъ. Миль только сбросилъ это покрывало. Въ области воспитанія, которую мы исключительно имѣемъ здѣсь въ виду, идея эта уже давно начинала высказываться въ формѣ громкихъ требованій. «Les choses! les choses!» говоритъ уже Руссо: «Je ne répeterai jamais assez que nous donnons trop de pouvoir aux mots: avec nôtre education babillarde nous ne faisons que des babillards» [1]). Песталоцци старался приложить эту идею къ практикѣ обученія; за нее же стояли и сражались лучшіе германскіе педагоги; къ ней пробиваются и педагоги Англіи; а наша педагогика, едва взглянувши на нее, поспѣшила отворотиться. Но нѣтъ сомнѣнія, что исторія скоро опять поворотитъ насъ лицомъ къ этой своей очередной идеѣ.

7. Миль признаетъ *пять* видовъ предложеній (т. е. сужденій, выраженныхъ въ формѣ слова), а именно: *одни* выражающія *существованіе*, напр. *есть душа*, *есть добродѣтель*, и т. п.; *другія* выражаютъ *сосуществованіе*, напр.—*человѣкъ смертенъ*; *третьи* выражаютъ *послѣдовательность* между явленіями: *за зимой слѣдуетъ весна; четвертыя* выражаютъ *причинность*: *вѣтеръ волнуетъ поверхность воды*; *пятыя,* наконецъ, выражаютъ *сходство: снѣгъ блеститъ подобно серебру* [2]). Разберемъ всѣ эти виды предложеній или сужденій и мы найдемъ, что во всѣхъ сознаніе наше дѣлаетъ все одно и тоже: находитъ сходство и различіе или, однимъ словомъ, сравниваетъ.

8. Что мы утверждаемъ собственно въ сужденіяхъ, *только заявляющихъ существованіе предмета?* На это дастъ намъ отвѣтъ Декартъ со своимъ знаменитымъ: cogito ergo sum, и первая категорія Гегелевской логики, выводящая идею «бытія и небытія» [3]); но только мы, смотря на тотъ же предметъ съ точки зрѣнія опытной психологіи, присоединимъ къ этимъ двумъ великимъ идеямъ простое *чувство своего бытія*, которое каждый изъ насъ носитъ въ самомъ себѣ. Что утверждаютъ собственно такія сужденія, каковы: *есть Богъ*, *есть душа*, *есть тѣло*, *есть матерія*, *есть сила* и т. п.? Самое поставленіе глагола *быть* въ началѣ этихъ предложеній показываетъ уже, что вся сила здѣсь

---

[1]) Emile p. 189. «Вещей! вещей! Я никогда не перестану повторять, что мы придаемъ слишкомъ много значенія словамъ: съ нашимъ болтливымъ воспитаніемъ мы и дѣлаемъ только болтуновъ».

[2]) Mill's Logic. L. I. Ch. V. §§ 5 и 6.

[3]) Hegel's Wissenschaf. der Logik. 1841. Ers. B. Die Lehre von Sein. S. 72 и 73.

въ этомъ глаголѣ, и что здѣсь онъ уже не связка, а сказуемое и притомъ сказуемое, на которое говорящій хочетъ обратить вниманіе слушающаго. Если мы припомнимъ тотъ изящный пріемъ, которымъ Гегель выдѣляетъ изъ понятія бытія (какъ Фихте старшій изъ понятія Я) все, что могло бы его опредѣлить, тогда мы поймемъ, что во всѣхъ этихъ утвержденіяхъ или сужденіяхъ выражается только одно *бытіе* того или другаго предмета нашего сознанія и ничего болѣе, кромѣ бытія, что въ нихъ нѣтъ никакой опредѣленности, что, словомъ, это самыя отвлеченныя сужденія, какихъ только можетъ достигнуть умъ человѣческій: далѣе *бытія* обобщеніе уже идти не можетъ. Но между тѣмъ это не есть какая нибудь идея, выработанная метафизиками, а чувство, каждому изъ насъ присущее. Заслуга Декарта состоитъ вовсе не въ томъ, что онъ сказалъ: «*я существую*»,—это и безъ Декарта чувствуетъ очень хорошо каждый ребенокъ. Заслуга же Декарта состоитъ только въ томъ, что онъ это неопредѣленное чувство, живущее въ каждомъ изъ насъ, превратилъ въ мысль: «*я мыслю*, слѣдовательно существую» и мысль эту положилъ въ основу своей метафизики [1]). Но каждый изъ насъ, говоря: *есть душа*, *есть матерія* и т. п., только строитъ уравненіе между декартовскимъ cogito ergo sum и какимъ-нибудь предметомъ, т. е. собраніемъ какихъ-нибудь признаковъ. Понятіе бытія взято нами изъ чувства своего собственнаго бытія; но если я говорю, что какой-нибудь предметъ существуетъ, то выражаю въ этомъ собственно два утвержденія или, лучше сказать, два сравненія: во-первыхъ, что предметъ имѣетъ бытіе, т. е. то самое, что я въ самомъ себѣ ощущаю, и во-вторыхъ, что это бытіе предмета независимо отъ моего бытія, точно также, какъ мое бытіе, не зависитъ отъ тѣхъ предметовъ, которые я ощущаю. Говоря: *есть тѣло*, я, кромѣ того, что говорю, что оно есть, утверждаю такъ же, что это *не моя фантазія* и что тѣло существуетъ отдѣльно отъ моего бытія, независимо отъ него. Я не скажу—*есть призракъ*, хотя онъ и существуетъ въ моей фантазіи, и не скажу этого именно потому, что признаю его лишь за созданіе моей фантазіи. Говоря: *есть Богъ*, я не только утверждаю бытіе Божіе, но въ тоже время отрицаю, чтобы оно было созданіемъ моего воображенія. Мы убѣждены, что всякій, кто всмотрится внимательнѣе въ *эти предложенія существованія*, какъ ихъ называетъ Миль, увидитъ въ нихъ тоже самое, что видимъ мы, т. е. отысканіе сходства и процессъ сравненія между бытіемъ, которое я *чувствую* въ самомъ себѣ, и признакомъ, который я хочу придать тому или другому предмету.

9. *Сужденія сосуществованія* выражаютъ также сходство и различіе между двумя предметами моего мышленія. Такъ, въ предложеніи, *человѣкъ смертенъ*, выражается только *логическое уравненіе* между двумя ассоціаціями признаковъ: ассоціаціею, обозначенною словомъ «смер-

[1]) Ошибка же въ томъ, что онъ не указалъ на непосредственное чувство, какъ на источникъ своей категоріи.

тенъ», и ассоціаціею, обозначенною словомъ «человѣкъ»: явленія смертности, поразившія наше сознаніе, приравниваются къ понятію человѣка и въ это понятіе вводится новый атрибутъ. Но вслѣдствіе чего составилось у насъ понятіе *смертенъ?* Конечно, вслѣдствіе сравненія впечатлѣній, полученныхъ нами въ различное время, впечатлѣній, очень разнообразныхъ, составляющихъ различныя группы, но такія, въ которыхъ, въ каждой, есть одна общая черта—прекращеніе жизни. Точно такимъ же путемъ образовалось у насъ понятіе человѣка, хотя оно гораздо сложнѣе. Сравнивая эти два понятія, я ихъ соединяю и говорю: человѣкъ смертенъ. Положимъ, что мы не знали бы, что человѣкъ умираетъ, какъ и не знали мы этого въ дѣтствѣ, но видѣли бы умирающихъ животныхъ и составили бы себѣ понятіе о *смертномъ существѣ,* о цѣломъ классѣ смертныхъ существъ, въ который мы не ввели бы человѣка. Потомъ, увидавъ, что и человѣкъ умеръ, мы сказали бы сами себѣ: «а, и человѣкъ смертенъ!» Если же мы не говоримъ теперь этого знаменательнаго «а», то только потому, что говоря: «человѣкъ смертенъ», мы собственно не дѣлаемъ новаго для насъ сужденія, но только анализируемъ, такъ сказать, распарываемъ по швамъ, сужденіе, давно уже въ насъ составившееся, и которое, въ числѣ множества другихъ сужденій, давно уже введено нами въ понятіе *человѣкъ.* Въ предложеніи же: «а, и человѣкъ смертенъ!» нѣтъ ничего другаго, кромѣ открытія сходства. Можетъ конечно случиться и такъ, что самое понятіе смертности составится нами изъ наблюденій не надъ животными, а надъ людьми, тогда мы скажемъ просто: «человѣкъ умираетъ» и это будетъ ничто болѣе, какъ выводъ изъ сравненія тѣхъ впечатлѣній, которыя мы получаемъ, глядя на живаго человѣка, съ тѣми, которыя получаемъ мы, глядя на трупъ: изъ сходства и различія этихъ двухъ сложныхъ групъ впечатлѣній выйдетъ у насъ сужденіе—человѣкъ умираетъ; а изъ многихъ сравненій подобнаго рода выйдетъ сужденіе—человѣкъ смертенъ, выражающее только *увѣренность,* что перемѣна признаковъ, много разъ замѣченная нами, случится со всякимъ человѣкомъ. Каинъ, убившій брата, безъ сомнѣнія, изумился явленію смерти, вотъ почему и первая мысль его была, что и его могутъ убить, и эту то боязнь выражаетъ онъ въ словахъ своихъ.

10. Возьмемъ другой примѣръ сужденій, выражающихъ сосуществованіе, примѣръ, также приводимый Милемъ: *«вершина Чимборазо—бѣла»,* и тутъ мы увидимъ тотъ же процессъ сравненія. Множество разновременныхъ ощущеній, по чувству ихъ одинаковости, я назвалъ однимъ словомъ — *бѣлый.* Взглянувъ на вершину Чимборазо, я испытываю тоже чувство и изъ этого, по выраженію Миля, специфическаго чувства сходства рождается сужденіе — вершина Чимборазо бѣла. Но если бы признать вмѣстѣ съ Милемъ, что чувство сходства есть какое-то особенное, специфическое [1]), тогда слѣдовало бы признать еще и

[1]) Ibid. p. 112.

другое специфическое чувство—*чувство различія*. Но мы уже видѣли, что какъ чувство сходства, такъ и чувство различія только двѣ стороны одного и того же процесса — процесса сравненія, или проще, процесса сознанія. Я не могъ бы найти сходства между двумя предметами, если бы въ то же время не различалъ ихъ, тогда это были бы уже не сходные предметы, а тождественные: не два предмета, а одинъ и тотъ же предметъ. Точно также я не могъ бы различать двухъ предметовъ, если бы не сознавалъ сходства между ними, хотя бы это сходство все заключалось въ томъ, что оба эти предмета существуютъ или на самомъ дѣлѣ, или въ моей фантазіи.

11. Ошибка Миля принадлежитъ, впрочемъ, не ему: она заимствована имъ у Локка, который также отдѣляетъ сознаваніе сходства отъ сознаванія различія и первое приписываетъ *остроумію*, а второе — *сужденію*. Локкъ ставитъ однимъ изъ своихъ положеній: «нѣтъ знанія безъ различенія» (No knowledge withaut discernment) [1]; но въ слѣдующемъ же пунктѣ онъ хочетъ отличить *остроуміе* (Wit) отъ *сужденія* (Judgement) тѣмъ, что остроуміе отыскиваетъ сходство, а сужденіе отыскиваетъ различіе. Несправедливость этого положенія кидается въ глаза. Развѣ мы не называемъ остроуміемъ, когда человѣкъ находитъ существенное различіе въ двухъ явленіяхъ, которыя казались другимъ совершенно сходными? Развѣ мы можемъ не назвать сужденіемъ того умственнаго процесса, посредствомъ котораго Франклинъ нашелъ существенное сходство между грозовыми явленіями и явленіями, представляемыми электрическою машиною? Между остроуміемъ и сужденіемъ вовсе различіе не въ процессѣ, а въ матеріалахъ и цѣляхъ процесса, какъ это мы показали выше [2]). Если бы Локкъ и Миль сознали ясно, что, находя сходство, мы сознаемъ различіе и, находя различіе, мы сознаемъ сходство, и въ обоихъ случаяхъ только сравниваемъ, то Локкъ не назвалъ бы сравненія «особеннымъ процессомъ ума» [3]), отличающимся отъ остроумія и сужденія, а Миль не сдѣлалъ бы изъ «предложеній сходства» какого-то спеціальнаго и притомъ пятаго класса сужденій — какого-то *пятаго колеса* въ нашемъ разсудочномъ процессѣ.

12. Въ *сужденіяхъ сосуществованія* мы всегда вводимъ обсуждаемый нами предметъ въ ассоціацію другихъ предметовъ, уже связанную нами. Говоря: «человѣкъ смертенъ», я или ввожу человѣка въ ассоціацію смертныхъ существъ, или признакъ смертности ввожу въ ассоціацію признаковъ, которые соединились у меня въ понятіи человѣка. Точно также, говоря: «золото есть металлъ», я или ввожу золото въ ассоціацію предметовъ, которая обозначилась у меня однимъ словомъ—металлъ, или дѣлаю изъ этой ассоціаціи признакъ и ввожу его въ ассоціацію призна-

---

[1]) Гоббезъ сказалъ уже: «судить есть ничто иное, какъ различать».

[2]) См. выше, гл. XXVII.

[3]) Of hum. Underst. B. II. Ch. XI. § 4.

ковъ, составляющихъ въ моемъ умѣ понятіе золота. То или другое направленіе моей мысли въ этомъ случаѣ зависитъ отъ того, на что я направилъ мое вниманіе, или что я хотѣлъ особенно выразить: то ли, что золото принадлежитъ къ числу металловъ, или то, что у золота есть всѣ признаки металла; нужно ли мнѣ было описать золото или нужно ли мнѣ было помѣстить его въ извѣстный классъ. Въ самомъ сужденіи здѣсь разницы нѣтъ, а есть только разница въ томъ употребленіи, какое я хочу изъ него сдѣлать; слѣдовательно, разница внѣшняя для самаго сужденія.

13. Миль не соглашается съ такимъ взглядомъ на *сужденія сосуществованія*. Онъ думаетъ, что хотя въ такомъ взглядѣ есть нѣкоторое основаніе, но только весьма слабое. «Помѣщеніе предмета въ классы, каковы, напр., классъ—*металлъ* или классъ—*человѣкъ*, основывается на сходствѣ предметовъ, помѣщаемыхъ въ одинъ и тотъ же классъ, но не на общемъ сходствѣ. Сходство это состоитъ въ обладаніи всѣми этими предметами извѣстною, общею имъ особенностью и эта-то особенность, выражающаяся въ терминѣ, и есть именно то, что предложеніе утверждаетъ, а не сходство. Ибо, говоря «золото есть металлъ», я хотя и подразумѣваю, что если есть какой-нибудь другой металлъ, то онъ долженъ походить на золото; но еслибы и не было никакого другого металла, кромѣ золота, то я могъ бы утверждать то же предложеніе и съ тою самою мыслію, какъ и теперь, а именно, что золото имѣетъ всѣ различные признаки, входящіе въ слово металлъ. Точно также я могъ бы сказать «христіане суть люди» и тогда, еслибы не было другихъ людей, кромѣ христіанъ. Итакъ предложенія, въ которыхъ предметы относятся къ какому-нибудь классу, потому-что они обладаютъ атрибутами, составляющими классъ, такъ далеки отъ того, чтобы утверждать только сходство, что, собственно говоря, они вовсе не утверждаютъ сходства» [1]).

14. Миль правъ въ томъ, что въ приводимыхъ имъ сужденіяхъ утверждается не одно сходство; но не правъ, говоря, что мы вовсе въ нихъ не утверждаемъ сходства. Дѣло же въ томъ, что мы разомъ утверждаемъ въ нихъ и сходство, и различіе. Разберемъ внимательно одно изъ этихъ предложеній: *золото есть металлъ*. Миль говоритъ, что еслибы и не было другихъ металловъ, кромѣ золота, то это предложеніе не измѣнилось бы и имѣло бы тотъ же смыслъ; мы же утверждаемъ, что еслибы не было другихъ металловъ, кромѣ золота, то предложеніе, *золото есть металлъ*, было бы вовсе невозможно, потому-что тогда не было бы ни понятія, ни слова—металлъ, а было бы только слово *золото;* точно также, какъ предполагаемый физиками эѳиръ не есть ни твердое тѣло, ни жидкое, ни газъ, а просто эѳиръ. Теперь же, произнося: «золото есть металлъ», я говорю собственно сокращенное предложеніе, сокращенное изъ другаго, полнаго: *золото есть одинъ изъ*

---

[1]) Mill's Logic. B. I. Ch. 5. § 6. p. 113.

металловъ. Въ этомъ же предложеніи утверждаются два факта, взятые изъ многочисленныхъ опытовъ и наблюденій. *Первый фактъ* говоритъ, что въ золотѣ есть всѣ признаки, изъ которыхъ люди составили понятіе *металлъ*, и составлено это понятіе потому, что замѣтили нѣсколько признаковъ, принадлежащихъ вмѣстѣ нѣсколькимъ металламъ, а именно ковкость и особенный блескъ, который потому и названъ *металлическимъ*. Еслибы не было такого особаго рода металловъ, или еслибы былъ только одинъ, то не было бы и понятія о металлѣ и невозможно было бы сужденіе: *золото есть металлъ*. *Второй фактъ*, выражаемый тѣмъ же сужденіемъ, состоитъ въ томъ, что золото есть *особый* металлъ, что выражается въ самомъ словѣ *золото*: Еслибы золото не имѣло особенныхъ признаковъ, то оно было бы желѣзомъ, мѣдью и т. д., но не золотомъ и самое слово *золото* не существовало бы. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о предложеніи: *всѣ люди христіане*. Еслибы не было различныхъ религій въ настоящемъ или, по крайней мѣрѣ, въ прошедшемъ, то такое сужденіе было бы невозможно. Слѣдовательно, въ предложеніяхъ сосуществованія *утверждается разомъ и различіе, и сходство предметовъ, и кромѣ различія и сходства ничего болѣе не утверждается*. Въ этихъ сужденіяхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы видимъ только *уравненіе*, но *не математическое*, утверждающее только равенство, а *логическое*, утверждающее разомъ и различіе, и сходство или, однимъ словомъ, *отношеніе* предметовъ, составляющихъ сужденіе.

15. Въ сужденіяхъ,утверждающихъ *послѣдовательность явленій*, тоже утверждается только различіе и сходство. Между молніей и громомъ то сходство, что они являются въ одинъ періодъ времени, непосредственно одно за другимъ; различіе же то, что молнія повидимому бываетъ прежде грома, и что одно блеститъ, а другое гремитъ. Здѣсь двѣ различныя ассоціаціи ощущеній связаны также сходствомъ и различіемъ.

16. Въ *сужденіяхъ причины* тоже самое, что и въ сужденіяхъ послѣдовательности, потому-что мы называемъ причиною такое *предшествующее* явленіе, послѣ котораго, по нашему убѣжденію, непосредственно слѣдуетъ другое, и это другое мы называемъ слѣдствіемъ. Что же касается *сужденій по сходству*, то они прямо уже вытекаютъ изъ сравненія и показываютъ только, что умъ нашъ, остановившись на сходствѣ, не пошелъ далѣе и не окончилъ сужденія, не вывелъ никакого результата изъ этого сходства. Таково сужденіе: «*снѣгъ блеститъ какъ серебро*». Такъ-какъ одного этого сходства было недостаточно, чтобы свести снѣгъ и серебро въ одно понятіе, то образованіе понятія и остановилось на отрывочномъ сужденіи. Но изъ многихъ сужденій сходства образуется понятіе, какъ мы показали выше.

17. Къ какому же окончательному выводу придемъ мы, разсмотрѣвъ происхожденіе сужденія?

Сужденіе есть не болѣе, какъ тоже понятіе, но еще въ процессѣ своего образованія. Окончательное сужденіе превращается въ понятіе.

Изъ понятія и особеннаго представленія, или изъ двухъ и болѣе понятій можетъ опять выйти сужденіе; но, оконченное, оно опять превратится въ понятіе и выразится однимъ словомъ: напр. у *этого* животнаго раздвоенныя копыта, на лбу у него рога; оно отрыгаетъ жвачку и т. д. Всѣ эти сужденія, слившись вмѣстѣ, образуютъ одно понятіе животнаго двукопытнаго и жвачнаго. Мы можемъ разложить каждое понятіе на составляющія его сужденія, каждое сужденіе опять на понятія, понятія опять на сужденіе и т. д. Слѣдовательно, сужденіе есть то же понятіе на пути своей формировки, и слѣдовательно для сужденій нуженъ только тотъ же агентъ, который образуетъ понятія—нужно *сознаніе*.

18. *Умозаключеніе* вовсе не есть какая-нибудь самостоятельная форма разсудочнаго процесса, а только повѣрка и анализъ того, что уже образовалось въ формѣ *сужденій* и отлилось въ *понятіе*. Кай человѣкъ; всѣ люди смертны; слѣдовательно, Кай смертенъ». Весь этотъ силлогизмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Джонъ Стюартъ Миль, заключается уже въ первомъ сужденіи: Кай человѣкъ [1]) и во всемъ этомъ силлогизмѣ рѣшается одинъ только вопросъ: человѣкъ ли Кай? Если Кай человѣкъ, то въ понятіе человѣка, какъ составная часть его, вошло сужденіе, взятое изъ опыта, что всѣ люди умираютъ и что, слѣдовательно, и безсмертный Кай, воскресающій въ каждой логикѣ, наконецъ умретъ. Прежде-чѣмъ человѣкъ высказалъ такой силлогизмъ, онъ уже сдѣлалъ его въ первой посылкѣ, слѣдовательно, силлогизмъ этотъ ни на шагъ не подвигаетъ далѣе разсудочнаго процесса и есть не болѣе, какъ разложеніе уже готоваго понятія на сужденія, изъ которыхъ оно составилось. Миль сравниваетъ силлогизмъ съ повѣркою переписки. «Заботливый переписчикъ, говоритъ онъ, повѣряетъ переписанное имъ по оригиналу, и если нѣтъ ошибки, то признаетъ, что переписано вѣрно. Но не будемъ же называть повѣрку копіи частью акта переписки» [2]). Намъ кажется, что еще удачнѣе будетъ сравнить силлогизмъ съ распарываніемъ уже сшитаго платья по швамъ, что дѣлается иногда съ тою цѣлію, чтобы узнать, какъ было платье сшито. Въ силлогизмѣ мы разлагаемъ понятіе на сужденія, и если попадаемъ на шовъ, то нашему анализу легко двигаться и мы говоримъ: *истина*. Эта дешевая истина показываетъ только, что мы попали на путь, которымъ составилось анализируемое нами понятіе; но это нисколько не мѣшаетъ самому понятію быть ложно составленнымъ, если оно выведено или изъ ошибочныхъ наблюденій или изъ недостаточнаго числа ихъ.

---

[1]) Mill's Logic. B. II, Ch. II, p. 188.
[2]) Ibid. Ch. III, § 8. p. 233.

ГЛАВА XXXIV.

Постиженіе предметовъ и явленій, причинъ и законовъ.

1. Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что образованіе *понятій, сужденій* и *силлогизмовъ* не превышаетъ основной способности сознанія, способности чувствовать сходство и различіе. Это чувство сходства и различія воспринимается сознаніемъ, какъ отношенія между сознаваемыми впечатлѣніями; выраженіе этихъ отношеній есть сужденіе, а выраженіе отношеній между различными сужденіями есть понятіе; обратное же разложеніе понятія на сужденія, изъ которыхъ оно составилось, есть силлогизмъ или умозаключеніе. Всѣ эти явленія психической жизни выполняются сознаніемъ при помощи вниманія, памяти, воображенія и, наконецъ, особенной способности *останавливать ходъ представленій* въ процессѣ воображенія и обозрѣвать разомъ большее или меньшее количество представленій въ остальномъ воображеніи. Если что нибудь можетъ быть названо особенною разсудочною способностью, то это именно эта способность останавливать ходъ представленій въ воображеніи съ тѣмъ, чтобы сознать ихъ взаимное отношеніе. Теперь намъ предстоитъ убѣдиться, что тотъ же самый процессъ сознанія различій и сходствъ лежитъ въ основѣ, такъ называемаго, *постиженія предметовъ* и *явленій природы*, ихъ *причинъ* и ихъ *законовъ*.

Постиженіе предметовъ.

2. Всякій, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, что предметы въ отношеніи возможности ихъ постигнуть не одинаковы: одни предметы мы понимаемъ вполнѣ, другіе — отчасти, третьи-же кажутся намъ совершенно непонятными. Это общее всѣмъ намъ чувство отношенія нашего пониманія къ предметамъ пониманія имѣетъ вѣрное основаніе. Дѣйствительно всѣ предметы, въ отношеніи ихъ къ нашему пониманію, мы можемъ раздѣлить на *три* категоріи: къ *первой* относятся *предметы умственные*, или тѣ созданія нашего собственнаго ума, которыя мы понимаемъ вполнѣ именно потому, что они нами самими созданы; ко *второй* категоріи должно причислить тѣ предметы, въ которыхъ мы только кое-что сами сдѣлали, а остальное взяли изъ природы, уже готовое,—это *предметы искуственные*, и мы понимаемъ ихъ только въ половину; къ *третьей* категоріи мы должны отнести предметы природы, не нами созданные, которыхъ мы вовсе не понимаемъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ предметы умственные.

3. *Предметы умственные* образованы нами самими изъ опытовъ и наблюденій и понять предметъ умственный значитъ только повѣрить, дѣйствительно ли онъ то, чѣмъ мы хотѣли его сдѣлать. Въ прежнихъ логикахъ эти предметы назывались, и не безъ основанія, *номинальными* и, по справедливому замѣчанію Рида, понять такой номинальный

предметъ значитъ вывести его атрибуты изъ самаго понятія предмета, что для насъ вовсе не трудно, потому что и самый-то предметъ мы создали только для соединенія тѣхъ или другихъ атрибутовъ. Къ такимъ предметамъ принадлежатъ всѣ математическія понятія, алгебраическія формулы и геометрическія фигуры, которыя въ своей математической правильности въ природѣ не существуютъ, а созданы нами самими [1]). Вотъ почему мы *вполнѣ* понимаемъ, *что такое треугольникъ*, *квадратъ*, *кругъ* и въ этихъ предметахъ ничего не остается для насъ непонятнаго. Мы не только знаемъ и можемъ перечислить признаки треугольника или квадрата, но можемъ вывести эти признаки изъ самой сущности предмета, показать ихъ *полную необходимость*, такую необходимость, что безъ этихъ признаковъ треугольникъ не будетъ треугольникомъ, а квадратъ квадратомъ.

4. Но число *умственныхъ предметовъ* мы не ограничиваемъ, какъ дѣлаютъ иные, областью математики: напротивъ, мы причисляемъ къ умственнымъ предметамъ всѣ *слова* языка, и думаемъ, что *слова* намъ также *вполнѣ* понятны, или могутъ быть понятны, какъ и геометрическія фигуры. Что значитъ *понять слово?* Это значитъ узнать, что оно собою выражаетъ, или другими словами, для чего оно человѣкомъ придумано; а это конечно возможно въ отношеніи всякаго слова. Такихъ словъ, которыхъ невозможно было бы вполнѣ понять, не существуетъ; иначе это уже не слово, а безсмысленное собраніе звуковъ, никогда неимѣвшее значенія, или значеніе котораго позабыто. Но *понять слово* и *понять предметъ*, означаемый словомъ—двѣ вещи совершенно разныя. Такъ, мы понимаемъ слово *душа*, но не понимаемъ, что такое душа; понимаемъ слово *жизнь*, но не понимаемъ, что такое жизнь; мы понимаемъ слово *матерія*, но не понимаемъ, что такое матерія. Сознавать и твердо удерживать это различіе между словомъ и предметомъ, который означается словомъ—весьма важно. Не понимая предмета, обозначаемаго словомъ, мы, по крайней мѣрѣ, можемъ ясно сознавать, для выраженія какихъ ощущеній или группъ ощущеній придумано или употребляется нами данное слово. Мы можемъ не понимать, откуда идутъ тѣ или другія ощущенія, какъ они соединяются между собою, отъ чего зависятъ; но мы можемъ всегда понять, для чего мы придумали или приняли извѣстное слово, для чего мы его употребляемъ, что хотимъ имъ выразить; т. е., мы можемъ всегда узнать *исторію слова*, если не въ языкѣ народа или языкѣ человѣчества, для чего надобно быть глубочайшимъ филологомъ, то въ нашемъ собственномъ языкѣ, для чего надобно быть только мыслящимъ человѣкомъ [2]). Знаніе *психической исторіи* слова очень важно. Не зная ее, мы можемъ

---

[1]) Какъ образуемъ мы математическія понятія—это мы изложимъ ниже.

[2]) Въ этомъ дѣлѣ психологія и филологія могутъ сильно содѣйствовать взаимнымъ успѣхамъ; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ эти двѣ науки вовсе не помогаютъ другъ другу.

употреблять то или другое слово не только въ различныхъ, но даже въ противоположныхъ смыслахъ, теряться въ безполезныхъ недоумѣніяхъ и спорахъ, именно потому, что мы для самихъ себя не опредѣлили значенія того слова, о которомъ споримъ, или которое вводимъ въ наши споры. Слово есть созданіе человѣка [1]) и потому непремѣнно должно имѣть и свою психическую исторію, и одно изложеніе этой исторіи порѣшило бы множество споровъ или, по крайней мѣрѣ, упростило бы спорные вопросы. Такъ, напримѣръ, мы чрезвычайно неопредѣленно употребляемъ слово *матерія* и слово *душа*; но если мы изложили бы психическую исторію этихъ словъ, то сами увидали бы, что часто приписываемъ матеріи такіе атрибуты, которые не входятъ въ наше собственные опредѣленіе *матеріи*, и называемъ психическими такія явленія, которыя не входятъ въ наше понятіе *души*. Здѣсь дѣло не въ томъ, чтобы рѣшить неразрѣшимые вопросы, что такое *душа*, и что такое *матерія*, и каково ихъ взаимное отношеніе, а въ томъ, чтобы рѣшить, каково *наше понятіе о душѣ и каково наше понятіе о матеріи*, и каково въ нашемъ мышленіи взаимное отношеніе этихъ понятій; а эти вопросы имѣютъ полную возможность быть рѣшенными *номинально*, ибо мы споримъ не о томъ, что отъ насъ не зависитъ, но о томъ, что мы сами создали.

5. Само собою разумѣется, что рѣшеніемъ такихъ вопросовъ открывается только *номинальная*, а *не реальная истина*, и эта номинальная истина можетъ оказаться ложью, т. е., другими словами, мы откроемъ, что созданное или принятое нами понятіе заключаетъ въ себѣ или неопредѣленность, или неполноту, или даже прямое противорѣчіе, соединяя атрибуты несоединяемые въ дѣйствительности. Такая повѣрка номинальной истины новыми и новыми наблюденіями и анализами совершенно необходима и совершается постоянно; но очень часто случается, что новое наблюденіе сдѣлано, а слово не исправлено и продолжаетъ играть свою путающую роль въ нашихъ разсужденіяхъ и спорахъ. Человѣкъ часто забываетъ самую простую истину, что (употребляя выраженіе Бэкона) «силлогизмы состоятъ изъ предложеній, а предложенія изъ словъ, а слова суть только заглавія вещей» [2]). Особенно это замѣтно въ новѣйшее время, когда новыхъ фактовъ, опытовъ и наблюденій появилось множество, а между тѣмъ не появляются уже давно такія философскія системы, которыя дѣлали бы, такъ сказать, генеральный смотръ всѣмъ основнымъ словамъ, играющимъ главную роль въ нашемъ современномъ міросозерцаніи. Эту потребность начинаютъ теперь живо чувствовать не только идеальные мыслители, но люди чистѣйшаго опыта. Вотъ почему, напримѣръ, Клодъ-Бернардъ, физіологъ, составившій себѣ славу физіологическими опытами, находитъ нуж-

[1]) Но пусть человѣкъ не забываетъ, что слова, хотя и создаются человѣкомъ, но потомъ, по выраженію Бэкона, «возвращаютъ пониманію тѣ ошибки, которыя отъ него получили». Nouvel Organum. L. 1. Aphor. LIX.

[2]) Nouvel Organum. L. 1. Aph. XIV.

нымъ писать такое «Введеніе въ опытную медицину», въ которомъ онъ болѣе говоритъ о томъ, что такое субстанція, явленіе, законъ, причина, чѣмъ о медицинѣ. Однако же повѣрка общихъ понятій съ точки зрѣнія той или другой спеціальной науки оказывается очень неудовлетворительною [1]), и нельзя не чувствовать, что напрасно въ послѣднее время логика была почти вычеркнута изъ списка *дѣльныхъ* наукъ. Признаніе за логикой обязанности открывать только одну номинальную истину уронило эту науку, какъ справедливо замѣтилъ Милль; но если бы логика взяла на себя трудъ исправлять имена по новымъ фактамъ, поступившимъ въ человѣческое знаніе, тогда эта наука стала бы на принадлежащее ей мѣсто, т. е. въ преддверіи всѣхъ прочихъ наукъ.

6. *Предметы искусственные* мы понимаемъ на столько, на сколько они искусственны, т. е. на сколько они наше собственное произведеніе. Такъ, въ ткацкомъ станкѣ или паровой машинѣ для насъ нѣтъ ничего понятнаго, кромѣ тѣхъ матерьяловъ и силъ природы, которыми мы воспользовались, чтобы сдѣлать эти орудія. Зная назначеніе машины, потому что это назначеніе мы сами ей дали, мы можемъ вывести всѣ ея атрибуты изъ этого назначенія. *Субстанція* машины, нами устроенной, будетъ ея назначеніе; атрибуты или признаки машины относятся къ этой субстанціи, какъ средства, которыя мы сами отыскали для достиженія нами же даннаго назначенія. Непонятнымъ для насъ остаются здѣсь только матерьялы и силы природы, которыми мы воспользовались, узнавъ по опыту, какъ они дѣйствуютъ. Мы пользуемся упругостью стали; но совершенно не понимаемъ, отчего зависитъ эта упругость. Точно также мы пользуемся силою тяготѣнія, силою теплоты, электричества, магнитности, узнавъ по опыту, какъ дѣйствуютъ эти силы; но вовсе не понимаемъ, что такое электричество, теплота, тяготѣніе, магнитность. Вотъ почему мы говоримъ, что предметы искусственные мы понимаемъ только *въ половину*, на сколько они искусственны, т. е. на сколько они сдѣланы нами. Мы не говоримъ здѣсь о *предметахъ искусства*, или, вѣрнѣе, о предметахъ художества, потому-что это внесло бы въ наши разсужденія новый, чисто духовный элементъ, для разсмотрѣнія котораго у насъ нѣтъ покудова никакихъ данныхъ.

7. Къ *предметамъ природы* мы причисляемъ всѣ тѣ предметы, которые дѣйствуютъ на наше сознаніе, но въ созданіи которыхъ оно нисколько не участвовало. Пониманіе этихъ предметовъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ наши собственныя созданія, совершенно невозможно. Къ этимъ предметамъ природы мы относимъ не только всѣ предметы внѣшняго для насъ міра, но и самаго человѣка, не только тѣло человѣческое, но и его душу, хотя въ отношеніи души пониманіе наше

---

1) «Когда спеціалисты, говоритъ Бэконъ, обращаются къ философіи и самымъ общимъ предметамъ, то они ихъ коверкаютъ и отличаютъ по своимъ первымъ фантазіямъ». Nouv. Organum. L. 1. Aphor. 1. LIV.

стоитъ нѣсколько въ другомъ положеніи, такъ какъ здѣсь мы сами тотъ самый предметъ, который стремимся понять. Объ особенномъ отношеніи пониманія къ душѣ мы уже говорили выше и будемъ еще говорить далѣе; здѣсь же мы устранимъ этотъ вопросъ, чтобы онъ не мѣшалъ намъ достигнуть нашей прямой цѣли.

8. *Что значитъ понять предметъ природы?* Это значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ узнать изъ опыта *признаки* предмета, связанные съ *предполагаемою* нами, но непостижимою для насъ, *субстанціею*, таинственною носительницею этихъ признаковъ. Мы увидимъ дальше, что понятіе субстанціи перенесено нами изъ міра внутреннихъ душевныхъ опытовъ и наблюденій въ міръ опытовъ внѣшнихъ надъ внѣшними для насъ предметами, которые *дѣйствуютъ на насъ своими признаками, но не своею субстанціею.* Если мы можемъ перечислить всѣ признаки предмета, напр. признаки желѣза, то мы говоримъ, что понимаемъ, что такое желѣзо. Однако же ясно, что мы тутъ ровно ничего не понимаемъ, или, по крайней мѣрѣ, что между пониманіемъ, что такое желѣзо, и пониманіемъ, что такое треугольникъ, большая разница. Въ понятіи треугольника признаки необходимо вытекаютъ изъ сущности предмета; признаковъ этихъ не можетъ быть ни больше, ни меньше, и они не могутъ быть другими; словомъ, они необходимы, иначе треугольникъ не будетъ треугольникомъ. Совершенно не такъ мы понимаемъ желѣзо. Между цвѣтомъ желѣза и его тяжестью у насъ нѣтъ никакой необходимой связи: желѣзо могло бы быть нѣсколько легче или нѣсколько тяжелѣе, имѣть больше или меньше упругости, плавиться при большей или меньшей степени жара и т. д. Мы не понимаемъ необходимости соединенія признаковъ, составляющихъ наше понятіе желѣза. Мы только *изучили* эти признаки; но какъ мы ихъ изучили?

9. Легко видѣть, что подъ именемъ всякаго *признака* въ предметахъ природы мы разумѣемъ ничто иное, какъ отношеніе этого предмета къ другимъ предметамъ. Говоря *«желѣзо имѣетъ тяжесть»*, мы говоримъ собственно только, что земля притягиваетъ желѣзо; говоря — *желѣзо тяжело*, мы сравниваемъ степень притяженія землею желѣза со степенью притяженія ею другихъ тѣлъ. Говоря, что *желѣзо плавится*, мы выражаемъ собственно отношеніе между огнемъ и желѣзомъ; говоря, что желѣзо есть предметъ матеріальный, занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, мы выражаемъ только отношеніе желѣза къ нашей рукѣ, т. е. говоримъ, что желѣзо мѣшаетъ нашему движенію, что рука наша въ него упирается. Самый цвѣтъ предмета есть только отношеніе между свѣтовымъ лучомъ, предметомъ его отражающимъ и сѣткою нашего глаза. Признаковъ, которые не были бы отношеніями, во внѣшней для насъ природѣ не существуетъ.

10. Что такое предметъ *внѣ своихъ признаковъ* или, вѣрнѣе сказать, внѣ всѣхъ отношеній ко всѣмъ другимъ предметамъ — этого мы не знаемъ и знать не можемъ, потому что предметъ дѣйствуетъ на насъ своими признаками, а не своею *субстанціею.* Отчего зависятъ такое

явленіе намъ предмета? Отъ того ли, что сознаніе наше, какъ мы видѣли это выше, по самому свойству своему, начинаетъ дѣйствовать только тогда, когда можетъ сравнивать, или отъ того, что всѣ предметы природы и въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ никакой субстанціи и не существуютъ внѣ отношеній? Гербартъ сдѣлалъ послѣднее предположеніе, и его метафизика старается видѣть во всемъ мірѣ только отношенія; но намъ кажется такое предположеніе ни на чемъ неоснованнымъ скачкомъ: изъ свойства нашей души сознавать только отношенія мы не имѣемъ еще права заключать, что во внѣшнемъ для насъ мірѣ дѣйствительно нѣтъ ничего, кромѣ отношеній. Напротивъ, чувствуя въ самихъ себѣ субстанцію, мы весьма естественно переносимъ ее и въ тѣ вещи, которыя, независимо отъ насъ, оказываютъ на насъ вліяніе [1]). Безъ крайней натяжки мы не можемъ думать о предметахъ, не влагая въ нихъ субстанціи, и не можемъ смотрѣть, напримѣръ, на желѣзо, какъ на собраніе признаковъ или отношеній къ другимъ предметамъ.

11. Слово *субстанція*, конечно, изобрѣтено философіей; но ошибочно было бы выводить изъ этого, что философія выдумала и самую субстанцію; философія въ этомъ случаѣ, какъ и часто съ нею случается, только выразила придуманнымъ ею словомъ глубокое чувство, присущее каждому человѣку, и которое, именно по этой всеобщности своей, не нашло себѣ выраженія въ человѣческомъ языкѣ. Человѣкъ до того не сомнѣвается въ субстанціи предметовъ природы, что для выраженія этой увѣренности не придумалъ даже никакого слова. Скептицизмъ въ этомъ отношеніи вышелъ уже изъ философскаго мышленія, и для того, чтобы сдѣлать необходимымъ слово субстанція, философія должна была, указывая на измѣняемость всѣхъ предметовъ въ природѣ, усомниться въ томъ, что въ основѣ этихъ перемѣнъ все же лежитъ неизмѣняемая субстанція, остающаяся во всей перемѣнѣ признаковъ. Попробуйте сказать человѣку, никогда не занимавшемуся философіею, что предметъ есть только собраніе отношеній, а самъ въ себѣ ничто, и вы очень удивите его вашимъ открытіемъ, если онъ не сочтетъ его шуткою: онъ даже не съ разу и пойметъ, что вы хотите ему доказать,—такъ присуща каждому изъ насъ увѣренность въ субстанціи, какъ носительницѣ признаковъ, безпрестанно мѣняющихся. Въ этомъ отношеніи Фихте младшій совершенно правъ, говоря, что мы не можемъ представлять себѣ вещей, не внося въ нихъ идеи субстанціи, и что это есть необходимое условіе пониманія нами внѣшнихъ для насъ предметовъ [2]). Но субстанціи вещей мы не знаемъ, потому что не можемъ ничего ощущать въ предметахъ

---

[1]) «Невозможно предположить, говоритъ Клодъ-Бернардъ, въ природѣ тѣла абсолютно уединеннаго: *оно было бы лишено реальности*, потому что въ этомъ случаѣ никакое отношеніе не обнаружитъ его реальности». (Введ. въ оп. медиц. стр. 94).

[2]) Fichte. Psychohogie.

природы, кромѣ ихъ дѣйствія другъ на друга и окончательно на нашу нервную систему.

12. Не всѣ признаки созерцаемаго нами предмета соединяемъ мы въ понятіе предмета. Въ этомъ случаѣ мы отдѣляемъ *признаки существенные* отъ *признаковъ несущественныхъ*. Такъ, мы называемъ желѣзомъ и большой кусокъ, и малый; не обращаемъ вниманія также на форму куска, на то, заржавѣлъ ли онъ, или нѣтъ и т. д. Но чѣмъ же мы руководствуемся, отдѣляя существенные признаки отъ несущественныхъ? Ничѣмъ твердымъ, а только *большимъ* или *меньшимъ постоянствомъ признака* [1]; но ни объ одномъ признакѣ какого бы то ни было предмета природы мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что вотъ это признакъ абсолютно постоянный, неизмѣнный, всегда присущій предмету. Твердость желѣза при дѣйствіи огня исчезаетъ, цвѣтъ его мѣняется, вѣсъ его на землѣ одинъ, на Сатурнѣ будетъ другой. Химія называетъ теперь желѣзо простымъ элементомъ, но кто знаетъ, не удастся ли ей разложить его завтра? Какой же признакъ въ желѣзѣ можно назвать постояннымъ, если всѣ они измѣняются или могутъ измѣниться? Слѣдовательно, въ понятіи мы соединяемъ не неизмѣнные признаки предмета, а только тѣ, которые при обыкновенныхъ условіяхъ обитаемой нами планеты являются наиболѣе постоянными. Такъ, напримѣръ, въ понятіе ртути у насъ входитъ признакъ жидкости; даже и подъ словомъ вода мы разумѣемъ непремѣнно жидкость, хотя каждая зима наглядно убѣждаетъ насъ, что вода можетъ быть названа столько же жидкимъ, сколько и твердымъ тѣломъ. Чѣмъ болѣе мы изучаемъ предметы природы, тѣмъ болѣе открываемъ фактовъ измѣненія тѣхъ признаковъ, которые казались намъ наиболѣе постоянными. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и наши понятія о предметахъ. Такимъ образомъ, понять предметъ природы значитъ просто замѣтить его признаки, кажущіеся намъ наиболѣе постоянными, и соединить ихъ въ одно *понятіе* предмета. Въ этомъ дѣлѣ могущественную помощь нашему изученію природы оказываетъ *классификація*.

13. Если мы захотимъ перечислить всѣ признаки какого-нибудь предмета природы, то найдемъ, что это довольно длинно. Такъ, перечисляя признаки золота, напримѣръ, мы должны сначала показать, что золото есть тѣло, потомъ перечислить признаки, отличающіе его отъ организма, потомъ признаки, отличающіе его отъ другихъ минераловъ, затѣмъ признаки, отличающіе его отъ другихъ металловъ, т. е. спеціальные признаки золота, какъ одного изъ металловъ. Но, вмѣсто всего этого, мы прямо говоримъ: «золото есть металлъ», и потомъ уже перечисляемъ специфическіе признаки золота, какъ одного изъ металловъ. Намъ нужно только указать мѣсто золота между металлами, потому что металлы имѣютъ уже для насъ свое опредѣленное мѣсто въ числѣ дру-

[1]) Эту шаткость нашу въ отличіи признаковъ существенныхъ или несущественныхъ замѣтилъ и Миль.

гихъ предметовъ природы. Классификація, слѣдовательно, служитъ къ опредѣленію предметовъ и есть прекрасный, сокращающій пріемъ, которымъ обширно пользуется не только наука, но и вообще всякій человѣкъ въ своемъ мышленіи. Вмѣсто того, чтобы перечислять безчисленные признаки какого-нибудь растенія или какого-нибудь животнаго, мы только указываемъ мѣсто его въ системѣ растеній или животныхъ, и большая часть труда въ опредѣленіи предмета уже выполнена. Послѣ этого намъ останется только перечислить какіе-нибудь особенные признаки или отношенія опредѣляемаго нами предмета къ обыкновеннымъ условіямъ міра, обитаемаго нами: такъ, напримѣръ, показать мѣстность, въ которой растетъ опредѣляемое растеніе, время, когда оно цвѣтетъ, дѣйствіе его на животныхъ, приложимость въ промышленности и т. п. Смотря на классификацію съ этой точки зрѣнія, мы вовсе не посовѣтуемъ педагогамъ пренебрегать ею, какъ это было вошло въ моду при антагонизмѣ со схоластикою, которая, дѣйствительно, ударившись въ крайность, вся почти превратилась въ классификацію, да еще и искусственную.

14. Понять предметъ природы, слѣдовательно, значитъ только изучить его признаки, т. е. его отношенія къ другимъ предметамъ и дать ему надлежащее мѣсто въ числѣ предметовъ доступнаго намъ міра: опредѣлить родъ, видъ и особенность предмета. Всего же этого мы достигаемъ единственно процесомъ сравненія, отысканіемъ сходства и различія между предметами; слѣдовательно, пониманіе предмета не превышаетъ средствъ нашего сознанія и не требуетъ никакой новой способности, кромѣ основной способности сознанія — находить сходство и различіе между предметами, или лучше, между тѣми ощущеніями, которыя вызываются въ насъ предметами природы.

Пониманіе явленій природы.

15. Причина шаткости нашихъ понятій о предметахъ природы выражается въ явленіяхъ. *Явленіе* есть перемѣна признаковъ. Тѣло увеличивается въ объемѣ, пріобрѣтаетъ или теряетъ цвѣтъ, измѣняетъ форму, перемѣняетъ мѣсто, при приближеніи другихъ предметовъ выказываетъ новыя свойства, и т. п. Но такъ какъ признаковъ неизмѣнныхъ нѣтъ, то и справедливо называютъ всякій предметъ явленіемъ. Однако же эти слова не могутъ замѣнять одно другое, какъ совершенные синонимы. Между явленіемъ и предметомъ мы не можемъ открыть объективной разницы, но есть разница субъективная, психическая. Если мы разсматриваемъ камень безъ отношенія ко времени и къ перемѣнѣ его признаковъ во времени, то мы видимъ въ немъ предметъ; но если мы изучаемъ геологическое происхожденіе камня, то мы уже видимъ въ немъ только явленіе. Предметъ въ пространствѣ есть для насъ предметъ, предметъ во времени есть для насъ явленіе. Въ сущности же

это одно и тоже, и разница тутъ только психическая, и между *предметомъ и явленіемъ тоже самое отношеніе, какъ между пространствомъ и временемъ.*

16. Въ природѣ мы замѣчаемъ явленія двухъ родовъ: перваго рода явленія Платонъ называетъ *перемѣною*, втораго рода—*переходомъ* [1]). Въ *одныхъ* явленіяхъ признаки измѣняются безъ перемѣны предметомъ мѣста; снѣгъ таетъ, листъ желтѣетъ, вода твердѣетъ и т. п.; въ *другихъ* явленіяхъ предметъ перемѣняетъ мѣсто и эту перемѣну мѣста предметомъ мы также называемъ явленіемъ. Движеніе, слѣдовательно, есть только особаго рода явленіе. Но мы относимся къ движенію совсѣмъ не такъ, какъ къ другимъ явленіямъ. Движеніе для насъ понятнѣе, именно потому, что мы сами можемъ производить движеніе; мало этого, даже перемѣна признаковъ предмета кажется для насъ понятнѣе, когда мы представляемъ ихъ себѣ какъ движенія: такъ, напримѣръ, когда мы стали представлять себѣ явленіе тепла, какъ движеніе частицъ (молекюлей), или, когда мы стали представлять себѣ измѣненія въ цвѣтахъ, какъ измѣненія въ движеніи лучей, то и то, и другое стало для насъ какъ бы понятнѣе: внѣ формы движеній мы не можемъ представить себѣ перемѣны признаковъ. Такъ ли это или не такъ во внѣшней природѣ, этого мы не знаемъ; но мы не можемъ представить себѣ перемѣны иначе, какъ въ формѣ движеній. Вотъ почему уже древніе философы, Платонъ и Аристотель, хотя отдѣляютъ *переходъ* тѣла съ мѣста на мѣсто отъ *перемѣнъ*, но смотрятъ уже и на *перемѣны* какъ на движенія особаго рода. Новая же наука всѣ перемѣны въ предметѣ пытается изъяснять движеніями, которыя мы ощущаемъ только въ ихъ результатахъ.

17. Къ явленію мы относимся точно также, какъ и къ предмету, только слово *признакъ* перемѣняется нами въ слово *условіе*. Въ предметахъ мы также замѣчаемъ признаки и отдѣляемъ болѣе постоянные отъ менѣе постоянныхъ. Въ явленіяхъ мы замѣчаемъ *условія* явленій, т. е. тѣже признаки и называемъ условіями только постоянные признаки явленій. Понять предметъ—значитъ составить о немъ понятіе, т. е. соединить признаки предмета, кажущіеся намъ болѣе постоянными, въ одно понятіе: понять явленіе значитъ тоже самое—составить понятіе о явленіи изъ признаковъ или условій, которые мы считаемъ постоянными.

18. Пониманіе предмета относится къ пониманію явленія точно также, какъ самый предметъ относится къ явленію. Предметъ есть явленіе въ пространствѣ, явленіе есть предметъ во времени: при постиженіи предмета мы представляемъ себѣ признаки существующими *одновременно*, при постиженія явленія мы представляемъ признаки его *разновременно*, т. е. слѣдующими другъ за другомъ. Только въ явленіи

[1]) Dialogues de Platon. Théététe ou de la Science. Къ *переходу* слѣдуетъ отнести и вращеніе тѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ; ибо здѣсь части тѣла видимо мѣняютъ мѣсто, хотя все тѣло продолжаетъ занимать одно и тоже мѣсто.

видимаго движенія *разномѣстность* и *разновременность* соединяются нами въ одну идею *движенія*.

Постиженіе причинъ въ явленіяхъ природы.

19. Слово *причина* такъ злоупотреблялось, что оно кажется намъ чѣмъ-то таинственнымъ, тогда какъ психическое происхожденіе этого понятія очень просто. Собственно говоря, мы *постигаемъ* вполнѣ причину только тѣхъ явленій, которыхъ причиною мы сами являемся. Книга была на одномъ столѣ и очутилась на другомъ, и причину этого явленія я вполнѣ постигаю, потому что я самъ переложилъ книгу. *Это единственная причина, которую человѣкъ вполнѣ постигаетъ.* Видя же напримѣръ, что за нагрѣваніемъ тѣла слѣдуетъ его расширеніе, я тутъ *ровно ничего не постигаю*, а только замѣчаю последовательность явленій, и *явленіе предшествующее называю причиной, а явленіе послѣдующее—слѣдствіемъ*, когда замѣчаю, что они постоянно идутъ вмѣстѣ и именно въ томъ же порядкѣ. Будутъ ли всегда они слѣдовать въ томъ же порядкѣ—этого мы не знаемъ, а только *вѣримъ*, что должно-быть будутъ, вѣримъ до того сильно, что если, напримѣръ, замѣчаемъ, что вода, охладившись до 4 градусовъ и продолжая охлаждаться далѣе, не сжимается уже въ объемѣ, а напротивъ расширяется, то думаемъ, что это зависитъ отъ какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, можетъ быть, отъ кристаллизація частицъ воды, но не хотимъ признать, что тѣло, охлаждаясь, можетъ увеличиваться въ объемѣ, а нагрѣваясь, можетъ уменьшаться. Мы говоримъ, что причина, по которой всѣ тѣла падаютъ на землю, есть тяготѣніе: но сказать это—значитъ сказать только, что всѣ тѣла падаютъ на землю, и что всѣ тѣла, близкія къ солнцу, также упали бы на солнце, а близкія къ Сатурну, упали бы на Сатурна. Это не болѣе, какъ расширеніе нашихъ опытовъ, изъ котораго вытекаетъ убѣжденіе, что они всегда и вездѣ будутъ также совершаться. Причины, почему тѣла увеличиваются въ объемѣ отъ нагрѣванія и почему тѣла взаимно притягиваются, мы по прежнему не постигаемъ, а только убѣдились въ томъ, что при всѣхъ обстоятельствахъ, какія намъ доступны, эти явленія совершаются такъ, а не иначе, и что если кожа отъ нагрѣванія сжимается, то это потому, что въ ней есть влага, испаряющаяся отъ тепла, и если облака не падаютъ на землю, а извѣстные газы рвутся вверхъ, то причиною этого является воздухъ, мѣшающій этимъ тѣламъ подчиниться притяженію земли.

20. Какъ, при изученіи предмета, мы отдѣляемъ болѣе постоянные признаки отъ менѣе постоянныхъ, и не можемъ никогда съ увѣренностью добраться до признака неизмѣннаго, т. е. до субстанціи предмета, точно также и изучая причину явленій, мы отдѣляемъ обстоятельства, только сопровождающія явленіе, отъ тѣхъ, которыя, по нашему мнѣнію, составляютъ необходимое его условіе; но точно также, какъ не можемъ мы

добраться до субстанціи предмета, не можемъ мы добраться и до причины явленій. Произведя сами извѣстное условіе, мы вызываемъ всегда одно и тоже явленіе, т. е. произведя сами какое-нибудь явленіе и видя, что всякій разъ за нимъ слѣдуетъ другое, мы говоримъ, что мы знаемъ причину явленія, но собственно мы вовсе ее не знаемъ. Деревенскій знахарь, дающій больному какой-нибудь корешокъ съ причитываніемъ и пришептываніемъ, приписываетъ явленіе, происходящее за тѣмъ въ больномъ, отчасти корешку, а больше своимъ пришептываньямъ и причитываньямъ. Но медикъ, дающій хинину противъ лихорадки, знаетъ ли причину прекращенія лихорадки? Въ корѣ хиннаго дерева развѣ нѣтъ множества элементовъ, которые также не нужны для прекращенія лихорадки, какъ и причитанія знахаря? Положимъ, однако, что химія, наконецъ, удалось выдѣлить изъ хинной корки именно тотъ элементъ, который прекращаетъ лихорадку, но увѣрена ли химія въ простотѣ своихъ простыхъ элементовъ? Можетъ ли быть она вполнѣ увѣрена въ томъ, что въ элементѣ, выдѣленномъ ею изъ хинной корки и прекращающемъ лихорадку, *все* необходимо для произведенія этого дѣйствія? Такимъ образомъ, собственно говоря, мы не можемъ ни одного условія явленій природы такъ уединить, чтобы быть убѣжденнымъ, что въ этомъ условіи нѣтъ ничего лишняго, ничего такого, что не было бы необходимо для произведенія извѣстнаго явленія. Если же мы не можемъ этого сдѣлать, то не можемъ и *указать* настоящей причины явленія, а не только уже постичь, *почему* и *какъ* эта причина вызываетъ извѣстное слѣдствіе.

21. Мы знаемъ только одну, *простую* причину явленій—это нашу собственную волю и переносимъ чувство этой причины въ изученіе причинъ явленій природы, ищемъ и тамъ такой же простой, понятной для насъ причины, но не находимъ ее точно также, какъ не находимъ и субстанціи вещей. Идея причины и идея субстанціи берутся нами изъ внутренняго, душевнаго опыта или, вѣрнѣе сказать,—изъ чувства, присущаго каждому изъ насъ, что мы существуемъ и по нашей волѣ можемъ производить тѣ или другія измѣненія въ предметахъ природы. Изъ нашего внутренняго опыта мы вносимъ идею субстанціи и причины во внѣшній для насъ міръ, ищемъ тамъ ихъ упорно и не находимъ. Но мы скажемъ объ этомъ переносѣ подробнѣе въ особенной главѣ.

Законы явленій.

22. Если мы замѣчаемъ такое соотношеніе между двумя явленіями—*предшествующимъ* и *послѣдующимъ*, т. е. между причиною и слѣдствіемъ, что можемъ выразить это соотношеніе *въ математической формулѣ*, то называемъ эту формулу *закономъ* явленія. Наблюдая, напримѣръ, что каждое тѣло падаетъ на землю, и вычисляя, съ какою скоростью оно падаетъ, мы *отвлекаемъ* это явленіе отъ всѣхъ несущественныхъ обстоятельствъ, которыя могли бы помѣшать тѣлу упасть или

замедлить скорость его паденія. Выразивъ же эту скорость въ математической формулѣ, мы называемъ ее закономъ паденія тѣлъ. Мы говоримъ—скорость паденія тѣлъ пропорціональна квадратамъ ихъ разстояній отъ земли; но это есть не болѣе, какъ описаніе явленія, отвлеченное отъ всѣхъ несущественныхъ обстоятельствъ, которыя могли бы измѣнить его. *Сравнивъ* разстояніе тѣла отъ земли и скорость паденія тѣла, мы выразили отношеніе между двумя этими представленіями въ математической формулѣ: вотъ все, что мы сдѣлали.

23. Такимъ образомъ мы видимъ, что постиженіе предметовъ природы, постиженіе ея явленій, ихъ законовъ и причинъ, доставляетъ намъ все тотъ же разсудочный процессъ, который мы изучили уже въ образованіи понятій. Понять предметъ природы, или явленіе, или законъ этого явленія, или его причину значитъ все тоже, что составить понятіе о предметѣ. Но мы видимъ также, что въ этомъ процессѣ принимаютъ дѣятельное и существенное участіе какія-то *предубѣжденія* съ нашей стороны, *предразсудки*, если можно такъ выразиться, вникая въ этимологію слова. Не испытывая субстанціи нигдѣ во внѣшнемъ мірѣ, мы ищемъ ее въ вещахъ; не зная *причины* ничему, что не сдѣлано нами, мы вездѣ ее предполагаемъ, какъ необходимую. Мы вносимъ понятіе субстанціи и причины, какъ нѣчто уже готовое, въ тотъ разсудочный процессъ, которымъ мы постигаемъ предметы природы и ея явленія. Эти убѣжденія, слѣдовательно, *предшествуютъ* разсудочному процессу, и вотъ почему мы можемъ ихъ назвать *предразсудками*, если только не убѣдимся, что они вытекли изъ того же самаго разсудочнаго процесса, Къ такимъ предразсудкамъ относится не одна идея или, лучше сказать, не одно чувство субстанціи и причины; но также понятіе *времени*, *пространства*, *матеріи* и *силы*. Вотъ почему, не продолжая далѣе изученія разсудочнаго процесса, мы должны прежде всего задать себѣ вопросъ: откуда и какимъ образомъ входятъ въ него эти убѣжденія, повидимому, не вытекающія изъ опыта, но тѣмъ не менѣе предшествующія всякому опыту; откуда появляются въ нашемъ разсудочномъ процессѣ эти *предразсудки*, безъ которыхъ не можетъ однако совершаться самъ разсудочный процессъ?

ГЛАВА XXXV.

Образованіе понятій времени, пространства и числа.

1. Вопросъ объ образованіи въ насъ понятій времени и пространства всегда былъ однимъ изъ труднѣйшихъ въ метафизикѣ и психологіи. Трудность здѣсь въ томъ, что всѣ *предметы* внѣшняго для насъ міра и всѣ его *явленія* представляются намъ не иначе, какъ уже размѣщенными въ пространствѣ и совершающимися во времени, изъ чего само собою выходитъ, что понятія о пространствѣ и времени должны были образоваться въ насъ прежде всѣхъ другихъ представленій. Изъ какихъ

же представленій могли образоваться эти понятія, если въ каждомъ нашемъ представленіи они уже являются готовыми? Получить ихъ изъ непосредственныхъ ощущеній, этихъ простыхъ элементовъ каждаго представленія, мы также не могли: всѣ ощущенія наши вызываются въ насъ вліяніями матеріальныхъ предметовъ внѣшняго міра на нашу нервную систему; но такого матеріальнаго предмета, какъ время, или такого, какъ пространство, во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ. Одно ощущаемъ мы нервами зрѣнія, другое—нервами слуха, третье—нервами осязанія; но какими же нервами ощущаемъ мы время или пространство?

2. Такое положеніе понятій времени и пространства заставило многихъ мыслителей признать идеи пространства и времени уже врожденными душѣ. Локкъ, вооружившійся вообще противъ всякой врожденности идей, доказываетъ конечно и эмпирическое происхожденіе нашихъ понятій о пространствѣ и времени [1]). Кантъ, знакомый съ доказательствами Локка, однако не удовольствовался ими и призналъ понятіе пространства и времени понятіями апріорными, то-есть, не выведенными изъ опыта. «Пространство, говоритъ Кантъ, не есть эмпирическое понятіе, выведенное изъ какого-нибудь внѣшняго опыта. Ибо при внѣшнемъ опытѣ тѣ или другія ощущенія относятся къ чему-то внѣ меня, и для того, чтобы я могъ представить ихъ внѣ меня и одно *подлѣ* другаго, не только различными, но и въ различныхъ мѣстахъ, въ основѣ должно уже находиться представленіе пространства». «Представленіе пространства, говоритъ Кантъ далѣе, не можетъ быть извлечено изъ отношеній внѣшнихъ явленій посредствомъ опытовъ, ибо самъ внѣшній опытъ возможенъ только при представленіи пространства». Эти основанія заставили Канта назвать пространство «необходимымъ представленіемъ a priori, лежащимъ въ основѣ всѣхъ нашихъ внѣшнихъ созерцаній». Но такъ-какъ въ то же время онъ не признавалъ его и вообще за понятіе, то и назвалъ его «чистымъ созерцаніемъ» [2]), т. е. другими словами, тою же врожденною идеею. Тоже самое и почти въ тѣхъ же словахъ высказалъ Кантъ и о времени. «Время, говоритъ онъ, не есть эмпирическое понятіе, выведенное изъ какого-нибудь опыта, ибо современность или послѣдовательность (явленій) не могли бы быть восприняты нами, еслибы представленіе времени a priori не лежало уже въ основаніи». Слѣдовательно, «время есть необходимое представленіе, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ созерцаній» [3]). Не забудемъ, что, отправляясь отъ этихъ положеній, Кантъ приходилъ къ очень важнымъ выводамъ: такъ, наприм., признавалъ геометрію «наукою, опредѣляющею свойство пространства синтетически и a priori», и вообще называлъ «время и пространство двумя источниками знанія, изъ которыхъ, a priori, могутъ почерпаться различныя синтетическія познанія, какъ это блестящимъ

[1]) Locke's Works. Of hum. Underst. B. II. Ch. II. § 2, 3. Ch. XIII und Ch. XIV.

[2]) Krit. der Rein. Vern. Edit. Hartenstein. S. 62, 63.

[3]) Ibid. S. 69.

образомъ доказала чистая математика въ отношеніи постиженія пространства и его отношеній» [1]). Въ настоящее время защитники опыта въ психологіи, какъ напр. Бэнъ, Вундтъ и др., безъ сомнѣнія продолжаютъ доказывать опытное происхожденіе этихъ основныхъ понятій человѣческаго мышленія, а защитники самостоятельности душевной жизни, какъ напр. Лотце, принимаютъ наоборотъ, что идеи пространства и времени несомнѣнно врождены душѣ, и что самое существованіе пространства и времени во внѣшнемъ мірѣ не можетъ быть доказано. «Можетъ быть, говоритъ Лотце, внѣшній міръ и размѣщенъ въ пространствѣ, можетъ быть событія дѣйствительно протекаютъ во времени, и въ такомъ случаѣ наше сознаніе, выражаясь своимъ собственнымъ языкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ угадало и языкъ вещей. Но черезъ это дѣятельность сознанія не измѣнилась и не сдѣлалась менѣе принадлежащею сознанію» [2]).

3. Мы считаемъ безполезнымъ входить здѣсь въ разборъ различныхъ мнѣній, высказанныхъ по этому поводу [3]); но, скажемъ прямо, что отчетливая постройка Кантомъ категорій пространства и времени, и полное выдѣленіе чувства мускульныхъ движеній изъ внѣшнихъ чувствъ, сдѣланное англійскими психологами, начиная съ Броуна [4]), даетъ намъ

---

[1]) Ibid. S. 75. Не Кантъ первый указалъ на невозможность вывести изъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ идеи пространства и времени. Эта мысль встрѣчается уже у Аристотеля; она очень ясно высказана Гутчесономъ; около нея ходитъ и Ридъ; но Гамильтонъ, толкователь Рида, имѣлъ полное право сказать, что „первый Кантъ высказалъ великое ученіе, что время есть основное условіе, форма или категорія мысли" (Read. Vol. I. p. 124. Примѣч. Гамильтона 2). Можно быть увѣреннымъ, что Гамильтонъ, отлично знавшій и Канта, и Рида, и Локка, не отзывался бы съ такимъ глубокимъ уваженіемъ о Кантѣ, еслибы видѣлъ въ немъ человѣка, безцеремонно заимствующаго свои мысли у англійскихъ мыслителей, да еще и превращающаго ихъ въ «чепуху», какъ высказано было недавно въ нашей литературѣ.

[2]) Mikrokosmos v. Lotze. 1856. B. I. S. 251. Замѣчательно, какъ по этому же поводу выражается Ридъ: «Есть философы (Беркли и Юмъ), которые утверждаютъ, что тѣло есть только собраніе того, что мы называемъ ощущаемыми качествами... Для меня же ничто не кажется болѣе нелѣпымъ, какъ признать, что можетъ быть протяженіе безъ чего-нибудь протяженнаго или движеніе безъ чего-нибудь движимаго; но я не могу дать доказательства моего мнѣнія, потому что оно кажется само собою очевиднымъ и непосредственнымъ изрѣченіемъ моей природы». Неужели же это похоже на то, что высказалъ Кантъ? (Read. Vol. I. p. 322).

[3]) Есть еще одно оригинальное мнѣніе о происхожденіи въ насъ идеи пространства и это мнѣніе принадлежитъ, кажется, Мюллеру; а именно, что душа наша ощущаетъ свой нервный организмъ въ протяженіи. Но это мнѣніе не выдерживаетъ кантовскаго анализа, ибо нервный организмъ будетъ тогда для души тоже только внѣшнимъ явленіемъ.

[4]) Bain. The Senses. p. 71.

теперь возможность уяснить себѣ гораздо болѣе прежняго происхожденіе въ человѣкѣ понятій пространства и времени, а равно понятій числа, движенія, покоя, матеріи, силы и причины, которыя уже Гутчесонъ помѣщалъ въ одинъ разрядъ понятій, происхожденіе которыхъ не можетъ быть объяснено вполнѣ изъ дѣйствія внѣшнихъ чувствъ.

4. Прежде всего обратимъ вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что отсутствіе зрѣнія, и даже отсутствіе слуха и дара слова вмѣстѣ, не мѣшаютъ образованію въ человѣкѣ очень вѣрныхъ понятій о пространствѣ и времени. Слѣпорожденные нерѣдко удивляютъ зрячихъ своимъ точнымъ измѣреніемъ пространства или, другими словами, вѣрностью своихъ движеній, которая была бы невозможна, если бы слѣпые не имѣли точныхъ ощущеній быстроты или медленности своихъ движеній и точнаго понятія о предѣлахъ пространства, въ которыхъ эти движенія совершаются. Уже для того только, чтобы ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и не натыкаться безпрестанно на стѣны, слѣпой долженъ вѣрно измѣрять отношеніе между быстротой своихъ движеній и величиною комнаты; но съ какою точностью онъ долженъ представлять себѣ фигуру тѣлъ, чтобы вырѣзывать изъ дерева съ такимъ совершенствомъ, съ какимъ иногда вырѣзываютъ и лѣпятъ изъ воску слѣпорожденные? Съ другой стороны, если мы представимъ себѣ человѣка, одареннаго зрѣніемъ, слухомъ и осязаніемъ, но лишеннаго возможности мускульныхъ движеній, то легко поймемъ, что такой *человѣкъ-растеніе* не помѣщалъ бы все ощущаемое имъ нигдѣ внѣ самого себя; ибо онъ не могъ бы даже узнать, что у него есть тѣло, отдѣльное отъ тѣхъ явленій, которыя онъ ощущаетъ, и занимающее мѣсто въ пространствѣ между другими тѣлами, а просто испытывалъ бы различныя ощущенія, какъ различныя свои состоянія. Вотъ что побуждаетъ насъ не соглашаться съ тѣми психологами, которые, какъ напр. Вундтъ, придаютъ главное значеніе зрѣнію въ образованіи понятія о пространствѣ [1]). Правда слѣпые медленнѣе зрячихъ сознаютъ различныя разстоянія; но, тѣмъ не менѣе, доказываютъ собою, что безъ помощи зрѣнія могутъ быть не только пріобрѣтаемы очень точныя понятія разстояній, но и составляемы ясныя представленія формы тѣлъ; тогда какъ легко представить, что зрѣніе само по себѣ не можетъ намъ дать понятій о пространствѣ. Слухъ же вовсе не участвуетъ въ опредѣленіи пространства [2]), хотя въ послѣдствіи, комбинируя свою дѣятельность съ дѣятельностью зрѣнія и осязанія, а болѣе всего съ дѣятельностью памяти, можетъ служить къ разпознаванію отдаленности или положенія въ пространствѣ звучащихъ тѣлъ.

5. Слѣдовательно, понятіе о пространствѣ и времени можетъ возникнуть изъ двухъ источниковъ: *чувства мускульныхъ движеній* и *чувства осязанія*. Впрочемъ легко видѣть, что чувство осязанія, взятое въ точномъ смыслѣ этого слова, само по себѣ не можетъ еще

[1]) Thier- und Menschenseele. Vorles. XVI. S. 262.

[2]) Muller. Man. de Phys. T. II. p. 460.

дать намъ понятій о пространствѣ и времени. Ощущеніе тепла или холода не ограничивается собственно никакимъ мѣстомъ, а ощущеніе мѣстнаго прикосновенія какого-нибудь тѣла. судя по выводамъ физіологіи, есть въ началѣ общее ощущеніе, испытываемое въ центральныхъ мозговыхъ органахъ, и только уже въ послѣдствіи, черезъ посредство цѣлой цѣпи опытовъ, пріучается человѣкъ давать опредѣленное мѣсто своимъ осязательнымъ ощущеніямъ, оріентировать ихъ[1]); слѣдовательно, осязаніе само нуждается еще въ опытахъ, чтобы сдѣлаться ощущеніемъ мѣстнымъ, и потому не можетъ дать намъ понятія мѣстности.

6. Признавъ однако чувство мускульныхъ движеній за первоначальный и главный дѣятель въ образованіи нашихъ понятій о пространствѣ и времени, мы должны задаться слѣдующимъ вопросомъ: положимъ, что всякому мускульному ощущенію движенія должно уже предшествовать произвольное движеніе; но не должно ли всякому произвольному движенію предшествовать сознаніе пространства? Не нужно ли, прежде-чѣмъ двинуться, сознавать, что можно двинуться, что есть пространство для движенія? Такими вопросами и дѣйствительно задаются психологи-метафизики, какъ напр., Фортлаге; но мы, *не выходя изъ области опытовъ*, можемъ сказать, что не знаемъ въ психическихъ явленіяхъ ничего, предшествующаго произвольному движенію. «Произвольныя движенія, говоритъ Мюллеръ, выполняются зародышемъ прежде чѣмъ какой-нибудь предметъ можетъ произвести на него впечатлѣніе, прежде-чѣмъ можетъ составиться идея о томъ, что̀ произойдетъ отъ такихъ движеній: зародышъ движетъ своими членами только потому, что можетъ ими двигать». Предшествуетъ ли такому движенію *воля*, какъ утверждаетъ Шопенгауеръ [2]), или *стремленіе* (Trieb), какъ проводитъ Фортлаге [3]) и Браубахъ [4]), мы этого *фактически* знать не можемъ. Думаемъ, однако, что слово *стремленіе* слишкомъ неопредѣленно, чтобы мы могли придать ему въ этомъ случаѣ какой-нибудь смыслъ. Стремленіе—къ чему? Не слѣдуетъ ли всякому стремленію предпослать знаніе, или, по крайней мѣрѣ, чувство того, къ чему оно стремится? Точно также и воля, ничѣмъ неопредѣленная, не есть еще воля, а только возможность воли, душевная способность, еще непроявившаяся. Скорѣе всего можно предположить, что первыя движенія человѣка вызываются какимъ-нибудь *внутреннимъ* чувствомъ, изъ разряда чувствъ *сердечныхъ;* можетъ быть, чувствомъ недовольства своею бездѣятельностью, которое и впослѣдствіи часто вызываетъ въ насъ движенія, неимѣющія никакой опредѣленной цѣли, кромѣ удовлетворенія потребности движенія; а можетъ быть *органическимъ* чувствомъ голода, жажды и т. п. Бэнъ

---

[1]) См. выше, гл. XIII п. 8.

[2]) Die Welt als Wille und Vorstellung. Leipzig. 1819. S. 28, 29.

[3]) System der Psychologie als empyrische Wissenschaft. 1855. Vorr. S. XIX.

[4]) Psychologie des Gefühls. 1847. S. 16.

тоже принимаетъ движеніе первымъ фактомъ обнаруживанія жизни [1]), но хочетъ объяснить это явленіе накопленіемъ нервной силы въ центральныхъ органахъ нервной системы [2]). Бэнъ ссылается въ этомъ случаѣ на *Миллера*, забывая, что Миллеръ говоритъ не о движеніяхъ вообще, а о движеніяхъ *произвольныхъ*, которыми физіологія только и можетъ отличать жизнь животную отъ жизни растительной, *такъ-какъ другаго различающаго признака покуда не найдено*. Всякая же безжизненная сила, къ которой конечно слѣдуетъ причислить и силу электричества, хотя бы и нервнаго, а равно и силу всякаго тока, хотя бы тоже «нервнаго», какой, напр. принимается Бэномъ, движется конечно по законамъ всякой другой жидкости и всякаго другаго газа, а потому можетъ дать только механическія движенія, по которымъ физіологія не могла бы признать животнаго.

7. Не вдаваясь, впрочемъ, въ метафизическія изысканія и просто признавъ физіологическій фактъ, что произвольныя движенія предшествуютъ опредѣленнымъ ощущеніямъ, для воспріятія которыхъ у зародыша можетъ быть еще не развиты и органы, мы можемъ отправиться отъ этого факта далѣе въ нашихъ наблюденіяхъ. Очевидно, что вмѣстѣ съ развитіемъ органовъ, и прежде всего конечно органа осязанія (кожи), живое существо, движущееся «безо всякой идеи» или, лучше сказать, безо всякой *извѣстной* намъ идеи, будетъ, тѣмъ не менѣе, наталкиваться на ощущенія, будетъ ощущать *послѣдствія* своихъ движеній. «Органическая потребность движеній, говоритъ Гербартъ, сопровождается при выполненіи ощущеніями, а эти ощущенія комбинируются съ ощущеніями двигаемыхъ членовъ» [3]). Гербарту слѣдовало только добавить, что эту органическую потребность движенія душа испытываетъ прежде всѣхъ прочихъ ощущеній; но это противорѣчило бы теоріи Гербарта, у котораго душа является только лейбницевскою монадою и, притомъ, лишенною всякой особенности.

8. Это предшествованіе движеній ощущеніямъ и вызовъ ощущеній движеніями проливаетъ яркій свѣтъ на то психическое явленіе, которое привело Канта и другихъ мыслителей къ одностороннему умозаключенію о врожденности душѣ идей времени и пространства. Дѣйствительно, всякое опредѣленное ощущеніе наше изъ внѣшняго міра предполагаетъ уже

---

[1]) The Emotion and the Wille, p. 327.

[2]) The Senses and Intellect. p. 76.

[3]) Lerhbuch zur Psychologie § 47. «Движеніе, говоритъ Вундтъ, есть средній членъ между двумя ощущеніями: между ощущеніемъ, которое есть послѣдствіе внѣшняго впечатлѣнія, и ощущеніемъ, возникающимъ изъ движенія» (Thier und Mensch.-Seele. B. I. Vorl. XVI. S. 224). Здѣсь слѣдовало только переставить слова и сказать: движеніе есть средній членъ между ощущеніемъ, возникающимъ изъ движенія, и ощущеніемъ внѣшняго впечатлѣнія, вызваннаго при столкновеніи движущагося существа съ тѣломъ внѣшняго міра.

готовыми понятія о пространствѣ и времени; но это объясняется не врожденностью этихъ понятій душѣ, а тѣмъ, что движенія и ощущеніе движеній *предшествуютъ* въ самой исторіи развитія человѣка всякому другому опредѣленному ощущенію. Понятія пространства и времени возникаютъ изъ опыта, какъ и всѣ другія понятія; но изъ опытовъ не *пассивныхъ*, а *активныхъ*, изъ опытовъ движеній, которые даютъ намъ разомъ сознаніе времени и пространства и какое-нибудь опредѣленное ощущеніе или, выражаясь точнѣе, даютъ намъ ощущенія уже въ пространствѣ и времени. Попробуемъ же начертить исторію опытнаго образованія этихъ понятій. Хотя конечно первое развитіе души, какъ удачно выразился Лотце, открыто только нашимъ догадкамъ, какъ и первыя эпохи земли [1]; но психологъ имѣетъ то преимущество передъ геологомъ, что въ каждомъ изъ насъ живо чувство возможности тѣхъ или другихъ психическихъ событій, и этимъ чувствомъ мы можемъ повѣрять наши догадки.

9. Предположимъ, что первое движеніе, откуда бы ни выходилъ его мотивъ, уже совершено живымъ существомъ, лишеннымъ еще зрѣнія и слуха, и совершено притомъ въ пустомъ пространствѣ, такъ-что чувство осязанія не было затронуто. Можно ли почувствовать такое движеніе? Если мы, двигая руку въ темной комнатѣ, ощущаемъ движеніе, то не оттого ли это, что мы уже воображаемъ себѣ руку, какъ бы видимъ ее движущеюся? Конечно, нѣтъ; потому-что независимо отъ направленія движеній, мы ощущаемъ то *усиліе*, которое употребляется нами, чтобы привести въ движеніе наши члены. Слѣпые очень ясно сознаютъ направленіе движенія своихъ рукъ и своихъ пальцевъ, если могутъ лѣпить изъ воску или рѣзать изъ дерева, а между тѣмъ они никогда не видѣли ни своихъ движеній, ни даже своей руки. Какъ же объяснить это явленіе? Оно объясняется единственно тѣмъ, что мы ощущаемъ *усилія*, употребляемыя нами на движеніе. Если носильщику, несущему три пуда, прибавить къ нимъ еще одинъ, то, безъ сомнѣнія, онъ почувствуетъ прибавку тяжести. Но что же собственно онъ чувствуетъ, какъ не прибавку въ расходѣ силъ? Вотъ почему мы имѣемъ основаніе утверждать, что и движеніе членовъ, не вызывающее внѣшнихъ ощущеній, уже само собою порождаетъ ощущеніе и именно ощущеніе *расхода* силъ на движеніе, или, вѣрнѣе, той прибавки въ *усиліи* души, которую она ощущаетъ, все болѣе и болѣе возбуждая къ сокращенію мускулы, все болѣе и болѣе тратящіе силу. Пояснимъ эту послѣднюю мысль, такъ какъ въ ней именно лежитъ ключъ къ отгадкѣ образованія въ насъ идеи пространства и времени.

10. Мы не могли бы ощущать расхода силъ, а равно увеличиванія или уменьшенія въ этомъ расходѣ, если бы ощущаемое и ощущающее были въ этомъ случаѣ одно и то же, или, другими словами: сила расходуемая не можетъ сама чувствовать, что она расходуется и въ какой

[1]) Mikrokosmos. B. I. S. 211.

мѣрѣ она расходуется. На это обстоятельство, сколько намъ извѣстно, ни одинъ психологъ и физіологъ не обратили должнаго вниманія; *а оно очень важно*. Положимъ, что какое-нибудь внѣшнее раздраженіе, дѣйствующее на нервы чувства, вызываетъ рефлексъ въ нервахъ движенія и сокращеніе въ мускулахъ. На это сокращеніе тратятся силы организма, заготовленныя имъ изъ пищи; но откуда же здѣсь возьмется то *чувство усилія*, которое мы такъ ясно сознаемъ въ себѣ при всякомъ, сколько-нибудь интензивномъ произвольномъ движеніи? Откуда возьмется не сила,—источникъ силы мы знаемъ,—но самое *усиліе?* Организмъ далъ бы все, что можетъ дать, и въ той мѣрѣ, которая опредѣляется раздраженіемъ—вотъ и все. Если бы что-нибудь, при такомъ положеніи дѣла, могло ощущать *усиліе*, то это само внѣшнее раздраженіе, вызывающее силы организма на трату въ мускульномъ движеніи. Но внѣшнее раздраженіе для насъ *внѣшнее*, и если у него есть усилія, какъ у человѣка, который насъ толкаетъ, то это *не наше* усиліе и мы чувствовать его не можемъ. Мы видѣли выше [1]), что сокращающійся мускулъ тратитъ не только тѣ силы, которыя есть у него въ запасѣ (да и тѣ превращаются въ силу движенія уже при раздраженіи мускула), но тратитъ вообще силы организма, поглощая ихъ изъ другихъ органическихъ процессовъ, чѣмъ и объясняется сверхштатная дѣятельность раздражаемаго мускула. Но что же можетъ вызвать такое передвиженіе силъ въ организмѣ или ихъ превращеніе изъ элементовъ, вносимыхъ въ мускулъ кровью, въ силу движенія, выражающуюся сокращеніемъ мускула? Если внѣшнее раздражающее вліяніе, то оно же должно бы и чувствовать усиліе; а чувствуемъ его *мы*. И дѣйствительно, при движеніяхъ, совершенно непроизвольныхъ, какъ бы они сильны не были, напр. въ судорогахъ, доводящихъ иногда больнаго человѣка до совершеннаго истощенія, самъ человѣкъ не ощущаетъ усилій, кромѣ тѣхъ, которыя онъ дѣлаетъ (если дѣлаетъ), чтобы противиться невольнымъ движеніямъ. То же самое должно бы происходить и при всѣхъ движеніяхъ безразлично, если бы трата силъ всегда вызывалась, какъ вызывается она въ рефлексахъ, самимъ состояніемъ организма, а не чѣмъ то другимъ, живущимъ въ организмѣ и заставляющимъ его двигаться, какъ вызывается она въ движеніяхъ произвольныхъ. Вотъ изъ какого яснаго и каждому знакомаго чувства *усилія* выводимъ мы, что, если организмъ самъ собою выработываетъ физическія силы изъ пищи, то превращеніе этихъ силъ въ силу движенія, при сокращеніи мускуловъ, происходитъ не само собою, а вызывается или внѣшнимъ раздраженіемъ, и тогда мы не ощущаемъ никакихъ усилій, какъ это бываетъ въ движеніяхъ рефлективныхъ, *или воздѣйствіемъ души на нервы движенія, и тогда мы ясно ощущаемъ усиліе, какъ это бываетъ въ движеніяхъ произвольныхъ*. Слѣдовательно, чувство усилія принадлежитъ не организму, тратящему и воспроизводящему силы, но душѣ, заставляющей организмъ

---

[1]) См. гл. XI, п. 5.

ихъ тратить. Вотъ почему (и только поэтому) чувства усилія нѣтъ при рефлексахъ и вотъ почему чувство усилія возможно и тогда, когда у тѣла нѣтъ уже силъ двигаться или когда движеніе, почему бы то ни было, невозможно. Чѣмъ меньше силъ въ мускулѣ, тѣмъ больше нужно усилій со стороны души для вызова въ немъ одного и того же движенія, какъ это видно ясно изъ тѣхъ физіологическихъ опытовъ, что для вызова движенія въ истощенномъ мускулѣ требуется большее раздраженіе, чѣмъ для того, чтобы вызвать движеніе такой же обширности въ мускулѣ неистощенномъ. Здѣсь сила раздраженія, такъ сказать, замѣняетъ силу мускула и наоборотъ [1]). Замѣны тутъ собственно нѣтъ, но мускулъ сильнымъ раздраженіемъ возбуждается къ тратѣ своихъ послѣднихъ запасныхъ силъ. Кромѣ того мы видѣли уже выше, какъ возможно передвиженіе силъ и ихъ сосредоточиваніе въ томъ или другомъ мускулѣ, который мы хотимъ сократить. Всякое сокращеніе мускула предполагаетъ уже непремѣнно трату силы и чѣмъ болѣе мускулъ истощенъ, тѣмъ болѣе требуется или внѣшняго раздраженія или, въ произвольныхъ движеніяхъ, дѣйствія нервовъ движенія, т. е. усилія со стороны души, чтобы вызвать силы изъ другихъ частей организма и сосредоточить ихъ въ мускулѣ, который мы хотимъ сократить. Тоже явленіе происходитъ и отъ внѣшнихъ причинъ, т. е. отъ препятствій, представляемыхъ внѣшнею природою сокращенію мускула: чѣмъ тяжелѣе тѣло, тѣмъ болѣе оно растягиваетъ мускулъ, тѣмъ труднѣе его сократить, тѣмъ болѣе должно въ немъ сосредоточиться силъ, тѣмъ болѣе должно быть чувство усилія, употребляемое душою для этого сосредоточенія. Душа наша въ движеніяхъ тѣла, съ нею связаннаго, не только распоряжается передвиженіемъ силъ, вырабатываемыхъ вообще въ растительномъ процессѣ, и ихъ переработкою въ силу движенія, но и чувствуетъ большую или меньшую трудность въ этомъ передвиженіи и этой переработкѣ. Такъ объясняемъ мы чувство усилія, столь ясно сознаваемое нами при всѣхъ произвольныхъ движеніяхъ тѣла. Физіологи не имѣютъ вѣрнаго средства для отличія непроизвольныхъ движеній отъ произвольныхъ и потому часто ошибаются и смѣшиваютъ эти два рода движеній; но каждый изъ насъ носитъ въ себѣ вѣрное средство для такого отличія—и это средство есть *чувство усилія*, всегда сопровождающее движенія произвольныя и совершенно отсутствующее при рефлективныхъ.

Образованіе понятія времени.

11. *Чувство усилія*, употребляемаго для сокращенія мускуловъ, не только сознается душою, но и можетъ быть *измѣряемо* ею. Она ясно сознаетъ, что одно ея усиліе *больше*, а другое *меньше*, и эта способность души—измѣрять свои собственныя усилія—есть первая возможность *всякой мѣры*, *всякаго числа*, и *первая возможность сознанія душою времени и пространства*. Движеніе обширное стоитъ

[1]) См. выше, гл. VIII п. 10, 11, 12, 13.

намъ бóльшихъ усилій, чѣмъ движеніе не столь обширное, а движеніе долгое, при другихъ равныхъ условіяхъ, стоитъ намъ болѣе усилій, чѣмъ движеніе короткое. Вотъ почему, можетъ быть, самыя слова, *короткій* и *долгій*, прилагаются нами одинаково какъ къ пространству, такъ и ко времени. Но этого мало: въ ощущеніи усилія и его мѣры мы получаемъ возможность отличать *быстрое* движеніе отъ *медленнаго*; быстрое движеніе, одинаковой величины съ медленнымъ, стóитъ *того же* количества силъ, но это количество тратится *скорѣе*, чѣмъ при медленномъ движеніи, и эту разницу, не въ количествѣ траты, а въ отношеніи количества ко времени, мы испытываемъ очень ясно. Независимо отъ всякихъ другихъ ощущеній *и безъ всякой идеи времени* мы сознаемъ, что подняться на одну и ту же гору медленно и скоро—не одно и то же: въ первомъ случаѣ, если можно такъ выразиться, сила наша тратится капля по каплѣ и въ тоже время успѣваетъ вознаградиться изъ питательнаго процесса; во второмъ случаѣ сила тратится широкою волною и вознаграждается изъ питательнаго процесса капля за каплей. Въ этой способности нашей мы получаемъ возможность измѣрять *не усталость временемъ*, о которомъ мы еще ничего не знаемъ, *а время усталостью*, которую мы непосредственно ощущаемъ въ *чувствѣ усилія* и его возрастанія или возвышенія. Въ чувствѣ усилія и въ его относительной интензивности мы испытываемъ не только переработку и передвиженіе силъ болѣе или менѣе затруднительныя, но и отношеніе между *приходомъ* и *расходомъ* силъ. Вотъ, по всей вѣроятности, первыя основанія нашихъ математическихъ познаній: потому-то корни ихъ и лежатъ до того глубоко, что многіе мыслители считали эти корни врожденными.

12. Чувство усилія такъ присуще намъ, что не оставляетъ насъ можетъ быть ни на одну минуту во всю нашу сознательную жизнь. Не только ходя, стоя, сидя, двигая произвольно нашими членами, но даже и въ то время, когда мы лежимъ, по видимому, безъ движенія и *только думаемъ*, чувство усилія насъ не покидаетъ. Если мы *хотимъ* что-нибудь представить себѣ живо, или упорно *припоминаемъ* что-нибудь забытое, или упорно *прогоняемъ* надоѣдающее намъ представленіе, или упорно заставляемъ себѣ представлять что-нибудь—мы испытываемъ чувство усилія, которое лишь нѣсколько видоизмѣняется, смотря потому, направлено ли оно на одни нервы или на нервы и мускулы, самое чувство сокращенія которыхъ примѣшивается къ чувству душевнагó усилія. Интензивность нашихъ усилій замѣтно возрастаетъ по мѣрѣ траты силъ и возрастающей отсюда затруднительности ихъ передвиженія и переработки; но безъ сомнѣнія всякое движеніе мускуловъ или нервовъ, какъ бы оно незамѣтно не было, требуетъ не только траты физическихъ силъ, но, *если оно совершается произвольно*, то и усилій со стороны души. Только совершенно *пассивная мечтательность*, точно также, какъ и совершенно пассивныя, т. е. вполнѣ рефлективныя, мускульныя движенія, тратя тѣлесныя силы, не требуетъ усилій со стороны ду-

ши. Вотъ почему, можетъ быть, житель востока такъ любитъ гашишъ и опіумъ: эти опьяняющія средства, сильно возбуждая нервы, занимаютъ его душу яркими картинами, не требующими никакихъ душевныхъ усилій, какъ не требуетъ ихъ совершенно пассивное созерцаніе движущихся и мѣняющихся картинъ волшебнаго фонаря. Но именно потому, что чувство усилія такъ присуще намъ, мы обращаемъ на него вниманіе только тогда, когда оно достигаетъ не совсѣмъ обыкновенной степени интензивности, когда намъ нужно поднять что-нибудь потяжелѣе, нужно ускорить наши шаги, нужно идти, а мы уже устали, нужно оторваться отъ предмета насъ увлекшаго и т. п. Однако же, въ первое время жизни, когда эти усилія составляли для живаго существа новизну и когда они одни были предметомъ его сознанія, они должны были ощущаться имъ гораздо яснѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ, изъ чувства усилія, испытываемаго нами въ безчисленныхъ движеніяхъ, мы могли получить отличіе *движенія* отъ *покоя*, т. е. траты силы отъ ея накопленія, чувство *начала движенія* и его *прекращенія*, чувство *медленнаго* и чувство *быстраго* движенія. Но всѣ эти чувства только уже при столкновеніи нашемъ съ внѣшнимъ міромъ могли превратиться, и то мало по малу, въ ясное сознаніе времени.

13. Изъ чувства усилія при сокращеніи мускуловъ должно было произойти прежде всего *сознаніе времени*, т. е. сознаніе промежутка между движеніемъ и неподвижностью, во время которой силы вырабатываются и не тратятся, а равно и отличіе быстрыхъ движеній, когда сила тратится широкой волною, отъ медленныхъ движеній, когда сила тратится капля по каплѣ. Хотя не совсѣмъ по тѣмъ же причинамъ, но Локкъ и Бэнъ [1]) также признаютъ сознаніе времени предшествующимъ сознанію пространства. Дѣйствительно, отъ сознанія времени уже есть ясный переходъ къ сознанію пространства. Но для того, чтобы стало формироваться сознаніе пространства, нужно было къ *чувству усилія* и къ чувству разнообразія въ усиліяхъ присоединиться еще *ощущенію осязанія*, нужно уже было, чтобы движеніе встрѣтило препятствіе. Въ этой встрѣчѣ или, лучше сказать, изъ многихъ подобныхъ встрѣчъ—а онѣ должны были бы быть безпрестанны—могло возникнуть не одно, а нѣсколько нашихъ основныхъ понятій, а именно понятія о *матеріи*, объ *упругости*, о *тяжести*, о *силѣ* и о *пространствѣ*.

Образованіе понятія пространства.

14. Если мы въ темной комнатѣ опустимъ нашу руку въ ящикъ и будемъ двигать ее отъ одной стѣнки ящика до другой [2]), то мы довольно вѣрно опредѣлимъ величину ящика. Ясно, что, при такихъ обстоятельствахъ, мы могли измѣрить данную величину только величиною нашихъ

---

[1]) The Senses, p. 111.

[2]) Мы пользуемся примѣромъ, который придуманъ, кажется, Бэномъ; но въ выводахъ не совсѣмъ съ нимъ сходимся.

движеній, а величину движеній—величиною траты силъ на это движеніе; самую же трату силъ мы измѣримъ степенью душевныхъ усилій, употребленныхъ нами на то, чтобы вызвать къ дѣятельности нервы движенія и, посредствомъ ихъ, превратить скрытыя силы организма въ мускульныя сокращенія. Но такъ-какъ движеніе можетъ быть и быстрѣе, и медленнѣе, то въ это измѣреніе входитъ ощущеніе самаго *способа траты* силъ. Если преодолѣніе даннаго разстоянія движеніемъ—при всѣхъ другихъ равныхъ обстоятельствахъ и при одинаковой быстротѣ движенія, которая, какъ мы уже видѣли, ощущается непосредственно,—требуетъ большей траты силъ, то значитъ само разстояніе болѣе. Такой способъ измѣренія разстояній, конечно, можетъ показаться намъ очень несовершеннымъ и медленнымъ, такъ-какъ мы обладаемъ зрѣніемъ, которое сильно облегчаетъ и сокращаетъ измѣреніе разстояній; но мы не должны забывать, что, вопервыхъ, слѣпорожденные только однимъ этимъ способомъ достигаютъ весьма точнаго измѣренія разстояній; а во-вторыхъ, что и въ измѣреніи разстоянія зрѣніемъ главную роль играютъ опять же мускульныя ощущенія, раждающіяся при движеніи глазныхъ мускуловъ [1]). Мы не будемъ входить въ подробности, какимъ образомъ въ актѣ зрѣнія сокращается способъ измѣренія пространства [2]), довольствуясь тѣмъ, что теперь для насъ уже понятно главное, а именно, какъ чувство усилія можетъ передѣлаться опытами въ чувство времени, а чувство времени въ чувство пространства. Пространство и время, собственно, только двѣ стороны одной и той же идеи [3]). Если мы, напримѣръ, проведя глазами отъ одного конца ландшафта до другого, представимъ себѣ всю длину пути въ настоящій моментъ, то получимъ идею разстоянія; если же мы будемъ помнить начало ландшафта, какъ прошедшее, а конецъ, какъ настоящее, то получимъ идею періода времени. Мы вспоминаемъ пройденный нами путь, или какъ пространство, или какъ время, смотря по тому, какъ обратится наше сознаніе къ этому воспоминанію: если мы обратимъ вниманіе на трату нами силъ, то въ результатѣ будетъ ощущеніе времени, если на результатъ траты, то—идея разстоянія. Если сравнивая два ощущенія я сознаю ихъ оба, какъ настоящія, то я сознаю *предметъ* въ протяженіи; но если, сознавая тѣ же ощущенія, я сознаю одно изъ нихъ предшествующимъ, а другое послѣдующимъ, то я сознаю тотъ же предметъ, но во времени, т .е. въ формѣ *явленія:* движеніе совершающееся даетъ намъ время; движеніе остановившееся—пространство. И поэтому тоже мы можемъ заключить, что идея времени образуется первая; но не должно думать, что когда ея образованіе закончится вполнѣ, тогда только начнется образованіе идеи пространства: обѣ эти идеи образуются вмѣстѣ, мало

[1]) См. выше, глава VI, п. 23, 24.

[2]) Это очень хорошо изложено у Вундта.

[3]) «Время (продолжительность) есть текущее разстояніе», говоритъ Локкъ. (Of hum. Und. B. II. Ch. XIV).

по малу, въ безчисленныхъ опытахъ, но образованіе идеи времени вездѣ предшествуетъ.

15. Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что мы поступили неосновательно, приписавъ періоду безпамятнаго младенчества и отчасти даже періоду эмбріоническаго состоянія человѣка выработку такихъ отвлеченныхъ философскихъ понятій, каковы понятія о времени и пространствѣ, которыя и до сихъ поръ являются самыми темными въ логикахъ, метафизикахъ и психологіяхъ. На это мы отвѣтимъ, что идеи эти именно потому и темны, что первобытны: *все первобытное для насъ темно.* Выработывая мало по малу чувство времени и пространства въ безчисленныхъ опытахъ движеній, человѣкъ употреблялъ ихъ безпрестанно и именно это-то безпрестанное употребленіе такъ долго мѣшало ему обратить вниманіе на эти чувства, которыя не у многихъ и доходятъ до сознательной идеи. Мы носимъ на себѣ огромную тяжесть воздуха и только физика открыла намъ, что мы носимъ эту тяжесть; мы не замѣчали ее именно потому, что носимъ ее отъ рожденія и до могилы. Дитя, начинающее ходить, соблюдаетъ уже законы равновѣсія и мы можемъ наблюдать, какъ оно мало по малу пріучилось къ этому; но понятіе о равновѣсіи и знаніе его законовъ дитя можетъ пріобрѣсть только гораздо позже и то съ помощію науки. Крестьянка, неся ведро воды въ одной рукѣ, наклоняетъ свой станъ въ противоположную сторону: явленіе это объясняютъ намъ анатомія и механика; но, тѣмъ не менѣе, крестьянка, будучи еще ребенкомъ, опытами уже усвоила этотъ законъ, котораго, можетъ быть, никогда не будетъ въ состояніи объяснить. Силу рычага знаетъ каждый взрослый крестьянинъ; но законъ рычага знаетъ только наука, а между тѣмъ было время, когда тотъ же крестьянинъ, будучи мальчикомъ, еще не испыталъ силы рычага и потому не умѣлъ употреблять его. Изъ этого мы можемъ вывести, что есть большая разница между знаніемъ, которое дается намъ прямо *чувствомъ* опыта, и знаніемъ, возведеннымъ въ сознательную идею. Такое *чувственное знаніе*, если можно такъ выразиться, пріобрѣталъ человѣкъ въ условіяхъ пространства и времени изъ безчисленныхъ опытовъ безчисленныхъ движеній въ ихъ встрѣчѣ съ препятствіями матеріальнаго міра. Это-то чувство, пріобрѣтенное и развитое опытами, но не возведенное въ сознательную мысль, вносилъ онъ потомъ во всѣ свои представленія о внѣшнемъ мірѣ, такъ-что Кантъ совершенно вправѣ былъ замѣтить, что человѣкъ во всѣ свои представленія о внѣшнемъ мірѣ уже вноситъ готовыя понятія о пространствѣ, времени, хотя и не вправѣ былъ называть эти понятія врожденными.

16. Какимъ образомъ понятіе пространства формировалось мало по малу посредствомъ опытовъ и наблюденій—это не трудно себѣ представить.

Упираясь во что-нибудь, дитя испытываетъ препятствіе, помѣху своему движенію, а удаляя эти предметы или минуя ихъ, дитя снова ощущаетъ возможность продолжать движеніе. Изъ многочисленнаго по-

вторенія такихъ опытовъ должно было образоваться *чувство* пустоты, въ противоположность *чувству препятствія*, чувству матеріи. Такимъ образомъ первое чувство пространства было только отрицаніемъ матеріи. Въ дальнѣйшихъ опытахъ, сличая уже образовавшееся чувство времени, какъ продолжительности движенія, съ чувствомъ свободы движенія или пустоты, образовалось чувство *разстоянія*, съ темнымъ пониманіемъ величины разстоянія, измѣряемаго величиною усилія, употребляемаго душою, чтобы преодолѣть разстояніе движеніемъ. Изъ этихъ двухъ *чувствъ: пустоты* и *разстоянія*, какъ пустоты между двумя матеріальными предметами, мѣшающими движенію, впослѣдствіи легко уже могло образоваться понятіе *мѣста*, какъ отрицанія пустоты въ границахъ тѣла; за тѣмъ уже могло образоваться и самое понятіе *пространства*, какъ пустоты, въ которой тѣла расположены, какъ острова въ безпредѣльномъ океанѣ. Въ началѣ, конечно, не было понятія о безконечномъ пространствѣ, но не было и о конечномъ. О концахъ, предѣлахъ просто не думалось, да не думается и теперь, какъ дѣтамъ, такъ и дикарямъ. Но когда мысль человѣческая обратилась на предѣлы пространства, то оказалась *душевная невозможность* дать ему предѣлы; ибо душа выглядывала за всякіе предѣлы и спрашивала: «а тамъ что же?» и, объективируя это свойство души, человѣкъ создалъ идею безконечнаго пространства.

17. Идеи *безпредѣльности*, равно-какъ и идеи *вѣчности*, человѣкъ не могъ отвлечь изъ *внѣшнихъ* опытовъ, дающихъ исключительно только временное и конечное; но онъ извлекъ эти идеи изъ *внутреннихъ* опытовъ, убѣдившихъ его въ томъ, что душа не можетъ ограничиться никакими предѣлами времени или мѣста, но какъ только сознаетъ ихъ, такъ и переступаетъ. Это-то наблюденіе надъ собственною своею душою и выразилъ человѣкъ въ идеѣ *безпредѣльности* и *вѣчности*. Убѣжденіе въ безконечности пространства Миль причисляетъ къ ошибочнымъ предубѣжденіямъ и объясняетъ это предубѣжденіе тѣмъ, что человѣкъ, «не зная части пространства, за которою не было бы другой части, не можетъ себѣ представить абсолютныхъ предѣловъ» [1]). Но Миль не обратилъ вниманія на самую эту невозможность души вообразить *конечнаго* пространства, а она-то и характеристична. Собственно говоря, мы не можемъ себѣ представить ни *конечнаго*, ни *безпредѣльнаго* пространства, но какъ-только захотимъ дать *абсолютные* предѣлы пространству, такъ и почувствуемъ невозможность этой абсолютности, почувствуемъ порываніе сознанія за всякіе предѣлы.

Образованіе понятія числа.

18. Чтобы измѣрять пространство и время, которыя и существуютъ только въ измѣреніяхъ, нужно уже было *число*. Число есть общее для

---

[1]) Mill's Logic. B. V. Ch. III. § 3. p. 315.

пространства и времени, какъ замѣтилъ еще Локкъ, а мы прибавимъ— и для тяжести, потому что и тяжесть мы опредѣляемъ только измѣреніемъ. Мѣра времени, мѣра пространства, мѣра тяжести—все это вмѣстѣ есть не болѣе, какъ мѣра усилій, употребляемыхъ человѣкомъ для движеній, мѣра стоимости мускульныхъ сокращеній организму или окончательно мѣра усилій души, приводящей организмъ въ движеніе. Общее же для всѣхъ этихъ мѣръ есть *число* и Локкъ былъ совершенно правъ, возобновляя опять мысль Пиѳагора, что число есть «самая простая и самая общая (универсальная) изъ всѣхъ идей [1])».

19. Намъ кажется страннымъ, что психологи, перечисляя различныя ассоціаціи представленій, образуемыхъ нашимъ сознаніемъ, пропустили *числовыя ассоціаціи*, или вѣрнѣе, *ассоціаціи числа*. Говоря: *три*, *четыре*, *семь*, и т. д., мы уже высказываемъ ассоціацію представленій. Число 4 не мыслимо безъ отношенія къ тремъ, пяти и единицѣ. Всякое число есть уже ассоціація единицъ или частей единицы; самое понятіе единицы не могло бы образоваться, если бы не было понятія о двухъ, трехъ единицахъ и т. д. Числовыя ассоціаціи самыя обыкновенныя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыя обширныя и самыя употребительныя. Онѣ ложатся въ памяти и возникаютъ изъ нея точно также, какъ и всѣ прочія ассоціаціи. Воспоминаніе о 5 влечетъ за собою воспоминаніе о 4 или 6; воспоминеніе о цѣломъ влечетъ за собою воспоминаніе о части, и наоборотъ.

20. Первое понятіе о числѣ образовалось, безъ сомнѣнія, изъ созерцанія человѣкомъ совершенно одинаковыхъ предметовъ, между которыми онъ не могъ отыскать никакого различія. Легко было замѣтить, что два глаза, двѣ руки, двѣ ноги не то, что одинъ глазъ, одна рука или одна нога. Можетъ быть понятіе пары было первымъ числовымъ понятіемъ, на что отчасти указываетъ и самая филологія. Но считать человѣкъ выучивался понемногу и у многихъ дикарей мы и теперь находимъ весьма ограниченный счетъ. Какъ развивалось понятіе числа въ человѣчествѣ, такъ развивается оно теперь въ каждомъ ребенкѣ, у котораго понятіе счета появляется значительно позже многихъ другихъ понятій. Локкъ замѣчаетъ, что дѣти научаются считать не скоро и только «спустя еще довольно времени послѣ того, когда они пріобрѣтутъ большой запасъ другихъ идей. «Можно замѣтить, прибавляетъ Локкъ, что они спорятъ и разсуждаютъ довольно хорошо и имѣютъ очень ясное представленіе о многихъ предметахъ прежде, чѣмъ выучатся считать до двѣнадцати. Иные же по недостатку своей памяти, которая не можетъ удерживать нѣсколькихъ числовыхъ комбинацій съ ихъ особенными названіями и связь долгаго ряда числовыхъ прогрессій и ихъ взаимныхъ отношеній, на всю свою жизнь остаются неспособными считать или идти далѣе скромнаго ряда чиселъ [2])». Въ этой замѣткѣ Локка не все справедливо. Многія дѣти поражаютъ именно своею раннею способностью

[1]) Locke's Works. Of hum. Underst. B. II. Ch. XVI. § 1.
[2]) Ib. Ch. XVI. § 7.

считать, и многіе люди имѣютъ дурную математическую память, имѣя притомъ очень хорошую во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Вообще Локкъ въ слишкомъ большую зависимость ставитъ число отъ названія числа [1]). Хотя, конечно, безъ названій человѣкъ не могъ бы удерживать въ памяти длиннаго ряда чиселъ; но не названіе вызываетъ счетъ—это только облегчающее средство, какъ и цыфры—а счетъ, уже сдѣланный, вызываетъ названіе. Если не было бы надобности считать, то не появилось бы, конечно, и словъ для счета. Слово родится изъ потребности, а не потребность изъ слова. Справедливость этого мы можемъ повѣрить и на дѣтяхъ, которыя обыкновенно перенимаютъ у большихъ названія чиселъ прежде, чѣмъ сами выучатся считать, и потому произносятъ число, но не считаютъ. Такъ они считаютъ: *два, семь, пять, одиннадцать* и т. д. Слѣдовательно, знаніе *названія чиселъ* еще не вызываетъ *идеи числа*, какъ этого хочетъ Локкъ.

21. Идеи мѣры не слѣдуетъ смѣшивать съ идеей числа, хотя на практикѣ онѣ, конечно, соединяются. Первою мѣрою является самъ человѣкъ или то усиліе, которое онъ употребляетъ для опредѣленнаго движенія. Локоть, шагъ, четверть, день пути, часъ перехода—вотъ, безъ сомнѣнія, первыя единицы мѣры человѣка. Число же, соединившись съ мѣрою, даетъ возможность началу математики.

ГЛАВА XXXVI.

Значеніе произвольныхъ движеній въ разсудочномъ процессѣ.

1. Изъ всего сказаннаго въ прошедшей главѣ мы вправѣ вывести, что сознаніе времени и пространства, а равно и измѣреніе ихъ, рождается изъ чувства нашихъ собственныхъ произвольныхъ движеній [2]). Движеніе есть общее, коренное понятіе для пространства и для времени. Пространство мы измѣряемъ движеніемъ, говоря: во мгновеніе ока, на часъ пути и т. п. Время мы также измѣряемъ движеніемъ: или своимъ собственнымъ, или движеніемъ солнечной тѣни, движеніемъ песку въ песочныхъ часахъ, движеніемъ маятника и т. д. Время мы измѣряемъ пространствомъ, пространство измѣряемъ временемъ, а то и другое измѣряемъ движеніемъ; но самыя эти движенія мы измѣряемъ стоимостью ихъ для организма и окончательно для души. Переносъ ощущенія усилій на движенія внѣшней природы, не зависящія отъ насъ и не стоющія намъ

---

[1]) Ib. §. 6.

[2]) Не можемъ не привести здѣсь замѣчательныхъ словъ Руссо: «Только посредствомъ движеній мы узнаемъ, что есть вещи внѣ насъ (les choses qui ne sont pas nous), и только посредствомъ собственныхъ движеній мы пріобрѣтаемъ идею пространства» (Emil, p. 41). Эти слова обличаютъ, какъ глубоко работало самонаблюденіе въ Руссо; но не рѣдко результаты этихъ глубокихъ работъ, выходя наружу, извращались страстнымъ характеромъ пи-

никакихъ усилій, совершился очень естественно. Мы влагаемъ въ эти движенія и измѣненія идею усилія, и измѣряемъ эти усилія тою же мѣрою, какою измѣряли ихъ въ самихъ себѣ: измѣряемъ пространство временемъ, время пространствомъ, а то и другое движеніемъ, самое же движеніе усиліемъ. Въ этомъ отношеніи мы не ошибаемся и движеніе является дѣйствительно единственнымъ посредствующимъ звеномъ между нами и внѣшнею природою.

2. Что все во внѣшнемъ мірѣ есть движеніе, эту гипотезу, высказанную впрочемъ и въ индійскихъ ведахъ, первый высказалъ въ формѣ ясной и логической мысли Анаксагоръ. Впослѣдствіи мысль эта въ своей односторонности сдѣлалась любимою темою софистовъ. Сократъ и Платонъ также признаютъ ее, хотя и ограничиваютъ; но только въ настоящее время она сдѣлалась достояніемъ положительной науки. Мы уже выше указывали на эту мысль, легшую въ основу современнаго научнаго міросозерцанія; но теперь должны снова возвратиться къ ней. Не зная сущности предметовъ внѣшняго міра, не зная, что такое матерія, мы наблюдаемъ только явленія и всѣ явленія подводимъ подъ одну идею— идею движенія. Движеніе это мы принимаемъ въ двухъ формахъ: движеніе *массивное*, замѣтное для внѣшнихъ чувствъ въ формѣ движенія, и движеніе *скрытое*, или вѣрнѣе сказать, молекулярное или, еще вѣрнѣе, атомическое, которое недоступно нашимъ внѣшнимъ чувствамъ въ формѣ движенія, но тѣмъ не менѣе приводитъ наши нервы въ соотвѣтствующую вибрацію и эта вибрація сказывается въ нашей душѣ уже не движеніемъ, а тѣмъ или другимъ специфическимъ ощущеніемъ: ощущеніемъ свѣта, цвѣта, звука, тепла, холода и т. д. Ощущеніе это вовсе не соизмѣримо съ причиною, его производящею, и вотъ почему это превращеніе душою атомическихъ движеній внѣшней природы въ ощущенія всегда кажется намъ чѣмъ-то непонятнымъ, какимъ-то *чудомъ*. Эти ощущенія атомическихъ движеній, замѣчаемыя нами какъ явленія, тѣмъ не менѣе, кажутся намъ необъяснимыми, а если мы хотимъ объяснить ихъ для себя, то переводимъ эти явленія въ форму движеній единственно постижимую для нашей души, такъ какъ душа сама производитъ движенія во внѣшнемъ для нея мірѣ и измѣряетъ ихъ усиліями, которыя тратитъ для того, чтобы ихъ произвести.

3. Математика, какъ замѣчаетъ Милль, можетъ превращать *индуктивную науку* въ *дедуктивную*. Такъ, «наука звука», продолжаетъ онъ, «которая стояла прежде въ низшихъ рядахъ только экспериментальнаго знанія, сдѣлалась дедуктивною, когда доказано было опытами, что волна варіацій въ звукѣ есть слѣдствіе яснаго и опредѣленнаго измѣненія въ вибраціи передающей среды [1])». Но почему сдѣлалось такое превращеніе тупого сознанія опытовъ, котораго мы даже не можемъ назвать наукою, а только матеріаломъ науки, въ дѣйствительную науку? Именно потому, что ощущеніе звука, представлявшееся прежде въ формѣ

[1]) Mill's Log. B. II. Ch. IV. p. 251.

непостижимаго чуда, было переведено на языкъ движеній, языкъ *постижимый* для души, потому что онъ совпадаетъ съ ея собственнымъ языкомъ: она сама производитъ движенія во внѣшнемъ для нея мірѣ и измѣряетъ ихъ, а потому естественно, что все является въ формѣ движеній и доступно измѣреніямъ, кажется душѣ постигнутымъ. Но одна ли акустика, о которой говоритъ Миль, родилась такимъ образомъ? Не такъ ли родилась и оптика? Явленія, передаваемыя намъ органомъ зрѣнія, составляли прежде также чисто-экспериментальную науку или просто собраніе матеріаловъ для науки, которые превратились въ дѣйствительную науку тогда только, когда зрительныя явленія были переведены въ форму движеній, совершающихся по законамъ математики, когда уже и *слѣпой* англійскій математикъ, Саундерсонъ, могъ написать оптику [1]), доказавъ тѣмъ, что для души не нуженъ органъ зрѣнія, чтобы постичь законы движеній свѣтоваго эѳира, вызывающихъ въ насъ зрительныя ощущенія. Химія перестала быть алхиміей и рецептурой и сдѣлалась дѣйствительною наукою, когда былъ отысканъ законъ эквивалентовъ, выражаемый въ формѣ числа. Намъ кажется, что мы постигли законъ паденія тѣлъ именно потому, что мы можемъ уже описать это явленіе математическою формулою. Въ настоящее время явленія теплоты, которыя и прежде мы измѣряли только движеніями ртути и спирта, становятся для насъ всё яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ того, какъ онѣ объясняются движеніями, хотя и гипотетическими. Вотъ почему мы можемъ сказать, что если ассоціаціи по *противуположности* и *сходству* даютъ намъ чисто эмпирическую науку о внѣшней природѣ, или вѣрнѣе собираютъ матеріалъ для нея, то единственно *математическія ассоціаціи*, основанныя на чувствѣ нашихъ собственныхъ движеній, даютъ намъ дѣйствительную, точную науку природы. Вотъ почему, наконецъ, о математикѣ можно сказать, что она есть единственный ключъ къ *постиженію* явленій внѣшней природы, которыя мы *ощущаемъ* всѣми нашими пятью внѣшними чувствами, но которыя мы *постигаемъ* единственно только въ формѣ движеній и измѣряемъ тою же мѣрою, которою душа мѣряетъ свои усилія для произведенія произвольныхъ движеній въ связанномъ съ нею тѣлесномъ организмѣ.

Происхожденіе математическихъ аксіомъ.

4. Такое отношеніе нашихъ произвольныхъ движеній къ измѣренію движеній внѣшняго міра объясняетъ намъ также очень хорошо, откуда происходитъ та *особенная ясность математическихъ аксіомъ*, которая побудила многихъ мыслителей и психологовъ признать эти аксіомы врожденными душѣ. Самому тупому ребенку не нужно объяснять, что часть меньше своего цѣлаго, что двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собою, что прямая линія есть кратчайшая между двумя

[1]) Emp. Psych. v. Drobisch. § 41.

точками, что двумя прямыми линіями нельзя ограничить пространства, что двѣ параллельныя никогда не пересѣкутся, что двѣ прямыя могутъ пересѣчь одна другую только въ одной точкѣ и т. п. Если ребенокъ не понимаетъ васъ, то это значитъ, что онъ только не понимаетъ значенія словъ, употребляемыхъ вами: но какъ-только поймешь онъ это значеніе, такъ и убѣдится въ истинѣ того, что вы ему говорите, такъ-что этихъ истинъ не нужно, да и нельзя доказывать: истинность ихъ очевидна сама собою. Всѣ же остальныя алгебраическія и геометрическія теоремы приводятся къ этимъ очевиднымъ истинамъ и посредствомъ тѣхъ же самыхъ очевидныхъ истинъ. Но откуда же происходитъ эта *очевидность* математическихъ аксіомъ? Отвѣтами на этотъ вопросъ и спорами по этому поводу можно было бы наполнить цѣлые томы. При нашей же точкѣ зрѣнія на постиженіе душою математическихъ ассоціацій онъ разрѣшается самъ собою.

5. Всѣ представленія наши, какъ это мы видѣли уже выше, совершаются не иначе, какъ въ формѣ нервныхъ движеній; но всѣ движенія, будетъ ли это вибрація нервовъ или движеніе планеты, совершаются по однимъ и тѣмъ же законамъ—законамъ движенія матеріи въ пространствѣ и времени. Представляя что-нибудь, душа наша приводитъ нервы въ движеніе; но эти движенія нервовъ совершаются также не иначе, какъ по общимъ законамъ движенія тѣлъ въ пространствѣ и времени. Слѣдовательно, хотя душа наша, по врожденному ей произволу, движетъ нервами, но въ этихъ движеніяхъ подчиняется вообще законамъ матерьяльныхъ движеній, излагаемыхъ математикою. Вотъ почему мы не можемъ представить себѣ ничего такого, что противно этимъ законамъ: нервы наши не выполнятъ этихъ представленій *по невозможности*, потому что они выполняютъ представленія только движеніями, а движутся только по законамъ движенія, общимъ всему матеріальному. Ни мускульныя движенія глазъ, ни движенія другихъ мускуловъ и нервовъ не могутъ представить намъ части больше своего цѣлаго, двухъ прямыхъ линій, пересѣкающихся въ двухъ точкахъ, пространства, ограниченнаго двумя прямыми и т. п. Эта-то *физическая невозможность* и отражается въ нашемъ сознаніи тою особенною ясностью, которая сопровождаетъ всегда актъ сознаванія нами геометрическихъ аксіомъ; это не болѣе, какъ чувство совершеннаго безсилія нервовъ и мускуловъ выполнить противоположное представленіе. Если намъ, повидимому, это удается иногда, то это только потому, что мы не *ясно*, не ярко себѣ представляемъ, — потому что мы мысленно произносимъ *слова*, но не *представляемъ* того, что въ нихъ заключается; но какъ-только мы ясно *представимъ себѣ*, т. е. отразимъ въ нашихъ нервахъ то или другое движеніе, такъ и сознаемъ ихъ истинность, т. е. невозможность противоположныхъ движеній. *Вотъ почему мы заключаемъ объ истинности математическихъ аксіомъ не иначе, какъ по невозможности противуположнаго представленія*. Вотъ почему въ математикѣ всѣ доказательства приводятся къ *невозможности противоположнаго представленія:* самую же эту невозможность доказывать незачѣмъ—

ее доказывают *нервы*: они не могутъ двигаться иначе, какъ по общимъ законамъ движенія. На этой *невозможности* представленія *антиматематическихъ* движеній, которую испытываетъ человѣкъ безпрестанно съ самаго ранняго младенчества, при всякомъ своемъ произвольномъ движеніи и представленіи движенія, и строится вся математика. Человѣкъ начинаетъ учиться математикѣ, какъ только начинаетъ двигаться.

6. Здѣсь мы не можемъ не обратить вниманія читателей на одну странность. Приверженцы матеріалистическаго объясненія психическихъ явленій обыкновенно возстаютъ противъ признанія врожденныхъ идей, а идеалисты, наоборотъ, обыкновенно отстаиваютъ ихъ. Но, въ сущности, какъ идеалисты, такъ и матеріалисты могли бы признать врожденныя идеи безъ всякаго подрыва своимъ противоположнымъ взглядамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если стать на точку зрѣнія матеріалистовъ и признать мозгъ существомъ мыслящимъ, то самая организація мозга предпишетъ уже законы мышленію. Если мышленіе есть не болѣе, какъ движеніе частицъ, составляющихъ мозговую массу и такъ или иначе въ ней расположенныхъ, то уже само собою ясно, что это движеніе можетъ совершаться не иначе, какъ по общимъ законамъ движенія, и, кромѣ того, эти общіе законы будутъ обусловлены особенностями мозговой организаціи. Эти условія и эти законы и будутъ врожденными идеями съ матеріалистической точки зрѣнія. Если бы мозгъ въ своихъ движеніяхъ могъ сознавать и мыслить, то не иначе, какъ на основаніи математическихъ законовъ движенія.

Три источника человѣческихъ знаній.

7. Если мы раздѣлимъ всѣ наши знанія *по источникамъ*, изъ которыхъ они происходятъ, то увидимъ, что этихъ источниковъ *не одинъ*, какъ признаютъ крайніе эмпиристы и идеалисты, и *не два*, какъ признаетъ, наприм., Локкъ, но *три;* а именно: 1) *впечатлѣнія внѣшняго міра на наши органы чувствъ* — зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ; 2) *опыты произвольныхъ движеній и связанное съ ними мускульное чувство* и 3) *наблюденіе душою своей собственной дѣятельности*, т. е. самонаблюденіе или *рефлексія*, какъ назвалъ Локкъ эту дѣятельность души, или *самосознаніе*, какъ называютъ ее другіе. Мы же видимъ, что одними внѣшними опытами, какъ того хотятъ крайніе эмпиристы, не возможно объяснить появленія въ насъ идей пространства и времени, которыя однако служатъ основаніемъ всѣхъ нашихъ математическихъ знаній. Время и пространство не производятъ вліяніе ни на одно наше *внѣшнее* чувство. Что же касается до попытокъ вывести всѣ знанія человѣка изъ самосозерцанія души, попытокъ, родоначальникомъ которыхъ обыкновенно считаютъ Платона, то мы видѣли въ философіи Гегеля и Шеллинга, до какихъ безплодныхъ фантазій можетъ достичь мысль человѣческая, оторвавшись отъ опыта и наблюденія. Кромѣ того, всмотрѣвшись внимательнѣе въ самыя эти фантазіи, будто бы выводимыя изъ чистаго самосозерцанія души, мы найдемъ,

что большое количество своего матерьяла эти идеалистическія фантазіи берутъ также изъ опыта; но только, по какому то странному самообольщенію, не сознаютъ этого или не хотятъ сознать [1]). Мы увидимъ далѣе, что оба эти источника знаній дѣйствительно существуютъ и что для объясненія происхожденія многихъ нашихъ знаній намъ необходимы оба: какъ тотъ, который даютъ намъ *внѣшніе опыты и наблюденія*, такъ и тотъ, который дается намъ *опытами и наблюденіями внутренними*. Теперь же мы видимъ, что кромѣ этихъ *двухъ источниковъ* нашихъ знаній существуетъ еще *третій:* это наша собственная произвольная дѣятельность, результатъ которой передается намъ нашимъ мускульнымъ чувствомъ или чувствомъ нашихъ собственныхъ произвольныхъ движеній. Мы не имѣемъ слова, чтобы отличить этотъ *опытъ движеній* отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опытовъ; но разница между ними очевидна: то *опытъ*, а это *дѣйствіе*, то средство къ дѣятельности, а это сама дѣятельность. И замѣчательно, что только то, что мы можемъ представить себѣ въ *формѣ движеній*, кажется намъ *дѣйствительнымъ, точнымъ знаніемъ*. Только приравнивъ къ движенію какое-нибудь явленіе, наблюдаемое нами или во внѣшней природѣ, или въ нашей собственной душѣ, мы *постигаемъ* его, т. е. *видимъ возможность его произвесть*. Вотъ какой смыслъ, какъ мы думаемъ весьма простой, имѣетъ и *энтелехія* Аристотеля, такъ часто объясняемая въ самыхъ противоположныхъ значеніяхъ. «*Движеніе* (внѣшнее, конечно), *покой*, *протяженіе*, *форму*, *число*, *единицу*», говоритъ Аристотель:— «*все это мы воспринимаемъ движеніемъ*» [2]). Какъ въ этой главѣ, такъ и въ предыдущей мы развивали и доказывали на опытныхъ основаніяхъ одну эту сжатую фразу величайшаго мыслителя всѣхъ вѣковъ!

8. Не только въ каждой наукѣ, системѣ знаній, но почти въ каждомъ отдѣльномъ человѣческомъ знаніи соединяются элементы, проистекающіе изъ всѣхъ этихъ *трехъ источниковъ знанія*. Однако же не трудно видѣть, что въ одной наукѣ преобладаютъ элементы, проистекающіе изъ внутренняго *самонаблюденія*, въ другой изъ внѣшняго *наблюденія*, а въ третьей изъ *опыта движеній*. Въ описательныхъ наукахъ природы, напримѣръ, (описательной зоологіи, ботаникѣ, минералогіи) сильно преобладаетъ внѣшнее наблюденіе; въ наукахъ философскихъ и историческихъ—самонаблюденіе; въ наукахъ математическихъ—опытъ движеній.

9. Самосознаніе, какъ одинъ изъ источниковъ нашихъ знаній, должно быть разсмотрѣно нами въ третьемъ отдѣлѣ нашей антропологіи, когда мы будемъ говорить объ особенностяхъ души человѣческой; ибо, какъ мы увидимъ далѣе, это есть главная черта, отличающая человѣка отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ. Но уже и теперь придется намъ, для уясненія себѣ разсудочнаго процесса, разсмотрѣть происхожденіе нѣкото-

[1]) Для Гегелевской философіи это прекрасно доказано Геймомъ.

[2]) Arist. De anim. Ch. III, cap. 1.

рыхъ знаній, проистекающихъ какъ изъ самосознанія, такъ и изъ опыта движеній; ибо безъ этого многое въ разсудочномъ процессѣ осталось бы для насъ непонятнымъ. Къ такимъ знаніямъ причисляемъ мы идеи: *субстанцій* и *признаковъ*, *матеріи* и *силы*, *причины* и *слѣдствія*. Всѣ эти идеи до того вплетаются нами въ каждый разсудочный процессъ нашъ, что, не объяснивъ ихъ происхожденія, мы не можемъ идти далѣе.

ГЛАВА XXXVII.

Идея субстанціи и признаковъ.

1. Если бы въ мірѣ ничто не мѣнялось, то мы не имѣли бы понятія времени. Перемѣна мѣста предметомъ, какъ напр., движеніе часовой стрѣлки, солнца, тѣни и т. п., или измѣненіе въ самомъ предметѣ, не измѣнившемъ своего мѣста, какъ напр., когда свѣтлое небо темнѣетъ, зеленый листъ желтѣетъ, теплый воздухъ холодѣетъ,—даютъ намъ сознаніе времени, даютъ намъ время; а періодичность въ этихъ измѣненіяхъ (перемѣны временъ года, временъ дня, фазовъ луны, перелетъ птицъ, какъ у дикарей и т. п.) даетъ намъ возможность измѣрять время, какъ справедливо замѣтилъ Локкъ [1]). Но не трудно понять, что если бы какое-нибудь изъ этихъ явленій вдругъ получило способность сознавать, то оно никакъ не могло бы сознать своего измѣненія. Предметъ, *весь измѣняющійся*, не можетъ сознавать того, что онъ мѣняется и, слѣдовательно, не можетъ имѣть понятія о времени. Положимъ, что какое-нибудь нервное движеніе передаетъ намъ ощущеніе сильнаго звука, который постепенно ослабѣваетъ. Ощущеніе звука ослабѣло бы; но сами нервы, ощущающіе этотъ звукъ, не могли бы замѣтить, что онъ слабѣетъ. Для этого нервъ долженъ бы разомъ ощущать и прежній, сильный звукъ, и послѣдующій, слабый, т. е. дрожать разомъ и сильно, и слабо, что ни для чего матеріальнаго невозможно. *То, что само измѣняется, не можетъ ощущать своихъ измѣненій*, и то, что само живетъ въ условіяхъ времени, не можетъ имѣть понятія о времени. Для того, чтобы имѣть понятіе о времени, нужно имѣть возможность жить разомъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Если мы, наблюдая явленіе, сознаемъ его временность, то именно потому, что въ одномъ актѣ соединяемъ начало явленія и его продолженіе. Если мы періодичностью явленій научились измѣрять время, то именно потому, что въ одномъ актѣ сознанія мы соединяемъ воспоминаніе начала явленія, ощущеніе его середины и предвидѣніе его окончанія. Но это воспоминаніе, ощущеніе и предвидѣніе суть только три одновременныя и одномѣстныя ощущенія соединенныя, но не слитыя въ одинъ актъ сознанія. Но если бы ощущеніе было только нервнымъ движеніемъ,

---

[1]) Locke's Works. Of hum. underst. B. 11. Ch. XIV.

то такое соединеніе трехъ различныхъ движеній было бы невозможно. Это также невозможно, какъ пересѣченіе двухъ прямыхъ линій въ двухъ точкахъ.

2. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о сознаніи нами пространства. Мы сознаемъ пространство только изъ движенія, соединяя въ одномъ актѣ сознанія два предмета, раздѣленные пространствомъ. Нѣчто, движущееся *все* въ пространствѣ, не можетъ сознавать, что оно движется, именно потому что оно *все* движется. Въ данное мгновеніе оно уже не тамъ, гдѣ было въ прошедшее. Движеніе, какъ бы мы себѣ его ни объясняли, во всякомъ случаѣ есть перемѣна мѣста; но то, что само перемѣняетъ мѣсто, не можетъ имѣть сознанія мѣста. Для того, чтобы сознавать, что я перемѣнилъ мѣсто, я долженъ сознавать, что въ настоящую минуту я въ *новомъ* мѣстѣ, а для того, чтобы сознавать, что я въ *новомъ* мѣстѣ, я долженъ въ тоже время сознавать, что въ прошедшее мгновеніе я *былъ* въ *другомъ* мѣстѣ. Если же принять гипотезу психическихъ явленій, какъ нервныхъ движеній, гипотезу, на которой такъ настаиваетъ софистика со временъ Протагора [1]), еще не знавшаго нервовъ, но предугадывавшаго ихъ, и до временъ Ноака и Спенсера, то мы должны признать, что движеніе одного и того же нерва должно разомъ совершаться не только въ двухъ различныхъ мѣстахъ, но и въ два различные періода времени. Но матерія, по мнѣнію тѣхъ же мыслителей, есть именно то, что не можетъ занимать двухъ различныхъ мѣстъ въ одинъ періодъ времени. Это свойство матеріи одно только и даетъ ей способность двигаться, т. е. перемѣнять мѣсто; но то, что существуетъ вездѣ, не можетъ перемѣнять мѣста. *Движущееся само не можетъ сознавать своего движенія и то, что занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, не можетъ сознавать пространства.*

3. Если мы сознаемъ движеніе, то именно потому, что въ насъ есть *нѣчто*, что можетъ двигать, само не двигаясь; если мы сознаемъ измѣненіе явленій во времени, то именно потому, что въ насъ есть *нѣчто*, что само не мѣняется; и если, наконецъ, мы сознаемъ протяженіе тѣлъ въ пространствѣ, т. е. сложеніе тѣлъ изъ частей, то именно потому, что въ насъ есть *нѣчто*, само недѣлимое. Такъ ли это дѣйствительно или нѣтъ—этого повѣрить невозможно; но таково именно психическое происхожденіе въ насъ понятія субстанціи. Мы до того чувствуемъ эту неизмѣнную субстанцію въ самихъ себѣ, до того вносимъ ее во всѣ наши воззрѣнія на внѣшній міръ, что не можемъ представить себѣ явленія безъ субстанціи или безъ субстрата, который остается неизмѣннымъ во всей измѣнчивости явленій и остается тождественнымъ самому себѣ во всемъ разнообразіи признаковъ. Мы вносимъ этотъ субстратъ въ явленія внѣшняго міра не потому, чтобы мы знали о немъ что-нибудь изъ опыта—опытъ даетъ намъ только явленія и признаки,—

[1]) Dialogues de Platon. Edit. Charp. 1861 Théététe. Op. 45 и 46, гдѣ Сократъ излагаетъ Протагорово ученіе о происхожденіи ощущеній.

но потому, что мы *не можемъ думать* о явленіяхъ природы, не привязывая ихъ къ субстрату, который остается всегда тождественнымъ самому себѣ, и *не можемъ* думать о *признакахъ* предметовъ, не фантазируя носителя этихъ признаковъ, который вездѣ остается однимъ и тѣмъ же. Не въ *природѣ нашей* думать о явленіяхъ безъ субстрата этихъ явленій и о признакахъ безъ носителя этихъ признаковъ.

4. Но не только сознаніе времени и пространства даетъ намъ идею субстанціи, не подверженной условіямъ времени и пространства; но и самая способность наша считать, какъ ни кажется она проста съ перваго взгляда, обличаетъ въ томъ, кто считаетъ, субстанцію, неспособную къ раздѣленію. Если я считаю: *одинъ*, *два*, *три*, то это именно потому, что, говоря *три*, я въ тоже самое время сознаю, что передъ этимъ сказалъ *два* и что послѣ этого скажу *четыре*. Нервное движеніе, говорящее *три*, не могло бы въ то же время говорить *два* и т. д. Простая, повидимому, способность считать, есть одно изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что психическія явленія не суть нервныя движенія и что акты сознанія выполняются какимъ-то такимъ существомъ, которое не можетъ быть раздѣлено на части, слѣдовательно существомъ, которое не подходитъ подъ наше понятіе о матеріи. Математическая способность — есть именно способность въ одинъ и тотъ же моментъ времени сознавать множество различій и сходствъ между величинами, множество отношеній. Самая простая геометрическая теорема и самая простая ариѳметическая задача требуютъ такого соединенія въ одномъ актѣ сознанія множества отношеній. Говоря $2 \times 7 = 14$, мы сознаемъ разомъ, въ одномъ актѣ сознанія, значеніе 2, 7, знака умноженія, равенства и 14. Никакое матеріальное движеніе, въ одно и тоже время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ совершающееся, не могло бы разомъ совершаться тамъ, чтобы происходило ощущеніе 2-хъ, 7-ми и 14-ти. Двигаться въ одно и тоже время 2 раза, 7 разъ и 14 разъ—невозможно для матеріи, а между тѣмъ мы никогда не могли бы сказать $2 \times 7 = 14$, если бы въ одинъ и тотъ же моментъ не сознавали 2, 7, 14, умноженія и равенства. Еслибы психическіе акты выполнялись нервными движеніями, какъ того хотятъ матеріалисты, или еслибы мы не могли сознавать разомъ многихъ отношеній, то не только математика, но даже и простой счетъ были бы явленіями невозможными. Кто хочетъ доказать, что психическія явленія выполняются матеріальными движеніями, тотъ пусть сначала докажетъ, что что-нибудь матеріальное можетъ, въ одинъ и тотъ же моментъ времени и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, дать 2, 7 и 14 движеній.

5. Однако же, что мы хотимъ доказать, указывая при каждомъ удобномъ случаѣ, что акты психическіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова не могутъ быть выполняемы матеріею? Почему мы знаемъ, что можетъ матерія и чего она не можетъ? Развѣ мы знаемъ матерію на столько, чтобъ сказать о ней: *этого она уже не можетъ*, *это не ея дѣло*. Эти вопросы имѣютъ значеніе тогда только, если мы подъ «матеріей»

разумѣемъ нѣчто недоступное нашему понятію; но такое пониманіе слова матерія было бы равносильно признанію, что это слово не имѣетъ для насъ никакого опредѣленнаго смысла. Что-нибудь одно изъ двухъ: или слово *матерія* имѣетъ опредѣленный смыслъ, или оно его не имѣетъ; но въ послѣднемъ случаѣ оно должно быть исключено изъ сознательнаго языка, по крайней мѣрѣ, изъ языка науки. Мы же утверждаемъ только то, что матерія, *какъ понятіе, составленное нами* и слѣдовательно способное выразиться въ опредѣленіи, не можетъ выполнить психическихъ актовъ ощущенія, вниманія, воспоминанія, усилія, сознанія пространства, времени и числа, идеи которыхъ входятъ во всѣ наши представленія о внѣшнемъ мірѣ. Къ чему способна и къ чему не способна матерія, *намъ невѣдомая*, объ этомъ было бы также раціонально разсуждать, какъ разсуждать о томъ, къ чему способенъ или неспособенъ X или Z, о которыхъ мы ничего не знаемъ. Мы же утверждаемъ только, что, признавъ для объясненія доступныхъ намъ явленій, *субстратъ* матеріи и давъ опредѣленіе этому субстрату, опредѣленіе, даже самое широкое, *какое мы только можемъ придумать*, мы, признавъ только наше же собственное опредѣленіе, и *не забывая его*, вынуждены будемъ дать другой субстратъ явленіямъ психическимъ.

6. Во всемъ, что мы думаемъ и что утверждаемъ, мы не выходимъ изъ области понятій, нами же выработанныхъ; сознать точное *значеніе этихъ понятій* есть дѣло первой необходимости, чтобы въ нашихъ сужденіяхъ о явленіяхъ внѣшней природы и души не путаться въ путахъ, нами же самими напутанныхъ. Лучшими же средствами для такого анализа нашихъ собственныхъ понятій мы считаемъ, *во-первыхъ*, выраженіе ихъ въ *точныхъ опредѣленіяхъ*, въ которыхъ каждое слово строго взвѣшено, а *во-вторыхъ*, изложеніе *исторіи образованія понятія*, потому что каждое понятіе непремѣнно должно имѣть свою исторію. Если же въ началѣ этой исторіи мы приходимъ къ *непосредственному* чувству, то должны засвидѣтельствовать это чувство, какъ всеобщій *фактъ* въ душевной жизни человѣка. Далѣе психическаго *факта* мы идти не можемъ, хотя и можемъ еще, вынуждаемые потребностью систематическаго изложенія явленій, строить *гипотезу*, но съ условіемъ постояннаго сознанія, что это не болѣе, какъ гипотеза, нами же построенная, помогающая намъ обозрѣвать явленія, но не объясняющая ихъ, словомъ, что это не болѣе, какъ дидактическій пріемъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Образованіе понятій матеріи и силы.

Матерія.

1. За объясненіемъ слова матеріи всего естественнѣе обратиться къ физикѣ, такъ какъ она занимается изученіемъ свойствъ различныхъ ви-

довъ матеріи. «*Матерія*, говоритъ намъ физика, *есть все то, что (въ формѣ тѣлъ) занимаетъ мѣсто въ пространствѣ*». Но рядомъ же выставляетъ она и другое опредѣленіе, не совсѣмъ сходное съ первымъ, а именно: «*матеріею называется все то, что подлежитъ нашимъ чувствамъ*» [1]). Эти опредѣленія не совсѣмъ тождественны и мы должны разобрать, какъ они относятся одно къ другому.

2. Мы уже познакомились выше съ психическимъ рожденіемъ понятія о пространствѣ и видѣли, что это понятіе родилось въ человѣкѣ только вслѣдствіе его столкновеній съ матеріею, какъ *антитезисъ* матеріи, какъ понятіе о пустотѣ, не мѣшающей намъ двигаться, въ противоположность матеріи, являющейся помѣхою для нашихъ движеній. Слѣдовательно, опредѣлить матерію пространствомъ, которое она занимаетъ, все равно, что опредѣлить ее тѣмъ, что она мѣшаетъ нашимъ движеніямъ, и сказать: «матерія есть то, во что упирается наша рука или наша нога». Ясно, что это опредѣленіе матеріи возникло не изъ ощущеній пяти нашихъ внѣшнихъ чувствъ, но изъ чувства мускульныхъ движеній, причину остановки которыхъ, идущую извнѣ, а не изъ нашей воли, мы называемъ *матеріею*. При такомъ опредѣленіи матеріи, мы конечно должны выдѣлить изъ ея области *то*, *чему* она мѣшаетъ производить движенія, усиліямъ *чего* она оказываетъ сопротивленіе, должны выдѣлить *душу*; ибо самую матерію опредѣлили только сопротивленіями матеріи усиліямъ души.

3. Къ тому же результату придемъ мы, принявъ и второе опредѣленіе, что *матерія есть все то*, *что подлежитъ нашимъ чувствамъ*; ибо, не выключивъ при этомъ нашихъ чувствъ или ихъ совокупности, *сознанія*, изъ области матеріальнаго, мы вынуждены будемъ сдѣлать очень нелѣпое опредѣленіе—сказать, что матерія есть все то, что подлежитъ матеріи. Дѣло не подвинется впередъ, если мы признаемъ сознаніе только однимъ изъ свойствъ матеріи; тогда опредѣленіе матеріи выйдетъ еще страннѣе: *матерія есть то*, *что подлежитъ одному изъ своихъ свойствъ*. Но, можетъ быть, намъ слѣдуетъ отдѣлить сознаніе отъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ и опредѣлить матерію, какъ нѣчто такое, что подлежитъ нашимъ *пяти внѣшнимъ чувствамъ*. Тогда мы непремѣнно должны признать сознаніе чѣмъ-то нематеріальнымъ, иначе выйдетъ, что сознаніе подлежитъ одному изъ пяти своихъ внѣшнихъ чувствъ или, придерживаясь выраженія Аристотеля, что различающее можетъ быть само различаемо. «Если слово душа значитъ что-нибудь, говоритъ Миль, то означаетъ то, что̀ чувствуетъ» [2]); но, добавимъ мы, если единственно возможное опредѣленіе души есть опредѣленіе ее тѣмъ, *что она есть существо чувствующее*, то ея невозможно помѣстить въ область ощущаемаго: чувствующее всегда очутится *внѣ* той области,

---

[1]) Traité elémentaire de Physique, par Ganot p. I.

[2]) Mill's Logic. B. VI, ch. IV, p. 428. «Непосредственно предшествующее ощущенію есть состояніе тѣла, но само ощущеніе есть состояніе души.»

которую чувствуетъ. Сами внѣшнія чувства ничто иное, какъ двери въ сознаніе, и усиливаться уловить сознаніе пятью нашими чувствами— все равно, что усиливаться ввести домъ въ его собственныя двери.

4. Опредѣлимъ ли мы матерію пространствомъ, которое она занимаетъ, опредѣлимъ ли доступностью ея нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, въ сущности выйдетъ одно и тоже: мы опредѣлимъ матерію, какъ *неизвѣстную намъ причину нашихъ впечатлѣній*, и *другаго болѣе точнаго опредѣленія мы не можемъ ей дать*. Всякія попытки выйти за предѣлы этого *чисто субъективнаго* опредѣленія матеріи и узнать, что она такое *тамъ*, сама въ себѣ, внѣ тѣхъ разнообразныхъ ощущеній, которыя она въ насъ вызываетъ, оказывались только *гипотезами*, достоинство которыхъ можетъ измѣряться лишь ихъ *дидактическимъ* значеніемъ, какъ болѣе или менѣе удачнымъ пріемомъ для группировки физическихъ явленій. Такою гипотезою является и извѣстная *атомистическая теорія*, на которой, за неимѣніемъ лучшей и не смотря на всю ея логическую несостоятельность, продолжаютъ до сихъ поръ опираться всѣ окончательныя объясненія причинъ физическихъ явленій въ физикѣ, химіи и даже физіологіи, приводящей все тоже къ вибраціи атомовъ или нервныхъ частицъ.

5. По *атомистической гипотезѣ* каждое тѣло состоитъ изъ *атомовъ*—чрезвычайно мелкихъ, недѣлимыхъ частицъ, которыя, хотя собираются въ группы болѣе или менѣе тѣсныя (молекулы), но никогда *не дотрогиваются* одна до другой. Такая непреодолимая раздѣльность атомовъ въ пространствѣ необходима наукѣ, какъ для объясненія химическихъ комбинацій, такъ и для объясненія многихъ физическихъ явленій, какъ, напримѣръ, упругости тѣлъ, движеній, вибраціи, расширенія и т. п. Атомистическая гипотеза, слѣдовательно, представляетъ намъ каждый атомъ и каждое тѣло среди особенной *коры изъ пустоты*, въ которой дѣйствуютъ силы матеріи. Эта странная кора, облегающая тѣла и атомы, можетъ расширяться и уменьшаться до безконечности, но никогда не можетъ быть совершенно уничтожена. Толстоту этой коры изъ пустоты гипотеза представляетъ намъ неизмѣримо малою, когда дѣло идетъ о частичномъ притяженіи между атомами плотнаго тѣла, и неизмѣримо обширною, когда дѣло идетъ о взаимномъ тяготѣніи небесныхъ тѣлъ [1]), такъ что Фихте былъ совершенно правъ, назвавъ ученіе объ атомахъ только добавленіемъ къ астрономіи [2]). Тѣла небесныя, точно такъ же, какъ атомы тѣлъ, дѣйствуютъ другъ на друга *безъ непосредственнаго прикосновенія*. Эти блестящіе міры, эти безчувственныя громады, двигающіяся въ без-

---

[1]) Впрочемъ, Фехнеръ, знаменитый защитникъ атомистической системы, говоритъ, что и въ тѣлахъ слѣдуетъ представлять себѣ атомы неизмѣримо малыми въ отношеніи раздѣляющаго ихъ пространства (Ueber die physikalische Atomenlehre von T. Fechner. Zw. Auflage. 1864, S. 94).

[2]) Ibidem. S. 90.

конечномъ пространствѣ вселенной, *чувствуютъ*, выражаясь аналогически, присутствіе другъ друга за милліарды верстъ, *взвѣшиваютъ* другъ друга, и тянутся другъ къ другу какимъ-то незримыми, *нематеріальными, непостижимыми узами* [1]). Если месмеристъ говоритъ намъ, что одинъ человѣкъ можетъ дѣйствовать на другаго за сотни верстъ, какимъ-то наитіемъ, безъ *всякаго матеріальнаго прикосновенія*, и угадывать желанія его безъ электрической проволоки, то мы совершенно справедливо называемъ месмериста шарлатаномъ или фантазеромъ; ибо онъ не представляетъ намъ фактовъ такого воздѣйствія. Но если астрономія говоритъ намъ, что бездушныя массы небесныхъ тѣлъ, отдѣленныя другъ отъ друга громаднѣйшими пространствами, входятъ между собою въ дѣятельное и разумное соотношеніе, тоже безо *всякаго матеріальнаго соприкосновенія*, то можемъ ли мы не признать въ этомъ великаго, хотя непостижимаго факта природы? А можемъ ли мы объяснить себѣ этотъ фактъ, или, по крайней мѣрѣ, *представить* его себѣ въ наглядной формѣ? *Это фактъ — вотъ и все, что мы знаемъ*, и какимъ бы *чудомъ* ни казался намъ этотъ фактъ, мы не можемъ отрицать его, если не хотимъ отрицать такихъ положительныхъ наукъ, каковы физика и астрономія, строющихся на этомъ чудесномъ фактѣ.

6. Эта невозможность *представить* себѣ воздѣйствіе тѣла на тѣло *на разстояніи, черезъ пустую среду*, — невозможность, которую ощущаетъ каждый и теперь, какъ ощущалъ ее Ньютонъ, излагая законъ тяготѣнія,—происходитъ отъ той психической причины, на которую мы указали выше. Мы легко и ясно представляемъ себѣ только то, что сами, вполнѣ или отчасти, можетъ выполнить. Мы же дѣйствуемъ на мертвыя тѣла не иначе, какъ непосредственнымъ къ нимъ прикосновеніемъ или, по крайней мѣрѣ, намъ кажется, что мы *такъ* на нихъ дѣйствуемъ. Вотъ почему дѣйствіе магнита, на разстояніи притягивающаго желѣзо, и дѣйствіе солнца на землю—намъ кажется чѣмъ-то чудеснымъ и мы стараемся объяснить эти воздѣйствія, придумывая или магнитную жидкость, дѣйствующую между магнитомъ и желѣзомъ, или такой же невидимый и невѣсомый эфиръ, наполняющій всѣ пустыя пространства, и во вселенной между планетами, и въ каждомъ тѣлѣ между его атомами. Но не одна эта *привычка представленія*, если можно такъ выразиться, побудила Ньютона, изложивъ явленія и законъ тяготѣнія, принять гипотезу существованія эѳира. Къ тому повело его и то противорѣчіе, которое существуетъ между опредѣленіемъ матеріи, какъ занимающей мѣсто въ пространствѣ и доступной нашимъ чувствамъ, и принятіемъ дѣйствія тѣла на тѣло на разстояніи, безъ по-

[1]) Въ старину движеніе планетъ объяснялось живущимъ въ каждой изъ нихъ *духомъ руководителемъ*, spiritus rector. Теперь намъ извѣстны, конечно, законы движенія планетъ; но такъ же мало, какъ и въ старину, знаемъ мы, что тянетъ другъ къ другу эти слѣпыя и нѣмыя громады.

средствующаго тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, если матерія есть то, что занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, и въ то же время она дѣйствуетъ внѣ того мѣста, которое занимаетъ, то спрашивается: *гдѣ же* собственно матерія? Тамъ ли, гдѣ она дѣйствуетъ, или тамъ, гдѣ она не дѣйствуетъ? Тамъ ли, гдѣ мы ее чувствуемъ, или тамъ, гдѣ мы ее не чувствуемъ? И что она такое тамъ, гдѣ она не дѣйствуетъ, и гдѣ мы ее не чувствуемъ, т. е. въ томъ мѣстѣ, которое она занимаетъ? Точно также пустое пространство между тѣлами непримиримо съ опредѣленіемъ матеріи, какъ доступной нашимъ чувствамъ. Напротивъ, по атомистической гипотезѣ матерія оказывается именно недоступною нашимъ чувствамъ, ибо всякую матерію облекаетъ непроницаемая кора изъ пустоты. Вотъ тѣ «*несообразности*», которыя побудили Ньютона и Ейлера отвергнуть *пустое* пространство и наполнить его эѳиромъ, а не одинъ устарѣлый предразсудокъ, какъ это даетъ понять Миль.

7. Но Миль совершенно правъ, говоря, что признаніе невѣсомаго *эѳира* нисколько не облегчило намъ представленія взаимнодѣйствія тѣлъ на разстояніи, конечно, если подъ словомъ эѳиръ мы будемъ разумѣть не что нибудь таинственное и нематеріальное, но тоже матерію. Принявъ *гипотетическій* эѳиръ для объясненія *гипотетической* пустоты, между *гипотетическими* же атомами, атомическая теорія явилась въ слѣдующемъ видѣ:

«*Вѣсомая* матерія представляется раздѣленною пространствомъ на отдѣльныя части, между которыми находится *невѣсомая* субстанція, *эѳиръ*. Природа эѳира и его отношенія къ вѣсомой матеріи представляютъ еще много неопредѣленнаго, неяснаго [1]; но, тѣмъ не менѣе, эѳиръ воображаютъ не иначе, какъ занимающимъ опредѣленное пространство и также раздѣленнымъ на части, между которыми находится уже *абсолютно-пустое пространство*. Всѣ эти малѣйшія частицы (атомы), какъ вѣсомой, такъ и невѣсомой матеріи, состоятъ между собою въ такомъ же отношеніи, посредствомъ взаимнаго воздѣйствія силъ, въ какомъ состоятъ и небесныя тѣла. Послѣдніе атомы (атомъ отличается отъ группы атомовъ или молекюлей) неразрушимы, или, по

---

[1]) Замѣчательно, какъ даже великіе ученые и мыслители, принявъ гипотезу и давъ ей греческое названіе, скоро забываютъ, что это только гипотеза: «Если бы, говоритъ, напримѣръ, Ейлеръ: былъ хотя одинъ случай въ мірѣ, когда бы два тѣла притягивали другъ друга, хотя пространство между ними не было бы наполнено эѳиромъ, тогда должно было бы допустить существованіе притяженія, какъ особой силы; *но такой случай не существуетъ*» (P. II, Let. XI). Но какъ же существовать такому случаю, когда, придумавъ эѳиръ и ничего о немъ не зная, мы помѣщаемъ его вездѣ, гдѣ намъ угодно? Пусть ученые, принимающіе эѳиръ, *удалятъ его* при опытахъ и покажутъ, что безъ эѳира тѣла не подчиняются законамъ тяготѣнія. Кажется было бы полезно принять обычай ставить особый значекъ при всякомъ употребленіи гипотетическаго слова въ наукѣ.

крайней мѣрѣ, въ области химіи и физики нѣтъ средствъ ихъ разрушить.» [1])

Но если эѳиръ снова состоитъ изъ атомовъ, а эти атомы снова дѣйствуютъ другъ на друга безъ матеріальнаго соприкосновенія, на разстояніи, въ пространствѣ, признаваемомъ *пустымъ*, то спрашивается, принявъ эѳиръ, облегчили ли мы себѣ сколько-нибудь представленіе дѣйствія тѣла на тѣло и атома на атомъ на разстояніи и въ пустомъ пространствѣ? Такимъ образомъ, мы видимъ, что принятіе эѳира для того, чтобы избавить отъ необходимости признать силу, дѣйствующую между тѣлами внѣ матеріи, ни къ чему не повело,—и эѳиръ далъ намъ только лишнее и совершенно безполезное звено въ этой цѣпи гипотезъ. Такъ или иначе, но естествознанію приходится признать *силу*, дѣйствующую внѣ матеріи и закрывающую саму матерію отъ нашей пытливости. [2])

8. Но что же такое сама сила безъ матеріи? Что это за нематеріальное существо, закрывающее отъ насъ всегда и вездѣ субстанцію матеріи? На это, конечно, не даетъ намъ отвѣта ни одна физика. Это просто значитъ создать новую гипотезу, для примиренія противорѣчій въ прежней. Тѣло, вся сущность котораго опредѣляется *мѣстомъ*, которое оно занимаетъ и въ которомъ оно для насъ недоступно по своей отталкивающей силѣ, и воздѣйствіе тѣла на тѣло черезъ пустое пространство противорѣчатъ одно другому—и вотъ придумана сила, какъ-то *витающая* между тѣлами и *незанимающая пространства*. Но что же это такое, что существуетъ и дѣйствуетъ, не занимая пространства? Неудобоваримость такого представленія заставила замѣнять слово «сила» или словами «свойство матеріи» или словомъ «законъ» (какъ, напримѣръ, у Фехнера). Но это значитъ поставить одно непонятное слово вмѣсто другаго, столь же непонятнаго. Это живо чувствовалось многими естествоиспытателями; но дѣлать было нечего: по крайней мѣрѣ «сила» и «матерія», какъ существа отдѣльныя, хорошо исполняли свою роль при группировкѣ и посильномъ объясненіи физическихъ явленій. Но въ новѣйшее время, когда послѣ сатурналій гегелевской философіи, философская арена осталась праздною и ее поспѣшили занять естественныя науки, потребовалось и для нихъ болѣе стройное міросозерцаніе, а прежде всего, во что бы то ни стало, должно было отдѣлиться отъ *нематеріальнаго* существованія *матеріальныхъ* силъ, и вычеркнувъ понятіе силы, оставить одно понятіе матеріи. Но Фехнеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что матеріализмъ, принявшій такое

[1]) Fechner. Ibidem, S. 93—95.

[2]) «Физикъ, говоритъ Шнель, имѣетъ дѣло только съ силами и инерціей. Субстанціонально же существующее, къ которому должны быть привязаны силы, можетъ имѣть мѣсто только въ метафизикѣ» (Die Streitfrage des Materialismus von Schnell. 1858, S. 32).

положеніе, долженъ былъ бы попытаться провести его въ физикѣ [1]), и тогда оказалось бы, что такое представленіе силы и матеріи, какъ существующихъ въ пространствѣ вездѣ и всегда вмѣстѣ, уничтожаетъ атомистическую теорію, на которой покудова держится не только вся физика, но и вся химія—эти двѣ главнѣйшія опоры матеріализма [2]). Признавать же пустое пространство между атомами и тѣлами, и въ то же время признавать, что *тамъ*, *гдѣ* есть сила, есть и матерія—значитъ *признавать, что матерія существуетъ внѣ мѣста, занимаемаго тѣломъ*, то-есть существуетъ *внѣ самой себя*. Что же иное значитъ положеніе, что сила неотдѣлима отъ матеріи, какъ не то, что нѣтъ мѣста въ пространствѣ, гдѣ бы сила существовала безъ матеріи? Но главныя объясненія физика строятся, именно, на возможности такого отдѣльнаго существованія силы и матеріи въ пространствѣ.

9. Любопытно для насъ и поучительно, какъ отнесся къ тому же вопросу знаменитый англійскій логикъ Миль въ главѣ «объ ошибкахъ», и именно, объ ошибкахъ, происходящихъ оттого, что положеніе кажущееся намъ очевиднымъ a priori, мы часто переносимъ, какъ необходимое требованіе, въ дѣйствительность, и думаемъ, наоборотъ, что то, что мы считаемъ невозможнымъ a priori, невозможно и въ дѣйствительности. Какъ примѣръ такой ошибки Миль приводитъ слова Ньютона, въ которыхъ знаменитый астрономъ выражаетъ логическую необходимость, побудившую его принять гипотезу эѳира. «Мнѣ кажется, говоритъ Ньютонъ, такою громадною нелѣпостью думать, что тяготѣніе врождено и присуще матеріи, такъ-что одно тѣло можетъ дѣйствовать на другое на разстояніи, черезъ пустое пространство и безъ посредства чего-нибудь другаго, черезъ что и посредствомъ чего дѣйствіе и сила могли бы быть сообщены другому,—что я не полагаю, чтобы кто-нибудь имѣющій компетентную способность мыслить о философскихъ предметахъ, могъ впасть въ эту ошибку». Миль видитъ въ этихъ словахъ

---

[1]) Fechner. Ibid. S. 118.

[2]) Замѣтимъ, для избѣжанія недоразумѣній, что, выставляя невозможность выразить въ ясномъ представленіи гипотезу, на которой строится физика и химія, мы, тѣмъ не менѣе, вполнѣ сочувствуемъ Фехнеру, когда онъ говоритъ: «если нынѣшняя атомистическая теорія кажется философу слабою, то пусть онъ подаритъ физику другою, но не можетъ же физика промѣнять своего талера на пустой кошелекъ, который стоилъ бы больше талера, если бы былъ полонъ». (Fechner, S. 99). Атомистическая гипотеза выполняетъ свое назначеніе, группируя химическія и физическія явленія въ одну стройную систему. Конечно, «гипотеза, какъ говоритъ Миль, не имѣетъ назначенія всегда оставаться гипотезою» (Mill's Logic. T. II, p. 14); но пока гипотеза находится въ видѣ гипотезы, то мы считаемъ совершенно ложнымъ и чрезвычайно вреднымъ переносить ее въ другія области изслѣдованія и переносить уже не какъ гипотезу, а какъ вполнѣ доказанную истину, которая можетъ служить точкой отправленія другой наукѣ.

Ньютона только *прежнее, уже пережитое человечеством предубѣжденіе*. «Теперь, говоритъ Милъ, уже никто не чувствуетъ никакой трудности думать, что тяготѣніе, какъ и всякое другое свойство, присуще матеріи; теперь никто не находитъ, чтобы пониманіе этого было сколько-нибудь облегчено предположеніемъ эѳира и вовсе не считаетъ невѣроятнымъ, что небесныя тѣла могутъ дѣйствовать и дѣйствительно дѣйствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ (внѣ мѣста занимаемаго ими) [1]. Теперь мы не болѣе удивляемся тому, что тѣла могутъ дѣйствовать другъ на друга безъ взаимнаго соприкосновенія, какъ и тому, что они дѣйствуютъ, соприкасаясь. Мы хорошо знакомы съ обоими этими фактами и находимъ, что *они одинаково неизъяснимы*, и что въ нихъ одинаково легко вѣрить (We find them equally inexplicable, but equally easy to believe) [2].

10. Признавъ однако за фактъ, неподлежащій сомнѣнію, хотя и *непостижимый*, что тѣло можетъ дѣйствовать на другія тѣла, а слѣдовательно и на наши органы чувствъ, на разстояніи, безъ непосредственнаго соприкосновенія, будемъ ли мы вправѣ опредѣлить тѣло тѣмъ, что оно занимаетъ мѣсто въ пространствѣ? Мы знаемъ тѣла только по ихъ дѣйствію на наши чувства, какъ это утверждаетъ самъ же Милъ въ другомъ мѣстѣ, а такъ-какъ они дѣйствуютъ на разстояніи, то можемъ ли мы знать, что такое тѣло въ самомъ себѣ, что оно такое *тамъ, гдѣ оно пребываетъ*, но гдѣ оно на насъ не дѣйствуетъ и гдѣ оно намъ недоступно? Всегда отдѣленные отъ матеріи областью ея дѣйствія, мы должны считать ее недоступною нашимъ чувствамъ. Но этого мало: если матерія *всегда* дѣйствуетъ на разстояніи, какъ это доказываетъ физика, и какъ это принимаетъ Милъ въ своей главѣ «объ ошибкахъ», по какому же праву мы должны предположить матерію *тамъ*, гдѣ мы не испытываемъ ея дѣйствія, гдѣ она для насъ недоступна, и почему

---

[1]) Замѣчательно, что для Ейлера эѳиръ кажется также необходимымъ, какъ и для Ньютона и по той же самой причинѣ: «Мысль, что притяженіе существенно всякой матеріи, ведетъ къ такимъ несообразностямъ (именно къ дѣйствію тѣла внѣ самаго себя), что слѣдуетъ принять, что то, что называютъ притяженіемъ, есть *сила*, содержащаяся въ тонкой матеріи, наполняющей пространство, *хотя мы и не знаемъ какимъ ὀбразомъ*». (P. II, Letr. VII, p. 256). Спрашивается, что же мы выиграли признавъ *эѳиръ?* Не лучше ли было бы прямо перейти къ той мысли, которую высказываетъ подъ конецъ и Ейлеръ: «*Должно привыкнуть сознаваться въ своемъ незнаніи*. Это тоже, что говоритъ и Милъ, но чистосердечнѣе выражено. Но должно опасаться, чтобы привычка употреблять слово «*притяженіе*» не укоренила въ насъ мысли, что мы и дѣйствительно понимаемъ, что такое *притяженіе*. Мы не сдѣлали въ этомъ отношеніи никакого прогресса со времени Ньютона, хотя на такой прогрессъ указываетъ Милъ; а можетъ быть привыкли употреблять слово «*тяготѣніе*» и довольствуемся словомъ тамъ, гдѣ онъ требовалъ мысли.

[2]) Mill's Logic. B. V. Ch. III, § 3, p. 314 и 315.

мы не можемъ предполагать ее тамъ, гдѣ она на насъ дѣйствуетъ? Признавая фактъ тяготѣнія необъяснимымъ, Миль, въ то же время, точно также какъ и Ньютонъ, старается его разъяснить, съ тою только разницею, что Ньютонъ предлагаетъ для этого гипотезу эѳира, оказавшую большую пользу физикѣ, а Миль гипотезу существованія матеріи въ области недоступной для нашихъ чувствъ, гипотезу вовсе безполезную; но обѣ эти гипотезы одинаково не объясняютъ намъ чуда тяготѣнія. Что же касается до привычки, которую мы сдѣлали со времени Ньютона въ употребленіи слова «тяготѣніе», безъ всякихъ *заднихъ* мыслей, то это дѣйствительно *психическій* фактъ. Употребляя часто какое-нибудь слово, люди наконецъ совершенно теряютъ его смыслъ и говорятъ о словѣ, которое сами же создали, какъ о чемъ то, внѣ ихъ существующемъ и отъ нихъ независящемъ. Но значеніе мыслителей именно въ томъ и состоитъ, какъ замѣтилъ, если не ошибаемся, Карлиль, что они сбрасываютъ эту привычку и находятъ предметъ недоумѣнія или удивленія въ томъ, чему толпа давно уже перестала удивляться, и что кажется ей совершенно понятнымъ и простымъ.

11. Но заблужденіе Миля на этомъ не останавливается. Въ числѣ подобныхъ же ошибокъ, основанныхъ на убѣжденіи въ дѣйствительной невозможности того, что намъ кажется невозможнымъ субъективно, Миль помѣщаетъ убѣжденія, что матерія не можетъ думать, что пространство безпредѣльно и что ничто не можетъ быть сдѣлано изъ ничего. (Ex nihilo nihil fit). «Вѣрны или нѣтъ эти предположенія, говоритъ Миль, и могутъ ли эти вопросы быть разрѣшены умомъ человѣческимъ—этого мы разсматривать здѣсь не будемъ. Но такія положенія не болѣе могутъ быть считаемы очевидными истинами, какъ и старое положеніе, что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, во что не вѣритъ теперь ни одинъ образованный человѣкъ въ Европѣ. Матерія не можетъ думать; почему? Потому-что мы не можемъ представить себѣ мысль, соединенную съ какимъ-нибудь расположеніемъ матеріальныхъ частицъ [1]). Пространство безконечно потому только, что, не видѣвъ никогда части пространства, за которою не слѣдовало бы другой части, мы не можемъ

---

[1]) Нѣтъ, не потому; а потому, что мы не можемъ себѣ представить такое расположеніе матерьяльныхъ частицъ, которое объяснило бы намъ возможность сознанія и мысли. Слѣдовательно, сказать, что сознаніе рождается при *извѣстномъ* расположеніи матеріальныхъ частицъ—значитъ все равно, что ничего не сказать, ибо это *извѣстное* расположеніе частицъ, намъ совершенно не *извѣстно*, и мы даже не можемъ себѣ сфантазировать такое расположеніе частицъ, которымъ объяснилось бы появленіе чувства. Удивительно, какъ даже въ науку и на всѣхъ языкахъ (certain, gewisse) проникло это безсмысленное употребленіе слова *извѣстный* тамъ, гдѣ намъ именно ничего неизвѣстно.

составить себѣ понятія объ абсолютномъ предѣлѣ [1]). Ex nihilo nihil fit, потому что, не видѣвъ никогда физическаго продукта безъ существующаго физическаго матерьяла, мы *не можемъ*, или думаемъ, что не можемъ, вообразить себѣ созданіе изъ ничего. Но сами по себѣ всѣ эти вещи могутъ быть мыслимы, точно также, какъ притяженіе безъ посредствующей среды, что Ньютонъ считалъ такою нелѣпостью, которую не можетъ принять ни одинъ человѣкъ, способный думать.» [2])

12. Въ этомъ мѣстѣ своей книги Миль не только впадаетъ въ заблужденіе, но, что гораздо хуже, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Принявъ, *что изъ внѣшняго міра мы не знаемъ и не можемъ знать ничего, кромѣ ощущеній, которыя отъ него испытываемъ;*—опредѣливъ *тѣло какъ внѣшнюю и притомъ скрытую причину* (the *hidden* external cause), *которой мы приписываемъ наши ощущенія*, —признавъ *тѣло таинственнымъ нѣчто* (something), *возбуждающимъ чувство въ душѣ, а душу таинственнымъ нѣчто, что чувствуетъ и думаетъ* [3]), Миль не могъ уже, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, внести въ число логическихъ ошибокъ мысль, что матерія не можетъ думать. Матерія можетъ думать, но тогда она не будетъ тою матеріею, какою ее опредѣлилъ самъ Миль, ибо единственное опредѣленіе, которое Миль даетъ матеріи, состоитъ въ томъ, что она ощущается душою, а душѣ—что она ощущаетъ матерію. Слѣдовательно, ощущающая матерія не будетъ уже матерія, а душа; а ощущаемая душа не будетъ уже душою, а матеріею. Что-нибудь одно изъ двухъ: или опредѣленіе, данное Милемъ матеріи въ началѣ его книги, не годится, или мысль, что матерія не можетъ думать—нелѣпа. [4]). Не самъ ли Миль говоритъ, что внѣ нашихъ ощущеній мы не знаемъ ничего, слѣдовательно, не знаемъ матеріи, а въ нашихъ ощущеніяхъ знаемъ матерію только какъ причину, вызывающую въ насъ ощущенія, а, слѣдовательно, не тѣмъ, что ощущаетъ. Мы можемъ опредѣлять матерію, какъ намъ угодно; но, безъ сомнѣнія, и новая логика признаетъ правило старой, что, давши разъ опредѣленіе, мы должны уже остаться ему вѣрны. Мы можемъ допускать *неизъяснимые факты*, но не имѣемъ права допускать *неизъяснимыхъ мыслей*. Мы можемъ указывать на противорѣчіе въ фактахъ, отказываясь примирять эти противорѣчія, но не

---

[1]) И опять ошибка: не *часть* пространства, а *цѣлое* надо бы намъ видѣть, чтобы убѣдиться въ его конечности.

[2]) Ib. p. 315.

[3]) Mill's Logic. B. I, Ch. III. §§ 7 и 8 p. 67, 68.

[4]) Замѣчательно, что Локкъ, находя невозможнымъ мышленіе въ матеріи, полагаетъ однако, что Богъ могъ дать матеріи, какъ и всякой другой субстанціи, способность чувствовать и мыслить (Of hum. Understanding. B. IV, Ch. III, § 6), на что Ейлеръ весьма справедливо замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ будетъ мыслить божество, а не матерія. (Euler. Lettre XII, p. 270).

можемъ допускать противорѣчій въ нашихъ разсужденіяхъ; ибо все значеніе разсужденія состоитъ именно въ томъ, что оно стремится къ изгнанію противорѣчій.

13. Какъ же примирить всѣ эти противорѣчія въ опредѣленіи матеріи? Что же такое, наконецъ, матерія въ существѣ своемъ? Читатель, безъ сомнѣнія, не ждетъ, чтобы мы дали категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Слѣдуя принятой нами методѣ, мы удовольствуемся тѣмъ, что начертимъ психическую исторію понятія матеріи.

Какъ только человѣкъ, выполняя свое первое произвольное движеніе, встрѣтился съ внѣшними для него тѣлами, которыя помѣшали его движеніямъ, такъ и должно было родиться въ немъ первое *чувство* матеріи. Если бы въ это время человѣкъ могъ выражать свои чувства, то онъ опредѣлилъ бы матерію какъ нѣчто такое, что мѣшаетъ произвольнымъ движеніямъ. Но не такъ ли опредѣляютъ матерію и тѣ ученые, которые, какъ, напримѣръ, Эйлеръ, Шнель и др., называютъ *инерцію* главнымъ свойствомъ матеріи, которое и дѣлаетъ матерію для насъ чувствительною [1]). Но эти ученые распространяютъ, конечно, понятіе инерціи, какъ сопротивленія матеріи не однимъ движеніямъ человѣка, но и всякимъ другимъ движеніямъ. Это распространеніе могъ сдѣлать и простой человѣкъ, но только впослѣдствіи, по расширеніи своихъ опытовъ и наблюденій. Но что же такое *инерція?* «Инерція, говоритъ Эйлеръ, есть свойство, находящееся въ самой природѣ тѣлъ, по которому они *стремятся* оставаться всегда въ одномъ и томъ же состояніи, будетъ ли то покой, или движеніе» [2]). Не трудно замѣтить, что въ этомъ опредѣленіи инерціи слово *стремленіе* употреблено только въ переносномъ значеніи. Человѣкъ можетъ ощущать стремленія лишь въ самомъ себѣ; если же здѣсь говорится о стремленіи въ матеріи, это уже злоупотребленіе чисто психическаго термина. Стремится ли къ чему нибудь матерія или нѣтъ—этого мы знать не можемъ, а знаемъ только за нею фактически одинъ *отрицательный* признакъ, а именно, что, будучи въ состояніи покоя, она *не можетъ* сама собою выйти изъ этого состоянія, а приведенная въ состояніе движенія, она *не можетъ* сама собою перейти въ состояніе покоя [3]). Но естественно, что *отрицательный* при-

---

[1]) Lettres d'Euler, p. II, L. VI, p. 252.

[2]) Ib. p. 250.

[3]) Странно отношеніе такъ называемой *позитивной* философіи къ вопросу объ *инерціи* тѣлъ. Льюисъ, излагая философію Огюста Конта, говоритъ: «Контъ начинаетъ (свое изложеніе содержанія механики) съ подробнаго разсмотрѣнія важнаго и необходимаго философскаго пріема, употребляемаго въ механикѣ, безъ котораго нельзя было бы установить ни одного положенія относительно абстрактныхъ законовъ равновѣсія или движенія. Это—предположеніе, что всѣ тѣла *инертны*: не въ силу того, чтобы они подлежали такъ называемому *закону инерціи* (что совершенно другое), но въ силу того, что они не могутъ самопроизвольно измѣнять дѣйствіе приложенныхъ къ

знакъ непремѣнно уже предполагаетъ положительный, для котораго онъ служитъ отрицаніемъ. Положительный же признакъ въ этомъ случаѣ взятъ человѣкомъ изъ собственнаго своего внутренняго опыта. Опредѣляя матерію инерціею, человѣкъ только отличаетъ ее отъ самого себя. «Матерія,—говоритъ онъ въ этомъ опредѣленіи, переведенномъ на простой языкъ, — есть то, что не можетъ ни двинуться, когда захочетъ, ни перестать двигаться, какъ это могу сдѣлать я и существа, мнѣ подобныя». Слѣдовательно, въ этомъ опредѣленіи человѣкъ только противополагалъ матерію самому себѣ, какъ нѣчто такое, что не имѣетъ въ себѣ воли, и что можетъ мѣшать произвольнымъ движеніямъ человѣка.

14. Впослѣдствіи, при расширеніи наблюденій и опытовъ, человѣкъ долженъ былъ видоизмѣнить это первоначальное чувство матеріи. Онъ видѣлъ, что тѣла, которыя онъ признавалъ инертными, также движутся и останавливаются независимо отъ его воли. Здѣсь-то и начинается рядъ человѣческихъ объясненій, рядъ кажущихся примиреній, а вслѣдствіе того и рядъ ошибокъ. Первое примиреніе состоитъ въ томъ, что человѣкъ, не долго думая, *одушевляетъ* матерію: влагаетъ въ нее волю, подобную своей. Это мы замѣчаемъ на дѣтяхъ, которыя весьма замѣтно одушевляютъ свои игрушки и вообще вещи, оказывающія на нихъ вліяніе; это мы замѣчаемъ надъ необразованными людьми во множествѣ предразсудковъ; это замѣчаемъ мы, наконецъ, и на цѣлыхъ народахъ, оставшихся въ первобытномъ состояніи. Дикарь гдѣ видитъ движеніе, тамъ предполагаетъ и душу; особенно, если это движеніе для него—новость. Такъ дикари, видѣвшіе въ первый разъ часы, принимали ихъ за живое существо. «Дикіе народы, говоритъ Ридъ, совершенно убѣждены, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды, земля, море и воздухъ, источники и озера обладаютъ умомъ и волею» [1]). Вся шаманская религія, легшая въ основу и китайской національной религіи, основана на такомъ одушевленіи всѣхъ предметовъ природы, а это за исключеніемъ, конечно, откровенной религіи, безъ сомнѣнія — самая древняя изъ религій человѣчества. «Всѣ языки, какъ замѣчаетъ Ридъ, носятъ на себѣ слѣды того, что они образовались въ то время, когда преобладала такая увѣренность» Особенно это замѣтно по отношенію къ тѣмъ тѣламъ природы, кото-

---

нимъ силъ. Въ дѣйствительности это — чистое предположеніе; ибо каждое одушевленное или неодушевленное тѣло въ большей или меньшей степени имѣетъ самопроизвольную дѣятельность или движеніе» (Льюисъ и Милль. Огюстъ Контъ. 1867. Стр. 77). Но изъ двухъ предположеній, что матерія инертна и что всякое неодушевленное тѣло имѣетъ *самопроизвольную* дѣятельность, которой по понятіямъ Льюиса же не имѣетъ даже и человѣкъ, безъ сомнѣнія первое вѣроятнѣе, и если Льюисъ называетъ его «осколкомъ старинной метафизики», то второе—осколокъ еще болѣе стариннаго фетишизма и средневѣковыхъ алхимистическихъ понятій о spiritus rector, сидящемъ въ каждомъ тѣлѣ.

[1]) Mill. Vol. I, 392.

рыхъ не могъ двигать самъ человѣкъ. Такъ, мы говоримъ: «солнце садится и встаетъ, вѣтеръ дуетъ, день приходитъ, жара наступаетъ» и т. п., изъ чего Ридъ не безъ основанія заключаетъ, что «эти понятія образовались тогда, когда человѣкъ вѣрилъ, что неодушевленные предметы имѣютъ и жизнь и волю.» [1])

15. По расширеніи опытовъ и наблюденій и эта вѣра должна была разрушиться. Она была слишкомъ груба, чтобы человѣкъ могъ ужиться съ нею. Въ безчисленныхъ опытахъ пріобрѣлъ онъ множество средствъ управлять движеніями природы и, ближе ознакомившись съ вещами, не нашелъ въ нихъ ни чувства, ни воли. Тогда появляются у него *духи*, управляющіе явленіями, дивы, гномы и, наконецъ, нептуны, волнующіе море, эолы, дующіе вѣтры, юпитеры-громовержцы, кидающіе молнію, драконы, проглатывающіе луну, черепахи, потрясающія землю и т. п. Во всѣхъ этихъ олицетвореніяхъ, безъ сомнѣнія, былъ историческій прогрессъ, но здѣсь намъ нѣтъ до него никакого дѣла. Наблюдая далѣе надъ своимъ собственнымъ тѣломъ, человѣкъ, конечно, скоро пришелъ къ убѣжденію, что и тѣло его движется не всегда по его желанію, а напротивъ часто противится и мѣшаетъ тѣмъ движеніямъ, которыя онъ хочетъ въ немъ вызвать. Тогда окончательно должно было образоваться въ человѣкѣ понятіе о *душѣ* и о *волѣ*, какъ источникѣ произвольныхъ движеній, и о *матеріи*, какъ субстратѣ этихъ движеній. Но какъ же объяснить человѣку тѣ движенія, которыя онъ замѣчаетъ въ матеріи, но причины которыхъ не видитъ ни въ себѣ, ни въ существахъ, ему подобныхъ, когда онъ уже убѣдился, что нептуны и эолы—созданія его собственной фантазіи? Здѣсь начинается длинный рядъ отыскиванія причинъ движеній или вообще причинъ явленій, потому что всякое явленіе, какъ мы уже объяснили выше, представляется человѣкомъ не иначе, какъ въ формѣ движенія. *Ближайшія* изъ причинъ дѣйствительно открывались въ явленіяхъ, всегда предшествующихъ тому, причина котораго отыскивается, а *дальнѣйшія* опять же фантазировались; только фантазіи были уже другаго свойства. Но объ этомъ отыскиваніи причинъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ, а теперь обратимся опять къ формаціи понятій о матеріи.

16. Изъ стремленія объяснить причины движеній или явленій у человѣка образовались два понятія, условливающія другъ друга: понятіе *воли*, *какъ силы*, вызывающей произвольныя движенія въ его собственномъ тѣлѣ, и *силы*, *какъ воли*, лежащей внѣ души человѣческой и отъ нея независящей. Матерія, или вѣрнѣе сказать, движенія матеріи явились для человѣка причиною всѣхъ тѣхъ ощущеній, которыя онъ испытуетъ независимо отъ своего произвола. Тогда опредѣленіе матеріи приняло другую форму: «все, что вызываетъ въ душѣ человѣка ощущенія, зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д., все это матерія», или, другими словами: «матерія есть все, что подлежитъ нашему ощущенію».

---

[1]) Ibid. p. 393.

Но, всмотрѣвшись и въ это опредѣленіе матеріи, мы замѣчаемъ, что и здѣсь основными идеями являются все тѣ же первоначальныя идеи: идея произвола, ощущаемаго человѣкомъ въ самомъ себѣ, и идея матеріи, въ которой отрицается произволъ: произвола, какъ отрицанія матеріи, и матеріи, какъ отрицанія произвола. Уже гораздо позднѣе, когда человѣкъ началъ испытывать природу научнымъ образомъ и замѣтилъ, что, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, два тѣла являются несовмѣстимыми въ одномъ и томъ же мѣстѣ, появилось опредѣленіе матеріи какъ чего-то, занимающаго мѣсто въ пространствѣ. Это опредѣленіе нашло себѣ поддержку въ опредѣленіи матеріи какъ чего-то, мѣшающаго движенію въ противоположность пустотѣ, не мѣшающей ему. Къ пониманію же матеріи, какъ необходимой для движенія, человѣкъ могъ дойти только уже философскимъ путемъ. Онъ могъ только философскимъ путемъ дойти до убѣжденія, что помѣха, которую оказываетъ матерія произвольному движенію, что инерція матеріи также необходима для выполненія движеній, какъ и сила, нарушающая эту инерцію.

17. Изъ такихъ-то антагонистическихъ идей составилось обширное и неопредѣленное понятіе матеріи, скорѣе обширное чувство, чѣмъ идея, чувство, которое наука до сихъ поръ напрасно старается уловить и выразить въ точномъ опредѣленіи. До сихъ поръ въ основѣ понятія о матеріи лежитъ непосредственное ощущеніе ея человѣкомъ—ощущеніе, въ которомъ высказываются разомъ и идея души, и идея матеріи, такъ-что идея матеріи предполагаетъ идею души и, наоборотъ, идея души предполагаетъ идею матеріи. Всѣ попытки разорвать это ощущеніе, присущее каждому человѣку, какой бы теоріи онъ ни держался, разорвать на двѣ, составляющія его части, и выразить каждую изъ нихъ въ самостоятельномъ—опредѣленіи оказывались до сихъ поръ тщетными. Мы не можемъ понять души иначе, какъ отрицаніемъ матеріи, и матеріи иначе, какъ отрицаніемъ души. Если міръ матеріальный кажется намъ понятнѣе міра душевнаго, то только потому, что мы *можемъ* представить себѣ міръ матеріальный, какъ бы ощущая его нашимъ осязаніемъ и нашимъ зрѣніемъ, возбуждая въ себѣ ту дѣятельность нервовъ, которую Миллеръ назвалъ «энергіею ощущенія» и *забывая*, что въ этомъ случаѣ мы опредѣляемъ матеріальное одною его способностью быть ощущаемымъ, т. е. опредѣляемъ матерію, *какъ отрицаніе* души.

18. Родоначальника идеалистовъ, Платона, упрекаютъ въ томъ, что онъ опредѣляетъ душу только отрицательными признаками: «душа нематеріальна, невидима, безсмертна, безпространственна, нераздѣлима» и т. д. [1]). Упрекъ этотъ совершенно справедливъ. Но мы утверждаемъ только, что онъ одинаково приложимъ и къ опредѣленію матеріи и что мы не можемъ иначе опредѣлить ее, какъ *отрицательными* признаками, какую бы положительную *форму* ни придавали имъ. Такъ въ опредѣленіи, что матерія занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, есть только

[1]) System der Psychologie, von Fortlage. Erst Th. § 28.

одинъ смыслъ, а именно, что матерія мѣшаетъ нашимъ произвольнымъ движеніямъ. Въ опредѣленіи матеріи инерціей есть только тотъ смыслъ, что матерія не можетъ сама по произволу начинать и прекращать своихъ движеній, не есть инициатива движеній, въ противоположность душѣ, какъ инициативѣ произвольныхъ движеній. Въ опредѣленіи матеріи, какъ подлежащей нашимъ чувствамъ, есть только тоже одинъ смыслъ, а именно, что матерія есть то, что ощущается душою, а душа есть то, что ощущаетъ матерію—опредѣленіе, къ которому пришелъ и Миль въ началѣ своей «Логики», хотя впослѣдствіи и позабылъ объ этомъ. Таково *антагонистическое понятіе матеріи и души*, присущее каждому человѣку, выражающееся въ словахъ и поступкахъ людей, но конечно не всегда выражающееся въ ихъ метафизическихъ теоріяхъ. Миль совершенно справедливо замѣчаетъ, что уже Ѳалесъ и Анаксименъ попробовали выйти изъ этого антагонизма души и матеріи [1]). Миль могъ бы точно также указать на Спинозу, Гегеля и матеріалистовъ (наприм. Гербарта Спенсера), какъ на попытки примирить этотъ психическій антагонизмъ и превратить весь духъ въ матерію или всю матерію въ духъ. Но Миль долженъ былъ показать, успѣли-ли эти фантазіи проникнуть въ общія убѣжденія человѣчества и успѣли-ли онѣ разубѣдить человѣка въ томъ, что въ душѣ его есть воля, а въ матеріи нѣтъ воли, и вышло ли изъ этихъ попытокъ какое-нибудь опредѣленіе матеріи и души. Лучшимъ доказательствомъ, что ни того, ни другаго не было, служитъ сама «Логика» Миля: будучи знакомъ съ мнѣніями Ѳалеса, Анаксимена, Малебранша, Спинозы, Лейбница, Гегеля и матеріалистовъ, Миль не задумался положить въ основу своей «Логики» тотъ психическій антагонизмъ въ понятіи матеріи и души, который мы хотѣли выяснить. И для Миля душа есть то, что ощущаетъ матерію, а матерія есть то, что ощущается душою. Онъ не вывелъ только логическихъ послѣдствій, необходимо вытекающихъ изъ понятія такого антагонизма, а именно, что въ понятіе матеріи не входитъ понятіе ощущающаго, а въ понятіе души—понятіе ощущаемаго. Если въ понятіе матеріи ввести признакъ ощущающаго, а въ понятіе души—признакъ ощущаемаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ и самыя эти понятія, а вмѣстѣ съ ними и рухнетъ основаніе, на которомъ строится «Логика» Миля. Смѣшавъ понятіе души и матеріи, мы уничтожимъ эти понятія, ибо вся сила ихъ, все ихъ raison d'être, заключается въ ихъ взаимномъ антагонизмѣ. Съ этимъ вмѣстѣ мы подорвемъ основу человѣческаго мышленія о внѣшнемъ для него мірѣ, уничтожимъ единственно возможную точку опоры для какого бы то ни было міросозерцанія, строющагося на опытахъ, а не на фантазіяхъ, ибо всякій опытъ разлагается окончательно на ощущенія, а въ каждомъ ощущеніи есть ощущаемое и ощущающее, которыхъ соединить *для человѣка* невозможно.

---

[1]) Mill's Logic. B. III. Ch. V. Note, p. 400.

Сила.

19. Уже анализируя образованіе понятія матеріи, мы выяснили и образованіе понятія силы, такъ-что намъ остается здѣсь высказать только ея опредѣленіе, и мы не можемъ его высказать лучше, какъ словами знаменитаго астронома Джона Гершеля. «Наше непосредственное сознаніе усилія, говоритъ онъ въ своемъ *Трактатѣ объ Астрономіи*, когда мы употребляемъ силу, чтобы привесть матерію въ движеніе или чтобъ воспротивиться движенію и нейтрализировать силу, даетъ намъ внутреннее убѣжденіе *силы* или *причинности*, на сколько это относится къ матеріальному міру, и побуждаетъ насъ вѣрить, что вездѣ, гдѣ мы замѣчаемъ переходъ тѣла изъ состоянія покоя въ состояніе движенія, или уклоненіе тѣла съ прямого пути, или ускореніе, или замедленіе движенія,— вездѣ это есть слѣдствіе подобнаго же нашему усилія, гдѣ нибудь приложеннаго, хотя и не сопровождаемаго нашимъ сознаніемъ» [1]).

20. Переносъ идеи нашего собственнаго усилія въ явленія внѣшняго міра, независящія отъ нашихъ усилій, могъ совершиться очень естественно. Употребляя свою силу, чтобъ преодолѣть инерцію матеріи и привести ее въ движеніе, человѣкъ испытывалъ сопротивленіе этой инерціи и естественно видѣлъ въ этомъ сопротивленіи силу, подобную своей. Испытавъ же инерцію матеріи и убѣдившись въ ея неспособности къ самостоятельной иниціативѣ движенія или покоя, человѣкъ объяснялъ замѣчаемое имъ въ природѣ движеніе матеріи,—а вслѣдствіе того и всѣ явленія, которыя онъ понимаетъ только какъ движенія,— приложеніемъ къ инертной матеріи такого же агента, какой онъ самъ въ себѣ испытываетъ, когда приводитъ въ движеніе инертную матерію или когда прекращаетъ движенія матеріи, уже разъ ей данныя. Такъ образовались въ человѣкѣ двѣ идеи: идея матеріи, какъ *противоположности* его душѣ, и идея силы, *какъ подобія* той же душѣ. Это снова двѣ *антагонистическія* идеи, *матеріи* и *силы*, изъ которыхъ одна есть результатъ непосредственнаго ощущенія человѣкомъ матеріи, а другая возникаетъ уже вслѣдствіе попытки уяснить себѣ тѣ движенія инертной матеріи, которыя не вызываются волею человѣка. Принимая разнообразнѣйшія, то мифологическія, то научныя формы, обѣ эти идеи живутъ уже въ человѣчествѣ такъ давно, какъ живетъ и мыслитъ оно само, и живы до сихъ поръ, измѣняя одежду, но оставаясь въ сущности тѣми же самыми.

21. Если мы взглянемъ на отношеніе матеріи къ силѣ, то увидимъ, что изъ ихъ взаимодѣйствія объясняются человѣкомъ всѣ явленія природы. Ни изъ силы самой по себѣ нельзя объяснить этихъ явленій, ни изъ одной матеріи они также не объясняются. «Чтобы міръ внѣшнихъ явленій могъ произойти, говоритъ извѣстный германскій физикъ Шнель, для этого необходимымъ условіемъ является сила сопротивленія, инер-

---

[1]) Traitise on Astronomy. Oh. VII. Bain The Wille. p. 473.

ція» [1]). Другими словами, если бы не было инертной матеріи, сопротивляющейся движенію, то не было бы и самаго движенія: нечему было бы двигаться. Но и наоборотъ: если бы не было силы, движущей матерію, то не было бы движенія; а слѣдовательно и не было бы никакихъ явленій, ибо человѣкъ можетъ понять явленіе только въ формѣ движеній, какъ мы это указали выше [2]). Спрашивается однако, что же здѣсь является причиною явленія: сила или матерія? Въ обычномъ представленіи человѣкъ воображаетъ матерію элементомъ страдательнымъ, а силу — элементомъ дѣйствующимъ. Но ясно, что это только переносъ въ явленія внѣшняго міра отношеній самого человѣка къ матеріи. Матерія настолько же является причиною явленій, насколько и сила. Но этого мало, свойства матеріи непремѣнно условливаютъ самое явленіе ровно на столько же, насколько и свойства силъ, приложенныхъ къ матеріи. Но если мы представляемъ это иначе, то только потому, что воображаемъ матерію чѣмъ-то противоположнымъ, а силу, наоборотъ, чѣмъ-то родственнымъ нашей душѣ.

22. Чѣмъ болѣе изучалъ человѣкъ явленія природы, тѣмъ болѣе убѣждался, что сила, которую сначала онъ считалъ чѣмъ-то витающимъ между тѣлами, олицетворяя ее въ разныхъ созданіяхъ своего воображенія, связана съ матеріею, составляетъ ея неотъемлемое свойство. Наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что сила во внѣшней природѣ тогда только проявляется, когда одно тѣло дѣйствуетъ на другое, что сила обнаруживается только при взаимномъ воздѣйствіи тѣлъ и что въ этомъ воздѣйствіи оба тѣла являются столько же дѣйствующими въ отношеніи другъ друга, сколько и страдающими. Такимъ образомъ понятіе силы сдѣлалось тождественнымъ понятію свойства тѣлъ, которое обнаруживается тогда только, когда одно тѣло дѣйствуетъ на другое. Но прежній вопросъ по прежнему же остается не рѣшеннымъ, а только принимаетъ другую форму: вмѣсто того, чтобъ спрашивать, откуда берется сила, спрашивается уже, что же приводитъ тѣла въ то соотношеніе, что они начинаютъ дѣйствовать другъ на друга, начинаютъ обнаруживать свои свойства въ силахъ? Тѣла, по этой системѣ, всегда въ мірѣ, всегда дѣйствуютъ одно на другое: откуда же *начало* явленій, откуда перемѣна ихъ, откуда собственно то движеніе, которое мы и называемъ явленіемъ?

23. Если-бы явленія зависѣли единственно отъ взаимодѣйствія разнообразныхъ тѣлъ, наполняющихъ вселенную, то эти явленія давно-бы уже всѣ совершились или, что все равно, никогда бы не начались. Кусокъ магнита и кусокъ желѣза, лежащіе на столѣ, притягиваютъ другъ друга; но это притяженіе или уже выполнилось бы и желѣзо, соединившись съ магнитомъ, не представляло болѣе явленій движенія, или никогда бы не началось. Для того, чтобы движеніе желѣза къ маг-

---

[1]) Die Streitfrage des Materialismus von K. Schnell. 1858 §§ 31—35.

[2]) См. выше Гл. XXXVI, п. 7.

ниту совершилось, нужно вмѣшательство *третьяго агента*; надобно или приблизить ихъ на извѣстное разстояніе, или удалить отъ обоихъ вліяніе притягивающей земли, или сблизить желѣзо и магнитъ такъ, чтобы сила ихъ взаимнаго притяженія перевысила силу притяженія обоихъ землею. Словомъ, нуженъ былъ снова агентъ, приводящій тѣла въ движеніе—причина начала явленій, продолженіе которыхъ могло уже зависѣть отъ самаго свойства тѣлъ.

24. Въ послѣднее время съ особенной ясностью обнаружилось это стремленіе превратить силу въ свойства тѣлъ, а самыя свойства, обнаруживаемыя тѣлами, или все разнообразіе силъ, объяснить движеніями; т. е. опять пришли туда, откуда вышли. Пришли къ тому убѣжденію, что для того, чтобы явленія начались и продолжали совершаться, нужно только *движеніе*. Но такъ-какъ всѣ различныя явленія суть только различныя движенія матеріи, то видно, что нужно не мало. Источникъ этихъ движеній наука указываетъ въ солнцѣ, въ его раскаленномъ ядрѣ; но такъ-какъ сама высокая температура солнца объясняется опять же движеніемъ атомовъ, его составляющихъ, то снова рождается вопросъ: что же возбудило въ атомахъ, составляющихъ солнце, такое сильное движеніе? Вопросъ этотъ касается насъ здѣсь, конечно, только съ своей психической стороны; а именно, для насъ важно только узнать, откуда происходитъ въ человѣкѣ такое твердое убѣжденіе въ невозможности признать движеніе возникающимъ безъ причины? Откуда происходитъ въ человѣкѣ та неодолимая вѣра въ причинность всѣхъ явленій, которая является сама источникомъ всякаго движенія въ наукѣ?

ГЛАВА XXXIX.

Идея причины, цѣли, назначенія и случая.

Идея причины.

1. «Понятіе причины, говоритъ Миль, есть корень всей теоріи индукціи (т. е. единственнаго способа пріобрѣтенія человѣкомъ дѣйствительныхъ знаній); и потому понятіе это должно быть опредѣлено съ возможною ясностью и точностью» [1]). Мы послѣдуемъ за Милемъ въ его опредѣленіи причины, такъ-какъ, разбирая его мнѣніе, намъ удобнѣе выяснить наше. «За извѣстными фактами, говоритъ Миль, всегда слѣдуютъ и, какъ мы убѣждены, всегда будутъ слѣдовать другіе извѣстные же факты: неизмѣнно предшествующее называется *причиною*, неизмѣнно слѣдующее—*слѣдствіемъ*». При этомъ Миль выражаетъ свою непоколебимую *вѣру въ причинность* всѣхъ явленій: «пусть, говоритъ онъ, фактъ будетъ тотъ или другой; но если онъ уже разъ существуетъ, то онъ былъ предшествуемъ другимъ фактомъ или фактами, за которыми онъ неизмѣнно слѣдовалъ».

[1]) Mill's Logic. B. III. Ch. V. § 2. p. 363.

2. «Рѣдко случается, говоритъ далѣе Миль, если когда-нибудь и бываетъ, чтобы эта неизмѣнная послѣдовательность существовала между слѣдствіемъ и *однимъ* предшествующимъ [1]). Обыкновенно же она бываетъ между слѣдствіемъ и суммою нѣсколькихъ предшествующихъ, соединеніе которыхъ требуется, чтобы произошло извѣстное слѣдствіе. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно выдѣляютъ одно изъ предшествовавшихъ подъ именемъ *причины*, называя прочія только *условіями*» [2]). На это Миль совершенно справедливо замѣчаетъ, что, «говоря философски, мы не имѣемъ права давать названіе причины одному изъ предшествующихъ, а должны называть причиною всѣ необходимо предшествующія *условія*, такъ что причиною слѣдуетъ признать всю *сумму условій*, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, которыя, когда осуществятся, то необходимо будетъ данное послѣдствіе» [3]).

3. Опредѣливъ причину, какъ сумму фактовъ всегда предшествующихъ явленію, Миль встрѣтился съ опроверженіемъ Рида, что при такомъ опредѣленіи причины мы должны признать ночь причиною дня и день причиною ночи, такъ-какъ два эти явленія неизмѣнно слѣдуютъ одно за другимъ съ начала міра. Опроверженіе этой *остроты* Рида, сдѣланное Милемъ, кажется намъ не совсѣмъ удачнымъ. «Чтобы употребить слово причина, говоритъ Миль, мы должны *вѣрить* не только въ то, что за даннымъ *предшествующимъ* всегда слѣдовало данное *послѣдствіе*, но что всегда это такъ и *будетъ*, пока существуетъ настоящій порядокъ вещей. Мы не убѣждены, чтобы ночь всегда слѣдовала за днемъ, при всѣхъ воображаемыхъ обстоятельствахъ, но только, что это будетъ до тѣхъ поръ, пока солнце будетъ вставать надъ горизонтомъ. Если же солнце перестанетъ вставать, что, какъ мы знаемъ, совершенно возможно по общимъ законамъ матеріи, то ночь будетъ или можетъ быть вѣчною» [4]). Едва ли такія пророческія соображенія могли прійти въ голову, незараженную философскими мечтами. Солнце вставало и садилось прежде, чѣмъ были люди на землѣ, и человѣкъ не могъ изъ опытовъ и наблюденій вывести невѣріе въ вѣчность этого явленія, а все же не считалъ никогда дня причиною ночи. Мы думаемъ, что на возраженіе Рида слѣдовало отвѣчать нѣсколько иначе; а именно: что ночь, какъ отвлеченное и при томъ собирательное понятіе для множества явленій ночи, дѣйствительно есть причина дня и день причина ночи; ибо еслибы всегда былъ день, то мы не имѣли бы понятія ни о ночи, ни о днѣ, а еслибы всегда была ночь, то мы не имѣли бы понятія не только о днѣ, но и о ночи. Но

---

[1]) Мы же думаемъ, что этого въ явленіяхъ внѣшней природы *никогда* не бываетъ, потому что каждое явленіе природы есть слѣдствіе взаимнаго воздѣйствія по крайней мѣрѣ двухъ тѣлъ, да нуждается еще въ томъ или другомъ взаимномъ положеніи этихъ тѣлъ.

[2]) Ib. § 3.

[3]) Ib. p. 370.

[4]) Ib. § 5.

причиною смѣны дня и ночи является видимое движеніе солнца, въ чемъ человѣкъ могъ очень легко убѣдиться самыми простыми опытами: входя въ свою темную хижину или выходя изъ нея, наблюдая, что дѣлается, когда солнце скрывается за густыя тучи, за горизонтъ и т. п. Вотъ почему мы думаемъ, что Миль напрасно къ своему, совершенно вѣрному опредѣленію причины природныхъ явленій прибавляетъ слово—*необходимо слѣдуетъ*, принимая слово *необходимость* за однозначущее со словомъ *безусловность* и говоря, что ночь слѣдуетъ за днемъ не безусловно и не необходимо. Мы вовсе не знаемъ и не можемъ знать изъ опытовъ ничего объ этой необходимости и безусловности, которою связывается причина и ея послѣдствія. «Опытъ», какъ говоритъ Клодъ Бернаръ, «даетъ намъ только относительную истину, никогда не будучи въ состояніи доказать уму, что онъ обладаетъ ею абсолютнымъ образомъ» [1]). По крайней мѣрѣ это совершенно справедливо въ отношеніи внѣшнихъ опытовъ и причинъ внѣшнихъ для насъ явленій, о которыхъ здѣсь и говоритъ Миль. Что желѣзо всегда и вездѣ будетъ притягиваться магнитомъ, что кислородъ всегда и вездѣ будетъ соединяться съ водородомъ и давать воду, въ это мы можемъ только *вѣрить*, но знать этого *абсолютнымъ* образомъ мы не можемъ. Что въ кислородѣ или водородѣ нѣтъ такихъ условій, выдѣливши которыя, соединеніе между ними сдѣлается невозможнымъ и что слѣдовательно въ этомъ условіи намъ неизвѣстномъ, а не въ самомъ кислородѣ или водородѣ, скрывается причина ихъ соединенія въ формѣ воды,— въ этомъ тоже мы никакъ не можемъ быть убѣждены. Развѣ химія не открываетъ уже и теперь въ кислородѣ возможности измѣненія въ его состояніи, которая были бы невозможна, если бы кислородъ былъ дѣйствительно простымъ элементомъ, и развѣ чистый углеродъ по причинамъ, для насъ совершенно непонятнымъ, не является намъ также совершенно въ различныхъ состояніяхъ алмаза, угля и, наконецъ, газа, существующаго только въ соединеніи съ другими тѣлами? Вотъ почему мы признаемъ, что первое опредѣленіе причины, сдѣланное Милемъ, справедливѣе втораго и что причина явленій природы есть для человѣка только сумма тѣхъ фактовъ, которые, *насколько мы это знаемъ и наблюдать можемъ*, всегда и вездѣ, на сколько эти слова опять же доступны для человѣка, непосредственно предшествуютъ явленію, которое мы называемъ слѣдствіемъ.

4. Далѣе Миль сильно возстаетъ противъ того ученія, которое утверждаетъ, что «*душа* или, говоря точнѣе, *воля* есть единственная причина явленій, и что типъ причинности и единственный источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ ея идею, есть дѣйствіе нашей собственной воли.» «Въ этомъ дѣйствіи и только въ немъ (говоритъ эта теорія, опровергаемая Милемъ) имѣемъ мы прямую очевидность причинности. Мы знаемъ, что мы можемъ двигать наше тѣло. Что же касается до

[1]) Клодъ-Бернаръ. Введеніе въ оп. мед. стр. 40.

явленій неодушевленной природы, то мы знаемъ только, что одни изъ нихъ—предшествующія, а другія—послѣдующія, тогда-какъ въ нашихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ мы сознаемъ силу прежде, чѣмъ испытаемъ ея результатъ. Актъ воли, слѣдуетъ ли за нимъ дѣйствіе или нѣтъ, сопровождается сознаніемъ усилія. Это чувство энергіи или силы, присущее акту воли, есть знаніе *апріорное*: увѣренность, предшествующая опыту, что мы имѣемъ силу производить явленія. Воля, слѣдовательно, есть нѣчто болѣе, чѣмъ безусловное предшествующее: это есть причина не въ томъ смыслѣ, въ которомъ одно физическое явленіе называется причиною другого. Это есть дѣйствительная причина (an Efficient Cause). Изъ этого уже легокъ переходъ къ тому, что воля есть единственная, *дѣйствительная* причина явленій. Самое слово *дѣйствіе* имѣетъ значеніе только тогда, когда оно прилагается къ дѣятельности разумнаго агента. Пусть кто-нибудь себѣ представитъ, если можетъ, власть, энергію или силу, присущую куску матеріи. Можетъ казаться, что явленіе производится физическими причинами, но въ дѣйствительности они производятся непосредственнымъ дѣйствіемъ ума».

5. «Что касается до меня, говоритъ Миль, опровергая эту теорію причины, какъ воли, то я думаю, что воля не есть *дѣйствительная*, а просто физическая причина. Наша воля производитъ тѣлесныя движенія точно въ томъ же смыслѣ, въ которомъ холодъ производитъ ледъ или искра взрывъ пороха. Воля, т. е. состояніе нашей души есть предшествующее; движеніе же нашихъ членовъ, сообразное съ волею, есть послѣдующее. Я не признаю, продолжаетъ Миль, чтобы эта послѣдовательность была предметомъ прямаго сознанія, какъ этого хочетъ изложенная выше теорія. Предшествующее и послѣдующее дѣйствительно сознаются нами; но связь между ними есть слѣдствіе опыта. Я не могу допустить, чтобы сознаніе воли содержало въ самомъ себѣ *апріорное* знаніе, что мускульное движеніе будетъ слѣдовать за волею. Если-бы наши нервы движенія были парализованы или мускулы не двигались и такъ продолжалось во всю нашу жизнь, то я не вижу ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы мы узнали что-нибудь (если не по слуху отъ другихъ людей [1]) о волѣ, какъ физической власти, или сознавали бы какое-либо стремленіе въ ощущеніяхъ нашей души производить движенія въ нашемъ тѣлѣ или въ другихъ тѣлахъ. Я не стану разбирать—имѣли ли бы мы въ этомъ случаѣ то *физическое чувство*, о которомъ, какъ я предполагаю, думаютъ эти писатели, говоря о *сознаніяхъ усилія*. Я не вижу причины, почему мы не могли бы ощущать этого физическаго чувства, такъ-какъ оно, по всей вѣроятности, есть состояніе нервнаго ощущенія, которое начинается и оканчивается въ мозгу, не задѣвая нашихъ органовъ движенія. Но мы не должны были бы называть это чувство терминомъ *усилія*, такъ-какъ въ усиліи уже подразумѣвается сознательное стремленіе къ цѣли, котораго мы въ

[1]) По разсказамъ другихъ ужь конечно никакъ нельзя узнать воли.

этомъ случаѣ не можемъ имѣть. Если мы уже сознаемъ это особенное ощущеніе, то можемъ сознавать его только, какъ нѣкотораго рода неудовлетворенность, сопровождающую наше ощущеніе желаній» [1]. Далѣе Миль пользуется доказательствомъ Гамильтона, который опровергаетъ теорію воли, какъ единственной причины явленій тѣмъ, что мы сами не знаемъ, какъ наши нервы и наши мускулы выполняютъ наши желанія движеній.

6. Однако же Миль признаетъ, что это отношеніе между нашею волею и движеніемъ нашихъ членовъ, могло послужить къ развитію въ насъ идеи причины: «Послѣдовательность, говоритъ онъ, между волею двигать наши члены и дѣйствительными ихъ движеніями, есть одна изъ самыхъ прямыхъ и самыхъ быстрыхъ послѣдовательностей, какія только мы можемъ наблюдать. Она сопровождаетъ каждую минуту всѣ наши опыты съ самаго ранняго дѣтства, и потому болѣе знакома намъ, чѣмъ какая-нибудь послѣдовательность явленій, внѣшнихъ для нашего тѣла, и въ особенности болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая причина кажущагося начала движенія. Въ умѣ же нашемъ есть естественное стремленіе пытаться облегчить себѣ пониманіе незнакомыхъ ему фактовъ, уподобляя ихъ другимъ, которые ему знакомы. Вслѣдствіе этого, такъ-какъ наши произвольныя дѣйствія знакомѣе намъ, чѣмъ всѣ остальные случаи причинности, то въ дѣтствѣ и въ ранней юности человѣчества они принимаются, какъ типъ причинности вообще, и всѣ явленія предполагаются прямо производимыми волею какого-нибудь чувствующаго существа». «Это, говоритъ Миль нѣсколько далѣе, есть *инстинктивная* философія человѣческаго ума на первыхъ ступеняхъ его развитія, пока онъ не ознакомится съ какими-нибудь другими неизмѣнными послѣдовательностями, кромѣ тѣхъ, которыя существуютъ между его хотѣніемъ и его произвольными дѣйствіями. По мѣрѣ же того, какъ установляются твердыя законы послѣдовательности между внѣшними явленіями, стремленіе относить всѣ явленія къ дѣятельности воли мало по малу проходитъ. Но такъ-какъ внушенія ежедневной жизни все же продолжаютъ дѣйствовать на человѣка сильнѣе, чѣмъ внушенія научной мысли, то первичная, *инстинктивная* философія удерживаетъ свое мѣсто въ умѣ. Теорія, противъ которой я возстаю, продолжаетъ Миль, извлекаетъ свою пищу именно изъ этого основанія и сила этой теоріи заключаются не въ доказательствахъ, но въ сродствѣ съ упрямымъ стремленіемъ дѣтства человѣческаго ума» [2].

7. Миль, слѣдовательно, признаетъ то же психическое происхожденіе *идеи причинности*, на которое мы указали нѣсколько выше [3]; но Миль

---

[1] Ibid. § 9, p. 387—389. Сравн. что сказано въ гл. XXXV п. 6—10.

[2] Ibid. p. 393.

[3] См. выше, гл. XXXIV п. 19. Но далѣе Миль самъ себѣ противорѣчитъ, увлекаясь доказательствами, что идея причины взята человѣкомъ изъ опытовъ.

считаетъ этотъ источникъ временнымъ, полагая, что при развитіи ума и обогащеніи его наблюденіями и опытами человѣкъ можетъ замѣнить и дѣйствительно замѣняетъ этотъ источникъ идеи причинности другимъ. Но это едвали справедливо. Мы полагаемъ, напротивъ, что человѣкъ не вышелъ и теперь изъ коренныхъ условій своей природы, и что та *инстинктивная философія*, о которой говоритъ Миль, остается и до сихъ поръ присущею человѣку и даже человѣческой наукѣ, хотя и можетъ принять другія формы. Мы не стоимъ вполнѣ ни на сторонѣ Миля, ни на сторонѣ той теоріи, которую онъ здѣсь опровергаетъ, и не стоимъ потому, что, какъ намъ кажется, и Миль, и его противники, начавъ съ факта, доступнаго наблюденіямъ, совершенно напрасно выходятъ потомъ изъ области опыта и наблюденій и вдаются въ область трансцендентальныхъ умозрѣній, гдѣ уже возможенъ споръ только о словахъ, но не о фактахъ. Теорія воли, какъ единственной причины явленій, не выдерживаетъ критики, основанной на фактахъ и опытахъ, но не потому, чтобы ее можно было *опровергнуть* на основаніи фактовъ а потому, что ее нельзя *доказать* на этомъ основаніи. Принявъ же за аксіому, что природа дѣйствуетъ также, какъ дѣйствуетъ и человѣкъ, мы введемъ въ науку ту «армію призраковъ», которую, по выраженію Бекона, создало именно это предубѣжденіе [1]). Словомъ, для теоріи, опровергаемой Милемъ, лучше было бы, еслибы она не пошла далѣе факта: тогда бы она стояла на твердой почвѣ. Но тоже слѣдовало сдѣлать и Милю. Еслибы онъ остановился на *психическомъ* фактѣ усилія и не назвалъ его *физическимъ чувствомъ*, то, вѣроятно, не пришелъ бы къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ пришелъ. Всякое чувство уже потому самому, что оно чувство, есть явленіе не *физическое*, которое мы можемъ изучать внѣ насъ, а *психическое*, которое доступно намъ только въ самихъ себѣ [2]). Кромѣ того, Миль бросаетъ темный намекъ, что это чувство, усилія «есть вѣроятно (probably) состояніе нервнаго ощущенія, начинающееся и оканчивающееся въ мозгу», и этимъ обличаетъ въ своей *логикѣ метафизическую подкладку*, хотя онъ и возстаетъ вездѣ противъ метафизики и противъ предвзятыхъ идей, не выводимыхъ изъ фактовъ, но вносимыхъ въ обсужденіе фактовъ. Мы спросили бы Миля, откуда и что онъ знаетъ положительнаго или *даже гадательнаго* о томъ состояніи мозга, которое сказывается въ насъ чувствомъ усилія, или прямѣе, актомъ воли? *Ничего онъ не можетъ знать объ этомъ и ничего не знаетъ*. Конечно, опытъ, столь уважаемый и Милемъ, есть лучшее изъ доказательствъ, но подъ тѣмъ условіемъ, какъ говоритъ Бэконъ, «чтобы опираться только на тѣ факты, которые находятся передъ глазами; потому что ничего не можетъ быть обманчивѣе, какъ спѣшить прилагать результаты первыхъ наблюденій къ предметамъ, которые кажутся имѣющими аналогію съ тѣми, которые наблюдаются, и дѣлать

[1]) Dignité et accroissement des sciences. L. V, Ch. IV, p. 253.

[2]) См. выше, гл. XVIII п. 10.

это приложеніе не въ извѣстномъ порядкѣ и съ извѣстной методой» [1]), а скачками, который сдѣланъ здѣсь Милемъ. Мы же видѣли, что *внутренній опытъ* говоритъ намъ объ усиліи, которымъ мы въ произвольныхъ движеніяхъ возбуждаемъ наши нервы приводить въ движеніе мускулы, въ отличіе отъ судорожныхъ движеній, при которыхъ мы не замѣчаемъ никакихъ усилій [2]), и ничего не говоритъ намъ о какихъ бы то ни было мозговыхъ движеніяхъ. Мы можемъ только сожалѣть, что мыслитель, подобный Милю, и притомъ въ книгѣ, посвященной логическому мышленію и которая потому самому должна бы безпристрастно и равнодушно относиться ко всякаго рода страстнымъ увлеченіямъ, позволяетъ себѣ *дѣтскія* фантазіи тамъ, гдѣ слѣдуетъ сказать зрѣлое, сократовское — *не знаю.* Смѣшеніе различныхъ причинъ, которое не логика, а міросозерцаніе Миля заставляетъ его сдѣлать, много повредило его книгѣ.

8. Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя ясно, что не всѣ причины мы постигаемъ одинаково. Одинаковы ли онѣ или нѣтъ въ самомъ дѣлѣ — этого мы не знаемъ; но знаемъ фактически только то, что знаніе наше относится къ нимъ различно. Если бы Миль не былъ человѣкомъ партіи, а только логикомъ, то слѣдующая за симъ глава его книги, въ которой онъ говоритъ о комбинаціи причинъ (Of the composition of causes) [3]), должна была бы привести его къ сознанію различнаго отношенія человѣческаго ума къ различнаго рода причинамъ. Замѣтимъ прежде всего, что *сложныя причины* не составляютъ какого-нибудь особеннаго спеціальнаго явленія. Миль, какъ мы видѣли, самъ называетъ большинство причинъ сложными и даже сомнѣвается въ существованіи одиночныхъ. Мы же положительно утверждаемъ, что всѣ причины внѣшнихъ явленій—сложныя причины; ибо во всякомъ физическомъ явленіи непремѣнно принимаютъ участіе, по крайней мѣрѣ, два тѣла, изъ взаимнаго воздѣйствія которыхъ только и можетъ возникнуть явленіе, на что мы уже указали выше [4]). Слѣдовательно, говоря о сложныхъ причинахъ, Миль говоритъ вообще о причинахъ природныхъ явленій, ибо простую причину мы и знаемъ только одну—волю. Самъ же Миль очень хорошо видитъ разницу между такими явленіями, происходящими изъ сложенія причинъ, въ которыхъ, зная дѣйствіе каждой причины отдѣльно, мы можемъ *предсказать*, что выйдетъ изъ ихъ сложенія, и между такими явленіями, въ которыхъ такія предсказанія для насъ невозможны. Миль не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить, что если астрономъ вѣрно предсказываетъ затмѣніе солнца или появленіе кометы, или вѣрно отгадываетъ необходимость присутствія новой планеты, которой никогда не видалъ, то такое знаніе причинъ слѣдуетъ отличать

[1]) Nouvel organum. L. I, Aphor. LXX.
[2]) См. выше, гл. XXV п. 10.
[3]) Mill's Logic. B. III, Ch. VI.
[4]) См. выше п. 2.

отъ знаній химика, который никакъ не можетъ сказать впередъ, что выйдетъ изъ соединенія двухъ элементовъ, которыхъ онъ никогда еще не соединялъ. Механикъ можетъ вѣрно опредѣлить, какъ измѣнится движеніе тѣла, которое онъ знаетъ, если на это движеніе окажетъ вліяніе другая сила, которую онъ также знаетъ, что и дало возможность создать теорію «сложенія силъ» и эту теорію можетъ написать человѣкъ безъ всякихъ опытовъ. Можетъ ли химикъ составить безъ опытовъ такую теорію сложенія химическихъ элементовъ? Милль, конечно, и самъ говоритъ, что «различіе между случаями, въ которыхъ соединенныя дѣйствія причинъ есть сумма ихъ отдѣльнаго дѣйствія, и случаями, въ которыхъ соединеніе дѣйствій не соотвѣтствуетъ самымъ дѣйствіямъ, и также различіе между законами, которые, дѣйствуя вмѣстѣ, не измѣняются, и законами, которые, будучи призваны дѣйствовать вмѣстѣ, перестаютъ дѣйствовать и даютъ мѣсто другимъ законамъ, *есть одно изъ самыхъ основныхъ различій въ природѣ*» [1]). Но Милль ошибается, когда говоритъ, что первый случай есть *общій*, а второй всегда *спеціальный* и *исключительный* [2]). Неужели всѣ факты химическихъ комбинацій можно назвать спеціальными и исключительными? Неужели можно назвать спеціальными и исключительными явленія, повторяющіяся положительно во всѣхъ тѣлахъ, какія были только доступны человѣческому наблюденію? Къ какому же тѣлу неприложимы химическіе анализы, и въ какомъ химическомъ анализѣ или въ какой химической комбинаціи, еще не дѣлая ихъ, можемъ мы предсказать съ точностью то, что они намъ дадутъ? Мало этого, о какомъ химическомъ анализѣ, уже сдѣланномъ нами, можемъ мы сказать, что онъ намъ далъ *все*, что можетъ дать всякій другой анализъ того же тѣла, когда употреблены будутъ другіе реактивы и другіе пріемы разложенія? Можемъ ли мы сказать, хотя объ одномъ изъ химическихъ элементовъ, что это уже дѣйствительно простой элементъ? Еслибы мы даже это и сказали, то на какомъ другомъ основаніи, кромѣ сдѣланнаго нами опыта, который завтра же можетъ быть опровергнутъ другимъ опытомъ, разложившимъ то самое тѣло, которое сегодня считалось неразложимымъ? Число химическихъ элементовъ безпремѣнно умножается, и ни одинъ химикъ не можетъ быть увѣренъ, что это число уже исчерпано. Слѣдовательно, явленія, которыя Милль называетъ спеціальными и исключительными, составляютъ вовсе не исключительный и не тѣсный, а напротивъ громадный отдѣлъ міровыхъ явленій,—столь же обширный и гораздо болѣе разнообразный, чѣмъ тотъ, гдѣ мы, зная только причины и не испытавъ еще послѣдствій, можемъ навѣрное предсказать эти послѣдствія. Милль напрасно смѣшиваетъ въ примѣрахъ, приводимыхъ въ этой главѣ, явленія механическія съ явленіями химическими, тогда какъ долженъ бы былъ рѣзко различить ихъ и показать, что сознаніе наше относится къ тѣмъ и дру-

[1]) Mill's Logic. B. III. Ch. VI. § 2.

[2]) Ib. p. 409.

гимъ совершенно различно. Если же онъ находитъ, что «нѣтъ предмета, въ которомъ нѣкоторыя изъ явленій не повиновались бы механическому закону сложенія силъ», то мы можемъ сказать ему, что нѣтъ и такого предмета во внѣшней для насъ природѣ, въ которомъ не принимало бы участія химическое сложеніе, гдѣ механическіе законы комбинаціи силъ неприложимы. Дѣло же логики различать, а не смѣшивать. Вездѣ, гдѣ есть форма, число и движеніе, есть возможность и математическаго пониманія; но во всякомъ предметѣ природы, оказывающемъ вліяніе на наши чувства есть и *матеріальный субстратъ*, надъ которымъ наше математическое пониманіе безсильно и гдѣ намъ остается только изучать дѣйствія природы, но не предугадывать ихъ,—гдѣ всякое предугадываніе есть только гаданіе, которое можетъ сбыться и не сбыться, гдѣ есть только *пробы*, удача которыхъ всегда болѣе или менѣе зависитъ отъ случая, и нѣтъ возможности выводить одинъ законъ изъ другого, зная, что если основной законъ и выводъ вѣрны, то и выведенный законъ необходимо будетъ вѣренъ.

9. Въ отношеніи нашего постиженія явленій, мы можемъ всѣ извѣстныя намъ явленія раздѣлить на *три* рода. Это *психическое* дѣленіе фактовъ чувствуется каждымъ очень живо и мы придаемъ ему особенную важность какъ въ философскомъ, такъ и педагогическомъ отношеніи. На эти три рода мы уже намекнули выше [1]): къ первому относятся факты *психическіе*, ко второму факты *математическіе*, а къ третьему факты, которые мы назовемъ *матеріальными*, такъ какъ въ нихъ-то и выражаются *свойства* самой матеріи, внѣ отношеній ея къ пространству и времени—отношеній, составляющихъ предметъ фактовъ *математическихъ*.

10. Къ *психическимъ* фактамъ мы относимся совсѣмъ не такъ, какъ фактамъ *матеріальнымъ*. Правда, мы *ощущаемъ* и тѣ, и другіе; но тогда какъ въ психическихъ фактахъ мы сами этотъ фактъ, въ матеріальныхъ фактъ совершается *передъ* нами, но не *въ насъ* и мы *не въ немъ*. Въ матеріальныхъ фактахъ мы можемъ всегда подозрѣвать, что фактъ, который мы видимъ, видимъ не весь, что можетъ быть завтра же увидимъ въ немъ то, чего не видѣли сегодня, или, выражаясь метафорически, если бы этотъ фактъ, наблюдаемый нами, могъ ощущать и высказывать самого себя, то можетъ быть онъ сказалъ бы намъ совсѣмъ не то или, по крайней мѣрѣ, болѣе того, что мы въ немъ видимъ. Въ психическихъ же фактахъ мы сами этотъ фактъ, и намъ остается только вѣрить самимъ себѣ. Въ психическихъ фактахъ нѣтъ для насъ ничего непостижимаго, потому что въ нихъ нечего постигать; я *хочу*, я *не хочу*, я *ощущаю зеленый цвѣтъ*, я *испытываю боль*—постигать здѣсь нечего и все извѣстно; или же если есть что нибудь неизвѣстное, то это одно отношеніе психическихъ явленій къ матеріальнымъ фактамъ, совершающимся въ нашемъ нервномъ организмѣ. Мы, правда,

[1]) См. выше, гл. XXXVI пп. 7, 8, 9.

не довольствуемся этимъ простымъ наименованіемъ, но чего же мы хотимъ? Мы хотимъ *представить* себѣ эти психическія явленія, т. е. воплотить ихъ въ математическую форму нервныхъ движеній или въ форму матеріальныхъ явленій и понятно, что и то, и другое оказывается невозможнымъ; ибо мы испытываемъ ощущенія, чувства и желанія, а не движенія.

11. Факты *математическіе* или, точнѣе сказать, *механическіе* основаны не на непосредственномъ чувствѣ нашей души, какъ факты *психическіе*, и не на одномъ впечатлѣніи, приходящемъ намъ изъ внѣшняго міра, какъ факты *матеріальные*, но на *выполненіи*, въ нашемъ личномъ опытѣ движеній, опытѣ, начинающемся съ самымъ началомъ человѣческой жизни [1]). Математическіе факты мы можемъ выполнять, хотя и не знаемъ, какъ ихъ выполняемъ. Здѣсь все наше постиженіе заключается въ томъ, чтобы фактъ движенія, наблюдаемый нами во внѣшней природѣ, если этотъ фактъ сложенъ, привести къ тѣмъ простымъ движеніямъ, которыя мы называемъ математическими аксіомами, и когда намъ это удается, то намъ нечего постигать больше, ибо мы сами выполняемъ эти движенія. *Возможность или невозможность выполненія ихъ въ нашей нервной системѣ—вотъ единственная повѣрка ихъ дѣйствительной возможности во внѣшней природѣ.* Въ этомъ отношеніи, что невозможно намъ, — то невозможно ничему и нигдѣ. Такъ ли это или нѣтъ—мы опять же абсолютно не знаемъ; но не можемъ себѣ *представить*, чтобы это гдѣ-нибудь и когда-нибудь было не такъ, потому что нервы наши, выполняющіе движеніями каждое представленіе, могутъ двигаться только *такъ*, а не иначе [2]). Опытъ и наблюденіе блестящимъ образомъ подтверждаютъ эту нашу увѣренность, и мы предсказываемъ появленіе кометъ и открытіе новыхъ міровъ, и это единственно потому, что наша нервная система движется по тѣмъ же самымъ законамъ, по которымъ и небесныя тѣла движутся во вселенной. Творецъ, соединившій нашу душу съ движеніями нервной системы, тѣмъ самымъ соединилъ насъ съ движеніями всей Своей вселенной. Опытъ въ изслѣдованіяхъ математическихъ также предшествуетъ знанію; но это опытъ внутренній, *активный*, который начинается человѣкомъ еще до рожденія въ немъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ ощущеній. Послѣдующіе же опыты въ математикѣ суть только *повѣрки* этихъ примитивныхъ опытовъ, повѣрки того, что движенія, совершаемыя въ нашей нервной системѣ, совершаются по тѣмъ же законамъ, по которымъ движется все въ мірѣ.

12. Совсѣмъ не такъ относится наше сознаніе къ *матеріальнымъ* фактамъ и опытамъ. Здѣсь *внутреннихъ* опытовъ, предшествующихъ опытамъ внѣшнимъ, не существуетъ. Конечно, химическія соединенія и разложенія совершаются въ насъ безпрестанно, *но не мы ихъ соверша-*

[1]) См. выше, гл. XXXVI пп. 4, 5.

[2]) См. выше, гл. XXII п. 10.

емъ; мы ощущаемъ ихъ послѣдствія, но не ощущаемъ ихъ совершенія, и не знаемъ о нихъ ничего до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаемъ собственнаго своего тѣла предметомъ нашихъ *внѣшнихъ* наблюденій, пока не изучаемъ трупа и живаго организма, на сколько можемъ сдѣлать его внѣшнимъ для насъ явленіемъ. Здѣсь уже царство *внѣшняго* опыта, и онъ остается для насъ внѣшнимъ, какъ мы не пытаемся перенести его въ разрядъ опытовъ математическихъ, если уже не психическихъ. Въ изученіи *матеріальныхъ* фактовъ внѣшній опытъ уже *не повѣрка* справедливости нашего знанія, а *единственный его источникъ*. Мы не предупреждаемъ опыта, а идемъ за опытомъ, и останавливаемся тамъ, гдѣ онъ останавливается, никогда не зная, все ли онъ намъ выдалъ, что можетъ дать предметъ нашихъ опытовъ. *Здѣсь, собственно говоря, намъ постигать нечего, а есть только, что замѣчать*. При этомъ не слѣдуетъ заблуждаться возможностью вносить математику и въ матеріальные факты. Мы знаемъ, конечно, что въ составъ воды входитъ столько то *объемовъ* водорода и столько-то *объемовъ* кислорода; но можемъ ли мы угадать *напередъ*, *безъ опыта*, что бы вышло, если бы прибавился одинъ объемъ кислорода или убавился одинъ объемъ водорода? Въ математическихъ же формахъ мы можемъ предсказывать, что вышло бы, если бы новая планета, даннаго объема и вѣса, прибавилась къ числу планетъ, обращающихся вокругъ нашего солнца. Можно ли же не различать между нашимъ знаніемъ фактовъ математическихъ и нашимъ же знаніемъ фактовъ матеріальныхъ?

13. Факты психическіе мы *знаемъ;* факты математическіе мы *выполняемъ;* факты матеріальные мы только *ощущаемъ* и *замѣчаемъ*. Напрасно мы думали бы, что можемъ выполнять и матеріальные факты. Намъ доступно только выполненіе однихъ математическихъ фактовъ, т. е. движеній. «Сближать между собою тѣла природы или удалять ихъ одно отъ другаго, говоритъ Бэконъ,—вотъ все, что во власти человѣка: все остальное исполняетъ природа внутри самой себя, недоступно для нашего зрѣнія». [1]) Мы можемъ только поднести огонь къ пороху—взрывъ же выполняетъ сама природа; мы можемъ только слить вмѣстѣ кислоту и щелочь—соединеніе же выполняется само собою, невидимо и непостижимо для насъ. Но не одни химическіе факты мы относимъ къ области фактовъ матеріальныхъ; сюда же относятся многіе факты, изученіемъ которыхъ занимается физика: таковы всѣ свойства тѣлъ, причинъ которыхъ мы не знаемъ. Къ этому же отдѣлу относятся и многіе факты физіологіи. Эта наука надѣется превратить ихъ по крайней мѣрѣ въ химическіе, если не математическіе; но до сихъ поръ это ей плохо удается; ибо «ткани и органы, надѣленные самыми различными свойствами, иногда сходны съ точки зрѣнія ихъ элементарнаго химическаго состава» [2]). Въ чемъ же можетъ заключаться наше

---

[1]) Nouvel organum L. I. Aphor. IV.

[2]) Клордъ-Бернардъ Вв. въ опытн. Медиц. стр. 94.

постиженіе причинъ подобныхъ явленій? Естественно въ точномъ наблюденіи самыхъ явленій при условіяхъ, по возможности разнообразныхъ. Всякое превращеніе матеріальнаго факта въ математическій кажется намъ прогрессомъ; но въ настоящее время даже думать о томъ, что все разнообразіе тѣлъ зависитъ отъ математическихъ условій, отъ разнообразнаго сложенія атомовъ, отъ ихъ числа и отъ ихъ движеній, было бы, по крайней мѣрѣ, преждевременнымъ: факты, которыми въ настоящее время обладаетъ наука, не уполномочиваютъ ее допустить мысли объяснить всѣ разнообразныя свойства тѣлъ одними математическими условіями, хотя такія сангвиническія надежды высказываются нерѣдко. Человѣкъ такъ склоненъ все представлять себѣ въ единственно доступной ему формѣ движеній, что преждевременно облекаетъ въ эту форму не только всѣ явленія и тѣла природы, но и свои собственные психическіе акты, хотя не ощущаетъ въ душѣ своей ничего, подобнаго движенію. Ему не довольно знать абсолютно, что онъ ощущаетъ, любитъ, ненавидитъ, желаетъ; но онъ старается, хотя совершенно безуспѣшно, перевести эти акты своей души на математическій языкъ, представить ихъ въ формѣ движеній.

14. Еслибы человѣкъ имѣлъ дѣло съ одними матеріальными фактами, то онъ могъ бы имѣть только идею *послѣдовательности*, но не причины. И это, если хотите, было бы даже основательнѣе, чѣмъ вносить въ явленія внѣшней для насъ природы субъективную идею причины. Видя молнію, человѣкъ могъ ожидать удара грома; слыша начало грозы, человѣкъ могъ прятаться, боясь ударовъ молніи,—и не имѣть при этомъ идей причины. По всей вѣроятности, такъ и относятся къ явленіямъ природы животныя, обличающія въ своихъ дѣйствіяхъ, что имъ также очень хорошо знакома *послѣдовательность* въ явленіяхъ природы. Что такое отношеніе къ этимъ явленіямъ не чуждо и человѣку—это мы видимъ изъ того, что въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, человѣкъ, бросая камень вверхъ, ожидалъ, что онъ непремѣнно упадетъ на землю, но и не думалъ о томъ, что должна же быть причина такого явленія. Слѣдовательно, одна послѣдовательность въ явленіяхъ природы не могла еще дать человѣку идеи причины, какъ это хочетъ доказать Миль, востающій какъ и Локкъ, противъ врожденности идей.

15. Миль опровергаетъ врожденность вѣры въ причину еще на томъ основаніи, что она пріобрѣтается не всѣми, да и нѣкоторыми пріобрѣтается поздно [1]). Но не все ли это равно, что опровергать притяженіе земли на томъ основаніи, что иныя тѣла лежатъ на столѣ? Если не всѣ люди занимаются изысканіемъ причинъ явленій, то и не всѣ уясняютъ себѣ идею необходимой причинности. Примите подставку и вещь упадетъ на землю, а не полетитъ кверху: заставьте человѣка мыслить о явленіяхъ природы—и онъ вездѣ станетъ отыскивать при-

---

[1]) Mill's Logic. B. III. Ch. XXI, § 1.

чину, а если станетъ мыслить о самой причинѣ, то дойдетъ непремѣнно до абсолютной вѣры въ причинность всѣхъ явленій, хотя бы во сто разъ зналъ больше явленій безъ причины, чѣмъ явленій съ причинами. Если есть идеи, врожденныя человѣку, то онѣ безъ сомнѣнія высказываются не положительными философскими аксіомами, какъ этого требуетъ Вайцъ [1]), а отчасти и Локкъ [2]), а въ отрицательной формѣ, въ формѣ невозможности прійти къ такимъ выводамъ, къ которымъ долженъ бы прійти человѣкъ, если бы его сужденіями руководилъ одинъ опытъ. Если мы съ точностью знаемъ силу *a*, которая движетъ данное тѣло по направленію *b*, а между тѣмъ тѣло движется по направленію *c*, то не вправѣ ли мы заключать, что кромѣ силы *a* должна быть еще другая сила, измѣняющая направленіе даннаго тѣла?

16. Миль до того увлекается своимъ желаніемъ доказать, что вѣра въ причинность всѣхъ явленій, служащая основаніемъ всякой индукціи и всего прогрессивнаго движенія наукъ, есть слѣдствіе наблюденій и опытовъ надъ явленіями внѣшней природы, что хочетъ даже увѣрить насъ, будто мы можемъ себѣ представить явленія безъ причинъ. «Если мы, говоритъ Миль, предположимъ себѣ (что очень возможно вообразить), что настоящій порядокъ вселенной пришелъ къ концу, и что за нимъ послѣдовалъ хаосъ, въ которомъ уже нѣтъ неизмѣнной послѣдовательности явленій, такъ-что прошедшее не даетъ увѣренности въ будущемъ, и еслибы человѣкъ какимъ-нибудь чудомъ остался живъ и могъ быть свидѣтелемъ этой перемѣны, то навѣрное онъ скоро пересталъ бы вѣрить въ однообразіе, такъ-какъ само однообразіе болѣе не существовало бы» [3]). Рядомъ съ этой цитатой изъ «Логики» Миля мы только поставимъ другую изъ той же книги: «Что каждый фактъ, говоритъ Миль въ другомъ мѣстѣ, начинающій существовать, имѣетъ причину, и что эта причина должна быть отыскана гдѣ-нибудь между фактами, непосредственно предшествующими — это можетъ быть принято за извѣстное. Все собраніе настоящихъ фактовъ есть непогрѣшительный результатъ всѣхъ прошедшихъ фактовъ, и, еще непосредственнѣе, всѣхъ фактовъ, существовавшихъ въ предшествующій моментъ. Если бы все прежнее состояніе цѣлаго міра опять воротилось, то за нимъ послѣдовало бы настоящее состояніе» [4]). Предоставляемъ самому читателю судить, которая изъ этихъ двухъ картинъ, набросанныхъ Милемъ, свойственнѣе нашему разуму. Что же касается до насъ, то мы, не смотря на увѣренія Миля, рѣшительно не можемъ себѣ представить такого хаоса, въ которомъ явленія совершались бы безъ причинъ и настоящее перестало бы быть послѣдствіемъ прошедшаго.

17. Но можетъ быть такая вѣра въ причинность, которую выра-

---

[1]) Psychologie. S. 241.
[2]) Locke's. Works. Of hum. underst. B. I. Ch.
[3]) Mill's Logic. p. 98.
[4]) Idid. B. III. Ch. VII § I.

жаетъ Миль, есть уже слѣдствіе развитія человѣческаго ума, на который причинность всѣхъ явленій внѣшняго міра, вліяя ежеминутно во всей своей повсемѣстности и всею своею безъисключительностью, производитъ такое глубокое впечатлѣніе, что человѣкъ невольно пріобрѣтаетъ ту непоколебимую вѣру въ причинность, которую выражаетъ Миль? Напротивъ, чѣмъ болѣе мы узнаемъ причинъ явленій природы, тѣмъ болѣе узнаемъ такихъ явленій, которыхъ причинъ не знаемъ, и мы положительно увѣрены, что голова, развитая наукой, знаетъ болѣе явленій безъ причины, чѣмъ голова дикаря, который всякому явленію придумалъ причину. «Человѣческій умъ, говоритъ Бэконъ, по самой природѣ своей, слишкомъ склоненъ предполагать въ вещахъ болѣе однообразія, порядка и правильности, чѣмъ онъ находитъ ихъ на самомъ дѣлѣ, и хотя есть въ природѣ безчисленное множество вещей, чрезвычайно отличныхъ отъ всѣхъ другихъ и единственныхъ въ своемъ родѣ, человѣкъ не перестаетъ воображать параллели, аналогіи, соотвѣтствія и отношенія, которыя не имѣютъ никакой дѣйствительности» [1]). Мы находимъ, что Бэконъ глубже всматривался въ человѣческую природу, чѣмъ Миль. У дикаря положительно есть на все причина и только у Сократа мы слышимъ постоянное—*не знаю*. Не изъ знанія причинъ, слѣдовательно, извлекаемъ мы вѣру въ причинность, а вѣра въ причинность побуждаетъ насъ пріобрѣтать знанія, и мы должны удивляться не тому, какъ человѣкъ пріобрѣлъ вѣру въ причинность изъ его немногочисленныхъ знаній, а напротивъ тому, какъ не разрушается эта вѣра отъ всѣхъ тѣхъ толчковъ, которые получаетъ человѣкъ отъ природы при его стремленіяхъ проникнуть въ ея заповѣдныя тайны. Признаетъ же Миль въ другомъ мѣстѣ врожденность человѣку вѣры въ существованіе вещей внѣшняго міра [2]), хотя бы это послѣднее убѣжденіе гораздо легче вывести изъ опытовъ, чѣмъ вѣру въ причинность. Правда, Миль въ этомъ случаѣ говоритъ, что законъ врожденной вѣры принадлежитъ не логикѣ, и что потому онъ его не анализируетъ; но въ такомъ случаѣ и вѣра въ причинность не принадлежитъ логикѣ, а психологіи, и напрасно Миль взялся ее анализировать. Миль доказываетъ также, что человѣкъ не всегда вѣритъ въ причину, и что есть цѣлая школа мыслителей, которая признаетъ въ человѣкѣ свободу воли, т. е. возможность дѣйствовать безъ причины. Здѣсь намъ еще покудова не время входить въ анализъ идеи свободы воли, но мы надѣемся показать, что самъ Миль вѣритъ въ ея свободу, равно какъ и другіе, отвергающіе ее теоретики, и что всеобщность вѣры въ свободу воли и всеобщность вѣры въ причинность явленій есть величайшая *антиномія* человѣчества, которая, какъ бы она не раздражала разсудка, нетерпящаго противорѣчій, есть, тѣмъ не менѣе, *психическій фактъ*, несомнѣнно присущій душѣ человѣка

[1]) Nouvel Organum. L. I. Aphor. XLV.

[2]) Mill's Logic. B. I. Ch. III, § 4, p. 58.

Идея цѣли и назначенія.

18. Мы не будемъ распространяться объ образованіи въ человѣкѣ *идеи цѣли*: субъективное происхожденіе этой идеи слишкомъ ясно, чтобы должно было его доказывать. Въ неодушевленной природѣ мы не знаемъ и не можемъ знать никакихъ цѣлей, а знаемъ ихъ только въ самихъ себѣ. Гдѣ нѣтъ сознанія и воли, тамъ не можетъ быть и цѣли. Миль говоритъ, что если мы сомнѣваемся, какое изъ двухъ явленій причина и какое слѣдствіе, то слѣдуетъ только опредѣлить, какое изъ двухъ предшествующее, и оно будетъ причиною [1]). Въ отношеніи явленій внѣшней природы это совершенно справедливо и тѣмъ естественнѣе, что мы называемъ предшествующее явленіе причиною именно потому только, что оно предшествуетъ. Но цѣль, въ нѣкоторомъ смыслѣ, будетъ предшествующею причиною послѣдующихъ явленій, и цѣль, постановленная нами впереди, является причиною всѣхъ дѣйствій, выполняемыхъ нами къ ея достиженію. Въ области человѣческихъ дѣйствій два понятія могутъ быть *взаимною* причиною другъ друга, какъ замѣчаетъ Аристотель въ своей «Метафизикѣ»: такъ, богатство, какъ цѣль, можетъ быть причиной нашего труда, а трудъ причиной богатства [2]). Но такое упрежденіе явленія, конечно, доступно только существу мыслящему и желающему. Если же мы переносимъ идею цѣли въ матеріальную природу, то это уже ясная персонификація природы.

19. *Назначеніе* есть тоже *цѣль* дѣйствій, но постановленная не тѣмъ, кто дѣйствуетъ. Находя сходство между своими цѣлесообразными дѣйствіями и явленіями природы и не будучи въ состояніи заподозрить цѣлей въ мертвой природѣ, человѣкъ или превращаетъ идею цѣли въ идею *назначенія*, или объясняетъ цѣлесообразное отношеніе между явленіями природы *случаемъ*.

Идея случая.

20. *Случай* есть явленіе безъ причины, и вотъ почему Миль приводитъ идею случая, какъ доказательство того, что человѣкъ не всегда вѣритъ въ причинность явленій. Но развѣ кто-нибудь имѣетъ или можетъ имѣть серьезную идею *случая* въ явленіяхъ внѣшней природы? Это только отказъ ума искать причину, а не отверженіе причины. Безсмысленное же употребленіе этого слова ничего не доказываетъ, кромѣ того, что человѣкъ часто употребляетъ слова, съ которыми не соединяетъ никакого смысла. «*Это случилось отъ того*», говоримъ мы, и начинаемъ излагать *причину* случая. Если же случай не есть явленіе безъ причины, то что же онъ такое?

---

[1]) Mill's Logic.

[2]) Aristoteles Methaphysik. Uebers. von Hengstenberg. 1829. Erst. Th. S. 80. L. V. c. 2.

21. Въ мірѣ нашихъ произвольныхъ дѣйствій слово *случай* имѣетъ смыслъ неожиданнаго для насъ столкновенія нашихъ произвольныхъ и расчитанныхъ дѣйствій съ обстоятельствами, для насъ внѣшними и отъ насъ независящими. Мы хотѣли ѣхать, но поломался экипажъ, и мы называемъ это случаемъ, конечно не думая, что экипажъ поломался безъ всякой причины. Вѣра въ случай, какъ явленіе безъ причины, до того противна душѣ человѣка, что онъ приписываетъ свои неудачи сглазу, пустому ведру, понедѣльнику, своей лѣвой ногѣ, опрокинутой солонкѣ — только не случаю. Точно также идея *счастья*, этотъ перифразъ случая, — собственно не идея, а фантазія: счастье улыбается, хмурится, обращается къ человѣку то лицомъ, то спиною, любитъ дураковъ и пьяныхъ, и т. п. Это *личность*, а не явленіе безъ причины, и если вы сбросите съ нея всѣ признаки капризной личности, группируемые фантазіей, то въ результатѣ останется не идея, а *полнѣйшій нуль*, которому ни одинъ человѣкъ не придастъ никакого значенія. Счастье — это *призракъ* воображенія, который существуетъ только до той поры, пока работаетъ воображеніе; разсудокъ же нашъ не знаетъ ни счастья, ни случая.

ГЛАВА XL.

Вообще о первыхъ основахъ разсудочныхъ работъ.

1. Въ нѣсколькихъ предшествующихъ главахъ мы старались выяснить образованіе тѣхъ идей, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ работъ разсудка и вносятся имъ уже готовыми въ постиженіе явленій, какъ внѣшняго для души міра, такъ и явленій психическихъ. Этихъ идей мы нашли нѣсколько; но ясно, что не всѣ онѣ имѣютъ совершенно одинаковое происхожденіе. *Идея матеріи* въ своей противоположности *идеѣ души* или, сказать точнѣе, *идеѣ воли*, какъ инициіативы произвольныхъ движеній, и *идеѣ сознанія*, какъ противоположности тому, что сознается, является коренною идеею для нѣсколькихъ другихъ, такихъ же антагонистическихъ идей, которыя всегда сознаются попарно, какъ отрицанія другъ друга и внѣ такого отрицанія не имѣютъ смысла. Само собою видно, что отъ этой коренной антагонистической идеи происходитъ уже нѣсколько другихъ, каковы: *идея субстанціи* въ противоположность *идеѣ признаковъ*, *идея силы* въ противоположность *идеѣ инерціи* и *идея недѣлимой единицы* (атома) въ противоположность *дѣлимому числу*. Эти три идеи уже произведены изъ коренной идеи души и матеріи. Мы никакъ не думаемъ, чтобы этими тремя формами мы исчерпали все содержаніе этой идеи. Она можетъ принимать, и дѣйствительно принимаетъ, другія формы; но мы замѣтили только самыя существенныя, которыми сознаніе наше безпрестанно пользуется въ своихъ разсудочныхъ работахъ.

2. *Идея времени и пространства* возникаетъ уже не прямо изъ

идеи антагонизма души и матеріи, но изъ многочисленныхъ опытовъ произвольныхъ движеній, въ которыхъ душа, какъ *иниціатива движенія*, борется съ инерціею матеріи. Идея времени относится къ идеѣ пространства, не какъ антагонисты. Каждая изъ нихъ является антагонистомъ душѣ, но въ отношеніи другъ друга они являются различными формами одной и той же идеи: идеи матеріальнаго предмета и явленія въ ихъ взаимномъ отношеніи.

3. *Идея причины*, и *слѣдствія* есть уже осложненіе антагонистическихъ идей перваго рода съ идеею времени. Опытъ даетъ намъ только явленія *предшествующія* и явленія *послѣдующія;* но мы вносимъ въ это понятіе *послѣдовательности* свою субъективную идею причинности: превращаемъ предшествующее явленіе въ *причину*, а послѣдующее—въ *слѣдствіе*. Но этимъ однимъ не можетъ быть объяснена наша *вѣра* во *всеобщую причинность* всѣхъ явленій и въ *безъисключительность законовъ*, наблюдаемыхъ нами явленій. Источникъ этой увѣренности уже не *въ душѣ*, а *въ духѣ* человѣческомъ, т. е. въ тѣхъ особенностяхъ человѣческой души, присутствіемъ которыхъ только можно и объяснить себѣ явленія, отличающія жизнь человѣка отъ жизни животныхъ. Явленія эти будутъ предметомъ нашего изученія въ третьей части антропологіи; но и теперь уже мы должны были указать на присутствіе этой увѣренности въ человѣкѣ, такъ-какъ ею только объясняется не разсудочный процессъ, но неустанное движеніе этого процесса впередъ. Въ существованіи этой увѣренности въ *общезаконность вселенной* никто не сомнѣвается, такъ-какъ каждый чувствуетъ ее въ самомъ себѣ; но происхожденіе ея объясняютъ различно. Мы же показали только, что вывести ее изъ опытовъ и наблюденій надъ явленіями природы невозможно, такъ-какъ она именно руководитъ нашими опытами и наблюденіями и побуждаетъ насъ не вѣрить природѣ, если она показываетъ намъ явленія безъ причины.

4. Необыкновенная важность всѣхъ этихъ *первичныхъ идей* и этой *вѣры въ причинность* для разсудочнаго процесса видна сама собою. Идеи эти составляютъ основу разсудочной ткани, а увѣренность въ законность и причинность явленій одушевляетъ этотъ процессъ силою движенія. Само собою также понятно, какъ долженъ условливаться весь дальнѣйшій разсудочный процессъ этимъ *утокомъ* той ткани, которую выплетаетъ разсудокъ изъ опытовъ и наблюденій надъ явленіями, какъ матеріальнаго, такъ и психическаго міра. Вотъ почему мы сочли необходимымъ остановиться на *первичныхъ идеяхъ* болѣе, чѣмъ того требовали, повидимому, объемъ и значеніе нашей книги. Понять хотя главные основные законы работъ разсудка совершенно необходимо для педагога, такъ-какъ онъ постоянно имѣетъ дѣло съ этими работами; но понять законы разсудочной работы нельзя, не всмотрѣвшись ближе въ эту основу, въ которую разсудокъ вплетаетъ результаты всѣхъ своихъ опытовъ и наблюденій

5. Мы не могли назвать вообще всѣхъ этихъ основъ разсудочной работы *врожденными идеями*, потому что, какъ мы видѣли изъ ихъ

анализа, не всѣ онѣ и не вполнѣ врождены душѣ, но начинаются только тогда, когда душа уже приступаетъ къ своей разсудочной работѣ и составляютъ какъ бы первые узлы, къ которымъ прикрѣпляются и по которымъ регулируются всѣ остальныя нити. Врожденность идей подверглась сильнымъ нападкамъ со времени Локка, который почти исключительно противъ нее направилъ свое знаменитое сочиненіе «о человѣческомъ пониманіи», хотя страннымъ образомъ противорѣчитъ самъ себѣ въ другомъ своемъ сочиненіи, гдѣ говоритъ, что человѣку врождены только *сѣмена* его будущаго разсудочнаго развитія [1]); но сказать только *сѣмена* — значитъ сказать очень много. Знаменитый споръ Лейбница съ Локкомъ о томъ же предметѣ находитъ отголоски и до сихъ поръ. Въ настоящее время, какъ матеріалисты, такъ и гербартіанцы, причисляя къ послѣднимъ и учениковъ Бенеке, также сильно возстаютъ противъ врожденности идей и возстаютъ совершенно справедливо, если подъ врожденною идеею разумѣть какое-нибудь опредѣленное представленіе или философскую мысль, а не невольный пріемъ души, выражающій ея характеръ въ ея работахъ. «Странно, говоритъ одинъ изъ гербартіанцевъ, Вайцъ, что, не смотря на всѣ старанія мыслителей, они не были до сихъ поръ въ состояніи привести въ совершенную ясность того, что̀ должно бы, именно потому-что оно врождено, быть яснымъ съ самаго рожденія передъ глазами каждаго человѣка» [2]). Но напрасно Вайцъ не объясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ словами *ясно* и *передъ глазами*? Всякій изъ насъ ясно сознаетъ, что не можетъ поднять *ста* пудовъ; но никто не можетъ представить этого передъ глазами. Что же касается до того, что мыслители не успѣли до сихъ поръ выразить этихъ врожденныхъ идей съ достаточною опредѣленностью, то упрекать ихъ въ этомъ все равно, какъ бы упрекать историковъ въ неясности первыхъ событій исторіи или физіологовъ въ неясности процесса зарожденія организмовъ, хотя конечно первыя историческія событія продолжаютъ имѣть вліяніе и на ходъ современной исторіи человѣчества, а первые факты органическаго зарожденія, безъ сомнѣнія, сильно условливаютъ дальнѣйшее развитіе организма. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что споръ о врожденности и невро̀жденности идей вертится болѣе на различномъ пониманіи несчастнаго слова *идея*. Если же подъ именемъ идеи мы вообще будемъ разумѣть *неизвѣстную* намъ причину, вліяющую на наши разсудочныя работы и придающую имъ такой характеръ, который не можетъ быть объясненъ ни опытами и наблюденіями, ни вліяніями органическаго міра на нашъ организмъ, то едва-ли можно сомнѣваться въ прирожденности человѣку нѣкоторыхъ идей.

6. Какъ бы мы не представляли себѣ душу, въ видѣ ли нервнаго организма, въ видѣ ли невѣсомаго эѳира, расхаживающаго по нервамъ, въ видѣ ли особенной силы, присущей матеріи, когда она достигаетъ

[1]) Locke's Works. Conduct of the Understanding. p. 41.

[2]) Lehrbuch der Psych. von Waitz. S. 503.

данной организаціи, въ видѣ ли особеннаго матеріальнаго или духовнаго существа—во всякомъ случаѣ душа должна имѣть свои особенности, а эти особенности непремѣнно выкажутся въ ея работахъ. Представимъ себѣ, что душа наша—кусокъ магнита: не должна ли бы она была и въ этомъ случаѣ, входя въ столкновеніе съ внѣшнимъ для нея міромъ, выказать свои особенности—особенности магнита? Встрѣчаясь съ деревомъ, мѣдью, свинцомъ, она не ощущала бы притяженія къ нимъ и до первой встрѣчи своей съ желѣзомъ не знала бы, что она магнитъ. Мало этого: даже послѣ многихъ и многихъ встрѣчъ съ желѣзомъ такая душа-магнитъ не сознавала бы своихъ магнитныхъ свойствъ и, можетъ быть, только послѣ изобрѣтенія магнитной стрѣлки задумалась бы надъ тѣмъ, что такое полюсы, и стала бы надъ вопросомъ, почему *ее тянетъ* къ сѣверу и югу, а не къ, востоку и западу.

7. Физіологъ Мюллеръ не сомнѣвается въ прирожденности намъ нѣкоторыхъ идей на томъ основаніи, что фактъ убѣждаетъ его въ прирожденности животнымъ различныхъ инстинктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если пчела или паукъ вносятъ врожденные инстинкты въ свои работы, то почему и человѣку не вносить ихъ въ главную работу — въ свой разсудочный процессъ? Онъ и вноситъ ихъ; но долго руководствуется ими, несознавая ихъ въ формѣ ясно выраженныхъ мыслей. Едва ли можно сказать, что и въ настоящее время мы уже пришли къ полному сознанію этихъ первичныхъ основъ нашей разсудочной работы. Можетъ быть еще не скоро глубокій анализъ успѣетъ отдѣлить вполнѣ и съ совершенною ясностью то, что вошло въ разсудочный процессъ изъ опыта, отъ того, что вносится въ этотъ процессъ изъ прирожденныхъ свойствъ души.

ГЛАВА XLI.

Индуктивный методъ.

1. Слово *индукція* еще со временъ Платона и Аристотеля употребляется въ логикахъ; но только Бэконъ придалъ ему настоящее его значеніе, изложивъ индуктивный методъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ *Новаго Орудія* (Novum Organum). Полагаютъ, что это названіе для своей книги Бэконъ избралъ съ тою цѣлью, чтобы противопоставить ее аристотелевскому Organon, и тѣмъ рѣзче выставить отличіе своей *новой* методы мышленія отъ прежней построенной не на опытахъ и наблюденіяхъ, а на силлогизмахъ. Дѣйствительно, Бэконъ видѣлъ въ Аристотелѣ только одного изъ софистовъ, который, вмѣстѣ съ Платономъ, отличался отъ прочихъ лишь тѣмъ, что не бродилъ по площадямъ и не продавалъ своихъ уроковъ [1]). Не говоря уже о философіи, но сами естественныя науки, открывшія въ сочиненіяхъ Аристотеля множество именно тѣхъ самыхъ наблюденій

---

[1]) Nouvel Organum. T. I. Aph. XII.

надъ природою, которыя составляютъ основу бэконовскаго индуктивнаго метода, показали уже давно несправедливость такого взгляда на Аристотеля. Не Аристотель виноватъ, что его ученіе о силогизмахъ—во всякомъ случаѣ очень замѣчательное, какъ первая попытка анализировать ходъ человѣческаго мышленія, пришлася болѣе по силамъ средневѣковыхъ мыслителей, чѣмъ другія идеи того же писателя, а потомъ было оторвано отъ почвы, признано за послѣдне слово психическаго анализа и раздуто до уродливости. Противъ этого-то формальнаго мышленія, не основаннаго на фактахъ и лишеннаго содержанія, вооружился великій геній Бэкона.

2. *Новымъ Органомъ* Бэконъ назвалъ свою книгу также и потому, что видѣлъ въ индуктивномъ методѣ какъ бы *новый*, открытый имъ *органъ чувствъ* для постиженія природы. Но легко видѣть, что это новое орудіе открытія законовъ природы и пользованія ими было новостью, можетъ быть, для мыслителей по профессіи, но не для человѣчества, которое пользовалось индуктивнею методою безъ сомнѣнія съ первыхъ дней появленія своего на свѣтъ и ей было обязано всѣми тѣми полезными открытіями, которыхъ ко времени Бэкона набралось уже столько, что открытія, сдѣланныя послѣ него, не смотря на всю свою громадность, составляютъ къ нимъ только незначительную прибавку. Если человѣкъ научился ловить и убивать звѣря, шить себѣ одежду, приготовлять пищу, сѣять хлѣбъ, обработывать металлы, строить домъ и лодку, натягивать парусъ,—словомъ, если онъ сдѣлалъ всѣ тѣ безчисленныя открытія и изобрѣтенія, которыми жизнь человѣческая отличается отъ жизни животныхъ, то этимъ онъ обязанъ единственно индуктивной методѣ, т. е. мышленію, основанному на опытахъ и наблюденіяхъ. Громадная же заслуга Бэкона состоитъ въ томъ, что онъ внесъ въ науку этотъ *вульгарный*, чернорабочій способъ добыванія истины, который, не смотря на то, что подарилъ міръ тысячами полезнѣйшихъ изобрѣтеній и открытій, все еще не входилъ въ аристократическую область ученаго мышленія. Если же и послѣ Бэкона, даже до нашего времени, приложеніе индуктивнаго метода въ наукѣ ограничивалось одною областью естествознанія, то это показываетъ только, какъ самыя простыя истины медленно распространяются и что общество ученыхъ—вовсе не та среда, въ которой истина уже не встрѣчалась бы съ закоренѣлыми предразсудками.

3. Нельзя сказать, чтобы самъ Бэконъ совершенно освободился отъ схоластическаго наслѣдства. Очень часто новая, свѣжая мысль его не находитъ себѣ приличной одежды въ тогдашнемъ ученомъ языкѣ, бьется въ устарѣлыхъ схоластическихъ формахъ, и не можетъ высказаться вполнѣ, такъ что многія выраженія Бэкона (какъ-то *форма*, *натура вещей*, *скрытый составъ* и т. п.) могутъ подать поводъ къ недоумѣніямъ; но основная идея бэконовской индукціи совершенно ясна. Цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы узнать законы явленій природы и воспользоваться этимъ знаніемъ въ практической жизни; а средство

этого метода—наблюденіе. Добыть законъ явленій природы изъ наблюденій и опытовъ и пользоваться этимъ добытымъ закономъ, съ одной стороны, для улучшеній въ практической жизни, а съ другой, для производствъ новыхъ опытовъ и наблюденій—вотъ въ нѣсколькихъ словахъ характеристическая черта бэконовской индукціи. Онъ находитъ удобнѣе разъяснить самый ходъ индуктивнаго процесса на частномъ примѣрѣ, и избираетъ этимъ примѣромъ розысканіе истинной *формы* тепла, разумѣя пода именемъ формы причину, производящую тепло, или, еще ближе, тѣ существенные признаки, которыми постоянно сопровождаются тепловыя явленія. Послѣдуемъ за Бэкономъ въ этомъ процессѣ открытія существенныхъ признаковъ избраннаго имъ явленія или *натуры*, какъ онъ выражается.

4. Прежде всего Бэконъ подготовляетъ матеріалъ для индукціи, т. е. такіе факты или, по его выраженію, *примѣры* (вѣрнѣе, образчики явленія), въ которыхъ проявляется тепло при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, изъ которыхъ иные и самъ Бэконъ заподозрѣваетъ въ полной достовѣрности, составляется у него длинный списокъ фактовъ появленія тепла. Сюда входитъ и солнечный лучъ, и гніющая трава, и известка, обнаруживающая тепло, когда на нее льютъ воду, и спиртъ, который возбуждаетъ въ кожѣ теплоту при натираніи и сваривает яичный бѣлокъ, какъ бы его сваривала кипящая вода, и т. п. Словомъ, это не болѣе, какъ собраніе въ одну обширную группу всѣхъ явленій, связанныхъ между собою однимъ общимъ признакомъ, *обнаруживаніемъ теплоты*. Придерживаясь же нашей терминологіи, это не болѣе, какъ *ассоціація явленій* по одному, общему всѣмъ признаку—ассоціація по сходству.

5. Само собою видно, что изъ такого *огульнаго* перечисленія разнообразнѣйшихъ явленій природы, сопровождаемыхъ обнаруживаніемъ тепла, нельзя еще вывести никакого опредѣленнаго заключенія. Ассоціація слишкомъ громадна и слишкомъ разнохарактерна, чтобы сознаніе могло обозрѣть ее *разомъ* всю и извлечь изъ этого обзора отвѣтъ на заданный вопросъ—какова истинная причина тепла? Вотъ почему, вслѣдъ за этою *таблицею положительныхъ примѣровъ*, Бэконъ чертитъ другую — *таблицу примѣровъ отрицательныхъ*, т. е. такихъ явленій природы, при которыхъ тепло не обнаруживается, не смотря на ихъ видимое сходство съ явленіями, собранными въ положительной таблицѣ. Такъ напр., Бэконъ вноситъ въ эту таблицу отрицательныхъ примѣровъ свѣтъ луны, аналогическій со свѣтомъ солнца, но не дающій тепла, снѣгъ, сохраняющійся на вершинахъ горъ, сильно освѣщенныхъ солнцемъ, зарницу, дающую очень яркій свѣтъ, но не зажигающую и не сопровождаемую громомъ, и т. п. Ясно, что всѣ эти явленія помѣщены въ таблицу отрицательныхъ примѣровъ именно потому, что въ нихъ есть *общій признакъ* съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которыя помѣщены въ первой таблицѣ, а именно *свѣтъ*, но свѣтъ этотъ не сопровождается тепломъ. Вслѣдствіе этого одинъ изъ призна-

ковъ, наиболѣе часто сопровождающій тепловыя явленія, оказывается признакомъ несущественнымъ. Такимъ образомъ ясно, что *сличеніе* таблицы положительныхъ примѣровъ съ таблицею отрицательныхъ служитъ къ тому, чтобы исключить *несущественные признаки* изъ сложныхъ явленій, при которыхъ обнаруживается тепло. Цѣль же самихъ этихъ исключеній та, чтобы получить въ результатѣ *постоянные признаки* тепловыхъ явленій, которые, смотря потому, предшествуютъ ли они обнаруженію тепла или слѣдуютъ за нимъ, можно будетъ назвать, въ первомъ случаѣ, необходимыми условіями или *причиною* тепла, а во второмъ—*слѣдствіемъ* тепла. При этомъ мы напомнимъ читателю процессъ образованія понятій, который мы изложили выше [1]), и укажемъ, что между индуктивнымъ способомъ открытія истины и процессомъ образованія понятій нѣтъ никакой существенной разницы. До сихъ поръ процессъ индуктивнаго мышленія и процессъ образованія понятій совершенно тождественны и даютъ въ результатѣ одно и тоже: возможно точное понятіе предмета или явленія, состоящее изъ однихъ *постоянныхъ* признаковъ.

6. За этими двумя таблицами, изъ которыхъ *по сличеніи* выйдетъ одна общая и значительно сокращенная, Бэконъ чертитъ третью, которую онъ называетъ *таблицею степеней* [2]). Замѣтимъ, между прочимъ, что сокращеніе обозрѣваемыхъ случаевъ явленій, но такое сокращеніе, при которомъ ни одинъ характерный случай не ускользнулъ бы отъ суда разсудка, составляетъ одну изъ цѣлей бэконовской индукціи. Онъ хочетъ «дать опору чувствамъ сокращеніемъ предметовъ обозрѣнія» [3]). Но эта психологическая мысль не вполнѣ развита у Бэкона, тогда какъ она и есть дѣйствительная *психическая* основа индукціи, какъ это мы увидимъ ниже.

При помѣщеніи тепловыхъ явленій *въ таблицу степеней*, Бэконъ обращаетъ вниманіе уже не на самое обнаруженіе тепла, а на *степень* этого обнаруженія. Такъ Бэконъ отмѣчаетъ въ этой таблицѣ всѣ сильно горючія вещества, равно и тѣ явленія, въ которыхъ тепло обнаруживается въ самой слабой степени. Цѣль этой таблицы ясна. Въ ней Бэконъ хочетъ подсмотрѣть, отчего зависитъ усиленіе или ослабленіе тепла, т. е. ищетъ такого признака, усиленіе или ослабленіе котораго сопровождаетъ постоянно усиленіе или ослабленіе тепла, въ *прямой* или *обратной* прогрессіи. Если ему удастся найти такой признакъ, то онъ уже имѣетъ много вѣроятностей предположить, что въ этомъ признакѣ скрывается прямая причина тепла или прямое его послѣдствіе. Слѣдовательно, и тутъ процессъ индукціи ничѣмъ не разнится отъ процесса образованія понятій. Явленія, связанныя въ первыхъ двухъ таблицахъ *по качеству*, связываются въ третьей по степени этого качества, т. е.

---

[1]) См. гл. XXXII.

[2]) Nov. Org. L. II. C. XII.

[3]) Ibid. Preface p. 2.

по количеству; да и цѣль опять таже—отысканіе постоянныхъ признаковъ изучаемаго явленія.

7. Не лишнимъ будетъ указать здѣсь на ту ревность, съ которою подбираетъ Бэконъ всевозможные факты обнаруженія тепла: онъ менѣе заботится о томъ, чтобы помѣстить фактъ какъ-разъ въ соотвѣтствующую ему таблицу, чѣмъ о томъ, чтобы не упустить его изъ виду, не позволить ему скрыться, отъ «суда ума». И дѣйствительно, трудно впередъ разсчитать, въ какомъ отношеніи намъ можетъ быть полезенъ тотъ или другой фактъ. Фактъ, повидимому, самый незначительный и который мы затрудняемся помѣстить куда-нибудь, можетъ бросить самый яркій свѣтъ на все собраніе однородныхъ съ нимъ фактовъ, смотря по тому, въ какую комбинацію войдетъ съ ними, комбинацію, часто совершенно случайную и неожиданную для того самого, въ чьей головѣ она совершается. Вотъ почему громадная память, хотя иногда исключительно направленная на факты одной какой-нибудь категоріи явленій, и сильное дѣятельное воображеніе, безпрестанно и быстро перебирающее эти факты въ сознаніи и безпрестанно комбинирующее ихъ въ самыя разнообразныя и прихотливыя сочетанія, составляютъ отличительную черту въ характерѣ тѣхъ личностей, которыя подарили міръ какими-нибудь новыми открытіями и изобрѣтеніями. Къ этому присоединяется еще необычайное упорство мысли, работающей все въ одной сферѣ и въ одномъ направленіи. Но мы очень бы ошиблись, если бы въ формальномъ черченіи бэконовскихъ таблицъ, сильно еще отзывающихся средневѣковою схоластикою, которая очень любила все вносить въ таблицы и анаграммы, видѣли дѣйствительное средство индукціи. На самомъ дѣлѣ никто не чертитъ такихъ таблицъ и ни въ какія таблицы нельзя внести того безчисленнаго множества фактовъ и тѣхъ безчисленныхъ комбинацій этихъ фактовъ, которыя предшествуютъ появленію въ умѣ даже сколько-нибудь дѣльной гипотезы, а не только великаго и сложнаго открытія. Самъ Бэконъ въ концѣ каждой изъ своихъ таблицъ вынужденъ прибавить, что сюда относятся и многіе другіе факты подобнаго же рода. Самый легкій, особенный оттѣнокъ въ какомъ-нибудь фактѣ изучаемаго явленія можетъ уже дать новую мысль, а самая прихотливая комбинація наиболѣе отстоящихъ другъ отъ друга фактовъ можетъ навести на мнѣніе, наиболѣе замѣчательное. Въ какія таблицы можно умѣстить всѣ тѣ факты и тѣ разнообразнѣйшія ихъ сочетанія, которыя должны были предшествовать въ умѣ великихъ людей открытію Америки или изобрѣтенію книгопечатанія и паровыхъ машинъ?

8. Составленіе вышеприведенныхъ таблицъ образчиковъ изучаемаго явленія Бэконъ считаетъ только подготовкою къ индукціи: это только представленіе «фактовъ или примѣровъ на судъ ума». Собравъ факты и группировавъ ихъ въ три таблицы, Бэконъ приступаетъ къ самой индукціи «въ настоящемъ смыслѣ слова», цѣль которой состоитъ въ томъ, «чтобы по внимательномъ обзорѣ фактовъ, всѣхъ вообще и каждаго въ

частности, отыскать природу (т. е. по-нашему постоянный признакъ), которая была бы всегда соединена съ природою изучаемаго явленія.» Методъ, предлагаемый для этого Бэкономъ, есть методъ *отрицательный*, или методъ *исключенія*, который Миль весьма удачно сравниваетъ съ однимъ изъ пріемовъ (elimination), употребляемыхъ при рѣшеніи алгебраическихъ уравненій. «Только Богу, говоритъ Бэконъ, истинному творцу и вводителю всѣхъ формъ и, можетъ быть, ангеламъ и умамъ небеснымъ принадлежитъ способность знать формы (т. е. причины явленій) непосредственно, положительнымъ путемъ и съ самаго начала созерцанія: но этотъ методъ не соотвѣтствуетъ слабости человѣческаго ума, которому дано дѣйствовать сначала только посредствомъ отрицаній, и послѣ исключеній всякаго рода, прійти наконецъ, но прійти очень поздно, къ положительному (знанію)» [1]. «Только послѣ исключеній и отбрасываній, говоритъ Бэконъ нѣсколько далѣе, всѣ обманчивыя мнѣнія улетучатся, какъ дымъ, и на днѣ останется форма (признакъ) утвердительная, истинная, прочная и строго ограниченная» [2].

9. Миль хорошо формулировалъ эту мысль Бэкона объ исключеніяхъ, избавивъ ее отъ тѣхъ схоластическихъ путъ, въ которыхъ еще бьется это могучее дитя новаго времени. Миль также, какъ и Бэконъ, видитъ необходимость собрать сначала факты изучаемаго явленія и приводитъ ихъ въ порядокъ въ подобныхъ же таблицахъ, которыя называетъ методами: *методомъ сходства* и *методомъ различія* [3]. Въ этомъ и Миль, и Бэконъ совершенно сходятся; но Миль яснѣе выражаетъ правила, которыми руководствуется разумъ при *сличеніи* примѣровъ или образчиковъ явленій (а по-нашему фактовъ) и при исключеніяхъ, какъ результатѣ такого *сличенія*. Эти *правила* (Canon) *индукціи* выражаются у Миля такъ:

Первое правило индукціи. «Если два или нѣсколько примѣровъ испытуемаго явленія имѣютъ только одно общее для нихъ обстоятельство (по-нашему одинъ общій признакъ), то это обстоятельство, одно лишь повторяющееся во всѣхъ примѣрахъ, есть *причина* или *слѣдствіе* даннаго явленія».

Второе правило. «Если примѣръ, въ которомъ испытуемое явленіе совершается, и примѣръ, въ которомъ оно не совершается, имѣютъ всѣ общіе признаки, кромѣ одного, присущаго въ первомъ примѣрѣ, то это единственное обстоятельство (единственный признакъ), въ которомъ оба примѣра различаются, есть слѣдствіе или причина или необходимая часть причины явленія» [4].

Третье правило. «Если два или нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ явленіе совершается, имѣютъ только одно общее обстоятельство,

[1]) Ib. C. XV.
[2]) Ib. C. XVI.
[3]) Mill's Logic. B. II. C. VIII, § 1.
[4]) Ib. § 2.

тогда—какъ два или нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ изучаемое явленіе не совершается, не имѣютъ между собою ничего общаго, кромѣ отсутствія этого обстоятельства, то это обстоятельство, въ которомъ оба ряда примѣровъ различаются, есть или слѣдствіе, или причина, или необходимая часть причины испытуемаго явленія» [1]).

Четвертое правило, называемое у Миля *методомъ остатка*. «Если отнять отъ явленія такую часть, которая по предшествующей индукціи была признана слѣдствіемъ даннаго предшествующаго, то остатокъ явленія есть слѣдствіе остающагося предшествующаго».

Пятое правило. «Если явленіе разнообразится даннымъ образомъ и при этомъ другое явленіе тоже разнообразится особеннымъ образомъ, то первое есть или причина или слѣдствіе втораго, или связано съ нимъ какими-нибудь фактами причинности» [2]).

10. Послѣ нѣсколькихъ исключеній Бэконъ позволяетъ уму сдѣлать *провизуарное*, но положительное истолкованіе явленія, предваряя впрочемъ, что безъ сомнѣнія процессъ исключеній будетъ продолжаться и послѣ такихъ попытокъ перейти отъ отрицательной истины къ положительной. Словомъ, послѣ тщательнаго собранія фактовъ изучаемаго явленія и группировки ихъ въ различныя сочетанія, посредствомъ всякаго рода сличеній и исключеній,—такой группировки, которая, съ одной стороны, облегчала-бы обозрѣніе фактовъ, а съ другой, все болѣе и болѣе обнаруживала ихъ соотношенія, Бэконъ позволяетъ уже уму попытаться *построить гипотезу* или, выражаясь точнѣе, *постановить такіе* вопросы, на которые сами факты могли бы дать отвѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что постановка вопросовъ имѣетъ величайшую важность во всякомъ отысканіи истины. Чѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ *тѣснѣе* вопросъ, тѣмъ ближе онъ къ рѣшенію; это *стѣсненіе вопросовъ* дѣлается опять исключеніями же, а потомъ самымъ рѣшеніемъ вопроса, потому что чаще всего рѣшеніе вопроса не даетъ полнаго отвѣта, а только болѣе опредѣляетъ, болѣе стѣсняетъ самый вопросъ.

11. Рѣшеніе постановленнаго вопроса конечно, должно исходить опять же изъ фактовъ. Умъ, обладающій обширнымъ запасомъ и предварительно уже обработавшій ихъ, т. е. построившій ихъ въ такія сочетанія и группы сочетаній, что они могутъ быть удобно обозрѣваемы безъ упущенія изъ виду чего-нибудь существеннаго, что прежде надлежащей группировки фактовъ было невозможно,—начинаетъ отыскивать между ними и между ихъ отношеніями такія, которыя могли бы прямо дать отвѣтъ на заданный вопросъ. Иногда вопросъ такъ поставленъ, что уже одного факта достаточно, чтобы разрѣшить его; но это случается не часто. Такъ, допытываясь причины *морскихъ приливовъ и отливовъ*, Бэконъ приходитъ къ двумъ вопросамъ,—зависитъ ли это явленіе отъ наступательнаго и отступательнаго движенія воды, которое мы можемъ

---

[1]) Ib. § 4.

[2]) Ib. § 6.

наблюдать во всякомъ колеблемомъ сосудѣ, когда вода поднимается съ одной стороны сосуда на столько, на сколько опускается съ другой, или вообще отъ поднятія уровня воды въ океанѣ, такого же поднятія, какое замѣчаемъ мы, когда вода кипитъ въ сосудѣ? Если справедливо первое предположеніе, то приливъ на одномъ берегу океана, долженъ сопровождаться отливомъ на другомъ, противоположномъ. *Такъ ли это бываетъ?* На это долженъ отвѣтить фактъ и отвѣтъ его будетъ рѣшителенъ. Вотъ почему это испытаніе и называется у Бэкона *experimentum crucis*. Фактъ отвѣчаетъ, что приливъ на берегахъ Флориды въ Америкѣ и на противуположныхъ берегахъ Испаніи и Африки бываетъ одновременно. Такимъ образомъ, первый вопросъ *исключается* самимъ фактомъ [1]); но за то второй, разрѣшенный утвердительно исключеніемъ перваго, самъ разраждается въ нѣсколько новыхъ вопросовъ. Если причина прилива и отлива есть вообще поднятіе морскаго уровня, то это поднятіе можетъ произойти тремя способами: или эта огромная масса воды выходитъ изъ внутренности земли и скрывается туда періодически (какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ озерахъ), или вода океана, не измѣняясь въ количествѣ, разрѣжается и, увеличиваясь въ объемѣ, занимаетъ болѣе мѣста, а потомъ объемъ ея уменьшается, или наконецъ, вода океана, не увеличиваясь ни въ количествѣ, ни въ объемѣ, притягивается вверхъ какою-нибудь магнитическою силою, а потомъ собственною своею тяжестью опускается до прежняго уровня. Бэконъ отбрасываетъ два первыя предположенія, не объясняя почему, и обращается къ анализу третьяго. Вода въ океанѣ не можетъ подняться вся разомъ, такъ-какъ на днѣ бассейна ничто не можетъ занять ея мѣста. И такъ остается предположить, что вода океана, подымаясь въ одномъ мѣстѣ, упадаетъ въ другомъ. Магнитическая сила, не будучи въ состояніи разомъ дѣйствовать на весь океанъ, дѣйствуетъ на него по срединѣ, такъ-что уровень океана, подымаясь по срединѣ, долженъ въ тоже время упадать при берегахъ. *Такъ-ли это бываетъ?* Вопросъ снова доведенъ до той опредѣленности, когда онъ можетъ быть рѣшенъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Если наблюденіе покажетъ, что во время отлива уровень океана поднятъ посрединѣ, то вопросъ рѣшенъ—и предположеніе оправдалось. Но тогда возникаетъ новый вопросъ, что же это за магнетическая сила, періодически подымающая и опускающая воду океана?.. И такъ далѣе все могутъ возникать вопросы, опредѣляться и рѣшаться фактами. Мышленіе становится на твердую почву, чувствуешь, что оно можетъ двигаться впередъ, а не безплодно вращаться около одной и той же точки. Можно себѣ представить, какимъ свѣжимъ воздухомъ должна была повѣять книга Бэкона на его мыслящихъ современниковъ, выводимыхъ имъ на свѣтъ божій изъ мрачныхъ и безплодныхъ трущобъ схоластики, гдѣ умъ человѣческій, за недостаткомъ здоровой дѣятельности,

[1]) Мы сокращаемъ ходъ вопросовъ въ бэконовскомъ примѣрѣ, ибо для насъ важно не содержаніе вопросовъ, но только общая ихъ форма.

изнывалъ въ безплодныхъ фантазіяхъ, утомительно повторяющихся. *Вульгарная* метода мышленія, вносимая Бэкономъ въ мрачныя святилища тогдашней науки, должна была подѣйствовать на ученыхъ также освѣжительно, какъ на католическихъ монаховъ реформація, вносимая въ мрачныя монастырскія кельи. Бэконъ звалъ мысль человѣческую изъ-за недоступныхъ стѣнъ фантастическихъ замковъ, построенныхъ схоластикою, на обширную площадь, освѣщенную яркимъ солнцемъ и кипящею дѣятельнымъ народомъ: только одна гордая чопорность могла помѣшать аристократическому барону мысли, бросивъ свое мертвящее уединеніе, замѣшаться въ толпу и жить ея дѣятельною жизнью.

12. Но дойдемъ ли мы такимъ путемъ исключенія вопросовъ до положительнаго рѣшенія, до желаемаго конца индукціи? Въ однихъ вопросахъ дойдемъ, а въ другихъ нѣтъ. Такъ въ приведенномъ примѣрѣ мы рѣшимъ окончательно, какъ совершаются приливы и отливы въ океанѣ земнаго шара, т. е., другими словами, мы *съ точностью опишемъ явленіе приливовъ и отливовъ* или, еще, ближе, *составимъ себѣ вѣрное понятіе объ этомъ явленіи*, какъ оно совершается на земномъ шарѣ; но вопросъ о причинѣ явленія останется все же вопросомъ рѣшаемымъ гипотетически. Если примемъ даже, что можетъ быть доказано съ полною точностью, что причина поднятія океаническаго уровня зависитъ единственно отъ притяженія, оказываемаго на океанъ луною, то и тогда мы не думаемъ, чтобы рядъ вопросовъ былъ совершенно законченъ. Вопросъ о томъ, что такое притяженіе, который мы разбирали выше, останется вопросомъ, какъ не странно можетъ это показаться приверженцамъ *позитивной* философіи.

13. Дурно понялъ бы насъ тотъ, кто подумалъ бы, что мы, указывая нерѣшенность вопросовъ, выставляемыхъ намъ природою, хотимъ умалить достоинство индуктивнаго метода. Мы скажемъ прямо, что считаемъ этотъ методъ не то, что лучшимъ, но *единственно-плодотворнымъ* при изученіи чего бы то ни было: явленій ли, представляемыхъ внѣшнею природою, или явленій, представляемыхъ душою человѣка. Но это не мѣшаетъ намъ видѣть тѣ скалы, о которыя до сихъ поръ разбиваются всѣ волны человѣческой пытливости. Мы не отворачиваемся отъ этихъ скалъ и не признаемъ ихъ не существующими, какъ это дѣлаетъ такъ называемая *позитивная философія*. Мы не назовемъ ихъ также и *вѣчными*, какъ это дѣлаетъ узкое телеологическое воззрѣніе. Мы не назовемъ этихъ скалъ вѣчными не только потому, что считаемъ смѣшнымъ говорить съ пророческимъ видомъ о томъ, что могутъ и чего не могутъ знать наши отдаленнѣйшіе потомки, но также и потому, что если мы видимъ эти скалы, еще гордо стоящими, то видимъ также и морскіе берега, усыпанные пескомъ, который составлялъ когда-то подобныя же скалы, въ свое время также казавшіяся непреодолимыми и вѣчными. Каждая волна уносила одну песчинку, а можетъ быть и сотни волнъ нужны были, чтобъ унесть другую, но теперь этихъ скалъ нѣтъ. Видя безчисленное число знаній, уже поступившихъ въ обладаніе чело-

вѣческаго ума, зная, какъ теперь кажется понятнымъ многое для современнаго дитяти, что казалось непостижимымъ и необъяснимымъ даже величайшимъ мудрецамъ древняго міра, можемъ ли мы брать на себя право предсказывать, что можетъ узнать человѣкъ и чего не можетъ? Мы не только не желаемъ стѣснять индукцію, но, напротивъ, не хотимъ, чтобы торопливость или самолюбіе, желающія сдать неразрѣшенные вопросы въ архивъ и зачесть ихъ рѣшенными, ставили преграды человѣческому уму въ его вѣчномъ стремленіи все впередъ и впередъ, или опутывали человѣка такими же кажущимися окончательными рѣшеніями вопросовъ, какими опутывала его прежняя схоластика. Схоластика есть порожденіе ученаго самодовольства и не нужно думать, что она принадлежитъ только среднимъ вѣкамъ: никакой вѣкъ отъ нея вполнѣ не обезопасенъ. Мы смѣемся надъ средневѣковою схоластикою и спѣшимъ завестись собственною. Развѣ въ *идеализмѣ* Гегеля, точно также, какъ и въ *позитивизмѣ* Конта не проглядываетъ ея мертвящій глазъ? Не говорилъ ли намъ идеализмъ: «не изучай матеріи—ты тамъ ничего не найдешь?» Не говоритъ ли намъ новый позитивизмъ: «изучай только матерію—ты тамъ все найдешь?» Оба эти возгласа—возгласы схоластики: они выходятъ изъ самодовольства, начертывающаго дорогу отдаленнѣйшимъ потомкамъ, которые, безъ сомнѣнія, только посмѣются надъ такими притязаніями. Мы же говоримъ: «изучайте явленія—и души, и внѣшней природы; въ нихъ вы найдете рѣшенія многихъ вопросовъ изъ безчисленнаго числа еще нерѣшенныхъ; но не закрывайте глазъ на эти нерѣшенные вопросы, ибо сознательное непониманіе безконечно лучше и плодотворнѣе ложнаго пониманія. Первое даетъ безплодное успокоеніе; второе пробуждаетъ дѣятельность, а дѣятельность—это жизнь. Опытная психологія не знаетъ границъ человѣческому уму, признавая самый умъ только за организованное собраніе знаній, а знанія—дѣло наживное. Но расширять свои знанія можно только тогда, когда смотришь прямо въ глаза своему незнанію».

14. Миль желаетъ пополнить пробѣлы бэконовской индукціи, тѣмъ болѣе, что сочиненіе Бэкона объ индуктивномъ методѣ осталось неоконченнымъ, и показать, какъ умъ, начиная исключеніями и отбрасываніями, переходитъ наконецъ къ положительнымъ знаніямъ. Но какое же средство избираетъ для этого Миль? «Индукція, говоритъ онъ, есть такая операція ума, посредствомъ которой мы заключаемъ, что то, что мы знаемъ за истинное въ частномъ случаѣ или случаяхъ, будетъ истиннымъ во всѣхъ случаяхъ, которые походятъ на первый въ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Другими словами, индукція есть процессъ, которымъ мы заключаемъ, что то, что истинно въ извѣстномъ индивидѣ класса, истинно для всего класса или что то, что истинно въ извѣстное время, будетъ истинно при подобныхъ обстоятельствахъ во всякое время» [1]). Желая отличить истинную индукцію отъ ложныхъ, Миль

[1]) Mill's Logic. B. III Ch. 11. § 1.

приводитъ нѣсколько примѣровъ ложныхъ индукцій. «Если бы, говоритъ онъ, изъ наблюденій надъ каждою отдѣльною планетою, вывели, что всѣ планеты заимствуютъ свѣтъ свой отъ солнца, то эта индукція совершенно отличалась бы отъ нашей: это не было бы заключеніе отъ извѣстныхъ фактовъ къ неизвѣстнымъ, но только сокращенное перечисленіе извѣстныхъ фактовъ» [1]). Далѣе Милль приводитъ другой примѣръ ложной и истинной индукціи, которымъ еще болѣе уясняется, чего онъ хочетъ. «Если въ заключеніи, что всѣ животныя имѣютъ нервную систему, мы думаемъ выразить не болѣе какъ ту мысль, что *всѣ извѣстныя намъ животныя* имѣютъ нервную систему, то это предложеніе не общее и процессъ, которымъ мы до него достигли, не индукція. Но если мы думаемъ, что это наблюденіе, сдѣланное нами надъ различными видами животныхъ, открыло намъ законъ животной природы, и если мы въ состояніи сказать, что нервная система будетъ найдена даже въ животныхъ еще не открытыхъ, то это въ самомъ дѣлѣ есть индукція» [2]). Однако же, если только въ этомъ состоитъ отличительный признакъ индукціи, то этотъ признакъ есть нѣкотораго рода смѣлость, или даже, опрометчивость—*черта характера*, но вовсе не принадлежность и не особый пріемъ разудочнаго процесса. Вскрывъ нѣсколько десятковъ различныхъ животныхъ и найдя въ нихъ нервную систему, мы смѣло заключаемъ о томъ, что и во всѣхъ животныхъ она есть, и является единственною причиною ихъ жизненныхъ свойствъ. Но вотъ въ нѣкоторыхъ животныхъ, какъ извѣстно, *мы не находимъ вовсе нервной системы*, и если, вмѣсто того, чтобы убѣдиться въ ошибочности нашего предположенія, какъ того требуетъ Бэконъ, признающій, что «одного *противорѣчащаго факта* достаточно, чтобъ разрушить все предположеніе о причинѣ явленія» [3]), мы предполагаемъ, что нервная система въ этихъ живыхъ существахъ, хотя недоступна нашему наблюденію, но, тѣмъ не менѣе, существуетъ, и все же ставимъ отличительнымъ признакомъ всякаго животнаго нервную систему,—то это едва ли основательно. Мы конечно, имѣемъ на это право, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы не забывать, что такой признакъ животнаго есть только *провизуарный признакъ*, истинность котораго отыскивается, но еще не отыскана, а *дѣйствительнымъ признакомъ* все же остается по прежнему чувство, выражаемое произвольными движеніями. Мы можемъ *предчувствовать*, что оба эти признака сходятся въ одинъ, что нервная система есть необходимое условіе жизненныхъ свойствъ, обнаруживаемыхъ животными, но не должны принимать нашего предчувствія за доказанный фактъ. Дѣло другое, если бы мы могли показать такую же связь между жизненными свойствами и нервной системой, какую видимъ между силами, прилагаемыми къ тѣлу, и движеніемъ, ко-

---

[1]) Ib. p. 320.

[2]) Ib. B. III. Ch. II. § 1.

[3]) Nouv. Org. L. II. c. XVIII.

торое выполняется тѣломъ вслѣдствіе этого приложенія силъ; но развѣ мы это видимъ? «*Число* и *природа* примѣровъ, говоритъ Миль, а не все собраніе фактовъ, которые мы обозрѣли, дѣлаетъ ихъ достаточно очевидными для того, чтобъ доказать общій законъ.» Но неужели, еслибъ мы обозрѣли *всѣ* факты, какъ это мы можемъ сдѣлать въ отношеніи многихъ физическихъ явленій земнаго шара, то индукція отъ этого перестанетъ быть индукціею и обратится въ простое описаніе? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы только составляемъ понятіе о явленіи: въ первомъ совершенно точное и законченное, а во второмъ наиболѣе вѣроятное и провизуарное? Понятія наши о движеніи земли, о приливахъ и отливахъ, о пассатныхъ вѣтрахъ совершенно закончены, хотя бы мы еще и не знали причины того или другаго явленія; понятіе же наше о нервной системѣ, какъ причинѣ жизненныхъ явленій, только провизуарное, болѣе или менѣе вѣроятное. Мы не отвергаемъ великой пользы такихъ провизуарныхъ понятій въ процессѣ науки, но не должны забывать ихъ провизуарнаго характера и не должны употреблять ихъ *для доказательства* какихъ-нибудь другихъ истинъ, покудова они сами еще нуждаются въ доказательствахъ. Мы думаемъ, что Миль, изложившій и развившій очень хорошо мысль бэконовской индукціи, неудачно дополнилъ ее, лишивъ ее той осмотрительности при каждомъ шагѣ, дѣлаемомъ наукою впередъ, которой такъ настойчиво требовалъ Бэконъ. Кромѣ того, признакъ, которымъ Миль хочетъ отличать истинную индукцію отъ ложной, собственно не мысль, а только *чувство*, которое необходимо въ нашемъ вѣчномъ изысканіи причинъ, но которое само не должно входить въ это изысканіе; точно также, какъ не входитъ въ него и врожденная человѣку любознательность и та «любовь къ чувственнымъ воспріятіямъ», признаніемъ врожденности которой Аристотель начинаетъ свою «Метафизику» [1]). Конечно, какъ индуктивные пріемы, такъ и эти врожденныя чувства—суть *психическія явленія* и оказываютъ вліяніе другъ на друга; но этимъ и оканчивается сходство между ними: одни принадлежатъ къ области дѣятельности сознанія, а другія—къ области душевныхъ чувствованій.

15. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности индуктивнаго процесса, что составляетъ предметъ логики. Но уже изъ того краткаго его очерка, который мы сдѣлали, ясно, что индуктивный *процессъ есть не болѣе, какъ процессъ образованія понятій, основанный на сличеніи фактовъ*. Вся *суть* индуктивнаго процесса состоитъ, *во-первыхъ*, въ собираніи фактовъ, связываемыхъ въ одну ассоціацію какимъ-нибудь общимъ признакомъ, *въ сличеніи* этихъ фактовъ и этихъ сочетаній между собою и въ *судѣ* надъ ними, вслѣдствіе котораго обнаруживаются между ними сходства и различія,—*во-вторыхъ*, въ исключеніи признаковъ, случайность которыхъ доказана тѣмъ, что они иногда сопровождаютъ изучаемое явленіе, а иногда нѣтъ, въ оты-

[1]) Arist. Methaphysik. Erst. B. c. I. Uebers. von. Hengstenberg. 1824. 1.

сканіи посредствомъ этихъ исключеній того признака, который постоянно сопровождаетъ изучаемое явленіе во всѣхъ знакомыхъ намъ фактахъ этого явленія — и, *въ-третьихъ* наконецъ, если мы изучаемъ *предметъ,* то въ точномъ помѣщеніи его въ классъ, видъ и семейство предметовъ, и въ среду его постоянныхъ отношеній, а если мы изучаемъ *явленіе*, то въ наименованіи отысканнаго нами постояннаго признака или *причиною* или *слѣдствіемъ*, смотря по тому, предшествуетъ ли явленіе этого признака изучаемому нами явленію или слѣдуетъ за нимъ. Все же остальное въ индуктивномъ процессѣ, какъ-то: постановка вопросовъ, постройка гипотезъ, принятіе провизуарныхъ мнѣній и т. д. есть только особаго рода пріемы, облегчающіе намъ запоминаніе совершающагося въ насъ процесса и обозрѣніе многочисленныхъ фактовъ изучаемаго явленія—пріемы, которые могутъ быть и не быть, смотря по надобности.

16. Уже изъ того примѣра индукціи, который мы заимствовали у Бэкона, видно, что во всякую преднамѣренную, *научную* индукцію вносится множество прежде образовавшихся понятій, которыя въ свою очередь были когда-то результатами самостоятельныхъ индукцій. Правильность этихъ прежде образовавшихся понятій, которыя мы вводимъ въ индукцію уже готовыми, безъ сомнѣнія, имѣетъ громадное вліяніе на правильность совершаемой нами научной индукціи. Если мы строимъ изъ гнилыхъ матеріаловъ, то и все зданіе, выстраиваемое нами, можетъ оказаться никуда негоднымъ, не смотря на то, что мы строили его правильно. Каждый фактъ, который мы вводимъ въ индукцію, есть уже самъ по себѣ результатъ прежней индукціи, ибо въ каждый нашъ опытъ и въ каждое наблюденіе, чѣмъ собственно и добываются матеріалы для индукціи, мы вносимъ уже готовыя воззрѣнія, какъ это было объяснено нами въ исторіи памяти. Тоже самое относится и къ ассоціаціи результатовъ нашихъ наблюденій и опытовъ, изъ которыхъ мы составляемъ наши представленія. Изъ этого мы видимъ, какъ подвергается человѣкъ возможности ошибокъ во всей этой, необыкновенно сложной работѣ своего ума и какъ осторожно долженъ онъ дѣлать каждый шагъ, чтобы всѣ послѣдующіе за нимъ, какъ бы они правильно не были сдѣланы, не завели его на ложную дорогу. Изъ этого также педагогъ долженъ вывести, какъ важно положить вѣрныя основныя понятія въ душу дитяти, какъ важно выучить его наблюдать, не внося въ свои наблюденія ни малѣйшей ложной мысли, и какъ важно наконецъ, чтобы въ преддверіи всѣхъ наукъ стояла безпристрастная логика, излагающая тѣ понятія, которыя вносятся человѣкомъ положительно въ каждый его опытъ, въ каждое наблюденіе и въ каждую индукцію.

ГЛАВА XLII.

Судить, понимать и разсуждать.

1. Латинскій терминъ *индукція* и переводъ его *наведеніе* нельзя назвать удачными. Они темны, не точны, не только не выражаютъ ясно той идеи, для обозначенія которой призваны, но даже плохо напоминаютъ ее. Этому слѣдуетъ отчасти приписать и ихъ малое, нерѣдко совершенно превратное пониманіе, которое замѣчается не только въ разговорахъ, но и въ ученыхъ сочиненіяхъ. Миль, напримѣръ, вездѣ, въ ходѣ всѣхъ наукъ, видитъ индуктивный процессъ; Клодъ-Бернаръ, человѣкъ опыта по преимуществу, видитъ только одинъ путь во всѣхъ наукахъ—*дедукцію* [1]). Ясно, что оба писателя, оба поклонника опыта и наблюденія, подъ одними и тѣми же терминами имѣютъ различныя понятія. Обыкновенно, выбирая латинскія и греческія названія для психическихъ или логическихъ понятій, думаютъ дать этимъ понятіямъ твердость, постоянство, избавить ихъ отъ той измѣнчивости и того разнообразія въ пониманіяхъ, которымъ подвержены слова живаго языка. Но мы считаемъ это большою ошибкою и остаткомъ схоластики, еще доживающимъ свой вѣкъ. Развѣ греческое слово *идея* (которое, къ сожалѣнію, мы и сами такъ часто должны употреблять, не имѣя права на нововведенія) не скрывало и не скрываетъ подъ собою самыхъ различныхъ понятій? Развѣ самое слово *психологія* не портитъ до сихъ поръ нашихъ воззрѣній на предметъ этой науки? Мы убѣждены, что еслибъ *психологія* переименовалась въ *науку о душевныхъ явленіяхъ*, то это одно много бы способствовало къ установленію правильнаго взгляда на нее. Кромѣ того, избѣгая чуждыхъ, не всѣмъ понятныхъ терминовъ, наука во многомъ избѣжала бы той аристократической замкнутости, которая вредитъ ей самой столько же, сколько и ея поступленію въ массу общечеловѣческихъ свѣдѣній, что должно составлять окончательную цѣль всякой дѣльной науки. Въ замкнутомъ домѣ легко разводятся сырость и плѣсень. Особенно это замѣчаніе примѣнимо къ *психологіи:* уединяя себя чуждыми словами отъ общаго пониманія, она сама себя лишаетъ возможности черпать изъ того великаго источника наблюденій надъ душевными явленіями, который скрывается въ языкѣ народа.

2. Для выраженія понятій *индукціи* и *дедукціи* мы имѣемъ въ нашемъ родномъ языкѣ не два, а три, чрезвычайно удачныя, мѣткія слова; а именно: *судить*, *понимать* и *разсуждать*. И хорошо именно то, что этихъ словъ *не два,* а *три*, потому что въ разсудочномъ процессѣ именно не два, а три главные перехода; разберемъ каждое изъ этихъ словъ въ его отношеніи къ разсудочной работѣ.

3. Приготовительное занятіе всякой индукціи, какъ мы видѣли,

[1]) Введ. въ опыт. медиц. стр. 63.

состоитъ въ *собираніи* и *сличеніи* фактовъ изучаемаго явленія, т. е. въ сопоставленіи ихъ *лицомъ къ лицу*, такъ, чтобы между ними не было никакого посредника, въ видѣ, напримѣръ, предвзятой идеи, и представленіи этихъ фактовъ *на судъ* сознанія. Спеціальное дѣло сознанія, какъ мы уже видѣли, состоитъ въ томъ, что, *сличая* отражающіеся въ немъ одновременно факты, оно изрѣкаетъ свой рѣшительный судъ о сходствѣ или различіи между ними и вслѣдствіе этихъ сходствъ или различій образуетъ изъ судимыхъ фактовъ ассоціаціи, или сочетанія. Эти *сочетанія* фактовъ по сходству и различію (куда уже входятъ сочетанія по времени, по мѣсту, по степени, по числу и т. д.) сознаніе выражаетъ въ *сужденіяхъ*. Сужденіе, слѣдовательно, есть *судъ* сознанія, въ силу котораго какія-нибудь ощущенія сочетаются въ представленіе, сочетаются, т. е. составляютъ *чету*. Въ *сочетаніи* два представленія *сочетаются*, но не соединяются, не сливаются въ одно, каждое удерживаетъ свою особенность, можетъ быть *считаемо* за отдѣльное. Точно также поступаетъ сознаніе, въ отношеніи *представленій*, т. е. уже сочетанія ощущеній, и въ отношеніи *понятій*, т. е. сочетанія различныхъ представленій, сочетая подчиненныя понятія въ одно общее, ихъ обнимающее. Такимъ образомъ первое *дѣло* сознанія сдѣлано, когда оно постановитъ свой *судъ*, опредѣливъ въ сужденіи различіе и сходство представляющихся ему на судъ фактовъ: ощущеній, представленій или понятій.

4. Второе, дальнѣйшее дѣло сознанія состоитъ въ томъ, что въ силу найденныхъ имъ наиболѣе постоянныхъ признаковъ изучаемаго предмета или явленія, оно старается *сочетать* эти признаки въ одно *понятіе* предмета или явленія, Слово «понятіе» прекрасно выражаетъ эту часть индуктивнаго процесса. *Понять предметъ или явленіе и значитъ ничто иное, какъ составить объ нихъ понятіе;* а составить понятіе о предметѣ или *явленіи* значитъ соединить, не сливая, т. е. *сочетать* тѣ признаки предмета или явленія, которые мы считаемъ ему присущими. Этимъ и оканчивается индуктивный процессъ, весь результатъ котораго—дать намъ *понятіе о предметѣ* или явленіи въ средѣ его постоянныхъ признаковъ, т. е. въ средѣ его постоянныхъ отношеній къ другимъ предметамъ или явленіямъ; или, еще точнѣе, *дать намъ сочетаніе какихъ-нибудь постоянныхъ отношеній, ощущаемыхъ нами или во внѣшней для насъ природѣ, или въ нашей собственной душѣ.*

5. Слово *разсуждать* обозначаетъ собою уже обратное дѣйствіе сознанія, когда оно *разлагаетъ имъ же составленное понятіе на сужденія*, изъ которыхъ оно составлено. *Понять* значитъ составить о предметѣ понятіе изъ сужденій объ этомъ предметѣ; *разсуждать* значитъ, наоборотъ и сообразно съ этимологіей слова, разлагать понятіе на сужденія, изъ которыхъ оно составилось. Само собою видно, что этотъ процессъ разсужденія, или разложенія понятія на сужденія, можетъ быть иногда очень затруднителенъ, такъ-какъ почти ни одно понятіе не мо-

жетъ быть разложено прямо на *первичныя сужденія*, или *сочетанія* непосредственныхъ ощущеній, но разлагается само на другія понятія, которыя вошли въ разлагаемое понятіе, какъ готовыя произведенія прежнихъ индукцій или пониманій. Въ эти понятія могутъ входить опять готовыя понятія, которыя, въ свою очередь, слѣдуетъ разлагать на сужденія и т. д. пока, наконецъ, въ результатѣ не получатся простыя сужденія, уже болѣе не разлагаемыя, каковы въ математикѣ *аксіомы*, въ психологіи *простые*, каждому знакомые, *акты души*; въ наукахъ природы *первичныя ощущенія*, взятыя прямо изъ непосредственныхъ наблюденій. Понятно само собою, что этотъ *разсудочный процессъ, въ точномъ смыслѣ слова*, т. е. разложеніе понятій на первичныя сужденія, имѣетъ очень важное значеніе и въ наукѣ, и въ жизни, не смотря на то, что онъ, повидимому, не даетъ намъ никакихъ новыхъ знаній.

6. *Дедукція* или *разсужденіе* имѣетъ важное значеніе или: 1) какъ *повѣрка* правильности образованія того понятія, которое разлагается на первичныя сужденія или *разсуждается*, 2) или, какъ *уясненіе понятія*, какое въ насъ образовалось подъ руководствомъ вѣрнаго чувства, но процессъ образованія котораго нами не сознанъ, 3) или, какъ *дидактическій пріемъ* для передачи другимъ понятія, извѣстнаго передающему. Разсмотримъ каждое изъ этихъ значеній разсужденія или дедукціи.

7. Мы уже видѣли выше, какъ важно, чтобы человѣкъ ясно сознавалъ значеніе тѣхъ понятій, которыя онъ употребляетъ, считая ихъ вполнѣ извѣстными, тогда какъ часто въ нихъ бываетъ много неяснаго. Каждая наука имѣетъ свои основныя понятія; но необходимо, чтобъ она сознавала ихъ ясно и оцѣнивала вѣрно то, что въ нихъ есть вполнѣ доказаннаго и очевиднаго и что гипотетическаго. Но кромѣ спеціальныхъ понятій, принадлежащихъ каждой наукѣ въ особенности, есть понятія общія многимъ, а иныя—и всѣмъ наукамъ. Разложеніе этихъ понятій на *первичныя сужденія*, а первичныхъ сужденій на внѣшніе или внутреніе опыты и наблюденія есть дѣло логики, и пока логика не займется, совершенно равнодушно къ характеру выводовъ, этимъ своимъ спеціальнымъ дѣломъ и не станетъ на принадлежащее ей мѣсто, въ предверіи всѣхъ прочихъ наукъ, до тѣхъ поръ будетъ происходить та печальная путаница понятій, которая обнаружилась вполнѣ въ настоящее время, когда кажущіяся философскія постройки міра улетучились, какъ дымъ.

8. Разсужденіе или дедукція, какъ разъясненіе вѣрнаго, но неяснаго понятія, даетъ намъ въ своемъ результатѣ *нѣчто новое*, а именно сознаніе процесса образованія понятія. Это значеніе разсужденія особенно важно *въ наукахъ математическихъ*. Мы уже видѣли источникъ математическихъ *аксіомъ*, но человѣкъ даже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ не останавливается на однихъ аксіомахъ. Изъ безпрестанныхъ пробъ собственныхъ движеній и изъ пробъ приводить въ движеніе тѣла природы, складывать ихъ, передвигать, или измѣнять ихъ форму, человѣкъ тѣмъ же путемъ индукціи, только неясно сознаваемымъ, составляетъ

понятія, какъ ариѳметическихъ и алгебраическихъ дѣйствій, такъ и геометрическихъ фигуръ и ихъ свойствъ. Мы прежде слагаемъ, вычитаемъ, умножаемъ, дѣлимъ и строимъ уравненія, чѣмъ знаемъ правила этихъ дѣйствій; мы прежде сознаемъ, что такое линія и различныя отношенія линій, что такое треугольники и взаимное отношеніе сторонъ и угловъ треугольника, что такое кругъ, квадратъ и т. д., чѣмъ слышимъ что-нибудь изъ геометріи. Крестьянинъ, строющій избу или *высчитывающій по счетамъ* площадь своего участка [1]), безъ сомнѣнія, имѣетъ очень вѣрное понятіе о многихъ ариѳметическихъ и алгебраическихъ истинахъ и о свойствахъ различныхъ геометрическихъ фигуръ; но, тѣмъ не менѣе, онъ дѣйствительно не знаетъ ни алгебры, ни геометріи, т. е. не сознаетъ процесса образованія тѣхъ математическихъ понятій, которыми на практикѣ очень вѣрно распоряжается. Дѣло же *дедуктивной*, *разсуждающей* математики въ томъ и состоитъ, чтобы разложить эти сложныя, уже образовавшіяся понятія на первичныя ощущенія движеній —на *аксіомы или очевидности*, вытекающія прямо изъ невозможности нервной системы выполнять анти-математическія движенія. Конечно, кромѣ того, математическая наука идетъ и путемъ *синтетическимъ*, т. е. *преднамѣренно* осложняя *первичныя сужденія*. Вотъ почему мы согласны съ тѣми, кто считаетъ, что въ математикѣ разомъ прилагаются какъ индуктивный, такъ и дедуктивный способъ мышленія: сколько составленіе математическихъ понятій, столько же и разложеніе ихъ на первичныя сужденія. Сама природа своими формами и движеніями даетъ задачи математикѣ и математика рѣшаетъ эти задачи, приводя ихъ къ тѣмъ очевидностямъ, которыя основываются на чувствѣ невозможности противуположныхъ движеній; ибо и форма представляется въ математикѣ, только какъ слѣдствіе движенія.

9. Значеніе разсужденія или дедукціи, какъ дидактическаго пріема, преувеличиваемое прежде, теперь почти совершенно не признается. И дѣйствительно, такъ-какъ каждая наука есть не болѣе, какъ одно чрезвычайно обширное и сложное понятіе, то начинать преподаваніе науки съ изложенія этого понятія неразумно. Для человѣка, изучившаго науку вполнѣ, вся она является однимъ понятіемъ, исторію образованія котораго онъ можетъ довести съ конца до начала, т. е. до первичныхъ сужденій, до основныхъ сочетаній изъ ощущеній. Но совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ наукѣ стоитъ ученикъ. Ученый стоитъ на верху пирамиды, начинающій учиться—у ея основанія, и какъ нельзя начать строить пирамиду съ верхушки, а должно начинать съ основанія, точно также и изученіе науки должно начинать съ основанія, т. е. съ первичныхъ наблюденій и образованія первичныхъ сужденій, съ изученія тѣхъ фактовъ, на которыхъ зиждется пирамидальная система науки. Однакоже учебное

---

[1]) Способъ, которымъ крестьяне сѣверныхъ губерній довольно вѣрно измѣряютъ свои участки.

значеніе *разсужденія* не должно быть слишкомъ унижено. Должно, напротивъ, употреблять его какъ можно чаще, разлагая понятія, уже составившіяся въ умѣ ученика, потому что ничто такъ легко не ведетъ человѣка къ ошибкамъ, какъ *забвеніе* процесса, которымъ онъ составилъ употребляемыя имъ понятія.

10. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности приложенія разсудочнаго процесса къ различнымъ областямъ знаній, что найдетъ себѣ мѣсто въ «общей дидактикѣ». Но такъ какъ мы уже, хотя отчасти, указали на это приложеніе къ наукамъ естественнымъ и математическимъ, то не считаемъ лишнимъ сказать хотя нѣсколько словъ и о приложеніи того же процесса къ наукамъ *психическимъ*. Въ математикѣ процессъ разсужденія доводитъ разложеніе понятія до аксіомъ; въ естественныхъ наукахъ, въ ихъ отдѣльности отъ наукъ математическихъ, до первичныхъ наблюденій, *въ психологіи же—до простыхъ актовъ души*, далѣе которыхъ анализъ идти не можетъ. Науки историческія, по главному ихъ характеру, мы причисляемъ къ психическимъ, а потому и въ нихъ тотъ же ходъ и тѣ же окончательныя доказательства.

11. Сначала исторія есть только хронологическая записка, лѣтопись фактовъ жизни человѣческой или отдѣльнаго народа, т. е. ассоціація событій по *порядку времени*. Потомъ уже слѣдуетъ *другая точка сравненія*: не время, а значеніе этихъ фактовъ въ отношеніи жизни народовъ, при чемъ все несущественное изъ фактовъ отбрасывается и остается только то, что кажется намъ существеннымъ. И чѣмъ болѣе очищаемъ мы историческіе факты отъ несущественныхъ признаковъ, тѣмъ осмысленнѣе, научнѣе становится наша исторія. Замѣчая, что послѣ подобныхъ явленій происходятъ другія, тоже между собою подобныя, замѣчая, что и въ нашей частной дѣятельности, за подобными явленіями появляются другія, тоже между собою подобныя, которыя, кромѣ того, имѣютъ сходство и съ историческими явленіями, мы сводимъ всѣ предшествующія явленія, какъ историческія, такъ и частныя, психическія, въ одно понятіе, послѣдующія также въ одно: и первое понятіе называемъ причиною, а второе слѣдствіемъ, и начинаемъ объяснять историческіе факты. Чѣмъ болѣе вносится въ исторію психологическихъ разъясненій, тѣмъ понятнѣе становятся для насъ историческія событія. То есть, другими словами, историческія событія, записанныя лѣтописью, и явленія психическія, ощущаемыя каждымъ изъ насъ, сводятся къ своимъ существеннымъ признакамъ, и тогда мы замѣчаемъ между ними такое сходство, что начинаемъ понимать историческія событія, какъ-будто бы они были нашимъ собственнымъ дѣломъ, вышли изъ нашей собственной души,—начинаемъ понимать *ихъ психическую необходимость*. Въ этомъ и состоитъ истинный прогрессъ историческихъ наукъ; это тоже отвлеченіе, сближеніе и соединеніе понятій.

12. Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ указать на то значеніе *дедукціи*, которое выражаетъ Миль и которое не совсѣмъ сходится

съ нашимъ. Милль считаетъ *дедукцію* приложеніемъ закона, добытаго индукціею, къ частному случаю [1]; но это одинъ изъ случаевъ дедукціи, а не вся она. Намъ кажется гораздо болѣе правильнымъ разумѣть подъ *дедукціей — выведеніе всего содержанія понятій*. Приложеніе же выработаннаго понятія къ какой-нибудь внѣшней для него цѣли уже особое дѣло, которое требуетъ опять особенной индукціи. Приложеніе понятій, выработанныхъ въ разсудочномъ процессѣ, можетъ быть дѣлаемо съ *двоякою цѣлью*, внѣшнею для самаго понятія: или для того, чтобы, принявъ выработаное понятіе за доказанное, за столь же очевидное, какъ первичный фактъ, ввести его въ другія индукціи, употребить для добыванія новыхъ истинъ; или для приложенія выработаннаго понятія къ практическимъ цѣлямъ.—Значеніе такого приложенія выработанныхъ уже понятій къ выработкѣ новыхъ, на что именно особенно указываетъ Бэконъ [2], и къ практическимъ цѣлямъ уяснится намъ вполнѣ въ слѣдующей главѣ, въ которой мы будемъ говорить о развитіи въ человѣкѣ разсудка не какъ способности, но какъ результата безчисленныхъ разсудочныхъ процессовъ сознанія.

ГЛАВА XLIII.

Исторія разсудка.

1. Въ разсудочномъ процессѣ мы видимъ съ одной стороны дѣятеля—*сознаніе*, съ его способностью одновременно сознавать, сравнивать и различать нѣсколько ощущеній, представленій и понятій, а съ другой—*матерьялы*, представляемые памятью для этихъ работъ въ процессѣ воображенія. Посмотримъ же, насколько та и другая сторона, сознаніе и матерьялъ сознанія, способны къ послѣдовательному развитію, такъ какъ развитіе разсудка въ человѣчествѣ и въ отдѣльныхъ людяхъ есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію.

2. *Сознаніе*. - Способно ли сознаніе развиваться само по себѣ? Способно ли оно постепенно усиливаться? Мы уже видѣли въ главѣ о вниманіи способность сознанія сосредоточиваться и разсѣяваться, и видѣли также, что это зависитъ не отъ самаго сознанія, а отъ посторонныхъ для сознанія, но конечно не для души, вліяній: отъ вліянія воли и внутренняго чувства, напряженность которыхъ въ данномъ направленіи отражается въ сознаніи сосредоточенностью или разсѣянностью. Само же по себѣ сознаніе едва ли имѣетъ возможность развиваться. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ фактовъ, которые могли бы показать намъ, что сознаніе можетъ усиливать свою дѣятельность само по себѣ, независимо отъ тѣхъ матерьяловъ, надъ которыми оно работаетъ. *Сила сознанія всегда ограничена*; оно можетъ разомъ созна-

[1] Mill's Logic. B. III. Ch. XI.

[2] Nouv. Org. L. II. c.

вать *нѣсколько* ощущеній, представленій и понятій, но чѣмъ болѣе этихъ матерьяловъ и чѣмъ они разнообразнѣе, тѣмъ сознаніе каждаго изъ нихъ становится тусклѣе. Въ сознаніи, какъ мы уже видѣли выше, есть постоянное стремленіе привести все сознаваемое къ единству, и чѣмъ труднѣе удовлетворяется это стремленіе, тѣмъ самое сознаніе тусклѣе. При множествѣ неожиданныхъ и разнородныхъ ощущеній, быстро смѣняющихъ другъ друга, или толпящихся вмѣстѣ въ свѣтлую область сознанія, самая эта область темнѣетъ, и сознаніе находится въ какомъ-то трепещущемъ состояніи. Чѣмъ менѣе различныхъ матерьяловъ, (но ни въ какомъ случаѣ не менѣе двухъ, потому что иначе сознанію, какъ и каменьщику съ однимъ кирпичемъ, не надъ чѣмъ работать), тѣмъ сознаніе яснѣе. Въ этомъ отношеніи сознаніе всѣхъ людей одинаково. Разница, слѣдовательно, въ развитіи разсудка, которое такъ различно у людей, должна заключаться *въ матерьялѣ*, надъ которымъ сознаніе работаетъ, въ предметахъ сознанія, которыхъ можетъ быть болѣе или менѣе и которые, кромѣ того, могутъ быть разнаго качества. Работникъ (сознаніе) одинъ и тотъ же и силы его всегда одинаковы, но количество матерьяла и его предварительная обработка различны, и изъ этого выходитъ такое безконечное разнообразіе въ произведеніяхъ, т. е. въ разсудкѣ различныхъ людей и въ разсудкѣ одного и того же человѣка въ различные періоды его жизни. Разсмотримъ же разнообразіе этого матерьяла сначала *по количеству*, а потомъ *по качеству*.

3. *Матерьялъ сознанія*. Если негръ, невидавшій никогда никого, кромѣ негровъ, составляетъ сужденіе, что всѣ люди черны, то ошибка въ выводѣ зависитъ не отъ сознанія, которое составило свое сужденіе совершенно правильно, но отъ недостатка матерьяла. Увидавъ бѣлыхъ, негръ измѣнитъ выводъ, хотя новое сужденіе его относительно качества работы сознанія не будетъ нисколько вѣрнѣе предыдущаго: оба они абсолютно вѣрны, хотя выводы изъ нихъ различные. Отъ такого же недостатка матерьяловъ происходило, напримѣръ, ложное сужденіе древнихъ о формѣ земли. Тотъ же недостатокъ матерьяловъ допустилъ непогрѣшительнѣйшаго изъ логиковъ, Аристотеля, признать кита рыбою. Въ этомъ отношеніи истина всѣхъ человѣческихъ выводовъ всегда относительна, и мы всегда можемъ думать, что грядущіе вѣка хранятъ въ себѣ открытіе такого множества неизвѣстныхъ намъ фактовъ, что эти факты измѣнятъ всѣ наши теперешніе выводы, хотя логика, или лучше сказать, дѣятельность сознанія, не измѣнится и будетъ все та же.

4. Но развѣ мы не видимъ, что сознанія двухъ различныхъ лицъ относятся различно къ однимъ и тѣмъ же матерьяламъ, и дѣлаютъ изъ нихъ различные выводы? Да, такъ кажется съ перваго взгляда; но, всмотрѣвшись внимательнѣе, мы увидимъ, что этого никогда не бываетъ. Сумасшедшій, который кричитъ при видѣ порога, боясь разбить о него свои стеклянные ноги, разсуждаетъ также правильно, какъ и Аристотель: онъ ошибается только въ фактѣ, и, будь у него дѣйствительно

стеклянныя ноги, то онъ поступилъ бы благоразумно, избѣгая пороговъ.[1]). Тутъ ошибка въ фактѣ, а не въ выводѣ изъ факта,—выводъ вѣренъ. Но откуда же произошла ошибка въ фактѣ, если сознаніе наше никогда не ошибается? На это отчасти отвѣчаетъ намъ медикъ, обливающій водою голову больнаго. Но не нужно еще сойти съ ума, чтобы ошибиться въ фактѣ; для этого достаточно, напримѣръ, имѣть слабое зрѣніе или страдать глухотою; для этого достаточно даже быть разсѣяннымъ, легкомысленнымъ, влюбиться, разсердиться, подчиниться какой-нибудь страсти, которая надѣнетъ намъ на носъ очки своего собственнаго цвѣта. Вы разсердились на вашего слугу; гнѣвъ, овладѣвшій вами, направляетъ ваше вниманіе только на дурныя стороны въ его характерѣ и поступкахъ, и вотъ вы дѣлаете совершенно правильный выводъ изъ фактовъ, подсунутыхъ вамъ вашимъ гнѣвомъ—и отсылаете слугу. Но вашъ гнѣвъ остылъ; новый слуга представляетъ вамъ новые факты—и вы видите, что сдѣлали большую глупость [2]). Поврежденные органы чувствъ, нервная система подъ вліяніемъ различныхъ болѣзненныхъ растройствъ, воображеніе, страсти всякаго рода безпрестанно то подсовываютъ негодные матерьялы честному и безошибочному труженику—разсудку, или, по нашему сознанію, то крадутъ у него тѣ, которые онъ заготовилъ прежде—и вотъ отчего происходятъ ошибки въ его постройкахъ, хотя работа его все также безошибочно вѣрна.

5. Недостатокъ матерьяловъ, слѣдовательно, является *одною* (есть еще другая) изъ причинъ ошибокъ въ выводахъ разсудка. Разсудокъ строитъ только изъ того, что у него есть, а если этихъ матерьяловъ не хватаетъ на цѣлое зданіе, то и постройка выходитъ *односторонняя*, которую онъ, можетъ быть, долженъ будетъ совершенно передѣлать при новыхъ фактахъ. Въ этомъ отношеніи все человѣчество не застраховано отъ возможности безпрестанной передѣлки построекъ своего сознанія. Но за сознаніемъ водится недостатокъ, который уже принадлежитъ ему собственно: зрѣніе его ограничено, оно даже очень близоруко. Чѣмъ болѣе у него накопляется матерьяловъ, которые оно должно обозрѣть, тѣмъ

---

[1]) См. Mill's Logic. B. IV. Ch. I. § 2. Здѣсь мы повидимому совершенно расходимся съ Милемъ, который думаетъ, что такъ называемые обманы чувствъ, наприм., при взглядѣ въ калейдоскопъ или въ извѣстномъ обманѣ осязанія, когда мы, переложивъ пальцы один на другой, ощущаемъ не одинъ, а два шарика, обманывается не чувство, а сужденіе. «Привыкнувъ, говоритъ Миль, имѣть такія же или подобныя ощущенія только при извѣстномъ расположеніи внѣшнихъ предметовъ, я имѣю привычку мгновенно, какъ только испытываю тѣже ощущенія, предполагать существованіе того же состоянія внѣшнихъ предметовъ». Но отъ чего образовалась такая обманчивая привычка? Отъ недостатка достаточнаго разнообразія въ опытахъ: отъ-того, что я не испытывалъ, что тѣже ощущенія могутъ быть и при другомъ расположеніи внѣшнихъ предметовъ.

[2]) Kant's Antropologie.

тусклѣе оно ихъ видитъ, тѣмъ легче выпускаетъ изъ виду то тотъ, то другой, и наконецъ, если матерьяловъ этихъ наберется очень много— до того растеряется, что совсѣмъ прекратитъ свои постройки, перебрасываетъ безъ толку кирпичъ за кирпичомъ и не строитъ ничего. Такою и въ самомъ дѣлѣ является намъ иная многоученая голова, которая сама запуталась въ накопленныхъ ею матерьялахъ; такою же представляется намъ рѣчь досужей кумушки, которая до того нахваталась новостей, что наконецъ запуталась въ разсказѣ, позабыла, чѣмъ начала, не знаетъ, чѣмъ кончить, и до того растерялась въ обиліи матерьяловъ, что должна умолкнуть къ великому своему неудовольствію.

6. Дѣло въ томъ, что сознаніе наше, какъ мы видѣли уже выше, выказываетъ постоянное стремленіе приводить къ единству все, что находится въ его кругозорѣ,—въ освѣщенномъ имъ кругѣ. Но кругъ этотъ, яркій въ центрѣ, все тусклѣе и тусклѣе къ окраинамъ, мало по малу сливается съ тьмою, да при томъ же и не очень великъ. Трудно измѣрить, сколько представленій могутъ одновременно находиться въ ясномъ полѣ сознанія, но вѣрно только то, что чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ сознаніе болѣе разсѣевается, менѣе ихъ видитъ, больше пропускаетъ [1]).

7. Изъ такого положенія возникаетъ для сознанія повидимому неразрѣшимая дилемма: *чѣмъ менѣе матерьяловъ, тѣмъ одностороннѣе и ошибочнѣе будутъ выводы, а если матерьяловъ много, то сознаніе теряется въ нихъ, не можетъ ихъ обозрѣть разомъ съ одинаковою ясностью, а потому позабываетъ ихъ, пропускаетъ и опять приходитъ къ тому же результату—односторонности и ошибкамъ въ своихъ выводахъ.* Ошибки разсудочныхъ выводовъ выходятъ отъ *недостатка* фактовъ, подвергаемыхъ одновременно сознанію, и отъ *многочисленности* ихъ: *чѣмъ болѣе* фактовъ, обозрѣваемыхъ сознаніемъ *разомъ*, тѣмъ вѣрнѣе выводъ; *чѣмъ менѣе* фактовъ, обозрѣваемыхъ сознаніемъ, тѣмъ вѣрнѣе выводъ. Какъ же выйдти изъ этого противорѣчія? Какъ рѣшить эту задачу? Рѣшить ее есть одна возможность—привести факты, необходимые сознанію для того или другаго рѣшенія, въ такую форму, *чтобы возможно-большее число ихъ улеглось въ кругозорѣ сознанія, предѣлы котораго мы расширить не можемъ.* Нельзя ли привести факты въ такую форму, чтобы они, не теряя своего различія, представляли для сознанія одинъ фактъ, и чтобы, такимъ образомъ, вмѣсто сорока, пятидесяти и болѣе фактовъ, необходимыхъ для возможно вѣрнаго вывода и которыхъ сознаніе не можетъ обнять разомъ, составилось ихъ два, три, съ которыми ему легко совладать? *Эту-то задачу и рѣшаетъ постепенная обработка фактовъ.*

8. *Обработка матерьяловъ сознанія* (качество матерьяловъ) состоитъ именно въ томъ, что сознаніе изъ двухъ, трехъ и наконецъ множества отдѣльныхъ матерьяловъ, фактовъ, дѣлаетъ одинъ, и потомъ изъ двухъ, трехъ и наконецъ множества другаго рода фактовъ

[1]). См. выше, гл. XIX п. 12, 13. Гл. XX п. 15. Гл. XXI п. 1, 2.

дѣлаетъ снова одинъ и, черезъ это получаетъ возможность вмѣсто того, чтобы разсѣиваться на множествѣ фактовъ, сосредоточить свою силу только на двухъ. Пояснимъ это примѣрами.

9. Мы уже видѣли, какъ получаетъ сознаніе первыя определенныя ощущенія, положимъ, о красномъ цвѣтѣ; положимъ, что, вслѣдъ за тѣмъ, оно получаетъ такіе же опредѣленные *слѣды* другихъ цвѣтовъ. Сравнивая потомъ ощущенія какого-нибудь цвѣта съ ощущеніемъ какого-нибудь звука (или слѣды этихъ ощущеній), сознаніе замѣчаетъ между ними разницу и вотъ въ немъ появляются понятія о цвѣтѣ *вообще* и о звукѣ *вообще*, и сознаніе имѣетъ уже дѣло не со множествомъ представленій цвѣтныхъ и звуковыхъ, которыя могли бы разсѣять его силу, но съ двумя понятіями, на которыхъ сила сознанія можетъ вполнѣ сосредоточиться.

10. Другой примѣръ. Наука раздѣляетъ, напримѣръ, животныхъ на роды, виды, семейства и т. д. и всякій понимаетъ, какою могущественною помощью для науки являются эти раздѣленія и подраздѣленія. Но прежде, чѣмъ существовала какая-нибудь наука, и даже прежде, безъ сомнѣнія, чѣмъ существовала грамота, въ человѣческомъ языкѣ появились слова: лошадь, волкъ, собака, звѣрь, птица, рыба, животное. Слѣдовательно не наука начала подраздѣленіе животныхъ на виды, классы, отдѣлы; она только пополнила и исправила точнѣйшими наблюденіями эти подраздѣленія животнаго царства, которыя начались, безъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ въ первый разъ встрѣтился съ животными, и ту же самую могущественную помощь, которую оказываетъ теперь наукѣ это систематическое дѣленіе и подраздѣленіе, оказывало оно и при первомъ пробужденіи человѣческой мысли. Наука природы началась не съ тѣхъ поръ, какъ появились первые учебники, первые зоологіи, химіи, ботаники и т. д.; но уже тогда, когда первый человѣкъ появился на свѣтъ и сталъ, волею или неволею, наблюдать окружающую его природу. Въ эти-то именно времена, предшествующія не только появленію спеціальныхъ ученыхъ, но даже появленію грамоты, подготовились обильнѣйшіе матерьялы для науки, которыми она теперь пользуется, забывая, что выработка этихъ понятій, происшедшая задолго до начала систематической науки, стоила человѣку большаго труда, множества наблюденій, опытовъ, сравненій и логическихъ выводовъ. Теперь, обладая плодами трудовъ безчисленнаго множества поколѣній, усвоенныхъ нами легко и быстро съ усвоеніемъ роднаго языка, который въ свою очередь есть также богатый наслѣдникъ другихъ языковъ, идущихъ, безъ сомннія, еще дальше въ глубь древности, чѣмъ санскритскій,—обладая свободно всѣми этими богатствами многовѣковой работы человѣческаго сознанія, мы даже не можемъ себѣ представить, какое впечатлѣніе могло оставить въ душѣ первыхъ людей появленіе, напримѣръ, какого—нибудь невиданнаго звѣря? Человѣкъ не могъ тогда причислить его ни къ звѣрямъ, потому что это понятіе тогда не существовало, ни даже вообще къ животнымъ, потому что и этого понятія также не было; онъ не могъ отличить его даже отъ подобныхъ себѣ лю-

дей, потому что и понятіе человѣка еще не выработалось [1]). При такомъ, трудно теперь вообразимомъ для насъ состояніи души, которое мы, тѣмъ не менѣе, непремѣнно должны предполагать, какъ у первобытнаго дикаря, когда языкъ его только-что начиналъ складываться, такъ и у каждаго младенца, еще не овладѣвшаго словомъ, каждое новое впечатлѣніе, особенно сколько-нибудь сложное и поражающее человѣка, должно было оставлять въ душѣ смутную *смѣсь* слѣдовъ, которая, вѣроятно, быстро исчезала, оставляя по себѣ одно, можетъ быть неопредѣленное ощущеніе страха, удивленія и т. п. Десятки, сотни разъ должны были повторяться одинакія ощущенія при разныхъ обстоятельствахъ, чтобы могло выработаться какое-нибудь опредѣленное понятіе, какихъ мы уже находимъ тысячи въ самомъ неразвитомъ языкѣ.

11. Языкъ народа въ этомъ отношеніи, если въ него внимательно всматриваться, напоминаетъ ту мѣловую гору, которая, при пособіи микроскопа, оказывается состоящею вся изъ крошечныхъ раковинъ, или тѣ коралловые острова, въ которыхъ каждая точка стоила цѣлой жизни микроскопическому животному. Точно также каждое слово языка, каждый оттѣнокъ его обходился человѣчеству не даромъ, и надъ каждой изъ этихъ маленькихъ формъ, которыми мы обладаемъ теперь такъ свободно, трудно работало когда-то человѣческое сознаніе. Но всѣ эти безчисленныя работы состояли въ одномъ и томъ же: въ сличеніи впечатлѣній и выводѣ изъ нихъ опредѣленныхъ ощущеній и ассоціаціи изъ нихъ опредѣленнаго представленія; въ сравненіи и различеніи опредѣленныхъ представленій и выводѣ изъ нихъ понятія; съ другими понятіями, представленіями, ощущеніями и выводѣ изъ нихъ новаго высшаго понятія, или родственнаго же понятія, съ новымъ оттѣнкомъ и т. п. Работа сознанія, окончательнымъ результатомъ которой является языкъ и наука, представляетъ безконечное разнообразіе; но, присматриваясь къ этому разнообразію, мы замѣчаемъ, что главный работникъ и характеръ работы одинъ и тотъ же, а разнообразіе зависитъ отъ разнообразія матеріала, т. е. впечатлѣній, даваемыхъ природою, и различныхъ вмѣшательствъ въ эту работу: внутренняго чувства, страсти, и т. п. Кромѣ того мы замѣчаемъ всюду одну и ту же уловку работника: онъ повсюду *концентрируетъ* матеріалы, факты, не уничтожая ихъ различія, и тѣмъ самымъ концентрируетъ свои ограниченныя силы. Въ началѣ сознаніе преодолѣваетъ какія-нибудь два, три ощущенія, потомъ пользуется цѣлою ассоціацiею многочисленныхъ ощущеній, слитыхъ въ одно представленіе, какъ однимъ матеріаломъ, потомъ пользуется понятіемъ, въ которомъ концентрировано уже безчисленное множество предварительныхъ работъ, какъ однимъ простымъ ощущеніемъ и т. д. Въ этомъ отношеніи наше сравненіе языка съ коралловымъ островомъ

[1]) Мы говоримъ здѣсь о выработкѣ понятій, а не слова. Словъ имѣютъ совершенно обратную исторію, какъ мы увидимъ это въ *третьемъ* томѣ, когда будемъ излагать исторію образованія языка.

или съ мѣловою горою, образованною изъ безчисленнаго множества микроскопическихъ раковинъ, изъ которыхъ въ каждой шевелилось когда-то живое существо,—не годится. Тамъ всѣ раковинки и всѣ ячейки похожи одна на другую и каждая не представляетъ прогресса въ отношеніи другой; тамъ есть только *количественное* наростаніе, тогда-какъ въ языкѣ, а слѣдовательно и въ разсудкѣ, происходитъ качественное измѣненіе, переработка сыраго матеріала. Каждая новая работа заключаетъ въ себѣ всѣ прежнія или, по крайней мѣрѣ, многія изъ прежнихъ, такъ что работникъ, не употребляя при новой работѣ усилій болѣе прежняго, производитъ больше, потому что пользуется накопленными результатами прежнихъ работъ. Такихъ работъ мы не видимъ въ мертвой природѣ, и потому не можемъ отыскать въ ней сравненія для этой вѣковой неустанной работы человѣчества. Такимъ работникомъ является только сознаніе и такою работою только разсудокъ, и воплощеніе его—языкъ. Мы могли бы сравнить это безпрестанное усиленіе работы съ постояннымъ прогрессомъ въ устройствѣ машинъ, позволяющихъ теперь силѣ одного человѣка, которая сама по себѣ осталась такою же, какою была и за тысячу лѣтъ (если не уменьшилась), производить больше, чѣмъ производилось прежде силами тысячи людей; но и это сравненіе будетъ не точно. Тамъ увеличеніе силы зависитъ отъ прогресса въ устройствѣ машинъ, а въ развитіи разсудка оно зависитъ отъ самой переработки матерьяла, надъ которымъ работаетъ сознаніе. Сходство же состоитъ только въ томъ, что и тамъ, и здѣсь силы работника остаются однѣ и тѣже, а количество производимой работы прогрессивно увеличивается и качество (т. е. вѣрность выводовъ дѣйствительности) улучшается.

12. Возьмемъ еще *третій* примѣръ изъ практической дѣятельности. Представимъ себѣ человѣка, который не имѣетъ ни малѣйшихъ понятій о военномъ дѣлѣ, не только не видалъ сраженій, но даже ничего не слыхалъ и не читалъ о нихъ, и для котораго слова: баттареи, полки, пушки, ружья—будутъ новыми словами. Если бы такой человѣкъ увидалъ сраженіе, то вся эта разнообразная, шумная картина, оставила бы въ немъ только одно смутное, неясное ощущеніе, въ которомъ можетъ быть преобладало бы одно чувство, чувство страха и изумленія. Въ человѣкѣ, не спеціалистѣ военнаго дѣла, но знающемъ, слышавшемъ или читавшемъ что-нибудь о сраженіяхъ, понимающемъ, что такое пушка, баттарея и т. п., видъ сраженія оставитъ другое впечатлѣніе, но тоже смутное: въ памяти его останутся отдѣльные эпизоды битвы, но никакъ не вся битва, которой онъ не пойметъ въ ея цѣлости. Совсѣмъ другое впечатлѣніе оставитъ таже битва въ душѣ опытнаго полководца, который ею распоряжался: это будетъ планъ стратегическихъ дѣйствій, въ которомъ за движеніемъ различныхъ массъ войска исчезнутъ всѣ отдѣльные эпизоды. Для опытнаго полководца не существуютъ уже всѣ подробности, развлекающія вниманіе новичка, и потому, хотя усиліе сознанія обнять представляющіяся ощущенія будетъ во всѣхъ трехъ слу-

чаяхъ одно и то же; но результаты этого стремленія будутъ совершенно различные. Точно тоже, что испыталъ бы посреди шумной битвы человѣкъ, не имѣющій ни малѣйшаго понятія о сраженіи и всѣхъ его атрибутахъ, испыталъ бы дикарь, если бы *его можно было* перенести на то духовное поле, на которомъ совершается мышленіе развитаго европейца: это было бы смутное впечатлѣніе чего-то безконечно разнообразнаго, и чувство безсилія сознанія совладать съ этимъ разнообразіемъ.

13. Если опытный полководецъ поражаетъ насъ быстротою и вѣрностью своихъ соображеній, то это именно потому, что онъ не развлекается подробностями, развлекающими насъ, но сосредоточиваетъ дѣятельность своего сознанія на томъ только, что можетъ рѣшить судьбу битвы. Этою же возможностью обязанъ онъ именно предварительной обработкѣ матерьяла. Съ дѣтства уже онъ имѣлъ наклонность читать и слушать о сраженіяхъ; съ дѣтства уже это было любимымъ матерьяломъ, надъ которымъ безъ устали работала его голова; потомъ тотъ же матерьялъ, уже значительно подготовленный, сдѣлался для него наукою въ юности; наконецъ въ годы мужества, уже на практикѣ, въ битвахъ и въ мирное время, онъ продолжалъ ту же работу, и такъ *концентрировалъ* весь этотъ сложный матерьялъ, что быстрота его соображеній поражаетъ насъ, развлекаемыхъ подготовительными работами, съ которыми онъ давнымъ давно покончилъ. Быстрота соображенія у него та же, что у насъ, да соображать-то ему приходится не столько, сколько намъ. Насъ подавляетъ безконечное разнообразіе фактовъ, а онъ переработалъ эти факты такъ, что ему легко обозрѣть ихъ, и потому владѣетъ ими свободно. Тоже самое поражаетъ насъ и въ дѣйствіяхъ опытнаго торговца, сельскаго хозяина, фабриканта и т. д. Предварительная работа мысли облегчаетъ для нихъ обозрѣніе того матерьяла, который подавляетъ насъ своимъ разнообразіемъ.

14. Еслибы мы захотѣли объяснить обширную битву человѣку, никогда не слыхавшему ничего о сраженіяхъ, то должны были бы начать съ объясненія всѣхъ мелочей, такъ чтобы понятія напр. орудія, баттареи, полка, конницы, пѣхоты и т. п. сдѣлались въ его головѣ готовыми понятіями, и тогда только приступить къ объясненію стратегическихъ движеній. Точно также поступаемъ мы и тогда, когда хотимъ ввести дитя въ область обширной дѣятельности развитаго разсудка. Мы перерабатываемъ матерьялъ, концентрируемъ его и хотя силы сознанія остаются однѣ и тѣ же, но результаты его работъ выходятъ совсѣмъ другіе.

15. Такимъ-то образомъ рѣшается, повидимому, неразрѣшимая задача достичь того, чтобы фактовъ одновременно было въ сознаніи *какъ можно больше* и чтобы сознаніе, могущее обнимать разомъ только немногіе факты, не растерявалось въ нихъ и не растеривало ихъ. Задача эта рѣшается тою концентрировкою матерьяла, фактовъ, которую мы называемъ развитіемъ разсудка и образованіемъ ума — рѣшается для всего человѣчества вообще и для каждаго человѣка въ част-

ности. Вотъ въ какомъ отношеніи правъ былъ Декартъ, утверждавшій, что ни одна человѣческая способность не распространена такъ равномѣрно между людьми, какъ способность сужденія, и что различіе въ нашихъ мнѣніяхъ происходитъ не отъ того, что одно лицо одарено большею способностью сужденія, чѣмъ другое, но только отъ того, что мы ведемъ нашу мысль по разнымъ дорогамъ и касаемся не однихъ и тѣхъ же предметовъ. Мы же видимъ, что это различіе зависитъ не отъ различія дорогъ, но отъ различія въ количествѣ, качествѣ и обработкѣ матерьяловъ, надъ которыми трудится сознаніе. При такомъ взглядѣ мысль Декарта могла бы получить такое выраженіе: «ничто такъ равномѣрно не распространено между людьми, какъ сознаніе со своею способностью различать, сравнивать и дѣлать правильный выводъ. Разнообразіе же въ выводахъ зависитъ отъ количества матерьяловъ (фактовъ) и предварительной ихъ обработки. Чѣмъ скуднѣе матерьялъ *по количеству* и чѣмъ необработаннѣе онъ *по качеству,* тѣмъ работа сознанія будетъ несовершеннѣе, такъ-какъ силы его все однѣ и тѣже. Чѣмъ обильнѣе матерьялъ сознанія и чѣмъ лучше онъ предварительно обработанъ, т. е. сгруппированъ, сосредоточенъ, тѣмъ и работа сознанія выйдетъ совершеннѣе, тѣмъ его выводы будутъ вѣрнѣе дѣйствительности, плодовитѣе, богаче послѣдствіями.»

16. Мнѣніе Декарта, что «*все ясно нами* понимаемое — вѣрно», показалось многимъ слишкомъ смѣлымъ. Кларкъ, Абернеси, Юмъ и другіе смягчили это мнѣніе, говоря только, что все, что мы можемъ себѣ вообразить,— *возможно*; но Ридъ отвергаетъ и это смягченное мнѣніе: «мы, говоритъ онъ, ясно понимаемъ, напримѣръ, что сумма двухъ сторонъ въ треугольникѣ равна третьей, хотя понимаемъ и невозможность этого предложенія [1].» Здѣсь, какъ и по большей части случается, споръ объ однихъ словахъ: если я имѣю вѣрное представленіе о сторонахъ треугольника, то я не могу иначе, какъ съ намѣреніемъ сказать безсмыслицу, утверждать, что сумма двухъ сторонъ равна третьей. Если же я говорю это предложеніе и не сознаю его неправильности, то значитъ я сознаю *грамматическое предложеніе*, а не логическую мысль: мое сознаніе работаетъ надъ словами, но не надъ понятіями, сознаетъ ясно и, слѣдовательно, вѣрно отношеніе словъ, но не отношеніе понятій, означенныхъ этими словами.

17. «Математики, говоритъ Ридъ далѣе, часто доказываютъ возможность или невозможность чего-нибудь такого, въ возможность или невозможность чего, безъ доказательсава, я бы не повѣрилъ [2])». Опять Ридъ ошибается. Математическія доказательства нужны только тогда, когда представленія, составляющія математическую мысль, такъ усложняются и умножаются, что для человѣка становится труднымъ, не прибѣгая къ математическимъ знакамъ, помнить всѣ эти представленія, яс-

---

[1]) Read. p. 377.

[2]) Ibid.

но и точно сознавать ихъ одновременно, и, вслѣдствіе того, сознавать ясно ихъ отношенія, и вѣрно ихъ комбинировать въ одинъ выводъ. Весь процессъ математическихъ доказательствъ состоитъ въ томъ, чтобы привести самое сложное умозаключеніе къ простой аксіомѣ, т. е. къ такому положенію, истина котораго для каждаго одинаково очевидна и *которой не только не нужно доказывать, но и нельзя доказывать*. Правда, Юмъ также говоритъ, что «во всякомъ спорѣ мы понимаемъ обѣ стороны вопроса, но вѣримъ только въ справедливость одной»; но Юмъ, кажется, съ намѣреніемъ употребилъ слово вѣримъ (we belive) —гдѣ дѣло доходитъ до вѣры, тамъ разсудочный споръ невозможенъ, потому что, какъ мы это увидимъ ниже, вѣра пользуется разсудкомъ, но не основывается на немъ.

18. И такъ мы можемъ придти къ слѣдующимъ результатамъ:

Сила разсудка и сила сознанія одно и тоже, и потому нѣтъ надобности признавать разсудка за особенную способность, отдѣльную отъ сознанія.

Подъ именемъ разсудка мы должны разумѣть сознаніе, взятое въ данный моментъ съ опредѣленнымъ числомъ фактовъ, которыми оно обладаетъ, и съ опредѣленной предварительной переработкой ихъ.

Сознаніе распредѣлено между людьми равномѣрно (да и у животныхъ оно, какъ можно полагать, тоже самое); разница же, замѣчаемая нами столь ясно въ силѣ и развитіи разсудка, заключается не въ самомъ разсудкѣ или сознаніи, но въ количествѣ, въ качествѣ и въ переработкѣ фактовъ, надъ которыми сознаніе работаетъ.

Изощрять разсудокъ *вообще*, слѣдовательно, есть дѣло невозможное, такъ-какъ разсудокъ, или лучше сказать сознаніе, обогащается только: а) пріумноженіемъ фактовъ и б) переработкою ихъ. Чѣмъ болѣе фактическихъ знаній пріобрѣлъ разсудокъ и чѣмъ лучше онъ переработалъ этотъ сырой матерьялъ, тѣмъ онъ развитѣе и сильнѣе. Наблюденія и переработка этихъ наблюденій, образованіе представленій, сужденій и понятій, связь потомъ этихъ понятій въ новыя сужденія, новыя высшія понятія и т. д.—вотъ изъ чего выплетается не сила разсудка, но самъ разсудокъ. Работу же эту выполняетъ сознаніе безпрестанно, впродолженіи всей нашей жизни, у однихъ быстрѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ сосредоточеннѣе въ одномъ направленіи и потому одностороннѣе, у другихъ разбросаннѣе и потому безсвязнѣе; у немногихъ сознаніе работаетъ многосторонне и въ тоже время связно. Въ этомъ отношеніи, что ни голова, то и разсудокъ, и два, совершенно одинаковые разсудка— невозможны. Однако же не противорѣчитъ ли этотъ психологическій анализъ ежедневнымъ наблюденіямъ? Примѣряемъ его къ тѣмъ фактамъ различія разсудка у разныхъ людей, которые мы безпрестанно замѣчаемъ.

19. Мы видимъ, напримѣръ, что люди, часто очень умные въ одномъ родѣ дѣлъ, теряются, переходя къ другому роду. Это само собою объясняется подготовленіемъ матерьяловъ, составляющихъ содержаніе разсудка,

и ихъ обработкою въ одномъ какомъ-нибудь направленіи. Хорошій математикъ оказывается очень тупымъ филологомъ, хорошій филологъ очень тупымъ математикомъ; глубокій химикъ и механикъ очень плохимъ сельскимъ хозяиномъ; а отличный сельскій хозяинъ поражаетъ насъ своею тупостью въ пониманіи самой легкой книги о сколько-нибудь отвлеченномъ предметѣ. Всѣ эти факты, которыхъ всякій изъ насъ знаетъ безчисленное множество, служатъ лучшимъ подтвержденіемъ нашего анализа разсудочнаго процесса.

20. Но не противорѣчатъ ли этому анализу другаго рода факты, также не рѣдко нами замѣчаемые? Одинъ человѣкъ за что ни возмется, выработаетъ себѣ скоро ясный и вѣрный взглядъ, другой занимается долго однимъ и тѣмъ же дѣломъ и все же путается въ немъ. Не показываетъ ли это, что у одного человѣка болѣе разсудка, у другаго менѣе, независимо отъ матерьяловъ и ихъ обработки? Нисколько. Это показываттъ только, что у одного человѣка или память тверже, или воображеніе быстрѣе, или постоянства въ мышленіи (т. е. воли) больше, чѣмъ въ другомъ. Работа мысли можетъ замедляться или ускоряться въ самыхъ широкихъ предѣлахъ: что одинъ обдумываетъ въ нѣсколько минутъ, съ тѣмъ другой можетъ провозиться цѣлые мѣсяцы; но это уже зависитъ не отъ сознанія и не отъ разсудка, а отъ различія въ другихъ способностяхъ. Такъ напр. если память у человѣка слаба, или усвоиваетъ не скоро, или утрачиваетъ быстро усвоенное, то естественно, что эти недостатки памяти будутъ имѣть рѣшительное вліяніе въ разсудочныхъ работахъ сознанія. У однихъ воображеніе, — этотъ помощникъ сознанія, подающій ему матерьялы, сохраняемые памятью, — работаетъ необыкновенно быстро; у другихъ — медленно. Понятно, что отъ этого произойдетъ медленность или быстрота въ разсудочныхъ работахъ сознанія. Одинъ привыкъ къ постоянной умственной работѣ, привыкъ постоянно направлять свою мысль въ ту или другую сторону, тогда какъ другой любитъ больше лѣниво качаться на волнахъ воображенія, нестись туда, куда оно несетъ его; понятно, что первый быстрѣе придетъ къ цѣли, чѣмъ второй.

21. Однакожъ не замѣчаемъ ли мы, что иногда человѣкъ вообще, какъ говорятъ, очень развитой, выказываетъ менѣе разсудка, чѣмъ простой, но практическій человѣкъ? Очень часто. Но, всмотрѣвшись въ различіе сужденій этихъ двухъ людей, вы замѣтите, что у нихъ можетъ быть и равносильный разсудокъ, но матерьялы и обработка ихъ различны. У перваго можетъ быть матерьялы разнообразнѣе, но по каждому отдѣлу въ нихъ оказывается недочетъ, да и переработаны они кое-какъ; вотъ почему, хотя мысли его обширны и разнообразны, но каждая изъ нихъ не полна, лишена основательности, тогда какъ у втораго отдѣлы матерьяловъ не такъ разнообразны и вообще ихъ меньше, но по каждому отдѣлу ихъ несравненно болѣе, каждый отдѣлъ несравненно полнѣе матерьялами и эти матерьялы тщательнѣе обработаны. Вотъ почему возможно явленіе тѣхъ, повидимому, узкихъ головъ, которыя, поражая

насъ своею тупостію почти во всемъ, оказываются тѣмъ не менѣе необыкновенно проницательными въ томъ маленькомъ кругѣ дѣйствій, который они себѣ избрали. Если бы разсудокъ былъ отдѣльною способностью, которая могла бы быть вообще больше или меньше, тогда подобныя явленія были бы невозможны.

22. Но не оказываетъ ли общее образованіе весьма замѣтнаго вліянія на подготовленіе разсудка и къ спеціальнымъ занятіямъ? Безъ сомнѣнія. Но это потому, что нѣтъ занятій до такой степени спеціальныхъ, чтобы онѣ не имѣли ничего общаго съ тѣми общими знаніями, которыя даетъ намъ порядочное общее образованіе. Нѣтъ напр. такого спеціальнаго занятія, въ которомъ понятія причины и слѣдствія, существеннаго и побочнаго, цѣли и средствъ и т. п. не играли бы какой-нибудь роли, а эти понятія, равно-какъ и безконечное множество другихъ, имѣющихъ всеобщее приложеніе, установляются въ насъ каждымъ, сколько-нибудь порядочнымъ общимъ образованіемъ: слѣдовательно, болѣе или менѣе подготовляютъ насъ ко всякому спеціальному занятію, какимъ бы то ни было дѣломъ. Вотъ почему при одинаковыхъ условіяхъ, человѣкъ, получившій прочное общее образованіе, всегда будетъ имѣть перевѣсъ надъ необразованнымъ.

ГЛАВА XLIV.

Вліяніе другихъ душевныхъ процессовъ на разсудочный.

1. Мы изложили главныя черты разсудочнаго процесса въ такой отвлеченной логической формѣ, въ которой онъ никогда не совершается, такъ-какъ въ него безпрестанно вмѣшиваются посторонніе для него, но не для души, процессы, и оказываютъ большее или меньшее вліяніе на правильность его совершенія. Эти вліянія мы можемъ раздѣлить на *душевныя* и *духовныя*: о первыхъ скажемъ въ этой главѣ, о вторыхъ въ слѣдующихъ. Къ душевнымъ вліяніямъ на разсудочный процессъ мы причисляемъ вліяніе большаго или меньшаго совершенства: 1) *внѣшнихъ чувствъ*, 2) *вниманія*, 3) *памяти*, 4) *воображенія*, 5) *внутреннихъ чувствованій* и 6) *воли*.

2. *Вліяніе* большаго или меньшаго совершенства *внѣшнихъ чувствъ* на разсудочный процессъ очевидно, такъ-какъ эти чувства доставляютъ матерьялъ сознанію для всѣхъ его разсудочныхъ работъ. Чѣмъ *сильнѣе*, т. е. *разборчивѣе*, наши внѣшнія чувства, т. е. чѣмъ болѣе способно зрѣніе различать тонкіе оттѣнки цвѣтовъ, а слухъ тонкіе переливы звуковъ, тѣмъ обильнѣйшій матерьялъ дадутъ они сознанію. Прирожденная особенность того или другаго тѣлеснаго органа можетъ такимъ образомъ оказать очень сильное вліяніе на разсудочныя работы сознанія, но и, въ свою очередь, сознаніе работающее сильно въ сферѣ ощущеній какого-

нибудь одного органа чувствъ, можетъ усилить его прирожденную разборчивость [1]).

3. *Вліяніе вниманія*, какъ большей или меньшей сосредоточенности сознанія, на разсудочный процессъ высказывается не только въ томъ, что, чѣмъ сознаніе сосредоточеннѣе, тѣмъ яснѣе оно сознаетъ [2]), но и въ томъ, что невозможность, которую мы замѣтили въ сознаніи, идти произвольно въ разныя стороны, къ сознанію двухъ или болѣе разныхъ предметовъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ [3]), высказывается въ разсудочномъ процессѣ *стремленіемъ или удалять изъ него противорѣчія, или примирять ихъ*. Разсудокъ, какъ говорятъ обыкновенно, не терпитъ противорѣчій; но это психическое явленіе именно зависитъ отъ того, что сознаніе наше можетъ работать только *соединяя*, а гдѣ это дѣлается невозможнымъ, тамъ работа его останавливается. Эта же остановка въ работѣ и неудача усилій продолжать ее высказываются тѣмъ тяжелымъ чувствомъ *недовольства* и *надорванности*, которымъ сопровождается сознаніе всякаго противорѣчія въ выводахъ разсудка. Мы увидимъ ниже, что именно эта невозможность ужиться съ противорѣчіями является сильнѣйшимъ двигателемъ сознанія въ его разсудочныхъ работахъ. Мы положительно не *выносимъ* противорѣчій, что служитъ лучшимъ доказательствомъ единства сознанія. Если же противорѣчія, тѣмъ не менѣе, очень часто встрѣчаются въ нашемъ разсудкѣ (какъ результатѣ процесса сознанія), то это потому, что противорѣчащія понятія еще не сошлись на судъ сознанія лицомъ къ лицу, что мы никогда ихъ *не сличали*. Они живутъ *покудова* отдѣльно въ ассоціаціяхъ нашей памяти; но какъ только встрѣтятся на судѣ сознанія, такъ и станутъ мучить душу своимъ противорѣчіемъ, ибо не даютъ ей возможности работать, т. е. жить: *непрестанное стремленіе души къ дѣятельности упирается въ противорѣчія*.

4. Но если противорѣчіе въ сознаніи не уживается, то очень уживается *ложное примиреніе* противорѣчій. Въ этомъ отношеніи человѣкъ очень податливъ, и чтобы отдѣлаться отъ противорѣчія, которое его мучитъ, заступая дальнѣйшій путь его сознанію, кидается съ нѣкоторою радостью, очень замѣтною, на всякое кажущееся примиреніе и съ поспѣшностью, тоже очень замѣтною, переходитъ къ другимъ работамъ. Причины этихъ *сердечныхъ движеній* мы объяснимъ въ своемъ мѣстѣ; но здѣсь для насъ важенъ фактъ ихъ существованія. Такія ложныя примиренія не чужды душѣ каждаго человѣка, но они чрезвычайно вредно дѣйствуютъ на разсудочную работу и порождаютъ множество самыхъ грубыхъ суевѣрій, предразсудковъ и предубѣжденій, за которыми человѣкъ прячется тѣмъ упорнѣе, чѣмъ яснѣе чувствуетъ, что, выйдя изъ-за этихъ ширмъ, онъ станетъ лицомъ къ лицу съ непримиримыми, мучительными

---

[1]) См. выше гл. VII п. 11, 12, 17, 22; а также гл. XVI п. 23.

[2]) См. выше гл. XIX п. 12 и 13, также гл. XX п. 15 и др.

[3]) См. выше гл. XXI п. 12 и 13.

противорѣчіями. Наука разрушаетъ эти *кажущіяся* примиренія и даетъ *истинныя*; но очень часто, руководимая самолюбіемъ своихъ жрецовъ, ставитъ новыя и такія же обманчивыя ширмы, вмѣсто тѣхъ, которыя опрокинула. Гораздо полезнѣе для успѣховъ ума, гораздо прямѣе и честнѣе было бы, натолкнувшись на противорѣчіе, котораго мы покудова не въ состояніи примирить, перейти прямымъ и простымъ усиліемъ воли къ другимъ работамъ, отмѣтивъ въ памяти существующее противорѣчіе до тѣхъ поръ, пока не явится возможность дѣйствительно уничтожить его.

5. *Память* сохраняетъ и прикопляетъ матерьялы, надъ которыми работаетъ сознаніе въ разсудочномъ процессѣ, и сберегаетъ самые результаты этихъ работъ. Изъ этого уже само собою видно, какое обширное вліяніе должны имѣть особенности памяти на разсудочный процессъ, и что разсудочный процессъ будетъ совершаться тѣмъ обширнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ совершеннѣе память. Нерѣдко противополагаютъ память разсудку, указывая на тѣ явленія, что обширная память иногда сопровождается слабымъ разсудкомъ и, наоборотъ, сильный разсудокъ слабою памятью. Но это противорѣчіе только кажущееся. Конечно, мы часто встрѣчаемъ людей, обладающихъ обширною памятью и въ тоже время поражающихъ насъ своимъ тупоуміемъ; но всмотритесь внимательно, что собственно сохраняется въ памяти этихъ людей? Сырой, вовсе непереработанный матерьялъ, непереваренные, безсвязные факты, которые сознаніе можетъ разсматривать только по одиночкѣ, перебирать одинъ за другимъ, и никакъ не можетъ осмотрѣть *разомъ* сколько-нибудь значительное ихъ количество. Что же удивительнаго, если работа сознанія надъ такимъ матерьяломъ поражаетъ насъ своимъ несовершенствомъ? Это бываетъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ иныя совершенно неизвѣстны: можетъ быть сама нервная система, усвоивая прочно, возобновляется медленно и отъ того воображеніе работаетъ слишкомъ вяло; можетъ быть духовныя потребности были мало возбуждены, а можетъ быть и то, что въ дѣтскія лѣта завалили память человѣка матерьяломъ, не заботясь о своевременной переработкѣ его разсудкомъ.

6. Но какъ же объяснить совершенно противоположное явленіе: сильный, свѣтлый, быстрый разсудокъ, сопровождаемый очень слабою памятью? Это явленіе—тоже легко объясняется. Кто ничего не помнитъ, тому не о чемъ разсуждать, и сильная, обширная дѣятельность разсудка непремѣнно предполагаетъ обильный матерьялъ, въ которомъ и надъ которымъ сознаніе только и можетъ выразить свою разсудочную работу: безъ матерьяловъ наилучшій каменьщикъ ничего не построитъ, а слѣдовательно и не обнаружитъ своего превосходства. Если же часто удается слышать: «это очень умный человѣкъ, но у него слаба память», то это только потому, что въ разговорномъ языкѣ придаютъ памяти очень тѣсное значеніе, и разумѣютъ подъ этимъ словомъ почти-что одну память собственныхъ именъ и цифръ. Но такое пониманіе памяти слишкомъ узко. Если человѣкъ помнитъ, напримѣръ, все, что относится къ извѣстному лицу,

прекрасно описываетъ его характеръ и даже его наружность, но позабылъ имя, то это еще не показываетъ вообще плохой памяти. Это показываетъ только, что такой человѣкъ, увлеченный, можетъ быть, логическими, художественными или какими-нибудь другими признаками и ассоціаціями предметовъ, не обращалъ должнаго вниманія на ихъ случайный признакъ, на имя. Это, конечно, большой недостатокъ; но не слабость памяти вообще, а только ея односторонность. Впрочемъ, мы разъяснили это достаточно въ главѣ о памяти, гдѣ, для большей опредѣленности, отвели особый отдѣлъ памяти *разсудочной*, въ противоположность *механической*, хотя, въ строгомъ смыслѣ, всякая память есть разсудочная память, такъ какъ ни одинъ слѣдъ въ нашей памяти не можетъ остаться безъ участія разсудка, безъ отысканія различія и сходства; иначе мы не могли бы ничего припомнить, т. е. различить одинъ слѣдъ отъ другаго.

7. *Воображеніе* представляетъ сознанію матерьялы, сохраняемые памятью, и потому, чѣмъ живѣе и отчетливѣе идетъ эта переборка матерьяловъ, тѣмъ быстрѣе идетъ и разсудочная работа сознанія, если сознаніе не довольствуется только тѣмъ, что созерцаетъ пассивно движущійся матерьялъ памяти, не *останавливаетъ* это движеніе и, созерцая разомъ болѣе или менѣе обширное собраніе матерьяловъ, выстраиваетъ изъ нихъ новую разсудочную ассоціацію, которую ввѣряетъ снова памяти же.

8. Часто противополагаютъ сильное воображеніе сильному разсудку и говорятъ, что насколько у человѣка сильно воображеніе, на столько слабъ разсудокъ; но это совершенно несправедливо. Воображеніе есть ничто иное, какъ передвиженіе представленій и понятій въ сознаніи, и чѣмъ дѣятельнѣе это передвиженіе, тѣмъ обширнѣе можетъ совершаться разсудочный процессъ. Сильное, дѣятельное воображеніе есть необходимая принадлежность великаго ума; но, конечно, только такое воображеніе, матерьялы котораго сильно переработаны здравымъ разсудкомъ, поэтическимъ чувствомъ, нравственными стремленіями и т. д., и которымъ, кромѣ того, управляетъ самъ человѣкъ, словомъ, употребляя сравненіе Рида, «если конь хорошо выѣзженъ и сѣдокъ умѣетъ управлять конемъ». Если воображеніе наполнено рядами глупыхъ ассоціацій, пустыхъ, безполезныхъ или безнравственныхъ, то его яркость и сила, особенно при слабости воли, могутъ совершенно извратить разсудочный процессъ. Однако же кляча, какъ бы она ни была выѣзжена, все останется клячей, и вялое, медленное и не живо воспроизводящее воображеніе, (что уже зависитъ во многомъ отъ прирожденныхъ качествъ души и тѣлеснаго организма), никогда не можетъ быть спутникомъ великаго ума.

9. Этому нисколько не противорѣчитъ то явленіе, что многіе замѣчательные ученые, въ особенности философы и математики, обнаруживаютъ повидимому вялое, недѣятельное воображеніе. Воображеніе, какъ мы уже видѣли, не есть что нибудь готовое при самомъ рожденіи человѣка; но составляется все изъ рядовъ и группъ представленій, скованныхъ самимъ же человѣкомъ въ разсудочномъ процессѣ. Если въ во-

ображеніи преобладаютъ ряды мыслей математическихъ и философскихъ, если представленія скованы въ ряды и группы своими математическими и философскими сторонами, то становится понятно само собою, почему голова съ сильнымъ философскимъ или математическимъ воображеніемъ можетъ оказаться слабою и вялою, когда ей приходится вызывать такіе ряды мыслей, которыхъ много въ иной самой обыкновенной головѣ, но не увлеченной ни математикой, ни философіей. Извѣстная молочница, сфантазировавшая цѣлый романъ, пока шла отъ дома до рынка, съ горшкомъ молока на головѣ, сочинила этотъ романъ конечно не въ такое короткое время. Давно уже, руководимая желаніемъ сдѣлаться барыней, подготовляла она въ свободное время отдѣльные эпизоды этого романа и надѣлала ихъ очень много впродолженіи своей жизни. Теперь же, идучи на рынокъ, она только склеивала эти эпизоды, и такъ-какъ всѣ они были созданы однимъ и тѣмъ же желаніемъ, то до того шли одинъ къ другому, что дѣвушка увлеклась этой пріятной работой, разбила кувшинъ и тѣмъ порвала нитку, на которую нанизывала всѣ эти, давно подготовленные эпизоды ея любимаго романа. Подобнаго романа конечно не сочинить въ такое короткое время никакому великому ученому; но эту потому, что у него не готовы самые эпизоды для романа, а ни сколько не потому, чтобы его воображеніе было слабѣе.

10. Вліяніе *внутреннихъ чувствъ* на разсудочный процессъ мы очертимъ словами Бэкона. «Глазъ человѣческаго пониманія, говоритъ Бэконъ, не сухъ, но, напротивъ, увлаженъ страстью и волею (не вѣрнѣе ли сказать—желаніемъ?). Вотъ что порождаетъ ни на чемъ неоснованныя знанія и всѣ фантазіи; ибо чѣмъ болѣе желаетъ человѣкъ, чтобы какое-нибудь мнѣніе было справедливо, тѣмъ легче онъ въ него вѣритъ. Онъ тѣмъ легче покидаетъ трудныя вещи, потому что скоро устаетъ изучать ихъ; отбрасываетъ умѣренныя мнѣнія, потому что они съуживаютъ кругъ его надеждъ; отворачивается отъ глубины природы, потому что суевѣріе запрещаетъ ему изысканія этого рода; пренебрегаетъ свѣтомъ опытовъ изъ презрѣнія, изъ гордости, изъ страха, чтобы не подумали, что онъ занимаетъ свой умъ вещами низкими» [1]).

11. Въ этихъ словахъ Бэкона много правды; но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что и въ нихъ отчасти проглядываетъ та влага страсти, покрывающая глаза, о которой говоритъ здѣсь великій мыслитель. Поставленный въ необходимость бороться съ суевѣрными увлеченіями своихъ современниковъ, Бэконъ и самъ увлекается страстью этой борьбы, иначе бы онъ оцѣнилъ, что *страсть*, столь вредная для изысканія истины, является также и могущественнымъ двигателемъ этого процесса. Если бы самъ Бэконъ не имѣлъ способности къ сильнымъ страстямъ въ своемъ характерѣ, въ чемъ обличаетъ его и его біографія, то міръ лишился бы его великихъ твореній, въ каждой страницѣ которыхъ проглядываетъ сильно страстная натура. Къ Бэкону также, какъ

[1]) Nouv. org. L. I. Aph. XLIX.

и ко всему остальному человѣчеству, могли бы быть обращены тѣ глубокія евангельскія слова, которыя, кажется, мелькнули въ умѣ Бэкона, когда онъ писалъ вышеприведенныя строки: «*Свѣтильникъ тѣлу есть око: аще убо око твое будетъ просто, все тѣло твое свѣтло будетъ; аще ли око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ. Аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тьма есть, то тьма кольми?*» (Евангеліе отъ Матѳея. Глава 6, ст. 23 и 25.)

12. Дѣйствительно, нѣтъ тьмы, болѣе неодолимой, какъ тьма, исходящая на предметы отъ насъ самихъ, когда зрѣніе самаго сознанія нашего потемняется страстью. И не нужно полагать, что зрѣніе только одной какой-либо партіи или нѣсколькихъ потемняется страстью, а другихъ партій свободно отъ всякой страсти, и не мѣшаетъ каждой партіи и каждому человѣку всегда помнить другое извѣстное евангельское изрѣченіе о *видимомъ сучкѣ* въ глазу брата и о *невидимомъ бревнѣ* въ своемъ собственномъ. Конечно, партія, противъ которой борется Бэконъ, насоздавала много вредныхъ суевѣрій и предразсудковъ, легшихъ камнями и бревнами на пути истиннаго прогресса человѣчества; но не мало также накидали этихъ камней и бревенъ и тѣ, кто считаетъ себя вѣрными послѣдователями опытной методы Бэкона. И напрасно бы кто-нибудь подумалъ, что разумъ современной науки свободенъ отъ потемнѣнія страсти: напротивъ, едва ли было время, когда наука была бы такъ обуреваема страстью, какъ нынѣ. Мы считаемъ впрочемъ этотъ періодъ науки переходнымъ: она не привыкла еще къ тому высокому положенію, которое заняла въ жизни общества, не привыкла еще оставаться невозмутимою въ томъ шумѣ и той толкотнѣ, посреди которыхъ очутилась, выйдя изъ своего прежняго затворничества, гдѣ она часто покрывалась плесенью предразсудковъ, но за то легче сохраняла хладнокровіе и независимость мнѣній, на которыя нельзя смотрѣть безъ невольнаго уваженія въ самомъ Бэконѣ, Декартѣ, Спинозѣ, Ньютонѣ, Лейбницѣ. Сравнивъ, напримѣръ, Бэкона и Миля, мы ясно увидимъ, насколько логика перваго свободнѣе логики втораго отъ потемняющаго вліянія страсти.

13. Но если подкрѣпленіе страсти необходимо для сильнаго движенія разсудочнаго процесса и въ тоже время страсть затемняетъ разсудокъ, то какъ же выйти изъ такого противорѣчія? Мы указали уже выше на *единственно* возможный изъ него выходъ, и разсмотримъ его подробнѣе въ главахъ «*о страсти*», но не считаемъ лишнимъ и здѣсь повторить еще разъ, что есть только *одна* страсть, не ослѣпляющая разсудка, и это—*страстная любовь къ истинѣ*. Страсть, какъ замѣтилъ еще Спиноза въ своей «Этикѣ», можно побѣдить только страстью же и о развитіи этой страсти въ самомъ себѣ долженъ заботиться ученый столько же, сколько и о пріобрѣтеніи знаній. Воспитать эту страсть можно твердою волею, всегда находящеюся на стражѣ противъ всякихъ увлеченій, кромѣ увлеченій истиной. Страсть крѣпнетъ, какъ и тѣло, пищею, но пищею духовною, и стремленіе къ истинѣ, врожденное каж-

дому, можно развить въ самомъ себѣ до истинной и все побѣждающей страсти, была бы только *воля* на то.

14. *Воля* находится въ тѣснѣйшей связи съ разсудочнымъ процессомъ сознанія. Хотя процессъ разсудка, начатой разъ, уже не зависитъ отъ воли; но самое начало его есть, по большей части, если не всегда, актъ воли, побуждаемой врожденными стремленіями души знать правду, какова бы она ни была. Для того, чтобы разсудочный процессъ начался, должно остановить волею актъ воображенія и, не увлекаясь движеніемъ одного представленія за другимъ, оглянуть разомъ столько представленій, сколько можетъ захватить сознаніе одновременно, и можно быть увѣреннымъ, что *судъ сознанія* будетъ вѣренъ, на сколько вѣрны сами наши представленія и связанныя изъ нихъ прежде сочетанія. Сознаніе—это «око» души нашей—никогда не ошибается, если только «не заволокла» его какая-нибудь другая страсть, кромѣ страсти къ истинѣ. Но такъ-какъ самая страсть къ истинѣ можетъ быть развита только волею же, то вотъ почему воспитаніе сильной воли еще необходимѣе для ученаго, чѣмъ для практическаго дѣятеля. Воля наша должна постоянно стоять на стражѣ нашихъ разсудочныхъ работъ, ограждая ихъ отъ всѣхъ постороннихъ вліяній и тогда только «*око наше свѣтло будетъ*».

ГЛАВА XLV.

Вліяніе духовныхъ особенностей человѣка на разсудочный процессъ.

1. Мы уже показали выше [1]), что способность имѣть *идеи* и *даръ слова* даютъ человѣческому сознанію тѣ средства, съ которыми человѣческій разсудокъ становится на ступень, недосягаемую для животныхъ, хотя начинаетъ съ того же, съ чего и сознаніе животныхъ. Мы не говорили еще о духовной природѣ человѣка и потому не можемъ вполнѣ уяснить здѣсь вліяніе этой природы на разсудочный процессъ, но считаемъ необходимымъ, хотя вскользь, упомянуть объ этомъ вліяніи, иначе наше изложеніе разсудочнаго процесса было бы очень неполно.

Значеніе идеи въ разсудочномъ процессѣ.

2. Изложивъ ходъ образованія *понятія*, мы уже можемъ точнѣе опредѣлить тотъ смыслъ слова *идея*, который мы придали ему въ главѣ о памяти [2]). *Понятіе* есть таже *идея*, но только еще въ процессѣ своего образованія, въ связи съ тѣми представленіями, изъ которыхъ оно отлагается и въ связи съ тѣмъ словомъ, въ которое оно облекается. Уже Гербартъ замѣтилъ необходимость отдѣлить понятіе,

---

[1]) См. выше глава XXXII, п. 9, 11, 12, 13, 20.

[2]) См. выше гл. XXVI, п. 5, 6, 16.

какъ логическую форму, отъ понятія, *какъ психическаго явленія*; но еще необходимѣе отличить понятіе, какъ слѣдъ душевнаго акта, сохраняемый душою, отъ понятія, какъ болѣе или менѣе окончательнаго результата психо-физической дѣятельности, и вотъ почему мы удерживали два слова—*понятіе* и *идея*.

3. Хотя *идеи* извлекаются нами изъ сознательныхъ процессовъ, изъ опытовъ и наблюденій, но существуютъ внѣ сознанія, такъ-что мы узнаемъ о нихъ только по ихъ дѣйствіямъ въ сознательныхъ процессахъ. Онѣ, по удачному выраженію Лейбница, «обнаруживаются въ дѣйствіяхъ сознанія, но сами остаются внѣ его». Мы такъ привыкли съ необычайною быстротою выражать душу нашу въ словахъ, что не легко примиряемся съ мыслью существованія въ насъ идей внѣ формы слова и образныхъ представленій. Однакоже стоитъ только подумать о томъ, что руководитъ въ насъ *самимъ подборомъ словъ* и *образовъ*, и мы почувствуемъ полную необходимость признать существованіе въ насъ идей внѣ формы слова и чувственныхъ образовъ. То, что подбираетъ слова и образы для своего выраженія, не можетъ быть само словомъ и образомъ. Нельзя думать словами о словахъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Миль; а еще менѣе можно думать чувственными образами о чувственныхъ образахъ.

4. Но если идеи существуютъ внѣ области сознанія и только обнаруживаются въ своемъ вліяніи на процессъ сознанія, то, конечно, мы не можемъ узнать, въ какой формѣ онѣ существуютъ внѣ этихъ вліяній, точно также, какъ не можемъ знать, что такое тѣло внѣшняго міра внѣ отношеній его къ другимъ тѣламъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ самымъ темнымъ вопросомъ въ психологіи, который, вѣроятно, надолго еще, если не навсегда, придется оставаться вопросомъ. Признавъ безсознательное существованіе идей въ душѣ, мы должны признать возможность безсознательнаго существованія самой души. Декартъ, сообразно своей метафизической системѣ, признавалъ душу *всегда мыслящею* (ens cogitans); но ясно, что это такая гипотеза, которой нельзя доказать и которую потому напрасно строить. Мыслимъ ли мы въ состояніи обморока или глубокаго сна безъ сновидѣній и потомъ только не можемъ вспомнить, что мы мыслили, или во время этого состоянія процессъ сознанія въ насъ прерывается—этого мы не можемъ повѣрить опытами, потому что опыты возможны только въ сферѣ сознанія, но скорѣе мы должны думать, что не мыслимъ. Гербартіанцы признаютъ жизнь и борьбу представленій внѣ области сознанія; Вундтъ допускаетъ даже возможность безсознательныхъ опытовъ, сужденій и умозаключеній [1]; но мы полагаемъ, что такое допущеніе безсознательной психической или психо-физической *жизни* открываетъ широко двери въ совершенно темную область догадокъ, изъ которой мы можемъ выводить всевозможныя объясненія всѣхъ психологическихъ явленій, объясненія, ни на чемъ не ос-

[1] См. объ этомъ также у Лотце. Mikrosmos. Erst. B. S. 219 и 220.

нованныя, кромѣ произвола писателя, хотя мы должны допустить *существованіе* и внѣ сознанія того, что сознаетъ.

5. Для избѣжанія такого произвола и опираясь только на фактахъ, мы должны въ одно и тоже время признать возможность существованія души внѣ сознанія и возможность узнать ея свойства лишь на столько, на сколько они проявляются въ сознаніи. Сознаніе есть свойство души, которое не можетъ принадлежать ничему матеріальному, но которое начинаетъ проявляться только при воздѣйствіи на душу внѣшняго для нея міра. Сознаніе есть только различеніе ощущенія, а гдѣ нечего различать, тамъ нѣтъ и сознанія. Сознаніе есть актъ *психо-физическій*, не принадлежащій отдѣльно ни матеріи, ни душѣ, но вызываемый въ душѣ впечатлѣніями внѣшняго міра на нервный организмъ. Въ этомъ психофизическомъ актѣ выражаются свойства обоихъ агентовъ: *матеріи* и *души*, и на сколько они въ немъ выражаются, на столько они намъ и доступны. Только сквозь призму психо-физическаго акта сознанія мы можемъ въ этомъ мірѣ заглядывать и въ матерію, и въ душу. Что такое матерія и душа сами въ себѣ—мы не знаемъ; но всегда возможно, во всякомъ актѣ сознанія, раздѣлить вліяніе двухъ агентовъ, изъ которыхъ одинъ мы называемъ матеріею, а другой душою, и при этомъ только условіи возможно для насъ ясное пониманіе нашихъ психо-физическихъ актовъ.

6. Мы не знаемъ, какъ существуютъ *идеи* въ душѣ, но можемъ прослѣдить, какъ онѣ, формируясь изъ наблюденій и опытовъ, воспринимаются душою и какъ потомъ дѣйствуютъ изъ недоступной сознанію области души на образованіе въ насъ другихъ идей, а равно на наши стремленія и поступки. Однако уже для того, чтобы подбирать понятія, слова и представленія для выраженія той или другой идеи, душа должна сознавать эту идею; а сознавать что-нибудь можно только въ формѣ понятій, словъ и представленій? Сдѣлать такой вопросъ—значитъ опять же допрашиваться, въ какой формѣ существуетъ безформенная идея. Но сколько мы не стучимъ въ эту дверь, она не отпирается нашему сознанію, хотя изъ-за нея выходятъ распоряженія его дѣятельностью. Кто же и когда отопретъ эту таинственную дверь? Можно только подсмотрѣть одно, что тѣ опредѣленныя требованія души, по которымъ происходитъ подборъ нашихъ понятій, словъ и представленій, обнаруживается въ сознаніи прежде всего въ формѣ *внутренняго чувства*, въ формѣ *недовольства*, если подбираемое представленіе, слово или понятіе не соотвѣтствуютъ идеѣ, для выраженія которой они подбираются. Можетъ быть и всегда, и во всемъ первое обнаруживанье души совершается въ этой формѣ, которую мы называемъ *душевнымъ чувствомъ*, которую мы ясно отличаемъ въ себѣ отъ дѣятельности пяти внѣшнихъ чувствъ и которой мы надѣемся посвятить особый отдѣлъ въ слѣдующемъ томѣ.

7. Безъ средства удерживать въ душѣ идеи, выработанныя въ разсудочномъ процессѣ, мы никогда не могли бы распоряжаться этимъ ак-

томъ, и онъ совершался бы въ насъ совершенно пассивно, какъ совершается въ животныхъ, сколько можно судить по проявленіемъ его въ ихъ дѣятельности. Еслибы душа наша *не усвоивала идей*, можетъ быть видоизмѣняя и развивая ими свои прирожденныя требованія, то весь ея разсудочный процессъ условливался бы единственно явленіями внѣшняго для нея міра, при чемъ послѣдовательное развитіе души было бы невозможно.

Значеніе слова.

8. Значеніе *слова* для разсудочнаго процесса также громадно. Слово выражаетъ собою *понятіе*, но *не идею*; ибо какъ слово, такъ и понятіе, облеченное въ слово, служатъ только для выраженія идеи, которая лежитъ всегда *между* словами, выражается въ подборѣ словъ, но не въ словахъ. Идея можетъ выражаться не только въ подборѣ словъ, но и въ подборѣ чувственныхъ образовъ; но какъ медленно и трудно совершался бы нашъ разсудочный процессъ, если бы человѣкъ, не обладая даромъ слова, источникъ котораго мы отыщемъ впослѣдствіи, былъ вынужденъ думать образами и психо-физическими понятіями, а не словами!

9. Мы уже видѣли, что понятіе долго не можетъ оторваться отъ тѣхъ представленій, изъ которыхъ оно составилось; оно даже вовсе не могло бы отъ нихъ оторваться и навсегда осталось бы въ нашей душѣ чѣмъ то смутнымъ и мелькающимъ въ толпѣ представленій, еслибы человѣкъ не обладалъ духовною, ему исключительно принадлежащею способностію—облекать понятія въ слово, налагать на понятіе новый, произвольный значекъ, называемый словомъ, и тѣмъ самымъ оканчивать и завершать процессъ образованія понятія, начинающійся, но никогда неоканчивающійся, и не завершающійся въ животномъ. Между представленіями, составившими понятіе и между словомъ, выражающимъ это понятіе, нѣтъ, по большей части, ничего общаго. Слова звукоподражательныя составляютъ въ языкѣ исключеніе, и чѣмъ болѣе развитъ языкъ, тѣмъ меньшую роль играютъ они въ немъ. Несравненно большая часть словъ является для насъ чисто произвольными значками, которые духъ нашъ наложилъ на понятія, чтобы имѣть дѣло съ этими коротенькими значками понятій, а не съ цѣлыми роями представленій, изъ которыхъ понятія возникли. Если во многихъ словахъ и есть что-нибудь совершенно непроизвольное, то это, по большей части, оттѣнокъ того внутренняго чувства, которое возбуждалось въ насъ предметами и явленіями, послужившими къ образованію понятій. Во многихъ словахъ подмѣчаются эти оттѣнки чувства, участвовавшаго при ихъ созданіи; но это уже не есть что-нибудь внѣшнее для души, но ея собственное, и потому не смущаетъ нашего сознанія, какъ чуждое, но встрѣчается имъ, какъ нѣчто знакомое, родное.

10. Не нужно много наблюдательности, чтобы видѣть, какъ слова облегчаютъ и сокращаютъ разсудочный процессъ. Процессъ мышленія,

какъ мы уже замѣтили выше, весь совершается въ словахъ, тогда какъ процессъ воображенія весь совершается въ представленіяхъ. Разложите самое короткое сужденіе, напримѣръ: «этотъ человѣкъ богатъ» на всѣ представленія, изъ которыхъ составились эти три слова и ихъ связь, и вы оцѣните всю необычайную концентрирующую силу языка. Въ одномъ словѣ «дерево», «животное», «камень», множество наблюденій, опытовъ, сравненій, понятій, разсудочныхъ процессовъ; но невозможно измѣрить то короткое мгновеніе, которое нужно сознанію, чтобы оно могло сознать значеніе любаго изъ этихъ словъ. Изъ этого уже выходитъ, какъ содѣйствуетъ слово къ производительности сознанія при тѣхъ же ограниченныхъ его средствахъ.

11. Намъ также трудно представить себѣ мышленіе безъ словъ, какъ трудно зрячему представить работу воображенія у слѣпыхъ, не обладающихъ способностію представленія красокъ, свѣта и тѣни, и воспроизводящихъ формы тѣлъ безцвѣтными продуктами мускульнаго чувства и осязанія. Это-то ощущеніе тѣсной связи мысли и слова заставило Руссо сказать: «общія идеи не могутъ войти въ разумъ иначе, какъ съ помощью словъ, и пониманіе овладѣваетъ ими только въ предложеніяхъ. Вотъ одна изъ причинъ, почему животныя не могутъ образовывать общихъ идей (понятій) и достичь того совершенства, которое отъ этихъ идей зависитъ». Мы уже видѣли, что это мнѣніе не совершенно справедливо, и что понятія, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто въ родѣ ихъ образуются и у животныхъ; но процессъ этого образованія оканчивается только въ словахъ, такъ что мышленіе, въ полномъ, *человѣческомъ* смыслѣ слова, совершается только въ словахъ, и слово является главнымъ средствомъ человѣческаго развитія, котораго животное безсловесное, при чувствахъ, иногда гораздо болѣе тонкихъ, и при сознаніи, столь же ясномъ, достигнуть же можетъ.

12. Вотъ причина, почему слѣпые, не смотря на то, что весь *видимый* міръ закрытъ для нихъ, развиваются часто до высокой степени нравственнаго и умственнаго совершенства, тогда-какъ глухонѣмые, видящіе весь міръ, показываютъ всѣ печальные признаки преобладанія животныхъ наклонностей. Вайцъ, полемизируя противъ «чистыхъ понятій» Канта и доказывая, что все создается въ человѣкѣ изъ внѣшнихъ ощущеній, приводитъ въ примѣръ слѣпорожденныхъ и глухонѣмыхъ и ставитъ ихъ совершенно неправильно въ одинаковое отношеніе къ развитію [1]; но опытъ показываетъ совершенно противное, и доказываетъ, напротивъ, что духовное, внутреннее орудіе, *слово* имѣетъ для человѣка гораздо больше значенія, чѣмъ внѣшнее орудіе—зрѣніе.

13. Изъ этого уже можно заключить, какую важную роль играетъ слово въ нашемъ умственномъ и нравственномъ развитіи и какой великой подарокъ дѣлаютъ глухонѣмымъ, пріучая ихъ налагать произвольные значки на понятія и тѣмъ самымъ заканчивать образованіе понятій,

[1]) Lehrb. der Psych. § 46.

безъ чего разсудокъ этихъ несчастливцевъ остался бы навсегда на степени разсудка животныхъ. Понятно, почему одинъ глухонѣмой, выучившійся говорить [1]), читать и писать, будучи подъ вліяніемъ новаго для него чувства, назвалъ мышленіе «внутреннимъ разговоромъ» [2]). Мы забываемъ то время, когда еще не обладали этимъ «внутреннимъ разговоромъ» и когда все мышленіе наше совершалось въ представленіяхъ; но у глухонѣмаго это положеніе мышленія было еще въ памяти, и онъ созналъ живо всю благодѣтельную перемѣну, какую обладаніе словомъ вноситъ въ процессъ мышленія. Слово въ высшей степени концентрируетъ матерьялы сознанія и тѣмъ самымъ допускаетъ ихъ одновременное обозрѣніе сознаніемъ; оно же сберегаетъ въ памяти плоды разсудочнаго процесса въ самой сжатой, концентрированной формѣ. Въ иномъ словѣ сокращена исторія неисчислимаго множества душевныхъ процессовъ.

14. Въ заключеніе этой главы обратимъ еще вниманіе на то, что идея и слово, эти могущественныя средства, вносимыя духомъ въ разсудочный процессъ, служатъ не только средствами этого процесса, но и вѣрно сохраняютъ въ себѣ его результаты. Достигнувъ до идеи, плодъ разсудочнаго процесса дѣлается не только актомъ духа, но вносится въ него, какъ новая его способность: идеями питается духъ и въ нихъ происходитъ его развитіе, предѣлъ котораго, какъ мы вѣримъ, не ограничивается предѣлами земной жизни, иначе самое развитіе духа—высшій процессъ въ природѣ—являлось бы чѣмъ то безцѣльнымъ и ненужнымъ.

15. Другой плодъ разсудочнаго процесса, который вызрѣваетъ въ немъ подъ вліяніемъ духа человѣческаго, есть *слово*. Этотъ плодъ такъ же не умираетъ, онъ переходитъ въ языкъ народа, дѣлается живымъ атомомъ этого могучаго, вѣрно развивающагося организма, и такимъ образомъ слово, добытое въ разсудочномъ процессѣ нашими отдаленнѣйшими предками, передѣланное въ процессѣ сознанія нашихъ дѣдовъ и отцевъ, со всѣми слѣдами своего сознанія и своей многовѣковой передѣлки въ тысячахъ поколѣній, достигнетъ къ нашимъ потомкамъ и пробудитъ въ нихъ понятія, идеи и чувства, которыя создавали и развивали это слово. Такимъ образомъ, прикопляется вѣками и работою безчисленныхъ поколѣній духовное богатство человѣка и въ личностяхъ Несторовой лѣтописи мы узнаемъ прародителей нашихъ не только по плоти, но и по слову, по слову и по духу: они начали выработку тѣхъ самыхъ идей, которыя мы продолжаемъ развивать и которыя, судя по аналогіи съ нами, будутъ развивать наши дѣти и внуки.

---

[1]) Конечно, такъ, какъ говорятъ глухонѣмые, т. е. не слыша своихъ собственныхъ словъ, а руководясь при этомъ только мускульными ощущеніями движеній органовъ языка.

[2]) Empyr. Psych. von Drobisch, § 159.

ГЛАВА XLVI.

Противорѣчія, вносимыя духомъ въ мышленіе.

1. Разсудочный процессъ въ человѣкѣ отличается не только средствами своего развитія, но и *вопросами*, которые онъ рѣшаетъ. Весь разсудочный процессъ у животныхъ, на сколько мы можемъ судить о немъ по его проявленію въ дѣйствіяхъ, направленъ единственно къ разрѣшенію вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей тѣла. Какъ только потребности эти удовлетворены, такъ и разсудочный процессъ у животныхъ прекращается до тѣхъ поръ, пока потребности, съ общимъ ходомъ органическаго растительнаго процесса, не возобновятся. Не то мы видимъ въ человѣкѣ. Вмѣстѣ съ потребностями матерьяльными, а еще болѣе по удовлетвореніи ихъ, пробуждаются въ немъ потребности духовныя, и разсудокъ не успокоивается на рѣшеніи вопросовъ, возникающихъ изъ жизни тѣла, но начинаетъ рѣшать вопросы, необъяснимые изъ тѣлесныхъ потребностей. Животное также наблюдаетъ явленія и дѣлаетъ опыты, составляетъ изъ нихъ понятія, сужденія и умозаключенія, но все это на столько, на сколько вынуждается къ тому вопросами тѣла, выражающимися въ формѣ тѣлесныхъ потребностей: голода, жажды, холода, инстинкта самосохраненія, размноженія и потребности движенія:—вотъ въ какой формѣ выражаются эти вопросы животной жизни, для разрѣшенія которыхъ работаетъ и слѣпой инстинктъ, и сознаніе животнаго. Но въ разсудочномъ процессѣ человѣка мы встрѣчаемъ и другіе вопросы, не выходящіе изъ потребностей физической жизни, но надъ рѣшеніемъ которыхъ тѣмъ не менѣе трудится разсудокъ человѣка, не успокоивающійся и по удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей. Рѣшеніе этихъ-то, не изъ тѣла идущихъ вопросовъ, заставляетъ дикаря украшать свое тѣло перьями, татуировкой, раковинами, прежде чѣмъ онъ выучится прикрывать его отъ вредныхъ вліяній температуры [1]). Оно же побуждаетъ его слагать пѣсню, выдалбливать дудку, выдѣлывать идола, съ большимъ трудомъ, изъ камня или изъ дерева,—заботиться объ умершихъ родныхъ больше, чѣмъ онъ заботился о нихъ, когда они были живы, приносить жертвы, часто кровавыя и отвратительныя и т. п., словомъ, рѣшать своимъ разсудкомъ такіе вопросы, которые вовсе не объясняются потребностями физической жизни. На этой ступени своего развитія человѣкъ *кажется* даже глупѣе животнаго, заботясь о пустякахъ, когда не удовлетворены существенныя его потребности, украшая цвѣтными раковинами тѣло, дрожащее отъ холода или изнывающее отъ зноя, добиваясь

[1]) Ссылаемся въ этомъ случаѣ на психолога съ нескрываемымъ матеріялистическимъ направленіемъ. «Факты дикой жизни, говоритъ Гербартъ Спенсеръ, показываютъ, что украшенія, по порядку времени, предшествуютъ платью, и что въ началѣ одежда развилась изъ украшеній». (Education intellectual, moral and physical, by Herb. Spencer. Lond. 1851. § 1, 2).

съ большимъ трудомъ такихъ предметовъ, которые не приносятъ ему ни малѣйшей пользы, создавая себѣ небывалые страхи или налагая насебя тяжелыя, совершенно безполезныя обязанности. Но не ясно ли показываетъ все это уже въ дикарѣ, что разсудокъ человѣка, при самомъ началѣ своего развитія, побуждается къ дѣятельности не одними вопросами, выходящими изъ потребностей тѣла, но какими то другими, выходящими изъ чего-то такого, чего нѣтъ у животныхъ. Уже дикаря мучитъ это *что-то такое*, чего нѣтъ у животныхъ, спокойно засыпающихъ по удовлетвореніи своихъ матеріяльныхъ потребностей и требованій инстинкта. Вотъ эти-то *вопросы* или *задачи*, выходящія *откуда-то* извнутри человѣка и проявляющіяся такъ дико на первыхъ ступеняхъ разсудочнаго развитія, не даютъ остановиться этому развитію, (какъ останавливается оно у животныхъ) и ведутъ его все впередъ и впередъ.

2. Мы, конечно, не будемъ входить здѣсь въ объясненіе происхожденія *религіозныхъ*, *нравственныхъ* и *эстетическихъ* стремленій въ человѣкѣ, хотя эти стремленія и придаютъ особый характеръ его разсудочному процессу: это составитъ содержаніе *третьей* части нашей «Антропологіи». Но мы не можемъ не сказать и здѣсь нѣсколькихъ словъ о тѣхъ духовныхъ вліяніяхъ, которыя придаютъ разсудочному процессу его вѣчное, неустанное движеніе въ розысканіи истины. Не упомянувъ, хотя коротко, объ этихъ вліяніяхъ, мы оставили бы ложную тѣнь на всемъ разсудочномъ процессѣ, чтб могло бы повести ко многимъ недоразумѣніямъ. Стремленія религіозныя, нравственныя и эстетическія направляютъ разсудочный процессъ, совершающійся въ человѣкѣ и человѣчествѣ, къ различнымъ цѣлямъ, не выходящимъ изъ потребностей матеріяльной жизни, но сами не входятъ въ него, принадлежа болѣе къ области *внутренняго чувства*, чѣмъ *сознанія*. Но есть *умственныя духовныя стремленія*, которыя прямо дѣйствуютъ на разсудочный процессъ и срываютъ его со всякой ступени, достигнувъ которой, онъ могъ бы остановиться. Эти духовныя умственныя стремленія мы знаемъ только въ формѣ странныхъ *непримиримыхъ противорѣчій*, появляющихся *откуда-то*, *только не изъ опыта и наблюденія*, въ разсудочномъ процессѣ человѣка. Естественно, что мы указываемъ источникъ этихъ стремленій *въ духѣ*, потому что этимъ именемъ мы приняли называть совокупность особенностей, отличающихъ психическую дѣятельность человѣка отъ такой же дѣятельности у животныхъ. Но прежде чѣмъ мы разсмотримъ эти противорѣчія, намъ слѣдуетъ указать, какимъ образомъ противорѣчія могутъ двигать разсудочный процессъ все впередъ и впередъ.

3. Сознаніе наше, какъ мы уже видѣли, не терпитъ противорѣчій: это его существенное свойство.—«Главное стремленіе разсудка, говоритъ Бэнъ, состоитъ въ изгнаніи всѣхъ противорѣчій изъ души, и только вліяніе чувства мѣшаетъ этой работѣ разсудка» [1]). Это весьма вѣрная

[1]) The Senses and the Intellect. p. 583, 584.

замѣтка Бэна, но только высказана она не вполнѣ и не объяснена причина этого явленія. Сознаніе, дѣйствительно, по самому существу своему, все приводитъ къ высочайшему единству. какъ мы уже показали это [1]), а потому не терпитъ противорѣчій въ своемъ содержаніи и стремится удалить ихъ, такъ-что слабость разсудочнаго процесса въ иныхъ людяхъ обнаруживается именно тѣмъ, что въ ихъ выводахъ существуютъ противорѣчія, которыхъ они не замѣчаютъ. Но если бы Бэнъ внимательно всмотрѣлся, откуда входятъ въ разсудокъ эти противорѣчія, то онъ увидѣлъ бы, что они выходятъ не изъ однихъ опытовъ надъ внѣшнимъ міромъ, которымъ онъ хочетъ объяснить все, но также *откуда то изнутри*, и что, тогда какъ противорѣчія, вносимыя въ разсудочный процессъ внѣшнимъ міромъ, легко примиряются, съ чѣмъ вмѣстѣ и разсудочный процессъ пріостанавливается, — противорѣчія, входящія въ разсудочный процессъ *изнутри* человѣка, никогда не примиряются и безпрестанно поддерживаютъ дѣятельность этого процесса. Вотъ почему, а не отъ одного только обладанія даромъ слова, разсудочный процессъ у человѣка не останавливается на первыхъ ступеняхъ своего развитія, какъ останавливается онъ у животныхъ.

4. Встрѣчая въ себѣ *противорѣчія*, сознаніе стремится или удалить ихъ, или разрѣшить, т. е. примирить. *Удалить* противорѣчія, не заниматься ими,—не всегда во власти человѣка; а *примиренія* часто бываютъ только кажущимися и временными и остаются лишь до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не откроетъ противорѣчій въ собственныхъ своихъ примиреніяхъ, сравнивая ихъ съ другими понятіями, или другими такими же примиреніями, сдѣланными имъ въ другой области мышленія. Тогда опять открывается противорѣчіе и опять является стремленіе примирить его или прочно, т. е. изученіемъ фактовъ, или хотя временно—созданіями фантазіи. На этой особенности разсудочнаго процесса въ человѣческомъ сознаніи основывается извѣстный діалектическій пріемъ Гегеля, состоящій въ томъ, что мыслитель, подвергая анализу какой-нибудь предметъ, открываетъ въ понятіи его противорѣчіе, примиряетъ это противорѣчіе въ высшемъ понятіи, которое при анализѣ снова распадается на противорѣчія и т. д. Этотъ пріемъ не новъ, онъ употреблялся уже Сократомъ и Аристотелемъ. Гегель только поставилъ его на первое мѣсто въ философскомъ мышленіи. Мы можемъ отвергать выводы, которые Гегель добывалъ этимъ методомъ; мы можемъ находить, что Гегель злоупотреблялъ имъ, что противорѣчія, имъ находимыя, натянуты и лишены основанія, что примиреніе многихъ противорѣчій—только кажущееся; но самаго метода мы отвергнуть не можемъ, потому-что онъ основанъ на коренной психической особенности нашей. Теперь взглянемъ на самыя эти *противорѣчія*, вводимыя духомъ человѣка въ разсудочный процессъ.

---

[1]) См. выше гл. XXI, п. 13.

ГЛАВА XLVII.

Противорѣчіе идеи причины и идеи свободы.

Противорѣчіе причины.

1. Мы уже нѣсколько знакомы съ противорѣчіемъ причины [1]), но считаемъ не лишнимъ выяснить его еще болѣе. Животное точно также, какъ и человѣкъ, замѣчаетъ связь между явленіями, и въ явленіяхъ, постоянно предшествующихъ другимъ явленіямъ, можетъ признать причины, а въ явленіяхъ, постоянно слѣдующихъ за первыми, послѣдствія. Этимъ только можно объяснить многія разсудочныя дѣйствія животныхъ, когда они, наученныя опытомъ, отвращаютъ причины, послѣдствія которыхъ имъ не нравятся, или вызываютъ причины, послѣдствіями которыхъ желаютъ воспользоваться. Но какъ только желаніе животнаго удовлетворено, такъ и его изслѣдованіе причинъ прекращается. Животное, если можно такъ выразиться, вѣритъ въ безпричинность явленій. и только изъ случайныхъ опытовъ, узнавъ причины *нѣкоторыхъ* явленій, пользуется своимъ знаніемъ для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Не такъ поступаетъ человѣкъ: узнавъ по опыту причины *не многихъ явленій и не видя причинъ гораздо большаго числа* другихъ, онъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ вѣрить, что нѣтъ явленій безъ причины,—отыскиваетъ причину за причиною, а гдѣ не находитъ ихъ, тамъ предполагаетъ, или сознается, наконецъ, что причина ему неизвѣстна, но не хочетъ успокоиться на томъ, что есть явленія безъ причины. Откуда же берется эта увѣренность, противорѣчащая опытамъ и наблюденіямъ, которыя показываютъ намъ гораздо болѣе явленій безъ причинъ, нежели съ причинами? Конечно ужъ не изъ опытовъ и наблюденій, которыя противорѣчатъ этой увѣренности, предшествующей всякимъ опытамъ. Не выражаютъ ли намъ самыя древнія мифологіи, что человѣкъ не вѣритъ въ вѣчность горъ и морей, существовавшихъ за долго до появленія человѣка, въ вѣчность солнца, которое обливало своимъ свѣтомъ землю, когда еще человѣка на ней не было, въ вѣчность звѣздъ, которыя свѣтили уже тогда, когда сама земля еще не отдѣлилась отъ массы солнца? Не естественнѣе ли всего было человѣку считать эти явленія вѣчными и безпричинными? Слѣдовательно, противорѣчіе идеи причины съ выводами опытовъ входитъ въ разсудочный процессъ откуда-то извнутри человѣческаго существа, т. е. изъ человѣческаго духа. Легко видѣть, какъ благодѣтельно дѣйствовало это противорѣчіе, вносимое духомъ въ разсудочный процессъ, на оживленіе этого процесса, на поддержаніе въ немъ безпрестанной дѣятельности и вообще на развитіе разсудка: отыскивая причину за причиною, человѣкъ создаетъ

[1]) См. выше гл. XXXIX.

науку и, уже побочнымъ образомъ, улучшаетъ свой матеріальный бытъ до той высокой степени, до которой не можетъ улучшить своего быта животное, хотя оно только и дѣлаетъ, что заботится объ удовлетвореніи своихъ матеріальныхъ потребностей.

Противорѣчіе личной свободы.

2. *Не признавая безпричинныхъ явленій*, хотя опытъ убѣждаетъ человѣка ежеминутно въ существованіи такихъ явленій, человѣкъ въ тоже время самымъ страннымъ образомъ противорѣчитъ самому себѣ и своей наукѣ—*признавая въ самомъ себѣ свободу воли, т. е. явленіе безъ причины.* Это убѣжденіе человѣка въ свободѣ своей воли такъ велико, что безъ ущерба себѣ выноситъ напоръ своихъ очевидныхъ доказательствъ, представляемыхъ разсудкомъ въ области всѣхъ наукъ, что свобода воли не существуетъ и что она невозможна, какъ явленіе безъ причины.

3. *Послѣдняя философская система* (гегелевская) уничтожаетъ свободу воли, хотя и хочетъ ловкимъ софизмомъ увернуться отъ этого. По мнѣнію этой системы свобода воли объясняется тѣмъ, что духъ человѣческій дѣйствуетъ не по чьимъ-нибудь чужимъ, а по *своимъ собственнымъ законамъ*, слѣдовательно, подчиняется только самому себѣ, а потому и свободенъ. Но если эти законы также неизбѣжны и неизмѣнны, какъ законы математическіе, то какая же это свобода? Конечно, эта философская система признаетъ, что духъ человѣческій самъ и предписываетъ себѣ эти законы, но это противорѣчитъ фактамъ другихъ наукъ. Геологія говоритъ, что было время, когда человѣкъ не существовалъ, а природа уже устроивалась и развивалась; но такъ-какъ въ природѣ, по сознанію гегелевской системы, тѣже законы, что и въ духѣ, то слѣдовательно законы развитія духа существовали прежде, чѣмъ существовалъ этотъ духъ, слѣдовательно, эти законы не его созданіе, и повинуясь имъ, онъ повинуется не самому себѣ, слѣдовательно — не свободенъ, и чѣмъ разумнѣе человѣкъ поступаетъ, тѣмъ не свободнѣе, а если поступаетъ не разумно, то также не свободенъ, ибо подчиняется страстямъ, вліяніямъ тѣлеснаго организма и внѣшнихъ обстоятельствъ. Вотъ почему гегелевская система *вычеркивала геологію изъ списка наукъ*. Гегелевская философія не могла признать, что было время, когда не было человѣка (субъективнаго духа): признавъ это, она разрушилась бы до основанія.

4. *Послѣдняя психологическая система* (система Бенеке), слагая всѣ психическія явленія изъ *слѣдовъ* ощущеній, независящихъ отъ человѣка, тѣмъ самымъ уже уничтожила всякую возможность свободы воли. Всякое человѣческое *желаніе* и всякое *хотѣніе*, словомъ, всякій *актъ воли*, объясняется слѣдами, изъ которыхъ онъ составился: онъ есть необходимый результатъ этихъ слѣдовъ, слѣдовательно, появляется также

несвободно, какъ несвободно вспыхиваетъ порохъ отъ упавшей на него искры.

5. Объ *естественныхъ наукахъ* и говорить нечего. Самое выдающееся стремленіе въ ихъ современномъ направленіи состоитъ именно въ томъ, чтобы объяснить всѣ психическіе акты, и разума, и воли, законами матеріи, которые конечно исключаютъ всякое понятіе о свободѣ. Не говоря уже о матеріалистическихъ тенденціяхъ доказать, что поступокъ человѣка зависитъ отъ того, что онъ съѣлъ и выпилъ; но и въ книгахъ гораздо серьезнѣйшаго содержанія мы видимъ тоже самое стремленіе, хотя оно и не выражается въ такой цинической и грубой формѣ.

6. Въ наукахъ *историческихъ* замѣтно тоже стремленіе объяснить всѣ дѣйствія человѣка и народовъ неизмѣнными законами природы. *Статистика* указываетъ на равномѣрное распредѣленіе въ каждомъ году браковъ, самоубійствъ, даже писемъ безъ адресовъ, брошенныхъ по ошибкѣ въ почтовые ящики, и болѣе или менѣе ясно намекаетъ, что дѣйствія человѣческія, кажущіяся наиболѣе произвольными, суть только неизбѣжныя послѣдствія независящихъ отъ человѣка физическихъ причинъ.

7. Но, признавъ *всеобщую причинность* закономъ, не имѣющимъ исключеній, мы прямо выйдемъ на опасную и печальную дорогу *восточнаго фатализма*. Если всякое дѣйствіе человѣка есть только правильное слѣдствіе прежде существовавшей причины, а эта ближайшая причина опять есть только слѣдствіе предыдущихъ, дальнѣйшихъ, то такимъ образомъ мы неизбѣжно дойдемъ до положенія, что вся жизнь человѣка, всякая мысль его и всякій поступокъ опредѣлены уже до мельчайшей подробности прежде его рожденія на свѣтъ. Примѣняя къ человѣку то, что сказалъ Миль о цѣломъ мірѣ [1]), мы можемъ сказать при такомъ воззрѣніи, что если бы воротить человѣка къ минутѣ его рожденія, то онъ опять прожилъ бы такъ, какъ онъ прожилъ, и сдѣлалъ опять все тоже, что онъ сдѣлалъ. Не говоримъ уже о томъ, что при такомъ взглядѣ всякая отвѣтственность человѣка передъ своею совѣстью, передъ обществомъ и передъ закономъ будетъ лживымъ вымысломъ; но не подѣйствуетъ ли такое убѣжденіе вредно на самую дѣятельность человѣка? Развѣ восточное убѣжденіе въ фатализмѣ не имѣло такого дѣйствія?

8. Приведемъ по этому поводу поучительныя слова Вундта, который только яснѣе другихъ высказалъ, что кроется въ каждомъ ученіи, непризнающемъ въ душѣ человѣческой исключеній изъ закона причинности. Приступая къ изложенію ученія *о волѣ* или, вѣрнѣе сказать, *неволѣ человѣческой*, Вундтъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку:

«Прежде всего мы должны ясно выразить, что всѣ *нравственные моменты*, которые выводятся обыкновенно на арену борьбы за свободу воли, не имѣютъ здѣсь мѣста. Думаютъ, что *побудительныя причины*, склоняющія насъ принимать свободу человѣческой воли, суть

[1]) См. выше гл. XXXIX п. 16.

также и *доказательства* этой свободы. Это вполнѣ и совершенно несправедливо. Еслибы дѣло дѣйствительно было въ такомъ положеніи, что отрицаніе свободы воли подвергало бы опасности обязательность совѣсти и основы всей морали, и еслибы, несмотря на то, можно было дать доказательства, ясные какъ солнце, что воля не свободна, то наука, не обращая вниманія ни на что, должна была бы идти своей дорогой, не пугаясь истины». При этомъ, очень обыкновенномъ оборотѣ, употребляемомъ теперь особенно часто, невольно вспоминаются слова Руссо: «Никогда, говорятъ философы, истина не можетъ принести вреда людямъ. Я вѣрю въ это также, какъ и они, и думаю, что это самое можетъ служить сильнымъ доказательствомъ, что то, чему они учатъ, не истина» [1]).

Однакоже эта замѣчательная смѣлость скоро покидаетъ Вундта, и онъ спѣшитъ прибавить, что «къ счастью, дѣло совсѣмъ не въ такомъ дурномъ положеніи: одержитъ ли побѣду та или другая теорія — практика можетъ оставаться спокойною».

Въ чемъ же находитъ Вундтъ такое успокоеніе для практической жизни?

«Уже Кантъ сказалъ», говоритъ онъ далѣе, «что каждое существо, которое можетъ дѣйствовать не иначе, какъ при идеѣ свободы, потому самому уже совершенно свободно, въ практическомъ отношеніи, т. е. для него имѣютъ силу всѣ законы, которые нераздѣльно связаны съ свободою, точно также, какъ бы его воля сама по себѣ и согласно съ философскою теоріею была признана свободною». «*Несомнѣнный фактъ*», продолжаетъ Вундтъ далѣе, «*что мы обладаемъ сознаніемъ свободы*, дѣлаетъ невозможнымъ какой-бы то ни было фатализмъ, принимая даже, что самое это сознаніе свободы будетъ признано включеннымъ въ общую связь причинности» [2]).

9. Если это не пустыя фразы, нескрывающія въ себѣ *никакого* смысла, то что же это за два *антагонистическія* убѣжденія, уживающіяся мирно въ душѣ человѣка и не опрокидывающія другъ друга, когда по смыслу своему они должны бы необходимо вступить въ борьбу на жизнь и смерть? Для насъ этотъ вопросъ важенъ здѣсь не въ своемъ метафизическомъ, а въ своемъ психологическомъ значеніи, и потому мы имѣемъ право предложить Вундту и всѣмъ тѣмъ ученымъ, которые, не признавая свободы воли въ человѣкѣ, въ тоже время признаютъ въ немъ непоколебимость сознанія этой несуществующей свободы, слѣдующій вопросъ: къ какому же сорту существъ причисляютъ себя самихъ эти ученые? Если они тоже люди и къ нимъ примѣнимо то, что̀ они говорятъ вообще о людяхъ, то значитъ въ ихъ душѣ уживаются *два убѣжденія*, совершенно противорѣчащія другъ другу: *одно* — во всеобщей безъисключительной причинности, *другое* — въ свободѣ ихъ личной воли. Положимъ, вмѣстѣ съ Миллемъ, Вундтомъ и другими ни-

[1]) Emile, p. 355.

[2]) Thier- und Menschen-Seele. B. II. 25-ste Vorlesung. S. 400.

сателями того же направленія, что убѣжденіе въ причинности вытекло изъ наблюденій и опыта и окончательно есть плодъ науки, вездѣ открывающей причину; но второе.... *откуда взялось второе?* Откуда взялось оно и откуда почерпаетъ силу, чтобы противостоять всѣмъ опытамъ, наблюденіямъ, всѣмъ доказательствамъ науки во всѣхъ ея отрасляхъ? Неужели же и на это можно отвѣчать, что оно взялось изъ опытовъ, изъ наблюденій и науки, которымъ оно противорѣчитъ? Тогда уже нѣтъ нелѣпости, которой нельзя было бы утверждать, прибѣгая къ туманности фразъ тамъ, гдѣ нѣтъ смысла.

10. Однакоже, есть ли въ самомъ дѣлѣ доказательства, «ясныя, какъ солнце», что свобода воли въ человѣкѣ не существуетъ? Есть ли *фактическія* доказательства, что всякое рѣшеніе человѣческой воли имѣетъ предшествующую, необходимо условливающую его причину? Можемъ ли мы для всякаго человѣческаго рѣшенія указать такую безусловную причину въ прежнихъ дѣйствіяхъ человѣка, его жизни, образованіи, обстоятельствахъ или, наконецъ, въ его тѣлесномъ организмѣ? Надобно совершенно не знать границъ науки и въ особенности тѣсныхъ границъ современной физіологіи и психологіи, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно.

Отрицаніе свободы воли до сихъ поръ основывается на *увѣренности* въ безъисключительности закона причины, также не доказанной наукою, для которой остается еще много *явленій безъ причинъ*. Слѣдовательно, смотря на весь этотъ споръ съ психологической точки зрѣнія, мы выводимъ изъ него дѣйствительно *«ясный какъ солнце фактъ»*, что въ душѣ человѣка обнаруживаются два великія убѣжденія, прямо противорѣчащія одно другому: *убѣжденіе въ общей причинности явленій и убѣжденіе въ свободѣ личной воли человѣка. Одно изъ этихъ убѣжденій служитъ основаніемъ наукѣ, другое—практической дѣятельности человѣка и человѣчества.* Указать фактъ, подтверждаемый собственнымъ сознаніемъ каждаго человѣка, даже и того, кому, по какой бы то ни было причинѣ, этотъ фактъ не нравится— вотъ все дѣло психолога.

11. Но одинъ ли Вундтъ доказываетъ собственною личностью несостоятельность своего ученія? По какой-то странной, непонятной причинѣ именно тѣ личности, тѣ партіи и тѣ ученія, которыя теоретически отвергали свободу человѣческой воли, оказывались на практикѣ особенно ревнивыми къ охраненію этой свободы. Такъ протестантизмъ, и въ особенности кальвинизмъ, отвергавшіе свободу человѣческихъ поступковъ и принимавшіе предопредѣленность спасенія, оказывались на практикѣ ревностнѣйшими защитниками человѣческой свободы и суровыми гонителями притѣсненій всякаго рода, не смотря на ихъ предопредѣленіе. Такъ и въ новое время матеріалистическое ученіе, доказывающее нелѣпость идей личной свободы, и требованіе неограниченной свободы для всякой личности сходятся не только въ однихъ и тѣхъ же рядахъ по-

литическихъ дѣятелей, но часто въ одномъ и томъ же лицѣ и на страницахъ одной и той же книги.

12. Такъ неудержимо льются изъ области человѣческаго духа въ разсудочный процессъ два діаметрально противоположныя убѣжденія, изъ которыхъ каждое противорѣчитъ опытамъ и наблюденіямъ и, кромѣ того, оба противорѣчатъ другъ другу. Можно бы, кажется, показать исторически, какъ эти *великія противорѣчія*, вносимыя духомъ въ процессъ мышленія, могущественно двигали впередъ и науку, и практическую жизнь человѣка.

ГЛАВА XLVIII.

Противорѣчіе дуализма и монизма.

1. Не только психологическій анализъ, какъ мы старались показать во многихъ мѣстахъ нашей книги, но и само непосредственное чувство, присущее каждому изъ насъ, говоритъ намъ ясно о существованіи двухъ міровъ въ человѣкѣ: *душевнаго* и *матерьяльнаго*. Но человѣкъ, начиная мыслить, упорно отвергаетъ свидѣтельство собственнаго чувства и, переступая границы опыта, стремится вывести *матерьяльный міръ изъ душевнаго,* впадая въ крайность идеализма, или *душевный міръ изъ матерьяльнаго,* впадая въ крайность матерьялизма. Но психологія, основанная на фактахъ, должна удержаться отъ такихъ стремленій, переводящихъ ее въ область *трансцендентальной* философіи, т. е. философіи, которая переступаетъ за эту грань между матеріей и душою.

2. Вотъ какъ выражается потому поводу одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ физіологовъ и мыслителей нашего времени, не боясь упрека въ признаніи *дуализма,* къ которому, не смотря на дружные крики двухъ противуположныхъ партій, привела его благородная рѣшимость идти только туда, куда ведутъ ясные факты, а не туманныя гаданія:

«Безъ сомнѣнія, говоритъ Лотце, наука имѣетъ свой интересъ подводить все разнообразіе явленій подъ одинъ принципъ; но еще большій и существеннѣйшій интересъ всякаго знанія состоитъ въ томъ, чтобы сводить явленія къ тѣмъ условіямъ, отъ которыхъ они дѣйствительно зависятъ; а томительное стремленіе къ единству должно подчиниться признанію различныхъ основъ тамъ, гдѣ факты опыта не даютъ намъ никакого права выводить различное изъ одного и того же источника» [1]). «Можетъ быть, говоритъ Лотце нѣсколько далѣе, эта противуположность между тѣлеснымъ и душевнымъ бытіемъ не есть что-нибудь окончательное и непримиримое; но наша настоящая жизнь совершается въ мірѣ, въ которомъ эта противоположность еще не разрѣшена, и, не разрѣшенная, лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ мыслей и поступковъ. И на

---

[1]) Mikrokosmos. (1856). Erst. B. S. 161.

сколько неизбѣжна она въ жизни, на столько же неизбѣжна и въ наукѣ» [1]).

3. Такое открытое признаніе *дуализма* со стороны Лотце, который дошелъ къ нему столько же физіологическимъ изученіемъ, сколько и психологическимъ самонаблюденіемъ, требовало не мало независимости въ мысляхъ и благородной смѣлости въ характерѣ; потому что *дуализмъ*, признанный скептическимъ мышленіемъ Декарта, былъ потомъ ославленъ и осмѣянъ съ двухъ противуположныхъ лагерей. Идеалисты со времени Спинозы отвергали дуализмъ, какъ нелѣпость, потому что, признавъ его, они должны были бы отказаться отъ всѣхъ своихъ грандіозныхъ, но воздушныхъ построекъ; ибо всѣ эти постройки основывались на переступленіи грани, отдѣляющей душевныя явленія отъ явленій матерьяльнаго міра. Отказавшись же отъ этихъ построекъ, слѣдовало ограничиться фактами; а ни число ихъ, ни ихъ характеръ не удовлетворяли пылкому желанію объяснить все и построить міръ изъ одной идеи. Точно также отнесся къ дуализму и матерьялизмъ, и прежде всего отвергъ его, не фактами, а громкими фразами, конечно, ибо онъ стоялъ также на пути построекъ міра и матеріяльнаго и духовнаго, изъ немногихъ открытыхъ законовъ матеріи.

4. Мы могли бы показать, еслибы это было здѣсь у мѣста, что оба эти крайнія направленія современнаго мышленія, если не начались, то, по крайней мѣрѣ, получили особую силу и оживились философской системой самого Декарта; потому что въ необычайномъ геніи этого человѣка, который вмѣстѣ съ Бэкономъ стоитъ на границѣ средневѣковой и современной науки, дивнымъ образомъ соединялись *скептицизмъ*, *идеализмъ* и *матеріализмъ*, такъ-что каждое изъ этихъ направленій могло бы смѣло вести свое начало отъ Декарта, если бы не боялось встрѣтиться въ этомъ источникѣ съ другимъ направленіемъ, противуположнымъ и ненавистнымъ. Но какъ бы ни былъ *ославленъ дуализмъ*, мы убѣждены, что когда успокоятся страсти, когда наука привыкнетъ къ своему новому положенію, не въ тишинѣ кабинета, а въ шумѣ жизни, когда она, послѣ многихъ блужданій, твердо рѣшится основываться *только на фактахъ*, то прежде всего признаетъ фактъ несоединимости душевныхъ и матерьяльныхъ явленій, что не помѣшаетъ ей стремиться къ разрѣшенію этой несоединимости.

5. Но если въ наукѣ стремленіе преодолѣть дуализмъ тѣла и души, не достигая своей главной цѣли, тѣмъ не менѣе, часто двигало науку впередъ, то въ практической дѣятельности, къ области которой принадлежитъ и воспитаніе, невозможно выходить изъ принциповъ *искомыхъ*, но *неотысканныхъ*, какъ бы отысканныхъ, признавая стремленіе за нѣчто выполненное. Жизнь, съ которою имѣетъ дѣло воспитаніе, не укладывается ни въ какую одностороннюю теорію, и упрямый теоретикъ въ жизни есть самый непрактическій человѣкъ. Воспитатель

---

[1]) Ibid. S. 182.

долженъ смотрѣть на жизнь скорѣе съ той высоты, съ которой смотрѣли на нее величайшіе ея знатоки: Гомеръ, Тацитъ, Дантъ, Сервантесъ, Шекспиръ, Гете, чѣмъ сквозь какую-нибудь теорію, самолюбиво мечтающую, что ей удалось вывести изъ одного принципа всѣ явленія жизни, не смотря на ихъ кажущееся противорѣчіе.

6. Къ такому образу дѣйствій вынуждаетъ воспитателя спокойно-разумный взглядъ на прошедшее, знакомство съ исторіею вообще—и съ исторіею философскихъ системъ въ особенности. Сколько настроено было этихъ системъ въ одно послѣднее столѣтіе! И гдѣ онѣ? Конечно, послѣдняя, нынѣ господствующая система считаетъ себя уже *окончательною*; но развѣ гегелизмъ не считалъ себя еще недавно послѣднимъ словомъ, и не утверждалъ смѣло, что человѣчеству остается только развивать и разъяснять идеи Гегеля? Не въ такой же ли *модѣ* былъ передъ тѣмъ волтеріанизмъ? Мало ли было людей, увлеченныхъ даже легонькимъ волтеріанизмомъ?

7. Воспитатель съ зрѣлостью практическаго человѣка долженъ отнестись къ этимъ попыткамъ ума человѣческаго и знать хорошо, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія изъ нихъ, чтобы не увлечься ни одною. Мы вовсе не ободряемъ того презрѣнія, которое выказываетъ Руссо, приходя къ такому заключенію о философскихъ системахъ: «Si vous pesez les raisons (приводимыя этими системами), ils n'en ont que pour détruir; si vous comptez les voies, chacun est réduit à la sienne» [1]). Знаніе этихъ системъ, построенныхъ глубочайшими умами, не только просвѣтляетъ нашъ взглядъ на жизнь, освобождая его отъ множества предразсудковъ, но и спасаетъ насъ отъ постройки своей собственной, какой-нибудь узкой системы, давно уже сдѣлавшейся невозможною.

8. Мы совѣтовали бы воспитателямъ вдуматься въ слѣдующія слова одного изъ замѣчательнѣйшихъ экспериментаторовъ нашего времени: «Когда мы составляемъ въ наукахъ общую теорію, говоритъ Клодъ Бернардъ, то мы вполнѣ убѣждены только въ одной вещи—въ томъ, что всѣ эти теоріи, абсолютно говоря, ложны. Онѣ составляютъ только частныя и временныя истины, которыя необходимы намъ, какъ ступени, на которыхъ мы отдыхаемъ, чтобы идти далѣе въ изслѣдованіи, а слѣдовательно должны видоизмѣняться съ возрастомъ науки» [2]). Но если такія полныя, всеразрѣшающія системы опасны въ медицинѣ, о которой говоритъ здѣсь знаменитый французскій физіологъ, то во сколько разъ онѣ опаснѣе въ воспитаніи! Было ли бы хорошо, еслибы, лѣтъ тридцать тому назадъ, увлекшись гегелизмомъ, мы выбросили изъ нашихъ школъ и университетовъ все изученіе природы, основанное на опытѣ и наблюденіи, и замѣнили бы его гегелевскими и шеллинговскими фантазіями о природѣ? Какой бы громадный вредъ принесли мы тому самому поколѣнію, которое дѣйствуетъ теперь такъ блистательно въ

---

[1]) Emile, p. 297.

[2]) Введ. въ оп. мед. стр. 46.

области опытныхъ наукъ природы! Но этотъ же самый *опытъ*, опытъ историческій, долженъ удержать воспитателя и отъ того, чтобы не внести исключительно господствующаго нынѣ міросозерцанія въ воспитаніе молодыхъ поколѣній, и не причинить ему того самого вреда односторонности, отъ котораго уже столько разъ избавляли воспитаніе не теоріи *разсудка*, всегда увлекающагося собственными своими работами, но *практическій разумъ* человѣчества, спокойно и практически, изъ области жизни, глядящій на всѣ эти теоріи, какъ на неизбѣжныя односторонности, какъ на односторонніе порывы разсудка разрѣшить всѣ загадки міра.

9. Но, замѣтятъ намъ, развѣ дуализмъ не одна изъ теорій? Нѣтъ, это не теорія, а непосредственное чувство человѣка: одна изъ тѣхъ скалъ, о которыя бьется человѣческое сознаніе, стремящееся все привести къ единству, но которая до сихъ поръ остается непобѣдимою. Для психолога *стремленіе сознанія къ единству* и *непосредственное чувство дуализма въ человѣческой природѣ*, выражающееся въ актѣ вниманія, воспоминанія, воображенія, разсудка и произвола—суть только *психическіе факты и болѣе ничего*. И вотъ отъ этихъ фактовъ, а не отъ кажущагося ихъ примиренія долженъ отправляться воспитатель въ своей практической дѣятельности, опираясь *на то, что есть*, а не на то, *что было бы желательно видѣть*.

10. Вотъ основаніе, по которому мы считаемъ дуалистическое воззрѣніе на человѣка единственно возможнымъ и полезнымъ для педагога, потому что оно идетъ изъ всеобнимающей жизни, а не изъ одностороннихъ теорій науки. Взглядъ этотъ называютъ *картезіанскимъ*; но это названіе можетъ быть придано ему лишь на томъ же основаніи, по которому знаменитое cogito ergo sum приписываютъ Декарту. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ Декартъ только выразилъ и созналъ всю неизбѣжность для человѣка этихъ психическихъ фактовъ, дѣйствующихъ въ человѣчествѣ такъ давно, какъ только оно себя помнитъ, и продолжающихъ дѣйствовать, не смотря ни на какія теоріи, даже въ тѣхъ самыхъ личностяхъ, которыя строятъ эти теоріи. Величіе Декарта состоитъ именно въ томъ, что онъ вызвалъ наружу этихъ двухъ дѣятелей въ области психическихъ явленій и поставилъ ихъ лицомъ къ лицу во всей ихъ непримиримости — *стремленіе сознанія къ единству* и *неодолимое чувство дуализма*.

11. Обыкновенно упрекаютъ дуализмъ въ томъ, что онъ не рѣшаетъ вопроса о связи души и тѣла, а прибѣгаетъ для этаго къ вымысламъ въ родѣ «предустановленной гармоніи» Лейбница [1]). Но не трудно видѣть, что на сколько справедлива вторая половина этого упрека, на столько несправедлива первая. Дуализмъ дѣйствительно оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о средствахъ воздѣйствія души на тѣло и тѣла на душу; но развѣ вопросъ этотъ рѣшенъ? И объясняется ли

[1]) Grundriss der Psychologie von Volkmann. S. 34 и 35.

намъ возникновеніе психическихъ явленій изъ физическихъ или физическихъ изъ психическихъ, если мы становимся на точку зрѣнія матерьялизма или идеализма? «Странно», замѣчаетъ Руссо съ свойственнымъ ему здравымъ смысломъ: «что въ непостижимости соединенія двухъ субстанцій видятъ причину смѣшать обѣ субстанціи, какъ будто столь разнообразные процессы природы изъясняются лучше въ одной субстанціи, чѣмъ въ двухъ?» [1]) Напротивъ, какъ мы видѣли во многихъ мѣстахъ нашихъ психическихъ анализовъ, самые важные психическіе процессы становятся совершенно необъяснимыми, когда мы признаемъ одну субстанцію въ человѣкѣ, такъ-какъ въ этихъ процессахъ ясно ощущается нами борьба двухъ агентовъ [2]). Не лучше ли же видѣть вопросъ въ его нерѣшенности, чѣмъ закрыть его какою-нибудь произвольною теоріею?

12. Ни Декартъ, ни его ближайшіе послѣдователи, напримѣръ, Малебраншъ, не отвергаютъ дѣйствія тѣла на душу и души на тѣло. Напротивъ, самъ Декартъ, въ своей книгѣ «*О страстяхъ*», открываетъ обширнѣйшую область такому вліянію, старается изъяснить его и по большей части изъясняетъ физіологическими причинами, своими, теперь уже нѣсколько странными, «животными духами» (les ésprits animaux). Въ этомъ выражается вся неизбѣжность *теорій*, какъ только человѣкъ принимается за изъясненіе явленій природы; но воспитаніе, какъ практическая дѣятельность, можетъ основываться только на психическомъ фактѣ дуализма. *Монизмъ, какъ и вѣра въ причинность— основа науки; дуализмъ, какъ и вѣра въ личную свободу человѣка—основа всякой практической дѣятельности, а слѣдовательно— и воспитанія*. Но можно ли такъ раздѣлять *науку* и *жизнь*, о единствѣ которыхъ говорится почти въ каждой нѣмецкой ученой книгѣ? На это мы можемъ сказать только, что какъ бы ни былъ прискорбенъ этотъ фактъ раздѣленія *науки* и *практической* жизни, но во всякомъ случаѣ онъ лучше *вымышленнаго* ихъ соединенія, какъ незнаніе лучше ложнаго знанія. Жизнь можетъ пользоваться открытіями науки и дѣйствительно пользуется ими; но не можетъ раздѣлять временныхъ научныхъ міросозерцаній, которыя, по сознанію самыхъ добросовѣст-

---

[1]) Emile p. 305.

[2]) Замѣчательно мнѣніе Эйлера, высказанное по этому поводу: «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ великій математикъ, что этотъ міръ содержитъ два рода существъ: тѣлесныхъ или матерьяльныхъ и нематерьяльныхъ или духовныхъ, совершенно различной природы. Существа того и другаго рода тѣсно связаны между собою, и отъ этой-то связи происходятъ всѣ чудеса этого міра» (Lettres d'Euler. P. II. Let. XII. p. 247). На такое заключеніе факты не даютъ намъ никакого права; но тѣ же факты говорятъ ясно, что въ насъ двѣ природы, соединенныя непонятнымъ для насъ образомъ, и дѣйствительно изъ этого соединенія происходятъ удивительнѣйшія психо-физическія явленія.

нѣйшихъ и наименѣе увлекающихся жрецовъ науки, служатъ только почтовыми станціями въ ея движеніи впередъ, и *подмостками* при постройкѣ зданія, которыя будутъ разрушены, когда зданіе выстроится. Подождемъ же, когда оно будетъ выстроено, и не будемъ такъ близоруки, чтобы принимать безобразныя подмостки за самое зданіе. Вотъ на какомъ основаніи мы утверждаемъ, что воспитатель, какъ практическій дѣятель, можетъ быть спеціалистомъ въ наукѣ, но долженъ стоять выше своей спеціальности, приступая къ практикѣ. Въ наукѣ онъ можетъ увлекаться *разсудкомъ*, въ *воспитаніи* долженъ руководствоваться *разумомъ*.

ГЛАВА XLIX.

Разсудокъ и разумъ.

1. *Великія противорѣчія*, на которыя мы указали въ прошедшихъ главахъ, вносимыя духомъ въ разсудочный процессъ сознанія, сообщали и до сихъ поръ сообщаютъ ему неустанную энергію въ его движеніи впередъ, и впередъ. Къ чему стремится это вѣчное примиреніе непримиряющихся противорѣчій и вѣчное нахожденіе новыхъ противорѣчій въ томъ, что казалось примиреннымъ,—этого мы не знаемъ. Цѣль эта лежитъ внѣ человѣческой жизни и внѣ человѣческаго сознанія. Мы можемъ только констатировать фактъ такого психическаго явленія, описать его, показать результаты; но угадываніе его цѣли переходитъ уже въ область вѣры. Несомнѣнно только то, что, достигая этой невѣдомой цѣли, лежащей внѣ нашего временнаго существованія, мы достигаемъ множества побочныхъ цѣлей: наука наша идетъ впередъ, матерьяльный бытъ улучшается, общественный совершенствуется, человѣкъ развивается и умственно, и нравственно. Вотъ психологическая основа глубокаго евангельскаго изрѣченія: «ищите прежде всего царствія Божія, а все остальное приложится вамъ». Изрѣченіе это можетъ быть отнесено не только къ апостоламъ, которымъ оно было сказано, не только къ каждому отдѣльному человѣку въ его отдѣльной жизни, но и ко всему человѣчеству въ его историческомъ развитіи. Стремясь къ невѣдомой цѣли, и именно потому, что стремится къ этой невѣдомой цѣли и на столько, на сколько оно стремится къ ней, достигаетъ человѣчество по пути множетсва временныхъ цѣлей, обогащающихъ его разсудокъ, улучшающихъ его бытъ, совершенствующихъ его умственно и нравственно.

2. Однако же противу этого вѣчнаго движенія впередъ и впередъ къ невѣдомой цѣли часто возмущается животная природа человѣка. Тогда разсудокъ отказывается слѣдовать за таинственными указаніями духа, который, не щадя ни нашего самолюбія, ни нашей нетерпѣливости, говоритъ намъ только, что мы на пути, не говоря даже, близка или далека цѣль. Это вѣчное, обидное для самолюбія, сознаніе, что мы еще не тамъ, гдѣ должны бы быть, нерѣдко заставляетъ человѣка отказываться

отъ дальнѣйшаго движенія, останавливаться на станціи и располагаться на ней, какъ дома. Животная природа человѣка возмущается, *разсудокъ* вступаетъ въ права *разума*, хочетъ привести весь матерьялъ разсудочнаго процесса въ полную ясность, *выбросить* изъ него всѣ противорѣчія, которыхъ не можетъ разрѣшить, или спѣшитъ фантазіями, а не фактами объяснить необъяснимое, свести все въ простыя положенія разсудка, разстаться, наконецъ, съ этими мучительными, вѣчными противорѣчіями и сомнѣніями, и сдѣлать свою теорію неизмѣннымъ принципомъ практической жизни. Но что же выходитъ изъ такой рѣшимости? Временныя, всеобъясняющія теоріи, которыя въ данный моментъ кажется удовлетворяютъ всѣхъ, но въ слѣдующій же рушатся, оставляя пустоту въ душѣ, которую человѣкъ спѣшитъ наполнить новой теоріей, а жизнь идетъ все впередъ, колеблемая, но не сбиваемая съ пути временными увлеченіями разсудка. Наука руководится *разсудкомъ;* но жизнь руководится *разумомъ*, для котораго наука только средство, а не цѣль жизни.

3. Сущность сознанія, и слѣдовательно разсудочнаго процесса, состоитъ въ уничтоженіи безпрестанно вкрадывающихся въ него противорѣчій; но не такова сущность разума, который сознаетъ эти противорѣчія и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ неизбѣжность ихъ. Разсудокъ есть процессъ сознанія, а разумъ—сознаніе самаго этого процесса или, вѣрнѣе, самосознаніе разсудка. Разсудокъ есть совокупность фактовъ, пріобрѣтенныхъ сознаніемъ изъ опытовъ и наблюденій надъ внѣшнимъ міромъ. Въ разумѣ къ этому содержанію разсудка присоединяются еще наблюденія и опыты, которые сдѣлало сознаніе надъ собственнымъ своимъ процессомъ въ различныхъ областяхъ разсудочной дѣятельности—въ исторіи философскихъ и политическихъ системъ, въ исторіи цивилизаціи, въ исторіи религіи, въ исторіи самой науки, сводя всякую исторію и исторію вообще къ спокойному психическому анализу. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ заключать, что разумомъ обладаютъ только психологи, историки и философы ex officio. Всякій мыслящій человѣкъ непремѣнно историкъ, философъ и психологъ; всякій дѣлаетъ наблюденія надъ собственнымъ развитіемъ, надъ своими психическими процессами; всякій дѣлаетъ опыты въ психической сферѣ и выводы изъ этихъ опытовъ.

4. Разсудокъ есть плодъ *сознанія*; разумъ — плодъ *самосознанія*; сознаніемъ обладаютъ и животныя, но самосознаніемъ обладаетъ только человѣкъ. Вотъ почему анализъ разума намъ предстоитъ еще сдѣлать тогда, когда мы будемъ заниматься духовными особенностями человѣка: теперь же мы еще въ сферѣ его животной жизни, изъ которой насъ безпрестанно увлекаютъ впередъ тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ этой жизни духовными особенностями человѣка. Измѣненія же эти такъ велики, что только внимательный анализъ открываетъ въ животныхъ процессахъ, совершающихся въ человѣкѣ, сходство съ тѣми же процессами, совершающимися въ животныхъ: духъ передѣлываетъ на свой ладъ даже животный организмъ человѣка.

5. Въ теоріи можно еще жить однимъ *разсудкомъ;* но высшая

практическая дѣятельность требуетъ всего человѣка, и слѣдовательно требуетъ руководства *разума*. Это замѣчаніе, приложимое ко всей общественной, исторической дѣятельности человѣка, съ особенной силой относится къ дѣятельности *воспитательной*.

Воспитатель не ученый, не спеціалистъ въ наукѣ, не человѣкъ умозрѣній, а *практикъ*—и потому-то его намѣреніями и его дѣйствіями должны руководить не одностороннія увлеченія *разсудка*, стремящагося удалить противорѣчія и бросающаго временный мостъ изъ гипотезы тамъ, гдѣ еще нѣтъ перехода,—а всестороннее пониманіе *разума*, который видитъ современные *предѣлы знанія*. Этимъ-то спокойнымъ разумомъ прежде всего долженъ обладать тотъ *зрѣлый* человѣкъ, который беретъ на себя воспитаніе *незрѣлыхъ* поколѣній. Если спеціалистъ-естествоиспытатель стремится объяснить всѣ психическіе процессы изъ физическихъ и химическихъ явленій, то это увлеченіе можетъ принести полезные плоды; если метафизикъ стремится объяснить все изъ субъективной идеи, то онъ можетъ-быть подаритъ міръ нѣсколькими великими мыслями; если спеціалистъ-историкъ или статистикъ подводитъ все подъ какой-нибудь одинъ законъ, положимъ, хоть подъ законъ вліянія природы на человѣка, то въ своей односторонности онъ можетъ подвинуть науку впередъ, расширить область человѣческихъ знаній. Но если *воспитатель* увлечется какимъ-нибудь изъ этихъ одностороннихъ стремленій, то кромѣ вреда онъ ничего не принесетъ своимъ воспитанникамъ, которыхъ онъ готовитъ не для спеціальной науки, а для всеобнимающей жизни. Въ практической жизни русская пословица—«умъ безъ разума бѣда» имѣетъ большое значеніе, а особенно въ дѣлѣ воспитанія. Изъ этого уже видно, какъ противорѣчатъ сами себѣ тѣ, которые въ одно и тоже время вооружаются противъ различныхъ увлеченій въ школахъ и противъ спеціальнаго приготовленія воспитателей къ своему дѣлу, полагая, что каждому учителю достаточно быть хорошимъ спеціалистомъ въ своемъ предметѣ [1]). Пояснимъ это отношеніе воспитателя къ наукѣ примѣромъ, взятымъ изъ самыхъ современныхъ вопросовъ.

7. Самое характеристическое явленіе науки двухъ послѣднихъ десятилѣтій есть необычайное усиленіе и распространеніе естествознанія; а вмѣстѣ съ тѣмъ и промышленная дѣятельность народовъ расширилась и пріобрѣла такое значеніе, какого не имѣла никогда. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на этотъ фактъ, но не признать его никто не можетъ, и во всякомъ случаѣ жизнь человѣчества сдѣлаетъ безспорный прогрессъ, если ею будетъ руководить болѣе промышленный и торговый разсчетъ, чѣмъ властолюбіе, слѣпой фанатизмъ, національныя гордости и ненависти. Однако разумный воспитатель не увлечется этимъ

---

[1]) Миль и Контъ совершенно справедливо видятъ большое зло въ «разрозненной спеціальности» современныхъ ученыхъ (Дж. Ст. Миль. О. Контъ. Стр. 86); но нигдѣ это зло не приноситъ такого вреда, какъ въ воспитаніи.

движеніемъ времени. Зная человѣческую природу, понимая хорошо, что удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей не есть еще удовлетвореніе *всѣхъ* потребностей человѣка, что человѣкъ живетъ не для того, чтобы ѣсть и одѣваться, но для того одѣвается и ѣстъ, чтобы жить, воспитатель не оставитъ неразвитыми высшихъ душевныхъ и духовныхъ потребностей человѣка и сдѣлаетъ девизомъ своей воспитательной дѣятельности слова Спасителя: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будеши.* Но если воспитатель останется глухъ и нѣмъ къ законнымъ требованіямъ времени, то самъ лишитъ свою школу жизненной силы, самъ добровольно откажется отъ того законнаго вліянія на жизнь, которое принадлежитъ ему, и не выполнитъ своего долга: не приготовитъ новаго поколѣнія для жизни, а оставитъ ей, во всей ея пестротѣ, неурядицѣ и часто безобразіи, *довоспитывать* воспитанниковъ его несовременной школы. Школѣ не опрокинуть жизни; но жизнь легко опрокидываетъ дѣятельность школы, которая становится поперегъ ея пути. Школа, противящаяся жизни, сама виновата, если не внесетъ въ нее тѣхъ благодѣтельныхъ умѣряющихъ вліяній, которыя можетъ и обязана внести, тѣхъ *разумныхъ* элементовъ, подъ сѣнію которыхъ должны обезпечиться отъ ѣдкой остроты жизни и ея безпрестанныхъ временныхъ увлеченій — какъ нѣжное беззащитное дѣтство, такъ и не окрѣпшая еще, пылкая юность.

8. Успѣхи естественныхъ наукъ, характеризующіе наше столѣтіе, идутъ не только вширь, но и въ глубь. Число знаній человѣка о природѣ не только увеличилось въ громадныхъ размѣрахъ, но и сами эти знанія все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ *научную* форму, способную развить человѣка умственно не менѣе, а можетъ быть и болѣе, чѣмъ прежніе пріемы и методы такъ называемаго формальнаго развитія. Неужели же школа останется какъ бы не знающею о такой реформѣ въ наукѣ и жизни и будетъ идти своимъ прежнимъ, устарѣлымъ ходомъ, забывая, что то, что̀ было современнымъ и полезнымъ, можетъ сдѣлаться несовременнымъ, неполезнымъ, а потому и вреднымъ? Если бы европейская школа шестнадцатаго столѣтія осталась глуха и нѣма къ реформамъ, совершавшимся тогда въ жизни, и къ возобновленію науки изъ классическихъ источниковъ, то хорошо ли бы она сдѣлала? Почему же будетъ хорошо, если современная школа ничѣмъ не отзовется на глубокую реформу, совершающуюся теперь въ той же жизни и въ той же европейской наукѣ?

Реформа эта, какъ всякая глубокая умственная и моральная реформа, не могла совершиться безъ борьбы, а борьба не могла не сопровождаться увлеченіями всякаго рода, и наполнила этими увлеченіями и головы, и книги, перемѣшивая полезное съ вреднымъ и истинное съ ложнымъ. Неужели же воспитатель выполнитъ свое дѣло, только отвернувшись отъ той самой жизни, для которой долженъ приготовить своихъ воспитанниковъ? Но точно также не выполнитъ онъ своей обязанности и тогда, если будетъ безъ разбора вносить въ свою школу все, что покажется ему по-новѣе и по-занимательнѣе. Въ первомъ случаѣ онъ сдѣлаетъ школу учрежденіемъ безсильнымъ и безполезнымъ, а во второмъ—со-

вершенно разрушить ее. Мы же думаемъ, что истинный воспитатель долженъ быть посредникомъ между школою, съ одной стороны, и жизнью и наукой, съ другой; онъ долженъ вносить въ школу только дѣйствительныя и полезныя знанія, добытыя наукою, оставляя внѣ школы всѣ увлеченія, неизбѣжныя при процессѣ добыванія знаній. Онъ долженъ выводить изъ школы въ жизнь новыя поколѣнія, неиспорченныя, незанятыя мѣняющимися увлеченіями жизни, но вполнѣ готовыя къ борьбѣ, которая ихъ ожидаетъ. Напрасно бы надѣялся воспитатель на силу одного *формальнаго* развитія. Психическій анализъ показываетъ ясно, что *формальное развитіе разсудка*, въ томъ видѣ, какъ его прежде понимали, есть *несуществующій призракъ*, что разсудокъ развивается только въ дѣйствительныхъ реальныхъ знаніяхъ, что его нельзя *наломать*, какъ какую-нибудь стальную пружину, и что самый умъ есть ничто иное, какъ хорошо организованное знаніе. Но если, съ другой стороны, внести въ школу естествознаніе со всѣми увлеченіями, которыми сопровождались его порывы впередъ, со всѣми безобразными фантазіями и преувеличенными надеждами, словомъ внести въ школу не зрѣлую мысль, а самую борьбу мысли во всемъ ея случайномъ безобразіи, то это значитъ разрушить школу и оставить беззащитныхъ дѣтей посреди поля, гдѣ кипитъ битва взрослыхъ людей со всѣми ея отвратительными случайностями. И не можетъ ли случиться (да и не случалось ли уже иногда?), что какое-нибудь увлеченіе, которое наставникъ поспѣшилъ внести въ школу, отживетъ свой вѣкъ даже въ умѣ самого наставника прежде, чѣмъ дѣти, которымъ онъ передалъ его, окончатъ курсъ ученія? Не должна ли тогда совѣсть глубоко упрекнуть наставника за такой необдуманный образъ дѣйствія? Если тотъ, кто вноситъ свои мысли въ печать, обязывается обдумывать ихъ, то во сколько разъ усиливается эта обязанность для того, кто вноситъ свои идеи и стремленія въ открытыя и впечатлительныя души дѣтей!

9. Многіе боятся *естествознанія*, какъ проводника матеріалистическихъ убѣжденій; но это только слабодушное недовѣріе къ истинѣ и ея источнику — Творцу природы и души человѣческой. *Истина не можетъ быть вредна: это одно изъ самихъ святихъ убѣжденій человѣка*, и воспитатель, въ которомъ поколебалось это убѣжденіе, долженъ оставить дѣло воспитанія—онъ его не достоинъ. Языческій богъ обманываетъ, хитритъ, притворяется, потому что онъ самъ — созданіе человѣческаго воображенія: христіанскій Богъ—сама Истина. Пусть воспитатель заботится только о томъ, чтобы *не давать дѣтямъ ничего, кромѣ истины*, конечно, выбирая между истинами тѣ, которыя соотвѣтствуютъ данному возрасту воспитанника, и пусть будетъ спокоенъ на счетъ ея нравственныхъ и практическихъ результатовъ; пусть воспитатель, *соблюдая только законъ своевременности*, смѣло вводитъ воспитанника въ дѣйствительные факты жизни, души и природы, вездѣ указывая предѣлъ человѣческаго знанія, нигдѣ не прикрывая незнанія ложными мостами, и можетъ быть увѣренъ, что ни знаніе души, ни знаніе приро-

ды, какими они являются намъ въ фактахъ, а не въ созданіяхъ самолюбія теоретиковъ, не извратятъ нравственности воспитанника, не сдѣлаютъ его ни матеріалистомъ, ни идеалистомъ, не раздуютъ безъ мѣры его самолюбія, не поколеблютъ въ немъ благоговѣнія къ Творцу вселенной. Напротивъ, мы думаемъ, что воспитаніе не выполнитъ своей нравственной обязанности, если не очиститъ сокровищъ, добытыхъ естествознаніемъ отъ всей ложной шелухи, остатковъ процесса ихъ добыванія, и не внесетъ этихъ сокровищъ въ массу общихъ знаній каждаго человѣка, имѣющаго счастье употребить свою молодость на пріобрѣтеніе знаній. Наука дѣлаетъ свое дѣло: она добыла много сокровищъ знанія и продолжаетъ ихъ добывать, не заботясь о томъ, какъ и въ какомъ видѣ входятъ они въ массу общихъ свѣдѣній человѣчества. Эта обязанность лежитъ на воспитаніи, въ обширномъ смыслѣ этого слова, а не на различныхъ спекуляторахъ, расчитывающихъ именно на тѣ временныя увлеченія въ наукѣ, которыя должны быть выброшены.

Пока сокровища естествознанія будутъ принадлежностью однихъ спеціалистовъ, до тѣхъ поръ въ нихъ будетъ существовать тотъ скрытый ядъ, котораго нынѣ боятся: ядъ этотъ есть не болѣе, какъ плѣсень, которая завелась въ душномъ воздухѣ запертыхъ лабораторій науки и исчезнетъ, когда эти знанія перейдутъ въ общее обладаніе. Не свѣтъ открытаго дня, а мракъ таинственности вреденъ. Молодой человѣкъ, голова котораго съ дѣтства не привыкла работать надъ явленіями и предметами природы, естественно смотритъ на нихъ какъ на что-то новое, таинственное и ждетъ отъ нихъ гораздо болѣе того, чѣмъ они могутъ дать: пріучите его съ дѣтства обращаться съ идеями естествознанія, и онѣ, потерявъ для него всю свою таинственность, потеряютъ и все вредное дѣйствіе. Но конечно для этого необходимо, чтобы науки психическія шли рядомъ съ науками природы, чтобы человѣкъ еще въ дѣтствѣ привыкъ соединять всегда эти два порядка идей и знать, что одинъ также необходимъ, какъ и другой. Школа должна внести въ жизнь основныя знанія, добытыя естественными науками, сдѣлать ихъ столь же обыкновенными, какъ знанія грамматики, арифметики или исторіи, и тогда основные законы явленій природы улягутся въ умѣ человѣка вмѣстѣ со всѣми прочими законами, тогда-какъ теперь они именно по новости своей вызываютъ несбыточныя ожиданія и сулятъ удовлетвореніе тѣмъ духовнымъ требованіямъ, которымъ удовлетворить не могутъ. Это психическій законъ, открытый Гербартомъ, что всякая новая мысль возмущаетъ всѣ прежніе ряды мыслей, пока не примѣряется къ каждой изъ нихъ, и не составитъ съ ними прочныхъ и спокойныхъ сочетаній, вереницъ, группъ и сѣтей.

10. Если же школа запрется отъ естествознанія, то она будетъ сама содѣйствовать распространенію матеріализма, потому что знанія естественныхъ наукъ носятся нынѣ въ воздухѣ; но въ какомъ видѣ! Не согрѣшитъ ли школа передъ юнымъ поколѣніемъ, не оградивъ его истиннымъ знаніемъ отъ этихъ уродливыхъ смѣшеній лжи и истины? Кто же

будетъ виноватъ, если молодые люди, употребившіе свою молодость единственно на изученіе того, что дѣлалось и думалось за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, будутъ потомъ съ благоговѣніемъ слушать шарлатана или фанатика, разсказывающаго имъ, какъ онъ подсмотрѣлъ тайны душевныхъ явленій въ волокнахъ мозга? Не стѣсненіями и запрещеніями, а только истинными знаніями можно оградить человѣка отъ знаній ложныхъ, отъ безобразныхъ восточныхъ и языческихъ фантазій въ одеждѣ европейскаго знанія.

11. Но если такова обязанность воспитанія, если оно должно, съ одной стороны, зорко слѣдить за тѣмъ, что совершается въ жизни и наукѣ, а съ другой, не увлекаться тѣми увлеченіями, которыя свойственны и жизни и наукѣ, и вносить изъ нихъ въ школу лишь то, что составляетъ дѣйствительное пріобрѣтеніе человѣчества, оставляя за порогомъ ея всѣ временныя увлеченія, то уже изъ этого видно, какой *зрѣлости* требуетъ отъ человѣка дѣло воспитанія. Для этого дѣла уже недостаточно одного *теоретическаго разсудка*, увлекающагося собственнымъ своимъ процессомъ, а необходимъ спокойный *практическій разумъ*, сознающій самые разсудочные процессы въ ихъ неизбѣжной односторонности. Такая же зрѣлость разума можетъ быть почерпнута только изъ изученія человѣческой природы въ ея вѣчныхъ основахъ, въ ея современномъ состояніи и въ ея историческомъ развитіи, что и составляетъ главную основу педагогики или искусства воспитанія, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

ГЛАВА L.

Что же такое сознаніе?

(*Выводы и терминологія*).

1. Мы видѣли сознаніе въ различныхъ актахъ его дѣятельности: во вниманіи, въ воспоминаніи, въ процессѣ воображенія и, наконецъ, въ разсудочномъ процессѣ. Можемъ ли мы теперь сколько нибудь опредѣлительно сказать, что же такое сознаніе? Кантъ по этому вопросу говоритъ слѣдующее: «Подъ этимъ *я*, или *онъ*, или *то* (вещь), что думаетъ, не представляется ничего болѣе, какъ трансцендентальный *субъектъ* мыслей, равный *иксу*, который узнается только мыслями, составляющими его же сказуемыя, и о которомъ отдѣльно мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія; около котораго потому мы постоянно кружимся, такъ какъ мы должны уже пользоваться представленіемъ его всякій разъ, когда хотимъ что-нибудь о немъ сказать» [1]). Другими словами, будучи сами сознаніемъ, и зная о сознаніи только въ самихъ себѣ, мы не можемъ выйти изъ сознанія, чтобы взглянуть на него, какъ на объектъ,

[1]) Kritik der reinen Vernunft. ed. Hartenst. j. 1853 S. 298.

точно также, какъ глядящій глазъ не можетъ видѣть самъ себя иначе, какъ въ зеркалѣ или въ другомъ отражающемъ предметѣ. Но нѣтъ ли такого зеркала и для нашего сознанія? Не можемъ ли мы узнать сознаніе, если не прямо, то хотя въ его отраженіи? Такимъ отраженіемъ для сознанія является его дѣятельность, и въ ней то мы старались познакомиться съ сознаніемъ. Но кто же поручится, что это зеркало отражаетъ вѣрно? Собственное сознаніе каждаго: вотъ почему мы вездѣ и признавали безапелляціоннымъ судьею собственное сознаніе читателя.

2. Не будучи въ состояніи сказать, что такое сознаніе само въ себѣ, какъ объектъ, мы однакоже можемъ сказать, *чѣмъ оно не можетъ быть*, потому что всякое понятіе наше есть наше собственное созданіе, и если мы даемъ себѣ ясный отчетъ въ нашихъ понятіяхъ, то о всякомъ изъ нихъ можемъ сказать, можетъ ли оно, или нѣтъ, означать то, чѣмъ является сознаніе въ своей дѣятельности.

3. Наше понятіе о *самостоятельномъ существѣ* таково, что мы не можемъ назвать сознанія *самостоятельнымъ существомъ*, а только *свойствомъ* другого самостоятельнаго существа. Всякое самостоятельное существо, субстанція, на сколько мы ее понимаемъ, не можетъ начинаться и прекращаться; а сознаніе наше начинается и прекращается и опять начинается. Предполагать, какъ Декартъ, что человѣкъ всегда думаетъ или сознаетъ, мы не имѣемъ никакого права, ибо не можемъ ничѣмъ убѣдиться, что думаемъ во время глубокаго сна или обмороковъ, и скорѣе должны предположить, что сознаніе можетъ прекращаться и начинаться, а слѣдовательно есть свойство самостоятельнаго существа, и свойство это можетъ обнаруживаться, и переставать обнаруживаться, смотря по тому, вызывается ли оно чѣмъ нибудь, или нѣтъ.

4. Видя въ сознаніи *свойство*, мы не можемъ приписать этого свойства ничему *матеріальному*:

Во-первыхъ, потому, что самое понятіе о матеріи есть ничто иное какъ понятіе о существѣ, составляющемъ предметъ сознанія; но чуждомъ для него.

Во-вторыхъ, мы не можемъ приписать сознанія ничему матеріальному потому, что самый существенный актъ сознанія—сличеніе, различеніе и сравненіе, актъ, лежащій въ основѣ всѣхъ сознательныхъ психическихъ процессовъ—не можетъ быть выполняемъ ничѣмъ матеріальнымъ, на сколько мы знаемъ матерію.

Въ-третьихъ, во всѣхъ процессахъ сознанія, которые мы только подвергали анализу, мы видѣли совершенную необходимость признать участіе въ нихъ не одного, а двухъ агентовъ. Однимъ изъ этихъ агентовъ является нервная система; другимъ должно являться нѣчто другое, чему принадлежитъ способность сознанія, и это нѣчто другое мы называемъ *душою*.

5. Сознаніе, слѣдовательно, есть одна изъ душевныхъ способностей. Можетъ ли эта душевная способность появляться внѣ нервнаго организма—этого мы не знаемъ; но во всѣхъ душевныхъ процессахъ, которые

были нами анализированы, мы видѣли, что сознаніе пробуждается въ душѣ только при воздѣйствіи на нее нервнаго организма или при воздѣйствіи души на нервный организмъ.

6. Воздѣйствіе нервнаго организма на душу, которымъ вызывается въ ней сознаніе, мы не можемъ представить себѣ иначе, какъ въ формѣ движенія частицъ, составляющихъ мозгъ и нервы; но душа не сознаетъ этихъ движеній, а прямо отзывается на нихъ разнообразнѣйшими актами сознанія, которые мы называемъ разнообразными *ощущеніями*. Мы не можемъ сознавать ничего, идущаго изъ внѣшней для насъ природы, помимо нашей нервной системы. Только то, что способно возбудить въ ней своеобразныя движенія, можетъ быть сознаваемо нами.

7. Однакоже не всякое *впечатлѣніе* внѣшняго міра на нашу нервную систему превращается душою въ *ощущеніе*. Множество впечатлѣній, испытываемыхъ нервнымъ организмомъ, проходятъ незамѣченными душою, хотя могутъ оказать сильнѣйшее вліяніе на состояніе нашего тѣла.

8. *Впечатлѣніе*, выполнившее всѣ физическія условія, чтобы сдѣлаться *ощущеніемъ*, дѣлается имъ тогда только, когда на него будетъ обращено *вниманіе*.

9. Разбирая *процессъ вниманія*, мы замѣтили, что оно есть ничто иное, какъ большая или меньшая сосредоточенность души въ процессѣ или душевнаго чувства, или воли, или сознанія. Причинъ сосредоточенности души въ сознаніи мы нашли два рода, и по различію этихъ причинъ самое вниманіе раздѣлили на *пассивное* и *активное*.

10. Вникая далѣе въ *процессъ сознаванія*, мы замѣтили существенное, необходимое условіе, безъ котораго этотъ процессъ не можетъ быть начатъ. Это условіе состоитъ въ томъ, что для того, чтобы сознавать, душа наша должна получить возможность *сличать* и *различать*, т. е. *сравнивать*, такъ что сознаніе само есть ничто иное, какъ душевный актъ сличенія, различенія, или просто, актъ сравненія двухъ или нѣсколькихъ впечатлѣній. Гдѣ душа не имѣетъ возможности сличать, различать и сравнивать, тамъ она не начинаетъ или перестаетъ сознавать.

11. Не будучи въ состояніи объяснить этого основнаго акта души, мы можемъ только поставить гипотезу, что вѣроятно душа наша выводится изъ своего нормальнаго состоянія и единичными впечатлѣніями, идущими изъ нервной системы, но начинаетъ сознавать эти впечатлѣнія тогда только, когда ихъ два или болѣе, и когда потому самому душа можетъ уловить *отношеніе* между ними. Душа наша сознаетъ не самыя впечатлѣнія, не самыя движенія нервовъ, которыя она испытываетъ, но о которыхъ ничего не знаетъ: она сознаетъ только отношеніе между нервными движеніями.

12. Впечатлѣнія, связанныя душою въ одну *ассоціацію*, въ одно *сочетаніе*, оставляютъ въ нервахъ свой слѣдъ въ гипотетической формѣ *привычки*. Что такое привычка нервовъ сама въ себѣ, мы этого не знаемъ; но множество явленій убѣждаютъ насъ въ существованіи без-

численнаго множества нервныхъ привычекъ. Въ соотвѣтствіи съ привычкою нервовъ, въ душѣ нашей тоже остается слѣдъ пережитаго ею ощущенія, и этотъ слѣдъ мы назвали *идеею*. Какъ привычки, такъ и идеи, или вообще *слѣды сочетаній*, могутъ оставаться въ насъ отдѣльно или связываться между собою *вереницами*, *группами*, *сѣтями сочетаній*.

13. Въ какой формѣ существуютъ идеи въ душѣ, мы этого не знаемъ точно также, какъ не знаемъ, въ какой формѣ существуютъ привычки въ нервной системѣ, но къ признанію существованія, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, мы были вынуждены нашими психическими и психофизическими анализами, которые привели насъ къ признанію *привычекъ и идей*, какъ двухъ *гипотетическихъ причинъ* множества несомнѣнныхъ явленій.

14. Сочетаніе движеній, перешедшее въ *привычку*, пробудившись въ нервномъ организмѣ по какой-нибудь независящей отъ души причинѣ, вызываетъ въ душѣ *идею* этого сочетанія, т. е. повтореніе сознаніемъ того отношенія, по которому завязалось данное сочетаніе. Это мы назвали актомъ *невольнаго воспоминанія*.

15. Кромѣ этого невольнаго воспоминанія, мы не могли не замѣтить *воспоминанія произвольнаго*, и объясняли этотъ актъ тѣмъ, что душа наша, пришедшая какимъ нибудь процессомъ къ повторенію въ себѣ того отношенія, которое уже разъ или нѣсколько разъ въ ней было и сохранялось въ ней въ видѣ душевнаго слѣда или идеи, стремится воплотить эту идею въ тѣ самыя нервныя сочетанія, которыми она была вызвана въ душѣ. Это намъ не всегда удается и сопровождается иногда такимъ замѣтнымъ усиліемъ, что каждый изъ насъ легко можетъ изучать на себѣ этотъ актъ произвольнаго воспоминанія.

16. Мы не объясняли тѣхъ процессовъ, которыми душа сама можетъ дойти до возстановленія въ себѣ идей, не объясняли именно потому, что считаемъ эту способность принадлежностью одной только души человѣческой, а для изученія этихъ, чисто человѣческихъ, духовныхъ способностей назначена нами третья часть нашей антропологіи. Здѣсь же мы можемъ намекнуть только, что по отношенію къ душѣ душевные слѣды или идеи пережитыхъ ею ощущеній могутъ быть двоякаго рода: однѣ вносятся, такъ сказать, въ самую *суть* души, составляютъ ступень въ исторіи ея развитія, удовлетворяя или противорѣча ея врожденнымъ требованіямъ; другія же сохраняются въ ней, какъ нѣчто постороннее и отрывочное. Къ возстановленію идей перваго рода душа можетъ придти сама съ пробужденіемъ въ ней тѣхъ требованій, которымъ эти идеи удовлетворяютъ или которымъ онѣ противорѣчатъ. Къ идеямъ втораго рода душа сама придти не можетъ, и онѣ всегда вызываются въ ней или непосредственно внѣшними впечатлѣніями, или тѣми же внѣшними впечатлѣніями, но черезъ посредство ассоціацій цѣлаго ряда нервныхъ привычекъ.

17. Мы замѣтили за сознаніемъ стремленіе все соединять, во всемъ

находить отношеніе и замѣтили также полную невозможность для души добровольно идти въ процессѣ сознанія въ разныя стороны. Мы замѣтили, что душа всегда имѣетъ только одно стремленіе—соединять; но что этому стремленію противодѣйствуютъ впечатлѣнія внѣшняго міра, которыя, происходя во множествѣ одновременно, стремятся увлечь сознаніе въ разныя стороны—*развлечь его, разспять вниманіе. На сколько душа преодолѣваетъ это развлекающее противодѣйствіе нервной системы, на столько она и сознаетъ*. Предолѣваніе же это зависитъ отъ двухъ причинъ: или отъ произвола души, или отъ того, что одно впечатлѣніе преодолѣваетъ другія, ему современныя, собственною своею относительною силою.

18. Изучая дѣятельность сознанія въ процессѣ воображенія, мы замѣтили также и здѣсь борьбу двухъ агентовъ, и потому самый этотъ процессъ раздѣлили на *воображеніе пассивное* и *воображеніе активное*, показавъ, какъ они безпрестанно перемѣшиваются между собою.

19. Процессъ *пассивнаго воображенія*, или передвиженіе сочетаній нервныхъ привычекъ въ сознаніи души, мы объяснили органическою жизнью нервной системы, наблюдая тѣ явленія, въ которыхъ ясно выражается вліяніе состояній этой системы на наше воображеніе. При этомъ случаѣ мы замѣтили, что попытки подвести эти волненія нервной системы подъ математическіе законы волненій, если не окончились полною удачею, то обѣщаютъ много въ будущемъ.

20. Въ процессѣ *активнаго воображенія* мы изучили, какъ душа оказываетъ произвольное вліяніе на передвиженіе представленій, и нашли, что средство, употребляемое для этого душою, состоитъ въ сосредоточеніи вниманія на томъ или другомъ изъ составныхъ членовъ представленія, а самая эта сосредоточенность вниманія, или лучше сказать, сосредоточенность души въ процессѣ сознанія зависитъ опять же отъ произвола души. Мы изучили также борьбу этого произвола души съ вліяніемъ нервной системы, и нашли, что многое въ умѣ и даже нравственности человѣка зависитъ отъ того, побѣждаетъ ли душа или нервная система въ этой борьбѣ.

21. Перейдя затѣмъ къ *разсудочному процессу*, мы замѣтили, что и въ немъ дѣйствуетъ та же сознающая душа и по по тѣмъ же самымъ законамъ сознанія, что душа и въ разсудочномъ процессѣ только сличаетъ, различаетъ, сравниваетъ и выражаетъ результатъ своихъ сравненій въ новыхъ сочетаніяхъ—впечатлѣній въ представленія, представленій въ понятія, понятій тѣсныхъ въ понятія болѣе обширныя и понятій обширныхъ въ цѣлыя системы понятій, выражающихся въ формѣ наукъ.

22. Наблюдая разсудочный процессъ, ясно видно, что онъ, подобно предшествующимъ, можетъ совершаться *или по нашей волѣ или независимо отъ нея*. Въ первомъ случаѣ мы съ усиліемъ, весьма замѣтнымъ, ищемъ сходствъ и различій, ищемъ возможности образовать тѣ или другія сочетанія представленій или понятій. Во второмъ случаѣ разсудочныя ассоціаціи возникаютъ сами собою, при случайномъ (слу-

чайномъ для нашей воли) столкновеніи ощущеній, представленій или понятій въ нашемъ сознаніи. Иногда мы рѣзко замѣчаемъ, что разсудочныя ассоціаціи возникаютъ въ насъ не только не по нашей волѣ, но даже противъ нашей воли и нерѣдко очень непріятно насъ поражаютъ: мы часто не хотѣли бы видѣть выводовъ нашего разсудка, но не можемъ ихъ не видѣть.

23. Результатъ разсудочнаго процесса, какъ произвольнаго, такъ и непроизвольнаго, *всегда не произволенъ*, но самый процессъ можетъ быть произвольнымъ и непроизвольнымъ. Результатъ разсудочнаго процесса условливается сходствомъ или несходствомъ, словомъ, отношеніемъ между предметами сознанія, а этихъ отношеній мы измѣнить не можемъ. Но мы можемъ преднамѣренно или подъ вліяніемъ страсти ввести въ сознаніе другіе предметы и тогда выводы будутъ другіе. Разсудокъ всегда строитъ вѣрно изъ матерьяловъ, ему предложенныхъ, и если мы замѣчаемъ ошибку въ нашемъ мышленіи, то причину надобно искать въ матерьялахъ сознанія: они или были недостаточны, или не тѣ, какіе нужны, или въ нихъ скрывалась порча и ошибки или они были предварительно дурно обработаны.

24. *Непроизвольный разсудочный процессъ* есть ничто иное, какъ непроизвольный актъ сознанія. Образованіе простѣйшихъ сочетаній, изъ которыхъ возникаютъ только единичныя опредѣленныя ощущенія—свѣта, тьмы, краски, звука и т. д., совершается уже этимъ разсудочнымъ актомъ сознанія. Всѣ сочетанія (ассоціаціи) по сходству, по различію, по мѣсту, по времени суть разсудочные акты, результаты различеній и сравненій. Въ этомъ отношеніи между сознаніемъ и разсудкомъ нѣтъ различія, и работа разсудка начинается въ человѣкѣ вмѣстѣ съ сознаніемъ. Всѣ дальнѣйшія разсудочныя работы отличаются отъ первыхъ только по своей сложности, по сложности матерьяловъ, надъ которыми работаетъ сознаніе; а эта сложность есть, въ свою очередь, результатъ прежнихъ работъ того же сознанія.

25. Непроизвольный разсудочный процессъ долженъ совершаться одинаково вездѣ, гдѣ есть сознаніе, слѣдовательно и у животныхъ. При особой остротѣ внѣшнихъ чувствъ, которою одарены многія животныя, непроизвольный разсудочный процессъ могъ бы идти у нихъ далеко въ своихъ работахъ, если бы животныя обладали самосознаніемъ и даромъ самосознанія—словомъ. Въ высшихъ породахъ животныхъ разсудочный процессъ, даже и безъ этихъ средствъ, достигаетъ въ своихъ работахъ замѣчательно высокой ступени, какъ напр. у слоновъ, у лисицъ, у собакъ, медвѣдей и пр. Но кромѣ дара слова разсудочному процессу у животныхъ не достаетъ еще той побудительной силы, которую придаютъ этому процессу въ человѣкѣ требованія духовныя.

26. *Произвольный разсудочный процессъ* свойственъ только человѣку: только человѣкъ, часто съ замѣтнымъ насиліемъ для своего нервнаго организма, ищетъ различій, сходствъ, связи и причинъ тамъ, гдѣ ихъ и не видно: перебираетъ съ этою цѣлью свои произвольно или не-

произвольно составленныя представленія и понятія, связываетъ тѣ, которыя связываются, разрываетъ тѣ, которыя должны быть разорваны, ищетъ новыхъ. Источникъ этой свободы въ разсудочномъ процессѣ человѣка находится въ свободѣ его души, а источникъ свободы его души— въ ея самосознаніи; ибо *свободную волю*, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, *можетъ имѣть только то существо, которое имѣетъ способность не только хотѣть, но и сознавать свой душевный актъ хотѣнія*: только при этомъ условіи мы можемъ противиться нашему хотѣнію. Эта связь разсудочнаго процесса въ человѣкѣ съ духовными особенностями человѣческой души помѣшала намъ изучить вполнѣ этотъ процессъ въ человѣкѣ, что̀ мы можемъ сдѣлать лишь тогда, когда будемъ изучать его духовныя особенности. Во всякомъ душевномъ актѣ человѣка высказывается вся его единая и нераздѣльная душа, и потому мы можемъ изучать эти акты только по-немногу: сначала одну сторону явленія, и потомъ другую.

27. Но и здѣсь мы должны уже, хотя отчасти, намекнуть на то, что̀ можетъ быть развито вполнѣ только впослѣдствіи. Сопоставляя добытыя нами понятія различныхъ, произвольныхъ актовъ сознанія: *произвольнаго* вниманія, *произвольнаго* воспоминанія, *произвольнаго* воображенія и *произвольнаго* разсудочнаго процесса, мы невольно поражаемся необычайнымъ сходствомъ всѣхъ этихъ актовъ, и это можетъ намъ служить наибольшею очевидностью единства нашей души или, по крайней мѣрѣ, покудова—единства нашего сознанія. Собственно всѣ эти произвольные акты нашей души составляютъ одинъ актъ *произвольнаго сознаванія*, и различаются только по положенію тѣхъ матерьяловъ, надъ которыми сознаніе работаетъ и по цѣли этихъ работъ, и кромѣ того въ каждомъ актѣ соединяются всѣ остальные. Въ актѣ *вниманія* сознаніе различаетъ ощущенія, представленія и понятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно вызывать ихъ изъ области памяти, передвигать въ области воображенія и наконецъ сравнивать, безъ чего самое различеніе невозможно. Въ актѣ припоминанія нужно вниманіе, чтобы различать, и нужно воображеніе, чтобы представлять и передвигать представленія; воспоминанію нуженъ разсудокъ, чтобы сравнивать и различать. Въ процессѣ воображенія и процессѣ разсудка мы видимъ то же самое соединеніе всѣхъ прочихъ процессовъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ процессахъ мы видимъ одинъ обширный *процессъ сознаванія*.

28. Въ актѣ произвольнаго *вниманія* душа стремится получить сколько возможно болѣе опредѣленныя ощущенія. Въ актѣ произвольнаго *воспоминанія* душа хочетъ только повторить прежнія ощущенія, повторить въ нервной системѣ прежнія движенія. Въ актѣ произвольнаго *воображенія* или *фантазіи* (такъ слѣдовало бы назвать этотъ актъ въ отличіе, съ одной стороны, отъ воспоминанія, а съ другой, отъ воображенія непроизвольнаго или *мечты*) душа наша сковываетъ и перековываетъ, сообразно тѣмъ или другимъ своимъ цѣлямъ, сочетанія, сохраняемыя памятью и вызываемыя изъ нея вниманіемъ. Въ актѣ раз-

судка процессъ тотъ же самый; но цѣль его уже другая: душа наша также сличаетъ, различаетъ, сравниваетъ, производитъ сочетанія, но при этомъ стремится уже къ тому, чтобы эти сочетанія были вѣрны дѣйствительности, чтобы они были тѣ самыя, т. е. *истыя* сочетанія [1]), которыя лежатъ въ природѣ самыхъ предметовъ сознанія; другими словами въ разсудочномъ процессѣ душа наша ищетъ *истинныхъ* сочетаній, или просто—*истины*. Слѣдовательно, мы видимъ, что Аристотель былъ совершенно правъ, отличая разсудочный процессъ отъ процесса воображенія *по формѣ* тѣмъ, что въ первомъ ходъ представленій останавливается, а во второмъ движется (но этимъ онъ не отличаетъ воображенія отъ фантазіи), а *по содержанію* тѣмъ, что въ разсудочномъ процессѣ человѣкъ вѣритъ въ истину производимыхъ имъ сочетаній [2]); тогда какъ въ процессѣ произвольнаго воображенія или *фантазіи*, человѣкъ также произвольно образуетъ сочетанія представленій, но не вѣритъ въ ихъ истину, видя, что они суть его собственныя созданія.

29. Мы отличаемъ *мышленіе* отъ *воображенія* еще тѣмъ, что первое совершается въ формѣ *представленій*, а второе въ формѣ *понятій*, облеченныхъ въ *слово*. Представлять что-нибудь значитъ *ощущать* болѣе или менѣе сложное сочетаніе нервныхъ движеній. Такимъ образомъ представленіе мы отличаемъ отъ простаго ощущенія только сложностью. Всякое *новое ощущеніе* есть слѣдствіе сравненія *впечатлѣній*, идущихъ изъ внѣшняго міра, но *повтореніе ощущенія* можетъ быть вызываемо какъ внѣшними впечатлѣніями, такъ и самою душою, и въ обоихъ случаяхъ оно сопровождается движеніями нервовъ. Слѣдовательно, *представить* себѣ можно только то, что такъ или иначе, по объективной иниціативѣ внѣшнихъ впечатлѣній или субъективной иниціативѣ души, движетъ наши нервы. Что не способно двинуть наши нервы, то не можетъ быть представлено.

30. Представленіе не отличается отъ непосредственнаго ощущенія яркостью, какъ это утверждаютъ нѣкоторые. Наши сонныя грезы, а иногда и видѣнія на яву, бываютъ часто ярче непосредственныхъ ощущеній, которыя при развлеченіи вниманія едва мелькаютъ. Въ существованіи же внѣ насъ *объектовъ*, вызывающихъ въ насъ ощущеніе черезъ посредство впечатлѣній, мы убѣждаемся только независимостью этихъ объектовъ отъ нашихъ желаній. Мы поворачиваемъ голову и предметъ, отражавшійся въ нашихъ глазахъ, исчезаетъ.

31. Представленіе является источникомъ *понятія*, которое въ разсудочномъ процессѣ *отлагается* изъ многихъ представленій. Но это отложеніе не можетъ быть закончено безъ помощи *слова*. Происхожденія слова мы еще не объяснили, такъ-какъ оно выходитъ не изъ *сознанія*, общаго и человѣку, и животнымъ, а изъ *самосознанія*, составляющаго

[1]) О происхожденіи слова *истины* и о различіи его отъ слова *истый* см. у г. Буслаева: «О преподав. отечественн. языка» стр. 324.

[2]) См. выше гл. XXVII п. 4.

духовную особенность человѣка; но и здѣсь уже могло быть объяснено, что *слово есть представленіе понятій*, т. е. *такое сочетаніе нервныхъ движеній слуховаго и голосоваго органа, которое мы произвольно признаемъ представителемъ понятія* [1]). Слѣдовательно, мы и *мыслимъ представленіями*, но представленіями особаго рода, которыя мы сами создали, какъ *значки понятій*. Эти *представленія словъ* слѣдуетъ отдѣлять отъ *представленій образныхъ*.

32. Мышленіемъ распоряжается *идея:* она-то подбираетъ слова для завершенія процесса образованія понятій и связываетъ слова въ сужденія и мысли. Но идея не соизмѣрима съ понятіемъ и представленіемъ: она выражается въ ихъ сочетаніяхъ, но не въ нихъ самихъ. Строго говоря, мы мыслимъ не словами, не понятіями и не представленіями, а идеями, связывающими слова, понятія и представленія.

33. Анализируя разсудочный процессъ, мы наткнулись на такіе его результаты, которыхъ нельзя вывести изъ однихъ внѣшнихъ для человѣка впечатлѣній и которыя тѣмъ не менѣе очень важны, такъ-какъ они вносятся душою въ разсудочный процессъ, какъ уже готовыя, и потому необыкновенно сильно условливаютъ самый ходъ этого процесса.

34. Обратившись къ анализу этихъ *основныхъ узловъ разсудочнаго процесса*, мы нашли, что они объясняются участіемъ результатовъ мускульнаго чувства, которые вплетаются душою въ самыя первыя ея разсудочныя работы. Эти же мускульныя чувства мы признали результатами произвольныхъ мускульныхъ движеній, а самый произволъ этихъ движеній возвелъ насъ опять къ источнику произвола—къ душѣ. Мы не пускались въ разъясненія этого загадочнаго вопроса; но нашли подтвержденіе своей мысли въ томъ физіологическомъ фактѣ, что первое обнаруживаніе жизни прежде даже, чѣмъ сформируются органы ощущеній, выражается въ произвольныхъ движеніяхъ.

35. Мускульное чувство или, что все равно, *ощущеніе нами нашихъ произвольныхъ* движеній играетъ такую важную роль во всей нашей душевной жизни, во всемъ разсудочномъ процессѣ, завязывая первые его узлы, и принимаетъ такое рѣшительное участіе въ процессѣ выраженія понятій словами, гдѣ приводятся въ движеніе голосовые мускулы, что мы полагали бы лучшимъ *всѣ* наши *ощущенія* раздѣлить на *пассивныя* и *активныя*, или на *внѣшнія* и *внутреннія*, причисляя къ первымъ ощущенія зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и вкуса, а ко вторымъ—одни ощущенія произвольныхъ движеній. Изъ комбинаціи пассивныхъ и активныхъ ощущеній слагаются матерьялы всѣхъ нашихъ разсудочныхъ работъ. На *ощущенія активныя* мы обратимъ еще осо-

[1]) На тѣсную связь дѣятельности слуховаго и голосоваго органа въ процессѣ рѣчи указываютъ ясно физіологическія открытія Гельмгольца. Замѣчательно, что филологи открываютъ въ словахъ *слово* и *слухъ* одинъ и тотъ же корень. (О преподав. отечественн. языка Ѳ. Буслаева. Изд. 1867 г. стр. 322).

бенное вниманіе въ главахъ «о волѣ», какъ причинѣ произвольныхъ мускульныхъ движеній.

36. Но, кромѣ *первичныхъ узловъ* всякаго разсудочнаго процесса (понятій о *пространствѣ*, о *времени* и *числѣ*) мы замѣтили еще вліяніе какихъ-то уже готовыхъ *убѣжденій* или *вѣрованій* души, которыя не только не выводятся изъ опыта, но даже не подтверждаются имъ, и прямо ему противорѣчатъ. Таково убѣжденіе во *всеобщей причинности* явленій, убѣжденіе *въ свободѣ личной человѣческой воли* и убѣжденіе, что гдѣ-то существуетъ *единство*, въ которомъ сходятся и изъ котораго исходятъ явленія міра психическаго и явленія міра физическаго.

37. Эти *врожденныя* убѣжденія, вносимыя нами во всѣ *опытныя* убѣжденія, извлекаемыя изъ опытовъ внѣшняго міра, мы могли бы назвать *неизбѣжными предубѣжденіями*, точно такъ, какъ первичные узлы разсудочной работы, *неизбѣжными предразсудками*. Но такъ-какъ оба эти слова, предубѣжденіе и предразсудокъ, имѣютъ въ рѣчи особое назначеніе, то мы полагаемъ лучшимъ назвать послѣднія *первичными понятіями* , а первыя—врожденными увѣренностями или *врожденными вѣрованіями*.

38. Психологическій анализъ разсудочнаго процесса привелъ насъ къ признанію того *психическаго факта*, что *истина*, добытая разсудкомъ изъ наблюденій и опытовъ, признается нами *совершенною истиною* только въ томъ случаѣ, если она сходится съ нашими *врожденными вѣрованіями*, если эти врожденныя вѣрованія не возстаютъ въ нашей душѣ отрицаніями истинъ, добытыхъ разсудкомъ. Собственно говоря, мы признаемъ полную истину только нашихъ врожденныхъ вѣрованій, въ томъ же, что имъ противорѣчитъ, видимъ только истину временную, относительную, опытную, ограниченную, *разсудочную, а не разумную*. Вотъ почему, можетъ быть, самое слово *вѣра*, по замѣчанію филологовъ, одного корня со словомъ *истина*. Въ нашемъ языкѣ это отношеніе словъ *вѣра* и *истина* сохранилось еще въ словахъ: *вѣрно*, *вѣрный*; отъ того же корня, вѣроятно, происходитъ нѣмецкое слово wahr, Wahrheit и латинское—veritas. Истинна ли эта высшая человѣческая истина—мы *не знаемъ*; но въ нашемъ психическомъ мірѣ нѣтъ для насъ болѣе высокой истины и она одна для насъ *абсолютна*: не въ смыслѣ гегелевскаго, невозможнаго для человѣка *абсолюта*, но въ смыслѣ *опытной* психологіи, открывающей въ этихъ вѣрованіяхъ непреодолимыя условія психической жизни человѣка. Будутъ ли когда-нибудь постигнуты *самыя эти вѣрованія*, управляющія самымъ процессомъ постиженія, но не входящія въ него, превратятся ли когда-нибудь они сами въ истины опытныя, въ истины науки, сойдутся ли когда-нибудь *вѣра* и *истина* въ разсудочномъ прецессѣ—этого мы не знаемъ. Раскрыть процессъ сознаванія въ его *настоящемъ* состояніи—вотъ все дѣло *фактическій психологіи*.

39. Не смотря однако на убѣжденіе въ единствѣ міра, мы призна-

ли *дуализмъ* единственно возможнымъ основаніемъ для *положительной* психологіи, которая основывается на фактахъ, а не на стремленіяхъ, неоправдываемыхъ фактами. Стремленіе можетъ руководить движеніемъ науки и практическою жизнью, и дѣйствительно часто руководитъ ими; но основою науки, точкою ея отправленія, должны быть факты и ничего болѣе, кромѣ фактовъ.

40. Въ *индуктивномъ процессѣ* мышленія мы нашли тотъ же *разсудочный процессъ образованія понятій изъ сужденій;* а въ обратномъ *дедуктивномъ* процессѣ мы увидали *разложеніе понятій на сужденія, изъ которыхъ они составились.* Источникъ *индукціи* есть сознаніе; а источникъ *дедукціи*—самосознаніе; первое—обще человѣку и животному; второе есть исключительная принадлежность человѣка.

41. Мы назвали индуктивный процессъ просто *процессомъ пониманія*, т. е. процессомъ образованія понятій, и признали этотъ процессъ единственнымъ способомъ добыванія дѣйствительныхъ знаній, какъ въ мірѣ физическихъ, такъ и въ мірѣ психическихъ явленій. Знаніе, не основывающееся на наблюденіи и опытѣ, не есть знаніе, а вѣра, которая сама можетъ быть психическимъ фактомъ и предметомъ наблюденія и изученія путемъ *индукціи* или *пониманія.* Оба эти процесса, индуктивный и дедуктивный, мы предполагали бы назвать процессомъ *постиженія.*

42. Подъ конецъ мы отличили *разумъ* отъ *разсудка*, назвавъ первый плодомъ сознанія, а второй—плодомъ самосознанія. Разумъ есть результатъ сознанія душою своихъ собственныхъ разсудочныхъ процессовъ въ ихъ неограниченныхъ стремленіяхъ и въ ихъ ограниченныхъ результатахъ. *Разсудокъ, въ его стремленіи къ уничтоженію противорѣчій, мы назвали движущимъ принципомъ науки: разумъ, съ его спокойнымъ сознаніемъ самыхъ этихъ противорѣчій, мы назвали основою практической дѣятельности* человѣка, и слѣдовательно, *основою воспитательнаго искусства*, какъ одной и притомъ величайшей отрасли практической дѣятельности. При этомъ приложеніи терминовъ мы руководствовались народнымъ употребленіемъ этихъ обоихъ словъ, которое выражается въ пословицѣ «*умъ* безъ *разума* бѣда».

Вотъ главные результаты, которые мы добыли въ нашихъ анализахъ процессовъ сознанія. Теперь мы пойдемъ искать подобныхъ же результатовъ въ процессахъ *чувствованія* или *душевныхъ чувствъ*, какъ *умственныхъ*, такъ и *сердечныхъ*, и въ процессахъ *желанія* и *воли.* Мы надѣемся, что тѣ результаты, которые насъ ожидаютъ впереди, помогутъ намъ, *хотя отчасти*, *понять* многое, оставшееся для насъ еще неяснымъ въ процессѣ *постиженія.*

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ЧЕЛОВѢКЪ

КАКЪ

ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ

КАКЪ

ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ.

ОПЫТЪ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГІИ

КОНСТАНТИНА УШИНСКАГО.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. М. Котомина, на углу Большой Морск. и Невск. д. № 18.
1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Въ предисловіи къ *первому* тому „Антропологіи“ я выразилъ надежду помѣстить во *второмъ* не только анализъ процессовъ *чувствованія* и *воли*, но анализъ и тѣхъ духовныхъ особенностей, которыя составляютъ отличительную черту психической жизни человѣка. Однако же эта надежда, какъ видитъ читатель, не вполнѣ осуществилась и во второмъ томѣ исполнена только первая половина задачи. Это произошло отчасти отъ нездоровья, а отчасти отъ того, что изложеніе явленій *чувствованія* и *воли* заняло болѣе мѣста, чѣмъ я ожидалъ. Я конечно могъ бы и не издавать въ свѣтъ этого тома, пока не окончилъ бы всего труда; но, зная, что нѣкоторые изъ педагоговъ уже начали пользоваться моею книгою при преподаваніи педагогики, я желалъ выдать поскорѣе хоть то, что̀ готово.

Читатели, познакомившіеся уже съ первымъ томомъ „Антропологіи“, найдутъ, можетъ быть, что изложеніе второго не вполнѣ соотвѣтствуетъ первому, что въ немъ менѣе точности и опредѣленности; но это уже зависитъ отъ самаго свойства предметовъ и ихъ предварительной обработки. Явленія чувствованія и воли, какъ извѣстно всякому, кто знакомъ съ психологической литературой, разработаны гораздо менѣе, чѣмъ явленія сознанія. Неопредѣленность, неясность, шаткость наблюденій, противорѣчіе въ мнѣніяхъ—составляютъ отличительную черту этихъ главъ во всѣхъ психологическихъ курсахъ. Можетъ быть, читатель, знакомый съ литературой этого отдѣла психологіи, найдетъ даже, что въ нашемъ трудѣ онъ сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи.

Самый способъ изслѣдованія явленій и во второмъ томѣ остался прежній; ибо я признаю его единственно раціональнымъ. Но изъ

критическихъ разборовъ, вызванныхъ первымъ томомъ, можно было убѣдиться, что способъ этотъ не вполнѣ понятъ, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ психологіи такъ всѣ привыкли строить теоріи, а не изучать факты и, отправляясь отъ какого-нибудь прежде установившагося міросозерцанія, выдвигать впередъ тѣ психическія явленія, которыя подходятъ подъ такое міросозерцаніе, упрямо отворачиваясь отъ другихъ, которыя могли бы его смутить, что я нисколько не удивился, узнавъ, что одни причисляютъ мои воззрѣнія къ идеалистическимъ, другіе къ матеріалистическимъ, а третьи упрекаютъ въ противорѣчіи самому себѣ. Это я предвидѣлъ и въ предисловіи къ первому тому. Никто не захотѣлъ критиковать мой трудъ только на основаніи выставленныхъ въ немъ фактовъ, т. е. на единственномъ основаніи, на которомъ онъ можетъ быть критикованъ. Видя въ духѣ точно такую же необходимую гипотезу, сосредоточивающую міръ психическихъ явленій, какъ и въ матеріи другую гипотезу, сосредоточивающую міръ явленій физическихъ, я не придаю никакого значенія тому, назовутъ-ли меня матеріалистомъ, или идеалистомъ. Я просто беру психическія явленія, всѣмъ знакомыя, какъ результаты самонаблюденій и внутренняго опыта человѣка, анализирую ихъ, группирую, и если гдѣ ставлю гипотезу, то нигдѣ не прикрываю ее.

Психологія такъ долго находилась въ зависимости отъ философіи, что нельзя ожидать, чтобы взглядъ на нее, какъ на науку, не имѣющую ничего общаго съ философскими умозрѣніями, какъ на науку наблюденія и опыта, установился скоро—установился не только въ заглавіи психологическихъ теорій, гдѣ онъ давно уже заявляетъ себя, но и на самомъ дѣлѣ. Я можетъ быть поступилъ дурно, не выяснивъ прежде отношенія моей психологіи къ философіи, которая въ настоящее время, послѣ погрома гегелевской системы, представляетъ однѣ развалины. Но этимъ выясненіемъ отношенія психологіи къ философіи мнѣ будетъ всего удобнѣе заняться въ предисловіи къ третьему тому, такъ-какъ въ третьемъ томѣ отношеніе это уже само собою установится.

Теперь же скажу только мимоходомъ, для удаленія дальнѣйшихъ недоразумѣній, что, по моему убѣжденію, въ настоящее время и сама философія можетъ явиться только посредницею между психологіею и науками природы. Въ настоящее время возможна только такая философія, которая основывала бы постройку научнаго міросозерцанія, съ одной стороны, на фактахъ, добытыхъ психическимъ самонаблюденіемъ, а съ другой—на фактахъ, добытыхъ наблюденіемъ надъ внѣшнею для человѣка природою. Другой философіи

въ настоящее время—я не понимаю. Если основать философію на однихъ психическихъ фактахъ, то выйдетъ самый туманный и неопредѣленный идеализмъ; если основать ее на однихъ, извѣстныхъ намъ, фактахъ внѣшней природы,—какъ это дѣлаетъ такъ называемая *позитивная* философія,—то выйдетъ какъ разъ столько же туманный и столько же неопредѣленный матеріализмъ; но въ обоихъ случаяхъ откроется обширное поле человѣческой фантазіи, оцѣнка которой возможна уже на основаніи правилъ поэзіи или реторики, а не основаніяхъ науки. Отправляясь отъ *идеальнаго* воззрѣнія Гегеля и отъ *позитивной* философіи Конта, какъ бы забывшей самое существованіе психическихъ явленій, мыслитель одинаково удаляется отъ дѣйствительнаго знанія и попадаетъ уже въ міръ фантастическихъ построекъ, гдѣ величественнѣйшіе дворцы выстраиваются очень легко и скоро именно потому, что это дворцы карточные.

Сохраняя за собою право въ *третьемъ* томѣ выяснить отношеніе моей книги къ различнымъ физическимъ и психическимъ теоріямъ, я предоставляю этотъ *второй* томъ здравому смыслу читателя, и прошу его, не навязывая мнѣ никакихъ предвзятыхъ міросозерцаній, критиковать меня единственно съ фактической стороны: вѣрны-ли тѣ факты, изъ которыхъ я дѣлаю выводъ, и соотвѣтствуетъ-ли выводъ факту. Если при анализѣ фактовъ я наталкиваюсь на противорѣчія, которыхъ нельзя объяснить, то стараюсь самъ указать на нихъ читателю. Я считаю это лучшимъ, чѣмъ прикрывать ихъ какою-нибудь туманною гипотезою и выдавать эту гипотезу за глубокомысленный выводъ. Неужели игра въ гипотезы (эта игра въ философскія жмурки) не надоѣла наконецъ человѣку? Не гораздо-ли лучше сказать себѣ простое „не знаю", чѣмъ обманывать и себя и другихъ?

Объ одномъ только я прошу читателя: я прошу его помнить, что психическій фактъ, который онъ сознаетъ совершающимся въ самомъ себѣ, точно такой же несомнѣнный фактъ, какъ и фактъ какой бы то ни было точной науки. Замѣчая въ себѣ такой фактъ, всякій изъ насъ можетъ быть увѣренъ, что онъ одинаково повторяется въ мильонахъ подобныхъ намъ существъ, и что потому онъ и можетъ быть изучаемъ, и достоинъ самаго внимательнаго изученія. Неразумное забвеніе самаго существованія огромной сферы психологическихъ фактовъ влечетъ теперь въ крайность противоположную той, въ которую еще недавно увлекалось мышленіе, остановившееся на однихъ психическихъ явленіяхъ и смотрѣвшее сквозь призму ихъ на весь внѣшній міръ.

Въ *третьемъ* томѣ я надѣюсь помѣстить окончаніе „Антропологіи" и педогогическія приложенія, изъ нея выведенныя. Эти педагогическія приложенія должны, по моему плану, составить сжатый учебникъ педагогики; но такой учебникъ, котораго никакъ нельзя было бы заучивать. Этого въ особенности я хочу потому, что считаю заучиванье всякихъ педагогическихъ учебниковъ не только безполезною, но даже вредною тратою времени. Если воспитатель хорошо познакомится съ законами человѣческой природы, на сколько они намъ извѣстны, то для него достаточно здраваго разсудка, чтобы оцѣнить ту или другую педагогическую мѣру, тотъ или другой педагогическій пріемъ; а этихъ мѣръ и пріемовъ безчисленное множество, ибо каждый данный дѣйствительный случай непремѣнно видоизмѣняетъ всякій пріемъ и всякую мѣру.

К. Ушинскій.

20 марта 1869 г.

ЧЕЛОВѢКЪ КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГІЯ.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

О чувствованіяхъ вообще: вступленіе.

1. Въ первомъ томѣ нашей «Антропологіи» мы окончили описаніе явленій сознавательнаго процесса и, начавъ съ простѣйшихъ явленій ощущенія, дошли послѣдовательно до образованія понятій. Но всякій изъ насъ испытываетъ, что душа наша не остается равнодушною ко всѣмъ этимъ, ея же собственнымъ актамъ, что на одни ощущенія и сочетанія ощущеній она отвѣчаетъ очень часто (если не всегда) удовольствіемъ, радостью, любовью, желаніемъ, а на другія—неудовольствіемъ, печалью, гнѣвомъ, или отвращеніемъ. Такимъ образомъ, въ душевномъ мірѣ открываются намъ новыя, доселѣ нами еще нетронутыя явленія.

2. Что эти *внутреннія волненія души* (назовемъ ихъ покуда хоть такъ) не одно и то-же съ тѣми ощущеніями, которыми они вызываются, въ этомъ не трудно убѣдиться самымъ простымъ наблюденіемъ. Если какое-нибудь пріятное ощущеніе прекратилось противъ нашей воли, то мы испытываемъ неудовольствіе, а иногда и желаніе, чтобы ощущеніе это опять продолжалось. Ощущать намъ болѣе нечего, ибо ощущеніе прекратилось, и мы именно испытываемъ неудовольствіе, потому что ощущенія этого нѣтъ. Слѣдовательно, между ощущеніемъ и тѣмъ чувствомъ, которое вызвано въ насъ его прекращеніемъ, есть существенная разница. Точно также, по прекращеніи какого-нибудь непріятнаго или болѣзненнаго ощущенія, мы чувствуемъ пріятное облегченіе, тогда какъ ощущенія уже собственно нѣтъ. «Мы можемъ легко, какъ гово-

ритъ Фрисъ, вообразить себѣ существо, представленія котораго о вещахъ даже вообще не сопровождаются никакимъ чувствомъ удовольствія или неудовольствія, въ которомъ нѣтъ никакой оцѣнки достоинства или недостатка вещей» [1]).

3. Несоизмѣримость ощущенія съ сопровождающими его душевными волненіями подмѣчается очень ясно при сліяніи различныхъ волненій этого рода съ однимъ и тѣмъ же ощущеніемъ. Такъ, напримѣръ, ощущеніе одного и того-же вкуса можетъ быть для меня сегодня пріятнымъ, а завтра непріятнымъ, хотя при этомъ я ясно сознаю, что мною испытывается одинъ и тотъ-же вкусъ. Одно и тоже представленіе можетъ утромъ меня разсмѣшить, вечеромъ разсердить, сегодня возбудить во мнѣ пріятныя надежды, а завтра страхъ или гнѣвъ. Слѣдовательно, въ обоихъ этихъ случаяхъ ощущенія и сочетаніе ощущеній, т. е. представленія, остаются неизмѣнными и эту ихъ тождественность я ясно сознаю; но душа моя отзывается въ разное время различно на эти тождественныя ощущенія и представленія. Изъ этого мы логически можемъ вывести, что подобные разнообразные отзывы души на ея же собственныя ощущенія и представленія должны составить для насъ особый классъ явленій, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *чувствъ* и *желаній*.

4. Къ сожалѣнію, слово *чувство* употребляется въ нашемъ языкѣ (да и не въ одномъ нашемъ) безразлично, какъ для чувства слуха, зрѣнія, обонянія и т. д., такъ и для тѣхъ внутреннихъ чувствъ души, которыми она отзывается на эти внѣшнія ощущенія и сочетанія, изъ нихъ составляемыя [2]). Эта общность названія для психическихъ явленій совершенно различнаго рода имѣетъ только то основаніе, что какъ тѣ, такъ и другія могутъ быть названы актами души; но, тѣмъ не менѣе, каждый изъ насъ слишкомъ ясно сознаетъ различіе между этими актами для того, чтобы смѣшать ихъ подъ однимъ общимъ названіемъ. Одни изъ этихъ актовъ суть прямые отзывы души на внѣшнія впечатлѣнія, и эти отзывы души мы назвали ощущеніями; а вторые суть уже отзывы души на самыя ощущенія, и мы предлагаемъ, въ отличіе отъ чувствъ, назвать ихъ *чувствованіями*. Слово это старинное, книжное, но для нашей цѣли оно уже тѣмъ хорошо, что неудобно сказать—*чувствованіе слуха, чувствованіе зрѣнія* и т. д. [3]). Такимъ образомъ слово *чув-*

---

[1]) Fries, T. I, S. 40. Это справедливо; но добавленіе Фриса, что, на оборотъ, чувствованіе безъ представленія невозможно, совершенно несправедливо, какъ мы увидимъ ниже.

[2]) «Слово чувство (sentiment, Gefühl), говоритъ Миллеръ, имѣетъ столько различныхъ значеній въ разговорномъ языкѣ и даже въ психологіи, что нельзя опредѣлить, которое изъ нихъ настоящее». (Man. de phys. p. 511). О различномъ и неправильномъ употребленіи слова чувство (The feeling) въ англійскомъ языкѣ см. у Милля (Mill's Logic. B. I, ch. III, p. 54).

[3]) На путаницу психическихъ терминовъ въ подобномъ случаѣ жалуются

ство будетъ для насъ общимъ генерическимъ названіемъ, какъ для *ощущеній*, которыми душа наша отзывается на внѣшнія впечатлѣнія, такъ и для *чувствованій*, которыми она отзывается на собственныя же ощущенія. Если же *чувствованія* мы будемъ иногда называть *чувствами внутренними* или *душевными*, то не потому, чтобы мы признавали ощущеніе чѣмъ-то внѣшнимъ для души. Мы видѣли, что и ощущенія суть собственные акты души [1]). Но чувствованія, если можно такъ выразиться, будутъ еще родственнѣе для души, чѣмъ ощущенія [2]). Въ чувствованіяхъ выражается субъективное отношеніе души къ ощущеніямъ, причиною которыхъ является внѣшній міръ, дѣйствующій на насъ чрезъ посредство органовъ внѣшнихъ чувствъ. Это отзывы души на ея же собственныя ощущенія, по выраженію Миля. Чувствованія неотдѣлимѣе отъ души, чѣмъ ощущенія, и ихъ-то именно человѣкъ не можетъ сообщить другому человѣку. Еще Кантъ замѣтилъ, что человѣкъ можетъ сойтись съ другимъ человѣкомъ въ томъ, что сахаръ сладокъ, а щавель киселъ; но не сойдется въ томъ, что кислое можетъ одному нравиться, а другому быть противно, и латинская поговорка de gustibus non disputandum относится именно къ чувствованіямъ, а не къ ощущеніямъ [3]).

4. Такая особенная *задушевность* или субъективность чувствованій не допускаетъ ихъ полнаго и яснаго выраженія въ представленіяхъ,

---

почти всѣ психологи. Такъ напр. Вайтцъ (Lehrbuch der Psychologie, S. 287) сваливаетъ на эту путаницу даже темноту психологическихъ теорій. Это обвиненіе кажется намъ несправедливымъ, ибо теорія должна вносить научную систему въ языкъ, какъ это дѣлаютъ, напр., естественныя науки; и не языкъ виноватъ, если многіе психологи при опредѣленіи чувствованій довольствуются еще темною фразою Гегеля: «Das dumpfe Weben des Geistes in sich». Опредѣляя такъ психическія явленія, нельзя сваливать на языкъ темноту нашихъ психическихъ понятій.

[1]) Пед. Антр. т. I, гл. X, п. 12.

[2]) «Говоря философски, говоритъ Дж. Ст. Миль, всѣ ощущенія суть состоянія души, а не состоянія тѣла (и потому нельзя раздѣлять чувствъ на тѣлесныя и душевныя). Если же ощущенія (sensations) называются тѣлесными чувствованіями, то только какъ такой разрядъ чувствъ, который производится непосредственно состояніями тѣла, тогда какъ другаго рода чувства, мысли наприм. и душевныя движенія (emotions) возбуждаются не непосредственно какими-либо дѣйствіями на тѣлесные органы, но уже ощущеніями или прежними мыслями». Mill's Logic. B. I. Ch. III. p. 51. Очень здравый взглядъ: жаль только, что Миль тутъ же не отдѣлилъ чувствованій отъ мыслей.

[3]) Antropologie § 67. Тоже почти у Бенеке. Lehrbuch der Psych. § 238. Waitz. Lehrbuch der Psych. S. 272. Тоже у Декарта Les passions de l'ame. Art. 29.

такъ-что между нашими представленіями и нашими чувствованіями существуетъ, по замѣчанію Гербарта, нѣкоторая несоизмѣримость, и мы «въ нашихъ представленіяхъ не можемъ выразить всего, что въ насъ происходитъ» [1]). Это отношеніе чувствованій къ нашимъ представленіямъ было, безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ того, что мы и до сихъ поръ не имѣемъ даже сколько-нибудь полнаго и систематическаго перечисленія этихъ важныхъ и характеристическихъ душевныхъ явленій, имѣющихъ такое громадное значеніе для эстетика, юриста, политика и педагога. Даже въ отношеніи *интеллектуальныхъ*, или *формальныхъ* чувствъ, каковы удивленіе, недоумѣніе, сомнѣніе и т. п., наиболѣе удавшихся гербартовской теоріи, Вайтцъ находится вынужденнымъ сказать, что «психологія не такъ далеко ушла, чтобы даже перечислить ихъ вполнѣ» [2]). Декартъ свою книгу «О страстяхъ», подъ которыми онъ наиболѣе разумѣлъ чувствованія, начинаетъ жалобою на классическихъ писателей древности, что они ничего не сдѣлали для изученія столь интереснаго, важнаго и *не особенно труднаго* предмета, «такъ-какъ всякій можетъ наблюдать чувствованія (les passions) въ самомъ себѣ» [3]). Но, подъ конецъ своей книги самъ Декартъ, кажется, убѣдился, что это изученіе не такъ легко, какимъ оно показалось ему съ перваго взгляда. Замѣчательно, что Спиноза свое изложеніе теоріи чувствованій и желаній начинаетъ такою же жалобою на Декарта [4]). Лучшимъ же доказательствомъ трудности этого отдѣла психологіи служитъ то, что, не смотря на послѣдовательные труды многихъ психологовъ Англіи и Германіи, отдѣлъ чувствованій и доселѣ остается гораздо темнѣе того, въ которомъ излагается процессъ сознаванія. Послѣдній англійскій психологъ Бэнъ приходитъ также въ большое затрудненіе по поводу перечисленія чувствованій [5]) и вынужденъ даже предположить возможность чувствованій до того индивидуальныхъ, что «они никогда не могутъ сдѣлаться извѣстными всему человѣчеству» [6]).

5. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ подробную исторію этого отдѣла психологіи; но не можемъ однако-же не указать на *три главныя теоріи*, старающіяся, каждая съ своей точки зрѣнія, объяснить появленіе чувствованій въ душѣ. Изъ критическаго разбора этихъ теорій возникъ и тотъ взглядъ, который мы сами хотимъ предложить читателю, а потому этотъ взглядъ будетъ понятнѣе, когда мы объяснимъ его исторію [7]). Первую изъ этихъ трехъ теорій мы можемъ назвать *физіоло-*

[1]) Herbart. Lehrbuch der Psych. § 95. См. также у Waitz'a § 31. S. 298.

[2]) Waitz. Lehrbuch der Psych. § 32. S. 302.

[3]) Les passions de l'ame. Art.

[4]) Spinoza. Eth. P. III.

[5]) The Emotion and the Will, p. 27.

[6]) Ibid. p. 90.

[7]) Критика уже успѣла упрекнуть насъ въ томъ, что мы разбираемъ критически различныя психологическія теоріи. (Журн. министр. народн.

гическою, вторую *механическою*, а третью, пожалуй, хоть—*философскою*. Представителями первой, *физіологической*, будутъ для насъ Декартъ и Малебраншъ—съ одной стороны, и Бэнъ—съ другой. Представителями второй, т. е. *механической* теоріи — Гербартъ и его, болѣе или менѣе, вѣрные и сознательные послѣдователи: Дробишъ, Вайцъ, Бенеке. Представителями *философской* теоріи — Спиноза, Гегель, Эрдманъ, Розенкранцъ, Шопенгауеръ, въ новѣйшее время: Фортлаге, Браубахъ, Фихте (младшій).

ГЛАВА II.

Физіологическая теорія чувствованій.

1. Страннымъ можетъ показаться, что именно Декартъ, признаваемый обыкновенно родоначальникомъ новаго идеализма, совпадаетъ въ объясненіи чувствованій и желаній съ писателями матеріалистическаго направленія. Но эта странность объясняется тѣмъ, что Декартъ, какъ философъ по преимуществу, какъ человѣкъ, привыкшій жить болѣе головою, чѣмъ сердцемъ, ставитъ идею и вообще сознавательный процессъ вездѣ на первый планъ: видитъ въ способности познаванія единственную духовную способность и назначаетъ чувствованіямъ и желаніямъ (или, по его выраженію, вообще страстямъ) самую подчиненную роль. Страсти, по убѣжденію Декарта, служатъ для укрѣпленія въ душѣ представленій, которыя безъ этого скоро бы исчезли [1]). Замѣчательно, что и Кантъ, этотъ человѣкъ почти превратившійся въ одно мышленіе, смотритъ еще презрительнѣе на чувствованія и страсти и видитъ въ нихъ почти-что враговъ независимости человѣческой мысли [2]).

2. Безъ сомнѣнія, замѣчаніе Декарта не лишено справедливости, и представленія наши, пропитанныя чувствованіями, или, по выраженію Бенеке, «аффективные образы», оставляютъ по самой своей аффектности прочнѣйшій слѣдъ въ душѣ, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы относимся безразлично. Но мы полагаемъ, что человѣкъ, не увлеченный односторонностью умственной работы и знающій самъ по себѣ, что такое *жизнь сердца*, согласится съ нами, что видѣть въ нашихъ горестяхъ и радостяхъ, въ нашихъ наслажденіяхъ и страданіяхъ, въ гнѣвѣ, любви и отчаяніи только дидактическіе пріемы природы для укрѣпленія въ нашей

просвѣщенія за 1868 годъ, май, статья г. Владиславлева). Этихъ теорій будто бы не знаютъ наши педагоги, а потому и не могутъ ими интересоваться. Мы же думаемъ, что не имѣемъ права не показать нашимъ читателямъ, почему беремъ ту, а не другую теорію, и почему, признавая во взятой нами теоріи одно, измѣняемъ или отвергаемъ другое. Къ этому обязываемся мы требованіями науки и требованіями литературной честности.

[1]) Les passions de l'ame. Art. 74.

[2]) Kant's Antr. §§ 73 и 74.

памяти тѣхъ или другихъ представленій и идей, значитъ превращать человѣка въ какую то думающую машину. Если мы думаемъ не для того только, чтобы любить и ненавидѣть, то, безъ сомнѣнія, не для того же любимъ и ненавидимъ, чтобы думать. Этотъ сухой, безчувственный взглядъ на человѣка отзывается нестерпимою гордостью философа, воображающаго, что онъ одинъ только живетъ, какъ слѣдуетъ, т. е. головою. При этомъ случаѣ мы должны отдать справедливость Гегелю, что онъ гораздо лучше, чѣмъ Кантъ, оцѣнилъ важное значеніе страстей въ человѣческой жизни и призналъ, что безъ страсти ничего великаго сдѣлано быть не можетъ [1]). Да развѣ самъ Кантъ не можетъ служить лучшимъ примѣромъ безграничной страсти увлеченія?

3. При такомъ философско-аскетическомъ взглядѣ на *чувствованія* не удивительно, что идеалистъ Декартъ, обезпечивъ за идеей и разумомъ право духовности, не затрудняется приписать причину чувствованій, желаній и страстей особеннаго рода невидимымъ *животнымъ газамъ* (les esprits animaux) [2]), совершенно матеріальнаго происхожденія, такъ какъ, по мнѣнію Декарта, они вырабатываются изъ пищи [3]), а послѣдователь Декарта, Малебраншъ, прямо говоритъ о ихъ выдѣленіи изъ крови [4]). По мнѣнію Декарта газы эти или «нѣкотораго рода воздухъ» (un certain air ou vent), заключаются въ полости мозга и проходятъ въ нервахъ, и движеніями этихъ-то газовъ производятся, поддерживаются и укрѣпляются страсти [5]). Движеніе нервныхъ газовъ сообщается маленькой железѣ, находящейся внутри мозга, которая и есть мѣстопребываніе души [6]). Такимъ образомъ любовь, наприм. есть душевное движеніе (emotion), производимое движеніями газовъ, возбуждающихъ душу стремиться къ соединенію съ предметомъ, который ей кажется соотвѣтствующимъ [7]), а желаніе есть «волненіе души, производимое газами, которые располагаютъ ее хотѣть въ будущемъ вещей, кажущихся ей пріятными» [8]).

4. Эти *животные газы* и *мозговая железа*, какъ мѣстопребываніе души, звучатъ теперь для насъ нѣсколько странно. Мы нуждаемся въ

---

[1]) Hegel's Philos. des Geistes. 11-e Abth. § 474.

[2]) Descart. Les passions de l'ame, art. 7.

[3]) Ibid. art. 96.

[4]) Oeuvres de Malebr. 1854. Th. II. p. 123.

[5]) Descart. art. 31, 37, 46.

[6]) Ibid. art. 31, 51.

[7]) Ibid. art. 86.

[8]) Ошибочно было бы думать однако, что *Декартъ* положилъ основаніе физіологическому взгляду на чувствованія и страсти. Этотъ взглядъ существовалъ до Аристотеля. Разбирая предшествовавшія ему психологическія теоріи, Аристот. говоритъ: «одни говорятъ о гнѣвѣ, что это есть желаніе прекращенія страданій, а другіе, что это есть кипѣніе крови, обливающей сердце». (De Anima. L. I. c. I). Слѣдов., Декартъ только развилъ подобное же воззрѣніе на чувствованія и страсти.

болѣе тонкихъ выраженіяхъ. Намъ трудно помириться даже съ *нервными токами* Бэна и *психо-физическими* движеніями Фехнера; мы требуемъ еще болѣе неуловимыхъ и туманныхъ фразъ, въ родѣ *функцій нервнаго организма* и т. п. Но вѣдь въ сущности это все одно и тоже— одно и тоже незнаніе. Декартъ также произвольно изобрѣтаетъ свои животные газы, какъ Бэнъ свои токи, Фехнеръ свои психо-физическія движенія, а Фохтъ свои мыслительныя функціи мозга. Не будемъ же очень строги къ Декарту за то, что онъ обманывалъ себя не тѣми фразами, которыми мы теперь себя обманываемъ. Древніе, по свидѣтельству Аристотеля, обманывали себя еще болѣе грубыми физіологическими объясненіями чувствъ. Всякій вѣкъ имѣетъ свою собственную моду въ пополненіи пробѣловъ въ своихъ знаніяхъ. Мы увидимъ даже, что декартовская гипозета имѣетъ отчасти вѣрное основаніе и что если бы Гербартъ и его послѣдователи взглянули на чувствованія также и съ точки зрѣнія Декарта, то избѣжали бы другой крайности.

5. Что для Декарта его *животные газы*, то для Бэна его *нервные токи*, разнообразными движеніями которыхъ по нервной системѣ онъ старается разъяснить различнаго рода душевныя движенія (emotions— тоже, что мы называли чувствованіями) и даже прямо называетъ эти токи *эмоціональными токами* [1]). Но не даромъ для психологіи прошло два столѣтія послѣ Декарта; не даромъ трудились надъ нею такія лица, какъ Локкъ, Ридъ, Броунъ, и другіе. Бэнъ видитъ уже невозможность объяснять движеніями токовъ всѣ явленія чувствованій; онъ только ставитъ послѣднія въ зависимости отъ первыхъ, но и при этомъ ограниченіи идетъ гораздо далѣе того, чѣмъ допускаютъ факты; такъ, напр., онъ говоритъ, что «органическіе аффекты, производимые душевными волненіями или, по нашему, чувствованіями и желаніями (какъ напр. сокращеніе и растяженіе мускуловъ, блѣдность или краска въ лицѣ, отдѣленіе слюнныхъ, потовыхъ и другихъ железъ и т. п.), столь существенны для развитія извѣстныхъ душевныхъ волненій (по нашему чувствованій и желаній), что если бы эти органическіе аффекты были остановлены въ своемъ теченіи, то и самыя душевныя движенія непремѣнно были бы другія [2])».

6. Въ этомъ замѣчаніи Бэна есть также своя доля правды. Уже Декартъ указалъ на то свойство душевныхъ чувствованій и желаній, что они, дѣйствуя на нашъ тѣлесный организмъ, вызываютъ въ немъ особенное состояніе, которое, въ свою очередь, дѣйствуя обратно на душу, поддерживаетъ въ ней страсти, его вызвавшія. Правда и то, что останавливая *нашею волею* отраженіе душевнаго волненія въ нервахъ, мы уменьшаемъ самое волненіе и не даемъ ему усилиться, какъ это замѣтилъ наблюдательный Кантъ. «Попросите,» говоритъ онъ, «разсердившагося человѣка сѣсть, и онъ уже будетъ менѣе сердиться, потому что

[1]) Al. Bain. The Emotion and the Will, p. 41.

[2]) Ibid. pag. 28.

сидя сердиться не удобно» [1]). Но, *во первыхъ*, это уже обратное дѣйствіе чувствованія, зародившагося въ душѣ и отразившагося въ особенномъ состояніи нервнаго организма; а *во вторыхъ*, есть ли хотя малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что человѣкъ, потерявшій способность плакать, не потеряетъ способности горевать, и что параличъ личнаго нерва (nervus facialis), послѣ чего лицо человѣка дѣлается совершенно неспособнымъ выражать гнѣвъ, радость, презрительную насмѣшку или страданія, нисколько не лишитъ человѣка возможности по прежнему же гнѣваться, радоваться, презирать и страдать?

7. Впрочемъ, что самъ Бэнъ не придаетъ того значенія своимъ «токамъ нервной энергіи», какое придаетъ Декартъ своимъ животнымъ газамъ», ясно уже изъ слѣдующихъ словъ: «въ удовольствіи, говоритъ Бэнъ, дѣйствуютъ мускулы, поднимающіе бровь и расширяющіе ротъ,— въ неудовольствіи сокращаются противоположные мускулы; но ничего не извѣстно о томъ мозговомъ процессѣ, которымъ опредѣляется это предпочтеніе. Стимулы удовольствій и страданій идутъ по однимъ и тѣмъ же каналамъ чувствованія; ходъ ихъ распространенія по сложной мозговой системѣ одинаково открытъ для обоихъ, но *есть нѣчто*, что въ одномъ случаѣ опредѣляетъ теченіе къ одной спеціальной части, а не ко всѣмъ частямъ безразлично» [2]). Однакоже это не мѣшаетъ Бэну съ особенною силою налегать вездѣ на тѣлесныя проявленія чувствованій и часто даже указывать на нихъ, какъ на причину самихъ чувствованій.

Ниже, при критикѣ *механической* теоріи чувствованій, мы оцѣнимъ все дѣйствительное значеніе этихъ попытокъ объяснить душевныя волненія физіологическими явленіями; но здѣсь укажемъ только на слабыя стороны этого проявленія.

8. Главный недостатокъ физіологической теоріи состоитъ въ томъ, что, изучая чувствованія, какъ физіологическіе процессы, мы будемъ бродить въ совершенной темнотѣ, ибо если психологія, по вѣрному замѣчанію Д. С. Миля, мало знаетъ о душевныхъ явленіяхъ, то физіологія знаетъ о нихъ и того менѣе [3]). Что пользы въ томъ, что мы будемъ разводить по нервамъ наши «нервные токи» или «животные га-

---

[1]) Antrop. § 77.

[2]) Bain. Ibid. p. 13 и 14. Впрочемъ, вообще надобно замѣтить о Бэнѣ, что въ первомъ своемъ сочиненіи (The Senses and the Intellect) онъ гораздо болѣе матеріалистъ, чѣмъ во второмъ (The Emotion and the Will), гдѣ, напр., на первой же страницѣ встрѣчается у него слѣдующее выраженіе: «фактъ или свойство, называемое чувствомъ, совершенно отличается отъ всякаго физическаго свойства матеріи», или нѣсколько далѣе: «мы замѣчаемъ въ живомъ существѣ большое собраніе матеріальныхъ качествъ, но свойство, называемое чувствомъ или сознаніемъ, отличается отъ свойствъ матеріи и составляетъ послѣднее неразлагаемое проявленіе, основу великаго организма, называемаго душою.»

[3]) Mill's Logic. T. II. p. 431

зы», или опускать и подымать наши «психо-физическія движенія», какъ дѣлаетъ Фехнеръ, когда мы ровно ничего не знаемъ ни объ этихъ газахъ, ни объ этихъ токахъ и движеніяхъ, и когда всѣ эти газы, токи, психо-физическія движенія чистѣйшее произведеніе нашей фантазіи? Кромѣ того, что бы ни открыла физіологія въ жизни нервовъ, она, какъ и всякая другая наука внѣшней для насъ природы, не можетъ открыть ничего кромѣ движеній, какъ мы показали это въ первой части нашей «Антропологіи» [1]), а между движеніемъ и психическимъ явленіемъ нѣтъ ничего общаго: они вполнѣ несоизмѣримы. Наконецъ, теорія, стремящаяся объяснить чувствованія и желанія физіологическими процессами въ организмѣ, всегда встрѣтитъ непреодолимое препятствіе въ тѣхъ психическихъ фактахъ, которые указываютъ на такую зависимость нашихъ чувствованій отъ нашихъ представленій, что одно и тоже ощущеніе, идущее изъ внѣшняго міра, можетъ въ разное время породить въ насъ самыя различныя чувствованія и желанія. На эту-то именно зависимость нашихъ чувствованій отъ нашихъ представленій весьма удачно и плодовито для науки обратила вниманіе гербартовская теорія чувствованій, которой, по ея отличительному характеру, составляющему ея силу и ея односторонность, мы придали названіе механической.

ГЛАВА III.

Механическая или математическая теорія чувствованій.

1. Душа, по теоріи Гербарта, есть только «представляющее существо», или, вѣрнѣе, совершенно безхарактерная арена, въ которой борятся между собою представленія. Изъ этой борьбы представленій возникаютъ какъ сознаваемость ихъ, такъ и сопровождающія ихъ чувствованія и желанія [2]). Чувствованія, по теоріи Гербарта, не составляютъ чего-нибудь отдѣльнаго отъ представленій, и особенная способность души чувствовать и желать есть выдумка психологовъ. Но чувствованіе не есть представленіе, а, напротивъ, до того несоизмѣримо съ представленіемъ, что его и выразить нельзя въ формѣ представленія, потому-то чувствованія неясны [3]). «Такъ-какъ въ насъ находится множество представленій въ самыхъ разнообразныхъ соединеніяхъ, то каждое *новое восприятіе* дѣйствуетъ какъ возбужденіе (Reiz), которымъ одни представленія затрудняются, другія вызываются и усиливаются, текущія вереницы нарушаются или приводятся въ движеніе, и возбуждаются различныя душевныя состоянія. Явленіе это будетъ еще сложнѣе, если, какъ бываетъ обыкновенно, новое представленіе само по себѣ разнообразно, такъ-что оно разомъ входитъ въ разнообразныя вереницы и даетъ

[1]) Пед. Антр. т. I. Гл. XXXIX пп. 9—13.

[2]) Herbart's Schrift. zur Psychol. B. I. S. 71.

[3]) Ibid. S. 80.

имъ толчокъ, который приводитъ ихъ въ новыя соотношенія, затрудненія или слiянiя» [1]).

2. Ту же мысль развиваетъ еще болѣе послѣдователь Гербарта Вайцъ, говоря: «чувствованія не могутъ быть отдѣлены отъ представленій: гдѣ нѣтъ представленій, тамъ нѣтъ и чувствованій, и безъ хода представленій чувствованія невозможны, а возможны только ощущенія. Чувствованія порождаются въ насъ самимъ ходомъ представленій и выражаютъ собою характеръ этого хода. Одно представленіе вытѣсняетъ изъ души другое и, въ свою очередь, вытѣсняется третьимъ. Это вытѣсненіе и затрудненіе (сопротивленіе вытѣсняемаго представленія) *происходитъ съ большею или меньшею силою*. Вотъ это-то взаимное давленіе представленій, условливаемое ихъ относительною силою, а не содержаніемъ, и выражается въ чувствованіяхъ. Представленіямъ, слѣдовательно, принадлежитъ самое содержаніе, а въ чувствованіяхъ выражается только форма взаимныхъ отношеній одного представленія къ другимъ и напряженность ихъ взаимнаго гнета.»

3. Чтобы яснѣе понять гербартовскую теорію чувствованій, представимъ себѣ вмѣстѣ съ Вайцемъ [2]), что два представленія, совершенно *равносильныя*, встрѣтились въ душѣ: случай, по мнѣнію Вайца, *почти* невозможный. При такой равносильности встрѣтившихся въ душѣ представленій, они будутъ взаимно парализировать силу другъ друга и ни одно изъ нихъ не возникнетъ въ сознаніи; или, другими словами, отъ такой встрѣчи двухъ равносильныхъ представленій въ душѣ не образуется сознательнаго представленія. (Спрашивается, между прочимъ, кто же будетъ сознавать эти несознаваемыя представленія и равенство ихъ силъ, и что такое представленіе внѣ сознанія, какъ мѣтко спрашиваетъ гербартіанцевъ гегелистъ Розенкранцъ?) Но при этомъ столкновеніи равносильныхъ представленій, хотя ни одно изъ нихъ не возникнетъ къ сознанію, состояніе души будетъ уже иное, чѣмъ то, какое было бы въ ней вовсе безъ борьбы представленій. Такъ тѣло, поддерживаемое другимъ тѣломъ, остается въ покоѣ: оно не падаетъ, но стремленіе его упасть выражается въ его вѣсѣ. Эта-то относительная стремительность и взаимный гнетъ представленій, такъ сказать, относительный вѣсъ ихъ, выражается въ различныхъ чувствованіяхъ. Чѣмъ сильнѣе будутъ два парализирующія другъ друга представленія, тѣмъ и степень чувства будетъ сильнѣе. «Ясно, говоритъ Вайцъ, что въ такомъ случаѣ состояніе души будетъ зависѣть вовсе не отъ *качественнаго содержанія* представленій, взаимно противудѣйствующихъ (парализирующихъ другъ друга) и потому несознаваемыхъ, но отъ степени силы, которою обладаютъ эти парализирующія другъ друга представленія.» Но такая равносильность представленій—

[1]) Ibid. § 39. S. 32.
[2]) Waitz. § 30 S. 293—295.

случай *почти* невозможный [1]), такъ какъ, по теоріи Гербарта, представленія находятся въ состояніи безпрестаннаго пониженія и возникновенія (ослабленія и усиленія) и кромѣ того всегда возможно появленіе въ сознаніи новыхъ представленій, которыя нарушатъ равновѣсіе борющихся представленій или замѣняютъ ихъ собою. Гораздо обыкновеннѣе то явленіе, что одно представленіе оказывается слабѣе другаго и, слѣдовательно, вытѣсняетъ его изъ сознанія. Но если при этомъ въ душѣ удерживается представленіе, положимъ, съ силою А, безъ всякаго противодѣйствія другаго представленія, то состояніе души будетъ уже иное, чѣмъ-то, какое она испытаетъ, если предположить въ ней представленіе, положимъ, съ силою А + *д*, которое для того, чтобы удержаться въ сознаніи, должно тѣснить другое представленіе, стремящееся войти въ сознаніе съ силою *д*. Въ обоихъ случаяхъ за сознаваемымъ представленіемъ останется только сила А, но состояніе души въ обоихъ случаяхъ будетъ различно, и вотъ это-то различіе и выражается въ насъ чувствованіемъ (Gefühl).

«Каждый гнетъ одного представленія другими, говоритъ Вайцъ, долженъ сопровождаться опредѣленнымъ чувствованіемъ, сила котораго измѣряется силою вытѣсняемаго представленія. Такъ, чѣмъ болѣе будетъ сила *д* въ приведенномъ примѣрѣ, тѣмъ замѣтнѣе будетъ чувствованіе, которымъ сопровождается первое представленіе, удерживающееся въ сознаніи еще съ силою А. Такимъ образомъ качественное содержаніе того, что представляется, нисколько при этомъ не измѣнится, и чувствованіе, совершенно независимо отъ качественнаго содержанія представленія, основывается только на образѣ и способѣ (Art und Weise) вступленія представленія въ сознаніе и тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ представленіе дѣйствительно вступаетъ въ сознаніе [2])».

4. Въ этомъ наблюденіи надъ появленіемъ чувствованій въ душѣ чрезвычайно много вѣрнаго, и Гербарту первому принадлежитъ честь глубоко, хотя односторонне, анализировать *такое* именно появленіе чувствованій въ душѣ, на которое, впрочемъ, обратилъ вниманіе еще Спиноза. «Различные люди», говоритъ Спиноза, «могутъ быть различно аффектированы однимъ и тѣмъ же предметомъ, и одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть различно аффектированъ однимъ и тѣмъ же предметомъ въ различное время» [3]). Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая въ себѣ зарожденіе чувства гнѣва, радости, печали и т. п., мы скоро убѣдимся, что въ этихъ чувствованіяхъ

---

[1]) Однако любопытно было бы знать тѣ исключенія, которыя заставили сказать Вайца *почти*. Такія исключенія объяснили бы намъ многое, какъ многое объясняютъ въ физіологіи уродливыя, повидимому, произведенія природы. Мы думаемъ однако, что Вайцъ не могъ оправдать своего *почти* психическими фактами, иначе онъ долженъ бы былъ признать возможность чувствованія безъ представленія, что именно отвергается гербартовской теоріей.

[2]) Waitz. § 40 S. 295.

[3]) Spinosa. Eth. P. 1. Prop. 51.

именно выражается отношеніе уже готоваго содержанія нашей души къ представленію, которое вновь вступаетъ въ наше сознаніе, или, почему бы то ни было, вновь возникаетъ въ нашей памяти, переходя изъ безсознательнаго состоянія въ сознательное. Не само по себѣ содержаніе представленія, а его отношеніе къ другимъ, уже находящимся въ насъ представленіямъ, условливаетъ появленіе чувствованія и его характеръ. Впослѣдствіи мы оцѣнимъ все психологическое и педагогическое значеніе этого зоркаго наблюденія, которое, вмѣстѣ съ наблюденіемъ надъ ассоціацiей представленій, положило основу опытной психологіи. Но теперь намъ слѣдуетъ указать на его односторонность и на то, что Гербартъ и его послѣдователи, увлекаясь этимъ вѣрнымъ, но одностороннимъ воззрѣніемъ, сдѣлали изъ него выводы, какихъ нельзя было сдѣлать.

5. Прежде всего мы видимъ, что Гербартъ даетъ душѣ слишкомъ механическій характеръ, представляя ее въ видѣ какой-то борьбы представленій, причемъ степень ихъ взаимнаго давленія и сопротивленія выражается различными чувствованіями. Все это дѣлается какъ-то само собою, безъ участія тѣла съ одной стороны и безъ участія души съ другой. Положимъ, однако, что такое представленіе души, какъ ни трудно примириться съ нимъ живому чувству человѣка, возможно; но, спрашивается, имѣлъ ли право Гербартъ, даже при такомъ механическомъ или математическомъ представленіи души, отрицать въ ней особенную способность къ чувствованіямъ, какъ это онъ дѣлаетъ? Положимъ, что чувствованія происходятъ отъ разнообразія въ силѣ давленія одного представленія другимъ, но все же, чтобы чувствовать это различіе силъ, душѣ нужна особенная способность. Душа должна имѣть способность не только сознавать восторжествовавшее представленіе, но и чувствовать ту степень усилія, въ которую обходится представленію эта возможность удержаться въ сознаніи. Влагая эту способность въ самое представленіе, вмѣсто того, чтобы влагать его въ душу, мы собственно не измѣняемъ дѣла и не подвигаемся ни на шагъ въ разъясненіи происхожденія этихъ психическихъ явленій. Что же объяснится намъ въ этомъ происхожденіи, если мы примемъ, что не душа, а каждое представленіе, само по себѣ, сознаетъ въ одно и тоже время свое содержаніе и свое механическое отношеніе къ другимъ представленіямъ, усиливающимся войти въ сознаніе? Самая сила давленія одного представленія другимъ зависитъ, конечно, не отъ чего-либо иного, а отъ того же содержанія представленій. Что же выиграетъ наука, если вмѣсто одной души съ двумя способностями, сознанія и чувствованія, она поставитъ столько же душъ, сколько представленій, и признаетъ за представленіемъ также двѣ способности: способность сознавать свое собственное содержаніе и способность чувствовать отношеніе этого содержанія къ содержанію другихъ представленій? Разъясненіе фактовъ не подвинется отъ этого ни на шагъ впередъ и мы только, вмѣсто одной гипотезы, съ которою такъ сроднилась наша

душа, поставивъ другую, съ которой она не можетъ примириться, не смотря на всѣ свои усилія.

6. Но главный недостатокъ гербартовской теоріи тотъ, что она не объясняетъ самаго важнаго, именно того, для объясненія чего она создана: не объясняетъ специфическаго, качественнаго различія въ чувствованіяхъ, обративъ все вниманіе только на степень ихъ силы. Однако же степень силы чувствованія и его специфическое качество не одно и то же, и каждое изъ чувствованій, не теряя своего специфическаго характера, можетъ быть сильнѣе и слабѣе. Горе ни въ какомъ случаѣ не есть слабая или сильная степень радости, хотя горе и радость одинаково могутъ быть слабы и сильны. Признавъ, что душа ощущаетъ всякое замедленіе или ускореніе въ ходѣ своей дѣятельности, его перерывчатость или его постоянство, взаимное давленіе представленій другъ другомъ, мы все же не объяснимъ себѣ, почему одни изъ этихъ явленій будутъ душѣ пріятны, а другія непріятны,—самое *качество* чувствованій останется загадкой, неразрѣшимою, по теоріи Гербарта, которая, какъ и всякая другая математическая теорія может объяснить въ явленіяхъ только то, что есть въ нихъ количественнаго, а не качественнаго.

7. Всего очевиднѣе достоинство или недостатки данной гипотезы высказываются, конечно, при самомъ объясненіи ею тѣхъ явленій, для объясненій которыхъ она создана. Вотъ почему мы позволимъ себѣ, признавая всю важность гербартовской теоріи чувствованій, анализировать самую приложимость ея къ объясненіямъ психическихъ явленій. Возьмемъ для этого, напр., душевно-умственное чувство ожиданія,—одно изъ «простѣйшихъ и важнѣйшихъ чувствъ», по выраженію Вайца, и изъ котораго гербартіанцы выводятъ многія другія.

Чувство ожиданія, по гербартовской теоріи, возникаетъ изъ того, что въ душѣ нашей уже установились вереницы какихъ-нибудь представленій, соотвѣтствующія рядамъ какихъ-нибудь внѣшнихъ явленій, напр. ряду явленій природы, или ряду поступковъ человѣка. Естественно, что если что-нибудь вызоветъ въ сознаніи первое звено данной вереницы представленій, то оно повлечетъ за собою другое, за другимъ потянется третье и т. д., изъ чего само собою возникнетъ *чувство ожиданія*. Но положимъ, что въ ряду явленій природы, соотвѣтствовавшемъ вызванной вереницѣ представленій, появится какой-нибудь *новый* членъ или исчезнетъ одинъ изъ прежнихъ, тогда появится *чувство обмана* (Täuschung [1]).

Это совершенно вѣрно; но ожиданіе и обманъ только формальныя чувствованія, они одинаково могутъ быть пріятны и непріятны, полны страха или надежды, возбуждать радость или печаль, гнѣвъ или злобу. Если мы ожидаемъ какой-нибудь бѣды, то можетъ ли быть что-нибудь пріятнѣе обмана въ этомъ ожиданіи? Вотъ этого-то механическая теорія

[1]) Waitz § 32, S. 302.

и не можетъ объяснить. Она говоритъ: «чувство удовлетвореннаго ожиданія *необходимо* пріятно, такъ какъ весь процессъ принялъ такой исходъ, какого требовало теченіе представленій» [1]). Но во 1), это положеніе противорѣчитъ факту: мы никакъ не думаемъ, чтобы человѣкъ, получившій прощеніе подъ самой висѣлицей, очень обидѣлся тѣмъ, что исходъ теченія его представленій измѣнился, а во 2), слово *необходимо* ничего само по себѣ не объясняетъ: почему же необходимо? Почему душѣ пріятенъ безпрепятственный ходъ ея представленій, и почему ей непріятны препятствія, мѣшающія этому ходу? Не значитъ ли это, другими словами, что въ душѣ, кромѣ представленій, слѣдуетъ предположить *стремленіе* къ безпрепятственной психической дѣятельности, — стремленіе, независящее отъ самихъ представленій? Но этого-то именно и не хочется *механической* теоріи, которая поставила себѣ задачею «показать, какъ могутъ появиться *пріятныя* и *непріятныя* чувства безъ всякаго отношенія къ чувственнымъ стремленіямъ, и безъ какихъ бы то ни было прирожденныхъ склонностей и стремленій» [2]). Но развѣ сказать «необходимо пріятно» или «необходимо непріятно» значитъ показать, почему пріятно или непріятно?

8. Возьмемъ другой примѣръ приложенія гербартовской теоріи къ частнымъ психическимъ явленіямъ. Такъ, теорія эта вынуждена объяснять скуку утомленіемъ [3]); но это объясненіе ясно противорѣчитъ общему сознанію, которое готово скорѣе назвать скуку недостаткомъ утомленія, необходимаго для спокойствія души, что опять указало бы намъ на необходимость признать въ душѣ стремленіе къ дѣятельности, а этого-то и не могла допустить гербартовская теорія. Точно также мы могли бы указать на безсиліе *механической* теоріи объяснить вполнѣ чувство удивленія, сомнѣнія и т. п., если бы это не завело насъ слишкомъ далеко и если бы объясненіе этихъ специфическихъ чувствованій не ожидало насъ впереди.

9. Но если уже въ объясненіи такихъ *формальныхъ* чувствованій, каковы: *ожиданіе*, *нетерпѣніе*, *чувство обмана*, *удивленіе*, *скука* и т. п. механическая теорія оказывается односторонней, то еще болѣе выражается эта односторонность, когда дѣло доходитъ до такихъ чувствъ, полныхъ опредѣленнаго содержанія, каковы: горе, радость, страхъ, гнѣвъ, тѣлесныя страданія и наслажденія. Всѣ эти чувствованія, которыя именно на всѣхъ человѣческихъ языкахъ и называются чувствованіями,—*механическая* теорія просто вычеркиваетъ не только изъ своего списка чувствованій, давъ имъ особое названіе *аффектовъ*, но даже прямо изъ списка *психическихъ* явленій, отбрасывая всѣ аффекты въ область *физіологіи* [4]).

[1]) Waitz § 32, S. 308.
[2]) Ibid. S. 903.
[3]) Ibid. § 34 S. 35.
[4]) Herbart's Lehrb. der Psychol. S. 76.

У самого Гербарта есть еще попытка психологически объяснить стра данія и наслажденія [1]); но такъ какъ эта попытка не могла удаться и обличала только односторонность теоріи, то Вайцъ прямо отказывается отъ нея и сваливаетъ все дѣло на физіологію [2]). И въ этомъ случаѣ Вайцъ послѣдовательнѣе своего учителя; въ самомъ дѣлѣ, чувствованія *тѣлесныхъ* страданій или наслажденій нѣтъ никакой возможности вывести изъ борьбы представленій.

Но эта невозможность относится не къ однимъ *тѣлеснымъ чувствованіямъ*, и напрасно механическая теорія старается отдѣлить ихъ отъ *душевныхъ* [3]): и тѣ, и другія одинаково ощущаются душою, и если предметы душевнаго и тѣлеснаго наслажденія различны и если этимъ различіемъ условливается даже самая прочность наслажденій, то тѣмъ не менѣе удовольствіе все же остается однимъ и тѣмъ же чувствомъ удовольствія, чѣмъ бы оно ни было вызвано. Страданіе отъ голода, конечно, не зависитъ отъ представленій, а напротивъ часто самое теченіе представленій зависитъ отъ чувства пробуждающагося голода. Точно также нерѣдко и чувство гнѣва, страха или веселости вовсе не выходитъ изъ представленій, а, напротивъ, самими этими чувствованіями условливается характеръ представленій. Многія патологическія явленія (о которыхъ подробнѣе мы скажемъ ниже) указываютъ прямо на возможность возбужденія въ душѣ различнаго рода чувствованій: гнѣва, страха, печали, любви, вовсе независимо отъ представленій, такъ что эти чувствованія, возбужденныя въ душѣ болѣзненнымъ состояніемъ организма (бѣшенствомъ, ипохондріей, и т. п.), уже сами подбираютъ соотвѣтствующія имъ представленія, а не выходятъ изъ хода представленій.

10. Вотъ почему сторонники механической теоріи Гербарта, Дробишъ, Вайцъ и даже Бенеке (наиболѣе удалившійся отъ этой теоріи), вовсе выбрасываютъ перечисленныя нами *характерныя* чувствованія изъ ряда чувствованій, дѣлаютъ изъ нихъ особый родъ *аффектовъ* [4]) и, по большей части, обходятъ ихъ объясненіе. Въ отдѣлѣ чувствованій они оставляютъ только именно тѣ *умственныя* чувствованія, которыя на общепринятомъ языкѣ всего рѣже называются этимъ именемъ, каковы напр. чувство ожиданія, сомнѣнія, контраста, удивленія и т. п. *формальныя* чувствованія, сопровождающія нашъ умственный процессъ. Правда, эти психологи стараются привлечь въ ту же категорію и чувство *удовольствія* или *неудовольствія*: но мы уже видѣли, какъ неудается эта попытка Вайцу, и увидимъ ниже, какъ неудается она и Бенеке, хотя онъ и сдѣлалъ уже большую уступку, и если не призналъ стремленій, врожденныхъ душѣ, то призналъ стремительность,

---

[1]) См. Herbart's S. 77. Также Anmerk. 1. Также Waitz § 32, S. 306.

[2]) Waitz § 112, p. 413.

[3]) Waitz. ibid.

[4]) Впрочемъ это отдѣленіе сдѣлано прежде Гербарта.

врожденную его гипотетическимъ *первичнымъ силамъ*, выработываемымъ душою.

Кромѣ этихъ формальныхъ чувствъ, *механическая* теорія признаетъ еще чувства, принадлежащія только человѣку, а именно эстетическія и нравственныя [1]; но и о нихъ намъ еще не время говорить.

Спрашивается, не обличается ли односторонность теоріи и невѣрность ея основной гипотезы, если она должна выбрасывать значительнѣйшую часть явленій, для объясненія которыхъ призвана, а при объясненіи другихъ, какъ мы видѣли, впадать въ противорѣчіе съ фактомъ?

11. Желая уяснить и болѣе приложить къ фактамъ теорію Гербарта, Бенеке долженъ былъ уже нѣсколько отступить отъ нея; но такъ какъ все же онъ настаивалъ на томъ, что въ душѣ нѣтъ никакой врожденной способности чувствовать и никакихъ врожденныхъ стремленій, то и его теорія *происхожденія чувствованій* также мало удовлетворительна.

Наши читатели, безъ сомнѣнія, знакомы съ основными понятіями бенековской теоріи, и знаютъ, что по этой теоріи сознаніе и всѣ его явленія выходятъ изъ *соединенія первичныхъ силъ* души (Urvermögen) и *возбужденій* или внѣшнихъ впечатлѣній (Reize). Изъ этой-же гипотезы хочетъ вывести Бенеке *чувствованія* и *желанія*, какъ разнообразія въ соотношеніяхъ между *первичными силами* и *возбужденіями*. Эти два необходимые фактора всякаго сознательнаго явленія могутъ находиться въ слѣдующихъ *пяти* различныхъ отношеніяхъ между собою:

1) Если *возбужденіе* (впечатлѣніе) такъ слабо, что не наполняетъ собою *первичной* силы, тогда рождается чувство *неудовлетворенности*, неудовольствія (Unlust). Такъ напр., мы получаемъ чувство неудовлетворенности, неудовольствія, если разсматриваемъ предметъ, недостаточно освѣщенный, или слушаемъ звуки, слишкомъ тихіе для того, чтобы мы могли ихъ ясно разслышать.

2) Если *возбужденіе* (впечатлѣніе) какъ-разъ соотвѣтствуетъ воспринимающей *первичной силѣ*, тогда мы получаемъ въ результатѣ не чувствованіе, а *представленіе*. Такъ, когда мы разсматриваемъ предметъ при достаточномъ освѣщеніи, то у насъ рождается *ясное* о немъ представленіе.

3) Если *первичная сила* получаетъ обильное наполненіе *возбужденіемъ*, болѣе, чѣмъ ей нужно, то въ результатѣ получается *чувство удовольствія*. Таково впечатлѣніе ярко-освѣщенной бальной залы, звуковъ музыки и движенія танцующихъ паръ; таково впечатлѣніе, производимое на дѣтей рождественской елкой и т. п.

4) Если эта полнота *возбужденія* постоянно возрастаетъ, то естс-

[1]) Waitz, § 36—40.

ственно, что наконецъ *первичная сила* должна быть *перевозбуждена* (überreizt), и мы сознаемъ это отношеніе, какъ мало-по малу возникающее чувство пресыщенія и отвращенія (Ueberdruss, Ekel). Такъ, по свидѣтельству Рау, пьяницъ отучаютъ отъ водки, подмѣшивая ее во всѣ кушанья и напитки. Такъ, говорятъ, наши торговцы лакомствъ до рвоты кормятъ сладкимъ своихъ маленькихъ прикащиковъ и послѣ того считаютъ свои лакомые товары безопасными.

5) Наконецъ, если случается, что черезъ-чуръ обильное возбужденіе внезапно наполняетъ первичную силу, то получается ощущеніе боли и страданія [1]).

12. Уже само собою видно, что это таже гербартовская теорія, но менѣе глубокая и развитая, и на столько мельче, на сколько легче для пониманія; но главный недостатокъ ея тотъ же самый, какъ и теоріи Гербарта. Мы все же никакъ не выведемъ чувства изъ представленія, а должны приписать *первичнымъ силамъ*, кромѣ способности сознанія возбужденій, еще способность чувствованія разнообразныхъ отношеній къ нимъ этихъ *возбужденій*. Хотя Бенеке не утомляется повторять, что нѣтъ никакой врожденной *способности чувстованія* [2]); но въ сущности онъ признаетъ ее, только приписываетъ не душѣ, а своимъ гипотетическимъ *первичнымъ силамъ*; но такъ какъ эти силы вырабатываются душою же, то мы и не видимъ никакого выигрыша для науки признать гипотезу Бенеке. Вся разница ея съ теоріей Гербарта состоитъ только въ томъ, что ту же способность чувствованія, которую Гербартъ приписываетъ представленіямъ, Бенеке приписываетъ *первичнымъ силамъ*, главному душевному фактору представленій [3]).

13. Что же касается до объясненія частныхъ психическихъ явленій, то теорія Бенеке еще болѣе гербартовской показываетъ свою несостоятельность. Такъ, по теоріи Бенеке, недостаточность *возбужденія* (впечатлѣнія) составляетъ причину неудовольствія; но развѣ самый слабый запахъ розы непріятнѣе для насъ самаго сильнаго запаха сженаго пера? Теорія говоритъ, что постепенное и медленное возбужденіе до излишка даетъ намъ чувство отвращенія, а внезапное усиленіе—чувство страданія; но развѣ мы не испытаемъ страданія, опустивъ пальцы въ холодную воду и нагрѣвая ее медленно до степени кипѣнія? Объ этомъ могли бы сказать кое-что несчастные раки, которыхъ кухарка кидаетъ

---

[1]) Положенія взяты у Бенеке: Lehrbuch der Psychol. § 58, а объясняющіе примѣры у Рау, удачнѣйшаго популяризатора Бенеке (Rau. Benecke's Se elenlehre § 24).

[2]) Lehrbuch der Psychol., 226, 113 и др.

[3]) Первичная сила могла бы остаться совершенно равнодушною къ силѣ или слабости возбужденія. Притомъ же мы ощущаемъ не силу или слабость возбужденія относительно первичной силы, о которой мы ничего не знали бы безъ теоріи Бенеке, а удовольствіе, страданіе, страхъ; а въ этихъ чувствахъ нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, что говоритъ Бенеке.

въ холодную воду и ставитъ на плиту. По теоріи Бенеке обильно льющіяся возбужденія доставляютъ удовольствіе; но развѣ обильно льющіеся дисгармоническіе звуки и дурные запахи могутъ доставить кому-нибудь удовольствіе?

14. *Принципъ сравненія*, вводимый Бенеке въ процессъ чувствованія, также имѣетъ много справедливаго. «Подъ именемъ чувствованія,» говоритъ Бенеке, «мы разумѣемъ непосредственное сознаніе, присущее намъ въ каждый моментъ нашей бодрственной жизни, о свойствѣ нашихъ психическихъ состояній. Эти свойства (сила, возбужденность, свѣжесть, крѣпость и т. д.) мы сознаемъ, сравнивая между собою два или болѣе состоянія наши, одновременныя или близко одинъ за другимъ наступающія.» Одинъ изъ этихъ факторовъ процесса сравненія и именно тотъ, съ которымъ сравнивается, Бенеке называетъ *основаніемъ* чувствованія, а другой, приравниваемый,—*чувствованіемъ* [1]). Дѣйствительно, сравненіе не только играетъ важную роль въ степени напряженности нашихъ чувствованій, но даже можетъ измѣнить самый характеръ ихъ: такъ напр., сравнивая свое состояніе съ богатствомъ, еще большимъ, мы можемъ ощущать непріятное чувство, которое измѣняется, если мы подумаемъ о людяхъ бѣднѣе насъ. Но при этомъ мы вовсе не ощущаемъ какой-нибудь крѣпости, слабости или свѣжести соединеній *первичной силы* и *возбужденія*, а нѣчто совершенно иное, специфическое.

15. Несостоятельность механической или математической теоріи высказывается еще яснѣе, когда она хочетъ объяснить происхожденіе желаній, не признавая никакихъ врожденныхъ человѣку стремленій.

Гербартъ прямо указываетъ на трудность и даже невозможность провести границу между *желаніемъ* и *чувствованіемъ* [2]); Вайцъ, послѣдователь Гербарта, считаетъ желаніе однимъ изъ чувствованій, которое происходитъ вслѣдствіе того, «что удовлетвореніе (чего?) чѣмъ нибудь удалено» [3]). Но уже изъ самыхъ словъ Вайца видно, что неудовлетворенности чувствованій должно предшествовать *стремленіе* быть удовлетвореннымъ. Эта очевидная несообразность побудила Бенеке придать своимъ *первичнымъ силамъ* особенную *стремительность*, которую будто бы они имѣютъ *по самой природѣ своей еще до своего соединенія съ возбужденіями* [4]), т. е. прежде появленія сознанія. Неужели же и послѣ этого Бенеке могъ сказать, что онъ не признаетъ никакихъ врожденныхъ стремленій и генетически объясняетъ всѣ психическія явленія?

16. По теоріи Бенеке прирожденная стремительность остается въ первичной силѣ до тѣхъ поръ, пока сила эта *до-сыта* не наполнится

[1]) Lehrbuch der Psychol. § 235.
[2]) Lehrbuch der Psychol. § 31.
[3]) Waitz. § 40.
[4]) Beneke. §§ 26, 59, 113.

возбужденіемъ, т. е. впечатлѣніемъ. Соединеніе первичной силы и возбужденія (по минованіи періода сознательности) остается въ душѣ *слѣдомъ*, находящимся внѣ сознанія, но который можетъ быть возбужденъ къ сознательности. Если это слѣдъ *пріятнаго* впечатлѣнія, то онъ способенъ къ двоякому воспроизведенію: или какъ простое *воспоминанія* удовольствія, или какъ *желаніе* его повторенія [1]. «Если воспроизводительный актъ такъ близокъ къ первоначальному, отъ котораго остается слѣдъ въ душѣ, что впечатлѣніе удовольствія сохранилось во всей своей полнотѣ, то происходитъ *воспоминаніе* удовольствія. Но по мѣрѣ того, какъ *возбужденіе* отдѣляется и *первичная сила* становится свободною отъ возбужденія (Reizleer), свойственная ей первоначальная стремительность опять выступаетъ, но уже въ измѣненномъ видѣ: на сколько первичная сила была наполнена исчезающимъ (теперь) возбужденіемъ, на столько дѣлается она уже не *неопредѣленнымъ стремленіемъ*, готовымъ принять всякое возбужденіе, а *опредѣленнымъ желаніемъ*, стремящимся къ тому возбужденію, которымъ первичная сила была наполнена [2]. Самая напряженность стремленія опредѣляется степенью освобожденія первичной силы отъ возбужденія» [3].

17. Не говоря уже о томъ, что самое основаніе этого происхожденія желаній ложно, ибо принимаетъ логическую безсмыслицу—*стремленіе ко всему*, что равняется отрицанію стремленія, мы спросимъ только слѣдующее: имѣлъ ли при этомъ Бенеке право утверждать, что его теорія не нуждается въ признаніи какихъ бы то ни было природныхъ стремленій, и далеко ли бенековское опредѣленіе желаній отстоитъ отъ опредѣленія, дѣлаемаго Спинозою, который, какъ извѣстно, всю психическую природу основывалъ на прирожденныхъ (но конечно опредѣленныхъ) стремленіяхъ? «Желаніе», говоритъ Спиноза, «есть природное стремленіе, сопровождаемое сознаніемъ (cupiditas est appetitus cum ejusdem conscientia).» Но если и есть разница между опредѣленіями Бенеке и Спинозы, то все преимущество на сторонѣ Спинозы: его опредѣленіе не имѣетъ въ основаніи логической безсмыслицы (неопредѣленное стремленіе), какъ бенековское; оно кромѣ того яснѣе и вѣрнѣе дѣйствительности, хотя и въ немъ не достаетъ еще одной черты. Желаніе, какъ мы подробнѣе увидимъ ниже, есть уже произведеніе не двухъ, а трехъ душевныхъ факторовъ: а) прирожденнаго опредѣленнаго стремленія, условливающаго возможность того или другаго чувствованія, б) чувствованія, условливаемаго прирожденнымъ стремленіемъ, и в) сознательнаго представленія желаемаго, безъ котораго желаніе невозможно.

---

[1] Beneke. § 173, см. также Rau, § 25.
[2] Beneke. § 113, § 201.
[3] Ibid. § 171.

ГЛАВА IV.

Философская теорія чувствованій.

1. Въ послѣднее время многіе психологи, вышедшіе изъ школы Гербарта и Бенеке, разладили съ теоріями своихъ учителей именно за невозможность объяснить появленіе чувствованій и желаній помимо прирожденныхъ стремленій. И вотъ понятіе *стремленія* (Trieb), вновь поддержанное философіей Шопенгауера, стало играть въ психологіи первенствующую роль. Но, конечно, идея *врожденныхъ стремленій*—вовсе идея не новая. Вся философія Платона построена на врожденныхъ человѣку стремленіяхъ. Стоическая школа защищала эту мысль въ борьбѣ съ эпикурейцами, и послѣдователь стоиковъ, Цицеронъ, весьма справедливо придавалъ большое нравственное значеніе тому, выводятся ли чувствованія изъ стремленій или, наоборотъ, стремленія изъ чувствованій [1]). Но можетъ быть ни у кого идея врожденныхъ стремленій не приняла такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ у Спинозы. Онъ не только называлъ желаніе «сознательнымъ стремленіемъ», но и во всѣхъ рѣшеніяхъ души видѣлъ «ничто иное, какъ одно ея стремленіе, которое разнообразится, смотря по различію состоянія тѣла», такъ что стремленія тѣла и рѣшенія души у Спинозы одно и тоже [2]), а самое стремленіе есть *сущность* человѣка, изъ которой проистекаютъ всѣ измѣненія, необходимыя для самосохраненія этой сущности [3]). Но такъ какъ умъ, по мнѣнію Спинозы, есть тоже самое, что и воля (Voluntas et intellectus unum et idem sunt) [4]), то изъ этого уже видно, какую всеобъемлющую и всеобъясняющую роль имѣло *природное стремленіе* (appetitus) въ психологіи Спинозы. Это же самое стремленіе, только подъ нѣмецкимъ уже названіемъ (Trieb), легло въ основу всей Шопенгауеровской философіи.

2. Другаго взгляда на роль *стремленія* нельзя и ожидать отъ такого философа, каковъ Спиноза, и отъ такого міросозерцанія, какое выразилось въ его великой философской поэмѣ и потомъ легло въ основаніе другой великой поэмы, хотя не столь художественно обработанной и уже не оригинальной, т. е. философской системы Гегеля. Кто видитъ въ мірѣ только всемогуще-развивающуюся идею, подобную нашимъ идеямъ, но только вполнѣ завершенную и потому не знающую предѣловъ и препятствій, тотъ, конечно, не можетъ видѣть въ стремленіяхъ, желаніяхъ и актахъ человѣческой воли ничего, кромѣ выводовъ изъ этой всеобнимающей и всевыполняющей абсолютной идеи, необходимыхъ, какъ мате-

---

[1]) Cicero. De officiis. Lib. I. c. 2, 5.

[2]) Mentis decreta nihil sunt praeter ipsos appetitus.

[3]) Ibid. P. 111. Prop. 9. Schol. Совершенное же уничтоженіе воли въ стремленіи см. Eth. P. 11. Prop. 48 и 49.

[4]) Ibid. Prop. 49 Coroll. Eth. I. Prop. 32.

матическіе. Психологическія воззрѣнія Гегеля были только развитіемъ идей Спинозы, если конечно исключить тѣ пошлые компромиссы, которые внушены были Гегелю его личными и практическими разсчетами и за которые потому такъ справедливо упрекаетъ его Гейнъ. Для Гегеля, какъ и для Спинозы, душа есть только *идея* тѣла, одна изъ ступеней развитія абсолютной идеи, а при такомъ взглядѣ на душу врожденныя стремленія, конечно, должны рѣшать все [1]). Мы уже выше неоднократно указывали на несостоятельность онтологическихъ попытокъ въ психологіи; но, тѣмъ не менѣе, отвергая притязанія идеализма на тождественность абсолютной идеи во вселенной и въ умѣ философа, мы не видимъ однако надобности отвергать *единственную гипотезу*, которая можетъ сколько-нибудь уяснить намъ явленія чувствованій и желаній и ихъ взаимныя соотношенія.

3. Однако же, принимая *гипотезу врожденныхъ стремленій*, мы останемся вѣрны нашему главному принципу, и никогда не забудемъ, что это только гипотеза, призванная для объясненія психическихъ явленій, но не могущая лечь въ основу какихъ бы то ни было метафизическихъ построекъ. Признавая врожденныя стремленія, мы не должны забывать, что можемъ узнать о существованіи и характерѣ этихъ стремленій только уже тогда, когда они проявятся въ чувствованіяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ, и не имѣемъ права, не измѣняя требованіямъ науки, строить на этомъ предположеніи, какъ бы естественно оно намъ ни казалось, еще другія предположенія. Гипотеза не можетъ быть основаніемъ научныхъ соображеній, а только ключемъ въ сводѣ научнаго зданія, который придется и перемѣнить, когда, при новыхъ матеріалахъ, явится возможность поднять зданіе выше; основою же этого зданія должны быть факты, и ничего болѣе, кромѣ фактовъ. На сколько прирожденныя стремленія раскрываются намъ въ чувствованіяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ человѣка, на столько мы и въ правѣ говорить о стремленіяхъ въ такой *опытной* наукѣ, какою должна быть психологія.

4. Но не такъ думали тѣ новѣйшіе психологи (Браубахъ, Фортлаге, Фихте-младшій), которые, чувствуя необходимость воротиться къ прежней гипотезѣ стремленій и подкрѣпляемые эксцентрическою философіею Шопенгауера, положили *стремленіе* (Trieb) въ основу цѣлаго ряда соображеній и выводовъ, совершенно оторвавшихся отъ опыта и наблюденія. Мы не будемъ разбирать здѣсь теорій всѣхъ этихъ психологовъ: для этого назначается нами особое сочиненіе; но не можемъ и здѣсь уже не указать на односторонность, въ которую можетъ увлечь психолога философская система Шопенгауера.

5. Главная отличительная мысль шопенгауеровской философіи, рѣзко отличающая его систему отъ всѣхъ прежнихъ, состоитъ въ томъ, что онъ отдѣляетъ *волю* отъ *познаванія* и ставитъ ее на первый планъ;

[1]) Сравн. Spinoza. Eth. 11. Prop. 13 и 19 и Hegel's Werke. Die Philos. des Geistes. II Ahth. S. 5, 20 и др.

тогда-какъ во всѣхъ прежнихъ психологическихъ и философскихъ системахъ воля являлась только какъ выраженіе сознанія и результатъ познаванія.

Шопенгауеръ думаетъ, что «это раздѣленіе недѣлимой прежде личности (Я), или души, на двѣ разнородныя части должно имѣть для философіи тоже значеніе, какое для химіи имѣло первое разложеніе воды на ея составныя части». По Шопенгауеру «вѣчное и неразрушимое въ человѣкѣ—жизненный принципъ его—есть не душа, но, употребляя опять химическій терминъ, «радикалъ души», и этотъ радикалъ есть *воля*. Такъ-называемая душа есть уже нѣчто сложное: соединеніе воли и разума» [1]).

«Разумъ», по Шопенгауеру, «есть уже второстепенная *простая функція мозга*, произведеніе организма, и какъ отправленіе мозга условливается организмомъ. Воля, напротивъ, есть нѣчто первоначальное, основной принципъ организма, и сама условливаетъ организмъ.» «Воля есть существо само по себѣ (an sich), и это существо предварительно, въ процессѣ представленія (этой функціи мозга), представляетъ себя, какъ органическое тѣло. Только вслѣдствіе формы познаванія (или дѣятельности мозга), т. е. только въ представленіи является для каждаго его собственное тѣло, какъ нѣчто пространственное, расчлененное, органическое въ представленіи, а не внѣ представленія, не непосредственно въ самосознаніи» [2]).

Такимъ образомъ у Шопенгауера, во первыхъ, воля является какъ нѣчто вполнѣ первоначальное, какъ существо само по себѣ (als Ding an sich); во вторыхъ, тѣло является только видимостью, объективированіемъ воли, а познаваніе только функціею мозга.

6. Здѣсь не мѣсто разбирать критически мнѣніе Шопенгауера [3]), но мы замѣтимъ только, что въ этой оригинальной односторонности, которая, какъ мы думаемъ, не можетъ выдержать строгой критики, есть чрезвычайно вѣрная и глубокая мысль, есть, если не полное исправленіе промаха прежнихъ германско-философскихъ системъ, то, по крайней мѣрѣ, полное обнаруженіе этого промаха. Въ самомъ дѣлѣ, германская философія, и даже психологія, до Шопенгауера, преимущественно занималась одною познавательною способностью человѣка, одною *головою* (принимая общенародное выраженіе), оставляя разборъ *сердца* (тоже по общенародному выраженію) почти не тронутымъ. Воля, стремленія, внутреннія чувства, страсти, инстинкты, вообще вся дѣйствующая сторона человѣка, если и находили себѣ мѣсто въ философскихъ системахъ, то только весьма незначительное: разсматривались вскользь, поверхностно, скорѣе какъ незначительное добавленіе къ главному предмету, т. е. познавательной способности. Шопенгауеръ первый обратилъ вниманіе на это важное упу-

[1]) Ueber den Willen in der Natur von Schopenhauer. 1864 § 19.

[2]) Ibid., s. 20.

[3]) Мы встрѣтимся еще съ этимъ взглядомъ далѣе, въ главѣ «о волѣ».

щеніе въ изученіи человѣка. Но, какъ всякій пропагандистъ новой мысли, онъ зашелъ слишкомъ далеко, и не только поставилъ волю рядомъ съ познавательною способностію, но отбросилъ послѣднюю въ разрядъ тѣлесныхъ отправленій [1]). Между взглядомъ Шопенгауера на стремленія и взлядомъ Спинозы и Гегеля мы видимъ только ту разницу, что у идеалистовъ врожденныя *стремленія* выходятъ, какъ выводы, изъ абсолютной идеи, отразившейся въ душѣ человѣка, какъ необходимое слѣдствіе всемогущей разумности этой идеи, а изъ стремленія уже возникаютъ чувствованія, желанія и рѣшенія воли, кажущіяся намъ свободными; тогда-какъ Шопенгауеръ перерѣзываетъ эту нить, связывающую идею и ея необходимыя послѣдствія, и кладетъ въ основу всего само *стремленіе* или какую-то *безсознательную волю*, непринадлежащую никому, не порождающуюся ни изъ какой идеи, а напротивъ такую, которая сама порождаетъ идеи. Эта безсознательная воля, существующая какъ-то самостоятельно, творитъ у Шопенгауера все, а равно и у его послѣдователей, Браубаха и Фортлаге.

7. На такое понятіе о волѣ гербартіанцы обыкновенно замѣчаютъ, что «хотя и есть представленія безъ воли, но, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ сознаніи, нѣтъ воли безъ представленія того, чего хочешь, ибо, чтобы хотѣть, должно прежде всего знать, чего хочешь» [2]). Но какимъ бы дѣльнымъ не казалось намъ однако же это возраженіе Дробиша, которое онъ дѣлаетъ всѣмъ психологамъ, увлекшимся философіей Шопенгауера, но оно много теряетъ своей силы, когда мы взглянемъ на нѣкоторые общеизвѣстные факты, ясно показывающіе, что стремленіе очень часто предшествуетъ сознанію того, къ чему человѣкъ стремится. Безъ сомнѣнія, новорожденный младенецъ не имѣетъ никакихъ представленій ни о пищѣ, ни о ѣдѣ, а между тѣмъ хочетъ ѣсть [3]). Развѣ изъ представленія о ѣдѣ является желаніе ѣсть? Скорѣе можно принять наоборотъ. Развѣ въ животномъ, никогда не видавшемъ животныхъ того же рода, но другаго пола, не пробудятся половые инстинкты? Уже Локкъ, не смотря на свою вражду къ идеѣ врожденности, долженъ былъ сказать, что воля прежде всего опредѣляется «сильнѣйшимъ настоящимъ неудовольствіемъ (The greatest present uneasinesse»). И это была едва ли не единственная изъ мыслей Локка, которую вполнѣ призналъ Лейбницъ и потомъ Ридъ [4]). Та же самая мысль проводится,

---

[1]) Даже у Вундта, послѣдняго изъ германскихъ психологовъ, всего двѣ небольшія главы посвящены всѣмъ чувствованіямъ (см. Menschen-und Thierseele. II B).

[2]) Moral-Statistik von Drobisch. S. 78.

[3]) Ридъ думаетъ даже, что «тяжелое чувство голода есть все, что можетъ ощущать ребенокъ въ первые дни своей жизни». Work's of Read. Vol. II. p. 551.

[4]) Каждое стремленіе, говор. Ридъ, сопровождается ему только свойственнымъ ощущеніемъ неудовольствія. Every appetite is accompanied with an uneasy sensation propér to it). Ibid. p. 551.

во всей антропологіи Канта. Конечно, не сознаніе необходимости тепла для организма, которое приходитъ къ человѣку очень поздно, или вовсе не приходитъ, дѣлаетъ тепло пріятнымъ. Многіе ли люди знаютъ и теперь, почему тепло необходимо для организма? Мы прежде хотимъ ѣсть, чѣмъ знаемъ, что такое ѣда, и ищемъ тепла прежде, чѣмъ знаемъ, что такое тепло. «Инстинктивными движеніями, какъ говоритъ Миллеръ, и называются именно такія, разумность которыхъ не сознается» [1]). Вотъ почему Миллеръ, признавая инстинктъ столь же необходимымъ для животнаго, какъ и самая его организація, приписываетъ и самый инстинктъ той же творящей силѣ, которая выработываетъ и организуетъ животное. «Окончательная причина инстинкта, говоритъ Миллеръ, не заключается въ какомъ-нибудь органѣ, но принадлежитъ вполнѣ силѣ организующей, дѣйствующей по необходимымъ законамъ и разумнымъ принципамъ» [2]).

8. Не входя однако здѣсь въ разборъ того, что такое инстинктъ и отчего онъ зависитъ, мы видимъ въ немъ только фактъ, доказывающій очень сильно противъ гербартіанцевъ, что стремленіе можетъ предшествовать сознанію того, къ чему оно направлено, и что во всякомъ нашемъ, уже сознаваемомъ желаніи лежитъ въ основѣ такое безсознательное стремленіе. Конечно, мы привели здѣсь только такъ называемыя тѣлесныя стремленія, но и въ тѣлесныхъ стремленіяхъ есть душевные элементы. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что пріятный запахъ производитъ одно движеніе въ нашихъ обонятельныхъ нервахъ, а непріятный— другое; но здѣсь вопросъ въ томъ, почему одно изъ этихъ движеній душѣ пріятно, а другое — непріятно. «Причина этого, по выраженію знаменитаго физика Эйлера, лежитъ въ природѣ самой души и намъ неизвѣстна» [3]). Тоже самое, какъ мы увидимъ далѣе, приложимо и къ чисто душевнымъ движеніямъ, эстетическимъ и нравственнымъ.

9. Но, видя несостоятельность возраженія гербартіанцевъ, которое они выставляютъ принятію *стремленій*, какъ основъ чувствованій и желаній, мы, тѣмъ не менѣе, не становимся вполнѣ и на сторону шопенгауеровской философіи. Принимая *стремленіе*, *какъ необходимую гипотезу*, мы не забудемъ однако, что это не болѣе какъ гипотеза, и предпочитаемъ лучше остановиться на ней, чѣмъ блуждать безплодно въ туманныхъ сферахъ, куда переносится мысль, признавая *безсознательную волю* точно также, какъ и признавая *абсолютную идею*.

10. Мы уже видѣли выше, какъ вредно переносить слово *идея*, созданное для обозначенія нашего душевнаго явленія, на нѣчто внѣ насъ лежащее, на внѣшнюю природу, и объяснять ее идеями, подобными нашимъ. Точно также опасно и безплодно переносить чисто психическій терминъ воли во внѣшнюю для насъ природу и объяснять

[1]) Man. de phys. T. II. p. 77.
[2]) Ibid. p. 98.
[3]) Lettres d'Euler. L. XXVII. p. 318.

какою-то безсознательною, внѣ насъ лежащею волею даже нашу собственную волю. Мы просто не выходимъ изъ области фактовъ и гдѣ замѣчаемъ въ психическихъ явленіяхъ присутствіе сознательной воли, тамъ ее и указываемъ, а гдѣ не замѣчаемъ, тамъ указываемъ на ея отсутствіе. Наша роль въ этомъ случаѣ очень легка, мы только описываемъ явленія, не принимая на себя отвѣтственности объяснять ихъ и тамъ, гдѣ не хватаетъ фактовъ.

Чтобы понять вполнѣ необходимость такой осторожности, мы выставимъ здѣсь, какъ примѣръ того, къ чему можетъ увлечь психолога принятіе шопенгауеровской системы, систему Фортлаге; но чтобы понять систему Фортлаге, мы должны указать предварительно, какъ она сложилась.

11. Самъ Фортлаге, въ предисловіи къ своей психологіи, указываетъ съ благодарностію на Шопенгауера, Бенеке, Дюбуа-Реймона, какъ на людей, которымъ его система обязана основными идеями своими. И дѣйствительно, мы можемъ прослѣдить, какъ развилась мысль Фортлаге подъ вліяніемъ этихъ предшествовавшихъ ему писателей.

Каждому изъ нашихъ читателей, вѣроятно, извѣстна давно уже пущенная въ ходъ гипотеза *о силѣ въ скрытомъ состояніи*. Гипотеза эта имѣла свое мѣсто, имѣетъ его и теперь, въ естественныхъ наукахъ; но Бенеке первый, если мы не ошибаемся, вздумалъ перенести эту гипотезу въ психическія явленія. Въ его *слѣдахъ* сознаніе находится точно въ такомъ же скрытомъ состояніи, въ какомъ находится въ физикѣ теплородъ въ водѣ при извѣстныхъ условіяхъ. Это сознаніе въ скрытомъ состояніи обнаруживается при возбужденіи слѣда какимъ-нибудь новымъ впечатлѣніемъ. Бенеке не остановила невозможность этой мысли, т. е. невозможность признать сознаніе въ безсознательномъ состояніи; ибо что же другое можетъ значить сознаніе въ скрытомъ состояніи, какъ не *сознаніе* въ *безсознательномъ* состояніи, т. е. совершенную нелѣпость? Къ этой гипотезѣ Бенеке, которую онъ проводитъ вездѣ, нигдѣ не высказывая ее съ тою ясностью, которая очевидно обнаружила бы ея невозможность, само собою присоединилось потомъ знаменитое открытіе берлинскаго физіолога Дюбуа-Реймона, о которомъ мы уже упоминали выше [1]). Дюбуа-Реймонъ показалъ опытами, что живые нервы въ спокойномъ состояніи обнаруживаютъ электричество на электрометрѣ, а при дѣятельномъ перестаютъ обнаруживать, слѣдовательно поглощаютъ его, какъ силу, необходимую для ихъ работъ. Это навело мечтательныхъ психологовъ на мысль, что сознаніе есть подобная же живая сила, которая можетъ быть въ открытомъ и скрытомъ состояніи. Весьма естественно, къ этой мысли присоединилась и другая, а именно та, что всѣ разнородныя силы природы суть только различныя формы одной и той же силы, или лучше сказать, различныя формы движенія. Мы тоже упоминали и объ этой мысли выше. Здѣсь же скажемъ только вскользь, что мысль эта невольно подталкивала

[1]) Педаг. Антр. Ч. I. Гл. XI. п. 1.

метафизирующихъ психологовъ отыскать такой же общій принципъ *для* всѣхъ душевныхъ явленій, какой былъ отысканъ (или предполагается отысканнымъ) для всѣхъ физическихъ явленій. И этотъ принципъ они нашли въ шопенгауеровской системѣ: въ безсознательной и всемогущей волѣ или однимъ словомъ въ *стремленіи* (Trieb).

12. Переворачивая мысль Бенеке, видѣвшаго возможность выработки сознанія изъ безсознательныхъ силъ природы и существованія его въ скрытомъ состояніи, Фортлаге *переноситъ эту гипотезу въ самое сознаніе* и старается объяснять его какъ физическую силу, находящуюся въ скрытомъ, задержанномъ состояніи, въ состояніи стремленія, *напряженности*, колебанія, сомнѣнія, вопроса (im fragenden Zustande).

Чтобы сдѣлать такую гипотезу вѣроятною, Фортлаге, какъ *психологъ*, начинаетъ наблюденіемъ надъ сознаніемъ. Онъ показываетъ, что первое проявленіе сознанія выражается въ сомнѣніи, колебаніи, въ формѣ вопроса, въ формѣ любопытства, приглядыванья и прислушиванья, когда оно собственно еще ничего не видитъ и не слышитъ; что потомъ сознаніе, увидѣвъ и услышавъ, не останавливается на томъ, что видитъ и слышитъ, но все спѣшитъ впередъ и впередъ, безпрестанно спрашиваетъ, ищетъ, сомнѣвается, и въ этомъ будто бы выражается вся существенная дѣятельность сознанія. [1])

Присутствіе сознанія въ живомъ организмѣ, по Фортлаге, мы узнаемъ по произвольнымъ движеніямъ; но какъ же мы узнаемъ произволъ самыхъ движеній? Какъ отличаемъ произвольныя движенія отъ непроизвольныхъ? Задавшись этимъ вопросомъ, Фортлаге разрѣшаетъ его очень остроумно: «произвольное движеніе отъ непроизвольнаго, говоритъ онъ, отличается возможностію ошибки, а вслѣдствіе этого, сомнѣніемъ, нерѣшительностію, колебаніемъ въ выборѣ. Если магнитная стрѣлка обращается однимъ концомъ *всегда* къ сѣверу, то непроизвольность этого движенія мы именно выводимъ изъ того, что стрѣлка всегда и безошибочно обращается къ сѣверу. Произвольность же движеній животнаго тѣмъ и отличается, что животное можетъ ошибиться, а потому сомнѣвается, колеблется, смотритъ, слушаетъ, ощупываетъ вопросительно. Какъ только это вопросительное состояніе прекращается, такъ прекращается и сознаніе. Какъ только колебаніе превращается въ рѣшеніе, такъ и сила, проявляющаяся сознаніемъ въ своей вопросительной формѣ, превращается въ безсознательно дѣйствующую силу, двигающую животное [2]).

13. До сихъ поръ Фортлаге не выходитъ изъ области психологіи, и мы можемъ быть только благодарны ему, что онъ внесъ въ нее новую идею, которая справедлива, если только принять въ разсчетъ ея односторонность и то, что она не объясняетъ всей сущности сознанія, а беретъ одну его сторону. Если бы мы могли наблюдать сознаніе только

---

[1]) System der Psychologie, von K. Fortlage. 1855. Erst. Th. § 7 und § 8.

[2]) Ibid. S. 93 и др.

въ другихъ живыхъ существахъ (что, конечно, невозможно), а не въ самихъ себѣ, то не могли бы ничего прибавить къ опредѣленію сознанія, которое даетъ намъ Фортлаге. Мы и могли бы узнать о сознаніи только какъ о сомнѣніи, нерѣшительности и т. д.; но, имѣя возможность наблюдать сознаніе въ самихъ себѣ, мы видимъ, что оно не всегда выражается въ формѣ вопроса или сомнѣнія, а гораздо чаще въ формѣ непосредственнаго чувства. Какое же тутъ сомнѣніе, если мнѣ больно и я чувствую боль? Въ выборѣ средствъ избавиться отъ боли проявится уже колебаніе, но самое чувство боли предшествуетъ этому колебанію.

Слѣдовательно, теорія Фортлаге въ психологическомъ отношеніи односторонняя и есть выводъ изъ наблюденій, а не самонаблюденій. Но эта теорія была ему нужна для другой цѣли, которая раскрывается вполнѣ только въ началѣ втораго тома его психологіи.

Такъ уже онъ прямо говоритъ: «Стремленіе (Trieb), подобно теплотѣ и электричеству, есть невѣсомое существо (imponderabiles Wesen), которое, входя въ малѣйшія частицы массы, импульсы которыхъ имъ заряжены, проявляется преходящимъ образомъ въ видѣ опредѣленной силы» [1]).

Зная же, что вся психологія Фортлаге построена на *стремленіи* и всѣ психологическія явленія объясняются какъ стремленія, мы поймемъ все значеніе брошеннаго здѣсь намека, что стремленіе, эта основа, или лучше, сущность души, эта основа всѣхъ психическихъ явленій, есть ничто иное, какъ *невѣсомое вещество*, подобное электричеству или теплотѣ. Это еще тѣмъ яснѣе, что нѣсколько выше Фортлаге требуетъ, въ противоположность Гегелю, не признававшему стремленій въ бездушной природѣ [2]), чтобы и въ физикѣ всѣ невѣсомые агенты назывались не *силами*, а *стремленіями* [3]).

14. Далѣе Фортлаге развиваетъ свою мысль такъ: «Не стремленіе вообще даетъ намъ знать о свойствахъ невѣсомаго агента, но только стремленіе въ незадержанномъ или безсознательномъ состояніи; тогда какъ стремленіе въ возвышенномъ (напряженномъ) и въ само на себя обращенномъ состояніи, т. е. въ состояніи вопроса есть существо, доступное только внутреннему наблюденію или внутреннему чувству. Внутреннее же наблюденіе показываетъ намъ, что стремленіе не перестаетъ быть стремленіемъ, проявляясь дѣятельною силою въ пространственныхъ движеніяхъ, что его специфическія свойства, законы его механизма и его переходовъ, существенно одни и тѣже какъ въ сознательномъ, такъ и въ безсознательномъ состояніяхъ». (Фортлаге не подумалъ о томъ, что это, можетъ быть, происходитъ отъ того, что самые невѣсомые агенты и теоріи ихъ проявленій суть только созданія человѣческой души и что самое понятіе о силѣ взято нами изъ психическаго міра и перенесено

---

1) Ibid. Zweit Th. S. 23.

2) Die Phil. des Geistes. § 426.

3) Syst. der Psych. v. Fortlage, Lr. T. 25.

на физическій) [1]. «Вотъ почему, говоритъ Фортлаге, можно бы всѣ невѣсомыя жидкости физики назвать стремленіями, только имѣя при этомъ въ виду, что стремленіе есть обширнѣйшее понятіе, а невѣсомая жидкость—болѣе тѣсное (т. е. невѣсомая жидкость есть видъ, а стремленіе—родъ), или, что хотя всѣ невѣсомые агенты могутъ быть названы стремленіями и именно стремленіями на извѣстной спеціальной ступени ихъ существованія, но что не всѣ стремленія дѣйствуютъ какъ невѣсомыя жидкости, а только тѣ, которыя находятся въ безсознательномъ состояніи» [2].

То есть, выражаясь яснѣе, Фортлаге хочетъ сказать: сознаніе есть невѣсомая жидкость; но не всякая невѣсомая жидкость есть сознаніе, а только та, которая находится въ сознательномъ состояніи. Въ сознательномъ же состояніи находится невѣсомая жидкость тогда, когда она находится въ скрытомъ, задержанномъ состояніи (gehemten Zustande), какъ теплородъ въ водѣ. Слѣдовательно, изъ этого выходитъ прямо, что вода со скрытымъ въ ней теплородомъ есть сознательное существо. Этого-то вывода и не хотѣлось Фортлаге. Вотъ почему, можетъ быть, онъ и выразился здѣсь такъ темно.

15. Говоря далѣе о томъ, что импульсы невѣсомыхъ дѣятелей переходятъ съ одной массы на другую, не имѣя однако самостоятельнаго бытія безъ отношенія къ массамъ, Фортлаге вдругъ дѣлаетъ такой, ни изъ чего не вытекающій, выводъ: «Если мы сдѣлаемъ одинъ шагъ, то натолкнемся на такія жидкости (fluida), которыя не только имѣютъ способность переходить съ массы на массу со своими импульсами, но также могутъ оставаться въ колебаніи (in der Schwebe zu stehen), перейти ли имъ на массу *a*, или на массу *b*, или не переходить ни на ту, ни на другую, *и въ этомъ нерѣшительномъ колебаніи могутъ пребывать цѣлые періоды времени, не сообщая своихъ импульсовъ ни одной изъ массъ, около которыхъ вертится вопросъ*. Такіе агенты называются *стремленіями*, на сколько они сообщаютъ свои импульсы извѣстнымъ массамъ, а на сколько они, не сообщая своихъ импульсовъ, остаются сами въ себѣ замкнутыми, называются они *актами сознанія* и *пониманія*» [3].

Спрашивается, почему такую простую мысль такъ затемнилъ Фортлаге? Мы думаемъ потому, что обнаженная отъ своихъ ученыхъ тумановъ и переведенная на простой человѣческій языкъ, она является самою невѣроятною гипотезою; а между тѣмъ это любимая мысль Фортлаге.

16. Фортлаге говоритъ: стоитъ сдѣлать одинъ шагъ, чтобы перейти отъ невѣсомой жидкости физики къ невѣсомой жидкости сознанія, и дѣлаетъ прыжокъ, въ которомъ всякая логика сломитъ себѣ шею. Невѣ-

---

[1] Какъ мы то показали выше. См. Человѣкъ какъ пред. воспит. Т. I, глава XXXV пп. 19—24.

[2] Fortlage, zw. Th. S. 26 и 27.

[3] Ib. § 27 и 28. Курсивъ въ подлинникѣ.

сомыя жидкости—не только гипотеза, но и устарѣлая гипотеза. Но и прежде никто не предполагалъ невѣсомыхъ жидкостей существующими отдѣльно отъ тѣлъ, а только въ тѣлахъ въ скрытомъ состояніи, выходя изъ котораго они производятъ ощущаемыя явленія. Фортлаге же признаетъ невѣсомую жидкость, которая можетъ въ продолжительный періодъ времени балансировать между тѣлами, какъ птица на воздухѣ, не рѣшаясь, на которое изъ нихъ спуститься. Кромѣ того мы можемъ еще понять физическую гипотезу о скрытомъ, задержанномъ (gehemten) теплородѣ или электричествѣ именно потому, что они предполагаются скрытыми въ какомъ-нибудь тѣлѣ или задержанными этимъ тѣломъ, недопускающимъ ихъ проявиться; но въ чемъ же скрытъ такой балансирующій между тѣлами *флюидумъ?* Ужъ не въ самомъ ли себѣ? Но вѣдь это невозможно. Если мы говоримъ, что человѣкъ можетъ скрыться самъ въ себѣ, то это потому, что человѣкъ организмъ; но какъ же спрячется само въ себя тѣло однообразное, состоящее изъ однообразныхъ атомовъ? Какъ спрятаться желѣзу въ самого себя?

Но да не подумаетъ читатель, что въ обширномъ и глубоко-обдуманномъ сочиненіи Фортлаге только и есть, что эта гипотеза. Правда, она составляетъ любимую мысль Фортлаге, красную нить его книги; но тѣмъ не менѣе у Фортлаге много совершенно новыхъ и удачныхъ психическихъ анализовъ, которыми, безъ сомнѣнія, воспользуется наука.

17. Мы съ намѣреніемъ остановились на мнѣніяхъ Фортлаге, чтобы показать читателю, какъ опасно, принявъ даже *самую необходимую*, *самую неизбѣжную гипотезу*, счесть эту гипотезу за фактъ и строить на ней цѣлое міросозерцаніе.

Невозможно не признать въ человѣкѣ *стремленій*, предшествующихъ появленію чувствованій и желаній и условливающихъ ихъ появленіе и ихъ характеръ. На существованіе такихъ стремленій указываютъ факты, ясные какъ день и извѣстные каждому. Разбирая теорію Гербарта и его послѣдователей, мы показали читателю, какъ невозможно обойтись психологіи безъ признанія врожденныхъ стремленій, а разбирая мнѣнія послѣдователей Шопенгауера, мы показали, какъ опасно увлечься этою, вполнѣ необходимою гипотезою. Вотъ почему мы постараемся воспользоваться теоріей стремленій для группировки и объясненія душевныхъ явленій и въ то же время удержимся отъ всякихъ фантазій, въ какія насъ увлекла бы эта гипотеза, если бы мы придали ей значеніе факта.

О существованіи стремленій мы можемъ узнать только въ ихъ проявленіи, т. е. тогда только, когда стремленіе становится сознаваемымъ, а сознаваемое стремленіе есть уже не стремленіе, а чувствованіе или желаніе. Слѣдовательно, стремленіе есть *гипотеза*, но *гипотеза необходимая*. Такою мы ее и признаемъ.

ГЛАВА V.

Гипотеза стремленій.

1. Прежде всего взглянемъ на то, для означенія какого понятія мы употребляемъ слово *стремленіе*.

Замѣчая, что магнитная стрѣлка, какъ бы мы ее ни отклоняли, предоставленная себѣ самой, всегда однимъ концомъ своимъ обращается къ сѣверу, и не зная дѣйствительной причины такого явленія, мы говоримъ, что магнитная стрѣлка имѣетъ *стремленіе* обращаться однимъ концомъ своимъ къ сѣверу, а другимъ къ югу. Мы называемъ, слѣдовательно, стремленіемъ не самую дѣятельность стрѣлки, но *неизвѣстную намъ причину*, которая въ данномъ случаѣ заставляетъ магнитную стрѣлку двигаться, и притомъ двигаться такъ, а не иначе. Замѣтимъ при этомъ, что если бы мы увидали, что кто-нибудь подвинулъ одинъ конецъ стрѣлки къ сѣверу, то мы не назвали бы этого стремленіемъ. Слѣдовательно, мы называемъ стремленіемъ не только неизвѣстную намъ причину замѣчаемой нами дѣятельности, но и притомъ такую причину, которую мы предполагаемъ въ самомъ существѣ, обнаруживающемъ ту или другую дѣятельность, а не внѣ его.

2. Если замѣчаемую нами дѣятельность обнаруживаетъ существо живое, то въ этомъ случаѣ, вмѣсто слова *стремленіе*, мы часто употребляемъ другое слово: *инстинктъ;* но разумѣемъ подъ словомъ инстинктъ какъ-разъ тоже самое, что разумѣемъ и подъ словомъ стремленіе, т. е. разумѣемъ неизвѣстную намъ причину замѣчаемой нами дѣятельности живаго существа и притомъ причину, лежащую въ самомъ живомъ существѣ, а не внѣ его. И замѣчательно, что если намъ удается открыть причину дѣятельности животнаго, лежащую или въ его организмѣ, или въ его жизненномъ опытѣ и предполагаемомъ разсудкѣ, то мы не называемъ уже этой причины инстинктомъ. Слѣдовательно, подъ именемъ инстинкта и животнаго стремленія мы разумѣемъ всегда и непремѣнно *неизвѣстную намъ причину дѣятельности, лежащую въ самомъ существѣ, обнаруживающемъ ту или другую дѣятельность*. Замѣчая напр., что черепаха, только что вышедшая изъ яйца, на песчаной морской отмели, тотчасъ же устремляется къ морю, мы указываемъ причину такого явленія въ инстинктѣ этого животнаго, именно потому, что не можемъ предположить, чтобы черепаха, находясь еще въ яйцѣ, могла что-нибудь узнать о морѣ и его положеніи, о томъ, что это именно тотъ элементъ, гдѣ ей назначено жить, и о томъ, наконецъ, что на берегу ей очень опасно, такъ какъ множество птицъ хотятъ поживиться ея мягкимъ тѣломъ. Не имѣя возможности предположить такихъ сложныхъ опытныхъ знаній въ черепахѣ, только что вышедшей изъ яйца, мы указываемъ причину ея цѣлесообразнаго движенія къ морю во врожденномъ ей инстинктѣ, т. е. выражаясь проще, говоримъ, что *причина этого явленія намъ неизвѣстна*, но что причина эта, по нашей вѣрѣ въ причин-

ность всѣхъ явленій [1]), непремѣнно должна быть, и притомъ въ самой черепахѣ, а не внѣ ея.

3. Это послѣднее качество стремленій и инстинктовъ, т. е. что они лежатъ въ самомъ дѣйствующемъ существѣ, подало Спинозѣ поводъ выводить самое стремленіе изъ сущности существа. И дѣйствительно, между нашимъ понятіемъ *сущности* и нашимъ понятіемъ *стремленія* нѣтъ большой разницы. Подъ именемъ сущности мы разумѣемъ спокойную причину или совокупность спокойныхъ причинъ характеристической дѣятельности того или другаго существа. Подъ именемъ же стремленія мы разумѣемъ уже дѣйствующую причину дѣятельности. Такъ напр., мы говоримъ: при нагрѣваніи такихъ-то двухъ тѣлъ, въ нихъ обнаруживается стремленіе къ химическому соединенію. Но и здѣсь мы опять же не знаемъ, не есть-ли сама сущность та же дѣятельность, только скрытая отъ нашего наблюденія, слѣдовательно, и не можемъ логически отдѣлить понятіе *сущность* отъ понятія *стремленіе*. Еще Спиноза сказалъ, что тѣла отличаются одно отъ другаго движеніемъ или покоемъ, быстротою или медленностію движенія, а «не сущностію» [2]). Эта мысль геніальнаго философа нашла себѣ обширное подтвержденіе въ современномъ естествознаніи, которое также стремится доказать, что разнообразіе явленій зависитъ отъ разнообразія въ движеніяхъ, и успѣло доказать это вполнѣ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи теплоты и движенія [3]).

Слѣдовательно, *стремленіемъ мы называемъ неизвѣстную намъ причину дѣятельности, обнаруживаемую тѣмъ или другимъ существомъ, и притомъ такую причину, которую мы предполагаемъ въ самой сущности даннаго существа.* Таково логическое происхожденіе идеи стремленія. Эта идея, слѣдовательно, есть *субъективная*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *логически необходимая* идея, столь же необходимая, какъ идея сущности или идея причины.

4. Если мы перенесемъ наблюденіе стремленія въ психическую сферу, и станемъ наблюдать его въ самихъ себѣ, то придемъ совершенно къ тождественнымъ результатамъ. И въ себѣ самихъ мы называемъ стремленіемъ неизвѣстную намъ причину, возбуждающую въ насъ тѣ или другія психическія или психофизическія явленія. Такъ напр., мы не назовемъ стремленіемъ или инстинктомъ той причины, которая заставляетъ насъ строить домъ, шить теплую одежду, запасать хлѣбъ на будущій годъ,—не назовемъ именно потому, что мы видимъ причину этихъ нашихъ дѣятельностей въ сознательной мысли о ихъ необходимости или о ихъ пользѣ для насъ. Если же мы называемъ инстинктомъ или животнымъ стремленіемъ причину, побуждающую только-что родившееся дитя искать пищи въ сосцахъ матери и выполнять при этомъ очень сложный и нелегкій процессъ сосанія, то именно потому, что мы не можемъ пред-

[1]) Педаг. Антр. Т. I. Глава XXXIX.

[2]) Spinoza. Eth. P. II. Prop. 13. Lem. 1.

[3]) Psycho-Physik von T. Fechner. Leipz. 1860. Th. I. S. 29.

положить въ только-что родившемся ребенкѣ ни сознательной мысли о потребности питанія, ни тѣхъ знаній изъ физики, которыя нужны для того, чтобы устроить пневматическую машину изо рта. На этомъ основаніи, мы раздѣляемъ дѣйствія сознательныя отъ дѣйствій инстинктивныхъ.

5. Однако же, если мы будемъ внимательно анализировать наши сознательныя дѣйствія, т. е. такія, причину которыхъ мы сознаемъ, то замѣтимъ, что въ основѣ каждаго такого дѣйствія, подъ цѣлымъ рядомъ сознательныхъ причинъ, лежитъ всегда причина несознаваемая: безсознательное стремленіе или инстинктъ. Такъ напр., человѣкъ пашетъ поле и засѣваетъ его по сознательной причинѣ о необходимости пищи и на будущій годъ. Необходимость пищи онъ также узналъ изъ многочисленныхъ опытовъ голода; но никто, конечно, не скажетъ, чтобы человѣкъ испытывалъ голодъ вслѣдствіе сознанія необходимости пищи для продолженія жизни. Слѣдовательно, и въ основѣ цѣлой цѣпи сознательныхъ причинъ, обусловливающихъ сложную дѣятельность земледѣльца, лежитъ причина безсознательная: инстинктивное стремленіе человѣка къ пищѣ. Наука, показывая намъ необходимость возобновленія тканей нашего тѣла для продолженія нашей жизненной дѣятельности, расширяетъ цѣпь сознательныхъ причинъ; но много ли и теперь есть людей, которые сознаютъ ясно, почему человѣку нужно ѣсть и пить? А всѣ, тѣмъ не менѣе, хотятъ ѣсть и пить. Точно также, многіе ли сознаютъ значеніе воздуха въ пищевомъ процессѣ? Но между тѣмъ ни къ чему, можетъ быть, человѣкъ не стремится такъ жадно, какъ къ воздуху, даже и не зная о его существованіи. Стремленіе къ пищѣ пробуждается въ младенцѣ прежде, чѣмъ онъ имѣетъ понятіе не только о необходимости пищи, но даже вообще понятіе о пищѣ. Мы, конечно, не можемъ припомнить тогдашняго состоянія нашей души [1]), и въ настоящее время побужденіе голода немедленно пробуждаетъ въ насъ представленіе о пищѣ; но первое стремленіе не могло выразиться иначе, какъ, по выраженію Локка, «въ чувствѣ недостатка». Точно также мы садимъ резеду, потому что она хорошо пахнетъ; но почему намъ нравится запахъ резеды—это остается для насъ неизвѣстнымъ, и это неизвѣстное лежитъ въ основѣ цѣлаго ряда сознательныхъ дѣйствій нашихъ. Даже эстетическія наши наслажденія, въ концѣ концовъ, сводятся къ безсознательнымъ стремленіямъ. Всѣ люди, болѣе или менѣе, имѣютъ эстетическое чувство, а между тѣмъ еще никто до сихъ поръ не опредѣлилъ, что такое красота въ музыкѣ, поэзіи, живописи. Мы можемъ изучать условія красоты, т. е. возводить ихъ въ сознаніе, но почему именно такое, а не другое соединеніе линій и красокъ, почему именно такое, а не другое сочетаніе звуковъ нравятся намъ, — этого мы не знаемъ. Да если бы, наконецъ, наука и открыла намъ это, то все же мы должны были бы признать, что *чувствовали* красоту прежде, чѣмъ

---

[1]) «Состоянія удовольствія и страданія, говоритъ Бэнъ, *не такъ легко* воспроизводятся, какъ образы внѣшняго міра» (The Will. p. 432).

узнали причину этого чувства. Тоже самое должны мы признать и въ отношеніи причинъ нашей нравственной дѣятельности. Развѣ и теперь еще не спорятъ о причинѣ нравственныхъ стремленій человѣка, послѣ того, какъ эти нравственныя стремленія проявляются человѣчествомъ въ продолженіи многихъ и многихъ тысячелѣтій? Тоже самое относится и къ стремленіямъ религіознымъ. Развѣ и теперь еще не появляются ежегодно теоріи происхожденія этихъ стремленій, создавшихъ тысячеобразныя религіозныя вѣрованія, идущія въ глубь древности далѣе всякихъ историческихъ изслѣдованій?

5. Слѣдовательно, не должны ли мы признать, что въ основѣ всякой нашей сознательной дѣятельности все же лежитъ *безсознательное стремленіе? Хочется*, *нравится*, *не хочется*, *не нравится* — для насъ послѣдняя причина всѣхъ нашихъ сознательныхъ дѣйствій. Возьмите, какое хотите, дѣйствіе, и какъ бы оно ни казалось вамъ проникнуто сознаніемъ, анализируйте его до послѣднихъ предѣловъ, и вы найдете въ основѣ его безсознательное стремленіе. Положимъ напр., что, вникая въ условія гармоническаго сочетанія звуковъ, мы откроемъ, что эти сочетанія тѣмъ болѣе намъ нравятся, чѣмъ болѣе даютъ намъ дѣятельности въ сферѣ звуковъ и чѣмъ безпрепятственнѣе и въ тоже время обширнѣе можетъ совершаться эта дѣятельность [1]); но и тогда причина, почему душѣ нравится обширная и безпрепятственная дѣятельность, останется для насъ неизвѣстною, и мы опять же принуждены будемъ назвать эту неизвѣстную причину таинственнымъ именемъ *врожденнаго стремленія къ сознательной дѣятельности;* ибо эта причина лежитъ *въ насъ самихъ*, а не внѣ насъ.

6. Не трудно убѣдиться, что причина того, что намъ *хочется* и *нравится* и что, слѣдовательно, составляетъ безсознательную основу нашей сознательной дѣятельности, лежитъ не въ предметѣ, возбуждающемъ въ насъ пріятныя ощущенія, а въ насъ самихъ. Мое желаніе ѣсть дѣлаетъ мнѣ хлѣбъ пріятнымъ, а не хлѣбъ пробуждаетъ во мнѣ чувство голода, хотя конечно видъ хлѣба очень часто можетъ отвлечь мое вниманіе отъ другихъ предметовъ и тѣмъ самымъ дать мнѣ возможность почувствовать то, уже существующее, состояніе моего организма, которое отразится въ душѣ чувствомъ голода. «Мы желаемъ вещи, говоритъ Спиноза, не потому, что она кажется намъ хорошею, но потому вещь кажется намъ хорошею, что мы ее желаемъ» [2]). Эту мысль слѣдовало бы уяснить такъ: мы *желаемъ* вещи не потому, что она кажется намъ хорошею, но она кажется намъ хорошею вслѣдствіе безсознательнаго къ ней *стремленія*, въ насъ существующаго. Не должно смѣшивать этихъ двухъ понятій: *желаніе* и *стремленіе*. Конечно, въ основѣ каждаго желанія лежитъ безсознательное стремленіе; но здѣсь къ нему присоединяется уже сознательное представленіе желаемаго, извлеченное

[1]) Пед. Антроп. т. I. гл. VII, п. 10—12.

[2]) Spinoza. Eth. P. III. Prop. 9 и 39. Schol.

изъ многочисленныхъ опытовъ удовлетворенія первоначально безсознательному стремленію.

7. Все раздѣленіе нами предметовъ на *полезные*, *безполезные* и *вредные*, на *пріятные*, *непріятные* и *безразличные* дѣлается нами на основаніи такихъ безсознательныхъ стремленій нашей природы, т. е на основаніи такихъ, возникающихъ въ насъ психическихъ состояній, причины которыхъ скрываются внѣ нашего сознанія.

8. *Безсознательныя стремленія превращаются въ сознательныя желанія не иначе, какъ черезъ посредство чувствованій.* Безсознательное стремленіе къ пищѣ, называемое голодомъ, дѣлаетъ намъ хлѣбъ *пріятнымъ* и послѣ этого мы уже сознательно *желаемъ* и ищемъ хлѣба. Слѣдовательно, *чувствованіе удовольствія*, сопровождающаго удовлетвореніе безсознательнаго стремленія, превратило это *безсознательное стремленіе* въ *сознательное желаніе*. Безсознательно стремимся мы къ гармоніи звуковъ и, слыша гармоническіе звуки, получаемъ удовольствіе, а впослѣдствіи уже сознательно желаемъ этихъ звуковъ, ибо знаемъ, что они доставляютъ намъ удовольствіе. *Таковъ психическій актъ, во всей своей простотѣ и точности.* Стремленіе, чувствованіе и представленіе [1])—вотъ три психическія явленія, которыя соединяются въ сложномъ актѣ желанія. Конечно, *первый членъ* этой цѣпи мы *только предполагаемъ*, но тѣмъ не менѣе предположеніе его для насъ логически неизбѣжно: мы *не можемъ* иначе объяснить появленіе въ насъ тѣхъ или другихъ *чувствованій*, какъ предположивъ тѣ или другія безсознательныя стремленія въ нашей природѣ; а появленію въ насъ сознательныхъ желаній мы также необходимо должны предпослать появленіе въ насъ чувствованій, условливающихъ всѣ наши желанія и нежеланія [2]). Въ *желаніи* уже соединяется воспоминаніе испытанныхъ чувствованій и представленіе предмета, возбудившаго въ насъ эти чувствованія.

ГЛАВА VI.

Врожденныя стремленія: стремленіе къ единичному существованію.

1. Путемъ анализа нашихъ чувствованій и желаній мы доходимъ

---

[1]) Незнаніе сложности желанія и исторіи образованія желаній ведетъ къ самымъ уродливымъ и практически вреднымъ предположеніямъ. Таково напр. мнѣніе о врожденности желаній преступленія, мнѣніе, раздѣляемое и знаменитымъ Кетле со многими другими (Sur l'homme, par Quetelet. Par. 1833. T. II. p. 108).

[2]) Придерживаясь Спинозы, Мюллеръ говоритъ: «чувствованія суть сознаваемыя желанія» (Man. de Phys. T. II. p. 511). Мы же видимъ, что чувствованіе есть самостоятельный актъ души, возбуждающійся въ ней удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ стремленій.

до сознанія полной необходимости признать существованіе врожденныхъ *стремленій*, хотя сами эти стремленія находятся внѣ области сознанія и мы узнаемъ о нихъ только въ нашихъ чувствованіяхъ и еще болѣе въ нашихъ желаніяхъ. Но мы не только узнаемъ о существованіи стремленій вообще, но должны опредѣлить ихъ какъ стремленія къ чему-нибудь опредѣленному, ибо признаніе неопредѣленнаго стремленія, стремленія ко всему или, что все равно, ни къ чему, въ родѣ шопенгауеровской воли, за которою слѣдуетъ идея, но которой она не предшествуетъ. противорѣчитъ самому понятію стремленія — уничтожаетъ это понятіе и рисуетъ воображенію какое-то существо, уже непонятное человѣку. Наука же, во всякомъ случаѣ, не должна выходить изъ области человѣческаго пониманія.

2. Само собою разумѣется, что опредѣленіе стремленій, врожденныхъ человѣку, и классификацію ихъ, мы можемъ сдѣлать только на основаніи анализа тѣхъ чувствованій и въ особенности желаній, въ которыхъ стремленія обнаруживаются для сознанія, доходя всякій разъ въ нашемъ анализѣ до необходимости признанія того или другаго врожденнаго стремленія, безъ котораго самое чувствованіе или желаніе было бы необъяснимо. Перечисляя самыя простыя и всѣмъ людямъ одинаково свойственныя желанія и при томъ такія, слѣды которыхъ мы находимъ и у животныхъ (выдѣляя слѣдовательно желанія, свойственныя только человѣку) и соединяя эти животныя желанія въ отдѣльныя группы по принципу сходства, мы найдемъ нѣсколько обширныхъ стремленій, прирожденныхъ если не каждому одушевленному организму, то всѣмъ наиболѣе развитымъ изъ нихъ.

3. Къ такимъ врожденнымъ, безсознательнымъ стремленіямъ слѣдуетъ причислить, *во-первыхъ*, стремленіе къ *индивидуальному существованію*, куда относятся какъ *пищевое* стремленіе, такъ и всѣ инстинкты индивидуальнаго самосохраненія; *во-вторыхъ* стремленіе *къ общественному и родовому существованію*, куда относится и половой инстинктъ; *въ-третьихъ*, стремленіе *къ сознательной дѣятельности*, выражаемое прежде всего тоскою бездѣйствія. Первые два рода стремленій мы можемъ характеризовать названіемъ *растительныхъ*, ибо они выходятъ изъ потребностей растительнаго организма [1]), третій же родъ свойственъ только существамъ, одареннымъ жизнью и потому стремящимся *жить*. Психологія, основанная на началахъ шопенгауеровской философіи, разыскивая стремленія, находитъ ихъ безчисленное множество. Такъ Фортлаге находитъ стремленія высшія и низшія, нервныя, кровныя, стремленія репульсіи, стремленіе къ ассимиляціи и многое множество другихъ [2]). Но вмѣсто того, чтобы творить стрем-

---

[1]) Пед. Антр. т. I. Гл. VI.

[2]) System der Psychologie von K. Fortlage. 1855. Erst. Th. §§ 33, 38 et cet.

ленія, мы считаемъ лучшимъ изучать проявленія тѣхъ, которыя всѣмъ извѣстны.

Стремленіе къ индивидуальному существованію.

4. Тѣло наше, какъ и всякій другой растительный организмъ, имѣетъ потребность *питанія* для развитія своихъ органовъ, которое и совершается не иначе, какъ черезъ уподобленіе тѣломъ элементовъ внѣшней для него природы. Процессъ питанія какъ въ человѣкѣ, такъ и въ растеніи совершается одинаково, видоизмѣняясь, но не измѣняясь существенно [1]). Но въ растеніи, по отсутствію души, процессъ этотъ совершается, не сопровождаясь сознаніемъ. Въ одушевленномъ же существѣ душа ощущаетъ эти процессы, ощущаетъ сперва появленіе потребности питанія, а потомъ удовлетвореніе ея—ощущаетъ, такъ сказать, начало и конецъ процесса.

5. Нѣтъ сомнѣнія, что ощущеніе душою растительныхъ потребностей тѣла и тѣхъ или другихъ фазисовъ изъ процесса ихъ удовлетворенія совершается черезъ того же посредника, черезъ котораго, какъ мы видѣли это выше, тѣлесныя впечатлѣнія превращаются въ душевныя ощущенія, т. е. черезъ посредство нервнаго организма [2]). Это посредство необходимо слѣдуетъ предположить и на него указываютъ многіе факты анатоміи и физіологіи, хотя еще наука далеко не раскрыла вполнѣ, какія измѣненія происходятъ въ нервномъ организмѣ, подъ вліяніемъ которыхъ душа испытываетъ ощущеніе голода, жажды, или потребности дыханія, относящейся также къ пищевому процессу.

Мы видѣли также выше, что въ животномъ организмѣ къ *растительнымъ пищевымъ потребностямъ* тѣла прибавляется еще одна, условливаемая уже особенностію животнаго. Въ животномъ потребность пищи является уже не только вслѣдствіе потребности развитія органовъ и размноженія, какъ въ растеніи, но и вслѣдствіе того, что ткани животнаго организма, безпрестанно потребляемыя дѣятельностью жизни. требуютъ безпрестаннаго же обновленія, такъ-что въ животномъ питательный процессъ по окончаніи роста слѣдовало бы назвать собственно *возобновительнымъ* [3]).

6. Мы ощущаемъ голодъ и жажду точно такъ же, какъ ощущаемъ цвѣтъ, звукъ, свѣтъ, запахъ и т. д., т. е. ощущаемъ особенное состояніе нервнаго организма и поэтому мы отнесли эти ощущенія къ особенному разряду *общихъ ощущеній*; [4]) здѣсь же насъ занимаютъ не сами эти *ощущенія*, а *чувствованія*, которыми они сопровождаются: тѣ страданія, которыми напр. сопровождается долго неудовлетворяемый

---

[1]) Педаг. Антроп. т. I. Гл.

[2]) Menchen und Thier-Seele von Wundt. 1311. B. II. S 24.

[3]) Пед. Антр. т. I. гл. IV.

[4]) Пед. Антр. т. I. Гл. VII. п. 27.

голодъ, и то удовольствіе, которымъ сопровождается его удовлетвореніе. Почему долгое неудовлетвореніе голода мучительно, а удовлетвореніе его пріятно? На эти столь простые вопросы мы и должны отвѣчать также просто—*не знаемъ*. Если бы магнитная стрѣлка была одарена душою, то ей, вѣроятно, казалось бы очень естественнымъ стремиться однимъ концомъ къ сѣверу, а другимъ къ югу; если бы она была одарена способностью чувствованія, то весьма вѣроятно, что ей также казалось бы очень естественнымъ ощущать удовольствіе, когда это стремленіе удовлетворяется, и неудовольствіе, когда удовлетвореніе ея стремленія встрѣчаетъ помѣху; но, тѣмъ не менѣе, это естественное было бы совершенно непонятнымъ.

7. Мы можемъ только *предположить*, что душа въ своемъ стремленіи *къ жизненной дѣятельности*, встрѣчая недостатокъ въ тѣлесныхъ силахъ, необходимыхъ для этой дѣятельности, испытываетъ страданія, не сознавая причины этихъ страданій. Это, во всякомъ случаѣ, спасительный голосъ природы, безъ котораго жизненная дѣятельность скоро истощила бы силы тѣла и сама должна была бы остановиться: для растеній не нужно этого голоса, такъ какъ у нихъ нѣтъ жизненной дѣятельности. Но это тѣсная связь души и тѣла лежитъ *внѣ нашего сознанія*, и не оно, въ непосредственной своей формѣ, а только новѣйшая наука, весьма сложными опытами и наблюденіями, открываетъ, что ткани тѣла измѣняются подъ вліяніемъ жизненной дѣятельности. Не только животное, но и человѣкъ неминуемо погибли бы, если бы могли продолжать жизненную дѣятельность до совершеннаго истощенія силъ, даже испытывая ощущеніе голода, но не чувствуя побуждающей силы сопровождающихъ его страданій, или если бы, напримѣръ, не испытывали страданій при недостаткѣ воздуха, который также необходимъ для творенія крови, какъ и пища.

8. Пищевое стремленіе, съ присоединеніемъ къ нему и процесса дыханія обставлено множествомъ *рефлективныхъ процессовъ*, которые также могутъ совершаться безъ всякаго участія сознанія, таковы: отдѣленіе слюнныхъ желѣзъ, глотаніе, движеніе желудка, біеніе сердца, дыханіе и др. Сложный актъ кормленія младенца грудью также есть сложный *рефлексъ* множества органовъ, приходящихъ въ движеніе при пробужденіи стремленія, для удовлетворенія котораго этотъ рефлексъ назначенъ.

9. Ощущеніе голода само по себѣ нельзя назвать страданіемъ; въ легкой степени аппетита, оно можетъ быть даже пріятнымъ и возбуждающимъ чувствомъ, особенно, если въ виду хорошій обѣдъ; а напротивъ, отсутствіе аппетита есть тяжелое и непріятное чувство. Точно также и удовлетвореніе аппетита, независимо отъ вкуса пищи, начинаетъ доставлять удовольствіе только тогда, когда аппетитъ возросъ до степени безпокойнаго ощущенія; такъ-что мы можемъ принять, что душа испытываетъ страданія при ощущеніи голода собственно отъ того, что нормальное состояніе нервной системы, необходимое для совершенія жизненной

дѣятельности, все болѣе и болѣе нарушается. Вѣрно или нѣтъ это предположеніе, однако же несомнѣнно то, что интензивность чувства наслажденія питаніемъ (независимо отъ вкуса пищи) находится въ прямой зависимости отъ степени голода, который мы удовлетворяемъ; въ такомъ-то смыслѣ голодъ называется лучшимъ на свѣтѣ поваромъ. Мы должны вынести нѣкоторое страданіе, чтобы получить наслажденіе, и чѣмъ интензивнѣе было страданіе, тѣмъ интензивнѣе и удовольствіе: удовлетворяя же всякій разъ только-что зарождающемуся аппетиту или даже предупреждая его появленіе, какъ это часто бываетъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не наслаждаемся и удовлетвореніемъ голода, хотя можемъ еще наслаждаться спеціальнымъ вкусомъ пищи.

10. Различіе во вкусѣ пищи и наше различное отношеніе къ различнымъ вкусамъ, вѣроятно, имѣетъ свое основаніе также въ питательномъ процессѣ; но основаніе это еще не раскрыто химіею и физіологіею. Кажется должны быть *вкусы и запахи примитивные*, пріятные или непріятные вообще для человѣка; по крайней мѣрѣ, на это намекаетъ производство словъ, общее, кажется, всѣмъ языкамъ, по которому понятіе сладкаго перенесено и на душевныя удовольствія, а понятіе горечи и на душевныя страданія. Но всемірная гастрономія, а можетъ быть отчасти и человѣческія идіосинкразіи, часто передающіяся наслѣдственно, такъ измѣнили примитивные вкусы, что до нихъ теперь и добраться трудно. Горькое часто нравится гастроному также, какъ и кислое, и что считается противнымъ у одного народа, то составляетъ лакомство у другаго. Здѣсь, кажется, присоединяется еще удовольствіе чисто психической дѣятельности сознавательнаго процесса, который, будучи обращенъ ко вкусовымъ ощущеніямъ, находитъ удовольствіе въ процессѣ распознаванія, сравненія и комбинаціи — своего рода вкусовой музыкѣ; большую роль, должно быть, играетъ здѣсь также тщеславіе, свойственное вообще знатокамъ во всѣхъ искусствахъ. Для насъ важно только то, что и въ отношеніи наслажденій вкуса и обонянія большая или меньшая интензивность наслажденія покупается не иначе, какъ большею или меньшею интензивностью лишеній: нѣтъ такого пріятнаго вкуса, который не пересталъ бы быть пріятнымъ при постоянномъ удовлетвореніи и неприправляемый чувствомъ удовлетворяемаго голода.

11. Но изъ самой перемѣнчивости вкусовыхъ и обонятельныхъ удовольствій мы видимъ уже, что ихъ никакъ нельзя поставить на ряду съ удовольствіями удовлетворяемаго голода. Это—несущественныя требованія природы, а потому они пробуждаются и глохнутъ отъ удовлетворенія и неудовлетворенія. Вѣроятно, что если бы дитя никогда не кормить сладкимъ, то оно не получило бы стремленія къ сладостямъ; но вѣроятно также и то, что сладкая пища, употребляемая постоянно, сначала потеряла бы для него всякую пріятность, а потомъ стала бы отвратительна. Но главное дѣло здѣсь не въ сладкомъ и не въ горькомъ, а въ томъ, чтобъ не обращать усиленной психической дѣятельности

дѣтей въ такую узкую и неплодовитую сферу, какую представляютъ для сознанія вкусовыя ощущенія.

12. Непріятность чувства голода психически объясняется тѣмъ, что душа въ своемъ стремленіи къ дѣятельности встрѣчаетъ затрудненіе въ истощенномъ тѣлѣ. Если нервная система наша чѣмъ-нибудь сильно возбуждена, то мы долго не ощущаемъ самой настоятельной потребности пищи; но наконецъ потребность эта становится такъ интензивна, что мы не можемъ уже думать, не замѣчая ея. Однако же, когда голодъ достигаетъ высокой степени, то специфическія мученія его прекращаются, и появляется не остановка работы нервной системы, какъ слѣдовало бы ожидать, но ея усиленная дѣятельность, которая ускоряетъ смерть организма, быстро поглощая его послѣднія силы. Слѣдовательно, мы никакъ не можемъ сказать, какъ хотятъ того иные, чтобы на душевную работу шелъ только избытокъ органическихъ силъ тѣла: напротивъ, при недостаткѣ этихъ силъ, онѣ всѣ идутъ на душевную дѣятельность, т. е. на ту дѣятельность нервовъ, которая, какъ мы видѣли, необходима при душевныхъ работахъ. Если было бы наоборотъ, то при недостаткѣ питанія прежде всего прекращалась бы душевная дѣятельность, а мы видимъ, напротивъ, что она усиливается и мученія голода сопровождаются безумными мечтами, въ которыхъ, такъ сказать, сгораютъ послѣдніе атомы пищи [1]).

13. *Возобновительный процессъ* въ животномъ, кромѣ чувства голода, сопровождается еще ощущеніемъ усталости и бодрости, а эти органическія ощущенія сопровождаются *чувствованіями*: страданіемъ, которое можетъ достичь сильной интензивности, какъ напр. тогда, когда человѣку долго мѣшаютъ спать, и удовольствіемъ, которое всякій изъ насъ испытываетъ при бодромъ состояніи тѣла. Но это обиліе физическихъ силъ. если мы не даемъ ему исхода въ дѣятельности, само можетъ сдѣлаться причиною страданій.

14. Исходъ этому избытку безпрестанно накопляющихся физическихъ силъ природа прежде всего указываетъ *въ тѣлесныхъ движеніяхъ*. Стремленіе къ тѣлеснымъ движеніямъ обнаруживается уже въ зародышевомъ состояніи человѣка и животныхъ, и мы отчасти согласны съ Бэномъ [2]), приписывающимъ причину этихъ движеній накопленію мозговой энергіи, но думаемъ, что въ иныхъ случаяхъ потребность движенія прямо объясняется накопленіемъ массы крови. Мы всѣ испытываемъ очень ясно потребность движенія въ членахъ, когда они долго остаются въ одномъ и томъ же положеніи и при неудовлетвореніи это-

---

[1]) Вскрытіе животныхъ, умершихъ голодною смертью, показало, что менѣе всего теряютъ своего вѣсу *нервы* (Физіологическія письма Фогта, стр. 180). Но не значитъ ли это, что нервы питаются на счетъ другихъ элементовъ тѣла? Безъ питанія они не могли бы продолжать своей дѣятельности.

[2]) Bain. The Will.

му стремленію чувство страданія можетъ достичь высокой степени. Вотъ на эту-то потребность движеній указываетъ и Гербартъ [1]), замѣчая ее особенно въ дѣтяхъ и молодыхъ животныхъ или, прямѣе, въ молодыхъ животныхъ организмахъ, у которыхъ выработка физическихъ силъ идетъ очень быстро, тогда какъ трата ихъ собственно на душевные процессы еще не велика. Естественно, что вмѣстѣ съ ослабленіемъ процесса выработки физическихъ силъ и возрастаніемъ дѣятельности душевной, все болѣе и болѣе поглощающей эти силы, и самая потребность тѣлесныхъ движеній уменьшается.

15. Но это тѣлесное стремленіе къ движеніямъ, выходящее изъ избытка физическихъ силъ, слѣдуетъ строго отдѣлять отъ стремленія къ сознательной дѣятельности, которая можетъ продолжаться и тогда, когда физическихъ силъ не хватаетъ даже для правильныхъ, нормальныхъ отправленій растительнаго организма, такъ что сознательная дѣятельность, продолжая совершаться, совершается въ ущербъ тѣлесному организму, истребляя тѣ силы, которыя нужны для его питанія [2]).

16. Къ этимъ же пищевымъ стремленіямъ, возникающимъ изъ потребности растительнаго и возобновительнаго процесса слѣдуетъ конечно отнести и потребность влаги или *жажду*, потребность воздуха, необходимаго въ кровотвореніи, равно какъ и потребность опредѣленной температуры, которая сказывается въ удовольствіи, ощущаемомъ нами при теплѣ и прохладѣ, и въ неудовольствіи, которое ощущаемъ мы при холодѣ или жарѣ. Мы стремимся къ теплу или прохладѣ не потому, чтобы (какъ того хочетъ Бэнъ) испытали уже удовольствіе того и другаго, но потому, что испытываемъ страданія, когда тампература переходитъ опредѣленный предѣлъ.

17. Достаточно ли этихъ указаній природы для того, чтобы возобновительный процессъ могъ безпрепятственно совершаться—этого мы не беремся рѣшить. Гегель считаетъ стремленіе непогрѣшимымъ; но это онтологическое предположеніе, котораго нельзя оправдать фактами. Что называется непогрѣшимымъ, въ отношеніи внѣшней для насъ природы,—этого мы не можемъ знать; что же касается до непогрѣшительности этого голоса природы въ отношеніи сохраненія и обезпеченія нашей жизни, то есть поводы сомнѣваться въ такой непогрѣшимости. Дѣйствительно, у иныхъ животныхъ этотъ голосъ природы очень вѣренъ, но въ человѣкѣ мы замѣчаемъ иногда такія стремленія, удовлетвореніе которыхъ прямо вредно организму. Такъ дѣти слабогрудыя любятъ чрезмѣрно усиленные крики и движенія, которыя для нихъ положительно вредны; такъ золотушныя любятъ все мучнистое, а также и все острое, что то же для нихъ вредно. Стремится ли при этомъ природа къ разрушенію собственнаго своего дѣла или это есть уже из-

[1]) Lehrbuch der Psychol.

[2]) См. Пед. Антр. т. I, гл. XI. п. 5.

вращеніе, вносимое въ организмъ болѣзнею—для разрѣшенія подобныхъ онтологическихъ вопросовъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

18. Пищевыя стремленія иногда обставлены у животныхъ поразительными инстинктами, которыхъ у человѣка замѣчается гораздо менѣе. Слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ разсчетъ созданія, имѣющій въ виду умственныя способности человѣка, или можетъ быть самое пользованіе человѣка своими умственными способностями мало по малу заглушило въ немъ природные инстинкты—этого мы также рѣшить не беремся по недостатку данныхъ. Замѣтимъ только, что обоняніе, а можетъ быть у низшихъ животныхъ и осязаніе, играетъ очень важную роль въ пищевыхъ инстинктахъ. Обоняніе, такъ близко граничащее со вкусомъ и осязаніемъ, что дѣятельность ихъ часто и различить невозможно [1]), есть само по себѣ уже удовлетвореніе пищеваго стремленія, но удовлетвореніе такое ничтожное, что оно можетъ служить только указаніемъ, что данная пища можетъ утолить голодъ, уже мучащій животное. Обоняніемъ животное приводится къ опытамъ удовлетворенія голода тою или другою пищею; а опытъ, сопровождающійся пріятнымъ чувствомъ удовлетворенія, сдѣлавшись опредѣленнымъ представленіемъ, превращаетъ безсознательное *стремленіе* къ пищѣ въ опредѣленное *желаніе* той или другой пищи.

19. Въ область этого же стремленія къ индивидуальному существованію мы должны отнести и тѣ инстинкты *самосохраненія* или, вѣрнѣе, *самозащиты*, которыхъ много замѣчается у разныхъ животныхъ, но которые едвали есть у человѣка. По крайней мѣрѣ, наблюдая надъ дѣтьми, мы замѣчаемъ, что средства самозащиты пріобрѣтаются у нихъ опытомъ: вслѣдствіе опытовъ узнаетъ ребенокъ, что огонь жжется и что упасть больно. Можетъ быть, при болѣе внимательномъ наблюденіи и можно было бы замѣтить, что и у дитяти есть нѣкоторые врожденные пріемы самозащиты; но это не имѣетъ для нашей цѣли никакого важнаго значенія.

ГЛАВА VII.

Инстинктивныя стремленія къ общественному и родовому существованію.

1. Какъ бы ни казалось намъ разумнымъ стремленіе къ общественности въ человѣкѣ и сколько бы потомъ человѣкъ ни вносилъ въ это стремленіе яснаго разсчета тѣхъ пользъ, которыя извлекаетъ онъ изъ общественной жизни, но, вглядѣвшись внимательно въ факты, мы должны признать, что въ основѣ этого стремленія къ обществу лежитъ природный инстинктъ, дѣйствующій въ человѣкѣ прежде, чѣмъ становятся въ немъ возможными эгоистическіе разсчеты. Это тѣмъ болѣе

[1]) Пед. Антр. т. I. гл. XII пп. 15, 17 и 18.

очевидно, что тотъ же инстинктъ общественности дѣйствуетъ и въ животныхъ, у которыхъ мы не можемъ предполагать такого обширнаго развитія разсудка, какое нужно было бы, чтобы понять пользу общественной жизни.

2. Аристотель, кажется, первый назвалъ человѣка *животнымъ общественнымъ*, а за нимъ многіе писатели повторяли эту фразу. Не отвергая, конечно, стремленія къ общественности въ человѣкѣ, мы должны однако замѣтить, что это стремленіе вовсе не есть исключительная принадлежность человѣка. Не только человѣкъ, но и многія животныя живутъ обществами, а нѣкоторыя такими обществами, обширность и сложное устройство которыхъ невольно поражаютъ самаго человѣка; таковы общества муравьевъ, пчелъ и другихъ насѣкомыхъ, нѣкоторыхъ породъ рыбъ, птицъ и, наконецъ, нѣкоторыхъ четвероногихъ животныхъ и въ особенности изъ породы грызуновъ. Слѣдовательно, предполагая въ человѣкѣ инстинктивное стремленіе къ общественности, мы не можемъ не видѣть такого же стремленія и въ животныхъ.

3. Уже въ первой части нашей антропологіи, разсматривая организмы, мы нашли два рода ихъ: организмы *единичные* и организмы *общественные* [1]). Мы нашли также, что организмы общественные такія же самостоятельныя явленія природы, какъ и организмы единичные, и что происхожденіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ одинаково неизвѣстно, и что организмы общественные тѣмъ отличаются отъ организмовъ единичныхъ, что, тогда-какъ въ послѣднихъ члены организма связаны матеріально, въ первыхъ, т. е. въ общественныхъ, они связаны между собою нематерьяльною связью, но условіями жизни и развитія. Мы нашли, кромѣ того, что существованіе общественныхъ организмовъ можно уже замѣтить въ царствѣ растеній, въ тѣхъ *двудомныхъ* растеніяхъ, которыя, не будучи связаны между собою матеріально, тѣмъ не менѣе необходимы другъ для друга, такъ что родовое ихъ существованіе условливается сосѣдствомъ двухъ экземпляровъ разнаго пола и тѣмъ, что вѣтеръ или насѣкомыя переносятъ плодотворную пыль съ *тычинокъ* одного экземпляра на *плодничики* другаго. Къ этому же разряду явленій мы причислили явленія семьи, рода, племенъ и расъ, —явленія, общія человѣку, животнымъ и растеніямъ.

4. Эта *потребность общественности*, существующая и въ растеніяхъ, и въ животныхъ, не чувствуется въ первыхъ по отсутствію въ нихъ чувствующей души и чувствуется во вторыхъ, точно также, какъ потребность пищи и питья, существующая въ растеніяхъ, только въ животныхъ превращается въ голодъ и жажду, т. е. начинаетъ ощущаться. Слѣдовательно, мы признаемъ, что инстинктъ общественности есть только ощущеніе душою растительныхъ потребностей тѣла. Къ потребностямъ же растительнаго организма мы причислили не только суще-

---

[1]) Пед. Антроп. т. I. Гл. I. п. 5 и 6.

ствованіе и развитіе организмовъ единичныхъ, но и ихъ родовое и общественное существованіе, о чемъ заботится та же природа.

5. Обыкновенно стремленіе къ родовому существованію видятъ только въ *одномъ*, такъ называемомъ, половомъ побужденіи, но это несправедливо. Конечно, половое побужденіе и половые инстинкты самымъ очевиднымъ образомъ способствуютъ къ родовому продолженію существованія; но не одни они. Соединеніе животныхъ въ обширныя и стройныя общества никакъ нельзя приписать однимъ половымъ побужденіямъ, изъ которыхъ также никакъ нельзя вывести и заботъ родителей о своемъ потомствѣ. *Безполая*, рабочая пчела можетъ служить лучшимъ доказательствомъ этого. Она уничтожаетъ трутня, послѣ того, какъ оплодотвореніе матки совершилось, и заботится о червѣ, т. е. *потомствѣ*, *вовсе* не изъ половыхъ побужденій. То же самое замѣчаемъ мы у муравьевъ и многихъ другихъ насѣкомыхъ. Половыя побужденія развиваются въ извѣстный періодъ возраста и проходятъ вмѣстѣ съ нимъ, тогда какъ инстинктъ общественности высказывается гораздо прежде появленія половыхъ побужденій и переживаетъ ихъ. Домашнія животныя ищутъ ласки и ласкаются сами даже къ животнымъ другой породы и къ человѣку гораздо прежде развитія половыхъ побужденій; напротивъ, съ развитіемъ этихъ побужденій многія животныя ищутъ уединенія. Птицы передъ полетомъ собираются въ стаи вовсе не изъ половыхъ побужденій; напротивъ, многія изъ нихъ разлетаются въ разныя стороны, когда начинаютъ строить гнѣзда. Эти и многіе другіе факты того же рода могутъ убѣдить всякаго, что инстинктъ общественности гораздо обширнѣе половаго инстинкта и что половой инстинктъ есть только одинъ изъ видовъ инстинкта общественности.

6. Вотъ чѣмъ объясняется ошибка тѣхъ писателей, которые, какъ напримѣръ, Бэнъ [1]), самую нѣжность отношеній между родителями и дѣтьми, а слѣдовательно и между родичами, объясняютъ половыми инстинктами, что̀ совершенно отвергается фактами. Бэнъ, напримѣръ, выводитъ материнскую любовь изъ *нѣжныхъ чувствованій* (tender emotions) и объясняетъ ихъ нѣжностью кожи ребенка, его округленными формами, его свѣтлыми глазками, слѣдовательно, прямо выводитъ материнскую любовь къ дитятѣ изъ половыхъ инстинктовъ: какъ будто мать менѣе любитъ свое больное дитя, худое, покрытое золотухою, слѣпое и уродливое для всѣхъ, кромѣ матери? Правда, Бэнъ потомъ смягчаетъ эту мысль, говоря, что материнское чувство *возрастаетъ* вмѣстѣ съ накопленіемъ заботъ о дитяти, которое становится тѣмъ дороже для матери, чѣмъ болѣе заботъ она къ нему приложила. Эта послѣдняя мысль совершенно справедлива; но здѣсь дѣло не въ томъ, чтобы объяснить, какъ и почему *возрастаетъ* и развивается материнское чувство въ женщинѣ, но въ томъ, чтобы показать, какъ оно *зарождается* вообще въ живомъ существѣ. Прежде, чѣмъ мать станетъ

---

[1]) Bain. The Emotion, p. 106.

заботиться о ребенкѣ, она уже чувствуетъ потребность этихъ заботъ, а въ томъ-то и дѣло, чтобы объяснить появленіе этой потребности.

7. Многія животныя заботятся о своихъ дѣтяхъ прежде ихъ появленія на свѣтъ, заботятся даже и тогда, когда никогда ихъ не увидятъ. Слѣдовательно, выводить материнское чувство изъ предмета этого чувства — невозможно. Оно выходитъ изъ состоянія самаго организма, точно также, какъ чувство голода или жажды, и если мы не можемъ объяснить себѣ появленіе перваго, то нечего удивляться, что не можемъ объяснить себѣ и появленіе послѣдняго. Наше дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы замѣтить фактъ, отдѣлить въ немъ посторонniя примѣси, и дать ему надлежащее мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ же фактовъ. Такъ, разбирая явленіе инстинктивной материнской любви въ женщинѣ, мы, руководствуясь одними фактами, а не предвзятыми теоріями, не смѣшаемъ ее, съ одной стороны, съ половыми инстинктами, а съ другой уже съ чисто человѣческою любовью, не свойственною животнымъ.

8. Въ материнской любви есть только одно общее съ половыми инстинктами, а именно то, что какъ материнская любовь, такъ и половые инстинкты, выходятъ изъ органической потребности общественности, которая ощущается душою въ различныхъ формахъ: и въ формѣ стремленія различныхъ половъ другъ къ другу, и въ формѣ материнской любви, и въ формѣ стремленія къ товариществу, и въ формѣ сближенія существъ одного рода безъ различія пола, и въ формѣ потребности ласкъ. Что же касается до отличія инстинктивной материнской любви, общей всему живущему, отъ материнской любви женщины, то это различіе заключается въ томъ, что, тогда какъ инстинктивная любовь прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ тѣхъ органическихъ состояній, изъ которыхъ она вышла, материнская, чисто человѣческая любовь не знаетъ себѣ предѣла. Самая ласковая собачка начинаетъ ворчать и огрызаться на своего любимаго хозяина въ ту же минуту, какъ у нея завелся дѣтенышъ. Она еще даже не видала его, а уже любитъ, ибо въ этомъ случаѣ гнѣвъ есть только выраженіе любви. Но какъ-только окончится періодъ кормленія, собака уже не знаетъ своего дитяти. Здѣсь мы ясно видимъ возникновеніе материнской любви изъ органическихъ состояній, съ началомъ которыхъ привязанность начинается, съ окончаніемъ которыхъ она прекращается. Если бы привязанность эта была слѣдствіемъ заботъ матери о своемъ дѣтенышѣ, то тогда такое ея появленіе и прекращеніе были бы необъяснимы. У матери человѣка есть, безъ сомнѣнія, и эта инстинктивная привязанность; но въ ней есть и другая, чисто человѣческая основа, основа, чуждая животному міру.

9. Находя, что въ материнской любви, кромѣ стороны чисто человѣческой, объясняемой только душевными потребностями, есть еще и инстинктивная сторона, выходящая изъ органической потребности, мы нисколько не унижаемъ этой любви, а, напротивъ, придаемъ ей самое обширное, міровое значеніе. Голосъ тѣлесной природы есть также го-

лось Творца ея, и слѣпой развѣ можетъ не видѣть, какъ громко говоритъ этотъ божественный голосъ въ природѣ женщины, какъ только она станетъ матерью. «Какъ часто можно видѣть, говоритъ Ридъ, что молодая женщина, въ самый веселый періодъ своей жизни, когда она безъ всякихъ заботъ, проводила свои дни въ удовольствіяхъ, а ночи въ глубокомъ снѣ, вдругъ преображается въ заботливую, попечительную, безсонную кормилицу своего дорогаго дитяти, которая проводитъ свой день только въ томъ, что смотритъ на свое дитя и заботится о малѣйшихъ его потребностяхъ, а по ночамъ сама себя лишаетъ сна на цѣлые мѣсяцы, только для того, чтобы оно могло покоиться безопасно на ея рукахъ. Забывая сама себя, она сосредоточиваетъ всѣ свои заботы на этомъ маленькомъ существѣ. Если бы мы не видѣли ежедневно такого внезапнаго превращенія привычекъ, занятій и самаго направленія ума въ женщинѣ, то оно показалось бы намъ болѣе удивительнымъ, чѣмъ любая изъ метаморфозъ, разсказанныхъ Овидіемъ» [1]). Но невозможно не видѣть, что эта удивительная метаморфоза совершается слишкомъ внезапно и быстро, чтобы объяснить ее *заботами* матери о ребенкѣ, и что именно происхожденіе самыхъ этихъ заботъ можетъ найти себѣ объясненіе только въ органическихъ перемѣнахъ, въ которыхъ громко заявляетъ свои требованія голосъ природы. Нельзя же объяснить этой внезапной перемѣны работами души, когда именно мы замѣчаемъ крутую перемѣну въ направленіи самихъ этихъ работъ, нисколько необъясняемую работами предшествующими.

10. Вотъ причины, побудившія насъ, рядомъ съ пищевыми стремленіями, ощущаемыми душою, какъ состоянія нервнаго организма, поставить и стремленіе къ общественности, какъ таковое же отраженіе въ душѣ органическихъ состояній. Первое стремленіе со всѣми своими формами, голодомъ, жаждою, потребностію дыханія, стремленіями къ опредѣленной температурѣ, къ свѣту, со всѣми инстинктами самосохраненія, очевидно назначено природою къ сохраненію и развитію *единичнаго* организма, какъ растительнаго такъ и животнаго, съ тою только разницею, что въ растеніи эти стремленія не чувствуются, а въ животномъ душа ощущаетъ потребность удовлетворить ихъ. Второе стремленіе— *стремленіе къ общественности*, выходя изъ тѣхъ же органическихъ состояній, изъ которыхъ выходятъ всѣ инстинкты, очевидно назначено природою для сохраненія и развитія родоваго и общественнаго существованія организмовъ. Если половыя отношенія необходимы для продолженія рода организма, то и тѣ общественныя, которыя не условливаются половыми, необходимы для того же. Пчела не можетъ иначе жить, какъ въ роѣ; но какъ начался рой, это намъ одинаково неизвѣстно, какъ и то, какъ начался организмъ. Само собою разумѣется, что, говоря здѣсь о томъ, что эти стремленія *назначены* для продолженія единичнаго общественнаго и родоваго существованія организмовъ, мы только сви-

[1]) Read. V. II. p. 161.

дѣтельствуемъ фактъ, нисколько не олицетворяя природы: т. е. другими словами, мы говоримъ *только*, что этими инстинктами дѣйствительно обезпечивается родовое и общественное существованіе организмовъ.

11. Удовлетворяя пищевымъ потребностямъ и потребностямъ общественности, животное ощущаетъ эти потребности не какъ потребности природы для него внѣшней, но какъ свои собственныя потребности, значенія которыхъ въ общемъ хозяйствѣ природы оно вовсе не понимаетъ. Животное ищетъ пищи не для того, чтобы продолжить свое существованіе, а потому, что ему хочется ѣсть; бабочка устроиваетъ судьбу своего будущаго потомства, котораго она никогда не увидитъ, конечно не для того, чтобы сохранить для энтомологіи извѣстный видъ бабочки, а потому, что чувствуетъ неопреодолимую потребность поступать такъ, а не иначе. Человѣкъ, какъ животное и на столько, на сколько онъ животное, также подчиняется голосу природы, не сознавая міроваго значенія этого голоса. Удовлетворяя своимъ пищевымъ и общественнымъ инстинктамъ, человѣкъ, какъ животное, просто удовлетворяетъ имъ только потому, что чувствуетъ потребность удовлетворить имъ въ ихъ разнообразной формѣ.

12. Отсюда уже видна вся несостоятельность передъ фактами тѣхъ теорій, которыя видятъ въ обществѣ только произвольное учрежденіе человѣка, устроенное по эгоистическимъ разсчетамъ разсудка, и которыя предполагаютъ въ основѣ общества или какой-то соціальный контрактъ, какъ предполагаетъ Руссо, или какую-то предварительную войну всѣхъ противъ каждаго, и каждаго противъ всѣхъ, какъ предполагаетъ Гоббезъ. Мы же видимъ, что если бы человѣкъ и не обладалъ тѣми духовными особенностями, которыя дѣлаютъ его человѣкомъ, то все же онъ жилъ бы, какъ и многія другія животныя, въ обществахъ и обществами. Какого рода были бы эти общества—мы не знаемъ: человѣческія особенности немедленно же начинаютъ видоизмѣнять природные инстинкты, и ни путешествія, ни исторія не представляютъ намъ человѣка въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ бы быть, если бы руководствовался только своими животными инстинктами, не видоизмѣняя ихъ своими духовными, чисто человѣческими особенностями. Человѣкъ вездѣ является для насъ уже человѣкомъ, а не животнымъ, но это, тѣмъ не менѣе, не должно намъ мѣшать отличать въ человѣкѣ то, что обще ему съ животнымъ, отъ того, что составляетъ его человѣческую особенность. Какъ бы ни былъ видоизмѣненъ и развитъ животный инстинктъ особенностями человѣческой природы, но мы имѣемъ всегда возможность доискаться первичныхъ основъ этого инстинкта, или, другими словами, какъ бы ни казалось намъ разумно или разсудочно то или другое явленіе человѣческой жизни, мы должны всегда попробовать, не доищемся ли въ основаніи этого разумнаго явленія какого-нибудь неразумнаго инстинкта. Для такихъ анализовъ служатъ намъ превосходнымъ средствомъ факты изъ жизни животныхъ. Въ ка-

комъ бы дикомъ состояніи мы ни брали человѣка, у насъ всегда можетъ оставаться подозрѣніе, что факты, представляемые его жизнью, уже не первичные факты, что въ нихъ уже много измѣнено человѣческою особенностью; но когда мы находимъ тѣже самые факты въ жизни животныхъ, даже самыхъ низшихъ породъ, тогда у насъ не остается сомнѣнія, что эти общіе факты принадлежатъ и въ человѣкѣ его животной природѣ.

13. Но тогда-какъ животное не сознаетъ мірового значенія тѣхъ инстинктовъ, которымъ оно удовлетворяетъ, человѣкъ мало по малу достигаетъ до этого сознанія и, удовлетворяя своимъ инстинктивнымъ стремленіямъ, болѣе или менѣе понимаетъ, какое значеніе въ жизни міра имѣютъ факты, вытекающіе изъ этого удовлетворенія. Человѣкъ, руководимый инстинктомъ, создаетъ общество; но потомъ, сознавая пользу общества для себя и его необходимость для всѣхъ людей, живущихъ и будущихъ, видоизмѣняетъ это общество сообразно своему пониманію, видоизмѣняетъ до того, что съ перваго раза кажется даже страннымъ приписать основу этой чисто разсудочной работы слѣпому инстинкту; но, тѣмъ не менѣе, психологъ не долженъ останавливаться передъ этою странностью и долженъ анализомъ отличить, что въ сложныхъ общественныхъ явленіяхъ принадлежитъ самосознанію человѣка и что его животному инстинкту.

14. Изъ инстинктивнаго стремленія къ общественности выходитъ множество явленій, изъ которыхъ мы перечислимъ только самыя крупныя. Изъ него выходитъ: 1) половое стремленіе, которое, въ свою очередь, обставлено у многихъ животныхъ изумительнѣйшими инстинктами; 2) изъ стремленія къ общественности вытекаетъ и чувство родительской нѣжности и побудительная причина всѣхъ тѣхъ заботъ родителей о дѣтяхъ и дальнѣйшемъ потомствѣ, которыя поражаютъ насъ, особенно, въ царствѣ насѣкомыхъ, гдѣ менѣе всего можно предполагать разсудочнаго развитія; 3) изъ стремленія же къ общественности вытекаютъ тѣ явленія товарищества или, лучше сказать, ассоціацій, которыя во множествѣ представляетъ намъ міръ животныхъ; 4) изъ этого же стремленія къ общественности вытекаетъ та потребность ласки, которую мы замѣчаемъ не только у человѣка, гдѣ она сильно развита, но и у многихъ животныхъ и которая иначе не могла быть объяснена.

15. Потребность ласки и любви не вытекаетъ изъ предмета любви, но есть органическая потребность человѣка, проявляющаяся и у многихъ животныхъ. Это едва-ли не самое высшее проявленіе животной жизни, которое, какъ мы увидимъ дальше, принимаетъ въ человѣкѣ совершенно духовную форму. Но какъ бы ни казалась духовна потребность, чтобы насъ любили, она, тѣмъ не менѣе, въ глубочайшей основѣ своей, имѣетъ органическій инстинктъ. Это великій голосъ природы, говорящій всякому живому существу, что оно есть только часть міра и что его бытіе и благоденствіе условливается цѣлымъ міромъ. Животное безотчетно повинуется этому голосу, безотчетно повинуется ему и человѣкъ. Но,

изучая міръ, изучая собственную исторію свою, человѣкъ понимаетъ, наконецъ, все великое и глубокое значеніе этого голоса природы, сознаетъ себя дѣйствительно только органомъ міровой жизни и, освѣщая темный инстинктъ свѣтомъ идеи, ищетъ благоденствія не только другихъ людей, но и цѣлаго міра. Конечно, мы можемъ раскрыть это преобразованіе только тогда, когда будемъ излагать явленія самосознанія и слѣдить за тѣмъ, какъ человѣческая особенность преобразовываетъ въ человѣкѣ всѣ животные инстинкты, какъ она превращаетъ въ разумную идею всѣ тѣ потребности растительныхъ организмовъ, которыя сказываются въ животномъ инстинктивными стремленіями удовлетворять своимъ пищевымъ и общественнымъ потребностямъ, самой потребности которыхъ оно не знаетъ, но настоятельность которыхъ оно *чувствуетъ*. Человѣкъ, какъ и животное, повинуется въ этомъ случаѣ только голосу природы; но, тогда-какъ для животныхъ этотъ голосъ только понудительные звуки, для человѣка, по мѣрѣ его развитія, голосъ этотъ превращается въ понятное слово, а вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ необходимости превращается въ законъ разумный, выполняемый потому, что онъ разуменъ, а не потому только, что ему нельзя не повиноваться.

ГЛАВА VIII.

Стремленіе къ сознательной дѣятельности.

1. Всѣ стремленія, перечисленныя нами въ предшествующей главѣ, составляютъ въ сущности одно стремленіе — *стремленіе быть*, стремленіе къ *существованію* и расширенію этого существованія въ пространствѣ и времени, т. е. къ разрожденію и продолженію въ потомствѣ. Это, какъ мы уже видѣли, есть характеристическая черта *растительнаго организма* [1]), который общъ и растенію, и животному; ибо и животное прежде всего есть растеніе, растущее, развивающееся и размножающееся. Но тогда-какъ въ растеніи эти органическія потребности не ощущаются, въ животномъ они ощущаются, какъ органическія стремленія, хотя не въ формѣ стремленій, но въ чувствованіяхъ и желаніяхъ, происходящихъ изъ органическихъ стремленій растительной природы. Эти *органическія стремленія* прежде всего выражаются чувствомъ недостатка или страданія, потомъ чувствомъ удовлетворенія, удовольствія и наконецъ въ формѣ опредѣленныхъ желаній, въ которыхъ уже есть представленіе желаемаго.

2. Наряду съ этимъ органическимъ стремленіемъ *быть*, принадлежащимъ бездушной природѣ, хотя и ощущаемымъ душою, мы замѣчаемъ другое стремленіе—стремленіе, идущее какъ бы въ разрѣзъ съ первымъ—*стремленіе жить*, общее всему *живущему*, т. е. всему чувствующему

---

[1]) Педаг. Антр. т. I. Гл. III. п. 1—4.

міру. Это стремленіе удовлетворяется на счетъ силъ, добытыхъ растительными процессами, такъ что силы, заготовляемыя растительными процессами, идутъ не на одинъ ростъ и размноженіе, но поглощаются частію животными процессами, или просто—процессами жизни, ибо жить значитъ ничто иное, какъ чувствовать, мыслить и дѣйствовать. Живая душа въ этомъ своемъ отношеніи къ растительнымъ процессамъ организма представляется, по выраженію Гербарта, «паразитомъ, живущимъ на счетъ тѣла» [1]).

3. Стремленіе растительнаго организма къ развитію единичнаго существованія, къ расширенію его въ пространствѣ и къ продолженію во времени, сказывается въ душѣ *общими* ощущеніями голода, жажды, потребности отдыха и движенія и, наконецъ, въ формѣ общественныхъ и въ частности половыхъ стремленій. Значеніе этого голоса растительной природы не доступно непосредственному сознанію человѣка, хотя человѣкъ и повинуется этому голосу: человѣкъ хочетъ ѣсть и пить вовсе не для того, чтобы продолжать свое существованіе, но потому, что ему хочется ѣсть и пить; онъ отдыхаетъ не потому, чтобы сознавалъ потребность отдыха для здороваго существованія тѣла, но потому, что ощущаетъ страданіе отъ ненормальнаго состоянія, въ которое впадаетъ нервный организмъ при чрезмѣрномъ истощеніи; точно также ищетъ человѣкъ и половыхъ сближеній, нисколько не думая о продолженіи своего рода, и основываетъ первыя общества, нисколько не расчитывая пользы общественной жизни, а только повинуясь голосу своего растительнаго организма. Душа повинуется этому голосу не потому, чтобы *понимала* его смыслъ, — хотя и можетъ понять его впослѣдствіи,—но потому, что испытываетъ страданія, сопряженныя съ неповиновеніемъ ему. Мы видимъ даже, что душа развитая, сильная, полная уже *своихъ* собственныхъ, *душевныхъ*, интересовъ, можетъ не повиноваться голосу растительной природы: можетъ заставить тѣло работать до совершеннаго истощенія силъ, можетъ совершенно подавить половыя стремленія, можетъ даже отказать тѣлу въ пищѣ и, увлекаемая какою-нибудь страстною идеею, довести истощеніе тѣла до голодной смерти. «Кто можетъ умереть, того нельзя ни къ чему принудить»—говорилъ римлянинъ, и это выраженіе справедливо не только въ отношеніи человѣка къ другимъ людямъ, но и въ отношеніяхъ человѣка къ самой природѣ. Человѣкъ можетъ противиться и ея могучему требованію бытія, и разрушить ея разсчеты на силу ея тѣлесныхъ стремленій.

4. Стремленіе *жить*, или стремленіе къ сознательной дѣятельности, т. е. стремленіе мыслить, чувствовать, дѣйствовать свойственно, кажется, не одному человѣку. Мы видимъ, что и животное, по удовлетвореніи всѣхъ своихъ тѣлесныхъ потребностей, не остается спокойнымъ: оно доступно скукѣ, любитъ играть, рѣзвиться, пѣть, проявляетъ явные признаки любопытства, ищетъ ласки. Чѣмъ выше порода животнаго, тѣмъ проявленія потребности сознательной дѣятельности замѣтнѣе. Собака пренебрегаетъ даже удовлетвореніемъ тѣлесныхъ потребностей, по-

[1]) Lehrb. der Psych. § 68.

требностями пищи и отдыха, ради психическихъ наслажденій, или для избѣжанія психическихъ страданій. Потерявъ любимаго господина, собака видимо страдаетъ психически, отказывается отъ самаго лакомаго куска и иногда даже умираетъ отъ тоски и голода. Лошади способны къ такой же привязанности. Левъ въ Jardin des Plantes въ Парижѣ тосковалъ и отказывался отъ пищи, когда издохла маленькая собачка, съ которою онъ сидѣлъ въ одной клѣткѣ.

5. Если въ низшихъ породахъ животныхъ мы менѣе замѣчаемъ потребностей психической дѣятельности, то можетъ быть потому, что ихъ психическій міръ слишкомъ замкнутъ для насъ, а можетъ быть и потому, что имъ слишкомъ много сознательной работы даютъ уже одни стремленія, возникающія изъ растительныхъ процессовъ: бабочка всю свою недолгую жизнь употребляетъ на то, чтобы обезпечить выводъ и развитіе своего будущаго потомства, котораго она никогда не увидитъ, и обезопасить его отъ тѣхъ случайностей, которыхъ она и знать не можетъ. Даже у человѣка, какъ справедливо замѣчаетъ Бокль [1]), мы видимъ прогрессивное возрастаніе чисто психическихъ интересовъ по мѣрѣ того, какъ удовлетвореніе его тѣлесныхъ потребностей становится для него легче и поглощаетъ менѣе его дѣятельность. Науки и искусства возникаютъ тогда, когда накопленіе капиталовъ и изобрѣтеніе орудій значительно уже облегчаетъ сознательный трудъ человѣка къ удовлетворенію потребностей его тѣлесной жизни. И въ индивидуальномъ человѣкѣ мы замѣчаемъ тоже самое. Человѣкъ, который съ утра до вечера и всю жизнь свою бьется изъ за куска насущнаго хлѣба, плохо развивается;— но плохо развивается также и тотъ человѣкъ, чья психическая потребность дѣятельности найдетъ себѣ обильное удовлетвореніе въ тѣлесныхъ наслажденіяхъ и, неразвитая во время, привыкнетъ къ узкимъ предѣламъ этой сферы.

Явленіе это весьма понятно. Душа требуетъ сознательной дѣятельности безразлично, откуда бы ни шла ея задача. Если задачи этой дѣятельности даются тѣломъ и его естественными или искусственно-созданными потребностями и даются въ такомъ обиліи, что душа едва успѣваетъ удовлетворять имъ, то психическое стремленіе удовлетворено, хотя иногда самымъ жалкимъ образомъ, но удовлетворено.

6. Но едва ли есть страшнѣе наказаніе для человѣка, какъ удовлетворивъ всѣмъ его физическимъ потребностямъ, въ тоже время лишить его, *по возможности*, всякой психической дѣятельности, полное лишеніе которой, къ счастію, невозможно. Едва ли можетъ быть наказаніе тяжелѣе одиночнаго заключенія, и безъ работы, въ американской тюрьмѣ, чистой, теплой, при столѣ вовсе не скудномъ. Волъ, поставленный въ такое положеніе, будетъ еще жирѣть, но человѣкъ вскорѣ приходитъ въ совершенное отчаяніе и впадаетъ въ безуміе, если не найдетъ въ самомъ себѣ источника душевной дѣятельности.

[1]) Исторія цивилизаціи. Перев. Бестужева. (Изд. 1864). стр. 31.

7. Еще болѣе мы оцѣнимъ, какое основное значеніе имѣетъ для души человѣка потребность психической дѣятельности, если взглянемъ на обыкновенные мотивы нашихъ дѣйствій.

Если человѣкъ не принадлежитъ къ одной изъ двухъ категорій людей, психическая дѣятельность которыхъ совершенно обезпечена обиліемъ матеріаловъ,—если каждое утро не спрашиваетъ у человѣка: «а что ты будешь ѣсть сегодня?», или если онъ не поглощенъ какою-нибудь *страстною* работою, для которой всѣхъ дней жизни кажется ему мало,—то однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ мотивовъ человѣческихъ поступковъ является отыскиваніе такъ называемыхъ развлеченій, или другими словами, матеріаловъ для психической дѣятельности. Книги, употребляемыя какъ средство развлеченія и поглощающія такую огромную часть времени у каждаго образованнаго человѣка, карты, поглощающія почти столь же значительную часть времени у многихъ, вечеринки, прогулки, игрушки всякаго рода для малыхъ и взрослыхъ, вино, сонъ, наконецъ, какъ отчаянное средство отъ нечего дѣлать,—все это и многое множество другихъ *препровожденій времени* не имѣетъ въ сущности другаго значенія, какъ удовлетвореніе врожденнаго человѣческой душѣ стремленія къ безпрерывной дѣятельности. Страшная и жалкая фраза— *убить время*, которая такъ часто слышится, лучше всего характеризуетъ это *коренное* и *великое* стремленіе души. Человѣку такъ мало, кажется, отпущено времени, а между тѣмъ онъ ищетъ всевозможныхъ средствъ *убивать его*. Почему же человѣкъ такъ сердится на время, котораго у него въ запасѣ такъ немного? Не на время сердится человѣкъ, а только выражаетъ этой фразой муку души, ни чѣмъ не занятой.

8. Кто наблюдалъ надъ дѣтьми, тотъ знаетъ, что дитя счастливо не тогда, когда его забавляютъ, хотя оно и хохочетъ,—но тогда, когда оно совершенно серьезно занимается увлекающимъ его дѣломъ. Руссо говоритъ, что дитя или смѣется, или плачетъ [1]) и забываетъ самое нормальное состояніе дѣтской души. Къ кому дитя больше привяжется: къ тому ли, кто его смѣшитъ и лакомитъ, или къ тому, кто съумѣетъ давать ему увлекательную работу? Какую игрушку предпочитаетъ дитя: ту ли, которая тѣшитъ его блескомъ, звономъ и яркими красками, или ту, которая даетъ посильную, но самостоятельную дѣятельность его душѣ? И замѣтьте, что послѣ веселья дѣти непремѣнно скучаютъ, или что за сильнымъ смѣхомъ почти всегда слѣдуютъ слезы, тогда-какъ самостоятельная дѣятельность оставляетъ душу въ нормальномъ, здоровомъ состояніи. Изъ этихъ наблюденій, дѣлаемыхъ всѣми педагогами, мы вправѣ вывести, что въ душѣ дитяти сильнѣе всего высказывается стремленіе къ самостоятельной дѣятельности.

9. Если мы будемъ анализировать страстныя (аффективныя) состоянія человѣческой души, то найдемъ въ основѣ этихъ состояній опять же врожденное душѣ стремленіе къ дѣятельности.

[1]) Emile, p. 250.

Возьмемъ, напр., чувство глубокаго горя, испытываемое нами при потерѣ любимаго человѣка и мы увидимъ, что и здѣсь одна изъ причинъ нашихъ страданій заключается въ пораженіи души въ ея стремленіи къ психической дѣятельности. Чѣмъ болѣе душа наша находила дѣятельности въ привязанности къ оплакиваемому человѣку, чѣмъ болѣе насоздавала она изъ разнообразныхъ отношеній къ нему различныхъ *сочетаній слѣдовъ* [1]), чѣмъ обширнѣе и вѣтвистѣе была сѣть этихъ сочетаній, тѣмъ тяжелѣе для нась потеря. Почти во всемъ, что мы дѣлали, думали и чувствовали, почти во всѣхъ вереницахъ нашихъ представленій, проникнутыхъ чувствованіями и желаніями,—человѣкъ этотъ былъ необходимымъ звеномъ, красною нитью во всѣхъ безчисленныхъ работахъ нашей души. И вдругъ все это сложное зданіе, надъ постройкой котораго душа наша столько потрудилась, составлявшее, можетъ быть, все содержаніе нашей души, рухнуло и лежитъ въ развалинахъ! Не разъ мысль наша пробуетъ кинуться на привычную дорогу; но ей на встрѣчу грозныя слова: «его или ея уже нѣтъ и сюда ходить болѣе не зачѣмъ.» Человѣкъ пытается поднять какую-нибудь длинную, давно скованную вереницу представленій, и вся эта вереница разваливается на куски: изъ нея вырвано главное связующее звено; человѣкъ хочетъ предпринять что-нибудь новое и останавливается: нѣтъ уже того, кто входилъ въ каждое его желаніе и каждое предпріятіе. Словомъ, все обширное поле душевной дѣятельности превратилось въ однѣ развалины, въ обширное кладбище, и, порываясь ежеминутно къ этому кладбищу, человѣкъ ежеминутно поворачиваетъ назадъ съ чувствомъ душевнаго страданія.

10. Человѣку приходится теперь начать новую душевную постройку; но каждая новая душевная постройка, сколоченная на скорую руку, изъ обыденныхъ матеріаловъ, вначалѣ и слишкомъ тѣсна, и вмѣстѣ слишкомъ широка, словомъ не уютна, въ сравненіи съ тѣмъ обширнымъ и въ тоже время хорошо знакомымъ жилищемъ, гдѣ душѣ такъ легко и, въ тоже время, такъ широко работалось. Но вотъ новый баракъ мало по малу отстроивается, прибавляется покой за покоемъ и этажъ за этажемъ. Съ каждымъ годомъ работа все расширяется и идетъ все веселѣе, человѣкъ все больше входитъ въ свою работу и все рѣже и рѣже вздыхаетъ о прежнемъ счастіи.

Вотъ почему люди праздные труднѣе переносятъ горе, чѣмъ люди, побуждаемые къ безустанному труду потребностями матеріальной жизни. Вотъ почему молодость горюетъ, повидимому, сильнѣе старости; но скорѣе ея излечивается отъ своего горя: молодость гораздо способнѣе, чѣмъ старость, связывать новыя сочетанія слѣдовъ, выплетать новыя ихъ сѣти и выстроивать новыя зданія; у старости же часто не хватаетъ матеріаловъ для новыхъ душевныхъ построекъ. Гоголь подмѣтилъ и ярко выразилъ эту черту старческаго горя въ своихъ старосвѣтскихъ

[1]) Человѣкъ какъ предм. воспит. Ч. I, Гл. XXV.

помѣщикахъ. Образъ старушки такъ вплелся во всю сѣть, составлявшую содержаніе души Афанасія Ивановича, что какъ-только судьба вырвала эту красную нить, то и все это содержаніе развалилось, хотя старикъ продолжалъ еще двигаться.

11. Много горестей переноситъ человѣческое сердце; но едва ли есть горе безвыходнѣе того, которое переноситъ пожилая женщина, потерявшая любимаго, и уже взрослаго, сына. Всѣ душевныя движенія этой женщины, всѣ вереницы ея мыслей, желаній, надеждъ, предпріятій сплелись съ идеей объ этомъ утраченномъ человѣкѣ. Она начала жить имъ еще съ тѣхъ поръ, какъ почувствовала его жизнь подъ сердцемъ, и съ тѣхъ поръ, каждую минуту и десятки лѣтъ, вплетала его образъ во всякое душевное свое движеніе. Въ душѣ ея не осталось ни одного уголка, куда бы она не внесла этого дорогаго, всеосвѣщающаго образа, и чѣмъ больше мысль о сынѣ вплеталась во всѣ самыя затаенныя тропы ея души, тѣмъ становился онъ ей дороже. На одной изъ картинъ въ Ватиканѣ Пресвятая Дѣва изображена старухою, лобзающею зіяющую рану на рукѣ своего Сына, только-что снятаго со креста. Можетъ быть, слѣдуетъ обвинить художника, что онъ слишкомъ человѣчески представилъ избранный имъ сюжетъ; но вглядитесь въ лицо этой женщины, изображенное съ необыкновенною силою, и вы поймете сразу, что весь міръ,—и земля и небо, всѣ жизненныя отношенія, вся праздничная и будничная обстановка жизни, всѣ желанія и надежды, все, что создавала душа этой женщины въ продолженіи долгой ея жизни,—изорвано, изъято, уничтожено, и что теперь для нея весь міръ въ одной этой помертвѣлой рукѣ, лежащей у нея на колѣняхъ, и въ одной этой потемнѣлой, запекшейся язвѣ.

12. Но не одно горе показываетъ намъ въ своемъ основаніи прирожденное стремленіе души къ дѣятельности. Тоже самое замѣтимъ мы и во всѣхъ другихъ чувствованіяхъ, какъ это мы увидимъ ниже. Но и теперь мы не можемъ не привести нѣсколькихъ примѣровъ, которые показали бы читателю, почему мы положили въ основу всѣхъ душевныхъ стремленій—стремленіе души къ дѣятельности.

Одно изъ самыхъ тяжелыхъ для человѣка чувствованій—это, безспорно, чувство страха, и вотъ почему также одно изъ величайшихъ наслажденій, какія только дано человѣку испытывать, есть освобожденіе изъ подъ невыносимаго гнета подавляющаго страха. Но почему же такъ тяжелъ страхъ и особенно страхъ бѣдствія, еще не вполнѣ обозначившагося и размѣры котораго еще не опредѣлились? Наблюдайте надъ проявленіемъ этого чувствованія, и вы замѣтите, что оно тяжело именно потому, что ставитъ непреодолимую преграду для дальнѣйшей душевной дѣятельности. Страхъ бросаетъ тяжелые камни по всѣмъ тѣмъ путямъ, по которымъ привыкла ходить наша душа, а потому не даетъ ей возможности дѣйствовать свободно. Сильный страхъ, какъ тысяченогій полипъ, вплетается во всю нашу душевную работу и останавливаетъ ее, и замѣтьте, что чѣмъ сильнѣе, обширнѣе и долговременнѣе угнеталъ

насъ страхъ, тѣмъ большій восторгъ обнимаетъ насъ, когда мы преодолѣваемъ страхъ и когда душа, въ которой потребность дѣятельности, сдержанная плотиною страха, накопилась, наконецъ прорываетъ эту плотину. Такъ, горный потокъ, заваленный на время лавиною, долго копитъ свои силы; но когда, наконецъ, прорветъ снѣга, то несется и разливается съ силою, равною тому препятствію, которое онъ опрокинулъ.

13. Если мы приложимъ нашу мысль къ привязанностямъ и ненавистямъ разнаго рода, то скоро увидимъ, что и въ нихъ лежитъ въ основѣ врожденное стремленіе души къ дѣятельности.

Всего сильнѣе, конечно, бываютъ привязанности человѣка къ человѣку, именно потому, что ничто такъ не способно дать душѣ человѣка такую обширную дѣятельность, какую можетъ дать другой человѣкъ. Если же скряга привязывается къ золоту, то привязывается онъ, конечно, не къ металлу, но къ тѣмъ мыслямъ, чувствамъ, надеждамъ и мечтамъ, которыя вызываются въ немъ деньгами, какъ это ярко выставилъ Пушкинъ въ своемъ «Скупомъ рыцарѣ». Въ этомъ постоянномъ прикопленія богатства уже давно открылась для скряги постоянная и при томъ прогрессивная психическая дѣятельность, и вотъ чѣмъ объясняются слова Ювенала: «Crescit amor nummi quantum ipsa pecunia crescit.»

14. Съ кѣмъ мы дружимся скорѣе всего?—Съ тѣмъ, чьи мысли, чувства, желанія открываютъ больше новыхъ сферъ нашей психической дѣятельности. Къ кому мы питаемъ наибольшую ненависть? Именно къ тому, кто повсюду является преградою къ прогрессивному движенію той же нашей психической дѣятельности, къ тому, чей образъ или мысль останавливаетъ наши собственныя мысли. Тиранство мысли, которой мы, почему бы то ни было, не можемъ ни принять, ни забыть, ни опровергнуть, едва ли не всего сильнѣе возбуждаетъ нашу ненависть.

15. Приведенныхъ нами общеизвѣстныхъ явленій психической жизни достаточно, чтобы оправдать, почему мы придаемъ такое важное значеніе стремленію души къ сознательной дѣятельности, какого не придаютъ обыкновенно. Это стремленіе признается, конечно, всѣми психологами (нельзя же его не видѣть!); но обыкновенно ему отводятъ мѣсто между множествомъ другихъ стремленій. Такъ напр., Броунъ помѣщаетъ его въ число десяти главнѣйшихъ родовъ желаній человѣка и придаетъ ему, конечно, большое значеніе, но все же не то, на которое оно имѣетъ полное право. Впрочемъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь слова Броуна, доказывающія прирожденность душѣ стремленія къ дѣятельности.

«Начиная дѣятельность или интересуясь дѣятельностью другихъ, говоритъ Броунъ, мы не имѣемъ мысли ни о неудовольствіи, котораго должны избѣжать, ни о счастьи, которое должны испытать. Мы уже заняты прежде, чѣмъ почувствовали удовольствіе занятія; мы уже не заняты прежде, чѣмъ почувствовали неудовольствіе, происходящее оттого, что мы ничѣмъ не заняты. Природа не ожидаетъ нашихъ размышленій и расчетовъ; она, правда, даетъ намъ способность разсуждать и расчитывать, чтобы мы могли исправлять злоупотребленія нашихъ желаній

но желаніе, необходимое для нашего собственнаго благоденствія и для благоденствія окружающихъ насъ, природа пробуждаетъ въ насъ безъ нашего содѣйствія»[1]).

Отбросивъ фаталистическій оттѣнокъ, проглядывающій въ этой мысли Броуна, мы найдемъ въ ней прекрасное доказательство *первобытности* стремленія къ сознателной дѣятельности. Душа стремится къ дѣятельности не потому, что испытала удовольствія, происходящія изъ дѣятельности, или страданія отъ недостатка дѣятельности, а прямо потому, что это стремленіе составляетъ ея сущность, потому что душа, невѣдомо для нея самой и независимо отъ ея желаній, независимо отъ какихъ-либо послѣдующихъ разсчетовъ и соображеній, является сама неизсѣкаемымъ источникомъ этого стремленія.

16. Гербартъ, не признававшій никакихъ врожденныхъ стремленій, не могъ конечно признать и врожденнаго стремленія души къ дѣятельности. Но за то отрицаніе такого яснаго психическаго явленія заставило его впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ онъ приписываетъ это стремленіе (не отдѣляя его отъ физической потребности движеній) не духу, а жизни [2]), и это говоритъ тотъ же самый Гербартъ, который еще прежде физіологовъ отвергъ гипотезу *жизненной силы!* Еще яснѣе выходитъ это противорѣчіе, когда Гербартъ, въ другомъ мѣстѣ, даже самыя чувствованія (Gefühlen) выводитъ нѣкоторымъ образомъ изъ стремленія къ дѣятельности [3]).

17. Бенеке не можетъ отвернуться отъ признанія врожденности стремленія къ дѣятельности, но придаетъ ее своимъ «первичнымъ силамъ». Но если душа съ врожденными стремленіями есть гипотеза, то первичныя силы со своею стремительностью тоже гипотеза, и мы предпочитаемъ всемірную гипотезу человѣчества ни чѣмъ не оправданной гипотезѣ одного теоретика.

18. Такимъ образомъ мы признаемъ, что душѣ *врождено* стремленіе къ дѣятельности и что всякій человѣкъ, одаренный самосознаніемъ, найдетъ непремѣнно это стремленіе въ своей душѣ. «Монархъ—говоритъ Броунъ,—занимающійся тѣми добровольными трудами, которые онъ называетъ забавами, долженъ почувствовать общность своей природы съ природою поденщика.» [4]) Но странно, какъ Броунъ, сознававшій общность этого стремленія и его первобытность, удовольствовался только тѣмъ, что помѣстилъ его, кажется, *восьмымъ* въ числѣ своихъ десяти главныхъ желаній. Не самъ ли Броунъ, въ другомъ мѣстѣ, говоритъ: «Какъ бы ни былъ несчастливъ человѣкъ, но если намъ удастся занять его какимъ-нибудь образомъ, то онъ уже счастливъ»? Не могла ли эта самая мысль побудить Броуна не только не ставить стремленія къ дѣятельности ниже

---

[1]) Lectures on the philosophy of the human Mind: by Th. Brown. Twentieth Edition. London. 1860. p. 445.

[2]) Herbarts. Lehrbuch der Ps. § 110. S. 70.

[3]) Ibid. § 52.

[4]) Brown. p. 445.

стремленія къ счастію, но даже не ставитъ ихъ наравнѣ, такъ-какъ первое, по своей первобытности, несомнѣнно предшествуетъ второму?...

19. Стремленіе *къ счастію* или стремленіе къ удовольствію, которое выставляется многими психологами и философами за основное стремленіе души, изъ котораго будто бы проистекаютъ всѣ прочія, несомнѣнно есть уже стремленіе *производное*, условливаемое представленіемъ того, къ чему стремишься, условливаемое, слѣдовательно, опытами удовольствія и неудовольствія, которые должны предшествовать желанію счастія. Кантъ совершенно справедливъ, говоря, что «состояніе страданій непремѣнно должно предшествовать всякому удовольствію» [1]. Эта мысль Канта согласна и съ мыслію Локка, который всѣ первыя дѣйствія наши, а слѣдовательно и тѣ, которыя доставляютъ намъ въ результатѣ удовольствіе, выводитъ изъ «величайшаго настоящаго неудовольствія (the greatest present uneasinesse)» [2]. Замѣчательно, что въ этой мысли своей Локкъ сходится съ великимъ своимъ антагонистомъ Лейбницемъ, и что въ первыхъ изданіяхъ своего знаменитаго сочиненія (Of human understanding), Локкъ придерживался общепринятой тогда мысли, что *идея величайшаго блага* опредѣляетъ дѣятельность человѣка, но потомъ, «послѣ строгаго изслѣдованія», отказался отъ нея и принялъ, что стремленіе выйти изъ непріятнаго положенія есть первичный источникъ человѣческой дѣятельности.

20. Мы уже видѣли, что тѣ непріятныя положенія, изъ которыхъ человѣкъ стремится выйти, установляются самою природою въ тѣхъ состояніяхъ нервнаго организма, которыя отзываются въ душѣ неудовольствіемъ и страданіемъ; но источника того неудовольствія, которое испытываетъ душа при отсутствіи сознательной дѣятельности, должно искать въ самой же душѣ, въ ея стремленіи къ сознательной жизни, которой она еще не знаетъ, но отсутствіе которой ее тяготитъ. Вотъ почему, вѣроятно, и Кантъ самое стремленіе къ жизни называетъ тяжелымъ. «Чувствовать жизнь, говоритъ онъ, есть ничто иное, какъ чувствовать себя вынужденнымъ безпрестанно выходить изъ настоящаго состоянія. Это тягостное побужденіе оставлять моментъ, въ которомъ мы находимся, и переходить въ другой, имѣетъ въ себѣ нѣчто ускоряющее и можетъ даже довести человѣка до рѣшимости прекратить свою жизнь, если онъ уже испробовалъ наслажденія всякаго рода и для него не остается никакихъ новыхъ наслажденій» [3]. Но нѣтъ ли средства избавиться отъ такого непріятнаго подталкивающаго стремленія души, не прибѣгая къ такимъ энергическимъ средствамъ? На это Кантъ намъ отвѣчаетъ слѣдующее: «Если мы замѣчаемъ въ себѣ недостатокъ ощущенія, то это производитъ въ насъ нѣкоторый ужасъ пустоты (horror vacui) и составляетъ какъ бы предчувствіе смерти, смерти медленной и болѣе тя-

[1]) Kant's Antropologie. 1838. § 59. S. 145.

[2]) Locke's Works, P. I. Ch.XXI. p. 33.

[3]) Kant's Antr. § 60. S. 147.

гостной, чѣмъ та, когда судьба разомъ перерѣзываетъ нить нашей жизни».

21. Намъ кажется, что мысль Канта можетъ быть выражена яснѣе, если мы замѣнимъ его философскій языкъ языкомъ психологическимъ. Если *нѣчто* побуждаетъ насъ переходить отъ одной душевной дѣятельности къ другой и даже искать этой другой, еще не зная ее, то ясно, что это нѣчто не есть удовольствіе новой дѣятельности, которой мы еще не знаемъ, а чувство неудовлетворенія старою, которая начинаетъ намъ уже надоѣдать. Но почему же начинаетъ она надоѣдать намъ?— Именно потому, что она *стара*, т. е. потому, что она, намъ извѣстна. или наконецъ, другими словами, потому что она, какъ извѣстная, мало даетъ дѣятельности душѣ нашей; слѣдовательно, главною побудкою души къ жизненной дѣятельности является недостатокъ этой самой дѣятельности, т. е. стремленіе къ дѣятельности, живущее въ душѣ.

22. Такимъ образомъ, мы признаемъ два источника стремленій: одинъ *тѣлесный*, т. е. нашъ растительный организмъ со всѣми его органическими потребностями, и другой *душевный*, т. е. душу съ ея неизсѣкаемымъ стремленіемъ къ сознательной дѣятельности. Оба эти стремленія вмѣстѣ составляютъ одно общее, всеобнимающее собою стремленіе: *быть* и *жить*. Для тѣла важно — *быть*; для души же — *жить*. Существованіе безъ жизни не имѣетъ для души никакого значенія. Далѣе мы откроемъ еще третій источникъ стремленій въ тѣхъ особенностяхъ которыя свойственны только душѣ человѣка и совокупность которыхъ мы называемъ *духомъ*; но признавъ этотъ третій источникъ уже теперь, мы затруднили бы наше изслѣдованіе; а потому, предоставивъ себѣ впослѣдствіи разсмотрѣть *духовныя* стремленія человѣка, мы взглянемъ теперь на происхожденіе чувствованій изъ первыхъ двухъ источниковъ: стремленій, выходящихъ изъ потребностей тѣла, и стремленія, вытекающаго изъ единственной потребности души.

ГЛАВА IX.

Происхожденіе чувствованій изъ органическихъ причинъ.

1. Какъ ни разнообразны стремленія, возникающія изъ потребности организма, но чувствованія, которыя, въ свою очередь, возникаютъ изъ удовлетворенія или неудовлетворенія этихъ стремленій, имѣютъ общій характеръ, если только отдѣлить спеціальность самихъ *ощущеній*. Такъ, напр., неудовлетворенность пищеваго стремленія и стремленія къ тѣлеснымъ движеніямъ возбуждаютъ въ душѣ, независимо отъ разнообразія самихъ ощущеній, одинаковыя чувствованія, а именно: неудовлетвореніе этихъ потребностей, возрастая постепенно въ своей напряженности, выражается чувствомъ неудовлетворенности, безпокойства, такъ называемой физической тоски и, наконецъ, положительныхъ страданій, которыя, въ свою очередь, могутъ возрастать въ своей интензивности до невыносимой степени. Точно также удовлетвореніе тѣхъ же стремленій, незави-

симо отъ специфическаго ощущенія, сопровождающаго это удовлетвореніе, отражается въ душѣ, смотря по степени напряженности самаго стремленія, чувствованіями удовлетворенности, спокойствія, довольства и, наконецъ, болѣе или менѣе, напряженныхъ наслажденій. Всѣмъ этимъ чувствованіямъ, возникающимъ отъ удовлетворенія или неудовлетворенія органическихъ стремленій, какого бы они рода ни были, мы можемъ придать общее названіе, а именно: *чувствованій удовольствія и неудовольствія*.

2. Мы отчасти видѣли уже выше, въ какомъ взаимномъ отношеніи являются въ душѣ чувствованія удовольствія и неудовольствія, возникающія отъ удовлетворенія или неудовлетворенія тѣлесныхъ потребностей. Удовольствіе, въ этомъ случаѣ, находится въ постоянной зависимости отъ неудовольствія. Безъ предварительнаго появленія неудовольствія, удовольствіе не могло бы появиться: если бы, напримѣръ, пищевая потребность человѣка удовлетворялась немедленно по мѣрѣ ея проявленія, то человѣкъ никогда не испыталъ бы удовольствія процесса питанія. Степень же силы удовольствія находится въ прямой зависимости отъ степени силы предшествующаго ему неудовольствія. Чѣмъ напряженнѣе голодъ, тѣмъ напряженнѣе наслажденіе при его удовлетвореніи.

3. Человѣкъ только на печальную монету страданій можетъ покупать наслажденія Всѣ попытки обмануть природу при этомъ торгѣ оказываются безуспѣшными. Человѣкъ безпрерывно пытается уменьшить страданія, возникающія изъ неудовлетворенія тѣлесныхъ потребностей, и усилить степень наслажденія при ихъ удовлетвореніи; но чувство *пресыщенія* наказываетъ его за эти попытки обмана. Если же, не сознавая неизбѣжности закона природы, человѣкъ настойчиво идетъ по этому пути, то неумолимая природа выполняетъ надъ нимъ то превращеніе, которому подверглись сластолюбивые путники Улисса, во дворцѣ Цирцеи, или онъ доходитъ до мрачной апатіи ко всему. Эту черту человѣческой природы выразилъ образно Сократъ, говоря, что Юпитеръ бросилъ на землю двухъ близнецовъ, наслажденіе и страданіе, такъ связавши ихъ спинами, что никто не можетъ развязать.

4. Гораздо менѣе было наблюдаемо то явленіе, что изъ состоянія тѣлеснаго организма, кромѣ этихъ *общихъ чувствованій*, удовольствія или неудовольствія, могутъ порождаться чувствованія *специальныя*, каковы: гнѣвъ, страхъ, печаль, радость, влеченіе, отвращеніе. Какъ порождаются эти чувствованія въ душѣ изъ состояній тѣлеснаго организма — этого психологія не знаетъ; точно также, какъ не знаетъ она и того, какимъ образомъ вибрація глазнаго нерва возбуждаетъ въ душѣ ощущеніе свѣта и различныхъ красокъ. Физіологія, съ своей стороны, также не знаетъ, каковы тѣ состоянія нервнаго организма, которыми условливается чувство голода или жажды, а равно и *органическое* появленіе чувствованій гнѣва или страха; но, тѣмъ не менѣе, факты такого органическаго появленія различныхъ чувствованій несомнѣнны.

5. Общая характеристическая черта всѣхъ чувствованій, возникаю-

щихъ въ душѣ изъ состояній организма, та, что всѣ они являются для души *безпричинными*. Душа *испытываетъ* эти чувствованія, но не находитъ въ себѣ самой причины ихъ. «Безпричинная радость», «безпричинная печаль», «безпричинный гнѣвъ», «безпричинный страхъ» говоримъ мы именно потому, что, испытывая эти чувствованія въ насъ самихъ, мы не можемъ отыскать причины имъ въ нашемъ сознаніи. Не находимъ же мы этой причины потому, что она не въ сознаніи, а въ ненормальныхъ состояніяхъ нашего тѣлеснаго организма, на что ясно указываетъ множество медицинскихъ наблюденій.

6. Ложное стремленіе наукъ къ уединенію было причиною, что психологи до сихъ поръ такъ мало обратили вниманія на эти органическія чувствованія, которыя, тѣмъ не менѣе, по *качеству* своему, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ душевныхъ чувствованій, причину которыхъ мы можемъ отыскать въ нашемъ сознаніи. *Безпричинный* гнѣвъ, возникающій изъ органическаго разстройства, точно такой же гнѣвъ, какъ и тотъ, причину котораго мы ясно сознаемъ въ какомъ нибудь разсердившемъ насъ событіи. Разница здѣсь не въ качествѣ, а въ источникѣ: одинъ гнѣвъ выходитъ изъ области, лежащей внѣ нашего сознанія, а другой — изъ причинъ, сознаваемыхъ нами; но какъ тотъ, такъ и другой—оба одинаково принадлежатъ душѣ; ибо понятіе гнѣвающагося фосфора точно также нелѣпо, какъ и фосфора видящаго или слышащаго [1]). Чувствованія, какъ и ощущенія, принадлежатъ душѣ; но причины, ихъ вызывающія, могутъ лежать и въ тѣлѣ.

7. Изъ психологовъ особенное вниманіе на органическія чувствованія обратилъ Карусъ. «Какъ всѣ первобытныя чувствованія, говоритъ онъ, радость возникаетъ изъ двоякаго корня: иногда изъ ночи безсознанія, а иногда изъ дня сознательной жизни представленій. Чѣмъ свѣжѣе здоровье, чѣмъ благопріятнѣе отношенія организма ко внѣшнему міру, чѣмъ быстрѣе и нормальнѣе дѣйствуютъ всѣ жизненныя функціи, — тѣмъ благопріятнѣе съ этой стороны настроеніе къ развитію чувства радости, и все это дѣйствуетъ тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ менѣе еще развилась душа въ самостоятельный духъ. Отсюда такое разнообразіе радостнаго возбужденія въ различныхъ возрастахъ и въ различныхъ личностяхъ. Младенецъ, дитя, отрокъ (но уже менѣе), могутъ быть исполнены радости, сами не зная почему: черты лица ихъ освѣщаются этимъ чувствомъ, веселая улыбка играетъ у нихъ на устахъ, и всѣ вопросы о причинѣ ихъ радости были бы напрасны.» «Точно также и печаль, говоритъ Карусъ далѣе, выходитъ изъ двухъ различныхъ областей—сознательной и безсознательной. Печаль (причина которой лежитъ въ безсознательной области) есть частью замедленное біеніе сердца, блѣдность, происходящая отъ удаленія крови изъ волосныхъ сосудовъ кожи, замедленное дыханіе и проч. Отъ особеннаго отраженія этихъ безсознательныхъ процессовъ въ самосознательномъ духѣ, образуется въ связи съ

[1]) Пед. Антр. Ч. I. Гл. XXXVIII.

одновременнымъ представленіемъ несчастія то, что мы называемъ печалью. Конечно, вліянія, которыя періодически возбуждаютъ печаль въ безсознательной сторонѣ, могутъ быть очень разнообразны. Уже однѣ перемѣны атмосферы имѣютъ весьма чувствительное вліяніе. Туманные дни, холодная сырость производятъ печальное настроеніе. Одни климаты болѣе способствуютъ этому настроенію, другіе—менѣе. Прекращеніе печали также можетъ выходить изъ сознательной области, какъ и безсознательной. Всякому извѣстно, сколько способствуютъ прекращенію печальнаго настроенія духа тѣлесное движеніе и особенно движеніе на свѣжемъ воздухѣ при солнечномъ сіяніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что характеры цѣлыхъ народностей условливаются климатомъ» [1]). Карусъ пытается также дать и объясненіе этого явленія, но, конечно, даетъ только гипотетическое. «Пытаясь, говоритъ онъ, по возможности, уяснить себѣ процессы, при которыхъ исчезаетъ печаль, мы должны себѣ припомнить, какъ вся жизнь представленій особеннымъ, таинственнымъ образомъ связана съ извѣстными (извѣстны ли они?) неизмѣримыми перемѣнами въ иннерваціонномъ напряженіи мозга», т. е. другими словами и откровеннѣе — разгадка этого явленія скрывается въ непостижимой связи души и нервнаго организма.

8. Не вдаваясь, вмѣстѣ съ Карусомъ, въ туманное объясненіе этихъ явленій, которое дало его психологіи много поэтическихъ, но не фактическихъ страницъ [2]), мы однако, тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что психологъ не можетъ отвернуться отъ этихъ явленій, и если не можетъ объяснить ихъ, то все же долженъ признать ихъ существованіе и не имѣетъ права строить теоріи, которая имъ противорѣчитъ. Вотъ почему мы вмѣняемъ въ вину Гербарту и его послѣдователямъ, что они построили свою теорію возникновенія чувствованій единственно изъ борьбы представленій, какъ бы позабывъ тѣ случаи, когда чувствованія возникаютъ прямо изъ состояній организма. Еслибы они не замѣтили вліяній организма на наши чувствованія, и черезъ нихъ и на ходъ нашихъ представленій въ нормальномъ состояніи, то все же патологическіе случаи этого рода могли бы раскрыть имъ глаза. «Предположимъ себѣ, говоритъ Карусъ, что въ одной изъ тропическихъ странъ, въ жаркій, лѣтній полдень, при солнечномъ сіяніи, идетъ здоровый человѣкъ съ непокрытою головою. Напряженность солнечныхъ лучей условливаетъ сильное разгоряченіе головы, и кровь, стремительно приливая къ мозгу, приводитъ его въ состояніе, которое мы въ медицинѣ называемъ воспаленіемъ. И вотъ этотъ покойный, еще недавно столь разумный человѣкъ, чувствуетъ себя духовно разстроеннымъ: его мысли путаются, его обыкновенное міросозерцаніе извращается, безумнѣйшія фантазіи тѣснятся въ его душу и онъ совершаетъ самыя яростныя дѣйствія» [3]). Можно сознаться въ

---

[1]) Die Antropologie v. K. Schmidt. II Th. 1865. S. 302—304.

[2]) Vorlesungen ueber Psychologie von C. Carus. 1831. Vorles. XII и XIII.

[3]) Ibid. S. 237.

невозможности объяснить подобныя явленія какъ психологически, такъ и физіологически; но отвернуться отъ нихъ нельзя.

9. Какія измѣненія происходятъ въ организмѣ подъ вліяніемъ яда бѣшеныхъ животныхъ — этого медицина не знаетъ. «Водобоязнь не оставляетъ на субъектахъ, ей подвергшихся, никакихъ поврежденій, которыми можно было бы объяснить болѣзненные припадки, наблюдаемые во время жизни субъекта, а кровь, выпускаемая у живыхъ субъектовъ, подвергшихся водобоязни, тоже не обнаруживаетъ никакихъ измѣненій» [1]. Тѣмъ не менѣе, кто же можетъ сомнѣваться, что причина водобоязни есть чисто физическая? Чѣмъ же однако яснѣе всего обнаруживается это послѣдствіе укушенія бѣшенаго животнаго? «Первый періодъ бѣшенства проявляется печалью, безпокойствомъ, безсонницей, головными болями, нѣкоторою живостью и болтливостью; во второмъ появляется неодолимое отвращеніе къ жидкостямъ, сопровождаемое ужасомъ» [2]. Не должно ли же признать, что причина чисто психическихъ явленій, каковы страхъ, отвращеніе, печаль, гнѣвъ, въ припадкахъ водобоязни находится не въ душѣ и ея представленіяхъ, а въ болѣзненномъ разстройствѣ тѣлеснаго организма?

10. Ипохондрія, зависящая часто отъ физическихъ причинъ и нерѣдко бывающая недугомъ наслѣдственнымъ [3]), не вызываетъ ли также безпричиннаго чувства печали, недовѣрія, страха? Страхъ — это самое угнетающее изъ человѣческихъ чувствованій—можетъ достичь при ипохондріи такой напряженности, что человѣкъ для того только, чтобы не бояться за жизнь свою, рѣшается прекратить ее. Конечно, медики еще не согласны въ томъ, приписать ли въ ипохондріи большее вліяніе причинамъ душевнымъ или тѣлеснымъ [4]); но, во всякомъ случаѣ, если эта болѣзнь можетъ быть наслѣдственна, то кажется нельзя сомнѣваться, что причина ея лежитъ также и въ ненормальномъ состояніи нервнаго организма.

11. Факты говорятъ ясно, что даже чувства привязанности, или влеченія къ предмету, могутъ порождаться подъ вліяніемъ органическихъ причинъ, лежащихъ внѣ нашего сознанія. Ласковая собаченка, за минуту лизавшая руку господина, даже и тогда, когда онъ ее наказывалъ, тотъчасъ же начинаетъ огрызаться на него, какъ только произведетъ на свѣтъ щенка. Конечно, мы замѣчаемъ здѣсь только проявленіе гнѣва, но не трудно видѣть, что гнѣвъ въ этомъ случаѣ есть только оборотная сторона привязанности, быстро развившейся подъ вліяніемъ органическихъ измѣненій въ животномъ. И привязанность эта продолжается у животнаго ровно столько времени, сколько организмъ его находится въ осо-

---

[1]) Elements de Pathologie generale par Chomel. 4 Edit. Paris. p. 166.

[2]) Traité de Pathologie, par Grissole. Paris. 1852, T. II. p. 139—141.

[3]) Ib. p. 684.

[4]) Handbuch der specialen Pathologie v. Virchof. 1855, B. VI. Erst Abt. v. Hass. S. 119.

бенномъ состоянія, а именно весь періодъ кормленія, и затѣмъ исчезаетъ безъ слѣда, тогда какъ должна была бы усилиться, если бы эта привязанность зависѣла отъ ассоціаціи представленій, какъ это дѣлается у человѣка, у котораго органическая привязанность есть только основа привязанности душевной, неимѣющей конца. И замѣтьте, что животное, привязанность котораго къ человѣку ростетъ съ годами, не выказываетъ этого возрастанія привязанности въ отношеніи своихъ собственныхъ дѣтенышей. Не ясно ли, что въ обоихъ случаяхъ причина привязанности различна? Въ *одномъ*—это періодическое состояніе организма, а въ *другомъ*—все растущая и расширяющаяся ассоціація представленій? Можно ли же не удивляться, что, при такихъ ясныхъ фактахъ, многіе философы и психологи продолжаютъ объяснять явленія материнской привязанности, общія и человѣку и животнымъ, разсчетами эгоизма или *одной* ассоціаціей представленій?

12. Мы видѣли, какъ возникаетъ чувство отвращенія въ водобоязни; но, по замѣчанію знатока душевныхъ болѣзней, Эскироля, у безумныхъ чаще всего оказывается измѣненіе душевныхъ привязанностей, такъ-что они или становятся равнодушными къ своимъ роднымъ и друзьямъ, или выказываютъ имъ даже ненависть. Безумные бѣгутъ, кричатъ, предаются бѣшенству «безъ всякихъ другихъ побужденій, какъ только кричать, бѣжать, убивать» [1]). Кто же сомнѣвается, что всѣ эти чувствованія и всѣ эти извращенія чувствованій возникаютъ у безумныхъ изъ ненормальнаго состоянія тѣлеснаго организма, а не изъ ассоціацій представленій? На оборотъ, самыя представленія здѣсь подбираются уже тѣмъ чувствованіемъ, которое возникло въ душѣ подъ вліяніемъ физическихъ страданій. Безумный въ своихъ мечтахъ подбираетъ именно тѣ представленія, которыя даютъ пищу угнетающему его органическому чувству.

13. Въ виду такихъ несомнѣнныхъ фактовъ мы не можемъ признать ни теоріи, объясняющей всѣ чувства изъ эгоизма, ни теоріи, объясняющей всѣ чувства изъ борьбы представленій. Мы видимъ ясно, что чувствованія могутъ порождаться въ душѣ безъ всякаго эгоистическаго разсчета и безъ всякой борьбы представленій. Въ эту послѣднюю ошибку впадаютъ не только Гербартъ и его послѣдователи, но даже и Спиноза, когда выдаетъ за аксіому, что «виды мышленія, каковы: любовь, желаніе, и другія чувствованія души, какими бы именами ихъ ни называли, не могутъ существовать безъ того, чтобы въ индивидуумѣ, въ которомъ они совершаются, не было идеи о вещи любимой, желаемой и проч., тогда-какъ идея можетъ существовать безъ всякаго другаго вида мысли» [2]). Мы же видимъ, что чувствованія могутъ рождаться вовсе не изъ идей, а прямо появляться въ душѣ, какъ отзывы ея на органическія измѣненія, для души неизвѣстныя: могутъ рождаться въ душѣ точно также, какъ рождаются въ ней ощущенія звука или свѣта въ отвѣтъ на вибра-

---

[1]) Traité de Pathologie par. Grisolle T. II p. 665.

[2]) Spinoza. Eth. P. II. Ax. 3.

цію слуховыхъ или зрительныхъ нервовъ, о которой душа ничего не знаетъ, и страданія голода или жажды въ отвѣтъ на специальное состояніе организма.

14. Если изъ всего матеріальнаго міра душа можетъ ощущать только нервный организмъ, или, по выраженію Каруса, «созерцаетъ міръ подъ формою нервной системы» [1]), то понятно само собой, какое рѣшительное вліяніе должны оказывать на психологическія явленія всѣ патологическія или періодическія измѣненія въ этомъ организмѣ. Если мы приняли, что предполагаемыя вибраціи нервовъ выражаются въ душѣ разнообразными ощущеніями, то точно также, и въ виду представленныхъ фактовъ, должны принять, что патологическія или періодическія перемѣны въ нервной системѣ отражаются въ душѣ различными чувствованіями. Въ обоихъ случаяхъ, душа одинаково не знаетъ ни о причинѣ своихъ ощущеній, ни о причинѣ своихъ чувствованій, а *просто испытываетъ ихъ*. Карусъ, правда, намекаетъ, что душа прямо испытываетъ различныя органическія измѣненія; но мы думаемъ, что гдѣ дѣло идетъ о чувствѣ, тамъ необходимо принять посредствующее участіе нервной системы. Измѣненіе въ составѣ крови, напр., дѣйствуетъ на измѣненіе нашихъ чувствъ, но конечно не иначе, какъ черезъ посредство нервной системы, подчиняющейся вліянію такого измѣненія крови.

15. Видя изъ такихъ несомнѣнныхъ фактовъ, что всѣ элементарныя чувствованія, удовольствіе и неудовольствіе, гнѣвъ, страхъ, привязанность и отвращеніе, могутъ рождаться въ душѣ *безпричинно*, т. е. безъ причинъ, доступныхъ непосредственному ея сознанію, и только подъ вліяніемъ патологическихъ и періодическихъ состояній нервнаго организма, мы должны приписать способность этихъ чувствованій душѣ совершенно на томъ же основаніи, на которомъ приписали мы ей способность зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ ощущеній, изъ которыхъ возникаютъ всѣ наши представленія.

Вотъ почему мы одинаково отвергаемъ и теорію возникновенія чувствованій изъ эгоизма, и теорію возникновенія ихъ изъ столкновенія представленій, хотя признаемъ много справедливаго въ обѣихъ, какъ это мы сейчасъ покажемъ.

ГЛАВА X.

Происхожденіе чувствованій изъ сознательныхъ представленій.

1. Если нужно было доказывать возможность происхожденія чувствованій изъ непосредственнаго вліянія на душу состояній тѣлеснаго организма, то едва ли нужно доказывать, какъ могутъ рождаться чувствованія изъ представленій. Страшный предметъ внушаетъ намъ страхъ, хотя бы мы передъ этимъ находились въ самомъ спокойномъ и радост-

[1]) Carus. Vorles. S. 264.

номъ настроеніи; веселая мысль часто заставляетъ насъ улыбнуться при самомъ печальномъ настроеніи духа. Здѣсь ясно, что чувствованіе возникаетъ изъ представленій или, лучше сказать, изъ нашего отношенія къ представленію, потому что одно и тоже представленіе въ одномъ лицѣ можетъ возбудить страхъ, въ другомъ гнѣвъ, въ третьемъ смѣхъ и т. д.

2. Для краткости станемъ называть всѣ чувствованія, возникающія изъ представленій—*душевными*, въ отличіе отъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили въ прошедшей главѣ и которыя, такъ какъ они, не вѣдомо для насъ самихъ, возникаютъ въ душѣ нашей изъ тѣхъ или другихъ состояній организма, назовемъ *органическими*. Мы не придаемъ особеннаго значенія самымъ этимъ терминамъ; но они покудова годятся намъ для нашей ближайшей цѣли.

3. По качеству, *органическія* чувствованія отъ *душевныхъ* не различаются. Гнѣвъ, возбужденный въ душѣ какою нибудь органическою причиной, и потому органическій гнѣвъ, точно такой же гнѣвъ, какъ и тотъ, причину котораго мы ясно сознаемъ въ томъ или другомъ представленіи. Но *органическія* чувствованія отличаются отъ *душевныхъ* способомъ своего происхожденія: ибо тогда-какъ первыя, *органическія*, предшествуютъ представленіямъ и подбираютъ ихъ соотвѣтственно своему спеціальному характеру, вторыя, т. е. *душевныя*, сами возникаютъ изъ сознаваемыхъ нами представленій и руководятся ими.

4. Однако же человѣку недостаточно только сознавать представленіе, чтобы изъ него возникло въ его душѣ то или другое чувствованіе: онъ долженъ еще *понимать* отношеніе этого представленія къ самому себѣ, къ своей личности. Человѣку недостаточно видѣть наведенное на него ружье, чтобы почувствовать страхъ: онъ долженъ еще *понимать*, какая опасность грозитъ ему въ этомъ случаѣ; если же онъ этого не понимаетъ, то и не почувствуетъ страха.

5. Но и одного этого пониманія недостаточно еще, чтобы то или другое представленіе вызвало въ душѣ человѣка то или другое чувствованіе. Если мы представимъ себѣ человѣка, который вовсе *не боится смерти*, то заряженное ружье, на него наведенное, не возбудитъ въ немъ никакого страха. Слѣдовательно, для того, чтобы почувствовать страхъ въ данномъ случаѣ, надобно еще бояться смерти, т. е. другими словами, надобно *носить* въ себѣ *стремленіе* къ жизни. Вотъ этого-то послѣдняго условія и не замѣтили Гербартъ и его послѣдователи, отвергавшіе всѣ врожденныя стремленія, и выводившіе всѣ чувствованія только изъ взаимнаго отношенія представленій [1]). Мы же видимъ ясно, что въ какую бы борьбу мы ни ставили представленій, изъ нихъ не возникнетъ душевное чувствованіе, если мы не предположимъ въ человѣкѣ никакихъ врожденныхъ стремленій.

6. Самый спеціальный характеръ чувствованія зависитъ также в

[1]) См. выше гл. IV.

отъ представленія, возбуждающаго чувствованіе, но возникаетъ изъ отношеній этого представленія къ тому, кто представляетъ. Вотъ почему одно и тоже представленіе можетъ возбуждать въ различныхъ людяхъ самыя противоположныя чувствованія. Такъ, напримѣръ, приходъ нежданнаго гостя, возбуждающій радость въ душѣ гостепріимнаго и щедраго человѣка, возбудитъ негодованіе и страхъ въ душѣ скряги. Слухи о приближающемся голодѣ, заставляющіе печалиться и такихъ людей, которымъ нечего бояться голода, могутъ наполнить душу сребролюбца самыми радостными надеждами. Даже въ одномъ и томъ же человѣкѣ одно и тоже представленіе можетъ возбуждать различныя чувствованія въ разное время: что возбуждало страхъ въ дѣтствѣ, то можетъ насъ потомъ смѣшить, и даже то, что разсердило насъ утромъ, можетъ развеселить насъ послѣ обѣда. Отчего же зависитъ такое разнообразіе чувствованій, возбуждаемыхъ однимъ и тѣмъ же представленіемъ? На это обыкновенно отвѣчаютъ: отъ различнаго *настроенія* души, и отвѣчаютъ совершенно справедливо.

7. Наблюдая надъ проявленіями различныхъ чувствованій у дѣтей, мы замѣчаемъ, что большею частію одинаковое представленіе дѣйствуетъ на дѣтей одинаково; но съ теченіемъ времени душа человѣка пріобрѣтаетъ свой особенный, ей только свойственный, строй—и тогда уже одно и тоже представленіе начинаетъ вызывать у разныхъ людей разныя чувствованія. Слѣдовательно, душевный строй есть, главнымъ образомъ, произведеніе жизни и вырабатывается жизненными опытами, которые для каждаго человѣка различны. Конечно, въ этой выработкѣ принимаетъ большое участіе и врожденный темпераментъ человѣка, но теперь насъ занимаетъ не этотъ вопросъ.

8. Вначалѣ стремленія, и душевныя и тѣлесныя, во всѣхъ людяхъ одни и тѣ же. Всякій человѣкъ хочетъ ѣсть, пить, ищетъ общества себѣ подобныхъ, ищетъ душевной и тѣлесной дѣятельности. Правда, онъ и потомъ ищетъ все того же; но въ способѣ удовлетворенія этихъ стремленій уже замѣчается большое разнообразіе. Возьмемъ для примѣра самое простое стремленіе—стремленіе къ пищѣ. Сначала это только *общее* стремленіе удовлетворить тѣлесной потребности питанія и удовлетворить ее чѣмъ бы то ни было. Только-что родившійся младенецъ не разбираетъ пищи. Но, вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ, неопредѣленное *стремленіе* къ пищѣ начинаетъ вырабатываться въ опредѣленныя *желанія* той или другой пищи; такъ что потомъ одна и таже пища можетъ возбуждать въ одномъ удовольствіе, а въ другомъ отвращеніе.

9. То, что мы сказали въ отношеніи тѣлесныхъ стремленій, еще болѣе примѣнимо и къ тому единственному душевному стремленію, которое мы до сихъ поръ отыскали, а именно къ стремленію души къ сознательной дѣятельности [1]). Вначалѣ это только *общее* стремленіе,

[1]) См. выше гл. X.

и душу удовлетворяетъ всякая сознательная дѣятельность, только пришлась бы она душѣ по силамъ. Но со временемъ человѣка естественно увлекаетъ та сфера дѣятельности, которую онъ самъ же предварительно разработалъ и въ которой потому душа его работаетъ и шире, и легче, и успѣшнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Но такъ-какъ эти сферы дѣятельности до безконечности разнообразны, также разнообразны, какъ жизни людскія, то отсюда возникаетъ безконечное разнообразіе въ чувствованіяхъ, возбуждаемыхъ одними и тѣми же представленіями въ различныхъ людяхъ. Въ отношеніи стремленія человѣка къ сознательной дѣятельности, разнообразіе человѣческихъ желаній и наклонностей еще гораздо болѣе, чѣмъ въ отношеніи удовлетворенія потребностей тѣлесныхъ, которыя до нѣкоторой степени сохраняютъ свое сходство у всѣхъ людей.

10. Намъ еще не время говорить здѣсь о выработкѣ опредѣленныхъ желаній, наклонностей и страстей изъ врожденныхъ стремленій, такъ-какъ эти психическія явленія относятся къ области воли. Но, тѣмъ не менѣе, мы должны уже имѣть въ виду эту выработку, о которой мы и выше сказали нѣсколько словъ, чтобы понять, какимъ образомъ у людей изъ однихъ и тѣхъ же прирожденныхъ стремленій могутъ выработаться самыя разнообразныя настроенія души, чѣмъ условливается и различіе чувствованій, вызываемыхъ у разныхъ лицъ однимъ и тѣмъ же представленіемъ. Совокупность этихъ уже выработанныхъ жизнію желаній, наклонностей и страстей и составляетъ то, что мы называемъ *строемъ* души.

11. Сначала, въ своей сознательной жизни человѣкъ одинаково относится ко всѣмъ возможнымъ представленіямъ, но это продолжается до первыхъ опытовъ жизни. Съ перваго же раза опыты эти показываютъ ему, что одни предметы удовлетворяютъ его стремленіямъ, другіе нѣтъ, одни удовлетворяютъ больше и лучше, другіе меньше и хуже, третьи совсѣмъ не удовлетворяютъ, четвертые мѣшаютъ этому удовлетворенію и т. д. Тогда уже безучастность человѣка къ представленіямъ прекращается и одни изъ нихъ возбуждаютъ въ душѣ его радость, другіе гнѣвъ, третьи страхъ и т. д. Отсюда уже понятно, какъ можетъ разнообразиться строй души у разныхъ людей съ теченіемъ жизни.

12. Еще понятнѣе станетъ намъ это, если мы прослѣдимъ хоть бѣгло, развитіе въ душѣ какой-нибудь страсти. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ не родится ни скупымъ, ни щедрымъ; но, смотря по тому, въ чемъ найдетъ онъ больше удовольствія и пищи для своей сознательной дѣятельности, въ сбереженіи ли денегъ или въ тратѣ ихъ, можетъ образоваться въ немъ та или другая наклонность. Самое же это различіе взгляда, какъ чрезвычайно мѣтко указалъ Броунъ, можетъ зависѣть даже отъ случайности, повидимому, очень мелкой. Деньги только символъ или орудіе наслажденія. Рубль, оставаясь въ нашемъ карманѣ, представляетъ собою множество разнообразнѣйшихъ наслажденій: тотъ же самый рубль, истраченный нами, даетъ намъ одно наслажденіе, очень небольшое и часто очень скоро забываемое. Если

мальчику, напр., случилось истратить свой первый грошъ, надъ которымъ онъ много мечталъ, на такое удовольствіе, которое быстро исчезло безъ слѣда, и если дитя вспомнитъ то счастливое состояніе своей души, которое онъ испытывалъ, обладая грошемъ, то душу его можетъ наполнить сожалѣніе объ истраченныхъ деньгахъ. Сожалѣніе же это, повторяясь часто, можетъ положить въ душѣ первыя основы скупости. Если же мальчикъ на свои первыя деньги купилъ прочную и занимательную вещь, которая даетъ ему много наслажденій, такъ-что онъ позабудетъ о счастливыхъ минутахъ, когда онъ еще былъ обладателемъ своихъ денегъ, то направленіе его наклонностей можетъ быть другое [1]). Когда же та или другая наклонность образуется, наконецъ, въ человѣкѣ, тогда и душа его станетъ своимъ особеннымъ, ей только свойственнымъ, чувствомъ отвѣчать на представленія.

13. Строй души условливается, конечно, слѣдами пережитыхъ ею представленій: не безхарактерными слѣдами, о которыхъ мы говорили въ первой части нашей антропологіи, но слѣдами, которые проникнуты тѣми чувствованіями, съ которыми представленія входили въ душу человѣка. Если бы въ человѣкѣ не было никакихъ врожденныхъ стремленій, то онъ относился бы безучастно ко всякаго рода представленіямъ и ко всякой комбинаціи ихъ, и въ душѣ сохранялись бы слѣды этихъ представленій, скованные вереницами и сѣтями по законамъ памяти, но не имѣющіе никакого *чувственнаго* характера. Но какъ только мы предположимъ въ человѣкѣ врожденныя стремленія, такъ и предметы внѣшняго міра, представленія о которыхъ мало-по-малу наполняютъ его душу, получаютъ для него чувственное разнообразіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ вереницы и сѣти слѣдовъ представленій, сохраняющіяся въ его памяти, должны быть проникнуты тѣми чувствованіями, съ которыми эти представленія воспринимались. Это относится не къ однимъ какимъ-нибудь слѣдамъ представленій, но ко всѣмъ безъ исключенія. Даже самое отвлеченное ученое мышленіе, по вѣрному замѣчанію великаго мыслителя и физіолога Миллера, не свободно отъ этого оттѣнка страстности. Ученый, составившій какую-нибудь гипотезу въ тиши кабинета и необъявившій ее никому, тѣмъ не менѣе чувствуетъ неудовольствіе, когда эта гипотеза оказывается ошибочною [2]).

14. Всякое новое представленіе, входящее въ душу ребенка, непремѣнно имѣетъ свой особый чувственный характеръ, и въ памяти дитяти сохраняется не только слѣдъ самаго представленія, но и слѣдъ того чувства, съ которымъ оно было воспринято душою. Изъ этихъ *чувственныхъ* слѣдовъ возникаютъ проникнутые разнообразнѣйшими чувствованіями вереницы и сѣти, а всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ то, что мы называемъ *строемъ души*. Новое представленіе, входя въ душу человѣка, относится уже не прямо къ его прирожденнымъ стремленіямъ, а

[1]) Brown, p. 461 и 462.

[2]) Man. de Physiol. P. 11. p. 512.

къ тому строю души, которой выработался изъ тѣхъ же прирожденныхъ стремленій черезъ посредство жизненнаго опыта. И вотъ почему каждое новое представленіе, каждое новое звено, которое вплетаетъ человѣкъ въ сѣть своихъ представленій, вызываетъ въ каждой душѣ свой особый звукъ, свое особое душевное чувство, такъ-что въ этомъ отношеніи Бэнъ былъ совершенно правъ, утверждая, что чувствованія въ различныхъ людяхъ могутъ достигать такой индивидуальности, что одинъ человѣкъ не можетъ вполнѣ передать другому того, что самъ чувствуетъ [1]).

15. Теперь намъ уже будетъ понятно, почему Спиноза называлъ чувствованія отношеніемъ новыхъ представленій къ совокупности стремленій человѣка, составляющей его сущность [2]). Спиноза только не отдѣлялъ стремленій отъ желаній, наклонностей и страстей, какъ мы это сдѣлали, замѣтивъ между тѣмъ, что какъ бы ни были сложны человѣческія стремленія и склонности, мы, анализируя ихъ, всегда найдемъ въ основѣ тоже врожденное стремленіе, только разработанное опытами жизни въ ту или другую форму.

16. Это отношеніе новаго представленія къ ассоціаціямъ слѣдовъ старыхъ, проникнутыхъ опредѣленными чувствованіями, отыскивается сознаніемъ въ разсудочномъ процессѣ. Встрѣчаясь съ новымъ представленіемъ, человѣкъ иногда долго и нерѣшительно примѣриваетъ его то къ тѣмъ, то къ другимъ вереницамъ прежнихъ представленій и при этомъ душа всегда издаетъ различный звукъ. Такъ, смотря на новое явленіе, мы можемъ испытывать самыя разнообразныя чувствованія, что зависитъ отъ того, съ какой стороны мы на него взглянемъ. При этой примѣркѣ сознаніе, конечно, руководится своею способностію сравнивать и различать, но самая чувственная оцѣнка представленія возникаетъ не изъ этого *логическаго* процесса, хотя и посредствомъ его. «Чувство логическаго признанія, говоритъ Гербартъ, совершенно отличается отъ эстетическаго (нравственнаго) предпочтенія или отверженія (Vorzichen und Verwerfen)» [3]). Мы можемъ очень хорошо понимать разсудкомъ, что извѣстное явленіе составляетъ для насъ благо; но въ то же время это явленіе можетъ вызвать въ насъ чувство страха или отвращенія, смотря по чувственному характеру преобладающихъ въ насъ въ это время ассоціацій представленій. Такъ больной, понимающій очень хорошо всю необходимость операціи, можетъ въ то же время бояться ее и смотрѣть съ отвращеніемъ и ужасомъ на ея орудія. Но пусть больной глубоко вдумается въ опасность своей болѣзни и необходимость операціи, взглянетъ такъ, чтобы душа его наполнилась на минуту этими думами, и соотвѣтствующими имъ чувствованіями, и онъ посмотритъ на руку оператора совсѣмъ съ другимъ чувствомъ, хотя черезъ мгновеніе можетъ быть опять поддастся чувству страха.

---

[1]) Bain. p. 46.

[2]) Spinoza. Eth. P. II. P. IV. prop. 5.

[3]) Herbat's Lehrbuch der Psych. § 85.

17. Этотъ процессъ примѣриванія, результатомъ котораго являются различныя чувствованія, совершается иногда весьма медленно и замѣтно, а иногда такъ мгновенно, что мы готовы признать, что чувство родилось у насъ прежде соображенія и что мы, напримѣръ, сначала *почувствовали* опасность, какъ это обыкновенно говорится, а потомъ уже *поняли* ее. Но это не болѣе, какъ ошибка, происходящая отъ быстроты нашихъ соображеній, и отъ того, что они совершаются въ насъ часто, не облекаясь въ форму словъ. Но если мы совершенно не понимаемъ опасности какого-нибудь явленія, то смотримъ на него очень спокойно и можемъ съ улыбкою на лицѣ выпить стаканъ отравы. Если же, наконецъ, не у людей, сколько намъ извѣстно, а у нѣкоторыхъ животныхъ, замѣчается способность чувствовать опасность, не понимая ее, то чувствованіе такого рода слѣдуетъ причислить къ *инстинктамъ*, т. е. къ чувствованіямъ *органическимъ*, а не душевнымъ. Это голосъ природы, которому безсознательно повинуется животное, какъ повинуется оно чувству голода и особенностямъ своихъ вкусовъ, указывающихъ ему на пищу, для него вредную и полезную, или какъ повинуется, напримѣръ, человѣкъ, одержимый водобоязнію, невольному отвращенію ко всякой жидкости. У человѣка, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ его состояніи, мы не замѣчаемъ такихъ спасительныхъ инстинктовъ.

18. Объяснивъ, какъ образуется различіе душевнаго строя у разныхъ людей, мы тѣмъ самымъ уже объяснили, какъ можетъ измѣняться душевный строй у одного и того же человѣка съ теченіемъ его жизни. Но это измѣненіе можетъ быть общее и частное. *Общее*, коренное измѣненіе происходитъ медленно и трудно и, чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ оно дѣлается труднѣе. *Частное* же измѣненіе можетъ зависѣть отъ множества причинъ, какъ органическихъ, такъ и душевныхъ. Такъ, частное вредное настроеніе души быстро мѣняется подъ вліяніемъ болѣзненнаго и здороваго состоянія организма, подъ вліяніемъ погоды, часовъ дня и мимолетныхъ впечатлѣній. Но эти частныя перемѣны не нарушаютъ кореннаго строя души и она, на время выведенная изъ своего уровня, опять стремится возвратиться къ нему.

19. Не только у единичныхъ личностей, но и у цѣлыхъ народовъ, мы можемъ замѣтить разнообразіе въ душевномъ строѣ, а отсюда и разнообразіе чувствованій, вызываемое одними и тѣми же представленіями. Что разсердитъ и опечалитъ китайца, то можетъ разсмѣшить француза, и наоборотъ: отчего французъ придетъ въ бѣшенство, то можетъ очень слабо подѣйствовать на китайца. Душевный строй народа также мѣняется съ теченіемъ исторіи, и что пугало нашихъ предковъ, то смѣшитъ насъ теперь. Въ душевномъ строѣ народа, и особенно высшихъ слоевъ общества, безпрестанно замѣчаются также частныя измѣненія, не касающіяся кореннаго настроенія. Что лѣтъ пять тому назадъ встрѣчалось въ нашемъ обществѣ рукоплесканіями, то теперь можетъ быть встрѣчено насмѣшками. Угадывать это душевное настроеніе общества и руководить имъ составляетъ главную задачу политики; но

содѣйствовать образованію въ душѣ дитяти такого кореннаго строя, который достоинъ человѣка, — вотъ величайшая задача воспитанія и воспитателя.

ГЛАВА XI.

Практическое значеніе сердечныхъ чувствованій.

1. Наши поступки выходятъ изъ нашихъ желаній; а наши желанія изъ чувствованій, испытываемыхъ нами при удовлетвореніи или неудовлетвореніи нашихъ стремленій. Отсюда уже вытекаетъ само собою все практическое значеніе нашихъ чувствованій. «Всякій предметъ, говоритъ Бэнъ, который намъ нравится, завлекаетъ, очаровываетъ душу, настоящій ли онъ, будущій или воображаемый, примитивный или возникающій изъ ассоціаціи, есть сила, побуждающая насъ къ дѣйствію» [1]. Но въ другомъ мѣстѣ также справедливо замѣчаетъ тотъ же психологъ, что чувствованіе, чтобы сдѣлаться постояннымъ мотивомъ нашихъ дѣйствій (или по нашему превратить стремленіе въ желаніе [2]), должно оставить свой слѣдъ въ памяти [3]). Вотъ эти то слѣды чувствованій въ памяти и становятся мотивомъ сознательныхъ желаній. Не смотря однако на такую очевидность практическаго значенія чувствованій, въ обществѣ существуютъ въ этомъ отношеніи самыя шаткія понятія.

2. Въ обществѣ часто слышится фраза, что «ничто такъ не цѣнится въ человѣкѣ, какъ его чувство», а рядомъ слышится также и другая, совершенно противоположная, что «въ чувствахъ своихъ человѣкъ не воленъ». Но если человѣкъ не воленъ въ своихъ чувствованіяхъ, то ставить ему въ достоинство или въ укоръ эти самыя чувствованія также раціонально, какъ ставить ему въ достоинство или въ укоръ его физическія преимущества и недостатки. Однако же оба эти ходячія мнѣнія, какъ они ни противорѣчатъ другъ другу, имѣютъ много справедливаго.

3. Мнѣніе, что чувствованія въ человѣкѣ всего дороже, совершенно справедливо въ томъ отношеніи, что ни въ чемъ такъ не высказывается истинный, неподдѣльный человѣкъ, какъ въ своихъ чувствованіяхъ: высказывается самъ для себя и для другихъ, на сколько его чувствованія другимъ доступны. Ничто, ни слова, ни мысли, ни даже поступки наши не выражаютъ такъ ясно и вѣрно насъ самихъ и наши отношенія къ міру, какъ наши чувствованія: въ нихъ слышенъ характеръ не отдѣльной мысли, не отдѣльнаго рѣшенія, а всего содержанія души нашей и ея строя. Въ мысляхъ нашихъ мы можемъ сами себя обманывать, но чувствованія наши скажутъ намъ, что мы такое: не то, чѣмъ бы мы хотѣли быть, но то, что мы такое на самомъ дѣлѣ.

---

[1]) The Will, p. 396.

[2]) См. выше гл. V.

[3]) The Will. p. 423.

4. Часто, напримѣръ, человѣку кажется, что онъ безкорыстенъ, доброжелателенъ въ отношеніи другихъ людей и искренно любитъ друзей своихъ; но пусть онъ внимательно прислушается къ тому, какимъ звукомъ отзовется его сердце на новость о неожиданномъ обогащеніи или возвышеніи его друга. Если сердце его издастъ звукъ веселый, то онъ можетъ заключить, что у него дѣйствительно доброе сердце и что онъ искренно любитъ своего друга; если же звукъ этотъ будетъ печаленъ, то пусть человѣкъ измѣнитъ мнѣніе о своемъ сердцѣ и о своемъ отношеніи къ друзьямъ. Мы можемъ въ мысляхъ считать себя большими героями; но только въ чувствахъ нашихъ, отзывающихся на опасности, мы можемъ узнать, дѣйствительно ли мы герои. Вотъ почему Бенеке весьма удачно сказалъ, что въ мысляхъ нашихъ выражается наше *теоретическое*, а въ чувствованіяхъ—наше *практическое* отношеніе къ міру. Впрочемъ, ту же самую мысль выразилъ еще прежде Кантъ въ своей «Антропологіи».

5. Исторія нашихъ чувствованій есть самая интимная исторія нашей души. Со всѣми, сколько-нибудь значительными воспоминаніями у насъ непремѣнно связаны какія-нибудь замѣтныя и ясно опредѣленныя чувствованія. Въ душу нашу ложатся слѣды не простыхъ, но проникнутыхъ чувствами представленій, не простые абрисы сознанія, но раскрашенныя чувствами картины. Перетряхивая же цѣпь нашихъ воспоминаній, мы или слышимъ прежніе звуки, какіе раздавались тогда, когда она сплеталась, или они значительно уже измѣнились. Одни звенья этой цѣпи, звучавшія когда-то такъ сладостно или болѣзненно, издаютъ теперь какой-то глухой, неопредѣленный, чуть слышный звукъ; другія не издаютъ уже почти никакого, хотя мы ясно помнимъ, какъ сильно звучали они прежде. Третьи, наконецъ, къ нашему изумленію, совершенно перемѣнили свой тонъ и звучатъ, напримѣръ, печально, когда прежде звучали радостно. Это измѣненіе прежнихъ чувствованій есть самое вѣрное мѣрило нашихъ душевныхъ перемѣнъ: перемѣнъ въ самомъ строѣ нашей души, отъ чего измѣняется и резонансъ ея, когда по ней ударятъ новыя впечатлѣнія.

6. Борьба между различными чувствованіями въ одной и той же душѣ есть явленіе, знакомое каждому. Возможность такой борьбы объясняется тѣмъ, что изъ различныхъ органическихъ стремленій и изъ одного и того же основнаго стремленія души вырабатывается въ жизни много различныхъ желаній, наклонностей и страстей, которыя не пришли еще въ единство между собою и могутъ существовать въ душѣ разомъ, противорѣча другъ другу. Новое представленіе, входя въ сознаніе, можетъ удовлетворять одному желанію и противорѣчить въ тоже время другому, и, слѣдовательно, вызывать въ нашей душѣ различныя чувствованія, смотря по тому, къ какому ряду звеньевъ прилаживаетъ нашъ разсудокъ новое звено. Вотъ почему и чувствованія наши, какъ и наши мысли, могутъ противорѣчить одно другому.

7. Какое же стремленіе одолѣваетъ въ этой борьбѣ чувствованій? Это зависитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ отъ самаго представленія, вы-

зывающаго въ насъ то или другое чувствованіе, а во-вторыхъ, отъ сравнительной силы борющихся въ душѣ первичныхъ стремленій тѣлесныхъ и душевныхъ, и выработанныхъ душою, противоположныхъ желаній. Въ каждомъ представленіи есть много сторонъ, и если въ данномъ представленіи болѣе сторонъ, удовлетворяющихъ стремленію А, чѣмъ стремленію Б, которыя противорѣчатъ другъ другу, то новое представленіе, конечно, примкнетъ къ ряду слѣдовъ, вызванныхъ дѣятельностью стремленія А, если мы примемъ, конечно, что оба ряда слѣдовъ, проникнутыхъ различными стремленіями, равносильны. Здѣсь, слѣдовательно, борьба рѣшается самымъ характеромъ представленій. Но если сила стремительности въ двухъ рядахъ аффективныхъ (т. е. проникнутыхъ чувствами) представленій, различна, то борьба будетъ рѣшена, конечно, въ пользу того ряда представленій, стремительность котораго сильнѣе. Такъ, если мы въ одно и тоже время чувствуемъ усталость и голодъ, то побѣда останется на сторонѣ того стремленія, которое сильнѣе.

8. Изъ всего этого выходитъ само собою, что въ чувствованіяхъ нашихъ мы дѣйствительно невольны, ибо въ чувствованіяхъ высказывается уже прошедшая исторія нашей души. Прежде, чѣмъ мы подумаемъ, хорошо или дурно наше чувствованіе, оно уже совершилось. Мы можемъ дать и не дать практическихъ послѣдствій чувствованію, отозвавшемуся въ нашей душѣ, но тѣмъ не менѣе оно уже было. Въ чувствахъ своихъ, слѣдовательно, мы невольны; но также ли мы невольны въ томъ душевномъ строѣ, которымъ опредѣляется характеръ чувствованій?

9. Философы и психологи, даже отвергающіе свободу воли въ человѣкѣ (напр.: Спиноза, Бэнъ, Локкъ и др.), тѣмъ не менѣе, признаютъ (и мы не можемъ не видѣть въ этомъ противорѣчія), что человѣкъ может воспитывать свои чувства, т. е. можетъ давать тотъ или другой строй своей душѣ. Спиноза прямо указываетъ на то, что страсть, подкрѣпляемая разумомъ, всегда сильнѣе страсти, имъ не подкрѣпляемой, и что потому мы можемъ въ борьбѣ страстей склонять побѣду на ту сторону, которой придаемъ въ помощь нашъ разумъ, и признаетъ, что отъ насъ зависитъ направить нашу мысль на такія представленія, которыя ослабляютъ или усиливаютъ данную страсть. Того же мнѣнія держатся Локкъ и Бэнъ [1]).

10. Здѣсь еще не мѣсто анализировать противорѣчіе, скрывающееся въ психологическихъ воззрѣніяхъ этихъ писателей; но нѣтъ сомнѣнія, что если такое дѣйствіе разума и свободной воли на чувствованія возможно, то не непосредственно, а только чрезъ вліяніе на подборъ нашихъ представленій и черезъ нихъ на цѣлый строй души. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы можемъ давать пищу однимъ наклонностямъ и усиливать ихъ на счетъ другихъ и, слѣдовательно, участвовать нашею

---

[1]) Eth. P. IV. Prop. 10 Sch. См. также у Броуна: p. 427. Locke's The Cond. of the Und. p. 83.

волею въ настроеніи нашей души, отъ котораго, какъ мы видѣли, зависитъ и самый характеръ чувствованій. Всякій легко можетъ сдѣлать это наблюденіе надъ самимъ собою, когда одно и тоже представленіе вызываетъ въ немъ различныя чувствованія, смотря по тому, на какую сторону представленія онъ обращаетъ преимущественное вниманіе: стоитъ только перемѣнить рядъ мыслей, чтобы почувствовать, напримѣръ, благодарность къ тому самому человѣку, на котораго мы, незадолго передъ тѣмъ, сердились; стоитъ только перемѣнить рядъ мыслей, чтобы почувствовать презрѣніе къ тому самому поступку, которому мы еще недавно удивлялись и т. д. Никакимъ насиліемъ, конечно, нельзя перемѣнить любовь въ отвращеніе и отвращеніе въ любовь, но этого можно достигнуть терпѣливымъ подборомъ представленій. Не разъ терпѣливому наушнику удается незамѣтнымъ подборомъ представленій перемѣнить въ другомъ человѣкѣ самое благосклонное расположеніе въ ненависть.

11. Сознаніе этой-то власти человѣка надъ своимъ душевнымъ строемъ, которымъ условливается разнообразіе чувствованій и въ тоже время сознаніе его безсилія надъ отдѣльными, внезапно высказывающимися чувствованіями, заставило Руссо, говоря о вмѣняемости преступленій, сказать о преступникахъ: «конечно, отъ нихъ болѣе не зависитъ не быть злыми и слабыми, но отъ нихъ зависѣло не сдѣлаться такими» [1]). Софистическій оттѣнокъ есть въ этой мысли, но въ сущности своей она совершенно вѣрна психологически.

12. Если же мы примемъ во вниманіе, что чувствованіями нашими опредѣляются наши желанія [2]), а желаніями опредѣляются наши поступки, то изъ этого само собою уже выйдетъ необыкновенно важное, практическое значеніе нашихъ чувствованій. Мы не скажемъ вмѣстѣ съ Броуномъ, что «вся исторія есть ничто иное, какъ разсказъ о страстяхъ немногихъ руководителей человѣчества» [3]), потому что взглядъ на исторію, выработанный послѣ Броуна, уже не допускаетъ такого выраженія. Но, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что безчисленныя и безпрестанныя уклоненія человѣчества съ прямого историческаго пути совершаются подъ вліяніемъ страстей.

13. Что же касается до индивидуальной жизни, то всякъ изъ насъ самъ по себѣ знаетъ, какъ часто мы подчиняемся внушеніямъ страсти и какъ часто самый разсудокъ нашъ въ своихъ работахъ бываетъ подкупленъ страстью. И если, съ одной стороны, по выраженію Спинозы, страсть, подкрѣпляемая разумомъ, сильнѣе страсти, имъ неподкрѣпляемой, то и съ другой, можно быть гораздо болѣе увѣреннымъ, что разумное рѣшеніе перейдетъ въ исполненіе, когда оно подкрѣпляется сердечнымъ желаніемъ, чѣмъ тогда, когда оно ему противорѣчитъ. Только

---

[1]) Emile p. 330.

[2]) См. выше гл. VI.

[3]) Brown p. 339. и у Бэна: The Will. p. 396.

человѣкъ, у котораго *умъ* хорошъ и *сердце* хорошо, вполнѣ хорошій и надежный человѣкъ.

14. Изъ сказаннаго уже само собою выходитъ, какъ важно для воспитателя знать исторію происхожденія и образованія человѣческихъ чувствованій, а изъ нихъ—желаній, наклонностей и страстей. «Порокъ, уже образовавшійся, говоритъ Броунъ, находится почти внѣ нашей власти; только въ то время, когда онъ еще въ состояніи скрытаго стремленія, мы можемъ надѣяться преодолѣть его моральными мотивами. Но, чтобы отличить это стремленіе прежде, чѣмъ оно распространилось, и даже прежде, чѣмъ оно стало извѣстнымъ той самой душѣ, въ которой существуетъ,—обуздать страсть прежде, чѣмъ она стала свирѣпствовать, и приготовить заблаговременно добродѣтели позднѣйшихъ лѣтъ, для этого требуется такое знаніе душевной организаціи, которое можетъ быть пріобрѣтено только прилежнымъ изученіемъ природы, прогресса и послѣдовательныхъ преобразованій нашихъ чувствованій» [1]).

15. На измѣненіе нашихъ чувствованій, какъ мы сказали, мы можемъ имѣть посредственное вліяніе, а именно подборомъ представленій. Но кромѣ этого посредственнаго вліянія мы можемъ имѣть еще и прямое; но уже только не на измѣненіе чувствованій, а на *подавленіе* ихъ, на прекращеніе ихъ перехода въ органическія состоянія. Чтобы уяснить себѣ и это явленіе, мы должны взглянуть на взаимное отношеніе чувствованій *органическихъ* и *душевныхъ*.

ГЛАВА XII.

Взаимныя отношенія чувствованій органическихъ и душевныхъ.

1. Мы замѣтили уже выше, что между органическимъ чувствованіемъ гнѣва, страха, печали, радости и т. д. и душевными чувствованіями того же рода нѣтъ никакой разницы въ самомъ качествѣ чувствованій, а есть разница только въ способѣ ихъ происхожденія. Причину душевныхъ чувствованій мы сознаемъ, потому что она заключается въ отношеніи нашего же, новаго представленія ко всему строю нашей души. Причины органическихъ чувствованій мы не сознаемъ, потому что она скрыта въ томъ или другомъ состояніи тѣлеснаго организма и дѣйствуетъ оттуда на душу черезъ посредство недоступной для сознанія связи души и нервнаго организма. Но кромѣ сходства между органическими и душевными чувствованіями одного и того же рода, несомнѣнные факты обнаруживаютъ еще такую связь между ними, что душевныя чувствованія могутъ переходить въ органическія, а органическія условливать появленіе душевныхъ того же рода.

2. Что органическія чувствованія имѣютъ важное вліяніе на нашу душевную, сознательную дѣятельность—въ этомъ, безъ сомнѣнія, кажд-

---

[1]) Brown. p. 17.

дый могъ убѣдиться на самомъ себѣ. Вліяніе это, какъ мы уже видѣли выше [1]), выражается въ подборѣ представленій, которыми распоряжается то или другое чувствованіе, вызванное въ душѣ тѣмъ или другимъ состояніемъ тѣлеснаго организма. Человѣкъ, страдающій разлитіемъ желчи, невольно подбираетъ такія представленія, которыя удовлетворяютъ чувству гнѣва, безпрестанно возникающему въ немъ изъ органическихъ причинъ, точно также, какъ чувство голода насильно заставляетъ человѣка думать о предметахъ, утоляющихъ голодъ.

3. Что мы можемъ болѣе или менѣе противиться такому вліянію органическихъ чувствованій на нашу сознательную дѣятельность—это также, безъ сомнѣнія, испыталъ всякій. Но какъ далеко идетъ такая возможность, это зависитъ, съ одной стороны, отъ силы и постоянства органической причины, возбуждающей то или другое безпричинное чувство въ нашей душѣ, а съ другой, отъ силы нашей воли, располагающей душевными работами.

4. Если же всякое вліяніе воли на подборъ нашихъ представленій совершенно прекращается, какъ это бываетъ съ нами каждый разъ, когда мы засыпаемъ, то органическое чувствованіе, не встрѣчая уже себѣ сопротивленія въ нашей волѣ, даетъ намъ такой подборъ представленій, какой оно способно дать по своему специфическому характеру, чѣмъ и отличаются существенно наши сновидѣнія отъ нашихъ мечтаній.

5. Сновидѣніе собственно есть таже мечта, но только вполнѣ управляемая организмомъ и возникающими изъ него чувствованіями. Если же иные ряды представленій и въ сновидѣніи отличаются разсудочностью, то это только потому, что эти ряды вызываются цѣльными изъ запаса памяти, а скованы они были по законамъ разсудка.

6. Правда, что и въ мечтахъ нашихъ, какъ это мы видѣли выше, принимаетъ участіе органическое чувствованіе, но это и дѣлаетъ мечту нашу сновидѣніемъ на яву. Однако же, какъ бы глубоко мы ни замечтались, мы, пока не заснемъ, чувствуемъ возможность вмѣшаться произволомъ въ нашу мечту и дать ей другое направленіе. Во снѣ же эта возможность для насъ прекращается.

7. Кромѣ того, во снѣ присоединяется еще новое обстоятельство. Воспринимающія чувства наши, зрѣніе, слухъ, осязаніе, перестаютъ дѣйствовать и, такимъ образомъ, перерѣзываются координаты, опредѣляющія наше положеніе въ дѣйствительномъ мірѣ. Отъ этого происходятъ двѣ особенности, которыми отличаются сновидѣнія. *Во-первыхъ*, во снѣ мы теряемъ возможность сравнивать степень яркости нашихъ внутреннихъ представленій, неподдерживаемыхъ силою внѣшнихъ впечатлѣній, со степенью яркости тѣхъ представленій, которыя, входя въ наше сознаніе, продолжаютъ поддерживаться впечатлѣніями внѣшняго предмета. Какъ бы мы сильно ни воображали, напримѣръ, пламя пожара, но, открывъ глаза и взглянувъ на дѣйствительный пожаръ, или

[1]) Пед. Антр. ч. 1. гл. XVII. п. 1—3 и гл. XXVIII. п. 11.

даже просто на стѣну, освѣщенную дневнымъ свѣтомъ, мы почувствуемъ, какъ блѣдно пламя нашего воображенія передъ дѣйствительнымъ пламенемъ. Во снѣ же мы теряемъ эту возможность сравненія, и созданія нашего воображенія кажутся намъ дѣйствительностью. *Во-вторыхъ*, прекращеніе дѣятельности нашихъ воспринимающихъ чувствъ вовсе лишаетъ насъ возможности отличать фантазію отъ дѣйствительнаго выполненія. Если на яву я вижу волка, то мнѣ можетъ прійти въ мысль, какъ бы онъ на меня не кинулся, но отъ этой мысли, конечно, волкъ на меня не кинется; но если та же самая мысль рождается у насъ въ сновидѣніи, то она тутъ же немедленно и выполняется, развѣ какая-нибудь другая мысль помѣшаетъ этому. Трезвыя условія дѣйствительности, связывающія необузданную мечту, во снѣ перестаютъ ее связывать, и она дѣлается сновидѣніемъ немедленно же, какъ только прекращеніе дѣятельности воспринимающихъ чувствъ изолируетъ человѣка отъ вліяній дѣйствительнаго міра.

8. Мы съ намѣреніемъ коснулись здѣсь вліянія органическихъ чувствованій на сновидѣнія, чтобы тѣмъ самымъ показать яснѣе, какимъ образомъ тѣже чувствованія могутъ имѣть вліяніе на ходъ нашихъ представленій въ бодрственномъ состояніи. Подъ вліяніемъ такого органическаго чувства, мы можемъ, конечно, подбирать такія представленія, которыя удовлетворяютъ ему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь оправдать себя въ такомъ нашемъ отношеніи къ данному представленію, мы будемъ отыскивать причину гнѣва, или страха, и такимъ образомъ превратимъ органическое чувствованіе въ душевное. Но какъ-только прекратится дѣйствіе органической причины гнѣва и какъ-только сознательная жизнь души нашей вступитъ во всѣ свои права, такъ мы и признаемъ всю ничтожность придуманныхъ нами причинъ, и нерѣдко удивляемся, какъ причина, которая (какъ мы думали) возбуждала нашъ гнѣвъ, превратилась вдругъ, будто какимъ-нибудь волшебствомъ, въ причину, возбуждающую смѣхъ.

9. Съ другой стороны, чувствованія *душевныя*, дѣйствуя долго или повторяясь часто, могутъ возбудить въ насъ *органическія* чувствованія того же рода. Такъ человѣкъ, разсерженный чѣмъ-нибудь, продолжаетъ сердиться и тогда, когда давно уже пересталъ думать о событіи, вызвавшемъ его гнѣвъ. Радостное событіе, совершившееся утромъ, оставляетъ человѣка въ веселомъ расположеніи на цѣлый день, хотя бы онъ и не вспоминалъ о томъ, что̀ его обрадовало поутру. Эти явленія, столь знакомыя каждому, нельзя объяснить иначе, какъ признавъ, что душевныя чувства наши совершаются въ насъ не безъ вліянія на нашъ нервный организмъ, а черезъ него и на органическія отправленія всего тѣла. Если разлитіе желчи отражается въ душѣ гнѣвнымъ настроеніемъ, то, и въ свою очередь, постоянный или частый гнѣвъ, зависящій отъ ясно сознаваемыхъ душевныхъ причинъ, можетъ вызвать разлитіе желчи. Страданія легкихъ имѣютъ ясное вліяніе на душевное настроеніе чело-

вѣка; но и душевное настроеніе человѣка, въ свою очередь, можетъ и здоровыя легкія сдѣлать больными.

10. Возможность перехода душевныхъ чувствованій въ органическія подала поводъ къ тѣмъ шаткимъ наблюденіямъ, которыхъ въ особенности много мы встрѣчаемъ у Декарта. Онъ полагаетъ, напримѣръ, что чувство страха разстроиваетъ пищевареніе, а чувство гнѣва — нѣтъ, что чувство любви способствуетъ перевариванію мясной пищи и т. п. [1]). Что это вліяніе есть, въ этомъ каждый болѣе или менѣе убѣждается опытомъ, и что это вліяніе должно быть, это указывается тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое нервная система, прежде всего подвергающаяся, конечно, вліянію нашихъ душевныхъ чувствованій, имѣетъ на біеніе сердца, дыханіе, пищевареніе и вообще растительные процессы нашего организма. Но это важное вліяніе еще такъ мало разслѣдовано, что, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ, едвали можно вывести изъ такихъ наблюденій что-нибудь положительное [2]).

11. Вотъ на этотъ-то переходъ душевныхъ чувствованій въ органическія, которыя потомъ, въ свою очередь, дѣлаются источникомъ чувствованій того же рода, человѣкъ можетъ имѣть весьма сильное вліяніе. На эту возможность согласно указываютъ и Кантъ, и Бэнъ. Кантъ говоритъ, напримѣръ, что если разсердившагося человѣка попросить сѣсть, то уже этимъ самымъ гнѣвъ его уменьшится. Бэнъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ, подавляя разомъ и насильственно распространеніе въ организмѣ даннаго чувства, мы дѣйствуемъ на нервную систему черезъ посредство мускуловъ [3]). Германскій физіологъ Людвигъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ прямо на нервы. Рѣшеніе этого вопроса, конечно, принадлежитъ физіологіи; для насъ же важно только то, что такое дѣйствіе возможно. Мы не можемъ противиться возникновенію въ насъ душевнаго чувства гнѣва; но можемъ прекратить его продолженіе, можемъ помѣшать перейти ему въ гнѣвъ органическій и, если послѣдній уже возникъ, то можемъ помѣшать его дальнѣйшему распространенію въ организмѣ.

12. По степени этой власти нашей мѣшать переходу душевныхъ чувствъ въ органическія мы можемъ судить о силѣ нашей воли, а не только о состояніи здоровья нашего тѣлеснаго организма, какъ это замѣчаетъ Бэнъ. Во всякомъ случаѣ, всякій человѣкъ въ этомъ отношеніи гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ думаетъ, и если кто-нибудь, напримѣръ, извиняетъ себя очень легко своею, такъ называемою вспыльчивостью, то пусть, однакоже, подумаетъ онъ, отчего такъ уменьшается эта вспыльчивость въ присутствіи лица, передъ которымъ опасно быть вспыльчивымъ.

13. Изъ всего сказаннаго уже видно, какъ можетъ человѣкъ имѣть

---

[1]) Descart. Passions. Art. 97.

[2]) The Emotion, p. 21.

[3]) Ib. p. 14, 15.

вліяніе на воспитаніе своихъ чувствованій, давая пищу однимъ, задерживая органическое распространеніе другихъ и, такимъ образомъ, измѣняя самый строй нашей души. Но, конечно, все это можетъ дѣлаться не разомъ, и вотъ почему невольно вырывающееся у насъ чувство при какомъ-нибудь новомъ представленіи можетъ служить намъ вѣрнѣйшимъ показателемъ той ступени, которой мы достигли въ воспитаніи самихъ себя.

ГЛАВА XIII.

Воплощеніе чувствованій.

1. Воплощеніе чувствованій принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя, будучи близко знакомы каждому, тѣмъ не менѣе, въ сущности своей, остаются совершенно непонятными. Кто не знаетъ, какое выраженіе принимаетъ наше лицо въ минуты гнѣва, страха, радости или печали; но кто же знаетъ, почему удовольствіе раздвигаетъ углы нашего рта, а гнѣвъ сдвигаетъ мускулы лба; почему веселость выражается улыбкой, а горе вырывается воплями и выливается слезами; почему гнѣвъ, достигшій до степени бѣшенства, усиливаетъ выдѣленіе слюны, а страхъ прекращаетъ это выдѣленіе? [1]).

2. Не придавая воплощенію чувствованій такого значенія, какое придаетъ ему Бэнъ, который часто самую причину чувствованія находитъ въ его воплощеніи, мы тѣмъ не менѣе должны признать, что Бэнъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, изучилъ этотъ отдѣлъ психологіи, т. е. воплощеніе чувствованій. Но, какъ всякій спеціалистъ, онъ придалъ слишкомъ много значенія спеціальному предмету своихъ занятій.

3. Формы воплощенія чувствованій очень разнообразны: невольное движеніе членовъ, судорожное сжиманіе мускуловъ лица, или, на оборотъ, ихъ распущеніе (прекращеніе ихъ обыкновеннаго тоническаго состоянія), ускореніе или замедленіе біенія сердца, ускореніе или замедленіе дыханія, румянецъ, блѣдность и, наконецъ, тотъ особенный, зеленоватый оттѣнокъ, который замѣчается въ крайней степени ужаса, дрожь, особенное чувство при корняхъ волосъ, испарина, холодъ или жаръ кожи, обильное отдѣленіе железъ: слезныхъ, слюнныхъ и другихъ, прекращеніе такого отдѣленія, выражающееся, напримѣръ, особенною сухостью во рту при ужасѣ, появленіе горечи во вкусѣ и, наконецъ, самые разнообразные крики, вырывающіеся у насъ невольно

---

[1]) «Столь разнообразныя выраженія чертъ лица въ различныхъ страстяхъ — говоритъ Миллеръ — показываютъ, что всякое душевное состояніе приводитъ въ дѣйствіе или ослабляетъ различныя группы волоконъ личнаго нерва. Мотивы же этого соотношенія между мускулами лица и различными страстями совершенно неизвѣстны» (Man. de Phys. P. II, p. 84). Вмѣсто «мотивовъ» не лучше ли было сказать *средства*?

при сильныхъ чувствованіяхъ—вотъ краткое и далеко не полное исчисленіе всѣхъ тѣхъ тѣлесныхъ формъ, которыми, независимо отъ насъ, а часто и невѣдомо для насъ, воплощаются наши душевныя чувствованія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что каждое основное чувствованіе находитъ себѣ особое, характерное выраженіе въ тѣлѣ. Выраженія страданія и удовольствія, радости и печали, смѣлости и страха, нѣжности и гнѣва такъ рѣзко и типически отличаются одно отъ другаго, что если бы люди не имѣли дара слова, то и тогда одинъ человѣкъ не лишонъ бы былъ возможности понимать, что дѣлается въ душѣ другаго [1]).

4. Никто, конечно, не сомнѣвается, что эти тѣлесныя выраженія чувствованій условлены самою природою, внѣ всякаго человѣческаго произвола и человѣческихъ расчетовъ, и что выраженіе горя слезами, а радости улыбкой не придумано людьми. Однако же всякій изъ насъ замѣчаетъ, что хотя эти выраженія чувствъ даны намъ природою, но мы, тѣмъ не менѣе, можемъ имѣть на нихъ значительное произвольное вліяніе: можемъ задерживать смѣхъ, *глотать слезы*, можемъ, ощущая страхъ въ душѣ, не допустить его выраженія въ тѣлѣ, и, обуреваемые злобой или досадой, строить сладкую физіономію. Хорошо выдержанный англичанинъ считаетъ достоинствомъ сохранять всегда невозмутимое выраженіе лица и съ отвращеніемъ смотритъ на дикаря, предающагося неумѣренному выраженію своихъ чувствованій. Человѣкъ не только въ себѣ, но даже въ животныхъ, ему подвластныхъ, замѣчательно измѣнилъ врожденное воплощеніе чувствъ. Лягавая собака, по замѣчанію Декарта, по природѣ своей, увидя птицу, кидается за нею, а услыша выстрѣлъ, бѣжитъ прочь; но человѣкъ пріучилъ ее поступать совершенно наоборотъ: увидя птицу—останавливаться, а услыша выстрѣлъ—кидаться на птицу [2]).

5. Человѣкъ можетъ по произволу не только задерживать воплощеніе чувствъ, но можетъ даже вызывать черты обыкновеннаго воплощенія того или другаго чувства и тогда, когда это чувство не испытывается его душою. Такъ актеръ рыдаетъ или смѣется, хотя въ душѣ его можетъ быть нѣтъ ни горя, ни веселости. Но если человѣкъ можетъ пріобрѣтать привычку сдерживать выраженіе чувства, то точно также

---

[1]) «Въ страстяхъ *возбуждающихъ*, говоритъ Миллеръ, возникаетъ напряженность, а иногда даже и конвульсіи въ мускулахъ, управляемыхъ нервами дыханія и личными. Не только измѣняются черты лица, но и движеніе дыханія, отъ чего происходятъ стоны, вздохи, икота. Въ *страстяхъ угнетающихъ* (Миллеръ принимаетъ дѣленіе Спинозы), каковы: страхъ, ужасъ, тоска—всѣ мускулы распускаются, потому что уменьшается вліяніе спиннаго и головнаго мозга: ноги болѣе не поддерживаютъ тѣло, лицо опускается, глаза останавливаются неподвижно, голосъ перерывается». (Man. de Phys T. II, p. 83).

[2]) Descart. Les passions. Art. 50.

пріобрѣтается имъ привычка и притворнаго его усиленія. Такъ слезныя железы у иныхъ актеровъ дѣлаются подъ старость чрезвычайно слабы и начинаютъ неудержимо выдѣлять слезы при малѣйшемъ душевномъ волненіи.

6. Частое воплощеніе чувствованій не можетъ остаться безъ послѣдствій для самой физіономіи человѣка. Однѣ и тѣ же черты, вызываемыя чувствомъ въ физіономіи, повторяясь часто, оставляютъ на ней свой слѣдъ и, мало по малу, передѣлываютъ физіономію человѣка сообразно чувствованіямъ, волнующимъ его жизнь. Круглое и гладкое, какъ яблочко, личико дитяти, похожее на чистые листы новаго альбома, все исписывается подъ старость глубоко врѣзывающимися выраженіями душевной жизни. Руссо совершенно справедливо замѣчаетъ, что даже и въ зрѣломъ возрастѣ съ перемѣною страстей лицо измѣняется [1]).

7. Воплощеніе чувствованій не должно смѣшивать съ органическимъ ихъ распространеніемъ, хотя, можетъ быть, границы этихъ явленій гдѣ-нибудь и сходятся между собою. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что, подавляя или измѣняя воплощеніе нашихъ чувствованій, сообразно нашимъ разсудочнымъ цѣлямъ, мы, тѣмъ не менѣе, не подавляемъ самаго чувства. Иногда, на оборотъ, чувство, котораго, почему бы то ни было, мы не допустили до выраженія въ нашей физіономіи, тѣмъ сильнѣе бушуетъ въ нашей душѣ и въ нашемъ нервномъ организмѣ. Для того, чтобы подавить чувство, мы должны возстать противъ него самого, а не противъ его воплощенія. Въ высшемъ обществѣ выраженіе чувствъ вообще гораздо сдержаннѣе, чѣмъ у простыхъ людей: но тѣмъ не менѣе, страсти бушуютъ тамъ ничуть не слабѣе.

8. Власть человѣка надъ воплощеніемъ чувства иногда необъятно велика: мы и представить себѣ не можемъ, какъ, напримѣръ, Стенька Разинъ могъ молчать или смѣяться, когда московскіе палачи употребляли все свое искусство, чтобы вызвать у него крикъ боли. Но существуютъ, кажется, такія воплощенія чувствованій, которыхъ человѣкъ произвольно вызвать въ себѣ не можетъ. Такъ въ крайней степени ужаса глаза раскрываются до того неестественно широко, что едва ли можетъ человѣкъ такъ раскрыть ихъ произвольно.

9. Просимъ читателя обратить вниманіе на то, что мы присоединяемъ къ явленіямъ воплощенія чувствованій и тѣ *крики*, которые издаетъ человѣкъ невольно подъ вліяніемъ того или другого сильнаго чувства. Крики эти, какъ средства выраженія чувствованій, какъ бы потонули теперь въ обширной массѣ средствъ, которыми обладаетъ говорящій человѣкъ. Но, тѣмъ не менѣе, и теперь можно замѣтить эти первичныя, звуковыя выраженія душевныхъ чувствованій. Не одинъ только человѣкъ, но и всѣ животныя, обладающія легкими, выражаютъ свои чувствованія также и криками, что совершенно объясняется анатомическимъ устройствомъ какъ дыхательныхъ и голосовыхъ органовъ,

---

[1]) Emile, p. 251.

такъ и тѣхъ нервовъ и мускуловъ, посредствомъ которыхъ выражается воплощеніе чувствованій въ тѣлѣ.

ГЛАВА XIV.

Воплощеніе чувствованій какъ органическая основа нервнаго сочувствія.

1. На воплощеніи чувствованій въ личной мимикѣ, въ движеніи членовъ, въ слезахъ, смѣхѣ, въ невольныхъ крикахъ основывается нѣсколько важныхъ психофизическихъ явленій, а именно: 1) нервное сочувствіе, 2) нервная подражательность, 3) нервное соревнованіе и, наконецъ, 4) сама тѣлесная возможность дара слова. Анализируемъ же каждое изъ этихъ важныхъ для психолога и педагога явленій.

Нервное сочувствіе.

2. Всякому извѣстно, что крики, стоны и вообще яркія выраженія страданія на лицѣ другаго человѣка, а также смѣхъ, зѣвота или выраженіе ужаса дѣйствуютъ заразительно на зрителя этихъ проявленій душевнаго состоянія. Слабонервному человѣку, напримѣръ, даже опасно смотрѣть на личныя судороги людей, подверженныхъ падучей болѣзни. Кликушество, столь знакомое намъ русскимъ и котораго никакъ не слѣдуетъ объяснять однимъ притворствомъ, скорѣе всего можно объяснить невольнымъ нервнымъ сочувствіемъ. Мы знаемъ одно село, въ которомъ одновременное появленіе нѣсколькихъ энергическихъ кликушъ заставило кликать почти всѣхъ молодыхъ женщинъ. Бэнъ прямо видитъ признакъ нервной слабости въ «стремленіи принять движеніе, совершающееся передъ нашими глазами, вмѣсто того, чтобы удерживать свое собственное направленіе» [1]).

3. Психологи много хлопотали о томъ, чтобы объяснить эту заразительность чувствованій. Бэнъ посвящаетъ этимъ объясненіямъ много страницъ своей книги; но, тѣмъ не менѣе, едвали мы не должны признать самымъ простымъ и естественнымъ объясненіе, данное Спинозою, который однакоже сдѣлалъ при этомъ важную ошибку и, поддавшись своей теоріи чувствъ, не отдѣлилъ *нервнаго* сочувствія отъ *душевнаго*.

4. Спиноза основываетъ сочувствіе на томъ, что всякое представленіе нами внѣшняго предмета непремѣнно отражается какимъ нибудь измѣненіемъ въ нашемъ тѣлесномъ организмѣ. «Если же, говоритъ онъ, природа представляемаго нами предмета подобна природѣ нашего тѣла, тогда идея внѣшняго предмета, который мы себѣ представляемъ (и который подвергается тому или другому измѣненію), вызоветъ и въ на-

[1]) The Emotion, p. 214.

шемъ тѣлѣ подобное же измѣненіе представляемаго предмета, и вслѣдствіе того, если мы представляемъ себѣ предметъ, подобный намъ, находящимся подъ вліяніемъ какой нибудь страсти, то это же представленіе отразится подобнымъ же представленіемъ нашего тѣла. Вотъ почему, только представляя себѣ предметъ, подобный намъ, подъ вліяніемъ какого нибудь чувствованія, мы будемъ испытывать въ себѣ подобное же чувствованіе.» Но тутъ же Спиноза къ этому совершенно справедливому объясненію *нервнаго* сочувствія прибавляетъ совершенно ложную мысль: «если же, говоритъ онъ, мы ненавидимъ этотъ, подобный намъ предметъ, то испытываемъ чувствованія противоположныя» [1]).

5. Эта неудачная прибавка Спинозы возникла отъ того, что онъ не отдѣлилъ *нервнаго* сочувствія отъ сочувствія *душевнаго* и вообще органическихъ чувствованій отъ чувствованій душевныхъ. Ненавидимъ ли мы или нѣтъ страдающаго человѣка, но если эти страданія выражаются сильно, то мы неизбѣжно почувствуемъ къ нему *сострадание*, прежде еще, чѣмъ подумаемъ, что этотъ человѣкъ ненавидимъ нами. Ясно, что въ этомъ случаѣ состраданіе возникаетъ помимо нашей воли и нашихъ *душевныхъ* чувствованій, тогда-какъ подавленіе состраданія возникаетъ уже изъ соображенія причинъ, сознаваемыхъ душою. Вотъ почему Броунъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что мы сострадаемъ и страшному преступнику, когда видимъ ужасъ его казни, хотя бы въ тоже время сознавали, что онъ заслужилъ казнь еще большую [2]). Но это самое явленіе должно было бы показать Броуну, что и его объясненіе состраданія невѣрно. Онъ объясняетъ состраданіе закономъ напоминанія, т. е. тѣмъ, что «зрѣлище какихъ нибудь общихъ символовъ внутренняго чувства *напоминаетъ* намъ самое чувство точно также, какъ портретъ или даже написанное имя нашего друга напоминаетъ намъ самого друга» [3]). Давъ такое объясненіе сочувствію, Броунъ, весьма естественно, долженъ былъ прибѣгнуть къ извѣстному выраженію Теренція—homo sum, humani nihil a me alienum puto,—и на основаніи этого сознанія человѣкомъ своей солидарности со всѣми другими людьми объяснить явленіе сочувствія. Но при этомъ Броунъ совершенно

---

[1]) Spinosa. Eth. P. III. Prop. 27. Самый большой недостатокъ психологіи, какъ науки—это недостатокъ преемственности. Вайтцъ, наприм., приписываетъ Гербарту то, что уже давно и гораздо яснѣе высказано Декартомъ, Аристотелемъ, Спинозою или Кантомъ; Бенеке развиваетъ мысль Гербарта, не упоминая о Гербартѣ; Бэнъ на цѣлыхъ страницахъ бьется выразить то, что давно уже выразилъ Спиноза гораздо лучше въ нѣсколькихъ строкахъ. Отъ этого наука слабо подвигается впередъ и мало внушаетъ довѣрія: она все имѣетъ видъ теоріи, только что возникшей въ головѣ того или другаго писателя.

[2]) Brown. p. 410.

[3]) Ib. p. 408.

забылъ, что сочувствіе проявляется уже въ младенцахъ, для которыхъ и выраженіе Теренція, и глубокое чувство, его внушившее, совершенно чужды. Онъ забылъ, что явленіе сочувствія мы видимъ даже у животныхъ.

6. Дѣло же въ томъ, что мы должны отличать сочувствіе *душевное* отъ сочувствія *нервнаго*. Первое не можетъ возникнуть иначе, какъ черезъ посредство мысли, второе совершается помимо мышленія. *Припоминать* чувство вовсе не то, что *сочувствовать*. Мы же часто сочувствуемъ прежде, чѣмъ замѣтимъ, что начали сочувствовать, и прежде, чѣмъ опредѣлили, какое чувство въ насъ возбуждено. О состраданіи душевномъ или, лучше сказать, духовномъ, возникающемъ изъ идеи общности человѣческой природы, мы должны говорить, конечно, въ третьемъ отдѣлѣ нашей книги, здѣсь же мы говоримъ о сочувствіи нервномъ.

7. Принявъ такое отдѣльное появленіе нервнаго сочувствія, мы находимъ, что оно очень хорошо объясняется вышеприведенными словами Спинозы, которыя, на новомъ языкѣ, могутъ быть выражены такъ: всякое представленіе необходимо выражается въ нервной системѣ и, выразившись въ ней, условливаетъ такое ея состояніе, которое можетъ обратно подѣйствовать на душу. Если въ глазахъ нашихъ отражается лицо страдающаго человѣка, а въ ушахъ раздаются его стоны, то въ нервной системѣ нашей развивается такое временное состояніе, которое, отзываясь въ душѣ чувствомъ страданія, на лицѣ выражается чертами страданій, а изъ груди вырываетъ звуки того же чувства. Для этого не нужно даже, чтобы сочувствующій *такимъ образомъ* понималъ, что лицо, на которое онъ смотритъ, страдаетъ и что эти измѣненныя черты и эти звуки выражаютъ именно страданіе. Человѣкъ, вовсе незнакомый съ мимическимъ выраженіемъ печали, не приметъ ее за радость, и вовсе незнакомый съ крикомъ ужаса, никогда не сочтетъ его за крикъ веселости. Безсловесный младенецъ, который конечно ни на себѣ самомъ, ни на другихъ не изучилъ воплощенія чувства печали или радости, тѣмъ не менѣе, кричитъ, видя угрюмое лицо, отвѣчаетъ плачемъ на плачъ и улыбкой на улыбку, не понимая вовсе значенія смѣющихся устъ, слезъ или печальныхъ стоновъ. Для того, чтобы зѣвота другаго вызвала у меня зѣвоту, вовсе нѣтъ надобности, чтобы я сознавалъ психическое значеніе зѣвка.

8. Вотъ что заставляетъ насъ вовсе не соглашаться съ Бэномъ, который тщетно хочетъ доказать, что способность сочувствія пріобрѣтается опытомъ. «Процессомъ наблюденія и индукціи, говоритъ онъ, каждое дитя узнаетъ значеніе улыбки, или сдвинутыхъ бровей, нѣжныхъ или грубыхъ звуковъ голоса. Молодой ученикъ замѣчаетъ въ самомъ себѣ связь (между чувствомъ и его выраженіемъ) и распространяетъ свои познанія наблюденіемъ надъ другими. Это первое изъ на-

шихъ познаній о нашей природѣ» [1]). Но мы видимъ, что такое объясненіе сочувствія опытомъ и наблюденіемъ противорѣчитъ фактамъ. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что опытъ и наблюденіе расширяютъ предѣлы нашего сочувствія; но хотимъ только показать, что основа его коренится не въ опытахъ и наблюденіяхъ. Возможно ли предполагать въ младенцѣ такое наблюденіе надъ собственнымъ своимъ лицомъ, котораго онъ никогда не видалъ? Кто бывалъ въ грудныхъ отдѣленіяхъ воспитательныхъ домовъ, тотъ знаетъ, какъ заразительно дѣйствуетъ плачъ одного ребенка на другихъ. Даже у животныхъ, у которыхъ самонаблюденія, какъ мы увидимъ далѣе, вовсе не существуетъ, сочувствіе появляется очень рано и вой одного щенка поднимаетъ общій вой. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ Бэнъ и самъ сознается, что въ сочувствіи есть какое-то *инстинктивное* основаніе и что «нѣкоторыя изъ проявленій чувства инстинктивно возбуждаютъ тоже самое чувство въ другихъ» [2]). Жаль только, что Бэнъ не остановился на этомъ инстинктивномъ сочувствіи и не отличилъ его отъ сочувствія душевнаго.

9. Принявъ же существованіе органическихъ чувствованій, мы уже легко объяснимъ себѣ, что яркое выраженіе чувства другимъ, отразившись въ насъ черезъ посредство зрѣнія или слуха, можетъ произвести въ нашемъ нервномъ организмѣ измѣненія, подобныя тѣмъ невѣдомымъ намъ измѣненіямъ, которыми возбуждаются въ насъ *безпричинныя* чувства гнѣва, страха и т. д. И въ томъ и въ другомъ случаѣ это чувство безпричинное: мы можемъ сострадать человѣку, нетолько не понимая почему, но даже не зная, что онъ страдаетъ. Разница только въ томъ, что въ органическихъ чувствахъ на нервную систему дѣйствуетъ разстройство какихъ-нибудь физическихъ органовъ, а въ нервномъ сочувствіи подобная же перемѣна въ нервной системѣ вызывается впечатлѣніемъ на нее, пришедшимъ извнѣ черезъ зрительные и слуховые органы. Нервное сочувствіе вовсе еще не условливаетъ собою сочувствія духовнаго, и вотъ почему люди слабонервные, или, лучше сказать, люди съ нервами, легко возбуждающимися, бываютъ часто въ одно и тоже время и сострадательны, и жестоки. Они не выносятъ тѣлесныхъ выраженій страданія, не переносятъ криковъ и стоновъ, но въ тоже самое время идея страданія другихъ можетъ даже имъ нравиться и возбуждать въ нихъ удовольствіе. Операторъ, спокойно слушающій раздирающіе душу крики больнаго и продолжающій твердою и спокойною рукою операцію, можетъ быть въ тоже время гораздо сострадательнѣе иной слабонервной дамы, которая падаетъ въ обморокъ при малѣйшемъ крикѣ страданія и въ тоже время преспокойно мучитъ своего мужа, дѣтей или прислугу. Ребенокъ, пускающійся въ плачъ, когда слышитъ плачъ другаго, очень спокойно мучитъ животное, не имѣя еще ясной идеи страданія. Китай-

---

[1]) The Emotion, p. 211. Срав. также его же: The Will, p. 331 и его же: The Sénses, p. 270.

[2]) The Emotion p. 210.

скихъ палачей никто не заподозритъ въ состраданіи, а между тѣмъ бывали примѣры, что послѣ долгой кровавой работы (въ Китаѣ преступниковъ казнятъ осенью, за одинъ разъ)—они падали и умирали, и въ этомъ мы видимъ прямое дѣйствіе зрѣлища страданій на нервы и продолжительнаго подавленія невольнаго нервнаго *состраданія*, въ этимологическомъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему полна истины замѣтка Джемса Миля, что лучшіе люди вовсе не искали общества и работали наединѣ въ пользу общества, сочувствуя его страданіямъ; но ясно, что это уже не *нервное* состраданіе.

10. Отъ смѣшенія нервнаго и духовнаго состраданія, происходитъ много запутанности и противорѣчій въ языкѣ психологовъ и моралистовъ. Такъ напр., Руссо говоритъ о духовномъ состраданіи, когда утверждаетъ, что человѣкъ сострадаетъ въ другихъ только тѣмъ бѣдствіямъ, отъ которыхъ не считаетъ самого себя свободнымъ [1]; но онъ же говоритъ о нервномъ состраданіи, когда замѣчаетъ, что «привычка видѣть страданія людей притупляетъ чувство состраданія» [2]) и приводитъ въ примѣръ священниковъ и медиковъ. Но ложь этой замѣтки прямо кидается въ глаза. Развѣ знаменитые герои человѣколюбія мало видѣли человѣческихъ страданій?

11. Конечно, и при такомъ объясненіи нервнаго сочувствія мы все же доходимъ до *неизвѣстнаго*, но это неизвѣстное будетъ уже общее, которое Спиноза выразилъ такъ: «душа человѣческая не знаетъ своего собственнаго тѣла и знаетъ о его существованіи только по идеѣ тѣхъ измѣненій, которыя оно испытываетъ.» [3]) Если мы замѣнимъ здѣсь слово *идея* словомъ *чувствованіе*, то мысль наша буетъ ясна. Душа наша не знаетъ измѣненій, происходящихъ въ нервной системѣ, но отвѣчаетъ на нихъ своими собственными актами, которые мы называемъ ощущеніями и чувствованіями.

12. Декартъ, Спиноза, Броунъ и др. согласно замѣчаютъ ту странность въ языкѣ, что, тогда-какъ въ немъ есть выраженіе для обозначенія сочувственнаго страданія (состраданіе) нѣтъ въ немъ выраженія для противоположнаго явленія, а именно, сочувственной радости. Броунъ даже пытается объяснить этотъ недостатокъ слова тѣмъ, что въ образованныхъ обществахъ принято выказывать всегда и постоянно чувство радости, такъ-что въ этомъ обычномъ, *фальшивомъ* выраженіи чувства теряется его истинное выраженіе [4]). Но мы замѣтимъ на это, что языкъ созданъ не тѣмъ образованнымъ обществомъ, въ которомъ принята такая манера фальшиваго *сорадостія*. Не объясняя отсутствія слова, выражающаго сочувственную радость, мы замѣтимъ только, что недостатокъ названія и для сочувственнаго ужаса, который, тѣмъ не

[1]) Emile p. 242.
[2]) Ibid. 252.
[3]) Eth. P. II. prop. 19.
[4]) Brown. p. 412.

менѣе, такъ рѣзко выражается въ такъ называемомъ паническомъ страхѣ. Кто испытывалъ этотъ страхъ, тотъ знаетъ, что онъ начинается безъ всякой мысли объ опасности: достаточно только видѣть толпу людей, бѣгущую въ ужасѣ, чтобы побѣжать самому.

Нервная подражательность и соревнованіе.

13. «Основаніе подражанія и сочувствія, — одно и тоже, говоритъ Бэнъ; одно изъ нихъ относится къ нашимъ чувствамъ, а другое къ нашимъ дѣйствіямъ». [1]) Мы увлекаемся не только чувствованіями, но и дѣйствіями другихъ и, можетъ быть, потому именно, что рѣзкія дѣйствія выходятъ также изъ чувствованій. Зрѣлище энергичѣской скачки сильно возмущаетъ наши чувствованія, а именно чувство смѣлости и энергіи. Вотъ почему это зрѣлище и увлекаетъ мускулы зрителя въ ту сторону, куда быстрое движеніе совершается. Но мы увидимъ дальше, что подражательность основывается не на одномъ нервномъ сочувствіи, а выходитъ также изъ стремленія къ сознательной дѣятельности, для которой подражаніе представляетъ наиболѣе удобную и легкую форму [2]).

14. О соревнованіи Спиноза говоритъ, что оно есть тоже сочувствіе, но только въ приложеніи къ желанію и что соревнованіе есть «желаніе чего-нибудь, порождаемое въ насъ тѣмъ, что мы представляемъ подобное намъ существо, одушевленное тѣмъ же желаніемъ» [3]). Ясно, что здѣсь говорится уже о соревнованіи не нервномъ, а душевномъ, которое выходитъ изъ представленія того, чего мы желаемъ. Но едва ли, кромѣ этого душевнаго соревнованія, имѣющаго въ связи со стремленіемъ къ совершенству такое важное значеніе въ жизни человѣка, не слѣдуетъ признать существованіе соревнованія нервнаго и именно соревнованія быстротѣ движеній, которое мы можемъ замѣтить у скачущихъ лошадей. Мускулы, приведенные въ сильное движеніе, вызванное нервнымъ сочувствіемъ, производятъ эти движенія все съ ускоряющеюся силой; но это уже не будетъ соревнованіе въ точномъ смыслѣ слова, а только подражаніе, которое, будучи возбуждено разъ, собственною своею стремительностью переходитъ границы подражанія.

---

[1]) The Emotion, p. 210.

[2]) Не можемъ не замѣтить при этомъ, что Мюллеръ объясняетъ подражаніе привычкою связывать *идею* и *движеніе*. Въ примѣръ такой связи онъ приводитъ *зѣвоту*; но развѣ зѣвота есть слѣдствіе привычки?! (Phys. T. II. p. 96.

[3]) Eth. P. III. Prop. 26. schol.

ГЛАВА XV.

Воплощеніе чувствованій и нервное сочувствіе, какъ органическія основы рѣчи.

1. Если бы человѣкъ не обладалъ даромъ слова, духовную основу котораго мы узнаемъ далѣе, то нервное сочувствіе и воплощеніе чувствованій въ крикѣ, въ мимикѣ и въ тѣлодвиженіяхъ были бы единственными средствами душевнаго общенія между людьми. Такъ называемый языкъ животныхъ и останавливается именно на этой ступени. Если мимику, тѣлесное движеніе, крики и стоны, вызываемые въ насъ чувствованіями, можно назвать языкомъ, то конечно такимъ языкомъ обладаютъ и животныя, и, безъ сомнѣнія, имъ однимъ обладалъ человѣкъ до начала выработки слова, если было когда-нибудь такое время.

2. Этотъ органическій языкъ, языкъ чувствованій, а не мыслей, чувствованій, сопровождающихъ представленія и мысли, но не самихъ мыслей и представленій, свойственъ, безъ сомнѣнія, не однимъ животнымъ, но и человѣку и входитъ сильнымъ элементомъ въ человѣческій языкъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить безчувственное, холодное чтеніе какого нибудь драматическаго отрывка съ представленіемъ того же отрывка на сценѣ хорошимъ актеромъ: мысли передаются тѣ же самыя и при медленномъ чтеніи мы, кажется, могли бы глубже вдуматься въ нихъ, но какая разница въ дѣйствіи на насъ! Вся же эта разница происходитъ именно оттого, что актеръ къ спокойному *языку мыслей* придаетъ страстный *языкъ чувства*, характеристическія видоизмѣненія голоса, мимику и тѣлодвиженія. Мы такъ привыкли пользоваться языкомъ чувства при разсказѣ или чтеніи, что даже не можемъ прочитать совершенно безстрастно отрывка, въ которомъ сколько-нибудь проглядываютъ тѣ или другія чувства, и совершенно монотонное чтеніе даже философскаго трактата непріятно поражаетъ насъ. Замѣчательно даже, что такое, совершенно безстрастное чтеніе дѣлаетъ для насъ менѣе понятнымъ самый отрывокъ. Это происходитъ оттого, что при эстетическомъ чтеніи, какъ его называютъ, истолкователемъ мысли становится чувство: т. е. извѣстный звукъ голоса по нервному сочувствію пробуждаетъ въ насъ именно то чувство, которое выражается въ словахъ. Такимъ образомъ, хорошій актеръ является лучшимъ истолкователемъ драматической пьесы, хотя не прибавляетъ къ ней ни одного слова, и хорошая игра шекспировской драмы на сценѣ объясняетъ намъ эту драму не только гораздо быстрѣе, но и гораздо полнѣе, чѣмъ обширный критическій трактатъ о той же драмѣ, хотя самая игра актера можетъ быть отчасти слѣдствіемъ спокойнаго критическаго изученія.

3. Но что же вноситъ актеръ въ драматическую пьесу, если не прибавляетъ къ ней ни одного своего слова? Въ *языкъ слова* онъ вноситъ единственно *языкъ чувства*, т. е. мимику, тѣлодвиженія и различныя видоизмѣненія голоса. По силѣ же вліянія на насъ игры хорошихъ актеровъ и даже чтецовъ и разсказчиковъ мы можемъ судить о необыкно-

венномъ разнообразіи, богатствѣ и сильномъ вліяніи на насъ этого языка чувства. Одной и той же фразѣ мы можемъ придать множество разнообразныхъ оттѣнковъ, не измѣнивъ въ ней, даже не переставивъ съ мѣста на мѣсто ни одного слова. Такъ, напр., извѣстному восклицанію Гамлета: «человѣкъ онъ былъ!»—хорошій актеръ можетъ придать множество самыхъ разнообразныхъ смысловъ: вопроса, утвержденія, сомнѣнія, презрѣнія, восторга, горести, глубокой ироніи, шутки и т. д. и придаетъ это все, не измѣняя въ самой фразѣ ни одного слова. Слѣдовательно, не въ правѣ ли мы заключить, что чувствованія выражаются не словами, а особеннымъ своимъ языкомъ? Словами можно *описывать* чувство; но, описывая чувство, мы будемъ только ходить вокругъ да около, тогда какъ хорошій актеръ однимъ или нѣсколькими звуками голоса заставитъ насъ почувствовать самое чувство, т. е. возбудитъ его въ насъ черезъ посредство нервнаго сочувствія. Еще разительнѣе выражается вся самостоятельность, гибкость, богатство и разнообразіе языка чувствованій въ *итальянской* оперѣ на *русской* сценѣ. Большинство слушателей не понимаетъ ни слова по итальянски и не знаетъ даже либретто, а между тѣмъ находится подъ сильнѣйшимъ и разнообразнѣйшимъ вліяніемъ прекраснаго пѣнія и художественной игры артистовъ. Не ясно ли, что возбудителемъ чувствованій здѣсь являются единственно звуки, мимика и тѣлодвиженія или пантомима? Эта самостоятельность и всеобщность языка чувствованія одна дала возможность знаменитому Ольриджу, не зная другаго языка, кромѣ англійскаго, глубоко потрясать публику на самыхъ разноязычныхъ театрахъ.

4. Убѣдившись въ совершенной отдѣльности языка чувствованій отъ языка мыслей, убѣдившись въ необыкновенномъ богатствѣ и разнообразіи этого языка чувствованій и въ его сильномъ и безпрестанномъ вмѣшательствѣ въ языкъ мыслей, мы вправѣ теперь задать себѣ вопросъ: на чемъ основывается, какими средствами пользуется этотъ богатый языкъ, удачно соперничающій своими богатствами съ самымъ развитымъ языкомъ мысли, или рѣчью? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самое дѣятельное орудіе этого языка чувствованій есть звукъ голоса. Вотъ почему справедливо называютъ музыку языкомъ чувства. Мы такъ мало наблюдали надъ характеристикою звуковъ человѣческаго голоса и такъ мало имѣемъ словъ для ея выраженія, что далеко не можемъ сказать словами того безконечнаго разнообразія интонацій голоса, которое, тѣмъ не менѣе, мы чувствуемъ и которому подчиняемся, слушая игру хорошаго актера или рѣчь великаго оратора. Могутъ ли наши бѣдныя названія—пониженіе, повышеніе голоса, перерывчатость, глухота, сдержанность—выразить хоть сколько-нибудь то разнообразіе чувствованій, которое заставляетъ насъ испытывать хорошій актеръ? Къ этому средству присоединяются два другія, болѣе грубыя, но, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно разнообразныя, а именно: мимика и тѣлодвиженія.

5. Мимика, какъ выраженіе чувствованій, также мало изучена, какъ и звуки. Наши обычныя фразы: печальное выраженіе лица, веселое,

грустное, насмѣшливое, холодное и т. п., далеко не исчерпываютъ всего богатства средствъ личной мимики, и мы описываемъ эти средства только по ихъ дѣйствію на насъ. Нужно много страницъ, чтобы описать и разъяснить иное выраженіе лица, а оно дѣйствуетъ на насъ мгновенно и мы мгновенно проникаемся тѣми чувствами, которыя оно выражаетъ, далеко еще не будучи въ состояніи выразить этихъ чувствованій словами. Языкъ тѣлодвиженій уже болѣе грубъ и менѣе разнообразенъ, чѣмъ даже языкъ мимики, а не только звуковъ, но не менѣе выразителенъ. Говорятъ, что знаменитый Гаррикъ, при появленіи тѣни въ «Гамлетѣ», стоя спиной къ зрителямъ и не произнося ни одного слова, производилъ на нихъ вліяніе сильнаго ужаса.

6. Всѣ эти три средства языка чувствъ: звукъ, личная мимика и тѣлодвиженія, и особенно первыя два, находятся между собою въ тѣсной связи, для объясненія которой мы должны войти въ нѣкоторыя физіологическія подробности.—Эти подробности тѣмъ для насъ важны, что, уяснивъ намъ, хотя нѣсколько, языкъ чувствованій, покажутъ намъ и органическую основу словеснаго языка. Съ этой точки зрѣнія мы перейдемъ къ этимъ подробностямъ.

7. Кто сообразитъ все безконечное разнообразіе движеній, которыя употребляетъ языкъ чувства и мысли въ человѣкѣ, тотъ не будетъ удивленъ, узнавъ, что въ этомъ столь сложномъ явленіи принимаетъ участіе не одинъ какой нибудь нервъ, а очень сложная система нервовъ и мускуловъ. Мускульный аппаратъ рѣчи и движеній описали мы въ первой части нашей антропологіи [1]), а теперь намъ приходится описывать нервы этого сложнаго аппарата.

8. Изъ нервовъ орудіемъ языка—языка, какъ выраженія не только нашихъ мыслей, но и нашихъ чувствованій—являются слѣдующіе: 1) нервъ тройничный (nervus trigeminus), 2) нервъ личной (n. facialis), 3) блуждающій (n. vagus) съ прибавчнымъ (n. accessorius) или Валлизіевымъ, и 4) нервъ подъязычный (n. magnus hipoglossus).

9. *Тройничный нервъ.* Двѣ вѣтви этого нерва состоятъ исключительно изъ волоконъ, передающихъ ощущеніе; въ третьей же вѣтви смѣшаны волокны чувства и волокны движенія [2]). Тройничный нервъ обусловливаетъ чувствительность всей передней части головы, начиная съ уха, чувствительность лица, слизистой оболочки глазъ, ноздрей, языка и полости рта [3]). Третья вѣтвь тройничнаго нерва, кромѣ выполненія своихъ функцій ощущенія, управляетъ еще движеніями нижней челюсти при жеваніи, а слѣдовательно и при произношеніи словъ. При перерѣзѣ этого нерва съ обѣихъ сторонъ движеніе челюсти прекращается. Замѣтимъ же еще, что тройничный нервъ заключаетъ въ себѣ и отдѣлительныя волокна слезной железы [4]), а слезы, какъ из-

---

[1]) Педаг. Антр. Ч. I. Гл. VIII.
[2]) Manuel de Phys: p. Müller. v. I. p. 671.
[3]) Шванъ, стр. 57.
[4]) Учеб. Германа, стр. 260.

вѣстно, служатъ также къ выраженію чувствованій. — Изъ описанія функцій тройничнаго нерва ясно уже, какое важное участіе принимаетъ онъ какъ въ языкѣ чувствованій, такъ и въ языкѣ мыслей. Это участіе выражается не только въ двигательныхъ его волокнахъ, но и въ ощущающихъ, потому-что ощущеніе движеній лица, языка и челюстей, безъ сомнѣнія, играетъ очень важную роль въ нашемъ выраженіи чувствъ и мыслей.

10. *Личной нервъ* есть главный двигательный нервъ лица, слѣдовательно, главный двигательный нервъ всей личной мимики. Этимъ самымъ уже объясняется важное значеніе этого нерва въ выраженіи нашихъ чувствованій. У животныхъ, по мѣрѣ того, какъ мускулы лица и физіономическія выраженія страстей уменьшаются, объемъ личнаго нерва также становится менѣе [1]). Замѣчательно, что личной нервъ находится въ такой связи съ процессомъ дыханія, что Мюллеръ не задумывается назвать его дыхательнымъ нервомъ лица (le nerf respirateur de la face) въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе этого нерва возбуждается всякій разъ, какъ движеніе дыханія выполняется съ большей энергіей, чѣмъ обыкновенно, или съ усиліемъ, особенно у людей съ разслабленнымъ организмомъ [2]). Роль этого нерва въ выраженіи чувствъ очевидна: внѣшнее представленіе черезъ посредство большаго мозга (а въ чувствахъ органическихъ то или другое состояніе организма) вызываетъ въ душѣ то или другое чувствованіе, которое, въ свою очередь, дѣйствуетъ обратно на мозгъ и приводитъ, безсознательно для насъ самихъ, личной нервъ въ дѣятельное состояніе, соотвѣтствующее возбужденному чувствованію; а дѣятельное состояніе личнаго нерва, который весь состоитъ изъ двигательныхъ волоконъ, производитъ сокращенія безчисленныхъ личныхъ мускуловъ; сокращенія же эти выражаются въ физіономіи тѣмъ или другимъ ея характернымъ выраженіемъ.

11. *Блуждающій нервъ* съ добавочнымъ или Валлизіевымъ, выходя изъ полости черепа, сходитъ вдоль по шеѣ и по груди до желудка, посылая на этомъ пути вѣтви къ горлу, къ легкимъ и сердцу, равно какъ къ органамъ глотанія и желудка [3]). Блуждающій нервъ съ добавочнымъ даетъ чувствующія и движущія волокна механизму, приводящему въ движеніе гортань [4]). Раздраженіе вѣтви *добавочнаго* нерва, выходящей изъ продолговатаго мозга, вызываетъ движеніе въ мышцахъ гортани. При перерѣзѣ этого нерва голосовая щель сильно расширяется и теряетъ способность суживаться, такъ-что животное не можетъ издавать голоса. *Блуждающій* нервъ, наоборотъ, растягиваетъ гортанную щель. Въ нижнемъ гортанномъ нервѣ находятся оба рода волоконъ: и суживающіе и расширяющіе гортанную щель. Германъ называетъ оба эти нерва, блуждающій и добавочный, *смѣшанными* нервомъ и приписы-

---

[1]) Man. de Phys. v. I. p. 775.

[2]) Ib. 774.

[3]) Шванъ, стр. 59.

[4]) Учебн. Германа стр. 256

ваетъ смѣшанному нерву слѣдующія функціи: по пути отъ мозговаго центра къ оконечностямъ (въ центробѣжной дѣятельности) смѣшанный нервъ даетъ: а) *движущія* волокна для мышцъ мягкаго нёба, глотки и гортани, для мышцъ дыхательнаго горла и его вѣтвей, для пищепріемника, желудка и нѣкоторыхъ др., b) *задерживающія* волокна для сердца, c) *отдѣлительныя* волокна: для слизистей оболочки желудка и для почекъ, d) *сосудодвигательныя* волокна для легкихъ. Къ центростремительнымъ волокнамъ *смѣшаннаго* нерва Германъ относитъ: а) чувствующія волокна для всего дыхательнаго аппарата, для пищеварительнаго, отъ нёбной занавѣски до pilоris, и для сердца, b) волокна, возбуждающія рефлексы въ дыхательныхъ мышцахъ, волокна задерживающія—для легкихъ и трофическія, завѣдывающія образованіемъ сахара въ печени.

Изъ одного описанія смѣшаннаго нерва видно уже, какое громадное участіе долженъ онъ принимать въ воплощеніи нашихъ чувствованій въ звуки; видно также и то, что движенія легкихъ, гортани и сердца находятся между собою въ тѣсной связи и состоятъ въ тоже время подъ сильнымъ вліяніемъ многихъ растительныхъ процессовъ. Здѣсь мы видимъ возможность физіологическаго соотношенія, которое, напримѣръ, замѣчаемъ мы между чувствомъ страха и отдѣленіемъ почекъ, между гнѣвомъ и отдѣленіемъ печени; вообще между страстными движеніями души и пищевареніемъ. Черезъ этотъ нервъ мы получаемъ ощущеніе движенія нашихъ легкихъ и горла, вызванныхъ нашею волею или, помимо нашей воли, какимъ-нибудь сильнымъ чувствованіемъ или, наконецъ, какою-нибудь чисто физическою причиною.

12. *Подъязычный нервъ* снабжаетъ двигательными волокнами всѣ мышцы языка, который и самъ есть ничто иное, какъ большая масса мышечныхъ волоконъ—одинъ большой мускулъ. Изъ этого понятно уже само собою важное значеніе подъязычнаго нерва въ образованіи звуковъ, условливающихъ рѣчь. Но весьма было бы ошибочно приписывать ему одному всѣ физіологическія явленія, которыми съ тѣлесной стороны условливается даръ слова. Язычный мускулъ безъ сомнѣнія принимаетъ важное участіе въ рѣчи, но раздѣляетъ это участіе съ лицомъ и главное съ губами и челюстями, съ одной стороны, съ горломъ и легкими — съ другой. Вотъ почему для насъ замѣчательна тѣсная, анатомическая связь между личнымъ нервомъ и подъязычнымъ. Оба они выходятъ изъ одного и того же мозговаго центра, изъ *оливчатыхъ* тѣлъ [1]).

13. Всѣ эти нервы, тройничный съ личнымъ, блуждающій съ добавочнымъ и подъязычный, Мюллеръ считаетъ тремя позвоночными нервами головы [2]), принимая, конечно, мозговой узелъ за продолженіе позвоночнаго мозга [3]). Такимъ образомъ уже анатомически установлена самая тѣсная связь между мимикой и рѣчью — съ одной стороны, —

---

[1]) Man. de Phys. par Müller. p. 250.

[2]) Ib. v. I. p. 681.

[3]) См. Пед. антроп. Ч. I. Гл. IX. п. 7. 10 и др.

дыханіемъ, движеніемъ горла, легкихъ и сердца, а слѣдовательно, и съ кровообращеніемъ—съ другой. Кромѣ того, чѐрезъ посредство смѣшаннаго нерва наши органы выраженія чувствъ находятся въ связи съ отправленіями желудка и выдѣленіемъ различныхъ железъ: печени, почекъ, слезныхъ железъ. Вотъ тотъ необыкновенный сложный аппаратъ воплощенія чувствованій, посредствомъ котораго установляется тѣсная связь между чувствованіями нашей души и множествомъ физіологическихъ явленій въ нашемъ тѣлѣ. Черезъ этотъ аппаратъ веселость, а иногда и внезапное горе приводятъ въ судорожное движеніе нашъ дыхательный органъ и эти движенія обнаруживаются смѣхомъ. Черезъ этотъ же органъ чувство ужаса въ душѣ отражается въ лицѣ особенным состояніемъ мускуловъ, въ сердцѣ—сжиманіемъ и потомъ усиленнымъ біеніемъ, въ легкихъ—затрудненіемъ дыханія, въ горлѣ—крикомъ или такимъ пораженіемъ мускуловъ, что голосъ отнимается, въ почкахъ—отдѣленіемъ, въ кожѣ—дрожью и т. д.

14. Надъ многими изъ этихъ физіологическихъ выраженій нашихъ душевныхъ чувствъ мы имѣемъ власть, не подлежащую сомнѣнію: мы можемъ смѣяться, хотя бы не чувствовали въ душѣ своей никакой причины смѣха; мы можемъ дать гнѣвное выраженіе нашей физіономіи, хотя бы не чувствовали въ душѣ ни малѣйшаго гнѣва; мы можемъ притворно издать крикъ ужаса или печали, или заставить задрожать нашъ голосъ, хотя мы ничего не боимся. Хорошій актеръ очевидно доказываетъ намъ, на сколько мы властны свободно распоряжаться физіологическимъ выраженіемъ чувствованій, которыя совершаются также и помимо нашей воли. Конечно, власть эта имѣетъ свои предѣлы, и нѣкоторыхъ физіологическихъ явленій воплощенія мы не можемъ вызвать произвольно, но, во всякомъ случаѣ, власть эта очень обширна: можетъ быть, даже на ускореніе и замедленіе біенія сердца мы можемъ имѣть произвольное вліяніе.

15. Теперь предположимъ себѣ, что человѣкъ лишенъ дара слова, но не лишенъ въ тоже время возможности произвольно распоряжаться воплощеніемъ чувствованій, звуками, мимикой и тѣлодвиженіями, и что кромѣ того между людьми существуетъ то нервное сочувствіе, о которомъ мы говорили выше. Спрашивается, могли ли бы люди въ такомъ состояніи сообщать другъ другу свои чувствованія?—Въ этомъ не можетъ быть, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія; и, соображая все сказанное, мы должны признать, что такое сообщеніе необходимо установилось бы между людьми и было бы двоякаго рода: одно—непроизвольное, другое — произвольное. Разсмотримъ же оба эти рода сообщенія.

16. Непроизвольное сообщеніе чувствованій уже разъяснено нами выше, когда мы говорили о нервномъ сочувствіи. Крикъ ужаса, вырвавшійся у человѣка невольно, и изображеніе ужаса въ лицѣ и въ движеніяхъ также невольно пробудитъ ужасъ въ другомъ человѣкѣ, слышащемъ этотъ крикъ и созерцающемъ эти видимые символы ужаса. Это невольное сообщеніе чувствъ между людьми идетъ гораздо дальше, чѣмъ кажется съ

перваго взгляда. Слушая хорошаго актера и смотря на него, мы испытываемъ самые разнообразные оттѣнки различныхъ чувствъ, вовсе не потому, чтобы мы знали, что вотъ такою-то интонаціею голоса, такимъ-то выраженіемъ лица и такимъ-то тѣлодвиженіемъ изображается такой-то оттѣнокъ такого-то чувства—мы вовсе не знаемъ этого и даже сами прежде никогда не издавали такихъ звуковъ, никогда не видали такихъ выраженій лица; тѣмъ не менѣе, эти звуки и эта мимика, путемъ нервнаго сочувствія, пробуждаютъ въ душѣ нашей именно тѣ чувствованія, которыя хотѣлъ пробудить актеръ. Слѣдовательно, мы видимъ, что область невольнаго нервнаго сочувствія не ограничивается однимъ рѣзкимъ и крайнимъ проявленіемъ сильнаго чувства. Даже въ простомъ разговорѣ съ другимъ лицомъ мы невольно подчиняемся этому невольному сочувствію, причина котораго не сознается нами; такъ напримѣръ, намъ иногда чрезвычайно трудно было бы опредѣлить, въ чемъ выражается внутреннее недовольство человѣка, съ которымъ мы говоримъ, а между тѣмъ мы очень вѣрно угадываемъ это недовольство и испытываемъ на себѣ его тяжелое дѣйствіе, не понимая, откуда оно идетъ.

17. Непроизвольный языкъ, условливаемый нервнымъ сочувствіемъ, общъ человѣку и животному. Посредствомъ этого-то языка животное угадываетъ чувства другихъ животныхъ того же рода, угадываетъ чувствомъ, а не пониманіемъ. Крикъ страха, изданный курицею, завидѣвшею коршуна, дѣйствуетъ, какъ мотивъ страха, на цыплятъ и они бѣгутъ спрятаться подъ крылья матери, бѣгутъ не потому, чтобы *понимали* значеніе крика, а потому, что онъ инстинктивно пробудилъ въ нихъ то же чувство, которое вызвало его въ матери.

18. Теперь предположимъ, что человѣкъ, обладая такимъ же языкомъ невольнаго нервнаго сочувствія, *обратитъ вниманіе на самый этотъ языкъ*. Положимъ, что онъ замѣтитъ, что чувство внезапнаго испуга всегда сопровождается въ немъ опредѣленными звуками голоса, опредѣленными выраженіями лица и опредѣленными тѣлодвиженіями, а чувство веселости—другими звуками, другою мимикою и другими тѣлодвиженіями, чувство горя—третьими и т. д.; тогда очень естественно, что человѣку можетъ придти на мысль и въ то время, когда онъ не испытываетъ никакого особеннаго чувствованія, произвость тѣ же звуки и тѣ же мимическія движенія для того, чтобы возбудить въ другомъ требуемое чувство. Но такъ-какъ человѣкъ, какъ мы видѣли выше, можетъ произвольно распоряжаться воплощеніями чувствъ, хотя въ то время и не испытываетъ этихъ чувствъ, то естественно, что такое притворное выраженіе чувствъ ему удастся и возбудить въ другомъ существѣ, въ другомъ человѣкѣ, то или другое чувство, какъ возбуждаетъ ихъ въ насъ игра актера. Съ накопленіемъ этихъ наблюденій могъ бы установиться между людьми особенный языкъ, языкъ, выражающій чувствованія, *испытанныя прежде*, хотя и не испытываемыя въ то время, когда они выражаются. Тогда человѣкъ далъ бы уже *названія* своимъ душевнымъ чувствованіямъ, возбуждаемымъ въ немъ тѣми или другими

предметами, *названія* удовольствію и страданію, страху, гнѣву, любви, отвращенію, боли, голоду и т. д. Отсюда уже возможенъ переходъ и къ названію предметовъ, возбуждающихъ тѣ или другія чувствованія и желанія.

19. Отъ звука, какъ *невольнаго* выраженія чувства, человѣкъ посредствомъ *наблюденія* надъ самимъ собою и подобными ему существами, также выражающими свои внутреннія чувствованія и желанія, могъ перейти къ *произвольному* употребленію того же звука, только *какъ представителя даннаго чувства*. Звукъ же, какъ произвольный представитель даннаго чувства, а не какъ его *необходимый* рефлексъ,— есть уже не звукъ, а *слово*. Переходъ же отъ словъ, выражающихъ чувства, къ словамъ, выражающимъ представленія, весьма понятенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первобытный человѣкъ далъ названіе прежде всего тѣмъ предметамъ, которые сильно возбуждали въ душѣ его то или другое чувствованіе, и что потребность чистаго интеллектуальнаго мышленія развилась уже въ послѣдствіи, такъ-что языку мысли предшествовалъ языкъ страсти. Вниманіе человѣка должно было прежде всего останавиться на тѣхъ предметахъ внѣшняго міра, которые почему либо сильно возбуждали въ немъ то или другое чувствованіе: или страхъ, или гнѣвъ, или надежду, или любовь, или отвращеніе. Поэтому естественно, что человѣкъ перенесъ звуковыя рефлективныя воплощенія этихъ чувствованій, внушаемыхъ ему предметами внѣшняго міра, на самые предметы. Такимъ образомъ, изъ *звуковыхъ рефлективныхъ представителей* чувства, черезъ посредство самонаблюденія, могли образоваться *звуковые представители предметовъ* или *дѣйствій*, т. е. *слова*, и языкъ страсти мало-по-малу могъ переходить въ языкъ мысли.

20. Но чѣмъ болѣе выработывался языкъ мысли, тѣмъ болѣе терялся въ немъ языкъ чувства. Звуки, невольно порождаемые душевными чувствами, превратившись въ произвольные символы мысли, сдѣлавшись *словами*, подвергались потомъ безчисленнымъ измѣненіямъ уже не по законамъ чувства, а по законамъ мысли и подъ разнообразными вліяніями различныхъ обстоятельствъ: потребностей жизни и смѣшенія народовъ. Понятно, что характеръ чувства долженъ былъ очень стереться с словъ при ихъ безпрестанномъ многовѣковомъ употребленіи для выраженія уже не чувствъ, а мыслей; однако же и теперь его легко замѣтить, особенно въ тѣхъ отступленіяхъ отъ общечеловѣческой логики, которыя представляетъ грамматика каждаго языка. Особенно характеръ чувства замѣтенъ въ языкахъ, еще мало развитыхъ; но окончательно не исчезъ онъ и въ языкахъ самыхъ развитыхъ, которые давно уже живутъ и развиваются по законамъ мысли, а не чувствованій и ихъ рефлексовъ.

21. Мы должны будемъ возвратиться къ этому предмету въ третьемъ отдѣлѣ нашей антропологіи, гдѣ будемъ говорить о происхожденіи человѣческаго языка — этой видимой черты, отдѣляющей человѣка отъ животнаго; но и здѣсь уже мы сочли необходимымъ указать на то, какимъ образомъ обширная система воплощенія чувствъ, которою Творецъ одарилъ человѣческій организмъ, преимущественно передъ всѣми другими

организмами, и которую человѣкъ, безъ сомнѣнія, еще развилъ употребленіемъ, которою, наконецъ, онъ овладѣлъ посредствомъ многочисленныхъ опытовъ, — сдѣлала возможнымъ не только симпатическій языкъ чувства, языкъ общій и человѣку, и животному, но и послужила тѣлеснымъ основаніемъ для дара слова, духовною основою котораго является самосознаніе, свойственное только душѣ человѣка.

ГЛАВА XVI.

Отдѣленіе чувствованій отъ желаній и душевныхъ чувственныхъ состояній.

1. До сихъ поръ мы раздѣляли чувствованія единственно по способу ихъ происхожденія и, на основаніи этого принципа, отдѣляли *чувствованія органическія* или *безпричинныя*, причина которыхъ скрывается въ состояніяхъ организма, отъ *чувствованій душевныхъ*, причина которыхъ ясно сознается нами въ представленіяхъ, вызывающихъ тѣ или другія чувствованія. Къ этимъ двумъ видамъ мы могли бы присоединить еще чувствованія *духовныя*, т. е., по нашему опредѣленію *духа* [1]), такія, которыя свойственны только одному человѣку; но, чтобы облегчить себѣ анализъ, мы всѣ эти чисто человѣческія психическія явленія относимъ къ третьей части нашей антропологіи, хотя и не можемъ вездѣ строго выдержать этой системы. Но каждый изъ насъ сознаетъ, конечно, что чувствованія раздѣляются не только по внѣшнему принципу своего происхожденія, но и по *внутреннему* своему *качеству*. Кто же смѣшаетъ гнѣвъ съ любовью, страхъ съ радостью? Вотъ объ этомъ-то дѣленіи по качеству мы и хотимъ говорить теперь.

2. Можетъ быть, ни въ чемъ такъ не выражается младенческое состояніе нашихъ психологическихъ понятій, какъ въ раздѣленіи чувствованій. Пусть два или три человѣка попробуютъ только перечислить испытываемыя ими чувствованія и они увидятъ, что счетъ у каждаго будетъ свой особый. Сначала это дѣло, можетъ быть, покажется имъ легкимъ, какимъ показалось оно и Декарту; но потомъ они убѣдятся, что это дѣло очень нелегкое, если и возможное. Откуда же происходитъ такое странное явленіе? Развѣ любовь, гнѣвъ, радость и страхъ не одинаково знакомы китайцу, французу или жителю Патагоніи? Развѣ наши прадѣды не также ненавидѣли и любили, какъ и мы? Если же эти психическія явленія совершались и продолжаютъ совершаться всегда и у всѣхъ одинаковымъ образомъ, то они выполняютъ всѣ требованія, чтобы сдѣлаться точными предметами научнаго изслѣдованія: откуда же происходитъ, что человѣкъ даже и не перечислилъ, а не только уже не размѣстилъ своихъ чувствованій въ какую-нибудь стройную систему, съ которой всѣ были бы согласны?

3. Странность этого явленія увеличивается, когда мы видимъ, что

[1]) См. Педаг. Антроп. ч. I. Гл. XLV. п. 2.

и тѣ люди, которые не только испытываютъ различнаго рода чувствованія, но и сдѣлали ихъ предметомъ своихъ спеціальныхъ и упорныхъ наблюденій, не достигли никакихъ положительныхъ результатовъ въ исчисленіи и классификаціи столь знакомыхъ каждому душевныхъ явленій. «Проведеніе полной системы чувствованій—говоритъ знатокъ психологической литературы, профессоръ Фолькманъ—остается и до сихъ поръ благочестивымъ желаніемъ, осуществленіе котораго едва ли подвинулось впередъ безчисленными попытками старыхъ психологій» [1]). Мы же прибавимъ, что и попытки новой психологіи, сдѣланныя для достиженія той же цѣли, дали такіе же, если еще не меньшіе, результаты, какъ и попытки старой. Не можемъ же мы считать особымъ подвигомъ психологовъ гербартовской школы, что они вовсе уклоняются отъ перечисленія чувствованій и ихъ классификаціи? Различныя чувствованія, тѣмъ не менѣе, остаются различными психическими явленіями, различіе которыхъ каждый замѣчаетъ.

4. У каждаго самостоятельнаго психолога, если онъ только не набрасываетъ съ намѣреніемъ туманнаго покрова на этотъ отдѣлъ психологіи, свой особый счетъ чувствованій и своя особая классификація. У Декарта основныхъ чувствованій шесть [2]), у Спинозы—три, между которыми онъ помѣщаетъ и *желаніе,* какъ третій видъ чувствованій [3]); Броунъ подраздѣляетъ *главныя* чувствованія по принципу времени, на чувствованія, относящіяся къ настоящему, прошедшему и будущему, относитъ къ послѣднимъ *желанія* и насчитываетъ однихъ *главныхъ* желаній десять, не сообщая намъ, сколько же неглавныхъ, и какъ относятся главныя къ неглавнымъ [4]). Новѣйшій англійскій психологъ Бэнъ насчитываетъ уже одиннадцать группъ душевныхъ чувствованій [5]). Новѣйшій германскій психологъ Вундтъ совершенно избѣгаетъ перечисленія чувствованій и скорѣе занимается лексикологіей *нѣкоторыхъ* названій этихъ психическихъ явленій, чѣмъ ихъ анализомъ [6]). Невольно поражаешься этимъ явленіемъ и спрашиваешь себя: возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, перечислить чувствованія? Не безконечное ли ихъ множество? Не свои ли особыя чувствованія у каждаго человѣка? Не появляются ли они случайно, не повторяясь вновь? Но уже одно то, что люди понимаютъ чувствованія другъ друга, понимаютъ даже по одному описанію чувствованія людей, давно отжившихъ, и вѣрно отгадываютъ, какихъ послѣдствій должно ожидать отъ того или другаго чувствованія, показываетъ, что это явленія не случайныя, но постоянныя, и что если могутъ быть, какъ догадывается Бэнъ, такія видоизмѣненія

[1]) Grundr. der Psych. von Volkmann, S. 318.

[2]) Descartes. Les passions. Art. 69.

[3]) Eth. P. III. App. Def. 1. 2. 3.

[4]) Brown. p. 340.

[5]) The Emotions. p. 58—61.

[6]) Menschen-und Thier-Seele. II B. S. 25—27 и 35—37.

чувствованій, которыя не общи всѣмъ людямъ, то есть и такія *основныя*, которыя одинаково повторяются у всякаго человѣка всѣхъ вѣковъ и всѣхъ національностей. Неужели же нѣтъ возможности доискаться, по крайней мѣрѣ, этихъ основныхъ чувствованій и перечислить ихъ?

5. Намъ кажется, что, главная причина путаницы въ перечисленіи чувствованій заключается въ томъ, что приступая къ этому перечисленію, не отдѣляютъ, *во-первыхъ*, чувствованій отъ желаній, а *во-вторыхъ*, чувствованій самихъ по себѣ—отъ ихъ соединеній съ тѣми представленіями, которыми они вызываются и которыхъ, конечно, безчисленное множество, и *въ третьихъ*, не выдѣляютъ чувствованій, возникающихъ изъ человѣческихъ особенностей. Попробуемъ же прежде всего избѣжать этихъ ошибокъ.

6. *Отдѣленіе чувствованій отъ желаній*. Желаніе есть, конечно, тоже чувствованіе, но во 1) чувствованіе уже производное, а во 2) дающее само по себѣ цѣлую серію новыхъ явленій, относящихся къ области воли, куда и само оно должно быть причислено. Правда, что *желать* и *хотѣть*, какъ замѣчаетъ Ридъ [1]) (I wisch and I desire),—не одно и то же; но однако легко замѣтить, что это лишь *двѣ степени* одного и того же явленія. Въ существѣ, въ которомъ нѣтъ свободной воли (а мы именно покуда занимаемся такимъ существомъ), *желаніе* немедленно переходитъ въ *волю*, какъ-только будутъ устранены или подавлены всѣ противоборствующія ему въ самой душѣ желанія и нежеланія. Точно также воля немедленно переходитъ въ поступокъ, какъ только будутъ удалены всѣ препятствія къ такому переходу, представляемыя уже внѣшнимъ для души міромъ. Желаніе, слѣдовательно, есть уже начало воли въ процессѣ ея образованія еще въ самой душѣ. Вотъ почему въ отношеніи одного и того же предмета мы можемъ имѣть *различныя* желанія, но волю только *одну*. Какъ только желаніе наше возрастетъ до того, что подавитъ всѣ другія желанія, такъ оно и превратится въ волю.

7. Желаніе есть уже слѣдствіе соединенія того или другаго чувствованія съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ представленіемъ. *Стремиться* мы можемъ и къ тому, чего не знаемъ и чего себѣ не представляемъ: такъ, младенецъ стремится къ пищѣ, не зная, что такое пища. Но *желать* мы можемъ только того, что уже знаемъ и что уже себѣ представляемъ болѣе или менѣе ясно. Человѣкъ стремится къ пищѣ и тогда, когда не знаетъ, что такое пища; но, попробовавъ той или другой пищи и испытавъ *удовольствіе*, происходящее отъ удовлетворенія голода этою пищею, уже сознательно ея желаетъ. Слѣдовательно, желаніе возникаетъ въ человѣкѣ изъ прирожденныхъ безсознательныхъ стремленій черезъ посредство соединенія представленія о предметѣ, удовлетворяющемъ или неудовлетворяющемъ данному стремленію, съ чув-

[1]) Read p. 122. Тоже у Аристотеля (Aristoteles Nicomachisch Ethik. uebers. von Stahr. B. III, Kap. 2. § 6).

ствованіемъ, возникающимъ при этомъ удовлетвореніи или неудовлетвореніи. На этомъ основаніи, желаніе должно быть выдѣлено изъ области чувствованій и отнесено къ области воли.

8. *Отдѣленіе чувствованій отъ чувственныхъ состояній души*, или отъ соединенія чувствованій съ представленіями. Хотя всякое *душевное* чувствованіе непремѣнно соединено съ какимъ-нибудь представленіемъ, но уже потому только, что одно и тоже чувствованіе можетъ быть соединено съ разнообразнѣйшими представленіями, мы должны строго отдѣлять представленія отъ чувствованій, ими внушаемыхъ; иначе мы потеряемся въ безчисленности чувствованій, соотвѣтствующей безчисленности представленій, и безчисленномъ разнообразіи ихъ сочетаній. Кромѣ того, мы видѣли, что тѣ же самыя чувствованія могутъ не вызываться представленіями, а наоборотъ, вызывать ихъ, возникая сами не изъ представленій, а изъ органическихъ, несознаваемыхъ нами причинъ. Правда, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ чувствованіе мгновенно соединяется съ представленіемъ, такъ что мы не можемъ наблюдать его въ его отдѣльности; но въ этомъ отношеніи оно раздѣляетъ судьбу тѣхъ химическихъ элементовъ, которые никогда не могутъ быть получены въ чистомъ видѣ, но всегда только въ соединеніи съ другими элементами. Однакоже это обстоятельство не мѣшаетъ химику принимать эти элементы за самостоятельные, именно потому, что они могутъ переходить изъ одного соединенія въ другое.

9. Чувствованія, сливаясь съ представленіями и съ самыми сложными сочетаніями представленій, составляютъ съ ними вмѣстѣ то, что мы назовемъ покудова хоть *чувственнымъ состояніемъ души*. Понятно, что хотя бы эти чувственныя состоятія возникали изъ немногихъ элементарныхъ чувствованій, но сами по себѣ они могутъ быть также разнообразны, какъ могутъ быть разнообразны наши представленія и сочетанія этихъ представленій. Кромѣ того, въ одномъ и томъ же сочетаніи представленій можетъ открываться нами множество разнообразныхъ чувствованій, такъ-что отъ этого будутъ возникать уже *смѣшанныя чувственныя состоянія души*. Такъ, напр., въ отношеніи къ одному человѣку мы можемъ испытывать самыя разнообразныя чувствованія и изъ смѣшенія такихъ чувствованій образуется особое индивидуальное, намъ только свойственное, чувствованіе къ этому человѣку, которое мы затруднимся разсказать другимъ иначе, какъ разсказавъ всю исторію его образованія. Но развѣ это должно мѣшать психологу различать элементы этихъ сложныхъ продуктовъ душевной жизни? Этотъ переходъ чувствованій въ чувственныя состоянія души такъ для насъ важенъ, что мы посвятимъ ему особую слѣдующую главу.

10. *Отдѣленіе чувствованій душевныхъ отъ духовныхъ*. Слово *душевный* отдѣляетъ для насъ изучаемыя нами чувствованія, какъ отъ *органическихъ*, о которыхъ мы говорили выше, такъ и отъ *духовныхъ*, о которыхъ мы будемъ говорить въ концѣ нашей антропологіи. Къ духовнымъ чуствованіямъ и къ духовнымъ чувственнымъ состояніямъ мы

относимъ не только такія, какъ напр. чувствованіе права, чувствованія эстетическія, но и тѣ сложныя психическія явленія, въ которыхъ особенности *душевныя* перемѣшиваются съ особенностями *духовными*. Такъ, напр., чувствованіе *гнѣва* есть явленіе душевное, а чувствованіе *мести*, въ которомъ гнѣвъ является такимъ сильнымъ элементомъ и которое потому психологи, большею частію, помѣщаютъ рядомъ съ чувствованіемъ гнѣва, есть уже явленіе духовное, такъ какъ въ немъ къ чувствованію гнѣва присоединяется чувствованіе права. Конечно, мы не можемъ выдержать во всей строгости такого дѣленія и, поясняя примѣромъ то или другое чувствованіе, будемъ приводить и такія психическія явленія, которыя свойственны только человѣку; но тутъ же всегда укажемъ на тѣ *общіе* душевные элементы, которые именно занимаютъ насъ въ этомъ отдѣлѣ.

ГЛАВА XVII.

Переходъ чувствованій въ чувственныя состоянія души.

1. Представленія наши сохраняются въ нашей памяти въ формѣ слѣдовъ, какъ бы мы ни представляли себѣ эти слѣды: въ формѣ ли нервныхъ привычекъ, или въ формѣ идей, или наконецъ въ той *двоякой* формѣ, какую мы признали, основываясь на фактахъ, ясно указывающихъ какъ на физическіе, такъ и на душевные элементы въ актахъ нашей памяти [1]). Но въ какой же формѣ сохраняются въ насъ слѣды испытанныхъ нами чувствованій? Что мы сохраняемъ слѣды чувствованій, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. «Мы и желаемъ того или другаго, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ, только потому, что *помнимъ* то или другое чувствованіе, испытанное нами» [2]). Но должно строго отдѣлять *воспоминаніе* чувствованія отъ его *воспроизведенія*. Мы можемъ вспоминать, какъ то или другое представленіе возбуждало когда-то нашъ гнѣвъ, и вовсе не чувствовать прежняго гнѣва при этомъ воспоминаніи. Но, съ другой стороны, представленіе, разъ возбудившее нашъ гнѣвъ, можетъ снова возбуждать его и даже такъ, что мы гнѣваемся уже при самомъ появленіи представленія, прежде даже, чѣмъ дадимъ себѣ отчетъ, почему мы гнѣваемся. Такъ лицо человѣка, нанесшаго намъ глубокое оскорбленіе, возбуждаетъ въ насъ чувство гнѣва, прежде чѣмъ мы подумаемъ о нанесенномъ намъ оскорбленіи. Точно также присутствіе любимаго человѣка возбуждаетъ въ насъ чувство любви прежде, чѣмъ мы подумаемъ о причинахъ и условіяхъ, изъ которыхъ родилось и въ которыхъ окрѣпло наше чувствованіе. Вотъ почему мы должны признать, что слѣды чувствованій сохраняются въ насъ, какъ и слѣды представленій. Но какъ сохраняются?

---

[1]) См. Пед. Антр. Ч. I. Гл. XXII.

[2]) Bain. The Emotion. p. 63.

2. Бэнъ замѣчаетъ, что чувствованія, пережитыя нами, труднѣе и слабѣе воспроизводятся, чѣмъ представленія, занимавшія наше сознаніе [1]). Мы же полагаемъ, что чувствованія безъ представленія вовсе не могутъ быть воспроизводимы нами сознательно и по произволу, хотя иногда и возникаютъ изъ органическихъ причинъ, лежащихъ внѣ нашего сознанія. Мы рѣшительно не видимъ возможности воспроизвести произвольно то или другое чувствованіе иначе, какъ вызвать его тѣмъ или другимъ представленіемъ, въ которомъ оно сохраняется. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе этого вопроса, съ которымъ мы встрѣтимся ниже, мы примемъ покудова, что слѣды *душевныхъ* чувствованій, испытанныхъ нами, сохраняются какъ въ *нервныхъ* [2]), такъ въ *идеальныхъ* слѣдахъ представленій, которыми эти чувствованія были въ насъ вызваны, или, другими словами, что въ душѣ сохраняются не безцвѣтные абрисы представленій, а раскрашенныя красками чувствованій, которыми эти представленія и сочетанія ихъ проникнуты. Такія представленія и сочетанія, ассоціаціи представленій мы будемъ называть *представленіями чувственными* или *аффективными образами*. Если же въ душѣ нашей сохраняются цѣлыя вереницы и сѣти представленій, проникнутыхъ однимъ или многими чувствованіями, то это мы назовемъ *чувственнымъ состояніемъ души*. Отъ большей же или меньшей сложности образовъ, проникнутыхъ чувствованіями, происходитъ много психическихъ явленій, очень интересныхъ и весьма важныхъ для психолога и педагога.

3. Одиночное ощущеніе, или его слѣдъ, не можетъ возбудить въ насъ ни *радости*, ни *печали*, хотя можетъ возбудить *удовольствіе* или *неудовольствіе*. Одиночное представленіе, не очень обширное, хотя и есть уже сочетаніе многихъ слѣдовъ многихъ ощущеній, но не доставитъ еще намъ на столько радости или печали, чтобы онѣ заслуживали это названіе. Но чѣмъ сложнѣе становится сочетаніе представленій, проникнутыхъ чувствомъ удовольствія, тѣмъ явственнѣе и постояннѣе выражается въ насъ состояніе радости или печали. Отдѣльный цвѣтъ, отдѣльный запахъ или вкусъ можетъ быть намъ пріятенъ или непріятенъ, т. е. можетъ, въ своей отдѣльности, возбуждать въ душѣ чувствованіе удовольствія или неудовольствія, но не радость и не печаль. Для возбужденія въ насъ радости или печали необходима уже цѣлая ассоціація представленій, изъ которыхъ каждое возбуждаетъ въ душѣ нашей данное чувствованіе. Тогда только душа наша получаетъ возможность, переходя отъ одного аффективнаго представленія къ другому, также проникнутому чувствованіями, *продолжить* состояніе удовольствія и неудовольствія, или обнимая разомъ цѣлую ассоціацію аффектированныхъ представленій или какую нибудь значительную часть ея, *расширить*

[1]) Bain. The Emotion. p. 38.

[2]) Или въ органическихъ состояніяхъ тѣла, какъ мы это показали выше для чувствованій органическихъ.

чувство удовольствія или неудовольствія до той степени, что мы можемъ назвать уже это душевное состояніе печалью или радостью [1]).

4. Чувствованіе, само по себѣ, можетъ быть только слабѣе или сильнѣе, *напряженнѣе* (интензивнѣе). Степень напряженности отдѣльнаго чувствованія зависитъ отъ двухъ причинъ: *во первыхъ*—отъ напряженности того стремленія, изъ удовлетворенія или неудовлетворенія котораго чувствованіе рождается, и *во-вторыхъ*, отъ предмета, служащаго удовлетвореніемъ, смотря по тому. въ какой степени онъ удовлетворяетъ стремленію или мѣшаетъ его удовлетворенію. По степени удовлетворенія стремленія напряженность чувства упадаетъ, и возрастаетъ снова вмѣстѣ съ усиленіемъ стремленія.

5. Понятно, что и напряженность *чувственнаго душевнаго состоянія* будетъ зависѣть отъ большей или меньшей напряженности тѣхъ чувствованій, которыми проникнуто то или другое сочетаніе представленій, условливающее чувственныя состоянія нашей души; но *обширность* чувственнаго состоянія, а вслѣдствіе того его продолжительность и постоянство зависятъ уже отъ обширности самихъ сочетаній, проникнутыхъ тѣми или другими чувствами. Одиночное или необширное представленіе не можетъ долго возбуждать то или другое чувствованіе. Необходима цѣлая ассоціація представленій для того, чтобы душа, переходя отъ одного изъ нихъ къ другому, могла возобновлять чувствованіе болѣе или менѣе продолжительно, смотря по обширности ассоціацій, его возбуждающихъ. Если какое-нибудь чувствованіе въ насъ слишкомъ напряжено, то мы сами навязываемъ на него цѣлый рядъ ассоціацій, не идущихъ даже къ дѣлу, только чтобы удержать чувство и расширить его. Такъ, подъ вліяніемъ гнѣва мы взводимъ иногда такія обвиненія на человѣка, возбудившаго въ насъ гнѣвъ, какія показались бы намъ забавными въ спокойную минуту. Душа наша, обнимая разомъ цѣлую большую ассоціацію представленій, проникнутыхъ однимъ и тѣмъ же чувствованіемъ, расширяетъ самое чувствованіе.

6. Въ самомъ *чувствованіи* мы можемъ только различать степень его напряженности, а въ *чувственномъ состояніи*, каковы напр. радость, печаль, любовь, ненависть, мы, кромѣ степени напряженности, зависящей отъ напряженности самаго чувствованія, проникающаго дан-

---

[1]) То, что мы называемъ *душевнымъ чувственнымъ* состояніемъ, Вундтъ называетъ *настроеніемъ* (Stimmung) и *аффектомъ*, совершенно измѣняя то значеніе этого слова, которое придано было прежними психологами (Menschen-und Thier-Seele B. II. S. 28). Но, наткнувшись на это знаменательное явленіе, Вундтъ скоро оставляетъ его, такъ-какъ оно противорѣчитъ его главному положенію. Къ тому же явленію пришелъ и Спенсеръ, и также безъ всякихъ послѣдствій (Principles of Pszychologie. § 201). Отбросивъ ложь теоріи, мы найдемъ здѣсь вѣрное наблюденіе. Фортлаге признаетъ даже особенныя «чувственныя понятія» (Gefühlsbegriffe), но также не даетъ этой мысли надлежащаго мѣста (Syst. d. Ps. I Th. § 15).

ную ассоціацію, должны различать степень *продолжительности* и *обширности* чувственнаго состоянія, которое уже зависитъ отъ обширности и разнообразія самихъ сочетаній, проникнутыхъ чувствомъ. Продолжительность чувственнаго состоянія находится въ обратно-пропорціональномъ отношеніи съ его обширностью. Только припоминая разомъ, какъ бы сводя въ одну сумму всѣ оскорбленія, нанесенныя намъ нашимъ врагомъ, мы чувствуемъ всю глубину и обширность нашей ненависти къ нему.

7. Отсюда уже понятна причина того психическаго явленія, на которое обратилъ вниманіе и Бэнъ, хотя и не могъ объяснить его происхожденія; а именно, что тѣ чувствованія живутъ въ насъ прочнѣе, которыя могутъ соединиться съ идеями [1]). Теперь для насъ понятно, почему мы дольше можемъ наслаждатся прекраснымъ видомъ, чѣмъ прекраснымъ цвѣткомъ, и почему наслажденіе первымъ—гораздо обширнѣе и глубже наслажденія вторымъ. Вотъ почему также самыя сильныя, обширныя, постоянныя и прочныя страсти возникаютъ въ душѣ только къ такимъ предметамъ, которые могутъ дать душѣ нашей громадныя сочетанія представленій, каковы, напр., власть, деньги, природа, науки, искусства, человѣкъ, религія.

8. Всякому приходилось испытать и читать двѣ совершенно противоположныя истины: *отъ повторенія чувство слабѣетъ и отъ повторенія чувство усиливается*, или: чувство, долго не вызываемое, замираетъ, чувство, часто вызываемое, притупляется. Это важное противорѣчіе мы встрѣчаемъ не только въ общественномъ мнѣніи, но и у психологовъ. Такъ, напр. Бэнъ говоритъ, что «повтореніе чувствованія имѣетъ оживляющее и убивающее вліяніе, смотря по обстоятельствамъ» [2]), но не объясняетъ этихъ обстоятельствъ. Выше же, тотъ же Бэнъ прямо утверждалъ, что «чувствованіе, часто испытываемое, скорѣе служитъ мотивомъ для нашихъ дѣйствій, чѣмъ то, которое мы испытываемъ рѣдко» [3]); тогда какъ Бенеке, наоборотъ, прямо говоритъ, что «въ воспроизведеніи чувство уже слабѣетъ» [4]).

9. Это противорѣчіе и эта темнота въ объясненіи столь важнаго психическаго явленія зависитъ отъ того, что психологи не отдѣляютъ ясною чертою чувствованій отъ чувственныхъ состояній. Признавъ же это отдѣленіе, мы объяснимъ себѣ замѣчательное усиленіе и ослабленіе чувствованій отъ ихъ повторенія. Если мы испытываемъ данное чувствованіе въ связи съ однимъ и тѣмъ же представленіемъ, то съ каждымъ разомъ повторенія чувствованіе слабѣетъ, какъ и само представленіе [5]), если только конечно не возрождаются вновь и вновь тѣ

[1]) The Emotion, p. 55.

[2]) Ib. p. 102.

[3]) Ib. p. 38.

[4]) Lehrb. der Psych. v. Benecke. § 245.

[5]) См. Пед. Антр. Ч. I. Гл. XVI, п. 7.

стремленія, которыя даютъ начало чувствованію, какъ возрождаются у насъ всѣ стремленія, вытекающія изъ дѣйствительныхъ потребностей тѣла. Но если предметъ, возбуждающій чувствованіе, таковъ, что допускаетъ большое углубленіе въ себя, т. е., другими словами, если предметъ таковъ, что ощущенія, получаемыя отъ него душою, могутъ оставлять въ ней многочисленные и разнообразные слѣды, изъ которыхъ будутъ выплетаться все большія и сложнѣйшія сочетанія, то чѣмъ болѣе мы будемъ углубляться въ такой предметъ, тѣмъ обширнѣе будетъ разростаться наше чувство къ нему и тѣмъ оно будетъ продолжительнѣе и прочнѣе.

10. Слѣдуетъ при этомъ напомнить читателю, что самая прочность слѣдовъ представленій зависитъ много отъ органовъ, черезъ которые получаются внѣшнія впечатлѣнія. Ощущенія, получаемыя нами черезъ органы зрѣнія и слуха, оставляютъ въ нашей памяти гораздо прочнѣйшіе слѣды, чѣмъ ощущенія, получаемыя черезъ органы вкуса, обонянія и даже осязанія. Мы почти совсѣмъ не можемъ припоминать ощущеній обонянія и вкуса и весьма слабо ощущенія осязанія, если они не соединены съ зрительными. Вотъ почему изъ ощущеній низшихъ чувствъ не можетъ выработаться такихъ прочныхъ и обширныхъ ассоціацій, какъ изъ ощущеній чувствъ высшихъ [1]); но за то ощущенія, даваемыя низшими чувствами, взятыя въ отдѣльности, замѣтно напряженнѣе, и находятся въ связи съ такими стремленіями, которыя періодически возрождаются изъ потребностей нашего тѣла.

11. Предоставивъ себѣ развить эти мысли полнѣе при анализѣ отдѣльныхъ видовъ чувствованій и чувственныхъ состояній, изъ нихъ возникающихъ, мы здѣсь укажемъ только читателю на все практическое значеніе, какое имѣетъ для воспитанія этотъ переходъ чувствованій въ чувственныя состоянія. Теперь для насъ будетъ понятно то явленіе, что если мы будемъ кормить дитя роскошнѣйшими блюдами (если бы это было нужно), но все одними и тѣми же, то мы не разовьемъ въ немъ такой страсти ко вкусовымъ ощущеніямъ, какъ тогда, если будемъ кормить его гораздо менѣе изысканнымъ, но разнообразнымъ столомъ, или, кормя его грубымъ столомъ, будемъ при этомъ часто лакомить его разнообразными лакомствами. Съ другой стороны, если мы будемъ вызывать въ ребенкѣ одни и тѣ же чувствованія одними и тѣми же представленіями, то мы мало-по малу заглушимъ въ немъ самое то чувствованіе, которое, быть можетъ, хотѣли упрочить. Если же какое-нибудь чувствованіе будетъ вызываться разными представленіями и въ различ-

[1]) На этомъ различіи, общемъ для всѣхъ людей, Бенеке старался построить общую людямъ нравственность (Lehrb. der Psych. § 248); но, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, эта попытка Бенеке оказалась вполнѣ неудачною. Еще яснѣе для критики высказана эта неудачная попытка у Диттеса, одного изъ ревностнѣйшихъ истолкователей Бенеке. Das Aesthetische, v. Dittes. § 5.

ныхъ комбинаціяхъ, составляющихъ содержаніе какого-нибудь одного глубокаго предмета, то данное чувствованіе будетъ возрастать, пока не найдетъ себѣ предѣловъ въ предѣлахъ самаго предмета; если же этотъ предметъ по содержанію своему безконеченъ, по крайней мѣрѣ, безконеченъ для человѣка, каковы: наука, искусство, религія, то и самое чувство будетъ рости безконечно.

12. Отдѣливъ душевныя чувственныя состоянія отъ элементарныхъ чувствованій, изъ которыхъ эти состоянія слагаются въ связи съ различными представленіями, мы выиграемъ много въ упрощеніи системы и пріобрѣтемъ надежную точку опоры при анализѣ сложныхъ душевныхъ явленій. Не только общество, но даже и психологи говорятъ, напр., о *чувствѣ ненависти*, какъ объ особомъ чувствѣ; но, анализируя это душевное состояніе, мы увидимъ, что въ немъ соединяется и чувство гнѣва, и чувство отвращенія и множество желаній, что въ немъ можно даже замѣтить чувство удовольствія, какъ и чувство страданія, и все это въ самой сложной ассоціаціи разнообразнѣйшихъ представленій. Вотъ почему и самая ненависть бываетъ безконечно разнообразна: это уже не элементарное однородное чувство, а сложный продуктъ душевной жизни.

13. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о такъ называемомъ чувствѣ *любви*. Такого элементарнаго чувства нѣтъ, а есть только невольное влеченіе къ предмету, удовлетворяющему нашимъ стремленіямъ. Въ любви же, какъ и въ ненависти, могутъ быть соединены самыя разнообразныя чувства: и страданіе, и наслажденіе, и радость, и печаль, и страхъ, и смѣлость, и даже гнѣвъ и ненависть. Кромѣ того въ любви уже мы видимъ множество желаній и нежеланій. Это также уже сложный продуктъ душевной жизни, который у каждаго можетъ быть свой особенный, а потому и справедливо, что каждый любитъ по своему. Тоже самое слѣдуетъ сказать о такъ называемыхъ чувствованіяхъ: почтенія, уваженія, благодарности, лести, зависти, злобѣ, и множествѣ другихъ.

14. Понятно теперь, что если бы всѣ эти необычайно сложные и неисчислимо разнообразные продукты душевной жизни принимать за элементарныя, однородныя чувствованія, то не было бы никакой возможности ни перечислить человѣческихъ чувствованій, ни систематизировать ихъ. Если же мы будемъ принимать за однородныя, элементарныя чувствованія только тѣ, которыя не имѣютъ въ себѣ никакой сложности и хотя связываются съ представленіями, но могутъ возникать и независимо отъ нихъ изъ органическихъ состояній тѣла, то это поможетъ намъ какъ перечислить чувствованія, такъ и анализировать потомъ сложныя чувственныя состоянія души.

ГЛАВА XVIII.

Выдѣленіе душевныхъ чувствованій и ихъ раздѣленіе.

1. Словомъ *душевный* мы отличаемъ разсматриваемыя нами чувствованія, во-первыхъ, отъ чувствованій *органическихъ*, а во-вторыхъ, отъ чувствованій *духовныхъ*. Подъ именемъ *органическихъ* чувствованій мы разумѣемъ такія, которыя возникаютъ изъ различныхъ какъ періодическихъ, такъ и патологическихъ состояній тѣлеснаго организма, и причинъ которыхъ, потому самому, мы не сознаемъ. Къ чувствованіямъ *духовнымъ* мы причисляемъ всѣ тѣ, которыя свойственны только человѣку, какъ напр. чувствованія эстетическія и нравственныя. Къ чувствованіямъ же *душевнымъ* мы относимъ всѣ тѣ, причина которыхъ заключается въ отношеніи нашихъ представленій къ нашимъ стремленіямъ, и которую, слѣдовательно, мы сознаемъ. Стремленія наши мы также можемъ раздѣлить на тѣлесныя, душевныя и духовныя. Къ *тѣлеснымъ* стремленіямъ мы отнесли всѣ тѣ, которыя возникаютъ изъ потребностей растительнаго процесса нашего тѣла. *Душевное* стремленіе мы замѣтили только одно—*стремленіе жить*, т. е. стремленіе къ сознательной дѣятельности, что для души одно и тоже. О стремленіяхъ *духовныхъ*, т. е. свойственныхъ только человѣку, намъ предстоитъ говорить впослѣдствіи.

2. Возникновеніе *душевныхъ чувствованій* изъ отношенія представленій къ нашимъ стремленіямъ, какого бы рода эти стремленія ни были, ясно само собою. Все, что удовлетворяетъ нашимъ стремленіямъ, доставляетъ намъ *удовольствіе;* все, что противорѣчитъ имъ,—*неудовольствіе;* все, что мѣшаетъ удовлетворенію нашихъ стремленій и что мы пытаемся преодолѣть, внушаетъ намъ *гнѣвъ;* все, что мѣшаетъ нашимъ стремленіямъ, такъ-что мы не рѣшаемся его преодолѣвать, внушаетъ намъ *страхъ;* все, что кажется намъ способнымъ удовлетворить наши стремленія, влечетъ насъ къ себѣ, внушаетъ намъ симпатію или *влеченіе;* все, что, наоборотъ, кажется намъ противнымъ нашему стремленію, внушаетъ намъ антипатію или *отвращеніе*. Такимъ образомъ, изъ разнообразія отношеній нашихъ стремленій къ нашимъ представленіямъ естественно порождаются въ насъ различныя душевныя чувствованія.

3. Мы сказали: къ нашимъ *врожденнымъ* стремленіямъ; но это выраженіе можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Въ нашей душѣ могутъ возникать различныя чувствованія изъ отношенія представленій къ такимъ стремленіямъ, которыхъ мы никакъ не можемъ назвать врожденными. Такъ напр., человѣкъ, преданный азартной игрѣ, можетъ испытывать гнѣвъ, если что-нибудь мѣшаетъ удовлетворенію его страсти; можно ли же сказать, что здѣсь чувствованіе возникаетъ изъ отношенія представленія къ *врожденному* стремленію? Но, если мы разберемъ даже такое искусственное стремленіе, каково стремленіе къ азартной игрѣ, то

увидимъ въ основѣ его, *во-первыхъ*, прирожденное всякой душѣ стремленіе къ дѣятельности, а *во-вторыхъ* — прирожденное только человѣку стремленіе къ совершенству. Если же изъ такихъ законныхъ стремленій выработалась такая уродливая страсть, то причину этого слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ жизни человѣка, въ его воспитаніи, въ его умственномъ и нравственномъ развитіи. Слѣдовательно, даже и въ отношеніи чувствованій, порождаемыхъ азартною игрою, мы можемъ сказать что они возникаютъ изъ отношенія представленій къ *врожденнымъ* стремленіямъ человѣка, хотя эти врожденныя стремленія подъ вліяніемъ жизни приняли такое уродливое направленіе. Всѣ наши *желанія*, *наклонности* и *страсти*, какъ бы сложны они ни были и какъ бы искусственны ни казались, имѣютъ въ своемъ основаніи врожденное стремленіе. Но такъ-какъ всякое желаніе образуется изъ стремленій посредствомъ жизненнаго опыта, а опыты эти безконечно разнообразны, то изъ одного и того же врожденнаго стремленія можетъ образоваться множество разнообразныхъ желаній, наклонностей и страстей. Одно и тоже стремленіе къ пищѣ, смотря по разнообразію его удовлетворенія, можетъ выработаться во множество разнообразныхъ желаній той или другой пищи, смотря по тому, чѣмъ мы привыкли удовлетворять нашъ голодъ. И еще гораздо плодовитѣе въ этомъ отношеніи душевное стремленіе къ сознательной дѣятельности. Каждая душа выработываетъ для себя особую сферу дѣятельности и въ ней чувствуетъ себя легко, работаетъ широко и безъ препятствій, такъ-что то, что можетъ одному казаться обширною сферою дѣятельности, будетъ казаться для другаго тѣсною тюрьмою и наоборотъ. Понятно, что въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ жизненнаго опыта, опредѣлившаго нашу дѣятельность такъ или иначе.

4. Кромѣ перечисленныхъ выше чувствованій, *удовольствія* и *неудовольствія*, *гнѣва*, *страха*, *влеченія* и *отвращенія*, появленіе которыхъ въ процессѣ удовлетворенія нашимъ стремленіямъ ясно само собою, мы должны причислить къ элементарнымъ чувствованіямъ еще нѣсколько такихъ, помѣщеніе которыхъ въ число *элементарныхъ чувствованій*, прямо порождающихся изъ нашихъ врожденныхъ стремленій, потребуетъ оправданія и доказательства; таковы чувствованія: *скуки*, *стыда*, *самодовольства*, *смѣлости* и *доброты*. Но само собою разумѣется, что оправданіе причисленія этихъ чувствованій къ чувствованіямъ элементарнымъ можетъ возникнуть только изъ подробнаго ихъ анализа.

5. Всѣ исчисленные нами чувствованія вызываются въ душѣ при процессѣ удовлетворенія ею ея врожденныхъ стремленій, откуда бы ни шли эти стремленія: изъ тѣла, души или духа. Но есть еще рядъ особыхъ чувствованій, служащихъ *средствами сознавательнаго процесса*, спеціально удовлетворяющаго стремленію души къ сознательной дѣятельности. Таковы чувствованія: сомнѣнія, удивленія, контраста и др., о которыхъ въ подробности мы скажемъ тогда, когда до нихъ дойдетъ дѣло. Чтобы отличить эти чувствованія, въ которыхъ и посредствомъ

которыхъ совершается самый процессъ сознательной дѣятельности, мы назовемъ ихъ *душевно-умственными* чувствованіями въ отличіе отъ тѣхъ, которыя порождаются изъ самаго процесса удовлетворенія стремленій, но существуютъ какъ бы внѣ сознавательнаго процесса, и которыя мы назовемъ *душевно-сердечными*, по особенному чисто физіологическому вліянію ихъ на сердце, нервная система котораго преимущественно подвергается вліянію душевныхъ волненій [1]).

6. Итакъ мы раздѣляемъ всѣ чувствованія на три рода: а) *органическія*, б) *душевныя* и в) *духовныя*, изъ которыхъ разсматриваемъ здѣсь только душевныя, такъ какъ наблюденіе надъ *органическими* можетъ быть только отрывочное, а наблюденіе надъ *духовными* предстоитъ намъ въ 3-й части нашей антропологіи.

7. *Душевныя* чувствованія мы опять раздѣляемъ на два рода: а) *душевно-сердечныя* и б) *душевно-умственныя*. Подъ именемъ *душевно-сердечныхъ* мы разумѣемъ такія, которыя порождаются изъ отношенія представленій къ нашимъ стремленіямъ; подъ именемъ вторыхъ, *душевно-умственныхъ*, мы разумѣемъ такія, которыя сопровождаютъ умственный процессъ прилаживанія новыхъ представленій къ вереницамъ и сѣтямъ прежнихъ. Новое представленіе, которое противорѣчитъ прежнимъ, *удивитъ* насъ, но *не испугаетъ* и *не разсердитъ* до тѣхъ поръ, пока мы не поймемъ его отношенія къ нашимъ стремленіямъ. *Душевно-умственныя* чувствованія порождаются *умственной* оцѣнкой; тогда какъ *сердечныя* порождаются оцѣнкою сердечною, т. е. нашими интересами или, еще проще, нашими врожденными стремленіями, въ какую бы сложную форму желаній, наклонностей и страстей они не выработались.

8. Мы займемся сначала чувствованіями *душевно-сердечными*, причисляя къ нимъ *пять* антагонистическихъ *паръ* сердечныхъ чувствованій, а именно: 1) *удовольствіе* и *неудовольствіе;* 2) *влеченіе* и *отвращеніе;* 3) *гнѣвъ* и *доброту;* 4) *страхъ* и *смѣлость* и 5) *стыдъ* и *самодовольство*.

ГЛАВА XIX.

Виды *душевно-сердечныхъ* чувствованій: 1) удовольствіе и неудовольствіе.

1. Нѣтъ чувствованій чаще повторяющихся, какъ чувствованія *удовольствія* и *неудовольствія;* но, не смотря на такое частое повтореніе, а можетъ быть именно по причинѣ его, чувствованія эти представляютъ наибольшую трудность для анализа. Не было ни одного психолога, ни одного философа и ни одного моралиста, который не употребилъ бы значительныхъ стараній къ изученію этихъ чувствованій. Они были главнымъ предметомъ спора между стоиками и эпикурейцами; на томъ или

[1]) Wundt. Menschen-und Thier-Seele. B. II. S. 23.

другомъ толкованіи ихъ софисты основывали свои моральныя прави. Платонъ во множествѣ діалоговъ затрогиваетъ этотъ предметъ и посвящаетъ ему исключительно цѣлый длинный діалогъ, подъ заглавіемъ «Филебъ» или объ удовольствіи [1]). Аристотель въ своей «Этикѣ» посвящает нѣсколько главъ [2]) опредѣленію чувства удовольствія и неудовольствія а въ своей «Риторикѣ» вновь возвращается къ тому же предмету. В новой философіи и психологіи, начиная Декартомъ и оканчивая Бэномъ и Вундтомъ, нѣтъ мыслителя и нѣтъ психолога, который не почувствовалъ бы на себѣ всей трудности анализа чувствованій удовольствія и неудовольствія и въ то же время всю основную важность этого анализа какъ для психологіи, такъ и для морали. Все это даетъ намъ право надѣяться, что люди, знакомые съ трудностями этого анализа и понимающіе въ то же время всю громадную важность его для идеи воспитанія, извинятъ насъ, что мы, затрогивая уже нѣсколько разъ этотъ вопросъ, будемъ снова и снова къ нему возвращаться. Въ этой главѣ мы займемся, если можно такъ выразиться, одною психическою исторіею этихъ противоположныхъ чувствованій, не переходя нигдѣ къ ихъ моральному значенію; другими словами, мы будемъ разсматривать здѣсь чувствованія удовольствія или неудовольствія только какъ виды *чувствованій*, а не какъ *мотивы для нашей дѣятельности*, что ожидаетъ насъ въ главахъ о волѣ.

2. Мы думаемъ, что трудность наблюденія надъ чувствованіями удовольствія или неудовольствія не мало увеличивается тѣмъ, что они имѣютъ способность соединяться со множествомъ другихъ душевныхъ явленій, а именно: со всѣми возможными *ощущеніями* и даже со всѣми возможными *чувствованіями*. Но не должна ли самая эта способность этихъ чувствованій соединяться со всѣми ощущеніями и чувствованіями навести насъ на мысль, что само по себѣ чувство удовольствія и неудовольствія является чѣмъ то самостоятельнымъ, особеннымъ отъ тѣхъ чувствованій и ощущеній, которыя имъ сопровождаются. Другими словами, не должно ли быть во всѣхъ *пріятныхъ* ощущеніяхъ что-нибудь *общее*, чему придалъ человѣкъ общее имя *удовольствія*, и во всѣхъ *непріятныхъ* также что-нибудь общее, что человѣкъ назвалъ общимъ именемъ *неудовольствія?* «Языкъ людей—говоритъ Гезіодъ, цитируемый Аристотелемъ,—никогда не ошибается вполнѣ», и мы думаемъ, что въ такой общности термина, прилагаемаго къ самымъ разнообразнымъ ощущеніямъ и чувствованіямъ, есть вѣрное основаніе: мѣткое психологическое наблюденіе, сдѣланное человѣчествомъ.

3. Необходимость признанія самостоятельности анализируемыхъ нами чувствованій выкажется еще яснѣе, если мы припомнимъ, что одно и тоже ощущеніе, нисколько не измѣняясь въ своемъ специфическомъ характерѣ, можетъ сегодня вызвать въ человѣкѣ чувство удовольствія, а

[1]) Dialogues de Platon. XII-me serie. Edit. Charpantier. Philèbe ou du plaisir.
[2]) *Arist*. Nicom. Eth. B. VII. Kap. II, §§ 13 и 14.

втра въ томъ же человѣкѣ чувство неудовольствія, хотя человѣкъ знаетъ, что самое ощущеніе не измѣнилось. Чувство аппетита или ождающагося голода можетъ вызвать въ человѣкѣ чувство удовольствія чувство неудовольствія, смотря по тому, имѣетъ ли онъ въ виду хошій обѣдъ или нѣтъ. Можно конечно сказать, что здѣсь мы испытываемъ разомъ чувство удовольствія и чувство неудовольствія [1]; но такое заключеніе будетъ явно несправедливымъ, ибо очевидно невозможно испытывать одной душѣ въ одно и тоже время два такія противоположныя, уничтожающія другъ друга чувствованія, каковы удовольствіе неудовольствіе. Можно не испытывать ни того ни другаго; но испытывать оба вмѣстѣ — невозможно. Здѣсь мы должны только признать, то чувства голода и жажды суть специфическія внутреннія или органическія *ощущенія* душою тѣхъ или другихъ состояній въ организмѣ, самое чувство удовольствія или неудовольствія есть уже отзывъ души а эти ощущенія.

4. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ отношеніи *чувствованія* неудовольствія или страданія къ органическому *ощущенію боли*. Если мы тдѣляемъ зрительныя ощущенія отъ удовольствія и неудовольствія, оторыми они могутъ сопровождаться и несопровождаться, то на какомъ е основаніи не отдѣлимъ мы чувствованія непріятности боли отъ самаго щущенія боли? Боль есть такое же специфическое ощущеніе даннаго остоянія тѣхъ или другихъ нервовъ, какъ и всякое другое. При перерѣзѣ глазнаго нерва ощущается не боль, а свѣтъ; при пораженіи слуховыхъ нервовъ ощущается не боль, а звукъ [2]; при пораженіи нервовъ, передающихъ боль, ощущается не звукъ, не свѣтъ,—а боль.

5. Боль, какъ извѣстно, происходитъ отъ самыхъ разнообразныхъ нѣшнихъ причинъ; но точно также отъ разнообразныхъ внѣшнихъ причинъ могутъ происходить и свѣтъ, и звукъ, и ощущеніе запаха. Въ щности же внутренняя причина боли должна быть одна и таже, а менно: насильственное сближеніе или насильственное разъединеніе частицъ нервовъ, переходящее предѣлы, положенные динамическими законами организма. Боль въ этомъ случаѣ есть спасительный указатель, то частицы организма приходятъ между собою въ такое соотношеніе, оторое угрожаетъ жизни или здоровью организма; а страданіе, испытываемое при *ощущеніи* боли, есть спасительный голосъ природы, который, необъяснимо для насъ самихъ, говоритъ душѣ, что удовлетвореніе стремленія къ жизни находится въ опасности. Правда, мы не понимаемъ, откуда идетъ этотъ голосъ, а потому и называемъ его голосомъ антастическаго существа или природы; но тѣмъ не менѣе мы можемъ змѣнить этотъ голосъ въ нашемъ сознаніи. Человѣкъ, напр., у котоаго рука отнята параличемъ, очень обрадовался бы, почувствовавъ въ ей боль, и не съ удовольствіемъ, а съ истиннымъ наслажденіемъ при-

---

[1]) Philèbe ou du plaisir, p. 474.

[2]) Пед. Антроп. ч. I, гл. X, п. 11; а также ср. гл. VII, пп. 21, 25.

слушивался бы въ этой боли. Больной, котораго увѣрили, что ощущеніе горчичника есть симптомъ возможности выздоровленія, съ истиннымъ наслажденіемъ испытываетъ боль, производимую горчичникомъ. Физіологъ или психологъ, изучающій самъ на себѣ характеристику различныхъ видовъ боли, можетъ съ неудовольствіемъ испытывать, что боль проходитъ. Конечно, на это могутъ замѣтить, что такія явленія возможны только въ низкихъ степеняхъ боли, а когда боль усиливается, то человѣкъ не можетъ уже не страдать. Это зависитъ отъ силы воли, отъ занимающей насъ идеи; но для насъ важна здѣсь самая возможность этого явленія, а не его степень. Преданіе же говоритъ, что фанатизмъ нерѣдко заставлялъ людей съ удовольствіемъ переносить такія ощущенія боли, которыя пугаютъ насъ своею громадною напряженностью.

6. Признаемъ же ощущеніе голода, жажды, температуры, ощущеніе потребности движеній, ощущеніе щекота, тошноты, равно какъ и разнообразныя ощущенія боли за такія же специфическія ощущенія, каковы ощущенія зрѣнія, вкуса, слуха и т. д. Между двумя этими родами ощущенія только та разница, что такъ называемыя *внѣшнія* ощущенія по особенному своему свойству, передаютъ намъ познаніе о вещахъ, внѣ насъ лежащихъ, тогда какъ *ощущенія* внутреннія извѣщаютъ насъ о состояніяхъ нашего собственнаго организма. Чувствованіе же удовольствія или неудовольствія можетъ сопровождать или не сопровождать какъ тѣ, такъ и другія, и является показателемъ отношенія этихъ ощущеній къ стремленію, живущему въ человѣкѣ: къ стремленію *быть* во всѣхъ его видахъ, и къ стремленію *жить* сознательной жизнію [1]. Это отношеніе мы можемъ понимать и можемъ только чувствовать: въ первомъ случаѣ у насъ возникаетъ *органическое* чувствованіе удовольствія или неудовольствія, причины котораго мы не сознаемъ непосредственно, а во второмъ—чувствованіе *душевное*. Но самое содержаніе чувствованія, какъ при томъ, такъ и при другомъ его происхожденіи, будетъ одно и тоже.

7. Мы увидимъ далѣе, что чувствованіе удовольствія и неудовольствія комбинируется съ другими чувствованіями, изъ которыхъ одни всегда сопровождаются неудовольствіемъ или удовольствіемъ, а другія могутъ сопровождаться то удовольствіемъ, то неудовольствіемъ. Такъ напр., чувство скуки всегда непріятно; но точно также всегда непріятно и чувство стыда. Однакоже никто не смѣшаетъ чувства стыда съ чувствомъ скуки. Слѣдовательно, чувство неудовольствія не должно быть смѣшиваемо ни съ чувствомъ стыда, ни съ чувствомъ скуки, хотя всегда ихъ сопровождаетъ. Тѣмъ болѣе нельзя смѣшать его съ чувствомъ *гнѣва*, которое мы иногда нарочно поддерживаемъ въ себѣ, такъ какъ оно намъ нравится, — или съ чувствомъ *любви*, которое можетъ то мучить насъ, то доставлять намъ удовольствіе. Признавъ самостоятельность чувства удовольствія и неудовольствія и его отдѣльность из[illegible]

[1]) См. выше, гл. VIII пп. 1 и 2.

отъ *другихъ чувствованій*, такъ и отъ *ощущеній*, мы можемъ теперь приступить къ ближайшему его изученію.

8. «Удовольствіе — говоритъ Аристотель — есть опредѣленное возбужденіе души и въ тоже время ощутительно-успокоивающій переходъ ея въ состояніе, соотвѣтствующее ея природѣ» [1]). Въ этомъ опредѣленіи есть нѣкоторое противорѣчіе: возбужденіе не есть успокоеніе, а успокоеніе не всегда доставляетъ душѣ удовольствіе, такъ какъ самое отсутствіе возбужденія сопровождается непріятнымъ чувствомъ скуки. Справедливо же въ этомъ опредѣленіи то, что чувство удовольствія или неудовольствія совершенно условливается стремленіями человѣка, сознаетъ ли онъ эти стремленія въ видѣ опредѣленныхъ желаній, или безсознательно подчиняется имъ. Чувство неудовольствія будетъ именно чувствованіе человѣкомъ того гнета, которымъ сказываются живущія въ немъ стремленія при ихъ неудовлетвореніи. Чувствованіе же удовольствія есть ничто иное, какъ ощущеніе уменьшенія этого гнета или его совершеннаго прекращенія, когда стремленія удовлетворяются. Все же остальное въ удовольствіи или неудовольствіи будетъ специфическимъ ощущеніемъ или специфическимъ чувствованіемъ, которыя могутъ сопровождать чувство удовольствія, но могутъ и не сопровождать его. Такъ человѣкъ испытываетъ весьма ясное удовольствіе, когда боль прекращается, хотя это удовольствіе не сопровождается никакимъ опредѣленнымъ ощущеніемъ или чувствованіемъ. Къ этому же роду *чистыхъ* удовольствій (чистыхъ въ психическомъ, а не въ моральномъ смыслѣ) принадлежитъ чувство отдыха, смѣняющее чувство усталости. Мы не испытываемъ при этомъ никакихъ особыхъ ощущеній или чувствованій, а наслаждаемся только исчезновеніемъ страданія. Но чувство удовольствія, тѣмъ не менѣе, такъ ясно при этомъ, что Кантъ не затруднился назвать отдыхъ однимъ изъ напряженнѣйшихъ и законнѣйшихъ наслажденій.

9. Всѣ эти наблюденія и соображенія побуждаютъ насъ не соглашаться съ Бэномъ, когда онъ говоритъ:

«Какъ есть различнаго рода сладости, такъ есть и *качественное* различіе между различнаго рода удовольствіями и неудовольствіями. Чувство, вызываемое великимъ произведеніемъ искусства, совершенно отличается отъ удовольствія игры или взрыва любви. Всѣ они имѣютъ *нѣчто общее;* но каждому, кромѣ того, принадлежитъ своя особая характеристическая печать» [2]). Мы же видимъ, что эта «характеристическая печать» различнаго рода удовольствій принадлежитъ не самому чувству удовольствія, а тому тѣлесному или душевному явленію, которымъ оно вызывается. Само же чувство удовольствія или неудовольствія *по качеству* своему всегда одинаково, а различается только *количественно:* во-первыхъ, по степени своей напряженности; а во-вторыхъ, по степени своего постоянства и обширности.

---

[1]) Rhet. B. I, Kap. 2, § 1.

[2]) The Emotion, p. 30.

10. Степень напряженности удовольствія, какъ мы уже видѣли, зависитъ отъ силы самаго стремленія и степени неудовольствія, имъ возбуждаемаго. Въ этомъ отношеніи какъ удовольствіе, такъ и неудовольствіе имѣютъ безчисленныя градаціи, и могутъ доходить отъ едва замѣтнаго довольства или недовольства до невыносимыхъ страданій и захватывающихъ душу наслажденій.

11. Степень же постоянства и обширности удовольствія или неудовольствія зависитъ уже отъ обширности и прочности сочетаній тѣхъ представленій, которыми вызываются эти чувствованія. Вотъ почему, а не отъ качественнаго различія въ самомъ чувствѣ удовольствія, драма Шекспира, разыгранная хорошо, доставляетъ намъ такое обширное наслажденіе, что его, повидимому, нельзя и сравнивать съ наслажденіемъ вкусною пищею, которое можетъ быть очень напряженно, но всегда останется узкимъ и быстро преходящимъ. Самъ же Бэнъ, въ другомъ мѣстѣ, нападаетъ на мысль, которая могла бы не допустить его до ошибки. «Наслажденіе хорошимъ кушаньемъ, замѣчаетъ онъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ кушаньемъ; а хорошая новость, услышанная по-утру, оживляетъ насъ радостнымъ чувствомъ на цѣлый день». Это явленіе объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что вкусовыя ощущенія, какъ мы видѣли выше [1]), или вовсе не припоминаются, или очень слабо, а во-вторыхъ, тѣмъ, что вкусовое ощущеніе есть ощущеніе одиночное, тогда-какъ хорошая новость есть огромное сочетаніе представленій, изъ которыхъ каждое внушаетъ душѣ свое отдѣльное чувствованіе, а всѣ они сливаются въ сумму обширной и продолжительной радости. Еслибы Бэнъ отдѣлилъ, какъ это сдѣлали мы, *чувствованія* отъ *чувственныхъ состояній души*, то не впалъ бы въ такую ошибку.

12. Какъ удовольствіе, такъ и неудовольствіе, соединившись съ представленіями, не проходятъ для души безслѣдно, но оставляютъ свой слѣдъ въ слѣдахъ тѣхъ самыхъ представленій, которыми были вызваны. Мы не будемъ разыскивать вмѣстѣ съ Бэномъ, что̀ лучше вспоминается человѣкомъ — удовольствіе или страданіе [2]), такъ-какъ мы думаемъ, что это одинаково для обоихъ чувствованій, и зависитъ отъ ихъ интензивности и свойства представленій, съ которыми они слились; но обратимъ вниманіе на то, что *припоминать* удовольствіе и *перечувствовать* его вновь, хотя и не съ первобытной силой, не одно и тоже. Вспоминая напр. хорошую картину, которую я видѣлъ, я могу ощущать удовольствіе, болѣе или менѣе напряженное; но вспоминая протекшее удовольствіе, я испытываю даже неудовольствіе именно отъ того, что не испытываю уже болѣе минувшаго удовольствія. Такъ воспоминанія молодости могутъ сопровождаться то удовольствіемъ, то неудовольствіемъ, смотря по тому, какъ вспоминающій относится къ нимъ: если онъ *прямо вспоминаетъ какое-нибудь счастливое событіе* своей

[1]) Пед. Антр. ч. I, гл. VII, пп. 17 и 18.

[2]) The Emotion, p. 85.

молодости, то сердце его наполняется удовольствіемъ; если же онъ думаетъ, что это событіе миновалось и не воротится болѣе, то сердце его наполняется грустью. Присмотритесь и прислушайтесь, какъ старики разсказываютъ воспоминанія своей молодости, и вы замѣтите, какъ у нихъ улыбки смѣняются вздохами и вздохи улыбками.

13. Еще яснѣе подмѣчается то же явленіе при воспоминаніи протекшихъ страданій. Одно и то же воспоминаніе оскорбленія, полученнаго въ дѣтствѣ, можетъ наполнить душу человѣка пріятнымъ чувствомъ или горечью и злобою, смотря по тому, какъ человѣкъ отнесется къ своему воспоминанію. Если онъ взглянулъ на свое дѣтство какъ на нѣчто давно минувшее, съ чѣмъ нѣтъ у него болѣе никакой связи, то воспоминаніе дѣтскихъ страданій вызоветъ у него пріятное чувство; если же, наоборотъ, вспоминающій видитъ въ припоминаемомъ ребенкѣ тождественную съ нимъ личность — если, напр., онъ думаетъ о томъ, какое дурное вліяніе имѣло на всю его жизнь грубое обращеніе наставниковъ, или просто, наконецъ, силою воображенія переносится совершенно въ свою дѣтскую личность, то сердце его опять чувствуетъ жало оскорбленія и чувствуетъ, можетъ быть, даже сильнѣе, чѣмъ чувствовало въ то время, когда оскорбленіе было нанесено. При сильномъ воображеніи можно даже произвольно дѣлать этотъ опытъ и, вспоминая напр. протекшую опасность, то почувствовать мученіе страха, то удовольствіе, что эти мученія миновались. Эта способность произвольно вызывать чувство черезъ посредство воображенія даетъ игрѣ хорошихъ актеровъ оттѣнокъ глубокой истины, потрясающій публику.

14. Наблюдая далѣе надъ своими воспоминаніями, проникнутыми чувственнымъ характеромъ, мы можемъ замѣтить и другую весьма важную характеристическую черту отношеній между этими двумя антагонистами — удовольствіемъ и неудовольствіемъ. Соединенныя вмѣстѣ въ одномъ одновременномъ представленіи или сочетаніи представленій, они дѣйствуютъ другъ на друга какъ отрицательныя и положительныя величины, сведенныя въ одинъ итогъ. Поставленныя же рядомъ, но не слитыя въ одномъ представленіи, каждое изъ нихъ увеличиваетъ напряженность своего сосѣда всею силою своей противоположной напряженности. Пояснимъ примѣромъ оба случая.

15. Какъ сила жара, говоритъ Бэнъ, можетъ быть измѣряема количествомъ растапливаемаго имъ снѣга, такъ и сила удовольствія, относительно своего дѣйствія на душу, можетъ быть измѣряема количествомъ тѣхъ страданій, которыя оно въ состояніи утишить [1]). Дѣйствительно, если какое нибудь удовольствіе заставляетъ человѣка пренебрегать страданіями, то оно должно быть сильнѣе этихъ страданій. Но какъ тающій снѣгъ, превращаясь въ воду, поглощаетъ тепло изъ окружающей его атмосферы и охлаждаетъ ее, такъ и элементъ страданій, если не можетъ преодолѣть элемента удовольствій, заключающагося въ

[1]) The Emotion p. 30.

одномъ и томъ же представленіи, то ослабляетъ его на всю силу этихъ страданій.

16. Совершенно обратное явленіе происходитъ тогда, если представленія, проникнутыя противоположными чувствованіями, или такія, что въ итогѣ каждаго выходятъ противоположныя чувствованія, стоятъ рядомъ, не соединяясь: тогда пріятное представленіе усиливаетъ свою пріятность всею силою непріятности непріятнаго, и наоборотъ. Стоитъ вспомнить о своей бывшей бѣдности, чтобы гораздо сильнѣе почувствовать удовольствіе отъ своего настоящаго богатства, и наоборотъ: стоитъ вспомнить свое прожитое богатство, чтобы гораздо сильнѣе почувствовать свою настоящую бѣдность. Отъ этого же зависитъ то явленіе, что, сидя въ уютной комнатѣ, въ веселомъ кругу, у свѣтлаго камина, мы сильно увеличиваемъ свое удовольствіе, вспоминая или воображая вьюгу, холодъ, мракъ и уединеніе, царствующіе за стѣнами. Если человѣкъ подмѣчаетъ эту особенность во взаимномъ отношеніи чувствованій удовольствія и неудовольствія и пользуется ею, чтобы усилить напряженность своихъ наслажденій, то можетъ придти къ самымъ уродливымъ страстямъ. Но такъ-какъ эта способность самонаблюденія принадлежитъ только человѣку, то и эти страсти, возникающія черезъ посредство такого самонаблюденія, составляютъ только человѣческую принадлежность.

17. Такимъ образомъ, если мы одновременно представляемъ себѣ болѣе или менѣе обширную ассоціацію представленій, изъ которыхъ одни проникнуты непріятными чувствами, а другія — пріятными, такъ однакожъ, что въ суммѣ непріятныхъ будетъ менѣе, чѣмъ пріятныхъ, тогда *общее* впечатлѣніе всей ассоціаціи будетъ пріятное, но уменьшенное суммою всѣхъ непріятныхъ представленій. Если же представляемая ассоціація такъ обширна, какъ напр. вся наша протекшая жизнь, и мы, не обнимая ее разомъ, перебираемъ въ ней одно представленіе за другимъ, то пріятность *теперь* ощущаемаго представленія выиграетъ въ напряженности отъ сосѣдства съ *протекшимъ* непріятнымъ, и наоборотъ; подъ конецъ же всего процесса останется у насъ воспоминаніе сильной, живой душевной дѣятельности, которая всегда душѣ пріятна. Вотъ почему человѣкъ любитъ вспоминать свою протекшую жизнь, какъ бы она грустно ни прошла.

18. Замѣчательно однако, что воспоминаніе какой нибудь низости, сдѣланной нами, какого нибудь нравственнаго проступка—всегда непріятно; но это явленіе не противорѣчитъ общему закону и доказываетъ только, что мы чувствуемъ солидарность съ нами всѣхъ нашихъ поступковъ во всю нашу жизнь, такъ-что безнравственный поступокъ, совершенный нами въ дѣтствѣ, свидѣтельствуетъ намъ вообще о всемъ нашемъ характерѣ именно потому, что настоящій характеръ нашъ есть выводъ всей нашей жизни. Еще же замѣчательнѣе то явленіе, что если мы даже и сознаемъ, что измѣнились къ лучшему и что безнравственный поступокъ, сдѣланный нами прежде, теперь уже для насъ

невозможенъ, то и тогда мы не перестаемъ совѣститься за него, если только усиленнымъ дѣйствіемъ нашего воображенія не разобьемъ нашу жизнь на части. Вотъ чувственное доказательство тожденности нашей души во всѣ моменты ея жизни.

19. Бываютъ, правда, и такія явленія, что человѣкъ съ какою-то радостью разсказываетъ свои прежніе проступки; но это уже происходитъ отъ того, что онъ не считаетъ эти проступки своими, а объясняетъ ихъ, напримѣръ, вліяніемъ окружающей среды и представляетъ себя несчастною жертвою этихъ вліяній. Если же, наконецъ, какъ это иногда бываетъ у закоренѣлыхъ злодѣевъ, человѣкъ просто хвастается своими злодѣйствами, то это именно потому, что онъ смотритъ на ихъ силу, на ихъ количественную, а не на ихъ качественную сторону. «Но нѣтъ человѣка, какъ справедливо замѣчаетъ Броунъ, который, независимо отъ сладостныхъ плодовъ проступковъ, не пожелалъ бы имѣть чистой совѣсти. Это, быть можетъ, единственное *общее желаніе* всѣхъ людей»[1]).

20. Практическое значеніе чувствованій удовольствія и неудовольствія громадно. Это именно тѣ средства, которыми природа заставляетъ насъ выполнять ея требованія. Если бы органическое ощущеніе голода не сопровождалось страданіями, то человѣкъ умеръ бы отъ голода вскорѣ послѣ рожденія. Если бы стремленіе къ родовому существованію не было обставлено такими сильными побудками страданій и наслажденій, то родовое существованіе животныхъ организмовъ не было бы ничѣмъ обезпечено. Если бы скука не сопровождалась мучительнымъ чувствомъ, то что бы заставило человѣка перейти къ свободной дѣятельности, невынужденной тѣлесными заботами? *Удовольствіемъ* и *страданіемъ* природа подталкиваетъ и заманиваетъ и человѣка, и животное къ выполненію тѣхъ стремленій, которыя вложены въ ихъ тѣло и душу.

21. Это, безспорно, огромное значеніе чувствованій страданія и удовольствія въ жизни живыхъ существъ побудило многихъ философовъ и психологовъ видѣть въ этихъ чувствованіяхъ разгадку всѣхъ поступковъ, всѣхъ желаній и даже всѣхъ прочихъ чувствованій человѣка. И эта мысль совершенно справедлива, если мы только дополнимъ ее тѣмъ соображеніемъ, что сами эти чувствованія, удовольствія и неудовольствія, выходятъ изъ врожденныхъ тѣлу и душѣ стремленій, и что, такимъ образомъ, первою причиною дѣятельности живыхъ существъ является само *стремленіе*. Мать не потому любитъ свое новорожденное дитя, что эта любовь доставляетъ ей удовольствіе; а потому любовь доставляетъ ей удовольствіе, что она любитъ[2]). Чувство же это, какъ мы видѣли, пробуждается въ матери органическимъ состояніемъ, независимо отъ всякаго представленія о страданіяхъ или удовольствіяхъ. Любовь иногда страшно мучитъ насъ, но, тѣмъ не менѣе, остается въ

[1]) Brown., p. 418.
[2]) Ibid. p. 427.

душѣ нашей. Многіе съ удовольствіемъ вырвали бы изъ сердца чувство зависти, но продолжаютъ завидовать, не смотря на горечь этого чувства и на то отвращеніе, которое они сами къ нему питаютъ.

22. Особенная же односторонность этого сенсуалистическаго взгляда на удовольствіе и неудовольствіе оказывается въ приложеніи къ тому стремленію, которое мы назвали стремленіемъ души къ сознательной дѣятельности. Къ сознательной дѣятельности въ ея чистотѣ человѣкъ побуждается *непріятностью* скуки, но при удовлетвореніи этому стремленію не чувствуетъ *удовольствія*. Человѣку, именно, свойственно увлекаться идеей того дѣла, которое онъ дѣлаетъ, безъ всякаго расчета на полученіе какихъ бы то ни было удовольствій или во избѣжаніе какихъ бы то ни было страданій. Напротивъ, часто человѣкъ для осуществленія своей идеи пренебрегаетъ и удовольствіями, и страданіями, и когда работаетъ, то не чувствуетъ ни тѣхъ, ни другихъ. И только при такомъ отношеніи человѣка къ дѣлу для него возможно *творчество*, какъ это мы увидимъ ниже.

ГЛАВА XX.

Виды *душевно-сердечныхъ* чувствованій: 2) чувствованіе влеченія и отвращенія.

1. Ни однимъ сердечнымъ чувствомъ не занимались люди столько, сколько *любовью*. Вся такъ называемая изящная литература преимущественно посвящена всевозможнымъ проявленіямъ этого чувства. Философы и психологи видѣли ясно, сколько важныхъ явленій индивидуальной и общественной жизни человѣка зиждется на чувствѣ любви; но, не смотря на это, оно осталось едва ли не самымъ неопредѣленнымъ изъ всѣхъ сердечныхъ чувствованій.

2. Аристотель, въ своей «Реторикѣ», говоритъ: «любить—значитъ желать другому того, что считаешь за благо, и желать при томъ не ради себя, но ради того, кого любишь, и стараться по возможности доставить ему это благо» [1]). Въ этомъ *высокомъ* опредѣленіи любви мы видимъ, съ одной стороны, что здѣсь чувство смѣшано съ желаніемъ, тогда какъ очевидно, что чувство любви побуждаетъ насъ желать блага любимому существу, а не желаніе блага пробуждаетъ въ насъ чувство любви; съ другой стороны, подъ это опредѣленіе не подойдутъ вовсе тѣ явленія любви, въ которыхъ человѣкъ не думаетъ о счастіи любимаго предмета, а только объ обладаніи имъ. Наконецъ, мы замѣтимъ, что Аристотель самъ противорѣчитъ своему опредѣленію, выставляя нѣсколько ниже *доброжелательство*, какъ особый видъ чувствованій, и опредѣляя это чувство такъ, что совершенно смѣшиваетъ его съ чувствомъ любви, такъ-какъ и доброжелательнымъ онъ называетъ того, кто расположенъ сдѣлать другому какое нибудь благо, не руково-

---

[1]) Rheat. B. II. Kap. IV. § 2.

дясь при этомъ никакими личными разсчетами, а именно только желаніемъ сдѣлать что-нибудь хорошее тому, къ кому онъ расположенъ [1]).

3. Декартъ, придерживаясь своей странной системы «животныхъ газовъ», говоритъ, что «любовь есть душевное движеніе, вызываемое движеніемъ газовъ, побуждающихъ душу соединяться добровольно съ предметами, которые кажутся душѣ пріятными, тогда-какъ ненависть есть душевное движеніе, которое побуждаетъ душу желать отдѣленія отъ предметовъ, представляющихся ей вредными» [2]). Правда, Декартъ при этомъ прибавляетъ, что онъ упоминаетъ здѣсь о «газахъ» именно для того, чтобъ отличить любовь и ненависть, зависящія отъ тѣла, «отъ сужденій, также побуждающихъ душу къ добровольному соединенію съ предметами, которые она считаетъ хорошими, и къ удаленію отъ тѣхъ, которые она считаетъ дурными». При этомъ Декартъ намекаетъ, что и самая любовь, возбужденная сужденіями, отличается отъ любви, возбуждаемой «животными газами». Другими словами, Декартъ хочетъ отличить органическое чувство любви отъ душевнаго; но чувство любви, чѣмъ бы оно ни возбуждалось, всегда въ душѣ одно и то же. Кромѣ того, хотя любовь и выражается въ желаніи соединиться съ любимымъ предметомъ, но само по себѣ чувство любви еще не есть желаніе. Наконецъ, мы знаемъ возможность такой высокой любви, когда человѣкъ добровольно удаляется отъ любимаго предмета, только чтобы доставить ему счастье. Аристотель, слѣдовательно, опредѣляетъ любовь слишкомъ высоко, а Декартъ — слишкомъ низко: оба же они, опредѣляя любовь желаніемъ, опредѣляли послѣдствія чувства любви, а не самое это чувство.

4. Выдѣленіе самаго чувства любви мы могли бы ожидать найти у Спинозы; но, увлеченный своею теоріею, выводящею всѣ чувствованія изъ радости и печали, Спиноза опредѣляетъ любовь «какъ чувство радости, сопровождаемое идеею ея внѣшней причины» [3]). Неточность этого опредѣленія кидается въ глаза сама собою. Чувство любви не всегда сопровождается чувствомъ радости, а иногда и чувствомъ горя; но отъ этой перемѣны сопровождающихъ ея чувствъ любовь не перестаетъ быть любовью; слѣдовательно, она есть чувство отдѣльное, независящее отъ радости и печали. Кромѣ того, опредѣливъ любовь какъ опредѣляетъ ее Спиноза, мы не отличимъ ее отъ того радостнаго чувства, которое испытываетъ иногда человѣкъ, при видѣ гибели и страданій ненавистнаго ему предмета.

5. Спиноза вооружается противъ опредѣленія любви, даннаго Декартомъ «какъ желанія соединиться съ любимымъ предметомъ», говоря, что это только одно изъ свойствъ любви, а не ея сущность. Но кто же можетъ опредѣлить *сущность* любви? Это также невозможно, какъ

---

[1]) Ib. Kap. VII. § 2.

[2]) Descartes. Passions de l'âme. Art. 79.

[3]) Spinosa. Eth. P. III. Appen. § 5.

опредѣлить сущность зеленаго или краснаго цвѣта. Вопросы: что такое любовь или что такое гнѣвъ — такіе же безотвѣтные вопросы, какъ и что такое сладость, или что такое свѣтъ, или что такое холодъ. «Любовь, говоритъ совершенно справедливо Бэнъ, — есть одинъ изъ тѣхъ послѣднихъ психологическихъ фактовъ (an ultimate fact), котораго условія и характеръ мы можемъ изучать и опредѣлять, но котораго мы не можемъ уже разложить» [1]). Доходя до такихъ послѣднихъ психологическихъ фактовъ, точно также, какъ и доходя до послѣднихъ, уже далѣе неразлагаемыхъ фактовъ природы, человѣку остается только указывать на нихъ: но опредѣлять ихъ сущности онъ не можетъ, ибо опредѣленіе сущности есть не болѣе, какъ анализъ или разложеніе понятія опредѣляемаго предмета.

6. Напрасно мы искали бы болѣе точной характеристики любви у другихъ психологовъ, слѣдующихъ за Спинозою. Такъ, обратившись къ Локку, мы найдемъ, что онъ выводитъ любовь изъ удовольствій, доставляемыхъ человѣку тѣмъ или другимъ предметомъ. «Если кто-нибудь, говоритъ Локкъ, обратится къ мысли, которую онъ имѣетъ о томъ удовольствіи, какое можетъ доставить присутствующій или отсутствующій предметъ, онъ имѣетъ *идею*, называемую нами любовью» [2]). Но прежде всего, любовь вовсе не есть *идея*, а *чувство*, которое можетъ соединяться съ самыми различными идеями. Потомъ Локкъ требуетъ уже самонаблюденія, чтобы могло появиться чувство любви, требуетъ обращенія человѣка на собственную свою мысль. Но это противорѣчитъ самому простому наблюденію: мы замѣчаемъ въ себѣ чувство любви прежде, чѣмъ подумаемъ объ отношеніи нашемъ къ предмету.

7. Ридъ какъ бы не признаетъ отдѣльности чувства любви, и помѣщаетъ ее вообще въ число добрыхъ чувствъ (benevolent affections); а самыя эти добрыя чувства онъ причисляетъ къ стремленіямъ, которыя Творецъ вложилъ въ человѣка, чтобы сохранить его индивидуальное, общественное и родовое существованіе. «Добрыя же чувства» Ридъ отличаетъ отъ прочихъ стремленій только тѣмъ, что они относятся «къ лицамъ, а не къ вещамъ». Но такое опредѣленіе любви, какъ могущей только относиться къ человѣку, противорѣчитъ фактамъ, ибо человѣкъ можетъ любить вещи, природу, искусство, Божество; противорѣчитъ, наконецъ, и общенародному употребленію слова любви, гдѣ говорится о сребролюбіи, сластолюбіи, властолюбіи и т. д.

Ридъ думаетъ, что всѣ «добрыя чувства», къ которымъ принадлежитъ и любовь, имѣютъ между собою нѣчто *общее*, и находитъ это общее въ томъ, что всѣ они «всегда пріятны». Замѣчая же, что любовь не всегда сопровождается удовольствіемъ, Ридъ называетъ это *случаемъ*. «Родительская любовь, говоритъ онъ, есть пріятное чувство; но она дѣлаетъ то, что несчастье или дурное поведеніе дитяти наноситъ тя-

[1]) The Emotion, p. 208.

[2]) Of human understand. B. II. Chap. 20. § 4.

желыя раны душѣ. Сострадание есть пріятное чувство, но несчастіе, котораго мы не можемъ облегчить, можетъ насъ мучить. Любовь къ женщинѣ —пріятное чувство; но, не встрѣчаемое взаимностью, оно заставляетъ насъ страдать» [1]). Но если мы признаемъ, что любовь можетъ сопровождаться страданіями, то мы уже не имѣемъ никакого права говорить, что чувство любви всегда пріятно. Если же мы отбросимъ и этотъ общій признакъ всѣхъ «добрыхъ чувствованій», перечисляемыхъ Ридомъ, то между ними не остается ничего общаго, т. е. именно не остается того, что мы называемъ любовью вообще. Ридъ очевидно смѣшалъ чувство любви, съ одной стороны, съ сочувствіемъ, которое можетъ порождать любовь, но само по себѣ еще не есть любовь [2]), а съ другой—съ тѣмъ стремленіемъ, которое заставляетъ насъ искать уваженія и любви намъ подобныхъ, и вообще смѣшалъ *стремленіе* съ *чувствомъ*, такъ-что ему осталось только излагать различныя проявленія любви, что онъ и сдѣлалъ, не пытаясь уже отыскать общее въ этихъ различныхъ проявленіяхъ, или саму любовь. Шотландскій моралистъ Смитъ также выводитъ любовь изъ *сочувствія*, которое какъ мы уже знаемъ, имѣетъ совершенно другія основанія. Онъ также называетъ любовь пріятнымъ чувствомъ, ненависть — непріятнымъ [3]), но также какъ и Ридъ, не имѣлъ для этого достаточныхъ основаній.

8. У Гербарта и его послѣдователей, по особенному отношенію гербартовской теоріи къ чувствованіямъ, которое мы указали выше, напрасно было бы искать характеристики любви. Каждое чувство любви есть у нихъ особенный продуктъ взаимодѣйствія представленій или, какъ у Бенеке, различныхъ отношеній между впечатлѣніемъ и первичными силами [4]). Для Бенеке отъ взаимнаго привлеченія однородныхъ представленій, существующихъ въ двухъ лицахъ, образуется дружба, а отъ взаимнаго влеченія представленій, добавляющихъ другъ друга, образуется любовь. Если мы, говоритъ онъ въ своемъ «ученіи о нравственности», сравнимъ склонности, которыя тѣснѣе связываютъ людей, то кидается въ глаза, что главное основаніе этихъ склонностей есть, въ любви, отношеніе взаимнаго высшаго возбужденія и пополненія, а въ дружбѣ—отношеніе единогласія и сліянія» [5]). Конечно, отъ согласія въ мнѣніяхъ можетъ родиться чувство любви; но самое это согласіе не есть еще любовь. Справедливо и то, что въ любви между лицами двухъ различныхъ половъ большое значеніе играетъ добавленіе недостатковъ одного пола достоинствами другаго; но если это добавленіе возбуждаетъ чувство любви, то, безъ сомнѣнія, не само по себѣ, а потому, что мы, по природѣ своей, стремимся къ такому пополненію и расширенію.

---

[1]) Reid. Vol. II. p. 559.

[2]) См. выше, глав. XV.

[3]) Smith. The theory of moral sentiments. P. I. Sect. I. Chap. 2 p. 12.

[4]) Benecke's Lehrbuch der Psych. P. VI. § 195.

[5]) Grundlinien der Sittenlehre von Benecke. B. II. S. 267.

Словомъ, изъ всякаго соотношенія представленій между собою, или «первичныхъ силъ» съ возбужденіями (Reize), выйдетъ только соотношеніе, которое можно понять умомъ, но не порождающаго чувствованій, которыя порождаются уже отъ того, что одно отношеніе намъ нравится, а другое нѣтъ, что зависитъ отъ нашихъ *стремленій*, а не самихъ отношеній.

9. Бэнъ, желая вывести чувство любви, увлекся слишкомъ далеко общимъ направленіемъ своей психологіи, что и помѣшало ему отдѣлить *чувство* любви отъ *чувственности*, основывающейся на ощущеніи органическихъ состояній тѣла. Желая же вывести всѣ проявленія любви изъ чувственныхъ побужденій, Бэнъ вдается въ такіе парадоксы, которые невольно кидаются въ глаза, какъ мы это видѣли въ отношеніи объясненія, даннаго имъ любви материнской [1]). Бэнъ говоритъ, что ощущенія, склоняющія насъ къ «*нѣжному чувству* (tender emotion), прежде всего всѣ мягкаго и нѣжнаго свойства, таковы: мягкія прикосновенія, пріятные звуки, тихія движенія, умѣренное тепло, кроткое солнечное сіяніе» [2]). Но ясно, что принимая любовь даже и въ такомъ узкомъ, чувственномъ значеніи, Бэнъ взглянулъ на нее глазами мужчины, а не женщины. Какъ же онъ объяснитъ то явленіе, что женщинѣ нравится сила, мужество и смѣлость, а вовсе не слабость, трусость или женственность? Попытки же вывести изъ тѣхъ же «нѣжныхъ ощущеній» такія чувства, каковы: уваженіе, благоговѣніе, благодарность, показываютъ только, до чего писатель можетъ увлекаться предвзятою теоріею. Кромѣ того, большой недостатокъ Бэна въ томъ, что онъ не отдѣляетъ простыхъ явленій любви отъ сложныхъ, въ которыхъ принимаетъ участіе не одна любовь.

10. Гегель, усвоившій изъ Спинозы понятіе стремленій, проводитъ его также далеко, какъ и Спиноза, дальше фактовъ и наблюденій, и признаетъ существованіе какого то *общаго* разумнаго стремленія, которое не подтверждается фактами да и не понятно для разсудка, потому что *стремленіе ко всему* есть понятіе, скрывающее въ самомъ себѣ непримиримое противорѣчіе, а въ этомъ только общемъ стремленіи Гегель и находитъ оправданіе или разумность частныхъ [3]). Но Гегель и психологи его школы, Розенкранцъ и Эрдманнъ, въ этомъ случаѣ оказываются послѣдовательнѣе Спинозы и выводятъ влеченіе къ предмету прямо изъ стремленія. Влеченіе къ предмету есть для нихъ стремленіе, которое изъ своей общности, черезъ посредство привлекательности предмета, переходитъ на одиночный предметъ, какъ напр., въ томъ случаѣ, когда голодный видитъ какое-нибудь опредѣленное кушанье или жаждущій какой-нибудь опредѣленный напитокъ [4]). Слѣдовательно,

[1]) См. выше. Гл. VII. пп. 6 и 7.

[2]) The Emotion. p. 94.

[3]) Gegel's Werke. Die Phyl. des Geistes. II Abth. § 473.

[4]) Psych. v. Rosenkranz 1863 S. 425. Тоже у Erdmann'a. Psych. Briefe 1863. XVII Brief.

влеченіе въ этомъ случаѣ будетъ индивидуализированное стремленіе—стремленіе, сосредоточившееся на одномъ внѣшнемъ предметѣ. Но «такъ какъ практическое чувство можетъ быть возбуждено пріятно или непріятно, смотря по соотвѣтствію или несоотвѣтствію объективности данному стремленію, то и влеченіе можетъ быть или положительное или отрицательное» [1]). Мы не знаемъ, можно ли сказать по нѣмецки die negative Begierde; но по-русски отрицательное влеченіе—безсмыслица, и мы прямо должны сказать — влеченіе и отвращеніе. Но это положительное влеченіе гегелисты относятъ прямо къ волѣ, тогда какъ они должны были бы замѣтить, что оно сказывается въ душѣ *чувствомъ влеченія*, которое, само по себѣ, не есть еще воля, и вотъ это-то чувство *влеченія*, не отдѣленное гегелистами отъ самаго влеченія, дѣйствительно есть чувство любви въ своемъ зародышѣ.

11. *Чувство влеченія* къ предмету мы признаемъ тѣмъ общимъ признакомъ, который одинаково находится во всѣхъ родахъ любви, начиная отъ самаго чувственнаго и доходя до самаго высокаго. Гдѣ есть любовь, тамъ есть непремѣнно влеченіе къ предмету. Влеченіе это выходитъ изъ прирожденнаго стремленія, обособленнаго какимъ-нибудь индивидуальнымъ предметомъ и, само по себѣ, есть проявленіе рождающагося желанія, слѣдовательно, одинъ изъ моментовъ образованія склонностей, наклонностей, страстей и вообще воли. Но *чувствованіе этого влеченія* есть именно то чувствованіе, изъ котораго развиваются представленіями и сочетаніями представленій самыя разнообразныя психическія состоянія, которыя мы безразлично называемъ любовью: любовь къ дѣтямъ, къ женщинѣ, къ другу, къ природѣ, къ искусству, сластолюбіе, сребролюбіе, властолюбіе, и т. д.

12. Слѣдовательно, любовь, или *чувство влеченія*, есть специфическое чувство (sui generis), которое всякій изъ насъ испытываетъ, но которое также невозможно опредѣлить, какъ нельзя опредѣлить и никакое душевное чувство, какъ нельзя опредѣлить и ни одного изъ нашихъ первичныхъ ощущеній. Опредѣлить его нельзя потому, что оно составляетъ простое, не разлагающееся душевное явленіе; но можно отдѣлить его отъ другихъ чувствованій и назначить ему то мѣсто, которое оно занимаетъ въ душевной жизни. Любовь, или въ первой своей формѣ чувство влеченія, пробуждается въ душѣ всякій разъ, какъ мы встрѣчаемъ предметъ, соотвѣтствующій тому или другому врожденному намъ стремленію. Мы не будемъ разбирать вопроса, почему человѣкъ узнаетъ, что представляющійся ему предметъ соотвѣтствуетъ его стремленію. Этотъ вопросъ, какъ мы думаемъ, неразрѣшимъ. Если признать, что предметъ, входя въ область нашихъ ощущеній зрѣнія, слуха, обонянія или вкуса, уже начинаетъ удовлетворять существующему въ насъ стремленію и тѣмъ самымъ даетъ намъ знать о своемъ соотвѣтствіи стремленію, то тогда слѣдовало бы признать, что ощущеніе предмета, соотвѣтствующаго нашимъ стремленіямъ, уже ослабляетъ эти

[1]) Ib. S 426.

стремленія, удовлетворяя имъ. Факты же говорятъ наоборотъ, что близость предмета, соотвѣтствующаго стремленію, возбуждаетъ самое стремленіе. Вотъ почему Эрдманъ говоритъ, что опытъ есть мать желаній, а неопытность есть мать влеченій (des Gelüstens) [1]), но не объясняетъ намъ этаго дѣйствительнаго факта.

13. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ принять той мысли, что любовь, или влеченіе, есть только слѣдствіе опытовъ удовольствія или неудовольствія, такъ-какъ самое удовольствіе или неудовольствіе есть уже слѣдствіе не однихъ качествъ предмета, возбуждающихъ въ насъ это чувство, но и качествъ врожденныхъ намъ стремленій, которыя именно и дѣлаютъ одни предметы намъ пріятными, а другіе—непріятными. Мы не потому только любимъ предметъ, что онъ доставляетъ намъ удовольствіе, но потому онъ и доставляетъ намъ удовольствіе что мы его любимъ. Какимъ бы путемъ мы ни узнали, что предметъ соотвѣтствуетъ нашему стремленію—путемъ ли случайнаго опыта или путемъ руководящаго насъ инстинкта, — но во всякомъ случаѣ насъ связываетъ съ предметомъ самое влеченіе къ нему, а не то удовольствіе, которое возбуждаетъ въ насъ этотъ предметъ.

14. Само по себѣ чувство влеченія къ предмету ни пріятно ни непріятно: удовольствіе и неудовольствіе выходятъ уже изъ удовлетворенія или неудовлетворенія стремленій. Видъ предмета, къ которому я чувствую сильное влеченіе и который мнѣ недоступенъ, можетъ мучить меня. Что можетъ быть мучительнѣе, какъ видъ и запахъ любимаго блюда для человѣка голоднаго? Если же видъ этотъ заставляетъ насъ то улыбаться, то досадовать, то радуетъ насъ, то мучитъ—то это зависитъ не отъ самаго влеченія, а отъ другихъ чувствованій и представленій. Получая надежду овладѣть тѣмъ, что мнѣ нравится, я чувствую радость и наоборотъ; но самое влеченіе, тѣмъ не менѣе, остается неизмѣннымъ, какія бы другія чувствованія и представленія его ни сопровождали.

15. Гегелисты весьма остроумно отдѣляютъ *влеченіе* отъ *склонности* тѣмъ, что въ первомъ человѣкъ увлекается предметомъ, находящимся въ области его настоящихъ ощущеній, а въ склонности увлекается уже и представленіемъ предмета, вышедшаго изъ области его ощущеній. Если же мы примемъ, что какъ чувство, называемое влеченіемъ, такъ и чувство, называемое склонностью, принадлежатъ одинаково къ области любви, обозначая только различныя ступени этого чувства, то поймемъ, почему развитіе чувствованій зависитъ уже отъ свойства представленій любимаго предмета, тогда какъ самая сила, напряженность чувства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ напряженности стремленія, удовлетворяемаго предметомъ. Человѣкъ, страстно любящій искуство, можетъ тѣмъ не менѣе отдать самую дорогую для него картину за кусокъ хлѣба, предложенный ему въ то время, когда его мучитъ страш-

---

[1]) Ib. S. 253.

ный голодъ. Должны ли мы заключить изъ этого, что онъ любитъ хлѣбъ болѣе, чѣмъ картину, или что эти два чувства совершенно равны? Ни того, ни другого, если мы только умѣемъ отличать напряженность чувства отъ его глубины и обширности [1]). Аристотель говоритъ, что любовь преимущественно укореняется черезъ зрѣніе, и въ этомъ отношеніи совершенно справедливъ; потому что слѣды зрительныхъ ощущеній, какъ мы это уже видѣли, сохраняются въ нашей памяти гораздо прочнѣе всѣхъ другихъ, а потому и могутъ составлять гораздо болѣе обширныя сочетанія, чѣмъ слѣды ощущеній низшихъ чувствъ. Вотъ почему влеченіе, вкоренившееся зрѣніемъ, гораздо легче переходитъ въ чувство склонности или любовь—въ настоящемъ значеніи этого слова. Обширныя и разнообразныя представленія любимаго предмета даютъ постоянство и продолжительность чувству влеченія, которое иначе сейчасъ же прекращается, какъ только стремленіе удовлетворено.

16. Иные предметы удовлетворяютъ только одному нашему стремленію; другіе же, по самой обширности своей, могутъ удовлетворять множеству стремленій: тѣлесныхъ, душевныхъ и духовныхъ. Блюдо, которое имѣетъ пріятный запахъ, не непріятно намъ и тогда, когда мы наѣлись его до-сыта; блюдо же, имѣющее отвратительный запахъ, мы приказываемъ убрать со стола, какъ только поѣли; такое же блюдо, которое и красиво, и вкусно, и хорошо пахнетъ, еще долѣе можетъ поддерживать въ насъ чувство влеченія къ себѣ. Если же предметъ такого рода, что удовлетворяетъ множеству самыхъ разнообразныхъ стремленій нашихъ: и тѣлесныхъ, и душевныхъ и духовныхъ (эстетическихъ и нравственныхъ), то понятно само собою, что наша склонность къ нему можетъ вызвать въ душѣ постоянное, безпрерывное и неизмѣримо-обширное чувство любви уже потому самому, что даетъ душѣ нашей разнообразную и обширную дѣятельность, т. е. удовлетворяетъ душевному стремленію къ жизни, которое не уменьшается отъ удовлетворенія, а еще развивается.

17. Что касается до чувства *отвращенія*, то оно есть противоположность чувству влеченія. Розенкранцъ полагаетъ, что оно начинается именно отъ того обмана, который испытываетъ человѣкъ, когда, удовлетворяя своему стремленію, находитъ, что предметъ, выбранный имъ, напротивъ противорѣчитъ этому стремленію [2]). Но это несправедливо: мы не получимъ отвращенія къ камню, хотя бы и приняли его сначала за хлѣбъ. Чувство отвращенія еще загадочнѣе, чѣмъ чувство любви; но тѣмъ не менѣе въ первобытности его убѣждаютъ насъ многіе факты. Въ водобоязни получается неодолимое отвращеніе къ жидкостямъ; многія врожденныя идіосинкразіи также обличаютъ отдѣльность чувства отвращенія и доказываютъ, что отвращеніе, какъ и влеченіе, есть слѣдствіе не одного опыта. Какой опытъ могъ внушить

[1]) См. выше, гл. XI.
[2]) Psych. v. Rosenkr. S. 427.

больному отвращеніе къ водѣ, когда, напротивъ, она столько разъ доставляла ему удовольствіе?

18. Отвращеніе слѣдуетъ отличать отъ гнѣва. Мы даже не можемъ гнѣваться на того, кого презираемъ; а презрѣніе и есть именно то душевное состояніе, которое образуется, *главнымъ образомъ*, изъ сліянія чувства отвращенія съ представленіями. Ненависть, которую обыкновенно противополагаютъ чувству любви, есть чувство сложное: въ образованіи его принимаютъ участіе и отвращеніе, и гнѣвъ, и страхъ, и чувство неудовольствія, а потому ненависить не слѣдуетъ прямо противополагать любви.

19. Отвращеніе къ предмету часто появляется тогда, когда онъ, удовлетворивъ нашему стремленію, не перестаетъ еще входить въ область нашихъ ощущеній и, такъ сказать, насильно удовлетворяетъ стремленію, котораго уже нѣтъ. Такъ мы можемъ получить положительное отвращеніе къ такому блюду, котораго наѣлись до тошноты, и замѣчательно, что это отвращеніе остается, когда тошнота проходитъ, такъ-что мы не можемъ ѣсть этого блюда даже во время сильнаго аппетита. Это относится далеко не къ однимъ вкусовымъ ощущеніямъ, и если, напримѣръ, мы станемъ насильно занимать ребенка тѣмъ, что даже ему понравилось сначала, то можемъ возбудить въ немъ отвращеніе къ предмету. Этого не понимаютъ многіе педагоги, которые, чувствуя сильную любовь къ какому нибудь предмету, толкуютъ о немъ дѣтямъ *до пресыщенія*. Такіе педагоги не соразмѣряютъ обширности, разнообразія и сложности тѣхъ комбинацій, которыя данный предметъ оставилъ въ ихъ душѣ, съ тѣми сравнительно бѣдными слѣдами, которые оставилъ онъ въ душѣ ребенка—или, другими словами, не соразмѣряютъ своего обширнаго интереса къ предмету съ малымъ интересомъ, возбужденнымъ въ ребенкѣ тѣмъ же предметомъ [1]). Вотъ также одна изъ причинъ, почему воспитателями дѣтей должны быть педагоги, а не спеціальные ученые: должны быть такіе воспитатели и наставники, для которыхъ самое душевное развитіе воспитанника является спеціальнымъ предметомъ, а не какая-нибудь отдѣльная наука. Профессора или учителя, *до страсти* любящіе свой предметъ, т. е. когда, по опредѣленію, которое Гегель далъ страсти, субъективность человѣка вся погружается въ особенное направленіе воли [2]), такіе профессора и учителя способны скорѣе внушить ребенку отвращеніе къ предмету чѣмъ любовь.

---

[1]) См. Пед. Антроп. ч. 1 гл. XX.

[2]) Die Phyl. des Geistes v. Hegel. 2 Abth. § 474.

ГЛАВА XXI.

Виды *душевно-сердечныхъ* чувствованій: 3) гнѣвъ и доброта.

1. Гнѣвъ выдается какъ-то рельефнѣе любви, такъ какъ вообще онъ порывистѣе и самое воплощеніе его энергичнѣе; но, тѣмъ не менѣе, и въ отношеніи гнѣва мы встрѣчаемъ ту же шаткость въ наблюденіяхъ, какъ и въ отношеніи любви. Главный недостатокъ наблюденія здѣсь тотъ же самый: обыкновенно смѣшиваютъ простое элементарное чувство гнѣва съ чувственными состояніями души, въ образованіи которыхъ принимаютъ участіе разнообразныя чувства, самыя разнообразныя представленія и даже чисто человѣческія понятія, несвойственныя животнымъ, у которыхъ однакоже ясно обнаруживается тотъ же самый гнѣвъ, какой мы замѣчаемъ и въ себѣ.

2. Аристотель опредѣляетъ гнѣвъ, какъ «стремленіе къ тому, что кажется намъ возмездіемъ за что-нибудь, въ чемъ мы видимъ незаслуженное оскорбленіе со стороны лица, неимѣющаго на то права, и нанесенное намъ самимъ или кому нибудь изъ близкихъ» [1]), и прибавляетъ еще къ этому сложному опредѣленію гнѣва, что гнѣвъ сопровождается чувствомъ неудовольствія. Очевидно, Аристотель смѣшалъ *гнѣвъ* съ *местью*, такимъ сложнымъ чувственнымъ состояніемъ души, въ которомъ мы необходимо должны признать уже сознаніе своей личности и сознаніе своего права. Вотъ на какомъ основаніи и Бэнъ, тоже смѣшавшій чувство гнѣва съ чувственнымъ состояніемъ мести, не признаетъ, что гнѣвъ есть у дѣтей, такъ какъ у нихъ не могло еще образоваться сознаніе правъ своей личности [2]), и такимъ образомъ противорѣчитъ факту, что гнѣвъ обнаруживается въ дѣтяхъ чрезвычайно рано, а по типичности своего выраженія никакъ не можетъ быть смѣшанъ съ чувствомъ боли, какъ этого хочетъ Бэнъ. Каждая мать и каждая опытная няня легко отличитъ въ ребенкѣ крикъ гнѣва отъ крика боли. Вотъ почему также Бэнъ отвергаетъ существованіе гнѣва и у животныхъ, что заставляетъ его объяснять, напр., драку пѣтуховъ «экзальтированнымъ желаніемъ власти» [3]). Къ такому очевидному противорѣчію фактамъ придетъ и каждый, кто смѣшаетъ гнѣвъ съ местью.

3. Впрочемъ, мы обязаны замѣтить, что Аристотель, излагая различныя условія, при которыхъ въ человѣкѣ возбуждается гнѣвъ, приходитъ очень часто къ элементарному чувству гнѣва, но удаляется отъ него по какой-то необъяснимой странности. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «мы впадаемъ въ гнѣвъ всякій разъ, когда что-нибудь стоитъ на пути нашихъ желаній», и вотъ почему, продолжаетъ онъ, «люди, въ состояніи страданія, бѣдности, сильныхъ тѣлесныхъ стремленій,

---

[1]) Retorica. B. II. Cap. 2 § 1.

[2]) The Emotions p. 165.

[3]) Ip. p. 170.

голода и жажды, однимъ словомъ, во всѣхъ состояніяхъ, когда они чего-нибудь желаютъ, не получая удовлетворенія, склонны ко взрывамъ гнѣва, ибо во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ *дорога гнѣва уже проложена преобладающею страстью*» [1]). Здѣсь ясно, что чувство гнѣва не есть еще чувство мести, а прямо какое-то выраженіе неудовлетвореннаго стремленія, и выраженіе, относящееся именно ко всему, что мѣшаетъ удовлетворить нашему стремленію. Точно также противорѣчитъ Аристотель самъ себѣ, когда, выставивъ въ своемъ опредѣленіи, что гнѣвъ всегда сопровождается неудовольствіемъ, въ слѣдующемъ же параграфѣ говоритъ, что, во всякомъ случаѣ, гнѣвъ долженъ сопровождаться извѣстнымъ чувствомъ удовольствія, которое порождается изъ надежды отомстить» [2]). Но если одно и тоже чувство можетъ сопровождаться, конечно порознь, такими двумя прямыми антагонистами, каковы: удовольствіе и неудовольствіе, какъ это и дѣйствительно показываютъ факты, то не вправѣ ли мы заключить, что гнѣвъ есть чувство совершенно самостоятельное (sui generis), которое можетъ сопровождаться другими чувствами, но можетъ и не сопровождаться ими? Вотъ почему мы отвергаемъ всѣ тѣ мнѣнія психологовъ, у которыхъ чувство гнѣва называется то пріятнымъ, то непріятнымъ [3]).

4. Декартъ смѣшиваетъ гнѣвъ съ ненавистью, а ненависть противополагаетъ любви [4]). Мы же видѣли, что антагонистъ любви есть *отвращеніе*, а не гнѣвъ, и къ этой мысли отчасти пришелъ самъ Декартъ, но не воспользовался ею [5]). Онъ видѣлъ, что любви противополагается отвращеніе (l'horreur); но не видѣлъ, что ненависть (la haine) есть уже сложное чувственное состояніе души, въ образованіи котораго принимаютъ участіе какъ отвращеніе, такъ и гнѣвъ (la colère). Вотъ почему Декартъ говоритъ о двухъ видахъ ненависти, изъ которыхъ «одна относится къ вещамъ дурнымъ (mauvaises), а другая къ вещамъ отвратительнымъ (laides)», и эту послѣднюю ненависть называетъ отвращеніемъ. Но развѣ мы не можемъ получить отвращенія къ вещамъ дурнымъ, хотя и *красивымъ*? Змѣя очень красивое животное, но многіе чувствуютъ къ ней неодолимое отвращеніе. Говорятъ обыкновенно, что тутъ отвращеніе внушается холодомъ кожи, но мы часто любимъ ощущеніе холода особенно въ кушаньяхъ. Точно также намъ нравятся змѣиные извивы, которыми мы украшаемъ и свои платья и свои жилища. Даже вся фигура змѣи — одна изъ любимыхъ художниками формъ. Слѣдовательно, здѣсь отвращеніе зависитъ уже не отъ красивыхъ формъ. Чув-

---

1) Arist. ib. § 10.

2) § 2.

3) Такъ Броунъ называетъ гнѣвъ чувствомъ непріятнымъ (Brown. p. 417); Бэнъ—пріятнымъ (The Emotions p. 165); Ридъ—всегда непріятнымъ (Reid. II. p. 570) и т. д.

4) Les Passions. Art. 79.

5) Ib. Art. 85.

ство отвращенія часто возбуждается въ насъ къ тѣмъ предметамъ, которые долго возбуждали въ насъ страхъ или гнѣвъ и которые, переставъ возбуждать эти чувства, стали возбуждать отвращеніе. Въ чувственномъ же состояніи ненависти соединяются и гнѣвъ, и отвращеніе, и страхъ, и прямое чувство неудовольствія; вотъ почему чувство ненависти также разнообразно у людей, какъ и чувство любви, и побуждаетъ ихъ къ самымъ различнымъ поступкамъ. Слѣдовательно, мы видимъ, что Декартъ, не отличая гнѣва отъ ненависти, вовсе пропустилъ опредѣленіе гнѣва.

5. Спиноза въ этомъ отношеніи былъ наблюдательнѣе Декарта; онъ уже замѣчаетъ какъ особенныя чувства, ненависть, отвращеніе и гнѣвъ, смѣшанныя Декартомъ. Но такъ-какъ и Спиноза все же не видитъ въ ненависти сложнаго душевнаго состоянія, а въ гнѣвѣ и отвращеніи элементарныхъ чувствъ, то и не можетъ яснымъ образомъ раздѣлить этихъ трехъ душевныхъ явленій. Такъ, онъ опредѣляетъ ненависть «какъ печаль съ идеею ея внѣшней причины» [1]). Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ же отличается ненависть отъ печали о потерѣ друга? Отвращеніе Спиноза опредѣляетъ «какъ печаль, сопровождаемую идеею предмета, который есть для насъ случайная причина печали» [2]), т. е., какъ объясняетъ это Спиноза въ другомъ мѣстѣ, «отвращеніе возникаетъ въ насъ къ такимъ предметамъ, которые собственно для насъ безразличны, но на которые, по случайности, мы переносимъ идею печали и получаемъ къ этимъ предметамъ, въ сущности для насъ безразличнымъ, антипатію или отвращеніе» [3]). Замѣтка совершенно вѣрная, и мы дѣйствительно получаемъ, напримѣръ, отвращеніе къ тому мѣсту, гдѣ мы вынесли сильную печаль или оскорбленіе; но, тѣмъ не менѣе, чувство отвращенія не будетъ ни чувствомъ печали, ни чувствомъ оскорбленія. Кромѣ того невозможно отвергать врожденныхъ отвращеній или антипатій, которыя, хотя и не объяснимы, но тѣмъ не менѣе существуютъ. «Гнѣвъ же, по мнѣнію Спинозы, есть желаніе сдѣлать зло тому, что мы ненавидимъ» [4]), а «месть есть желаніе, возбуждаемое взаимною ненавистью, сдѣлать зло тому, кто намъ причинилъ какой нибудь ущербъ» [5]). Здѣсь мы видимъ опять, что гнѣвъ смѣшанъ съ ненавистью и чувство смѣшано съ желаніемъ возникающимъ изъ чувства, но не условливающимъ его. Мы чувствуемъ гнѣвъ прежде, чѣмъ подумаемъ сдѣлать зло тому, кто насъ разсердилъ. Правда, боль оскорбленія, чувство гнѣва и желаніе мести сливаются иногда въ одно мгновеніе; но часто можно ихъ очень легко различить: иногда мы долго чувствуемъ жало оскорбленія, прежде чѣмъ у насъ возникло чувство гнѣва, и долго

---

[1]) Eth. P. III. Append. 7.
[2]) Ib. § 9.
[3]) Ib. Propos. 15.
[4]) Ib. Append. § 36.
[5]) Ib. 37.

сердимся, прежде чѣмъ намъ придетъ на мысль отмстить за оскорбленіе. Мы видимъ, слѣдовательно, что Спиноза, увлеченный своею теоріею происхожденія всѣхъ чувствъ изъ радости и печали, не могъ отличить гнѣва отъ мести и отвращенія, хотя и замѣтилъ отдѣльное существованіе этихъ психическихъ явленій.

6. Локкъ называетъ гнѣвъ «разстройствомъ души, получившей оскорбленіе, сопровождаемымъ цѣлью мести» [1]) и этимъ показываетъ, какъ не глубокъ его анализъ чувствованій и чувственныхъ состояній. Гораздо болѣе глубокій анализъ гнѣва находимъ мы у Рида, хотя и ему также не удалось отличить первичное чувство гнѣва отъ ненависти, мести и отвращенія. Ридъ, руководимый замѣткою епископа Бутлера, говоритъ, что «должно различать внезапное неудовольствіе, которое есть слѣпое побужденіе (impulse), возникающее изъ нашего организма, отъ того негодованія, которое обдумано. Первое возбуждается какого бы ни было рода столкновеніемъ (the hurt), а второе можетъ быть возбуждено только настоящимъ или воображаемымъ оскорбленіемъ» [2]). Ридъ замѣчаетъ при этомъ, что только человѣкъ можетъ отличить оскорбленіе отъ всякой непріятности, нанесенной намъ. Первый родъ гнѣва Ридъ называетъ *животнымъ* гнѣвомъ и говоритъ, что онъ даже свойственъ мыши, которая начинаетъ кусаться, когда не можетъ убѣжать. Этотъ животный гнѣвъ Ридъ причисляетъ къ благодѣтельнымъ *инстинктамъ* природы. Но его затрудняетъ то явленіе, что какъ животныя, такъ даже и люди, часто обращаютъ свой гнѣвъ на вещи бездушныя, которыя не способны быть наказанными, и думаетъ, что это вовсе несвойственно людямъ; если же и замѣчается въ дѣтяхъ, то только потому, что они принимаютъ неодушевленные предметы за одушевленные, и что, если тоже самое дѣлаютъ иногда и взрослые люди, то только по привычкѣ, оставшейся съ дѣтства [3]). «Человѣкъ же, говоритъ далѣе Ридъ, можетъ выносить отъ другаго человѣка сильныя страданія, вовсе несопровождаемыя идеей оскорбленія, а напротивъ самыми дружескими намѣреніями, какъ напр., при операціяхъ. Всякій видитъ, что сердиться за такія страданія свойственно животному, но не человѣку» [4]). Однакоже, операторы знаютъ, какъ часто невольный гнѣвъ пробуждается при операціяхъ у самыхъ разумныхъ людей, и не самъ ли Ридъ указываетъ на примѣръ, приводимый Локкомъ, одного больнаго, который былъ излеченъ отъ сумасшествія тяжелою и болѣзненною операціею? Этотъ человѣкъ понималъ все благодѣяніе, которое ему сдѣлали; но въ тоже время не могъ видѣть своего благодѣтеля. «Въ этомъ случаѣ, говоритъ Ридъ, мы видимъ ясно дѣйствіе обоихъ принциповъ: животнаго и разумнаго». Мы же прибавимъ, что мы видимъ въ этомъ случаѣ именно то первич-

[1]) Lock. Of human Underst. B. II. Chap. XX. § 12.
[2]) Reid. v. II. p. 568.
[3]) Ib. p. 569.
[4]) Ib. p. 570.

ное чувство гнѣва, для проявленія котораго вовсе не нужно идеи оскорбленія и идеи права и которое возникаетъ безъ всякой идеи и свойственно какъ человѣку, такъ и животному.

7. Что касается до Бэна, то, не признавая гнѣва элементарнымъ чувствомъ, онъ «хотѣлъ разложить его на другія, болѣе элементарныя» [1]); но эта попытка вполнѣ не удалась ему. Онъ, напримѣръ, производитъ гнѣвъ изъ страданія, но тутъ же долженъ признать, что степень гнѣва вовсе не пропорціональна страданію и что тогда-какъ сильный ударъ утишаетъ чувство гнѣва, мелкія страданія могутъ довести гнѣвъ до бѣшенства [2]). Броунъ замѣчаетъ тоже самое явленіе и хочетъ объяснить его изъ нравственныхъ принциповъ человѣка [3]), но объясняетъ неудачно, тѣмъ болѣе, что то же самое мы замѣчаемъ и у животныхъ. Желая провести свою теорію гнѣва, какъ сложнаго психическаго явленія, соединеннаго съ идеей личности и права, Бэнъ, какъ мы уже видѣли, вынужденъ сильно противорѣчить фактамъ и отрицать существованіе гнѣва у животныхъ и у дѣтей [4]), и потому долженъ объяснять ясныя явленія гнѣва у животныхъ самыми странными поводами, которые, во всякомъ случаѣ, труднѣе приписать животнымъ, чѣмъ приписать имъ прямо чувство гнѣва. Кромѣ того, Бэнъ смѣшиваетъ отвращеніе съ гнѣвомъ и гнѣвъ съ ненавистью [5]); словомъ, повторяетъ всѣ ошибки своихъ предшественниковъ, прибавляя къ нимъ еще новыя.

8. Изъ разбора вышеприведенныхъ мнѣній мы видимъ всю необходимость отличить элементарное чувство гнѣва, во-первыхъ, отъ такого же элементарнаго чувства—отвращенія, а во-вторыхъ, отъ ненависти и мести, какъ такихъ сложныхъ душевныхъ состояній, въ образованіи которыхъ не одинъ уже гнѣвъ принимаетъ участіе. Признавъ же гнѣвъ за элементарное чувство, мы уже не будемъ пытаться разлагать его, а, принявъ за первичный психическій фактъ, извѣстный каждому, постараемся выставить только то общее условіе, при которомъ гнѣвъ обнаруживается.

9. Душа наша, встрѣчаясь съ препятствіями къ удовлетворенію своихъ стремленій, или врожденныхъ ей, или вызываемыхъ въ ней состояніями тѣлеснаго организма, стремится преодолѣть эти препятствія и въ этомъ стремленіи своемъ собираетъ необходимыя для того силы—тѣлесныя или душевныя. Вотъ это-то извлеченіе силъ для того, чтобы стать въ уровень съ препятствіемъ, и выражается тѣмъ характеристическимъ чувствомъ, которое мы называемъ гнѣвомъ [6]). *Въ чувствѣ*

---

[1]) The Emotion, p. 207.

[2]) Ib. p. 163.

[3]) Brown, p. 422.

[4]) The Emotion, p. 164, 170.

[5]) Ibid. p. 175.

[6]) Сходное съ этимъ опредѣленіемъ гнѣву даетъ Браубахъ, выводя гнѣвъ изъ неудовлетвореннаго стремленія, «причемъ оно возвышается для борьбы

неудовольствія душа ощущаетъ только болѣзненное вліяніе препятствія: *въ гнѣвѣ* же душа порывается удалить это препятствіе. Порывъ этотъ можетъ перейти въ дѣятельность, можетъ и не перейти, но самое ощущеніе душою этого порыва будетъ уже чувствомъ гнѣва. Вотъ почему гнѣвъ вообще проявляется, какъ страсть, дѣйствующая порывисто: ослабѣвающая послѣ каждаго порыва и вновь возникающая, если прежній порывъ не достигъ удаленія препятствія. Поддавшись совершенно дѣйствію препятствія, мы испытываемъ только страданіе; но первая попытка сбросить препятствіе отзовется въ душѣ непремѣнно чувствомъ гнѣва, которое будетъ выступать тѣмъ яснѣе, чѣмъ чаще и дольше будутъ повторяться неудачныя попытки. Въ первомъ проявленіи своемъ гнѣвъ такъ незамѣтенъ, что мы почти готовы признать его за простое скопленіе энергіи; но чѣмъ дальше будетъ выступать это чувство, тѣмъ яснѣе выскажется въ немъ характеръ гнѣва.

10. Такое отношеніе чувства гнѣва къ процессу психической дѣятельности выражается съ особенною ясностью во многихъ явленіяхъ. У людей слабыхъ и раздражительныхъ, всякая сколько-нибудь усиленная дѣятельность сопровождается совершенно яснымъ чувствомъ гнѣва именно потому, что уже и небольшія препятствія заставляютъ ихъ дѣлать значительныя усилія, чтобы скопить свои силы. Даже у людей, совершенно здоровыхъ, прервавъ ихъ сильную дѣятельность, мы ясно замѣтимъ чувство накопившагося гнѣва. Вотъ отчего зависитъ и то явленіе, что значительная обида или просто сильный ударъ, или даже внезапный, энергическій перерывъ нашей дѣятельности какимъ-нибудь препятствіемъ неспособенъ такъ поднять чувство гнѣва, какъ мелкія препятствія. Ничѣмъ нельзя привести и человѣка, и животное въ такое бѣшенство, какъ мелкими помѣхами его душевной дѣятельности, безпрестанно слѣдующими одна за другою: отъ сильной боли животное стонетъ, выражая тѣмъ чувство страданія, отъ укушенія комаровъ и мошекъ, причиняющихъ только зудъ, самую низшую степень боли, оно приходитъ въ ярость.

11. При разстройствѣ легкихъ (и даже вообще голосовыхъ органовъ) постоянное затрудненіе процесса дыханія, едва замѣтно мѣшающее рѣчи, дѣлаетъ длинную рѣчь больнаго человѣка гнѣвною: говоря, онъ сердится, потому что ему трудно говорить, и стоитъ только ему помолчать нѣсколько времени, чтобы гнѣвное чувство въ немъ уменьшилось. Въ мысляхъ и поступкахъ такихъ людей часто гораздо больше доброты, чѣмъ въ ихъ словахъ. Ощущеніе голода, т. е. недостатка физическихъ силъ для преодолѣнія препятствій, представляемыхъ психическою или физическою дѣятельностью, сопровождается очень яснымъ чув-

---

съ препятствіями» (Braubach, Psych. des Gefühls. S. 96). Но то, что Браубахъ приписываетъ самому стремленію, мы приписываемъ душѣ, ощущающей стремленія.

ствомъ гнѣва. Чѣмъ болѣе истощенъ организмъ, тѣмъ труднѣе добываются изъ него силы, необходимыя даже и для психической дѣятельности.

12. Такой взглядъ на чувство гнѣва подтверждается также и характеристическими чертами его воплощенія. Усиленное кровообращеніе есть именно порывъ дать требуемыя силы тѣлу, а напряженность мускуловъ, вообще замѣчаемая въ гнѣвѣ, именно совершается подъ вліяніемъ этихъ неудачныхъ порывовъ души уничтожить или удалить препятствіе. Мускулы какъ бы заряжаются нервною силою, которой, наконецъ, накопляется въ нихъ столько, что она уже сама собою переходитъ изъ формы теплоты или электричества въ форму движенія [1]), и при этомъ вырывается у насъ *невольный* крикъ, невольное движеніе, сжатіе челюстей, мускуловъ лба, ударъ ногою о землю, ударъ сжатымъ кулакомъ по столу и т. п. Послѣ этихъ движеній гнѣвъ на мгновеніе ослабѣваетъ затѣмъ, чтобы потомъ, при новомъ порывѣ накопленія силъ, опять усилиться.

13. Цѣль гнѣва — если можно говорить о цѣли такого невольнаго чувства — состоитъ въ томъ, чтобы удалить препятствія, представляющіяся въ психической дѣятельности. Вотъ почему отъ удаленія препятствій гнѣвъ *душевный* большею частію прекращается. Но почему же, спрашивается, не только животному, но даже и человѣку свойственно продолжать выраженіе своего гнѣва на такомъ предметѣ, который пересталъ уже быть препятствіемъ? Это зависитъ уже какъ отъ перехода *душевнаго* гнѣва въ *органическій* [2]), такъ и отъ того, что представленіе предмета, возбудившаго гнѣвъ, продолжаетъ еще дѣйствовать въ душѣ, какъ препятствіе къ ея нормальной дѣятельности. Вотъ почему животное продолжаетъ еще грызть палку, или кидается на камень, которые причинили ему боль; вотъ почему и раздражительный человѣкъ ломаетъ въ дребезги вещь, хотя она и перестала мѣшать его дѣятельности. Кромѣ того ни одно чувство не способно такъ переходить въ аффектъ, какъ гнѣвъ. Нервный человѣкъ, разсерженный чѣмъ-нибудь, долго продолжаетъ сердиться, хотя часто не можетъ даже вспомнить, что его разсердило. Въ такомъ состояніи человѣкъ уже во всемъ подыскиваетъ оправдательныя причины для своего *безпричиннаго* гнѣва.

14. Повторяясь часто и сильно, гнѣвъ, чувствуемый порывами, производитъ замѣтный упадокъ силъ, который объясняется именно силою самихъ порывовъ и энергіею движеній, имъ вызываемыхъ, а энергія эта иногда бываетъ такъ велика, что человѣкъ потомъ самъ удивляется собственнымъ своимъ силамъ, которыхъ и не подозрѣвалъ въ себѣ въ спокойномъ состояніи. Ударъ, нанесенный въ гнѣвѣ, можетъ быть не только сильнѣе того, какимъ его хотѣлъ сдѣлать человѣкъ, но даже сильнѣе, чѣмъ онъ *могъ* его сдѣлать въ спокойномъ состояніи. Вотъ почему такъ опасно предаваться гнѣву съ дѣтьми: разсерженный

[1]) См. Пед. Антроп. т. I, гл. VIII, пп. 9, 10, 11.

[2]) См. выше гл., XII.

человѣкъ и самъ не оцѣниваетъ тяжести своихъ ударовъ. Повторяясь часто, гнѣвъ очень удобно переходитъ въ постоянное органическое состояніе, какъ это замѣтилъ еще Аристотель [1]). Но если гнѣвъ стремится всегда индивидуализироваться, т. е. сосредоточиться на предметѣ, на который онъ можетъ излиться, то нельзя сказать, какъ говоритъ тотъ же Аристотель, что «гнѣвъ всегда направленъ на что-нибудь индивидуальное» [2]), ибо мы часто наблюдаемъ, какъ разгнѣванный человѣкъ, забывъ даже причину своего гнѣва, ищетъ на чемъ бы его излить.

15. Изъ чувства гнѣва, въ соединеніи его съ представленіями и другими чувствованіями, происходитъ множество психичесчихъ чувственныхъ состояній: ненависть, негодованіе, месть, злоба, жестокость, тиранство и т. д. Этихъ состояній такое множество и такое разнообразіе, что не только невозможно ихъ описать, но даже и перечислить. Впослѣдствіи мы сдѣлаемъ пробные анализы нѣкоторымъ изъ этихъ душевныхъ состояній.

16. Хотя изъ чувства гнѣва вырабатывается много такихъ душевныхъ состояній, которыя осуждаются нравственностью; но само по себѣ чувство гнѣва, равно-какъ и чувство любви, ни дурны ни хороши, и могутъ быть дурны или хороши, смотря по содержанію тѣхъ представленій, съ которыми они связаны. Ненависть ко злу такое же достоинство, какъ и любовь къ добру, и наоборотъ. Спаситель гнѣвался, изгоняя торгующихъ изъ храма; Господь въ Библіи часто представляется гнѣвающимся.

17. Любовь всегда сопровождается гнѣвомъ и душевная любовь безъ гнѣва ко всему тому, что нарушаетъ или грозитъ ей — невозможна. Любовь предполагаетъ гнѣвъ, а гнѣвъ—любовь; но, какъ органическіе аффекты, гнѣвъ и любовь могутъ существовать отдѣльно и въ такомъ состояніи одно изъ этихъ чувствованій можетъ быть очень сильно, тогда какъ другое будетъ очень слабо. Такъ есть люди, болѣе расположенные на все смотрѣть съ любовью, чѣмъ съ гнѣвомъ, а есть наоборотъ люди, которые упорно отыскиваютъ во всемъ пищу для своего органическаго гнѣва.

18. Чувство *доброты* и *нѣжности* какъ разъ противоположно чувству гнѣва. Гнѣвъ рождается оттого, что душа вынуждена препятствіемъ скоплять свои и физическія силы, которыхъ въ настоящую минуту у ней недостаетъ, чтобы стать въ уровень съ препятствіемъ и удовлетворить своимъ стремленіямъ; а чувство *доброты* возрождается отъ противоположныхъ причинъ: именно тогда, когда душа испытываетъ, что у нея болѣе силъ, чѣмъ стремительности въ ея стремленіи. Избытокъ силъ, сравнительно съ стремительностью стремленій, отражается въ душѣ чувствомъ доброты, нѣжности и ласковости, которое, точно также, какъ

---

[1]) Rhetorica. B. II. cap. 2. § 13.
[2]) Ib. § 30.

и чувство гнѣва, стремится индивидуализироваться, сосредоточиться на какомъ-нибудь отдѣльномъ предметѣ и излиться на него.

19. Аристотель ясно отдѣляетъ чувство доброты отъ чувства любви и противополагаетъ чувству доброты чувство гнѣва, показывая многочисленными примѣрами, что оба эти чувствованія начинаются отъ противоположныхъ причинъ и что гнѣвъ, утихая, уже самъ собою смѣняется чувствомъ доброты [1]). Въ этихъ указаніяхъ есть чрезвычайно мѣткія наблюденія, но есть и ошибки, зависящія главнымъ образомъ оттого, что, смѣшавъ вообще чувство гнѣва съ чисто человѣческимъ чувствомъ оскорбленія, Аристотель и въ чувствѣ доброты видитъ нѣчто противоположное чувству оскорбленія, а не гнѣва только. Оставивъ въ сторонѣ эти ошибочныя указанія, мы увидимъ, что во всѣхъ остальныхъ проявленіяхъ доброты, указанныхъ Аристотелемъ, одна и та же мысль, а именно, что чувство доброты начинается тогда, когда препятствіе, возбудившее силы въ процессѣ гнѣва, оказывается почему-либо несуществующимъ, или вообще тогда, когда въ человѣкѣ накопилось силъ больше, чѣмъ этого требуетъ удовлетвореніе возбуждающихъ его въ это время стремленій. Такъ человѣка обезоруживаетъ смиреніе и раскаяніе того, кто возбудилъ его гнѣвъ, и особенно въ томъ случаѣ, если это смиреніе проявляется неожиданно, на мѣсто ожидаемаго упрямства. По той же причинѣ человѣкъ не можетъ сердиться на малыхъ и безсильныхъ, если только безсиліе само по себѣ не является препятствіемъ къ удовлетворенію его стремленій. Отъ тѣхъ же причинъ человѣкъ особенно расположенъ къ чувству доброты послѣ спокойнаго сна и хорошаго обѣда, послѣ всякаго успѣха, когда одно дѣло окончено, а другое еще не начиналось, послѣ неожиданнаго удовлетворенія своего гнѣва, когда нѣтъ надобности тратить силъ, въ немъ скопленныхъ. Но, какъ очень тонко замѣчаетъ Аристотель, чувство доброты не ощущается тогда, когда возрастаетъ до крайности чувство наслажденія [2]).

20. Та же зоркая наблюдательность, которая побудила Аристотеля признать особое чувство доброты, какъ антагониста гнѣву, побудила и другаго, великаго знатока человѣческихъ страстей, Руссо, сдѣлать слѣдующую замѣтку: «злость происходитъ отъ слабости: дитя зло (слѣдовало бы сказать — сердится) только потому, что оно слабо; сдѣлайте его сильнымъ и оно будетъ добрымъ: тотъ, кто могъ бы сдѣлать все, — никогда не сдѣлалъ бы зла» [3]). Если мы замѣнимъ въ этихъ словахъ Руссо слово *злость* словомъ *гнѣвъ*, то мысль его явится прекраснымъ подтвержденіемъ нашей мысли: злоба же, какъ мы увидимъ дальше, есть уже продуктъ извращенной душевной дѣятельности, а не элементарное чувство. Вся эта замѣтка Руссо говоритъ только, что тотъ, кто чувствуетъ себя сильнымъ сдѣлать все, не можетъ испыты-

[1]) Rhet. B. II. Cap. 3. § 2.

[2]) Ib. § 12.

[3]) Emile. Paris. 1866, p. 44.

вать гнѣва. Еще яснѣе выражается та же мысль Руссо, когда онъ, не находя, конечно, возможности сдѣлать человѣка всесильнымъ, указываетъ возможность сдѣлать его добрѣе, уменьшивъ его потребности. «Тотъ, чья сила превосходитъ его потребности, — будь это насѣкомое, червякъ — есть существо сильное: тотъ же, чьи потребности превосходятъ силу,—будь это слонъ, левъ, будь это побѣдитель, герой, будь это богъ — есть существо слабое» [1]). Это положеніе является едва ли не главнѣйшимъ во всей воспитательной системѣ Руссо и его можно выразить немногими словами: «вы не можете удовлетворить всѣхъ потребностей человѣка; уменьшите же, по возможности, число этихъ потребностей, такъ чтобы человѣкъ удовлетворялъ имъ безъ труда, и вы сдѣлаете его разомъ и счастливѣе, и добрѣе». Мы увидимъ далѣе всю односторонность этой мысли и что Руссо, высказывая ее, забылъ, что не отъ человѣка зависитъ неумолкающее въ немъ требованіе сознательной дѣятельности, которое, при своемъ удовлетвореніи, расширяется все больше и больше. Но здѣсь для насъ важно только подкрѣпить свое мнѣніе и наблюдательностью Руссо. Въ его словахъ ясно выражается та наша мысль, что *чувство доброты появляется, когда силы наши превышаютъ требовательность стремленій,* хотя эта мысль и не формулирована Руссо въ психологическій законъ.

21. Чувство *доброты*, какъ и чувство гнѣва, можетъ быть вызвано или внѣшними для человѣка причинами или причинами, лежащими въ его безсознательной природѣ. Очевидно, что въ первомъ случаѣ чувство доброты будетъ сосредоточено предметомъ, который его вызвалъ, а во второмъ будетъ искать сосредоточиться на какомъ-либо случайно подвернувшемся предметѣ. Такъ человѣкъ, избавившійся отъ большой опасности, кидается обнимать перваго встрѣчнаго; такъ человѣкъ, получившій неожиданное удовлетвореніе своихъ сильныхъ и давно питаемыхъ желаній, изливаетъ переполняющее его чувство доброты на кого попало: не только на людей и животныхъ, но даже на бездушныя вещи.

22. Чувство *доброты* рѣзко отличается отъ чувства *любви*. Любовь побуждаетъ насъ часто быть жестокими въ отношеніи того, что̀ мы любимъ, и приносить его благо въ жертву нашимъ наслажденіямъ: чувство же доброты заставляетъ насъ быть добрыми не только въ отношеніи того, что̀ мы любимъ, но въ отношеніи всего безразлично, и часто даже въ отошеніи того, что̀ мы ненавидимъ или презираемъ. Есть люди, способные страстно любить и вовсе недобрые и ненѣжные, и есть, наоборотъ, очень добрые и нѣжные люди, въ тоже время совершенно не способные къ страстной и продолжительной любви.

23. Чувство *доброты* точно также, какъ и чувство гнѣва или чувство любви, само по себѣ, ни хорошо, ни дурно въ нравственномъ отношеніи; но, осложнившись съ представленіями и другими чувствами, оно

[1]) Ib. p. 59.

можетъ быть источникомъ какъ нравственныхъ, такъ и безнравственныхъ психическихъ явленій: оно можетъ вести къ щедрости, но также ведетъ и къ безтолковой расточительности; оно можетъ способствовать развитію человѣчественныхъ отношеній между людьми; но оно же ведетъ къ той поблажкѣ всему дурному, отъ которой общество столько же страдаетъ, если еще не болѣе, какъ и отъ развитія желчнаго направленія въ людяхъ. Вотъ почему, если воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы не сдѣлать душу *гнѣвною*, не воспитать такъ называемаго *желчнаго* человѣка, ищущаго вездѣ и во всемъ пищи своему гнѣву, то точно также долженъ онъ заботиться и о томъ, чтобы не воспитать души *безтолково доброй*, изливающей свою доброту на что попало и чаще на зло, чѣмъ на добро, потому-что зло хитрѣе добра: умѣетъ подстерегать добрыя минуты человѣка и пользоваться ими. Словомъ, если воспитатель не долженъ развивать желчнаго настроенія въ воспитанникѣ, то онъ долженъ также позаботиться, чтобы не воспитать въ немъ той *пряничной* души, въ которой также нѣтъ никакого нравственнаго достоинства.

ГЛАВА XXII.

Виды *душевно-сердечныхъ* чувствованій: 4) страхъ и смѣлость.

1. Аристотель опредѣляетъ *страхъ* какъ чувство, противоположное *надеждѣ* [1]), хотя въ тоже время указываетъ и на чувство *смѣлости*, какъ противоположное страху [2]). Декартъ вовсе выбрасываетъ чувство страха изъ своихъ шести элементарныхъ чувствованій на томъ онтологическомъ, но вовсе нелогическомъ основаніи, что въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего «ни похвальнаго, ни полезнаго для человѣка» [3]), и помѣщаетъ его въ число «частныхъ страстей» (les passions particulières), т. е. такихъ, которыя не подходятъ подъ его теорію. Онъ, также какъ и Аристотель, противополагаетъ страхъ надеждѣ. «*Надежда*, говоритъ Декартъ, есть расположеніе души увѣрять себя, что то, чего она желаетъ, сбудется; а *страхъ* есть другое расположеніе души, увѣряющее ее, что то, чего она желаетъ, не сбудется. И замѣчательно, что хотя эти страсти противоположны, но ихъ можно имѣть обѣ вмѣстѣ. Если же страхъ исключаетъ всякую надежду, то превращается въ *отчаяніе*, а если надежда совершенноо силиваетъ страхъ, то превращается въ *увѣренность* [4]).

2. Спиноза почти повторяетъ опредѣленіе Декарта, только сообразно своей теоріи чувствъ хочетъ вывести какъ страхъ, такъ и надежду изъ идеи радости и печали: «Страхъ — говоритъ онъ — есть печаль нетвер-

[1]) Rhetorik. B. II. Cap. V. § 14.
[2]) Ib. § 16.
[3]) Descart. Les Passions. Art. 69.
[4]) Ib. Art. 165, 166.

дая (сопровождаемая слабою увѣренностью) и происходящая отъ идеи какого-нибудь событія въ будущемъ или въ прошедшемъ, въ наступленіи котораго мы еще сомнѣваемся»; тогда какъ «надежда есть неувѣренная въ себѣ радость, происходящая отъ идеи будущаго или прошедшаго событія, въ наступленіи котораго мы еще сомнѣваемся». Отсюда Спиноза прямо выводитъ, что «страхъ не можетъ быть безъ надежды, а надежда безъ страха». Страху же и надеждѣ, какъ борьбѣ, въ насъ совершающейся, онъ противополагаетъ раждающіяся изъ нихъ чувства *увѣренности* или *отчаянія*. «Увѣренность есть такая радость, которая происходитъ изъ идеи будущаго или прошедшаго событія, на счетъ котораго всякая неизвѣстность уже исчезла, а отчаяніе есть чувство печали въ такомъ же положеніи» [1]).

4. Броунъ и Бэнъ также противополагаютъ страхъ надеждѣ [2]). Но замѣчательно, что тогда-какъ Декартъ вовсе выкидываетъ страхъ изъ числа элементарныхъ чувствъ, Бэнъ именно только *страхъ* и *любовь* называетъ вполнѣ неразлагаемыми чувствами [3]). Такъ шатки мнѣнія психологовъ, въ отношеніи самыхъ яркихъ чувствованій! Ридъ вовсе выпускаетъ изъ своей обширной психологіи какъ страхъ, такъ и надежду, хотя оба эти психическія явленія, кажется, такъ типичны, что должны были бы обратить на себя вниманіе психолога. Психологи гегелевской школы слѣдуютъ, конечно, Спинозѣ и опредѣляютъ страхъ какъ «представленіе еще не наступившаго страданія». Эрдманъ въ этомъ случаѣ прямо ссылается на Спинозу [4]). Гербартъ и его послѣдователи, принявъ искусственное отдѣленіе чувствованій отъ аффектовъ, на что мы указали выше [5]), отбрасываютъ чувство страха въ область физіологіи [6]) и считаютъ себя вправѣ не упоминать о немъ. Но если бы даже и существовала такая особая наука, какую проэктируетъ Гегель, подъ названіемъ «физіологіи психологіи» [7]), то и въ такомъ случаѣ психологамъ не слѣдовало бы обходиться безъ описанія тѣхъ физіологическихъ явленій, которыя имѣютъ столь очевидное вліяніе на всю душевную жизнь человѣка. Но такъ какъ такой науки, занимающей средину между физіологіей и психологіей, не существуетъ, то кто же обратитъ вниманіе на эти явленія, отъ разсмотрѣнія которыхъ уклоняется какъ физіологъ, такъ и психологъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, существуютъ и оказываютъ сильнѣйшее вліяніе на психическую жизнь человѣка и человѣчества? Вѣроятно, въ виду такой практической важности чувства страха, иные изъ гербартіанцевъ робко помѣщаютъ его въ свои

[1]) Eth. P. III. def. 12, 13, 14 и 15.
[2]) Brown. p. 433.
[3]) The Emotion, p. 209.
[4]) Grundriss der Psych. v. Erdmann. 1862. § 149.
[5]) См. выше, гл. III, пп. 9, 10.
[6]) Herbart's Lehrb. der Psych. § 106.
[7]) Gegel's Werke. VII Th. § 401.

психологическіе курсы, но едва посвящаютъ ему нѣсколько фразъ и то самыхъ неопредѣленныхъ. Такъ, напр., Дробишъ опредѣляетъ страхъ какъ «пустоту духа (Die Leere des Gemüths), происходящую не столько отъ недостатка представленій, сколько отъ глубокой подавленности ихъ» [1]). Но спрашивается: чѣмъ же подавляются эти представленія? Если тѣмъ же страхомъ, то что же это за опредѣленіе? Ничтожность подобныхъ опредѣленій объясняется тѣмъ, что, не признавая за душою никакихъ врожденныхъ стремленій, нѣтъ возможности объяснить появленіе сердечныхъ чувствованій вообще и страха въ особенности. Тѣ изъ гербартіанцевъ уже послѣдовательнѣе, которые, какъ напр. Вайцъ, совершенно выбрасываютъ изъ своихъ курсовъ подобныя психическія явленія, хотя въ то же время очень хорошо сознаютъ ихъ важность и для жизни, и для воспитанія [2]). Бенеке во всей своей психологіи даже вовсе ни упоминаетъ ни о надеждѣ, ни о страхѣ [3]). Такъ эта *опытная* психологія пропускаетъ *опыты*, испытываемые цѣлымъ человѣчествомъ и душою всякаго человѣка, но противорѣчащіе теоріи психолога!

5. Прежде всего замѣтимъ, что главная запутанность въ характеристикѣ страха происходитъ отъ того, что это элементарное, столь знакомое каждому чувство не выдѣлено, какъ слѣдуетъ, изъ тѣхъ интеллектуальныхъ комбинацій, въ которыя оно иногда входитъ, которыми оно иногда вызывается, но которое, наоборотъ, и само иногда вызываетъ. Чувство страха—такое типическое и знакомое каждому чувство, что, какъ только оно шевельнется въ душѣ, такъ каждый и признаетъ его за страхъ и не смѣшаетъ ни съ гнѣвомъ, ни съ печалью, изъ которыхъ выводить страхъ можетъ только насильственная теорія. Чувство страха, какъ мы уже видѣли выше, очень часто является прямо слѣдствіемъ неизвѣстныхъ намъ перемѣнъ въ нашемъ органическомъ состояніи [4]), слѣдовательно, появляется безъ всякихъ представленій, не вызывается ими, но само подыскиваетъ ихъ. Можно ли же сказать въ этомъ случаѣ, что причина страха заключается въ ожиданіи будущихъ страданій и несчастій? Иной больной боится всего и все ему внушаетъ страхъ; онъ ничего не ждетъ, но просто—всего боится. Даже и въ здоровомъ состояніи мы часто испытываемъ страхъ, прежде чѣмъ у насъ составится какое-нибудь понятіе о причинѣ страха. Правда, это называется *испугомъ;* но испугъ есть только внезапный страхъ. Если мы приготовились къ звуку выстрѣла, то не испугаемся его, хотя и можемъ вздрогнуть отъ нервнаго потрясенія; слѣдовательно, здѣсь было нервное потрясеніе, но не было чувства страха. Но мы ясно ощущаемъ страхъ, если надъ нашимъ ухомъ крикнутъ нечаянно: здѣсь уже и нервное потрясеніе, и чувство страха. Такой страхъ, происходящій отъ того

[1]) Empirische Psych. v. Drobisch. § 86.

[2]) Lehrbuch der Psych. v. Waitz. § 45.

[3]) Въ словарѣ, приложенномъ къ курсу, нѣтъ обоихъ словъ.

[4]) См. выше, гл. IX, пп. 9, 10.

или другаго состоянія организма, а не отъ какой-нибудь сознанной нами опасности, мы называемъ *инстинктивнымъ* или *органическимъ*, въ отличіе отъ *душевнаго*.

6. Первая ступень душевнаго страха имѣетъ много общаго съ удивленіемъ, однакоже существенно отъ него отличается. Въ удивленіи мы относимъ неожиданное для насъ явленіе только къ умственному нашему процессу; въ страхѣ же мы еще не знаемъ, какъ прійдется новое явленіе къ нашимъ жизненнымъ стремленіямъ, а отсюда возникаетъ то сердечное *безпокойство*, которое соотвѣтствуетъ умственному безпокойству или сомнѣнію. Вотъ почему Спиноза и смѣшалъ сомнѣніе и страхъ. На этой ступени мы можемъ назвать страхъ сердечнымъ безпокойствомъ или *сердечнымъ сомнѣніемъ*.

7. Если же нѣтъ уже болѣе сомнѣнія въ томъ, что новое явленіе представляетъ какое бы то ни было препятствіе для нашей жизненной дѣятельности и, слѣдовательно, для удовлетворенія тѣхъ стремленій, которыми она обусловливается, тогда возникаетъ въ насъ или прямо порывъ преодолѣть препятствіе, сказывающійся въ душѣ чувствомъ гнѣва или, если, почему бы то ни было, препятствія покажутся намъ превышающими наши силы, мы испытаемъ вторую степень страха. Такой страхъ еще борется со смѣлостью, или съ увѣренностью души въ достаточности ея силъ для преодолѣнія препятствій. Если эта увѣренность души основывается на собственныхъ ея силахъ или тѣхъ, которыя находятся въ ея распоряженіи, какъ напр., силы физическія, то это называется *самоувѣренностью*; если же увѣренность, борющаяся со страхомъ, основывается на чемъ-нибудь, не находящемся во власти души, то это называется *надеждою*.

8. Еще одну ступень въ своемъ развитіи дѣлаетъ страхъ, когда мы уже не пытаемся ни преодолѣть предстоящихъ намъ опасностей, ни избѣжать ихъ; но еще сомнѣваемся, на сколько онѣ могутъ остановить нашу жизненую дѣятельность и преградить путь къ удовлетворенію нашихъ жизненныхъ стремленій. При этомъ страхъ возростаетъ до чувства невыносимой тоски. Но высшая ступень страха будетъ та, когда мы уже сознаемъ неизбѣжность опасности и ея безпредѣльность въ отношеніи всѣхъ нашихъ жизненныхъ стремленій, словомъ, когда она неизбѣжно грозитъ жизни нашей или тому, что дороже для насъ самой жизни. На этой высшей ступени страхъ называется уже *ужасомъ*.

8. Ужасъ въ крайней степени не можетъ оставаться долго въ душѣ: онъ или убиваетъ человѣка внезапно, или доводитъ его до помѣшательства, или повергаетъ въ безпамятство, или, наконецъ, смѣняется *отчаяніемъ*, хотя и вновь смѣняетъ его. Это два страшные тирана человѣческаго сердца и они-то, по большей части, поселяются въ душѣ преступника по выслушаніи смертнаго приговора, если какое-нибудь высокое чувство не поддержитъ его. Но какая разница между *ужасомъ* и *отчаяніемъ*? По внѣшнему проявленію громадная: одинъ леденитъ кровь, другое волнуетъ ее; одинъ выражается оцѣпѣненіемъ тѣла и полнымъ

безсиліемъ, другое—страшными порывами; одинъ отымаетъ голосъ, другое вырывается воплями. Психической же разницы по теоріи, противополагающей страхъ надеждѣ, отыскать нельзя: и ужасъ, и отчаяніе будутъ одинаково высшей степенью безнадежности. Дѣло же рѣшается тѣмъ, какъ несчастный глядитъ на предстоящее ему несчастье: если онъ измѣряетъ его величину, то испытываетъ *отчаяніе*; если же онъ измѣряетъ его приближеніе, то имъ овладѣваетъ *ужасъ*. Въ обоихъ случаяхъ онъ страдаетъ, но отъ различныхъ причинъ: въ отчаяніи отъ самаго несчастья: въ ужасѣ—отъ его неизбѣжности и его приближенія, передъ которыми силы слабѣютъ, какъ бы уходятъ внутрь души, и кровь стынетъ въ жилахъ. Въ этой крайней степени страданіе и страхъ выдаютъ свои особенности: первое есть болѣзненное чувство препятствія; второе—бѣгство силъ души передъ препятствіемъ.

10. Трудно рѣшить, какъ возникаетъ въ насъ въ первый разъ чувство страха: отчего силы нашей души, если можно такъ выразиться, вмѣсто того, чтобы рваться впередъ и стремиться къ преодолѣнію препятствія или просто страдать отъ него, вдругъ какъ бы побѣгутъ отъ него назадъ, оставляя тѣло безъ своей поддержки? Вѣроятно, что прежде всего человѣкъ знакомится съ органическимъ страхомъ или съ испугомъ, зависящимъ просто отъ быстраго и внезапнаго потрясенія нервовъ. «Неокрѣпшая нервная система дитяти, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ, есть легкая добыча страха» [1]). Но какъ испугъ — этотъ органическій страхъ—переходитъ въ страхъ душевный? Отчего рождается первое ощущеніе, что силъ не хватитъ для преодолѣнія препятствія? Отчего колеблется врожденная смѣлость души человѣческой? Можетъ быть, что чувство гнѣва, развивающееся въ душѣ при борьбѣ съ препятствіями, истощаетъ, наконецъ, силы тѣла въ мускульныхъ напряженіяхъ до того, что это физическое истощеніе уже само отзывается въ душѣ органическимъ чувствомъ страха, такъ-какъ многія патологическія наблюденія показываютъ, что истощеніе силъ тѣла уменьшаетъ смѣлость человѣка. Съ тѣхъ же поръ, какъ человѣкъ почувствовалъ, что есть препятствія, которыхъ онъ преодолѣть и обойти не можетъ, онъ дѣлается доступенъ страху.

11. Имѣя въ виду *душевный* а не *органическій* страхъ, мы не только не признаемъ дѣтей боязливыми по природѣ, но напротивъ замѣтимъ въ нихъ много смѣлости. Нѣкоторые, какъ напр., Ридъ и отчасти Руссо, думаютъ, что дѣти уже по природѣ боятся темноты; но мы скорѣе согласны съ Бэномъ, отвергающимъ эту боязнь. Темнота, скрывая отъ насъ окружающее, можетъ сильно способствовать развитію въ насъ всякаго рода страховъ, которые зависятъ уже отъ другихъ причинъ; но сама по себѣ темнота едва ли можетъ быть причиною страха. Вѣроятно, случаи въ темнотѣ, какъ напр., ушибы, причины которыхъ мы не знаемъ, повторяясь нѣсколько разъ, могутъ связаться въ насъ съ представленіемъ темноты, и въ такомъ случаѣ испугъ или страхъ орга-

---

[1]) The Emotion, p. 81.

ническій превратится въ страхъ душевный. Вообще трудно рѣшить, есть-ли въ природѣ предметы, внушающіе страхъ человѣку и животному даже и тогда, когда они видятъ эти предметы въ первый разъ. Кажется, что такіе предмеды есть для животныхъ: голубь, никогда не видѣвшій змѣи, выказываетъ всѣ признаки сильнаго страха, когда она наведетъ на него глаза свои. Но есть-ли такіе предметы для человѣка — мы не знаемъ. Кажется, мы можемъ принять за истину, что человѣкъ не боится ничего, пока собственные опыты или разсказы другихъ не покажутъ ему, что у него не всегда станетъ силъ для преодолѣнія препятствій и не познакомятъ его съ душевнымъ страхомъ, съ чувствомъ силы, отступающей отъ препятствій вмѣсто того, чтобы кинуться на нихъ.

12. Бэнъ справедливо называетъ чувство страха самымъ несчастнымъ состояніемъ человѣка. Достигнувъ послѣдней степени ужаса, когда уже человѣкъ не сомнѣвается ни въ своемъ полномъ безсиліи, ни во всемогуществѣ опасности, предѣловъ которой не видитъ, страхъ останавливаетъ психическую жизнь, не прекращая ее. Вотъ почему древніе олицетворяли страхъ въ головѣ Медузы, взглядъ на которую превращалъ человѣка въ камень. Физическое дѣйствіе крайней степени страха или ужаса поразительно. У людей, переживших такія минуты, часто волосы сѣдѣютъ въ нѣсколько часовъ, остается качаніе головы или дрожь членовъ на всю жизнь. Иногда послѣдствіемъ такого страха бываетъ помѣшательство, истерическіе припадки, падучая болѣзнь; но кто же можетъ объяснить намъ, какая связь между сѣдѣющими въ одну ночь волосами и ужаснувшеюся душою?

13. Воплощеніе страха очень характеристично; а между тѣмъ въ описаніяхъ этого воплощенія, которое мы встрѣчаемъ у психологовъ и физіологовъ, много запутанности и противорѣчій. Это, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ того, что наблюдаютъ проявленіе страха въ различныхъ его степеняхъ. Вотъ почему, вѣроятно, мы встрѣчаемъ въ описаніи этого воплощенія то судорожное напряженіе мускуловъ, то, напротивъ, ихъ полное распущеніе. Когда человѣкъ пытается еще бороться съ опасностью или даже бѣжать отъ нея, то это еще не высшая степень страха, и проявляющаяся при этомъ напряженность мускуловъ едва ли можетъ быть приписана вліянію страха. Услышавъ же безгранично страшную для него новость, человѣкъ не можетъ двинуться съ мѣста, не испускаетъ ни одного крика, изъ рукъ его выпадаетъ и то, что онъ держалъ, нижняя челюсть опускается, мускулы дрожатъ, какъ быстро отпущенныя струны, дыханіе пріостанавливается, сердце замираетъ, слова не идутъ съ языка, слюна перестаетъ отдѣляться, ощущается ослабленіе въ желудкѣ, кровообращеніе замедляется, лицо блѣднѣетъ, зеленѣетъ, пріобрѣтаетъ особенный трупный оттѣнокъ, руки дрожатъ, колѣна подгибаются, всѣ физическія силы тѣла, какъ будто, скрываются изъ него!

14. Бэнъ объясняетъ этотъ поразительный упадокъ силъ при чувствѣ страха тѣмъ, что физическія силы будто бы истощены въ пред-

шествующихъ бурныхъ движеніяхъ [1]). Но это одна изъ самыхъ очевидныхъ натяжекъ, сдѣланныхъ Бэномъ въ пользу его теоріи «эмоціональныхъ токовъ». Гдѣ же тѣ *бурныя* движенія, силой которыхъ можно было бы объяснить исчезновеніе всѣхъ физическихъ силъ въ ту самую минуту, какъ душу охватилъ ужасъ? Много, сильно и долго должны были бы двигаться мускулы, чтобы истратить столько силъ; но мы вовсе не видимъ этихъ предварительныхъ движеній. Но вотъ медикъ подошелъ къ больному, котораго ужасъ неизбѣжной смерти совершенно лишилъ силъ, и сказалъ ему твердое утѣшительное слово, и черезъ минуту же у больнаго голосъ возвращается, онъ чувствуетъ въ себѣ силы, встаетъ съ постели. Откуда же взялись эти силы, если онѣ были истощены въ бурныхъ движеніяхъ? Нѣтъ, дѣйствительная трата силъ, послѣ долгой работы, или даже послѣ бурныхъ порывовъ гнѣва такъ скоро не вознаграждается изъ пищеваго процесса. Не ясно ли, что исчезновеніе силъ въ страхѣ есть только кажущееся, что они остаются въ организмѣ, но что душа на время страха перестаетъ обладать ими? Это-то и производитъ внезапное уничтоженіе того *тоническаго* состоянія мускуловъ, которое постоянно замѣчается во всякомъ живомъ организмѣ [2]).

15. Если же въ періодъ страха мы замѣчаемъ и судорожное напряженіе въ нѣкоторыхъ мускулахъ, то это слѣдуетъ приписать двумъ причинамъ: или замирающимъ попыткамъ бороться съ опасностью, или просто тому физіологическому явленію, при которомъ распущеніе однихъ мускуловъ рефлективно вызываетъ судорожное сокращеніе въ другихъ; но, во всякомъ случаѣ, эти движенія далеко не такъ энергичны и продолжительны, чтобы ими можно было объяснить страшный и внезапный упадокъ силъ, обнаруживающійся при крайней степени ужаса, и проходящій также быстро, какъ проходитъ ужасъ. Не дѣйствительнымъ истощеніемъ физическихъ силъ, которыя могутъ возобновляться только медленно изъ пищеваго процесса, слѣдуетъ объяснить этотъ упадокъ силъ; а прекращеніемъ того вліянія, которое душа оказываетъ постоянно на нервный организмъ, которое прекращается только со смертью, и временно прерывается въ состояніи крайняго ужаса. Этимъ объясняется внезапное распущеніе мускуловъ, необычайное раскрытіе глазъ, дрожь, подобная той, которая замѣчается въ струнѣ, когда ее разомъ отпустятъ, перерывы дыханія, судорожныя схватки въ горлѣ, пріостановка дѣятельности и ослабленіе желудка, такъ какъ всѣ эти органическія отправленія находятся подъ постояннымъ воздѣйствіемъ нервной системы, а нервная система подъ постояннымъ воздѣйствіемъ души, которое въ состояніи ужаса пріостанавливается. Блеснетъ первый лучъ надежды освободиться отъ опасности, проглянетъ первый порывъ бороться съ нею—и мы замѣчаемъ въ себѣ необыкновенныя силы. Слѣдовательно, онѣ не были истощены, а только обладаніе ими было пріостановлено.

---

[1]) The Emotion, p. 76.

[2]) Man. de Phys. par Müller. P. II. p. 74.

16. Страхъ такое отвратительное чувство, что не удивительно, если нѣкоторые психологи приписываютъ ему только дурное вліяніе. Однакоже, мы назовемъ чувство страха также и спасительнымъ, если примемъ во вниманіе, отъ сколькихъ опасностей предохраняетъ насъ это чувство и какъ умудрила людей боязнь опасности. Но въ тоже время мы считаемъ ошибочнымъ мнѣніе Бэна, что будто страхъ имѣетъ возбуждающее дѣйствіе на волю [1]). Если животное, побуждаемое страхомъ, кидается бѣжать, то это не дѣйствіе страха, а дѣйствіе реакціи, возбуждаемой страхомъ — стремленіе уйти отъ опасности. Когда человѣкъ имѣетъ еще достаточно силъ, чтобы бѣжать, то это доказываетъ, что страхъ не достигъ въ немъ высшей степени. Пораженный же полнымъ ужасомъ, человѣкъ остается какъ бы прикованнымъ къ землѣ, не имѣетъ силъ ни бѣжать, ни защищаться, ни даже крикнуть. Кромѣ того, всякій изъ насъ, наблюдая надъ самимъ собою, можетъ убѣдиться, что во всякомъ предпріятіи страхъ замѣтно оказываетъ ослабляющее вліяніе на волю: страхъ заставляетъ человѣка быть осторожнымъ, но только смѣлость даетъ ему силу и энергію.

17. Бэнъ думаетъ, что предметы, внушавшіе намъ страхъ, сильно врѣзываются въ нашу память; но мы знаемъ, что это свойство всѣхъ *аффективныхъ образовъ*, какимъ бы сердечнымъ чувствомъ они ни были проникнуты. Если же въ Англіи, какъ говоритъ Бэнъ, точно также какъ и у насъ, мальчиковъ сѣкли на межѣ съ тою цѣлью, чтобы они тверже запоминали границы полей, то это, безъ сомнѣнія, потому, что вообще легче и менѣе убыточно поколотить дитя, чѣмъ его обрадовать. При этомъ слѣдуетъ еще не упускать изъ виду, что если самъ пугающій образъ, какъ напр., видъ межи, на которой ожидаетъ мальчика наказаніе, укореняется въ памяти, то изъ этого никакъ нельзя выводить, что учитель, напримѣръ, можетъ криками и угрозами заставить ребенка твердо запомнить объясняемый урокъ. Дитя твердо запомнитъ только гнѣвное лицо учителя, его пугающіе жесты и слова, но не содержаніе урока, которое, напротивъ, поблѣднѣетъ при сосѣдствѣ съ такими яркими образами. Для того, чтобы какой-нибудь образъ глубоко залегъ въ памяти, надобно, чтобы чувство возбуждалось самимъ этимъ образомъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы запоминаемый образъ находился въ тѣсной связи съ тѣмъ, который проникнутъ чувствомъ, и при томъ все равно, какого бы рода это чувство ни было: страхъ, любовь, гнѣвъ, стыдъ или удивленіе. Но какая же связь гнѣвнаго лица учителя съ латинскими вокабулами, или укоризнъ и угрозъ, расточаемыхъ законоучителемъ по тому поводу, что мальчикъ не заучилъ нагорной проповѣди,— съ самымъ смысломъ этой проповѣди? Если и есть связь, то развѣ связь противоположности; но надобно, чтобы дитя обратило вниманіе на эту противоположность, а едва ли это придется учителю по вкусу. Приписывать же страху, какъ это дѣлаетъ Бэнъ, какое бы то ни было, хотя

[1]) The Emotions, p. 78.

и не всегда успѣшное вліяніе на возбужденіе памяти, есть большая ошибка. Напротивъ, въ страхѣ мы забываемъ даже и то, что хорошо помнили, и слова науки, сопровождаемыя угрозами, менѣе всего способны улечься въ памяти. Если же иной учитель заставляетъ дѣтей строгостью выучивать уроки, то это уже не дѣйствіе страха, а дѣйствіе реакціи, имъ вызываемой: дѣйствіе напряженія воли, порывающейся освободиться отъ мученій страха. Вотъ почему грозный учитель различно дѣйствуетъ на дѣтей одного и того же класса, и если одни изъ нихъ дѣйствительно начинаютъ учиться лучше, то за то другіе, слабые и нервные, совершенно перестаютъ учиться. Уча урокъ, они не могутъ сосредоточить своего вниманія на томъ, что учатъ: передъ ихъ глазами упрямо стоитъ грозный образъ учителя и сулимыя имъ наказанія. Самъ по себѣ страхъ, независимо отъ реактивныхъ попытокъ отдѣлаться отъ него, положительно подавляетъ силу души; это поразительно замѣтно на дѣтяхъ, воспитателемъ которыхъ былъ только одинъ постоянный страхъ.

18. Педагогическое дѣйствіе страха очень сомнительно: если и можно имъ пользоваться, то очень осторожно, всегда имѣя въ виду, что смѣлость есть жизненная энергія души. Библейское же выраженіе: «*Страхъ Божій есть начало премудрости*», столь любимое воспитателями и наставниками, охотниками до дешеваго средства внушать страхъ, имѣетъ глубокій смыслъ, рѣдко понимаемый тѣми самими, кто часто употребляетъ это выраженіе. Они не подумаютъ о томъ, что здѣсь не говорится, что *всякій* страхъ есть начало премудрости, а только *страхъ Божій*. Если человѣкъ достигнетъ до той нравственной высоты, что боится только одного Бога, то значитъ онъ боится одной своей собственной совѣсти—и больше ничего въ мірѣ не боится. Осталась ли эта совѣсть въ своемъ естественномъ состояніи, раскрыта ли она ученіемъ Откровенія, во всякомъ случаѣ, она для человѣка голосъ Божій, и если человѣкъ, не внимая никакимъ угрозамъ и приманкамъ свѣта, начнетъ внимательно прислушиваться только къ этому голосу, то и откроетъ въ немъ *источникъ премудрости*, т. е. нравственности или высшей практической мудрости. Но какъ жалко злоупотребляютъ этимъ глубокимъ библейскимъ изрѣченіемъ различные любители *задать страху дѣтямъ*! Они прикрываютъ имъ свое неумѣнье сдерживать гнѣвъ, неумѣнье, которое должно бы вычеркнуть ихъ изъ списка воспитателей, и внушаютъ дѣтямъ не страхъ *Божій*, а страхъ *учительскій*, изъ котораго родятся ложь, притворство, хитрость, трусость, рабство, слабость, ничтожество души,—а не премудрость.

19. Изъ того, что мы уже сказали, само собою понятно, что страхъ увеличивается неопредѣленностью опасности. Въ этомъ отношеніи Бэнъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что ничто такъ не унижаетъ и не портитъ человѣка, «какъ рабскій страхъ, именно оттого, что рабъ не знаетъ предѣловъ власти своего господина, который можетъ съ нимъ сдѣлать все, тогда какъ гражданинъ страны, управляемой законами, а

не произволомъ, всегда знаетъ, что его ждетъ» [1]). Но напрасно Бэнъ называетъ рабскій страхъ «особымъ видомъ страха». Всякій страхъ, теряя предѣлы, становится безпредѣльнымъ, и если «пушечная лихорадка проходитъ у солдатъ», то не отъ привычки, а по мѣрѣ того, какъ солдатъ замѣчаетъ, что не всякое ядро убиваетъ и что можно простоять цѣлые часы подъ огнемъ и выдти изъ него невредимымъ. По мѣрѣ того, какъ предѣлы опасности опредѣляются, и страхъ уменьшается: «гляди страху прямо въ глаза, говоритъ русская пословица, и страхъ смигнетъ.» Но къ свойству страха именно относится расширеніе предѣловъ опасности, какъ это выражается въ другой пословицѣ: «у страха глаза велики», намекающей, можетъ быть, и на особое расширеніе глазъ при чувствѣ страха. Какъ только началось ясное сознаніе предѣловъ страха, такъ и рождаются попытки избавиться отъ этого мучительнаго чувства, а попытки эти, окрѣпнувъ, могутъ вытѣснить изъ души страхъ, замѣнивъ его гнѣвомъ, какъ разъ соразмѣрнымъ силѣ вытѣсненнаго страха. Вотъ чѣмъ объясняется ярость человѣка противъ тирановъ, которыхъ онъ долго трепеталъ. У животныхъ также очень часто цѣпенящій ужасъ смѣняется бурною яростью. Но эта буря поднята не страхомъ, а борьбою со страхомъ, съ этимъ—самымъ ненавистнымъ угнетателемъ нашей душевной дѣятельности.

20. Дѣйствіе страха именно потому и ужасно, что онъ, останавливая дѣятельность души, въ тоже время приковываетъ ея вниманіе къ предмету страха. Въ эти минуты, по мѣткому выраженію народной психологіи, мы «ни живы, ни мертвы»: *мы не живемъ* потому, что дѣятельность нашей души остановлена, а дѣятельность есть жизнь души; *мы не умерли* еще потому, что чувствуемъ во всей силѣ эту страшно-мучительную остановку жизни. Страхъ смерти, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ, есть вѣнецъ страха; но въ этомъ мы также не видимъ никакого особеннаго *вида страха*. Собственно говоря, какъ замѣтилъ еще Декартъ, всякій страхъ — есть страхъ смерти, т. е. такая боязнь прекращенія душевной дѣятельности, что дѣятельность души дѣйствительно пріостанавливается; какъ только же мы начинаемъ бороться съ опасностью, такъ и страхъ начинаетъ проходить.

21. Такъ-какъ причиною страха можетъ быть все, что угрожаетъ посредственно или непосредственно нашей жизни или жизни людей, намъ близкихъ, а неопредѣленность опасности значительно увеличиваетъ страхъ, то и понятно, что образованіе, уменьшая число опасностей, угрожающихъ нашей жизни, уменьшаетъ число причинъ страха, и, давая возможность измѣрить опасность и опредѣлить ея послѣдствія, уменьшаетъ напряженность страха въ виду этихъ опасностей. Въ этомъ мы вполнѣ согласны и съ Бэномъ, и съ Боклемъ [2]). Но мы думаемъ, что эти писатели слишкомъ уже преувеличиваютъ обезпеченіе современнаго человѣка

---

[1]) The Emotion, p. 81.

[2]) The Emotion, p. 85.

въ отношеніи страха. Мы точно также, какъ и предки наши, не знаемъ причины самыхъ опасныхъ для насъ явленій: ни чумы, ни тифа, ни холеры, ни появленія трихинъ, и если не приписываемъ ихъ вмѣшательству невѣдомыхъ силъ, то не потому, чтобы мы знали причину этихъ явленій. Смѣлѣе ли сталъ современный человѣкъ — это еще вопросъ. Князь Игорь, отправляющійся въ походъ, не смотря на страшныя знаменія, въ гибельное значеніе которыхъ онъ вѣритъ, преодолѣваетъ еще одинъ лишній страхъ, котораго уже не нужно преодолѣвать современному полководцу. Макбетъ, вызывающій духовъ, въ которыхъ онъ вѣруетъ, и тѣнь Банко, которую онъ, конечно, не объясняетъ галюцинаціей, только еще яснѣе выказываетъ свою неукротимую смѣлость, преодолѣвая предразсудки, которые для насъ теперь не существуютъ. Не познанія и не отсутствіе предразсудковъ внушаютъ скандинавскому герою слова, теперь почти непонятныя для насъ: «Руби меня прямо въ лицо» — говоритъ онъ своему товарищу, который не такого сорта человѣкъ, чтобы задуматься исполнить просьбу друга: «руби меня прямо въ лицо, и посмотри, смигну ли я?» Не трудно видѣть въ такихъ явленіяхъ, что *смѣлость* независима отъ какого бы то ни было умственнаго развитія, и есть не плодъ ума, а чувство, прирожденное человѣку.

21. Чувство *смѣлости* Аристотель справедливо противополагаетъ чувству *страха* [1]). Но это чувство такъ присуще человѣку, что мы замѣчаемъ его отдѣльное существованіе только тогда, когда оно, предварительно будучи подавлено страхомъ, начинаетъ вновь возникать. Всякій изъ насъ вѣроятно испытывалъ на себѣ это *воскрешающее* вліяніе возрождающейся смѣлости. На сколько чувство страха отымаетъ у насъ силы—на столько смѣлость даетъ намъ ихъ, да и въ воплощеніи своемъ смѣлость выражается чертами, совершенно противоположными страху: мускулы напрягаются, не доходя еще до судорожнаго напряженія гнѣва; станъ выпрямляется, голова подымается, цвѣтъ лица дѣлается живымъ, не пріобрѣтая еще краски или блѣдности гнѣва, глаза блестятъ, вся физіономія принимаетъ какой-то смѣлый, рѣшительный характеръ, еще ни одной чертой своей не выражая гнѣва. Что-то торжественное, прекрасное и легкое, что такъ дивно идеализировалъ древній художникъ въ фигурѣ Аполлона Бельведерскаго, проглядываетъ въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи человѣка, воодушевленнаго смѣлостью.

22. Самостоятельность чувства смѣлости, обыкновенно выбрасываемаго психологами изъ списка чувствованій, кромѣ спеціальности ощущенія, знакомаго каждому, и кромѣ особенности воплощенія, удостовѣряется еще и возникновеніемъ этого чувства въ душѣ изъ причинъ органическихъ. Всѣ военачальники знаютъ, что сытый человѣкъ смѣлѣе голоднаго въ битвѣ, хотя въ тоже время голодный сердитѣе сытаго. Въ этомъ общеизвѣстномъ фактѣ выражается разомъ и возникновеніе чувства смѣлости изъ органическихъ причинъ, и его отдѣльность отъ чувства гнѣва, съ

[1]) Rhetorik. B. II. Kap. V. § 6.

которымъ его часто смѣшивали. Извѣстно также, какое вліяніе на возбужденіе смѣлости имѣютъ спиртные напитки. Особенная полнота половыхъ стремленій оказываетъ тоже вліяніе; тогда какъ, наоборотъ, сильное истощеніе въ этомъ отношеніи дѣлаетъ человѣка трусомъ.

23. Мы вполнѣ согласны съ Бэномъ, который называетъ смѣлость однимъ изъ величайшихъ качествъ души человѣческой, безъ котораго не возможны ни благородная дѣятельность, ни порядочный образъ мыслей, ни самостоятельность характера. Точно также мы убѣждены въ томъ, что страхъ есть самый обильный источникъ пороковъ, чему лучшее доказательство мы видимъ въ тѣхъ деспотическихъ государствахъ, гдѣ опасность ничѣмъ неограниченнаго произвола одного человѣка виситъ, какъ Дамоклесовъ мечъ, надъ головой каждаго. Но мы утверждаемъ также, что только страхъ, своимъ реактивнымъ вліяніемъ, преобразуетъ врожденную человѣку инстинктивную смѣлость въ разумное мужество, и если человѣкъ научился преодолѣвать и предотвращать опасности или, по крайней мѣрѣ, избѣгать ихъ, то этимъ онъ обязанъ столько же чувству смѣлости, сколько и чувству страха. Люди, въ характерѣ которыхъ преобладаетъ инстинктивное чувство смѣлости, безпечны и непредусмотрительны, и не трудно понять, что если бы у человѣка и у животнаго вовсе не было чувства страха, то едвали и самое существованіе ихъ было бы обезпечено: они были бы легкою добычею разныхъ опасностей, а опасности, которыхъ они избѣжали бы случайно, не врѣзывались бы въ ихъ памяти и ничему бы ихъ не научали. Безумная смѣлость, какъ и безумная трусость одинаково гибельны. Все дѣло, слѣдовательно, *въ умѣ*, который могъ бы измѣрить опасность и пріискать средство избавиться отъ нее, и *въ волѣ*, которая была бы довольно сильна, чтобы воспрепятствовать чувству страха перейти въ органическій аффектъ и, дѣйствуя изъ нервовъ на душу, помѣшать ей спокойно работать. Не тотъ *мужественъ*, кто лѣзетъ на опасность, не чувствуя страха; а тотъ, кто можетъ подавить самый сильный страхъ и думать объ опасности, не подчиняясь страху.

24. Природная смѣлость есть та глыба драгоцѣннаго мрамора, изъ которой страхъ выработываетъ величественную статую мужества. Но дѣло въ томъ, какъ совершается эта работа и что служитъ рѣзцомъ для выработки этой статуи? Въ этомъ отношеніи существуетъ странная противоположность въ мнѣніяхъ. Бэнъ, напримѣръ, ставитъ привычку побѣждать страхъ одною изъ главныхъ причинъ развитія смѣлости [1]), Бокль же наоборотъ утверждаетъ, что «страхъ усиливается привычкою» [2]), хотя это явленіе, какъ думаетъ Бокль, противорѣчитъ психологіи. Въ доказательство своего положенія Бокль приводитъ то явленіе, что въ Мексикѣ, напримѣръ, при землетрясеніи, «туземцы болѣе иностранцевъ

[1]) The Emotion. p. 89.

[2]) Бокль. Ист. цивил. въ Англіи, стр. 92; прим. 191.

чувствительны къ каждому подземному удару и болѣе ихъ волнуются» [1]). Но эта замѣтка показываетъ только, что Бокль былъ очень плохой психологъ. Страхъ, какъ и всякое другое сердечное чувство, способное перейти въ органическій аффектъ, можетъ усилить расположеніе къ легчайшему возникновенію того же органическаго чувства. На это явленіе, какъ мы видѣли выше, указалъ уже Аристотель въ отношеніи гнѣва. Тоже самое слѣдуетъ сказать и въ отношеніи страха, что энергически выражается русскою пословицею: «пуганая ворона куста боится». Кромѣ того весьма объяснимо психологически, что человѣкъ, испытывающій землетрясеніе и видящій изверженіе лавы въ первый разъ, обратитъ сильное вниманіе на эти, необыкновенныя для него явленія, не думая о ихъ послѣдствіяхъ, которыя онъ представляетъ себѣ по слухамъ и изъ книгъ и, слѣдовательно, далеко не съ такою яркостью и не такъ рельефно, какъ тотъ, кто самъ видѣлъ эти послѣдствія, а можетъ быть и страдалъ отъ нихъ.

25. Не привычка *переносить* страхъ, но привычка *преодолѣвать* его увеличиваетъ смѣлость, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ. Но въ чемъ же состоитъ самая эта привычка? Мы думаемъ, что слово *привычка* употреблено здѣсь Бэномъ неумѣстно. Привычки здѣсь собственно нѣтъ, а есть возростающая въ человѣкѣ увѣренность въ возможности преодолѣть тѣ или другія препятствія, а увѣренность эта возникаетъ именно оттого, что человѣкъ преодолѣвалъ уже данную опасность нѣсколько разъ и нѣсколько разъ подавлялъ въ душѣ своей возникающее чувство страха. Смѣлость же сама по себѣ, какъ мы видѣли, есть ни что иное, какъ прирожденное человѣку чувство увѣренности въ своихъ силахъ. Всякій новый опытъ, доказывающій намъ присутствіе этихъ силъ, въ сравненіи съ опасностями, увеличиваетъ эту увѣренность и увеличиваетъ, слѣдовательно, нашу смѣлость. Это увеличеніе смѣлости можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ: или оттого, что мы увѣрились въ возможности преодолѣть ту или другую опасность или избѣжать ее, или оттого, что, подавляя часто чувство страха вообще, мы увѣрились вообще въ громадности нашихъ силъ. Въ первомъ случаѣ можетъ образоваться только частная храбрость, и человѣкъ, храбрый, напримѣръ, на морѣ, можетъ оказаться трусомъ на сушѣ, а храбрый воинъ — трусливымъ гражданиномъ. Во второмъ случаѣ выростаетъ общая смѣлость, часто увлекающая человѣка въ безумныя предпріятія, но часто и уносящая его на такую дорогу, на которую еще никто не выходилъ прежде, только по недостатку безграничной смѣлости. «Смѣлость города беретъ», говоритъ русская пословица; но она же и «кандалы третъ», прибавляетъ другая [2]).

26. Спиноза говоритъ, что «человѣкъ, воображающій, что онъ не можетъ сдѣлать извѣстнаго дѣла, не можетъ рѣшиться дѣйствовать, а

[1]) Ib. стр. 91 и 92 прим. 191.

[2]) «Пословицы Русскаго Народа». Собр. Даля. Стр. 274.

потому и дѣйствительно не способенъ сдѣлать даннаго дѣла» [1]). Вотъ эта-то увѣренность или внушается врожденною человѣку смѣлостью, которая еще не испытала реакціи страха, или опытами дѣятельности. Дитя родится съ безграничною смѣлостью и мы ясно замѣчаемъ, что чѣмъ менѣе дитя запугано, тѣмъ оно смѣлѣе; такъ что смѣлость выражается въ каждой чертѣ его лица и въ каждомъ его движеніи. При этомъ еще слѣдуетъ имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находятся нервы ребенка, а также и то, каковы люди, его окружающіе; ибо страхъ, какъ и всякое другое сердечное чувство, заразителенъ, передаваясь отъ человѣка къ человѣку посредствомъ тѣлеснаго воплощенія и нервнаго сочувствія [2]). Воспитатель долженъ беречь эту прирожденную смѣлость, но не оставлять ее въ первобытномъ видѣ, въ которомъ она столько же можетъ надѣлать вреда, сколько и пользы. Онъ долженъ ставить ребенка въ такія положенія, чтобы онъ преодолѣвалъ свой страхъ, и уберегать отъ такихъ, въ которыхъ ребенокъ подчинялся бы всесильному страху; словомъ, воспитатель долженъ беречь драгоцѣнное чувство смѣлости, но вмѣстѣ съ тѣмъ опытами преодолѣнія страха передѣлывать неразумную смѣлость въ разумное мужество.

27. Теперь, изучивъ проявленіе страха и смѣлости, попытаемся опредѣлить взаимное отношеніе этихъ двухъ важныхъ чувствованій. Кажется, что мы должны ихъ признать такими же двумя прямыми антагонистами, какими признали чувство удовольствія и неудовольствія [3]), но только въ обратномъ отношеніи между собою. Чувство неудовольствія вытекаетъ непосредственно изъ неудовлетворенія нашихъ стремленій, и потому предшествуетъ чувству удовольствія; слѣдовательно, отрицательное чувствованіе здѣсь предшествуетъ положительному, тогда-какъ, наоборотъ, мы должны предположить *смѣлость* (чувство положительное) предшествующею появленію страха (чувство отрицательное). Однакоже это противорѣчіе только кажущееся: мы не чувствуемъ смѣлости, хотя она и руководитъ нашими дѣйствіями, пока не почувствуемъ страха. Мы ощущаемъ смѣлость только уже какъ реакцію страху. *Смѣлость*, словомъ, есть врожденное *состояніе* души, которое высказывается въ ней особеннымъ чувствованіемъ только тогда, когда, нарушенное чѣмъ-нибудь, сопровождаемымъ чувствомъ страха, вновь вступаетъ въ свои права.

28. Мы думаемъ, что это состояніе смѣлости соотвѣтствуетъ тому типическому состоянію нервовъ и мускуловъ [4]), въ которомъ они находятся во всякомъ живомъ организмѣ, пока онъ живъ, и временными нарушеніями котораго обнаруживается чувство страха, какъ мы уже это видѣли выше. Слѣдовательно, чувство смѣлости есть не болѣе, какъ ощущеніе душою своихъ собственныхъ силъ; а чувство страха есть по-

---

[1]) Eth. P. III. App. § 28. Expl.

[2]) См. выше, гл. XIV.

[3]) См. выше, гл. XIX п. 8.

[4]) См. выше, п. 14.

давленіе чувства смѣлости, происходящее иногда отъ органическихъ причинъ, а иногда отъ поколебанія нашей прирожденной увѣренности въ нашихъ силахъ.

ГЛАВА XXIII.

Виды *душевно-сердечныхъ* чувствованій: 5) чувство стыда и чувство самодовольства.

1. Чувство *стыда* разслѣдовано едва ли не менѣе всѣхъ прочихъ элементарныхъ чувствъ, что главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что его смѣшиваютъ то съ нѣсколькими сложными чувственными состояніями, а именно съ *раскаяніемъ, совѣстью,* и наконецъ *застѣнчивостью*, въ которой иные, какъ напр. Бэнъ, видятъ низшую степень страха. Но хотя стыдъ дѣйствительно часто соединяется со всѣми этими сложными видами чувственныхъ душевныхъ состояній, но существуетъ однако и отдѣльно отъ нихъ, какъ чувство вполнѣ элементарное, для котораго природа назначила и особое воплощеніе въ организмѣ. Правильнѣе другихъ взглянули на это чувство все же Аристотель и Спиноза.

2. Оба эти мыслителя обращаютъ прежде всего вниманіе на то, что чувство стыда возможно только при условіи жизни человѣка въ обществѣ людей, и при томъ такихъ, мнѣніемъ которыхъ онъ болѣе или менѣе дорожитъ. «Стыдъ, говоритъ Аристотель, есть извѣстное непріятное чувство, относящееся къ такому злу, которое по нашимъ понятіямъ ведетъ къ дурной славѣ» [1]). Спиноза опредѣляетъ стыдъ почти также: по его мнѣнію, «стыдъ есть чувство печали, сопровождаемое идеею какого-нибудь нашего дѣйствія, которое мы считаемъ предметомъ осужденія со стороны другихъ» [2]).

3. Въ обоихъ этихъ мнѣніяхъ для насъ важно только то, что чувство стыда признается такимъ чувствомъ, которое соотвѣтствуетъ стремленію человѣка къ общежитію и въ отдѣльности отъ этого стремленія считается невозможнымъ. Аристотель прямо даже указываетъ на эту невозможность, говоря, что никто не стыдится младенцевъ и животныхъ [3]) и что стыдъ, ощущаемый нами въ присутствіи другихъ людей, какъ разъ соразмѣряется съ тѣмъ уваженіемъ, которое мы имѣемъ къ ихъ мнѣнію. Извѣстно, наприм., какъ римляне и «римлянки мало стыдились своихъ рабовъ». Древніе, уничтожая личность въ рабѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ теряли въ отношеніи къ нему почти всякое чувство стыда [4]).

---

[1]) Rhetorik. Kap. VI. § 1.

[2]) Eth. P. III. § 31.

[3]) Rhetorik. B. II. Kap. VI. § 23.

[4]) Впрочемъ полную потерю стыда у одного человѣка въ отношеніи другого, если онъ признается только существомъ, понимающимъ поступки другихъ, мы признаемъ невозможною.

4. Но какъ Аристотель, такъ и Спиноза, замѣтивъ вѣрно характеристическую черту стыда, не провели ее далѣе, и не отличили *стыда* отъ *раскаянія*, хотя различіе между ними очевидно. Раскаеваться мы можемъ и тогда, когда увѣрены, что никто не узнаетъ о нашемъ проступкѣ и не имѣя въ виду мнѣнія другихъ людей: стыдъ же при такомъ условіи невозможенъ. Еще яснѣе выражается различіе между раскаяніемъ и стыдомъ въ той борьбѣ между этими двумя душевными состояніями, которую мы нерѣдко можемъ замѣтить и, въ себѣ, и въ другихъ. Весьма обыкновенно то явленіе, что чувство стыда побуждаетъ человѣка скрывать свой поступокъ, а чувство раскаянія побуждаетъ открыть его. Есть проступки, которыхъ нельзя иначе исправить, какъ открывъ ихъ, и такіе-то именно очень часто не исправляются, подавляемые чувствомъ стыда. Въ этомъ случаѣ мы видимъ, что чувство стыда является столько же вреднымъ сколько въ другихъ полезнымъ, и что, слѣдовательно, въ нравственномъ отношеніи это чувство, разсматриваемое независимо отъ тѣхъ представленій, съ которыми оно соединяется, безразлично: ни хорошо, ни дурно, какъ и всѣ остальныя элементарныя чувства.

5. О чувствѣ *раскаянія* намъ придется еще говорить въ третьей части нашей антропологіи, но и здѣсь уже, для избѣжанія недоразумѣній, мы должны указать на отличіе чувства раскаянія отъ чувства угрызеній совѣсти. Мы раскаеваемся иногда и въ добромъ дѣлѣ, которое мы сдѣлали, но не можемъ чувствовать угрызеній совѣсти за доброе дѣло. «Раскаяніе, говоритъ Спиноза, есть чувство печали, сопровождаемое идеею дѣйствія, которое мы *считаемъ* совершоннымъ по свободному рѣшенію нашей души» [1]). (Слѣдуетъ помнить, что Спиноза не признаетъ свободы воли). Такое опредѣленіе будетъ относиться одинаково и къ угрызенію совѣсти и къ раскаянію, которое можетъ быть и раскаяніемъ въ добромъ дѣлѣ.

6. Отличивъ чувство стыда отъ чувства раскаянія и чувства совѣсти, часто сопровождаемаго стыдомъ, но не всегда сопровождающаго стыдъ, мы уже легко поймемъ, въ чемъ состоитъ ошибка тѣхъ мыслителей, которые, замѣчая, какъ различны предметы стыда у различныхъ людей и различныхъ народовъ, считаютъ самый стыдъ за какое-то искусственное произведеніе человѣческой жизни: не признаютъ его за самостоятельное, прирожденное человѣку чувство, полагая, что чувство стыда образуется оттого, что человѣка стыдятъ тѣмъ, что̀ признано постыднымъ въ томъ или въ другомъ кругу людей, а не потому, что человѣку врождено стыдиться. Это мнѣніе, повторяющееся очень часто, ссылается обыкновенно на тѣ несомнѣнныя явленія, что то же самое, чего стыдятся одни, нисколько не кажется постыднымъ для другихъ, и даже одни часто хвалятся тѣмъ, чего другіе стыдятся. Это явленіе дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію. Иной стыдится бездѣятельности, другой стыдится труда и хвалится тѣмъ, что онъ ничего не дѣлаетъ. Одинъ

---

[1]) Eth. § 27.

стыдится разврата, другой хвастаетъ имъ; одинъ стыдится женственности въ характерѣ, другой самодовольно выставляетъ ее на показъ. Это явленіе разнообразія и часто противоположности предметовъ стыда выразится еще яснѣе, когда мы будемъ изучать различіе и часто противоположность представленій, вызывающихъ это чувство у различныхъ народовъ и особенно у народовъ, стоящихъ на различной степени образованія. Трудно себѣ представить, что можно, напримѣръ, стыдиться надѣть платье; а между тѣмъ есть именно дикари, которые, не стыдясь своей наготы, стыдятся платья, и есть другіе, которые почитаютъ за величайшій стыдъ открыть свое лицо и оставляютъ открытымъ все тѣло, или, считая за позоръ невиннѣйшія дѣйствія въ глазахъ европейца, считаютъ въ тоже время невинными дѣйствіями такія, отъ которыхъ покраснѣетъ самый беззастѣнчивый европеецъ [1]).

7. Все это справедливые факты и причина такого разнообразія представленій, вызывающихъ чувство стыда у различныхъ людей, очень понятна. «Родители, говоритъ Спиноза, порицая какія-нибудь дѣйствія и выговаривая за нихъ дѣтямъ и, наоборотъ, хваля другія дѣйствія и совѣтуя ихъ, достигаютъ того, что первыя всегда сопровождаются печалью, а вторыя радостью. Обычаи и религія не одинаковы у всѣхъ людей: то, что кажется священнымъ для однихъ, не имѣетъ никакого значенія для другихъ, а поступки, считаемые похвальными у одного народа, считаются постыдными у другаго; и такъ, всякій хвалится и раскаевается, смотря по воспитанію, которое онъ получилъ» [2]).

8. Это совершенно вѣрно; но всѣ эти факты, доказывая, что люди стыдятся не одного и того же, доказываютъ въ то же время, что всѣ люди чего-нибудь да стыдятся: всякій же стыдится того, что признается постыднымъ въ кругу людей, мнѣніе которыхъ онъ уважаетъ. Слѣдовательно, предметы стыда даются человѣку исторіей и воспитаніемъ; но самое чувство стыда дано ему природою. Самый безсовѣстный негодяй, хвалящійся своими гнусными поступками, какъ подвигами, можетъ ощутить чувство стыда, если даже какой-нибудь изъ этихъ подвиговъ, которыми онъ хвастался, окажется выдумкой, или если онъ, похвалившись выполнить какое-нибудь дѣло, не сможетъ его выполнить. Такой человѣкъ можетъ даже покраснѣть, если въ немъ замѣтятъ какое-нибудь доброе проявленіе; но, тѣмъ не менѣе, чувство стыда и у него осталось. Словомъ, отъ чувства стыда также нельзя отдѣлаться, какъ нельзя отдѣлаться отъ чувства страха. Самыя понятія о предметѣ стыда могутъ быть страшно извращены; но стыдъ останется. И представленія, возбуждающія гнѣвъ и страхъ, также часто бываютъ различны и даже противоположны; но отъ этого гнѣвъ и страхъ не перестаютъ считаться чувствами, общими всѣмъ людямъ и даже животнымъ.

---

[1]) Любопытные примѣры такихъ явленій см. Antrop. der Naturvölker. v. Waitz. Th. I. S. 357—360.

[2]) Eth. P. III. Appendix. Def. 27. Explic.

9. Если бы нужно было, кромѣ вышеприведенныхъ доказательствъ, привести еще новыя, что чувство стыда есть неискусственное, а прирожденное, то мы указали бы на характеристическое воплощеніе этого чувства. Если бы человѣкъ даже и выдумалъ стыдъ, то не могъ бы выдумать его воплощенія. Воплощеніе это обнаруживается не столько краскою, кидающеюся въ лицо, которое часто, по свойству кожи, теряетъ возможность краснѣть, сколько въ какомъ-то особенномъ, неуловимомъ физическомъ чувствѣ, которое, безъ сомнѣнія, испыталъ всякій. Это особенное чувство, чувство какой-то тревоги въ нервахъ, всего сильнѣе испытывается въ глазахъ, которые поэтому при чувствѣ стыда невольно потупляются у человѣка, еще несовершенно привыкшаго подавлять воплощеніе своихъ чувствованій. Аристотель въ главѣ «О стыдѣ» весьма кстати приводитъ греческую пословицу: «стыдъ живетъ въ глазахъ» и объясняетъ ее тѣмъ, что человѣкъ стыдится глазъ другихъ людей, т. е. стыдится того, что можетъ быть замѣчено другими людьми. Это объясненіе вѣрно, но не полно. Мы же думаемъ, что эта греческая пословица, точно также, какъ и наши народныя выраженія, говорящія о «безстыдныхъ» или «безстыжихъ глазахъ», выходятъ главнымъ образомъ изъ мѣткой наблюдательности народа надъ тѣмъ, чисто физическимъ ощущеніемъ, которое испытываетъ человѣкъ въ глазахъ при чувствѣ стыда и которое заставляетъ человѣка, чувствующаго стыдъ, или потуплять глаза, или отводить ихъ въ сторону, или, наконецъ, усиленно мигать.

10. На этихъ основаніяхъ мы признаемъ чувство стыда врожденнымъ элементарнымъ чувствованіемъ человѣка, которое притомъ находится въ совершенной связи съ врожденнымъ же ему стремленіемъ общественности [1]). Природа не только дала человѣку стремленіе къ общественности, не только поставила его въ зависимость отъ существъ, ему подобныхъ и внушила ему стремленіе искать ихъ сочувствія, одобренія и ласки, но придала этому стремленію особое чувство стыда, проявляющееся всякій разъ, какъ это стремленіе не удовлетворяется, и наконецъ снабдила это чувство особымъ воплощеніемъ. Вотъ почему чувство стыда всегда *непріятно*, какъ непріятно намъ всякое неудовлетвореніе нашихъ врожденныхъ стремленій.

11. Чувство стыда относится ко всей области общественныхъ стремленій, въ чемъ бы они ни выражались, а не къ одному виду этихъ стремленій: къ стремленіямъ половымъ. Чувство половаго стыда есть только чувство, относящееся къ обнаруженію половыхъ стремленій, которыя, почему бы то ни было, человѣкъ считаетъ постыднымъ обнаруживать. Если же это мнѣніе почему-нибудь измѣняется, то и половой стыдъ исчезаетъ. Есть дикари, которые его вовсе не знаютъ; есть распущенныя натуры, которыя его совершенно потеряли, и, наконецъ,

---

[1]) См. выше, гл. VII.

дитя, у котораго эти стремленія еще ни чѣмъ не обнаружились, не имѣетъ половаго стыда.

12. Очень узко и ошибочно мнѣніе тѣхъ писателей, которые, слѣпо вооружаясь противъ христіанства и не въ мѣру восхваляя классическую древность, приписываютъ аскетическимъ понятіямъ христіанства чрезмѣрное развитіе половой стыдливости, котораго, будто бы, она не достигала у древнихъ. Стоитъ заглянуть въ книгу Цицерона «Объ обязанностяхъ», чтобы увидѣть, что половая стыдливость была точно также развита въ его время у римлянъ, какъ развита она у насъ, и что тоже самое, что́ считалось въ этомъ отношеніи постыднымъ у насъ, считалось постыднымъ и у римлянъ временъ Цицерона [1]).

13. Признавая совершенно справедливымъ то осужденіе, которое Цицеронъ произноситъ цинизму въ этомъ отношеніи, мы не можемъ однако не замѣтить, что доказательства, приводимыя Цицерономъ, не вѣрны, и извиняются лишь ограниченностью тогдашнихъ этнографическихъ свѣдѣній. Природа дала человѣку чувство стыда не для однихъ какихъ-нибудь предметовъ или отношеній; но для всего, что кажется человѣку постыднымъ. Какъ только же человѣкъ сталъ развивать свои духовныя, чисто человѣческія особенности, такъ и стали для него постыдными всѣ тѣ положенія, въ которыхъ эти духовныя его особенности совершенно подчинялись его животной природѣ. Вотъ почему, между прочимъ, и половыя отношенія скоро стали сопровождаться чувствомъ стыдливости и это начинается очень рано, у самыхъ разнообразныхъ народовъ, между которыми нельзя предполагать никакой традиціи. Мы находимъ эту связь половыхъ отношеній со стыдомъ почти у всѣхъ дикарей, а самыя древнія преданія указываютъ на давность ея существованія.

---

[1]) Principio, corporis nostri magnam natura ipsa videtur habuisse rationem: quae formam nostram, reliquamque figuram, in qua esset species honesta, eam posuit in promptu; quae partes autem corporis, ad naturae necessitatem datae, aspectum essent deformem habiturae atque turpem, eas contexit atque abdidit. Hanc naturae tam diligentem fabricam imitata est hominum verecundia. Quae enim natura occultavit, eadem omnes, qui sana monte sunt, removent ab oculis, ipsique necessitati, dant operam, ut quam occultissime pereant: quarumque partium corporis usus sunt necessarii eas neque partes, neque earum usus suis nominibus appellant: quodque facere turpe non est, modo occulte; id dicere obscenum est. Itaque nec aperta actio rerum illarum petulantia vacat, nec orationis obscenitas. Nec vero audiendi sunt cynici, aut si qui fuerunt stoici paene cynici qui reprehendunt et irrident, quod ea, quae turpia re non sunt, verbis flagitiosa ducamus; illa autem quae turpia sunt, nominibus appellemus suis. Latracinari, fraudore, adulterare, re turpe est; sed dicitur non obscene: liberis dare operam, re honestum est, nomine obscenum: pluraque in eam sententiam ab eisdem contra verecundiam disputantur. Nos autem naturam sequamur, et ab omni, quod abhorret ab oculorum auriumque approbatione, fugiamus. Status, incessus, sessio, occubatio, vultus, oculi, manuum motus, teneant illud decorum.

14. Изъ всего, что сказано о чувствѣ стыда, видно, что мы въ правѣ назвать его *чувствомъ общественности*, и легко убѣдиться, что оно играетъ очень важную роль во всѣхъ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. Если же кому покажется, что это чувство слишкомъ слабо и неустойчиво для такой важной роли, то пусть онъ обратитъ вниманіе на то, какое важное значеніе въ общественной жизни играютъ *насмѣшка* и *позоръ*. Дѣйствіе же *насмѣшки*, во всѣхъ ея видахъ, начиная отъ легкой колкости и оканчивая ядовитымъ, мертвящимъ сарказмомъ, и дѣйствіе *позора* основаны на способности человѣка стыдиться, которая въ свою очередь основана на его стремленіи къ общественности. Конечно, общественные нравы исправляются не одною насмѣшкою; но кто же не видитъ, какую важную роль играетъ насмѣшка въ ихъ исправленіи и ихъ порчѣ. Въ ихъ порчѣ, говоримъ мы, потому что нерѣдко приходится людямъ бороться за правое дѣло противъ насмѣшки и чувства стыда. Насмѣшка столько же способна исправлять человѣка, сколько и портить; а для того, чтобы преодолѣть чувство стыда, требуется иногда не менѣе геройства, какъ и для того, чтобы преодолѣть чувство страха. Позоръ и производимое имъ мученіе стыда во всѣхъ законодательствахъ признавались всегда одною изъ самыхъ сильныхъ мѣръ наказанія и исправленія.

15. Чувству стыда Аристотель противополагаетъ безстыдство [1]; но безстыдство можно противоположить стыдливости, а не чувству стыда, чувству же стыда слѣдуетъ противоположить чувство *самодовольства*, придавъ, конечно, этому слову нѣсколько измѣненный техническій смыслъ. Мы чувствуемъ стыдъ всякій разъ, какъ наше инстинктивное стремленіе къ общественности, къ уваженію, любви и ласкамъ другихъ людей, получаетъ сильный толчекъ въ укорѣ, презрѣніи или насмѣшкѣ, а равно и при такихъ поступкахъ нашихъ, за которыми, по нашему мнѣнію, должны слѣдовать укоръ, насмѣшка или презрѣніе. Мы испытываемъ чувство *самодовольства* всякій разъ, какъ это стремленіе къ общественности получаетъ какое - нибудь замѣтное удовлетвореніе, т. е. всякій разъ, когда насъ хвалятъ или когда насъ ласкаютъ. При особенно напряженномъ состояніи этого чувствованія, когда напр. «сладкій медъ лести каплетъ въ наше сердце», мы ощущаемъ, что чувство это, противоположное чувству стыда, имѣетъ также и свое особое воплощеніе въ какомъ - то сладкомъ щекочущемъ физическомъ ощущеніи, выражающемся на лицѣ особенною самодовольною улыбкою.

16. Чувство *самодовольства* слѣдуетъ отличать отъ чувства гордости, которое есть уже сложное психическое состояніе и продуктъ психической жизни, происшедшій черезъ сравненіе насъ съ подобными намъ людьми. Чувство же самодовольства есть чувство простое, возбуждаемое въ насъ всякимъ выраженіемъ намъ уваженія, любви, или ласки, и которое черезъ сравненіе можетъ выработаться въ гордость, но существуетъ

[1]) Aristoteles Rhetorik. B. II. K. VI. § 27.

и безъ всякихъ сравненій. Чувство самодовольства слѣдуетъ также отличать отъ чувства спокойствія совѣсти, которое возможно въ человѣкѣ безъ всякаго участія другихъ людей, безъ чего чувство самодовольства не мыслимо. Если же мы испытываемъ и въ одиночку чувство самодовольства, то только въ томъ случаѣ, если въ своемъ воображеніи въ тоже время представляемъ себя въ отношеніи съ подобными намъ людьми и думаемъ, напр., какъ они будутъ поражены тѣмъ, что мы сдѣлали или придумали и т. п. Въ этомъ случаѣ, воображеніе даетъ намъ возможность ощущать будущее одобреніе людей, какъ бы настоящее.

17. Слѣдуетъ, кажется, признать, что оба разбираемыя нами чувствованія, чувство стыда и чувство самодовольства, испытываются не только людьми, но и животными. По крайней мѣрѣ, мы ясно замѣчаемъ проявленіе этихъ чувствованій у животныхъ домашнихъ. Едва ли справедливо было бы думать, что они позаимствовались этими чувствами у насъ. Элементарное чувство передать невозможно и если оно не было бы врождено животнымъ, то мы не замѣтили бы его проявленія. Если же мы не замѣчаемъ разбираемыхъ нами чувствъ у животныхъ дикихъ, то безъ сомнѣнія потому, что ихъ психическій міръ слишкомъ для насъ замкнутъ и что мы не имѣемъ случая также наблюдать надъ ними, какъ наблюдаемъ надъ животными домашними.

ГЛАВА XXIV.

Виды душевныхъ чувствованій: *умственно-сердечное* чувство отсутствія дѣятельности.

1. Мы выше видѣли полную необходимость признать въ человѣкѣ стремленіе къ сознательной дѣятельности, какъ чистой дѣятельности, безъ отношенія къ тѣмъ цѣлямъ, которыя могутъ достигаться этою дѣятельностью, безъ отношенія къ тѣмъ задачамъ, которыя могутъ указываться этой дѣятельности какъ физическими, такъ и духовными потребностями человѣка. Причина этой чистой дѣятельности—душевное стремленіе къ ней, выражающееся въ мучительномъ чувствѣ *скуки*, *тоски* и *апатіи*, если оно не удовлетворено, и въ успокоеніи этихъ побуждающихъ чувствованій, если человѣкъ находитъ себѣ дѣятельность. Цѣль же этой дѣятельности — только удовлетвореніе стремленія къ ней, если человѣкомъ не руководитъ другая какая-нибудь цѣль, выходящая изъ другихъ стремленій. Дѣятельность для развлеченія, дѣятельность отъ скуки представляетъ форму *чистой* дѣятельности.

2. Мы видѣли также, что этою дѣятельностью для самой дѣятельности объясняется появленіе множества занятій человѣка, которыя всѣ носятъ общее названіе *развлеченій* и *препровожденій* времени [1]); ибо время начинаетъ томить человѣка, когда онъ не занятъ; но конечно че-

---

[1]) См. выше гл. X, п. 7.

ловѣка томитъ не время, это отвлеченное понятіе человѣческаго же ума, а томитъ его живущее въ немъ стремленіе къ дѣятельности, требующее пищи. Всякая дѣятельность только для нашего развлеченія или для убійства времени кажется намъ пустою и даже достойною презрѣнія, и этотъ взглядъ нашъ справедливъ: недостойно человѣка не найти никакихъ задачъ въ жизни и сдѣлать своею задачею убійство времени или медленное самоубійство. Но психологъ не—моралистъ, и для него самая возможность такого явленія дѣятельности для удаленія скуки есть уже фактъ самъ по себѣ чрезвычайно важный. Положимъ, что, анализируя такъ называемыя развлеченія, психологъ найдетъ, что во всякомъ изъ нихъ, кромѣ стремленія убить время, болѣе или менѣе проглядываетъ и другая задача, выходящая изъ другихъ стремленій человѣка; но онъ уже съумѣетъ отличить, что въ этой дѣятельности принадлежитъ тому или другому стремленію, выходящему изъ физическихъ или духовныхъ потребностей человѣка, и что чистому стремленію къ дѣятельности.

3. Теперь же насъ занимаетъ не самое стремленіе къ дѣятельности, но то специфическое (sui generis) чувствованіе, которымъ высказывается въ душѣ неудовлетвореніе этому стремленію. Это чувствованіе знакомо каждому, какъ и всякое другое, но точно также и невыразимо. Оно имѣетъ различныя степени напряженности, а по этимъ степенямъ и имѣетъ различныя названія: *скуки*, *тоски* и *апатіи* или *сплина*. Чувство скуки, въ сравненіи съ яркими чувствованіями гнѣва или страха, можетъ показаться слишкомъ блѣднымъ, легкимъ и мало соотвѣтствующимъ важности того единственнаго *душевнаго* стремленія (въ отличіе отъ физическихъ и духовныхъ), которое мы нашли. Но такой взглядъ будетъ ошибоченъ. Чтобы понять все *постоянство* гнета этого чувства на человѣка, стоитъ только обозрѣть, какъ мы и сдѣлали выше, все то безчисленное множество людскихъ занятій, главная причина появленія которыхъ заключается въ желаніи избѣжать томительнаго чувства скуки, т. е. на всѣ, такъ называемыя, *развлеченія* и *убійства времени*. Тогда мы убѣдимся, что ни одно чувствованіе не гнететъ такъ постоянно человѣка, какъ чувствованіе скуки: оно дѣйствуетъ на него въ каждый незанятый моментъ и условливаетъ множество его дѣятельностей. Для того же, чтобы оцѣнить всю силу *напряженности*, до которой можетъ достигать это чувство, мы должны принять во вниманіе, что такъ называемый *сплинъ* есть ничто иное, какъ чувство скуки, доросшее въ своей напряженности до такой степени, что человѣкъ самъ на себя подымаетъ руку, только бы избавиться отъ гнета этого чувства. Мы поймемъ тогда, что если чувство скуки не кажется намъ столь сильнымъ, какъ напримѣръ чувство страха или гнѣва, то только потому, что оно безпрестанно заставляетъ насъ прибѣгать къ тому или другому развлеченію и что этихъ развлеченій, къ счастію, у человѣка достаточно, такъ что мы подавляемъ едва рождающееся чувство скуки, не давая ему дойти до степени замѣтныхъ страданій. Но если развлеченіе становится для человѣка невозможнымъ,

тогда это же самое чувствованіе напрягается до такой степени, что дѣлаетъ самую жизнь невыносимою.

4. Не признавая врожденныхъ душѣ стремленій, гербартіанцы вынуждены были объяснять скуку души самымъ натянутымъ образомъ. Такъ Вайцъ называетъ скуку утомленіемъ [1]); но утомленіе обнаруживается въ насъ вовсе не скукой, а, напротивъ, стремленіемъ къ отдыху, переходя къ которому мы испытываемъ очень сладкое чувство, а вовсе не томительное чувство скуки. Это странное заблужденіе объясняется отчасти тѣмъ, что Вайцъ не умѣлъ отличить истинныхъ причинъ скуки отъ ея кажущихся причинъ. Скука дѣйствительно возникаетъ, повидимому, отъ разнообразныхъ, даже противоположныхъ причинъ; но въ сущности причина ея всегда одна и таже — недостатокъ душевной дѣятельности. Такъ, скука возникаетъ отъ однообразія впечатлѣній и отъ слишкомъ большаго разнообразія ихъ; но въ обоихъ случаяхъ она возникаетъ отъ одного и того же.

5. Скука возникаетъ отъ однообразія именно потому, что однообразныя представленія и сочетанія представленій, повторяясь часто и долго, не даютъ душѣ достаточной дѣятельности; ибо она уже вполнѣ овладѣла этими представленіями и ей ничего не остается болѣе съ ними дѣлать. Но точно также нагоняетъ скуку противоположное явленіе: именно — слишкомъ быстрая смѣна разнообразныхъ представленій. Такъ, пробѣгая быстро большую картинную галлерею, мы ясно ощущаемъ скуку; а ѣзда по желѣзной дорогѣ нагоняетъ на насъ скуку именно быстротой смѣны ландшафтовъ. Явленія эти противоположны; но причина скуки при этихъ явленіяхъ одна и таже. Въ первомъ случаѣ, душа наша чувствуетъ недостатокъ дѣятельности отъ недостатка представленій; во второмъ — отъ слишкомъ большого обилія и столь быстрой перемѣны ихъ, что мы не успѣваемъ съ ними справиться, не успѣваемъ вводить ихъ въ ассоціаціи нашихъ, уже готовыхъ представленій. Смотря на одну и ту же картину въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, мы получаемъ болѣе матеріала для душевной дѣятельности, чѣмъ пробѣгая длинную галлерею картинъ; но если мы вполнѣ овладѣемъ этимъ матерьяломъ, то видъ одной и той же неизмѣняющейся картины также станетъ наводить на насъ скуку.

6. Все *неинтересное* для насъ возбуждаетъ въ насъ скуку именно потому, что для насъ *интересно* только то, что можетъ войти въ наши душевныя работы. Мы уже выше опредѣлили, что человѣкъ называетъ *интереснымъ* [2]); а потому и не имѣемъ надобности возвращаться къ этому предмету. Повторимъ только, что вполнѣ интересно для насъ то, что даетъ посильную работу нашей душѣ. Замѣчательно, что самое стремленіе къ дѣятельности не остается неизмѣннымъ, но возрастаетъ по мѣрѣ расширенія дѣятельности и выработки душою все большихъ и

---

[1]) Psychol. v. Waitz. § 34. S. 35.

[2]) Пед. Антр. ч. I, гл. XIX, п. 15 и 16.

сложнѣйшихъ сферъ для нея. Чѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ душа матеріала для своихъ работъ, тѣмъ обширнѣе становится ея дѣятельность и тѣмъ требовательнѣе становится она въ отношеніи къ дѣятельности вообще. Дикарь, какъ замѣчаетъ Кантъ, не можетъ скучать такъ сильно, какъ развитой человѣкъ, а смотря на развлеченія дикарей, образованный не понимаетъ, какъ можно находить развлеченіе въ такихъ однообразныхъ и узкихъ сферахъ. Впослѣдствіи мы оцѣнимъ все важное психическое значеніе *этой прогрессивности стремленія къ дѣятельности;* но теперь замѣтимъ только, что если какая-нибудь обширная сфера душевной дѣятельности, выработанная душою, вдругъ, почему бы то ни было, разрушается или замыкается для человѣка, тогда душѣ его кажется невыносимо тѣсно въ другихъ, болѣе узкихъ сферахъ, и гнетущее чувство *скуки* внезапно выростаетъ въ давящее чувство *тоски.*

7. *Тоска* есть необходимый спутникъ всякой глубокой и обширной печали; но простое чувство тоски не слѣдуетъ смѣшивать съ сложнымъ чувствомъ печали, хотя тоска всегда почти сопровождаетъ печаль. Мы уже видѣли выше, какъ пріостановка душевной дѣятельности, вызванная какою-нибудь важною для насъ потерею, производитъ психическое явленіе печали [1]; но въ *печали* не одна, а двѣ стороны: *тоска* и *горе,* ясно различаемыя душою. Мы испытываемъ чувство горя (которое, само по себѣ, есть опять чувство сложное), когда думаемъ о нашей потерѣ и испытываемъ чувство тоски, когда не думаемъ о ней. *Горе* имѣетъ въ себѣ что-то острое, язвительное для сердца: это жало страданій, главнаго элемента горя; *тоска* же—что-то тупое, давящее, сжимающее сердце. Мы оплакиваемъ нашу потерю, думая о томъ, чего мы лишились: мы тоскуемъ, не находя для души своей такой же обширной дѣятельности, какая вдругъ сдѣлалась для нея невозможною. Наблюдайте надъ человѣкомъ, только-что пораженнымъ глубокимъ горемъ, и вы ясно отличите моменты, когда горе беретъ верхъ надъ тоскою и когда тоска—верхъ надъ горемъ. Первое выражается криками, рыданіями, сильными тѣлесными движеніями, всѣми признаками рѣзкой сердечной боли; вторая какимъ-то упадкомъ силъ, мутнымъ взглядомъ, упорнымъ молчаніемъ. Мы видѣли также, какъ душа, испытавшая большую потерю, устроиваетъ для себя мало-по малу новую обширную дѣятельность и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ тоска исчезаетъ; но если, почему бы то ни было, постройка новой сферы для душевной дѣятельности оказывается невозможною, то душа впадаетъ въ *отчаяніе* — высшую степень горя, но не тоски.

8. *Отчаяніе*, т. е. отсутствіе *чаянія* или надежды, есть чувство острое именно потому, что это чувство горя. Въ отчаяніи человѣкъ не видитъ для себя возможности другой психической дѣятельности, потому что передъ его глазами стоитъ воспоминаніе о томъ, чего онъ лишился. Онъ не можетъ оторваться отъ этого образа и сердце его бьется о до-

[1]) См. выше, гл. X, п. 6—12.

рогое воспоминаніе, какъ морскія волны о каменистый берегъ: они кидаются на него и отступаютъ, отступаютъ и опять кидаются. Въ *апатіи* мы видимъ уже другое явленіе. Здѣсь душа, не находя себѣ дѣятельности, томится, не жалѣя о дѣятельности потерянной. Здѣсь не судьба лишила человѣка дѣятельности, отъ воспоминанія которой онъ не можетъ оторвать своихъ взоровъ; но самъ человѣкъ, перепробовавъ многія дѣятельности, отказывается отъ дальнѣйшихъ пробъ. Вотъ почему и характеръ апатіи другой, чѣмъ характеръ отчаянія, хотя оба эти чувствованія могутъ побудить человѣка къ прекращенію своей собственной жизни.

9. Англійскій *сплинъ* есть ни что иное, какъ *апатія*. Если же мы преимущественно у англичанъ замѣчаемъ частое появленіе примѣровъ апатіи или сплина, то это безъ сомнѣнія потому, что этотъ народъ отличается необыкновенною дѣятельностью. Медики замѣчаютъ, что ипохондрія, сплинъ и апатія, эти явленія вполнѣ родственныя, чаще всего начинаются у англійскихъ богачей, удалившихся отъ дѣлъ. Какой-нибудь купецъ трудится нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы пріобрѣсть состояніе, которое дало бы ему возможность жить роскошно на проценты своего капитала, гдѣ-нибудь въ цвѣтущемъ уголкѣ Англіи. Эта заманчивая картина заставляетъ его работать, не досыпать ночей, не доѣдать куска— и вотъ, наконецъ, заканчиваетъ онъ свои дѣла и переселяется въ свой, давно приготовленный эдемъ. Но какъ обманывается онъ въ своихъ ожиданіяхъ! Тутъ-то и ожидали его тѣ мученія, въ сравненіи съ которыми—ничто всѣ непріятности, вынесенныя имъ въ жизни, мученія до того сильныя, что этотъ богачъ, могущій купить всѣ удовольствія міра, оказывается бѣднѣе бѣднѣйшаго изъ бѣдняковъ, запирается въ свой кабинетъ и позорнѣйшимъ образомъ прекращаетъ жизнь свою. И это случается именно съ тѣми людьми, которые были очень дѣятельны въ предшествующей жизни и притомъ сосредоточили всю свою дѣятельность въ одной какой-нибудь сферѣ: позабыли и любовь, и дружбу, и искусство, и науку за купеческими разсчетами или политическими соображеніями.

10. Въ стремленіи къ дѣятельности существуетъ *великая антиномія*, или противорѣчіе, которое, однакожъ, такъ или иначе примиряется въ жизни. Вотъ это-то именно противорѣчіе, не столько сознаваемое, сколько чувствуемое, вызвало у различныхъ мыслителей крайне противоположные взгляды на дѣятельность и трудъ вообще. Древніе считали, и весьма справедливо, самый трудъ наслажденіемъ (labor est ipsa voluptas). Но Локкъ, опровергая это выраженіе, также справедливо говоритъ, что трудъ для труда противенъ нашей природѣ [1]). Знаменитый мыслитель и математикъ Эйлеръ взглянулъ на трудъ съ одной стороны, когда сказалъ, что «истинное счастье состоитъ въ покоѣ и довольствѣ самимъ собою» [2]). Паскаль, столь же знаменитый мыслитель и математикъ, взглянулъ на тотъ же предметъ съ другой стороны, когда сказалъ: «мы

[1]) Of the Understanding. p. 58.

[2]) Lettres LIV, p. 383.

думаемъ, что ищемъ покоя; а, напротивъ, ищемъ только волненій». Руссо оказывается плохимъ наблюдателемъ, когда говоритъ, что «ребенокъ только плачетъ или смѣется» [1]), или когда думаетъ достигнуть счастія, уменьшивъ человѣческія желанія [2]), забывая при этомъ, что уменьшить желанія можно, но подавить въ душѣ стремленіе къ жизни невозможно. Гораздо болѣе глубокимъ наблюдателемъ дѣтской и вообще человѣческой природы оказывается Фребель, который замѣчаетъ, что «стремленіе къ дѣятельности является столько же двигателемъ при наслажденіяхъ, сколько и при работѣ» [3]), и ищетъ средствъ не веселить дитя, а дать ему занятіе, которое бы его интересовало.—Мы могли бы наполнить нѣсколько страницъ такими противорѣчащими воззрѣніями на значеніе дѣятельности и труда. Но для насъ достаточно заглянуть въ антропологію Канта, чтобы видѣть, какъ высказалось въ ней это противорѣчіе во всей своей крайности. «Всякій трудъ тягостенъ и непріятенъ», говоритъ Кантъ въ одномъ мѣстѣ своей антропологіи [4]), а въ другихъ мѣстахъ нѣсколько разъ повторяетъ, что «самое счастье нашей жизни измѣряется тѣмъ дѣломъ, которое мы дѣлаемъ», что внѣ труда нѣтъ счастья и что единственное здоровое наслажденіе человѣка состоитъ въ отдыхѣ послѣ труда [5]). Если бы Кантъ вдумался въ это психологическое противорѣчіе, то кажется онъ долженъ былъ бы поставить его на ряду съ своими логическими антиноміями. Постараемся же выставить и разъяснить, сколько возможно, эту великую психическую антиномію.

11. Душа стремится къ дѣятельности; но въ самомъ понятіи *дѣятельность* скрывается, повидимому, непримиримое противорѣчіе. Что мы называемъ дѣятельностью? Если мы скажемъ, что *дѣятельность есть преодолѣніе препятствій*, то этотъ афоризмъ, совершенно справедливый, можетъ показаться для читателя неяснымъ, а потому попытаемся разъяснить его примѣрами. Какого человѣка мы называемъ дѣятельнымъ? Того именно, который преодолѣваетъ тѣ или другія препятствія для достиженія той или другой цѣли. Если бы все совершалось по желанію человѣка въ то же мгновеніе, какъ желаніе рождается, безъ всякихъ усилій со стороны желающаго, то мы не назвали бы такого человѣка дѣятельнымъ и совершенно справедливо. Мы говоримъ даже о дѣятельности паровоза (конечно, въ переносномъ смыслѣ) только потому, что паровозъ, движимый силою пара, преодолѣваетъ препятствія, представляемыя движенію тяжестью поѣзда или, другими словами, притяженіемъ земли. Не будь этихъ препятствій — и

---

[1]) Emile, p. 250.

[2]) Ib. p. 280.

[3]) Die Arbeit und die neue Erziehung nach Froebel's Methode v. Bertha v. Marenholtz. Berlin 1866. S. 265.

[4]) Antrop. § 85.

[5]) Ib. § 62.

самой дѣятельности не было бы. Слѣдовательно, *существованіе препятствій есть необходимое условіе существованія дѣятельности,— такое условіе, безъ котораго сама дѣятельность невозможна.*

12. Перенесемъ же понятіе дѣятельности, какъ преодолѣванія препятствій, на душу. Душа, какъ мы сказали, по самой природѣ своей стремится къ дѣятельности. Слѣдовательно, она стремится къ преодолѣнію препятствій. Безъ дѣятельности человѣкъ томится. Слѣдовательно, онъ томится и безъ препятствій, безъ которыхъ самая дѣятельность невозможна. Но можетъ ли человѣкъ радоваться препятствіямъ и любить ихъ? Конечно — *нѣтъ*; потому что препятствіе останавливаетъ дѣятельность, къ которой человѣкъ стремится. Человѣкъ стремится преодолѣть препятствія и, слѣдовательно, естественно, что онъ радуется, когда это стремленіе удовлетворяется, и печалится, когда, почему либо, это стремленіе не удовлетворяется. Естественно ли человѣку увлекаться всѣмъ тѣмъ, что удаляетъ препятствіе къ его дѣятельности? Конечно—*да*. Но самое удаленіе всѣхъ препятствій есть величайшая, абсолютная преграда дѣятельности, которая безъ препятствій абсолютно невозможна. Такимъ образомъ, человѣкъ въ своемъ стремленіи къ дѣятельности вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Изъ такого противоположнаго отношенія души, съ одной стороны, къ дѣятельности, къ которой она стремится, а съ другой стороны, къ препятствіямъ, которыхъ она отвращается, но безъ которыхъ сама дѣятельность невозможна,—порождаются тѣ противорѣчащія воззрѣнія на дѣятельность и трудъ, которыя мы привели выше и которыя встрѣчаются часто не только у различныхъ людей, но и у одного и того же человѣка. Мы любимъ *трудъ*, но не любимъ *трудности* труда, не соображая, что трудъ безъ трудности не возможенъ; ибо трудность составляетъ всю сущность труда, независимо отъ тѣхъ цѣлей, которыя трудомъ достигаются. Ища труда и отвращаясь отъ трудности труда, человѣкъ ищетъ невозможнаго. Какъ же примиряется эта *психическая антиномія* въ жизни?

13. Сознавая всю важность вопроса о трудѣ для теоріи воспитанія, мы будемъ еще нѣсколько разъ возвращаться къ нему, тѣмъ болѣе, что ошибочное рѣшеніе этого вопроса, какъ мы увидимъ далѣе, ведетъ не только къ теоретическимъ, но даже къ громаднымъ практическимъ ошибкамъ и часто даетъ ложное направленіе всей теоріи воспитанія. Здѣсь же мы удовольствуемся тѣмъ, что укажемъ только на образцы жизненнаго примиренія выставленной нами психической антиноміи. Пусть такимъ образцомъ послужитъ намъ самъ Кантъ. Спрашивается, почему такой, необыкновенно-умный и энергическій человѣкъ, не выѣзжая ни разу изъ своего скучнѣйшаго Кенигсберга, занимался такъ упорно своими философскими изысканіями, отказавшись для нихъ отъ семьи, отказавшись отъ всѣхъ удовольствій свѣта, и даже подавивъ въ себѣ самыя настойчивыя потребности человѣческой природы? Неужели все это онъ сдѣлалъ для того, чтобы избѣжать скуки? Конечно нѣтъ, и должно быть его трудъ казался ему нелегкимъ, когда онъ самъ часто называетъ всякій трудъ

тяжелымъ. Трудился ли онъ для удовольствія славы? — Этого также не скажетъ никто, знакомый съ біографіею Канта. Слѣдовательно, онъ трудился, увлекаемый тѣми идеями, которыя изслѣдывалъ и развивалъ. Такимъ образомъ, въ жизни Канта примирялась, повидимому, непримиримая антиномія. Конечно онъ, какъ и всякій другой человѣкъ, получалъ отъ своего труда и удовольствія, когда преодолѣвались какія нибудь препятствія и страданія, когда появлялись новыя. Но вниманіе его было обращено не на удовольствіе или страданіе, а все сосредоточено на самой идеѣ его труда. Удовольствія и страданія сопровождали его трудъ, какъ искры сопровождаютъ трудъ кузнеца. Эти красивыя искры загораются и тухнутъ; но не для того, чтобы ихъ вызвать, подымаетъ кузнецъ тяжелый молотъ и опускаетъ его на раскаленное желѣзо: серьезный человѣкъ трудится, дѣти же ловятъ самыя искры. Точно такое же полное примиреніе великой психической антиноміи мы видимъ въ жизни всѣхъ тѣхъ людей, которые, увлеченные какою нибудь идеею, отдали этой идеѣ всю свою жизнь, не обращая вниманія на то, доставляла ли она имъ наслажденія или страданія.

14. Но если такое *полное* примиреніе нашего стремленія къ дѣятельности съ нашимъ отвращеніемъ отъ препятствій, безъ которыхъ сама дѣятельность невозможна, мы встрѣчаемъ у немногихъ, исключительныхъ личностей, которыхъ называютъ, по свойству занимающей ихъ идеи, а часто и по успѣху ихъ дѣла, или безумцами, или геніями, то *частное* примиреніе этой антиноміи мы встрѣчаемъ въ большинствѣ людей. Художникъ, усаживаясь за свою картину, конечно думаетъ и о деньгахъ, и о славѣ; но плохъ тотъ художникъ, который ни на минуту не увлечется самимъ трудомъ, самимъ процессомъ созданія картины: онъ не создастъ ничего великаго, ничего оригинальнаго. Сельскій хозяинъ, конечно, трудится изъ-за денегъ; но плохъ тотъ хозяинъ, который не увлекается вовсе самимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ людей происходитъ частное, болѣе или менѣе полное, болѣе или менѣе продолжительное или отрывочное, примиреніе души съ ея стремленіемъ къ труду и съ ея отвращеніемъ отъ его трудности.

15. Но нѣтъ сомнѣнія, что есть и такіе люди, которые не съумѣли найти для себя дѣятельности, которая увлекала бы ихъ своею идеею, и не получили задачи дѣятельности отъ судьбы, одинаково обрекающей на неустанный трудъ и тѣхъ, кто долженъ прокормить себя и семью своимъ личнымъ трудомъ, и тѣхъ, для кого отказаться отъ увлекающей ихъ идеи—значитъ отказаться отъ жизни. Люди же безъ такой задачи труда, тѣмъ не менѣе, чувствуютъ всю побуждающую силу врожденнаго душѣ стремленія къ дѣятельности *и ищутъ труда безъ трудности*, словомъ, ищутъ удовольствій. Но на этомъ пути гоньбы за наслажденіями встрѣчается человѣкъ съ другимъ, столь же неизмѣннымъ психическимъ закономъ, который одинаково тяготѣетъ надъ животными и надъ людьми, но отъ котораго одинъ только человѣкъ пытается

ускользнуть. Всѣ наслажденія, какъ мы это видѣли выше [1]), покупаются страданіями. И вотъ человѣкъ хочетъ обмануть природу, хочетъ по возможности уменьшить страданіе и выторговать за него у природы возможно большее наслажденіе. Но природу нельзя обмануть такою фальшивою и легковѣсною монетою, и она платитъ за обманъ тяжелымъ чувствомъ *пресыщенія*, а потомъ, или невыносимымъ, доводящимъ до самоубійства, чувствомъ апатіи, отвращенія отъ всѣхъ наслажденій и отъ самой жизни, или, подобно класической чародѣйкѣ, выполняетъ надъ человѣкомъ то же самое превращеніе, какое выполнила Цирцея надъ спутниками Улисса. Изъ этихъ тисковъ природы человѣку вырваться нельзя.

16. Чувство скуки не имѣетъ себѣ антагониста въ другомъ чувствѣ: антагонистомъ его является самый процессъ труда, въ которомъ нѣтъ уже ни удовольствія, ни неудовольствія, а есть только самый трудъ, т. е. самосознательная дѣятельность. Удовольствія и страданія, равно какъ и другія чувствованія, страхъ, гнѣвъ, и пр. могутъ сопровождать дѣятельность, входя въ ея перерывы или отмѣчая ея начало и окончаніе; но въ самой дѣятельности сознанія ихъ нѣтъ; а есть въ ней другія чувствованія, которыя мы, въ отличіе отъ чувствъ, сопровождающихъ сознательную дѣятельность, назвали *душевно-умственными*.

17. Теперь для читателя ясно, почему мы не отнесли чувства скуки ни къ чувствамъ сердечнымъ, ни къ чувствамъ умственнымъ, а поставили его на границѣ между этими двумя родами душевныхъ чувствованій. Стремленіе къ душевной сознательной дѣятельности, со своею побудкою—чувствомъ скуки, является причиной, заставляющею человѣка искать душевной дѣятельности даже внѣ побужденія духовной и физической его природы. Но само чувство скуки въ эту дѣятельность не входитъ, хотя появляется, когда дѣятельность ослабѣваетъ, и прекращается, когда дѣятельность усиливается. Вся же сознательная дѣятельность, внѣ тѣхъ задачъ, которыя могутъ быть ей указаны физическими или духовными потребностями человѣка, совершается посредствомъ одного чувствованія, дѣятельность котораго мы изучили въ первой части нашей антропологіи: посредствомъ *чувства различія и сходства*—этого единственнаго признака чистой дѣятельности сознанія.

18. Еслибы сознательная дѣятельность души или, проще, дѣятельность сознанія совершалась безостановочно, то мы и не замѣчали бы въ ней никакого другого чувствованія, кромѣ *чувства различія и сходства*. Но такъ какъ эта дѣятельность, какъ мы увидимъ ниже, по самому свойству ея матерьяловъ, надъ которыми душа работаетъ, можетъ затрудняться или на время пріостанавливаться, то и происходятъ различныя *душевно-умственныя* чувствованія. Затруднительность сознательнаго процесса выражается въ чувствѣ *умственнаго напряженія*; пріостановка же его, съ цѣлью продолженія работы — *въ чувствѣ*

[1]) См. выше, гл. VI п. 9.

ожиданія. Изъ ожиданія уже порождается *чувство неожиданности*, чувство *удивленія* и чувство *обмана*, если ожиданіе наше не сбылось. Изъ чувства же обмана порождается *чувство сомнѣнія*, если матерьялы, представляющіеся сознанію, такого рода, что, руководясь чувствомъ сходства и различія, человѣкъ относитъ эти матерьялы то къ одной вереницѣ своихъ представленій, то къ другой. Если же, наконецъ, матерьялы, представляющіеся сознанію, таковы, что сознаніе не находитъ возможности ни разорвать ихъ, ни соединить, то чувство этой невозможности выражается въ особомъ чувствѣ *непримиримаго контраста*. Завершенный процессъ сознанія выражается въ чувствѣ *умственнаго успѣха*, которое говоритъ человѣку: *такъ!* хотя и можетъ очень обманывать его.

ГЛАВА XXV.

Душевно-умственныя чувствованія. Виды ихъ: 1) чувство сходства и различія.

1. Въ первой части нашей «Антропологіи» мы старались доказать, что способность сравнивать впечатлѣнія и, вслѣдствіе сравненія, ощущать различіе и сходство между ними, а потомъ, вслѣдствіе этого различія и сходства, комбинировать ощущенія въ представленія и отдѣльныя представленія въ сочетанія представленій—есть именно та способность, которую мы можемъ раціонально назвать *сознаніемъ* [1]). Теперь же, какъ читатель видитъ, мы помѣщаемъ эту самую способность въ число *душевно-умственныхъ* чувствованій, и въ этомъ слѣдуемъ Гербарту, который именно чувство различія и сходства относитъ къ разряду чувствованій (Gefühlen) [2]). Но, конечно, не авторитетъ Гербарта побудилъ насъ къ этому.

2. Прежде всего замѣтимъ, что *чувство различія и сходства*, или *чувство сравненія*, какъ было бы приличнѣе его назвать, есть первичное психическое явленіе, неразлагаемый болѣе актъ души, какъ это справедливо замѣтилъ и Милль [3]). Если мы возьмемъ это чувствованіе въ самомъ простомъ его видѣ, безъ тѣхъ богатыхъ результатовъ, которые оно даетъ, то не видимъ никакой причины не признать его такимъ же специфическимъ душевнымъ чувствомъ, какими признали гнѣвъ, страхъ и проч. или какимъ признаемъ чувство ожиданія или чувство неожиданности.

3. Одного впечатлѣнія душа не сознаетъ, не превращаетъ его въ опредѣленное ощущеніе, хотя, быть можетъ, и испытываетъ страданіе или удовольствіе и отъ одиночнаго впечатлѣнія. Но актъ сознанія начинается въ душѣ только тогда, когда два одновременныя впечатлѣнія

---

[1]) Пед. Антр. ч. I, гл. XXI. пп. 6—8.

[2]) Lehrb. der Psych. § 102.

[3]) Mill's Logik. P. I. Ch. III. § II.

вызываютъ въ ней актъ сравненія. Способна ли душа испытывать страданіе внѣ сознанія—этого мы не знаемъ, и знать не можемъ, потому что мы знаемъ, можемъ помнить и можемъ выразить лишь то, что прошло черезъ актъ сознанія. Но нѣтъ, кажется, причины не предполагать, что человѣкъ можетъ испытывать страданіе и внѣ сознанія, т. е. не сознавая того, что онъ страдаетъ, такъ какъ онъ ни съ чѣмъ не сравниваетъ своего страданія, а потому и не можетъ сознавать его, не можетъ помнить, не можетъ ввести въ комбинаціи своихъ представленій и потому, наконецъ, не можетъ и выразить его. Весьма вѣроятно даже, что первыя отношенія человѣка ко внѣшнему міру выражаются въ формѣ страданія или удовольствія, но не въ формѣ сознанія; но такъ какъ мы ничего не можемъ знать объ этомъ состояніи, то весьма опасно было бы строить какія-нибудь теоріи на этомъ вѣроятіи, и опасность эта оказалась на теоріи Вундта, дошедшаго до признанія несознаваемыхъ представленій, или, другими словами, до признанія безсознательнаго сознанія, или логической нелѣпости. Мы предпочитаемъ лучше остановиться на этомъ скользкомъ пути и не вдаваться въ море вѣроятій, гдѣ руководителемъ нашимъ легко можетъ явиться фантазія, а не факты.

4. Но, тѣмъ не менѣе, появленіе въ насъ *органическихъ* чувствованій [1]) доказываетъ намъ ихъ независимость отъ сознанія, которому они предшествуютъ и изъ котораго они не выходятъ. Всякій можетъ наблюдать надъ собою, что замѣчая, что мы сердимся, мы уже находимъ въ себѣ готовое чувство гнѣва и очень часто любимъ, не сознавая еще, что мы любимъ. Сознаніе наше, обращаемое на эти чувства, находитъ ихъ уже готовыми въ душѣ — образовавшимися въ ней безъ помощи сознанія.

5. Если мы представимъ себѣ человѣка лишеннымъ способности обращать сознаніе на собственныя свои душевныя состоянія (положеніе, въ которомъ, безъ сомнѣнія, находится животное), то мы легко поймемъ, что такое существо, лишенное *самосознанія*, лишено было бы возможности сравнивать свои различныя душевныя состоянія, а слѣдовательно и различать ихъ, хотя не было бы лишено возможности чувствовать предметы внѣшняго міра, въ ихъ воздѣйствіи на его организмъ. Это не мѣшало бы такому существу испытывать гнѣвъ, страхъ, любовь и дѣйствовать подъ ихъ вліяніемъ, хотя оно не сознавало бы, что оно гнѣвается, боится или любитъ. Это *животное состояніе души* трудно вообразить для человѣка, который равно обращаетъ свое сознаніе и на предметы внѣшняго міра, и на свои внутреннія, душевныя состоянія; но оно является, какъ необходимое послѣдствіе, если, анализируя психическіе акты, мы будемъ отдѣлять въ нихъ то, что принадлежитъ сознанію, отъ того, что принадлежитъ самосознанію, т. е. обращенію сознанія души на собственныя ея душевныя состоянія.

6. Вотъ причины, побуждающія насъ признать самостоятельное су-

---

[1]) См. выше, гл. IX.

ществованіе чувствованій въ отношеніи сознанія, и, не вводя чувствованій въ область сознанія, поступить наоборотъ: поставить сознаніе какъ *чувствованіе сходства и различія*, на ряду съ другими чувствованіями, не давая еще имъ общаго названія, которое появится само собою, когда мы будемъ вынуждены и самое желаніе признать однимъ изъ специфическихъ чувствованій. Впрочемъ и теперь мы уже можемъ видѣть, что такимъ общимъ терминомъ будетъ слово *чувство*.

6. Признавъ же чувство сходства и различія за специфическое чувствованіе, мы конечно должны будемъ помѣстить его въ число чувствованій *умственныхъ*, такъ какъ это именно то чувствованіе, посредствомъ котораго и въ которомъ совершается вся умственная дѣятельность человѣка. Это чувство различія и сходства, какъ по обширности и громадному разнообразію своихъ произведеній, такъ и потому, что только черезъ него мы *узнаемъ* о существованіи въ насъ всѣхъ другихъ чувствованій, заслуживаетъ, конечно, того особаго изложенія, которое дается ему во всѣхъ психологіяхъ. Это чувство составляетъ единственную дверь, черезъ которую мы можемъ заглянуть и въ нашу собственную душу; а потому и справедливо, что дѣятельность его изучается въ началѣ, прежде дѣятельности всѣхъ другихъ душевныхъ чувствъ. Но тѣмъ не менѣе здѣсь мы должны поставить его на ряду со всѣми другими чувствованіями, какъ такое же специфическое и неразлагаемое, какъ они всѣ.

7. Дѣятельность чувства различія и сходства или *чувства сознанія*, какъ мы можемъ уже теперь называть его, именно потому такъ плодовита, что только оно одно изъ всѣхъ чувствованій находится въ сношеніи со всѣми разнообразіями внѣшняго міра. Но такъ какъ дѣятельность чувства сознанія уже изложена нами въ первой части нашей «Антропологіи», то здѣсь намъ остается указать только на отношеніе его къ другимъ, какъ *сердечнымъ* такъ и *умственнымъ* чувствованіямъ. Къ первымъ оно относится не такъ, какъ ко вторымъ: съ первыми оно состоитъ въ отношеніи взаимнаго воздѣйствія; ко вторымъ оно относится, какъ коренное чувство къ производнымъ; ибо всѣ остальныя *умственныя* чувствованія возникаютъ изъ случайностей нарушенія нормальной дѣятельности чувства сознанія.

8. Мы уже сказали, что только черезъ чувство сознанія мы можемъ узнать о существованіи въ насъ всѣхъ другихъ душевныхъ чувствованій. Но это наблюденіе наше надъ нашими же чувствованіями значительно затрудняется тѣмъ знакомымъ каждому явленіемъ, что чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ въ насъ чувство сознаванія, направленное на одно изъ другихъ чувствованій, тѣмъ болѣе слабѣетъ это наблюдаемое чувство. Явленіе это въ обратномъ видѣ еще очевиднѣе: чѣмъ болѣе предаемся мы какому-нибудь сердечному чувствованію, тѣмъ болѣе тускнѣетъ наше сознаніе, что̀ мы въ особенности замѣчаемъ по тѣмъ промахамъ сознанія, которые оказываются въ нашихъ взглядахъ, словахъ и поступкахъ, вызванныхъ сильными порывами какого-нибудь чувствованія: гнѣва, страха, любви, стыда, наслажденія или страданія.

9. Это отношеніе сердечныхъ чувствованій къ процессу сознаванія,

какъ мы уже имѣли случай указывать, заставило многихъ мыслителей смотрѣть враждебно на всѣ другія чувствованія, какъ на помѣху *чистому*, безстрастному мышленію, и выставлять мышленіе, совершенно свободное отъ вліянія всякихъ сердечныхъ чувствованій, за идеалъ мышленія. Такъ думали Декартъ, Спиноза и Кантъ; но мы полагаемъ, что такой идеалъ мышленія останется всегда идеаломъ, какъ мы можемъ зазамѣтить это и на самыхъ этихъ мыслителяхъ. Даже самъ Кантъ, котораго и холодный Гегель упрекаетъ въ холодности, былъ, какъ мы думаемъ, одинъ изъ самыхъ страстныхъ людей; но только предметомъ его страсти были метафизическія и логическія изысканія. Да развѣ и можетъ быть иначе? Развѣ можно просиживать дни и ночи за книгами и съ перомъ въ рукахъ, просиживать мѣсяцы и годы, сотни разъ передѣлывать одно и тоже, думать упорно объ одномъ и томъ же, подвергать разстройству свое здоровье и жизнь свою опасности (пускаясь, напр., за какимъ-нибудь цвѣткомъ въ горы Курдовъ), пренебрегать всѣми удовольствіями общества и радостями семейной жизни, не побуждаясь къ этому сильнѣйшею страстью? Глубокіе философы или ученые кажутся для другихъ людьми холодными именно потому, что они слишкомъ страстны — страстны до того, что одна страсть убиваетъ у нихъ всѣ другія. Но если человѣкъ, увлеченный страстною любовью къ одной женщинѣ, ставитъ ее выше цѣлаго міра, то это не значитъ еще, что и всѣ должны быть того же мнѣнія.

10. Однако же слѣдуетъ признать, что чувство различія и сходства даетъ самый богатый матерьялъ для души въ ея стремленіи къ сознательной дѣятельности, и притомъ матерьялъ никогда не истощающійся, а напротивъ, безпрестанно увеличивающійся, почему и самая сфера умственной дѣятельности представляется безпредѣльно расширяющеюся. Понятно, что человѣкъ, нашедшій цѣль своей жизненной дѣятельности именно въ этой сферѣ, никогда не можетъ пожаловаться на недостатокъ матерьяловъ или на достиженіе предѣловъ. Сфера умственной дѣятельности также безгранична, какъ міръ, служащій ей предметомъ, и потому человѣкъ, черпающій именно изъ нея удовлетвореніе своего душевнаго стремленія къ дѣятельности, никогда не достигнетъ до дна. Вотъ, можетъ быть, причина, почему философы и кабинетные ученые, по большей части, живутъ долго; ибо ничто такъ не подрываетъ нашего здоровья и нашей жизни, какъ такія обстоятельства, которыя вдругъ преграждаютъ путь нашей любимой и привычной душевной дѣятельности: философы же и ученые въ этомъ отношеніи гораздо болѣе обезпечены, чѣмъ люди, связавшіе свою душевную дѣятельность или съ общественнымъ положеніемъ, или съ финансовыми предпріятіями, или, наконецъ, съ другими людьми, потеря которыхъ можетъ вдругъ разрушить всю ихъ душевную сферу.

11. Постоянство, быстрота и настойчивость умственнаго процесса зависятъ прежде всего, какъ кажется, отъ прирожденной стремительности души или отъ ея *врожденной силы*, выражающейся въ ея *природной требовательности*, а во-вторыхъ, — отъ сосредоточенности души въ

умственномъ процессѣ. Чѣмъ меньше человѣкъ ищетъ удовольствій, даже тѣхъ, которыя сопровождаютъ умственный процессъ, и чѣмъ болѣе увлекается онъ самимъ процессомъ, тѣмъ болѣе онъ успѣетъ въ немъ. Самый же успѣхъ, какъ мы уже видѣли въ первой части «Антропологіи», зависитъ, кромѣ того, отъ богатства, доброкачественности и предварительной обработки матеріала, надъ которымъ человѣкъ работаетъ [1]). Замѣчаніе Вайца, что каждый человѣкъ имѣетъ свой особый *ритмъ* душевной дѣятельности, который дается ему природою или пріобрѣтается привычкою [2]), совершенно справедливо; но только этотъ прирожденный *ритмъ* противорѣчитъ самой теоріи Гербарта, которая все выводитъ изъ отношенія представленій другъ къ другу и ничего изъ природы самой души. Мы же объясняемъ этотъ ритмъ прежде всего различною силою того стремленія къ дѣятельности, которое врождено каждой душѣ, а во-вторыхъ тѣмъ, сосредоточена ли эта требовательность души въ одной умственной сферѣ, или она находитъ себѣ удовлетвореніе во многихъ. Человѣкъ, находящій удовлетвореніе своему стремленію къ сознательной дѣятельности, понемногу всюду—и въ чувствахъ тѣлесныхъ, и въ чувствованіяхъ сердечныхъ, и въ тѣлесной дѣятельности, и въ привычкахъ, и въ подражаніи, и въ лѣни и при равной природной силѣ—не сдѣлаетъ того, что сдѣлаетъ другой, находящій на всѣхъ путяхъ только отдыхъ, а дѣятельность на одномъ.

12. Но и одна сфера умственной дѣятельности такъ громадна и она такъ расширяется съ развитіемъ человѣчества, что какъ бы ни велика была врожденная сила души и какъ бы ни упорно работала она въ одной умственной сферѣ, обогащенной и постоянно обогащаемой вѣковыми трудами цѣлаго человѣчества, сила эта не можетъ работать успѣшно во всѣхъ отдѣлахъ этой сферы. Отсюда возникаетъ необходимость спеціализаціи умственныхъ занятій, усиливающей результаты работы одного ума, но усиливающей лишь до тѣхъ поръ, пока не будутъ перейдены должныя границы, когда односторонность и спеціальность знаній доходитъ до того, что люди, какъ при вавилонскомъ столпотвореніи, перестаютъ понимать другъ-друга. Сосредоточеніе умственной работы въ болѣе и болѣе узкіе предѣлы приноситъ великую пользу умственному прогрессу человѣчества; но только до тѣхъ поръ, пока это сосредоточеніе не мѣшаетъ разумности самой работы. Но нѣтъ ничего хуже, когда человѣкъ, забывши то, что онъ давно уже спеціалистъ, и какъ бы оскорбленный узкими предѣлами той сферы, которую онъ самъ же себѣ выбралъ, начинаетъ сквозь очки своей спеціальности смотрѣть на цѣлый міръ и требуетъ, чтобы и другіе люди надѣли тѣ же самые очки; тогда-то начинается тотъ хаосъ міросозерцаній, которому мы были свидѣтелями въ послѣднее время.

---

[1]) См. Пед. антр. ч. I, гл. XLII.

[2]) Waitz. Lehrb. der Psych. S. 216.

ГЛАВА XXVI.

Виды *душевно-умственныхъ* чувствованій: 2) чувство умственнаго напряженія, 3) чувство ожиданія.

Чувство умственнаго напряженія.

1. Когда число матерьяловъ, которые должны быть одновременно обняты сознаніемъ, чтобы оно могло свесть ихъ въ одно понятіе, превышаетъ силы души, тогда мы испытываемъ *чувство умственнаго напряженія*. Хотя это чувство не высказывается съ яркостью чувствъ сердечныхъ; но, безъ сомнѣнія, оно знакомо каждому, кто занимался, хоть сколько нибудь, упорною, мысленною работою. Вайцъ справедливо замѣчаетъ, что это чувство одинаково сильно и у ребенка, старающагося понять первое ариѳметическое правило, и у великаго математика, разрѣшающаго новую сложную проблему [1]).

2. Мы уже видѣли въ первой части «антропологіи», какое значеніе имѣетъ обработка и группировка матерьяловъ, надъ которыми работаетъ сознаніе (представленій, сужденій и понятій), и потому поймемъ, что, смотря по предварительной обработкѣ матерьяла, одно и тоже усиліе сознанія можетъ достичь столь различныхъ результатовъ, какъ результаты достигаемые ребенкомъ, только-что начинающимъ изучать ариѳметику, и результаты, достигаемые великимъ математикомъ въ его соображеніяхъ, поражающихъ своею сложностью. Мы считаемъ этотъ умственный процессъ уже достаточно выясненнымъ [2]), чтобы не возвращаться къ нему. Здѣсь же замѣтимъ только, что наставникъ непремѣнно и всегда долженъ имѣть въ виду, что сила умственнаго напряженія въ ребенкѣ точно такая же, какъ и въ немъ самомъ, а все различіе—въ предварительной обработкѣ матерьяла, и не ждать большихъ результатовъ отъ умственнаго напряженія ребенка, чѣмъ тѣ, которые оно можетъ дать по самому свойству матерьяла.

3. Чувство умственнаго напряженія показываетъ только, что предѣлъ силы, которою обладаетъ наша душа, уже достигнутъ; далѣе этого предѣла мы идти не можемъ, какъ бы ни напрягали свой умъ, а должны обратиться назадъ и приняться снова за переработку, перестановку и конденсировку матерьяловъ, которыхъ не могли мы обнять въ ихъ прежнемъ видѣ. Этотъ конденсирующій процессъ очень хорошо и ясно выражается въ томъ извѣстномъ алгебраическомъ пріемѣ, который употребляется при разрѣшеніи уравненія съ нѣсколькими неизвѣстными. Принимая фиктивно неизвѣстныя за извѣстныя, математикъ провизуарно разрѣшаетъ сначала одно неизвѣстное, потомъ другое, т. е. приводитъ всѣ неизвѣстныя въ такое соотношеніе между собою, что вся задача

---

[1]) Waitz. Lehrb. der Psych. 295.

[2]) Пед. Антроп. Ч. I, гл. XLIII.

выражаетъ уже одинъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ задачи. Точно также совершается и рѣшеніе всѣхъ возможныхъ вопросовъ, съ тою только разницею, что внѣ математической области рѣдко возможно пользоваться тою *фикціею*, которая такъ могущественно помогаетъ математику. Рѣшеніе всякаго вопроса, къ какой бы области онъ ни относился, если только всѣ данныя для его рѣшенія на лицо, уже скрывается въ тѣхъ понятіяхъ, изъ которыхъ вопросъ составленъ. Но этихъ понятій, такъ какъ они относятся не къ міру измѣряемыхъ величинъ, нельзя означить буквами x, y, z и принять ихъ за извѣстныя. Здѣсь остается уже разлагать самыя понятія и повѣрять правильность ихъ составленія, а отсюда и относительное значеніе каждаго въ данномъ вопросѣ. Какъ только же это будетъ сдѣлано, то и вопросъ, не поддававшійся нашему *умственному напряженію*, не представитъ никакихъ затрудненій, или окажется просто неразрѣшимымъ по неимѣнію данныхъ.

4. Умственнымъ напряженіемъ—ничего не возьмешь: испытавъ его, человѣкъ поворачиваетъ назадъ, и принимается за переработку и перестановку матерьяла. Мы не всегда ясно помнимъ этотъ свой собственный пріемъ, послѣ котораго мы иногда, съ поражающею насъ легкостью, понимаемъ то, чего прежде не могли понять, не смотря на все наше умственное усиліе, выражавшееся чувствомъ умственнаго напряженія. Но стоитъ только постараться припомнить, какимъ образомъ мы достигли этой легкости пониманія того, что прежде казалось намъ столь труднымъ, и мы непремѣнно увидимъ, что мы предварительно поработали надъ самымъ матерьяломъ пониманія. Пониманіе этого великаго психическаго закона и умѣнье имъ пользоваться составляетъ основаніе *дидактики*, или искусства передачи свѣдѣній. Искусство это, доведенное до высшей степени въ діалогахъ Платона, далеко еще не разработано, какъ слѣдуетъ, современною педагогикою. Кто же хочетъ серьезно научиться этому высокому искусству ясной передачи своихъ свѣдѣній, тому мы посовѣтуемъ обратиться не къ нѣмецкимъ дидактамъ, а къ Платону, Аристотелю, Декарту и Бэкону.

5. Чувство умственнаго напряженія имѣетъ и свое воплощеніе въ упорной остановкѣ глазъ, какъ будто бы мы хотѣли разсмотрѣть предметъ, лежащій передъ нами, и въ ощущаемомъ и видимомъ напряженіи мускуловъ лба. Это воплощеніе, повторяясь часто, оставляетъ свой слѣдъ въ характеристическихъ морщинахъ лба. Но напрасно было бы видѣть въ этихъ морщинахъ «слѣды глубокихъ думъ», какъ говоритъ поэтъ: это только слѣды умственнаго напряженія и встрѣчаются очень часто у людей замѣчательно глупыхъ.

Чувство ожиданія.

6. Объясненіе, данное *чувству ожиданія* Гербартомъ, кажется намъ довольно удовлетворительнымъ. Если рядъ представленій, проходящій въ нашемъ сознаніи, проходитъ быстрѣе, чѣмъ рядъ какихъ-нибудь яв-

леній, соотвѣтствующихъ ряду нашихъ представленій, то въ насъ возникаетъ *чувство ожиданія.* Видя, что человѣкъ готовится стрѣлять, мы *ожидаемъ* выстрѣла; зная, что пріятель нашъ идетъ къ намъ, мы *ожидаемъ* его прихода, т. е. другими словами, рядъ нашихъ представленій *упреждаетъ* рядъ соотвѣтствующихъ внѣшнихъ явленій. Но нетрудно видѣть, что изъ одного этого упрежденія вереницы явленій вереницею представленій не могло бы еще выйти *чувство ожиданія.* Это упрежденіе есть только *внѣшняя* причина *чувства ожиданія*, внутренняя причина котораго все же скрывается въ стремленіи, движущемъ рядъ нашихъ представленій съ большею скоростью, чѣмъ развивается рядъ соотвѣтствующихъ имъ явленій: въ *потребности* сознательной дѣятельности, совершающейся съ данною быстротою.

7. Уже изъ опредѣленія ожиданія легко видѣть, что оно очень быстро можетъ соединяться съ чувствомъ скуки; но ожиданіе, соединенное со скукою, отличается отъ самой скуки: тамъ работникъ бросилъ матерьялъ и сложилъ руки; здѣсь работникъ стоитъ, ждетъ матерьяла и сердится, сердится тѣмъ болѣе, чѣмъ напряженнѣе тѣ стремленія, удовлетворенія которыхъ онъ ждетъ отъ ожидаемаго явленія. Мы начнемъ ощущать скуку, какъ только однообразное представленіе ожидаемаго начнетъ намъ надоѣдать, т. е. перестанетъ давать намъ достаточную душевную работу. Но ежели ожидаемое представленіе такого рода, что отъ него мы ждемъ удовлетворенія какого нибудь другаго нашего стремленія, то, смотря по силѣ и настоятельности этого главнаго стремленія, мы будемъ испытывать какія-нибудь другія чувствованія, но не скуку.

8. Изъ сказаннаго уже видно, что чувство ожиданія очень легко комбинируется съ разными сердечными чувствованіями. Оно, какъ мы видѣли, можетъ соединяться со скукою или гнѣвомъ; но оно можетъ комбинироваться также съ чувствомъ страха и съ чувствомъ любви. Чувство страха, какъ мы его обыкновенно испытываемъ, всегда даже комбинируется съ чувствомъ ожиданія, такъ-что чувство страха въ своей отдѣльности существуетъ только, какъ органическое чувствованіе; душевный же страхъ всегда соединенъ съ ожиданіемъ. Но, тѣмъ не менѣе, мы должны раздѣлять оба эти чувства, ибо замѣчаемъ, что чувство ожиданія можетъ комбинироваться не только со страхомъ, но и съ другими чувствованіями. Страхъ, соединенный съ ожиданіемъ, а слѣдовательно, съ представленіемъ того, что ожидается, есть уже не элементарное чувство души, а ея чувственное состояніе.

9. Если мы ожидаемъ чего-нибудь пріятнаго для насъ, то и самое чувство ожиданія бываетъ то пріятно, то непріятно, смотря по тому, какъ мы отнесемся къ ожидаемому нами явленію. Если мы думаемъ о самомъ явленіи, то испытываемъ удовольствіе, *предвкушеніе* удовольствія, хотя и сознаемъ въ тоже время, что оно еще не наступило; если же мы думаемъ объ отдаленности ожидаемаго явленія, то испытываемъ неудовольствіе или гнѣвъ, смотря по тому, какъ мы отнесемся не къ предмету ожиданія, а уже къ самому чувству ожиданія. Если мы

пассивно поддаемся ему, то страдаемъ; если же пытаемся бороться съ нимъ, и кидаемся на него вновь и вновь, всякій разъ, какъ оно насъ одолѣваетъ, то испытываемъ гнѣвъ. Тоже самое совершается въ обратномъ порядкѣ, если ожидаемое явленіе грозитъ намъ неудовольствіемъ. Дѣти особенно нетерпѣливы при ожиданіи и въ тоже время, какъ справедливо замѣчаетъ Броунъ, всего болѣе живутъ ожиданіемъ [1]). Явленіе это объясняется тѣмъ, что дитя мало еще находитъ пищи своему стремленію къ сознательной дѣятельности въ готовомъ уже содержаніи души своей. Если дитя оглянется назадъ и сравнитъ ожиданіе какого нибудь удовольствія съ самимъ удовольствіемъ, то нерѣдко чувствуетъ, что ожиданіе его обмануло, и это чувство, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, играетъ очень важную роль въ исторіи дѣтской души. Теперь же замѣтимъ только вскользь, что вообще воспитатель не долженъ слишкомъ возбуждать ожиданій въ душѣ дитяти, и безъ того склонной къ этой формѣ чувства; а возбуждая ожиданія долженъ всегда имѣть въ виду, на сколько удовлетвореніе можетъ имъ соотвѣтствовать.

10. Чувство ожиданія въ соединеніи съ представленіями и другими чувствованіями составляетъ то, чтò называютъ обыкновенно *надеждою*. Принято, впрочемъ, употреблять слово надежда только для обозначенія ожиданій чего-нибудь пріятнаго; ожиданіе же непріятнаго не имѣетъ для себя отдѣльнаго названія, подобно тому, какъ есть слово *сострадиніе* и нѣтъ слова *сорадостіе*, хотя оба эти явленія одинаково замѣчаются въ душѣ. Вотъ это-то отсутствіе названія для ожиданія чего-нибудь дурного и подало поводъ противополагать надеждѣ страхъ, какъ ожиданіе какого-нибудь зла; но это совершенно несправедливо: мы можемъ ожидать чего-нибудь дурного, вовсе не испытывая чувства страха, и можемъ испытать страхъ, ничего собственно не ожидая, какъ напр., при испугѣ. Слѣдовательно, страхъ есть элементарное чувство, а надежда, точно также какъ и ожиданіе чего-нибудь дурного, суть уже сложныя чувственныя состоянія души. Обыкновенно говорятъ, что надежда борется со страхомъ; но въ этомъ выраженіи есть большая ошибка. Надежда, по большей части, борется съ надеждою же, т. е. увѣренность, что ожидаемое событіе сбудется, съ неувѣренностью, точно также, какъ увѣренность въ томъ, что дурное ожиданіе сбудется, можетъ бороться съ пріятною неувѣренностью, что авось оно не сбудется. Надежда, равно какъ и вообще всякое ожиданіе, можетъ сопровождаться различною степенью *увѣренности*. Такимъ образомъ, при анализѣ психическаго явленія, называемаго надеждою, мы встрѣчаемся въ первый разъ съ особеннымъ, неразлагаемымъ психическимъ явленіемъ, которое называютъ *увѣренностью*, или просто *вѣрою*. Этотъ новый, психическій элементъ принадлежитъ только человѣку, а потому и будетъ нами изслѣдованъ только въ третьей части нашей антропологіи. Здѣсь же мы беремъ его какъ готовое, всякимъ испытанное состояніе души. Кромѣ того въ надеждѣ

[1]) Brown, p. 340.

мы уже находимъ понятіе о времени, о будущемъ. Слѣдовательно, надежда есть уже очень сложное душевное явленіе, и притомъ явленіе, возможное только душѣ человѣческой, заглядывающей въ будущее и имѣющей способность вносить въ него *вѣру*.

11. Не должно смѣшивать *ожиданія* съ *любопытствомъ*. Въ ожиданіи мы ждемъ того, что *должно* прійти по нашему мнѣнію; любопытство же возбуждается именно неизвѣстностью того, что должно прійти. Изъ ожиданія, если оно не сбывается, можетъ возникнуть *вопросъ*; но въ самомъ чувствѣ ожиданія его еще нѣтъ; тогда какъ въ любопытствѣ непремѣнно есть уже вопросъ или множество вопросовъ и ясно выступаетъ мучительное желаніе ихъ разрѣшенія. По этому послѣднему признаку мы относимъ любопытство къ области желаній, т. е. къ области воли; тогда какъ ожиданіе въ чистомъ своемъ видѣ есть только умственное чувствованіе.

12. Нетрудно замѣтить, что одни характеры болѣе другихъ подчиняются чувству ожиданія: не могутъ оторваться отъ него, не могутъ заняться ничѣмъ другимъ, кромѣ ожиданія, выказываютъ при этомъ сильное волненіе и, нерѣдко ускоряя наступленіе ожидаемаго, портятъ самое дѣло. Такіе характеры мы и называемъ *нетерпѣливыми*. Человѣкъ же съ *терпѣливымъ* характеромъ спокойнѣе выноситъ чувство ожиданія, не поддается ему: можетъ при этомъ заниматься чѣмъ-нибудь постороннимъ, и не ускоряетъ необдуманно наступленія того, чего ожидаетъ. Такое разнообразіе въ природѣ людей зависитъ не отъ одной, а отъ многихъ причинъ, по свойству которыхъ и самое *терпѣніе* бываетъ разнообразно и заслуживаетъ совершенно различной практической оцѣнки.

13. Люди съ раздражительными нервами, и особенно больные трудно выносятъ чувство ожиданія, и, какъ говорится, считаютъ минуты. Это измѣреніе времени, какъ справедливо гдѣ-то замѣтилъ Гегель, показываетъ, что человѣкъ сильно скучаетъ, если ему нечего болѣе дѣлать, какъ измѣрять время, которое въ сущности неизмѣримо. Такую же невыносливость чувства ожиданія оказываютъ дѣти, и по отношенію ребенка къ ожиданію можно довольно вѣрно судить о степени раздражительности его нервной системы. Дитя съ раздражительными нервами, когда ждетъ чего-нибудь для него интереснаго, не можетъ усидѣть на мѣстѣ: бѣгаетъ, суетится, а иногда даже замѣтны въ немъ судорожныя движенія и судорожный крикъ, когда ожидаемое приближается. Человѣкъ съ сильною волею, безъ сомнѣнія, также глубоко испытываетъ чувство ожиданія, какъ и человѣкъ съ волею слабою; но сильная воля даетъ человѣку возможность сократить минуты ожиданія, сдѣлать ихъ незамѣтными, отрывая свою умственную дѣятельность отъ того, что ожидается, и перенося ее на какой-нибудь другой предметъ. Это также власть надъ вниманіемъ, которую мы описали выше [1]). Особенная терпѣливость замѣчается также у тѣхъ людей, душа которыхъ вообще мало

[1]) См. Пед. Антр. ч. I, гл. XX, пп. 3, 4 и 5.

стремительна или мало требовательна. Эти люди легче выносятъ скуку, а потому легче выносятъ и ожиданіе, которое именно мучительно тѣмъ, что останавливаетъ душевную дѣятельность, заставляя ее обратиться къ самому безплодному пережевыванію однихъ и тѣхъ же представленій и, наконецъ, когда это окончательно надоѣдаетъ, то еще къ болѣе однообразному и безплодному занятію: измѣренію неизмѣримаго времени, которое именно имѣетъ то свойство, что чѣмъ пристальнѣе стараемся мы его измѣрять, тѣмъ болѣе оно растягивается, такъ-что минуты напряженнаго ожиданія превращаются въ цѣлые часы, которые при дѣятельномъ занятіи въ свою очередь обращаются въ минуты. Наконецъ, большая или меньшая напряженность ожиданія зависитъ прямо отъ большей или меньшей напряженности тѣхъ стремленій или образовавшихся изъ нихъ желаній, удовлетворенія или противорѣчія которымъ мы ожидаемъ отъ ожидаемаго событія. Ожиданіе великой бѣды также растягиваетъ время, какъ и ожиданіе великаго счастья.

14. Такое различіе причинъ терпѣнія и нетерпѣнія показываетъ намъ, что и самая цѣнность этихъ свойствъ характера неодинакова. Этимъ объясняется различіе взглядовъ, которые высказываются по поводу терпѣнія. «Терпѣливы только глупцы», говорятъ одни; «терпѣніе все преодолѣваетъ»—говорятъ другіе или даже тѣ же самые; «терпѣніе есть добродѣтельословъ»—думаютъ иные; «геній есть величайшее терпѣніе»—говоритъ Бюффонъ. Дѣло же объясняется тѣмъ, что терпѣніе терпѣнію рознь, смотря по тому, отчего зависитъ терпѣніе.

15. Терпѣніе, происходящее оттого, что вообще ожиданіе мало мучитъ душу, значитъ все то же, что слабость душевнаго стремленія. Самый терпѣливый человѣкъ окажется очень нетерпѣливымъ, если, напримѣръ, стремленіе къ пищѣ доростетъ въ немъ до напряженности сильнаго голода. Вотъ почему, наблюдая, чего человѣкъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, а чего съ нетерпѣніемъ, мы можемъ вѣрно судить о томъ, какія стремленія сильнѣе въ немъ другихъ. Тотъ же самый человѣкъ, который очень терпѣливо оставляетъ книжку журнала неразрѣзанною, выказываетъ сильное нетерпѣніе, когда опоздаютъ накрыть на столъ. Если же, помимо тѣлесныхъ стремленій, человѣкъ спокойно выноситъ ожиданіе, не направляя своихъ мыслей на что-нибудь другое, то, безъ сомнѣнія, такое терпѣніе обнаруживаетъ очень слабую требовательность душевной дѣятельности, и показываетъ, что эта душа уживается съ такою ничтожною дѣятельностью, съ которою не можетъ ужиться другая. Это терпѣніе слѣдовало бы назвать *выносливостью*.

16. Но есть другого рода терпѣніе, которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ, не получая удовлетворенія своихъ стремленій, все же настаиваетъ на нихъ и, встрѣчаясь съ неуспѣхомъ, не обезоруживается имъ, а снова стремится удалить препятствіе. Отступая, онъ возвращается снова и съ новыми силами, пока не восторжествуетъ надъ препятствіемъ и не добудетъ ожидаемаго. Такое терпѣніе, уже не *пассивное*, а *активное*,

обнаруживаетъ особенную силу души и есть необходимое условіе всякаго великаго дѣла и въ жизни, и въ наукѣ.

17. Что терпѣніе необходимо во всякомъ дѣлѣ—это сдѣлалось азбучною поговоркою; но эта поговорка справедлива только въ томъ случаѣ, если мы отличаемъ терпѣніе отъ выносливости. Мы не будемъ оспаривать того, что иногда и ослиная выносливость подымаетъ человѣка высоко; но мы говоримъ здѣсь не о пассивномъ успѣхѣ человѣка. Для прямой же творческой дѣятельности выносливость можетъ принести только вредъ, а не пользу. Если же душа выноситъ напоръ стремленія, не потому, что оно въ ней не сильно, но съ *цѣлью* доставить ему полнѣйшее удовлетвореніе, то это уже такое терпѣніе, которое необходимо для всякаго творчества. Такой человѣкъ, напр., зрѣло обдумаетъ дорогую для него идею, подготовитъ всѣ средства къ ея выполненію и выждетъ благопріятнаго времени, какъ бы ни порывалась у него эта идея наружу. И въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ такого человѣка проглянетъ тогда накопленная сила. Человѣкъ же слабохарактерный не можетъ вынести перваго напора стремленія, спѣшитъ удовлетворить ему и удовлетворяетъ кое-какъ, да и самое стремленіе не успѣло въ немъ достичь значительной степени напряженности, а потому и въ словахъ, и въ дѣлахъ такого человѣка все выходитъ слабо, запутано, безцвѣтно. Сильный характеръ, какъ и сильный потокъ, встрѣчая препятствіе, только раздражается и усиливается еще болѣе; но за то, опрокинувъ препятствіе, прокладываетъ для себя и глубокое русло. Въ нынѣшнее время, когда слабохарактерность сдѣлалась наиболѣе распространенною психическою болѣзнью, недостатокъ терпѣнія кидается въ глаза. Только что сформировавшееся убѣжденіе торопится перейти въ дѣло, и конечно разбивается о первыя же препятствія.

18. Есть еще особый родъ терпѣнія, которое скорѣе можно назвать *покорностью* (resignation). Говоря объ этомъ терпѣніи, Кантъ выражается такъ: «терпѣніе не есть смѣлость: это добродѣтель женщинъ, такъ-какъ оно не даетъ силы сопротивляться, а только надѣется облегчить страданіе привычкою» [1]). Но мы думаемъ, что и такое терпѣніе бываетъ двоякаго рода: одно выходитъ изъ полнаго убѣжденія въ своемъ безсиліи, а другое—изъ религіозной увѣренности въ благости и премудрости Провидѣнія. Изъ этого мы видимъ, какъ разнообразно употребляется у насъ одно и то же слово *терпѣніе* и что не всякое терпѣніе есть достоинство.

19. Привычка дѣйствительно развиваетъ терпѣливость, но какъ она ее развиваетъ? Мы дѣйствительно становимся терпѣливыми въ томъ дѣлѣ, которымъ долго и постоянно занимаемся; но не потому, чтобы охладѣли къ этому дѣлу, а потому, что уже убѣдились въ своевременномъ наступленіи тѣхъ или другихъ событій. Мы привыкаемъ къ извѣстному *ритму* работы и потому не упреждаемъ наступленія событій, къ посто-

[1]) Kant's Antrop. § 76.

янной послѣдовательности которыхъ привыкли. Но можно вообще, въ отношеніи всякаго дѣла, увеличить свою терпѣливость, если у насъ всегда есть въ запасѣ такая умственная или физическая работа, которая можетъ наполнить минуты ожиданія. Крестьянинъ, у котораго всегда довольно физической работы, отличается своимъ терпѣніемъ. Люди, которыхъ судьба наказала праздностью, отличаются своею нетерпѣливостью. Дѣти всегда нетерпѣливы, потому что и воля ихъ слаба, и въ головѣ еще мало содержанія, и, наконецъ, стремленія, возникающія въ нихъ, мало находятъ себѣ противовѣса въ постоянныхъ наклонностяхъ и страстяхъ. Воспитать разумное терпѣніе въ человѣкѣ есть одна изъ самыхъ сложныхъ и самыхъ важныхъ задачъ воспитанія, которое, въ своихъ ошибкахъ, чаще воспитываетъ вредную выносливость, чѣмъ полезное терпѣніе.

ГЛАВА XXVII.

Виды *умственныхъ* чувствованій: 4) чувство неожиданности: а) чувство обмана и б) чувство удивленія.

1. Изъ несбывшагося ожиданія возникаетъ особенное чувство, которое слѣдуетъ назвать *чувствомъ неожиданности*. Чувство неожиданности, уже осложненное другими психическими явленіями, можетъ перейти или въ *чувство обмана* или въ *чувство удивленія*, такъ-что обманъ и удивленіе мы не можемъ уже назвать элементарными чувствами, а скорѣе чувственными состояніями души. Но они находятся въ такой тѣсной связи съ чувствомъ неожиданности и такъ удобно при немъ объясняются, что мы изложимъ ихъ вмѣстѣ, въ одной главѣ, сдѣлавъ необходимую оговорку.

Чувство неожиданности.

2. Чувство *неожиданности* возникаетъ въ насъ, когда впечатлѣніями внѣшняго міра или какимъ-либо вліяніемъ нервнаго организма вдвигается въ наше сознаніе такое представленіе, котораго мы не ожидали. Чувство это усиливается, конечно, если новое представленіе находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, которое, по нашему ожиданію, должно бы найти себѣ соотвѣтствіе во внѣшнихъ явленіяхъ; но это же чувство, хотя въ слабѣйшей степени, вызывается и тогда, если новое представленіе, насильственно вдвинутое въ наше сознаніе, не находится ни въ какой связи съ настоящимъ рядомъ нашихъ представленій.

3. Само по себѣ чувство неожиданности ни пріятно, ни непріятно. Это совершенно специфическое чувство какого-то толчка въ процессѣ нашего мышленія, остановки въ развитіи его вереницъ, которая происходитъ или оттого, что вдругъ въ цѣпи явленій, ожидаемыхъ нами, нѣтъ одного или многихъ звеньевъ, или являются звенья новыя, вмѣсто тѣхъ,

которыхъ мы ожидали, или прерывается совершенно вереница, или врывается новое представленіе, не находящееся ни въ какой связи съ тѣмъ, что мы представляли. Этотъ толчекъ въ процессѣ мышленія можетъ или нравиться или не нравиться намъ, смотря по тому, какъ мы къ нему отнесемся. Чувство неожиданности любятъ дѣти и люди съ неразвитою и мало самостоятельною внутреннею жизнью. Они ждутъ отъ случая пищи для своей душевной работы, которая безпрестанно рвется, потому что вереницы представленій въ такой душѣ коротки и обрывочны. Чувства неожиданности не любятъ люди съ сильно развитою, самостоятельною внутреннею жизнью. Всякія неожиданности мѣшаютъ ихъ самостоятельной душевной работѣ. Но если это люди не односторонніе, не совершенно поддавшіеся своему внутреннему влеченію, то они принимаютъ неожиданности какъ необходимое явленіе, и обращаются къ нимъ съ интересомъ, зная, что именно неожиданности могутъ исправить ошибки ихъ мышленія или дать имъ новое средство для достиженія уже выработавшейся въ нихъ цѣли. Чувства неожиданности не любятъ глубоко въ себѣ сосредоточенные характеры, которые уже не ждутъ отъ новыхъ явленій никакихъ поправокъ или перемѣнъ въ своемъ мышленіи и въ своихъ цѣляхъ. Вотъ почему фанатики всякаго рода ищутъ уединенія и если выходятъ въ общество, то съ цѣлью убѣждать, но не убѣждаться. Неожиданностей не любятъ также старики, но уже по другой причинѣ: на всякую неожиданность они смотрятъ съ инстинктивнымъ испугомъ, чувствуя, что она, можетъ быть, потребуетъ такой перестройки въ ихъ старомъ душевномъ зданіи, на которую у нихъ не хватитъ ни силъ, ни времени.

4. Ясно, что чувство неожиданности возбуждается въ душѣ явленіями внѣшняго для души міра. Но такъ-какъ вліяніе этихъ явленій именно и создаетъ въ человѣкѣ правильное мышленіе, то отсюда выходитъ и вся необходимость чувства неожиданности для процесса мышленія. Какъ бы ни казалось оно непріятнымъ мыслящему человѣку, но онъ долженъ подвергаться ему какъ можно чаще. Чѣмъ болѣе неожиданныхъ толчковъ испытаетъ его мысль, прежде чѣмъ придетъ къ окончательному результату, тѣмъ болѣе ручательствъ, что она вѣрна дѣйствительности. Замѣчая же въ себѣ отвращеніе къ неожиданностямъ, человѣкъ долженъ всегда бояться, что онъ вдался уже въ какую-нибудь односторонность.

5. Изъ различнаго отношенія людей къ чувству неожиданности возникаютъ многія замѣчательныя черты въ человѣческомъ характерѣ. Люди, напримѣръ, съ неразвитою, бѣдною и мало самостоятельною душевною жизнью любятъ такое общество и такое положеніе дѣлъ и вещей, которое даетъ имъ по возможности болѣе неожиданностей; для людей же съ сильною, внутреннею и самостоятельною жизнью такое положеніе дѣлъ, гдѣ все зависитъ отъ случая и каприза, невыносимо тяжело. Съ другой стороны, характеры деспотическіе хотятъ привести все въ такой порядокъ, чтобы нигдѣ не встрѣчать неожиданностей. Но если бы человѣка поставить въ ту или другую крайность, перенести его или въ такой

міръ, гдѣ не было бы для него неожиданностей, или въ такой, гдѣ все было бы для него неожиданностью, будучи игрою каприза и случая, то онъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ былъ бы глубоко несчастливъ. Вотъ почему рабъ, повинующійся неожиданнымъ и непонятнымъ для него капризамъ своего повелителя, равно какъ и деспотъ, удалившій вокругъ себя по возможности всякую неожиданность, одинаково несчастны.

Чувство обмана.

6. Въ чувствѣ *обмана* присоединяется уже къ чувству неожиданности болѣе или менѣе сильное и яркое сравненіе того, что ожидалось, съ тѣмъ, что появилось, и чѣмъ ярче мы воображаемъ себѣ представленіе. осуществленія котораго ожидали, тѣмъ сильнѣе испытываемъ чувство обмана. Фокусникъ положилъ монету подъ темный стаканъ; дитя въ своемъ живомъ воображеніи видитъ эту монету, скрытую стаканомъ; фокусникъ подымаетъ стаканъ—и монеты нѣтъ: тогда чувство обмана электрически дѣйствуетъ на душу ребенка. Этимъ объясняется, почему фокусы въ особенности нравятся дѣтямъ Дѣти, какъ мы уже знаемъ, ярче взрослыхъ представляютъ себѣ воображаемый предметъ и потому противорѣчіе дѣйствительнаго явленія съ представленіемъ дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе.

7. Гербартіанцы называютъ чувство обмана тяжелымъ; но это несправедливо. Удовольствіе, доставляемое фокусами, показываетъ скорѣе, что человѣкъ любитъ то душевное волненіе, которое доставляетъ ему обманъ, если только этотъ обманъ не нарушаетъ какихъ либо другихъ его интересовъ. Обманъ, какъ и чувство неожиданности, преимущественно нравится тѣмъ, для кого душевное потрясеніе является само по себѣ цѣлью, а не средствомъ душевной работы, какимъ оно въ дѣйствительности есть для каждаго человѣка, уже увлеченнаго самостоятельною душевною работою. Слѣдовательно, чувство обмана само по себѣ ни пріятно, ни непріятно, а удовольствіе или неудовольствіе при обманѣ возникаетъ уже изъ отношенія обмана къ другимъ интересамъ человѣка.

Чувство удивленія.

8. Въ чувствѣ *удивленія* присоединяется къ чувству неожиданности *сознаніе трудности* примирить новое для насъ явленіе съ тѣми вереницами представленій и понятій, которыя въ насъ уже образовались. Пока мы не обратимъ вниманія на эту трудность, то будемъ испытывать только или чувство неожиданности, или чувство обмана. Но чѣмъ болѣе сжились мы съ тѣми понятіями, которымъ противорѣчитъ новое явленіе, чѣмъ болѣе основное мѣсто эти понятія занимаютъ въ душѣ нашей, т. е. чѣмъ въ насъ болѣе вереницъ и сѣтей представленій, въ которыя это понятіе входитъ, какъ ихъ необходимый членъ, тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ удивленіемъ явленіе, имъ противорѣчащее, и тѣмъ быстрѣе

и мгновеннѣе происходитъ въ насъ соображеніе представляющейся трудности примирить новое явленіе съ вкоренившимися представленіями. Такъ напр. мы до того сроднились съ понятіемъ притяженія всѣхъ тяжелыхъ вещей къ землѣ, что поднятіе какой-нибудь изъ нихъ на воздухъ, безъ всякой видимой для насъ причины, нарушило бы въ насъ безчисленное множество представленій о тяжелыхъ вещахъ и мы почти мгновенно были бы поражены крайнимъ удивленіемъ, тогда-какъ для ребенка тоже явленіе было бы только занимательнымъ обманомъ.

9. Весьма замѣчательно объясненіе, которое даетъ Декартъ чувству удивленія: «Предметы, новые для чувствъ, говоритъ онъ, трогаютъ мозгъ въ такихъ частяхъ, въ которыхъ онъ еще не привыкъ къ прикосновеніямъ» [1]). Но, во-первыхъ, такое обясненіе удивленія даетъ невозможное представленіе о томъ, что всѣ слѣды имѣютъ въ мозгу свое особое положеніе по мѣсту, а во-вторыхъ — противорѣчитъ факту. Если бы кто увидалъ хорошо знакомый ему образъ своего умершаго друга, то, безъ сомнѣнія, былъ бы пораженъ этимъ образомъ, не смотря на все свое знакомство съ нимъ, и, наоборотъ, никто не удивляется физіономіи человѣка, котораго никогда не видалъ прежде. Слѣдовательно, здѣсь дѣло не въ самомъ образѣ или явленіи, которое намъ представляется, а въ его отношеніи къ нашимъ убѣжденіямъ и рядамъ нашихъ мыслей, условливающимъ содержаніе нашихъ ожиданій. Явленіе, поражающее химика или ботаника, можетъ вовсе не поразить человѣка, незнакомаго съ этими науками, и, наоборотъ, то, что поражаетъ человѣка, незнающаго химіи и физики, вовсе не поразитъ спеціалиста въ этихъ наукахъ и не поразитъ не потому, чтобы химикъ или физикъ привыкли къ данному явленію (они могли его прежде никогда и не видѣть), но потому, что они знаютъ, что ожидаемое явленіе должно произойти и будутъ, напротивъ, удивлены, если оно не произойдетъ. Замѣчательно, что Спиноза вовсе выбрасываетъ удивленіе изъ числа чувствованій [2]) и этимъ показываетъ несостоятельность своей теоріи чувствъ и страстей; ибо всякій, испытавшій удивленіе, не смѣшаетъ его съ другими чувствами; да и сама природа отмѣтила это чувство, какъ особенное, давъ ему особенное воплощеніе въ физіономіи. Однакоже Спиноза уже глубже Декарта проникаетъ въ природу удивленія. Онъ уже видитъ, что удивленіе *происходитъ* отъ остановки перехода сознанія отъ одного предмета къ другому, съ нимъ связанному [3]), но только не объясняетъ причины этой остановки.

10. Еще ближе къ природу удивленія входитъ Броунъ, когда говоритъ, что «удивленіе предполагаетъ предварительныя познанія, которымъ новое явленіе противорѣчитъ, и что потому удивленіе не мыслимо при

---

[1]) Les passions, art. 72.
[2]) Eth. P. III. Append. § 4.
[3]) Ib. Prop. 52.

абсолютномъ невѣжествѣ» [1]). Для младенца всѣ явленія новы; но онъ ничему не удивляется. Онъ не удивился бы даже, если бы бездушныя вещи сами собою стали двигаться; ибо въ его умѣ нѣтъ еще понятія, что такое предметы одушевленные и неодушевленные. Броунъ тоже доказываетъ, что удивленіе одинаково появляется, когда мы видимъ совершенно новый для насъ предметъ или, хотя и знакомый, но не въ ожиданныхъ нами обстоятельствахъ. Броунъ также совершенно справедливо опровергаетъ то различіе, которое хотѣлъ установить шотландскій моралистъ Смитъ между удивленіемъ (wonder) и изумленіемъ или чувствомъ неожиданности (surprise). «Мы удивляемся, говоритъ Смитъ, всѣмъ чрезвычайнымъ и необыкновеннымъ предметамъ, всѣмъ рѣдкимъ явленіямъ природы, метеорамъ, кометамъ, затмѣніямъ, однимъ словомъ, всякому предмету, съ которымъ мы вовсе незнакомы или мало знакомы, и мы удивляемся, хотя бы насъ и предупредили, что мы увидимъ. Напротивъ, мы *изумляемся* и такимъ вещамъ, которыя мы видѣли часто, но которыя мы менѣе всего ожидали встрѣтить въ томъ мѣстѣ, въ которомъ ихъ находимъ. Мы испытываемъ чувство неожиданности при внезапномъ появленіи нашего друга, котораго мы видѣли тысячу разъ, но котораго именно не ожидали встрѣтить теперь» [2]). Броунъ, опровергая мнѣніе Смита, говоритъ, что различіе здѣсь въ обстоятельствахъ и послѣдствіяхъ, сопровождающихъ чувство удивленія, а не въ самомъ этомъ чувствѣ. Различіе здѣсь возникаетъ оттого, что, изумившись, напримѣръ, появленію друга въ неожиданное время, я перестану изумляться, узнавъ, какъ это случилось. Но точно также и астрономъ вовсе не удивится солнечному затмѣнію, которое онъ предвидѣлъ, а удивился бы напротивъ, если бы его не было.

11. Вполнѣ согласны мы также съ Броуномъ, когда онъ опровергаетъ другую мысль Смита, который не хочетъ признать удивленія оригинальнымъ чувствомъ, отличающимся отъ всѣхъ прочихъ. «Если, возражаетъ Броунъ на это положеніе Смита, есть какое-нибудь чувствованіе, по истинѣ оригинальное, то для меня трудно отыскать какое-нибудь, которое больше чувства неожиданности имѣло бы право на такое названіе» [3]). (Броунъ не отличаетъ чувства неожиданности отъ чувства удивленія, какъ это сдѣлали мы). Смитъ приписываетъ чувство удивленія быстрому переходу души отъ одного чувства къ другому; но ясно вводится въ заблужденіе тѣмъ явленіемъ, что такой переходъ *часто* сопровождается удивленіемъ, но не всегда. «Внезапная радость и внезапная печаль, говоритъ Броунъ, могутъ смѣнять другъ друга, не возбуждая удивленія. Удивленіе очевидно не есть радость, но также не есть и печаль, не есть и соединеніе радости и печали, а есть именно нѣчто отдѣльное отъ обоихъ, и если душа удивляется быстрой смѣнѣ

[1]) Brown. p. 345.

[2]) Smith's Works. v. V. p. 55.

[3]) Brown. p. 347.

двухъ чувствъ, то она должна имѣть третье чувство, дающее ей способность удивляться» [1]). Такимъ вѣрнымъ и тонкимъ анализомъ Броунъ, во-первыхъ, опровергъ попытку вывести удивленіе изъ радости и печали, а во-вторыхъ, показалъ, почему Спиноза отказался отъ этой попытки, хотя она такъ нужна была для его теоріи, выводящей всѣ чувства изъ радости и печали, и вовсе вычеркнулъ удивленіе изъ списка чувствованій.

12. Мы удивляемся новому, неожиданному для насъ явленію именно потому, что чувствуемъ всю трудность внести его, какъ новое звено, въ вереницы нашихъ представленій, и какъ только мы это сдѣлаемъ, такъ и чувство удивленія прекратится. По вереницѣ нашихъ мыслей другъ нашъ долженъ быть отъ насъ за сотни верстъ; но мы видимъ его внезапно передъ собою, и удивляемся. Когда же мы узнаемъ, какъ это случилось и попривыкнемъ къ новому ряду мыслей, объясняющихъ намъ неожиданное появленіе нашего друга, привыкнемъ на столько, что эти мысли станутъ послѣдовательно и ясно идти одна за другою въ нашемъ умѣ, такъ и чувство удивленія прекратится. Слѣдовательно, удивленіе появляется именно при такой остановкѣ нашего мышленія, на которую вынуждаетъ насъ новое явленіе, и которая продолжается до тѣхъ поръ, пока мы, такъ или иначе, не введемъ его, какъ новое звено, въ вереницу нашихъ представленій.

13. Гербартъ называетъ удивленіе чувствомъ непріятнымъ [2]). Бэнъ говоритъ, что оно само по себѣ ни пріятно, ни непріятно [3]). Кантъ, видя въ удивленіи остановку мышленія, считаетъ его чувствомъ непріятнымъ [4]). Декартъ, напротивъ, находитъ чувство удивленія пріятнымъ и говоритъ, что люди вообще любятъ удивляться. «Страсть къ удивленію, говоритъ Декартъ, влечетъ насъ не къ пріятнымъ, и не къ полезнымъ вещамъ, а къ тѣмъ, которыя рѣдки, и люди, не имѣющіе отъ природы никакой наклонности къ этой страсти, очень невѣжественны». Далѣе, однако, Декартъ прибавляетъ, что у людей, по большей части, встрѣчается избытокъ, а не недостатокъ этой страсти и «иные такъ привыкаютъ удивляться (дѣлаются si admiratifs), что вещи, самыя ничтожныя, столько же останавливаютъ ихъ вниманіе, какъ и самыя полезныя» [5]). Это замѣчаніе Декарта, въ которомъ много истины и много ошибки, уяснится для насъ, когда мы анализируемъ различныя проявленія чувства удивленія.

14. Степени напряженности удивленія очень разнообразны. Отъ легкой степени *недоумѣнія* оно можетъ достичь до степени сильнѣйшаго *изумленія*—аффекта, чрезвычайно характеристически воплощающа-

[1]) Ib. p. 348.
[2]) Lehrb. der Psych. § 45.
[3]) The Emotion. p. 148.
[4]) Kant's Antrop. § 77.
[5]) Les passions. Art. 72.

гося въ распущеніи мускуловъ лица. Удивленіе тѣмъ скорѣе проходитъ, чѣмъ скорѣе умъ нашъ можетъ совладать съ новымъ представленіемъ и внести его въ вереницы прежнихъ. Остановка душевной работы сама по себѣ не можетъ быть намъ пріятна; но все новое и необыкновенное, тѣмъ не менѣе, привлекаетъ насъ именно тѣмъ, что обѣщаетъ новую сферу дѣятельности нашей душѣ. Если же обѣщаніе это не сбывается и предметъ, удивившій насъ, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи пошлымъ, мелкимъ, недопускающимъ углубленія въ себя, то въ насъ ясно выражается чувство неудовольствія, которое въ этомъ случаѣ называется разочарованіемъ. Напряженность разочарованія какъ разъ соотвѣтствуетъ напряженности предшествовавшаго ему удивленія, т. е. нашей готовности къ дѣятельной душевной работѣ, къ которой призывалъ насъ удивившій насъ предметъ, но въ которой онъ отказалъ намъ, когда мы ближе въ него вглядѣлись.

15. Сходное же явленіе происходитъ и тогда, если предметъ, удивившій насъ, не поддается нашей разсудочной работѣ и, не входя въ вереницы принятыхъ нами представленій, продолжаетъ оставаться для насъ *чудомъ*. Отъ повторенія чуда чувство удивленія къ нему притупляется, какъ и всякое однообразное чувство, повторяемое часто [1]). Такое чудо производитъ даже потомъ на насъ непріятное впечатлѣніе, если только мы не начали приподымать съ него завѣсы или не начали набрасывать на него завѣсы нашихъ фантазій. Правда, многія *чудеса* природы не надоѣдаютъ намъ и не перестаютъ удивлять насъ всякій разъ, какъ только мы станемъ въ нихъ вдумываться; но это именно потому, что эти чудеса, а еще болѣе ихъ взаимная связь между собою, такого рода, что позволяютъ намъ вдумываться въ себя и этимъ-то именно допущеніемъ привлекаютъ къ себѣ душу, которая вообще увлекается туда, гдѣ видитъ для себя безконечность работы.

16. Замѣчаніе Декарта, что одни люди способнѣе другихъ къ чувству удивленія, совершенно справедливо; но жаль только, что Декартъ смѣшалъ чувство удивленія со страстью удивляться. Людей, не ищущихъ удивленія, дѣйствительно можно встрѣтить, какъ и людей, вообще равнодушныхъ къ пріобрѣтенію познаній, но людей, неспособныхъ удивляться, нельзя. Рѣже появляется это чувство у трехъ сортовъ людей: во-первыхъ, у людей, которые такъ увлечены своимъ спеціальнымъ дѣломъ, что видятъ его всегда и всюду и мало интересуются всѣмъ остальнымъ; во-вторыхъ, у такихъ людей, которые очень много знаютъ и познанія которыхъ очень разнообразны: ихъ не удивляетъ многое, что удивляетъ толпу, а то, что осталось и для нихъ непостижимымъ, уже вошло для нихъ въ отдѣлъ непостижимаго. Въ-третьихъ, рѣдко удивляются люди, знающіе все поверхностно и которые, какъ имъ кажется самимъ, все объясняютъ удовлетворительно. Эти уже не удивляются по противоположной причинѣ, потому что не понимаютъ трудности связать

[1]) См. выше, гл. XVII, пп. 7—9.

новое явленіе съ ихъ прежде установившимися понятіями. Къ такому малоудивленію (nil admirari) приводитъ часто поверхностное образованіе и пустая, свѣтская болтовня.

17. Что же касается до страсти къ удивленію, то она можетъ быть или страстью сильной, пытливой души, кидающейся всюду, гдѣ она чуетъ для себя сильную работу, или мелкою страстью души, которая, за неимѣніемъ другихъ занятій, любитъ щекотать себя чувствомъ удивленія. Такіе забавные спеціалисты по отдѣлу удивленія дѣйствительно попадаются довольно часто, особенно въ обществахъ мало занятыхъ и удаленныхъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, по какой бы то ни было причинѣ. И замѣчательно, что такіе забавные люди даже не любятъ, чтобы мѣшали имъ удивляться, объясняя имъ по здравому разсудку удивляющія ихъ явленія. Вотъ къ этимъ-то людямъ приложимы слова Канта, который говоритъ, что «для слабыхъ людей удивленіе неслыханнымъ вещамъ пріятно, такъ-какъ оно освобождаетъ ихъ отъ обязанности разсуждать и помогаетъ имъ ставить и другихъ посреди своего собственнаго невѣжества» [1].

18. Однакоже, самое глубокое и многостороннее образованіе не уменьшаетъ способности человѣка удивляться, а только дѣлаетъ удивленіе болѣе разумнымъ. «Новичокъ въ свѣтѣ, говоритъ Кантъ, всему изумляется; но человѣкъ опытный пріобрѣтаетъ способность nihil admirari. Тотъ же, напротивъ, кто глубоко вглядывается въ порядокъ природы, встрѣчаетъ повсюду мудрость, которой онъ не ожидалъ. Но это уже душевное волненіе, возбужденное разумомъ, какой-то священный ужасъ при видѣ бездны сверхъестественнаго, открывающейся подъ ногами [2]). Однакоже, не трудно видѣть, что это тоже чувство удивленія, только такого удивленія, которое сдѣлалось возможнымъ послѣ глубокаго анализа явленій природы. Еще яснѣе выражаетъ это преобразованіе удивленія Карлиль, который, припомнивъ аристотелевскаго человѣка, воспитаннаго во мракѣ и въ первый разъ увидѣвшаго восходъ солнца, говоритъ: «первый языческій мыслитель посреди грубыхъ людей былъ точь-въ-точь, этотъ аристотелевскій дитя-человѣкъ. Природа для него не имѣла имени; онъ не соединялъ еще подъ однимъ словомъ безконечнаго множества впечатлѣній зрѣнія, слуха, образовъ движеній, которые мы называемъ теперь собирательнымъ именемъ вселенной или природы и подъ этимъ именемъ прячемъ ее отъ насъ же самихъ. Глубоко чувствующему дикарю все это было ново, не скрывалось для него подъ именами и формами: природа стояла передъ нимъ обнаженная, прекрасная, невыразимая и была для него, какою оставалась всегда для мыслителей и пророковъ, была *сверхъестественною*». Мы же, хотя и не понимаемъ природы болѣе этого дикаря, но смотримъ на нее поверхностнѣе и съ меньшимъ вниманіемъ. «Переставая думать о томъ, что насъ окружаетъ,

---

[1]) Antrop. § 13.

[2]) Antrop. § 77.

мы перестаемъ и удивляться»; а перестаемъ мы думать потому, что все обратилось для насъ въ преданіе, во фразу, въ слова. «Мы можемъ назвать огонь темной тучи электричествомъ и толкуемъ объ этомъ самымъ ученымъ образомъ; но что это такое? откуда пришло и куда уйдетъ? Наука сдѣлала для насъ много, но бѣдна та наука, которая хочетъ закрыть отъ насъ священную бездну безконечности *незнанія*, бездну, по которой знаніе плаваетъ только на поверхности и которую намъ никогда не исчерпать. Не смотря на всю нашу науку, міръ остается для насъ все же чудомъ, чѣмъ-то неисповѣдимымъ, волшебнымъ, полнымъ чудесъ для всякаго, кто объ немъ думаетъ» [1]).

19. Послѣ всего, что сказано уже нами въ первой части «Антропологіи» о постепенномъ образованіи въ человѣкѣ представленій, понятій и вообще ума, а равно и о значеніи слова въ этомъ процессѣ [2]), намъ уже не нужно говорить, что аристотелевскій человѣкъ, этотъ развитой дикарь, равно какъ и прекрасная фантазія Карлиля есть только фантазія и что представляемый Карлилемъ безсловесный человѣкъ также мало могъ-бы удивляться природѣ, какъ мало удивляется ей и животное. Правда же этой фантазіи состоитъ въ томъ, что дѣйствительно готовыя понятія и готовыя фразы, сыплющіяся въ современное дитя изъ множества книгъ и множества устъ, прежде чѣмъ оно само и самостоятельно успѣетъ подумать о чемъ-нибудь, составляетъ большое зло современной цивилизаціи. Въ настоящее время нуженъ человѣку сильный геній, чтобы выбиться изъ готовыхъ фразъ, ложащихся въ него съ самаго дѣтства и взглянуть на природу, какъ хочетъ того Карлиль, — взглянуть зрѣлымъ умомъ и младенческимъ чувствомъ, такъ чтобы душа ощутила удивленіе къ такимъ предметамъ, которымъ давно уже перестала удивляться толпа, которымъ она въ сущности никогда и не удивлялась: въ дѣтствѣ, по неразвитости ума, а въ зрѣлости по обилію на все готовыхъ, не переваренныхъ фразъ. Нуженъ былъ геній Ньютона, чтобы вдругъ удивиться тому, что яблоко упало на землю. Такимъ пошлостямъ не удивляются всезнающіе люди свѣта. Они даже считаютъ удивленіе такимъ обыденнымъ событіямъ признакомъ мелкаго, дѣтскаго, несформированнаго еще практически ума, хотя въ тоже время сами очень часто удивляются уже дѣйствительнымъ пошлостямъ. Они при этомъ забываютъ, что такое дѣтское и вмѣстѣ мудрое удивленіе слышится въ словахъ глубокихъ мыслителей и въ стихахъ великихъ поэтовъ, останавливающихся часто передъ такими явленіями, на которыя всѣ давно перестали обращать вниманіе. Вотъ также одна изъ причинъ, почему недюжинный человѣкъ всегда кажется нѣсколько ребенкомъ посреди толпы, всегда зрѣлой. Нужна недюжинная натура, чтобы она до старости могла сохранить свѣжесть дѣтскаго чувства и недюжинный умъ, чтобы питать это чувство.

---

[1]) The Emotion, p. 71.

[2]) Пед. Антроп. Ч. I. Гл. XLIII и XLV, пп. 8—15.

20. Не трудно понять, что *такое* удивленіе есть одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей науки. Часто только нужно удивиться тому, чему еще не удивлялись другіе, чтобы сдѣлать великое открытіе; но, отправляясь отъ удивленія, наука приходитъ къ удивленію же. Объясняя одно, она въ тоже время открываетъ необъяснимость другого. Это соображеніе заставляетъ насъ не соглашаться съ Бэномъ, который, приводя слова Карлиля, говоритъ: «тѣмъ не менѣе справедливо, что наука болѣе или менѣе приводитъ человѣка въ положеніе nil admirari» [1]. Мы же думаемъ, что сократовское «знаю, что ничего не знаю» и до сихъ поръ идетъ впереди науки. Правда, ученый уже не удивляется тому, чему еще дивится невѣжда; но за то онъ удивляется тому, чему невѣжда не можетъ удивляться. Наука, наполняя однѣ бездны незнанія, въ тоже время открываетъ другія, еще болѣе глубокія. Не наука уничтожаетъ удивленіе, а часто уничтожаютъ его теоріи, самодовольно подводящія все подъ свои объясненія. Замѣтимъ, между прочимъ, что для воспитателя необходимо сохранить чувство удивленія во всей его свѣжести. Если онъ сохраняетъ эту дѣтскую способность находить достойное удивленія въ самыхъ, повидимому, простыхъ вещахъ, то дѣти непремѣнно сблизятся съ нимъ, и это сближеніе будетъ самое плодовитое.

21. Дѣйствіе удивленія на душу и на организмъ можетъ быть сравнено съ дѣйствіемъ потрясенія, которое испытываетъ человѣкъ, когда, идя по знакомой лѣстницѣ, вдругъ не встрѣчаетъ одной ступени. Чѣмъ быстрѣе развивается въ душѣ нашей вереница представленій, чѣмъ обычнѣе для насъ тѣ представленія, изъ которыхъ состоитъ эта вереница, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на насъ новое явленіе, прерывающее эту вереницу. Напряженность удивленія какъ разъ пропорціональна обычности опытовъ, которымъ противорѣчитъ явленіе, насъ поразившее. Въ этой остановкѣ мышленія нѣтъ ничего непріятнаго, потому что она обѣщаетъ ему обширную работу; но если это обѣщаніе не сбывается, если удивленіе только возбуждаетъ душу и, не разрѣшаясь ожидаемымъ потокомъ мыслей и чувствъ, остается только тупымъ ударомъ, безплоднымъ потрясеніемъ души, то, конечно, оно будетъ непріятнымъ для всякаго мыслящаго человѣка, какимъ показалось и Канту. Если бы перенести человѣка въ такой міръ, гдѣ все было бы ему непонятно и непостижимо, то, безъ сомнѣнія, душою его скоро овладѣла бы невыносимая тоска.

22. Человѣкъ не только любитъ удивляться, но любитъ удивлять другихъ. Бэконъ, Чамберсъ и Бэнъ не даромъ обвиняютъ страсть людей къ чудесному въ извращеніи нашей способности разыскивать истину. «Открывать, говоритъ Бэнъ, и потомъ передавать другимъ что-нибудь выходящее за предѣлы извѣстныхъ опытовъ, пріятно какъ невѣждѣ, такъ и мудрецу» [2]. Но ясно, что въ этомъ виновато уже не чувство

---

[1]) The Emotion, p. 72.

[2]) The Emotion, p. 70.

удивленія само по себѣ, а самолюбіе людей, которымъ пріятно быть и самимъ предметомъ удивленія, разсказывая удивительныя вещи. Бэнъ справедливо замѣчаетъ, что это желаніе удивлять часто извращаетъ наши мысли безъ нашего вѣдома и «надобно сильно дисциплинировать душу, чтобы вѣрно наблюдать и вѣрно передавать наши наблюденія надъ какими-нибудь необыкновенными явленіями въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и безъ преувеличеній». Замѣтимъ кстати, что источникомъ дѣтской лжи часто бываетъ желаніе удивлять, такъ-какъ маленькій разсказчикъ, обладая новостями, поражающими слушателей, становится самъ героемъ минуты.

23. Удивленіе, какъ высказалъ еще Спиноза, очень способно соединяться съ другими чувствами, отчего происходятъ: уваженіе, преданность, благоговѣніе и т. д. [1]). Но спиноза, ровно какъ и Декатръ, совершенно несправедливо противополагаютъ удивленію—презрѣніе. Замѣчательно, что при такомъ соединеніи двухъ чувствованій (удивленія съ какимъ-нибудь другимъ) оба они взаимно поддерживаютъ другъ друга, такъ-что удивленіе, вообще ослабѣвающее довольно быстро, можетъ возобновляться очень часто и всякій разъ съ новою силою, если мы, напримѣръ, любимъ того, кому удивляемся.

24. Удивленіе воплощается очень энергически. Оно воплощается въ ослабленіи мускуловъ, сжимающихъ челюсти, въ раскрытіи пальцевъ, широкомъ раскрытіи глазъ, въ крикѣ. Бэнъ видитъ въ этомъ признаки «чисто мускульнаго разлитія», конечно, нервнаго тока [2]). Такъ ли это или нѣтъ—повѣрить невозможно. Но, во всякомъ случаѣ, не оттого мы удивляемся, что у насъ широко раскрываются глаза, а оттого они широко раскрываются, что мы удивлены. Гораздо замѣчательнѣе сходство воплощенія удивленія съ воплощеніемъ страха [3]). Въ обоихъ случаяхъ мы замѣчаемъ распущеніе мускуловъ и широкое раскрытіе глазъ, и невольно приходитъ на мысль, что это сходство объясняется сходствомъ причинъ. Въ страхѣ силы души, какъ будто, бѣгутъ назадъ, оставляя мускулы безъ того тоническаго напряженія, въ которомъ они находятся всегда у живого человѣка и которое прекращается только немедленно же по смерти, затѣмъ, чтобы смѣниться потомъ трупнымъ окоченѣніемъ. Не оттого ли и при удивленіи распускаются мускулы, что силы души какъ бы останавливаются въ своемъ движеніи, такъ-какъ сознательная работа при чувствѣ удивленія прерывается?

---

[1]) Ethika. P. III. pr. 52.

[2]) The Emotion. p. 69.

[3]) См. выше, гл. XXII, п. 13.

ГЛАВА XXVIII.

Виды *душевно-умственныхъ* чувствованій: 5) чувство сомнѣнія и чувство увѣренности; 6) чувство непримиримаго контраста; 7) чувство успѣха.

Чувство сомнѣнія.

1. Чувство *сомнѣнія*, недоумѣнія, нерѣшительности, возбуждается въ насъ, когда уже въ душѣ нашей, вслѣдствіе опытовъ, образовались противоположные ряды представленій, проникнутыхъ различными, а часто и противоположными чувствами. Тогда, при появленіи новаго представленія, мы колеблемся, куда его помѣстить, примѣриваемъ то къ одному, то къ другому ряду представленій и это чувство колебанія ясно выражается на нашемъ лицѣ и въ нашихъ глазахъ.

2. Колебаніе, выражающееся въ чувствѣ сомнѣнія, можетъ быть болѣе или менѣе сильно и обширно, смотря по напряженности, важности для насъ и обширности стремленій, проникающихъ тѣ ассоціаціи, между которыми колеблется въ нашемъ сознаніи новое представленіе. Въ связи съ этими причинами легкое недоумѣніе можетъ дорости до мучительнаго сомнѣнія.

3. Уже изъ самаго опредѣленія сомнѣнія видно, что Фортлаге напрасно ставитъ его первымъ проявленіемъ сознанія; ибо мы можемъ сомнѣваться только уже вслѣдствіе полученныхъ нами опытовъ и въ частности—вслѣдствіе предварительной ошибки или обмана. Тѣ гораздо ближе къ истинѣ, которые говорятъ, что «сомнѣніе есть дитя обмана». Кто никогда не испыталъ обмана, тотъ и сомнѣваться не можетъ. Декартъ, желая положить сомнѣніе въ основу своего ученія, весьма вѣрно начинаетъ съ того, что показываетъ читателю, какъ часто обманываютъ его чувства и какъ вполнѣ обманываетъ насъ сонъ, выдавая намъ за дѣйствительность созданія нашего воображенія [1]). Въ этомъ случаѣ Декартомъ руководило вѣрное чувство, что сомнѣніе, которое ему нужно было вызвать, можетъ произойти только вслѣдствіе неувѣренности; а неувѣренность—вслѣдствіе опыта несбывшейся увѣренности, такъ-что всему должна предшествовать увѣренность, выражающаяся смѣлостію, съ которою живое существо *начинаетъ* выполненіе прирожденныхъ ему стремленій. Наблюдайте надъ развитіемъ дѣтей и вы практически придете къ тому же результату, къ которому вынуждаетъ логика. Сначала ребенокъ не высказываетъ никакого сомнѣнія, обнаруживающагося нерѣшительностью, и только мало по малу оно начинаетъ въ немъ образовываться вслѣдствіе опытовъ обмана или неудачи. Если отецъ или мать никогда не обманывали дитя, то оно никогда не начнетъ сомнѣваться въ справедливости всего, что они говорятъ.

---

[1]) Descartes. Discours sur la méthode. Medit. première.

4. На этомъ же основанiи мы не можемъ согласиться и съ тѣми, которые утверждаютъ, что сомнѣнiе полагаетъ начало наукѣ. Сомнѣнiю необходимо должна предшествовать увѣренность, которая одна только могла вызвать первый нашъ опытъ и вызываетъ послѣдующiе, снова возбуждая наши силы послѣ каждой неудачи и каждаго обмана. Эта мысль вытекаетъ не только изъ логической необходимости, но подтверждается и фактами. Созданiе религiозныхъ убѣжденiй вездѣ предшествовало началу науки и часто сама наука начиналась разрушенiемъ этихъ убѣжденiй, недѣйствительность которыхъ открывалась опытами, сопровождавшимися чувствомъ обмана. (Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о языческихъ религiяхъ). Но и впослѣдствiи не сомнѣнiе, а увѣренность ведетъ науку впередъ; сомнѣнiе же только прокладываетъ ей дорогу. Сколько разъ убѣждался человѣкъ, что есть тысячи явленiй, причинъ которыхъ онъ не знаетъ и, тысячи разъ обманутый въ своихъ ожиданiяхъ найти истинную причину, снова принимается ее отыскивать: такъ могуча увѣренность человѣка въ томъ, что все имѣетъ свою причину—увѣренность, которой противорѣчитъ опытъ, не обнаружившiй причинъ множества явленiй [1]. Сколько разъ рушились попытки человѣка свести всѣ явленiя душевнаго и физическаго мiра къ одному источнику! Но послѣ каждой, неудачной попытки, онъ принимается вновь отыскивать то, чему противорѣчитъ опытъ его неудачныхъ попытокъ, но въ чемъ онъ увѣренъ. Вотъ почему мы говоримъ еще разъ, что увѣренность ведетъ науку впередъ, а сомнѣнiе только прокладываетъ ей тропу. Понять настоящее отношенiе между увѣренностью и сомнѣнiемъ—одна изъ важнѣйшихъ философскихъ задачъ; а провести это отношенiе въ воспитанiи—одна изъ труднѣйшихъ и главнѣйшихъ обязанностей воспитателя. Если слѣпая увѣренность не привела человѣка ни къ чему хорошему ни въ наукѣ, ни въ жизни, то и всезрящее сомнѣнiе можетъ только парализировать всякую дѣятельность человѣка. Оба эти чувства хороши только одно при другомъ.

5. Декартъ, собираясь перестраивать все зданiе своего мышленiя, былъ вынужденъ оставить себѣ для жизни и дѣятельности нетронутый сомнѣнiемъ уголокъ, и этимъ прiютомъ стали для Декарта религiя, законы отечества и то, что ему казалось лучшимъ въ нравахъ и обычаяхъ общества, среди котораго ему суждено было жить [2]. Замѣчательно, что даже Спиноза, великая душа котораго не стѣснялась никакими страхами, приступая къ своему (къ сожалѣнiю, неоконченному) сочиненiю «о реформѣ мышленiя», дѣлаетъ тоже самое, что и Декартъ [3]. Такъ понимали эти великiе умы всю опасность для человѣка жить посреди сомнѣнiй, безъ твердой почвы подъ ногами, безъ какой-нибудь твердой

---

[1] Педагог. Антр. Ч. I. Гл. XLVII, п. 1.

[2] Descartes. Disc. sur la Met. III P. p. 16.

[3] Spinosa. De la réforme de l'entendement, trad. par Saisset 1861, p. 302.

нетронутой сомнѣніемъ вѣры, которая бы руководила ихъ поступками, оставляя свободу ихъ мышленію. Они чувствовали, что если открыть всѣ пути сомнѣнію, то оно скоро не оставитъ у насъ ни одной точки, о которую мы могли бы опереться въ своей практической дѣятельности. Но если такіе люди, какъ Спиноза и Декартъ, для которыхъ уже самое мышленіе было главною дѣятельностью жизни, чувствовали необходимость, пускаясь въ море сомнѣній, выгородить себѣ уголокъ для практической дѣятельности, то мы можемъ заключить, на сколько было бы опасно внести всеразрушающее сомнѣніе въ молодую душу, когда въ человѣкѣ не образовались еще твердыя нравственныя начала, которыя могли бы руководить имъ въ практической жизни, не смотря ни на какія сомнѣнія.

6. «Въ жизни, говоритъ Декартъ, часто приходится поступать такъ, какъ поступаютъ путешественники, заблудившіеся въ лѣсу: не останавливаясь на одномъ мѣстѣ и не перемѣняя направленія, они стараются идти, какъ можно прямѣе, въ какую бы то ни было сторону, и безъ важныхъ причинъ не измѣняютъ направленія, хотя, можетъ быть, и выбрали его случайно. Если они, поступая такъ, не приходятъ туда, куда желаютъ, то все же куда нибудь да приходятъ, гдѣ имъ, по всей вѣроятности, будетъ все же лучше, чѣмъ въ лѣсу. Жизненная дѣятельность часто не терпитъ отсрочки, а потому, если не въ нашей власти отыскать лучшее мнѣніе, то мы должны слѣдовать вѣроятнѣйшему, и даже если мы не замѣчаемъ, чтобы одно мнѣніе было вѣроятнѣе другого, мы должны однако рѣшиться выбрать какое-нибудь и потомъ уже смотрѣть на него, на сколько оно относится къ нашимъ практическимъ цѣлямъ, не какъ на сомнительное, а какъ на вѣрное уже потому, что оно выбрано нами» [1])

7. Въ этихъ словахъ Декарта ясно высказывается вся непримиримость философскихъ сомнѣній съ практическою дѣятельностью и вся необходимость, чтобы въ случаяхъ столкновенія между ними человѣка выносили изъ водоворота сомнѣній добрыя нравственныя начала, положенныя въ него съ дѣтства. Такое столкновеніе мышленія съ практическою дѣятельностью не есть что-либо случайное, а есть очень обыкновенное явленіе въ людяхъ, которые мыслятъ и отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ намѣреніяхъ и поступкахъ. Часто приходится сознавать, что еслибы человѣкъ не захотѣлъ поступать иначе, какъ вслѣдствіе ясно сознанныхъ и разумныхъ причинъ, то ему пришлось бы стать на перекресткѣ дорогъ неподвижно, какъ подорожный столбъ, и смотрѣть, какъ мчится мимо его жизнь, но не принимать въ ней участія. Ясно, что изъ такого рѣшенія—поступать всегда только съ полнымъ сознаніемъ разумности своихъ поступковъ—вышло бы самое неразумное употребленіе жизни, надъ которымъ вправѣ былъ бы посмѣяться самый ограниченный человѣкъ, который жилъ какъ попало, но все же жилъ.

8. Даже Кантъ—этотъ крайній приверженецъ философскаго мышле-

[1]) Descartes. Discours sur la méthode. 1865. p. 17.

нія, для котораго оно одно было дѣломъ достойнымъ человѣка—и тотъ отчасти колеблется предписать человѣку однѣ только дѣйствія по разуму. «Принципъ апатіи, говоритъ Кантъ, по которому мудрый не долженъ ничѣмъ возмущаться, даже сострадaніемъ къ несчастіямъ лучшаго друга, есть принципъ стоической школы, совершенно справедливый и высоко нравственный. Чувствованія дѣлаютъ человѣка болѣе или менѣе слѣпымъ. Однако же природа поступила мудро, вложивъ въ насъ расположеніе къ симпатіи, чтобы *провизуарно* держать бразды, пока еще разумъ не пріобрѣлъ необходимой силы. Но, тѣмъ не менѣе, чувствованіе само по себѣ всегда неблагоразумно и не способно достигать своихъ собственныхъ цѣлей». Но мы сильно подозрѣваемъ, что это *провизуарное* управленіе чувствованія продолжалось даже для самого Канта до послѣдней минуты его жизни, если только онъ какъ нибудь насильственно не облекъ въ разумную форму того, что въ сущности было только дѣломъ чувства. Мы думаемъ, что едва ли человѣкъ, допустившій необходимость безграничнаго философскаго сомнѣнія, можетъ сказать хотя объ одномъ своемъ поступкѣ, что онъ *вполнѣ* разуменъ. Самое разногласіе философскихъ теорій не показываетъ ли, что и философская разумность есть только разумность относительная?

9. Но предположимъ даже, что какая-нибудь философская теорія абсолютно справедлива: спрашивается, однако, когда ее выработалъ философъ? Увы, не при началѣ, а при концѣ своей жизни! Требовать того же самаго отъ всѣхъ людей—не значитъ ли требовать, чтобы люди не жили, а только разсуждали о жизни, и только подъ конецъ своей жизни пріобрѣтали твердое убѣжденіе, какъ они должны были бы жить? Кромѣ того, можно ли требовать отъ 20-ти лѣтняго юноши, чтобы онъ жилъ по тѣмъ правиламъ, до которыхъ додумался тотъ или другой философъ, продумавши надъ ними полвѣка? Изъ всѣхъ этихъ соображеній вытекаетъ практическое правило, что человѣкъ, въ своихъ поступкахъ, долженъ, конечно, руководиться ихъ разумностью; но что въ числѣ разумныхъ причинъ входитъ самая ограниченность нашего разума и постепенность его развитія даже въ этихъ ограниченныхъ размѣрахъ.

10. Всѣ эти соображенія показываютъ полную необходимость полагать въ человѣческій характеръ опредѣленныя нравственныя влеченія, прежде чѣмъ развивать въ немъ сомнѣніе, т. е. другими словами, развивать въ дѣтяхъ и юношахъ такія стремленія и наклонности, которыя въ тѣхъ случаяхъ, когда самый разумъ колеблется, выносили бы человѣка на хорошую дорогу и которыя, наконецъ, были бы довольно прочны, чтобы выдержать необходимую пору борьбы сомнѣній. Такъ химикъ, желающій расплавить какой-нибудь огнеупорный элементъ, заботится прежде всего о томъ, чтобы найти сосудъ, стѣнки котораго могли бы противустоять еще сильнѣйшему пламени. На этомъ то основаніи, воспитаніе нравственныхъ наклонностей необходимо должно предшествовать развитію разума и воспитаніе положительныхъ стремленій—воспитанію критическаго ума.

11. Нарушеніе этого правила, вытекающаго изъ природы человѣка и изъ постепенности его развитія, влечетъ за собою гибельныя послѣдствія, изъ которыхъ самое гибельное есть отсутствіе характера въ юности: такое ея состояніе, когда она, не имѣя положительныхъ нравственныхъ стремленій, должна бы, собственно говоря, остановиться въ своей дѣятельности. Но такъ-какъ бездѣйствіе не свойственно человѣку, и особенно при томъ обиліи силъ, какимъ обладаетъ юность, то нѣтъ ничего удивительнаго, что юноша, которому неблагоразумные воспитатели не дали никакихъ добрыхъ наклонностей, а, можетъ быть, позаботились еще о томъ, чтобы расшатать и тѣ, какія онъ вынесъ изъ среды своей семьи и изъ среды своего народа, кинется съ увлеченіемъ въ первую подвернувшуюся ему теорію, одну изъ тѣхъ, которыя появляются и лопаются какъ мыльные пузыри, или, отвергнувъ ихъ всѣ, прямо передается чувственнымъ влеченіямъ, всегда готовымъ вывести человѣка изъ борьбы сомнѣнія. Кромѣ-того, самое сомнѣніе сильно и плодовито только въ томъ случаѣ, когда ему приходится бороться съ сильною же увѣренностью: предоставленное же самому себѣ, оно быстро опустошаетъ душу и лишаетъ характеръ всякой энергіи.

Чувство увѣренности.

12. Чувство *сомнѣнія* относится къ чувству *увѣренности*, какъ чувство страха къ чувству смѣлости. Это собственно не чувство, а свойство человѣка, выражающееся въ его дѣятельности и сказывающееся въ формѣ чувства только тогда, когда нарушенное сомнѣніемъ оно опять возвращается къ своему обычному уровню.

13. Какъ опыты страха и его преодолѣнія превращаютъ врожденную, несознаваемую смѣлость въ сознательное разумное мужество, точно также сомнѣніе, вызванное опытами и опытами же разрушенное, превращаетъ сильную, врожденную увѣренность въ увѣренность разумную, въ *извѣстность*, т. е. увѣренность, основанную на опытѣ и знаніи, а не на врожденномъ свойствѣ души.

14. Между смѣлостью и увѣренностью, точно-также какъ между страхомъ и сомнѣніемъ, существуетъ тѣсная связь. Неувѣренность въ своихъ силахъ дѣйствительно лишаетъ человѣка этихъ силъ—силъ не тѣлесныхъ, но душевныхъ; ибо физическія силы конечно не могутъ исчезнуть изъ тѣла отъ вліянія душевнаго состоянія и дѣйствительно остаются въ немъ, какъ это обнаруживается кажущимся возвращеніемъ физическихъ силъ, какъ только неувѣренность проходитъ. Часто стоитъ только увѣрить человѣка, что у него есть силы, чтобы силы въ немъ оказались, хотя конечно одна увѣренность не можетъ создать физическихъ силъ, выработываемыхъ изъ пищи процессомъ довольно медленнымъ. Это можетъ быть одно изъ лучшихъ и ощутительнѣйшихъ доказательствъ, что есть въ человѣкѣ, кромѣ силъ физическихъ, какая-то особая сила, распоряжающаяся силами физическими, безъ которыхъ эти

послѣднія, какъ бы ихъ много ни было, оставляютъ тѣло безъ движенія. Пусть люди, объясняющіе все одними физическими силами, вырабатываемыми изъ пищи, взглянутъ на человѣка, котораго увѣренность въ опасности его болѣзни лишаетъ всѣхъ силъ, и которому успокоительное слово медика мгновенно возвращаетъ эти силы. Если бы въ этомъ человѣкѣ не было физическихъ силъ, то слово доктора не создало бы ихъ: душевная сила увѣренности распоряжается физическими силами, изъ мертвыхъ дѣлаетъ ихъ живыми, но конечно не создаетъ ихъ. Если же бы самая увѣренность зависѣла отъ физическихъ силъ, то больной не потерялъ бы увѣренности, ибо физическія силы въ немъ были.

15. Говоря о чувствѣ смѣлости, мы высказали уже взглядъ Спинозы на силу увѣренности. Безъ увѣренности человѣкъ *ничего* не можетъ сдѣлать: не можетъ даже двинуться съ мѣста. Чѣмъ болѣе увѣренности въ человѣкѣ, что онъ сдѣлаетъ то или другое дѣло, тѣмъ болѣе вѣроятія, что онъ его сдѣлаетъ. Но, съ другой стороны, та же самая увѣренность ведетъ человѣка ко всякаго рода ошибкамъ. Трудная и важная задача воспитанія именно состоитъ въ томъ, чтобы воспитать сомнѣнія въ человѣкѣ, не поколебавъ въ немъ увѣренности; но возможнымъ рѣшеніемъ этой задачи мы займемся въ своемъ мѣстѣ.

16. Само собою понятно, что чувство увѣренности и чувство сомнѣнія находятся въ тѣснѣйшей связи съ рѣшительностью и нерѣшительностью характера; но это явленіе относится къ области воли. Здѣсь же мы скажемъ только вскользь, что самая высшая степень нерѣшительности, этого истиннаго бича многихъ людей и особенно женщинъ, появляется тогда, когда сомнѣніе простирается не только на одни внѣшніе для души предметы, но и на самыя стремленія души: когда человѣкъ не увѣренъ не только въ томъ, что то, чего онъ хочетъ, дѣйствительно удовлетворитъ его, но не увѣренъ и въ томъ, чего онъ дѣйствительно хочетъ,—не увѣренъ въ преобладаніи въ немъ самомъ того или другого стремленія. Въ этой главѣ насъ занимаютъ сомнѣніе и увѣренность, какъ явленія только умственной жизни; соединившись же съ *стремленіями физическими* и *духовными*, это простое явленіе *душевной* жизни дѣлается явленіемъ чрезвычайно сложнымъ, обхватывающимъ всего человѣка и условливающимъ его поступки.

Чувство непримиримаго контраста.

17. Въ чувствѣ сомнѣнія новое представленіе колеблется между рядами представленій, уже усвоенныхъ: въ *чувствѣ контраста* два представленія, сведенныя вмѣстѣ, или случаемъ внѣшняго явленія, или послѣдовательнымъ развитіемъ двухъ противоположныхъ рядовъ мыслей, борются между собою въ напряженномъ усиліи составить одно понятіе, и эта борьба, пока она продолжается, отражается въ душѣ чувствомъ *контраста*, т. е. усиленнымъ чувствомъ различія.

18. Чувство контраста, какъ мы уже имѣли случай высказать, имѣетъ то свойство, что само онъ можетъ служить связью двухъ противопо-

ложныхъ представленій. Кромѣ того, противоположныя представленія, какъ мы тоже высказали выше, сопоставленныя вмѣстѣ, рѣзче выдаютъ свои особенности, какъ для мысли, такъ и для чувствованій [1]). Бенеке не признаетъ чувства контраста, но за то признаетъ чувство перемѣны (Gefühl des Wechsels), происходящее отъ сравненія настоящаго нашего состоянія съ прежнимъ [2]). Но такъ-какъ, въ сущности, мы сравниваемъ не прошедшее наше состояніе съ настоящимъ, а то, что̀ въ настоящую минуту припоминаемъ и сознаемъ изъ прошедшаго состоянія, то слѣдовательно это будетъ тоже чувство контраста двухъ одновременно существующихъ въ сознаніи состояній, ибо припоминаніе есть также *настоящее* состояніе души.

19. Чувство контраста прекращается, когда мы сливаемъ два контрастирующія представленія въ одно: такъ напр., когда мы, рисуя картину природы полюсовъ и экваторіальныхъ странъ, сливаемъ ихъ въ одно общее представленіе земнаго шара съ его разнообразными климатическими условіями. Но есть такія противоположныя представленія, которыя долго, а иногда даже и совсѣмъ не сливаются въ одно, и при томъ такъ, что при случайномъ или насильственномъ сближеніи ихъ другъ съ другомъ, они то притягиваются одно другимъ, то отталкиваются, какъ бузинный шарикъ въ извѣстномъ электрическомъ снарядѣ. Тогда образуется въ душѣ особенное *чувство непримиримаго контраста*.

20. На чувствѣ *непримиримаго контраста* основано дѣйствіе на насъ всѣхъ возможныхъ шутокъ, каламбуровъ, острыхъ словъ, каррикатуръ, забавныхъ положеній въ комедіяхъ и романахъ; но на немъ же основанъ и горькій юморъ трагедій. Возьмите какую хотите остроту, вызывающую смѣхъ, и вы непремѣнно найдете въ ней два противоположные, невяжущіеся между собою образа или понятія, связанные насильственно удачнымъ словомъ. То же самое чувство контраста, но не сопровождаемое ни горемъ, ни весельемъ, испытываемъ мы и при философскихъ противорѣчіяхъ, по поводу которыхъ Вайтцъ говоритъ слѣдующее: «Противорѣчіе не можетъ быть *мыслимо*, оно только *чувствуется*. Если же кого-нибудь упрекаютъ въ противорѣчіи его мыслямъ, то это значитъ, что онъ на половину только *думаетъ*, а на половину *чувствуетъ*. Чувство, вызываемое неразрѣшимою задачею соединить то, что само по себѣ несоединимо, есть только *чувство напрасныхъ усилій*, которыя никого не приводятъ къ опредѣленному результату, ибо противоположное, пока оно въ мысляхъ, занимаетъ постоянно другую чашку вѣсовъ. Чувствуемая *неясность мысли*—единственно возможный результатъ такого процесса» [3]). Это то тяжелое чувство, по мнѣнію Вайтца, и заставляетъ человѣка съ удовольствіемъ и упрямо держаться за третью мысль, которая, какъ ему кажется, примиряетъ

[1]) Пед. Антр. Ч. I. Гл. XXIII. п. 4. и 5. Ч. II. Гл. XIX. п. 16.
[2]) Lehrb. der Psych. § 240.
[3]) Waitz. Lehrb. der Psych. §. 35.

противорѣчіе двухъ первыхъ, и этимъ объясняетъ Вайтцъ извѣстный пріемъ гегелевской діалектики.

21. Что противорѣчіе не можетъ быть мыслимо, какъ сказалъ еще Аристотель [1]), въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія если мы только назовемъ мышленіемъ процессъ сочетанія, представленій въ понятія, понятій частныхъ въ общія, а равно и обратный процессъ разложенія (синтезъ и анализъ) [2]). Но при этомъ не слѣдуетъ забывать (что совершенно позабылъ Вайтцъ, хотя и самъ сказалъ тоже нѣсколько выше), что если чувство противорѣчія есть только чувство, то и чувство сходства есть тоже только чувство, а мысль, т. е. шагъ мышленія впередъ, есть только результатъ обоихъ этихъ чувствъ. Все движеніе человѣческаго мышленія впередъ совершается посредствомъ этихъ двухъ всегда связанныхъ чувствъ, составляющихъ всю сущность сознавательнаго процесса и единственную способность, которую мы можемъ приписать сознанію. Слѣдовательно, отличать противорѣчіе отъ сходства тѣмъ, что первое можетъ быть только чувствуемо, совершенно несправедливо. Самая непримиримость логическаго или философскаго противорѣчія заключается въ томъ, что два результата нашего мышленія тѣмъ только и сходны между собою, что взаимно уничтожаютъ другъ друга, тогда-какъ оба эти результата, въ силу тѣхъ доказательствъ, которыми мы до нихъ дошли, одинаково для насъ обязательны. Таковы и дѣйствительно тѣ антиноміи, которыя выставилъ Кантъ въ своей «Критикѣ чистаго разума» [3]), и которыя Гегель, по нашему убѣжденію, только обходилъ, а не разрѣшалъ.

22. Насъ занимаютъ здѣсь не сами антиноміи, а то чувствованіе, которое возбуждается ими въ душѣ и которое, какъ намъ кажется, Вайтцъ объяснилъ не вѣрно. Дѣйствительно, стараясь примирить эти антиноміи, мы испытываемъ чувство *умственнаго напряженія*; но самъ же Вайтцъ, помѣщая это чувство подъ особою рубрикою [4]), не долженъ былъ дѣлать изъ него другаго чувства—чувства непримиримаго контраста. Это тоже самое чувство, которое испытываемъ мы, когда хотимъ обнять разомъ слишкомъ большое количество какихъ бы то ни было отношеній. Но здѣсь, при мышленіи антиномій, къ чувству умственнаго напряженія присоединяется новое, а именно—тяжкое чувсто внезапной, поражающей остановки сознательнаго процесса. Вотъ что мы можемъ назвать дѣйствительно чувствомъ непримиримаго логическаго кантраста.

23. Вайтцъ говоритъ, что при непримиримыхъ контрастахъ, мы чувствуемъ неясность мысли и этимъ самъ себѣ противорѣчитъ. Будучи логиченъ, онъ долженъ былъ бы высказать, что при этомъ мы не чувствуемъ никакой мысли, а именно чувствуемъ внезапное отсутствіе мысли.

---

[1]) Methaphisik.

[2]) Пед. Антроп. ч. I. гл. XLII.

[3]) Kant's Kritik der reinen Vernunft (v. Hartenstein). 1853. S. 328 etc.

[4]) Lehrb. der Psych. § 33.

Что же касается до ясности мысли, то въ этомъ случаѣ, напротивъ, не туманность мысли, а именно ясность ея насъ смущаетъ. Кто не понимаетъ ясно противорѣчащихъ понятій, тотъ можетъ еще надѣяться припримирить ихъ; но чѣмъ яснѣе мы сознаемъ доказательность каждаго изъ уничтожающихъ другъ друга понятій, тѣмъ сильнѣе въ насъ чувство непримиримаго противорѣчія.

24. Напрасно также Вайтцъ приписываетъ Гегелю діалектическій пріемъ примиренія противорѣчій. Этотъ пріемъ мы находимъ уже у Платона, а потомъ у Аристотеля; да и всякій мыслитель употребляетъ его непремѣнно съ большею или меньшею ясностью; въ гегелевской же системѣ онъ доведенъ только до приторности, а иногда и до пошлости. Вайтцъ ясно не отличаетъ примиряемыхъ противорѣчій отъ непримиримыхъ антиномій. Примиреніемъ противорѣчій движется человѣческое мышленіе впередъ, на непримиримыхъ антиноміяхъ оно грубо останавливается. Непріятность же чувства, которое происходитъ въ насъ при сличеніи равносильныхъ и уничтожающихъ другъ друга понятій, доказываетъ только единство человѣческой души, которая можетъ спокойно носить въ себѣ противорѣчія только до тѣхъ поръ, пока не замѣчаетъ ихъ или пока примиряетъ ихъ какою-нибудь фантазіею.

25. Что такія непримиримыя антиноміи (а не противорѣчія только) дѣйствительно существуютъ въ человѣческомъ міросозерцаніи, до котораго человѣкъ только достигъ въ настоящее время,—это мы старались показать выше [1]) и покажемъ еще яснѣе впослѣдствіи. Существуютъ ли такія антиноміи въ дѣйствительности, а не только въ нашемъ мышленіи—мы этого не знаемъ. Если же мы упорно отвергаемъ ихъ существованіе, не смотря на всѣ доказательства науки, если мы прибѣгаемъ къ разнообразнѣйшимъ вымысламъ, чтобы примирить эти противорѣчія, то доказываемъ этимъ, съ одной стороны, единство нашей души, не выносящей разлада въ своихъ понятіяхъ, когда этотъ разладъ станетъ для нея столь яснымъ, а съ другой — нашу упорную вѣру, что міръ, лежащій внѣ нашей души, также единъ, какъ и душа наша, и также не можетъ заключать въ себѣ противорѣчій. Достигнувъ этой ступени сознанія антиноміи, мы или говоримъ простое «не знаемъ» и переходимъ къ очереднымъ дѣламъ, или начинаемъ строить фантасмагоріи, успокоивающія наше воображеніе, но не нашъ умъ. Душа же, жаждущая только дѣятельности, какова бы она ни была, успокоивается этимъ маневромъ, но только до тѣхъ поръ, пока разсудочный процессъ не вступитъ опять во всѣ свои права.

26. Воплощеніе чувства *непримиримаго контраста* есть *смѣхъ*. Уже Гербартъ обращаетъ вниманіе па то, что смѣхъ вовсе не есть выраженіе веселости и можетъ сопровождаться также и горькимъ чувствомъ и что онъ проявляется въ душѣ всякій разъ, когда въ немъ борятся

---

[1]) Пед. Антр. Ч. I. Гл. XLVI.

два противорѣчащія другъ другу представленія [1]). Гегель очень ясно развилъ и доказалъ эту мысль, показавъ, что во всемъ, что возбуждаетъ смѣхъ, веселый или горькій, непремѣнно замѣчается борьба противорѣчащихъ представленій, которыя не могутъ ни слиться, ни разойтись, притягивая взаимно другъ друга одиѣми сторонами и отталкиваясь другими. Но ни тотъ, ни другой писатель не обратили вниманія на физіологическую сторону смѣха и на тѣ чисто физическія причины, которыми онъ можетъ быть возбуждаемъ. Смѣхъ, какъ физіологическое явленіе, есть ни что иное, какъ прерывающаяся судорога въ мускулахъ, управляющихъ дыханіемъ, и можетъ быть возбуждаемъ чисто физическою причиною, а именно щекотомъ. Въ щекотѣ мы замѣчаемъ нерѣшительность впечатлѣнія, которая съ быстротою то появляется, то исчезаетъ, чѣмъ и приводятся нервы въ нерѣшительное, колеблющееся состояніе. Если взять въ расчетъ, что и всѣ представленія наши воплощаются въ нервной системѣ, то будетъ понятно, почему борьба представленій, не могущихъ ни разойтись, ни сойтись, можетъ возбудить въ нервахъ то же состояніе, какое возбуждается щекотомъ, и выразится также въ смѣхѣ, который чаще всего сопровождаетъ при томъ и судорожные истерическіе припадки. Если же философскія противорѣчія не возбуждаютъ смѣха, то может быть, отчасти потому, что они не выходятъ изъ области отвлеченностей и слабо выражаются представленіями.

27. Чувству непримиримаго контраста или остановки процесса мышленія, зависящей отъ невозможности связать данныя мышленію въ матеріалы, слѣдуетъ противоположить умственное же *чувство успѣха* мыслительнаго процесса, которое выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе усилій стоило человѣку уничтожить противорѣчія между двумя представленіями и связать ихъ въ одно представленіе или понятіе. Это чувство коротко и отрывисто; оно какъ бы говоритъ человѣку: «это такъ, это вѣрно». Но само собою разумѣется, что это чувство никакъ не можетъ служить доказательствомъ истины и весьма вѣроятно, что то, что оно называетъ вѣрнымъ, окажется потомъ ложнымъ, и что представленія или понятія, показавшіяся человѣку примиренными, окажутся потомъ, при внимательнѣйшемъ обсужденіи, вовсе непримиренными. Вотъ почему мы назвали это чувство—*чувствомъ относительной истины*. Истина, имъ указываемая, есть только истина даннаго мгновенія.

28. Чувство относительной истины само по себѣ пріятно, какъ шагъ, дѣлаемый впередъ; но можетъ быть и очень непріятно, смотря по отношенію истины къ нашимъ жизненнымъ стремленіямъ. Если мы, напримѣръ, убѣждаемся, что опасеніе, въ которомъ мы еще сомнѣвались, справедливо, то конечно въ этомъ чувствѣ ничего не можетъ быть пріятнаго, а можетъ быть много ужаснаго. Но если истина, которую мы, какъ намъ кажется, открыли, относится только къ нашему умственному процессу, то безъ сомнѣнія это чувство открытой истины намъ всегда

[1]) Lehrb. der Psych. §·59.

пріятно, не только потому, что открытіе льститъ нашему самолюбію, но и потому, что мы сдѣлали шагъ впередъ, слѣдовательно, удовлетворили врожденному намъ стремленію къ постепенно расширяющейся дѣятельности. Пріятность этого чувства заставляетъ человѣка останавливаться на немъ и эта остановка бываетъ причиною упрямства въ нашихъ умственныхъ ошибкахъ. Мы не любимъ труда, хотя невольно къ нему стремимся, и потому разрушеніе результатовъ нашей умственной дѣятельности и вызовъ насъ къ новымъ постройкамъ и перестройкамъ всегда для насъ тяжелъ и непріятенъ. Кромѣ того, мы думали идти впередъ, а намъ говорятъ, что мы должны воротиться назадъ.

29. Но какъ ни тяжело для насъ чувство непримиримаго контраста и какъ ни пріятно чувство кажущейся истины, дающей намъ возможность идти далѣе, однакоже, кто любитъ истину, тотъ не долженъ обращать вниманія на пріятность одного чувства и непріятность другаго. Особенно тяжело выносится чувство непримиримаго контраста въ юности и особенно поддается юность чувству кажущейся истины. Это объясняется сильнымъ стремленіемъ впередъ, сроднымъ юношескому возрасту человѣка, малымъ количествомъ опытовъ, сопровождаемыхъ чувствомъ обмана, дѣлающимъ старость недовѣрчивою, и наконецъ малымъ количествомъ матеріала для умственной работы, малымъ—относительно силы стремленія работать. Вотъ почему юность никогда такъ не увлечется сочиненіемъ, отступающимъ передъ недостаткомъ фактовъ, какъ сочиненіемъ, закрывающимъ эти пробѣлы смѣлою гипотезою.

ГЛАВА XXIX.

Общій обзоръ чувствованій, система ихъ и ихъ отношеніе къ сознанію.

Обзоръ и система чувствованій.

1. Окончивъ анализъ отдѣльныхъ элементарныхъ чувствованій, мы считаемъ теперь необходимымъ остановиться и какъ бы однимъ взглядомъ обнять все пройденное. Сдѣлать это мы желаемъ съ двоякою цѣлью: *во-первыхъ*, для того, чтобы закрѣпить въ памяти хотя главнѣйшіе, добытые нами результаты, приводя ихъ въ возможную, легко обозрѣваемую систему; а *во-вторыхъ*, для того, чтобы разъяснить отношеніе между двумя пройденными уже нами отдѣлами психологіи: *сознаніемъ* и *чувствованіемъ*, и перейти къ третьему отдѣлу—къ явленіямъ *воли*.

2. Наше изложеніе чувствованій мы начали критикою различныхъ теорій возникновенія чувствованій: *теоріи физіологической*, выводящей всѣ чувствованія изъ тѣхъ или другихъ, предполагаемыхъ, органическихъ состояній; теоріи *механической*, выводящей чувствованія изъ механическаго взаимодѣйствія представленій, и теоріи *философской*, выводящей чувствованія изъ гипотезы врожденныхъ человѣку *стремленій*. Признавъ двѣ первыя теоріи односторонними, хотя и вѣрными въ своей

односторонности, мы пристали къ третьей, объясняющей появленіе и разнообразіе чувствованій изъ врожденныхъ человѣку стремленій, но въ то же время указали на *увлеченія* этой послѣдней теоріи и на необходимость, признавъ гипотезу стремленій, ограничиться ею и не строить на ней никакихъ дальнѣйшихъ гипотезъ.

3. Обратившись за тѣмъ къ изученію стремленій, какъ источника появленія и разнообразія чувствованій, мы группировали всѣ стремленія, обнаруживаемыя человѣкомъ въ его чувствованіяхъ, желаніяхъ и поступкахъ, въ *три* вида: стремленія *тѣлесныя, душевныя* и *духовныя*. Отчисливъ къ стремленіямъ *духовнымъ* всѣ, обнаруживаемыя только человѣкомъ, какъ-то: эстетическія и нравственныя, и, предположивъ заняться ими въ особой послѣдней части «Антропологіи», мы обратились къ изученію *двухъ первыхъ* видовъ стремленій: *тѣлесныхъ* и *душевныхъ*. Не трудно видѣть, что всѣ эти стремленія, и тѣлесныя и душевныя, могутъ быть выражены однимъ общимъ признакомъ: въ нихъ во всѣхъ обнаруживается одно стремленіе—*стремленіе быть и жить*. Стремленіе къ *бытію* достигается самою физическою природою, внѣшнею для души, достигается въ *растительныхъ* процессахъ организма. Достиженіе это, сообразно двумъ необходимымъ условіямъ всякаго физическаго бытія, *пространству* и *времени*, выражается въ двухъ всеобнимающихъ потребностяхъ растительнаго процесса: въ потребности *бытія и распространенія въ пространствѣ* и въ потребности *бытія и распространенія во времени*, т. е. въ потребности индивидуальнаго и потомственнаго существованія.

4. Эти двѣ великія потребности физической, растительной природы, сливающіяся собственно въ одну *потребность бытія въ пространствѣ и времени*, существуютъ въ растеніяхъ точно также, какъ и въ растительномъ организмѣ человѣка; но съ тою только разницею, что въ первыхъ, т. е. въ растеніяхъ, онѣ не ощущаются, а во второмъ ощущаются душою черезъ посредство нервнаго организма, таинственно, но фактически связывающаго душу съ растительнымъ организмомъ тѣла и его процессами. Эти потребности растительной жизни сказываются въ душѣ множествомъ стремленій, превращающихся въ ощущаемыя потребности: потребности пищи, питья, тѣлесныхъ движеній, отдыха и потребностей общественнаго существованія вообще, куда мы отнесли и стремленія половыя, доказавъ, что это только особый видъ цѣлаго рода общественныхъ стремленій, въ которыхъ выражаются потребности растительной природы, общія человѣку, животнымъ и растеніямъ.

5. Кромѣ этихъ *растительныхъ* потребностей, мы нашли въ животныхъ, и, въ особенности, въ человѣкѣ, новую, уже чисто *душевную* потребность: *потребность сознательной дѣятельности*, идущую какъ бы въ разрѣзъ съ *растительными*. Потребность эта выказывается всего сильнѣе и чище тогда, когда растительныя физическія потребности тѣла всѣ уже удовлетворены и когда душа продолжаетъ требовать дѣятельности, уже для самой дѣятельности. Эта душевная потребность прямо

противорѣчитъ растительнымъ потребностямъ, ибо потребляетъ непроизводительно для тѣла матеріялы, накопленные тѣломъ въ растительныхъ процессахъ, и силы, скрытыя въ этихъ матеріялахъ. Душа въ этомъ смыслѣ является какъ бы чужеяднымъ растеніемъ въ отношеніи тѣла, поглощающимъ его силы. Смотрѣть въ этомъ случаѣ на душу какъ на необходимое звено въ питаніи, поддержаніи и размноженіи животныхъ организмовъ, было бы противорѣчіемъ современной наукѣ, доказавшей, что питаніе, поддержаніе и размноженіе даже животныхъ, движущихся организмовъ могло бы вполнѣ совершаться одною системою рефлексовъ, несопровождаемыхъ сознаніемъ, чувствомъ и желаніемъ, какъ совершаются они въ растеніяхъ безъ помощи рефлексовъ. Изъ этого факта само собою вытекаетъ великое нравственное указаніе, что *человѣкъ не для того живетъ, чтобы существовать, но для того существуетъ, чтобы жить*.

6. Обратившись за тѣмъ къ перечисленію и анализу чувствованій, возникающихъ при процессѣ удовлетворенія стремленій, мы прежде всего установили самостоятельность этихъ душевныхъ явленій. Мы показали, что хотя чувствованія и наблюдаются нами не иначе, какъ въ сліяніи съ представленіями, но должны быть признаваемы отдѣльными отъ нихъ и самостоятельными психическими явленіями, такъ-какъ они не только вызываются представленіями въ ихъ отношеніи къ нашимъ стремленіямъ; но и сами вызываютъ (подбираютъ) представленія, возникая изъ органическихъ состояній тѣла. Это двоякое возникновеніе чувствованій побудило насъ и самыя чувствованія, не по качеству ихъ, а по ихъ происхожденію, раздѣлить на *органическія* и *душевныя*. Въ чувствованіяхъ *душевныхъ* мы сознаемъ то или другое отношеніе представленія къ нашимъ стремленіямъ или, вѣрнѣе, нашимъ желаніямъ, т. е. стремленіямъ, уже сознаннымъ посредствомъ опытовъ ихъ удовлетворенія. Въ чувствованіяхъ *органическаго* происхожденія мы не сознаемъ отношенія тѣхъ или другихъ состояній нашего организма къ его потребностямъ бытія, но прямо испытываемъ это отношеніе въ различныхъ органическихъ чувствованіяхъ. Только уже наблюденіе открываетъ намъ, что питаніе, влага и воздухъ необходимы для существованія организма; но мы конечно гораздо прежде этихъ наблюденій и независимо отъ нихъ, испытываемъ страданіе отъ недостатка пищи, влаги или воздуха.

7. Мы указали также на необходимость отдѣленія не только *внѣшнихъ ощущеній* (ощущеній зрѣнія, слуха, осязанія и т. д.) отъ *чувствованій*, которыми они сопровождаются, но и *внутреннихъ ощущеній* (каковы: ощущенія голода, жажды, щекота и т. п.), которыя могутъ сопровождаться *различными* душевными чувствованіями. Этого мы достигли, указавъ, какъ черезъ посредство сознанія то или другое *внутреннее* ощущеніе, боль или голодъ, напримѣръ, могутъ изъ разряда ощущеній непріятныхъ, какими они всегда являются по природѣ своей для непосредственнаго *органическаго* чувствованія, поступить въ разрядъ пріятныхъ и желательныхъ душевныхъ чувствованій. Но если

органическое чувствованіе черезъ посредство сознанія, т. е. черезъ посредство наблюденій и опытовъ, сдѣлавшись душевнымъ, можетъ измѣнить самый специфическій характеръ свой и изъ неудовольствія сдѣлаться удовольствіемъ, или обратно, по отношенію къ одному и тому же *внутреннему ощущенію* (голоду, жаждѣ, боли и т. п.), то значитъ, что и эти органическія чувствованія не одно и тоже съ вызывающими ихъ ощущеніями, какъ бы ни казались они нераздѣльными на первый взглядъ.

8. Отдѣливъ органическія чувствованія отъ душевныхъ, мы показали потомъ, какъ *душевныя* чувствованія переходятъ въ *органическое* состояніе и какъ, наоборотъ, тѣ или другія состоянія организма условливаютъ появленіе тѣхъ или другихъ *душевныхъ* чувствованій. Затѣмъ мы перешли къ явленіямъ *воплощенія* чувствованій и, показавъ средства этого воплощенія, нашли въ немъ основу *органическаго сочувствія*, которое, въ свою очередь, даетъ начало множеству психо-физическихъ явленій.

9. Приступая къ исчисленію *элементарныхъ чувствованій*, мы прежде всего сочли необходимымъ отдѣлить эти, болѣе неразлагаемыя, психическія явленія отъ *чувственныхъ состояній* души, въ которыхъ одно чувствованіе или нѣсколько чувствованій разомъ соединяются съ тѣми или другими представленіями. Здѣсь же мы отдѣлили чувствованія *душевныя* съ одной стороны отъ *духовныхъ*, свойственныхъ только человѣку и отмѣченныхъ его человѣческими особенностями, а съ другой— отъ *желаній*, относя послѣднія къ области явленій воли. Такое выдѣленіе элементарныхъ, неразлагаемыхъ болѣе чувствованій помогло намъ не потеряться въ ихъ.безчисленномъ разнообразіи и мы нашли слѣдующія элементарныя антагонистическія пары чувствованій: 1) *удовольствія* и *неудовольствія*, 2) *влеченія* и *отвращенія*, 3) *доброты* и *гнѣва*, 4) *смѣлости* и *страха*, 5) *самодовольства* и *стыда* и, наконецъ, 6) *скуки*, не имѣющей себѣ антагониста въ чувствахъ, такъ-какъ антагонистомъ ея является уже не чувство, а дѣятельность души. Всѣми этими чувствованіями сказываются въ душѣ всѣ различныя фазы въ процессѣ удовлетворенія врожденныхъ человѣку стремленій. Но легко замѣтить, что, тогда-какъ первыя четыре пары чувствованій относятся къ удовлетворенію всѣхъ стремленій, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ, а потому и могутъ быть названы чувствованіями *общими*,—чувствованіе *самодовольства* и *стыда*, а равно и *чувство скуки* могутъ быть названы *спеціальными*; ибо *чувство самодовольства и стыда* относится спеціально къ *общественнымъ* стремленіямъ человѣка, а *чувство скуки* относится также спеціально къ душевному стремленію къ дѣятельности.

10. Кромѣ этихъ чувствованій мы замѣтили еще нѣсколько другихъ, дѣйствіе которыхъ ограничивается сферою одной умственной дѣятельности и которыя потому мы назвали *душевно-умственными*, въ отличіе отъ первыхъ, названныхъ нами *душевно-сердечными*. Всѣ эти душевно-умственныя чувствованія показываютъ только отношеніе новыхъ представ-

леній къ интересамъ одного умственнаго процесса, процесса сознаванія. *Двигателемъ* этого процесса является стремленіе души къ сознательной дѣятельности, *побудкою*—томительное чувство бездѣйствія, которое въ низшей его степени мы называемъ скукою, а *средствомъ*—сознаніе, или способность души изъ различія и сходства впечатлѣній создавать сознательныя ощущенія: свѣта—въ противоположность темнотѣ, тепла — въ противоположность холоду и т. д. Хотя мы и помѣстили *чувство различія и сходства* въ число неразлагаемыхъ умственныхъ чувствованій, но собственно изъ него уже вытекаютъ другія умственныя чувствованія, само же оно является основною способностью сознанія и совершаетъ всѣ умственныя работы человѣка. Изъ стремленія къ душевной дѣятельности въ умственной сферѣ, которая дѣйствуетъ черезъ посредство чувства различія и сходства, возникаютъ: 1) *чувство умственнаго напряженія*, 2) *чувство ожиданія*, 3) *чувство неожиданности* съ производными отъ него чувствованіями: *а*) *чувствомъ удивленія* и *б*) *чувствомъ обмана*; 4) *чувство сомнѣнія и увѣренности*, 5) *чувство непримиримаго контраста* и 6) *чувство успѣха* сознавательнаго процесса или чувство относительной истины. Изъ этого уже видно, что *умственныя* чувствованія не могутъ быть поставлены на ряду съ чувствами сердечными, такъ-какъ умственныя чувствованія суть уже прямыя произведенія одного сознавательнаго процесса, отмѣчающія въ душѣ различныя его фазы.

11. Если бы, прочитавъ нашу систему элементарныхъ чувствованій, спросили насъ, вполнѣ ли мы увѣрены, *во первыхъ*, въ томъ, что перечислили всѣ элементарныя чувствованія; а *во-вторыхъ* въ томъ, что не помѣстили въ число чувствъ элементарныхъ такого чувствованія, которое, при болѣе внимательномъ анализѣ и повѣркѣ его различными пробами, можетъ оказаться неэлементарнымъ, а сложнымъ, то мы не могли бы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Мы сдѣлали все, что могли; но никакъ не думаемъ, что сдѣлали все, что можно сдѣлать въ этой области душевныхъ явленій, посвятивъ себя спеціально ея разработкѣ.

Отношеніе чувствованій къ сознанію.

12. Общимъ терминомъ для сознанія и чувствованій кажется можно выбрать слово *чувство*; ибо и сознаніе въ основѣ своей есть не болѣе, какъ спеціальное чувство сходства и различія. Но тогда-какъ сознаніе показываетъ намъ предметы сознаванія безъ отношенія ихъ къ интересамъ нашихъ стремленій, чувствованія именно обозначаютъ эти отношенія представленій къ нашимъ стремленіямъ. Вотъ почему дѣятельность сознанія, хотя и оно есть только одно изъ чувствъ, къ которымъ способна душа наша, должна быть всегда излагаема отдѣльно.

13. Дѣятельность сознанія не только требуетъ отдѣльнаго изложенія по своей безучастности въ отношеніи нашихъ стремленій, но и должна

быть излагаема прежде изложенія всѣхъ другихъ душевныхъ явленій, потому что составляетъ единственную дверь, вводящую насъ въ эти явленія. Безъ способности различать и сравнивать мы могли бы испытывать гнѣвъ, не сознавая, что это гнѣвъ, и не отличая его отъ страха или любви. Все, что мы *знаемъ*, все, что мы можемъ выразить *словами*, выходитъ изъ нашей способности сравнивать и различать, а потому естественно, что и о чувствованіяхъ нашихъ мы можемъ говорить на столько, на сколько они прошли черезъ нашу способность сравнивать и различать.

14. Сознаніе наше, или наша способность различать и сравнивать, а потомъ группировать по сходству и различію то, что мы сравнили, обращенное на впечатлѣнія внѣшняго для души міра, даетъ намъ все безчисленное разнообразіе нашихъ свѣдѣній объ этомъ мірѣ. Та же самая способность сравнивать и различать, обращенная на самыя душевныя явленія, даетъ человѣку всѣ его психологическія познанія, которыя у каждаго гораздо обширнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Изъ этого уже само собою выходитъ, что напрасно было бы пытаться *узнать* и передать въ словахъ *жизнь чувствованій внѣ сознанія*. Но что чувствованія *возможны* и внѣ сознанія, на это указываетъ намъ то явленіе, что мы находимъ ихъ въ нашей душѣ уже готовыми, находимъ прежде, чѣмъ различимъ ихъ отъ другихъ душевныхъ состояній. Мы сердимся, еще не замѣчая этого, и открываемъ въ душѣ нашей уже готовую любовь, употребляя иногда долгія усилія, чтобы отличить ее отъ другихъ чувствованій и дать ей имя. Если мы, *подобно животнымъ*, не имѣли бы возможности обращать наше сознаніе на наши психическіе акты—состояніе, въ которое Сократъ въ одномъ изъ Платоновыхъ діалоговъ ставитъ своего противника,—то мы отъ этого не потеряли бы способности гнѣваться, бояться и любить, а только не различали бы этихъ чувствъ одно отъ другого.

15. Трудно конечно сказать, что начинаетъ прежде дѣйствовать въ человѣкѣ: сознаніе или чувствованія; но есть однако нѣсколько указаній, позволяющихъ предполагать, что дѣйствіе и даже развитіе чувствованій предшествуетъ дѣйствію и развитію сознанія. Извѣстный физіологъ Мюллеръ замѣчаетъ, что первое, въ чемъ обнаруживается жизнь зародыша,— это *произвольныя* движенія, начинающіяся прежде развитія органовъ воспринимающихъ чувствъ. Но если Мюллеръ, назвавъ эти движенія *произвольными*, говоритъ въ то же время, что они не имѣютъ никакой цѣли, не выходятъ ни изъ какой идеи и ни изъ какого чувства, то это показываетъ только, что онъ употребилъ психологическій терминъ *произвола*, не давъ себѣ яснаго отчета въ значеніи этого термина. Произвольное движеніе, какъ мы скоро увидимъ, прежде всего тѣмъ отличается отъ *непроизвольнаго*, что причиною его является то или другое душевное состояніе. Но такъ-какъ дѣйствительно до образованія воспринимающихъ органовъ нельзя предположить опредѣленныхъ ощущеній, а тѣмъ менѣе какую-нибудь идею или цѣль, то естественнѣе всего думать,

что первыя произвольныя движенія возникаютъ не изъ ощущеній, а изъ чувствованій и всего вѣроятнѣе изъ чувствованій страданія, причиняемыхъ голодомъ, давленіемъ, вообще болью или, наконецъ, органическою потребностью тѣлеснаго движенія, происходящею отъ накопленія силъ.

16. Наблюдая надъ развитіемъ дѣтей и даже цѣлыхъ народностей, мы замѣтимъ, что даже взглядъ на внѣшній міръ и усвоеніе представленій и понятій о немъ прежде всего условливается чувствованіями или отношеніями явленій къ стремленіямъ и, по преимуществу, тѣлеснымъ стремленіямъ человѣка. Объективное созерцаніе міра только уже мало по малу, по удовлетвореніи тѣлесныхъ потребностей и вмѣстѣ съ большимъ и большимъ обнаруженіемъ чисто душевной потребности сознательной дѣятельности, вступаетъ въ свои права. Крики страданія или удовольствія, гнѣва или страха суть первыя обнаруживанія въ звукахъ душевной жизни человѣка. Когда же сознаніе обратится на самую душевную дѣятельность, то эти самые крики превращаются въ *первыя слова*, которыя и ложатся въ основу языка. Дитя и дикарь замѣчаютъ предметы на столько, на сколько они затрогиваютъ въ нихъ тѣ или другія чувствованія и, безъ сомнѣнія, даютъ и названія предметамъ, сообразныя съ звуковыми воплощеніями этихъ чувствованій. *Языкъ мысли* формируется уже мало по малу изъ *языка чувства* и слѣды этихъ чувственныхъ пеленокъ языка остаются на немъ неизгладимо.

17. Такимъ образомъ, въ противоположность всѣмъ другимъ психологамъ, мы ставимъ въ центръ душевныхъ явленій—не сознаніе, какъ гербартіанцы, и не волю, какъ Шопенгауеръ и его послѣдователи, — а *чувствованіе*, какъ первое проявленіе *стремленій*—этой гипотезы необходимой, но все же гипотезы, ибо въ ней идетъ дѣло о явленіяхъ, лежащихъ внѣ сознанія. Только уже впослѣдствіи, при развитіи, съ одной стороны, области *сознанія*, а съ другой — области *воли*, *чувствованіе* становится необходимымъ *посредникомъ* между этими двумя областями душевныхъ явленій. Но *чувствованіе* не только — среднее, связующее звено между явленіями сознанія и явленіями воли, но вызываетъ и тѣ и другія. Страданіе прежде всего побуждаетъ человѣка и вглядываться во внѣшній міръ, и прилагать къ нему свою волю съ цѣлью удовлетворить своимъ потребностямъ, заставляющимъ его страдать. Вотъ на какомъ основаніи мы ставимъ чувствованія въ средоточіе всѣхъ душевныхъ явленій. Изъ нихъ они всѣ исходятъ и къ нимъ всѣ возвращаются; въ нихъ первая причина человѣческой дѣятельности въ области сознанія и воли, въ нихъ же и окончательная цѣль этой дѣятельности. Это положеніе чувствованій въ системѣ душевныхъ явленій еще болѣе намъ уяснится, когда мы анализируемъ область явленій воли, къ чему мы теперь и приступаемъ.

ГЛАВА XXX.

Воля. Вступленіе. Различныя теоріи воли.

1. Въ первой части нашей антропологіи мы изложили явленія *сознанія*; во-второй, до сихъ поръ, мы занимались *чувствованіями*; теперь же намъ предстоитъ изложить третій видъ душевныхъ явленій, которымъ придаютъ общее названіе явленій *воли*. Такое дѣленіе психическихъ явленій на три области очень старо и напрасно нѣкоторые приписываютъ его Канту, который только яснѣе другихъ формулировалъ это дѣленіе, и его послѣдователю Фрису, доведшему это дѣленіе до крайности. Основы такого раздѣленія психическихъ явленій мы встрѣчаемъ у Спинозы и Декарта, у Аристотеля и Платона; но, что всего важнѣе, встрѣчаемъ въ общечеловѣческой психологіи, какъ она выразилась въ языкѣ народовъ: вездѣ языкъ раздѣлилъ *умъ*, *сердце* и *волю*.

2. Не нужно большой наблюдательности, чтобы каждый могъ замѣтить въ себѣ эти *три* сферы душевной жизни, въ которыхъ душа, по существу своему, стремящемуся къ жизни т. е. къ дѣятельности, работаетъ безъ устали. Первая изъ этихъ сферъ даетъ человѣку *умственную* или *теоретическую жизнь;* вторая — жизнь чувства или, какъ обыкновенно говорятъ, даетъ *жизнь сердца*, а третья—жизнь дѣйствія или *жизнь практическую*.

3. Само собою разумѣется, что ни одинъ человѣкъ не живетъ и не можетъ жить исключительно въ одной изъ этихъ сферъ, и что явленія всѣхъ трехъ перемѣшиваются не только въ жизни каждаго человѣка, но даже въ каждомъ полномъ и законченномъ душевномъ актѣ. Однакоже, всякій, кто наблюдалъ надъ людскими характерами, замѣчалъ, вѣроятно, что въ одномъ характерѣ преобладаетъ дѣятельность ума, въ другомъ—дѣятельность сердца, въ третьемъ—дѣятельность практическая или дѣятельность воли. Это различіе такъ замѣтно, что, можетъ быть, именно его, а не *темпераменты*, слѣдовало признать основнымъ принципомъ разнообразія людскихъ характеровъ.

4. Обративъ вниманіе на самихъ себя, мы ясно замѣтимъ, что при усиленной дѣятельности сознанія, при особенной напряженности умственнаго процесса, дѣятельность сердечныхъ чувствъ и дѣятельность воли замѣтно ослабѣваютъ, что, при особенно усиленной дѣятельности сердечныхъ чувствъ, ослабляется и умственная дѣятельность и дѣятельность воли и что, наконецъ, когда мы начнемъ дѣйствовать, тогда ослабляется въ насъ и умственный процессъ, и дѣятельность сердечная.

5. Разсматривая, наконецъ, какое угодно, взятое наудачу простое психическое явленіе, отмѣченное языкомъ человѣческимъ, мы не затруднимся отнести его къ одной изъ этихъ трехъ сферъ душевной жизни. Если же возникнетъ какое-либо затрудненіе, то оно укажетъ намъ только на сложность наблюдаемаго нами явленія, и когда мы разложимъ его на составные элементы, то не затруднимся отнести каждый изъ этихъ эле-

ментовъ къ той, или другой, или третьей сферѣ. Этой одной причины достаточно уже, чтобы признать такое дѣленіе психическихъ явленій вполнѣ научнымъ, не смотря на всѣ филиппики, поднятыя противъ него Гербартомъ и его послѣдователями.

6. На чемъ главнымъ образомъ основываются всѣ возраженія противъ такого естественнаго дѣленія психическихъ явленій? Безъ сомнѣнія, на убѣжденіи въ единствѣ и нераздѣльности души. Но, сохраняя и сами это убѣжденіе, подтверждаемое многими фактами душевной жизни, мы, тѣмъ не менѣе, сознаемся откровенно, что не можемъ возвести всѣхъ психическихъ явленій къ этому единству, или, что все равно, не можемъ вывести всѣ эти явленія изъ одного понятія, т. е. такой мысли, содержаніе которой могло бы быть выражено сужденіями и умозаключеніями. Чтобы сдѣлать это, надобно было бы понять душу, сравнительно съ другими предметами, для чего надобно было бы выйти изъ души и отнестись къ ней какъ къ объекту, для насъ внѣшнему; но это для человѣка, составляющаго самую эту душу, невозможно. Мы наблюдаемъ психическія явленія, какъ сохраненныя нашею памятью, какъ нѣчто прошедшее; понять же самую душу—источникъ всѣхъ этихъ психическихъ явленій, дѣйствующій въ самомъ томъ усиліи, которымъ мы хотимъ его понять,—конечно невозможно, также невозможно, какъ выйти простому физическому элементу изъ самого себя.

7. Если бы Гербартъ вооружился только противъ крайности раздѣленія душевныхъ явленій, какъ бы дробящей самую душу на три части, то мы бы вполнѣ съ нимъ согласились; но такъ-какъ онъ уничтожаетъ самое дѣленіе, принципъ котораго столь очевиденъ для каждаго, то мы можемъ сказать только, что этимъ Гербартъ значительно и безъ всякой пользы для науки затруднилъ изученіе психическихъ явленій. Различныя свойства, способности, или проще, различныя дѣятельности предмета, не должны вести къ раздѣленію самого предмета; но и, наоборотъ, единство предмета не должно вести къ смѣшенію его различныхъ и разнообразныхъ дѣятельностей. Если мы не понимаемъ, какъ эти разнообразныя дѣятельности относятся между собою и къ самой сущности предмета, какъ они вытекаютъ изъ этой сущности, не разрывая ее своимъ разнообразіемъ, то это значитъ только, что мы не можемъ понять сущности предмета и, волею или неволею, должны примириться съ этою невозможностью. Наука же не выиграетъ, а проиграетъ только, если мы, чувствуя въ самихъ себѣ единство душя, будемъ стараться, посредствомъ разныхъ насильственныхъ и ничѣмъ неоправдываемыхъ гипотезъ, выводить всѣ различные виды душевныхъ явленій изъ одного какого-либо вида: или изъ представленій, напримѣръ, какъ выводитъ Гербартъ, или изъ воли, какъ выводитъ Шопенгауеръ и его послѣдователи, или изъ чувствованій, какъ вывели бы мы, еслибы желали строить полныя психическія теоріи, а не изучали психическія явленія, на сколько они намъ доступны.

8. Мы имѣемъ психическіе факты ясно доказывающіе, что душа,

одна и нераздѣлима; мы имѣемъ другіе психическіе факты, показывающіе, что эта единая, нераздѣльная душа имѣетъ различныя способности мы не можемъ примирить этого различія способностей съ единствомъ души — вотъ въ своей простотѣ весь психическій фактъ. Но развѣ такое несовершенство свойственно одной психологіи? Развѣ мы постигаемъ сущность хотя одного *реальнаго* предмета такъ, чтобы были въ состояніи вывести изъ его сущности его свойства и всѣ явленія, въ которыхъ они обнаруживаются? На этотъ вопросъ мы уже отвѣчали выше и отвѣчали отрицательно [1]). Уже Сократъ указалъ на то, что реальное знаніе всегда занимаетъ средину между непостижимымъ единствомъ и непостижимою безконечностью и занимается тѣмъ, что можно перечислить, опредѣлить, выразить [2]). Въ этомъ случаѣ психологія раздѣляетъ участь всѣхъ другихъ наукъ и всѣхъ человѣческихъ знаній вообще.

9. На основаніи этихъ-то соображеній и признавая психологію наукою, основанною на фактахъ и наблюденіяхъ надъ фактами, а не на вѣрованіяхъ, мы не смущаемся тѣми грозными филиппиками, которыя были подняты Гербартомъ, а отчасти и Гегелемъ, противъ раздѣленія души на три области. Мы не дѣлимъ душу на области; но дѣлимъ душевныя явленія на тѣ отдѣлы, на которые они сами собою распадаются очевидно для всякаго сознанія, непотемненнаго самонадѣянною мыслью вывести все разнообразіе психическихъ явленій изъ одного какого либо фантастическаго принципа. Такимъ образомъ, изложивъ душевныя явленія сознанія и чувствованія, мы переходимъ теперь къ душевнымъ явленіямъ воли, желая вездѣ удержаться на почвѣ фактической науки и нигдѣ не переходить въ область, можетъ быть, поэтическихъ, но не научныхъ фантазій.

10. Что называемъ мы волею? На этотъ вопросъ мы также можемъ мало отвѣчать, какъ и на два предыдущіе: что такое сознаніе или что такое чувствованіе? Всякій изъ насъ испытываетъ въ себѣ эти *неразлагаемые* болѣе факты психической жизни; но никто не можетъ выразить этого чувства въ словахъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, не можетъ потому, что, какъ мы уже видѣли, сужденіе и умозаключеніе суть только разложенія понятій, нами же прежде сложенныхъ [3]); а какъ же разлагать и слагать то, что для насъ неразложимо? Такіе предметы и явленія мы можемъ только классифицировать, давая имъ надлежащее мѣсто въ ряду другихъ предметовъ и явленій, будемъ ли мы наблюдать ихъ въ насъ самихъ или внѣ насъ — во внѣшнемъ для души мірѣ. Развѣ мы можемъ выразить въ сужденіяхъ, что такое свѣтъ, звукъ, красный цвѣтъ или зеленый? что такое, наконецъ, желѣзо, кислородъ, или водородъ, внѣ ихъ отношеній къ другимъ предметамъ?—Это точно

---

[1]) Пед. Антроп. Ч. I. Гл. XXXIV.

[2]) Dialogues de Platon. Phileb. p. 423.

[3]) Пед. Антроп. Ч. I. Гл. XLII.

такіе же *безотвѣтные вопросы*, какъ и вопросъ — что такое воля? Одни изъ этихъ неразлагаемыхъ для насъ предметовъ мы чувствуемъ существующими внѣ насъ, другіе мы находимъ самосознаніемъ въ насъ самихъ; но какъ тѣ, такъ и другіе оказываются для насъ неразлагаемыми болѣе фактами.

11. Гораздо сообразнѣе будетъ съ значеніемъ фактической науки, если мы, вмѣсто того, чтобы томить себя безполезнымъ вопросомъ: что такое воля?—станемъ изучать ея проявленія. Никто не сомнѣвается въ томъ, что всего яснѣе проявляется воля въ произвольномъ движеніи нашихъ членовъ; а потому намъ естественно прежде всего обратиться къ изученію тѣлесныхъ движеній и между ними въ особенности тѣхъ, которыя всякій изъ насъ называетъ *произвольными* или *добровольными*, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя мы также совершаемъ, но совершаемъ непроизвольно, автоматически, рефлективно. Теорій, объясняющихъ такъ или иначе наши произвольныя движенія было построено нѣсколько; но мы разсмотримъ здѣсь послѣднюю изъ нихъ, такъ-какъ она есть результатъ науки въ современномъ ея состояніи. Теорію эту мы изложимъ отчасти по Фехнеру, а отчасти по Бэну; первый преимущественно разработалъ физическую сторону этой теоріи тѣлесныхъ движеній, а второй — психическую.

ГЛАВА XXXI.

Физическая теорія тѣлесныхъ движеній.

1. Для яснаго пониманія физической теоріи тѣлесныхъ движеній мы просимъ читателя припомнить главу «о мускулахъ», изложенную нами въ первой части нашей «антропологіи» [1]. Тамъ мы не только изложили (въ общихъ чертахъ, конечно), устройство аппарата тѣлесныхъ движеній, но и указали отчасти на процессъ выработки, распредѣленія и траты физическихъ силъ въ экономіи человѣческаго тѣла. Здѣсь намъ предстоитъ только, съ помощью извѣстнаго физика и психолога Фехнера, уяснить себѣ это явленіе еще болѣе и сдѣлать изъ него уже психологическіе выводы.

2. Всякое движеніе предполагаетъ непремѣнно *матерію*—то, что движется, и *силу* — то, что движетъ. Сила долго считалась чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ матеріи, — какимъ-то таинственнымъ *нѣчто*, условливающимъ движеніе инертной матеріи. Но новая наука не только внесла силу въ матерію, какъ ея неотъемлемое свойство, но самую силу объяснила движеніями же—движеніями или частицъ матеріи, или цѣлыхъ массъ ея, назвавъ первыя движенія *частичными* или *скрытыми*, а вторыя—*массивными* или *открытыми* [2]. Мы не будемъ входить здѣсь

[1]) Пед. Антроп. Ч. I. Гл. VIII.

[2]) Тамъ же. Гл. VIII, п. 9.

въ разборъ этой теоріи и разыскивать, на сколько объяснилось для насъ понятіе силы, когда мы ее самую вывели изъ движеній, вмѣсто того. чтобы выводить движеніе изъ силы, какъ то дѣлали прежде. Но нѣтъ сомнѣнія, что такое представленіе силъ, въ формѣ движеній, по психическому закону, указанному нами выше [1]), значительно упрощаетъ объясненіе и связь множества физическихъ и физіологическихъ фактовъ, а потому и мы принимаемъ его здѣсь за гипотезу необходимую и вполнѣ научную.

3. Давно уже въ наукахъ физическихъ существуетъ полное убѣжденіе, что матерія не можетъ быть *уничтожена* нашими средствами, равно какъ не можетъ быть творима вновь, что она только мѣняетъ свои формы, при чемъ каждый атомъ ея не можетъ быть ни уничтоженъ, ни уменьшенъ, ни увеличенъ. Теперь это же самое убѣжденіе, подтверждаемое всѣми доступными намъ фактами, было перенесено и на идею силы. Наука пришла къ тому убѣжденію, что сила, какъ и матерія, не уничтожается, когда мы перестаемъ замѣчать ея проявленіе, а только переходитъ въ другую форму, и не творится вновь, когда вновь проявляется, а только изъ формы скрытыхъ движеній переходитъ въ форму движеній открытыхъ. Сила, ударившая молотомъ по наковальнѣ, не уничтожилась вмѣстѣ съ этимъ ударомъ, а вся перешла въ форму тепла, развившагося при ударѣ, такъ-какъ тепло есть только скрытое движеніе частицъ. Движеніе же паровоза, наоборотъ, есть только переходъ скрытыхъ движеній тепла въ открытую форму движенія машины.

4. Вся живая (т. е. дѣйствующая) сила катящагося паровоза есть только перемѣна формы движенія, которое изъ незамѣтныхъ малыхъ дрожаній, вызываемыхъ въ топливѣ химическимъ процессомъ горѣнія, переходитъ оттуда на части машины, а оттуда и на колеса паровоза. И та же живая сила, которая обнаруживается здѣсь въ видимыхъ движеніяхъ, исчезаетъ въ области невидимыхъ движеній частицъ топлива, что и дѣлаетъ необходимымъ поддержку процесса горѣнія новымъ матерьяломъ. «Точно также живая сила видимыхъ движеній, выполняемыхъ руками и ногами человѣка, есть только другая форма живыхъ силъ малыхъ внутреннихъ движеній, вызываемыхъ химизмомъ питательнаго процесса. Въ каждомъ своемъ движеніи употребляетъ человѣкъ нѣчто изъ этихъ, внутри его развивающихся живыхъ силъ» [2]).

5. Въ этихъ переходахъ съ одной матерьяльной массы на другую живая сила, какъ бы ни измѣнялась ея форма, не претерпѣваетъ ни уменьшенія, ни увеличенія. Сила, движущая паровозъ, напримѣръ, не исчезаетъ въ этихъ движеніяхъ, а проявляется въ невидимыхъ дрожаніяхъ частицъ земли и воздуха, высказываясь въ нихъ только въ дру-

---

[1]) Тамъ же. Гл. XXXIV, п. 7.

[2]) Elemente der Psychophysik von Fechner. I Th., p. 27—28.

гой формѣ, въ формѣ тепла, и количество силы, исчезающей въ одной формѣ, соотвѣтствуетъ количеству силы, проявляющейся въ другой.

6. Человѣкъ также подчиняется вполнѣ этому закону во всѣхъ своихъ движеніяхъ. «Падая съ высоты, человѣкъ, со всей свободой своей воли, не можетъ ни на одинъ волосъ сдвинуть центра своей тяжести съ линіи паденія, если не принимать въ расчетъ легкой возможности, представляемой упоромъ воздуха. Точно также относится человѣкъ и къ живой силѣ. Воля, мысль, весь духъ, какъ бы онъ свободенъ ни былъ, можетъ проявлять свою свободу не иначе, какъ на основаніи законовъ живой силы» [1]).

7. «Хотя—продолжаетъ Фехнеръ—не найдено еще общаго и рѣзкаго доказательства для распространенія этого закона на психофизическую дѣятельность; но можно уже утверждать, что всѣ опыты, на сколько они возможны, идутъ въ этомъ направленіи и могутъ быть истолкованы безъ натяжки только посредствомъ этого закона; поэтому мы и будемъ его придерживаться, пока не встрѣтимъ доказательствъ противнаго». Изъ этихъ словъ Фехнера мы видимъ, между прочимъ, что распространеніе закона сохраненія и преобразованія силъ на психофизическую дѣятельность основывается болѣе на аналогіи и на той увѣренности, что и въ живомъ организмѣ *не могутъ* дѣйствовать другія силы, кромѣ силъ физическихъ, воспринимаемыхъ организмомъ изъ пищи.

8. Вполнѣ соглашаясь съ Фехнеромъ, что такой взглядъ на происхожденіе силъ, дѣйствующихъ въ психофизическихъ отправленіяхъ, находитъ себѣ могущественное подтвержденіе во многихъ фактахъ и соображеніяхъ, мы однако думаемъ, что слишкомъ было бы поспѣшно простирать его такъ далеко, какъ то дѣлаетъ Фехнеръ, когда полагаетъ, что «всякая духовная дѣятельность, какою бы высокою и отвлеченною она намъ ни казалась, нуждается въ силѣ физической, законъ извлеченія которой изъ общаго запаса физическихъ силъ природы не можетъ быть измѣняемъ духомъ, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя признать *источникомъ* новой живой силы въ тѣлѣ» [2]). Конечно, трудно сомнѣваться въ томъ, что душа не является сама источникомъ силы физической, выражающейся во всевозможныхъ, какъ видимыхъ, такъ и предполагаемыхъ движеніяхъ организма, будутъ ли то движенія руки или ноги, будутъ ли то предполагаемыя вибраціи нервовъ, необходимыя при каждомъ ощущеніи и при каждомъ представленіи. Но нужна ли физическая сила и для того, чтобы давать направленіе всѣмъ этимъ движеніямъ къ цѣли, избираемой душою,—это не только не можетъ быть доказано фактически, но этого и невозможно доказать, ибо уже впередъ видно неизбѣжное противорѣчіе въ такомъ доказательствѣ.

9. Доказывая свою мысль, Фехнеръ указываетъ на слѣдующія, общеизвѣстныя психофизическія явленія. «Мы можемъ—говоритъ онъ—думать и въ то же время еще что-нибудь выполнять нашими тѣлесными

---

[1]) Ibid. S. 32.

[2]) Ibid. S. 37.

органами. Но вотъ сила мысли должна быть возвышена, и мы немедленно же видимъ, что мысль, вмѣсто того, чтобы почерпнуть живую силу, которая ей понадобилась, изъ своего собственнаго источника, похищаетъ ее у другихъ тѣлесныхъ дѣятельностей и безъ этого не можетъ усилиться. Если человѣку, занятому какою нибудь тяжелою тѣлесною работою, приходитъ въ голову мысль, для него необыкновенная, то руки его немедленно опускаются и до тѣхъ поръ остаются бдзъ движенія, пока въ немъ сильно работаетъ мысль, а съ нею и психофизическая дѣятельность». — «И на оборотъ, какъ мысль прерываетъ тѣлесное движеніе, такъ скачокъ прерываетъ всякій ходъ мыслей: живая сила, потребляемая на скачокъ, удаляется изъ хода психофизическихъ движеній, употребляемыхъ мыслью». «Что замѣчаемъ мы для мышленія, то приложимо и къ каждой другой духовной дѣятельности: напряженнымъ чувствованіямъ, страстямъ и чувственнымъ созерцаніямъ» [1].

10. Странный промахъ, который въ этомъ случаѣ сдѣланъ такимъ тонкимъ наблюдателемъ, каковъ Фехнеръ, объясняется только увлеченіемъ обширностью новой идеи и страстнымъ желаніемъ дать этой идеѣ, совершенно справедливой для частныхъ фактовъ, всеобщее значеніе. Если человѣкъ, работающій физически, опускаетъ руки, когда въ головѣ его блеснетъ навая, сильно заинтересовавшая его мысль, то это можетъ происходить не отъ одной только, а отъ одной изъ двухъ причинъ: или отъ той, на которую указываетъ Фехнеръ, или отъ того, что по закону процесса вниманія, на который мы указали выше, оно не можетъ быть разомъ и сильно сосредоточено въ двухъ противоположныхъ дѣятельностяхъ [2], — и эта послѣдняя причина гораздо очевиднѣе первой. Отчего же человѣку гораздо легче заниматься *усиленной* тѣлесной работой, не требующей вниманія, и при этомъ думать о чемъ нибудь постороннемъ, чѣмъ соединить *самую слабую* тѣлесную же работу, но требующую вниманія, съ посторонней мыслью? Нести какую нибудь тяжесть и думать въ то же время о чемъ нибудь другомъ гораздо легче, чѣмъ соединять ту же мысль съ перепиской бумагъ: вотъ почему ничто такъ не мѣшаетъ развитію человѣка, какъ такая работа, которая, сама не давая достаточной пищи уму, въ то же время не допускаетъ въ немъ другой дѣятельности, каковы напр. переписка, изученіе вокабулъ, пустые счеты одного и того же и т. п. Если бы догадка Фехнера была справедлива, то не было бы возможно явленіе, столь часто встрѣчающееся у многихъ, а именно, невозможна была бы привычка *усиленно* ходить при *усиленной* умственной работѣ, часто встрѣчающаяся у знаменитыхъ писателей, которымъ, по ихъ собственному сознанію, лучшія мысли приходили во время ходьбы. Конечно, это объясняется тѣмъ, что ходьба дѣлается для человѣка такимъ привычнымъ движеніемъ, что онъ уже не нуждается въ сосредоточеніи своего вниманія на этомъ движеніи. Но, тѣмъ не менѣе, какъ бы ни была при-

---

[1]) Ibid. S. 38 и 39.

[2]) Пед. Антр. Ч. I. Гл. XXI пп. 2 и 3.

вычна эта комбинація сильныхъ движеній, все же она вызываетъ большую трату физическихъ силъ организма, и чѣмъ ускореннѣе ходьба, тѣмъ ускореннѣе и сильнѣе должна быть эта трата, а слѣдовательно, по теоріи Фехнера, тѣмъ слабѣе должна бы совершаться въ это время работа мысли: мы же видимъ совершенно обратное явленіе. Наконецъ, если принять мнѣніе Фехнера, что внезапное усиленіе мысленной работы отнимаетъ силу у работающихъ рукъ, то слѣдуетъ также принять, что эта сила, отнятая мозгомъ у рукъ, мозгомъ же и *потребляется* и не можетъ быть возвращена рукамъ: откуда же, спрашивается, она такъ быстро появляется вновь, когда мысль, остановившая физическую работу, ослабѣваетъ? Такое быстрое возстановленіе живыхъ жизненныхъ силъ изъ запасныхъ силъ организма немыслимо, да и самъ Фехнеръ нѣсколько выше признаетъ, что выработка живыхъ силъ изъ запасныхъ силъ организма, изъ пищи и крови, совершается только медленнымъ органическимъ процессомъ, который во всякомъ случаѣ медленнѣе возможности обратнаго перехода отъ мысли къ физической работѣ. Да и мысль мысли не равна: можетъ родиться и такая мысль, которая, оторвавъ насъ на мгновеніе отъ того или другого тѣлеснаго движенія, значительно его усилитъ потомъ. Таковы всѣ мысли, воодушевляющія насъ. Откуда же здѣсь почерпается прибавка силъ къ физической работѣ? Конечно, изъ запасныхъ силъ организма; но ускореніе ихъ выработки въ форму другихъ силъ безспорно принадлежитъ воодушевляющему вліянію самой мысли. Что же касается до того явленія что скачокъ непремѣнно прерываетъ нить нашихъ мыслей, то странно даже, какъ Фехнеръ не замѣтилъ, что тоже самое вліяніе оказываетъ всякій ударъ, всякій сильный звукъ, словомъ, всякое внезапное и сильное впечатлѣніе, точно также прерывающее нить нашихъ мыслей. Здѣсь мы видимъ не энергическую трату силъ, отнятыхъ вдругъ отъ мышленія и потребленныхъ въ скачкѣ, а потому и не могущихъ воротиться, а простое отвлеченіе вниманія сильнымъ и внезапнымъ впечатлѣніемъ.

11. «То же самое отношеніе, продолжаетъ Фехнеръ, которое замѣтили мы между психофизическими и непсихофизическими дѣятельностями, существуетъ также между отдѣльными областями психофизической дѣятельности. Нельзя въ одно и то же время сильно созерцать и глубоко думать, или внимательно смотрѣть и внимательно слушать. Чтобы задуматься о чемъ нибудь глубже, мы должны отвлечься отъ другаго и раздѣленіе вниманія ослабляетъ его. Конечно, въ этомъ можно было бы видѣть чисто психологическій законъ; но эти явленія слишкомъ связываются съ предыдущими, чтобы не принять во вниманіе дѣйствія здѣсь закона сохраненія силъ. Мышленію нѣтъ надобности для своего усиленія отнимать живыя силы у дѣятельностей непсихофизическихъ, когда оно можетъ заимствовать эти силы у психофизическихъ дѣятельностей, уже находящихся въ ходу» [1]). Такимъ образомъ Фехнеръ

[1]) Psycho-Physik von Fechner. Erst. Th. S. 539.

на одномъ промахѣ строитъ другіе. Если мы можемъ въ одно и то же время сильно идти и сильно двигать руками какую нибудь тяжесть, то конечно мы могли бы въ одно и то же время внимательно слушать, зорко глядѣть и глубоко думать, если бы это зависѣло только отъ количества физическихъ силъ, находящихся въ наличности и которыя мы могли-бы раздѣлять между смотрѣніемъ, слушаніемъ и глубокимъ обдумываніемъ, не ослабляя каждое изъ этихъ дѣйствій. Во всякомъ-же случаѣ, при дѣятельности зрѣнія или слуха теряется не болѣе физическихъ силъ, какъ при рубкѣ дровъ. Если-же объяснить явленія, замѣченныя Фехнеромъ, большою потерею силъ въ одномъ какомъ-нибудь душевномъ актѣ, то тогда нельзя было-бы объяснить быстраго ихъ возстановленія изъ пищеваго запаса силъ; между тѣмъ, намъ стоитъ только перестать смотрѣть, чтобы стать внимательнѣе слушать. Слѣдовательно, здѣсь все объясняется не недостаткомъ силъ, а невозможностью сосредоточить вниманіе разомъ и одинаково сильно на двухъ душевныхъ дѣятельностяхъ; ибо само вниманіе, какъ мы это видѣли, есть не болѣе, какъ сосредоточеніе души въ томъ или другомъ ея актѣ. Слѣдовательно, всѣми этими фактами доказывается единство работника, а не единство силъ, употребляемыхъ въ его работахъ.

12. Гораздо скорѣе можно согласиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ Фехнера. «Каждое произвольное напряженіе силъ, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе истощаетъ насъ тѣлесно (т. е. уменьшаетъ возможность дальнѣйшаго обнаруженія силъ), чѣмъ сильнѣе оно совершается и чѣмъ долѣе продолжается; а этимъ доказывается, что произвольное развитіе живой силы въ нашемъ тѣлѣ можетъ происходить только изъ физическаго запаса силъ и, слѣдовательно, по закону сохраненія силы, точно также, какъ и развитіе живой силы въ тѣхъ областяхъ, гдѣ воля не принимаетъ никакого участія. Неоспоримо, что подъ вліяніемъ свободной воли могутъ образовываться живыя силы, которыя безъ этого бы и не образовались, но только не иначе, какъ изъ запаса физическихъ силъ (т. е. силъ *возможныхъ*, *потенціальныхъ*, какъ называетъ ихъ Фехнеръ, или другими словами, изъ пищи), т. е. изъ того-же источника, изъ котораго образуются живыя (т. е. дѣйствующія) силы, образуются и безъ всякаго участія воли. Воля-же, сама по себѣ, не можетъ создать живой силы иначе, какъ при этихъ, общихъ для всякой силы, условіяхъ». — «Живая сила нашего организма, продолжаетъ Фехеръ, находится въ состояніи прибыванія и убыванія, смотря по перемѣннымъ состояніямъ питанія, здоровья, бодрственнаго состоянія и сна. При нормальныхъ условіяхъ эта прибыль и убыль силы не можетъ внезапно подвергаться сильнымъ колебаніямъ; но способна только ко внезапнымъ перемѣнамъ въ распредѣленіи, которыя вызываются или внѣшними впечатлѣніями, или произвольнымъ направленіемъ вниманія, или переносомъ дѣятельности въ другую сферу. Идеалистъ можетъ и дѣйствіе впечатлѣній привести къ духовнымъ основамъ, а матеріалистъ и дѣйствіе произвола или вниманія объяснить матеріально. Мы же будемъ

излагать факты, какъ они представляются наблюденію. Въ нѣкоторомъ отношеніи это явленіе можно сравнить съ тѣмъ, что мы замѣчаемъ въ паровыхъ машинахъ: смотря по степени нагрѣванія, живая сила ихъ можетъ или высоко подняться или низко упасть. Но при нормальномъ ходѣ ни то, ни другое не можетъ случиться внезапно. Закрывая-же или открывая клапанъ, мы можемъ только придать ходу одной части машины и оставить въ покоѣ другую. Вся разница въ томъ, что въ нашей органической машинѣ машинистъ находится не внѣ машины, а внутри ея». «Послѣдній же источникъ развитія живыхъ силъ въ нашемъ тѣлѣ находится въ пищевомъ процессѣ и такъ-какъ каждая часть организма имѣетъ въ самой себѣ свой пищевой процессъ, то имѣетъ она также въ себѣ и источникъ живой силы. Пищевой-же процессъ всѣхъ частей находится подъ вліяніемъ обращенія крови и нервной дѣятельности. Частности всѣхъ этихъ отношеній еще недостаточно выяснены, но общее въ нихъ уже ясно. Живая сила, прилагаемая къ рубкѣ дровъ, и живая сила, прилагаемая къ процессу мышленія, т. е. къ тѣмъ психофизическимъ процессамъ, которые съ нимъ связаны, не только могутъ быть количественно сравниваемы, но могутъ переходить одна въ другую. Какъ нужно извѣстное количество живой силы, чтобы распилить вязанку дровъ или поднять данную тяжесть до опредѣленной высоты, точно также нужно извѣстное количество живой силы, чтобы продумать мысль съ данною напряженностью и обѣ эти силы могутъ превращаться одна въ другую. Такой взглядъ нисколько не унижаетъ мышленія, достоинство котораго зависитъ отъ образа, направленія и цѣлей его хода, а не отъ того, можно-ли измѣрить или нельзя силу тѣхъ тѣлесныхъ движеній, которыя мышленіе употребляетъ для своего хода [1])».

13. Во всей этой теоріи, излагаемой Фехнеромъ, заключается существенно одна простая идея, которую мы можемъ выразить такъ: всякое физическое движеніе, — совершается-ли оно внѣ нашего организма или въ немъ, выражается-ли оно въ біеніи сердца, въ обращеніи крови, въ движеніяхъ мускуловъ, или въ тѣхъ нервныхъ и мозговыхъ вибраціяхъ, которыми, по необходимому предположенію, сопровождаются наши психическіе процессы, — всякое такое движеніе не можетъ совершаться иначе, какъ потребляя большее или меньшее количество живой физической силы. Всякая же живая физическая сила почерпается не иначе, какъ изъ общаго источника всѣхъ физическихъ силъ—природы. Для нашей планетной системы такимъ источникомъ является солнце съ неизмѣримо громаднымъ запасомъ движеній, вызванныхъ въ немъ неизвѣстною для насъ причиною. Въ частности же для человѣческаго организма запаснымъ источникомъ, или, вѣрнѣе, запасною кладовою физическихъ силъ является масса крови, выработываемая изъ внѣшнихъ для организма запасныхъ матеріаловъ, вносимыхъ въ организмъ процессомъ питанія и дыханія. Эти-то пищевые матеріалы и суть истинные запасы

[1]) Ibid. .S 41—48.

потенціальныхъ силъ, скопленныхъ изъ силъ, распространяемыхъ солнцемъ, и которые всегда могутъ превратиться въ организмѣ въ живыя дѣйствующія силы. Всякое физическое движеніе въ организмѣ—будетъ-ли это скрытое химическое движеніе, будетъ-ли это предполагаемая вибрація молекюлей нервной системы или наконецъ мускульное сокращеніе — совершается не иначе, какъ потребляя данное количество живыхъ силъ, почерпаемыхъ всѣми частями организма изъ общаго ихъ источника,—изъ массы крови. Распредѣленіе этихъ *запасныхъ* силъ по организму и переработка ихъ въ *живыя дѣйствующія* силы совершается или само собою, по законамъ организма, или подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, или, наконецъ, подъ вліяніемъ *произвола*, направляющаго эту переработку силъ въ ту или другую область психофизической дѣятельности.

14. До сихъ поръ намъ остается только соглашаться съ Фехнеромъ и быть ему благодарными за то, что онъ помогъ намъ ясно выразить прекрасную и чрезвычайно плодовитую мысль новой науки; но мы не можемъ не видѣть, что онъ уходитъ далѣе того, чѣмъ позволяетъ сила факта, когда утверждаетъ, что *никакая* душевная дѣятельность не можетъ совершаться иначе, какъ черезъ посредство потребленія физическихъ силъ. Для этого слѣдовало-бы доказать, что никакая психофизическая дѣятельность не можетъ совершаться внѣ нервныхъ движеній: но развѣ это доказано? Развѣ физіологическіе факты хватаютъ такъ далеко, чтобы мы могли вывести изъ нихъ такое положительное заключеніе? Здѣсь, какъ мы думаемъ, остается большое мѣсто вѣрованіямъ, а если матеріалистъ считаетъ себя вправѣ думать такъ, то идеалистъ имѣетъ такое же полное право вѣрить иначе. Мы-же, не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, обратимъ вниманіе читателя только на одно, но за то очень важное противорѣчіе, скрывающееся въ этой теоріи органическихъ движеній, какъ она разъяснена Фехнеромъ.

15. Фехнеръ признаетъ, что произволъ души можетъ измѣнять нормальный ходъ переработки живыхъ силъ изъ силъ запасныхъ: можетъ ускорять этотъ процессъ, можетъ направлять его такъ или иначе; но, спрашивается, нужны ли душѣ тѣ же физическія силы для того, чтобы оказать такое вліяніе на выработку физическихъ силъ, ихъ распредѣленіе и потребленіе въ тѣхъ или другихъ психофизическихъ дѣятельностяхъ? Другими словами: для того, чтобы поднять руки, необходима физическая сила; эта физическая сила почерпается окончательно изъ пищи и количество силы, потребленное этимъ движеніемъ, совершенно соотвѣтствуетъ количеству убыли этой силы изъ пищеваго запаса; но для того, чтобы направить этотъ процессъ превращенія силъ произвольно въ руку или ногу, или употребить его на мозговую дѣятельность, нужна ли душѣ также сила и если эта сила физическая, то почерпается-ли она изъ того же общаго запаса физическихъ силъ? Вотъ вопросъ, который нужно было-бы разрѣшить этой теоріи, но котораго она не разрѣшила. Если произволъ есть тоже физическая сила, почерпаемая изъ того же источника, то откуда же берется власть этой произвольной силы

надъ другими силами и почему одна эта сила, въ которую можетъ быть обращена всякая другая, вдругъ получаетъ не только возможность произвольнаго выбора между движеніями, но и *власть* распоряжаться направленіемъ всѣхъ прочихъ силъ, выработанныхъ изъ одного съ нею источника? Словомъ, вопросъ, раздѣляющій жизнь души отъ жизни тѣла, остается во всей своей таинственности, которая нисколько не разрѣшится оттого, если мы свяжемъ два слова въ одно и станемъ, слѣдуя Фехнеру, повсюду употреблять терминъ «*психофизическій*». Этотъ терминъ только закроетъ для насъ пробѣлы въ нашемъ знаніи, но не пополнитъ ихъ; а такое закрываніе мы считаемъ, во всякомъ случаѣ, вреднымъ.

16. Здѣсь мы перестанемъ уже слѣдовать за Фехнеромъ, такъ-какъ онъ самъ впадаетъ въ замѣтную темноту, не рѣшаясь пристать ни къ идеализму, ни къ матеріализму. Если онъ намъ говоритъ напримѣръ, что «мысль также не можетъ быть думаема съ данною напряженностью безъ того, чтобы не разорвалась данная живая сила въ подлежащихъ ей движеніяхъ, какъ сила не можетъ развиться безъ того условія, чтобы мысль была думаема съ данною напряженностью [1])», — то мы видимъ только въ этомъ темную мысль, которая темна именно потому, что скрываетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе. Чтобы разъяснить именно это противорѣчіе, на которомъ Фехнеръ останавливается, мы обратимся лучше къ замѣчательной попыткѣ прямо объяснить самый произволъ изъ дѣйствія физическихъ силъ, попыткѣ, сдѣланной Бэномъ и которую мы критически разберемъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же скажемъ въ заключеніе, что мы вполнѣ признаемъ, вмѣстѣ съ Фехнеромъ, совершенную необходимость физическихъ силъ для всякаго рода скрытыхъ и открытыхъ движеній организма, а также и то, что душа наша не можетъ творить этихъ силъ, но можетъ распоряжаться ихъ тратою. Въ первой части нашей антропологіи, въ главахъ, посвященныхъ разъясненію процессовъ ощущенія, памяти и воображенія, мы показали уже необходимость признать участіе нервной системы, или ближе, ея предполагаемыхъ движеній во всѣхъ этихъ процессахъ. Слѣдовательно, на сколько мы признаемъ участіе нервныхъ движеній въ психическихъ актахъ, на столько же признаемъ въ этихъ актахъ и участіе, выработку и трату физическихъ силъ, почерпаемыхъ изъ общаго запаса физическихъ силъ въ процессѣ питанія.

Познакомившись съ физической теоріей тѣлесныхъ движеній, взглянемъ теперь, какъ воспользовался ею Бэнъ для психологическихъ выводовъ.

---

[1]) Ibid. S. 44.

ГЛАВА XXXII.

Физiологическое объясненiе произвола движенiй.

1. Наблюдая надъ движенiями, совершающимися въ нашемъ организмѣ или совершаемыми имъ, мы легко замѣтимъ рѣзкое различiе въ этихъ движенiяхъ [1]). Однѣ изъ нихъ совершаются сами собою, не только помимо нашей воли, но даже помимо нашего сознанiя, какъ напр. движенiя желудка, отчасти бiенiе сердца и т. п.; другiя движенiя совершаются помимо нашей воли, хотя, обращая на нихъ вниманiе, мы можемъ сознавать ихъ и можемъ, если захотимъ, имѣть на нихъ болѣе или менѣе замѣтное произвольное влiянiе, таковы: дыханiе, миганiе, зѣвота, судорожныя и вообще рефлективныя движенiя всякаго рода, невольно возникающiя при какихъ нибудь волненiяхъ души. Третьяго рода движенiя мы совершаемъ произвольно. Но, спрашивается, чѣмъ-же существенно отличаются *произвольныя* движенiя отъ рефлективныхъ или *непроизвольныхъ*? Существенную, непереходимую черту между ними кладетъ единственно *чувство усилiя*: для того, чтобы произвести произвольное движенiе, мы употребляемъ замѣтное для насъ усилiе, тогда-какъ движенiя непроизвольныя происходятъ сами собою, не только безъ всякаго замѣтнаго усилiя съ нашей стороны, но даже такъ, что мы, напротивъ, должны употребить замѣтное усилiе, если захотимъ задержать, или остановить ихъ, какъ напримѣръ, для того, чтобы задержать зѣвокъ, невольный смѣхъ, не мигнуть глазомъ и т. п. На основанiи присутствiя или отсутствiя этого особеннаго *чувства усилiя*, и только на этомъ *единственномъ* основанiи, мы отдѣляемъ движенiя произвольныя отъ непроизвольныхъ. Какъ ни проста эта мысль; но если-бы мы, говоря о произволѣ, всегда удерживали въ памяти этотъ *фактъ* нашей природы, послужившiй точкою отправленiя нашихъ понятiй о произволѣ, то избѣжали-бы множества ошибокъ въ нашихъ сужденiяхъ. Однакоже психологи матерiалистическаго направленiя сдѣлали попытки обойти этотъ, всѣмъ доступный фактъ.

2. Бэнъ, принявшiй вполнѣ теорiю происхожденiя физическихъ силъ изъ общаго источника, солнца, и ихъ перехода изъ одной формы дѣятельности въ другую, какого-бы рода эта дѣятельность ни была,—называемъ-ли мы ее физическою или душевною,—признаетъ также, что *чувство усилiя* сопровождаетъ наши произвольныя движенiя; но не придаетъ этому факту никакого существеннаго значенiя: онъ полагаетъ, что это чувство *только сопровождаетъ* токъ, идущiй по нервамъ изъ мозговаго центра въ мускулы и возбуждающiй ихъ къ дѣятельности [2]). Почти то же мнѣнiе выражаетъ и Милль, который полагаетъ, что чув-

---

[1]) Пед. Антр. Ч. I. Гл. XII п. 2—9.

[2]) The Senses and the Intellect. p. 92.

ство усилія есть, вѣроятно, состояніе нервнаго ощущенія, начинающееся и оканчивающееся въ мозгу» [1]).

3. Однакоже, оба эти писателя, равно какъ и другіе, придерживающіеся того-же мнѣнія, не потрудились намъ объяснить, почему-же одни токи, возбуждающіе рефлективныя движенія, не сопровождаются чувствомъ усилія, а другіе, точно также идущіе изъ мозга къ мускуламъ, но вызывающіе движеніе, которое всякій человѣкъ называетъ произвольнымъ, сопровождаются этимъ чувствомъ. Если-бы чувство усилія было ничто иное, какъ ощущеніе тока, бѣгущаго изъ мозговаго центра къ периферіи нервной системы, то оно должно-бы ощущаться и тогда, когда мы невольно выполняемъ какое-нибудь движеніе только потому, что образъ этого движенія отразился въ нашемъ сознаніи; а этого мы не замѣчаемъ.

4. Бэнъ, впрочемъ, не только признаетъ существованіе чувства усилія, но не отказываетъ ему и во вліяніи на возбужденіе дѣятельности двигательныхъ нервовъ. Онъ только не видитъ необходимой причинной связи между сознаніемъ и чувствомъ усилія, т. е., другими словами, думаетъ, что чувство усилія есть только пассивное ощущеніе того, что̀ само собою происходитъ въ нервахъ при движеніи по нимъ нервныхъ токовъ. Бэнъ задаетъ себѣ вопросъ: есть ли сознаніе, которымъ сопровождается усиліе, единственное обстоятельство, предшествующее усилію и дающее силу, выражаемую мускульной системой, которая дѣлаетъ чувствующее существо первымъ механическимъ двигателемъ,— и отвѣчаетъ отрицательно на этотъ сложный вопросъ, на одну часть котораго слѣдовало-бы отвѣчать отрицательно, а на другую положительно. «Сознаніе, говоритъ онъ, присутствуетъ при этомъ, но только какъ акомпаниментъ матеріальнаго организма въ его активныхъ операціяхъ» [2]). «Органическая энергія, говоритъ онъ далѣе, есть общій и основной фактъ; сознаніе-же — фактъ случайный и акцессуарный, только связанный съ первымъ. Организмъ долженъ быть постоянно пополняемъ пищею, чтобы пополнять траты, производимыя отправленіями воли. Когда земледѣлецъ выходитъ утромъ пахать поле, то онъ находится подъ вліяніемъ воли и въ этой волѣ есть извѣстное сознаніе—назовите это усиліемъ, волею, или чѣмъ нибудь другимъ, — но не само по себѣ сознаніе побуждаетъ земледѣльца браться за плугъ. Сильное изліяніе мускульной и нервной энергіи, происходящее, въ концѣ концовъ, отъ хорошо переваренной пищи и здоровое дыханіе — вотъ настоящіе источники, истинные предшественники всей этой мускульной силы» [3]). «Превращеніе пищи и тканей есть условіе sine qua non. а сознаніе есть только случайная принадлежность (the accidental part)» [4]).

---

[1]) Mill's Logic P. I. p. 387—389. Пед. Антр. Ч. I. гл. XXXIX п. 5.

[2]) Bain. The Will. p. 474.

[3]) Ib. p. 475.

[4]) Ib. p. 476.

5. Чтобы понять всю невозможность такого отдѣленія усилія отъ сознанія и такого превращенія воли въ чисто пассивное ощущеніе душою накопленія и изліянія нервной энергіи, для этого достаточно придать мысли Бэна всѣ тѣ послѣдствія, которыя изъ нея необходимо вытекаютъ. Если сознаніе усилія есть только случайная, несущественная принадлежность акта воли; если сознаніе есть только акомпаниментъ матеріальныхъ операцій организма въ его активныхъ отправленіяхъ, то естественно, что этотъ акомпаниментъ можетъ умолкнуть и активныя операціи организма, тѣмъ не менѣе, будутъ продолжаться. Предположимъ же себѣ, что это дѣйствительно случилось и что въ земледѣльцѣ, выходящемъ пахать поле, акомпаниментъ сознанія замолкъ и самое сознаніе погасло. Принимая теорію Бэна, мы должны признать, что земледѣлецъ тѣмъ не менѣе будетъ отправлять свое дѣло, будетъ и пахать, и сѣять. Мы не имѣемъ никакой причины не продолжить и еще далѣе этого предположенія и не представить себѣ, что во всемъ человѣчествѣ, за исключеніемъ одного человѣка, сознаніе погасло: тогда этотъ человѣкъ, оставшійся одинъ съ сознаніемъ, и не замѣтилъ-бы, что онъ имѣетъ дѣло съ машинами, а не съ людьми. Все и безъ сознанія шло-бы своимъ обычнымъ порядкомъ, какъ идетъ и при сознаніи: города и желѣзныя дороги продолжали-бы строиться, хотя не кому было-бы чувствовать удобствъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ; портные шили-бы теплыя платья, хотя никому не было-бы ни тепло, ни холодно; медики лечили бы больныхъ, не чувствующихъ боли; актеры безъ сознанія играли-бы на сценѣ для ничего невидящихъ зрителей; люди, ничего не чувствующіе и побуждаемые единственно силами пищи, выражающейся въ опредѣленныхъ рефлексахъ, ѣздили-бы на безсознательныхъ лошадяхъ, не чувствующихъ ударовъ кнута, но повинующихся этимъ ударамъ, какъ маріонетка повинуется движенію веревки; словомъ, дѣлалось-бы все тоже, что дѣлается и теперь, только безъ присутствія ненужнаго акомпанимента сознанія, даннаго человѣку такъ себѣ, ради какой-то шутки. Какъ ни страненъ такой выводъ изъ положеній Бэна и другихъ матеріалистовъ, видящихъ во всемъ, что̀ дѣлаетъ человѣкъ, только необходимый *роковой* рефлексъ, по удачному выраженію профессора Сѣченова, но этотъ выводъ совершенно *вѣренъ* и строго *логиченъ*.

6. Результатъ этотъ вдвойнѣ для насъ поучителенъ: во-первыхъ, онъ показываетъ, какъ нелѣпо было-бы предположить, что усиліе, ощущаемое при произвольныхъ движеніяхъ, есть только пассивное ощущеніе душою того, что роковымъ образомъ совершается въ тѣлѣ; а во-вторыхъ, показываетъ намъ очевидно, что единственный путь для изученія душевныхъ явленій есть путь психологическаго *самонаблюденія*, а не физіологическаго *наблюденія*. Для *наблюденія* всякій человѣкъ есть машина, кромѣ того, который наблюдаетъ; только для *самонаблюденія* человѣкъ перестаетъ быть машиной и дѣлается существомъ, дѣйствующимъ сознательно и произвольно. Декартъ думалъ, что всѣ животныя суть машины, которыя только кажутся намъ одушевленными; но, оста-

ваясь вѣрнымъ точкѣ своего отправленія, онъ долженъ былъ-бы признать, что всѣ люди—машины, исключая его самого и только для него-же самого; онъ долженъ былъ-бы придти къ заключенію, что не только животныхъ, но и людей мы считаемъ одушевленными единственно по аналогіи; а дѣйствительно, фактически, узнаемъ объ одушевленности только въ самихъ себѣ.

7. Впрочемъ, въ нѣкоторое оправданіе Бэна, мы должны сказать, что онъ не совсѣмъ выпустилъ изъ виду странность выводовъ, слѣдующихъ необходимо изъ опредѣленія сознанія чѣмъ-то случайнымъ и лишнимъ во всѣхъ активныхъ процессахъ организма. Нѣсколько ниже, и въ противорѣчіе съ самимъ собою, онъ говоритъ, что «сознаніе, безъ сомнѣнія, есть власть, опредѣляющая, какое дѣйствіе между многими возможными должно имѣть мѣсто, или въ какой точкѣ должна проявиться общая энергія. Но сама эта общая энергія есть атрибутъ, присущій нервнымъ центрамъ и мускуламъ напитаннымъ, свѣжимъ и неистощеннымъ. Безъ этого органическаго условія нѣтъ результата, и производимый эффектъ совершенно пропорціоналенъ матеріальной тратѣ силъ и совершенно не пропорціоналенъ душевному раздраженію. Произвольныя дѣйствія отличаются отъ рефлективной и непроизвольной дѣятельности направляющимъ вмѣшательствомъ чувства произведенія этой дѣятельности, и это явленіе, во всякомъ случаѣ, замѣчательно. Но однако же мы называемъ его *особеннымъ* и *исключительнымъ*, даже въ человѣческой организаціи, тогда-какъ представлять его какъ механическую силу, происходящую изъ чистаго сознанія, есть ошибка».

8. Мы можемъ только пожалѣть, что такой проницательный психологъ, какъ Бэнъ, увлекаемый міросозерцаніями своей партіи болѣе, чѣмъ своими собственными наблюденіями, не былъ достаточно остановленъ «такимъ особеннымъ и исключительнымъ» психическимъ фактомъ. Если-бы онъ обратилъ на него безпристрастное вниманіе, то увидѣлъ-бы, что онъ не такой особенный и исключительный, не какая-то неважная странность въ человѣческой природѣ, но именно то, на чемъ строится сущность этой природы. Никто и не представляетъ себѣ, чтобы душа могла быть источникомъ физическихъ силъ. Но невозможно отвернуться отъ того факта, что душа, со своею сознательною и чувствующею дѣятельностью, даетъ направленіе физическимъ силамъ. Самою собою разумѣется, что безъ физическихъ силъ не можетъ быть физическаго движенія и что физическое движеніе можетъ быть вызвано физическими-же силами и безъ участія сознанія; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы крестьянинъ, потерявшій сознаніе, могъ продолжать пахать поле. Самое простое, ясное и всякому доступное самонаблюденіе убѣждаетъ каждаго, что равновѣсіе физическихъ силъ организма можетъ быть нарушено не только физическими причинами, но и душою, которая не творитъ физическихъ силъ, но даетъ направленіе процессу ихъ выработки, и черезъ то вызываетъ движеніе въ тѣхъ мускулахъ, въ какихъ она хочетъ, и то движеніе, какое она хочетъ, и что наконецъ, именно этимъ, а не

чѣмъ-нибудь другимъ, мы отличаемъ въ насъ дѣйствія непроизвольныя отъ дѣйствій произвольныхъ. Въ первыхъ, т. е. *непроизвольныхъ*, нарушеніе равновѣсія физическихъ силъ, ихъ направленіе къ тѣмъ или другимъ мускуламъ и тѣмъ или другимъ волокнамъ мускуловъ, хотя-бы и сознаваемое душою, опредѣляется причинами, для нея внѣшними, причинами физическими; а во вторыхъ, т. е. *произвольныхъ*, опредѣляется причинами для нея внутренними, т. е. душевными.

9. Такимъ образомъ, безпристрастный психологъ долженъ признать въ душѣ источникъ особой силы, не физической, и которая не можетъ замѣнить собою силъ физическихъ, но, тѣмъ не менѣе, можетъ нарушать равновѣсіе этихъ силъ въ организмѣ и давать направленіе процессу ихъ выработки. Сама по себѣ душа не можетъ, конечно, передвинуть чего-бы то ни было въ матеріальномъ мірѣ, ничего, кромѣ физическихъ силъ организма, а черезъ нихъ можетъ уже передвигать и другіе матеріальные предметы. Если этотъ фактъ кажется намъ непостижимымъ, то это еще не причина, чтобы мы должны были отъ него отвернуться, или строить для объясненія его странныя гипотезы, по которымъ сознаніе является лишнимъ въ мірѣ человѣческой дѣятельности.

10. Утвержденіе Бэна, что «движеніе совершенно пропорціанально матеріальной потерѣ и совершенно не пропорціанально душевному раздраженію», также не вполнѣ справедливо. Самый сильный человѣкъ, не *имѣя желанія* двигаться, останется безъ движенія, пока чрезмѣрный избытокъ силъ не пробудитъ въ душѣ его тяжелаго ощущенія, и это тяжелое *ощущеніе*, а не самый избытокъ силъ, заставитъ человѣка двинуться. Если-бы въ эту минуту человѣкъ потерялъ сознаніе, то избытокъ силъ произвелъ-бы не движеніе, а другія явленія въ организмѣ, быть можетъ, быстрѣйшее его разложеніе, что и замѣтно на трупахъ людей, застигнутыхъ смертью внезапно, въ полнотѣ силъ и въ разгарѣ дѣятельности, какъ напр. въ битвѣ. Сила движенія, конечно, пропорціональна тратѣ физическихъ силъ; но вызвать эту трату, и именно въ опредѣленномъ мѣстѣ, можетъ душа, и чѣмъ сильнѣе будетъ раздраженіе души, тѣмъ сильнѣе будетъ процессъ выработки силъ въ опредѣленномъ направленіи. Вотъ въ чемъ заключается пропорціональность траты физическихъ силъ съ раздраженіемъ души, и это вліяніе души можетъ быть такъ громадно, что она для произведенія желаемыхъ ею движеній можетъ извлекать изъ тѣла даже такія силы, которыя ему совершенно необходимы для продолженія его нормальной растительной жизни. Развѣ каждый изъ насъ не можетъ довести свое тѣло до страшнаго истощенія силъ, которое обнаружится потомъ такъ называемымъ упадкомъ всѣхъ силъ? Развѣ не было, наконецъ, примѣровъ, что человѣкъ чрезмѣрными усиліями до того истощаетъ себя, что надрывается и погибаетъ? Физическихъ силъ душа не можетъ дать организму, но можетъ извлечь ихъ изъ организма и извлечь до того, что самая растительная жизнь его становится невозможною. Это-же явленіе было-бы совершенно невоз-

можно, если-бы душа только безучастно сознавала выработку, распредѣленіе и трату физическихъ силъ, не оказывая на этотъ процессъ никакого вліянія. Да и вообще, если-бы душа и организмъ были *одною* машиною, то такое надрываніе тѣла душою было-бы невозможно. Можемъ ли мы представить себѣ электрическую машину, которая надорвала-бы сама себя собственными своими усиліями? Только упорная вѣра, потемняющая разсудокъ, можетъ заставить закрывать глаза на такіе ясные факты. Намъ могутъ замѣтить, что слова «раздраженіе души» слѣдуетъ замѣнить словами «раздраженіе мозга»; но мы уже отвѣчали на это возраженіе [1]) и просимъ читателя припомнить этотъ отвѣтъ. Если-бы чувство усилія вызывалось мѣстнымъ раздраженіемъ мозга, то оно вызывалось-бы и при рефлективныхъ движеніяхъ, а въ нихъ-то именно, гдѣ движеніе и объясняется раздраженіемъ центральныхъ органовъ мозга, мы не замѣчаемъ чувства усилія, а, напротивъ, именно непріятное чувство раздраженія, привлекающее къ себѣ физическія силы, и невольному приливу которыхъ мы не можемъ противиться. Наконецъ замѣтимъ, что физіологія нигдѣ не проводитъ той черты между одной и другой частью нервнаго организма, которая могла-бы, хотя сколько-нибудь, объяснить возможность такого антагонизма, какой мы безпрестанно замѣчаемъ между силою душевною и силою физическою.

11. Соединимъ же теперь въ нѣсколькихъ словахъ сдѣланные нами выводы. Безъ организма и пищи нѣтъ питанія; безъ питанія нѣтъ въ организмѣ физическихъ силъ; безъ физическихъ силъ нѣтъ *возможности* физическихъ движеній. Но эта возможность не перейдетъ еще въ дѣйствительность, если равновѣсіе физическихъ силъ въ организмѣ не будетъ нарушено, если процессъ ихъ переработки изъ формы скрытыхъ силъ въ форму открытыхъ движеній не будетъ вызванъ *какою нибудь причиною*. Этою причиною могутъ быть или другія физическія силы, или нефизическая сила души. Подъ вліяніемъ первыхъ причинъ происходятъ дѣйствія автоматическія или рефлективныя, которыя могутъ иногда сознаваться душою, иногда не сознаются ею, но принципъ которыхъ, во всякомъ случаѣ, лежитъ *внѣ* души. Къ этимъ автоматическимъ или, лучше сказать, полурефлективнымъ движеніямъ мы относимъ не только дыханіе, миганіе, судороги и т. п. полурефлективныя движенія, которыя, хотя сознаются душою, но совершаются помимо ея воли, но также и тѣ невольныя движенія, которыя невольно вызываются въ тѣлѣ душевными чувствованіями и о которыхъ мы говорили въ главахъ о воплощеніи чувствъ и нервномъ сочувствіи. Въ отношеніи этихъ послѣднихъ движеній мы вполнѣ признаемъ объясненіе Мюллера, что представленіе, отразившись въ нервной системѣ, само собою вызываетъ черезъ нее движеніе мускуловъ, каковы: зѣвота, неудержимый смѣхъ, неудержимыя слезы, неудержимый крикъ и т. п. Но кромѣ этихъ рефлектив-

[1]) Пед. Антр. ч. I, гл. XXXV.

ныхъ и полурефлективныхъ, непроизвольныхъ движеній есть еще и такія, *средствами* которыхъ являются тѣ же физическія силы и ихъ передвиженіе и преобразованіе; но *причиною* самихъ этихъ передвиженій и преобразованій является не что-нибудь, лежащее внѣ души, но сама душа. Для того же, чтобы направлять процессъ выработки физическихъ силъ, душа сама должна имѣть особую силу. Эта сила не имѣетъ никакого вліянія ни на что другое въ матеріальномъ мірѣ, какъ только на направленіе процесса выработки физическихъ силъ, и *эту-то силу души мы называемъ волею*.

12. Для избѣжанія недоразумѣній, мы считаемъ необходимымъ напомнить читателю ту возможность перехода произвольныхъ движеній въ непроизвольныя, на которую мы указали въ первой части нашей антропологіи, въ главахъ о привычкѣ [1]). Значеніе привычки въ области человѣческой дѣятельности въ томъ именно и состоитъ, что дѣйствіе, совершавшееся сначала произвольно, можетъ, отъ частаго повторенія, совершаться потомъ *почти* непроизвольно, такъ-что, какъ справедливо замѣчаетъ Мюллеръ, стоитъ только извѣстному представленію отразиться въ нашей нервной системѣ, чтобы вызвать въ ней, помимо нашей воли, соотвѣтствующее этому представленію движеніе въ мускулахъ. Тоже самое, что показалъ Мюллеръ въ отношеніи *привычнаго* дѣйствія представленій, Бэнъ прекрасно разъяснилъ въ отношеніи *привычнаго* дѣйствія чувствованій и желаній [2]). Дѣйствіе, которому мы выучились подъ вліяніемъ какого-нибудь чувствованія и опредѣляемаго имъ желанія, выучились медленнымъ и сознательныхъ путемъ удачныхъ и неудачнымъ опытовъ, можетъ превратиться потомъ въ *рефлексъ*, возбуждаемый мгновенно, какъ только пробудится въ душѣ нашей то чувство и то желаніе, подъ вліяніемъ которыхъ мы выучились этому движенію или даже иногда очень сложной системѣ движеній. Признавая вполнѣ справедливость этихъ наблюденій, мы указываемъ только на необходимость различать дѣйствія рефлективныя отъ дѣйствій произвольныхъ и между самыми рефлексами различать рефлексы, установленные уже природою. отъ рефлексовъ, установленныхъ привычкою. Видя энергическій зѣвокъ, мы зѣваемъ вовсе не по привычкѣ, точно также, какъ не по привычкѣ мы сострадаемъ, и не по привычкѣ предаемся паническому страху. Разборъ *физіологической* теоріи акта воли помогъ намъ уяснить физическую сторону этого акта: *механическая* теорія воли, принадлежащая Гербарту, поможетъ намъ уяснить психическую сторону того же акта.

---

[1]) См. Пед. Антр. ч. I. гл. XIII.

[2]) Bain. The Will p. 394.

ГЛАВА XXXIII.

Механическая теорія воли.

1. Физіологическая теорія воли преимущественно разсматриваетъ актъ воли со стороны его выполненія въ физическихъ движеніяхъ; механическая же теорія почти совершенно выпускаетъ эту сторону изъ виду, а занимается исключительно тѣми психическими явленіями, которыя должны совершиться въ душѣ для того, чтобы актъ воли произошелъ. Показавъ же невозможность произвольныхъ движеній безъ участія души, мы теперь естественно должны вникнуть, въ чемъ состоитъ это участіе души въ актѣ воли, и лучшимъ средствомъ для этого находимъ критическій разборъ механической теоріи воли, представителями которой являются для насъ Гербартъ, Бенеке и ихъ послѣдователи.

2. Ставя вообще слишкомъ низко участіе физіологическихъ законовъ въ психическихъ явленіяхъ, Гербартъ почти не останавливается надъ таинственною властью души, выражающеюся въ произвольныхъ движеніяхъ тѣла. «Движенія членовъ тѣла, говоритъ онъ, и чувство этихъ движеній суть взаимно связанныя состоянія тѣла и души. Если съ чувствомъ соединено еще какое нибудь представленіе или движущагося члена, или какого нибудь внѣшняго предмета, то возбужденіе этого представленія непосредственно вызываетъ воспроизведеніе даннаго чувствованія и соотвѣтствующаго ему движенія, если только нѣтъ къ тому какихъ либо препятствій. Для произведенія движенія не требуется вовсе, чтобы представленіе было въ состояніи желанія. Оно и безъ этого непосредственно будетъ сопровождаться дѣйствіемъ. Такъ дѣйствуютъ дѣти и животныя; только взрослый можетъ удержаться отъ дѣйствія, подъ вліяніемъ другихъ массъ представленій» [1]). Изъ этого видно, что Гербартъ считаетъ произволъ движеній чѣмъ-то пріобрѣтеннымъ и полагаетъ, что вначалѣ всѣ движенія непроизвольны, т. е. рефлективны. Какъ только представленіе движенія отразится въ сознаніи, такъ оно и выполнится тѣломъ; только уже впослѣдствіи, какъ у человѣка набираются массы противоположныхъ представленій, сознаваемое представленіе можетъ быть удержано отъ немедленнаго и непосредственнаго выполненія. Это замѣчаніе имѣетъ свою вѣрную и весьма важную для педагога сторону, такъ-какъ объясняетъ многое въ поступкахъ дѣтей. Но, тѣмъ неменѣе, мы должны замѣтить, что въ движеніяхъ младенца и даже въ движеніяхъ животныхъ низшаго порядка замѣтны, какъ справедливо говоритъ Фортлаге, и нерѣшительность, и поправка, показывающія, что и въ животномъ не всякое представленіе движенія немедленно и непосредственно переходитъ въ движеніе и что и въ нихъ также есть противодѣйствующія массы представленій. Вотъ почему мы не согласны ни съ Гербартомъ, ни съ Вайтцомъ, когда они, начиная изложеніе своей теоріи

---

[1]) Schriften zur Psychologie v. Gerbart. Erst Th. § 218.

образованія желаній и воли, прежде всего исключають животное изъ этой теоріи желаній, приписывая желанія только человѣку [1]), Это отчасти справедливо и напоминаетъ психологическое воззрѣніе Платона на тотъ же предметъ; но въ такомъ случаѣ слѣдовало придумать особое названіе для явленій аналогическихъ у животныхъ. Ни воспоминаніе, исходящее изъ *идеи*, ни желанія, исходящія изъ *самосознанія*, невозможны для животныхъ, какъ мы увидимъ это ниже, но тѣмъ не менѣе и у животныхъ есть и воспоминанія, и желанія.

3. Выводя желаніе изъ хода и борьбы представленій, Гербартъ говоритъ: «предположимъ себѣ, что представленіе, непосредственно сопровождаемое дѣйствіемъ, есть *d* въ ряду представленій *a*, *b*, *c*, *d*.... Если это дѣйствіе не находитъ во внѣшнемъ мірѣ никакого препятствія, то оно выполняется непримѣченнымъ и рядъ представленій переходитъ въ сознаніи къ слѣдующимъ затѣмъ представленіямъ: *e*, *f* и т. д., какъ будто бы не случилось никакого дѣйствія. Такъ совершаются движенія глазнаго яблока и по большей части движенія органа рѣчи [2]), тогда какъ движенія рукъ и ногъ, по причинѣ тяжести этихъ членовъ, принадлежатъ уже къ слѣдующему случаю».

«Если дѣйствіе встрѣчаетъ препятствіе во внѣшнемъ мірѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно затрудняетъ и появленіе чувства (Gefühl), принадлежащаго дѣйстію, а черезъ то затрудняетъ и представленіе *d*. Но такъ какъ *d* слито съ остаткомъ отъ *c*, съ меньшимъ остаткомъ отъ *b* и еще меньшимъ остаткомъ отъ *a*, и такъ какъ, смотря по различной величинѣ этихъ остатковъ, различна и быстрота ихъ дѣйствія, каждому изъ нихъ свойственная, то при остановкѣ ряда представленій и маленькіе остатки имѣютъ достаточно времени, чтобы дѣйствовать какъ помогающія силы на *d* и въ тоже время взаимно усиливаться силами другъ друга. Если бы не было никакого затрудненія, то *c* подѣйствовало бы на *d* самымъ быстрымъ образомъ и маленькіе остатки не имѣли бы никакого вліянія, такъ-какъ все, что они могли бы сдѣлать, было бы уже сдѣлано и безъ нихъ. Если же препятствіе уступаетъ содѣйствію *b*, то *a* не достигаетъ возможности оказать помощь. Если же препятствіе не уступаетъ, то каждый членъ цѣпи представленій, сколько бы ихъ тамъ ни было, придаетъ свою силу общей дѣятельности. Во все время, пока это продолжается, всѣ члены ряда представленій до *d* находятся въ состояніи желанія; въ то же мгновеніе, когда вся сила всѣхъ соединенныхъ вспомоществованій напряжена, а препятствіе еще не уступаетъ, желаніе переходитъ въ непріятное чувство».

«Все это, продолжаетъ Гербартъ, легко повѣрить на опытѣ. Обыкновенное дѣйствіе, напримѣръ, открытіе двери, если мы при этомъ не

[1]) Lehrb. der. Psych. v. Waitz. § 40.

[2]) Дѣйствія эти дѣйствительно легки, а главное *привычны*; но при большой потерѣ силъ человѣкъ ясно ощущаетъ, какъ трудно ему говорить, и замѣчаетъ по *усилію*, во что обходятся эти движенія его организму.

встрѣчаемъ никакого особеннаго препятствія, совершается нами такъ, что мы его *почти* (?) не замѣчаемъ, и при этомъ ходъ нашихъ мыслей не нарушается. Если же дверь намъ противится, то мы употребляемъ болѣе усилія и при этомъ все сильнѣе и сильнѣе желаемъ, чтобы дверь отворилась. Если же всѣ наши старанія тщетны, то желаніе уступаетъ мѣсто недовольству, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока не придутъ новые ряды мыслей, совершенно изъ другой области» [1]).

4. Если мы хотѣли бы выяснить подобіемъ возрастаніе чувства желанія, когда оно не удовлетворяется, то не могли бы выбрать подобія лучше того, какое представляетъ намъ Гербартъ. Но, тѣмъ не менѣе, все же это только подобіе, удачное сравненіе, но не самое дѣло, и всякъ изъ насъ вправѣ спросить, что это за остатки представленій, которыя не вошли въ сознаніе, но подталкиваютъ то представленіе, которое въ немъ находится и не можетъ ни выйдти изъ сознанія, ни перейти въ исполненіе? Этихъ остатковъ мы не чувствуемъ въ себѣ, да и сознавать не можемъ, такъ-какъ они не перешли въ сознаніе. Откуда же, спрашивается, взялъ ихъ Гербартъ? Какъ онъ извлекъ ихъ изъ безсознательной и недоступной сознанію области души? Кромѣ того, въ этой теоріи рожденія желаній, мы находимъ противорѣчіе съ теоріей того же Гербарта, объясняющей рожденіе чувствованій. Тамъ взаимодѣйствіе представленій порождало чувствованія, а здѣсь мы видимъ, что изъ чувствованія, сопровождающаго дѣйствіе, порождается представленіе, ибо отъ невозможности имѣть это чувствованіе зависитъ невозможность возникнуть представленію въ сознаніи. Но не наоборотъ-ли: не потому ли и возбуждается въ насъ желаніе, что представленіе того, что намъ пріятно, въ насъ есть, а самого чувства пріятности нѣтъ, такъ какъ представленіе, оставаясь только представленіемъ, не удовлетворяетъ еще живущему въ насъ стремленію? Чѣмъ ярче представляю я себѣ пищу, которая могла бы удовлетворить мой голодъ, тѣмъ сильнѣе во мнѣ желаніе этой пищи. Ясно, что тутъ одного представленія недостаточно и что желаніе возникаетъ не изъ того только, что ходъ представленій остановился. Какъ бы ни отдѣляли Гербартъ и гербартіанцы чувственныя стремленія отъ *желаній*, но всякій изъ насъ ясно сознаетъ, что безчисленное число нашихъ желаній возникаетъ и поддерживается именно изъ чувственныхъ стремленій и окончательно изъ тѣлесныхъ потребностей. Напрасно Вайцъ усиленно называетъ желаніе явленіемъ душевнымъ и ссылается въ этомъ случаѣ на Платона [2]). Платонъ дѣйствительно говоритъ устами Сократа, что всякое желаніе свойственно только душѣ, такъ какъ желаніе возможно единственно при воспоминаніи бывшаго удовлетворенія, а воспоминаніе есть актъ душевный [3]); но этимъ онъ не отрицаетъ вліянія тѣлесныхъ стремленій на

[1]) Schr. zur Psych. von Herbart. Erst Th. § 219.

[2]) Waitz. § 40. S. 417.

[3]) Phileb ou du plaisire p. 465 и 472.

порожденіе желаній. Конечно, «умъ не допускаетъ, по словамъ Сократа, думать, что наше тѣло имѣетъ жажду или голодъ», но тотъ же самый умъ не допускаетъ насъ думать, что душа можетъ имѣть физическій голодъ и физическую жажду. Слѣдовательно, мы должны принять здѣсь, что душа ощущаетъ тяжелое состояніе тѣла, побуждающее ее желать измѣненія этихъ состояній, если она уже знаетъ, что эти состоянія могутъ быть измѣнены и чѣмъ они могутъ быть измѣнены. Словомъ, желаніе безъ воспоминаній удовлетворенія стремленій невозможно; но точно также невозможно оно и безъ предположенія стремленій, и это относится одинаково ко всѣмъ желаніямъ, будутъ ли то желанія тѣлесныя или духовныя. Мы часто желаемъ какого-нибудь предмета ради лишь того пріятнаго чувства, которое онъ намъ доставлялъ; но всякое пріятное чувство, которое мы вспоминаемъ, возникло въ насъ оттого, что предметъ соотвѣтствовалъ живущимъ въ насъ стремленіямъ. Безъ предположенія стремленій мы не объяснимъ себѣ появленія чувствованія, какъ это мы уже доказали [1]); а безъ появленія чувствованій мы не объяснимъ себѣ ихъ воспоминаній; безъ воспоминанія же разъ испытаннаго чувства—нѣтъ желаній.

5. Видя, такимъ образомъ, полный неуспѣхъ попытки объяснить появленіе желаній изъ механической борьбы представленій, мы, тѣмъ не менѣе, признаемъ за гербартовскою теоріею то достоинство, что она очень хорошо уясняетъ намъ, какъ и почему желаніе, уже разъ зародившееся въ нашей душѣ, крѣпнетъ, усиливается, переходитъ наконецъ въ актъ воли, или слабѣетъ и исчезаетъ. Теорія Гербарта сдѣлала для насъ понятнымъ, почему желаніе на столько сильно, на сколько невыполненіе его является препятствіемъ къ продолженію нашей обычной душевной жизни, и усиливается именно всею силою тѣхъ обычныхъ нашихъ стремленій и представленій, ходъ которыхъ остановленъ этимъ невыполненнымъ желаніемъ. «Если мы представимъ себѣ, говоритъ Гербартъ, вмѣсто одного ряда представленій цѣлую сѣть такихъ рядовъ, которая можетъ распространиться даже на всю область человѣческой мысли, тогда общее, проникающее душу томительное стремленіе (Sehnsucht) къ опущенному предмету можетъ наполнить собою всю душу. Это и есть основная черта *любви*, для которой предметъ ея сдѣлался совершенно необходимымъ и которая содрагается и отвращается отъ каждаго намека на духовное или пространственное отдѣленіе отъ любимаго предмета. Извѣстно, что *любовь* ближе опредѣляется случаями любви (т. е. чѣмъ болѣе мы имѣемъ случаевъ сближаться съ любимымъ предметомъ, тѣмъ болѣе мы его любимъ) и что къ ней примѣшивается многое иное, какъ, напримѣръ, чувственныя побужденія. Но самый простой видъ любви будетъ тотъ, гдѣ она возникаетъ изъ простой *привычки*» [2]).

[1]) См. выше, гл. III.

[2]) Schriften zur Psychol. § 221.

6. Эта послѣдняя замѣтка Гербарта позволяетъ намъ глубже вникнуть въ достоинства и недостатки его системы. Всякій изъ насъ ясно сознаетъ, что любовь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и порождаемое ею желаніе, не есть только привычка, и до того непривычка, что другіе писатели, впадая въ крайность, говорятъ даже, что съ установленіемъ привычки любовь прекращается. Всмотрѣвшись же мы увидимъ, что въ этой сложной страсти есть нѣчто похожее на привычку, но есть и то, чего нельзя назвать привычкою. Изъ одной привычки не выйдетъ любви: для этого необходимы и чувственныя побужденія, и эстетическія стремленія, и стремленія къ общежитію. Но дѣйствительно только привычка вращаться мысленно все болѣе и болѣе въ одномъ кругу создаетъ настоящую страсть любви. Чѣмъ болѣе накопится въ насъ представленій, обусловленныхъ *чувствомъ влеченія* къ одному и тому же предмету, тѣмъ прочнѣе и могущественнѣе заляжетъ въ душѣ нашей чувство любви къ этому предмету. Но самое влеченіе къ предмету, которое именно и насоздавало множество представленій, связавшихся въ одну обширную страсть, выходитъ изъ того, что данный предметъ удовлетворялъ или обѣщаетъ удовлетворять множеству нашихъ стремленій, начиная отъ самыхъ чувственныхъ и оканчивая самыми высокими и духовными. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ созданіи того сложнаго душевнаго состоянія, которое мы называемъ страстью любви, принимали участіе множество различныхъ факторовъ, которые съ перваго же взгляда легко раздѣляются на два рода: 1) *врожденныя стремленія*, тѣлесныя и духовныя, и 2) *самая дѣятельность* души, которая, будучи побуждаема своимъ врожденнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, насоздавала громадныя вереницы представленій, связавшихся въ одну сѣть, наполнившую собою всю душу и сдерживаемую однимъ центральнымъ звеномъ—представленіемъ любимаго предмета. Но такъ какъ дѣятельность души, сама по себѣ, есть только удовлетвореніе врожденнаго ей стремленія къ дѣятельности, то мы можемъ сказать, что въ созданіи этой страсти любви участвовали окончательно *три* дѣятеля: 1) стремленія тѣлесныя, 2) стремленія духовныя (т. е. эстетическо-нравственныя) и 3) стремленіе души къ дѣятельности.

7. Первые два вида стремленій имѣютъ свое опредѣленное содержаніе: они стремятся *къ одному* и отвращаются *отъ другого*; они хотятъ не всего безразлично, а именно того, къ чему стремятся; они не удовлетворятся *какимъ бы то ни было* представленіемъ или *какимъ бы то ни было* чувствованіемъ или ощущеніемъ, но именно тѣми, недостатокъ которыхъ и составляетъ содержаніе ихъ стремительности. (Голода нельзя удовлетворить водою и жажду сухою пищею, а эстетическихъ стремленій—образами грязными и уродливыми). Совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ предмету удовлетворенія находится стремленіе души къ дѣятельности: въ одномъ этомъ стремленіи душа удовлетворяется *всякою* дѣятельностью, только бы эта дѣятельность давала ей посильную работу. Какихъ бы представленій ни насоздавала себѣ душа, но

если только изъ нихъ образовалась обширная сѣть, то эта сѣть будетъ увлекать къ себѣ душу въ ея работахъ, хотя бы даже представленія, составляющія эту сѣть, были противны другимъ стремленіямъ души— духовнымъ или тѣлеснымъ. Насъ одинаково увлекаетъ какъ тотъ предметъ, который мы сильно любимъ, такъ и тотъ, который мы сильно ненавидимъ. Намъ одинаково трудно не думать какъ о такомъ предметѣ, который чувствомъ любви связалъ вокругъ себя многочисленныя представленія нашей души, такъ и о такомъ, который связалъ такое же количество представленій противоположнымъ чувствомъ—чувствомъ ненависти.

Вотъ объ этомъ-то послѣднемъ образованіи нашихъ чисто уже душевныхъ страстей, въ противоположность тѣлеснымъ и духовнымъ, говоритъ Гербартъ, когда высказываетъ мысль, что любовь въ чистомъ своемъ видѣ есть только привычка, хотя мы уже видимъ теперь, что это вовсе не привычка въ томъ смыслѣ, какой мы придали этому слову въ 1-й ч. нашей Антропологіи.

8. Теперь для насъ ясно, въ чемъ заключается односторонность гербартовской теоріи образованія желаній, а изъ нихъ наклонностей и страстей. Онъ, говоря объ этомъ образованіи, видитъ только однѣ душевныя работы, которыя увлекаютъ къ себѣ душу только тѣмъ, что *ихъ много* и что онѣ сложны, увлекаютъ, слѣдовательно, своею формальною, количественною, математическою стороною, независимо отъ своего специфическаго содержанія. Но, во-первыхъ, говоря объ образованіи желаній, наклонностей и страстей только изъ стремленія души къ дѣятельности, Гербартъ забываетъ самое это стремленіе, которое, однакожъ, одно только можетъ объяснить, почему душа стремится именно въ ту сферу дѣятельности, которая представляетъ ей возможность, въ одно и тоже время, и болѣе обширной, и болѣе легкой дѣятельности. Во-вторыхъ, Гербартъ напрасно это увлеченіе души обширностью ея собственныхъ предварительныхъ работъ называетъ *любовью*; ибо обширная сѣть представленій, проникнутая гнѣвомъ, страхомъ, ненавистью и даже отвращеніемъ, точно также увлекаетъ къ себѣ душу насильственно, какъ и сѣть представленій, проникнутая любовью. Въ-третьихъ, Гербартъ не видитъ, что эти *чисто душевныя* страсти совершенно равнодушны къ своему содержанію и потому могутъ быть *въ своемъ отвлеченіи* названы *формальными* страстями, тогда-какъ содержаніе имъ дается изъ другихъ стремленій, которыхъ не хочетъ видѣть Гербартъ: изъ врожденныхъ человѣку тѣлесныхъ и духовныхъ стремленій, которыя, напротивъ, только потому и стремленія, что въ нихъ сказывается строго опредѣленная потребность тѣла или духа. Въ отношеніи этихъ *формальныхъ желаній* точно также, какъ и въ отношеніи *формальныхъ чувствованій*, теорія Гербарта наиболѣе справедлива; но и здѣсь, какъ въ основѣ тѣхъ, такъ и другихъ, она должна признать существованіе стремленія души къ дѣятельности, безъ чего даже и формальныя страсти, также какъ и формальныя чувствованія, не будутъ понятны.

9. Признавъ могущественное *участіе* стремленія души къ дѣятельности въ образованіи нашихъ желаній, наклонностей и страстей, признавъ, что именно это стремленіе разработываетъ простыя желанія въ сложныя наклонности и страсти, создавая цѣлыя сѣти представленій, возбуждающихъ желаніе или нежеланіе, сѣти, которыя потомъ увлекаютъ душу, уже не своимъ содержаніемъ, а обширностью мѣста, занимаемаго ими въ общемъ содержаніи души, словомъ, одною своею математическою стороною, мы, тѣмъ не менѣе, никакъ не хотимъ сказать, чтобы такія формальныя страсти создавались *одною* дѣятельностью души, *одною* потребностью душевной дѣятельности, и существовали въ своей отдѣльности, не включая въ себя ни результатовъ стремленій чувственныхъ, ни результатовъ стремленій духовныхъ. Такихъ обособленныхъ, совершенно отдѣльныхъ, чисто душевныхъ, чисто созданныхъ и искусственныхъ страстей, которыя не основывались бы ни на стремленіяхъ духовныхъ, ни на стремленіяхъ органическихъ, а только на обширности сѣтей представленій, выплетенныхъ душою, — не существуетъ. Но мы только указываемъ на важный элементъ въ каждой страсти, на тотъ элементъ, который Гербартъ неудачно называетъ привычкою. Это вовсе не привычка: душа прежде всего хочетъ работать и работаетъ тѣмъ содержаніемъ, которое въ ней есть, а если въ этомъ содержаніи души существуетъ какая-нибудь цѣльная органическая сѣть представленій, преодолѣвающая своею обширностью и своимъ вѣсомъ всѣ прочія, а можетъ быть захватившая собою все содержаніе души, то естественно, что въ новыхъ работахъ души будетъ ею руководить спеціальный характеръ этой, *господствующей* сѣти представленій.

10. Воля, по Гербарту, образуется уже изъ желанія. Она есть ничто иное, какъ «желаніе съ представленіемъ достиженія желаемаго» [1]). Въ этомъ опредѣленіи воли мы не видимъ никакого существеннаго отличія ея отъ желанія. Это только вполнѣ сформировавшееся, вполнѣ установившееся въ душѣ желаніе. «Воля, говоритъ одинъ изъ послѣдователей Гербарта, Дрбаль, отличается отъ желанія тѣмъ, во-первыхъ, что оно есть установившееся, многими другими представленіями поддержанное желаніе; а во-вторыхъ, тѣмъ, что оно безусловно предполагаетъ достижимость желаемаго» [2]). Въ подтвержденіе этихъ словъ Дрбаль приводитъ классическія слова изъ педагогики Гербарта. «Кто говоритъ: я хочу — тотъ уже въ своихъ мысляхъ овладѣлъ будущимъ. Онъ уже видитъ себя выполняющимъ, надѣющимся, наслаждающимся. Покажите ему, что онъ *не можетъ* и онъ уже *не хочетъ* болѣе, если онъ васъ понимаетъ. Желаніе, быть можетъ, останется и можетъ свирѣпствовать со всею яростью или дѣлать новыя попытки со всею хитростью. Въ этихъ попыткахъ вновь видно новое хотѣніе уже не самаго предмета, но движеній, которыя дѣлаютъ, зная, что могутъ ихъ дѣлать и посредствомъ

[1]) Ibid. § 223.

[2]) Empirische Psych. von Drbal. Wien. 1868. § 138.

ихъ достичь своей цѣли». Но уже самая темнота этого *классическаго* мѣста показываетъ, что Гербарту точно также не удалось отдѣлить рѣзкою чертою воли отъ желанія, какъ не удалось прежде его Аристотелю отдѣлить желаніе отъ намѣренія. Не удалось же это Гербарту потому. что дѣйствительно нѣтъ никакой твердой границы между желаніемъ и волей въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ волю Гербартъ.

11. Если желаніе не встрѣчаетъ себѣ препятствій въ другихъ представленіяхъ души, если, кромѣ того, стремленіе, изъ котораго возникло желаніе, сильнѣе въ данную минуту всѣхъ прочихъ стремленій, то желаніе является побѣдоносным въ душѣ, становится центральнымъ, всепреодолѣвающимъ стремленіемъ ея; а такое центральное стремленіе, соединивъ всю силу души въ одномъ направленіи, выражается въ актѣ *власти* души надъ тѣломъ или тѣмъ, что мы въ этомъ отношеніи называемъ актомъ *воли*. Гербартъ совершенно напрасно ставитъ сознаніе возможности достиженія желанія условіемъ перехода желанія въ форму воли Не сознаніе возможности достиженія желанія, а *отсутствіе представленія невозможности этого достиженія* заканчиваетъ образованіе желанія, заканчиваетъ тѣмъ, что представленіе, связанное съ желаніемъ, не встрѣчая болѣе препятствій, становится на это время господствующимъ, всеопредѣляющимъ желаніемъ души, что и выражается непосредственно въ актѣ воли. Человѣкъ начинаетъ достигать желаемаго не потому, чтобы *сознавалъ средства* этого достиженія, а потому что *не сознаетъ препятствій*, которыя могутъ помѣшать ему достичь желаемаго. Если же ему укажутъ на эти препятствія, то они сдѣлаются въ душѣ его представленіемъ, противоборствующимъ желанію, и слѣдовательно помѣшаютъ желанію овладѣть всею душою, всѣмъ ея содержаніемъ.

12. Различіе, которое мы проводимъ между представленіемъ средствъ достиженія желаемаго и отсутствіемъ представленія препятствій къ его достиженію, не есть только номинальное различіе, а, напротивъ, очень реальное, извлеченное изъ фактовъ и имѣющее своимъ результатомъ весьма важные факты. Дитя не потому протягиваетъ рученку къ недосягаемому для него предмету, чтобы сознавало его досягаемость, а только потому, что для того, чтобы дитя убѣдилось, что этотъ предметъ недосягаемъ, ему нужны неоднократные опыты тщетности его усилій достать недосягаемый предметъ. Только опытъ убѣждаетъ человѣка, что онъ не все можетъ, чего хочетъ, и, такимъ образомъ, только опыты отдѣляютъ рѣшимость отъ желанія. Въ началѣ же *желать* и *рѣшиться* значитъ для человѣка одно и то же: въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто только наблюдалъ надъ развитіемъ младенца, дитяти и даже юноши. Вотъ чѣмъ и объясняется тотъ прогрессъ въ уменьшеніи безумныхъ попытокъ, который продолжается отъ рожденія человѣка и до гроба. Чѣмъ болѣе неудачъ въ своихъ попыткахъ испытываетъ человѣкъ, тѣмъ далѣе становится у него *желаніе* отъ *рѣшимости*. Признавъ же этотъ фактъ, мы увидимъ, что *рѣшимость* есть ни что иное, какъ вполнѣ

образовавшееся желаніе, желаніе, одолѣвшее въ душѣ своею стремительностью всѣ другія представленія. Только когда душа достигнетъ такого единства и такого сосредоточія всѣхъ своихъ силъ въ одномъ желаніи, только тогда тѣло начинаетъ ей повиноваться.

13. Теорія желаній Бенеке не многимъ отличается отъ теоріи Гербарта: въ сущности только тѣмъ, что Бенеке, сознавъ всю невозможность вывести желаніе изъ механической борьбы представленій, вынужденъ былъ признать существованіе стремленій (Strebungen) въ душѣ. Но, не желая возвратиться къ старой теоріи врожденныхъ стремленій, Бенеке дѣлаетъ свои стремленія какими-то душевными элементами, *какъ-то и изъ чего-то* вырабатываемыми душою и которыя прежде всего стремятся слиться съ какими бы то ни было впечатлѣніями (Reize), послѣ чего и превращаются въ слѣды (Schpuren). Оба элемента этихъ слѣдовъ, стремленіе и впечатлѣніе, могутъ быть связаны между собою болѣе или менѣе прочно, и, по мѣрѣ того, какъ впечатлѣніе отдѣляется отъ стремленія, стремленію возвращается его стремительность [1]). Но стремленіе, освободившееся отъ того или другого впечатлѣнія, дѣлается уже не стремленіемъ только, а опредѣленнымъ желаніемъ — стремленіемъ соединиться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое отъ него отдѣлилось. Самый слѣдъ поэтому способенъ къ двоякому воспроизведенію: или это будетъ полное воспроизведеніе и стремленія, и впечатлѣнія, или это будетъ только воспроизведеніе стремленія, опредѣлившагося впечатлѣніемъ. Въ первомъ случаѣ это *воспроизведеніе* чувства, разъ испытаннаго, во второмъ—это *желаніе* испытать вновь тоже самое чувство [2]).

14. Эта *фантазія* Бенеке имѣетъ своимъ основаніемъ очень вѣрное наблюденіе того, что иногда испытанное разъ чувство въ насъ воспроизводится, а иногда только вспоминается, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ рождается желаніе испытать вновь то же самое чувство, если оно было намъ пріятно. Насмотрѣвшись вдоволь на прекрасный видъ, мы не желаемъ его видѣть до тѣхъ поръ, пока чувство удовольствія дѣйствуетъ въ насъ съ прежнею силою при каждомъ воспоминаніи этого вида; но какъ-только воспоминаніе начинаетъ блѣднѣть, то чувство удовольствія слабѣетъ при своемъ воспроизведеніи, и у насъ остается только воспоминаніе силы того чувства, которое мы испытали, но не сама его сила. Изъ этого и рождается у насъ желаніе вновь испытать то же чувство въ прежней его силѣ, т. е. рождается желаніе созерцать опять прежній видъ. Это наблюденіе совершенно вѣрно и очень важно, такъ-какъ оно до очевидности ясно показываетъ намъ ту необходимость воспоминаній чувства при образованіи желанія, на которую указалъ еще Платонъ. Въ теоріи Бенеке мы вполнѣ убѣждаемся, что воспоминаніе разъ испытаннаго чувства есть необходимый элементъ всякаго желанія; но для

[1]) Benecke's Lehrb. der Psych. § 171 и др.

[2]) Ibid. § 172.

объясненія этого явленія, какъ мы увидимъ далѣе, не было никакой надобности создавать какія-то небывалыя и невозможныя душевныя существованія, какіе-то психическіе гномы стремленій и впечатлѣній.

15. Изъ этого краткаго обзора теорій воли, созданныхъ Гербартомъ и Бенеке, мы видимъ, что въ этихъ теоріяхъ нѣтъ никакой *единой воли*, а есть множество *волей* или проще *желаній*, изъ которыхъ то одно, то другое, *по законамъ механической борьбы*, дѣлается на время волей. Воля, слѣдовательно, въ этихъ теоріяхъ есть нѣчто производное и несущественное. Совершенно другое мѣсто занимаетъ воля въ теоріяхъ философскихъ, и особенно въ теоріи Шопенгауера, которыя мы и изложимъ, какъ можно короче, въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XXXIV.

Философскія теоріи воли, какъ явленія *объективнаго*.

1. Какъ ни различны двѣ разобранныя нами теоріи воли, физіологическая и механическая, но обѣ онѣ держатся чисто на психологической почвѣ: имѣютъ предметомъ своимъ психическое явленіе, совершающееся въ человѣкѣ, хотя и объясняютъ его различно. Но философскія теоріи вышли изъ этого слишкомъ тѣснаго для нихъ круга и перенесли понятіе воли въ объективный; внѣшній для человѣка міръ. Эти теоріи уже не изучаютъ проявленія субъективной воли въ человѣкѣ, но проэктируютъ, *по аналогіи* съ волею субъективною, какую-то уже *объективную* волю, дѣйствующую и во всей природѣ, и въ человѣкѣ. Само собою видно, что для такой аналогіи не доставало факта, что, зная волю лишь въ самомъ себѣ, человѣкъ не имѣлъ никакого права предполагать такое-же явленіе и во внѣшней для него природѣ. Но предположеніе *объективной* воли, дѣйствующей внѣ человѣка, какъ она дѣйствуетъ въ немъ, давало такое легкое и удобное средство къ разгадкѣ явленій природы, что отъ него не могъ отказаться умъ человѣка, порывающійся разомъ разрубить Гордіевъ узелъ, который слишкомъ медленно распутывается наблюденіями и изслѣдованіями безчисленныхъ фактовъ. Но такъ какъ и въ насъ самихъ *желанія*—эти акты воли—являются или какъ послѣдствія сознательной идеи, или какъ послѣдствія непонятныхъ для насъ побудокъ нашего организма, дѣйствующихъ помимо всякихъ нашихъ соображеній, то и *объективная* воля могла быть объясняема или какъ послѣдствіе идеи, тоже объективной, внѣ человѣка лежащей, или какъ безсознательное, всетворящее стремленіе. Обѣ эти попытки, психологически совершенно объяснимыя, были сдѣланы и многочисленными миѳологіями и философіями.

2. Замѣчая, что актъ воли проявляется послѣ того, какъ въ душѣ составится идея дѣйствія, человѣку весьма естественно видѣть въ волѣ ничто иное, какъ необходимое послѣдствіе идеи. Думая же объяснить природу идеями, подобными тѣмъ, которыя образуются въ его собственномъ

умѣ, человѣкъ, весьма естественно, придаетъ этимъ идеямъ и волю. Такая персонификація природы, такое уподобленіе ея человѣкомъ самому себѣ, облеченное всею яркостью красокъ воображенія, создаетъ разнообразнѣйшія миѳологіи; возведенная же въ абстрактную систему мышленія, въ цѣпь причинъ и слѣдствій, дѣлается философскою теоріею. На этомъ основаніи Огюстъ Контъ имѣлъ полное право взглянуть на подобныя философскія системы какъ на новую форму миѳологіи. И дѣйствительно, разсматривая вѣроученіе буддизма или браманизма, мы найдемъ въ нихъ много родственныхъ чертъ съ системами Спинозы, Шелинга и Гегеля. Иногда сходство поразительно. Мысль одна и та же, только языкъ другой, сообразно вѣку и народности: тамъ—пламенная фантазія поэта тропическихъ странъ; здѣсь — отвлеченная, выработанная схоластикою, холодная рѣчь нѣмецкаго ученаго; тамъ — краски и образы, дѣйствующія прямо на чувство; здѣсь—искуственная условная терминологія, которой надобно прежде выучиться, чтобъ понимать ее; тамъ — пестрая смѣсь яркихъ картинъ; здѣсь—стройная система, раздѣленная и подраздѣленная и озаглавленная буквами всѣхъ возможныхъ азбукъ. Содержаніе же въ сущности одно и то же — олицетвореніе внѣшняго міра по образу и подобію души человѣческой.

3. Не случаю только мы приписываемъ то явленіе, что первый, кто извлекъ эту европейскую философскую систему изъ азіятскихъ и полуазіятскихъ миѳологическихъ пеленокъ, въ какихъ мы находимъ ее, напр., у неоплатониковъ, былъ еврей, по происхожденію и вѣрѣ, и средневѣковой европейскій схоластъ—по образованію. Замѣчательно, что еврей, а не кто либо другой, явился связующимъ звеномъ между вѣрованіями Востока и мышленіемъ Запада. Съ азіятскою смѣлостью воображенія, съ неподражаемою діалектикою геніальнаго, долго упражнявшагося схоласта, перевелъ Спиноза психологическій смыслъ восточныхъ вѣрованій на деревянный языкъ средневѣковой латыни. Въ его системѣ закончено превращеніе природы въ идею человѣка. Весь міръ для Спинозы—только одна всеобнимающая идея, а выполненіе этой идеи—необходимый атрибутъ ея совершенства. Міръ есть разумъ, размышляющій по своимъ собственнымъ неизбѣжнымъ законамъ, но разумъ безпредѣльный, ничѣмъ не ограничиваемый, всѣмъ обладающій, а потому размышляющій уже не словами, а вещами. Абсолютная идея должна обнимать все, а слѣдовательно и собственное свое выполненіе. Безъ этого она не была бы абсолютною, а ограниченною. Такимъ образомъ, *выполненіе* является необходимымъ атрибутомъ идеи; *стремленіе*—моментомъ этого выполненія, на сколько оно обнаруживается и въ неодушевленной природѣ, и въ растеніяхъ, и въ животныхъ, и въ безсознательныхъ стремленіяхъ человѣка; воля же въ частности, какъ субъективное явленіе, есть ничто иное, какъ сознанное стремленіе. Вотъ почему Спиноза и говоритъ, что «воля и разумъ—одно и тоже» и что «воля есть только сознанное стремленіе».

4. Теорія воли Спинозы почти безъ всякихъ перемѣнъ перешла и

въ психологическую систему Гегеля. Воля въ этой системѣ есть ничто иное, какъ сознательное и постепенное воплощеніе абсолютной идеи въ дѣйствительности, воплощеніе, которое, проходя многія ступени, оканчивается полнымъ воплощеніемъ разумной идеи теоретически—въ формѣ философской системы въ головѣ мыслителя, и практически—въ формѣ свободы, въ исторіи человѣчества. Человѣкъ является необходимымъ звеномъ, *субъективнымъ духомъ* въ томъ процессѣ абсолютнаго духа, въ которомъ идея и ея выполненіе—одно и тоже. Воля индивидуальнаго человѣка есть только необходимо выработывающееся проявленіе, или, правильнѣе, *становленіе* абсолютной воли [1]). Въ философіи Гегеля воля уже окончательно изъ субъективнаго душевнаго явленія сдѣлалась атрибутомъ объективной, абсолютной идеи, такъ-что уже изъ этой абсолютной воли объясняется безсознательное стремленіе человѣка, а изъ безсознательныхъ стремленій выработываются желанія, черезъ посредство представленія [2]).

5. Мы не будемъ критически разбирать этой теоріи: довольно сказать о ней, что она вся основана на аналогіи, а не на фактахъ. Мы могли бы, можетъ быть, доказать, что міръ развился изъ одной идеи, подобной нашимъ, если бы могли до такой степени узнать весь міръ. Фантазировать же о томъ, чего мы не знаемъ, или что знаемъ только въ его малѣйшей части, можно сколько угодно. Можно также повѣрить и правильность созданія этой фантазіи по законамъ разсудка; но повѣрить ее всю по фактамъ дѣйствительности—невозможно; а ближайшее изученіе фактовъ геологіи, которую Гегель долженъ былъ отвергать, астрономіи, въ которой онъ такъ неудачно пророчествовалъ, и естествознанія—скоро обнаружили всю несостоятельность это міровой системы. Философія Гегеля быстро созрѣла и распространилась, но на европейской почвѣ она еще скорѣе завяла, чѣмъ созрѣла. При отсутствіи философіи одни обратились къ естествознанію, безплодно пытаясь изъ него создать себѣ цѣльное міросозерцаніе; другіе же пытались найти замѣну философіи Гегеля и нашли ее въ философіи Шопенгауера, которая до тогго времени совершенно терялась въ лучахъ славы гегелизма, но потомъ засвѣтила, какъ луна, когда солнце скроется. Нѣкоторый успѣхъ этой системы можно объяснить только тѣмъ, что философія Гегеля оставила послѣ себя въ наслѣдство не мало людей, для которыхъ было совершенною необходимостью ходить на помочахъ, хоть какой нибудь, но все же цѣльной, философской системы.

6. Мы нѣсколько ознакомились уже съ смѣлой, но едва ли разумной попыткой Шопенгауера совершенно переворотить отношенія воли къ идеѣ и разуму. Онъ выводитъ уже не волю изъ идеи, а всѣ идеи изъ воли; дѣлаетъ волю творящимъ началомъ, а идеи только произведеніемъ воли и специфическою функціею мозга. Въ этой мысли вѣрно только то,

---

[1]) Grundriss der Psych. von Erdmann. § 129.

[2]) Ibid. § 132.

что мы дѣйствительно находимъ въ себѣ множество желаній, возникающихъ въ сознаніи изъ потребностей нашего тѣла; разумно ли было однакоже перенести терминъ *воли* на самыя эти потребности? Шопенгауеръ же не только злоупотребляетъ психологическимъ терминомъ, но прямо указываетъ на сходство или, вѣрнѣе, тождество этой, внѣ нашего сознанія лежащей воли, творящей всю природу, съ тою волею, которую мы замѣчаемъ въ самихъ себѣ, забывая, что волю въ насъ самихъ мы замѣчаемъ всегда слѣдующею за сознаніемъ и чувствованіемъ, а не предшествующею имъ.

7. Кантовскою вещью самою по себѣ (Das Ding an Sich) и субстратомъ всѣхъ явленій, слѣдовательно, и всей природы, Шопенгауеръ признаетъ нѣчто, намъ *непосредственно извѣстное*, что мы находимъ въ самихъ себѣ и что мы называемъ *волею*. Выводить эту волю изъ сознанія есть, по мнѣнію Шопенгауера, величайшая ошибка. Воля не нуждается въ сознаніи, а, напротивъ, сознаніе въ ней нуждается[1]). «Но прежде всего, говоритъ Шопенгауеръ, должно отличать волю отъ произвола. Произволомъ воля называется тогда, когда она освѣщается сознаніемъ, и потому мотивы, т. е. представленія, являются двигающими ея причинами: другими словами и выражаясь объективно, когда внѣшнее вліяніе, вызывающее актъ воли, проходитъ чрезъ мозгъ. Мотивъ дѣйствія можетъ быть опредѣленъ какъ внѣшнѣе возбужденіе, подъ вліяніемъ котораго возстаетъ въ мозгу образъ, а черезъ посредство этого образа воля выполняетъ какое нибудь внѣшнее движеніе тѣла. У человѣка этотъ образъ можетъ замѣняться и словами. Поэтому произвольными движеніями называютсятакія, которыя происходятъ по мотиву, а не собственно по причинамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ въ неорганической природѣ и не по однимъ впечатлѣніямъ, какъ у растеній. Мотивъ же предполагаетъ сознаніе. Различіе между впечатлѣніемъ и мотивомъ физіологически можетъ быть выражено такъ: впечатлѣніе (der Reitz) вызываетъ реакцію *непосредственно* и она исходитъ изъ той самой части, на которую впечатлѣніе дѣйствовало; мотивъ же, напротивъ, есть такое впечатлѣніе, которое избираетъ окольную дорогу черезъ мозгъ, гдѣ при дѣйствіи мозга прежде всего возстаетъ образъ, вызывающій соотвѣтствующую реакцію, которую мы называемъ актомъ воли или дѣйствіемъ произвольнымъ. Слѣдовательно, различіе между произвольнымъ и непрозвольнымъ не существенно — въ обоихъ случаяхъ дѣйствуетъ одна и та же воля. Вмѣсто образа въ человѣкѣ могутъ также дѣйствовать и понятія[2]).

8. Достаточно вспомнить то, что мы сказали выше о психологическомъ и единственно возможномъ происхожденіи понятія *воли*, чтобы видѣть ошибку Шопенгауера. Если понятіе воли возникаетъ въ насъ единственно субъективнымъ путемъ, черезъ посредство самонаблюденія, и въ частности изъ сравненія нашихъ произвольныхъ и непроизвольныхъ движеній, то какое же право имѣетъ человѣкъ, создавъ понятіе воли, какъ причины произвольныхъ движеній, перенести это понятіе на

---

[1]) Ueber den Willen in der Natur von Schopenhauer. S. 2.

[2]) Ibid. S. 21, 22.

собственныя свои *непроизвольныя* движенія, а за тѣмъ и на всѣ явленія внѣшней для насъ природы? Право фантазіи—и болѣе никакого. Непроизвольное движеніе и есть именно то, въ которомъ нѣтъ воли. Если мы называемъ и въ другихъ людяхъ и даже въ животныхъ одни движенія произвольными, а другія непроизвольными, то только по аналогіи, на которую мы имѣемъ право на столько, на сколько предполагаемъ, что и другія живыя существа испытываютъ при произвольныхъ движеніяхъ то же самое, что испытываемъ мы, т. е. чувство произвольно выполняемаго усилія. Взглядъ Бэна на актъ воли такъ сходится со взглядомъ Шопенгауера, что все, что мы сказали въ опроверженіе теоріи перваго, вполнѣ примѣнимо и къ теоріи послѣдняго, такъ-что мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь это возраженіе.

9. Гораздо интереснѣе для насъ тѣ мотивы, которые возбудили въ умѣ Шопенгауера такую теорію, такъ-какъ они совершенно отличны отъ тѣхъ мотивовъ, которые руководили Бэномъ. Мотивы, склонившіе Шопенгауера къ его воззрѣнію на волю, разнообразны: они идутъ изъ разныхъ областей знанія, но преимущественно изъ области естественныхъ наукъ, а именно—изъ многочисленныхъ попытокъ объяснить поразительную цѣлесообразность, наблюдаемую повсюду въ созданіяхъ природы. Попытки эти особенно усилились съ тѣхъ поръ, какъ замѣчено было, что организмы продолжаютъ и теперь видоизмѣняться и приспособляться къ условіямъ жизни. Самая удачная изъ этихъ попытокъ принадлежала французскому зоологу Ламарку, мысль котораго имѣла значительное вліяніе и на Шопенгауера, и на Дарвина. Постараемся же выразить коротко эту мысль Ламарка.

10. Стоитъ сравнить, напримѣръ, сѣвернаго оленя и верблюда, чтобы видѣть, что первому суждено жить на холодныхъ тундрахъ крайняго сѣвера, а второму — въ жаркихъ каменистыхъ и безводныхъ пустыняхъ. Наружные и внутренніе органы, способы и предметы питанія, инстинкты, словомъ, все такъ приспособлено въ обоихъ животныхъ къ условіямъ области ихъ жизни, какъ будто каждому изъ нихъ заранѣе предназначалось жить въ соотвѣтствующихъ, рѣзко противоположныхъ по своимъ качествамъ, странахъ, и служить домашними животными жителямъ этихъ странъ. Такая поразительная приспособленность, повторяющаяся въ безчисленномъ множествѣ растительныхъ и животныхъ организмовъ, должна была уже рано возбудить въ человѣческомъ умѣ вопросы: какъ это случилось? какъ объяснить эту поразительную приспособленность организмовъ къ условіямъ ихъ жизни? Всего проще, всего сподручнѣе было человѣку отвѣчать на эти вопросы, очеловѣчивая (антропоморфируя) лежащій внѣ его міръ. Устраивая какое нибудь нехитрое орудіе, человѣкъ соображалъ его устройство съ тѣми цѣлями, для достиженія которыхъ оно должно было служить ему, слѣдовательно, разсуждалъ онъ, точно также устроены и организмы, только устроены они не мною, а какою-то, внѣ меня лежащею и подобно мнѣ размышляющею, силою. Затѣмъ слѣдовало облеченіе этой силы во всякія миѳологическія формы, конечно

только для тѣхъ народовъ и для тѣхъ личностей, которымъ *откровенная* религія не давала прямого отвѣта на мучившіе ихъ вопросы. Скептическій умъ мыслителя не могъ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ. Онъ захотѣлъ разгадать, что это за сила сама въ себѣ, и мало по малу выработалось понятіе *абсолютной идеи*, выполняемой вслѣдствіе своей собственной внутренней разумности, идеи, съ которою мы уже познакомились выше.

11. Но такою полувосточною, полумиѳологическою идеею не могла долго продовольствоваться пытливая, фактическая мысль европейца. За разгадку той же дивной приспособленности организмовъ принялись естествоиспытатели со своими маленькими, но за то безчисленными и осязательными средствами. Но всѣ эти попытки оставались безплодными до тѣхъ поръ, пока не замѣчено было, что организмы и въ настоящее время продолжаютъ, видоизмѣняя свои формы и инстинкты, все болѣе и болѣе приспособляться къ условіямъ жизни. Это продолжающееся приспособленіе организмовъ прежде всего было замѣчено практическимъ хозяйствомъ, которое давно уже пользовалось этою возможностью приспособленія организмовъ, видоизмѣняя, сообразно своимъ цѣлямъ, породы растеній и домашнихъ животныхъ. Мы не знаемъ на столько исторіи этого вопроса, чтобы сказать, дѣйствительно ли Ламаркъ первый внесъ въ науку идею измѣнчивости органическихъ формъ и инстинктовъ; но по крайней мѣрѣ сочиненія Ламарка имѣли прямое вліяніе и на Шопенгауера, и на Дарвина, такъ что оба они воспользовались идеею Ламарка каждый въ своей области и каждый на свой особый ладъ. Ученію Дарвина, въ его психическомъ значеніи, мы посвятимъ слѣдующую главу, а здѣсь займемся исключительно выводами Шопенгауера.

12. Убѣжденіе въ томъ, что видоизмѣненіе организмовъ и ихъ приспособленіе къ условіямъ жизни продолжается и теперь, дало надежду, если не узнать первую причину этихъ приспособляющихъ видоизмѣненій, то по крайней мѣрѣ подсмотрѣть, *какъ, какими средствами* совершаетъ природа эти изумительныя приспособленія ея безчисленныхъ организмовъ. Ламаркъ же первый замѣтилъ *одно* изъ этихъ средствъ, которому онъ впрочемъ придалъ слишкомъ общее значеніе. Замѣтивъ, что животное, поставленное въ новую для него среду жизни, усиливается приспособиться къ ней и что часто эти усилія увѣнчиваются успѣхомъ, причемъ самые органы животнаго и его инстинкты нѣсколько видоизмѣняются, и что потомъ эти видоизмѣненія передаются потомственно и продолжаютъ высказываться все рѣзче, Ламаркъ приписалъ *этимъ усиліямъ организмовъ самое ихъ разнообразіе и ихъ приспособленность къ условіямъ жизни*. Такъ, по мнѣнію Ламарка, у плавающихъ птицъ и звѣрей (тюлень, моржъ) плавательная перепонка образовалась оттого, что эти животныя, при плаваніи, старались, какъ можно больше, растягивать пальцы, чтобы поддерживаться на водѣ; а у рогатыхъ животныхъ рога развились вслѣдствіе того, что они, не будучи въ состояніи защищаться зубами, усиливались защищаться головою и т. д. Это было

первое, еще довольно наивное проявленіе великой идеи, блестяще заключенной Дарвиномъ.

13. Шопенгауеръ, воспользовавшись мыслью Ламарка о постоянной продолжающейся измѣнчивости организмовъ, воспользовавшись указаніями его, равно какъ и другихъ естествоиспытателей и медиковъ на вліяніе воли въ видоизмѣненіи органовъ, тѣмъ не менѣе отвергаетъ самую догадку Ламарка. Если, думаетъ Шопенгауеръ, признать такое постепенное и медленное развитіе органовъ во множествѣ послѣдовательныхъ поколѣній и притомъ органовъ, необходимыхъ для жизни животнаго, то порода животнаго, не имѣя такихъ необходимыхъ для ея жизни органовъ, вымерла бы прежде, чѣмъ получила ихъ [1]). Замѣтка эта, конечно вѣрная, могла бы затруднить французскаго зоолога; но она нисколько не затруднила самого германскаго мыслителя. Шопенгауеръ, какъ ученикъ Канта, не стѣсняется условіями пространства и времени, а потому не чувствуетъ необходимости и для своей системы преодолѣть препятствіе, выставленное имъ же для системы Ламарка. Онъ призналъ *всетворящую волю*—и довольно. Она творила и продолжаетъ творить, что и какъ ей угодно, и для нея конечно не существуетъ стѣсненій условіями пространства и времени. Въ сущности и Шопенгауеръ говоритъ тоже, что Ламаркъ, онъ также думаетъ, что «волъ бодаетъ не потому, что у него есть рога, а потому имѣетъ рога, что *хочетъ* бодать» [2]), точно также, какъ человѣкъ не потому стрѣляетъ, что у него есть ружье, а потому изобрѣлъ ружье, что хотѣлъ стрѣлять. Если у человѣка это изобрѣтеніе сопровождалось сознаніемъ, то это явленіе несущественное и исключительное, объясняемое тѣмъ, что у человѣка есть органъ сознанія—мозгъ, которому надобно же что-нибудь дѣлать. Воля же, дѣйствующая во всей природѣ, дѣйствуетъ безсознательно, за исключеніемъ существъ, обладающихъ мозгомъ; но эта-то воля дѣлаетъ что ей угодно: рога-ли, хоботъ-ли, копыта или щупальцы, не стѣсняясь при этомъ никакими условіями жизни и никакимъ планомъ, ни временемъ, ни мѣстомъ — этими созданіями нашего ума. По этой теоріи, конечно, выходило, что горбатый потому горбатъ, что хочетъ имѣть горбъ, а безрукій потому безъ рукъ, что не хочетъ ихъ имѣть: выходило полное противорѣчіе между нашею волею, сопровождаемою сознаніемъ, и тою, которая работаетъ безсознательно въ нашемъ организмѣ; но германскому мыслителю не было до того никакого дѣла.

14. Ясно, что такое рѣшеніе вопросовъ въ сущности ничего не рѣшаетъ, и мы можемъ только радоваться, что французскіе и англійскіе мыслители не были въ состояніи подняться до высоты германской метафизики и, скромно признавая условія пространства и времени, разработывали вопросы въ этихъ условіяхъ. Этимъ и объясняется плодовитость ихъ работъ, назначенныхъ для существъ, также живущихъ въ

[1]) Ibid. S. 42.

[2]) Ibid. S. 40.

условіяхъ времени и пространства. Всѣ эти послѣдовательныя работы, направленныя къ разрѣшенію вопроса о причинахъ дивной приспособленности организмовъ, увѣнчались наконецъ обширною и безконечно плодовитою мыслью Дарвина. Ученіе нашего великаго современника имѣетъ не только спеціальное значеніе для естественныхъ наукъ, но и для психологическихъ воззрѣній, и мы посвятимъ ему слѣдующую главу.

ГЛАВА XXXV.

Объективная воля по фактамъ естественныхъ наукъ: ученіе Дарвина.

1. Дарвинъ также, какъ и Шопенгауеръ, признаетъ *«ошибочнымъ»* данное Ламаркомъ объясненіе приспособленности организмовъ [1]); но Дарвинъ выразился бы точнѣе, если бы назвалъ объясненіе Ламарка только *недостаточнымъ*, такъ-какъ впослѣдствіи самъ же Дарвинъ даетъ мѣсто и этому объясненію въ своей системѣ, признавая во многихъ мѣстахъ своей книги, что усилія индивидуальнаго животнаго организма приладиться къ тѣмъ или другимъ условіямъ жизни оказываютъ вліяніе на измѣненіе его органовъ и инстинктовъ и что это измѣненіе, передаваясь наслѣдственно, можетъ повести къ установленію той или другой особенности въ организмѣ [2]). Само собою разумѣется, что съ этимъ условіемъ, на которое указалъ Ламаркъ, необходимо связано и другое, въ особенности выставленное Жофруа-Сентъ-Илеромъ, который считалъ главною причиною видоизмѣненія органическихъ формъ тѣ самыя жизненныя условія, въ которыя поставленъ организмъ.

2. Не трудно видѣть, что обѣ эти мысли въ сущности составляютъ одну. Организмъ усиливается примѣниться къ условіямъ жизни, представляемымъ окружающею его средою. Если вслѣдствіе этихъ усилій организмъ измѣняется, то, стало быть, онъ измѣняется вслѣдствіе двухъ причинъ: условій жизненной среды и усилій животнаго примѣниться къ нимъ. Здѣсь, какъ и всегда, мы видимъ, что причинъ явленія не одна, а двѣ или болѣе, взаимодѣйствіе которыхъ составляетъ полную его причину, т. е., другими словами, изъ двухъ или болѣе *условій* возникаетъ всегда одна *причина*. Если же къ высказаннымъ двумъ мыслямъ присоединить еще третью, истина которой также не подлежитъ сомнѣнію, а именно, что самыя условія жизни на земномъ шарѣ не оставались и не остаются неизмѣнными, а постоянно измѣнялись и продолжаютъ измѣняться, то мы увидимъ, что и измѣненія въ организмахъ не могли никогда остановиться, а должны были идти за геологическими и климатическими измѣненіями земли. Принявъ же въ

[1]) О происхожденіи видовъ Ч. Дарвина. Перев. Рачинскаго. Предислов. стр. VI. Примѣчаніе.

[2]) Ibid. стр. 111, 113, 175 и 387.

расчетъ, что въ началѣ форма поверхности земнаго шара и климатъ его были гораздо однообразнѣе, чѣмъ теперь, мы поймемъ, какое важное вліяніе на постепенное увеличеніе разнообразія организмовъ должны были имѣть геологическія и климатическія измѣненія на земномъ шарѣ, продолжающіяся и теперь. Чѣмъ разнообразнѣе становилась поверхность земли и ея климатъ, тѣмъ разнообразнѣе должны были быть въ организмахъ приспособленія къ условіямъ жизни на нашей планетѣ.

3. Если остановиться на этой мысли, сложенной изъ трехъ главныхъ наблюденій, не прибавляя къ ней еще замѣчательнаго открытія Дарвина, то мы должны будемъ прійти къ тому заключенію, что организмы нашей планеты видоизмѣнялись и разнообразились подъ вліяніемъ *двухъ*, постоянно дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ, силъ: первое — *стремленія* къ жизни индивидуальной и потомственной, проявляемаго организмами, которое и побуждало ихъ приспособляться къ условіямъ жизненной среды, и второе—*силы*, управляющей геологическими и климатическими измѣненіями нашей планеты. Средствомъ же самыхъ приспособленій животныхъ является *воля*, которая при постоянномъ воздѣйствіи на органы для той или другой цѣли, заставляетъ измѣняться самые органы, и измѣненія эти, передаваясь наслѣдственно, условливаютъ постепенное приспособленіе животныхъ организмовъ къ постоянно мѣняющимся условіямъ жизни. Но можно ли объяснить тѣмъ же самымъ средствомъ, а именно усиліями воли, приспособленіе растительныхъ организмовъ? Конечно, нѣтъ, и этимъ самымъ обличалась уже неполнота этой мысли, или, лучше сказать, неполнота наблюденій, такъ блестяще пополненныхъ Дарвиномъ.

4. Безъ сомнѣнія, мы не можемъ выразить здѣсь вполнѣ и со всею отчетливостью мысль Дарвина. Всякій можетъ познакомиться съ нею въ его необыкновенно интересномъ сочиненіи. Однакоже для насъ необходимо, хотя коротко, выставить здѣсь эту мысль, потому-что она имѣетъ значеніе и для психологіи, какъ это предвидѣлъ самъ Дарвинъ [1]). Всякому извѣстны тѣ улучшенія или, лучше сказать, тѣ видоизмѣненія растительныхъ и животныхъ организмовъ, которыхъ произвольно достигаетъ человѣкъ, подбирая по своему усмотрѣнію тѣ индивиды для продолженія рода того или другого организма, въ которыхъ замѣчаются какія нибудь особыя свойства, или выгодныя въ хозяйствѣ, или вообще почему либо полезныя и пріятныя человѣку. Эти видоизмѣненія растительныхъ и животныхъ организмовъ посредствомъ подбора родителей нигдѣ, можетъ быть, не достигли такого развитія, какъ въ Англіи, чѣмъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить, что это важное научное открытіе, о которомъ мы говоримъ здѣсь, сдѣлано англійскимъ ученымъ. Обративъ вниманіе на эти произвольныя измѣненія въ растительныхъ и преимущественно въ животныхъ организмахъ посредствомъ *произвольнаго подбора родителей*, Дарвинъ задался слѣдующимъ во-

[1]) Ibid. стр. 368.

просомъ: не дѣлаетъ ли того же самаго и природа, что дѣлаетъ человѣкъ? Не тѣмъ ли же самымъ средствомъ, т. е. подборомъ родителей (племенниковъ), достигаетъ она необыкновеннаго разнообразія организмовъ и ихъ поразительной приспособленности къ условіямъ жизни? Отвѣтомъ на эту мысль былъ рядъ блестящихъ и поразительныхъ подтвержденій.

5. Дѣйствительно, несомнѣнныя наблюденія и выводы показываютъ, что разнообразіе и приспособленность организмовъ къ условіямъ жизни въ той или другой средѣ природы достигается тѣмъ же самымъ *подборомъ родителей*, какимъ достигаетъ и человѣкъ приспособленности животныхъ и растительныхъ организмовъ къ его хозяйственнымъ цѣлямъ, только самый этотъ подборъ выполняетъ природа иными средствами. Организмы, происходящіе отъ одного и того же родителя, или отъ одной и той же пары родителей *бываютъ* обыкновенно не совершенно похожи между собою и на своихъ родителей. Въ нихъ постоянно замѣчаются «легкія уклоненія» отъ первообраза, представляемаго родителями. Какъ ни легки эти уклоненія, причины которыхъ мы, по большей части, не знаемъ [1], но тѣмъ не менѣе одни изъ этихъ уклоненій полезны для жизни организма, другія безразличны, третьи, наконецъ, даже вредны. Естественно, что тѣ изъ *однородныхъ* организмовъ, которые обладаютъ, сравнительно съ другими, болѣе полезною, хотя и легкою особенностью въ организмѣ, имѣютъ болѣе вѣроятія, чѣмъ другія, выжить полный періодъ своего существованія и дать болѣе многочисленное и болѣе прочное потомство. Эти уклоненія часто передаются наслѣдственно и такъ какъ организмъ пользуется ими въ продолженіи своей жизни, то, вѣроятно, онъ и усиливаетъ ихъ самымъ употребленіемъ. Въ слѣдующемъ поколѣніи тѣ изъ недѣлимыхъ, у которыхъ это «полезное уклоненіе» отъ первообразныхъ формъ родителя окажется еще сильнѣе, получаетъ еще болѣе вѣроятности выжить полный періодъ своей жизни и дать болѣе многочисленный приплодъ, обладающій въ большей или меньшей степени тѣми же полезными уклоненіями. Понятно само собою, что эти уклоненія, до того легкія въ отдѣльныхъ случаяхъ, что Дарвинъ весьма удачно называетъ ихъ «песчинками» [2], могутъ чрезъ множество поколѣній и въ теченіи сотенъ и тысячъ вѣковъ составить такую особенность въ организмѣ животнаго, которая сдѣлаетъ его, *во-первыхъ*, почти совершенно непохожимъ на свой первообразъ, форма котораго можетъ быть сохранилась для насъ въ пластахъ земнаго шара; *во-вторыхъ*, совершенно непохожимъ на другихъ потомковъ того же прародителя, въ которыхъ развилась не эта, а другая особенность, другая приспособленность къ особенной сферѣ природы, гдѣ имъ случилось жить, и *въ третьихъ*, сдѣлаетъ организмъ дивно приспособленнымъ къ условіямъ его жизни. Такимъ образомъ объясняется

[1]) Тамъ же: стр. 170, 174, 157.

[2]) Тамъ же: стр. 369.

какъ разнообразіе организмовъ и шаткость ихъ видовъ, такъ и приспособленность всякаго организма къ условіямъ той жизненной сферы, среди которой онъ поставленъ.

6. Такое видоизмѣненіе и приспособленіе организмовъ выражается не только въ органахъ, но и въ инстинктахъ. *Случайная* особенность, такъ-сказать, въ душевномъ настроеніи животнаго, полезная для его существованія индивидуальнаго и потомственнаго, дѣйствовала точно также, какъ и полезное уклоненіе въ строеніи органовъ; ибо, по вѣрному замѣчанію Мюллера, инстинктъ также необходимъ для индивидуальнаго и потомственнаго существованія животнаго организма, какъ и устройство его органовъ. Можно даже думать, какъ и полагаетъ Лотце, что оба эти условія жизни и размноженія организмовъ тѣсно связаны между собой и что инстинктъ есть только пользованіе тѣмъ или другимъ устройствомъ организма, къ которому животное приводится общимъ стремленіемъ къ жизни и размноженію. Какъ бы то ни было, но Дарвинъ съ поразительной ясностью доказываетъ, что инстинкты также развиваются въ животномъ, какъ и ихъ органы, и тѣми же самыми средствами и что эти постепенныя, легкія совершенствованія въ инстинктахъ накопляются потомственно въ теченіи вѣковъ въ тѣ сложные инстинкты животныхъ, которымъ мы по справедливости удивляемся.

7. Намъ кажется только, что Дарвинъ напрасно называетъ открытый имъ естественный подборъ родителей *дѣятелемъ* видоизмѣненій въ организмѣ [1]). Гораздо логичнѣе было назвать этотъ подборъ *средствомъ*, въ отличіе отъ истиннаго дѣятеля, на котораго указываетъ самъ же Дарвинъ, а именно—*борьбы за существованіе*. «Благодаря этой борьбѣ за существованіе, говоритъ онъ, всякое измѣненіе, какъ бы оно не было легко и отъ какихъ бы причинъ оно ни зависѣло, если оно сколько-нибудь выгодно для особи какого либо вида, при его сложныхъ соотношеніяхъ съ другими органическими существами и съ внѣшнею природою—всякое такое измѣненіе будетъ содѣйствовать сохраненію особи и большею частію передается ея потомству [2])». Но, вдумавшись внимательнѣе, мы увидимъ, что не только подборъ родителей есть средство, но и самая борьба за существованіе есть только процессъ, въ которомъ прилагается это средство, а все же еще не дѣятель. Ближе уже подходитъ къ дѣятелю Дарвинъ, когда говоритъ, что «борьба за существованіе необходимо вытекаетъ изъ быстрой прогрессіи, въ которой *стремятся* размножаться всѣ органическія существа» [3]). Слѣдовательно, истиннымъ дѣятелемъ въ этомъ процессѣ является самое *стремленіе органическихъ существъ къ размноженію*. Но Дарвинъ относится къ нему только съ одной стороны. Онъ какъ бы забываетъ, что не только стремленіе къ размноженію, но и *стремленіе къ индивидуальному су-*

---

[1]) Тамъ же, стр. 5 и мн. др.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

[3]) Тамъ же, стр. 51.

ществованію является двигателемъ въ борьбѣ за существованіе, т. е. двигателемъ того процесса, о которомъ говоритъ Дарвинъ и изъ котораго выходитъ умноженіе разнообразныхъ формъ и ихъ дивная приспособленность къ условіямъ жизни. На этихъ двухъ могучихъ дѣятелей или, лучше сказать, на этого одного дѣятеля, *стремленіе къ бытію, индивидуальному, общинному и потомственному*, мы и указали въ своемъ мѣстѣ, какъ на единственный прочный признакъ, отличающій органическія тѣла отъ неорганическихъ, которыя не питаются, не растутъ и не размножаются. Кромѣ того Дарвинъ указываетъ только на борьбу за жизнь индивидуальную, общинную и потомственную, но не указываетъ на двигателя въ этой борьбѣ: *на стремленіе къ бытію* въ трехъ его формахъ, стремленіе, не ощущаемое въ растительныхъ организмахъ и ощущаемое въ организмахъ животныхъ, а потому и служащее въ нихъ источникомъ огромнаго множества психическихъ и психофизическихъ явленій.

8. Однако же логическій недосмотръ, допущенный Дарвиномъ, а именно тотъ, что онъ не отличилъ *средства* отъ самаго *процесса*, а процесса отъ *двигателя* этого процесса, не остался безъ послѣдствія и повелъ къ ложнымъ заключеніямъ не столько самого Дарвина, сколько людей, безъ критики увлекшихся его новою идеею. Такъ Дарвинъ, въ концѣ своей книги, говоритъ: «изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти, прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, которое мы можемъ себѣ представить, а именно—возникновеніе высшихъ формъ жизни» [1]). Мы же видимъ, что не изъ голода и смерти *только* выходитъ это явленіе—изъ нихъ однихъ ничего не могло бы выйти,—а выходитъ оно изъ стремленія къ существованію въ борьбѣ съ голодомъ и смертью, т. е. въ борьбѣ стремленія къ неограниченному бытію съ ограниченностью пространства и времени. Самое же стремленіе къ бытію и жизни ни изъ чего не выходитъ, а есть такой же *послѣдній и непостижимый для насъ фактъ*, какъ и фактъ тяготѣнія, который, по замѣчанію самого Дарвина, хотя и остается чудеснымъ, но считается за вполнѣ доказанную, истинную причину множества явленій [2]). Однакоже нѣтъ сомнѣнія, что если стремленіе существовать и жить есть одна изъ причинъ совершенствованія организма, то смерть и голодъ есть другая причина, т. е. причина эта выражается проще въ безграничности стремленія и въ ограниченности земнаго шара. Признавъ обѣ эти причины, мы принимаемъ, что дѣйствительно, съ помощью того средства, на которое указалъ Дарвинъ, т. е. подбора родителей, равно какъ и съ помощью того, на которое указали Ламаркъ и Ж. Сентъ-Илеръ, объясняется вымираніе не только уже

---

[1]) Тамъ же, стр. 387.

[2]) Ibid. стр. 379. Укажемъ, между прочимъ, на противорѣчіе въ этомъ случаѣ Дарвина съ Милемъ, который полагаетъ, что ни одинъ *разумный* человѣкъ не считаетъ нынѣ факта тяготѣнія чудеснымъ. См. Педаг. Антр. Ч. I. Глава XXXVIII п. 9 и 10.

однихъ животныхъ, но и растительныхъ видовъ и замѣна ихъ новыми, уже болѣе приспособленными къ условіямъ жизни, которыя опять же не остаются неизмѣнными, но постоянно измѣняются, словомъ—объясняется продолженіе творческой дѣятельности, но конечно не начало ея, какъ признаетъ самъ Дарвинъ [1]).

9. Указавъ на новаго дѣятеля въ усовершенствованіи приспособленности организмовъ, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, который дѣйствуетъ уже *помимо воли*, Дарвинъ называетъ этого дѣятеля громадною силою. «Какой предѣлъ, говоритъ онъ, можно положить этой силѣ, дѣйствующей въ теченіи долгихъ вѣковъ и строго изслѣдующей весь складъ каждаго организма, его строеніе, его образъ жизни, благопріятствующій всему хорошему, отбрасывающей все дурное?» [2]) Дарвинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что такъ-какъ «естественный подборъ дѣйствуетъ исключительно накопленіемъ легкихъ, послѣдовательныхъ, выгодныхъ уклоненій, то онъ не можетъ производить внезапно великихъ видоизмѣненій» [3]). Но эти измѣненія громадны, если принять въ расчетъ, что они совершаются сотни милліоновъ лѣтъ, и, незамѣтныя въ своемъ постепенномъ ходѣ, поражаютъ насъ громадностью своихъ результатовъ. Также справедливо сравниваетъ Дарвинъ эти легкія уклоненія съ «песчинками», и кажется мы также выразили бы его мысль, если бы сравнили эти легкія уклоненія съ тѣми, почти микроскопическими, результатами жизненной работы каждаго кораллового полипа, изъ которыхъ однакожъ въ теченіи тысячелѣтій возникаютъ цѣлые архипелаги роскошнѣйшихъ островов. Однакоже не трудно сообразить, что безъ этихъ микроскопическихъ работъ, безъ этихъ «песчинокъ», отдѣльно взятыхъ, не было бы и самихъ острововъ. Слѣдовательно, вся *суть* въ этихъ самыхъ песчинкахъ, которыя, накопляясь одна къ другой въ теченіи многихъ и многихъ вѣковъ, выдвинули наконецъ новый островъ на поверхность океана. Приложите эту самую мысль къ открытію Дарвина и вы легко убѣдитесь, что и въ великомъ процессѣ постепеннаго формированія организмовъ вся *суть не въ естественномъ подборѣ родителей*, а въ тѣхъ *легкихъ уклоненіяхъ*, которыми пользуется природа въ этомъ подборѣ и которыя одни дѣлаютъ самый подборъ возможнымъ. *Не будь самихъ этихъ уклоненій, рождайся каждый новый организмъ совершенно подобнымъ своему родителю, то естественный подборъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прогрессъ въ органическихъ формахъ и инстинктахъ, былъ бы невозможенъ*. Слѣдовательно, повторяемъ, вся *суть* этого великаго процесса природы не въ естественномъ подборѣ родителей, а въ тѣхъ легкихъ уклоненіяхъ новыхъ и новыхъ рожденій, которыми пользуется этотъ подборъ и которыя одни дѣлаютъ его возможнымъ. Мы не ста-

---

[1]) Ibid. стр. 382.

[2]) Тамъ же, стр. 370.

[3]) Тамъ же, стр. 372.

вимъ этого логическаго недосмотра въ вину самому Дарвину, ибо онъ не дѣлалъ философскихъ выводовъ изъ своей геніальной мысли; но ставимъ ее въ вину тѣмъ, которые пытались дѣлать такіе выводы. Они должны были замѣтить, что весь прогрессъ формъ основывается на этихъ *легкихъ уклоненіяхъ*, которыя одни только и дѣлаютъ возможнымъ самый «подборъ родителей».

10. Но отчего-же зависятъ эти «легкія измѣненія» въ организмахъ вновь рождающихся, которыя одни и составляютъ всю сущность прогрессивнаго процесса, по крайней мѣрѣ, всю сущность его съ *объективной* стороны, потому что двигателемъ этого процесса со стороны *субъективной* является врожденное организмамъ стремленіе къ существованію и размноженію? Какая причина этихъ «песчинокъ-уклоненій», изъ потомственнаго накопленія которыхъ объясняется все разнообразіе и совершенство органическихъ формъ? На это Дарвинъ даетъ намъ одинъ отвѣтъ, что причина этихъ уклоненій, на которыхъ все-то и строится, есть *случай* [1]. Но тогда спрашивается, зачѣмъ же въ окончательномъ выводѣ своемъ, гдѣ Дарвинъ перечисляетъ всѣхъ дѣятелей процесса приспособленія органическихъ формъ и ихъ раздѣленія на безчисленные виды, пропустилъ онъ главнаго двигателя этого процесса—*пропустилъ случай*? Не потому ли, что Дарвинъ ясно понимаетъ, что слово *случай*, какъ это онъ самъ выразилъ, есть только особая, условная форма для выраженія нашего невѣдѣнія причины [2]? *Но тогда не долженъ ли былъ сказать Дарвинъ, что главный двигатель этого великаго процесса совершенствованія намъ неизвѣстенъ?* Явленіе безъ причины есть вещь чуждая наукѣ, которая вся строится на вѣрѣ въ причинность. Напрасно мы будемъ размельчать это безпричинное явленіе до степени «песчинокъ»: этимъ мы можемъ только спрятать свое незнаніе развѣ отъ слишкомъ неопытныхъ глазъ. Эти песчинки въ теченіи милліоновъ лѣтъ становятся громадной силой, дѣйствующей постоянно, дающей всю возможность усовершенствованія органическихъ формъ; а потому, въ сущности, мы признаемъ безпричиннымъ не какое-нибудь мелкое явленіе, которое можно и пропустить, но *громадную силу*, дѣйствующую постоянно, и которой непосредственно мы не замѣчаемъ только по тому же психологическому закону, по которому, замѣчая движеніе секундной стрѣлки, замѣчая еще, хотя и съ трудомъ, движеніе минутной, мы уже вовсе не замѣчаемъ непосредственно движенія часовой. Сила же, вызывающая *уклоненія* въ рожденіи организмовъ, дѣйствуетъ не часами, и не днями, а сотнями тысячъ лѣтъ: что же удивительнаго, что мы не можемъ сознать существованія этой силы или, лучше сказать, этого движенія иначе, какъ въ его громадныхъ результатахъ? Но развѣ эта неспособность наша сознавать непосредственно вѣковыя постепенныя измѣненія, какъ и наблюдать ростъ травы, уменьшаетъ сколько-нибудь

[1]. Ib., стр. 170, 174, 175, 176, 177 и др.

[2] Ibid., стр. 175.

самую эту силу или ея значеніе? Наша жизнь передъ жизнью природы—также незамѣтная песчинка; а потому-то является незамѣтною песчинкою для насъ всякій шагъ природы впередъ. Но въ этихъ-то микроскопическихъ шагахъ природы, продолжающихся постоянно милліоны лѣтъ—вся ея необъятная сила, передъ которою цѣпенѣетъ умъ человѣческій. Слѣдовательно, Дарвинъ долженъ былъ указать на самыя эти вѣчныя уклоненія природы отъ формы ея прежнихъ созданій, какъ на главнаго двигателя великаго процесса усовершенствованія органическихъ формъ, при которомъ *подборъ родителей* является только главнымъ, но не единственнымъ средствомъ. Этого-то пропуска въ системѣ Дарвина и не замѣтили тѣ поклонники его, которые думали найти въ ней отгадку творящей силы. Мы же видимъ, что не только Дарвинъ не объяснилъ намъ появленія на землѣ первыхъ организмовъ, но даже не объяснилъ намъ и той силы, которая одна дѣлаетъ возможнымъ ихъ разнообразіе и усовершенствованіе, равно какъ не объяснилъ появленія и того стремленія къ жизни, которое является другимъ главнымъ двигателемъ всего этого великаго процесса.

11. Для уясненія вышеприведенныхъ соображеній возьмемъ на удачу одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ постепеннаго приспособленія организма, приводимыхъ Дарвиномъ. На островѣ Мадерѣ изъ 550 видовъ различныхъ жуковъ 200 на столько безкрылы, что не могутъ летать, а изъ 29 мѣстныхъ мадерскихъ видовъ не менѣе 23 представляютъ эту особенность. Дарвинъ объясняетъ этотъ замѣчательный фактъ тѣмъ, что безкрылость, или слабокрыліе, или, наконецъ, *случайная* лѣность спасали жуковъ отъ погибели въ морѣ и, такимъ образомъ, жуки безкрылые или съ малымъ развитіемъ крыльевъ были поставлены въ болѣе благопріятныя условія жизни на маленькомъ островѣ, чѣмъ жуки, обладающіе сильными крыльями. Эта же причина повела къ тому, что на Мадерѣ стали преобладать виды жуковъ безкрылыхъ. «Ибо въ теченіи тысячей послѣдовательныхъ поколѣній всякій отдѣльный жукъ, летавшій менѣе, либо отъ малѣйшаго недостатка въ развитіи крыльевъ, либо отъ прирожденной лѣни, долженъ былъ подвергаться въ меньшей мѣрѣ опасности быть занесеннымъ въ море; а съ другой стороны, жуки, наиболѣе расположенные къ летанію, должны были всего чаще заноситься въ море, слѣдовательно погибать» [1]),

12. Разобравъ это явленіе, мы увидимъ, что оно возникаетъ не изъ *одной* причины, а изъ совокупнаго дѣйствія *трехъ*: 1) изъ орографическихъ и климатическихъ условій той мѣстности, гдѣ порода развилась: небольшая величина острова, окружающій его со всѣхъ сторонъ океанъ и господствующіе на немъ вѣтры; 2) изъ стремленія индивидовъ, составляющихъ породу, къ жизни индивидуальной и потомственной, которая побуждала ихъ занимать всякое свободное мѣсто, оставляемое ги-

[1]) Тамъ же, стр. 113.

белью другихъ индивидовъ, что, конечно, условливается болѣе всего потребностью пищи, и наконецъ, 3) изъ тѣхъ малѣйшихъ уклоненій въ устройствѣ органовъ или въ инстинктѣ, безъ которыхъ самый естественный подборъ былъ-бы невозможенъ. Причина этихъ уклоненій намъ неизвѣстна и потому мы могли бы приписать ее *случаю*, если бы только не знали, что *случай* есть слово, лишенное всякаго смысла въ наукѣ [1]). Слѣдовательно, мы должны приписать эти уклоненія *неизвѣстной* намъ причинѣ, дѣйствующей съ такою постепенностью, что мы едва замѣчаемъ ея дѣйствіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, но которая, въ продолженіи многихъ и многихъ тысячелѣтій, даетъ въ результатѣ громадныя явленія.

13. Но извѣстны ли намъ дѣйствительно двѣ первыя причины? Стремленіе къ существованію индивидуальному и потомственному есть тоже не болѣе какъ фактъ, который мы повсемѣстно наблюдаемъ и въ себѣ и въ другихъ организмахъ, но дѣйствительной причины котораго точно также не знаемъ. Фактъ питанія, роста и размноженія есть именно тотъ фактъ, которымъ отличается органическій міръ отъ неорганическаго, а потому и вопросъ о причинахъ этого факта сводится на вопросъ о появленіи первыхъ организмовъ на земномъ шарѣ. Гегелевскую философію такъ смущалъ этотъ вопросъ, что она отвергала существованіе такого времени, когда не было въ природѣ организмовъ и человѣка; а потому отвергала и всю геологію. Естественныя же науки показали эту односторонность философской теоріи, доказавъ до очевидности ясно, что земной шаръ находился когда-то въ такомъ состояніи, которое исключаетъ всякую возможность не только существованія на немъ организмовъ, но и какихъ бы то ни было органическихъ зародышей. Какой организмъ или зародышъ организма, словомъ, какая организованная ткань выдержитъ температуру расплавленнаго или даже газообразнаго желѣза? Также неудачны, какъ и гегелевская теорія, оказались попытки естествоиспытателей показать возможность *самостоятельнаго зарожденія* организмовъ изъ неорганическихъ элементовъ; эту невозможность вполнѣ призналъ и Дарвинъ [2]). Слѣдовательно, остается также приписать *случаю* появленіе организмовъ на нашей планетѣ, т. е. другими словами, приписать случаю инициативу питанія и развитія, который одинаково дѣйствуетъ въ растеніяхъ и животныхъ: приписать *случаю*, т. е., другими словами, *неизвѣстной намъ причинѣ*.

14. Тоже самое относится и къ первому изъ тѣхъ трехъ условій, изъ дѣйствія которыхъ слагается разбираемое нами явленіе. Геологія показала намъ до очевидности ясно, что земной шаръ не только не всегда представлялся въ томъ видѣ, въ какомъ мы его теперь видимъ; но что

---

[1]) Педагогич. Антроп. Ч. I. Гл. XXXIX. п. 20 и 21.

[2]) О происх. видовъ стр. 104. «Научныя данныя, говоритъ Дарвинъ, не позволяютъ намъ вѣрить болѣе въ зарожденіе живыхъ существъ изъ вещества неорганизованнаго».

и теперь онъ, какъ и въ прежнее время, безпрестанно измѣняетъ свои формы. Причинъ этихъ измѣненій много; но первая причина этого движенія въ измѣненіи формъ земнаго шара точно также признается всѣми неизвѣстною. Само собою видно, что вліяніе этого условія на разбираемое нами явленіе громадно. Все приспособленіе, выражающееся въ разнообразіи органовъ и инстинктовъ, относится конечно къ условіямъ жизни на земномъ шарѣ: къ нимъ-то организмъ и приспособляется, а эти условія сами безпрестанно измѣняются. Скажемъ болѣе, самая прочность уже установившихся видовъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, прочность конечно относительная, зависитъ отъ условій жизни, представляемыхъ земнымъ шаромъ своимъ обитателямъ. Чѣмъ болѣе отдѣльныхъ сферъ жизни выработывалось на земномъ шарѣ, тѣмъ болѣе упрочивалось существованіе на немъ разнообразныхъ видовъ, уже одолѣвшихъ въ борьбѣ за существованіе. Животныя, обитающія въ водѣ, уже менѣе борятся съ животными, обитающими на сушѣ или въ воздухѣ, а растенія, питающіяся преимущественно одними элементами, менѣе борятся съ растеніями, питающимися другими элементами, ненужными для первыхъ; животныя, уединенныя климатомъ въ извѣстномъ районѣ, менѣе могутъ бороться съ животными другихъ климатовъ, а животныя какого-нибудь отдаленнаго острова почти совершенно уединены отъ борьбы съ животными другихъ частей земнаго шара. Вотъ почему земной шаръ, представлявшій прежде болѣе однообразія въ своихъ климатахъ и въ своихъ формахъ, способствовалъ развитію и болѣе однообразной флоры и фауны, какъ это свидѣтельствуетъ геологія. Но чѣмъ болѣе разнообразились формы земнаго шара и его климаты, тѣмъ болѣе разнообразились и формы организмовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ установлялись въ нихъ и болѣе постоянные виды. Постоянный видъ дѣлался постояннымъ не потому только, что одолѣвалъ другіе виды въ борьбѣ за существованіе, но именно потому, что находилъ себѣ особенную сферу жизни или особенный элементъ для питанія, который все болѣе и болѣе утишалъ борьбу за существованіе. Если виды близкіе, какъ справедливо доказываетъ Дарвинъ, болѣе борятся за свое существованіе, чѣмъ виды далекіе [1]), то это главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что виды далекіе дальше другъ отъ друга именно по условіямъ своего существованія, чѣмъ виды близкіе, а отсюда и происходило то, что съ разнообразіемъ и, такъ сказать, съ обособленіемъ этихъ условій на поверхности нашей планеты, установлялось большее разнообразіе и относительно большая прочность органическихъ видовъ.

15. Такимъ образомъ естественныя науки приводятъ насъ къ *тремъ причинамъ*, обусловливающимъ удивительную приспособленность организмовъ къ разнообразнымъ условіямъ жизни на земномъ шарѣ. Тѣ же причины, которыя Дарвинъ называетъ причинами,—въ сущности не причины, а только средства совершенія того процесса, двигателями кото-

---

[1]) Тамъ же, стр. 88.

раго являются для насъ *три неизвѣстныя причины*, а результатами— все поразительное разнообразіе органическихъ формъ и ихъ изумительная приспособленность къ условіямъ жизни, среди которыхъ они поставлены. Такими средствами великаго процесса природы являются: 1) подборъ родителей, объясняемый Дарвиномъ, 2) вліяніе усилій животныхъ организмовъ приладиться къ условіямъ жизни на развитіе органовъ и инстинктовъ или на уничтоженіе ихъ отъ неупотребленія, 3) половая борьба особей мужскаго пола [1]), 4) подборъ, производимый особями женскаго пола [2]), 5) наслѣдственность, какъ тѣхъ уклоненій въ органахъ и инстинктѣ, причинъ которыхъ мы не знаемъ, такъ и тѣхъ, которыя происходятъ вслѣдствіе усилій животнаго приспособиться къ условіямъ жизни.

16. Можно ли гадать о томъ, сливаются ли всѣ три великіе дѣятели, указанные нами, въ одинъ, или каждый изъ нихъ есть особая и особо дѣйствующая сила? Можно ли гадать о томъ, что сила, безпрестанно вызывающая уклоненіе въ формахъ и инстинктахъ, въ тоже самое время вызываетъ постоянное измѣненіе въ формахъ земнаго шара и появленіе новыхъ и новыхъ организмовъ, оживляя ихъ стремленіемъ къ индивидуальному и потомственному существованію? Можно ли гадать о томъ, что во всѣхъ трехъ сферахъ своей дѣятельности эта сила дѣйствуетъ по одному плану? — Конечно, можно. Но если мы поспѣшимъ начертить этотъ планъ, то рискуемъ опять возобновить туманы гегелевской философіи, только-что разогнанные положительною наукою. Если-же наше вниманіе привлечено будетъ болѣе самою силою, то мы создадимъ безсмысленную шопенгауеровскую волю. Если же, наконецъ, мы захотимъ этотъ планъ и эту силу облекать въ созданіе нашего воображенія, то можетъ быть возобновимъ одну изъ отжившихъ миѳологій. Мы же считаемъ за лучшее воспользоваться драгоцѣнными указаніями наукъ, и, не увлекаясь никакими мечтами, остановимся тамъ, гдѣ останавливаются факты, признавая полную психическую возможность фактовъ извѣстныхъ и въ тоже время необъяснимыхъ, какъ тотъ великій фактъ, на основаніи котораго астрономія предсказываетъ намъ появленіе кометъ, но котораго объяснить не въ силахъ.

17. Въ слѣдующей главѣ мы сдѣлаемъ психологическое примѣненіе этихъ фактовъ, извлеченныхъ изъ естествознанія; но здѣсь мы позволимъ себѣ предупредить нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя могли бы возникнуть при чтеніи оканчиваемой главы. Если нашимъ читателямъ покажется, что мы хотимъ уменьшить значеніе великой мысли Дарвина, то они очень ошибутся. Мы думаемъ, наоборотъ, что эта мысль, бывшая результатомъ и превосходнымъ завершеніемъ множества предшествующихъ попытокъ, одна только придаетъ смыслъ и жизнь той части естественныхъ наукъ, которая извѣстна подъ именемъ описательной бота-

[1]) Ibid., стр. 71.
[2]) Ibid., стр. 72.

ники и описательной зоологіи. Одна только эта мысль способна извлечь эти безчисленные и плохо связанные факты изъ того мертвеннаго состоянія, въ которомъ они до сихъ поръ находятся и въ которомъ они мало приносили пользы дѣлу воспитанія, не смотря на вѣрное, повсюду проникшее желаніе внести ихъ въ эту область жизни. Мы, напротивъ, желали бы, на сколько станетъ у насъ силъ, оказать услугу не Дарвину, конечно, который въ ней не нуждается, но успѣху его ученія у насъ, показавъ всю безсмысленность тѣхъ тупоумныхъ криковъ противъ естествознанія, которые такъ часто слышались у насъ въ послѣднее время конечно отъ людей столько же невѣжественныхъ въ естествознаніи, сколько и достаточно наглыхъ, чтобы съ увѣренностью говорить о вредѣ или пользѣ того, чего они вовсе не знаютъ. Ученіе Дарвина, освобожденное отъ тѣхъ лихорадочныхъ фантазій, которымъ оно подало поводъ въ умахъ неразвитыхъ логически, есть, по нашему сужденію, не только такое ученіе, которое придаетъ живой смыслъ всему естествознанію и можетъ сдѣлать его самымъ могучимъ образовательнымъ предметомъ для дѣтства и юности, но и заключаетъ въ себѣ глубокій нравственный смыслъ. Оно фактически показываетъ намъ, что мы живемъ посреди великаго процесса творчества и вѣчнаго совершенствованія, двигателемъ котораго является невѣдомая, но чувствуемая нами причина, передъ которою и самый гордый умъ склонится съ благоговѣніемъ. Прискорбно видѣть, что положительное тупоуміе однихъ и лихорадочный бредъ другихъ не позволяютъ идеѣ Дарвина принести въ области воспитанія всей той практической пользы, которую она принести можетъ.

ГЛАВА XXXVI.

Психологическіе выводы изъ теоріи Дарвина.

1. Физіологическая и механическая теоріи воли разсматриваютъ ее какъ явленіе, обнаруживаемое индивидуальными сознательными существами въ произвольныхъ движеніяхъ, какъ внѣшнемъ выраженіи ихъ способности чувствовать. Обѣ эти теоріи, слѣдовательно, принимаютъ волю, какъ явленіе индивидуальное, замѣчаемое человѣкомъ прежде всего въ самомъ себѣ и потому какъ явленіе *субъективное*. Философскія же теоріи, наоборотъ, берутъ волю какъ нѣчто *объективное*, внѣ человѣка дѣйствующее, дѣйствующее и въ человѣкѣ, но какъ въ одномъ изъ организмовъ природы, невѣдомо и неотразимо для него самого. Но такъ-какъ всякія философскія фантазіи, какъ бы ни казались онѣ отвлеченны и фантастичны, всегда имѣютъ своимъ источникомъ тотъ-же опытъ и наблюденіе, то мы и были приведены къ тѣмъ фактамъ, изъ которыхъ извлечено было объективное представленіе воли. Въ обзорѣ этихъ фактовъ намъ могущественно помогъ Дарвинъ. Онъ сосредоточилъ для насъ тѣ наблюденія и выводы естествознанія, изъ которыхъ мы можемъ получить уже не фантастическое, а основанное на фактахъ понятіе той

объективной воли, о которой Гегель и Шопенгауэръ только фантазируютъ.

2. Дарвинъ самъ намекаетъ на возможность приложенія проводимыхъ имъ идей въ психологической области. «Въ отдаленномъ будущемъ, говоритъ онъ, предвижу я, что для изслѣдованія откроются еще новыя, еще болѣе важныя области: психологія пріобрѣтетъ новыя основанія— необходимость постепеннаго пріобрѣтенія всякой умственной силы и способности [1])». Трудно угадать, какая мысль проскользнула въ умѣ Дарвина, когда писалъ онъ эти строки; но мы можемъ сказать, что психологія уже со времени Локка въ Англіи и Гербарта въ Германіи открываетъ ту же постепенность въ приспособленіи человѣческаго ума къ условіямъ жизни, какую раскрываетъ намъ Дарвинъ въ приспособленіи органическихъ формъ вообще и инстинктовъ животныхъ къ тѣмъ же самымъ условіямъ. Кромѣ того, мы видимъ также, что и человѣкомъ во многихъ отношеніяхъ движетъ та же невѣдомая сила, которая дѣйствуетъ въ растеніяхъ и животныхъ. Стремленіе къ индивидуальному, общественному и потомственному существованію, вызвавшее въ растеніяхъ и животныхъ такія дивныя приспособленія къ условіямъ жизни, вызвало ихъ и въ человѣкѣ, побѣждающемъ теперь уже во многомъ и пространство, и время, и стихіи, прежде казавшіяся непобѣдимыми. Изъ этого великаго стремленія, общаго всему органическому міру, и только изъ него одного, мы можемъ объяснить появленіе въ человѣкѣ множества чувствованій и желаній. Мы выше признали стремленіе только гипотезою, но гипотезою совершенно необходимою на психологической почвѣ [2]); теперь же достовѣрность и необходимость этой гипотезы еще болѣе для насъ увеличивается, когда мы видимъ, что и естественныя науки, идя другимъ путемъ и на основаніи фактовъ своей области, приходятъ къ той же гипотезѣ органическихъ стремленій.

3. Приспособлялся ли человѣческій организмъ къ условіямъ жизни на земномъ шарѣ тѣмъ же путемъ, какъ приспособлялись къ нему и другіе животные организмы—въ изслѣдованіе этого вопроса, мало имѣющаго значенія для нашей цѣли, мы входить не будемъ, не смотря на весь его спеціальный интересъ. Замѣтимъ только, что факты по этому вопросу, собранные до сихъ поръ, свидѣтельствуютъ о значительномъ измѣненіи въ формѣ человѣческаго черепа, въ которомъ значительно увеличилась передняя часть на счетъ затылочной и вообще увеличился личной уголъ. Совершилось ли это измѣненіе, безъ сомнѣнія имѣющее важное значеніе, вслѣдствіе постояннаго, продолжительнаго и наслѣдственнаго дѣйствія причины, указанной Ламаркомъ, т. е. вслѣдствіе усиленной работы мозговой системы, или вслѣдствіе причины, указанной Дарвиномъ, т. е. вслѣдствіе *подбора родителей*, — рѣшить трудно. Вѣроятно, однако, что обѣ причины дѣйствовали вмѣстѣ и первая сильнѣе

---

[1]) Ibid., стр. 386.

[2]) См. выше, гл. V.

второй. На это намекаетъ относительная быстрота этихъ измѣненій. Мы замѣчаемъ уже большую разницу въ черепахъ людей, жившихъ, по всѣмъ признакамъ, не далѣе какъ за три или за четыре тысячи лѣтъ. Естественный же подборъ родителей можетъ дѣйствовать ощутительно только въ огромные періоды времени. Во всякомъ случаѣ здѣсь идетъ только дѣло о наслѣдственной передачѣ болѣе сильной мозговой системы, которая вполнѣ совмѣстна и съ совершенною неразвитостью человѣка.

4. Какъ бы то ни было, но для всякаго ясно, что давно уже приспособленіе человѣка къ условіямъ жизни на земномъ шарѣ идетъ не тѣмъ путемъ, какимъ шло и продолжаетъ идти приспособленіе другихъ растительныхъ и животныхъ организмовъ. Рѣзкое различіе между приспособленіемъ человѣка къ условіямъ жизни и приспособленіемъ къ нимъ другихъ животныхъ и растеній заключается въ томъ, что въ животныхъ и растеніяхъ всякое новое приспособленіе какъ формъ, такъ и инстинктовъ, сохраняется *наслѣдственною передачею* этихъ приспособленій помимо сознанія, въ самомъ организмѣ, передаваясь непостижимымъ для насъ образомъ въ таинственномъ актѣ зарожденія. Ласточка, никогда не видавшая, какъ вьютъ гнѣздо птицы ея породы, начнетъ вить его, когда придетъ пора, точно также, какъ вили ея родители, если только у нея не будетъ недостатка въ матеріялахъ. Слѣдовательно принявъ мысль Дарвина, что искусство вить гнѣзда, врожденное ласточкѣ, есть сумма множества послѣдовательныхъ приспособленій, мы должны заключить, что эта сумма могла образоваться только при органической наслѣдственности сдѣланныхъ приспособленій. *Совершенно не то видимъ мы въ исторіи человѣческихъ приспособленій.* Дитя европейскаго живописца, перенесенное въ младенчествѣ въ Китай, *можетъ быть* и проявитъ наклонность и способность къ живописи, но къ живописи китайской и не обнаружитъ ни малѣйшихъ понятій о перспективѣ, какъ бы эти понятія ни были присущи его родителямъ. Дитя величайшаго музыканта, заброшенное въ младенчествѣ на дикій островъ, начнетъ свое музыкальное образованіе съ дикихъ, раздирающихъ слухъ звуковъ. Дитя человѣка самаго образованнаго и привыкшаго жить со всѣмъ комфортомъ европейскихъ столицъ, перенесенное въ страну дикарей, станетъ строить шалашъ, подобный тѣмъ, которые строятся окружающими его людьми. Мы не замѣтимъ въ такихъ дѣтяхъ никакихъ наслѣдственныхъ приспособленій, сдѣланныхъ безчисленными ихъ предками и имъ придется начать эти приспособленія снова. Если бы кто-нибудь усумнился и въ этихъ несомнѣнныхъ фактахъ, тому мы посовѣтуемъ обратить вниманіе на то, какимъ путемъ распространилось европейское образованіе между дикарями, и онъ убѣдится, что наслѣдственная органическая передача не имѣла при этомъ никакого значенія. Слѣдовательно, смотря на приспособленіе человѣческаго ума какъ на дальнѣйшій ходъ органическихъ приспособленій природы, мы должны признать, что этотъ ходъ принялъ въ человѣкѣ иное направленіе, совершенно чуждое всему остальному органическому міру.

5. Мы не отрицаемъ, какъ объяснили уже прежде [1]), что и въ человѣческомъ организмѣ дѣйствуетъ законъ *органической наслѣдственности*, какъ въ отношенія органовъ, такъ и въ отношенія привычекъ и наклонностей; но только думаемъ, что эта органическая наслѣдственность, имѣющая все еще большое значеніе въ индивидуальныхъ характерахъ, не имѣетъ уже почти никакого въ томъ общемъ для человѣчества приспособленіи къ условіямъ жизни, которое передается уже не органическою наслѣдственностью, а *историческою преемственностью*. Вотъ почему, приписывая немаловажное значеніе вліянію произвольныхъ усилій, оказываемыхъ человѣкомъ на измѣненія въ своемъ собственномъ организмѣ, мы никакъ не ожидаемъ, подобно нѣкоторымъ мечтателямъ, чтобы эти усилія могли современемъ ускорить до чрезвычайной степени движенія человѣка, дать ему громадную физическую силу или выростить ему крылья. Сила человѣка—его паровыя машины; быстрота его—его паровозы и пароходы; а крылья уже растутъ у человѣка и развернутся тогда, когда онъ выучится управлять произвольно движеніемъ аэростатовъ. Онъ и теперь уже бѣгаетъ быстрѣе оленя, плаваетъ лучше рыбы, и скоро, вѣроятно, будетъ летать неутомимѣе птицы. Ходъ приспособленій къ условіямъ жизни принялъ у человѣка слѣдовательно совершенно новое направленіе, чуждое другимъ организмамъ земнаго шара.

6. Другое рѣзкое различіе человѣческаго приспособленія къ условіямъ жизни заключается въ томъ, что, тогда-какъ животное неудержимо повинуется стремленію организма къ жизни, и всѣ его дѣйствія объясняются только этимъ стремленіемъ, человѣкъ, какъ мы видимъ, можетъ вооружиться противъ самаго этого стремленія, подавить и отвергнуть его. «Кто можетъ умереть — того нельзя ни къ чему принудить» говорили римляне; но умереть произвольно можетъ только человѣкъ и потому вся громадная сила природы, устремляющая къ жизни всѣ организмы, уступаетъ волѣ человѣка, который, руководясь совершенно новыми стремленіями, чуждыми другимъ организмамъ, можетъ пренебречь своими органическими стремленіями: не повиноваться тому голосу природы, которому животное и растенія и не пытаются не повиноваться. Въ человѣкѣ, слѣдовательно, есть какая-то особая, чуждая всему остальному міру, точка опоры, дающая ему самостоятельность во всеувлекающемъ великомъ процессѣ природы.

7. Третье различіе заключается въ томъ, что въ великой борьбѣ всѣхъ организмовъ за существованіе въ человѣкѣ, и только въ немъ одномъ, пробуждается антагонизмъ самой этой борьбѣ: *всесильное давитъ слабое*—это законъ всей природы, и вдругъ въ человѣчествѣ возникаетъ религія, совершенно противоположная этому великому закону природы—религія слабыхъ и угнетенныхъ! Какъ бы кто ни смотрѣлъ на христіанскую религію, но наука не можетъ на нее смотрѣть иначе, какъ на

[1]) Педаг. Антр. Ч. I. Гл. XIV.

историческое явленіе, возникающее изъ потребностей и свойствъ души человѣческой. Если бы идея борьбы за существованіе была единственнымъ статутомъ и человѣческой жизни, то самое появленіе и распространеніе религіи слабыхъ и угнетенныхъ не было бы возможно въ человѣчествѣ.

8. Но если *историческая преемственность* замѣняетъ въ человѣкѣ *органическую наслѣдственность*, управляющую совершенствованіями другихъ организмовъ, растительныхъ и животныхъ, то это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ же общимъ органическимъ стремленіямъ къ бытію и въ человѣкѣ быть источникомъ множества его желаній и побудкою множества его дѣйствій. Въ этомъ отношеніи конечно можно сказать, что *объективная воля* становится *субъективною волею* человѣка. Но, чтобы не давать повода ко всякаго рода фантазіямъ и принимая въ расчетъ, что знаніе факта воли добывается психическимъ самонаблюденіемъ, результатъ котораго уже впослѣдствіи переносится на объективную природу, мы полагаемъ за лучшее сохранить терминъ *воли* исключительно для психическаго факта и терминъ *органическаго стремленія* для того, внѣ насъ совершающагося факта, которому Спиноза, Гегель и Шопенгауеръ даютъ названіе воли. Конечно желанія возникаютъ также и изъ органическихъ стремленій и результатомъ желаній является актъ воли; но это не даетъ намъ никакого права переворачивать этотъ процессъ на изнанку и выводить самыя желанія изъ воли.

9. Мы не можемъ не только представить себѣ такую объективную волю, но не можемъ даже свести въ одну систему всѣхъ тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ было создано это фантастическое существо. Наукѣ, по всей вѣроятности, придется еще долго работать, пока ей удастся, если только это когда нибудь-удастся ей, такъ свести и объяснить всѣ явленія, совершающіяся въ доступномъ намъ мірѣ внѣшней природы, чтобы можно было вывести всѣ эти явленія изъ одного какого-нибудь принципа. Всякія же преждевременныя постройки въ этомъ отношеніи мы считаемъ даже вредными для фактической психологіи. Если спеціалистъ увлекается какою-нибудь кажущеюся ему возможностью привести изучаемыя имъ явленія къ одному принципу, то это увлеченіе можетъ быть очень полезно, такъ-какъ оно часто ведетъ спеціалиста къ новымъ и новымъ открытіямъ, если и не приводитъ его къ ожидаемому принципу. Но тотъ же самый предполагаемый принципъ, взятый другою наукою уже какъ готовый фактъ, можетъ принести ей существенный вредъ. Но вредъ этотъ дѣлается ощутительнымъ, когда эти гипотетическіе принципы, хотя и двигающіе науку, но безпрестанно измѣняющіеся, вносятся, какъ готовыя понятія, въ мышленіе человѣка и употребляются имъ уже не какъ гипотеза, а какъ факты въ постройкѣ его міросозерцанія. Наконецъ, практическій вредъ оказываютъ такія гипотезы и построенныя на нихъ міросозерцанія, когда они вносятся въ такую практическую область, каково воспитаніе.

10. На этомъ основаніи, принимая гипотезу стремленій, и на осн-

ванія психологическихъ наблюденій, и на основаніи фактовъ естественныхъ наукъ, мы тѣмъ не менѣе не приводимъ этихъ стремленій въ одну систему объективной воли, хотя и смотримъ на желанія какъ на такія психическія явленія, которыя объясняются только прирожденными стремленіями.

ГЛАВА XXXVII.

Результаты критическаго обзора теорій воли.

1. Какъ ни кратокъ былъ нашъ обзоръ различныхъ теорій воли, но и онъ далъ уже намъ нѣсколько *положительныхъ* результатовъ: положительныхъ или потому, что они даютъ намъ какое-нибудь положительное знаніе, знаніе факта, или потому, что они разрушаютъ какое-нибудь призрачное знаніе, какое нибудь созданіе фантазіи, только путающее наши психологическія понятія. Перечислимъ же коротко эти результаты.

2. *Во-первыхъ*, мы знаемъ, что воля, во всякомъ случаѣ, есть явленіе психическое, о которомъ мы узнаемъ только изъ самонаблюденія, а не изъ наблюденій, и что мы переносимъ результатъ нашего личнаго самонаблюденія на другихъ людей и на животныхъ только *по аналогіи*, сила которой тѣмъ болѣе слабѣетъ, чѣмъ далѣе отстоитъ отъ насъ то существо, которому мы приписываемъ волю. Переносъ же воли въ неодушевленную природу не имѣетъ себѣ уже никакого оправданія. Это чистая фикція, имѣющая свое мѣсто или въ миѳологіи, или поэзіи, или въ фантастическихъ философскихъ системахъ, которая, наконецъ, можетъ имѣть свое полное оправданіе въ вѣрованіяхъ, но которая никакимъ образомъ не можетъ составить положительнаго знанія и войти въ число фактовъ науки.

3. *Во-вторыхъ*, мы убѣдились, что понятіе о волѣ извлекается нашимъ сознаніемъ его обычнымъ путемъ, т. е. путемъ сравненія, только при направленіи сознанія на наши собственные психическіе акты, направленіи, которому Локкъ придалъ неудачное названіе *рефлексіи* и за которымъ мы считаемъ лучшимъ сохранить терминъ *самосознанія* или *самонаблюденія*. Сравнивая одни наши движенія съ другими, произвольныя съ непроизвольными, мы замѣчаемъ рѣзкое различіе между ними и это различіе выражаемъ словомъ *воля*: одни движенія мы называемъ непроизвольными, другія—произвольными. Вникая ближе въ этотъ фактъ, мы замѣчаемъ, что произвольныя движенія сопровождаются *чувствомъ усилія*, а непроизвольныя имъ не сопровождаются. Вглядываяеь въ условія проявленія этого чувства усилія, мы замѣтили всю невозможность объяснить его какимъ либо физіологическимъ путемъ. Наблюдая же надъ условіями возрастанія и ослабленія этого чувства, мы убѣдились, что оно принадлежитъ душѣ и проявляетъ собою степень трудности произвольнаго передвиженія физическихъ силъ въ организмѣ: произвольное и

для тѣла насильственное извлеченіе изъ однихъ физіологическихъ процессовъ и обращеніе въ другіе.

4. *Въ-третьихъ*, мы нашли, что всякое движеніе представляетъ собою пропорціональную ему трату физическихъ силъ. Физическія силы выработываются единственно изъ силъ природныхъ, принимаемыхъ организмомъ въ процессѣ питанія. Эти силы, находящіяся въ пищѣ и потомъ въ крови, и потомъ, наконецъ, въ тканяхъ тѣла, въ скрытомъ состояніи, или въ состояніи скрытыхъ движеній (*потенціальныя* силы, какъ называетъ ихъ Фехнеръ), переходятъ при тѣлесныхъ движеніяхъ въ состояніе силъ открытыхъ или въ открытыя движенія, уже замѣтныя для нашихъ чувствъ, именно въ формѣ движеній, а не въ формѣ тепла или электричества. Такое преобразованіе запасныхъ или скрытыхъ силъ въ открытыя движенія совершается или независимо отъ нашей души или по ея воздѣйствію, и только въ этомъ послѣднемъ случаѣ сопровождается замѣтнымъ чувствомъ усилія.

5. *Въ-четвертыхъ*, мы убѣдились въ полной связи воли съ сознаніемъ, такой связи, что если въ сознаніи нашемъ образовалось желаніе и если это желаніе преодолѣло всѣ другія желанія и нежеланія, то оно само собою становится актомъ воли. Мы не нашли необходимости средняго термина между желаніемъ и волею; но для того, чтобы желаніе выразилось въ актѣ воли, необходимо: 1) чтобы стремленіе, изъ котораго желаніе возникаетъ, одолѣло всѣ прочія стремленія и 2) чтобы представленіе, которое одно только и дѣлаетъ стремленіе опредѣленнымъ желаніемъ, одолѣло всѣ прочія представленія, удаливъ всѣ противоположныя, усилившись всѣми помогающими. Какъ только этотъ процессъ въ выработкѣ желанія совершится вполнѣ, какъ только желаніе станетъ желаніемъ *всей* души, такъ *власть* души надъ тѣломъ и проявится въ актѣ воли. Тѣло повинуется душѣ, когда она *вся* хочетъ одного и того же. Вотъ почему мы выразились, что желаній въ душѣ можетъ быть много, а воля только одна, приписывая въ этомъ случаѣ названіе желанія и тѣмъ желаніямъ, которыя еще не вполнѣ сформировались. Для отличія же желаній, не вполнѣ сформировавшихся и еще не вполнѣ овладѣвшихъ всею душою, а борющихся съ другими желаніями и нежеланіями, мы предлагаемъ назвать желаніе, вполнѣ сформировавшееся и даже овладѣвшее душою,—*рѣшеніемъ*; но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы всегда помнить, что рѣшенія суть тѣ же желанія, но только вполнѣ сформировавшіяся и овладѣвшія *всею* душою, и что въ рѣшеніяхъ не присоединяется никакого новаго самостоятельнаго элемента, который мы могли бы назвать волею или какъ нибудь иначе. Рѣшеніе есть только окончаніе борьбы желаній побѣдою одного.

6. *Въ-пятыхъ*, мы убѣдились еще болѣе въ полной необходимости гипотезы стремленій, нашедшей себѣ подтвержденіе въ фактахъ добытыхъ совсѣмъ инымъ путемъ — путемъ наблюденія въ системѣ естествознанія. Ученіе, формулированное и завершонное Дарвиномъ, по-

могло намъ выяснить себѣ всю необходимость гипотезы стремленій не только для психологіи, но и для естественныхъ наукъ.

7. *Въ-шестыхъ*, мы убѣдились, что то же самое стремленіе, которое естественныя науки вынуждены признать въ растительныхъ и животныхъ организмахъ, проявляется и для психолога въ томъ воздѣйствіи тѣлеснаго организма человѣка на его душу, которое выражается въ ней цѣлою массою желаній, объясняемыхъ только органическими стремленіями. Но стремленіе дѣлается желаніемъ тогда, когда посредствомъ какого нибудь чувствованія, сопровождавшаго опытъ удовлетворенія, оно связывается съ представленіемъ: безъ представленія желаемаго нѣтъ желанія (ignoti nulla copido).

8. *Въ-седьмыхъ*, стремленіе, отыскиваемое во внѣшней для человѣка природѣ, стремленіе къ бытію и къ безграничному распространенію бытія въ пространствѣ и времени, существуетъ также и въ человѣческомъ организмѣ, какъ существуетъ оно въ растеніяхъ и животныхъ. Въ растеніяхъ это стремленіе не ощущается, хотя и замѣчается нами; въ животныхъ, оно, *по всей вѣроятности*, ощущается также, какъ и въ насъ, и выражается множествомъ разнообразныхъ желаній; но тогда какъ растенія и животныя *неудержимо* увлекаются этимъ стремленіемъ, въ человѣкѣ есть *какая то*, *еще невѣдомая намъ точка опоры*, которая позволяетъ ему возстать противъ этого стремленія природы и не удовлетворить ему.

9. *Въ-восьмыхъ*, мы убѣдились, что весьма вредно для науки придавать этому стремленію, живущему и въ организмѣ человѣка, и во всѣхъ организмахъ природы, названіе *воли*, а потому и предлагаемъ сохранить за нимъ названіе *органическаго стремленія*. Откуда идетъ это стремленіе, и чѣмъ оно условливается—опредѣлить это есть дѣло естественныхъ наукъ; ибо стремленіе, въ противоположность волѣ, узнается только наблюденіемъ. Сознаніе же, обращенное на акты души, находитъ между ними уже желанія, а не стремленія. Въ изученіи стремленій и ихъ условій естественныя науки много поработали и вѣроятно еще много будутъ работать. Мы же считаемъ за наилучшее для психолога и въ особенности для педагога, не увлекаясь въ этомъ отношеніи гипотезами, необходимыми для спеціалистовъ, и возникающими изъ нихъ преждевременными надеждами, всегда останавливаться только на фактахъ, уже вполнѣ признанныхъ наукою.

10. Если мы соединимъ всѣ эти результаты съ тѣми, которые добыли прежде, то найдемъ, что кромѣ этихъ стремленій, идущихъ изъ тѣлеснаго организма человѣка, мы должны признать въ немъ еще одно, уже необъясняемое растительными потребностями организма. Это стремленіе мы назвали стремленіемъ души къ сознательной дѣятельности, или *къ жизни* въ тѣсномъ и, по нашему мнѣнію, совершенно русскомъ смыслѣ этого слова. Русскій народный языкъ не признаетъ жизни за растеніями: для него растенія ростутъ и одни только животныя живутъ. Принимая же слово жизнь въ смыслѣ чувства и дѣйствія или произвольнаго движе-

нія, мы найдемъ, что стремленіе къ жизни идетъ въ разрѣзъ съ растительнымъ стремленіемъ къ росту, т. е. къ бытію индивидуальному и потомственному или, еще яснѣе, къ распространенію бытія въ пространствѣ и времени. Въ процессахъ жизни у животнаго тратятся тѣ физическія силы, которыя всецѣло идутъ въ растеніяхъ на ростъ и размноженіе и которыя въ животномъ только частію идутъ для того же назначенія, а частію потребляются въ процессахъ жизни. На этомъ основаніи мы говоримъ, что стремленіе къ жизни не можетъ быть выведено изъ растительныхъ стремленій, такъ-какъ оно противорѣчитъ имъ и должно быть приписано нами душѣ, которая для своихъ душевныхъ процессовъ тратитъ силы, пріобрѣтаемыя и накопляемыя растительными процессами тѣла.

11. Это раздѣленіе душевныхъ и тѣлесныхъ стремленій имѣетъ для психологіи чрезвычайную важность. Только имъ однимъ, какъ мы увидимъ далѣе, можетъ быть объяснено множество психическихъ явленій и въ особенности всѣ тѣ извращенія, которыя вноситъ душа въ естественныя стремленія или потребности тѣла, и которыя были бы совершенно невозможны, если бы удовлетвореніе этихъ потребностей совершалось безъ вмѣшательства души и ея особенныхъ требованій, какъ совершается оно въ растеніяхъ. Кромѣ тѣлесныхъ или растительныхъ стремленій и кромѣ душевнаго стремленія къ жизни, мы замѣчаемъ еще въ человѣкѣ особенныя стремленія, человѣку только свойственныя, или, яснѣе, замѣчаемъ въ человѣкѣ такія явленія, которыхъ невозможно объяснить ни изъ растительныхъ стремленій тѣла, ни изъ душевнаго стремленія къ жизни, и которыя потому мы приписываемъ особеннымъ, человѣку только свойственнымъ стремленіямъ или, по нашей терминологіи, стремленіямъ *духовнымъ*.

12. Отвергая всякое научное значеніе у понятія *объективной* воли, мы признаемъ только волю *субъективную*; ибо только въ этомъ видѣ и путемъ самонаблюденія мы узнаемъ о существованіи воли и можемъ фактически изучать ея различныя проявленія. Мы всецѣло приписываемъ волю душѣ, хотя признаемъ въ то же время, что мотивы, дающіе ей направленіе, могутъ проистекать и изъ тѣла, или вѣрнѣе, изъ органическихъ стремленій тѣлеснаго организма, общихъ всему органическому міру.

13. Самонаблюденіе приводитъ человѣка къ различнымъ выраженіямъ различныхъ проявленій одного и того же психическаго акта воли. И въ этомъ отношеніи мы болѣе всего дорожимъ тѣмъ самонаблюденіемъ человѣчества надъ проявленіемъ воли, которое выразилось въ языкѣ человѣка. Мы считаемъ часто за болѣе вѣрное руководствоваться этою общечеловѣческою психологіею, чѣмъ теоріями того или другого психолога, убѣдившись разъ въ односторонности этихъ теорій. Общечеловѣческая же психологія, выразившаяся въ языкѣ, придаетъ волѣ троякое значеніе.

14. *Во-первыхъ*, мы называемъ волею власть души надъ тѣломъ. На этомъ основаніи мы раздѣляемъ произвольныя движенія отъ непро-

извольныхъ и говоримъ, что тѣло повинуется или не повинуется волѣ души и ея желаніямъ.

15. *Во-вторыхъ*, общечеловѣческая психологія называетъ волею то самое психическое чувство, которое даетъ намъ возможность отличать желанія въ области психическихъ явленій. Это *чувство хотѣнія*, если можно такъ выразиться, на всѣхъ извѣстныхъ намъ языкахъ безразлично называется *волею*. Правда, психологи находятъ различіе между словами: «я желаю» и «я хочу», но это различіе несущественное; оно, какъ мы видѣли, означаетъ только различную степень выработки желаній и не существуетъ для души младенца. Воля есть только вполнѣ выработавшееся желаніе, овладѣвшее всею душою, и только противоборствующія представленія, замедляющія такую выработку желаній, дѣлаютъ то, что у взрослаго человѣка не всякое желаніе достигаетъ ступени воли. Въ русскомъ языкѣ два глагола *хотѣть* и *желать* означаютъ тоже только разныя ступени одного и того же процесса и если бы признать еще третій глаголъ—*волить*, то мы имѣли бы три прекрасныя выраженія для трехъ ступеней одного и того же процесса, взятаго въ началѣ, въ срединѣ и концѣ.

16. Къ этимъ *двумъ положительнымъ* понятіямъ о волѣ общечеловѣческая психологія присоединяетъ еще *третье — отрицательное*. Мы говоримъ о *волѣ*, какъ о чемъ-то противоположномъ *неволѣ*. Въ этомъ смыслѣ языкъ нашъ говоритъ, что человѣку дали волю, говоритъ о своеволіи, о стѣсненіи воли и т. п. Это третье значеніе воли прибавляетъ совершенно новое понятіе къ двумъ прежнимъ и на немъ отчасти основывается важное понятіе *вмѣняемости*.

17. Такимъ образомъ мы разсмотримъ по порядку: 1) волю, какъ власть души надъ тѣломъ, 2) волю, какъ желаніе въ процессѣ его формировки и 3) волю, какъ противуположность неволѣ.

ГЛАВА XXXVIII.

Воля *какъ власть* души надъ тѣломъ.

1. Власть души надъ тѣломъ есть *фактъ*, испытываемый каждымъ изъ насъ; но котораго никто объяснить не можетъ. Особенно таинственнымъ въ этомъ, всѣмъ извѣстномъ и въ тоже время непостижимомъ, фактѣ кажется то, что душа, существо нематерьяльное, дѣйствуетъ на матерію, на нервную систему. Это какъ-разъ на столько же непостижимо, какъ и дѣйствіе вибрацій матеріи, т. е. въ этомъ случаѣ, той же нервной системы на душу. Но оба эти несомнѣнные факта настолько же непостижимы, какъ и дѣйствіе одного матерьяльнаго тѣла на другое, матерьяльное же, отдѣленное пустымъ пространствомъ [1]). Кантъ справедливо замѣчаетъ въ своей «Критикѣ чистаго разума», что мы могли бы

[1]) Пед. Антр. Ч. I. Гл. XXXVIII п. 5—10.

раціонально задаваться вопросомъ о дѣйствіи матеріи на душу и души на матерію, если бы знали, что такое матерія и что такое душа въ существѣ своемъ. Но такъ-какъ и то и другое намъ одинаково неизвѣстно, такъ-какъ и то и другое *для науки* только *гипотетическіе принципы двухъ различныхъ сферъ явленій*, созданные для выраженія противоположности этихъ сферъ, то вопросъ о способѣ ихъ взаимнаго воздѣйствія остается вопросомъ, не представляющимъ данныхъ не только для своего разрѣшенія, но даже для своей правильной постановки. Почему бы душѣ не дѣйствовать на матерію и матеріи на душу? Какія свойства души или матеріи знаемъ мы, которыя не допускаютъ ихъ взаимнаго воздѣйствія? Никакихъ. Но такъ-какъ это воздѣйствіе совершается внѣ области нашего сознанія, освѣщающаго уже только результаты этого воздѣйствія (ощущенія и чувствованія, съ одной стороны, и произвольныя тѣлодвиженія, вслѣдствіе желаній, съ другой), то намъ остается только признать существующій фактъ и въ то же время признать невозможность его объясненія, а затѣмъ изучать послѣдствія этого факта. Мы такъ и поступимъ.

2. Власть души надъ тѣломъ очень велика: она можетъ доходить даже до такого истощенія силъ тѣла въ тѣхъ или другихъ произвольныхъ движеніяхъ, до такого извлеченія этихъ силъ изъ растительныхъ процессовъ организма, что самые эти процессы уже останавливаются, зачѣмъ слѣдуетъ или болѣзнь, или даже смерть. Эта же власть души надъ тѣломъ даетъ намъ возможность не только разрушительно, но и спасительно дѣйствовать на здоровье тѣлеснаго организма, откуда и происходитъ все врачебное значеніе гимнастики. Направляя *произвольно* процессъ выработки физическихъ силъ къ тѣмъ или другимъ мускуламъ, мы отвлекаемъ эти силы изъ другихъ частей организма и изъ другихъ процессовъ, и тѣмъ самымъ получаемъ возможность *произвольно* дѣйствовать на здоровье физическаго организма. Такъ тѣлесныя упражненія имѣютъ замѣтное вліяніе на уменьшеніе раздраженія въ центральныхъ мозговыхъ органахъ и едва ли есть лучшее средство успокоить раздраженный головной или спинной мозгъ, какъ занятіе умѣренными гимнастическими упражненіями. Но лечебное значеніе гимнастики не ограничивается только такимъ грубымъ, *огульнымъ* воздѣйствіемъ. Практика показываетъ, что гимнастика, спеціализируя такъ или иначе *произвольныя* движенія человѣка, излѣчиваетъ множество застарѣлыхъ болѣзней. Для психолога же въ этомъ лѣченіи гимнастикою замѣчательно то, что въ немъ человѣкъ *лѣчится положительно одною своею волею*, которая во всякомъ случаѣ есть ближайшая причина всѣхъ произвольныхъ движеній, употребляемыхъ гимнастикою, какъ врачебное средство. Принимая же въ расчетъ, на какое множество физическихъ процессовъ организма воля человѣка оказываетъ болѣе или менѣе сильное вліяніе, мы нисколько не сомнѣваемся, что *воля*, какъ могущественнѣйшее врачебное средство, будетъ болѣе и болѣе прилагаема къ медицинѣ. Чтобы убѣдиться, какъ велико можетъ быть вліяніе воли на физическіе процессы, стоитъ припомнить, какія чудеса дѣйствія воли в[illegible] ю показы-

ваютъ намъ индѣйскіе фанатики и фокусники. Конечно, въ этихъ случаяхъ могучимъ средствомъ человѣческой воли распоряжаются фанатизмъ и шарлатанство; но отъ этого самое средство остается не менѣе сильнымъ, и эта сила даетъ намъ полное право думать, что ею могутъ быть достигнуты важные результаты, если она будетъ направляема свѣтлымъ и серьезнымъ умомъ европейца.

3. Но кромѣ того, что направляя произвольно процессъ выработки физическихъ силъ въ тѣ или другія физическія движенія, мы отвлекаемъ эти силы изъ другихъ частей организма и изъ другихъ процессовъ, мы еще могущественно и произвольно содѣйствуемъ особенному развитію тѣхъ мускуловъ, къ которымъ устремляемъ по произволу преимущественную выработку физическихъ силъ изъ крови. Мы усиливаемъ питаніе мускуловъ и тѣмъ самымъ увеличиваемъ ихъ объемъ, а объемъ мускула, какъ мы видѣли, есть условіе количества силъ, могущихъ въ немъ развиваться [1]). Въ этомъ явленіи, подтверждаемомъ каждою мускулистою рукою кузнеца или сильно-развитою стопою танцовщика, мысль Ламарка, слишкомъ стушеванная Дарвиномъ, находитъ себѣ блестящее и очевидное подтвержденіе. Наслѣдственная же передача такого видоизмѣненія органовъ, производимаго произвольными усиліями человѣка, едва ли можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Мускулистыя руки дѣтей рабочаго класса и нѣжная рука аристократа развѣ не показываютъ намъ, что слѣды произвольныхъ физическихъ усилій могутъ также передаваться потомственно, какъ черты физіономіи или даже мимика [2]).

4. Бэнъ находитъ, что тѣлесныя движенія сами по себѣ намъ пріятны; но это не совсѣмъ справедливо. Тѣлесныя движенія могутъ быть намъ пріятны и непріятны. Пріятны они намъ, когда въ нихъ мы открываемъ выходъ *избытку* силъ физическихъ, который самъ по себѣ приводитъ нервный организмъ въ ненормальное состояніе, отражающееся въ душѣ тяжелымъ чувствомъ. Давая же исходъ чрезмѣрному избытку силъ, мы облегчаемъ это тяжелое чувство, удовлетворяемъ тѣлесной потребности движенія и *такое* движеніе, конечно, должно быть намъ пріятно. Само же по себѣ чувство *усилія*, т. е. чувство извлеченія душою силъ изъ организма, всегда есть чувство непріятное и напряженность этой непріятности тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе извлекаются душою силы изъ организма, т. е. чѣмъ истощеннѣе организмъ сравнительно съ тѣмъ движеніемъ, къ которому душа его призываетъ.

5. Но очень часто непріятность чувства усилія можетъ нейтрализироваться такъ, что самое усиліе становится намъ пріятнымъ по тому значенію, которое мы придаемъ движенію. Сознавая, напримѣръ, пользу тѣлесныхъ движеній для организма, мы съ удовольствіемъ подвергаемся тяжести усилія, какъ съ удовольствіемъ чувствуемъ боль горчишника, пьявокъ, ѣдкаго лекарства и т. п. Ощущеніе усилія остается *тяже-*

[1]) Пед. Антроп. Ч. I. Гл. VIII. п. 11—12.

[2]) Тамъ же. Гл. XIV. п. 5—10.

лимъ; но *непріятность* его исчезаетъ. Сознавая, что за тратою силъ слѣдуетъ утомленіе во всемъ тѣлѣ и хорошій аппетитъ, мы съ удовольствіемъ тратимъ силы, имѣя въ виду удовлетвореніе аппетита и сладость отдыха, т. е. возвращеніе силъ. Испытавъ на себѣ удовольствіе, которымъ сопровождается жадное поглощеніе силъ истощеннымъ, но истощеннымъ не до разстройства, организмомъ, мы съ удовольствіемъ тратимъ силы, въ виду предстоящихъ наслажденій. Уже этихъ однѣхъ причинъ, кромѣ тѣхъ особенныхъ цѣлей, для которыхъ можемъ мы предпринимать тѣ или другія движенія, достаточно для того, чтобы сдѣлать намъ пріятнымъ само по себѣ всегда тяжелое чувство усилія, съ которымъ душа извлекаетъ силы изъ растительныхъ процессовъ для произведенія произвольныхъ движеній.

6. Здѣсь рождается самъ собою вопросъ: простирается ли власть души только на мускульную систему и связанные съ нею двигательные нервы, или она оказываетъ вліяніе и на нервы чувствъ? Бэнъ держится перваго мнѣнія; но это заставляетъ его впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если можно еще, хотя съ большою натяжкою, допустить, что мы, посредствомъ какихъ-то неизвѣстныхъ мускуловъ оказываемъ произвольное вліяніе на нашъ слуховой органъ, прислушиваясь *произвольно* къ однимъ звукамъ и не слушая другихъ [1]), или что мы произвольно, не измѣняя положенія глаза, можемъ сосредоточить вниманіе на избранной чертѣ предмета, то какими же мускулами можемъ мы объяснить себѣ возможность *произвольнаго* вліянія на ходъ нашихъ представленій, а эта возможность, которую всякій замѣчаетъ въ самомъ себѣ, признается одинаково всѣми психологами и тѣмъ же самымъ Бэномъ [2])? Какими же мускулами можемъ мы объяснить возможность произвольнаго вліянія на задержку нашихъ чувствованій, или по крайней мѣрѣ, на распространеніе и воплощеніе ихъ въ нервномъ организмѣ [3])? Такимъ образомъ ясные факты вынуждаютъ насъ признать, что власть воли простирается на всю нервную систему, а не на одни *двигательные нервы*, если двигательными нервами признавать только тѣ, которые идутъ въ мускулы. Кажется раціонально было бы предположить, что всякая дѣятельность нервной системы, будетъ ли она выражаться въ тѣлесныхъ движеніяхъ или въ тѣхъ необходимо предполагаемыхъ движеніяхъ нервныхъ молекюлей, которыми сопровождаются какъ умственные, такъ и чувственные процессы, что всѣ эти нервныя движенія происходятъ болѣе или менѣе подъ вліяніемъ души, область котораго физіологія еще не обозначила. Сдѣлавъ такое предположеніе, мы поймемъ, откуда рождается то замѣтное чувство усилія, которое мы испытываемъ не только при произвольныхъ тѣлесныхъ движеніяхъ, но и при произвольныхъ умственныхъ или чувственныхъ актахъ,—когда,

[1]) См. Пед. Антр. ч. I, гл. VII п. 8 и примѣч.

[2]) Ibid. гл. XXIX.

[3]) См. выше, гл. XII, п. 11—12.

напримѣръ, мы стараемся вытѣснить изъ нашего сознанія какую нибудь безпокоющую насъ мысль или пріостановить распространеніе въ организмѣ какого нибудь возникшаго въ душѣ нашей чувствованія. Наблюдая внимательнѣе надъ собою, мы убѣдимся, что такое насильственное, т. е. *произвольное* подавленіе нами самими нашихъ же мыслей и чувствованій, равно какъ и произвольное направленіе нашего вниманія обходится намъ недаромъ и мы испытываемъ положительно физическое утомленіе, слѣдовательно трату, физическихъ силъ на физическія движенія, вызванныя нашими умственными процессами, хотя они и не обнаруживаются видимыми сокращеніями мускуловъ.

7. Мы согласны съ тѣми психологами, которые, подобно Гербарту и Бенеке, полагаютъ, что воля, какъ власть души надъ нервнымъ организмомъ, *развивается и формируется опытами;* но не согласны приписать опытамъ самое происхожденіе воли. Такое мнѣніе основано на той общей, логической ошибкѣ, которая заставляетъ, напримѣръ, предполагать, что способность зрѣнія или способность слуха есть произведеніе опыта, т. е. самой дѣятельности зрѣнія или слуха. Еще Аристотель замѣтилъ, что для того, чтобы какая нибудь способность могла развиваться дѣятельностью, необходима уже самая эта способность въ зародышѣ. Для того, напримѣръ, чтобы вліяніе свѣта на организмъ животнаго могло развить въ немъ способность зрѣнія и сформировать зрительный органъ, какъ это предполагаютъ нѣкоторые физіологи и психологи, необходимо уже, чтобы организмъ могъ испытывать на себѣ вліяніе свѣта и притомъ вліяніе свѣта не какъ тепла, а именно какъ вліяніе свѣта, т. е. другими словами, чтобы организмъ могъ уже имѣть способность зрѣнія [1]). Тоже самое относится и къ власти души надъ тѣломъ. Чтобы опыты этой власти сдѣлались возможными, слѣдуетъ необходимо уже предположить самую власть. Напрасны были бы всѣ попытки наши овладѣть нервнымъ организмомъ, если бы онъ не поставленъ былъ въ особое отношеніе къ нашей душѣ, какъ напрасны были бы всѣ попытки одною волею—безъ посредства нервовъ и мускуловъ—передвинуть съ мѣста на мѣсто предметъ, внѣ насъ лежащій.

8. «При началѣ жизни, говоритъ Бэнъ, не существуетъ никакой связи между какимъ бы то ни было физическимъ страданіемъ и дѣйствіемъ, разсчитаннымъ на то, чтобы избавиться отъ этого страданія. Этотъ фактъ должно замѣтить твердо; ибо чрезъ него выясняется сама

---

[1]) Principles of Psychologie, by Spencer. p. 397—404. Спенсеръ хочетъ показать, какъ *осязаніе* свѣта можетъ мало-по-малу перейти въ зрѣніе. Но, во-первыхъ, слѣдуетъ предположить осязаніе свѣта уже существующимъ, а во-вторыхъ, свѣтъ и теперь осязается, но какъ тепло; а между осязаніемъ тепла и зрѣніемъ граница все же непереходимая. Если мы ощущаемъ дрожь при звонѣ большаго колокола, то развѣ мы не отличаемъ ощущенія дрожи отъ ощущенія звука? Разборъ психологической теоріи Спенсера былъ помѣщенъ нами въ Отечеств. Запис. (кажется) за 1866-й годъ.

природа воли, *какъ пріобрѣтенія, создаваемаго чрезвычайно постепенно»* [1]). Однако тотъ же самый Бэнъ сознается нѣсколько выше, что нѣтъ точныхъ доказательствъ этого факта. Что же это за фактъ, существованіе котораго нельзя доказать? Это уже слѣдовательно не фактъ, а предположеніе, извлекаемое изъ наблюденій постепеннаго формированія въ дѣтяхъ ихъ власти надъ тѣлесными движеніями. Фактъ, слѣдовательно, тотъ, что власть души надъ дѣломъ, или воля, развивается постепенно посредствомъ опытовъ. Въ этомъ нельзя и сомнѣваться. Но вопросъ заключается въ томъ, что заставляетъ душу дѣлать эти опыты? Если опыты эти выходятъ, какъ предполагаетъ Бэнъ, изъ избытка мозговой энергіи, заставляющей тѣло двигаться, то это не будутъ опыты произвольныхъ движеній; а отъ дѣйствій непроизвольныхъ къ произвольнымъ нѣтъ перехода. Это выпустили изъ виду и Мюллеръ, и Лотце, дѣлающіе то же предположеніе. Сколько бы непроизвольныхъ движеній ни выполнялъ организмъ, все же ему останется сдѣлать *инипіативу* дѣйствія произвольнаго: съ усиліемъ привести въ движеніе мускулы, не вынуждаемые къ этому движенію рефлексомъ. Положимъ, какъ и предполагаетъ Лотце, что страданіе, наприм. страданіе голода, непосредственно, собственною своею силою, приводитъ организмъ въ разнообразнѣйшія, хотя совершенно безцѣльныя движенія, и что при этихъ движеніяхъ организмъ случайно попадаетъ на предметъ, удовлетворяющій голоду и утишающій страданія; но и послѣ этого все же останется сдѣлать душѣ иниціативу произвольнаго движенія. Она будетъ знать, какой предметъ ей нуженъ, но какъ ей узнать, какіе нервы ей нужно привести въ движеніе и что она можетъ это сдѣлать, если захочетъ? Иначе ей остается *опять ожидать*, пока страданіе не приведетъ организмъ въ безцѣльныя движенія и пока одно изъ этихъ движеній не попадетъ на удовлетворяющій предметъ. Какъ ни ставьте эту догадку— все же нѣтъ *перехода* отъ *непроизвольныхъ* движеній къ *произвольнымъ*, и намъ остается только признать, что *способность воли*, какъ власти души надъ тѣломъ, принадлежитъ душѣ также, какъ и способность чувствованія, и что это *фактъ* далѣе неразлагаемый и ни изъ чего невыводимый.

9. Нѣтъ сомнѣнія, что власть души надъ тѣломъ расширяется опытами; но нѣтъ возможности не признать *врожденной* власти, которая, будучи приложена къ сложнымъ рефлексамъ, установленнымъ уже самою природою организма, оказывается очень обширною. Если бы ребенокъ долженъ былъ опытами дойти до сложнаго акта сосанія груди, то онъ скорѣе выучился бы ходить, чѣмъ сосать грудь и глотать пищу. Вотъ почему мы можемъ объяснить только крайнимъ увлеченіемъ Бэна, когда онъ говоритъ, что человѣкъ выучивается даже дышать. Гораздо естественнѣе признать, что такіе сложные рефлексы, каковы сосаніе, глотаніе или дыханіе, возбуждаются сначала какими-нибудь физическими при-

[1]) The Will. p. 251.

чинами, какъ напримѣръ прикосновеніемъ воздуха къ легкимъ, прикосновеніемъ груди или даже пальца къ губамъ, пищи къ глоткѣ и т. п. Въ этихъ актахъ сначала нѣтъ воли; но они могутъ повести къ первому проявленію воли въ ребенкѣ. Чувствуя голодъ, а потомъ удовлетвореніе его, ребенокъ можетъ уже и самъ *попытаться* привести въ движеніе сложный рефлексъ питанія. Но какъ начинается эта попытка и какими средствами она осуществляется—это остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Объ этомъ, пожалуй, можно много фантазировать; но придти къ какому-нибудь положительному результату едва ли возможно.

10. Отказываясь объяснить таинственное рожденіе первыхъ попытокъ появленія власти души надъ тѣломъ, мы тѣмъ не менѣе видимъ ясно, какъ эта власть, данная душѣ, а не пріобрѣтенная ею, точно также данная, какъ и способность чувствовать, формируется мало-по-малу именно чрезъ посредство опытовъ. Такъ мы дѣйствительно замѣчаемъ, что ребенокъ мало-по-маму пріобрѣтаетъ способность направлять сначала движеніе глазъ за движеніемъ внѣшнихъ предметовъ, а потомъ движеніе рукъ къ предмету, движеніе пальцевъ, чтобы удержать предметъ и т. д. Мы видимъ также, какъ, мало по малу, посредствомъ опытовъ, устанавливается у ребенка связь между слуховыми и голосовыми органами, отчего появляется физическая возможность рѣчи. Вотъ отчего при бездѣятельности слуховыхъ органовъ самая рѣчь становится невозможною, хотя голосовые органы развиты, какъ слѣдуетъ. Глухо-нѣмой лишенъ возможности контроля надъ звуками, которые онъ издаетъ, и только это одно мѣшаетъ ему говорить. Въ училищахъ глухо-нѣмыхъ замѣняютъ, хотя не вполнѣ, этотъ контроль слуха контролемъ зрѣнія и осязанія, заставляя глухо-нѣмого, осязая горло и смотря въ зеркало, наблюдать движенія своего собственнаго рта и горла въ то время, когда онъ ощущаетъ усиліе для произведенія тѣхъ или другихъ звуковъ, хотя и не слышитъ этихъ звуковъ.

11. Мы также вполнѣ согласны съ Бэномъ, когда онъ доказываетъ, что тѣ самыя дѣйствія, которымъ мы выучились медленнымъ путемъ сознаванія и попытокъ, превращаются потомъ въ сложный рефлексъ, который выполняется уже быстро и безъ всякаго труда, только подъ вліяніемъ того желанія, которое руководило нами когда мы ему выучились [1]). Такъ ребенокъ многочисленными, весьма замѣтными опытами выучивается подымать руку и протягивать ее къ предмету. При этихъ опытахъ участвуютъ и зрѣніе, и осязаніе, и память; но когда черезъ повтореніе движеніе это дѣлается привычнымъ рефлексомъ, то ребенку уже не нужно повторять всего длиннаго процесса ученья, а стоитъ только *захотѣть* протянуть руку къ цвѣтку, чтобы она протянулась и сорвала цвѣтокъ. Наблюдая надъ развитіемъ дѣтей, мы замѣтимъ, что въ началѣ они даже не умѣютъ выплюнуть горькаго или противнаго куска, попавшаго къ нимъ въ ротъ, такъ-что мать или няня должны ихъ учить

[1]) The Will. p. 394.

и этому нехитрому дѣйствію, которое выполняется потомъ дитятею и взрослымъ почти совершенно рефлективно.

12. *Согласованіе* движеній различныхъ органовъ пріобрѣтается опытами; но опытами же пріобрѣтается и способность *разъединять* такія движенія, которыя связаны уже самою природою въ одинъ рефлексъ. Одно изъ затрудненій, представляющихся учителю игры на фортепіано, состоитъ въ томъ, чтобы разъединить совмѣстное и рефлективное движеніе пальцевъ, установленное самою природою, и пріучить ученика мгновенно выполнять каждымъ пальцемъ *отдѣльно* то или другое движеніе. Кажется не трудно вертѣть обѣ руки разомъ въ разныя стороны; но только немногіе фокусники и посредствомъ долгаго ряда упражненій достигаютъ выполненія этого фокуса. Индѣйскіе фокусники показываютъ намъ, что власть человѣка въ этомъ отношеніи далеко еще не исчерпана. Трудно рѣшить, почему иные люди могутъ двигать ушами или носомъ, тогда-какъ другіе не могутъ. Бэнъ объясняетъ это *случайнымъ* направленіемъ нервнаго тока къ такимъ мускуламъ, къ которымъ онъ у другихъ не направляется; но *случай* объясняетъ все, т. е. въ сущности не объясняетъ ничего, и пора бы уже отвыкнуть безотчетно употреблять это слово, которое значитъ какъ-разъ тоже, что и слово «не знаю», но многихъ обманываетъ, заставляя ихъ думать, что они сказали что-то, хотя въ сущности они ничего не сказали.

ГЛАВА XXXIX.

Воля *какъ желаніе:* элементы желанія—*реальные* и *формальные.*

1. Желаніе, какъ мы часто упоминали, есть уже сложное душевное явленіе, образующееся въ человѣкѣ въ теченіи его жизни на основаніи опытовъ удовлетворенія врожденныхъ человѣку стремленій. Прежде всего замѣтимъ, что желаніе есть особое (sui generis) *чувство*, которое всякій испытываетъ, но опредѣлить которое, какъ и всякое другое элементарное чувство, никто не въ состояніи. Если мы скажемъ, что *чувство* желанія (не самое желаніе) есть чувство неудовлетвореннаго стремленія, соединеннаго съ представленіемъ его удовлетворенія, то этимъ мы перечислимъ только условія, при которыхъ желаніе появляется, но никакъ не выразимъ самаго чувства желанія. Стремленіе безъ представленія того, къ чему стремимся, можетъ заставить насъ страдать; но мы сами не будемъ знать причины нашихъ страданій: только при представленіи предмета, удовлетворяющаго мучащему насъ стремленію, оно превратится въ желаніе, которое въ самомъ себѣ имѣетъ уже мучительный элементъ стремленія. Слѣдовательно, для желанія необходимъ уже опытъ удовлетвореннаго стремленія.

2. Но во всякомъ желаніи, кромѣ этихъ *двухъ* элементовъ:—предполагаемаго стремленія и сознаваемаго представленія того, къ чему стремимся,—есть еще *третій* элементъ, а именно—*воспоминаніе* того чувствованія, которое мы испытали при томъ или другомъ опытѣ удовле-

творенія нашихъ стремленій. Первые два элемента желанія намъ уже знакомы, о третьемъ мы упоминали только мимоходомъ, тогда-какъ онъ очень важенъ. Признавая, что въ желаніи есть необходимо *воспоминаніе* разъ или нѣсколько разъ испытаннаго нами чувствованія, мы должны признать, что чувствованія, какъ и представленія, вышедшія изъ нашего сознанія, оставляютъ въ насъ *слѣды*, которые потомъ возрождаются при воспоминаніи. Сохраненіе въ насъ, безсознательно для насъ самихъ, этихъ слѣдовъ чувствованій, какъ и слѣдовъ представленій, одинаково таинственно и одинаково не подлежитъ сомнѣнію. Кто же изъ насъ не сознаетъ, что въ немъ сохраняются не только слѣды образовъ и звуковъ, но и слѣды чувствованій, имъ пережитыхъ? Какъ они сохраняются—мы этого не знаемъ; но, судя по тому, какъ они снова возникаютъ къ сознанію, мы должны заключить, что и сохраняются они различно.

3. Прежде всего замѣтимъ, что опыты удовлетворенія нашихъ стремленій, всегда сопровождаемые чувствованіями, оставляютъ свои слѣды въ видоизмѣненіи, въ спеціализаціи нашихъ стремленій. Удовлетворяя такъ или иначе нашимъ органическимъ или растительнымъ стремленіямъ, мы значительно видоизмѣняемъ и опредѣляемъ самыя эти стремленія. Такъ, привычка къ той или другой пищѣ дѣлаетъ для насъ иную пищу не только непріятною, но даже вредною, и, наоборотъ, можно привыкнуть къ такой пищѣ, которая для другихъ вредна. То же самое замѣчаемъ мы и въ отношеніи стремленій духовныхъ. Сначала въ насъ живетъ общее стремленіе къ красотѣ; но, смотря по способу удовлетворенія этого стремленія, само оно видоизмѣняется, спеціализируется, и человѣкъ, мало по малу, дѣлается способнымъ только къ красотѣ того или другого вида и притомъ на той или другой ступени ея развитія. Отсюда различныя понятія о красотѣ у различныхъ народовъ, у одного и того же народа на различныхъ ступеняхъ его развитія, у различныхъ людей различныхъ классовъ общества, у одного и того же человѣка въ различные періоды его жизни.

4. Но ничто такъ не разнообразится въ людяхъ, какъ удовлетвореніе *душевнаго* стремленія къ дѣятельности. И это понятно; ибо тогда-какъ содержаніе *тѣлесныхъ* и *духовныхъ* стремленій, хотя въ общихъ чертахъ, но уже дано намъ, содержаніе *душевнаго* стремленія къ дѣятельности создается самою жизнью и потому безконечно разнообразно, какъ самыя жизни людей. Мы увлекаемся къ той дѣятельности, къ которой предварительно выработали уже болѣе средствъ, выплели болѣе связныхъ сѣтей представленій, какого бы рода они ни были. Но такъ-какъ жизненные результаты въ этомъ отношеніи для каждаго человѣка различны, то также различны и увлекающія ихъ сферы дѣятельности. Здѣсь, слѣдовательно, видоизмѣняется не самое стремленіе, а слѣды представленій; стремленіе остается одно и тоже: стремленіе къ дѣятельности по возможности обширной и въ тоже время по возможности легкой. Если же остается слѣдъ въ самомъ стремленіи, то именно только въ *размѣрѣ* той дѣятельности, которой она требуетъ. Человѣкъ, мало

развитой, мало жившій душевною жизнью, удовлетворяется такою узкою душевною дѣятельностью, которая для другого, развитаго человѣка, привыкшаго къ широкой дѣятельности, и можетъ быть въ той же самой сферѣ, покажется невыносимо неудовлетворительною.

Такимъ образомъ мы видимъ, что самыя стремленія наши, уже независимо отъ нашихъ чувствованій, видоизмѣняются или участняются, опредѣляются, спеціализируются опытами нашей жизни. Обратившись же къ сохраненію слѣдовъ пережитыхъ нами чувствъ, мы найдемъ, что и это сохраненіе, судя по возникновенію слѣдовъ къ сознанію, бываетъ не одинаково.

5. Наблюдая надъ собой, мы замѣтимъ, что часто какое-нибудь слово, звукъ, картина производитъ на насъ веселое или грустное, пріятное или непріятное впечатлѣніе; вызываетъ въ насъ чувство отвращенія, любви, гнѣва, страха, такъ-что мы сами не можемъ дать себѣ отчета, почему это впечатлѣніе, безразличное само по себѣ, такъ, а не иначе на насъ подѣйствовало. Но, сдѣлавъ усиліе надъ нашею памятью, мы иногда открываемъ, что эти образы, звуки, картины, безразличныя сами по себѣ, связаны въ нашей памяти съ воспоминаніемъ какого-либо событія, переполненнаго именно тѣмъ чувствомъ, которое вызвано въ насъ отрывочнымъ представленіемъ. Здѣсь ясно, что слѣдъ чувства какъ-то слился съ самимъ слѣдомъ представленія и жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ нашей нервной системѣ, безсознательно для насъ самихъ. Такое возникновеніе пережитаго чувства къ сознанію несправедливо было бы назвать только *воспоминаніемъ*, а скорѣе слѣдуетъ назвать *воспроизведеніемъ*, ибо при немъ мы опять переживаемъ прежнее чувство.

6. Собственно *воспоминаніемъ* чувства слѣдуетъ назвать тотъ актъ нашей души, когда мы, вспоминая какое-нибудь представленіе, вспоминаемъ и чувствованіе, когда-то его сопровождавшее, но уже не испытываемъ самаго этого чувствованія. Это уже воспроизведеніе не самаго чувства, а того акта сознанія или лучше сказать *самосознанія*, которымъ мы отдѣлили это чувство отъ другихъ чувствъ. Естественно, что если мы вспоминаемъ такимъ образомъ пріятное чувство, то въ насъ рождается *желаніе* его воспроизведенія, а если непріятное — то соотвѣтствующее этому *нежеланіе*. Разница между *воспоминаніемъ* и *воспроизведеніемъ* чувства и обозначается именно нашимъ желаніемъ или нежеланіемъ. Бенеке, на иносказательномъ языкѣ своей психологіи, выразилъ это душевное явленіе довольно удачно, говоря, что по мѣрѣ того, какъ *стремленіе* освобождается отъ *впечатлѣнія*, съ которымъ оно было связано болѣе или менѣе крѣпко, само стремленіе становится не неопредѣленнымъ стремленіемъ, готовымъ соединиться со всякимъ впечатлѣніемъ, но стремленіемъ уже опредѣленнымъ по тому впечатлѣнію, которое отъ него отдѣлилось—становится *желаніемъ* [1]).

7. Собственно говоря, всякое *воспоминаніе* чувствованія сопровож-

---

[1]) Benecke's Lehrb. der Psych. § 215.

дается хотя легкимъ его *воспроизведеніемъ*. Но мы сознаемъ всю разницу между этимъ блѣднымъ воспроизведеніемъ и тѣмъ яркимъ чувствомъ, которое обхватывало нашу душу, когда дѣйствительность вліяла на нее непосредственно. И чѣмъ сильнѣе эта разница, тѣмъ томительнѣе наше желаніе возобновить наше прежнее чувство во всей его прежней яркости. Въ этомъ отношеніи также слѣдуетъ различать слѣды чувствованій, оставшіеся при удовлетвореніи душевнаго стремленія къ дѣятельности, отъ слѣдовъ чувствованій, оставшихся при удовлетвореніи стремленій тѣлесныхъ. Если, вспоминая наслажденіе хорошимъ обѣдомъ, мы желаемъ возобновить его, хотя еще и не чувствуемъ голода, то отъ этого не родится желаніе ѣсть, если тѣлесное стремленіе еще не успѣло возникнуть въ насъ; но рождается желаніе душевной дѣятельности, которую дало намъ это наслажденіе.

8. Слѣды пережитыхъ нами чувствованій сохраняются въ насъ, невѣдомо для насъ самихъ, цѣлыми обширными системами, соединенными съ такими же системами представленій. О способѣ этого сохраненія мы не можемъ сказать ничего фактически; но оно несомнѣнно. Въ каждомъ человѣкѣ живутъ такія системы слѣдовъ чувствованій, силы и обширности которыхъ онъ и не подозрѣваетъ, если случай не обнаружитъ ихъ. Такъ, мы можемъ сильно любить человѣка, съ которымъ постоянно живемъ, и не ощущать этой любви до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь несчастіе не покажетъ намъ всю глубину нашей привязанности. Человѣкъ можетъ прожить всю жизнь и не знать, какъ сильно любитъ онъ свое отечество, если случай, напр. долговременное удаленіе, не обнаружитъ для него самого всю силу этой любви. На этомъ основаніи нѣкоторые хотѣли отдѣлить страсти спокойныя отъ аффектовъ; но Гербартъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что всякая такая спокойная, спящая страсть, можетъ превратиться въ сильнѣйшій аффектъ, совершенно возмущающій наше душевное спокойствіе [1]).

9. Вообще сохраненіе въ насъ слѣдовъ пережитыхъ чувствованій— самая темная глава въ психологіи. Ясно только одно, что въ этомъ сохраненіи есть много общаго съ сохраненіемъ въ насъ слѣдовъ нашихъ представленій. Слѣды чувствованій также сохраняются внѣ нашего сознанія, въ нихъ также мы замѣчаемъ и душевный, и нервный элементы; въ воспроизведеніи ихъ также сходятся душевные элементы съ нервными;

[1]) Hehrb. Lehrb. der Psych. § 104. Въ этомъ мѣстѣ Гербартъ приходитъ въ видимое замѣшательство, не зная, куда отнести ему сердечныя чувства, необъясняемыя безъ стремленій, которыя онъ отвергъ (§ 111), и сваливаетъ все дѣло на физіологію, по тому поводу, что сердечныя чувства имѣютъ свое воплощеніе: горе—въ слозахъ, стыдъ—въ краскѣ и т. п. (§ 105 и 106). Но тогда и рѣчь есть явленіе физіологическое, а также и умственное чувство удивленія, которое также имѣетъ свое воплощеніе. Это мѣсто невольно наводитъ на мысль, что самъ Гербартъ не вовсе не сознавалъ односторонность своей системы.

самая сила воспоминаемаго чувства зависитъ отъ силы представленія, съ которымъ оно связано. Если представленіе, наполнявшее когда-то счастьемъ всю нашу душу, ярко возникаетъ въ нашемъ сознаніи, то бывшее чувство снова какъ бы загорается въ насъ: быстро вспыхиваетъ, но и быстро меркнетъ, не поддерживаемое всею силою дѣйствительности, въ отношеніи которой наше представленіе есть только слабый, блѣдный образъ. Въ одномъ и томъ же душевномъ актѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Бенеке, воспоминаніе и воспроизведеніе чувства часто смѣняютъ другъ друга. Но ясно, что такое воспоминаніе чувства есть только актъ *самосознанія*, отличившаго это чувство отъ другихъ и оцѣнившаго его значеніе въ отношеніи нашихъ стремленій.

10. Но если *такое* желаніе есть плодъ *самосознанія*, то слѣдуетъ признать, что оно можетъ быть только у человѣка, ибо только человѣкъ обладаетъ самосознаніемъ. Однако же мы ясно наблюдаемъ желанія и у животныхъ. Какъ же объяснить ихъ? По всей вѣроятности желаніе у животныхъ есть только пробужденіе стремленія, видоизмѣненнаго прежнимъ удовлетвореніемъ. Пробужденіе это или зависитъ отъ органическихъ причинъ или вызывается видомъ предмета, разъ или нѣсколько разъ удовлетворявшаго тому или другому стремленію. Съ этой точки зрѣнія Сократъ былъ совершенно правъ, приписывая желанія только людямъ; правы и гербартіанцы, утверждающіе то же самое, но не объясняющіе различія между желаніемъ человѣка и соотвѣтствующимъ явленіемъ у животныхъ.

11. Разница между воспоминаніемъ и воспроизведеніемъ чувства или его повтореніемъ обозначается *желаніемъ* или *нежеланіемъ*. Мы желаемъ повторенія дѣйствительности, конечно; но въ сущности мы желаемъ повторенія чувства, вызваннаго въ насъ этою дѣйствительностью. Слѣдовательно, понятно, что мы желаемъ повторенія только тѣхъ впечатлѣній дѣйствительности, которыя были намъ пріятны, такъ или иначе удовлетворяя нашимъ стремленіямъ. Это совершенно ясно для всѣхъ чувствованій, возникающихъ изъ удовлетворенія тѣлесныхъ и духовныхъ стремленій; что же касается до душевнаго стремленія къ дѣятельности, то оно увлекаетъ насъ и къ воспроизведенію такихъ чувствованій, которыя, сами по себѣ, не могутъ доставлять намъ удовольствія. Ненависть, гнѣвъ, даже страхъ, горе и отвращеніе могутъ, соединившись съ представленіями, составить такія могучія сѣти сочетаній въ нашей душѣ, что будутъ перетягивать, увлекать ее къ себѣ, хотя для нея конечно не можетъ быть ничего пріятнаго ни въ чувствѣ страха, ни въ чувствѣ отвращенія. Мы весьма можемъ сильно желать видѣть предметъ, возбуждающій въ насъ гнѣвъ или отвращеніе; но это не есть уже желаніе возобновленія пережитаго удовольствія, а порывъ душевной дѣятельности въ данномъ направленіи. Удовлетвореніе же стремленій души къ дѣятельности имѣетъ всегда въ результатѣ своемъ не чувство удовольствія, а самую дѣятельность [1]).

---

[1]) См. выше, гл. XXIV. п. 16.

12. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ возможнымъ раздѣлить всѣ неисчислимыя желанія человѣка прежде всего на два рода: *желанія реальныя* и *желанія формальныя*. Къ *первымъ* относятся всѣ желанія, возникающія изъ нашихъ дѣйствительныхъ, прирожденныхъ намъ, тѣлесныхъ или духовныхъ стремленій; ко *вторымъ*—всѣ желанія, возникающія изъ общаго стремленія души къ дѣятельности, каково бы ни было ея содержаніе. Въ основѣ реальныхъ желаній нашихъ всегда лежитъ врожденное стремленіе, какъ бы мы ни опредѣляли и ни видоизмѣняли его опытами удовлетворенія. Какъ въ началѣ мы стремимся только *вообще* къ пищѣ, какова бы она ни была, а потомъ къ опредѣленной пищѣ, такъ что другая становится для насъ почти невозможною,—точно также въ началѣ мы вообще стремимся къ красотѣ; но потомъ, вслѣдствіе опытовъ и чувствованій, которыми оно сопровождаются, это общее стремленіе къ красотѣ до того спеціализируется, что мы теряемъ уже возможность понять иную красоту, кромѣ той, которая долго возбуждала въ насъ чувство красоты. И тѣлесная, и духовная пища своимъ спеціальнымъ содержаніемъ спеціализируетъ наши и тѣлесныя, и духовныя стремленія. Нельзя сказать того же самаго о нашемъ душевномъ стремленіи къ дѣятельности: оно *равнодушно* къ своему содержанію и увлекается только легкостью и обширностью дѣятельности. Сильно развитое чувство ненависти, т. е. комбинированное съ обширными ассоціаціями представленій, точно также привлекаетъ къ себѣ дѣятельность души, какъ и сильно развитое чувство любви. Мы не можемъ любить отвратительное; но, тѣмъ не менѣе, отвратительное можетъ увлекать къ себѣ нашу душу силою и разнообразіемъ тѣхъ ассоціацій, съ которыми комбинировалось чувство отвращенія.

13. Особенно важное значеніе это наше дѣленіе желаній на *реальныя* и *формальныя* пріобрѣтаетъ при переносѣ формальныхъ желаній въ реальную область стремленій тѣлесныхъ.

Мы не можемъ желать удовлетворенія тѣлесныхъ стремленій, когда они уже удовлетворены; но можемъ досадовать на то, что удовлетвореніе этихъ, уже удовлетворенныхъ стремленій не даетъ пріятной дѣятельности нашей душѣ, и тогда являются у насъ попытки возбудить эти стремленія, раздразнить, *разворотить* ихъ, какъ прекрасно подмѣтилъ русскій языкъ въ своемъ характеристическомъ словѣ—*разврать*. Въ удовлетвореніи нашихъ органическихъ потребностей, по мѣрѣ ихъ органическаго, независящаго отъ насъ возрожденія, нѣтъ разврата, хотя и можетъ быть неумѣренность, унижающая человѣка. Развратъ же начинается, когда мы вносимъ нашу потребность душевной дѣятельности въ сферу тѣлесныхъ стремленій, требуемъ отъ тѣла пищи для неутолимаго стремленія къ душевной дѣятельности, и когда тѣло, уже удовлетворенное, отказываетъ въ ней, то мы дѣлаемъ попытки возбудить, разворотить въ немъ успокоенныя стремленія.

14. Эти попытки не остаются безплодными. Спеціализируя общія и простыя органическія стремленія, мы можемъ сильно разнообразить ихъ

и въ этомъ разнообразіи удовлетворенія открывать все большую и большую сферу для душевной дѣятельности. Въ этомъ стремленіи человѣкъ изъ одного простаго органическаго стремленія наплодилъ тысячи, которыя, обратившись въ привычки тѣла, мало по малу перестаютъ доставлять ему удовольствіе при удовлетвореніи, но мучатъ его при неудовлетвореніи. Животное имѣетъ тѣ же органическія потребности, какъ и человѣкъ, но относится къ нимъ гораздо нормальнѣе и не распложаетъ ихъ. Это происходитъ отъ того, что хотя у животнаго и замѣчается стремленіе къ душевной дѣятельности, но въ самомъ этомъ стремленіи не замѣчается *стремленія къ прогрессивности*, ясно замѣчаемаго у человѣка. Возвращаясь къ своей прежней душевной дѣятельности, человѣкъ уже не удовлетворяется ею, а хочетъ расширить ея предѣлы далѣе: животное же вращается въ одномъ и томъ же кругу, и не стремится его расширить. Вотъ отъ чего изъ простыхъ и немногочисленныхъ органическихъ потребностей, общихъ всему животному міру, человѣкъ насоздавалъ цѣлый огромный и сложный міръ *потребностей* и, привыкая къ удовлетворенію ихъ съ дѣтства, часто потомъ стонетъ подъ ихъ тяжестью.

15. Отношеніе душевнаго стремленія къ дѣятельности къ реальнымъ желаніямъ, возникающимъ изъ *духовныхъ* стремленій, нѣсколько другое. Наслаждаясь искусствами и наукою, мы усиливаемъ, какъ вѣрно замѣтилъ Кантъ [1]), самую нашу способность наслаждаться. Но это усиліе способности духовныхъ наслажденій не возможно тогда, когда мы *ищемъ только наслажденій* въ искусствѣ и наукѣ. Правда, что эти предметы, по безконечности своей, не могутъ быть исчерпаны, какъ исчерпываются наслажденія тѣлесныя; но за то, чтобы расширить наслажденіе ими,—а такое расширеніе составляетъ необходимое условіе *человѣческаго* наслажденія,—мы должны преодолѣвать тягость труда, къ чему не можетъ вызвать насъ одинъ диллетантизмъ, а только та идея, къ которой мы стремимся, вовсе не разбирая, сулитъ ли она намъ наслажденія или страданія. Стремленіе къ истинѣ, какъ бы ни горька была она, влечетъ истиннаго ученаго, и только при такомъ стремленіи самая способность наслаждаться истиною расширяется. Кромѣ того, стремленія тѣлесныя возрождаются періодически; стремленія же духовныя не знаютъ такой періодичности и могутъ рости, никогда не засыпая.

16. Перечисляя условія появленія въ насъ желаній, мы видимъ, что самое главное условіе есть все же стремленіе. Безъ стремленій—нѣтъ желаній; но если всѣ наши стремленія удовлетворены, то остается всегда одно, которое ничѣмъ нельзя удовлетворить—стремленіе души къ дѣятельности. Оно-то именно и дѣлаетъ невыносимымъ состояніе человѣка, когда у него нѣтъ желаній, ибо наполняетъ душу однимъ страстнымъ желаніемъ жить, страстнымъ и мучительнымъ до того, что человѣкъ, не видящій возможности удовлетворить ему, рѣшается прекратить жизнь.

---

[1]) Kant's Antrop. § 62.

ГЛАВА XL.

Воля *какъ желаніе*: выработка желаній въ убѣжденія и рѣшенія.

1. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какимъ образомъ изъ немногихъ врожденныхъ человѣку стремленій разрождается въ немъ неисчислимое множество желаній и нежеланій, которыя могутъ очень часто противорѣчить одно другому. Но такъ-какъ желаніе дѣлается *волею* души, или ея *рѣшимостью*, только при томъ условіи, чтобы оно овладѣло всею душою, сдѣлалось *единымъ* желаніемъ души въ данный моментъ времени, то понятно само собою, что для того, чтобы перейти въ рѣшимость, желаніе должно выдержать борьбу съ противоположными ему желаніями и нежеланіями и одолѣть ихъ. Прослѣдимъ же эту выработку желанія въ форму рѣшимости, которая выражается уже властью души надъ тѣломъ и переходитъ въ выполненіе, если условія дѣйствительности, внѣшней для человѣка, не представляютъ тому преграды.

2. Почти всѣ психологи, начиная съ Аристотеля, отличаютъ желаніе отъ рѣшимости и говорятъ, что «я желаю» не значитъ «я хочу». Но это справедливо не для всѣхъ возрастовъ человѣка. Въ младенчествѣ, какъ мы замѣтили выше, желать и хотѣть значитъ одно и тоже. Но чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ дальше у него рѣшеніе отъ желанія. Это явленіе, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, объясняется малочисленностью, разорванностью и малосложностью тѣхъ сочетаній, которыя существуютъ въ душѣ дитяти, въ сравненіи съ многочисленными, связными и обширными сѣтями сочетаній, наполняющими душу взрослаго. Желаніе, зародившееся въ душѣ младенца, не находя въ ней сопротивленія въ другихъ представленіяхъ и связанныхъ съ ними желаніяхъ, мгновенно овладѣваетъ всею душою и потому непосредственно превращается въ актъ воли. Совершенно не то видимъ мы въ душѣ взрослаго. Чтобы овладѣть этою душою (а только при этомъ условіи желаніе становится волею), желаніе должно преодолѣть множество противуборствующихъ представленій и если не всѣ тѣ, которыя находятся въ душѣ, то по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми оно встрѣтится на пути своей выработки, и тогда только оно, можетъ быть, на одно мгновеніе даже, станетъ *единственнымъ желаніемъ души*, т. е. волею или рѣшеніемъ. Пояснимъ это примѣрами.

3. Человѣкъ хочетъ взять вещь, которая ему нравится, т. е. которая такъ или иначе удовлетворяетъ существующему въ немъ стремленію. Если съ представленіемъ этой вещи не связано никакихъ другихъ противоборствующихъ представленій, то желаніе немедленно же перейдетъ въ актъ воли, т. е. станетъ выполняться, если не встрѣтитъ какихъ-нибудь препятствій уже не въ душѣ, гдѣ оно ихъ не нашло, но во внѣшнемъ для души мірѣ. Дитя хочетъ поднять слишкомъ тяжелую вещь и немедленно же дѣлаетъ усиліе. Но вещь не поддается этимъ усиліямъ. Вслѣдствіе многихъ такихъ неудачныхъ попытокъ, съ представленіемъ

о вещи связывается уже другое представленіе—представленіе о ея тяжести. *Тогда только въ душѣ дитяти желаніе отдѣляется отъ рѣшенія.* Дитя все же будетъ *желать* поднять вещь, но уже не можетъ *захотѣть* этого, не можетъ *рѣшиться* поднять ее, потому что противоборствующее представленіе о тяжести вещи не позволитъ желанію перейти въ попытку исполненія. Чѣмъ далѣе живетъ дитя, чѣмъ болѣе накопляется въ душѣ его представленій, проникнутыхъ чувствованіями, чѣмъ сложнѣе становятся сочетанія этихъ чувственныхъ представленій, тѣмъ труднѣе родившемуся желанію пробиться сквозь всѣ эти чувственныя сочетанія, одолѣть однѣ, обойти другія и, овладѣвъ всею душою, превратиться въ *рѣшеніе*, за которымъ, какъ неминуемое послѣдствіе, слѣдуетъ актъ воли, т. е. попытка выполненія.

4. Представимъ еще другой примѣръ, болѣе сложный. Мальчикъ хочетъ взять вещь, которая ему нравится, т. е. которая обѣщаетъ удовлетвореніе тому или другому его стремленію. Но уже желанію этому трудно пробиться сквозь цѣлую массу накопившихся въ душѣ представленій. Положимъ, что вещь, которую дитя хотетъ взять, составляетъ чужую собственность. Съ представленіемъ о вещи возникаетъ и представленіе чужой собственности. Это представленіе чрезвычайно сложно: это уже цѣлая громадная ассоціація представленій и притомъ такая, которая въ каждой душѣ имѣетъ свою особую исторію. Одинъ познакомился съ понятіемъ о собственности, испытавъ на самомъ себѣ горькое чувство, когда у него отняли вещь, доставлявшую ему удовольствіе; другой познакомился съ понятіемъ о собственности потому, что его наказали, когда онъ тронулъ чужую вещь; третьему внушили представленіе о собственности взрослые, говоря: «это твое, а это не твое»; «чужое трогать стыдно» и т. п. У каждаго кромѣ того въ представленіе о чужой собственности вплелись слѣды множества разнообразнѣйшихъ опытовъ. Одному удавалось часто пользоваться чужою собственностью; другого всякій разъ попадали, и наказывали; третьему только грозили, но не наказывали; четвертаго бранили, но не отымали даже вещи; пятаго даже защищали, хотя онъ бралъ чужую вещь; шестаго даже хвалили за ловкость и смѣлость и т. д. Всѣ эти опыты, перемѣшиваясь между собою, оставляли свои слѣды въ душѣ человѣка, а изъ всѣхъ этихъ слѣдовъ выткалась чрезвычайно сложная сѣть чувственныхъ сочетаній, которую мы называемъ понятіемъ о чужой собственности. Возродившееся желаніе захватить чужую вещь пробѣгаетъ или по всей этой сѣти представленій, или только по одной части ея, такъ какъ другіе слѣды слишкомъ слабы и не возникли во время въ сознаніи. Удастся желанію побѣдить эту сѣть представленій—и чужая вещь взята; не удастся—и желаніе осталось желаніемъ, не перейдя въ рѣшеніе.

5. Однакоже желаніе, побѣжденное такимъ образомъ, не всегда побѣждено окончательно. Положимъ, что чужая вещь имѣетъ много привлекательнаго для дитяти, и вотъ дитя, отказавшись взять ее, продолжаетъ о ней думать: ставитъ себя въ разныя отношенія къ привлекаю-

щей его вещи, измѣняетъ ее въ своемъ воображеніи такъ или иначе, представляетъ возможность взять ее украдкою и т. д., словомъ выплетаетъ уже обширную ассоціацію представленій, связанныхъ однимъ желаніемъ—желаніемъ чужой вещи. Но эта обширность ассоціація сама по себѣ не рѣшитъ еще поступка, какъ то полагаетъ Гербартъ: она только установитъ постоянство желанія, но не его напряженность, которая условливается уже самою напряженностью стремленія, давшаго начало желанію. Напряженность же стремленія опять зависитъ отъ разныхъ причинъ: или стремленіе сильно само по себѣ, какъ напр. у лакомки, который давно не лакомился, или оно сильно потому, что другія слабы, потому что у мальчика напрИм. нѣтъ дѣятельности и что въ душѣ его нѣтъ другихъ, болѣе сильныхъ интересовъ, которые могли бы увлечь къ себѣ его душу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ данное стремленіе усиливается всею силою неудовлетвореннаго стремленія къ дѣятельности. Вотъ почему праздность дѣтей бываетъ причиною множества безнравственныхъ поступковъ. Если въ какомъ-нибудь заведеніи дѣти страдаютъ отъ скуки, то надобно непремѣнно ожидать, что появятся и воришки, и лгуны, и испорченные сластолюбцы, и злые шалуны. «Увеличенный гнетъ противоположности, говоритъ Фолькманъ, можетъ оказать на желаніе двоякое вліяніе: онъ можетъ потемнить представленіе, въ которомъ желаніе имѣетъ свое мѣсто (?) и можетъ поднять его до maximum'а напряженности. Первое случается, когда представленіе довольно изолировано; второе, когда оно уже сдѣлалось средоточіемъ цѣлой сѣти представленій, тогда-какъ противоположное стоитъ одиночно. Отсюда правда въ извѣстномъ выраженіи Ларошфуко, что удаленіе дѣйствуетъ на наши страсти, какъ буря на огонь: слабый тушитъ, сильный превращаетъ въ пламя [1])». Это описаніе совершенно справедливо, но только для однихъ желаній, возникающихъ изъ душевнаго стремленія къ дѣятельности. Тамъ дѣйствительно въ борьбѣ желаній дѣло рѣшается относительною обширностью ассоціацій; но въ желаніяхъ, возникающихъ изъ тѣлесныхъ стремленій, рѣшаетъ также и напряженность самаго стремленія. Какъ бы ни одиноко стояло желаніе ѣсть, но если голодъ силенъ, то это одиночное желаніе опрокинетъ громаднѣйшія ассоціаціи представленій.

6. Тѣмъ же путемъ совершается борьба желаній и въ душѣ взрослаго человѣка, только борьба эта становится еще сложнѣе, по большей сложности чувственныхъ ассоціацій, наполняющихъ его душу. Но здѣсь раждается очень важный вопросъ. Мы сказали, что иногда выработывающееся желаніе пробѣгаетъ *всю* сѣть противоборствующихъ ему представленій и преодолѣваетъ ихъ или преодолѣвается ими, а иногда борется только съ нѣкоторыми представленіями, уклоняясь отъ однихъ, вовсе не замѣчая другихъ, которыя могутъ возникнуть въ сознаніи уже послѣ того, какъ поступокъ совершенъ. Въ этомъ отношеніи и характеры людей различны, и ходъ желаній въ одной и той же душѣ бы-

[1]) Volkman's Lehrb. der Psych. § 132.

ваетъ различенъ. Это различіе и выражается въ томъ, что мы называемъ большею или меньшею *обдуманностью* поступка.

7. Гербартъ весьма основательно приписываетъ обдуманность опыту. Удовлетворивъ какому-нибудь своему желанію необдуманно, человѣкъ очень скоро испытываетъ, что онъ поступилъ противъ другого своего желанія. Такъ, напримѣръ, удовлетваривъ минутному порыву гнѣва, мы оскорбили необдуманнымъ словомъ любимаго человѣка; но вслѣдъ за тѣмъ очень скоро испытываемъ, что, удовлетворивъ одному нашему желанію, мы нарушили другое, гораздо болѣе обширное, связанное съ громадною сѣтью представленій, но мимо котораго какъ-то проскользнуло порывистое желаніе удовлетворить чувству гнѣва. «Такимъ образомъ, говоритъ Гербартъ, человѣкъ мало-по-малу узнаетъ, какъ часто онъ можетъ быть невѣрнымъ самому себѣ [1])», т. е., другими словами, человѣкъ опытами узнаетъ, что часто, удовлетворяя какому-нибудь желанію, которое въ данный моментъ кажется ему наибольшимъ, онъ въ то же время противодѣйствуетъ другому, которое въ немъ гораздо сильнѣе и обширнѣе. Опыты эти, часто повторяясь, оставляютъ въ душѣ болѣе или менѣе сильный и прочный слѣдъ, который можно высказать въ немногихъ словахъ, выражающихъ, что поспѣшное удовлетвореніе желанія, когда мы удовлетворяемъ ему прежде, чѣмъ оно помѣряется въ своихъ силахъ съ другими, живущими въ насъ желаніями и нежеланіями, часто причиняетъ намъ страданіе, гораздо болѣе прочное и обширное, чѣмъ то удовольствіе, которое мы получили отъ удовлетворенія необдуманнаго желанія. Когда такое сложное чувственное представленіе свяжется съ обширными ассоціаціями слѣдовъ различныхъ опытовъ, своихъ и чужихъ, тогда оно является въ душѣ могущественною *препоною* для всякаго рода желаній, мимо которой не можетъ пройти ни одно изъ нихъ, не помѣрявшись съ нею силами. Такое представленіе, все возникающее изъ опытовъ, и составляетъ *основу обдуманности* въ характерѣ человѣка и *осторожности* въ его поступкахъ. Если въ жизни человѣка было много такихъ удовлетворенныхъ желаній, въ удовлетвореніи которыхъ онъ потомъ глубоко раскаялся, то весь характеръ человѣка можетъ сдѣлаться крайне нерѣшительнымъ. Изъ этого уже видно, что обдуманность въ словахъ и поступкахъ есть плодъ опыта; но не трудно убѣдиться, что основою этого опыта является человѣку только принадлежащая способность самонаблюденія. Вотъ почему Аристотель обдуманностью отличаетъ поступки взрослыхъ людей отъ поступковъ животныхъ и дѣтей, хотя и не высказываетъ, что въ основѣ обдуманности лежитъ *самосознаніе* [2]). Только наблюдая надъ самимъ собою, надъ протекшими и настоящими состояніями своей души, человѣкъ можетъ выработать въ

---

[1]) Lehrb. der Psych. von Herbart. § 229.

[2]) Arist. Eth. B. III. Kap. 11. § 16.

себѣ не «привычку обдуманности», какъ выражается Бэнъ [1]), но сложное и обширное чувственное представленіе о необходимости дать время всякому возникшему желанію помѣряться своими силами со всѣми прочими желаніями и нежеланіями души.

8. Процессъ *обдумыванія* предшествуетъ образованію *убѣжденій* и *рѣшеній*. Формировка же убѣжденія предотвращаетъ возвращеніе назадъ и раскаяніе. «Убѣжденіе, говоритъ Гербартъ, достигаетъ этого тѣмъ, что допускаетъ каждому возможному ряду представленій и каждому желанію, могущему придти въ столкновеніе съ другимъ, совершенно выступить въ сознаніи и на столько противодѣйствовать или содѣйствовать другимъ, на сколько станетъ у него силы. Если при этомъ нѣчто будетъ позабыто, или что-нибудь не окажетъ своего дѣйствія въ убѣжденіи, на сколько можетъ, то останется опасность, что послѣдуетъ другое расположеніе духа, при которомъ первое рѣшеніе окажется дурнымъ. Практическое убѣжденіе еще усложняется связью средствъ и цѣлей. Оно (т. е. само убѣжденіе?) не только должно взвѣсить разнообразныя желанія, выбрать цѣль между многими цѣлями, но также пробѣжать ряды возможныхъ послѣдствій, которыя связаны съ цѣлями» [2]).

9. Отбросивъ невозможное понятіе убѣжденій, думающихъ и самихъ себя взвѣшивающихъ, свойственное гербартовской теоріи, мы видимъ, что она представляетъ намъ очень вѣрную картину чрезвычайно сложнаго процесса обдумыванія, изъ котораго въ теоретическомъ мірѣ мысли выходитъ *убѣжденіе*, а въ практическомъ мірѣ дѣятельности — *рѣшеніе*. Но, принимая громадную сложность ассоціацій представленій, связанныхъ тѣми или другими желаніями, которыя составляютъ содержаніе души взрослаго человѣка, невольно рождается вопросъ: возможны ли для человѣка такія рѣшенія, которыя были бы математически вѣрными выводами изъ механическаго процесса взвѣшиванія *всѣхъ* представленій, составляющихъ содержаніе его души, на вѣсахъ всей совокупности ея стремленій или ея интересовъ, что все равно? Гербартъ считаетъ такую полную и законченную организацію души возможною только въ загробной жизни [3]). Здѣсь же считаетъ возможнымъ только большее или меньшее приближеніе къ ней.

10. Но и *относительная* полнота рѣшенія, выражающая въ себѣ если не все содержаніе души, то значительную часть его, была бы невозможна, если бы для этого требовалось, чтобы каждое порождающееся въ насъ желаніе примѣрялось ко всѣмъ отдѣльнымъ представленіямъ по одиночкѣ, ибо ихъ неисчислимое множество. Но дѣло въ томъ, что въ каждой душѣ эти чувственныя представленія не остаются въ своей отдѣльности, но слагаются самою жизнью въ болѣе или менѣе обшир-

---

[1]) The Will. p. 459. Впрочемъ точно также необдуманно и Гербартъ употребляетъ слово привычка при этомъ случаѣ. Lehrb. der Psych. § 117.

[2]) Ib. §§ 114 и 116.

[3]) Ib. § 251.

ныя чувственныя массы представленій, итоги которыхъ уже предварительно подведены въ опредѣленныхъ желаніяхъ, нежеланіяхъ, опредѣленныхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ и, наконецъ, въ опредѣленныхъ жизненныхъ правилахъ. Вслѣдствіе этого, возникшему новому желанію приходится мѣряться силами не съ отдѣльными чувственными представленіями, а съ цѣлыми массами ихъ, заранѣе сложившимися въ чувственныя понятія, убѣжденія, предубѣжденія, правила и съ цѣлыми системами желаній и нежаланій. Одни изъ этихъ чувственныхъ системъ представленій поддерживаютъ новое желаніе всею своею силою, другія противоборствуютъ ему, третьи остаются къ нему безразличны. Понятно само собою, что чѣмъ болѣе систематизировались чувственныя представленія души, тѣмъ легче и успѣшнѣе можетъ совершаться процессъ обдумыванія, успѣшность котораго обозначается уменьшеніемъ возможности раскаяваться, которая однако всегда остается; ибо только такое рѣшеніе, которое было бы вѣрнымъ математическимъ выводомъ изъ *всего* содержанія души—уничтожило бы всякую возможность раскаянія.

11. Быстрота и совершенство процесса обдумыванія зависитъ впрочемъ не отъ одной степени организаціи души, но и отъ многихъ другихъ причинъ: отъ врожденной быстроты процесса мышленія; отъ силы воли, распоряжающейся этимъ процессомъ для данной цѣли; отъ настойчивости стремленія, изъ котораго рождается желаніе: сильнѣйшій голодъ, напримѣръ, можетъ увлечь къ быстрому и необдуманному поступку и такого человѣка, который отличается крайнею обдуманностью и осторожностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

12. «Дать процессу обдумыванія, говоритъ Бэнъ, какъ разъ настоящее время и ничего лишняго—есть одно изъ высочайшихъ совершенствъ соединеннаго дѣйствія ума и воли» [1]. При этомъ случаѣ Бэнъ замѣчаетъ, вслѣдъ за Франклиномъ, что при процессѣ взвѣшиванія различныхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ подготовляющееся рѣшеніе, послѣднее соображеніе, какъ самое новое, имѣетъ по свѣжести большее вліяніе на насъ, чѣмъ прежнія, отчего мы часто впадаемъ въ ошибки, а если уже хорошо проучены жизнью, то въ нерѣшительность, ибо опытъ убѣждаетъ насъ, что *послѣдняя мысль — не всегда лучшая.* «Очень трудно, говоритъ Бэнъ, при какомъ-нибудь сложномъ рѣшеніи удерживать въ умѣ настоящій вѣсъ всѣхъ противоположныхъ соображеній, такъ чтобы въ моментъ заключенія счета получить съ каждой стороны вѣрный итогъ» [2].

13. Великій геній разсудочныхъ разсчетовъ Веніаминъ Франклинъ, въ письмѣ своемъ къ Іосифу Престлею, подъ названіемъ «моральная алгебра», рекомендуетъ употреблять вообще при обдумываніи серьезныхъ рѣшеній тотъ же способъ, какой употребляется и при денежныхъ счетахъ. Онъ совѣтуетъ раздѣлить листъ бумаги пополамъ и въ дни, впе-

---

[1] The Will. p. 461.

[2] Ibid. § 462.

редъ назначенные для разсужденія, записывать всѣ убѣжденія *pro* на одну сторону, а убѣжденія *contra*—на другую. Потомъ, если съ обѣихъ сторонъ найдутся два противоположные и равносильные довода, то ихъ вычеркивать; если на одной сторонѣ два или три, въ суммѣ равносильные одному на другой сторонѣ, то ихъ также вычеркивать и т. д. Тогда въ итогѣ получится рѣшеніе. Къ этому благоразумному совѣту Бэнъ прибавляетъ еще очень дѣльное практическое замѣчаніе. Если рѣшеніе очень для насъ важно и мы можемъ протянуть обдумываніе на мѣсяцъ или болѣе, то мы въ концѣ каждаго дня должны пересматривать записанные нами доводы и тогда замѣтимъ, что «въ нѣкоторые дни на насъ болѣе дѣйствуютъ одни доводы, чѣмъ другіе, чѣмъ и уменьшимъ вѣроятность такого поступка, въ которомъ могли бы потомъ раскаяться» [1]; ибо раскаяніе, какъ мы видѣли выше (раскаяніе, а не укоръ совѣсти) [2], возникаетъ тогда, когда нашъ поступокъ окажется несоотвѣтствующимъ нашимъ же собственнымъ желаніямъ, которыхъ мы не сообразили въ то время, когда совершали поступокъ. Такъ скряга, давшій сгоряча денегъ нищему, можетъ потомъ сильно раскаяваться въ своемъ поступкѣ; но конечно это уже не будетъ укоръ совѣсти.

14. Но Франклинъ и Бэнъ впрочемъ выпускаютъ изъ виду, что не только наши понятія, какъ мы это старались показать въ первой части Антропологіи, но вслѣдствіе того и наши *установившіяся* желанія, уже какъ итоги борьбы, прежде совершавшейся въ нашей душѣ, могутъ быть, въ сущности, дурно сведенные итоги, заключающіе въ себѣ существенныя ошибки. Такъ напр., человѣкъ можетъ получить отвращеніе къ чему-нибудь, къ какому-нибудь дѣлу, предмету, наукѣ или человѣку, вслѣдствіе ложнаго понятія объ этихъ предметахъ, которое, въ свою очередь, было слѣдствіемъ ошибочныхъ наблюденій, опять условливаемыхъ разными причинами. Это чувство отвращенія и возбуждаемыя имъ желанія и нежеланія будутъ входить уже во всякое новое рѣшеніе, какъ готовый итогъ. Такихъ ошибочныхъ итоговъ много у каждаго человѣка; но въ нѣкоторыхъ людяхъ ихъ уже такъ много, что положительно въ каждомъ ихъ рѣшеніи непремѣнно будетъ ошибка, ошибка противъ ихъ же собственныхъ желаній. Есть нѣкоторыя, немногія понятія, до того входящія во всякое почти рѣшеніе человѣка, какъ и во всякое его убѣжденіе, что если эти понятія выведены ошибочно, а вслѣдствіе того и проникнуты ложнымъ итогомъ желаній и нежеланій, то они путаютъ собою всю жизнь человѣка. Такія *генеральныя понятія*, по своей необыкновенной важности для всей практической и теоретической дѣятельности человѣка, должны обращать на себя все вниманіе воспитателя, ибо на нихъ-то основывается, главнымъ образомъ, направленіе всей человѣческой жизни. Къ сожалѣнію эти понятія принимаются, большею частію, за такія извѣстныя, что о нихъ не стоитъ и разсуждать; а между

[1] The Will. p. 462.

[2] См. выше, гл. XXIV, §§ 4 и 5.

тѣмъ въ нихъ-то и скрывается причина нашихъ главнѣйшихъ ошибокъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ.

15. Эти генеральныя понятія и желанія—итоги цѣлыхъ массъ представленій—носятъ одно и то же названіе у всѣхъ людей; но это вводитъ насъ только въ ошибку, что они тождественны. Напротивъ, если мы могли бы извлечь изъ каждой души всю массу представленій, составляющихъ самое общеизвѣстное понятіе, *человѣкъ*, напримѣръ, и могли анализировать эти массы, сложившіяся въ разныхъ душахъ, то съ изумленіемъ замѣтили бы, какъ они различны, и поняли бы тогда, откуда происходитъ все различіе въ отношеніяхъ людей къ другимъ людямъ. Для одного человѣкъ—врагъ, съ которымъ онъ всегда и вездѣ долженъ бороться; для другого—предметъ эксплуатаціи; для третьяго—пріятный собесѣдникъ; для четвертаго — предметъ презрѣнія, для пятаго — предметъ обожанія и т. д. въ безконечность и въ безконечныхъ видоизмѣненіяхъ. Отсюда видно, что если такое понятіе, связанное съ системой чувствъ, желаній, нежеланій, входитъ почти въ каждый процессъ обдумыванья человѣческаго поступка, то и въ результатѣ этого процесса, въ рѣшеніи, должны выразиться всѣ вѣрныя и ошибочныя особенности этого проникнутаго чувствами понятія, или лучше сказать—этого итога громадной массы представленій, изъ которыхъ каждое несло свое особое чувствованіе и свои особыя желанія и нежеланія. Можно сказать съ увѣренностью, что если воспитатель дастъ своему воспитаннику истинный, не теоретическій только, но и практическій, т. е. проникнутый чувствованіями и желаніями взглядъ на человѣка, то положитъ незыблемую основу нравственнаго воспитанія. Отсюда же, какъ мы увидимъ дальше, и необыкновенная *психическая* важность христіанскаго воспитанія, если только оно совершается, какъ слѣдуетъ: если идеалъ человѣка, данный намъ Евангеліемъ, ложится въ душу дитяти и юноши не мертвыми, холодными чертами, а чертами, горящими чувствомъ и желаніемъ. Мы убѣждены, что еслибы языческій философъ, отвергнувшій свою миѳологію, но понимающій хорошо душу человѣка и ея потребности, встрѣтилъ Евангеліе, то онъ внесъ бы его въ воспитаніе самыхъ дорогихъ для него существъ.

16. Однѣ и тѣ же ошибки въ итогахъ обширныхъ массъ представленій, чувствъ и желаній могутъ быть общими цѣлому вѣку, цѣлому народу или цѣлому классу общества. Отъ этого зависятъ величайшая трудность, съ которою новая идея, выведенная изъ новыхъ, болѣе вѣрныхъ наблюденій, проникаетъ въ убѣжденія человѣчества и вносится потомъ, какъ новая или вновь исправленная функція, въ его рѣшенія и поступки. Для того, чтобы принять вновь сложенное умственное понятіе, слѣдуетъ анализировать и искоренить старое, уже вкоренившееся, для чего нужны и время, и трудъ. Но въ отношеніи *чувственныхъ* понятій—этого итога сложной массы представленій, чувствованій и желаній—одного умственнаго пересмотра мало; ибо старый итогъ сложился не только изъ холодныхъ, умственныхъ концепцій, но изъ живыхъ

чувствъ, желаній и нежеланій, которыя мало было *передумать*, но которыя надобно было *пережить*, чтобы они вошли въ общій итогъ. Вотъ почему новая идея, особенно имѣющая практическое значеніе, только медленнымъ и болѣзненнымъ процессомъ входитъ въ жизнь человѣчества. Не скоро она бываетъ понята въ своей точности; но еще медленнѣе входитъ она въ характеръ человѣка. Нужны тысячи опытовъ, которые оставили бы въ душѣ человѣка тысячи слѣдовъ чувствованій и желаній, чтобы это, вновь провѣренное генеральное понятіе, могло занять мѣсто стараго. Утописты, мечтающіе о быстрой реформѣ рода человѣческаго, не знаютъ исторіи человѣческой души; но эти самые утописты необходимы: только ихъ пламеннымъ рвеніемъ движется этотъ медленный процессъ, и новая идея, хотя медленно и трудно, но все же входитъ въ *характеръ* человѣка и человѣчества. Безъ этихъ утопистовъ міръ только бы скрипѣлъ на своихъ старыхъ, заржавленныхъ основахъ и, сживаясь все болѣе и болѣе со своими закоренѣлыми предразсудками, уходилъ бы въ нихъ все глубже и глубже, какъ въ топкое болото.

ГЛАВА XLI.

Воля *какъ желаніе:* переходъ желаній въ наклонности и страсти.

1. Желаніе есть очевидно главный элементъ всякой наклонности и страсти. Но такъ-какъ само желаніе есть сложное психическое явленіе, установляемое уже опытами жизни, то наклонности и страсти, являясь цѣлыми системами желаній, должны быть и подавно признаны сложными душевными явленіями, образующимися уже въ теченіи жизни. Однако же, если рѣдко говорятъ о *врожденныхъ* страстяхъ, то очень часто о *врожденныхъ наклонностяхъ* человѣка, и это мнѣніе не совершенно лишено справедливости.

2. Въ первой части «Антропологіи» мы видѣли, что фактъ наслѣдственности замѣчается не только въ отношеніи видимыхъ особенностей тѣла, но также, и еще гораздо болѣе, тѣхъ особенностей, причинъ которыхъ мы не видимъ и не знаемъ, но которыя предполагаемъ въ неизвѣстныхъ намъ особенностяхъ организма и болѣе всего нервной системы [1]). Явными фактами такой таинственной наслѣдственности являются многія наслѣдственныя болѣзни и въ особенности нервныя, наприм. наслѣдственное помѣшательство, прорывающееся иногда черезъ одно и два поколѣнія въ третьемъ и т. п. Для каждаго ясно, что эти несчастныя наслѣдственныя особенности были когда-то пріобрѣтенными, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы должны признать наслѣдственность не только унаслѣдованныхъ родителями, но и пріобрѣтенныхъ ими особенностей. Но, указывая на эти факты, мы тогда же замѣтили,

[1]) Пед. Антр. Ч. I. гл. XIV п. 5—10.

что эту наслѣдственность болѣзней и привычекъ, какъ унаслѣдованныхъ самими родителями, такъ и пріобрѣтенныхъ ими, слѣдуетъ приписать наслѣдственности организма, такъ-какъ наслѣдственной передачи чисто душевныхъ пріобрѣтеній, наслѣдственности знаній, идей, идеаловъ, духовныхъ стремленій, мы нигдѣ не замѣчаемъ. Все душевное и духовное пріобрѣтеніе человѣка передается путемъ сознательной *преемственности*, а не безсознательной *наслѣдственности*.

3. Изъ сказаннаго вытекаетъ уже само собою, что насколько опыты удовлетворенія врожденныхъ тѣлесныхъ стремленій видоизмѣнили самыя эти стремленія [1]), и отразились въ тѣлѣ, настолько и имѣютъ они вѣроятія перейти по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Такимъ путемъ передаются наслѣдственно различныя идіосинкразіи, которыя конечно были когда-нибудь пріобрѣтенными; этимъ же путемъ, безъ сомнѣнія, могутъ передаваться наслѣдственно и *нервные задатки* наклонности къ крѣпкимъ напиткамъ, къ извѣстному тайному грѣху, и всякаго рода азарту и т. п. Но нѣтъ сомнѣнія, что если бы человѣкъ, получившій такое несчастное наслѣдство, былъ удаленъ въ младенчествѣ отъ дурного примѣра и не имѣлъ никогда случая попробовать спиртныхъ напитковъ или волненій азартной игры, то въ немъ не установилась бы ни та, ни другая наклонность или страсть; хотя нельзя ручаться, что унаслѣдованные имъ болѣзненные задатки не выразились бы въ какой-нибудь другой уродливости характера. Вотъ на какомъ основаніи мы совершенно отвергаемъ врожденность наклонностей, хотя не отвергаемъ возможности наслѣдственной передачи задатковъ наклонностей. Самыя же наклонности и страсти также не могутъ передаваться наслѣдственно, какъ и желанія, опыты жизни и знанія. Великій умъ не переходитъ по наслѣдству, какъ и обширная ученость или обширная опытность; хотя дитя можетъ получить въ наслѣдство счастливую и сильную нервную организацію, могущественно содѣйствующую къ пріобрѣтенію знаній и образованію великаго ума; но такой счастливый наслѣдникъ можетъ воспользоваться своимъ наслѣдствомъ, а можетъ и вовсе не воспользоваться имъ или промотать его на мелочи.

4. Изъ сказаннаго видно также, что наклонность, имѣющая для себя подготовку въ унаслѣдованной нервной системѣ, разовьется гораздо прочнѣе и быстрѣе, чѣмъ та, для которой нѣтъ такой подготовки. Но какъ та, такъ и другая могутъ образоваться только вслѣдствіе жизненныхъ опытовъ, какъ система слѣдовъ этихъ опытовъ, сохраняемыхъ и тѣлесною, и душевною, и духовною памятью человѣка. Но можетъ ли бороться человѣкъ съ такими врожденными задатками наклонностей, если окружающая сфера не исключаетъ возможности соотвѣтствующихъ имъ опытовъ жизни? Можетъ ли человѣкъ подавить въ себѣ это унаслѣдованное зерно, если окружающая атмосфера заключаетъ въ себѣ пищу, необходимую для его развитія? Безъ сомнѣнія, можетъ, можетъ на столько,

---

[1]) См. выше, гл. XL, п. 3, 4.

на сколько обладаетъ сознаніемъ и свободою. Наслѣдственное помѣшательство неотразимо; ибо человѣкъ теряетъ въ немъ и ясность сознанія, и свободу воли; но кто сознаетъ вредъ наклонности, въ немъ образовавшейся, какъ бы ни были сильны ея врожденные задатки, тотъ и можетъ бороться съ нею. Эту свѣтлую идею внесло въ міръ христіанство, разрушивъ наслѣдственность грѣха и преступленія, которая тяготѣла не надъ одними евреями, но была общимъ убѣжденіемъ и языческихъ народовъ, какъ это мы находимъ въ Китаѣ, Индіи, Египтѣ, Греціи и Римѣ. Въ какомъ бы отношеніи человѣкъ ни стоялъ къ догматамъ христіанской религіи, но если онъ усвоилъ плоды христіанской цивилизаціи, то уже не можетъ не отвергать наслѣдственныхъ преступленій, не можетъ не отвращаться съ ужасомъ отъ мысли казни потомковъ за преступленія родителей и отъ еврейскаго крика, призывающаго на головы дѣтей мщеніе за кровь, пролитую отцами. Даже воспитаніе самихъ евреевъ, если оно претендуетъ на современность и европеизмъ, должно быть построено на этой—*христіанской* идеѣ.

5. Собственно говоря, всякая наклонность образуется изъ врожденныхъ стремленій—унаслѣдовано ли человѣкомъ видоизмѣненіе этихъ стремленій, или нѣтъ,—но образуется уже опытами удовлетворенія и неудовлетворенія этихъ стремленій, оставляющими въ душѣ слѣды представленій удовлетворенія, слѣды чувствованій, его сопровождающихъ, словомъ, слѣды желаній. Образованіе наклонностей совершается не иначе, какъ черезъ посредство удовлетворенія желаній и представленій этого удовлетворенія и притомъ такихъ представленій, которыя, не будучи совершенно тождественны между собою, способны, однакоже, по своему сродству, составить обширное сочетаніе представленій, цѣлую систему ихъ, проникнутую однимъ желаніемъ. Вотъ почему изъ совершенно тождественнаго удовлетворенія какого-нибудь тѣлеснаго стремленія, періодически возраждающагося, не можетъ образоваться наклонность и страсть, хотя можетъ образоваться сильная тѣлесная потребность, именно такого, а не другаго удовлетворенія. Когда же душа наша, за недостаткомъ дѣятельности духовной или даже физической, обращается за дѣятельностью къ ощущеніямъ, сопровождающимъ удовлетвореніе нашихъ тѣлесныхъ стремленій, тогда только начинается въ ней закладка будущей тѣлесной наклонности и страсти. Чѣмъ болѣе накопляется разнообразныхъ представленій удовлетворенія того или другого органическаго стремленія, тѣмъ обширнѣйшую ассоціацію составляютъ эти слѣды въ душѣ и тѣмъ легче душа ими увлекается. Но такъ какъ одно повтореніе однихъ и тѣхъ же слѣдовъ не удовлетворяетъ *человѣческаго* стремленія къ дѣятельности, расширяющагося по мѣрѣ удовлетворенія, то человѣкъ пріискиваетъ всевозможныя средства, чтобы придать наибольшее разнообразіе удовлетворенію въ сущности одного и того же стремленія. Это явленіе можно прослѣдить не на одномъ стремленіи къ пищѣ. По мѣрѣ же разростанія ассоціаціи представленій, возбуждающихъ сродныя желанія, выросшія изъ одного и того же природнаго корня, т. е. простаго органи-

ческаго стремленія, душѣ становится все труднѣе и труднѣе работать что-нибудь иное, не уклоняясь въ ту сторону, гдѣ у нея уже столько наработано. Она начинать *терять равновѣсіе* въ своей дѣятельности, а это и есть именно то состояніе души, которое мы называемъ наклонностью.

6. Если душа работаетъ не въ одномъ направленіи, а въ нѣсколькихъ различныхъ, тогда одна наклонность можетъ въ ней уравновѣшиваться другою и это есть самое обыкновенное состояніе души человѣческой. Тогда и наклонности являются уже не наклонностями, а только разнообразными массами представленій, проникнутыхъ системами однородныхъ желаній. Слѣдовательно, наклонность, въ строгомъ смыслѣ слова, есть такая масса или большая ассоціація чувственныхъ представленій, которая перетягиваетъ всѣ прочія. При такомъ взглядѣ на образованіе и значеніе наклонности является возможность положить нѣкоторую границу между *наклонностью* и *страстью*. Если какая-нибудь масса представленій, проникнутыхъ желаніемъ, перетягиваетъ всѣ прочія массы по одиночкѣ, то мы можемъ назвать это наклонностью; если же данная масса представленій, проникнутая системою однородныхъ желаній, перетягиваетъ всѣ остальныя массы подобныхъ же представленій и по одиночкѣ и сложенныя вмѣстѣ, то мы можемъ назвать это страстью. Въ наклонности душа только начинаетъ терять равновѣсіе; въ страсти она уже потеряла его. Слѣдовательно, не сама по себѣ сила и обширность той или другой системы чувственныхъ представленій, возбуждающихъ въ насъ одно или множество однородныхъ желаній, но отношеніе этой системы къ другимъ системамъ чувственныхъ представленій, живущимъ въ насъ въ тоже время, дѣлаетъ эту систему наклонностью или страстью [1]).

7. Изъ предыдущаго понятно, что данная система чувственныхъ представленій можетъ также оказаться наклонностью не по собственной своей силѣ и обширности, но по слабости другихъ подобныхъ же чувственныхъ системъ представленій. Точно также наклонность можетъ превратиться въ страсть не только потому, что она сама быстро растетъ; но и потому, что другія растутъ слабо и по слабости своей не только ей не противодѣйствуютъ, но даже уступаютъ ей всѣ тѣ свои элементы, которые сколько-нибудь къ ней подходятъ. Отсюда справедливость и той замѣтки, которую сдѣлалъ Спиноза, что наклонность побѣждается только наклонностью, а страсть стра-

---

[1]) Гегель отличаетъ желаніе отъ наклонности тѣмъ, что первое возбуждается предметомъ, а второе уже и представленіемъ о предметѣ; а страсть опредѣляетъ тѣмъ, что въ страсти душа дѣлаетъ наклонность свою субъективностью. (Phil. d. Sub. Geist. 2 Abth § 241). Бенеке отличаетъ наклонность отъ страсти тѣмъ, что первая возникаетъ въ сознанію, когда ее затронутъ, а вторая сама собою (Lehr. der Psych. § 175). Но это не опредѣленіе наклонности и страсти, а ихъ характеристическія особенности схваченныя вѣрно.

стью. Отсюда объясняется и то явленіе, что въ слабой душѣ, т. е. въ такой, въ которой вообще чувственныя системы представленій слабы, и слабая наклонность можетъ оказаться сильною, въ сущности все же оставаясь слабою. Сильна она потому, что нѣтъ ей противовѣса въ душѣ; но въ тоже время она можетъ быть слаба, если ее сравнить съ силою подобной же чувственной системы въ другой душѣ, гдѣ, можетъ быть, таже самая страсть является только наклонностью. Эта абсолютная слабость страсти можетъ зависѣть отъ слабости стремленій, изъ удовлетворенія которыхъ она выросла. И если по содержанію своему эти страсти дурны, то въ то же время онѣ являются и самыми презрѣнными страстями; ибо человѣкъ не находитъ оправданія даже въ силѣ увлекшихъ его стремленій.

8. Принимая въ расчетъ, что сами по себѣ ни тѣлесныя, ни духовныя стремленія не могутъ превратиться въ наклонности и страсти, но что дѣлаетъ ихъ такими душа, ищущая въ ихъ удовлетвореніи пищи для своего стремленія къ дѣятельности, мы видимъ, что если воспитатель хочетъ, чтобы въ его воспитанникѣ не образовались *случайно* наклонности и страсти, то онъ долженъ дать пищу его душевной дѣятельности. Вообще чувственныя системы представленій не могутъ не образовываться и не разростаться въ душѣ: безъ этого душа не могла бы и жить; но пока между различными массами однородныхъ желаній удерживается равновѣсіе, до тѣхъ поръ ни одну изъ этихъ массъ нельзя назвать наклонностью. Изъ этого, однако, никакъ не слѣдуетъ, чтобы мы считали вообще вредными всякія наклонности въ душѣ. Напротивъ, если наклонности губятъ, то онѣ же и спасаютъ душу. Дѣло въ ихъ содержаніи, а не въ ихъ формѣ. Всѣ онѣ по формѣ своей однообразны, всѣ онѣ—болѣе или менѣе обширныя массы представленій, проникнутыхъ тѣми или другими однородными желаніями, и перевѣшивающія другія подобныя же массы представленій; но по содержанію своему наклонности безконечно разнообразны, будучи произведеніями жизни человѣческой души, ея индивидуальныхъ опытовъ, представленій, чувствованій и желаній.

9. Воля человѣка можетъ подавлять наклонности; но это ей тѣмъ труднѣе, чѣмъ сильнѣе то стремленіе, изъ котораго родилась система однородныхъ желаній, составившихъ наклонность, и чѣмъ болѣе разрослась эта наклонность. Но если прямо противодѣйствовать наклонности трудно, потому что подавляемое стремленіе становится все сильнѣе и сильнѣе, то надобно различать, что сила наклонности зависитъ не отъ одной, а отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ силы самаго стремленія, изъ корня котораго развилась наклонность, а во-вторыхъ, отъ обширности той сѣти представленій и желаній, которую уже выплела душа на этой основѣ. Если *первая* причина, стремленіе, отъ неудовлетворенія становится напряженнѣе, то за то *вторая*, оставляемая въ забвеніи, ослабѣваетъ. Вотъ почему, желая противоборствовать наклонности или страсти, мы должны съ одной стороны удовлетворять тому стремленію, изъ котораго она выросла, а съ другой направить дѣятельность

нашей души на что-нибудь иное и лучше всего въ ту область, гдѣ у насъ образовалась уже какая-нибудь наклонность, но которая еще слаба для того, чтобы безъ содѣйствія нашей воли противоборствовать той, которую мы хотимъ подавить.

10. Психологія, объяснивъ образованіе страстей, показываетъ ошибку тѣхъ философовъ и моралистовъ, которые, какъ напр. Декартъ и Кантъ, вообще вооружаются противъ страстей. Гораздо вѣрнѣе смотрѣлъ на страсти Аристотель, который видитъ уже достоинство человѣка не въ томъ, чтобы не имѣть страстей, а въ томъ, чтобы соблюдать равновѣсіе между ними. На этомъ равновѣсіи, на этой золотой серединѣ, построена вся этика Аристотеля. Но и этотъ взглядъ не вполнѣ справедливъ: страсти, уравновѣшивающія одна другую, не будутъ страстями, а только системами чувственныхъ представленій, болѣе или менѣе сильными, смотря по силѣ стремленій, изъ которыхъ они образовались. Такое нравственное ученіе могло возникнуть только отъ нерѣшительности дать человѣку то или другое направленіе въ жизни, а сама эта нерѣшительность отъ того колебанія въ признаніи *одного нравственнаго принципа*, которымъ отличается классическій міръ отъ христіанскаго. Если бы такой принципъ былъ найденъ, то страсть, проникнутая желаніемъ выполненія и развитія такого принципа, должна была бы быть признана страстью, долженствующею стать центромъ тяжести въ содержаніи души; но такого центра не нашелъ классическій міръ.

11. Системы представленій, служащія основою для наклонностей и страстей, могутъ находиться въ трояковъ состояніи: или въ гипотетической формѣ слѣдовъ, вышедшихъ изъ сознанія, или въ видѣ представленій, находящихся въ какомъ-либо отношеніи къ стремленіямъ человѣка и потому возбуждающихъ въ немъ тѣ или другія чувства, или, наконецъ, въ видѣ чувственныхъ представленій, соединенныхъ съ воспоминаніемъ опытовъ удовлетворенія какихъ-нибудь стремленій и потому возбуждающихъ въ человѣкѣ то или другое желаніе или цѣлыя системы желаній.

12. О первой формѣ чувственныхъ системъ мы можемъ говорить только гадательно; но, тѣмъ не менѣе, факты вынуждаютъ насъ признать существованіе въ насъ такихъ слѣдовъ чувственныхъ представленій, хотя они и сохраняются гдѣ-то, внѣ сознанія. Кто же изъ насъ не знаетъ, что въ насъ могутъ сохраняться наклонности и страсти такъ, что мы въ данное время и не знаемъ объ этомъ? Какъ они сохраняются—этого мы фактически не знаемъ; но что они дѣйствительно сохраняются, и могутъ то появляться въ сознаніи, то выходить изъ него, это фактъ несомнѣнный, дѣйствительность котораго всякій можетъ повѣрить надъ самимъ собою.

13. Вторая форма системъ представленій уже не какъ слѣдовъ, существующихъ внѣ сознанія, но какъ представленій сознаваемыхъ и при томъ возбуждающихъ въ душѣ, по отношенію къ ея стремленіямъ, тѣ или другія чувствованія, была названа нами *чувственнымъ состоя-*

ніемъ души и мы должны оставить это сложное названіе за неимѣніемъ другого. Въ такомъ положеніи системы представленій, возбуждая въ насъ тѣ или другія чувствованія, не возбуждаютъ желаній, не возбуждаютъ именно потому, что желанія наши уже удовлетворены. Такими чувственными состояніями слѣдуетъ признать радость, печаль, привязанность, ненависть, страхъ, уваженіе, благоговѣніе, презрѣніе — до тѣхъ поръ, пока эти чувственныя состоянія не возбуждаютъ въ душѣ нашей никакихъ желаній и нежеланій. Мы прямо испытываемъ чувства, простыя или сложныя, и цѣлыя системы чувствованій, возбуждаемыхъ такими системами представленій.

14. Но легко понять, что такое *чувственное состояніе* души, чѣмъ-нибудь нарушенное, можетъ вдругъ возбудить въ душѣ нашей цѣлыя массы желаній и явиться въ ней уже не чувственнымъ состояніемъ только, но наклонностью или страстью. Привязанность наша къ человѣку, съ которымъ мы постоянно живемъ, не есть еще сама по себѣ страсть; но она можетъ оказаться сильнѣйшею страстью, когда судьба раздѣлитъ насъ съ этимъ человѣкомъ. Вотъ почему и нельзя положить рѣзкой границы между *чувственными состояніями* и *страстями*, да и самый языкъ не раздѣляетъ ихъ. Возьмемъ, напримѣръ, *честолюбіе:* въ минуту своего удовлетворенія это — чувственное состояніе, возникающее изъ того элементарнаго чувства, которое мы назвали самодовольствомъ, въ соединеніи съ особенными, человѣку только свойственными стремленіями, о которыхъ мы скажемъ ниже; въ минуту же своего неудовлетворенія то же честолюбіе является страстью. Испытывая радость, мы не испытываемъ при этомъ никакихъ желаній,—мы только радуемся, а потому и не можемъ назвать радость страстью; но если что-нибудь лишитъ насъ этой радости, то мы можемъ *страстно пожелать* ея возвращенія, и тогда изъ чувственнаго состоянія радости можетъ образоваться какая-нибудь страсть, названіе которой опредѣлится самимъ содержаніемъ нашей бывшей радости. Печаль до тѣхъ поръ остается чувственнымъ состояніемъ, пока мы не выйдемъ изъ него, а потомъ въ насъ можетъ образоваться страстное отвращеніе, страстное желаніе удалить отъ себя все, что можетъ привести насъ въ чувственное состояніе печали.

15. Неясное пониманіе слова «*страсть*» ведетъ ко многимъ неясностямъ и ошибкамъ въ психологіи. Такъ Декартъ называетъ словомъ *страсть* (passion) и то, что мы называемъ *страстью*, и то, что мы называемъ *чувственнымъ состояніемъ*. У него и радость — страсть, и честолюбіе—страсть. Впослѣдствіи было принято слово «аффектъ»; но значеніе этого слова не опредѣлилось и оно различно употребляется различными писателями, употребляется даже иногда въ совершенно противоположныхъ смыслахъ. На этомъ основаніи мы признали за лучшее не принимать чуждаго намъ слова *аффектъ*, а принять прямо слово *страсть* и хотя сложный, но довольно ясный терминъ *чувственнаго состоянія души*. Страстью мы будемъ называть всякое такое сложное

душевное состояніе, въ которомъ главная преобладающая черта есть желаніе или нежеланіе; чувственнымъ же состояніемъ будемъ называть такое состояніе души, въ которомъ преобладаетъ чувствованіе.

16. Всѣ человѣческія страсти и всѣ чувственныя состоянія человѣческой души всегда имѣютъ въ себѣ нѣчто особенное, свойственное только человѣку, идущее изъ его человѣческихъ особенностей. Такъ напр. *наслажденіе* можетъ испытывать и человѣкъ, и животное; но *радоваться* можетъ только человѣкъ, потому что къ радости непремѣнно примѣшивается наслажденіе будущимъ, взглядъ впередъ и притомъ въ безконечную даль. Какъ только же мы увидимъ, хотя въ отдаленномъ будущемъ, конецъ нашей радости, такъ она и начнетъ туманиться. Вотъ почему анализъ чисто человѣческихъ страстей и чувственныхъ состояній можетъ быть данъ тогда только, когда мы изслѣдуемъ особенности человѣческой души.

ГЛАВА XLII.

Образованіе характера; состояніе вопроса: четыре темперамента.

1. Словомъ *характеръ* обозначаютъ обыкновенно всю сумму тѣхъ особенностей, которыми отличается дѣятельность одного человѣка отъ дѣятельности другого, безъ отношенія къ самому содержанію этой дѣятельности, которое можетъ быть глупо и умно, нравственно и безнравственно. Наблюдая внимательнѣе, что̀ люди называютъ характеромъ, мы легко замѣтимъ, что они не вводятъ въ это понятіе того, что они же называютъ обыкновенно умственнымъ развитіемъ человѣка. Два лица, обладающія совершенно различнымъ умственнымъ развитіемъ и совершенно различнымъ запасомъ знаній, какъ по количеству такъ и по качеству, могутъ быть очень сходны по характеру. Съ другой стороны, люди, одинаково развитые и обладающіе одинаковыми знаніями могутъ быть совершенно различнаго характера. У человѣка очень образованнаго можетъ быть характеръ весьма ничтожный, и у человѣка весьма необразованнаго — характеръ весьма сильный. Изъ этого мы видимъ, что понятіе характера слагается, главнымъ образомъ, изъ наблюденій надъ особенностями дѣятельности *чувства* и *воли*, независимо отъ умственнаго богатства или умственной бѣдности человѣка. Но вводя чувство и желаніе въ понятіе *характера*, мы обыкновенно не вводимъ ихъ *содержанія*, а только *форму* ихъ проявленія. Злой и добрый человѣкъ, нравственный и безнравственный, могутъ имѣть одинаково слабый или сильный, постоянный или порывистый, хладнокровный или вспыльчивый, рѣшительный или нерѣшительный характеръ и т. д. Слѣдовательно, въ *понятіе характера* не входятъ ни умственное, ни нравственное состояніе человѣка: не входитъ самое *содержаніе* чувствованій и желаній, а только *форма* ихъ проявленія. Но такъ-какъ дѣятельность чувства проявляется для наблюденій только въ дѣйствіяхъ человѣка, къ

которымъ мы относимъ и самую рѣчь, то, слѣдовательно, мы должны придти къ заключенію, что понятіе характера извлекается исключительно изъ наблюденій надъ особенностями человѣческой дѣятельности и притомъ не надъ содержаніемъ этой дѣятельности, которая зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а также отъ ума и нравственности человѣка, но надъ ея формами. Вотъ почему мы относимъ изученіе образованія характера къ области *воли*. Въ характерѣ именно проявляется особенность дѣйствія воли въ различныхъ индивидахъ. Отъ этого выраженіе: *сила характера* или *сила воли* часто употребляются какъ синонимы, хотя это употребленіе и не совершенно правильно, какъ мы это увидимъ ниже.

2. Не такимъ единствомъ отличается взглядъ людей на самое происхожденіе характера. Часто мы слышимъ, что говорятъ о врожденности характера, и точно также часто слышимъ, что говорятъ объ испорченности характора, о томъ, что такой или другой характеръ въ человѣкѣ образовался вслѣдствіе обстоятельствъ жизни, вслѣдствіе воспитанія и т. п. Говоря о характерѣ, люди называютъ его дурнымъ и хорошимъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о хорошемъ или дурномъ здоровьи. Характеромъ человѣка объясняютъ его поступки; но самый характеръ ставятъ часто ему въ вину, хотя иногда нѣкоторыми чертами характера облегчаютъ вмѣняемость поступка. Воспитаніе, съ одной стороны, совѣтуетъ присматриваться и примѣняться къ характеру воспитанника, а съ другой даетъ правила, какимъ образомъ воспитывать характеръ въ человѣкѣ. Изъ этого мы вправѣ вывести, что *общечеловѣческая* психологія, которая, во всякомъ случаѣ, имѣетъ громадное значеніе, какъ сумма безчисленныхъ наблюденій людей надъ психологическими явленіями, видитъ въ характерѣ въ одно и то же время и нѣчто прирожденное человѣку, и нѣчто формирующееся въ немъ въ теченіе его жизни,—и этотъ взглядъ совершенно справедливъ, ибо характеръ въ человѣкѣ складывается именно подъ вліяніемъ прирожденныхъ ему свойствъ, съ одной стороны, и подъ вліяніемъ жизни съ другой.

3. Признавъ въ образованіи характера участіе двухъ дѣятелей: природы человѣка и условій жизни, мы должны были бы изслѣдовать, на сколько каждый изъ этихъ факторовъ участвуетъ въ образованіи характера и изъ этого уже вывести законы образованія человѣческаго характера вообще, которые, безъ сомнѣнія, должны же быть. «Человѣчество,—говоритъ Милль—не имѣетъ общаго характера, но существуютъ общіе законы формаціи характера» [1]). Милль полагаетъ, что эти-то законы формаціи характера и должны составлять главный предметъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ области человѣческой природы. Но откуда взято Миллемъ это твердое убѣжденіе, которое и мы вполнѣ раздѣляемъ, въ суще-

[1]) Mill's Logic. V. II. p. 444.

ствованіи общихъ законовъ въ образованіи человѣческаго характера? Найдены ли уже эти законы, доказана ли ихъ непреложность фактами, сведены ли они въ научную систему? На эти вопросы и Милль вынужденъ былъ бы отвѣчать отрицательно. Но нельзя сказать, чтобы эти законы были до того неизвѣстны, что самое существованіе ихъ слѣдуетъ только предположить по общей вѣрѣ въ причинность всѣхъ явленій, руководящей человѣкомъ столько же въ отысканіи законовъ физической природы, сколько и въ отысканіи законовъ психическихъ явленій. Не удивляемся ли мы знанію человѣческихъ характеровъ у великихъ писателей? И не одни эти великіе писатели знаютъ законы человѣческаго характера, но знаютъ ихъ и тѣ, которые удивляются вѣрной рисовкѣ характеровъ самыми этими писателями. Если бы мы не знали вовсе ничего о законахъ формаціи характеровъ, то не могли бы произносить и нашего сужденія о томъ, вѣрно ли Шекспиръ или Мольеръ рисуютъ характеры людей. Слѣдовательно, въ каждомъ изъ насъ мы должны признать существованіе обширной массы познаній законовъ образованія человѣческихъ характеровъ. Зная характеръ человѣка, мы часто предсказываемъ очень вѣрно, какъ подѣйствуетъ на него данное впечатлѣніе, какія чувства и желанія въ немъ вызоветъ и въ какихъ дѣйствіяхъ обнаружится это желаніе. Практическая педагогика довольно часто, если и не всегда, подаетъ очень вѣрные совѣты, какъ измѣнить ту или другую черту въ характерѣ воспитанника. Правда этихъ совѣтовъ обнаруживается практикой и они показываютъ также, что намъ не безъизвѣстны многіе законы образованія человѣческаго характера. Практическая важность этихъ знаній не можетъ подлежать сомнѣнію. Мы уже указали на нее въ предисловіи къ первой части нашей Антропологіи. Спрашивается, отчего же эти знанія, столь важныя для практическаго человѣка вообще и для воспитателя въ особенности, не собраны, не приведены въ ясную и легко обозрѣваемую систему? Не потому ли, что мы ихъ знаемъ уже очень хорошо, такъ-что не нуждаемся въ ихъ пересмотрѣ? Но безчисленные промахи практическихъ дѣятелей вообще и воспитателей въ особенности, зависящіе главнымъ образомъ отъ незнанія законовъ образованія человѣческаго характера, служатъ лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но можетъ быть, не потому ли не собрали мы нашихъ познаній о законахъ образованія характера, что это собраніе невозможно? Но почему же невозможно? Что человѣкъ знаетъ, то можетъ выразить словами; что можетъ выразить, то можетъ провѣрить и привесть въ систему: одни знанія признать несомнѣнными, другія—подвергнуть сомнѣнію, остановиться надъ противорѣчіями и т. д. Можно ли сомнѣваться въ практической пользѣ такого собранія, провѣрки и приведенія въ порядокъ наблюденій человѣка надъ образованіемъ человѣческихъ характеровъ? Почему же, спрашиваемъ мы снова, *этологія*, по выраженію, придуманному Миллемъ, или *характерологія*, въ полурусскомъ переводѣ, есть до сихъ поръ наука въ проэктѣ, хотя, конечно, не одинъ

Милль сознаетъ всю необыкновенную практическую важность такой науки и все ея значеніе для искусства воспитанія? [1])

4. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ отчасти самъ же Милль. «Законы образованія характера, говоритъ онъ, суть законы производные, происходящіе изъ общихъ законовъ души, и должны быть получены, какъ выводы, изъ этихъ общихъ законовъ. Для этого мы должны брать какой-нибудь данный рядъ обстоятельствъ и потомъ соображать, какое будетъ вліяніе этихъ обстоятельствъ, сообразно съ законами души, на образованіе характера» [2]). Основную науку, науку объ общихъ законахъ души Милль называетъ *психологіею*, въ отношеніи которой *этологія*, или изложеніе общихъ законовъ образованія характера подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, будетъ уже наукою *выводною* и притомъ такою же точною, какъ математика. «Психологія, по Миллю, есть, главнымъ образомъ, наука наблюденія и опыта; *этологія* же есть наука *дедуктивная*. Она излагаетъ простые законы вообще, а другая чертитъ ихъ дѣйствіе въ сложныхъ комбинаціяхъ обстоятельствъ» [3]). Признавая во многомъ справедливость мысли Милля, мы уже изъ нея можемъ вывести простое объясненіе, почему *характерологія*, не смотря на богатый матерьялъ для своего содержанія въ общечеловѣческихъ наблюденіяхъ и въ наблюденіяхъ такихъ зоркихъ людей, каковы: Гомеръ, Дантъ, Сервантесъ, Шекспиръ, Гёте, и не смотря на свою неизмѣримую практическую важность, остается наукою въ проэктѣ, да и самый проэктъ этой науки только теперь возникаетъ съ особенною ясностью [4]). Понятно, что дедуктивная или выводная наука можетъ появиться тогда только, когда та наука, изъ которой она выводится, является сама наукою, уже болѣе или менѣе установившеюся. Но можемъ ли мы признать психологію такою наукою? Правда, она уже давно объявляетъ себя наукою опыта, почерпающею все свое содержаніе изъ наблюденій и опытовъ; но, разбирая опытную психологію Гербарта, Бенеке, Вайтца, Бэна и др., мы имѣли случай не разъ убѣдиться, что,

[1]) Ibid. p. 449. Милль прямо говоритъ, что *этологія* есть наука, которая соотвѣтствуетъ въ области искусствъ искусству воспитанія, принимая это послѣднее слово въ обширнѣйшемъ значеніи, т. е. какъ воспитаніе не только индивидуальнаго, но и коллективнаго, т. е. воспитаніе народнаго характера.

[2]) Ibid. p. 449.

[3]) Ibid. p. 450.

[4]) Замѣтимъ, между прочимъ, что этотъ проэктъ пріобрѣлъ особенную ясность въ головѣ британскаго мыслителя. Это не случайное явленіе. Болѣе всѣхъ другихъ націй британская нація занималась и продолжаетъ заниматься психологіей: только она одна давно уже поняла все практическое значеніе этой науки и одна вводитъ ее даже въ низшія школы. Нельзя не видѣть въ этомъ особой практичности англичанъ, которая, въ свою очередь, конечно строится на знаніи людскихъ характеровъ.

къ сожалѣнію, психологія до сихъ поръ идетъ по стопамъ философскихъ умозрѣній, и что ея положеніе очень часто болѣе условливается философскимъ міросозерцаніемъ писателя, чѣмъ дѣйствительно наблюденіемъ и опытомъ. Психологія еще порывается только сорваться съ того буксира, на которомъ ведетъ ее до сихъ поръ метафизика: выражается ли эта метафизика схоластическими терминами германской философіи, или терминами, заимствованными изъ естествознанія, какъ у Бэна и Спенсера. Когда эти усилія увѣнчаются успѣхомъ, когда можно будетъ говорить о психологіи, какъ о дѣйствительной наукѣ опыта, вполнѣ установившейся, тогда только можно будетъ приняться и за выводъ изъ нея этологическихъ законовъ.

5. Но не одна психологія виновата въ томъ, что важная наука образованія человѣческаго характера остается до сихъ поръ наукою въ проэктѣ. Милль высказываетъ надежду, что физіологія скоро подмѣтитъ тѣ особенности въ образованіи мозга и нервной системы, которыя выражаются во врожденныхъ чертахъ характера [1]). Но, желая вполнѣ скорѣйшаго осуществленія этой надежды, мы не можемъ не признать ее нѣсколько сангвиническою, если пересмотримъ то ученіе *о темпераментахъ*, которое до сихъ поръ излагается въ физіологіяхъ и антропологіяхъ. Это ученіе, унаслѣдованное новымъ временемъ еще отъ классической древности, до такой степени не приведено къ единству съ новыми физіологическими знаніями, до такой степени шатко и не основано на положительныхъ фактахъ, что мы даже затрудняемся внести его въ фактическую антропологію. Еще Галенъ раздѣлилъ характеры людскіе по четыремъ темпераментамъ: на *сангвиническіе*, *холерическіе*, *меланхолическіе и флегматическіе*. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Бенеке, «это скорѣе простыя картины извѣстныхъ, въ жизни встрѣчающихся характеровъ, нежели точное генетическое разложеніе ихъ» [2]). Но и въ жизни эти четыре вида характеровъ никогда не встрѣчаются въ отдѣльности; а всегда черты одного перемѣшаны съ чертами другого. Даже каждый въ самомъ себѣ, разбирая свои чувства, желанія и поступки, замѣтитъ въ однихъ черту меланхолическую, въ другихъ—сангвиническую и т. д. тѣмъ болѣе, если будетъ сличать свои различныя настроенія духа. Только способность отвлеченія, замѣчающая главныя, выступающія черты поступка и пропускающая болѣе мелкія, имъ противорѣчащія, ихъ ослабляющія, дала возможность набросать эти типы темпераментовъ. Для того же, чтобы анализировать эти черты и привести ихъ въ какую нибудь систему, слѣдовало бы знать, чему приписать различіе этихъ чертъ характера, а этого-то мы и не знаемъ, не смотря на то, что нашихъ анатомическихъ и физіологическихъ познаній нельзя и сравнивать съ познаніями классическаго міра.

6. «Ученіе, допускающее темпераменты, говоритъ Мюллеръ, идетъ

---

[1]) Ibid. p. 339.

[2]) Lehrb. der Psych. von Benecke § 345.

изъ глубочайшей древности. Оно превосходно и, можетъ быть, ничего уже нельзя болѣе сдѣлать для его усовершенствованія. Но основанія, на которыхъ его сдѣлали древніе, были также ложны, какъ ихъ мнѣнія относительно основныхъ элементовъ человѣческаго тѣла. Темпераменты Галена: *сангвиническій*, *флегматическій*, *желчный* и *меланхолическій* основывались на гипотезахъ древнихъ философовъ Греціи о четырехъ элементахъ: воздухѣ, водѣ, огнѣ и землѣ и качествахъ, имъ соотвѣтствующихъ: теплотѣ, холодѣ, сухости и влажности.» Этимъ элементамъ соотвѣтствовали въ организмѣ четыре основныя жидкости, преобладаніемъ которыхъ объясняли различіе темпераментовъ. «Мы мало бы содѣйствовали уясненію предмета, продолжаетъ Мюллеръ, если бы привели здѣсь различныя другія классификаціи темпераментовъ» [1]). Откуда же, спрашивается, взяли древніе такіе вѣрные типы человѣческихъ характеровъ, если выводили ихъ изъ такихъ ложныхъ основаній, каковы понятія о четырехъ стихіяхъ міра и о четырехъ основныхъ жидкостяхъ организма? Конечно, не изъ этихъ ложныхъ основаній, изъ которыхъ могли бы быть сдѣланы только и ложные же выводы. Типы эти слѣдовательно взяты прямо изъ наблюденій человѣка надъ самимъ собою и надъ различными людскими характерами, причемъ господствующія черты въ томъ или другомъ характерѣ или поступкѣ возводимы были по своему сродству въ одинъ типъ. Руководителями же при этомъ созданіи типовъ было не только логическое отвлеченіе, но и поэтическое чувство. Тутъ было тоже творчество, которое руководило Мольеромъ при созданіи характера Тартюфа, а Гоголемъ, когда онъ создавалъ своего городничаго. Процессъ этого творчества, при чемъ человѣкъ беретъ черты пошлости столько же изъ другихъ людей, сколько и изъ самого себя, прекрасно выраженъ самимъ Гоголемъ. Но напрасно бы вы искали Тартюфовъ, Гамлетовъ, Фальстафовъ, гоголевскихъ городничихъ и Хлестаковыхъ въ окружающихъ васъ людяхъ: поройтесь же внимательно въ самихъ себѣ— и вы отыщите ихъ всѣхъ: отъ того-то они такъ глубоко и задѣваютъ нашу душу, отъ того-то всѣ эти, столь различные характеры и кажутся намъ такими истинными. Точно также и по той же причинѣ типы темпераментовъ, созданные древними, поражаютъ своею истиною; но точно также, какъ всѣ поэтическія созданія, будучи приложены къ дѣйствительности, немедленно же требуютъ безчисленныхъ исключеній. Чтобы добиться въ темпераментахъ фактической истины, слѣдовало бы открыть ихъ физическія причины, но это, не смотря на всѣ попытки, до сихъ поръ, не удалось.

7. «Мы, конечно, пытались, говоритъ Мюллеръ, установить ученіе о темпераментахъ на основныхъ формахъ органическихъ отправленій и, органическихъ системъ, напр., на системѣ питанія, движенія, чувствительности, и приписать темпераменты преобладанію одной изъ этихъ системъ. Такимъ образомъ были получены темпераменты растительный

---

[1]) Man. de Physiol. T. II, p. 546.

раздражительный и чувствительный. Но вывести душевныя особенности, характеризующія каждый темпераментъ, изъ преобладанія одной изъ органическихъ системъ совершенно невозможно. Дѣйствительно, мускульная сила не дѣлаетъ еще человѣка желчнымъ; а характеръ флегматическій точно также сопровождается хорошимъ, какъ и дурнымъ питаніемъ. Люди сырые и тучные не всегда флегматики, и часто встрѣчаются лица очень худощавыя и съ невозмутимою флегмою. Есть люди желчные и сангвиническіе, какъ между толстыми такъ и между худощавыми, какъ между сильными такъ и между слабыми. Вообще всѣ попытки приписать каждому темпераменту особое органическое свойство оказались неудачными». «Особенную безурядицу въ ученіи о темпераментахъ ввело смѣшеніе съ ними патологическихъ болѣзненныхъ явленій. Вообразили себѣ, что флегматикъ непремѣнно долженъ быть толстый, блѣдный и лимфатическій, что желчный долженъ имѣть расположеніе къ болѣзни печени и т. п.» «По-моему мнѣнію, продолжаетъ Мюллеръ, темпераменты зависятъ болѣе или менѣе отъ расположенія къ чувствованіямъ или страстямъ, рождающимся изъ возбужденія или противодѣйствія склонностямъ, т. е., что причина ихъ заключается въ различномъ расположеніи къ состояніямъ удовольствія, страданія и желанія» [1]. Изъ этого довольно темнаго намека видно, что физіологъ Мюллеръ скорѣе готовъ перенесть вопросъ о темпераментахъ на психологическую почву. Но что же можетъ сказать психологія о томъ, *что врождено*, о томъ, что предшествуетъ слѣдовательно дѣятельности сознанія, что условливаетъ уже характеръ этой дѣятельности, а не условливается имъ?

8. Послѣ Мюллера, конечно, продолжались попытки пріурочить темпераменты къ какимъ нибудь фактамъ организма. Френологи пытались найти эти факты въ мозгу, въ различіи комбинацій его частей; другіе искали причины ихъ въ особенности устройства тканей, въ относительномъ количествѣ бѣлаго и сѣраго вещества въ мозгу, въ свойствѣ крови, но все это рѣшительно ни къ чему не повело—и взглядъ Мюллера на темпераменты остается и до сихъ поръ самымъ логическимъ. Мы можемъ только удивляться, какъ нѣкоторые психологи и педагоги, знакомые съ этимъ трезвымъ и скромнымъ взглядомъ великаго ученаго и мыслителя, продолжаютъ говорить, напр., что у людей съ нервознымъ темпераментомъ долженъ быть маленькій носъ и круглый подбородокъ, у людей съ желчнымъ темпераментомъ—чорные блестящіе глаза, курчавые волосы и т. п. ни на чемъ не основанныя нелѣпости [2]), или прилагать къ своимъ сочиненіямъ разрисованныя фигуры темпераментовъ, рисуя флегматика непремѣнно человѣкомъ страдающимъ водяной, а меланхолика—чахоткой [3]). Вотъ почему, признавъ неудачными всѣ попытки отыскать

---

[1]) Ibid. p. 547.

[2]) Die Wissenschaft von Menschen von K. Schmidt. 1865. S. 201—202.

[3]) См. рисунки, приложенные къ упомянутой книгѣ Шмидта.

физіологическія причины различія темпераментовъ, мы представимъ только характеристическія картины ихъ, слѣдуя при этомъ Мюллеру.

9. *Флегматическій* темпераментъ Мюллеръ называетъ *умѣреннымъ* въ противоположность тремъ остальнымъ. Чувствованія не овладѣваютъ флегматикомъ быстро и не легко разливаются въ немъ. (По нашей терминологіи у флегматика душевныя чувствованія не легко переходятъ въ органическія). Мысли флегматика текутъ съ неменьшей быстротою, какъ и мысли другихъ людей, и умъ его можетъ достигнуть такого же развитія. Но ему не нужно дѣлать надъ собою большихъ усилій, ни физическихъ, ни нравственныхъ, чтобы сохранить свое хладнокровіе. Для него легче, чѣмъ для другихъ, удержаться отъ быстраго рѣшенія, чтобы обдумать его прежде. Отъ него нельзя ожидать такихъ рѣшеній, которыя выходятъ быстро изъ глубокихъ и живыхъ чувствованій; но отъ него можно ожидать всего, что можетъ быть достигнуто терпѣніемъ и настойчивостью. Онъ трудно раздражается, рѣдко жалуется, переноситъ свои страданія терпѣливо и мало возмущается страданіями другихъ. Онъ не скоръ на дружбу, но постояненъ въ ней. Когда чего нибудь нужно достичь быстротою и развитіемъ большой силы въ малое время, то его легко обгоняютъ люди другихъ темпераментовъ; но за то онъ вѣрнѣе достигаетъ отдаленной цѣли. Онъ всегда знаетъ, чего хочетъ, и неохотно мѣшается въ чужія дѣла. Лѣность, апатія, беззаботность, скука, трудность пониманія—составляютъ уже болѣзненныя явленія.

10. Къ неумѣреннымъ темпераментамъ Мюллеръ причисляетъ темпераменты: *желчный*, *сангвиническій* и *меланхолическій*.

Желчный темпераментъ обнаруживаетъ замѣчательную силу въ дѣятельности, энергію и настойчивость, когда находится подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти. Его страсти быстро воспламеняются отъ малѣйшаго препятствія, и его гордость, ревность, мстительность, честолюбіе — не знаютъ предѣловъ, когда его душа находится подъ угнетающимъ вліяніемъ страсти. Онъ размышляетъ мало и дѣйствуетъ быстро, немедля, какъ потому, что всегда считаетъ себя правымъ, такъ и потому, что такова его воля. Онъ трудно сознается въ своихъ ошибкахъ и увлекается страстью, пока она не приводитъ его къ его собственной гибели или гибели другихъ.

11. У *сангвиника* основное стремленіе есть стремленіе къ наслажденію, соединенное съ легкою возбуждаемостью чувствованій и съ ихъ малою продолжительностью. Онъ увлекается всѣмъ, что ему пріятно, высказываетъ много симпатіи къ другимъ и скоръ на дружбу; но склонности его непостоянны и нельзя слишкомъ много на нихъ расчитывать. Его легко разсердить, но онъ также легко переходитъ къ раскаянію. Щедрый на обѣщанія, онъ тотчасъ ихъ забываетъ, если не выполняетъ въ то же время. Довѣрчивый и легковѣрный, онъ любитъ строить проэкты, но скоро ихъ бросаетъ. Снисходительный къ недостаткамъ другихъ, онъ требуетъ такой же снисходительности и къ своимъ собственнымъ. Его

легко успокоить; онъ откровененъ, ласковъ, доброжелателенъ, любитъ общество, неспособенъ къ эгоистическимъ расчетамъ.

12. У *меланхолика* господствующая наклонность есть наклонность къ печали. Онъ также легко возбуждается, какъ и сангвиникъ, но чувства неприятныя проявляются въ немъ чаще и продолжаются долѣе, чѣмъ чувства удовольствія. Страданія другихъ легко вызываютъ его симпатію. Онъ боязливъ, нерѣшителенъ, недовѣрчивъ и легко поддается всему, что соотвѣтствуетъ его господствующимъ идеямъ. Бездѣлица его оскорбляетъ; ему все кажется, что имъ пренебрегаютъ. Препятствія, встрѣчаемыя имъ въ жизни, приводятъ его въ отчаяніе, лишаютъ энергіи и дѣлаютъ неспособнымъ выйти изъ затрудненія. Его желанія носятъ грустный оттѣнокъ; его страданія кажутся ему невыносимыми и выше всякаго утѣшенія [1]).

13. Присмотритесь же къ дѣйствительнымъ характерамъ, попадающимся вамъ на глаза, изучайте ихъ внимательно, подробно, безъ всякой предвзятой теоріи, и вы увидите, какъ много невѣрнаго въ этихъ пресловутыхъ картинахъ темпераментовъ. Возьмемъ, напр., характеръ Руссо и подумаемъ, къ какому изъ *четырехъ* темпераментовъ можно его причислить. Онъ увлекается удовольствіемъ, какъ сангвиникъ; бѣжитъ отъ общества, какъ меланхоликъ; раздражителенъ и мстителенъ, какъ человѣкъ желчнаго темперамента; скоръ на дружбу и ненадеженъ въ ней — опять же, какъ сангвиникъ; нетерпѣливъ, правда, во всемъ, но кромѣ того, что его дѣйствительно увлекаетъ. Трудно кажется назвать его флегматикомъ; а между тѣмъ онъ такъ медленно и терпѣливо выработываетъ свои сочиненія, что, слѣдуя описанію темпераментовъ, это могъ бы сдѣлать только сильнѣйшій флегматикъ. Недовѣрчивый и подозрительный до смѣшнаго, онъ даже можетъ быть названъ ипохондрикомъ, не только меланхоликомъ; но посмотрите, сколько истинно дѣтской веселости и довѣрчивости обнаруживается въ немъ при случаѣ! Онъ склоненъ плакать надъ такими пустяками, надъ которыми другой смѣется; но его шутка весела и колка. Онъ снисходителенъ къ своимъ недостаткамъ, какъ истинный сангвиникъ, но не снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, какъ человѣкъ крайне желчнаго характера. Его привязанности измѣнчивы и въ то же время мы видимъ, что до глубокой старости дожили въ немъ привязанности и ненависти дѣтства. И, кромѣ того, какъ не похожъ дитя-Руссо, веселый, довѣрчивый, шаловливый, на мрачнаго старика, убѣжавшаго отъ людей на необитаемый островокъ швейцарскаго озера! Но не забудьте, что и женевцы также измѣнились и ставятъ монументъ Руссо на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бросали каменьями въ бѣднаго философа. Здѣсь вы видите, что жизнь ума и сердца перемѣшала черты всѣхъ темпераментовъ въ самую пеструю, но вполнѣ понятную картину.

14. Мы выбрали для примѣра характеръ Руссо именно потому, что

---

[1]) Ibid. p. 547—549.

его геніальная автобіографія открываетъ намъ всѣ изгибы этого, вполнѣ человѣчественнаго характера, со всѣми его достоинствами и недостатками. Но къ тому же самому рѣзультату въ отношеніи темпераментовъ придете вы, изучая характеръ перваго близкаго вамъ человѣка и особенно изучая его не въ одинъ какой нибудь моментъ, что дало бы вамъ самые ошибочные результаты, но наблюдая надъ тѣмъ, какъ онъ проявлялся въ долгій періодъ времени, если не во всю жизнь. Безпрестанно вы встрѣтите людей, поражающихъ васъ перемѣнчивостью своихъ наклонностей и въ то же время настойчивостью какой нибудь одной изъ нихъ, людей раздражительныхъ въ одномъ и очень флегматическихъ въ другомъ, легко прощающихъ одно и никогда не прощающихъ другое, эгоистовъ и въ то же время готовыхъ на самопожертвованіе, людей, которые любятъ общество и въ то же время его избѣгаютъ и т. д.; словомъ, вы встрѣтите въ каждомъ характерѣ противорѣчія знаменитымъ картинамъ темпераментовъ.

15. Воспитатель-критикъ еще болѣе обыкновеннаго наблюдателя человѣческой природы практически убѣждается, что тѣ самыя черты характера, которыя приписываются, какъ врожденныя тому или другому темпераменту, бываютъ очень часто слѣдствіемъ воспитанія. Иначе воспитатель не говорилъ бы вамъ безпрестанно, что можно запугать дитя и сдѣлать его робкимъ, что можно сдѣлать дитя тупымъ, лѣнивымъ, злымъ и что все это зависитъ отъ воспитательнаго вліянія семьи, школы и вообще жизни. Однакоже и воспитатель знаетъ, что есть *что-то такое*, врожденное человѣку и обнаруживающееся въ способѣ его мышленія, чувствованія и дѣятельности, что приносится каждымъ ребенкомъ, какъ нѣчто готовое, и что можетъ быть или усилено или ослаблено вліяніями жизни и воспитанія, но не можетъ быть вполнѣ искоренено, и что, во всякомъ случаѣ, воспитаніе должно принять, какъ нѣчто готовое, уже принесенное ребенкомъ при самомъ рожденіи. Изъ этого мы можемъ вывести наоборотъ, что въ знаменитыхъ картинахъ темпераментовъ есть своя доля правды, но что этой правды не легко доискаться.

16. Въ догматическія психологіи и педагогики ученіе о темпераментахъ вносилось прежде почти безъ всякаго анализа, и честь первой попытки извлечь изъ этого ученія хотя какія нибудь твердыя и ясныя черты врожденныхъ различій психо-физической дѣятельности людей, принадлежитъ, кажется, Бенеке. Усвоивъ себѣ теорію Гербарта объ образованіи всего содержанія души изъ представленій, Бенеке, какъ мы уже видѣли, вынужденъ былъ отступить отъ этого ученія и дать душѣ нѣчто врожденное. Это врожденное—ея *первичныя силы* (Urvermögen). Конечно, эти первичныя силы постоянно образуются душою, но слѣдовательно уже сама сила, ихъ образующая, прирождена душѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прирождены ей и тѣ особенности, которыми первичныя силы одного человѣка различаются отъ первичныхъ же силъ другого. Эти особенности состоятъ: первая—въ большей или меньшей *крѣпости* этихъ первичныхъ силъ; вторая—въ большей или меньшей степени *впечатли-*

тельности и третья — въ большей или меньшей степени *живость*. Эти врожденныя особенности первичныхъ силъ, *крѣпость* (Kräftigkeit) *впечатлительность* (Reizempfänglichkeit) и *живость* (Lebendigkeit), могутъ находиться въ одной и той же душѣ въ различныхъ соединеніяхъ между собою, чѣмъ и отличается уже отъ природы дѣятельность одной души отъ дѣятельности другой. Конечно мы могли бы указать, что есть у Бенеке скрытые намеки, что эти первичныя силы со своими особенностями порождаются изъ органическихъ процессовъ тѣла и что, слѣдовательно, и причины замѣчаемыхъ нами особенностей въ психической дѣятельности у разныхъ индивидуумовъ должны быть отыскиваемы въ прирожденныхъ особенностяхъ организма. Но такъ-какъ жаркіе послѣдователи Бенеке защищаютъ его отъ этой мысли, то мы и не припишемъ ее ему. Мы, впрочемъ, не понимаемъ, отчего тутъ собственно защищать Бенеке? Что же касается насъ, то, показавъ полную невозможность объяснять чисто психическія явленія изъ извѣстныхъ намъ свойствъ матеріи, мы не имѣемъ никакой причины не приписать вліянію тѣлеснаго организма тѣ особенности психо-физической дѣятельности людей, которыя ясно *врождены* и потому уже самому скорѣе могутъ быть приписаны вліянію тѣла, чѣмъ душѣ.

ГЛАВА XLIII,

Факторы въ образованіи характера: а) вліяніе врожденнаго темперамента.

О факторахъ въ образованіи характера вообще.

1. Въ предыдущей главѣ мы признали вліяніе врожденныхъ особенностей организмовъ на образованіе характера за фактъ несомнѣнный, но до того мало изслѣдованный, съ одной стороны физіологіею, а съ другой психологіею, что мы рѣшительно не можемъ ни опредѣлить границъ этого вліянія, ни указать на тѣ особенности организмъ, которымъ должны быть приписаны эти прирожденныя особенности, выражающіяся въ особенностяхъ психической дѣятельности того или другого человѣка и необъяснимыхъ изъ психическихъ причинъ.

2. Столь же несомнѣнные факты, особенно извлекаемые изъ педагогической практики, приводятъ насъ къ тому убѣжденію, что воспитаніе и вообще жизнь со всѣми своими вліяніями на человѣка может сильно измѣнять врожденныя особенности его психической дѣятельности. Кто же изъ людей, наблюдавшихъ надъ воспитаніемъ и развитіемъ человѣка, не имѣетъ твердаго убѣжденія, что семейное и школьное воспитаніе, а потомъ жизнь не оказываютъ могущественнаго вліянія на характеръ человѣка? Не видимъ ли мы на цѣлыхъ поколѣніяхъ людей ясной печати той школы, гдѣ они учились? Развѣ мы не видимъ очень часто самые рѣзкіе образцы характеровъ, или сломанныхъ жизнью, или наоборотъ

закаленныхъ ею? Признавая существованіе этого вліянія слишкомъ очевиднымъ, чтобы его нужно было доказывать, мы должны признать также, что и границы *жизненнаго* вліянія, разумѣя подъ нимъ всю совокупность вліяній всѣхъ впечатлѣній жизни, дѣйствующихъ на человѣка чрезъ посредство его сознанія, также неопредѣленны, какъ и границы вліяній природныхъ особенностей. Но психологъ въ этомъ отношеніи поставленъ все же выгоднѣе физіолога и во многихъ случаяхъ можетъ вѣрно указать и объяснить причину того или другого вліянія, если извѣстны конечно всѣ жизненные факты и выясненъ врожденный темпераментъ человѣка.

3. Но если существованіе двухъ первыхъ образователей (факторовъ) характера не подлежитъ сомнѣнію, хотя границы ихъ дѣйствія и неопредѣлены, то самое существованіе *третьяго* фектора, а именно *личной воли человѣка*, признаваемое одними, отвергается другими. Одни признаютъ, что не смотря ни на какое вліяніе, идетъ ли оно изъ прирожденныхъ особенностей человѣка или изъ впечатлѣній жизни, точно также отъ него независящихъ, какъ и врожденныя особенности, человѣкъ можетъ свободно выработывать свой характеръ. Другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что самое направленіе, или, вѣрнѣе, содержаніе воли совершенно условливается двумя первыми факторами, и что, слѣдовательно, помимо ихъ человѣкъ не можетъ внести никакого новаго элемента въ свой характеръ. Вопросъ этотъ по самому содержанію своему, относится къ третьей части нашей «Антропологіи», гдѣ намъ придется говорить о свободѣ воли, которая если и можетъ быть признана, то только какъ результатъ *самосознанія*, слѣдовательно исключительною принадлежностью человѣка, его *духовною* особенностью. Здѣсь же мы займемся только двумя первыми факторами, которые дѣйствуютъ не только въ человѣкѣ, но и въ животныхъ.

4. Совершенная необработанность вопроса объ образованіи человѣческихъ характеровъ подъ вліяніемъ, съ одной стороны, врожденныхъ особенностей организма, а съ другой, подъ вліяніемъ жизни съ ея особенностями, объясняетъ, почему мы рѣшаемся здѣсь передать не результаты научныхъ изслѣдованій, а только результаты личныхъ наблюденій. Если читатель будетъ недоволенъ скудостью этихъ результатовъ, то пусть онъ припомнитъ, что «характерологія» есть только наука въ проектѣ и притомъ такая обширная наука, которая потребовала бы большаго, спеціально ей посвященнаго сочиненія, а не двухъ-трехъ главъ, которыя мы можемъ посвятить здѣсь этому предмету, систематическимъ изученіемъ котораго, кромѣ того, мы никакъ не можемъ похвалиться. Онъ входилъ въ кругъ нашихъ занятій вмѣстѣ съ другими предметами психологіи и педагогики, тогда какъ по обширности своей задачи онъ могъ бы поглотить всѣ силы многихъ людей.

а) *Вліяніе прирожденныхъ особенностей организма на образованіе характера.*

5. Вліяніе прирожденныхъ особенностей организма на образованіе характера можно бы, какъ намъ кажется, раздѣлить на: 1) общее вліяніе состоянія организма, 2) вліяніе особенностей пищеваго процесса, 3) вліяніе устройства органовъ мозга, 4) вліяніе особенностей нервной ткани и 5) вліяніе патологическихъ состояній организма.

6. *Общему здоровому или больному, сильному или слабому состоянію организма* давно уже приписывается большое вліяніе на психическую жизнь и латинская поговорка «здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ» слишкомъ часто повторяется, особенно въ послѣднее время, чтобы кто-нибудь могъ не знать ее. Но если мы обратимъ вниманіе не на теоріи, для которыхъ эта поговорка служитъ любимымъ подтвержденіемъ, а на факты, то найдемъ, что справедливость знаменитаго изрѣченія можетъ быть подвергнута сильному сомнѣнію. Біографіи личностей, которыми гордится человѣчество, ясно доказываютъ, что далеко не всѣ эти личности были здоровыми людьми, начиная съ Аристотеля, часто жалующагося на свое болѣзненное состояніе, и оканчивая Дарвиномъ, который спѣшитъ напечатать еще неготовою свою теорію, боясь, что здоровье помѣшаетъ ему развить и обставить ее, какъ слѣдуетъ. Въ этихъ широкихъ предѣлахъ и принявъ за идеалъ *душевнаго* здоровья человѣка великій умъ и великій характеръ (какой же другой можно избрать?), мы насчитаемъ не мало великихъ дѣятелей, представлявшихъ здоровую душу въ больномъ тѣлѣ. Но не имѣемъ ли мы передъ глазами всѣмъ намъ знакомыхъ примѣровъ? Припомните Гоголя, Бѣлинскаго. Съ другой стороны, если можно указать на такихъ личностей, какъ Гёте, здоровыхъ и по тѣлу, и по душѣ, то можно также указать на безчисленное множество здоровеннѣйшихъ господъ съ самою ничтожною душевною дѣятельностью и съ самыми ничтожными ея результатами. И не только къ умственному богатству, но и къ характеру не можетъ быть приложена эта знаменитая поговорка. Не видимъ ли мы часто слабыхъ и больныхъ людей, выказывающихъ несомнѣнное геройство и твердость, и здоровыхъ и сильныхъ, обнаруживающихъ постыдную трусость и ничтожество характера? Всякій же внимательный воспитатель безъ сомнѣнія убѣдится, что и въ школѣ дѣти слабыя, золотушныя, болѣзненныя—вовсе не являются непремѣнно слабыми по уму и характеру, а чаще совершенно наоборотъ. Сообразивъ всѣ эти несомнѣнные факты, трудно себѣ объяснить, какъ классическое выраженіе «здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ» можетъ еще до сихъ поръ повторяться людьми съ увѣренностью въ его полной справедливости.

7. Однакоже мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы общее здоровое или болѣзненное состояніе организма, или прирожденная сила или слабость его, не оказывали *никакого* вліянія на душевную жизнь и ея результаты: умъ и характеръ. Этого вліянія *не можетъ не быть*. Если человѣкъ испытываетъ болѣзненныя ощущенія и недостаточность своихъ

тѣлесныхъ силъ, то эти, уже *душевные* опыты не могутъ не оставить слѣдовъ въ его душевныхъ работахъ и не могутъ не сказаться въ результатахъ этихъ работъ: умѣ и характерѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что дитя, часто испытывающее слабость своихъ тѣлесныхъ силъ, сравнительно съ силами товарищей, отразитъ эти опыты въ своей душевной жизни и ея результатахъ; но какъ отразитъ и что извлечетъ изъ этихъ опытовъ— это еще вопросъ. Очень можетъ быть, что дитя, удерживаемое слабостью своихъ силъ отъ тѣлесныхъ игръ и упражненій со своими сверстниками, сосредочитъ свою психическую дѣятельность въ умственной сферѣ, почему и развитіе ея пойдетъ сравнительно быстрѣе. Можетъ быть и то, что слабое дитя, обижаемое своими сильными товарищами, вздумаетъ наверстать слабость своихъ силъ умомъ и отсюда выработается хитрость. Можетъ выйти и такъ, что слабое дитя не откажется отъ соперничества въ тѣлесной силѣ со своими товарищами и въ немъ разовьется чувство гнѣва, а потомъ и злости. Можетъ быть и наоборотъ, что дитя, не побуждаемое къ тѣлеснымъ упражненіямъ быстро накопляющимися силами дѣтства, будетъ смотрѣть на игры другихъ какъ на развлеченіе, и отсюда выработается добрая черта въ характерѣ. Точно также сильный и здоровый мальчикъ имѣетъ въ самомъ обиліи своихъ силъ условіе для развитія чувства доброты [1]; но можетъ развиться въ немъ и чувство гордости и злости, смотря по обстоятельствамъ его дѣтства и какъ къ нимъ дитя относится. Сильный и здоровый мальчикъ очень можетъ умственно развиваться тупо, именно потому, что обиліе тѣлесныхъ силъ повлечетъ его преимущественно къ тѣлесной дѣятельности и она, а не дѣятельность умственная, будетъ удовлетворять врожденному душѣ стремленію къ жизни. Но развѣ можно вывести изъ этого, что обиліе тѣлесныхъ силъ есть непремѣнное условіе слабаго развитія умственныхъ?

8. Изъ этого мы можемъ вывести только, что общее состояніе здоровья, безъ сомнѣнія, оказываетъ вліяніе на психическую жизнь и ея результаты; но что это вліяніе можетъ быть безконечно разнообразно, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ и по тому, какія первыя душевныя работы начнутъ залегать въ душѣ ребенка. Воспитатель слѣдовательно не долженъ упускать изъ виду здороваго или больнаго состоянія организма, какъ вліяющей причины, но долженъ въ каждомъ данномъ случаѣ изслѣдовать, каково было это вліяніе, впередъ уже зная, что это вліяніе можетъ дать результаты не только разнообразные, но даже прямо противоположные. Прослѣдите, напримѣръ, какъ хромота вліяла на характеръ Байрона, и вы убѣдитесь, что тотъ же самый тѣлесный недостатокъ могъ дать въ другомъ человѣкѣ и при другой обстановкѣ жизни результаты совершенно противоположные.

9. *Различіе въ быстротѣ совершенія питательнаго процесса и возобновленіи тканей организма* у различныхъ индивидовъ есть фактъ, наблюдаемый, сколько намъ извѣстно, и медиками. Наблюдая надъ дѣтьми

---

[1]) См. выше, гл. XXI, пп. 18—22.

и взрослыйи, мы замѣтимъ, что даже при одинаково нормальномъ и здоровомъ состояніи организма, одинъ организмъ скорѣе, чѣмъ другой, выполняетъ весь пищевой процессъ, начинающійся пріемомъ пищи и оканчивающійся превращеніемъ ея въ ткани и скрытыя (потенціальныя) силы тканей. Это замѣтно не столько въ относительной быстротѣ работы желудка, сколько въ болѣе или менѣе быстромъ вознагражденіи убыли крови изъ пищеваго запаса и въ болѣе или менѣе быстромъ возобновленіи изъ крови всѣхъ тканей и скрытыхъ въ нихъ силъ. У одного кровотвореніе совершается замѣтно быстрѣе и замѣтно быстрѣе возобновляются растраченныя силы, чѣмъ у другого. Отъ того дѣти, а также и взрослые, такъ различно выносятъ однѣ и тѣ же болѣзни. Это различіе въ быстромъ возобновленіи тканей и скрытыхъ въ нихъ силъ изъ крови, и окончательно изъ пищи, не можетъ не сказаться и въ различной быстротѣ совершенія однихъ и тѣхъ же психофизическихъ процессовъ у различныхъ лицъ, которую легко замѣтить каждый внимательный воспитатель. Если, какъ мы это уже видѣли, необходимо предположить нѣкоторую дѣятельность нервной системы при всякой душевной дѣятельности, совершающейся въ области представленій, то понятно само собою, что быстрое или медленное возобновленіе нервной ткани и ея силъ изъ крови не можетъ остаться безъ вліянія на болѣе или менѣе быстрый ходъ представленій въ нашей душѣ, на процессъ ихъ потемнѣнія и возникновенія въ сознаніи, и на продолжительность ихъ яркости, а все это слишкомъ важныя условія психическаго процесса, чтобы не имѣть на него вліянія. Но весьма было бы ошибочно полагать, что вообще здоровыя и полныя дѣти быстрѣе возобновляютъ свои силы, чѣмъ худощавыя. Едва ли не чаще бываетъ наоборотъ. Иное дитя, худощавое и повидимому слабое, поражаетъ именно энергической тратой своихъ силъ и энергическимъ ихъ возстановленіемъ, тогда какъ дитя румяное и полное, наоборотъ, нерѣдко поражаетъ вялостью и медленностью оборота силъ: ихъ траты и ихъ возстановленія. Это объясняется конечно тѣмъ важнымъ вліяніемъ, которое имѣетъ нервная система на растительные процессы тѣла. Въ этомъ отношеніи извѣстная примѣта, по которой нѣмецкіе хозяева оцѣнивали нанимаемыхъ слугъ, *не вовсе* лишена основанія; хотя, конечно, быстрая и жадная ѣда можетъ быть слѣдствіемъ обжорства, указывающаго вовсе не на энергическую трату силъ, а на дурную привычку желудка. Дитя очень легко сдѣлать обжорой, и лѣность, а не энергія, будетъ слѣдствіемъ обжорства. Но можно также воспитаніемъ и ускорить оборотъ силъ, не переходя конечно врожденныхъ предѣловъ.

10. *На различіе въ объемѣ и въ устройствѣ мозга* чаще всего старались указывать въ послѣднее время какъ на причину врожденныхъ особенностей ума и характера. Но всѣ эти старанія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Что касается до безотносительнаго объема головнаго мозга, то несомнѣнные факты показываютъ, что животныя, обладающія большимъ количествомъ мозга, могутъ быть за-

мѣтно глупѣе животныхъ съ самымъ малымъ мозгомъ. Всѣ естествоиспытатели удивляются уму муравьевъ; извѣстный матеріалистъ Фохтъ называетъ ихъ даже маленькими мудрецами и готовъ приписать имъ даръ слова [1]), а между тѣмъ вся нервная система муравья—одинъ микроскопическій узелокъ, который слишкомъ малъ даже въ отношеніи объема насѣкомаго. Кромѣ-того вскрытія показали, что люди, у которыхъ цѣлая половина мозга была поражена, не выказывали при жизни ни малѣйшаго пораженія ума. Указывая на этотъ фактъ, другой извѣстный матерьялистъ Молешотъ говоритъ, что люди, пораженные атрофіей половины мозга, быстрѣе здоровыхъ уставали; но развѣ это не есть общее послѣдствіе всякой болѣзни? Думали видѣть особое значеніе для умственной дѣятельности въ большихъ или меньшихъ извивахъ большаго мозга. Но «къ несчастію»—наивно восклицаетъ Бэнъ [2])—у овцы, одного изъ глупѣйшихъ животныхъ (какъ и у всѣхъ жвачныхъ), мозговые извивы гораздо богаче, чѣмъ у собаки, одного изъ умнѣйшихъ четвероногихъ. Молешотъ еще хочетъ придать особенное значеніе большему или меньшему закрытію малаго мозга большимъ [3]); но если даже и удалось бы провести этотъ фактъ въ сравнительной анатоміи мозга, то какая же связь между закрытіемъ мозжечка и силою умственныхъ способностей? Что̀ же касается до френологическихъ фантазій, то можно только удивляться, какъ онѣ еще существуютъ до сихъ поръ, и еще болѣе можно удивляться, что иногда люди практическіе, какими должны быть медики и педагоги, отводятъ этимъ фантазіямъ почетное мѣсто въ своихъ педагогическихъ системахъ, какъ это сдѣлалъ извѣстный нѣмецкій педагогъ Карлъ Шмидтъ. Мы не отрицаемъ, что должно быть какое нибудь соотвѣтствіе между устройствомъ мозговаго органа и тою дѣятельностью, которую проявляетъ душа черезъ посредство этого органа и пользуясь имъ; но не видимъ, чтобы это соотвѣтствіе было найдено въ настоящее время.

11. Если въ этомъ отношеніи въ чемъ-нибудь нельзя сомнѣваться, такъ это только въ томъ, что особенно счастливое, сильное и тонкое развитіе тѣхъ или другихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, въ связи съ развитіемъ относящихся къ нимъ частей мозга, непремѣнно должно оказывать важное вліяніе на психическую дѣятельность и иногда даже давать ей рѣшительное направленіе. Мы уже замѣчали выше по этому поводу [4]), но и здѣсь считаемъ не лишнимъ повторить, что сильное и счастливое развитіе, напримѣръ, слуховаго органа можетъ увлечь душу человѣка преимущественно въ сферу звуковъ точно также, какъ сильное и счастливое развитіе зрительнаго органа можетъ увлечь душу другого преимущественно въ міръ красокъ и образовъ, а, можетъ быть, осо-

[1]) Физіолог. письма. 1864 г. стр. 458.

[2]) The Senses and the Intellect, p. 12. Примѣч.

[3]) Circulation de la vie, par Moleschott. T. II, p. 158.

[4]) Пед. Антр. Ч. I. Гл. VII п. 11. и Гл. XVI. п. 23 и др.

бенно тонкое и счастливое развитіе органа мускульнаго чувства—въ міръ математическихъ движеній, а потомъ и въ міръ математическихъ соображеній. Эта догадка пріобрѣтаетъ для насъ теперь особенное значеніе, когда мы познакомились уже со стремленіемъ души къ безпрестанной и безпрестанно расширяющейся дѣятельности. Естественно, что душа преимущественно будетъ направлять свои работы въ ту сферу дѣятельности, особенное обиліе которой условливается особенно удачнымъ, тонкимъ и сильнымъ развитіемъ того или другого органа чувствъ. Естественно, что если преимущественное развитіе даннаго органа дастъ для души болѣе обильный, разнообразный и стройный матерьялъ, чѣмъ условятся первыя основныя ея работы, то она преимущественно и будетъ склоняться въ эту сферу дѣятельности, гдѣ одинаковая тягость работы дастъ болѣе успѣшные результаты и гдѣ поэтому душевная работа будетъ совершаться въ одно и то же время и легче, и обширнѣе, и успѣшнѣе, и прогрессивнѣе. Вотъ, кажется, одно, что можно извлечь раціональнаго изъ всѣхъ попытокъ отыскать въ особенности устройства мозговыхъ органовъ условія, опредѣляющія особенность психической дѣятельности у различныхъ лицъ.

12. *Различіе въ устройствѣ тканей мозга и всей нервной системы* у различныхъ индивидовъ, конечно, есть только *предполагаемое* различіе, не подтверждаемое никакими извѣстными намъ микроскопическими наблюденіями; но наблюденія психологическія такъ сильно указываютъ именно въ этомъ направленіи, что мы не можемъ отказаться отъ весьма вѣроятныхъ догадокъ. Наблюдая надъ *врожденнымъ* различіемъ психической дѣятельности у различныхъ людей, невольно приходимъ къ мысли, что тѣ особенности, въ этомъ отношеніи, на которыя отчасти такъ мѣтко указалъ Бенеке и которыхъ мы не можемъ иначе объяснить, какъ врожденностью, должны имѣть своею причиною какія-нибудь особенныя условія въ устройствѣ нервной ткани. Такъ напр., всякій можетъ убѣдиться, что одно дитя гораздо легче приходитъ въ раздраженное нервное состояніе, чѣмъ другое, поставленное въ тѣ же условія жизни и воспитанія. Замѣтивъ же это, естественно прійти къ мысли, что это зависитъ уже отъ врожденнаго, а можетъ быть и отъ болѣзненнаго свойства нервной ткани. Въ этомъ отношеніи мы позволимъ себѣ, вслѣдъ за Бенеке, выставить нѣсколько свойствъ, которыхъ мы не можемъ объяснить психически, но которыя очень могутъ зависѣть отъ врожденныхъ или патологическихъ особенностей нервной ткани. Къ такимъ свойствамъ, кажется, слѣдовало бы причислить: 1) болѣе или менѣе сильную воспріимчивость впечатлѣній, то, что Бенеке называетъ впечатлительностью (Reizempfänglichkeit); 2) большую или меньшую степень силы въ удержаніи слѣдовъ впечатлѣній и потомъ слѣдовъ ощущеній (Kräftigkeit); 3) большую или меньшую степень распространяемости впечатлѣній или ихъ ограниченіе какою-нибудь одною частью нервной системы, что зависитъ отъ степени раздражительности нервной системы, и 4) большую или меньшую степень подвижности мо-

лекюлей нервной системы, то, что Бенеке называетъ живостью (Lebendigkeit). Разсмотримъ каждую изъ этихъ предполагаемыхъ нами врожденныхъ или патологическихъ особенностей нервной ткани.

13. Кто наблюдалъ надъ дѣтьми и особенно училъ ихъ по наглядной методѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, замѣтилъ разную *степень впечатлительности* въ разныхъ дѣтяхъ. Одно дитя или *вообще* замѣтно впечатлительнѣе другого, или выказываетъ замѣтно большую впечатлительность въ сферѣ впечатлѣній *одного органа* чувствъ, сравнительно съ другимъ. Здѣсь, конечно, не все принадлежитъ врожденной особенности и многое условливается прежними душевными работами дитяти; но есть кажется и какая-то природная грань, которой уже перейти нельзя и которой нельзя и объяснить психически. Сильная и тонкая впечатлительность, общая или частная, конечно, есть важное условіе быстраго и успѣшнаго психическаго развитія. Впечатлѣнія доставляютъ весь матерьялъ для психической работы, а потому понятно, что чѣмъ больше будетъ этого матерьяла, чѣмъ тоньше и вѣрнѣе будетъ онъ схваченъ уже самымъ органомъ чувствъ, тѣмъ болѣе условій для обширныхъ и успѣшныхъ психическихъ работъ.

14. Однакоже обширная и тонкая *впечатлительность* сама по себѣ, не поддерживаемая другими благопріятными условіями нервной системы, не есть еще ручательство за успѣшное психическое развитіе дитяти. Если быстро усвоиваемыя впечатлѣнія быстро же и смѣняются другими, не оставляя по себѣ прочныхъ слѣдовъ, то это можетъ даже помѣшать душевному развитію. Часто приходится желать, чтобы дитя было менѣе впечатлительно и чтобы меньшая впечатлительность дала ему возможность болѣе сосредоточиваться во внутренней душевной работѣ, въ комбинаціи усвоиваемыхъ впечатлѣній въ точныя представленія, и представленій въ вѣрныя понятія: словомъ, дала душѣ возможность перерабатывать тотъ матерьялъ, которымъ она загромождается, не имѣя ни силы, ни времени справиться съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Слишкомъ впечатлительное дитя часто развивается медленно именно по причинѣ этой слишкомъ большой впечатлительности. Для такого дитяти нужно сравнительно болѣе времени, чтобы душа его завязала довольно сильныя внутреннія работы, съ которыми она могла бы уже идти на встрѣчу новымъ впечатлѣніямъ, не поддаваясь имъ безразлично, не увлекаясь ими отъ одной работы къ другой, но выбирая въ ихъ безконечномъ разнообразіи тѣ, которыя ей нужны для ея уже самостоятельнаго дѣла. Часто говорятъ, что дитя вообще впечатлительнѣе взрослаго; но это слишкомъ поверхностная замѣтка. Дитя больше подчиняется внѣшнимъ впечатлѣніямъ, чѣмъ взрослый — это вѣрно; но подчиняется оно имъ, потому, что въ немъ слишкомъ мало душевнаго содержанія, такъ что всякое новое впечатлѣніе, сколько-нибудь сильное, перетягиваетъ его всего. Напротивъ, мы замѣчаемъ, что, работая настойчиво въ извѣстномъ направленіи, мы можемъ даже замѣтно расширить нашу впечатлительность, хотя конечно не можемъ перейти какого-то прирожден-

наго предѣла. Сильная прирожденная впечатлительность, не находящая себѣ ограниченія въ другихъ прирожденныхъ свойствахъ нервной системы, часто долго мѣшаетъ человѣку противопоставить ей силу и обширность внутренней, самостоятельной работы, такъ-что даже и въ зрѣломъ возрастѣ мы нерѣдко можемъ замѣтить вредное вліяніе этого прирожденнаго свойства, польза котораго слишкомъ очевидна, чтобы нужно было о ней распространяться.

15. Еще очевиднѣе большая или меньшая степень *крѣпости* или *памятливости* нервной системы. Конечно, болѣе или менѣе хорошая память не есть только прирожденное качество. Мы уже показали въ своемъ мѣстѣ, какъ развивается память у людей [1]), и что душа своими работами развиваетъ память въ отношеніи усвоенія слѣдовъ тѣхъ ощущеній, которыя находятся въ связи съ этими работами. Но все же крѣпость первыхъ усвоеній, ложащихся въ основу душевныхъ работъ, и потомъ крѣпость послѣдующихъ усвоеній, не находящихся въ связи съ начатыми работами, условливаются прирожденною степенью большей или меньшей памятливости. Можно легко замѣтить, что одинъ ребенокъ усвоиваетъ быстро и прочно; другой усвоиваетъ также быстро, но скоро забываетъ; третій усвоиваетъ медленно, но прочно; четвертый, наконецъ, самый несчастный, и медленно усвоиваетъ, и быстро забываетъ. Это явленіе часто не находится въ связи съ умственнымъ развитіемъ, такъ-какъ встрѣчаются положительные идіоты, которые въ то же время необыкновенно быстро усвоиваютъ громадные ряды слѣдовъ ощущеній и прочно ихъ сохраняютъ, какъ тотъ приводимый Дробишемъ идіотъ, который, не понимая ни слова по латыни, могъ отъ слова до слова повторить прочитанную имъ разъ медицинскую диссертацію на латинскомъ языкѣ. Память, безъ сомнѣнія, есть необходимое условіе всякаго душевнаго развитія. Не имѣя памяти, человѣкъ положительно не могъ бы ни на волосъ развиться: онъ всегда вращался бы въ одной и той же тѣсной сферѣ мгновенной душевной дѣятельности. Но сильная память не есть еще сама по себѣ ручательство возможности сильнаго душевнаго развитія, если ее не поддерживаютъ, съ одной стороны, столь же сильныя душевныя работы, а съ другой, иныя свойства нервной системы и именно особенная подвижность ея частицъ. Въ такомъ положеніи сильная памятливость можетъ оказать даже вредное вліяніе, загромождая человѣка безчисленнымъ числомъ твердо усвоенныхъ слѣдовъ, которые только мѣшаютъ его слабой душевной дѣятельности. Отсюда вредъ безтолковаго зубрѣнія наизусть, которое погубило не одну молодую, еще слабую душу, заваливая ее никуда негоднымъ матерьяломъ, съ которымъ душа не можетъ еще справиться. Но вредное вліяніе сильной и прочной памятливости не ограничивается только дѣтскимъ возрастомъ: часто, пересматривая труды какого-нибудь ученаго, приходится только жалѣть, что у него была такая сильная память при маломъ развитіи другихъ

[1]) Пед. Атр. Ч. I. Гл. XXV.

качествъ душевной дѣятельности. Изъ сказаннаго здѣсь конечно ни одинъ благоразумный человѣкъ не выведетъ, что сильная памятливость вообще вредна. Напротивъ, она есть необходимое условіе геніальнаго ума; но она же часто бываетъ причиною и слабаго развитія умственныхъ способностей. Все дѣло здѣсь въ гармоніи различныхъ качествъ нервной системы и въ силѣ душевныхъ работъ. Нѣкоторые психологи въ особой слабости усвоенія хотятъ найти корень различія психической дѣятельности мужчинъ и женщинъ; но это *грубая* ошибка: кто училъ дѣвочекъ, тотъ знаетъ, что онѣ точно также часто, какъ и мальчики, отличаются быстрою и сильною памятью. Скорѣе уже можно упрекнуть дѣвочекъ въ томъ, что они заучиваютъ слишкомъ твердо [1]).

16. Наблюдая надъ дѣтьми и взрослыми, всякій легко замѣтить, что у одного лица нервная *раздражительность* сильнѣе, а у другого слабѣе. Эта очень замѣтная особенность можетъ зависить отъ патологическихъ причинъ, такъ-какъ многія болѣзни оказываютъ прямое и очевидное вліяніе на усиленіе нервной раздражительности; но она можетъ быть и врожденною и остается въ человѣкѣ, какъ бы ни усиливало ее и не ослабляло вліяніе жизни и воспитанія. Конечно, воспитаніе и состояніе здоровья имѣютъ большое вліяніе, напримѣръ, на степень вспыльчивости человѣка; но есть здѣсь нѣчто прирожденное и весьма замѣтно передающееся по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Едва ли раціонально говорить здѣсь о вліяніи крови и ея относительнаго обилія; ибо люди полнокровные и даже склонные къ апоплексическому удару нерѣдко бываютъ очень хладнокровны въ психическомъ отношеніи и, на оборотъ, люди страдающіе замѣтнымъ малокровіемъ очень часто бываютъ сильно вспыльчивы и неудержимо предаются какъ гнѣву, такъ и другимъ страстнымъ движеніямъ. Если первыя двѣ предположенныя нами особенности нервной ткани оказываютъ сильное вліяніе на умственное развитіе, то большая или меньшая степень раздражительности нервовъ оказываетъ преимущественное вліяніе въ средѣ явленій чувствованія и воли, и потому принимаетъ особенно дѣятельное участіе въ образованіи того, что̀ обыкновенно называютъ характеромъ человѣка. Вліяніе это выражается болѣе всего въ степени быстроты и неудержимости, съ которою какое-нибудь душевное чувствованіе, гнѣвъ, страхъ, радость и т. п. переходитъ въ чувствованіе органическое, и въ степени быстроты, съ которою это органическое чувствованіе разливается, такъ сказать, по всему нервному организму, вызывая въ немъ судорожныя, чисто нервныя явленія, которымъ поддается раздражительный человѣкъ, охваченный какимъ нибудь душевнымъ чувствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многое въ этомъ отношеніи могутъ воля, воспитаніе и жизнь; но все же нельзя не признать, что всѣмъ этимъ условіямъ, находящимся, такъ

[1]) Такой недостатокъ крѣпости усвоенія у женщинъ находитъ напр. Диттесъ, послѣдователь Бенеке. См. «Практическая Педагогика» Диттеса. Перев. Паульсона (стр. 89). Изд. 1869 г.

сказать, въ рукахъ человѣка приходится бороться съ чѣмъ-то врожденнымъ. Конечно, и у нераздражительнаго человѣка всякое сильное душевное потрясеніе отражается въ нервномъ организмѣ; но это отраженіе слабо, совершается медленно и, такъ сказать, ограничивается извѣстнымъ мѣстомъ, не распространяясь по всей нервной системѣ и не овладѣвая ею. Степенью силы душевнаго чувства, какую способна вынести нервная система, не впадая въ раздраженіе, Бэнъ думаетъ измѣрять степень здоровья человѣка; но этотъ взглядъ слишкомъ узокъ. Мы ясно видимъ, что въ этомъ явленіи принимаютъ участіе многіе факторы: врожденная степень раздражительности нервной системы, воспитаніе, жизнь и воля человѣка. Но участія и сильнаго участія врожденной особенности отрицать невозможно. Иное дитя до того раздражительно, что эта раздражительность сама собою кидается въ глаза, когда мы сравнимъ его съ другимъ ребенкомъ, выросшимъ въ тѣхъ же условіяхъ. Эту прирожденность раздражительности, съ которою можно и слѣдуетъ бороться, но, которая, тѣмъ не менѣе, сама по себѣ сила, условливающая поступки дитяти, долженъ непремѣнно имѣть въ виду всякій внимательный воспитатель. Мы не усумнились бы назвать нервную раздражительность прямо вреднымъ качествомъ, если бы не замѣчали, какое иногда полезное вліяніе на умственную дѣятельность оказываетъ та же раздражительность нервовъ, удерживаемая волею человѣка въ извѣстныхъ предѣлахъ.

17. Нервную раздражительность, кажется, слѣдовало бы отличать отъ *удобоподвижности частицъ нервной ткани*, хотя конечно оба эти качества могутъ сходиться въ иныхъ явленіяхъ. При нервной раздражительности мы замѣчаемъ какое-то *массивное* дѣйствіе нервовъ, обхватывающее душу общимъ органическимъ чувствомъ, тогда какъ при удобоподвижности нервныхъ частицъ душевное чувство какъ бы раздѣльно пробѣгаетъ молекулы нервной системы, точно задерживаясь ихъ упругостью. Человѣкъ съ раздражительными нервами поддается общему и темному вліянію чувства; человѣкъ же, обладающій удобоподвижностью нервной системы, ощущаетъ всѣ малѣйшіе оттѣнки чувствованій. Вотъ почему эта удобоподвижность частицъ нервной системы есть, между прочимъ, необходимая принадлежность поэтовъ и вообще писателей, выражающихъ тончайшіе оттѣнки человѣческихъ чувствованій.

18. И *раздражительность* нервной системы, и слишкомъ большая *подвижность* ея могутъ имѣть какъ дурное, такъ и хорошее вліяніе на поступки человѣка. Онѣ-то даютъ возможность схватывать такія тонкія *сходства* между представленіями, которыя для другихъ неуловимы; но когда человѣкъ поддается этимъ особенностямъ своей нервной системы, то онѣ же мѣшаютъ ему видѣть такое *различіе* между сближаемыми представленіями, которое кидается въ глаза всякому хладнокровному человѣку. Отъ сколькихъ ошибокъ избавленъ былъ бы человѣкъ, если бы, напр., въ гнѣвѣ на другого человѣка не забывалъ хо-

рошихъ сторонъ его, тогда какъ онъ съ такою наблюдательностью выискиваетъ всѣ дурныя!

19. Понятно само собою, что всѣ эти характеристическія черты нервной дѣятельности могутъ входить въ различныя комбинаціи между собою. Впечатлительность нервной системы можетъ соединяться съ различными степенями ея памятливости, съ различными степенями раздражительности и т. д. Сильно раздражительная нервная система можетъ быть въ то же время очень сильна или очень слаба въ отношеніи памятливости. Въ первомъ случаѣ она даетъ удобство образованію продолжительныхъ, глубокихъ и сильныхъ страстей; во-второмъ—образованію порывистаго характера, легко поддающагося органическому разлитію чувствъ, но также легко и перемѣняющему эти чувства.

20. Что касается до *патологическихъ вліяній*, то они слишкомъ ясны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Отсутствіе зрѣнія или тупость слуха, конечно, не могутъ не оказывать вліянія на душевную дѣятельность. Болѣзненное разстройство, сопровождаемое тѣмъ или другимъ органическимъ чувствомъ, конечно, отразится и на душевной дѣятельности, а если продолжается долго, то и на результатахъ этой дѣятельности—умѣ и характерѣ. Люди, наблюдавшіе надъ дѣтьми, знаютъ, какое замѣтное вліяніе, часто никогда вполнѣ не изглаживающееся, оставляютъ въ нихъ продолжительныя и сильныя болѣзни. Наконецъ тѣ патологическія состоянія мозга и нервной системы, которыя вносятъ совершенное замѣшательство въ дѣятельность души и которыя потому весьма характеристически называются состояніемъ *помѣшательства*, нуждаются только въ томъ, чтобы указать на нихъ. Если мы прибавимъ къ этому встрѣчающіяся врожденныя расположенія къ одуряющимъ напиткамъ, къ азартной игрѣ, къ распутству и т. п., то мы перечислимъ всѣ извѣстныя намъ *патологическія* состоянія нервной системы, врожденныя и пріобрѣтенныя, которыя оказываютъ вліяніе на душевную жизнь человѣка.

21. Но какъ ни сильны вліянія особенностей тѣлеснаго организма на психическую жизнь и на результаты ея—умъ и характеръ, однакоже мы не должны забывать, что это только условія одной стороны, а именно тѣлесной природы человѣка, которыми онъ можетъ воспользоваться весьма разнообразно и въ хорошую и въ дурную сторону подъ вліяніемъ уже совершенно другихъ условій: подъ вліяніемъ жизни со всѣми тѣми впечатлѣніями, которыя она вноситъ въ душу человѣка. Если нервная система условливаетъ *форму* душевныхъ работъ, то жизнь даетъ *матерьялъ* этимъ работамъ, а свойства матерьяла измѣняютъ очень часто и самую форму.

ГЛАВА XLIV.

Второй факторъ въ образованіи характера: б) вліяніе впечатлній жизни.

1. Если вліяніе врожденныхъ особенностей человѣка на установлен его характера есть фактъ очевидный, то вліяніе впечатлѣній *жизни* на тотъ же характеръ едва ли еще не очевиднѣе. Всякій наблюдательны человѣкъ, а тѣмъ болѣе всякій наблюдательный воспитатель, *безъ со*мнѣнія, имѣлъ множество случаевъ убѣдиться въ томъ фактѣ, что каков бы ни были врожденные задатки характера, воспитывающее вліяніе жизни во всей его обширности, въ которомъ вліяніе школы составляетъ *толь*ко одну его часть и то не самую значительную, сильно видоизмѣняетъ врожденные задатки характера, если не можетъ вовсе ихъ измѣнить.

2. Но для того, чтобы прослѣдить за вліяніями жизни на установленіе того и другого характера, мы должны не только отдѣлить понятіе характера отъ идеи умственнаго развитія и отъ идеи нравственности, что мы сдѣлали выше [1]), но и провести рѣзкую черту между понятіями о *силѣ характера* и о *силѣ воли*, которыя часто употребляются, какъ синонимы. Характеръ, настойчивый въ своихъ страстяхъ, которымъ и самъ человѣкъ поддается совершенно, можетъ выказать въ своей настойчивости изумительную силу; но развѣ возможно назвать эту силу силою *воли*? Такая сосредоточенная, настойчивая страсть, напротивъ, часто лишаетъ человѣка всякой воли. Изъ этого мы уже видимъ, что подъ именемъ *силы характера* слѣдуетъ скорѣе разумѣть его цѣлостность, его единство, сосредоточенность, болѣе или менѣе полную его организацію; а подъ *слабостью характера* слѣдуетъ разумѣть его разрозненность, разорванность, неполноту его организаціи, что можетъ быть совмѣстно съ очень большою силою воли. Конечно, сила воли, направленная на организацію характера, очень скоро можетъ достичь блестящихъ результатовъ и передѣлать разрозненный характеръ въ сосредоточенный; но она можетъ этого и не сдѣлать и, направленная въ какую нибудь одностороннюю дѣятельность, оставить вообще характеръ въ самомъ печальномъ безпорядкѣ.

3. Отдѣливъ силу воли отъ силы характера, мы найдемъ, что большая или меньшая степень силы характера есть прямое выраженіе большей или меньшей степени обилія, силы и степени организаціи человѣческихъ чувствованій и желаній. Въ этомъ отношеніи *сила и обширность ума* и *сила характера* представляются явленіями совершенно *аналогическими*, такъ-какъ въ обоихъ этихъ явленіяхъ сила и обширность явленія зависитъ отъ большаго или меньшаго обилія и совершенства въ организаціи душевныхъ слѣдовъ. И если, какъ мы уже доказали въ первой части нашей «антропологіи», сильный и обширный умъ есть ничто иное, какъ обширное и хорошо организованное собраніе зна-

---

[1]) См. выше, гл. XLII., п. 1.

ній [1]), то точно также и сильный характеръ есть ничто иное, какъ обширное и хорошо организованное собраніе слѣдовъ чувствованій и возникающихъ изъ нихъ желаній.

4. Чѣмъ болѣе набирается въ душѣ слѣдовъ чувствованій и желаній, тѣмъ болѣе набирается въ ней матерьяла для выработки характера. Но такъ-какъ чувства и желанія вызываются въ человѣкѣ, съ одной стороны, живущими въ немъ тѣлесными, душевными и духовными стремленіями, а съ другой—разнообразнѣйшими удовлетвореніями этихъ стремленій впечатлѣніями жизни, то естественно, что матерьялы характера накопляются въ человѣкѣ пропорціонально обилію впечатлѣній жизни, вызывающихъ въ немъ чувство желанія. Какъ для того, чтобы образовать обширный и сильный умъ, должно много наблюдать и думать, т. е. жить умственно, точно также для того чтобы накопить обильный матерьялъ для сильнаго характера, нужно какъ можно болѣе чувствовать, желать и дѣйствовать, т. е. другими словами, — жить практически. Теоретическая жизнь ума образуетъ умъ; но только практическая жизнь сердца и воли образуетъ характеръ. Эту простую и очевидную истину часто забываютъ родители, воспитатели и наставники, думающіе моральными наставленіями образовывать сердце и волю дитяти. Эти наставленія вносятъ только свою долю образованія въ развитіе ума, но могутъ быть *такъ* усвоены умомъ, что не окажутъ ни малѣйшаго вліянія на сердце и волю дитяти, въ которыхъ могутъ образоваться въ то же время задатки, крайне противоположные смыслу моральныхъ сентенцій. Чтобы въ дитятѣ образовался характеръ или, по крайней мѣрѣ, накоплялись для него обильные матерьялы, слѣдуетъ, чтобы дитя жило сердцемъ и дѣйствовало волею, а этому часто препятствуютъ старшіе своимъ вмѣшательствомъ въ воспитаніе дитяти: или запирая ребенка на цѣлый день въ школу, или мѣшая ему чувствовать и желать, словомъ, жить практически тѣми же безпрестанными, моральными сентенціями и всякаго рода стѣсненіями. Вотъ почему, между прочемъ, нашъ вѣкъ, вѣкъ *многоученья* отличается обиліемъ ничтожныхъ характеровъ; и вотъ почему также самые безхарактерные люди выходятъ изъ тѣхъ семействъ, гдѣ родители и воспитатели, не понимая свойствъ души человѣческой, безпрестанно вмѣшиваются въ жизнь ребенка и не даютъ ему свободно ни чувствовать, ни желать. Въ этомъ отношеніи недоучившаяся, но слишкомъ дѣятельная педагогика можетъ быть опаснѣе даже прежней безсмысленной строгости. Та предписывала иногда безсмысленныя правила, часто строго, а иногда и безчеловѣчно, казнила за ихъ нарушеніе; но за то не очень-то вглядывалась въ жизнь дитяти, не копалась въ его душѣ, и дитя жило самостоятельно, хотя въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, которыя были ему поставлены, но все же жило. Вотъ почему, вынося тяжелый гнётъ безсмысленной средневѣковой школы, дѣти часто выносили изъ нея крѣпкій, установившійся характеръ. Правда, сотни гибли,

[1]) Пед. Антр. Ч. 1. Гл. XLIII.

десятки только спасались; но по силѣ характера эти десятки стоили сотенъ. Никто конечно не заподозритъ насъ въ приверженности къ порядкамъ схоластической школы; но мы указываемъ только на фактъ, доказывающій, что современная школа и современное воспитаніе не должны впадать въ другую крайность, и должны оставлять разумный просторъ самостоятельной жизни сердца и воли дѣтей, въ которой только и могутъ быть накоплены матерьялы будущаго характера.

5. Но одно *обиліе* слѣдовъ чувствованій и желаній, выполненныхъ или невыполненныхъ, не составитъ еще само по себѣ сильнаго характера; точно также, какъ одно накопленіе знаній не составитъ еще само по себѣ сильнаго ума [1]). Какъ для силы ума нужна хорошая обработка матерьяловъ и хорошая ихъ организація, такъ и для сильнаго характера нужна хорошая организація слѣдовъ чувствованій и желаній. Говоря о борьбѣ желаній [2]), и потомъ о выработкѣ изъ нихъ страстей и наклонностей [3]), мы уже видѣли, что слѣды *чувственныхъ представленій*, какъ и слѣды *представленій умственныхъ*, организуются въ болѣе или менѣе обширныя сочетанія, и болѣе или менѣе обширныя и стройныя массы или сѣти сочетаній, такъ что человѣкъ имѣетъ уже дѣло не съ отдѣльными слѣдами чувствованій и желаній, но съ *итогами* цѣлыхъ системъ чувствованій и желаній. Чѣмъ болѣе разростаются эти массы чувственныхъ слѣдовъ, тѣмъ болѣе опредѣляется и тѣмъ сильнѣе высказывается характеръ человѣка. Если бы всѣ эти частныя итоги чувствованій и желаній были сведены въ одихъ общій, тогда характеръ человѣка получилъ бы полное *единство;* человѣкъ *весь* стремился бы къ одному и тому же и въ характерѣ его не было бы болѣе шаткости и противорѣчій, которыя мы и называаа*ъ безхарактерностью.* Гербартъ считаетъ достиженіе такого единства невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ здѣшнемъ мірѣ; но большая или меньшая степень этого достиженія опредѣляетъ большую или меньшую степень выработки характера.

6. Теперь уже для насъ ясно, что принятое нами выраженіе *сила характера*, даже и въ отличіи отъ *силы воли*, не вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію и что понятіе, имъ выражаемое, распадается опять на два, изъ которыхъ за однимъ можно, пожалуй, оставить названіе *силы характера*, а другому должно присвоить названіе *единства характера*, такъ какъ эти два явленія, хотя и условливаютъ другъ-друга, но не всегда тождественны. Врожденная сила стремленій, особенно тѣлесныхъ и обильная практическая жизнь чувства и воли можетъ выработать сильный характеръ, т. е. обширныя и сильныя массы чувственныхъ слѣдовъ; но въ то же самое время массы будутъ дѣйствовать каждая отдѣльно и сильный характеръ представитъ собою отсутствіе единства. Это самые опасные и самые несчастные характеры. Въ данный

---

1) См. Пед. Антроп. ч. 1. Гл. XLIV, пп. 5 и 6.

2) См. выше, гл. XL.

3) См. выше, гл. XLI.

моментъ они чувствуютъ, желаютъ и дѣйствуютъ сильно; но никакъ нельзя поручиться, что черезъ нѣсколько времени они не будутъ также сильно чувствовать, желать и дѣйствовать въ совершенно противоположномъ направленіи. Такіе характеры очень часто образуются у людей, съ дѣтства окруженныхъ раболѣпствомъ и угодливостью, которыя мѣшали болѣзненному дѣйствію опытовъ жизни, а потому и спасительному дѣйствію раскаянія; ибо одно только раскаяніе, какъ мы уже это видѣли [1]). т. е. полное и чистосердечное недовольство своимъ прежнимъ образомъ дѣйствій, могло бы привести къ единству такіе сильные, но разрозненные характеры, которые по всей справедливости можно назвать *дикими*. Въ умственной сферѣ такой дичи характеровъ соотвѣтствуетъ, какъ мы видѣли, обиліе фактовъ, дурно переработанныхъ и дурно связанныхъ, которыми затрудняется ходъ мышленія не въ одной ученой головѣ.

7. Обратное явленіе, т. е. общая слабость характера, и при хорошей его организаціи, можетъ быть по разнымъ причинамъ. Оно можетъ быть отъ малой *памятливости* нервнаго организма, отъ недостатка въ немъ той *крѣпости* (Kräftigkeit), о которой мы говорили выше. Такой человѣкъ переживаетъ много; но слѣды пережитаго остаются въ немъ слабо. Тоже можетъ быть отъ чрезмѣрной *раздражительности* нервнаго организма, причемъ порождающееся чувство быстро обхватываетъ всю нервную систему человѣка и мѣшаетъ полному совершенію процесса обдумыванія, оставляя незамѣченнымъ множество противоборствующихъ представленій и желаній. Случается и такъ, что сильная умственная жизнь оставляетъ вообще мало времени и случая для практической жизни чувства и воли, отчего характеръ вообще слабо разовьется, такъ что массы чувственныхъ слѣдовъ будутъ вообще слабы и необширны; но въ то же самое время такой вообще слабый характеръ можетъ представлять большую степень единства.

8. Лучшимъ условіемъ для успѣшной и быстрой организаціи характера является такая среда, которая не была бы слишкомъ узка для дитяти, но за границами которой стояла бы крѣпкая, неподатливая жизнь, безцеремонно отталкивающая дитя, когда оно хочетъ переступить отмежеванный ему предѣлъ. Тогда характеръ дитяти, окрѣпнувъ и организовавшись внутри отведенной ему сферы, будетъ не безъ труда расширять ея предѣлы. Такая жизнь представитъ множество опытовъ удачи, неудачи, успѣха и неуспѣха, зависящихъ отъ самого дитяти, а это лучшія средства, чтобы сосредоточить чувственныя массы представленій въ одинъ сильный характеръ. Въ этомъ отношеніи воспитаніе крестьянскихъ дѣтей идетъ гораздо нормальнѣе, чѣмъ воспитаніе дѣтей богатаго класса.

9. Сильный и хорошо организованный характеръ не значитъ еще *нравственный* характеръ. Характеръ можетъ быть силенъ и весь сосредоточенъ въ одномъ направленіи, такъ-что человѣкъ хочетъ сильно и знаетъ, чего хочетъ, но самое это направленіе можетъ быть положительно дурнымъ. Таковы очень часто характеры у закоренѣлыхъ злодѣевъ; но

[1]) См. выше, гл. XL п. 7.

таковы же они и у великихъ практическихъ благодѣтелей человѣчества. Такой могучій характеръ—мечъ обоюдо-острый, годный какъ для того, чтобы губить, такъ и для того, чтобы защищать. Такіе характеры образуются подъ *двумя* вліяніями: или подъ вліяніемъ сильно разросшейся одной страсти, или подъ вліяніемъ сильной и долгой внутренней борьбы, вызываемой дѣятельною практическою жизнью, часто крутыми положеніями вынуждавшею человѣка подводить итоги своимъ желаніямъ и нежеланіямъ: давать себѣ точный и чистосердечный отчетъ въ томъ, чего онъ дѣйствительно хочетъ, какими желаніями онъ долженъ поступиться и какія нежеланія долженъ вынести, чтобы достичь того, чего онъ дѣйствительно и болѣе всего добивается. Въ первомъ случаѣ могучій характеръ, образовавшійся подъ вліяніемъ какой-либо страсти, будетъ въ то же время безсознательный или малосознательный характеръ: весь сосредоточенный въ одной данной страсти, онъ не можетъ отнестись къ этой страсти, какъ къ явленію объективному. Во-второмъ случаѣ мы получаемъ тоже могучій характеръ, но тѣмъ болѣе надежный, что человѣкъ, обладающій имъ, самъ его знаетъ.

10. Но если между образованіемъ ума и образованіемъ характера есть полная аналогія, если какъ тотъ, такъ и другой суть произведенія нервной организаціи и жизни души, то тѣмъ не менѣе эти два явленія совершенно различны. Самое высокое развитіе ума, какъ мы уже замѣтили, можетъ соединяться съ самымъ ничтожнымъ и вполнѣ разрозненнымъ характеромъ, и наоборотъ, самое посредственное развитіе ума не мѣшаетъ человѣку имѣть сильный и хорошо организованный характеръ. Очень часто случается, что характеръ человѣка остался слабымъ и неразвитымъ и что элементы характера находятся въ полномъ безпорядкѣ именно потому, что человѣкъ этотъ жилъ преимущественно въ умственной сферѣ. Живя по преимуществу умомъ, онъ не только мало жилъ сердцемъ и волею, но мало и думалъ о томъ, какъ онъ жилъ ими. Онъ знаетъ многое обо всемъ, но о самомъ себѣ почти ничего. Результаты его сердечной жизни были немногочисленны и слабы, да и о тѣхъ ему некогда было хорошенько подумать. Правда и ему случалось раскаиваться въ своихъ поступкахъ; но онъ тотчасъ же забывалъ свое раскаяніе, да и не придавалъ ему никогда большаго значенія, такъ-какъ главный интересъ его жизни былъ въ умственной сферѣ. Тамъ же у него выработался и сильный характеръ, но односторонній, узкій, удовлетворяющій только потребностямъ умственной жизни; тамъ онъ твердо помнитъ удачные и неудачные опыты: нравственную же жизнь свою онъ никогда не цѣнилъ высоко, не трудился надъ ея разработкою и потому не удивительно, что характеръ его остался въ дикомъ и неразвившемся видѣ. Отсюда возможность тонко и широко развитаго ума съ дикимъ цинизмомъ въ поступкахъ и чувствахъ. Такое нравственное неряшество встрѣчается, къ сожалѣнію, очень часто у людей ученыхъ и даже необыкновенно умныхъ. Насъ удивляетъ, что мы встрѣчаемъ болѣе смысла въ характерѣ простаго работника, чѣмъ въ характерѣ такого умнаго человѣка; но мы не

удивлялись бы этому, если бы сознали, что этотъ работникъ гораздо болѣе трудился надъ выработкой своего характера, чѣмъ этотъ, иногда замѣчательный, мыслитель и ученый. Кто надъ чѣмъ потрудился, тотъ то и имѣетъ.

11. Это явленіе противорѣчія между развитіемъ ума и развитіемъ характера уяснится намъ еще болѣе, если мы припомнимъ, что̀ сказано въ первой части нашей «антропологіи» объ ассоціаціяхъ представленій *по сердечному чувству* [1]). Однѣ и тѣ же представленія могутъ входить въ различныя ассоціаціи. То же самое представленіе, которое въ *разсудочныхъ* ассоціаціяхъ играетъ одну роль, можетъ играть совершенно другую въ ассоціаціяхъ *по сердечному чувству*. Вотъ почему, какъ справедливо замѣтилъ еще Аристотель, хорошо разсуждать о добродѣтели — не значитъ еще быть добродѣтельнымъ; а быть справедливымъ въ мысляхъ—не значитъ еще быть справедливымъ на дѣлѣ. Ассоціаціи разсудочныя завязываются въ разсудочномъ же процессѣ; но ассоціаціи, связанныя однимъ сердечнымъ чувствомъ, однимъ желаніемъ и нежеланіемъ, завязываются только опытами чувства, желанія или нежеланія, т. е. опытами практической жизни—жизни сердца и воли. Сѣти чувственныхъ представленій, связанныя чувствованіями, желаніями или нежеланіями, могутъ быть совершенно непохожи на умственныя сѣти тѣхъ же самыхъ представленій въ одномъ и томъ же человѣкѣ, и такой человѣкъ представитъ намъ печальную и, къ сожалѣнію, очень обыкновенную картину полнаго разлада между умомъ и сердцемъ.

12. Воспитаніе, почти исключительно заботящееся объ образованіи ума, дѣлаетъ въ этомъ случаѣ большой промахъ; ибо человѣкъ болѣе человѣкъ въ томъ, ка̀къ онъ чувствуетъ, чѣмъ въ томъ, ка̀къ онъ думаетъ. Чувствованія, какъ мы видѣли, а не мысли, составляютъ средоточіе психической жизни, и въ ихъ то образованіи долженъ видѣть воспитатель свою главную цѣль. Мы не будемъ здѣсь показывать, какъ достигается эта цѣль; но должны уже и здѣсь выяснить себѣ все ея значеніе. «Отъ сердца исходятъ помышленія злыя» и въ сердце же слагаютъ они свои результаты.

13. Понятно само собою, какое громадное вліяніе должны имѣть свойства физическаго организма и въ особенности нервной системы, указанныя нами выше, на эту формацію характеровъ опытами жизни. Большая или меньшая степень *впечатлительности, раздражительности, крѣпости* и *подвижности*, въ различныхъ комбинаціяхъ между собою, устанавливаютъ и неодинаковое отношеніе человѣка къ опытамъ жизни, такъ-что жизнь, которая можетъ сломить одного, только закалитъ другого, и опыты, которые для одного должны повториться сотни разъ, оставятъ въ характерѣ другого прочный слѣдъ сразу. Съ темпераментомъ раздражительнымъ и флегматическимъ, прочно или слабо усвоивающимъ, быстро или медленно возобновляющимъ истраченныя силы, человѣкъ не одинаково относится къ опытамъ жизни, а потому и результаты ихъ не могутъ быть одинаковы.

---

[1]) Пед. Антр. ч. 1. гл. XXIII пп. 23 и 24.

14. Если подъ именемъ *случая* мы будемъ разумѣть не явленія безъ причинъ, что немыслимо, а явленія отъ человѣка независящія, то не должны ли мы признать, что характеръ человѣка есть дѣло случайностей: рожденія и случайностей жизни? Двѣ эти серіи случайностей, изъ которыхъ одна предшествуетъ сознательной жизни человѣка, а другая составляетъ также независящую отъ него сферу жизни, являются для насъ до сихъ поръ единственными факторами въ образованіи характера. Но неужели это такъ и на самомъ дѣлѣ? Неужели человѣкъ самъ не принимаетъ никакого участія въ образованіи собственнаго характера, изъ котораго потомъ, какъ математическіе выводы, вытекаютъ всѣ его желанія, рѣшенія и поступки? Къ такому безотрадному и унизительному выводу и должна придти всякія психологія, отвергающая свободу воли въ человѣкѣ. Для *такой психологіи* вся жизнь человѣка есть средняя математическая линія, проводимая между двумя вліяніями: вліяніемъ врожденныхъ особенностей темперамента и вліяніемъ случайностей жизни. Если бы наше изученіе психическихъ явленій остановилось на той ступени, которой мы достигли теперь, то мы и должны были бы признать этотъ роковой фатализмъ въ образованіи каждаго человѣческаго характера, изъ котораго поступки выростаютъ, какъ плоды на деревѣ. На такой ступени и дѣйствительно остановилась *опытная* германская психологія; на такой ступени остановилась бы и психологія Бэна, еслибы, въ противорѣчіе самому себѣ и въ удовлетвореніе своему вѣрному національному чувству, Бэнъ не признавалъ власти человѣка надъ характеромъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ то же время отвергая ее въ принципѣ. Но ученіе о свободѣ или не свободѣ воли, или вѣрнѣе о *свободѣ души*, должно найти себѣ мѣсто въ третьей части нашей «антропологіи».

ГЛАВА XLV.

Воля, *какъ противоположность неволѣ:* стремленіе къ свободѣ.

1. Въ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли волю съ двухъ сторонъ: какъ *власть* души надъ тѣломъ и какъ хотѣніе, или *желаніе*, вырабатывающееся въ душѣ въ актъ власти. Теперь намъ остается разсмотрѣть то же явленіе съ третьей стороны: изучить понятіе *воли*, какъ противоположное понятію *неволи*. При этомъ прежде всего намъ предстоитъ удалить препятствія къ ясному пониманію предмета, происходящія отъ безразличнаго смѣшенія названій, относящихся къ области воли, на которое жаловался еще Лейбницъ.

2. Прежде всего замѣтимъ, что понятіе *воли*, какъ противоположности *неволѣ*, не должно смѣшивать съ тѣмъ понятіемъ *свободы*, которое имѣетъ свое спеціальное философское и психологическое значеніе и приложимо только къ человѣку, и то въ такомъ лишь случаѣ, если мы признаемъ за нимъ свободу воли. Это философское понятіе воли, какъ безграничной свободы выбора между различными мотивами или желаніями,

побуждающими человѣка къ тому или другому поступку, не совершенно чуждо и языку общества. Такъ, если человѣкъ увлекся въ своемъ поступкѣ какою нибудь страстью, то мы говоримъ о немъ, что онъ дѣйствовалъ не свободно, а подъ вліяніемъ страсти; но не можемъ сказать, что онъ дѣйствовалъ *невольно*, такъ-какъ въ своемъ дѣйствіи онъ руководился *своимъ*, а не чужимъ желаніемъ, своею, а не чужою, волею. Слѣдовательно въ этомъ случаѣ мы отличаемъ понятіе *своей* воли отъ понятія *свободы*.

3. Съ другой стороны мы часто даемъ такое употребленіе слову *свобода*, которое было бы невозможно, если бы мы придавали этому слову одно философское значеніе — безграничной свободы выбора между мотивами. Въ такомъ *нефилософскомъ* смыслѣ говоримъ мы о свободѣ народа, о любви къ свободѣ, объ освобожденіи раба, и даже, въ переносномъ смыслѣ, объ освобожденіи силъ, о свободномъ теплородѣ и т. п. Ясно, что говоря, наприм., что рабу дали свободу, мы вовсе не разумѣемъ, чтобы ему дали безграничную свободу выбора между мотивами его поступковъ или его желаніями,—чего никто дать ему не можетъ,—но хотимъ сказать только, что ему дали возможность сообразоваться въ своихъ поступкахъ со своими желаніями. Точно также, говоря о любви къ свободѣ, мы принимаемъ здѣсь слово *свобода* не въ его философскомъ смыслѣ, и хотимъ выразить только, что человѣкъ любитъ, чтобы его не стѣсняли въ исполненіи *его* желаній и отвращается отъ всякаго *посторонняго* для души насилія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы употребляемъ слово *свобода* для означенія понятія *своей воли*. Но слово *своеволіе* имѣетъ у насъ спеціальное *нравственное*, и притомъ *дурное* нравственное значеніе, такъ-что оно придало бы особый характеръ нашему предмету, котораго мы вовсе не хотѣли ему придать. То же нравственное значеніе имѣетъ и слово *произволъ*.

4. Но почему же нѣтъ въ языкѣ слова для обозначенія понятія *воли*, какъ противоположности *неволѣ*? По той простой причинѣ, что это понятіе скрывается въ самомъ словѣ *воля*, которая у каждаго можетъ быть только *своя*, а не чужая. Правда, языкъ прибѣгаетъ иногда къ эпитету *добрая*: «на это была твоя добрая воля»; но такъ-какъ *добрая* воля можетъ быть въ то же время и очень *злою* волей, то мы и не можемъ признать за научный терминъ выраженія *добрая* воля, *добровольный* поступокъ и т. п. Не давая особаго названія *своей волѣ*, языкъ народа выказываетъ сильный психологическій тактъ; ибо уже въ самомъ понятіи *воли* скрывается необходимость ея принадлежности лицу, ея имѣющему— неразрывная связь личности и воли. Въ этомъ смыслѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости народъ просто и энергически назвалъ *волею*.

5. Слова *свобода воли* есть уже книжное сочетаніе и притомъ невѣрное. Воля всегда свободна, иначе она не будетъ волею. Подъ словомъ же *свобода* въ точномъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть отсутствіе стѣсняющихъ преградъ въ той области, въ которой въ данный моментъ вращается наша воля, и если мы говоримъ, что человѣкъ любитъ свободу,

то выражаемъ этимъ только, что онъ не любитъ стѣсненій своей воли Философскій же терминъ *свобода воли*, если онъ нуженъ, слѣдуетъ замѣнить словами *свобода души*, ибо этимъ терминомъ мы хотимъ означить, что *душа*, не руководствуясь ничѣмъ, можетъ выбирать между мотивами своихъ поступковъ, т. е. между своими же желаніями, или своими же выработывающимися волями [1]).

6. Уяснивъ такимъ образомъ, что мы разумѣемъ подъ словомъ *свобода*, мы можемъ уже надѣяться, что будемъ поняты точно, если скажемъ, что *человѣку врождено стремленіе къ свободѣ*, которое обнаруживается въ немъ еще въ младенчествѣ, при первыхъ попыткахъ стѣснить пеленками его произвольныя движенія. Кантъ также признаетъ стремленіе къ свободѣ врожденнымъ человѣку, и называетъ его «самою сильною изъ всѣхъ природныхъ наклонностей человѣка» [2]). Броунъ говоритъ почти тоже самое: «Стремленіе освободиться отъ стѣсненія, говоритъ онъ, есть сильнѣйшая страсть, какую только можетъ чувствовать человѣкъ и которая тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ выше душа человѣка» [3]). Вполнѣ признавая врожденность этого стремленія человѣку, мы не согласны только съ тѣмъ, что будто бы оно принадлежитъ исключительно одному человѣку. Многія животныя ясно высказываютъ упрямство, которое въ сущности есть ничто иное, какъ обнаруженіе стремленія къ свободному проявленію воли, или къ свободѣ. Многія животныя, попавъ въ неволю, отказываются отъ пищи и, не смотря ни на какой уходъ, погибаютъ; другія перестаютъ плодиться въ неволѣ, хотя ихъ окружаютъ всѣми условіями ихъ свободной жизни. Конечно здѣсь нельзя сказать съ полною увѣренностью, что эти явленія зависятъ именно отъ врожденности животнымъ стремленія къ свободѣ. Однакоже, если мы говоримъ о злости животныхъ, о привязанности ихъ и т. п. на основаніи тѣхъ или другихъ проявленій, аналогическихъ съ нашими, то не имѣемъ никакого основанія не признать за животнымъ и стремленія къ свободѣ; ибо оно проявляется столь же несомнѣнными аналогическими признаками, какъ и тѣ, по которымъ мы придаемъ животнымъ и другія чувствованія и стремленія.

7. Такимъ образомъ анализъ явленій воли привелъ насъ къ признанію еще одного врожденнаго стремленія, которое мы должны присоединить къ перечисленнымъ уже выше. Само собою разумѣется, что *стремленіе къ свободѣ* есть стремленіе *душевное*, а не органическое; ибо сама воля, какъ мы видѣли, есть вполнѣ и исключительно душевное явленіе. Стремленіе это находится въ тѣснѣйшей связи съ другимъ душевнымъ же стремленіемъ, которое мы уже анализировали: стремленіемъ души къ жизни или сознательной дѣятельности. Строго говоря, оба эти стремленія составляютъ въ сущности одно. Съ одной стороны, человѣкъ стре-

---

[1]) См. выше, гл. XL.

[2]) Kant's Autropologie. § 81.

[3]) Brown, p. 458.

мится только къ той дѣятельности, которая была бы *его* дѣятельностью, имъ выбранною, имъ излюбленною, словомъ, его *вольною* дѣятельностью; а съ другой, человѣкъ сознаетъ свое стремленіе къ свободѣ тогда только, когда его *вольная* дѣятельность встрѣчаетъ стѣсненія; безъ этого онъ и не зналъ бы о томъ, что онъ любитъ свободу, и наоборотъ, только въ *вольной* дѣятельности крѣпнетъ и развивается самое стремленіе человѣка къ свободѣ.

8. Чувство стремленія къ свободѣ рождается только, какъ *отрицаніе* стѣсненія, и потому существо, которое никогда не испытало бы стѣсненія своей вольной дѣятельности, никогда не узнало бы, есть или нѣтъ въ немъ стремленіе къ свободѣ. Только тогда, когда что-нибудь стѣсняетъ *нашу* дѣятельность, испытываемъ мы тяжелое, страдательное чувство, независимо даже отъ того, выполнилось или нѣтъ наше желаніе. Мы не потому только страдаемъ, что то или другое желаніе наше не выполнилось, но потому, что вообще не выполнилось *наше* желаніе, каково бы ни было его содержаніе. Хотя бы выполняя чужое желаніе, я доставилъ себѣ какое нибудь наслажденіе, а выполняя собственное, доставилъ бы себѣ страданіе, но въ самомъ выполненіи *своего* желанія есть уже наслажденіе, которое вознаграждаетъ меня за то страданіе, какое я испытываю, выполняя свое и отвергнувъ чужое желаніе. Такое состояніе души называютъ обыкновенно *упрямствомъ;* но для психолога упрямство есть только замѣчательное психическое явленіе, въ которомъ во всей чистотѣ своей, независимо отъ содержанія желаній, обнаруживается стремленіе человѣка къ свободѣ. Самая возможность упрямства показываетъ уже, что человѣку и даже животному присуще стремленіе къ свободѣ, независимо отъ тѣхъ цѣлей, которыя въ ней и ею достигаются. Но тѣмъ не менѣе упрямство есть уже ложный путь, на который попадаетъ человѣкъ, когда въ своемъ стремленіи къ свободѣ онъ отдѣляетъ ее отъ стремленія къ дѣятельности.

9. Воля, усвоивая выраженіе Шопенгауера, есть радикалъ личности и такое же непосредственное ея проявленіе, какъ и чувство, включая въ это понятіе и сознаніе, какъ одно изъ чувствъ. Чувство и воля— двѣ стороны личности, и потому понятно, что всякое стѣсненіе *моей* воли, откуда бы оно ни шло, заставляетъ меня страдать. Изъ этого же отношенія воли къ личности понятно, что ея стѣсненіе можетъ идти только изъ внѣшняго для души міра. Волю мою стѣсняетъ или воля другихъ людей, или насиліе внѣшней для меня природы, въ которую, какъ мы видѣли выше, человѣкъ влагаетъ тоже что-то въ родѣ воли. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ воля моя стѣсняется внѣшнимъ для меня насиліемъ. Насиліе это не перестаетъ быть для меня внѣшнимъ и тогда, если оно выражается даже въ формѣ *моихъ же* органическихъ стремленій: голода, жажды и проч. Независимо отъ страданій, которыя человѣкъ испытываетъ при неудовлетвореніи своихъ органическихъ стремленій, онъ еще испытываетъ отъ нихъ тяжелое стѣсненіе своей воли. Такъ человѣкъ, занятый любимою своею работою, досадуетъ

на чувство голода, жажды, усталости, или просто боли, мѣшающихъ ему продолжать его вольную работу. При такомъ душевномъ состояніи человѣкъ спѣшитъ, какъ попало, утолить голодъ и жажду и радуется прекращенію страданій, не какъ прекращенію непріятнаго чувства, но только какъ удаленію стѣсненія своей воли. Это самое законное, самое нормальное чувство и стремленіе человѣка, и никакъ не можетъ быть названо упрямствомъ.

10. Но есть *одно* насиліе, которое идетъ уже не изъ внѣшняго для души міра, но изъ самой души и отъ котораго потому она не можетъ отдѣлаться: это есть само стремленіе къ сознательной дѣятельности. Это *внутреннее насиліе* составляетъ сущность души, оживляющей тѣло именно потому, что она стремится жить, потому наконецъ, что она сама жизнь. Самое стремленіе къ свободѣ находитъ свое объясненіе и оправданіе только въ этомъ стремленіи. Если же человѣкъ, испытавъ наслажденіе удаленія стѣсненій, хочетъ испытывать это наслажденіе и *помимо* стремленія къ дѣятельности, то попадаетъ на фальшивую дорогу, на дорогу упрямства, своеволія, и произвола, вслѣдствіе чего въ немъ можетъ образоваться *склонность къ своеволію, или произволу*, которую слѣдуетъ строго отличать отъ *врожденнаго стремленія къ свободѣ*, какъ стремленіе къ лакомству отъ стремленія къ пищѣ.

11. Упрямство, какъ и стремленіе лакомиться, не врождено человѣку; но есть уже слѣдствіе опытовъ жизни. Какъ лакомство возникаетъ изъ врожденнаго нормальнаго стремленія къ пищѣ, изъ опытовъ удовлетворенія этого стремленія, но можетъ потомъ существовать уже и отдѣльно, независимо отъ пищеваго стремленія, точно также и *упрямство* возникаетъ изъ опытовъ удовлетворенія врожденнаго стремленія къ *вольной* дѣятельности, но потомъ можетъ существовать и отдѣльно, какъ желаніе лакомиться тѣмъ наслажденіемъ, какое доставляетъ человѣку всякое опрокинутое имъ стѣсненіе. Таковъ характеръ упрямства въ его чистотѣ, въ его отдѣльности отъ самолюбія, тщеславія, злорадства и другихъ душевныхъ состояній и страстей, часто съ нимъ соединяющихся. Упрямый не хочетъ того, на чемъ онъ настаиваетъ, а хочетъ того удовольствія, которое онъ получитъ отъ того, что настоялъ на своемъ, или избѣгаетъ того неудовольствія, которое испыталъ бы, если бы ему не удалось настоять на своемъ. Вотъ почему упрямый ясно ищетъ случаевъ поупрямиться, а не избѣгаетъ ихъ. Если изъ ряда многочисленныхъ опытовъ такихъ наслажденій *своею волею* образуется сложное чувственное состояніе души, уже увлекающее ее своею обширностью, то появляется *своеволіе*, какъ наклонность, и *деспотизмъ*, какъ страсть. Если же, наконецъ, сбросивъ всѣ стѣсненія, человѣкъ или даже цѣлый народъ, начинаетъ отыскивать ихъ, придумывать, создавать, чтобы *насладиться* ихъ удаленіемъ, то такая страсть является, какъ одинъ изъ важныхъ элементовъ *тиранства*. Тираномъ можетъ быть и народъ, и деспотъ, когда, не видя болѣе стѣсненій своей волѣ, они начинаютъ выискивать ихъ и создавать, чтобы еще разъ опрокинуть ихъ и еще разъ напол-

нить жадную пустоту души своей наслажденіемъ расширенія границъ своеволія. Иванъ Грозный и парижская чернь во время великой революціи поступали часто по одному и тому же психическому закону неизбѣжныхъ послѣдствій извращенія законнаго и кореннаго стремленія человѣка къ свободѣ. По тому же закону поступаетъ и семейный тиранъ, передъ которымъ давно согнулись всѣ домашніе и который выискиваетъ и выдумываетъ хоть что́ нибудь, чтобы имѣть наслажденіе еще хоть разъ пригнуть къ землѣ кого нибудь изъ нихъ, и сердится тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе домочадцы его и родные оказываются сломленными имъ же самимъ.

12. Эти страшныя извращенія именно потому такъ и страшны, что въ нихъ извращается не какое нибудь частное психическое явленіе, но *коренное* стремленіе души человѣческой. Свобода составляетъ такое существенное условіе для человѣческой дѣятельности, что безъ удовлетворенія этого условія сама дѣятельность невозможна. Отнять у человѣка свободу значитъ лишить его возможности *своей* дѣятельности, а дѣятельность, ему навязанная, которую онъ выполняетъ противъ желанія, есть уже для него не *своя*, а чужая, и человѣку въ такомъ положеніи остается или искать наслажденій, или обмануть деспота и подмѣнить его дѣятельность своею. Вотъ почему деспотизмъ и тиранство такъ быстро превращаютъ всѣхъ людей, входящихъ въ сферу ихъ дѣйствія, или въ плутовъ, или въ развратниковъ, а чаще всего въ развратныхъ плутовъ, съ неистовствомъ выкидывая изъ окружающей сферы все, что не подходитъ подъ эту мѣрку. Для свободной души есть нѣкоторая отрада видѣть, какъ такой общественный или семейный деспотъ становится подъ старость игрушкой тѣхъ, въ комъ самъ же онъ уничтожилъ человѣческое достоинство, и въ минуты бѣдствія напрасно ищетъ вокругъ себя человѣка; какъ онъ мучится наконецъ тою пустынею, которую самъ же вокругъ себя такъ ревностно создавалъ.

13. Признавъ врожденность стремленія къ свободѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не должны упускать изъ виду, что это врожденное стремленіе обнаруживается только въ опытахъ самостоятельной дѣятельности и потомъ развивается такъ или иначе именно вслѣдствіе этихъ опытовъ. Если бы человѣкъ съ дѣтства никогда не зналъ, что такое стѣсненіе воли, то онъ никогда не узналъ бы и чувства свободы. Съ другой стороны, если человѣка съ дѣтства принуждать къ выполненію чужой воли и ему никогда не будетъ удаваться скидывать или обходить ее (что́, къ счастью, невозможно), то въ немъ не разовьется стремленіе къ свободѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не разовьется и стремленіе къ самостоятельной дѣятельности. Удовлетворивъ тѣлеснымъ потребностямъ, такой человѣкъ пойдетъ на ра́боту, когда его погонятъ: это будетъ уже почти машина. Вотъ почему забавно удивленіе рабовладѣльцевъ, что рабы лѣнивы: это неизбѣжное послѣдствіе рабства. Если же рабъ, кромѣ лѣности, показываетъ еще упрямство, хитрость, злость, возмущеніе противъ давящей его власти, то это значитъ, что онъ еще не вполнѣ рабъ. «Истинное

паденіе раба, говоритъ британскій психологъ Броунъ, начинается не тогда, когда онъ потерялъ свободу, но тогда только, когда онъ потерялъ самую жажду свободы, и начинаетъ спокойно смотрѣть на себя, какъ на одушевленное орудіе желаній другого [1])». Но если Броунъ прибавляетъ при этомъ, что «есть души, привыкшія къ порчѣ, которыя видятъ въ деспотѣ источникъ легко добываемыхъ милостей» [2]), то это уже не прямое рабство, ибо въ этомъ случаѣ рабъ дѣлается господиномъ своего господина, а самъ въ свою очередь рабомъ развороченныхъ потребностей своего тѣлеснаго организма—рабомъ разврата. Въ этой мрачной картинѣ—все рабы; а истинными господами являются только безсмысленныя, развороченныя до крайнихъ предѣловъ потрѣбности тѣла, и вотъ почему самоубійство, какъ молнія, начинаетъ появляться чаще и чаще въ этой удушающей атмосферѣ. Такія картины представляются намъ на страницахъ Тацитовой исторіи. Полное же и прямое рабство доводитъ до того оскотинѣнія, которое, какъ говорятъ, замѣчалось иногда въ неграхъ, при чемъ человѣкъ ѣстъ и работаетъ, какъ животное [3]).

14. Между этими двумя одинаково гибельными крайностями — безграничнымъ своеволіемъ и безграничнымъ рабствомъ, которыя одинаково приводятъ человѣка, и раба, и деспота, къ помойной ямѣ полнаго скотства—лежитъ средній, истинный путь: путь вольной дѣятельности, требующій свободы на столько, на сколько есть содержанія въ самой этой дѣятельности. Французская чернь временъ террора искала свободы, когда уже никто ее не тѣснилъ, искала затѣмъ, чтобы наслаждаться ею и переходила изъ рукъ одного деспота въ руки другого. Англійскій народъ, этотъ дѣятельнѣйшій изъ народовъ, не нуждался въ наслажденіяхъ свободою, а искалъ ее на столько, на сколько сама дѣятельность его этого требовала, и чѣмъ болѣе расширялась эта дѣятельность, тѣмъ болѣе расширялась и свобода. Всѣ общественныя явленія выходятъ изъ частныхъ психическихъ явленій, и то, что намъ удобно разсматривать въ обширной сферѣ общественныхъ явленій, мы можемъ, хотя и съ большимъ трудомъ, подмѣтить въ собственной своей душѣ. И тамъ мы найдемъ, что только та свобода полезна человѣку, которая прямо выходитъ изъ потребности излюбленной имъ дѣятельности. Въ этомъ тѣснѣйшемъ соединеніи съ дѣятельностію стремленіе къ свободѣ является пищею человѣческой жизни и основою человѣческаго достоинства: отдѣленное же отъ нея стремленіе къ свободѣ жжетъ и губитъ, какъ тѣ

[1]) Brown, p. 452.

[2]) Ib. 453.

[3]) Но развѣ не было честныхъ, добродушныхъ рабовъ? Были, но въ одномъ только случаѣ: если эти рабы любили своихъ господъ. Любовь есть единственное средство подчинить себѣ душу человѣка, не стѣснивъ ея воли, столь же необходимой для здоровья души, какъ чистый воздухъ для здороваго состоянія тѣла. Кто повинуется другому изъ любви, тотъ повинуется уже своимъ собственнымъ желаніямъ и дѣлаетъ чужое дѣло своимъ.

химическіе элементы, которые, будучи извлечены изъ полезнѣйшихъ растеній, являются сильнѣйшими ядами. Самостоятельная, излюбленная дѣятельность есть именно то соединеніе сознанія и воли, въ которомъ стремленіе къ свободѣ является корнемъ человѣческаго благоденствія.

15. Для нравственной жизни человѣка свобода также необходима, какъ кислородъ для физической; но какъ кислородъ воздуха, освобожденный отъ азота, сжегъ бы легкія, такъ и свобода, освобожденная отъ дѣятельности, губитъ нравственнаго человѣка. Въ самостоятельной, излюбленной дѣятельности только человѣкъ выучивается обходиться съ элементомъ свободы, столь же необходимымъ, какъ огонь, и столь же опаснымъ, какъ онъ. Принимаясь за дѣятельность изъ любви къ ея содержанію, къ ея идеѣ, человѣкъ самъ безпрестанно *добровольно* стѣсняетъ свою свободу и безпрестанно преодолѣваетъ эти стѣсненія, наложенныя на него этимъ же его излюбленнымъ трудомъ [1]). Такимъ образомъ во всякомъ излюбленномъ трудѣ человѣкъ дѣлаетъ постоянные опыты наслажденія свободою, когда опрокидываетъ тѣ или другія тѣснящія его препятствія, и опыты отказа отъ этихъ наслажденій, когда принимается опять за увлекающій его трудъ, за преодолѣніе новыхъ препятствій. Въ этихъ-то безчисленныхъ опытахъ развиваются и крѣпнутъ воля, стремленіе къ свободѣ, умѣнье пользоваться ею и необходимая для этого сила характера. Вотъ почему истинная свобода развивается именно у народовъ предпріимчивыхъ и дѣятельныхъ, которые ищутъ труда со страстью, которые какъ бы ищутъ опасностей, трудностей, лишеній, препятствій, чтобы преодолѣть ихъ; но ищутъ не для душевнаго волненія (изъ такихъ искателей и выходятъ только авантюристы), но увлекаемые или самою природою или какою-нибудь идеею. Свобода Швейцаріи началась въ горныхъ кантонахъ, гдѣ грандіозная природа вызывала человѣка на безпрестанную борьбу съ собою, безпрестанно ставя его въ такія положенія, гдѣ жизнь его и его семьи зависѣла отъ его смѣлости, силы, ловкости, находчивости. Моряки Голландіи, у которыхъ часто самая жизнь зависѣла отъ смѣлости ихъ души и силы ихъ рукъ, положили основаніе голландской свободѣ. Первые поселенцы сѣверной Америки, всѣмъ обязанные самимъ себѣ и ни откуда не ждавшіе никакой помощи, составили зерно нынѣшней свободы Соединенныхъ Штатовъ. Вотъ почему энергическое выраженіе: «помогай самъ себѣ!» осталось и по сей день девизомъ сѣверо-американца. И нѣтъ ничего забавнѣе, какъ слышать декламаціи о свободѣ отъ такихъ людей, которые не могутъ и дня прожить безъ чужой помощи. Таковъ уже неизбѣжный психическій законъ: свобода есть законная дочь вольнаго, упорнаго, неутомимаго труда, а вольный трудъ широко развивается только подъ покровомъ свободы; ибо какъ то, такъ и другое составляютъ только двѣ стороны *жизни*— этого стремленія къ дѣятельности сознательной и свободной.

16. Уяснивъ вліяніе воспитанія и жизни на правильное развитіе въ

---

[1]) Св. выше, гл. XXIV п. 11—18.

человѣкѣ стремленія къ свободѣ, показавъ всю необходимость этого стремленія для нравственной, т. е. человѣческой жизни человѣка, показавъ тѣ страшныя извращенія человѣческой природы, къ которымъ приводитъ какъ подавленіе этого жизненнаго стремленія, такъ и его оторванность отъ всякой душевной дѣятельности, безъ него невозможной, мы уже тѣмъ самымъ показали всю неизмѣримую важность обязанностей воспитателя въ этомъ отношеніи. Онъ долженъ зорко отличать упрямство, капризъ и потребность свободной дѣятельности, и бояться болѣе всего, чтобы, подавляя первыя, не подавить послѣдней, безъ которой душа человѣка не можетъ развить въ себѣ никакого человѣческаго достоинства: словомъ, онъ долженъ воспитать сильное *стремленіе къ свободѣ* и не дать развиться *склонности къ своеволію или произволу*.

17. Окончимъ эту главу замѣчательными словами британскаго психолога: «Кто можетъ сносить рабство, говоритъ Броунъ, не возмущаясь противъ него сердцемъ, тотъ уже не достоинъ свободы, и если бы деспотія (домашняя, общественная или школьная—все равно) производила только это зло душевнаго паденія, безъ другихъ золъ, которыя она порождаетъ прямо или непрямо, то и тогда деспотизмъ едва ли заслуживалъ бы менѣе ненависти, чѣмъ заслуживаетъ онъ теперь отъ людей, знающихъ, чѣмъ способенъ сдѣлаться свободный человѣкъ и какимъ жалкимъ существомъ является настоящій рабъ [1])». Но воспитаніе и жизнь не только дѣлаютъ рабовъ, но и деспотовъ, а чаще всего такихъ людей, въ душѣ которыхъ рабство и деспотизмъ представляютъ самую отвратительную смѣсь. Вотъ почему на обязанности воспитателя лежитъ сдѣлать не только все, что возможно для развитія въ воспитанникѣ любви къ самостоятельному, излюбленному, свободному труду, но и для того, чтобы предупредить развитіе своеволія и деспотизма, тѣмъ болѣе, что подавляя ихъ, когда они уже развились, *чрезвычайно трудно, если и возможно*, не задѣть святаго, законнаго стремленія къ свободѣ. Замѣтимъ между прочимъ, что въ нашемъ русскомъ воспитаніи уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, окружавшаго большую часть дѣтей образованнаго класса крѣпостною прислугою, есть самая важная реформа, благодѣтельные плоды которой не замедлятъ обнаружиться въ поднятіи нравственнаго уровня въ этомъ классѣ. Устройствомъ тысячи самыхъ обдуманныхъ педагогическихъ заведеній нельзя было сдѣлать и сотой доли того, что сдѣлало одно уничтоженіе крѣпостной прислуги.

ГЛАВА XLVI.

Стремленіе къ наслажденію и стремленіе къ счастью: *классическая* теорія эвдамонизма.

1. Въ предшествующей главѣ намъ удалось отдѣлить врожденное стремленіе къ свободѣ, тѣсно связанное со стремленіемъ къ дѣятельно-

---

[1]) Brown, p. 452.

сти, отъ стремленія къ наслажденію свободою — къ наслажденію пріятнымъ чувствомъ освобожденія отъ тѣхъ или другихъ стѣсненій нашей воли. За первымъ, нормальнымъ и врожденнымъ стремленіемъ мы оставили названіе *стремленія къ свободѣ*; второму, производному, образующемуся уже вслѣдствіе опытовъ жизни, мы придали названіе *склонности къ своеволію*. Теперь намъ предстоитъ сдѣлать тоже самое въ отношеніи *склонности къ наслажденіямъ* и *стремленія къ счастью*, которыя также очень часто смѣшиваютъ. Мы должны это сдѣлать тѣмъ внимательнѣе, что отъ смѣшенія *склонности къ наслажденіямъ* со *стремленіемъ къ счастью* самое направленіе педагогическихъ теорій и педагогической дѣятельности часто извращается.

2. Но всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ исторіею философіи, знаетъ, что при разрѣшеніи вопроса, выставленнаго нами, мы необходимо встрѣтимся съ самымъ спорнымъ вопросомъ въ философіи, нерѣшенность котораго до сихъ поръ оставляетъ *этику*, или науку о нравственности, въ шаткомъ состояніи. Мы и сами еще не имѣемъ теперь всѣхъ данныхъ, чтобы, если не рѣшить, то по крайней мѣрѣ вполнѣ освѣтить этотъ важный вопросъ, который по сущности своей относится къ третьей части нашей «Антропологіи». Однако же мы имѣемъ возможность уже теперь, при самомъ анализѣ явленій воли, внести одну очень рѣшительную и важную черту въ этотъ вопросъ и не хотимъ лишиться этой возможности, ради строгости системы. Для моралиста и педагога такъ важно отдѣлить производное стремленіе къ наслажденіямъ отъ кореннаго стремленія къ счастью, что если мы и нѣсколько разъ попытаемся установить и укоренить въ умѣ читателя эту черту отдѣленія и это намъ хоть сколько-нибудь удастся, то мы не будемъ считать нашихъ попытокъ потерянными, хотя бы ихъ было и гораздо больше.

3. Уже первые философы Греціи задавались вопросомъ: въ чемъ состоитъ истинное счастье человѣка? Но, увлекаемые еще направленіемъ востока къ постройкѣ фантастическихъ міозданій, философы эти мало углублялись въ нравственно-психическіе вопросы. Сократъ первый перенесъ философію съ почвы физическихъ фантазій, далеко неоправдываемыхъ тогдашними скудными свѣдѣніями о внѣшней для человѣка природѣ, на почву психологическую, и въ частности на почву этическую. Въ этомъ и состоитъ главная заслуга Сократа. До него философы *мечтали* о внѣшней природѣ на основаніи самыхъ скудныхъ знаній о ней. Сократъ же сталъ *разсуждать* о человѣкѣ и о его назначеніи на основаніи психическихъ, всѣмъ болѣе или менѣе знакомыхъ, фактовъ, доводя своихъ слушателей до яснаго сознанія явленій и потребностей ихъ собственной души. Въ этомъ и состоитъ извѣстный сократическій методъ ученья. Къ сожалѣнію мы не можемъ отдѣлить ученія Сократа отъ ученія его ученика Платона; но есть нѣкоторые признаки, что Сократъ былъ ближе къ истинному и единственно возможному пути въ философіи — пути психологическому, и что Платонъ, а также и Аристотель, уже снова

нѣсколько отклонились отъ этого прямаго пути. Сократъ, какимъ мы даже находимъ его въ діалогахъ Платона, очень ясно понимаетъ, что если признать ученіе софистовъ и сдѣлать личное наслажденіе человѣка верховнымъ критеріумомъ его поступковъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ не только понятіе о нравственномъ и безнравственномъ, но даже и понятіе объ умномъ и глупомъ въ отношеніи человѣческихъ поступковъ, о достойномъ и недостойномъ, — словомъ, появляется полное смѣшеніе въ мірѣ практическаго мышленія, то смѣшеніе, изъ котораго человѣчество такъ постоянно и настойчиво выбивается во всю свою исторію. Вотъ почему Сократъ такъ сильно вооружается вездѣ противъ смѣшенія понятія *блага* съ понятіемъ *наслажденія* и противъ опредѣленія блага личнымъ наслажденіемъ человѣка. Однако же раздѣлительная черта не была проведена ясно именно потому, что Сократъ, по крайней мѣрѣ тотъ Сократъ, котораго мы находимъ у Платона, не твердо еще стоитъ на психической почвѣ, и безпрестанно сбивается съ нея въ область отвлеченныхъ умозрѣній. Желая отдѣлить стремленіе къ наслажденію отъ стремленія къ благу, платоновскій Сократъ прибѣгаетъ къ логикѣ и къ чувству человѣка, но не строитъ ихъ на анализѣ этой самой логики и этого самаго чувства. Онъ показываетъ ясно, что всякій человѣкъ стремится не только испытывать наслажденіе, но и разсуждать, и что никто не захочетъ превратиться въ животное, отказавшись отъ права разсуждать. Окончательный же выводъ его тотъ, что жизнь безъ разсужденій или безъ мудрости, точно также какъ и жизнь безъ наслажденій, невозможна, и что должно соединять наслажденіе съ мудростью и давать въ этомъ соединеніи преимущество мудрости, такъ-какъ она, а не наслажденіе, находится въ связи съ тѣмъ принципомъ, по которому міръ устроенъ и которымъ онъ управляется [1]).

4. Легко видѣть, что это не есть самое рѣшеніе вопроса, а только риторическій оборотъ, дѣйствовавшій на слушателей потому, что онъ основанъ на вѣрномъ и общемъ всѣмъ людямъ чувствѣ, на какомъ-то общемъ для всѣхъ людей психическомъ законѣ, который однако не очищенъ отъ постороннихъ примѣсей, не выведенъ на свѣтъ изъ души человѣческой знаменитымъ акушеромъ идей, не выведенъ и не анализированъ. Вотъ почему мнѣнію Сократа можно противопоставить сильное опроверженіе. Если человѣкъ стремится также и къ мудрости, то опять же только потому, что эта мудрость доставляетъ ему удовольствіе, и на столько, на сколько она его доставляетъ. Слѣдовательно удовольствіе становится оцѣнщикомъ пригодности самой мудрости для человѣка. Если пріятно быть мудрецомъ, то отчего же и не быть имъ; но если кто-нибудь предпочитаетъ этой пріятности какую-нибудь другую, напримѣръ, пріятность тѣлесныхъ наслажденій, то нѣтъ никакого основанія предпочесть одного изъ этихъ людей другому и поставить одну изъ этихъ жизней образцомъ хорошаго, а другую — образцомъ дурнаго. Для

---

[1]) Dialogues de Platon. Philèbe.

относительной оцѣнки обѣихъ жизней нужно было бы оцѣнить, въ которой изъ нихъ было больше удовольствія; но это невозможно, ибо удовольствіе есть чисто личное ощущеніе и нѣтъ такого общаго мѣрила, которымъ можно было бы взвѣшивать наслажденія въ различныхъ личностяхъ, а безъ общаго мѣрила никакая оцѣнка невозможна. Такимъ образомъ всякая оцѣнка не только нравственности поступковъ, но и разумности ихъ дѣлается невозможною. Словомъ, возраженія софистовъ остаются и при этомъ въ полной своей силѣ. Что же касается до того, что человѣкъ долженъ предпочитать мудрость наслажденію, потому-что мудрость находится въ явной связи съ тѣми законами, которыми міръ устрояется и управляется, то если бы даже эта связь и была доказана, остается все же вопросъ: почему же человѣкъ *долженъ* предпочитать мудрость наслажденію? Откуда такая обязанность? Словомъ, діалектика Сократа должна была сильно говорить здравому чувству человѣка, но оказывается безсильною противъ опроверженій разсудка, который намѣренно не хочетъ сообразоваться съ голосомъ этого нравственнаго чувства, этого сократовскаго демона—не хочетъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока этотъ внутренній голосъ не докажетъ разумности своихъ изрѣченій.

5. Аристотель тоже понималъ очень хорошо, какъ важно отдѣлить благо отъ наслажденій; но это отдѣленіе удалось ему также мало, какъ и Платону. Онъ очень хорошо понималъ, что самый вопросъ о добродѣтели тѣсно связанъ съ вопросомъ о значеніи удовольствія и неудовольствія [1]; но болѣе закрылъ бездонную пропасть этого вопроса, чѣмъ наполнилъ ее какимъ-нибудь положительнымъ рѣшеніемъ. Сама нравственность и добродѣтель являются у Аристотеля только золотою серединою, серединою между слишкомъ малымъ и слишкомъ многимъ, которая потому и трудна, что трудно во всякой вещи найти середину [2]. Но самую умѣренность, т. е. это стремленіе къ серединѣ, тотъ же Аристотель ставитъ въ зависимость отъ чувства удовольствія. «Тотъ только умѣренъ, говоритъ онъ, кто умѣренъ съ удовольствіемъ; а кто умѣренъ безъ удовольствія, тотъ уже не умѣренъ» [3]. Но, спрашивается, если неумѣренность доставляетъ человѣку болѣе наслажденія, чѣмъ умѣренность, то на какомъ основаніи предпочтетъ онъ послѣднюю первой и будетъ стремиться къ аристотелевской добродѣтели, точно также, какъ и къ сократовской мудрости? Правда, Аристотель не назоветъ неумѣреннаго добрымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, такъ-какъ *добрый* и *дѣльный* человѣкъ, по мнѣнію Аристотеля, понимаетъ вещи, какъ онѣ есть, а не какъ онѣ кажутся, и во всемъ угадываетъ истину, а потому является «нормою и мѣрою того, что истинно въ поступкахъ»; Аристотель, правда, причислитъ неумѣреннаго къ «толпѣ, которая до-

[1]) Ethik. B. II. Kap. III. § 3.
[2]) Ibid. Kap. IX.
[3]) Ibid. Kap. III. § 1.

пускаетъ себя обманывать удовольствіями, кажущимися ей благомъ, и гнаться за пріятнымъ, какъ будто бы оно было благо» [1])... но вѣдь этого всего еще очень мало не только для того, чтобы заставить человѣка идти по средней дорогѣ добродѣтельной умѣренности, но даже и для того, чтобы предпочесть умѣреннаго человѣка неумѣренному и признать одного нравственнымъ, а другого безнравственнымъ, и даже одну жизнь глупою, а другую мудрою. Все же остается умнѣе та жизнь, въ которой испытано болѣе наслажденій; ибо чувство наслажденія остается единственнымъ мѣриломъ самаго наслажденія. Самое же чувство наслажденія ничѣмъ не можетъ быть измѣрено, ибо оно абсолютно личное и у каждаго свое. Мы измѣряемъ длину, ибо имѣемъ общую мѣру длины; измѣряемъ тяжесть предметовъ, ибо имѣемъ общую мѣру вѣса. Но такого мѣрила для чувства наслажденія нѣтъ и быть не можетъ. Вотъ почему ни на основаніи платоновскаго, ни на основаніи аристотелевскаго принципа нельзя сказать, чья жизнь была нравственнѣе и умнѣе: философа-ли, мудрствовавшаго всю жизнь, или китайца, опившагося опіумомъ?

6. Такая нерѣшенность основнаго вопроса этики и практической философіи не могла конечно остаться безъ послѣдствій, и вотъ почему последующіе философы и основатели новыхъ философскихъ школъ, которые, по вѣрному замѣчанію Цицерона, преимущественно брали изъ Платонова ученія то ту, то другую мысль и, возводя ее въ принципъ своей узкой философіи, часто доводили до крайности, ухватились и за мысль Платона объ отношеніи наслажденій къ мудрости. Изъ этой одной мысли вышли двѣ школы: стоиковъ и эпикурейцевъ. Стоики поставили вверхъ мудрость и вывели изъ нея уже не терпимость наслажденій, какъ выводилъ Платонъ, а презрѣніе къ нимъ и даже ожесточенное преслѣдованіе всякихъ удовольствій. Не говоря уже о неестественности такой аскетической философіи, она, строго говоря, не могла даже похвалиться и тѣмъ, что предпочла мудрость наслажденію. Почему стоикъ предпочиталъ мудрость? Безъ сомнѣнія потому, что она, по его мнѣнію, доставляетъ больше наслажденій, чѣмъ все другое. Чѣмъ же онъ могъ гордиться передъ человѣкомъ, который на томъ же самомъ основаніи предпочиталъ чувственное наслажденіе наслажденіямъ мудростью? Если обладаніе мудростью тѣшило душу стоиковъ, то и обладаніе богатствомъ точно по такому же праву могло тѣшить душу какого-нибудь богача.

7. Эпикурейская школа сдѣлала своимъ принципомъ другую половину сократовской мысли. Принципомъ человѣческаго счастья, человѣческой нравственности и вообще человѣческихъ поступковъ Эпикуръ поставилъ наслажденіе, не физическое наслажденіе, какъ несправедливо думаетъ Кантъ [2]), но вообще наслажденіе. Самъ Эпикуръ представлялъ

[1]) Ibid. B. III. Kap. IV. §§ 4, 5 и 6.

[2]) Kritik der praktischen Vernunft, 1028. S. 57.

образецъ человѣка умѣреннаго и добродѣтельнаго: ячменный пирожокъ и стаканъ свѣжей воды, которыми онъ приглашалъ посѣтителей въ свою школу, не могли быть очень заманчивы для аѳинскихъ гастрономовъ. Истинные эпикурейцы предпочитали душевныя наслажденія чувственнымъ; но дѣлали это на основаніи природнаго благородства своихъ стремленій, а вовсе не на основаніи основнаго принципа своей философіи. Они утверждали, что только добродѣтельная жизнь пріятна; но чѣмъ они могли доказать, что добродѣтельная жизнь пріятнѣе недобродѣтельной? Кантъ, по справедливости, удивляется, какимъ образомъ многіе, очень остроумные люди могли находить, что въ самомъ эпикуровскомъ принципѣ лежитъ уже возможность отдѣлить высшія или душевныя удовольствія отъ низшихъ, тѣлесныхъ, и что въ этой философіи можно найти основаніе — предпочесть первыя послѣднимъ. «Если, замѣчаетъ Кантъ, направленіе воли человѣка должно рѣшаться чувствомъ пріятнаго и непріятнаго, то для человѣка все равно, откуда бы ни происходило это пріятное и непріятное. Только напряженность удовольствія, его продолжительность, легкость его добываемости и учащенность повторенія должны рѣшать выборъ между удовольствіями. Какъ для человѣка, которому золото нужно на покупки, рѣшительно все равно, вырыто ли это золото изъ горъ или промыто изъ песка (только стоимость его была бы одна и та же), такъ и для человѣка, ищущаго только наслажденій въ жизни, рѣшительно все равно: будутъ ли это наслажденія умственныя или чувственныя, только бы этихъ наслажденій было больше, каждое изъ нихъ было бы напряженнѣе и продолжалось подольше» [1]). Если мы не имѣемъ никакихъ основаній предпочесть душу тѣлу, то не имѣемъ никакихъ основаній и для того, чтобы предпочесть душевныя наслажденія тѣлеснымъ. Если же матеріалисты, признающіе въ человѣкѣ только тѣло, принимаютъ эпикурейскій принципъ практической философіи (а они обыкновенно его принимаютъ), то для нихъ и самое дѣленіе наслажденій на тѣлесныя и душевныя должно пасть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможность предпочтенія однихъ наслажденій другимъ, на основаніи какого-нибудь общаго для людей мѣрила, должна выразиться еще яснѣе. При такомъ міросозерцаніи всякое наслажденіе есть только особенное состояніе мозга, а потому становится невозможнымъ показать, почему одно состояніе мозга, возбуждаемое, напримѣръ, эстетическимъ или нравственнымъ, должно предпочесть другому состоянію мозга, возбужденному напр. вкуснымъ блюдомъ или удовлетвореніемъ сладострастія. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ возможность какихъ бы то ни было общихъ правилъ для жизни и нравственной или умственной оцѣнки поступковъ. Остается одно правило: живи каждый, какъ кому кажется пріятнѣе, и та жизнь умнѣе и счастливѣе, въ которой больше было наслажденій по количеству или по качеству; измѣрить же это количество и качество наслажденій, сравнительно у различныхъ людей, невозможно.

---

[1]) Ibid. S. 35.

8. Но нельзя ли въ самихъ наслажденіяхъ отыскать какого-нибудь мѣрила, какого-нибудь регулятора? Это-то и пытался сдѣлать Эпикуръ и его школа, и попытки ихъ именно тѣмъ полезны, что показали всю невозможность достичь въ этомъ отношеніи какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. Невозможность эта такъ очевидна для психолога, что для доказательства ея ненужно употреблять много словъ. Во-первыхъ, мы уже знаемъ, что всѣ наслажденія возникаютъ при удовлетвореніи врожденныхъ человѣку стремленій или, другими словами, при удовлетвореніи его природныхъ потребностей, и знаемъ также, что напряженность наслажденія какъ разъ соотвѣтствуетъ напряженности стремленія, а напряженность стремленія выражается въ напряженности страданія, происходящаго отъ неудовлетворенія даннаго стремленія. Слѣдовательно человѣкъ покупаетъ наслажденіе страданіемъ и при этомъ торгѣ ему не удается обмануть природу, хотя можетъ быть удается отодвинуть нѣсколько обнаруженіе этого обмана, т. е. какъ разъ на столько же обмануть природу, на сколько онъ обманетъ самого себя [1]). Вотъ почему человѣкъ можетъ еще избѣжать тѣхъ наслажденій, за которыми *слѣдуетъ* страданіе, какъ этого хотѣлъ Эпикуръ, но не можетъ избѣжать тѣхъ страданій, которыя необходимо должны *предшествовать* наслажденію, чтобы оно было наслажденіемъ. Мы не назовемъ вмѣстѣ съ Платономъ наслажденія исчезновеніемъ или уменьшеніемъ страданій: мы признаемъ за наслажденіями свой особый принципъ; но видимъ ясно, что страданіе лишеній одно условливаетъ всю степень интензивности наслажденій.

9. Сдѣлавъ наслажденіе принципомъ поступковъ, мы имѣемъ возможность измѣрять самыя наслажденія только или ихъ *многочисленностью*, или ихъ *напряженностью*, или ихъ *продолжительностью* (extensive, intensive и protensive, какъ выражается Кантъ [2]). Но легко видѣть, что эти три признака, замѣченные Кантомъ, сходятся въ два, ибо многочисленность наслажденій можетъ быть отнесена или къ продолжительности, если они идутъ одно за другимъ, или къ напряженности, если они одновременно усиливаютъ другъ друга. Такимъ образомъ у насъ остаются только два признака наслажденія—продолжительность и напряженность, и оба эти признака суть признаки *количественные*, а не качественные; качество же наслажденія остается для человѣка безразлично. Но какой же изъ этихъ двухъ математическихъ признаковъ предпочтемъ мы? Эпикуръ предпочитаетъ продолжительность. Онъ хочетъ, чтобы мудрецъ избиралъ тѣ удовольствія, которыя если не такъ напряженны, то за то продолжительны. Но на какомъ же основаніи отдаетъ онъ это предпочтеніе продолжительнымъ удовольствіямъ передъ напряженными? Это зависитъ отъ личнаго характера человѣка. Одному нравится пить вино капля за каплей, а другому—полными глотками.

---

[1]) См. выше, гл. VI.

[2]) Kritik der Rein. Vern. S. 573.

Долговременность же сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Если одинъ переживаетъ въ годъ больше наслажденій, чѣмъ другой въ десять лѣтъ, то нельзя же признать, что жизнь послѣдняго счастливѣе. Кромѣ того интензивность наслажденій по большей части является въ обратной пропорціи съ продолжительностью, такъ-что, растягивая пріятное ощущеніе, мы можемъ совершенно лишить его характера наслажденія. Такимъ образомъ мы видимъ, что на личномъ наслажденіи нельзя построить никакой морали, нельзя построить именно потому, что качественные признаки наслажденій остаются безразличными, а количественные измѣряются только личнымъ индивидуальнымъ чувствомъ и не могутъ имѣть общаго для всѣхъ людей мѣрила, именно того, что требуется *математичностью* этихъ признаковъ. Если можно было бы отыскать математическую единицу для напряженности наслажденій, общую для всѣхъ людей, тогда теорія Эпикура могла бы претендовать хотя на какое нибудь основаніе, но такой единицы до сихъ поръ не найдено и едва ли она можетъ быть отыскана.

10. Можетъ быть кому-нибудь покажется, что выставленное нами отношеніе между страданіями лишенія и наслажденіями удовлетворенія приложимо только къ страданіямъ и наслажденіямъ *низшаго* рода, вытекающимъ изъ органическихъ стремленій, и не приложимо къ такъ-называемымъ наслажденіямъ высшимъ, духовнымъ. Но это будетъ поверхностное сужденіе. Возьмемъ наслажденіе дружбою, и замѣтимъ, что удовольствіе свиданія съ другомъ какъ разъ пропорціонально неудовольствію, которое мы испытываемъ, долго его не видѣвъ. Чѣмъ чаще мы видимся съ нашимъ другомъ, тѣмъ менѣе продолжительно и напряженно удовольствіе нашихъ свиданій. Если же мы живемъ съ нимъ постоянно, то удовольствіе совершенно исчезаетъ, хотя, конечно, не исчезаетъ дружба; но замѣтьте, что и самая дружба не исчезаетъ только тогда, если она доставляетъ дѣятельность нашей душѣ. Если же для дѣятельности души нашей нашъ другъ намъ совершенно не нуженъ, то онъ уже намъ не другъ. Вотъ почему тяжелое и пошлое чувство шевелится у васъ въ душѣ, когда вы послѣ первой радости встрѣчи съ другомъ вашего дѣтства, радости, объясняемой быстрымъ возникновеніемъ надеждъ воспоминаній, т. е. надеждою усиленной душевной дѣятельности, скоро открываете, что эти надежды не сбылись, и что вы такъ разошлись съ вашимъ бывшимъ другомъ, что ни онъ не нуженъ для вашей душевной дѣятельности, ни вы для его. Тогда, послѣ восторженныхъ изліяній радости свиданія начинаются очень тяжелыя минуты — тоскливыя и длинныя, въ которыя человѣкъ не знаетъ, что ему дѣлать со своимъ другомъ и со своею дружбою.

11. Нельзя сказать, чтобы эпикурейцы и ихъ болѣе или менѣе сознательные послѣдователи не видѣли этого отношенія между страданіемъ и наслажденіемъ, отношенія роковаго для ихъ теоріи. Вотъ почему уже Эпикуръ совѣтуетъ по возможности уменьшать потребности, чтобы не страдать отъ ихъ неудовлетворенія; къ этой же мысли пришелъ и

Руссо [1]). Но такіе мыслители какъ будто съ намѣреніемъ не видятъ, что, уменьшая число потребностей, они уменьшаютъ и число наслажденій, ибо наслажденія родятся только отъ удовлетворенія потребностей. Цивилизація, увеличивая число потребностей человѣка, увеличиваетъ число его наслажденій, но также и число его страданій. Вотъ почему Руссо уже совершенно консеквентно возстаетъ и противъ цивилизаціи. Одно только забываетъ при этомъ Руссо, что человѣкъ, если бы и хотѣлъ, то не можетъ отдѣлаться отъ цивилизаціи, какъ не можетъ отдѣлаться отъ любознательности. Впрочемъ, мы ошибаемся: мысль о связи любознательности съ цивилизаціею также мелькнула у Руссо, и вотъ почему онъ не задумался вооружиться и противъ любознательности, и выставляетъ въ образецъ образованному человѣку дикаря, приглашая подражать его примѣру, когда тотъ не обращаетъ никакого вниманія на вещи, до него не касающіяся. «Дикарь, говоритъ Руссо, и не подвинется, чтобы видѣть дѣйствіе превосходнѣйшей машины и все чудо электричества». *Что мнѣ за дѣло*—говоритъ дикарь—до какого-нибудь чуда, отъ котораго мнѣ ни тепло, ни холодно? Эти слова, по мнѣнію Руссо, «самыя обыкновенныя слова для невѣжды и самыя приличныя для мудреца». Такъ ли это или нѣтъ — мы покудова разбирать не будемъ; но укажемъ только на то, что Руссо *выдумалъ* своего дикаря, не интересующагося ничѣмъ, что̀ не касается его лично. Кто же дѣйствительно видалъ дикарей, тотъ знаетъ, какъ они любопытны и убѣдился, что слова Руссо вовсе не выражаютъ дѣйствительнаго факта: это только вопль самого Руссо, раздраженнаго дурными сторонами цивилизаціи. Дѣйствительные же факты показываютъ, что для человѣка, будь онъ дикарь или мудрецъ, также невозможно отдѣлаться отъ цивилизаціи и любознательности, какъ невозможно, не прекращая жизни насильственно и не прибѣгая къ дѣятельности, отдѣлаться отъ тоски въ одиночной тюрьмѣ.

12. Это шаткое основаніе классической морали чувствовали и сами древніе — и вотъ почему, между прочимъ, они крѣпко привязали свою мораль къ принципу общества и государства. Эту связь можно выразить коротко. Для того, чтобы человѣкъ былъ счастливъ или наслаждался, какого бы рода эти наслажденія ни были, ему необходимо жить въ обществѣ; а потому онъ долженъ быть счастливъ такъ, чтобы это не мѣшало счастью другихъ, чѣмъ общая сумма счастья увеличится, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и доля счастья каждаго человѣка. Это положеніе, безспорно вѣрное, не имѣетъ однако же той общности, которая могла бы во всѣхъ случаяхъ быть основаніемъ *личной* морали. Психологія не знаетъ другихъ наслажденій, кромѣ личныхъ, а личности, имѣющей въ виду только свое личное наслажденіе, нѣтъ никакого дѣла до наслажденія другихъ личностей. Если это наслажденіе другихъ личностей способно усилить мое собственное, то я готовъ ему содѣйствовать;

[1]) Emile, p. 65.

если это наслажденіе другихъ личностей неизбѣжно для того, чтобы я могъ спокойно наслаждаться, то я готовъ его терпѣть; но если, уничтоживъ или уменьшивъ счастье другихъ личностей, я могу безопасно увеличить свое собственное, то нѣтъ никакого задерживающаго принципа, который помѣшалъ бы мнѣ это сдѣлать; ибо принципъ личнаго наслажденія (а наслажденіе и можетъ быть только личное) есть, по основному положенію такой философіи, критеріумъ всѣхъ прочихъ принциповъ жизни. На этомъ основаніи много безнравственныхъ дѣйствій сдѣлалось бы разумными и много высоконравственныхъ — глупыми. Такъ напр., освобожденіе негровъ явилось бы поступкомъ неразумнымъ, имѣя въ виду, что для массы личныхъ наслажденій рабовладѣльца весьма полезно имѣть въ числѣ домашнихъ животныхъ животное говорящее, способное понимать и выполнять приказанія, выраженныя словами. При такомъ принципѣ держать одну массу народа въ невѣжествѣ для того, чтобы другая могла больше наслаждаться, было бы дѣйствіемъ разумнымъ, какъ оно и было признано разумнымъ въ мірѣ классическомъ.

13. Это умѣряющее начало общественности могло еще держаться въ классическомъ мірѣ, гдѣ личность человѣка вообще уступала государству; но оно уже рѣшительно не можетъ держаться въ мірѣ христіанскомъ, послѣ того, какъ христіанство самую личность человѣка, его душу, сдѣлало цѣлью всей исторіи человѣчества. Послѣ этого великаго переворота нѣтъ уже сомнѣнія, что и всякое общество и государство, и союзъ государствъ существуютъ только ради личности человѣка и въ ней одной находятъ разумное оправданіе своего существованія. Христіанство не осталось безъ вліянія на рѣшаемый нами вопросъ и въ другомъ отношеніи. Оно поставило идеаломъ для человѣка такую Личность, которая живетъ, дѣйствуетъ, страдаетъ и умираетъ въ мученіяхъ, не имѣя цѣлью никакихъ личныхъ наслажденій, только увлекаемая любовью къ человѣку и человѣчеству. Но такая высота христіанскаго идеала была слишкомъ недоступна для громаднаго большинства. Вотъ почему и въ христіанскія ученія вкрался классическій принципъ *эвдамонизма*, только наслажденія были перенесены изъ этой жизни въ будущую.

14. Однако же дурно понялъ бы христіанство тотъ, кто принялъ бы главнымъ его двигателемъ ожиданіе будущихъ наслажденій. Стоитъ заглянуть въ жизнь христіанскихъ мучениковъ, чтобы убѣдиться, что это не такъ, и что главнымъ двигателемъ героевъ христіанства было вовсе не ожиданіе будущаго блаженства и страхъ будущихъ мученій, но любовь къ Учителю и любовь къ человѣку и человѣчеству. Психологія ясно доказываетъ намъ, что любить наслажденія и сильно стремиться къ нимъ можно только вслѣдствіе опытовъ наслажденія, что не тотъ человѣкъ болѣе любитъ наслажденія, кто мало наслаждался, а напротивъ тотъ, кто наслаждался много. Герои же христіанства, по большей части, такъ мало наслаждались въ жизни, что нѣтъ никакой психической возможности, чтобы у нихъ образовалось сильное стремленіе къ наслажде-

нію: они просто увлекались дѣятельностью, которой отдались всею д шою, отдались потому, что полюбили ее въ лицѣ своего велик. Образца.

ГЛАВА XLVII.

Ученіе эвдамонизма въ новое время.

1. Новая философія, какъ только начала жить, такъ и натинулась н вопросъ о счастьи и наслажденіи, т. е. на вопросъ объ основаніи морал Одни примыкали ко взгляду стоиковъ, другіе—ко взгляду эпикурейц-въ третьи искали новаго начала. Гутчисонъ указывалъ на моральное чувст какъ на источникъ нравственныхъ поступковъ; Вольфъ, по приміру стоиковъ,—на стремленіе къ совершенству; теологи—на волю Божі Значительный шагъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ, какъ извѣстно, Кантъ доказавъ невозможность теоретическаго примиренія стремленія къ до і и стремленія къ счастью или наслажденію, или, другими словами, п казавъ невозможность *опытнаго* происхожденія идеи нравственности [1].

2. Кантъ выводилъ уже основаніе нравственности a priori изъ свое знаменитаго «категорическаго императива» или, другими словами, изъ то же врожденной идеи, которая *повелѣваетъ* человѣку поступать «такъ чтобы правила его поступковъ могли быть общими правилами для всѣхъ людей». Человѣкъ, по философіи Канта, не только долженъ быть счаст ливъ, но долженъ быть и *достоинъ счастія* и это достоинство быт счастливымъ составляетъ необходимую принадлежность его счастья [2] Не будучи въ состояніи вывести идеи нравственности a *posteriori*, че ловѣкъ строитъ нравственный міръ a priori, и въ этомъ-то выражаетс свобода его воли. Эту послѣднюю сторону кантовскаго ученія особенн развилъ Фихте, этотъ философъ личной свободы: у него человѣкъ долже поступать нравственно уже потому, чтобы не подчиняться деспотическим требованіямъ природы, а быть свободнымъ.

3. Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ этихъ великихъ идей и показывать ихъ психологическое происхожденіе: это относится къ треть части «Антропологіи». Здѣсь же замѣтимъ только, что категорическ императивъ Канта слишкомъ сложенъ, чтобы его можно было призна чѣмъ-то врожденнымъ. Можетъ быть въ немъ есть врожденные элементы, но ясно, что есть и такіе, которые объясняются только опытами жизни Категорическій императивъ Канта должно перевести на психическую по ву и задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ могло дѣйствительно зародить і въ человѣкѣ то чувство, которое такъ прекрасно выразилъ Кантъ въ своемъ афоризмѣ? Что же касается до основанія морали на свободѣ, то и оно, само по себѣ, не рѣшаетъ разбираемаго нами здѣсь вопроса. По чему же человѣкъ долженъ предпочесть свободу воли, а не предаться чувственнымъ наслажденіямъ? Кому свобода воли доставляетъ болѣе уд-

[1]) Kr. der prakt. Vernunft. S. 161 etc.

[2]) Kritik der reinen Vernunft. S. 575 etc.

вольствія, а кому и чувственныя наслажденія. Съ одной стороны сенсуалисты, а съ другой іезуиты могли бы представить неопровержимыя доказательства, что часто человѣкъ находитъ свое счастье въ подчиненіи своей воли; а если это такъ, то почему же ему и не подчинять ее?

4. Такимъ образомъ всѣми чувствуемая потребность провести рѣзкую границу между стремленіемъ къ счастью и стремленіемъ къ наслажденію до сихъ поръ не удовлетворена—до сихъ поръ этотъ важный вопросъ, столь основной для науки о нравственности и для теоріи воспитанія, остается въ полномъ туманѣ. Чтобы доказать это несчастное положеніе вопроса, мы приведемъ здѣсь слова знаменитѣйшаго современнаго мыслителя и самой логической головы современной Европы, слова Джона Стюарта Миля, которыми онъ заканчиваетъ свою «Логику». Если этотъ вопросъ въ такой ясной головѣ представляется съ такими непримиримыми противорѣчіями, то изъ этого уже можно заключить и то, какъ трудно его рѣшеніе, и то, въ какомъ жалкомъ состояніи онъ долженъ находиться въ другихъ, менѣе логическихъ головахъ.

5. «Общій принципъ, говоритъ Миль, съ которымъ должны согласоваться всѣ правила практической жизни, критеріумъ ихъ годности, есть годность ихъ для счастья человѣчества, или скорѣе, всѣхъ чувствующихъ существъ, такъ что, другими словами, *стремленіе къ счастью* есть основной принципъ науки цѣлей или телеологіи» [1]). Но, написавъ эти строки, Миль не могъ не подумать о тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя необходимо вытекаютъ изъ такого критеріума всѣхъ цѣлей жизни и на которыя мы указали выше, при разборѣ эпикурейскихъ идей. И это, безъ сомнѣнія, заставило Миля прибавить слѣдующее положеніе, находящееся въ прямомъ противорѣчіи съ принятой имъ теоріей эвдамонизма: «Стремленіе къ счастью, говоритъ Миль, есть оправданіе и должно быть повѣркою всѣхъ цѣлей; но оно не есть само единственная цѣль. Есть много добродѣтельныхъ дѣйствій и даже добродѣтельныхъ поведеній (хотя, какъ я думаю, эти случаи рѣже, чѣмъ предполагаютъ), въ которыхъ счастье приносится въ жертву, такъ-какъ отъ этихъ дѣйствій происходитъ болѣе страданій, чѣмъ удовольствій» [2]).

6. Еслибы Миль былъ психологъ, то онъ непремѣнно остановилъ бы свое вниманіе на этихъ *странныхъ исключеніяхъ изъ общаго правила*, которыя, какъ они ни показались ему рѣдки, все же происходятъ изъ какихъ нибудь общихъ свойствъ человѣческой природы. Онъ остановился бы на этихъ исключеніяхъ съ особеннымъ вниманіемъ, какъ естествоиспытатель останавливается на уродливостяхъ именно потому, что онѣ-то и помогаютъ ему глубже заглянуть въ тайны природы, не знающей ни случайностей, ни уродливостей, а всегда дѣйствующей неуклонно правильно, т. е. по закону. Если бы Миль внимательнѣе вглядѣлся въ эти *необыкновенныя* явленія человѣческой природы, то

---

[1]) Mill's Logic. B. II. Ch. XII § 7, p. 548.

[2]) Ibid. p. 549.

непремѣнно нашелъ бы, что необыкновенна въ нихъ только *степень* проявленія принципа, а не самый принципъ, который общъ всѣмъ людямъ, но не во всѣхъ высказывается съ одинаковою силою и обширностью, а въ иныхъ едва замѣтенъ. Но если рѣдко встрѣчаются люди, у которыхъ принципъ самопожертвованія беретъ верхъ надъ всѣми другими стремленіями, то точно также рѣдко встрѣчаются и такіе люди, въ которыхъ стремленіе къ личному наслажденію никогда не уступало бы мѣста другимъ стремленіямъ, съ удовлетвореніемъ которыхъ не связаны личныя наслажденія. Наконецъ общность этого принципа видна уже и изъ того, что поступокъ самопожертвованія въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ возбуждаетъ удивленіе, симпатію, а часто и невольную зависть. Слѣдовательно есть что-то во всякомъ человѣкѣ, что ставитъ онъ выше стремленія къ удовольствію, хотя самъ и не всегда можетъ отказаться отъ удовольствій и поддаться этому высшему стремленію, особенно если оно доставляетъ страданія.

7. Но Миль, какъ бы почувствовавъ, что сказалъ слишкомъ много для того, чтобы его эвдамоническая теорія жизни, какъ стремленія къ счастью, могла держаться, спѣшитъ сдѣлать оговорку. «Такое поведеніе (т. е. безкорыстное), говоритъ онъ, единственно оправдывается только тѣмъ, что можетъ быть доказано, что вообще болѣе счастья будетъ въ мірѣ, если будутъ воспитываться чувства, которыя побуждаютъ людей въ извѣстныхъ случаяхъ не заботиться о счастьи.» Итакъ—добродѣтель нуждается въ оправданіи, какъ говоритъ Шекспиръ! [1]). И такъ—чтобы быть счастливымъ, нужно въ извѣстныхъ случаяхъ не *стремиться* къ счастью! Стремленіе къ счастью, слѣдовательно, до того не главное въ человѣческой природѣ и до того ее не удовлетворяетъ, что, сдѣлавъ это стремленіе главнымъ принципомъ своей жизни, человѣкъ долженъ нарушать этотъ принципъ, чтобы быть счастливымъ: долженъ не признавать этого принципа, чтобы выполнить его! Въ словахъ Миля теорія эвдамонизма наноситъ себѣ смертельный ударъ и оканчиваетъ свою долгую жизнь самоубійствомъ. Но послѣдуемъ далѣе за Милемъ, чтобы для насъ во всей ясности выразилось то противорѣчіе, къ которому пришелъ самый логическій умъ современной Европы, ступивъ на путь ложнаго ученія. Болѣе рѣзкаго паденія не можетъ имѣть ложная теорія.

8. «Я вполнѣ допускаю, продолжаетъ Миль, что образованіе идеальнаго благородства воли и поведенія должно быть для индивидуальнаго человѣческаго существа цѣлью стремленій, которымъ должно уступить дорогу преслѣдованіе своего собственнаго или чужаго счастья; но я утверждаю, что самый вопросъ, въ чемъ состоитъ возвышенность характера, рѣшается по мѣрилу счастья. Идеальное благородство характера, или возможное приближеніе къ нему, потому должно быть главною цѣлью человѣка, что оно болѣе всего ведетъ къ тому, чтобы сдѣлать человѣческую жизнь счастливою: счастливою, какъ (сравнительно) въ *низшемъ*

[1]) Hamlet. Act III. Scene VI.

смыслѣ, въ смыслѣ наслажденія и освобожденія отъ страданій, такъ и въ *высшемъ* смыслѣ, т. е. чтобы сдѣлать жизнь не такою, какова она вообще теперь, дѣтскою и ничтожною — но такою какой можетъ желать человѣкъ съ высоко развитыми способностями» [1]).

9. Изъ этихъ замѣчательныхъ словъ Миля мы видимъ, что онъ признаетъ не одно счастье, а какія-то два—одно *низшее*, а другое *высшее*: ясно, что одно есть не болѣе какъ сумма пріятныхъ ощущеній, но другое пренебрегаетъ пріятными ощущеніями и указываетъ какую-то высшую цѣль—развитіе способностей, идеальное благородство характера и окончательно возвышеніе жизни, теперь ничтожной, и наполненіе жизни, теперь пустой, которой не могутъ наполнить наслажденія и стремленія къ нимъ. Но что же служитъ здѣсь мѣриломъ *низшаго* и *высшаго*? И раціонально ли поступилъ Миль, когда, назвавъ *высшимъ* стремленіемъ стремленіе къ идеальному благородству характера, заставилъ это *высшее* стремленіе служить *низшему*, отъ котораго оно отвращается и которому противорѣчитъ? Неужели же высшее счастье, идеальное благородство характера и развитіе способностей служитъ только для того, чтобы увеличить массу низшихъ наслажденій? Гораздо ближе къ истинѣ другое выраженіе Миля, когда онъ говоритъ, что стремленіе къ высшему счастью должно наполнить *пустую* жизнь. Здѣсь, какъ мы увидимъ ниже, Миль, какъ бы нечаянно, нападаетъ на вѣрный психическій фактъ.

10. Таково жалкое состояніе этого существеннѣйшаго изъ философскихъ вопросовъ. Не въ состояніи ли исторія этого вопроса отбить даже всякую охоту заниматься его рѣшеніемъ? И дѣйствительно, едва ли что нибудь можно сказать новаго въ этой области, изслѣдованной вдоль и поперекъ лучшими умами человѣчества. Однако же, мы думаемъ, слѣдуетъ подвергнуть этотъ вопросъ еще одному опыту, которому его до сихъ поръ не подвергали: слѣдуетъ перенести его изъ области нравственной философіи въ область опытной психологіи, другими словами, слѣдуетъ посмотрѣть, не какъ человѣкъ *долженъ* жить, но какъ онъ дѣйствительно живетъ, не какія цѣли *долженъ* имѣть человѣкъ, но какія онъ дѣйствительно имѣетъ, и показать на основаніи несомнѣнныхъ психическихъ фактовъ, что стремясь къ такой-то цѣли, человѣкъ достигаетъ такихъ то результатовъ, а стремясь къ другой цѣли—такихъ. Роль психолога гораздо легче: онъ не моралистъ и не говоритъ человѣку: ты долженъ жить такъ или иначе, а только на основаніи несомнѣнныхъ и всѣмъ извѣстныхъ психическихъ фактовъ показываетъ, какіе результаты необходимо дастъ одна жизнь и какіе другая. Всякій воленъ жить, какъ хочетъ, и дѣло фактической науки состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы учить людей тому, что они должны дѣлать, а только въ томъ, чтобы группировкою несомнѣнныхъ фактовъ уяснять явленія, необходимо предшествующія каждому рѣшенію и каждому поступку, и явленія, за тѣмъ необходимо слѣдующія. *Мы только это и дѣлаемъ*, и

[1]) Mill's Logic. p. 549.

теперь у насъ набралось уже достаточно наблюденій, чтобы рѣшить н[е] то еще, *какова* должна быть цѣль человѣческой жизни, а только т[о] какое значеніе имѣетъ сама серьезная цѣль въ человѣческой жизни, к[а]кія явленія представляетъ жизнь, обладающая этою цѣлью, и какія явл[е]нія представляетъ другая жизнь, почему либо лишенная такой цѣли. Эт[о] мы и сдѣлаемъ, сколь возможно короче, въ слѣдующющей главѣ, гдѣ тол[ь]ко сведемъ результаты, добытые уже прежде нашими психическими анализам[и]

ГЛАВА XLVIII.

Стремленіе къ счастью: значеніе цѣли въ жизни.

1. Стремленіе къ наслажденію есть, конечно, общій терминъ, под[ъ] которымъ мы должны разумѣть безчисленное множество всякаго ро[да] *желаній*, между которыми общее то, что всѣ онѣ стремятся къ повто[]ренію какихъ-нибудь пріятныхъ, уже прежде испытанныхъ нами ощу[]щеній. Человѣкъ не можетъ стремиться къ наслажденію, котораго н[е] знаетъ и не представляетъ себѣ. Онъ стремится къ наслажденію посл[ѣ] того, какъ испыталъ его вслѣдствіе удовлетворенія какого-либо другог[о] стремленія. Къ отысканію пищи человѣкъ побуждается не стремленіем[ъ] къ наслажденію, но *мученіями* голода, и только уже потомъ, испытав[ъ] сладость удовлетворенія голода вообще или какою либо пищею въ осо[]бенности, человѣкъ уже стремится къ пищѣ, побуждаемый и мученіям[и] голода, и представленіями наслажденія.

2. Это различіе между *врожденными* стремленіями и *производны*[]*ми*, вслѣдствіе опытовъ установившимися, стремленіями къ тѣмъ ил[и] другимъ наслажденіямъ не относится только къ первому ихъ проявлені[ю] И впослѣдствіи времени человѣкъ легко можетъ раздѣлить въ самом[ъ] себѣ врожденное стремленіе избѣжать мучительности врожденныхъ по[]требностей отъ склонности къ наслажденіямъ или въ частности от[ъ] того или другаго желанія наслажденія. Такъ человѣкъ, сильно з[а]нятый какимъ нибудь дѣломъ, съ досадою и неудовольствіемъ замѣчает[ъ] въ себѣ пробуждающуюся потребность пищи или потребность отдыха, тогд[а] какъ сибаритъ встрѣчаетъ тѣ же ощущенія съ удовольствіемъ. Наоб[о]ротъ, человѣкъ, уже не чувствующій голода, можетъ еще стремиться к[ъ] наслажденію вкуснымъ блюдомъ и это-то стремленіе заставляло римска[го] обжору, наѣвшись, принимать рвотнаго, чтобы имѣть удовольствіе ещ[е] поѣсть. Такимъ образомъ мы видимъ, что если стремленіе избѣжать му[]ченій неудовлетворенія врожденныхъ потребностей и склонность къ опре[]дѣленнымъ наслажденіямъ часто соединяются, то бываютъ случаи, когд[а] они выказываютъ всю свою отдѣльность, и что, слѣдовательно, психолог[ъ] долженъ строго различать эти явленія души человѣческой.

3. *Склонность* къ наслажденіямъ нельзя и назвать *стремленіем*[ъ.] Это уже желаніе, потому что оно происходитъ вслѣдствіе опытовъ чу[в]ствованія и непремѣнно сопровождается представленіемъ, безъ котор[аго] желаніе невозможно (ignoti nulla cupido). Желаніе какого бы то н[и]

было спеціальнаго наслажденія происходитъ уже вслѣдствіе того или другого врожденнаго стремленія. Оно-то и дѣлаетъ для насъ пріятнымъ свое удовлетвореніе, а испытавъ его разъ мы уже начинаемъ желать его, повторенія. Желаній, не возникшихъ изъ врожденныхъ стремленій, не существуетъ, и если какое-нибудь желаніе намъ кажется неестественнымъ, а совершенно искусственнымъ, то, присмотрѣвшись къ нему ближе, мы всегда найдемъ, что оно возникло изъ врожденнаго стремленія души къ дѣятельности.

4. При этомъ однако слѣдуетъ замѣтить, что большинство желаній въ человѣкѣ—не простыя желанія, возникшія изъ одного кокого-либо стремленія; но желанія сложныя, возникшія изъ разныхъ стремленій, которыя соединились вмѣстѣ какимъ-нибудь однимъ обширнымъ представленіемъ или обширною системою представленій именно потому, что разныя стороны этого представленія, или разные члены этой системы представленій, удовлетворяютъ нѣсколькимъ, различнымъ стремленіямъ человѣка. Такъ, напр., въ основѣ желанія почестей, которое носитъ названіе честолюбія, мы открываемъ и органическое стремленіе къ общественности, сопровождаемое чувствомъ стыда и самодовольной гордости, и стремленіе къ свободѣ, ищущее удаленія всякихъ стѣсненій нашей воли, и особенное, хотя ложно понятое, чисто уже человѣческое стремленіе къ самоусовершенствованію. Представленіе хорошаго обѣда удовлетворяетъ не только органическому пищевому стремленію и развившимся изъ него вкусовымъ ощущеніямъ, но и стремленію къ общественности, почему для хорошаго обѣда необходимъ хорошій кругъ друзей и пріятелей,—удовлетворяетъ и эстетическимъ стремленіямъ, вслѣдствіе чего человѣкъ подаетъ обѣдъ въ изящныхъ сосудахъ, украшаетъ каждое блюдо, убираетъ столъ цвѣтами, сопровождаетъ обѣдъ музыкой и т. д. Вотъ почему можно сказать, что ѣдятъ и люди, и животныя, но обѣдаютъ только люди. Отыскавъ же, что въ основѣ каждаго желанія непремѣнно лежитъ врожденное стремленіе, мы можемъ и всѣ наши элементарныя желанія раздѣлить по роду стремленій, изъ которыхъ они возникли, на желанія *органическія*, *душевныя* и *духовныя*, помня однако при этомъ всегда, что въ одномъ и томъ же сложномъ человѣческомъ желаніи могутъ быть соединены всѣ эти три рода жаланій элементарныхъ.

5. Не признавая врожденности стремленій къ наслажденію, потому-что это уже желанія, образующіяся изъ опытовъ наслажденій, не должны ли мы однако признать врожденности *стремленія не страдать?* Но мы уже признали ее, признавъ самую врожденность стремленій и ихъ мучительное свойство, когда они не удовлетворяются. Если же было бы нужно особое названіе для общаго стремленія человѣка удовлетворять *всѣмъ* своимъ стремленіямъ, то мы предлагали бы назвать это *стремленіемъ къ счастью*. Стремленіе къ счастью въ такомъ смыслѣ, конечно, будетъ врождено человѣку; но это уже никакъ не будетъ стремленіе къ наслажденіямъ; ибо человѣкъ, по врожденному стремленію къ счастью, можетъ стремиться къ удовлетворенію такихъ стремленій, удовлетвореніе которыхъ вовсе не доставляетъ ему наслажденій. Такъ мы увле-

каемся и такою дѣятельностью, которая для насъ вовсе непріятна, которая даже можетъ насъ сильно мучить, но которая тѣмъ не менѣе увлекаетъ къ себѣ нашу душу именно тѣмъ, что ассоціаціи чувственныхъ представленій, условливающихъ ее, составляютъ въ содержаніи нашей души такую обширную и вѣскую систему, что она даже противъ воли нашей перетягиваетъ къ себѣ сознательную дѣятельность нашей души. Такъ система горестныхъ или гнѣвныхъ представленій вовсе не потому увлекаетъ къ себѣ нашу душу, что они могутъ доставить намъ удовольствіе; но именно только потому, что душа наша, по природѣ своей требующая дѣятельности, по возможности широкой и сильной, увлекается тѣми системами представленій, которыя представляютъ ей въ данное время наибольшую степень такой дѣятельности,—увлекается независимо отъ того, доставляетъ ли ей эта дѣятельность удовольствіе или страданіе, и въ *результатѣ получаетъ не наслажденіе или страданіе, а дѣятельность*, которая можетъ сопровождаться какъ наслажденіемъ, такъ и страданіемъ; но эти сопровождающія ее чувствованія являются только случайными, отъ которыхъ само стремленіе не зависитъ. Развѣ каждый изъ насъ не испытывалъ тяжелыхъ душевныхъ состояній, отъ которыхъ не можетъ оторваться именно потому, что они открываютъ для души сферу обширной и сильной дѣятельности, передъ которой тѣсны и слабы всѣ другія? «Человѣку, говоритъ Ридъ, стоило бы только не думать о томъ, что̀ его мучитъ, чтобы не мучиться; но это далеко не всегда можно сдѣлать». Мы же думаемъ, что кореннымъ явленіемъ въ этомъ отношеніи будетъ та невозможность не мучиться скукою и тоскою, которую испытаетъ конечно всякій, заключенный въ одиночную тюрьму. Кто бы не постарался отдѣлаться отъ этихъ страшныхъ мученій душевной бездѣятельности, если бы только могъ? *Но это уже для человѣка совершенно невозможно*: точно также невозможно, какъ невозможно для него отдѣлаться отъ своей собственной души; ибо это требованіе дѣятельности составляетъ сущность души. Замѣнить одну душевную дѣятельность другою человѣкъ можетъ; но это для него тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе долженъ онъ придать своей силы воли къ той или другой душевной дѣятельности, для того, чтобы она могла уравновѣсить и вытѣснить ту, отъ которой онъ хочетъ отдѣлаться. Но отдѣлаться совершенно отъ стремленія къ дѣятельности для человѣка невозможнѣе, чѣмъ отдѣлаться отъ стремленія къ пищѣ.

6. Мы видѣли уже, что всякое природное стремленіе человѣка при неудовлетвореніи своемъ заставляетъ его страдать, а при удовлетвореніи доставляетъ ему разнообразныя ощущенія, болѣе или менѣе пріятныя, смотря по напряженности самого стремленія и напряженности тѣхъ страданій, которыя возрастаютъ по мѣрѣ возрастанія неудовлетвореннаго стремленія. Мы видѣли также, какъ изъ опытовъ удовлетворенія врожденныхъ стремленій возникаетъ производное стремленіе, или яснѣе, склонность къ наслажденіямъ. Теперь же мы должны обратить особенное вниманіе на то, что *стремленіе къ дѣятельности* составляетъ

замѣчательное исключеніе изъ этой общей исторіи образованія желаній. Неудовлетворяемое, оно мучитъ человѣка, какъ и всѣ прочія стремленія при своемъ неудовлетвореніи; но удовлетворяемое — оно не дастъ человѣку удовольствія. *Это замѣчательное существенное стремленіе души при своемъ удовлетвореніи даетъ въ результатъ не какое-нибудь наслажденіе или пріятное чувство, а только сознательную психическую или психофизическую дѣятельность.* Конечно, дѣятельность, какъ при своемъ началѣ, такъ и при своемъ окончаніи, или наконецъ въ перерывахъ, можетъ сопровождаться пріятными или непріятными чувствованіями; но эти сопровождающія ее чувствованія будутъ для нея явленіями побочными, ослабѣвающими всякій разъ съ усиліемъ дѣятельности и выступающими яснѣе, когда дѣятельность ослабѣваетъ. *Въ минуту же напряженной дѣятельности нѣтъ ни страданій, ни наслажденій; а есть только дѣятельность.*

7. Этотъ психическій фактъ очень легко можетъ быть наблюдаемъ каждымъ въ самомъ себѣ, а также и въ другихъ. Посмотрите на дитя, когда оно занято какою-нибудь сильно увлекающею его дѣятельностью— и вы не увидите на лицѣ его ни выраженія удовольствія, ни выраженія страданія, а спокойное, серьезное и сосредоточенное выраженіе дѣятельности. Тоже самое замѣтите вы и на лицѣ художника, когда онъ вполнѣ углубился въ свою работу, и на лицѣ простаго работника, когда онъ вполнѣ поглощенъ своимъ дѣломъ. Въ минуту перерыва дѣятельности, когда человѣкъ, напр., остановившись на мгновеніе, любуется тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ, или выказываетъ неудовольствіе, замѣтивъ, что онъ сдѣлалъ не то, что хотѣлъ, или высказываетъ гнѣвъ, видя новое, неожиданное препятствіе, которое предстоитъ ему преодолѣть — и въ душѣ его, и на лицѣ мелькаютъ чувствованія удовольствія, страданія или гнѣва; но какъ-только человѣкъ снова принялся за работу — выраженіе этихъ чувствъ исчезаетъ съ его лица, а самыя чувства изъ души: *онъ опять только трудится. Вотъ это-то душевное состояніе и есть нормальное состояніе человѣка и то высшее счастье, которое не зависитъ отъ наслажденій и не подчиняется стремленію къ нимъ.*

8. Человѣкъ конечно часто принимается за трудъ для достиженія черезъ него какихъ-нибудь наслажденій или для того, чтобы трудомъ избавиться отъ какихъ-нибудь страданій. Но, трудясь, онъ не чувствуетъ ни того, ни другого, такъ-что трудъ *самъ по себѣ*, независимо отъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ онъ можетъ быть предпринятъ, удовлетворяетъ только потребности души человѣческой, ея стремленію къ дѣятельности, не давая ей ни страданій, ни наслажденій. Дѣло же психолога различать явленія, а не смѣшивать ихъ. Къ самому труду, независимо отъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ онъ можетъ быть предпринятъ, человѣкъ побуждается врожденнымъ стремленіемъ души, требующей дѣятельности; но *искать труда, какъ наслажденія*, человѣкъ не можетъ,

потому-что трудъ самъ по себѣ наслажденій не даетъ. Слѣдовательно изъ удовлетворенія стремленія къ дѣятельности не можетъ возникнуть, какъ изъ удовлетворенія прочихъ стремленій, желаніе наслажденія. Но, тѣмъ не менѣе, и не давая наслажденій, трудъ, которому человѣкъ предался, имѣетъ въ самомъ себѣ и самъ по себѣ увлекающее свойство. Кому не случалось, предпринявъ какую-нибудь дѣятельность для достиженія тѣхъ или другихъ наслажденій или для избѣжанія тѣхъ или другихъ лишеній, такъ потомъ увлечься самою дѣятельностью, что онъ забудетъ и о тѣхъ наслажденіяхъ, для достиженія которыхъ онъ предпринялъ тотъ или другой трудъ? И это не есть какое-нибудь частное, рѣдкое, исключительное явленіе, но свойство, общее всякой серьезной дѣятельности, котораго мы только потому не замѣчаемъ иногда, что оно высказывается отрывочно, моментально, перемѣшиваясь другими психическими явленіями, то ослабляясь, то усиливаясь, по мѣрѣ нашего увлеченія самимъ дѣломъ. Это не только не исключительное явленіе, но такое общее, безъ котораго никакая серьезная и плодотворная дѣятельность не бываетъ и не можетъ быть. Кто, дѣлая что нибудь, *нисколько* не увлекается самимъ дѣломъ, помимо тѣхъ расчетовъ, для которыхъ онъ предпринялъ это дѣло, тотъ не сдѣлаетъ ничего путнаго, да и самое дѣло не удовлетворитъ его стремленію къ дѣятельности, не наполнитъ той душевной пустоты, о которой говоритъ Милль. Это явленіе, повторяясь безпрестанно при каждомъ частномъ трудѣ человѣка, высказывается съ необыкновенною яркостью и въ обширной сферѣ дѣятельности человѣчества. Возьмемъ, напримѣръ, науку. Безъ сомнѣнія, она доставила и продолжаетъ доставлять людямъ средства удаленія многихъ страданій и добычи многихъ наслажденій. Но если бы *только эта польза* отъ науки сдѣлалась цѣлью науки, то она не подвинулась бы ни на шагъ впередъ и перестала бы приносить пользу. Только человѣкъ, увлекающійся наукою, можетъ дѣйствительно сдѣлать въ ней шагъ впередъ, а такой, увлекающійся наукою человѣкъ, увлекается самою дѣятельностью, которую даетъ ему наука, а не тою *пользою*, которую она можетъ доставить ему или другимъ, и не тѣмъ *удовольствіемъ*, котораго ищетъ въ наукѣ диллетантъ. Люди, ищущіе полезнаго или пріятнаго въ наукахъ, менѣе всего содѣйствовали развитію наукъ и менѣе всего извлекли изъ нихъ той пользы или того удовольствія, который они единственно искали. Дѣйствительный же ученый занимается наукою для науки и, такъ-сказать, по дорогѣ открываетъ въ ней средства или удаленія страданій или пріобрѣтенія новыхъ наслажденій, и конечно не для себя: они ему менѣе всего нужны, такъ-какъ все его время занято тѣмъ, что̀ исключаетъ страданія и наслажденія — занято серьезною сознательною дѣятельностью.

9. Мы видѣли, слѣдовательно, что Миль, говоря о какомъ-то высшемъ счастьи, которое должно наполнять *пустоту* человѣческой жизни, т. е. сдѣлаться ея содержаніемъ, напалъ на вѣрный психическій фактъ. Но Миль ошибается, думая, что это наполненіе пустоты человѣческой

жизни, это отысканіе дѣйствительнаго ея содержанія есть нѣчто, ожидающее человѣка въ отдаленномъ будущемъ. Дѣйствительно слѣдуетъ желать, чтобы это наполненіе усилилось для каждаго въ частности и для человѣчества вообще; но что самое явленіе и теперь не только существуетъ, но занимаетъ центральное мѣсто въ человѣческой жизни—это не подлежитъ сомнѣнію. Самъ Миль наполнялъ пустоту своей жизни, составляя свою «Логику»; каждый художникъ дѣлаетъ тоже самое, серьезно работая надъ своей картиной; тоже самое дѣлаетъ и скромный земледѣлецъ, полюбившій свое скромное дѣло; наконецъ, мало-ли людей, которые болѣе или менѣе, хотя бы въ самой ничтожной степени, не наполняли пустоты своей жизни вольнымъ, излюбленнымъ трудомъ. Въ этомъ отношеніи мы не ждемъ никакихъ чудесъ отъ будущей исторіи, никакихъ коренныхъ реформъ: въ исторіи людей, какъ и въ исторіи природы, ничего не творится вновь, не происходитъ никакихъ внезапныхъ и коренныхъ реформъ; но идетъ вѣчная реформа элементовъ, уже существующихъ, при чемъ существенное и нормальное выступаетъ впередъ изъ несущественнаго и ненормальнаго. Серьезный и вольный, излюбленный трудъ, не стремящійся къ наслажденіямъ, болѣе или менѣе наполняетъ пустоту человѣческой жизни съ той самой минуты, когда человѣкъ появился на землѣ, и только слѣдуетъ желать, чтобы этотъ основной законъ человѣческой природы вошелъ въ общее сознаніе, и чтобы каждый созналъ, что трудъ самъ по себѣ, помимо тѣхъ наслажденій и страданій, къ которымъ онъ можетъ вести, также необходимъ для душевнаго здоровья человѣка, какъ чистый воздухъ для его физическаго здоровья. Еслибы Миль самъ вполнѣ созналъ этотъ психическій законъ, то поставилъ бы вольный, излюбленный трудъ, свойственный человѣку, а не счастье, высшимъ мѣриломъ достоинства всѣхъ практическихъ правилъ человѣческой жизни.

10. Этотъ *несомнѣнный фактъ* психической жизни человѣка съ особенною ясностью выражается въ томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ для человѣка *цѣль жизни*, независимо отъ содержанія этой цѣли и даже отъ ея достиженія; ибо *цѣль* или *задача* жизни есть только другая форма для выраженія того же понятія—*труда жизни*. Удовлетворите всѣмъ желаніямъ человѣка, но отнимите у него *цѣль* въ жизни и посмотрите, какимъ несчастнымъ и ничтожнымъ существомъ явится онъ. Слѣдовательно не удовлетвореніе желаній, то, что обыкновенно называютъ счастьемъ, а *цѣль въ жизни* является сердцевиной человѣческаго достоинства и человѣческаго счастья. И чѣмъ быстрѣе и полнѣе вы будете удовлетворять стремленію человѣка къ наслажденіямъ, отнявъ у него *цѣль въ жизни*, тѣмъ несчастнѣе и ничтожнѣе вы его сдѣлаете. Конечно, человѣкъ въ каждую отдѣльную минуту своей дѣятельности стремится къ *достиженію цѣли*, т. е. чтобы *уничтожить* ее, а не къ тому, *чтобы имѣть ее*, и никогда не стремится къ тому, чтобы ее отодвинуть далѣе, какъ этого ошибочно хочетъ Кантъ; но психологъ, относящійся къ душевнымъ явленіямъ, какъ объектамъ на-

блюденія, видитъ ясно, что для человѣка важнѣе *имѣть* цѣль жизни (задачу, трудъ жизни), *чѣмъ достигать ее*. Понятно само собою, что эта цѣль должна быть такова, чтобы могла быть цѣлью человѣка, чтобы достиженіе ея могло дать безпрестанную и постоянно расширяющуюся дѣятельность человѣку, такую дѣятельность, которой требуетъ его душа, чтобы не искать наслажденій и пренебрегать страданіями. Свойства этой цѣли опредѣляются уже особенностями человѣческой души и потому мы будемъ говорить о нихъ въ третьей части нашей «Антропологіи»; но и теперь уже ясно, что эта цѣль для того, чтобы постоянно наполнять постоянно раскрывающуюся *пустоту* человѣческой души (ея стремленіе къ дѣятельности), должна быть такова, чтобы, достигаемая постоянно, она никогда не могла быть достигнута; при чемъ человѣкъ остался бы безъ цѣли въ жизни. Глубокое *чувство* всей силы этого психическаго закона заставило Канта сказать, что если бы ему предлагали на выборъ истину или дорогу къ истинѣ, то онъ предпочелъ бы дорогу къ истинѣ самой истинѣ. Въ этомъ одностороннемъ выраженіи философа, предпочитающаго всему жизнь мысли, есть кромѣ того и другое заблужденіе: Кантъ, какъ и всякій другой человѣкъ, безъ сомнѣнія, не удержался бы и взялъ истину, а не дорогу къ истинѣ; но это невольно вырвавшееся восклицаніе превосходно выражаетъ дѣйствительное положеніе человѣка въ мірѣ, глубоко прочувствованное, хотя и не вполнѣ сознанное Кантомъ. Для насъ же важно не то, что могло бы быть, а то, что дѣйствительно есть.

11. Теперь намъ слѣдуетъ припомнить то отношеніе, которое мы открыли между стремленіемъ къ дѣятельности и другими стремленіями, врожденными человѣку и въ частности стремленіями *органическими*, о которыхъ преимущественно и будемъ здѣсь говорить. Всякое органическое стремленіе, будучи удовлетворено, прекращается; но душевное стремленіе къ дѣятельности, или стремленіе души къ перемѣнѣ своихъ состояній, не имѣетъ этого качества: оно никогда не удовлетворяется, и, кромѣ того, требуетъ еще прогрессивности въ своемъ безпрестанномъ удовлетвореніи. Вотъ почему страсти и наклонности не могли бы образоваться изъ удовлетворенія однѣхъ органическихъ потребностей, если бы въ человѣкѣ не было душевнаго стремленія къ безпрестанной и прогрессивной душевной дѣятельности. Это-то стремленіе, если можно такъ выразиться, раздуваетъ въ пламя страстей тѣ искры наслажденій, которыя мелькаютъ при процессѣ удовлетворенія нашихъ органическихъ потребностей и тухнутъ, когда этотъ процессъ оконченъ, а удовлетворенная потребность затихла. Мы видѣли, что всякое органическое, а также и духовное наслажденіе покупается какъ разъ равноцѣннымъ ему страданіемъ, страданіемъ лишенія. Если человѣкъ привлекается наслажденіемъ, то онъ какъ-разъ на столько же отталкивается страданіемъ. Слѣдовательно человѣкъ, при такомъ отношеніи къ наслажденіямъ, не стремился бы къ нимъ и въ немъ не могла бы образоваться склонность къ наслажденіямъ. Человѣкъ не сталъ бы морить себя голодомъ для того только, чтобы испытать наслажденіе его удовлетворенія, и никто, какъ

замѣчаетъ Броунъ, не захочетъ быть больнымъ, чтобы испытать удовольствіе выздоровленія. Слѣдовательно, если человѣкъ стремится къ этой безпрерывной смѣнѣ страданій наслажденіями и наслажденій страданіями, то существенно потому, *что ему нужна самая эта смѣна*, т. е. перемѣна душевныхъ состояній или, другими словами, нужна безпрерывная душевная дѣятельность.

12. Отсюда понятно, что если у человѣка нѣтъ *серьезной* цѣли въ жизни, т. е. цѣли, не смѣющейся и не плачущей, такой цѣли, которую онъ преслѣдуетъ не изъ за удовольствій или страданій, а *изъ любви* къ тому дѣлу, которое дѣлаетъ, то онъ можетъ найти себѣ дѣятельность только въ смѣнѣ наслажденій и страданій, причемъ конечно онъ будетъ гнаться за наслажденіемъ, стараясь увернуться отъ страданія—и какъ-разъ на столько лишится наслажденія, на сколько будетъ избѣгать страданія, т. е. попадетъ *на фальшивую* дорогу въ жизни: фальшивую не по какимъ-нибудь высшимъ философскимъ и нравственнымъ принципамъ, а именно потому, что *она ведетъ человѣка не туда*, *куда онъ самъ же хочетъ идти*. Вотъ почему фальшивость этого пути не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Эти-то уклоненія человѣка съ прямой дороги серьезной цѣли и серьезнаго труда на фальшивый путь исканія наслажденій и избѣганія труда займутъ насъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XLIX.

Уклоненія человѣческой воли вообще.

1. Въ предшествующей главѣ мы отличали *стремленіе къ счастью* отъ *склонности* къ тѣмъ или другимъ, уже испытаннымъ *наслажденіямъ*. Стремленіе къ счастью есть дѣйствительно врожденное стремленіе не только человѣку, но и всякому живому существу; ибо это есть ничто иное, какъ общее стремленіе удовлетворить всѣмъ своимъ частнымъ врожденнымъ стремленіямъ, по мѣрѣ ихъ появленія, или возстановленія,—не болѣе какъ стремленіе вообще избѣжать тѣхъ страданій, которыя сопровождаютъ всякое неудовлетворенное стремленіе. Склонность же къ наслажденіямъ есть уже стремленіе *производное*, которое образуется вслѣдствіе опытовъ пріятныхъ ощущеній, сопровождающихъ удовлетвореніе всякаго *врожденнаго* стремленія. Но, образовавшись вслѣдствіе опытовъ пріятныхъ ощущеній, сопровождающихъ удовлетворенное стремленіе, склонность къ тѣмъ или другимъ наслажденіямъ можетъ потомъ установиться въ стремленіе самостоятельное, которое будетъ побуждать человѣка искать наслажденій и тогда, когда стремленія, изъ удовлетворенія которыхъ они возникаютъ, уже удовлетворены. Стремленіе къ счастью не только есть стремленіе врожденное, изъ котораго уже возникаетъ склонность къ наслажденіямъ, но и болѣе обширное, чѣмъ это изъ него возникающее стремленіе. Человѣкъ стремится удовлетворять не только тѣмъ своимъ стремленіямъ, удовлетвореніе которыхъ можетъ до-

ставить ему наслажденіе; но и къ удовлетворенію такого стремленія, удовлетвореніе котораго непосредственно не сопровождается никакимъ наслажденіемъ, а именно, къ удовлетворенію самаго существеннаго стремленія души: ея стремленія къ дѣятельности.

2. Право на счастье составляетъ, конечно, самое неотъемлемое право человѣка; но только въ томъ случаѣ, если счастье не смѣшивается съ наслажденіемъ. Право же на наслажденіе находитъ себѣ оправданіе уже только въ высшемъ правѣ — правѣ на счастье. Наслажденія являются уже только сопровождающимъ явленіемъ, несущественнымъ и не исчерпываютъ всего содержанія гораздо болѣе обширнаго понятія счастья. Человѣкъ можетъ быть счастливъ, не наслаждаясь, какъ счастливы всѣ тѣ люди, которые отдали всю жизнь увлекавшему ихъ дѣлу, доставившему имъ, быть можетъ, гораздо болѣе страданій, чѣмъ наслажденій. И наоборотъ, человѣкъ можетъ наслаждаться всю жизнь и не быть счастливымъ. Развѣ мы не видимъ, что люди, безпрестанно ищущіе наслажденій и имѣющіе кажется для того всѣ средства, нерѣдко оканчиваютъ жизнь самоубійствомъ?

3. Если стремленіе къ счастью есть вполнѣ законное и глубоко врожденное стремленіе человѣка и всякаго живаго существа удовлетворять *всѣмъ* своимъ врожденнымъ стремленіямъ, то легко видѣть, что при множествѣ и разнообразіи этихъ стремленій должно непремѣнно и безпрестанно возникать столкновеніе между ними при ихъ удовлетвореніи. Удовлетворяя одному стремленію, человѣкъ въ то же время можетъ не только не удовлетворить другому, но помѣшать его удовлетворенію. Отсюда возникаетъ необходимость привести врожденныя стремленія человѣка въ одну стройную систему съ тѣмъ, чтобы оцѣнить ихъ относительную важность и избавить человѣка отъ раскаянія, которое неминуемо слѣдуетъ, если, удовлетворивъ стремленію низшему, подчиненному, онъ тѣмъ самымъ нарушитъ другое стремленіе, можетъ быть гораздо болѣе обширное и существенное [1]). Поступая безсознательно, необдуманно, не давая себѣ отчета въ прошедшемъ, не заглядывая въ будущее, человѣкъ очень часто удовлетворяетъ стремленію, которое тѣснитъ его въ настоящую минуту, и этимъ удовлетвореніемъ нарушаетъ возможность удовлетворенія другихъ, болѣе обширныхъ стремленій, которыя тотчасъ-же, по удовлетвореніи менѣе существеннаго, возвышаютъ свой голосъ и нанаполняютъ душу человѣка мученіями, не только неудовлетвореннаго стремленія, но и раскаянія. Въ мелкихъ размѣрахъ это явленіе ежедневно повторяется въ душѣ человѣка: въ размѣрахъ болѣе обширныхъ оно наполняетъ всю человѣческую жизнь и рѣшаетъ участь этой жизни. Вотъ почему, какъ для каждаго человѣка въ частности, такъ и для всего человѣчества вообще такъ необходимо придти къ ясному сознанію своихъ врожденныхъ стремленій и ихъ относительнаго значенія для жизни.

4. Мы раздѣлили всѣ врожденныя стремленія человѣка на три рода: *органическія*, *душевныя* и *духовныя*. Теперь намъ уже легко оцѣнить

---

[1]) См. выше, гл. XL, п. 1—10.

ихъ относительное значеніе для жизни. Но такъ-какъ духовныя стремленія будутъ разсмотрѣны нами въ третьей части «Антропологіи», то здѣсь мы можемъ установить только относительное значеніе стремленій органическихъ и душевнаго стремленія къ дѣятельности. Душа, во всякомъ случаѣ, есть принципъ жизни въ организмѣ, или, другими словами, самая жизнь его, понимая подъ словомъ жизнь дѣятельность чувства и воли. Все назначеніе органическихъ процессовъ въ живомъ организмѣ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать возможною самую жизнь. Не очеловѣчивая природы и не придавая ей человѣческой идеи цѣли, мы указываемъ только на фактъ. Все стремленіе растительной природы ограничивается только *бытіемъ* организма, распространеніемъ и размноженіемъ этого бытія въ пространствѣ и индивидуальнымъ и поколѣннымъ продолженіемъ его во времени. Къ такому выводу пришло современное естествознаніе въ идеяхъ своихъ лучшихъ представителей [1]). Удовлетвореніе этого стремленія достигается въ растительномъ царствѣ безъ помощи жизни, безъ помощи чувства и произвольныхъ движеній, выражающихъ чувство. Того же самого могла бы достигнуть природа одною системою безсознательныхъ роковыхъ рефлексовъ и въ организмахъ животныхъ, какъ это доказываютъ намъ тѣ же естествоиспытатели и тѣ изъ психологовъ, которые, отвергая произволъ, считаютъ сознаніе и чувство только случайными, несущественными явленіями, безъ которыхъ органическая жизнь могла бы совершаться сама собою, только рефлектируя внѣшнія впечатлѣнія и отвѣчая на нихъ движеніями роковыми, безсознательными, несопровождаемыми чувствомъ [2]). Но такъ-какъ мы въ самихъ себѣ, кромѣ рефлексовъ, находимъ еще чувство и волю, то значитъ это явленіе природы должно быть признано явленіемъ самостоятельнымъ, которое можетъ имѣть значеніе для органической жизни, но не необходимо для нея. такъ-что органическая жизнь продолжалась бы безъ сознанія и воли, Такое самостоятельное значеніе жизни, т. е. души, есть прямой результатъ современнаго естествознанія.

5. Признавъ же самостоятельность душевныхъ явленій въ отношеніи безсознательной природы, мы должны необходимо признать абсолютность этой самостоятельности въ отношеніи насъ самихъ. *Для насъ* вся природа имѣетъ значеніе настолько, насколько она даетъ намъ возможность жить. Какое же значеніе для человѣка можетъ имѣть природа внѣ его собственной души? Какое бы значеніе имѣло для насъ существованіе организмовъ и ихъ развитіе, если бы мы не могли ни чувствовать, ни желать? Для человѣка имѣютъ значеніе только психическія явленія; а всѣ остальныя—настолько, насколько они отражаются въ психическомъ мірѣ. Если мы предположимъ, что во вселенной нѣтъ существъ, что либо чувствующихъ и желающихъ, то какой интересъ будетъ имѣть для насъ вся вселенная? Она не будетъ имѣть для насъ ни смысла, ни значенія.

[1]) См. выше, гл. XXXVI.
[2]) См. выше, гл. XXXII.

6. Изъ этихъ простыхъ и для каждаго ясныхъ положеній вытекаетъ само собою, что для человѣка *бытіе* имѣетъ только относительное значеніе, какъ средство *жизни*, а слѣдовательно и всѣ стремленія, условливающія бытіе, являются только средствами для жизни, т. е. для удовлетворенія того душевнаго стремленія, которое мы назвали стремленіемъ къ дѣятельности и которое точно также можемъ назвать стремленіемъ къ жизни. Отсюда абсолютная для человѣка истина того простаго закона, что человѣкъ въ частности и человѣчество вообще не для того живутъ, чтобы существовать, а для того существуютъ, чтобы жить. Вотъ почему человѣкъ очень часто, потерявъ возможность жить, прекращаетъ свое существованіе. Каждый самоубійца, постыдно подымающій на себя руку, фактически доказываетъ намъ, какъ тяжело существовать человѣку, который потерялъ, или думаетъ, что потерялъ, возможность жить.

7. Теперь уже ясно, что органическія стремленія должны имѣть для насъ значеніе только по отношенію къ коренному стремленію души: къ ея стремленію къ жизни, т. е. къ дѣятельности сознательной и свободной. Для животнаго это отношеніе можетъ быть иное, потому что, будучи лишено самосознанія, оно не можетъ установить этого отношенія. Животное живетъ, какъ хочетъ природа: человѣкъ понимаетъ стремленія природы и можетъ противопоставить ея стремленіямъ свою собственную волю. Человѣкъ не только чувствуетъ въ себѣ стремленія природы къ бытію, но и понимаетъ, къ чему она стремится и всѣ ея стремленія имѣютъ для него значеніе настолько, насколько даютъ ему возможность удовлетворить *своему* стремленію—стремленію, вытекающему изъ него самого, т. е. изъ его души, стремленію къ жизни, или точнѣе, стремленію къ дѣятельности сознательной и свободной.

8. Такимъ образомъ самая простая здравая логика заставляетъ насъ подчинить стремленіе къ бытію стремленію къ жизни, а потому всѣ органическія стремленія—душевному стремленію къ дѣятельности сознательной и свободной — стремленію къ свободному, излюбленному труду. Всѣ наслажденія (за исключеніемъ духовныхъ) сопровождаютъ удовлетвореніе только органическихъ стремленій, а отсюда уже вытекаетъ сама собою необходимость подчинить производное стремленіе къ наслажденію коренному, существенному стремленію души: стремленію ея къ дѣятельности сознательной и свободной. Такимъ образомъ въ обширной системѣ стремленій къ счастью логически установляется порядокъ: всякое стремленіе удовлетворять своимъ стремленіямъ законно; но если мы хотимъ счастья, то должны удовлетворять низшимъ стремленіямъ настолько, насколько это сообразно со стремленіемъ центральнымъ, составляющимъ корень души человѣческой.

9. Всякая человѣческая свободная и сознательная дѣятельность конечно предполагаетъ *цѣль*. Достиженіе цѣли составляетъ, повидимому, самое существенное для человѣка; но это только обманчивая видимость. Сама по себѣ цѣль, какъ это мы уже видѣли, еще необходимѣе для человѣка,

чѣмъ ея достиженіе. Если вы хотите сдѣлать человѣка вполнѣ и глубоко несчастнымъ, то отнимите у него цѣль въ жизни и удовлетворяйте мгновенно всѣмъ его желаніямъ. Нужно ли еще доказывать существованіе этого замѣчательнаго психическаго факта? Вмѣсто всякаго доказательства мы сошлемся на собственное сознаніе всѣхъ тѣхъ, кому случалось внезапно потерять цѣль въ жизни или почувствовать, что у него нѣтъ цѣли,—что всѣ цѣли жизни, которыя казались ему таковыми, мелки, ничтожны и не стоятъ быть цѣлями жизни. Если такое душевное состояніе продолжается, то можно серьезно опасаться за человѣка. Цѣли жизни могутъ быть мелки, ничтожны; но если человѣкъ не замѣчаетъ ихъ ничтожности, не переросъ ихъ значенія, то они для него серьезныя цѣли: онъ преслѣдуетъ ихъ и живетъ. Но отымите у него эти цѣли и если онъ потеряетъ надежду отыскать другія—то будетъ *влачить свое существованіе*, а не жить, или подыметъ на себя руку. Этого рѣзкаго факта, знакомаго каждой человѣческой душѣ, достаточно, чтобы убѣдиться, что цѣль жизни составляетъ самое зерно ея, помимо того, достигается ли эта цѣль, или нѣтъ.

10. Но отчего же такъ важна цѣль въ жизни человѣка? Именно оттого, что она вызываетъ душу на дѣятельность, на дѣятельность сознательную и свободную, вызываетъ душу на трудъ. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія мы приходимъ къ тому же убѣжденію, что сознательный и свободный трудъ одинъ способенъ составить счастье человѣка, а наслажденія являются лишь сопровождающимъ явленіемъ. *Но трудъ потому и трудъ, что онъ труденъ* [1], *а потому и дорога къ счастію трудна*. Эта дорога, кромѣ того, какъ и всякая прямая дорога, *одна*; а потому человѣкъ безпрестанно съ нея сбивается и сбивается уже не на одинъ какой-нибудь путь, а на тысячи путей ложныхъ, ложныхъ потому, что они не ведутъ человѣка къ той цѣли, которой онъ хотѣлъ достигнуть: не ведутъ его къ счастью. Указать одну прямую истинную дорогу можно; но перечислить всѣ ложные пути, по которымъ бродятъ люди, то увлекаясь ими временно, то сбиваясь на нихъ окончательно,—нѣтъ никакой возможности. Этихъ ложныхъ путей, то отклоняющихъ человѣка отъ прямой дороги на время, то на всегда, столько же, сколько человѣческихъ жизней, и еще болѣе, ибо каждый человѣкъ въ теченіе своей жизни перепробуетъ не одинъ такой фальшивый путь. Вотъ почему напрасно бы кто-нибодь старался перечислить всѣ ложныя увлеченія человѣка отъ прямаго пути; но есть возможность, по главнымъ существеннымъ признакамъ этихъ отклоненій, раздѣлить ихъ на *два отдѣла*.

11. Иногда человѣкъ хитритъ съ трудомъ и старается обойти его трудность: отсюда возникаетъ *одинъ родъ* ложныхъ увлеченій и ложныхъ наклонностей. Иногда же человѣкъ ставитъ себѣ ложную цѣль въ жизни, такую цѣль, которая по своимъ качествамъ не способна быть

[1]) См. выше, гл. XXIV. пп. 11, 12.

цѣлью *человѣческой* жизни: отсюда возникаетъ *второй родъ* человѣческихъ уклоненій съ прямаго пути, ложныхъ человѣческихъ наклонностей и страстей. Разсмотримъ оба эти рода уклоненій воли съ прямаго пути.

12. Перваго рода уклоненія возникаютъ, какъ мы уже сказали, оттого, что человѣкъ хочетъ удовлетворить своему врожденному стремленію къ труду, избѣжавъ трудности труда, что конечно невозможно; ибо трудъ безъ трудностей уже не трудъ и не удовлетворитъ стремленій души къ труду. Отсюда возникаетъ стремленіе къ *привычкѣ*, къ *подражанію*, къ *перемѣнѣ впечатлѣній* и *мѣстъ* и наконецъ *стремленіе къ лѣни*, когда человѣкъ уже прямо отступаетъ отъ труда. Всѣ эти производныя фальшивыя стремленія, которымъ можно дать общее названіе *слабостей воли*, имѣютъ такое важное значеніе для воспитательной дѣятельности и такъ много сами отъ нея зависятъ, что мы разберемъ ихъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ, такъ-какъ у насъ есть уже всѣ необходимыя предварительныя свѣдѣнія, чтобы анализировать ихъ.

13. Но мы никакъ не можемъ сказать того же самого о тѣхъ наклонностяхъ и страстяхъ, о тѣхъ уклоненіяхъ человѣка съ прямаго пути, которыя возникаютъ не оттого, что человѣкъ ложными средствами хочетъ достигнуть истинной цѣли, но оттого, что самая цѣль, выбранная имъ — ложна, т. е. не можетъ быть цѣлью человѣческой жизни. Для того, чтобы разобрать эти уклоненія воли, которымъ въ отличіе отъ уклоненій перваго рода мы дадимъ названіе *заблужденій* воли, мы должны были бы прежде анализировать тѣ особенныя свойства, которыми отличается человѣческое стремленіе къ дѣятельности; тогда только мы могли бы оцѣнить, на сколько та или другая цѣль въ жизни можетъ вызвать душу человѣка на дѣятельность, соотвѣтствующую ея особеннымъ требованіямъ, чисто уже человѣческимъ. Это же мы можемъ сдѣлать только тогда, когда будемъ говорить объ особенностяхъ человѣческой души. Здѣсь же сдѣлаемъ только легкій намекъ на эти абнормальныя явленія, чтобы дать хотя какое-нибудь понятіе о томъ, что мы разумѣемъ подъ именемъ *заблужденій* человѣческой воли, въ отличіе отъ ея *слабостей*.

14. Предположимъ себѣ, что человѣкъ стремится къ власти для осуществленія какой-нибудь своей задушевной идеи. Власть нужна ему не по тому наслажденію, которое она доставляетъ, а только, какъ средство для выполненія его любимой идеи. Въ этомъ случаѣ человѣкъ будетъ идти по прямой дорогѣ, хотя достиженіе той или другой власти и будетъ доставлять ему наслажденіе, будетъ доставлять именно потому, что человѣкъ при этомъ удовлетворитъ своему органическому стремленію къ общественности или, другими словами, доставитъ себѣ наслажденіе самодовольства [1]). Но если человѣкъ, попробовавъ разъ наслажденій, доставляемыхъ удовлетвореніемъ этого органическаго стремленія къ об-

[1]) См. выше, гл. XXIII п. 14—16.

щественности, попробовавъ наслажденій почета, сопровождающаго власть, будетъ стремиться къ власти изъ желанія наслаждаться ею, хотя бы у него и не было никакой идеи, для которой ему нужна была бы эта власть, единственно изъ-за тѣхъ пріятныхъ ощущеній, которыя она доставляетъ—то это будетъ уже заблужденіе воли. Конечно и такое фальшивое стремленіе доставитъ человѣку трудъ и удовлетворитъ стремленію его души къ дѣятельности; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, какъ мы увидимъ далѣе, непремѣнно нарушитъ всю гармонію человѣческихъ стремленій, а главное сдѣлаетъ человѣка какъ-разъ противоположнымъ тому, чѣмъ онъ желалъ быть. Властолюбіе, вытекающее изъ идеи, люди уважаютъ, хотя часто и возстаютъ противъ него; но властолюбіе, вытекающее изъ стремленія наслаждаться почетомъ и всѣми атрибутами власти, люди презираютъ. Такимъ образомъ человѣкъ, идущій по этому пути, испытываетъ наслажденія самодовольства только потому, что самъ заблуждается, или потому, что вводитъ въ заблужденіе другихъ людей. Если люди поняли бы, для чего такой человѣкъ добивается власти, то стали бы глубоко презирать его въ душѣ и издѣваться надъ нимъ, хотя можетъ быть и гнули бы передъ нимъ шею, если онъ уже дѣйствительно обладаетъ властью. Если бы самъ такой властолюбецъ понялъ, какія чувства возбуждаетъ онъ въ душѣ гнущихся предъ нимъ людей, то его стремленіе удовлетворить своему самодовольству было бы совершенно неудовлетворено; напротивъ, онъ испыталъ бы какъ разъ противоположное чувство, т. е. мучительное чувство стыда [1]. Слѣдовательно все счастье подобнаго властолюбца основано на заблужденіи другихъ людей или его собственномъ. Кромѣ того, по свойственной одному человѣку прогрессивности въ своемъ стремленіи къ дѣятельности, такой властолюбецъ, думая удовлетворить своему стремленію, въ сущности не удовлетворилъ бы ему, потому что оно росло бы безпрестанно. Власть, удовлетворявшая его сегодня, не удовлетворяла бы его завтра, и онъ тѣмъ мучительнѣе чувствовалъ бы это неудовлетвореніе, чѣмъ болѣе привыкъ бы сосредоточивать свои наслажденія въ наслажденіяхъ властью. И единственное счастье, которое онъ получалъ бы при всемъ этомъ процессѣ, происходило бы все же отъ труда, предпринимаемаго имъ вновь и вновь для достиженія всякой новой ступени власти, а вовсе не отъ самой власти.

15. Сократъ, какъ мы видѣли уже, пришелъ къ тому выводу, что наслажденіе само по себѣ не можетъ быть цѣлью человѣческой жизни и не можетъ составить ея счастья, и что для того, чтобы быть счастливымъ, человѣкъ долженъ перемѣшивать наслажденія съ мудростью и притомъ отдавать всегда предпочтеніе мудрости. Но еслибы Сократъ, или, вѣрнѣе, Платонъ остался на почвѣ психологическихъ наблюденій и провелъ бы ихъ нѣсколько далѣе, то онъ увидалъ бы, что и къ самой мудрости человѣкъ можетъ относиться двояко: можетъ быть мудрымъ,

---

[1]) См. выше, гл. XXIII.

не наслаждаясь своею мудростью, и можетъ наслаждаться ею. Въ первомъ случаѣ онъ будетъ стоять на прямой дорогѣ, потому что будетъ весь увлеченъ своею душевною дѣятельностью и не будетъ при этомъ испытывать никакихъ наслажденій, а во второмъ попадетъ на ложный путь и не будетъ мудръ въ ту минуту, когда будетъ наслаждаться своею мудростью. Кромѣ того по односторонности, свойственной уже всему классическому міру, а также и германскимъ философскимъ системамъ, построеннымъ на системахъ классическаго міра, Платонъ слишкомъ обобщаетъ значеніе философской мудрости для человѣка. Не одно же занятіе философіею составляетъ истинную дѣятельность для человѣка!

ГЛАВА L.

Слабость воли и склонности, изъ нея происходящія.

1. Показавъ, что нормальная дорога душевной дѣятельности состоитъ въ сознательномъ и свободномъ трудѣ, мы указали въ предшествующей главѣ и на два рода уклоненій отъ этого нормальнаго пути. Уклоненія перваго рода мы назвали *слабостями* воли именно потому, что эти уклоненія происходятъ отъ слабости воли; уклоненія второго рода мы назвали *заблужденіями* воли, такъ-какъ они происходятъ уже отъ ложнаго выбора цѣли, которая тѣмъ не менѣе можетъ быть преслѣдуема иногда съ поразительною силою воли. Для анализа *слабостей* воли мы имѣемъ и теперь уже всѣ необходимыя данныя; но анализъ *заблужденій* воли требуетъ предварительнаго разсмотрѣнія цѣлей человѣческой жизни, что находится въ тѣснѣйшей связи съ особенностями человѣческой души. Истинною цѣлью должна быть признана та цѣль, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ душѣ человѣка, а потому мы можемъ отыскивать эту цѣль лишь тогда, когда изучимъ его душевныя особенности.

2. Всѣ слабости воли происходятъ въ объективномъ смыслѣ изъ одного источника: изъ той антиноміи въ самомъ понятіи дѣятельность, на которую мы указали выше [1]). Всякая дѣятельность состоитъ въ преодолѣніи препятствій. Человѣкъ по природѣ своей стремится къ дѣятельности и отвращается отъ препятствій. Къ преодолѣнію препятствій могутъ его побуждать только два мотива: или сильное желаніе (сильная воля, въ смыслѣ желанія) достичь той или другой цѣли, или та тоска, которая начинается въ душѣ при отсутствіи дѣятельности. Отсюда понятно, что если у человѣка нѣтъ какихъ нибудь сильныхъ опредѣленныхъ желаній, то, побуждаемый тоскою бездѣйствія, онъ старается, чѣмъ бы то ни было, *но по возможности съ меньшимъ трудомъ*, утолить этотъ голодъ души. Такимъ образомъ возникаетъ въ человѣкѣ стремленіе къ *легчайшей* дѣятельности, которое или выражается непосредственно такъ называемою *лѣностью*, или принимаетъ различныя формы: стремленія къ привычкѣ, къ подражанію, къ развлеченіямъ и новизнамъ.

---

[1]) См. выше, гл. XXIV, п. 10—15.

Склонность къ лѣни.

3. Лѣнь такъ рано проявляется въ человѣкѣ, что педагоги, которымъ чаще другихъ приходится бороться съ этимъ психическимъ явленіемъ, сложили даже извѣстную поговорку, что «лѣность родилась прежде человѣка» или, другими словами, что человѣкъ уже вноситъ съ собою въ сознательную жизнь стремленіе къ лѣни, какъ прирожденную склонность. Мнѣніе это о прирожденности лѣни раздѣляютъ нѣкоторые психологи и философы, хотя въ то же время признаютъ и прирожденность стремленій къ дѣятельности. Такъ Кантъ, въ одномъ мѣстѣ своей антропологіи, говоритъ о прирожденности лѣни, а въ другимъ о прирожденномъ стремленіи къ дѣятельности. Впрочемъ надо замѣтить, что Кантъ и примиряетъ это кажущееся противорѣчіе, признавая за душою стремленіе переходить изъ одного состоянія въ другое, и въ то же время называя это стремленіе «тяжелымъ» [1]). Однакоже это примиреніе Канта требуетъ разъясненія и мы, послѣ изложенія явленій воли, имѣемъ всѣ данныя, чтобы глубже вникнуть въ это кажущееся противорѣчіе, анализируя самыя общеизвѣстныя явленія.

4. Прежде всего замѣтимъ, что самый лѣнивый человѣкъ не ко всему лѣнивъ: онъ не лѣнится мечтать, слушать, вообще испытывать такія пріятныя ощущенія, которыя не стоятъ ему ни малѣйшаго труда. Напротивъ, лѣность именно и обнаруживается въ человѣкѣ стремленіемъ предаваться пріятнымъ или даже безразличнымъ для него ощущеніямъ, но не стоющимъ ему никакихъ усилій. Слѣдовательно, лѣность можно опредѣлить, какъ *отвращеніе человѣка отъ усилій*. Но конечно человѣкъ не имѣлъ бы причины отвращаться отъ усилій, еслибы они сопровождались пріятнымъ чувствомъ и еслибъ усиліе, само по себѣ, безъ отношенія къ той цѣли, которая можетъ имъ достигаться, не было бы всегда тягостно для человѣка, какъ мы это видѣли выше [2]). Что такое усиліе само въ себѣ, мы не знаемъ; но каждому изъ насъ очень хорошо знакомо то непріятное чувство усилія, которымъ сопровождается всякое наше *произвольное* дѣйствіе и которое выступаетъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ затруднительнѣе для насъ это дѣйствіе. Затруднительность же дѣйствія увеличивается по степени трудности извлеченія тѣхъ силъ, которыя мы должны взять изъ запаса физическихъ силъ тѣла и обратить на тотъ или другой произвольный актъ. Изъ этого уже мы видимъ, что лѣность возникаетъ въ сферѣ отношеній души къ дѣлу и есть явленіе *психофизическое*, для объясненія котораго мы должны припомнить тѣ противоположныя качества, которыя обыкновенно приписываются душѣ и тѣлу, и о которыхъ мы уже упоминали выше [3]).

5. Существенное качество матеріи есть *инерція*, а инерція есть

---

[1]) См. выше, гл. VIII, п. 20.

[2]) См. выше, гл. XXXIV.

[3]) Педагогич. Антр. Ч. I, гл. XXXVIII. п. 13.

свойство всякаго тѣла, по которому оно стремится оставаться всегда въ одномъ и томъ же состоянiи, будетъ ли то покой или движенiе. На этомъ *законѣ инерцiи*, какъ извѣстно, строится вся механика, принимающая, что тѣло, находящееся въ покоѣ, не можетъ само-собою перейти въ движенiе, а двинутое разъ въ одномъ направленiи — не можетъ само-собою ни остановиться, ни перемѣнить направленiя. «Эта настойчивость пребыванiя въ своихъ состоянiяхъ, какъ говоритъ Ридъ въ своихъ письмахъ къ Джемсу Грегори, есть такой существенный признакъ инерцiи, что мы не можемъ приложить этого слова къ тому, въ чемъ замѣтимъ отсутствiе этой настойчивости» [1]. Инерцiя собственно и есть именно эта настойчивость всякаго тѣла пребывать въ томъ состоянiи, въ которомъ оно находится.

7. *Совершенно противоположное свойство открываемъ мы въ душѣ:* она, наоборотъ, всегда стремится выйти изъ того состоянiя. въ которомъ находится, не потому, чтобы ее влекло новое состоянiе, котораго она еще не знаетъ, но потому, что ей тяжело пребывать въ одномъ и томъ же состоянiи. Это стремленiе души выходить изъ того состоянiя, въ которомъ она находится, стремленiе, неудовлетворенность котораго обнаруживается чувствами скуки и тоски, а удовлетворенiе только дѣятельностью, и составляетъ то, что мы назвали стремленiемъ души къ безпрестанной дѣятельности. Въ этомъ отношенiи инертная матерiя, стремящаяся всегда пребывать въ томъ состоянiи, въ которомъ она находится, и безпрерывно дѣятельная душа, непрерывно стремящаяся выйти изъ своего настоящаго состоянiя, составляютъ двѣ совершенныя противоположности. Но чтобы, принявъ это положенiе, не сдѣлать изъ него ошибочныхъ выводовъ, слѣдуетъ строго отличать понятiе *инерцiи* отъ понятiя *неподвижности* и понятiе *дѣятельности* отъ понятiя *движенiя*. Мы называемъ тѣло инертнымъ не только потому, что оно не можетъ само собою перейти изъ состоянiя покоя въ состоянiе движенiя, но и потому, что, будучи двинуто, оно не можетъ само собою перейти изъ состоянiя движенiя въ состоянiе покоя. Инерцiя на столько не есть неподвижность, что она сама является необходимымъ условiемъ всякаго движенiя: только инертное тѣло можетъ быть двинуто и можетъ быть остановлено въ своемъ движенiи; только инертное тѣло повинуется законамъ механики, основаннымъ на инерцiи. И наоборотъ, понятiе дѣятельности прямо противоположно понятiю инерцiи и выводимому изъ него понятiю движенiя. Это есть уже чисто психическое понятiе, только переносимое часто и на внѣшнiй для человѣка, матерiальный мiръ. Это уже не движенiе, а причина движенiй: та перемѣна состоянiй, которою движенiя или вызываются или останавливаются. Во внѣшнемъ для насъ мiрѣ мы такой причины не знаемъ, хотя предполагаемъ ее то въ томъ, то въ другомъ: внутри же себя мы такую причину испытываемъ и называемъ ее волею или вообще душою. На-

[1]) Reid's Work. v. I. p. 85.

блюденіе заставляетъ насъ признать за матеріей инерцію, матеріалъ движеній; а самонаблюденіе заставляетъ насъ признать за душою начало дѣятельности—стремленіе безпрестанно выходить изъ своихъ состояній.

7. Чувство *усилія* именно и показывается при этой встрѣчѣ *дѣятельной* души съ *инертной* матеріей, инертной, какъ въ своемъ покоѣ, такъ и въ своихъ движеніяхъ. Почему это *преодолѣніе* инерціи матеріи, само по себѣ, неприкрытое другими сопровождающими его явленіями, всегда *непріятно* душѣ [1]) — этого мы не знаемъ; но таковъ фактъ, который всякій изъ насъ испытываетъ въ самомъ себѣ. И чѣмъ сильнѣе сопротивленіе матеріи, или въ своемъ движеніи, или въ своемъ покоѣ, тѣмъ *тяжелѣе* для души преодолѣть это сопротивленіе. Но такъ-какъ въ то же самое время душа побуждается присущимъ ей стремленіемъ измѣнять свои состоянія, то для нея всегда пріятенъ такой исходъ, когда она, не преодолѣвая инерціи матеріи и предаваясь теченію ея движеній, вызванныхъ какими-нибудь другими причинами, можетъ измѣнять свои состоянія. Слѣдуя разнообразнымъ движеніямъ матеріи, не стоющимъ душѣ никакого усилія, душа открываетъ для себя возможность разомъ удовлетворить и своему стремленію къ перемѣнѣ своихъ состояній, и своему отвращенію отъ преодолѣванія инерціи матеріи. Въ этой возможности совершенно *пассивной* (вещной) дѣятельности коренится начало лѣни и всѣхъ ея видоизмѣненій.

8. Открывъ для себя возможность въ такой *пассивной* дѣятельности удовлетворять, безъ всякаго труда для себя, своему стремленію къ перемѣнѣ своихъ состояній, душа человѣка удовольствовалась бы ею, еслибы душѣ не было прирождено стремленіе къ прогрессу въ этой дѣятельности: еслибы душа человѣка, какъ душа животныхъ, могла вращаться спокойно въ кругу одной и той же дѣятельности. Но самое однообразіе движеній инертной матеріи болѣе или менѣе скоро надоѣдаетъ душѣ; повторяясь, движенія эти все болѣе и болѣе не удовлетворяютъ стремленію души выходить изъ знакомыхъ ей состояній. Вотъ почему *абсолютная* лѣнь совершенно не возможна для человѣка. Онъ не можетъ довольствоваться одними и тѣми же періодически возрождающимися ощущеніями, доставляемыми ему тѣломъ; но *ищетъ* возможности увеличить число и разнообразіе этихъ ощущеній — всячески распложаетъ и разнообразитъ простыя потребности тѣла. Однакоже онъ *долженъ* уже искать и слѣдовательно быть дѣятельнымъ: преодолѣвать непріятное чувство усилія. Вотъ почему человѣкъ такъ радъ, если кто нибудь другой, а не онъ самъ, позаботится о томъ, чтобы оразнообразить пассивную дѣятельность его души. Но къ счастію и это для человѣка не вполнѣ возможно. Это пассивное зависимое состояніе души отъ впечатлѣній, которыми она не располагаетъ, но которымъ она только поддается, противорѣчитъ ея врожденному стремленію къ свободѣ [2]) и

[1]) См. выше, гл. XXXVIII. п. 4 и 5.

[2]) См. выше, гл. XLVI.

есть все же однообразное состояніе несвободы: какъ только душа сознаетъ это однообразіе своего состоянія и свою собственную несвободу, такъ и старается изъ него выйти. Однакоже, по многимъ причинамъ, одинъ человѣкъ можетъ болѣе и долѣе, чѣмъ другой, уклоняться отъ преодолѣнія тягости усилія и можетъ долѣе растягивать періоды своей пассивной душевной дѣятельности. Причины эти очень разнообразны, и едва ли мы можемъ изложить ихъ всѣ. Однѣ изъ этихъ причинъ можно назвать болѣе *физическими*, другія—*психофизическими*, а третьи—*психическими*.

9. Физическія причины лѣни скрываются, безъ сомнѣнія, въ самомъ организмѣ, въ силѣ совершенія его процессовъ и ихъ направленія въ ту или другую сторону. Чѣмъ сильнѣе направлены процессы тѣла, наприм. къ росту и развитію организма, тѣмъ труднѣе для души извлекать оттуда силы изъ запаса силъ физическихъ и направлять ихъ на избранныя ею душевныя работы или на произвольныя движенія. Вотъ почему дѣти тучныя и сильно растущія очень часто оказываются лѣнивыми. Вотъ почему также всякій воспитатель, безъ сомнѣнія, замѣчалъ, что иногда прилежное дитя вдругъ становится лѣнивымъ и что это именно случается въ то время, когда, по неизвѣстной для физіологіи причинѣ, развитіе тѣла, вначалѣ замедлившееся, вдругъ идетъ опять быстрѣе. Въ эти періоды дѣтства, которые у нѣмцевъ носятъ даже особое названіе, дитя не только выказываетъ лѣность, которой прежде въ немъ не замѣчалось, но и наклонность къ шалостямъ, что одно другому не противорѣчитъ, ибо шалости эти происходятъ не отъ *стремленія* души къ дѣятельности, но отъ избытка выработываемыхъ силъ, которыя уже по самому требованію природы должны идти на развитіе мускуловъ, для чего необходимо ихъ движеніе. Это, если можно такъ выразиться, шалости рефлективныя, которыхъ требуетъ организмъ и которымъ всего лучше удовлетворяетъ правильная гимнастика. Замѣтивъ, что у дитяти начался такой періодъ физическаго развитія, не должно бросать занятій съ нимъ; но должно при своихъ требованіяхъ всегда принимать въ расчетъ и особенное, временное требованіе физической природы. Такое сильное и обширное совершеніе и направленіе органическихъ процессовъ не ограничивается часто однимъ періодомъ дѣтства; но продолжается и долѣе, остается иногда и на всю жизнь. Между людьми тучными болѣе встрѣчается людей, расположенныхъ къ лѣни, чѣмъ между худощавыми. Въ малообразованныхъ классахъ народа, гдѣ душа не создала себѣ обширной сферы дѣятельности, ожирѣніе человѣка идетъ почти всегда вмѣстѣ съ развитіемъ лѣности, такъ-что зажирѣть и сдѣлаться лѣнивымъ значитъ у крестьянъ и у купцовъ почти одно и тоже. Въ этихъ случаяхъ разбогатѣвшій крестьянинъ быстро толстѣетъ именно потому, что дѣятельность здороваго тѣла вдругъ прекратилась съ прекращеніемъ потребности работать, а силы, продолжающія обильно выработываться, за неимѣніемъ траты на умственную жизнь, идутъ на развитіе тѣла; а потомъ человѣку уже становится трудно извлекать эти

силы изъ разросшихся органическихъ процессовъ, и онъ становится лѣнивымъ.

10. Но если особенно сильное развитіе организма ведетъ за собою лѣнь, то и особенная слабость его можетъ повести къ тому же, если душа не завязала предварительно своихъ сильныхъ работъ. Дитя слабое, для здоровья котораго необходимы всѣ физическія силы, вырабатываемыя изъ пищи, можетъ также оказаться лѣнивымъ именно по своей физической слабости. Для такого дитяти труднѣе, чѣмъ для здороваго, отнимать у физическихъ процессовъ часть силъ для своихъ душевныхъ работъ. Тамъ обширность и сила органическихъ процессовъ, а здѣсь недостатокъ силъ для необходимыхъ процессовъ жизни вызываютъ одно и тоже явленіе. Конечно въ послѣднемъ случаѣ воспитатель еще болѣе, чѣмъ въ первомъ, долженъ съ большою осторожностью требовать душевной дѣятельности отъ ребенка и даже долженъ иногда совершенно прекращать эти требованія. Но при этомъ слѣдуетъ всегда опасаться, что ребенокъ, и поправившись, окажется уже привыкшимъ къ лѣни. Продолжительныя болѣзни часто имѣютъ своимъ результатомъ лѣность и капризы въ ребенкѣ. Вотъ почему съ больнымъ дитятею воспитатель долженъ быть очень остороженъ, чтобы не передать ни въ ту, ни въ другую сторону: не повредить ни физическому, ни душевному здоровью дитяти.

11. По тѣмъ же самымъ физическимъ причинамъ человѣкъ испытываетъ временное расположеніе къ лѣни всякій разъ послѣ сытнаго обѣда: во время переварки пищи человѣку становится труднѣе отвлекать органическія силы изъ этого физико-химическаго процесса. Вотъ почему сытный обѣдъ влечетъ человѣка къ неподвижности и сну. По окончаніи же переварки пищи, когда физическія силы уже готовы, дѣятельность становится для человѣка легкою. Отсюда понятно, почему чрезмѣрно обильное кормленіе дѣтей влечетъ за собою наклонность къ лѣни, а если слишкомъ растянутый желудокъ требуетъ потомъ и постоянно большаго количества пищи, то человѣкъ становится лѣнивымъ на всю жизнь. По этой-то причинѣ наше домашнее воспитаніе у достаточныхъ классовъ, помѣщиковъ и купцовъ, часто создавало положительныхъ лѣнтяевъ. Страшно подумать, что съѣдало въ день иное помѣщицье или купеческое дитя! Оно жевало и переваривало эту жвачку почти цѣлый день. Отсюда понятно, почему лѣность была весьма замѣтною и отличительною чертою нашего зажиточнаго класса. Но нигдѣ, можетъ быть, ѣда съ утра до вечера, такъ рельефно выставленная Гоголемъ, не шла въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Малороссіи. Не отсюда ли и еще сильнѣйшій оттѣнокъ лѣни у малороссовъ? Но въ этомъ отношеніи, конечно, имѣлъ вліяніе и болѣе теплый климатъ: особенно продолжительное и жаркое степное лѣто. Во время жара всякое произвольное движеніе для человѣка тяжелѣе, чѣмъ въ холодъ.

12. Къ *психофизическимъ* причинамъ лѣни слѣдуетъ отнести особенное обиліе и разнообразіе слѣдовъ пріятныхъ тѣлесныхъ ощущеній вся-

наго рода. Если въ дѣтствѣ человѣка ему доставляли въ обиліи разнообразныя тѣлесныя наслажденія, то самое разнообразіе слѣдовъ этихъ наслажденія дастъ уже ему возможность удовлетворять *въ нихъ* своей потребности душевной дѣятельности. Бенеке придаетъ особенную важность этому источнику лѣни и приписываетъ ему даже болѣе вліянія на порчу человѣка, чѣмъ можно приписать [1]). Но конечно, если первыя ассоціаціи представленій человѣка будутъ взяты главнымъ образомъ изъ міра чувственныхъ наслажденій, то онѣ могутъ сильно условить всю дальнѣйшую дѣятельность его души. Къ такимъ чувственнымъ наслажденіямъ Бенеке совершенно вѣрно относитъ не одно лакомство, но вообще всякую тѣлесную нѣгу и даже шалости, какъ удовлетвореніе тѣлесной потребности движеній. Если дитя слишкомъ сильно погрузится въ сферу тѣлесной жизни, если въ душѣ его завяжутся обширныя и сильныя ассоціаціи, содержаніе которыхъ взято изъ этой сферы, то тогда трудно пробудить въ немъ жажду жизни духовной. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что обжорство происходитъ не столько отъ обилія лакомствъ, сколько отъ рѣзкихъ перемѣнъ въ отношеніи пищи. Обжоры воспитываются скорѣе всего въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ голодомъ заставляютъ дѣтей постоянно думать о пищѣ, тогда-какъ дома родители пичкаютъ тѣхъ же дѣтей, чѣмъ попало. Семинаріи наши много грѣшили въ этомъ отношеніи.

13. *Психическія* причины лѣни должны уже заключаться въ самыхъ опытахъ дѣятельности, въ томъ или другомъ исходѣ этихъ опытовъ. Дитя отъ природы не имѣетъ душевной лѣни, что легко мы замѣтимъ, наблюдая, какъ оно любитъ не только дѣятельность *вообще*, что могло бы быть еще объяснено обиліемъ выработки физическихъ силъ, но какъ оно любитъ самостоятельность дѣятельности. Оно хочетъ все дѣлать *само*, и это стремленіе должно беречь въ немъ, какъ самое драгоцѣнное, жертвуя для него и приличіями, для которыхъ нерѣдко матери и няни подавляютъ первое проявленіе самостоятельной душевной дѣятельности, не зная конечно, какой вредъ приносятъ онѣ ребенку. Если дитя останавливать или наказывать за всѣ его порывы къ самостоятельной дѣятельности, то это значитъ прибавлять къ ней еще новую внѣшнюю трудность, кромѣ той, которую представляетъ уже самъ физическій организмъ; почему и понятно, что дитя можетъ наконецъ отступить передъ этою слишкомъ большою для него трудностью. Эта же внѣшняя причина душевной лѣни дѣйствуетъ и тогда, если наставникъ требуетъ отъ дитяти непосильныхъ трудовъ. Неудача попытокъ удовлетворить этому требованію, слишкомъ тяжелое и непріятное чувство, сопровождающее эти попытки, могутъ запугать дитя и оно станетъ смотрѣть лѣниво уже на всякій трудъ. Вотъ почему чрезмѣрно требовательное ученье, хотя бы оно даже давало въ началѣ блестящіе разультаты, скажется потомъ отвращеніемъ къ труду и наклонностью къ лѣни.

14. Та же наклонность къ лѣни развивается и отъ совершенно про-

[1]) Erziehung-und-Unterricht's Lehre.

тивоположной причины, а именно, если дитя безпрерывно занимають, забавляють и развлекають, такъ-что почти одна *пассивная* дѣятельность наполняетъ жизнь его души и удовлетворяетъ ея требованіямъ дѣятельности. При этомъ, правда, воспитывается жажда дѣятельности, и дитя скучаетъ, если ничто его не развлекаетъ; но не развивается смѣлость и увѣренность, необходимыя для того, чтобы преодолѣвать трудности самостоятельной душевной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи грѣшитъ и великосвѣтская жизнь дѣтей, и черезъ-чуръ заботливая, но не совсѣмъ разумная педагогика, подсовывающая дѣтямъ дѣятельность и не дающая имъ возможности самимъ отыскать ее. По этой причинѣ такъ-называемые дѣтскіе сады Фребеля, какъ бы ни раціональны были принятыя въ нихъ занятія и игры дѣтей, могутъ подѣйствовать вредно на ребенка, если онъ проводитъ въ нихъ большую часть своего дня. Какъ ни умно то занятіе или та игра, которымъ выучатъ дитя въ дѣтскомъ саду; но они уже потому дурны, что дитя не само имъ выучилось, и чѣмъ навязчивѣе дѣтскій садъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ онъ вреднѣе. Это не значитъ, что мы вообще вооружаемся противъ дѣтскихъ садовъ и противъ идей Фребеля; но значитъ только, что, при настоящемъ состояніи всего этого дѣла, мы рѣшительно не можемъ сказать, приносятъ ли дѣтскіе сады въ настоящее время больше вреда или пользы, и во всякомъ случаѣ думаемъ, что время пребыванія дѣтей въ садахъ должно быть значительно сокращено. Нельзя вести на поводкѣ волю ребенка, а надо дать ей просторъ самой рости и усиливаться. Если же дѣтей посылаютъ въ садъ, потому, что ихъ некуда дѣвать, то слѣдуетъ въ самыхъ садахъ давать дѣтямъ какъ можно болѣе свободнаго времени, въ которое предоставлять имъ дѣлать, что имъ угодно. Даже шумное общество дѣтей, если ребенокъ находится въ немъ съ утра до вечера, должно дѣйствовать вредно. Уединеніе по временамъ также необходимо ребенку, какъ и взрослому. Совершенно уединенныя и самостоятельныя попытки той или другой дѣтской дѣятельности, не вызываемой подражаніемъ другимъ дѣтямъ или наставникамъ, совершенно необходимы и чрезвычайно плодотворны, какъ бы ни казалась для взрослаго мелка эта дѣятельность. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣти болѣе всего учатся, подражая; но ошибочно было бы думать, что изъ подражанія сама собою выростетъ самостоятельная дѣятельность. Подражаніе даетъ много матерьяла для самостоятельной дѣятельности; но если бы не было самостоятельной дѣятельности, независимой отъ подражанія, то нечему было бы и подражать. Самостоятельная дѣятельность не появляется потомъ, съ возрастомъ; но зерно ея коренится въ свободной волѣ человѣка, рождающейся вмѣстѣ съ душою, и этому зерну должно дать и время, и сферу для развитія. Вотъ почему воспитатель по временамъ долженъ отступать отъ ребенка и совершенно предоставлять его самому себѣ. Зерно самостоятельности скрывается глубже въ душѣ дитяти, чѣмъ можетъ проникнуть туда воспитаніе, и самыя попытки туда проникнуть могутъ только помѣшать развитію зерна. Воспитаніе можетъ много, но не все.

Склонность къ привычкѣ.

15. Стремленіе къ привычкѣ есть только особенная форма стремленія къ легчайшей дѣятельности, что объясняется самымъ свойствомъ привычки. Направленіе физическихъ силъ на ту или другую работу, задаваемую душою, дѣлается для человѣка тѣмъ легче, чѣмъ чаще эта работа повторяется. Физіологической причины этого явленія, какъ и вообще физіологической причины привычки, мы не знаемъ; но тѣмъ не менѣе само явленіе есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Душа, давая направленіе физическимъ силамъ на ту или другую избранную ею работу, пріучаетъ организмъ мало по малу все легче и легче выдѣлять и направлять свои силы для этой новой для него функціи, уже не природной, а созданной душою, такъ-что впослѣдствіи времени физическія силы уже почти сами собою выдѣляются для отправленія той или другой психофизической работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиліе, которое долженъ былъ употреблять человѣкъ для вызова физическихъ силъ на ту или другую произвольную работу души, становится все слабѣе и преодолѣвается душою все легче и незамѣтнѣе. Отсюда выходитъ не только *привычка*, но и объясняется *склонность человѣка* къ привычкѣ.

16. Мы видѣли уже въ первой части все громадное значеніе привычки въ жизни человѣка и въ его такъ-называемомъ развитіи [1]). Здѣсь же достаточно сказать, что если бы привычка не облегчала усилій души въ передвиженіи и направленіи физическихъ силъ тѣла и еслибы всегда, и при всякомъ повтореніи дѣйствія, человѣкъ долженъ былъ, какъ и въ первый разъ, преодолѣвать тѣ же трудности усилій, то всякіе, даже сколько-нибудь сложные, произвольные психофизическіе процессы, какъ напр., процессъ ходьбы, рѣчи и т. п., были бы невозможны. Человѣкъ именно потому и выучивается этимъ сложнымъ, произвольнымъ актамъ, что его нервный организмъ обладаетъ способностью привычки. Приводя въ исполненіе какой-нибудь сложный выученный психофизическій актъ, душа, такъ сказать, только пускаетъ въ ходъ сложную *машину*, уже выстроенную прежде многочисленными привычками. Наше сравненіе привычекъ съ машиною не случайно. Въ экономіи человѣческаго организма привычка играетъ какъ разъ ту же роль, какую машина играетъ въ хозяйствѣ. Ни привычка, ни машина сами собою не придутъ въ дѣйствіе. Но они сохраняютъ, экономизируютъ человѣческую силу. Та же самая степень усилія, которая нужна человѣку, чтобы пустить въ ходъ паровозъ и управлять его движеніями, была бы не достаточна, чтобы перенести за версту пяти-пудовой камень: та же самая степень усилія, которая нужна теперь человѣку, чтобы произнести длинную рѣчь, не достаточна была бы для того, чтобы произнести два-три слова, если бы человѣкъ долженъ былъ повторять съ одинаковой трудностью всѣ тѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ для произношенія первыхъ звуковъ. Какъ

[1]) Педаг. Антр. Ч. I. Гл. XIII. пп. 8—13.

безсиленъ былъ бы человѣкъ въ экономическомъ мірѣ, не имѣя другихъ орудій, кромѣ рукъ своихъ, такъ былъ бы онъ безсиленъ и въ психофизическомъ мірѣ, если бы не обладалъ способностью привычки. Какъ машины даютъ человѣку возможность, при одинаковомъ количествѣ употребленныхъ имъ усилій, достигать громадныхъ результатовъ, такъ привычка даетъ человѣку возможность необозримо обширной психофизической дѣятельности при одномъ и томъ же количествѣ душевныхъ усилій. Пуская въ ходъ громадно-сложную машину рѣчи, человѣкъ уже не заботится о движеніи каждой ея пружины и каждаго колеса, а это даетъ ему возможность сосредоточить свое усиліе уже на смыслѣ, направленіи и цѣли рѣчи. Дитя, начинающее учиться читать, какъ бы ни были велики его усилія, не можетъ схватить смысла сколько-нибудь длинной рѣчи именно потому, что силы его поглощаются и разбиваются мелкими трудностями произнесенія каждой буквы и каждаго слова. Человѣкъ, читавшій много и на разныхъ языкахъ, часто не замѣчаетъ даже, на какомъ языкѣ онъ читаетъ, и если онъ углубленъ въ содержаніе книги, то не сразу дастъ отвѣтъ, на какомъ языкѣ она написана. Въ обоихъ случаяхъ степень усилія одинакова, но результатовъ нельзя и сравнивать.

17. Признавъ, что человѣкъ стремится въ одно и тоже время къ психической дѣятельности, по возможности легкой и по возможности обширной, мы поймемъ уже, почему онъ невольно склоняется къ дѣйствіямъ привычнымъ. Но если человѣкъ ищетъ въ привычкѣ не ступени для расширенія своей психофизической дѣятельности, а уклоненія отъ трудностей труда, то ложность этого направленія обнаруживается сама собою. Дѣйствіе повторяющееся становится дѣйствительно все легче и легче, но вмѣстѣ съ тѣмъ все менѣе и менѣе занимаетъ душу. Жизнь, вращающаяся въ привычкахъ, дѣлается рутинною и дѣятельность душевная съуживается все болѣе и болѣе. Въ этомъ отношеніи привычка напоминаетъ опять экономическій капиталъ, который можно употребить какъ для расширенія дѣятельности, такъ и для того, чтобы жить процентами съ него. Но эта блаженная жизнь капиталиста вовсе оказывается не блаженною, именно потому, что душа человѣка попадаетъ въ положеніе, совершенно противное ея природѣ, если должна не расширять свою дѣятельность, а постепенно съужать ее: привычное же дѣйствіе, чѣмъ чаще повторяется, тѣмъ менѣе даетъ пищи душѣ. Это значеніе привычки въ экономіи человѣческой жизни долженъ имѣть всегда въ виду воспитатель. Онъ долженъ ясно сознавать, что на привычкахъ основывается возможность постепеннаго расширенія дѣятельности человѣка; но что самое это постепенное расширеніе дѣятельности есть цѣль соотвѣтствующая природѣ души человѣческой, а привычки являются только средствомъ къ постоянному достиженію этой цѣли. Вотъ почему, давая человѣку массу привычекъ, воспитатель долженъ заботиться, чтобы самъ человѣкъ не погрязъ въ этой массѣ и чтобы, переставъ употреблять машину, для чего она назначена, самъ не сдѣлался машиною. Современ-

ное воспитаніе дѣлаетъ въ этомъ отношеніи много большихъ и малыхъ промаховъ и часто, пріучая человѣка довольствоваться дѣйствіями привычными, мало по малу пріучаетъ его къ душевной лѣни.

Склонность къ подражанію.

18. Подражаніе, какъ и привычка, основывается на необъяснимомъ физіологическомъ явленіи невольной нервной подражательности, о которой мы упоминали выше [1]). Сильныя движенія и сильныя выраженія чувствованій *невольно* вызываютъ подражаніе въ тѣхъ, кто ихъ видитъ. Нѣкоторыя породы животныхъ и дѣти поражаютъ своею подражательностью, въ которой однако не все невольно. Слабонервные люди, въ особенности женщины, не могутъ видѣть и слышать энергическаго выраженія чувствованій, чтобы не отражать ихъ, какъ въ зеркалѣ, на своемъ лицѣ и въ своихъ движеніяхъ. У людей съ сильными нервами подражательность не выражается такъ рѣзко; но все же и у нихъ можно замѣтить слѣды ея въ длинный періодъ. Мы невольно усвоиваемъ манеры людей, съ которыми живемъ, и они также усвоиваютъ наши, сами того не сознавая. Замѣчаютъ, что почерки мужа и жены мало-по-малу дѣлаются сходными. Но здѣсь намъ слѣдуетъ говорить не о самой нервной подражательности, а о той *склонности*, которую выказываетъ человѣкъ къ дѣятельности подражательной. Склонность эта вытекаетъ изъ того же душевнаго источника, какъ и склонность къ привычкѣ, а именно изъ стремленія души къ *легчайшей* дѣятельности: *подражая*, человѣкъ находитъ возможность удовлетворять своему душевному стремленію къ дѣятельности, не трудясь самъ отыскивать или изобрѣтать эти средства. Этимъ легко объясняется сильная подражательность дѣтей: дитя, по малому развитію своего ума и вообще бѣдному содержанію своей души, имѣетъ мало возможности самостоятельно открыть сферу для своей душевной дѣятельности. Вотъ почему оно такъ охотно схватывается за дѣятельность подражательную. Вотъ почему также и въ зрѣломъ возрастѣ подражательность въ особенности сильна у тѣхъ людей, душевное содержаніе которыхъ такъ бѣдно, что не можетъ удовлетворять ихъ собственной душевной потребности къ дѣятельности. Отсюда проистекаетъ свирѣпство модъ въ классахъ, лишенныхъ необходимости трудиться и не съумѣвшихъ отыскать себѣ самостоятельнаго труда.

19. Подражаніе легко переходитъ въ самостоятельную дѣятельность и этимъ способомъ передается и увеличивается запасъ человѣческихъ свѣдѣній и приспособленій къ условіямъ жизни. Но есть характеры, которые всю жизнь свою только обезъянничаютъ, находя въ подражаніи легкое удовлетвореніе душевнаго стремленія къ дѣятельности. Чѣмъ же сильнѣе душа, тѣмъ скорѣе надоѣдаетъ ей дѣятельность рутинная, привычная, и дѣятельность подражательная, тѣмъ ранѣе и яснѣе вызы-

[1]) См. выше, гл. XIV п. 13.

нается въ ней стремленіе къ оригинальности, т. е. къ такому душевному труду, который вполнѣ принадлежалъ бы душѣ и удовлетворялъ ея сильной потребности дѣятельности. *Оригинальность* не слѣдуетъ смѣшивать съ *оригинальничаньемъ*. Оригинальность есть естественный плодъ сильной души, содержаніе которой сложилось самостоятельными душевными работами, и потому оно высказывается само собою, такъ-что человѣкъ оригиналенъ, вовсе не желая быть оригинальнымъ. Оригинальничанье же наоборотъ есть плодъ пустѣйшаго тщеславія. Подражаніе можетъ быть инстинктивное, или симпатическое, и сознательное, когда человѣкъ подражаетъ съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ достоинства того, чему онъ подражаетъ, или наконецъ, изъ любви къ тому, кому подражаетъ. Чѣмъ болѣе осмысленно подражаніе, тѣмъ ближе оно къ переходу въ самостоятельную дѣятельность; изъ одного же подражанія самостоятельной дѣятельности не выйдетъ, и хорошее значеніе подражанія состоитъ лишь въ томъ, что оно даетъ матерьялъ для самостоятельной дѣятельности.

20. Въ склонности души къ привычкѣ и подражанію воспитаніе находитъ сильнѣйшее средство для воздѣйствія на воспитанника: вся сила примѣра основывается на нихъ. Но близоруко то воспитаніе, которое ограничивается только этими средствами, не содѣйствуя, а можетъ быть даже и мѣшая образованію самостоятельной дѣятельности, хотя бы, напр., тѣмъ, что поглощаетъ все время дитяти на дѣйствія подражательныя или привычныя, не оставляя ему ни времени, ни сферы для самостоятельной жизни.

Склонность къ развлеченіямъ.

21. Склонность къ развлеченіямъ есть собственно стремленіе души къ *пассивной* дѣятельности, къ дѣятельности, не сопровождаемой трудностію труда. Это стремленіе болѣе или менѣе свойственно каждому человѣку; но тогда-какъ у однихъ оно играетъ весьма незначительную роль, у другихъ оно составляетъ самую выдающуюся черту характера и опредѣляетъ все направленіе ихъ жизни. Чѣмъ сильнѣе внутренняя самостоятельная работа въ душѣ человѣка, тѣмъ менѣе онъ ищетъ развлеченій. Если же человѣка съ дѣтства все забавляли и развлекали; если этими забавами и развлеченіями удаляли изъ души его томительное чувство скуки, а не самъ онъ побѣждалъ его самостоятельнымъ, излюбленнымъ трудомъ; если въ слѣдствіе этой или какой-либо другой причины въ душѣ его не завелось обширной, свободной и любимой работы, то онъ находитъ единственное средство удовлетворить своему душевному стремленію къ дѣятельности перемѣною впечатлѣній, которыя, равно какъ и ихъ разнообразіе, зависятъ не отъ самой души, а отъ внѣшняго для нея міра. Отсюда жадная склонность къ новостямъ, къ сплетнямъ, къ

развлеченіямъ всякаго рода, къ перемѣнамъ мѣстъ и т. п., словомъ, къ перемѣнѣ впечатлѣній.

22. *Любопытство* свойственно душѣ человѣка: это невольное стремленіе ея къ той сферѣ, гдѣ она думаетъ найти для себя дѣятельность. Но любопытство можетъ выработаться въ *любознательность* и можетъ остаться только любопытствомъ. «Любопытный отыскиваетъ рѣдкости, говоритъ Декартъ, только за тѣмъ, чтобы имъ удивляться, любознательный же за тѣмъ, чтобы узнать ихъ и перестать удивляться [1])». Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что сама *любознательность* начинается *любопытствомъ*. Сначала человѣкъ только любопытенъ; но когда въ душѣ его завяжется самостоятельная работа, а вслѣдствіе того и самостоятельные интересы, то онъ перестаетъ уже быть любопытнымъ ко всему безразлично, но только къ тому, что можетъ быть въ какой-либо связи съ его душевными интересами. Если же человѣкъ и въ зрѣломъ возрастѣ остается жадно любопытнымъ ко всему безразлично, то это вѣрный признакъ душевной пустоты. Дѣти вообще любопытны, хотя и въ разной степени, что зависитъ уже отъ причинъ изложенныхъ выше, и это конечно драгоцѣнное качество ихъ души. Но воспитатель долженъ съ одной стороны воспользоваться любопытствомъ дѣтей, чтобы передѣлать его въ любознательность, а съ другой не дать развиться пустому любопытству и опасной склонности — пассивною перемѣною впечатлѣній избѣгать необходимости самостоятельной душевной дѣятельности. Удовлетворять, *какъ слѣдуетъ*, любопытству дѣтей— одна изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ воспитанія.

23. Склонность къ развлеченіямъ всякаго рода вообще—только видоизмѣненная форма того же безцѣльнаго и безразличнаго любопытства, обратившагося въ склонность или даже страсть. Когда потребность душевной дѣятельности съ дѣтства развита у человѣка только дѣятельностью пассивною, то понятно, что онъ жадно ищетъ этой пассивной дѣятельности въ перемѣнѣ впечатлѣній, въ отысканіи все новыхъ и новыхъ. Но такъ-какъ эти новыя впечатлѣнія собственно ни на что не нужны такой душѣ, не имѣющей собственныхъ серьезныхъ интересовъ, такъ-какъ она не можетъ привязать этихъ новыхъ впечатлѣній къ своей собственной работѣ, то она и стремится или поскорѣе перемѣнить ихъ, или искусственно раздуть ихъ силу. Этимъ послѣднимъ стремленіемъ объясняется страсть, замѣчаемая у людей, ничѣмъ серьезно незанятыхъ раздувать значеніе каждаго новаго явленія, превозносить до небесъ новый посредственный талантъ, о которомъ завтра же забудутъ, выискивать скандалы всякаго рода и раздувать ихъ значеніе, или даже и придумывать. Пустившись по этой дорогѣ, человѣкъ доходитъ до невѣроятныхъ сплетенъ, какъ дамы того города, гдѣ дебютировалъ Чичиковъ. Если эта страсть замѣчается въ цѣломъ обществѣ, то это вѣрный признакъ, что это общество пустое, скучающее, неимѣющее серьез-

[1]) Descartes. Les passions, § 78.

ной дѣятельности. Характеръ любимыхъ общественныхъ развлеченій и степень склонности къ нимъ общества могутъ служить лучшею руководною нитью для того, чтобы раскрыть душевное состояніе общества. Печально состояніе и тѣхъ людей, и тѣхъ обществъ, которые живутъ только пассивною дѣятельностью развлеченій и отъ нихъ однихъ ждутъ наполненія своей душевной пустоты!

24. Склонность къ перемѣнамъ мѣста имѣетъ тотъ же источникъ и тотъ же исходъ. У человѣка съ завязавшеюся душевною работою— это есть стремленіе расширить сферу своей душевной дѣятельности; въ человѣкѣ же безъ такой душевной работы это только стремленіе выйти изъ одного мѣста, въ которомъ ему тяжело, и попробовать, не будетъ ли лучше въ другомъ. Но и въ другомъ оказывается та же тягость. Такой человѣкъ, хоть изъѣзди онъ весь міръ, будетъ повсюду носить съ собою свою мучительную душевную тоску, и этотъ дѣйствительный, а уже не мечтательный horror vacui будетъ гнать его изъ края въ край. Въ толпахъ путешественниковъ, скитающихся за-границами своихъ отечествъ, безпрестанно попадаются такія личности. Онѣ или отыскиваютъ диковинку за диковинкой, чтобы сдѣлать значительную мину передъ каждой (преимущественно англичане), или переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, кажется, за тѣмъ только, чтобы проклинать ихъ одно за другимъ (преимущественно русскіе). Люди эти бѣгаютъ отъ тоски, не замѣчая того, что возятъ ее съ собою въ пустотѣ души своей и въ своихъ полныхъ бумажникахъ. Для этихъ богатыхъ бѣдняковъ было бы великимъ счастьемъ, если бы они заѣхали наконецъ въ такую сторону, гдѣ не было бы комфортабельныхъ отелей и ничего нельзя было бы достать за деньги, а все слѣдовало бы добыть личнымъ трудомъ: тогда бы только разстались они съ своею мучительною спутницею.

Кажущееся стремленіе къ лѣни.

25. Отъ дѣйствительнаго стремленія къ лѣни слѣдуетъ отличать кажущееся стремленіе къ ней. Человѣкъ очень можетъ выказать замѣчательную лѣнь къ какой-нибудь дѣятельности именно потому, что душа его поглощена уже другою дѣятельностью, сфера которой, сравнительно съ тою, которую теперь ей предлагаютъ, гораздо обширнѣе. Такъ развитое дитя, именно потому, что оно уже хорошо развито и что у него завязались сильныя душевныя работы, можетъ оказаться лѣнивымъ къ скучнымъ и узкимъ начаткамъ какой-нибудь новой для него науки. Этимъ объясняется, почему многіе геніальные люди и великіе писатели были лѣнтяями въ гимназіяхъ и университетахъ; но конечно это только кажущаяся лѣнь.

26. Стремленія къ лѣни не должно также смѣшивать съ законнымъ стремленіемъ къ отдыху. Кантъ, перебравъ всѣ наслажденія и отвергнувъ ихъ всѣ, какъ заключающія въ себѣ противорѣчіе, останавливается на наслажденіи отдыха и называетъ его «высочайшимъ физическимъ

благомъ человѣка» [1]). Однако же благомъ отдыха назвать нельзя: благо въ самомъ трудѣ, а отдыхъ только законное, нормальное наслажденіе, вытекающее изъ этого блага. Отдыхъ дѣйствительно есть *физическое* наслажденіе, потому что душа уставать не можетъ; устаетъ же нервная система, на сколько она принимаетъ участіе въ психической дѣятельности, устаетъ потому, что силы ея истощаются и она требуетъ ихъ возобновленія. Это истощеніе силъ нервной системы отражается въ душѣ чувствомъ усталости, такъ-какъ душа употребляетъ все болѣе и болѣе усилій, чтобы извлекать запасныя силы изъ тѣла, уже истощеннаго и направлять ихъ въ ту или другую область нервной дѣятельности. Нормальное возобновленіе нервныхъ силъ изъ пищеваго запаса совершается, какъ мы это видѣли, только при остановкѣ дѣятельности тѣхъ нервовъ, силы которыхъ требуютъ возобновленія [2]). Вотъ почему, какъ бы ни были велики усилія души, время неизбѣжнаго отдыха наконецъ наступаетъ. Однако же можетъ случиться и такъ, что слишкомъ раздраженные нервы сами начинаютъ поглощать силы изъ пищеваго запаса и тогда начинается невольная нервная дѣятельность, сопровождаемая соотвѣтствующими ей психическими явленіями. Понятно, что такая дѣятельность можетъ уже продолжаться до совершеннаго истощенія тѣла. О вредѣ такой рефлективной невольной дѣятельности, вызываемой не душою, а мѣстнымъ раздраженіемъ нервной системы, мы уже говорили выше [3]).

Мы говорили также о томъ, что частое возобновленіе нервныхъ силъ можетъ совершаться и одною перемѣнною дѣятельности. Это и есть самая обыкновенная форма отдыха. Перемѣна физическаго труда на психическій и психическаго на физическій есть самая нормальная перемѣна; но, къ сожалѣнію, общественныя условія современной жизни слишкомъ удалили человѣка отъ этого нормальнаго и здороваго возобновленія силъ. На долю однихъ остается одинъ физическій трудъ; на долю другихъ— одинъ психическій. Такое же исключительное занятіе тѣмъ или другимъ трудомъ, хотя и возможно, но противно природѣ человѣка и, безъ сомнѣнія, оказываетъ свое дурное вліяніе какъ на его физическое, такъ и на его нравственное здоровье. Привычка впрочемъ можетъ сдѣлать многое въ этомъ отношеніи.

27. Но какъ бы ни мѣнялъ человѣкъ свой трудъ, какъ бы ни разнообразилъ его, все же подъ конецъ появляется потребность полнаго отдыха, или сна. Значеніе сна въ экономіи человѣческихъ силъ далеко еще не объяснено физіологіею. Психическое же самонаблюденіе показываетъ только, что физическая потребность сна испытывается душою въ то время, когда она чувствуетъ затрудненіе управлять психофизическими работами, давать *произвольное* направленіе мыслямъ, словамъ, тѣлес-

[1]) Kant's Antrop. § 86.

[2]) Пед. Антроп. ч. I. Гл. V. п. 2.

[3]) Тамъ же, гл. XI п. 4.

нымъ движеніямъ. Психически начало сна обнаруживается именно этимъ превращеніемъ власти души надъ психо-физическими работами. Сначала это прекращеніе происходитъ перерывами, что мы называемъ дремотою. Душа то какъ бы схватываетъ кормило управленія, то какъ бы роняетъ его: въ головѣ мелькаютъ мысли чисто рефлективныя, которыхъ человѣкъ не звалъ и не ждалъ; въ ряды словъ, произвольно составленныхъ, являются безсмысленныя слова, какъ бы подсунутыя рефлексами, въ движеніяхъ ясно выражается та же перерывчатость дѣйствія воли. Это невольно наводитъ на мысль, что сонъ, хотя короткій, неизбѣженъ потому, что во время его возобновляются тѣ неизвѣстные намъ центральные органы нервной системы, посредствомъ которыхъ душа наша обнаруживаетъ свою волю въ организмѣ. Работа чувства и сознанія, какъ одного изъ чувствъ, еще возможна и она дѣйствительно продолжается въ нашихъ грезахъ; но проявленіе другой способности души, проявленіе воли, уже не возможно потому, что ткани того передаточнаго органа, черезъ который проявляется дѣйствіе воли на организмъ, уже окончательно истощены. Чувство и сознаніе, какъ одно изъ чувствъ, имѣютъ для себя много органовъ, и тогда-какъ одни изъ нихъ устаютъ и прекращаютъ работу, другіе могутъ еще продолжать ее—и дѣйствительно продолжаютъ ее и въ грезахъ, и въ разсѣянности, и въ мечтахъ, столь близкихъ въ нашихъ грезахъ; но центральный мозговой органъ воли долженъ быть одинъ, такъ-какъ и воля можетъ быть только одна [1]). Вотъ почему при истощеніи этого органа сонъ наступаетъ неизбѣжно; ибо всѣ усилія души вызвать произвольное движеніе въ нервахъ оказываются безсильными. Вотъ почему произвольная дѣятельность какъ умственная, такъ и тѣлесная не могутъ идти далѣе положеннаго предѣла и требуютъ хотя игновеннаго перерыва, игновеннаго сна; но дѣятельность рефлективная, сопровождаемая сознаніемъ, можетъ идти безъ перерыва чрезвычайно долго, не оставляя человѣка даже и во снѣ. Отсюда грезы, отсюда продолжительная безсонница, при которой человѣкъ не управляетъ болѣе ни своими мыслями, ни своими движеніями, а между тѣмъ не спитъ. Границу между сномъ и бодрствованіемъ именно потому и трудно положить, что грезы уже обнаруживаютъ бодрственное состояніе, продолженіе невольной дѣятельности сознанія; дѣятельность же эта можетъ быть болѣе или менѣе обширна. Отсюда возможность такого полусоннаго состоянія, что человѣкъ не можетъ опредѣлить, спитъ онъ или нѣтъ.

28. Но если дѣятельность есть такая существенная потребность души, то откуда же происходитъ то сладостное чувство, которое мы испытываемъ, отдаваясь частному отдыху, перемѣняя дѣятельность или предаваясь дѣятельности невольной, какую представляетъ большая часть развлеченій, или, отдаваясь наконецъ полному отдыху, т. е. сну? Эта сладость происходитъ прямо отъ уменьшенія тягости, которую все бо-

[1]) См. выше, гл. XL п. 2.

лѣе и болѣе испытывала душа въ произвольномъ передвиженіи органическихъ силъ и въ произвольной переработкѣ ихъ изъ силъ запасныхъ въ силы живыя: изъ формы скрытыхъ химическихъ въ форму открытыхъ механическихъ [1]). Чисто душевное же наслажденіе опредѣляется здѣсь перспективой будущей дѣятельности, для которой необходимо это возобновленіе физическихъ силъ. Усталому человѣку сладко засыпать; но скажите ему, что онъ не проснется болѣе, и сладкое чувство обратится мгновенно въ самое ѣдкое. Кому не случалось, отдаваясь сладостному чувству засыпанія послѣ долгихъ трудовъ, наслаждаясь какимъ-то погруженіемъ въ море бозсознательной природы, гдѣ идетъ вѣчно и безпрестанно обновленіе ея силъ, вдругъ вздрагивать и просыпаться? Это случается тогда, когда человѣкъ въ эту минуту подумаетъ о собственномъ своемъ положеніи: такъ несвойственно душѣ отдаваться въ лоно безсознательной природы!

29. Отдыхъ, безъ сомнѣнія, есть самое законное и самое нормальное наслажденіе человѣка. Однако же, если человѣкъ, подмѣтивъ сладость отдыха, начнетъ гнаться именно за этою сладостью, то изъ этой гоньбы за наслажденіемъ отдыха, точно также, какъ изъ гоньбы за всякимъ другимъ наслажденіемъ, можетъ образоваться извращеніе нашей природы, а именно стремленіе къ лѣности. Отдыхъ—еще не покой: самый же покой лежитъ только въ трудѣ. Вотъ почему люди, работающіе всю жизнь для того, чтобы потомъ наслаждаться отдыхомъ, сильно ошибаются въ расчетѣ. Спросите у нихъ, когда они были счастливѣе: тогда ли когда трудились, чтобы имѣть возможность наслаждаться отдыхомъ, или тогда, когда наконецъ стали наслаждаться имъ?

ГЛАВА LI.

Заключеніе.

1. Припомнивъ въ самыхъ общихъ чертахъ длинный путь, пройденный нами, мы найдемъ, что взглядъ нашъ на душевную дѣятельность значительно упростился и опредѣлился, хотя, конечно, вопросъ — *что такое душа?*—остался по прежнему неразрѣшеннымъ и самое понятіе о душѣ по прежнему же осталось только равносильнымъ понятію матеріи, какъ его прямая и необходимая противоположность. Но самая эта противоположность двухъ различныхъ *гипотетичныхъ субстратовъ двухъ различныхъ сферъ явленій*, доступныхъ нашему сознанію, пріобрѣла для насъ еще большую очевидность съ помощію многочисленныхъ частныхъ анализовъ множества психофизическихъ явленій. Поверхностное сужденіе легко приводитъ или къ идеалистическому, или къ матерьялистическому взгляду на человѣка; но внимательное, безпристрастное на-

[1]) См. выше, гл. XXXI.

блюденіе самихъ психическихъ явленій вездѣ указываетъ на двойственность нашей природы, на два взаимодѣйствующія начала.

2. Кромѣ того мы можемъ уже теперь сказать съ увѣренностью, что не сознаніе составляетъ сущность души, а врожденное ей стремленіе къ дѣятельности, къ жизни, для котораго и самое сознаніе служитъ только однимъ изъ средствъ. Конечно, мы *знаемъ* только то, что доступно сознанію, ибо знаніе есть плодъ сравненія и различенія, т. е. дѣятельности сознанія. Но эта дѣятельность сознанія, обогативъ насъ познаніями, какъ о дѣятельностяхъ нашей души, такъ и о явленіяхъ внѣшней для насъ физической природы, привела насъ къ необходимой гипотезѣ стремленій, которыя предшествуютъ самой дѣятельности сознанія.

3. Мы нашли, что душа прежде всего есть существо стремящееся *жить*, тогда какъ организмъ есть только существо стремящееся *быть*. Это органическое стремленіе къ бытію отражается въ душѣ множествомъ врожденныхъ намъ органическихъ стремленій, но не составляетъ сущности души и не абсолютно обязательно для души *человѣческой*, которая можетъ отвергнуть и подавить эти органическія стремленія, если они противорѣчатъ ея собственному стремленію къ жизни.

4. Тройственное дѣленіе психическихъ явленій можетъ быть для насъ теперь сокращено въ двойственное; а именно вмѣсто *сознанія*, *чувствованія* и *воли*, мы можемъ признать только *чувство* и *волю*. Сознаніе есть теперь для насъ только одно изъ чувствъ, а именно душевно-умственное чувство различія и сходства, посредствомъ котораго совершается весь умственный процессъ.

5. Мы нашли очевидное указаніе, что душа наша существуетъ и внѣ процесса сознанія, существуетъ прежде, чѣмъ этотъ процессъ въ ней начинается, и въ тѣ промежутки времени, когда этотъ процессъ въ ней на время прекращается. Мы нашли, что сознаніе часто находитъ въ душѣ уже готовыя явленія, формировка которыхъ совершилась внѣ его, что оно ослабѣваетъ именно тогда, когда дѣйствуютъ другія чувства или когда дѣйствуетъ воля. Но тѣмъ не менѣе, сознаніе и теперь остается для насъ единственнымъ окномъ, черезъ которое мы можемъ заглянуть въ душевный міръ. Мы знаемъ только то, что различаемъ и сравниваемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что само различаемое и сравниваемое существуетъ прежде того, чѣмъ мы его стали сравнивать и различать. Если бы душа человѣка, подобно душѣ животныхъ, могла обращать свое сознаніе только на явленія внѣшняго міра, а не на собственную свою дѣятельность, то отъ этого мы не перестали бы страдать и наслаждаться, любить и ненавидѣть, бояться или сердиться; но только не различали бы всѣхъ этихъ различныхъ состояній нашей души и, слѣдовательно, ничего бы о нихъ не знали. Только сознаніе, направленное на внутренніе факты нашей жизни, даетъ намъ знаніе этихъ фактовъ, точно также какъ направленное на факты внѣшняго для насъ міра — оно даетъ намъ всю систему нашихъ знаній объ этомъ мірѣ. Эти два

ряда душевныхъ фактовъ безпрестанно соединяются между собою, и символомъ этого соединенія, какъ мы увидимъ далѣе, служитъ *слово*, или *рѣчь* человѣческая, которая прежде выражаетъ для насъ не внѣшній міръ, а чувствованія, возбуждаемыя въ насъ вліяніями внѣшняго міра. Еслибы мы не могли сравнивать и различать нашихъ чувствованій, то не имѣли бы и дара слова, не имѣли бы и свободной воли, потому что безсознательно подчинялись бы этимъ чувствованіямъ, выражая ихъ въ нашихъ дѣйствіяхъ, какъ это дѣлается у животныхъ.

6. Душа со своимъ кореннымъ стремленіемъ къ жизни является уже не безразличною въ отношеніи вліяній на нее внѣшняго міра, какимъ является сознаніе, взятое въ отдѣльности. Для сознанія все равно, что ни сознавать: для души же это не все равно. Все, что удовлетворяетъ ея стремленію къ жизни, дѣйствуетъ на нее иначе, чѣмъ то, что противорѣчитъ этому стремленію, мѣшаетъ ему, задерживаетъ его и это-то отношеніе души къ міру мы должны признать первичными психическими актами, появляющимися еще тогда, когда душа ихъ не сознаетъ, т. е. не различаетъ отъ другихъ актовъ. Мы должны признать эти внѣсознательныя душевныя явленія не потому, чтобы знали о нихъ что нибудь опредѣленное; но только потому, что сознаніе наше находитъ ихъ уже готовыми. Изъ этого уже видны возможныя границы психологіи: она можетъ признать *матерьялъ* сознанія существующимъ прежде *акта* сознанія; но на этомъ признаніи должна и остановиться. Всякая дальнѣйшая постройка была бы постройкою на гипотезѣ и слѣдовательно, противорѣчила бы основному требованію науки, которая *въ своихъ работахъ* вездѣ начинаетъ съ фактовъ и оканчиваетъ гипотезою, хотя въ догматическомъ изложеніи вынуждена часто начинать съ гипотезы.

7. Признавъ чувствованіе обнаруживаніемъ свойствъ души, мы должны признать и явленія воли такимъ же первоначальнымъ обнаруживаніемъ нашихъ душевныхъ свойствъ. Воля оказалась для насъ первичнымъ, неразлагаемымъ болѣе актомъ души, въ которомъ душа оказываетъ свою таинственную власть надъ тѣлеснымъ организмомъ. Объяснить этой власти мы не могли; но указали до очевидности ясно необходимость ея признанія. *Дѣятельная* душа оказалась въ многочисленныхъ анализахъ прямымъ антагонистомъ *инертной* матеріи, *самостоятельною* причиною движеній, т. е. такою причиною, дальнѣйшей причины которой мы не знаемъ. Въ систему міровыхъ движеній инертной матеріи, *ближайшую* причину которыхъ отыскиваютъ въ движеніяхъ солнечной массы, но дальнѣйшая причина которыхъ также не извѣстна, входитъ душа, какъ особая самостоятельная причина движенія,—или останавливающая, или измѣняющая въ сферѣ своей дѣятельности міровыя движенія, сообщаемыя организму или какъ физическому тѣлу, или въ пищевомъ процессѣ.

8. Душа, со своимъ стремленіемъ—безпрестанно выходить изъ своего настоящаго положенія, оказалась для насъ прямымъ антагонистомъ матеріи, безпрестанно стремящейся пребывать въ своемъ настоящемъ

положенія, будетъ ли то состояніе покоя, или состояніе движенія. Какъ объяснить этотъ фактъ? Какъ примирить этотъ дуализмъ, котораго не хочетъ признавать человѣческій разсудокъ, стремящійся всегда къ единству? Этого мы не знаемъ и, отказываясь отъ всякихъ *мечтаній* монизма, останавливаемся на *фактѣ* дуализма, потому что положительная наука не имѣетъ ни правъ, ни обязанностей идти далѣе факта. Фактъ показываетъ намъ душу, какъ особый принципъ движеній въ сферѣ движеній міровыхъ, и для того, чтобы идти далѣе этого факта, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

9. Со своимъ свойствомъ самостоятельной дѣятельности, противоположнымъ инерціи матеріи, душа сама не можетъ подчиняться движеніямъ, которыя могутъ быть объясняемы только съ помощію инерціи матеріи. Безъ инерціи, этого основного закона механики, мы не можемъ понять возможности движеній; а потому напрасны были бы всѣ попытки объяснять душевныя явленія механическими движеніями. Фактъ показываетъ намъ только, что душа мѣняетъ свои состоянія; онъ но не обнаруживаетъ въ ней никакихъ движеній, а напротивъ нѣчто прямо противоположное движенію, и это понятно: какъ бы мы ни воображали себѣ неизвѣстную намъ первую причину міровыхъ движеній, но если это *первая* причина, то сама она не можетъ подчиняться движенію,—иначе она не будетъ первою причиною. Какъ бы мы ни воображали себѣ первую причину движеній внѣшняго для насъ міра, но въ самихъ себѣ мы чувствуемъ присутствіе такой же первой причины и проявляемъ это чувство въ каждомъ нашемъ произвольномъ движеніи, на которое только рѣшаемся. Идти далѣе этого факта значитъ фантазировать. Фантазіи эти могутъ увлечь насъ и въ идеализмъ, и въ матеріализмъ; но и въ томъ, и другомъ случаѣ онѣ увлекутъ насъ въ міръ фантастическихъ построекъ, въ которомъ долго пребывала психологія и философія и изъ котораго онѣ обѣ теперь только стремятся выйти.

10. Мы не можемъ назвать подробнымъ того анализа душевныхъ стремленій, чувствованій, желаній и склонностей, который мы сдѣлали; мы не можемъ даже назвать его точнымъ и тщательнымъ , какимъ бы онъ долженъ быть, еслибы каждому изъ анализируемыхъ нами явленій мы посвятили болѣе времени и труда. Поле, которое мы должны были обозрѣть, было слишкомъ велико; а потому понятно, что мы многое обозрѣли только поверхностно. Но уже и изъ того, что мы узнали, для насъ довольно ясно высказалась *норма* душевной жизни.

11. Признавъ за основное и коренное стремленіе души ея стремленіе къ дѣятельности, безпрестанно расширяющейся, мы видѣли также, каковы должны быть работы души, чтобы это коренное стремленіе ея удовлетворялось, не уступая удовлетворенію стремленій частныхъ, существующихъ только при коренномъ и для него. Съ этимъ вмѣстѣ для насъ опредѣлилось понятіе *счастья* въ отличіе отъ понятія *наслажденія*. Мы нашли, что понятіе счастья вовсе не тождественно съ понятіемъ наслажденія и что счастье для существа, стремящагося къ

безпрерывной и безпрерывно расширяющейся дѣятельности, есть сама эта дѣятельность, безпрерывная и безпрерывно расширяющаяся. Страданія же и наслажденія оказываются при этомъ только побочными явленіями, усиливающимися тогда, когда дѣятельность ослабѣваетъ, и ослабѣвающими тогда, когда дѣятельность усиливается.

12. Большинство людей уклоняется болѣе или менѣе отъ этой прямой дороги счастья; весьма не многіе, идутъ по ней прямо, а еще менѣе тѣхъ, кто сознаетъ прямизну этого пути. Вотъ почему мы нисколько не удивимся, если для многихъ такое опредѣленіе счастья покажется и невѣрнымъ, и тяжелымъ, и слишкомъ суровымъ. Такимъ критикамъ нашего мнѣнія мы можемъ подать только одинъ совѣтъ: пусть они глубже вдумаются въ то, что они сами называютъ для самихъ себя счастьемъ, пусть, какъ можно живѣе, и съ перомъ въ рукахъ, вообразятъ они себя полными обладателями того счастья, къ которому стремятся—и мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что они найдутъ, что въ концѣ концовъ они называютъ счастьемъ тоже ничто иное, какъ душевную дѣятельность, безпрестанно расширяющуюся и расширенію которой они не видятъ предѣловъ. Чтобы помочь такому анализу, мы даемъ въ концѣ нашей книги, въ видѣ *приложенія*, нѣсколько примѣровъ различнаго рода пониманія счастья; но, безъ сомнѣнія, эти примѣры не исчерпываютъ всѣхъ разнообразнѣйшихъ представленій счастья; ибо у каждаго человѣка свое представленіе о счастьи именно потому, что у каждаго своя жизнь и своя жизненная дѣятельность, а самая эта дѣятельность и есть счастье.

13. Изъ внимательныхъ психическихъ анализовъ мы вывели, что трудъ свободный, излюбленный, задушевный, есть единственное доступное человѣку счастье, и что только на этомъ пути душа остается въ своемъ нормальномъ положеніи, не извращаясь и не увлекаясь частностями. Наслажденіе и страданіе — цвѣты и терніе жизни, но не сама жизнь; жизнь же есть процессъ дѣятельности, прогрессивной, свободной и вытекающей изъ самой души—дѣло, выполненіе котораго значитъ для насъ болѣе самой жизни, такъ что въ этомъ отношеніи психологія блистательно подтверждаетъ глубокія евангельскія слова, что, ища сберечь жизнь, мы ее губимъ, а тратя жизнь для дѣла, мы находимъ самую жизнь.

14. Глубоко мудръ совѣтъ Канта юношѣ: «люби трудъ и избѣгай удовольствій, не для того, чтобы отказаться отъ нихъ, но для того, чтобы сколько возможно имѣть ихъ всегда только въ перспективѣ» [1]). Эти слова вырвались какъ бы нечаянно изъ души человѣка, долго жившаго, упорно и зорко наблюдавшаго, какъ онъ жилъ самъ и какъ жили его окружающіе. Но Кантъ не имѣлъ передъ собой той обработки психическихъ фактовъ, которая даетъ намъ теперь возможность такъ видоизмѣнить тотъ же самый совѣтъ: «поймите неизбѣжный психическій законъ труда и жизни и, если хотите жить сообразно съ законами души,

---

[1]) Kant's Antrop. § 59.

если не хотите страдать отъ ихъ нарушенія, то имѣйте серьезную цѣль въ жизни, которой бы вы могли достигать свободнымъ трудомъ; если же вы удачно выберите трудъ и вложите въ него всю свою душу, то счастье само васъ отыщетъ» Изъ того же глубокаго чувства соотношенія между трудомъ, жизнью и счастьемъ вырвались и тѣ задушевныя слова Канта, когда этотъ упорный мыслитель, стоя уже у предѣла своей долгой и дѣятельной жизни, говоритъ: «Чѣмъ болѣе мы думали, чѣмъ болѣе дѣйствовали, тѣмъ болѣе жили. Самое же вѣрное средство утишать всѣ бѣдствія заключается въ мысли, которой можно ожидать отъ всякаго благоразумнаго человѣка—въ мысли, что жизнь вообще относительно сопровождающихъ ее удовольствій, зависящихъ отъ обстоятельствъ, не имѣетъ никакой цѣны и что вся стоимость жизни измѣряется тѣмъ употребленіемъ, которое мы изъ нея дѣлаемъ, и тѣмъ дѣломъ, которое мы себѣ предлагаемъ» [1]).

15. Но неужели трудъ, вѣчный трудъ есть высшая и послѣдняя задача жизни? Когда же человѣкъ *успокоится*, наконецъ, отъ этого вѣчнаго труда? Отчего же душа человѣческая жаждетъ *покоя?* Но въ самомъ ли дѣлѣ она его жаждетъ? То, что называется покоемъ для инертной матеріи, оказывается вовсе не покоемъ для души человѣческой, которая именно при отсутствіи дѣятельности лишается покоя. Это смѣшеніе понятія *покоя физическаго* и *покоя душевнаго* вводило часто въ заблужденіе даже замѣчательныхъ мыслителей. Такъ блаженный Августинъ, говоря, что въ языческомъ Римѣ были, между прочимъ, и храмы богини *дѣятельности*, богини возбужденія, лѣни, рѣшимости, зазамѣчаетъ, что храмъ *богу покоя* былъ за воротами Рима. «Не потому ли, говоритъ Августинъ, римляне поставили этотъ храмъ за воротами города, что были врагами покоя, или не потому ли, что поклонники этого стада боговъ не могутъ наслаждаться тѣмъ покоемъ, къ которому призываетъ насъ истинный врачъ, говоря: «научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ» (Еванг. отъ Матѳея. XI. 20). [2]) Но не трудно убѣдиться, что покой, къ которому Христосъ призывалъ своихъ послѣдователей, вовсе не значитъ бездѣятельность. Придти къ Христу и научиться отъ Него—не значило ли принять на себя дѣятельность самую энергическую, дѣятельность и душевную, и тѣлесную, пренебрегающую не только наслажденіями, но и величайшими страданіями, не только удовольствіями жизни, но и самою жизнью? Слѣдовательно, это *какой-то безгранично дѣятельный покой—невозможность въ мірѣ физическомъ и величайшая истина въ мірѣ психическомъ*, возможность которой мы всѣ понимаемъ и потребность которой всѣ мы чувствуемъ. Научиться покою у Христа — не значитъ ли научиться тому, какъ спокойна душа, вся отдавшаяся своему дѣлу, до того отдавшаяся, что она уже не замѣчаетъ наслажденій, не возмущается

[1]) Kant's Antrop. § 60.

[2]) La Cité de Dieu, de Saint Augustin (par Saisset) Г. IV. С. 16.

страданіями и, не думая о личномъ своемъ отношеніи къ дѣлу, не ощущаетъ и никакой гордости имъ, когда вся душа одна кротость, смиреніе и самое дѣло, когда вся она одно могучее *творческое* слово: «да будетъ!»

16. *Идея счастья, какъ мира, и идея покоя, какъ дѣятельности, къ которой увлекается душа любовью*, высказалась въ первый разъ въ христіанствѣ и высказалась при томъ болѣе на практикѣ, чѣмъ въ теоріи, въ которой, напротивъ, она часто искажалась. Мы беремъ здѣсь эту христіанскую идею, конечно, только въ ея формѣ, независимо отъ того спеціальнаго догматическаго содержанія, которое было вложено въ нее христіанскимъ ученіемъ; но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не назвать этой чисто психологической идеи, выведенной изъ глубокаго пониманія души человѣческой и ея законовъ, не можемъ не назвать христіанскою; иначе мы были бы пристрастны и несправедливы. Такого глубокаго пониманія души и ея кореннаго свойства мы не встрѣчаемъ нигдѣ: ни въ философско-религіозныхъ системахъ Востока, ни въ философскихъ системахъ классическаго до-христіанскаго Запада. Какое же право имѣемъ мы не назвать эту идею христіанскою? Для магометанина счастье представляется непрерывною цѣпью наслажденій; для поклонника Брамы— однимъ какимъ нибудь наслажденіемъ, тянущимся милліоны и милліоны лѣтъ; для послѣдователя Будды—совершеннымъ бездѣйствіемъ, полнѣйшимъ физическимъ покоемъ въ лонѣ Будды; для классическаго философа—или цѣпью умѣренныхъ, умно разсчитанныхъ наслажденій всякаго рода, или самонаслажденіемъ мудреца своею мудростью.

17. Это упоминаніе различныхъ религіозныхъ системъ въ *такой фактической* наукѣ, какою мы признаемъ психологію, можетъ дать поводъ къ недоразумѣнію, которое мы хотимъ предупредить, такъ-какъ въ третьемъ томѣ намъ еще чаще придется встрѣчаться съ религіозными міросозерцаніями. Нужно ли доказывать, что всякая фактическая наука,— а другой науки мы не знаемъ,—стоитъ внѣ всякой религіи, ибо опирается на факты, а не на вѣрованія, на извѣстности, а не на вѣроятности, на опредѣленныхъ знаніяхъ, а не на неопредѣленныхъ чувствованіяхъ? Нужно ли доказывать, что наука, которая бы опиралась, какъ на доказательства, уже не требующія доказательствъ, на слова Корана или законовъ Мену, точно также невозможна, какъ и такая наука, которая указывала бы свой ultimum argumentum въ Аристотелѣ или Платонѣ? Но изъ этого никакъ не выходитъ, чтобы науки психологическія, науки, имѣющія своимъ предметомъ жизнь души человѣческой, къ которымъ мы причисляемъ и всю обширную систему историческихъ наукъ, могли какъ бы не знать о существованіи религіозныхъ системъ. Можетъ ли исторія быть сколько нибудь исторіей, не излагая исторіи религій? Она въ такомъ случаѣ опустила бы громадную и самую важную нить событій и добровольно отказалась бы отъ объясненія происхожденія безчисленныхъ фактовъ жизни человѣчества.

18. Психологія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, находится

еще болѣе, чѣмъ исторія, въ тѣсномъ отношеніи къ религіознымъ системамъ. Она *не можетъ* не видѣть въ нихъ не только выраженій души человѣческой, но даже такихъ выраженій, въ которыхъ необходимо должна скрываться какая-нибудь психологическая истина; потому что иначе самое распространеніе той или другой религіозной системы было бы фактомъ необъяснимымъ. Если шаманство, фетишизмъ, браманизмъ, буддизмъ, магометанизмъ находили себѣ милліоны поклонниковъ, то безъ сомнѣнія потому, что удовлетворяли той или другой потребности души человѣка. Вотъ почему мы думаемъ, что тотъ оказалъ бы величайшую услугу наукѣ, кто изучилъ бы всѣ извѣстныя религіозныя системы, спеціально съ психологическою цѣлью, чтобы узнать, какою душевною потребностію можетъ быть объяснено распространеніе каждой изъ нихъ. Тогда бы для насъ уяснились и самыя потребности души человѣка, которыя, безъ сомнѣнія, въ сущности своей, не смотря на всѣ видоизмѣненія, всегда и вездѣ однѣ и тѣ же. Мы удивляемся суевѣріямъ шаманства; но можетъ быть, изучивъ ихъ ближе, мы нашли бы, что корень ихъ не чуждъ и нашей душѣ.

19. Кромѣ этого отношенія психологіи къ религіознымъ системамъ есть еще и другое. Всѣ религіозныя системы не только возникали изъ потребностей души человѣческой, но и были въ свою очередь своеобразными курсами психологіи; въ нихъ то формировался болѣе всего взглядъ человѣка на міръ душевныхъ явленій, такъ-что безъ помощи религіозныхъ системъ мы не можемъ объяснить себѣ общечеловѣческой психологіи, ея истинъ и ея заблужденій. Выходя изъ психическихъ потребностей, религія въ свою очередь распространяла то или другое психологическое воззрѣніе, и распространяла конечно обширнѣе и удачнѣе, чѣмъ можетъ распространяться какая бы то ни было кабинетная психологическая теорія. Великія психологическія истины, скрывающіяся въ Евангеліи, распространялись вмѣстѣ съ евангельскимъ ученіемъ и этимъ только *фактическая* наука можетъ объяснить то умягчающее, гуманизирующее вліяніе евангельскаго ученія, которое оно вносило съ собою повсюду. Какая книга въ мірѣ представляетъ болѣе глубокую психологію, болѣе вѣрное знаніе людей, и какая книга въ мірѣ болѣе читалась, слушалась, обдумывалась? Если же евангельская психологія болѣе или менѣе глубоко понятая, сдѣлалась общимъ достояніемъ всего христіанскаго міра, т. е. всего образованнаго европейскаго міра, то какимъ же образомъ психологъ можетъ не знать этой психологіи, можетъ обойти ее, ограничивъ свои познанія теоріями Гербарта, Бенеке или какого нибудь другаго кабинетнаго ученаго?

20. Идея счастья, какъ покоя, и идея покоя, какъ излюбленной свободной дѣятельности, принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ самымъ глубокимъ и вліятельнымъ идеямъ христіанской психологіи. Но эта идея такъ обширна и такъ противорѣчитъ ежеминутнымъ увлеченіямъ человѣка другими побочными и подчиненными стремленіями и его мимолетными отношеніями къ мимолетнымъ явленіямъ жизни, что неудивительно,

если идея эта постоянно обходилась, съ одной стороны, теологами, а съ другой, философами. Теологи, по большей части, рисуютъ счастье то въ той, то въ другой формѣ духовныхъ наслажденій, но во всякомъ случаѣ въ формѣ, противорѣчащей коренному требованію души, требованію свободной и самостоятельной дѣятельности. Философы же указываютъ счастье то въ мудрости, то въ умѣренности, то въ достоинствѣ, то въ свободѣ, то въ собраніи наслажденій всякаго рода. Высказываясь въ практической жизни христіанской Европы, въ жизни ея народовъ, и съ особенною яркостью въ жизни лучшихъ представителей ея цивилизаціи, эта идея какъ то не сознавалась психологическими теоріями и не сознавалась именно потому, что эти теоріи подводятъ факты подъ систему, а не выводятъ системы изъ фактовъ.

21. Однако же, принявъ, что свободная, излюбленная дѣятельность одна способна удовлетворить требованію души человѣческой и дать ей тотъ міръ, котораго она такъ жадно ищетъ, мы не знаемъ еще самаго содержанія этой дѣятельности. Анализируя психическія явленія, мы нашли въ основѣ ихъ стремленія; а анализируя самое проявленіе стремленій и ихъ взаимное отношеніе, мы нашли самое коренное изъ нихъ, вокругъ котораго группируются всѣ остальныя. Но чтобы узнать, *какова* та дѣятельность, къ которой стремится душа *человѣческая*, мы конечно должны изучить прежде особенности этой души, чѣмъ мы и займемся въ третьемъ томѣ нашей «Антропологіи».

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ТРУДЪ

въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи *).

Политико-экономическое значеніе труда вполнѣ уяснено наукою и труду давно уже отведено почетное мѣсто между природою и капиталомъ. Къ этому значенію труда, кидающемуся въ глаза повсюду, куда только ни поглядишь, мы не можемъ ничего прибавить. Намъ кажется только, что и въ экономическомъ отношеніи трудъ долженъ быть поставленъ во главѣ двухъ другихъ содѣятелей человѣческаго богатства, природы и капитала, а не рядомъ съ ними; ибо безъ труда природныя богатства и обиліе капиталовъ оказываютъ гибельное вліяніе не только на нравственное и умственное развитіе людей, но даже и на ихъ матерьяльное благосостояніе.

Природное богатство острововъ Индѣйскаго архипелага оставило человѣка нагимъ, дикимъ и безсильнымъ; драгоцѣнности обѣихъ Индій, не смотря на все богатство природныхъ качествъ испанца, убили могучіе зародыши испанской цивилизаціи: голландскіе же рыбаки, загнанные на пустынную отмель, отняли себѣ землю у морскихъ волнъ и положили начало европейскимъ капиталамъ.

Въ настоящее время мы видимъ еще болѣе заразительный примѣръ значенія труда въ жизни народовъ. Сравните сѣверные и южные штаты сѣверной Америки за сто лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время. Природа, капиталы, образованность населенія—все было на сторонѣ юж-

---

*) Статья эта была помѣщена мною въ Журналѣ Мин. Народ. Просв. 1860 г. въ № 7. Я позволяю себѣ перепечатать часть ея здѣсь, потому-что въ ней собрано довольно много примѣровъ тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя укоренили во мнѣ главную руководящую идею моего теперешняго труда. Въ антропологіи изложены психическія причины тѣхъ явленій, которыя въ этой статьѣ только описаны.

ныхъ штатовъ еще не задолго до войны за независимость: одинъ упорный, можно даже сказать, страстный трудъ англійскихъ изгнанниковъ составлялъ преимущество сѣверныхъ колоній. Привозъ негровъ освободилъ жителя южныхъ штатовъ и отъ послѣдней необходимости *личнаго* труда— и какіе результаты! Въ крошечномъ Родъ-Айландѣ сумма образованія вдвое болѣе, чѣмъ во всѣхъ невольничьихъ штатахъ, взятыхъ вмѣстѣ! Самое существованіе южнаго плантатора основано на нарушеніи коренного закона христіанства, и всякій новый шагъ цивилизаціи неудержимо приближаетъ его къ гибели. Онъ долженъ сдѣлаться защитникомъ торга людьми, безнравственности, дикости, невѣжества, бѣдности и одолѣть въ этой *нечеловѣческой* борьбѣ—или приняться вновь строить свою жизнь [1]. Какое страшное, отвратительное положеніе! Вотъ къ чему довели жителей южныхъ штатовъ ихъ богатая природа, большіе ненажитые личнымъ трудомъ капиталы и полуобразованность, пренебрегшая трудомъ.

Но ясно, что въ этихъ примѣрахъ отсутствіе личнаго труда дѣйствовало не тѣмъ, что уменьшало количество производимыхъ цѣнностей: открой Испанія рудники Калифорніи и Австраліи,—это только уронило бы ее еще глубже. Американскіе плантаторы еще богаты и защитники невольничества еще очень сильны [2]; но образованіе, нравственность, та жизненная энергія, которая горитъ въ грубомъ жилищѣ западнаго фермера, покинула уже навсегда роскошныя плантаціи южныхъ штатовъ, воздѣлываемыя руками негровъ. Недавно еще рыцарскіе нравы жителей Виргиніи обращали на себя вниманіе путешественниковъ; теперь они исчезли и замѣнились замѣчательною грубостью: соотечественникъ Вашингтона, вмѣсто слова, подымаетъ палку въ сенатѣ, хватается за подкупъ или ножъ тамъ, гдѣ нельзя доказать своего права. Къ такимъ дикимъ, варварскимъ поступкамъ приводитъ южнаго плантатора необходимость доказать право торговать людьми [3].

Но еще болѣе рѣзкій примѣръ того, что свободный трудъ нуженъ человѣку самъ по себѣ, для развитія и поддержанія въ немъ чувства человѣческаго достоинства, представляетъ намъ римская исторія.

Припомните характеръ римскаго гражданина въ тотъ періодъ, когда онъ изъ-за сохи переходилъ къ занятіямъ консула и диктатора, и сравните его съ характеромъ римскаго обжоры временъ Домиціана, когда цѣ-

---

[1]) Статья эта писана до начала послѣдней борьбы между южными и сѣверными штатами. Мы тогда и не предполагали, чтобы эта *нечеловѣческая* борьба, не имѣвшая себѣ примѣра какъ по своей громадности, такъ и по своей ожесточенности, была такъ близка; но мы были убѣждены, что она будетъ.

[2]) Сила защитниковъ невольничества, обнаружившаяся въ послѣдней войнѣ, превзошла даже всякія ожиданія.

[3]) Этотъ намекъ относится къ одному событію, въ Вашингтонскомъ сенатѣ; къ чему же прибѣгали южные плантаторы во время послѣдней войны, это вѣроятно извѣстно всѣмъ.

лый міръ присылалъ въ вѣчный городъ изысканнѣйшія произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ и когда всякое занятіе считалось предосудительнымъ не только для римскаго вельможи, но и для оборванца римской черни; когда тысячи рабовъ не только избавляли римлянина отъ необходимости что-нибудь дѣлать, но даже что нибудь думать; а толпы германскихъ наемниковъ снимали съ него обязанность самому защищать свое отечество. Нечего говорить уже о нравственномъ достоинствѣ римлянъ въ этомъ періодѣ: картины, набросанныя Тацитомъ, кажутся невѣроятными. Рабы, избавивъ римлянина отъ необходимости трудиться, сдѣлали его самого такимъ добровольнымъ рабомъ, какихъ ни послѣ, ни прежде не представляла исторія. Но этого мало: въ который изъ этихъ періодовъ былъ счастливѣе римлянинъ? Тогда-ли, когда онъ самъ пахалъ землю, а жена его ткала ему одежду, или когда онъ въ одинъ обѣдъ пожиралъ годовые доходы азіатскихъ царствъ, когда онъ безъ помощи другихъ даже не ѣлъ, не ходилъ и не думалъ? Изумительное, непостижимое для насъ равнодушіе къ жизни проглядываетъ, подобно какому нибудь адскому страшилищу, въ безчисленныхъ картинахъ самоубійства, изображаемыхъ Тацитомъ. Вся жизнь Рима послѣднихъ вѣковъ представляется одною мрачною оргіею, въ которой столько-же несчастія и душевныхъ неизлѣчимыхъ страданій, сколько разврата, рабства, ненажитого личнымъ трудомъ богатства и роскоши, не приносящей счастія. Почти можно выставить такую мысль: на сколько Римъ былъ богаче, на столько онъ былъ развратнѣе и несчастнѣе.

Но не показываетъ-ли намъ и современное положеніе общества, что увеличеніе массы богатства, не ведетъ еще за собою увеличенія массы счастья? Не видимъ-ли мы, напротивъ, на каждомъ шагу, что вліяніе богатства прямо дѣйствуетъ разрушительно не только на нравственность, но даже и на счастіе общества, *если общество своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ не приготовлено еще выдержать натиска приливающаго богатства?*

Дурную услугу оказалъ бы государству тотъ, кто нашелъ-бы средство отпускать ему ежедневно всю ту сумму денегъ, какая необходима его гражданамъ, отпускать для покупки за границею всего, что нужно для самой роскошной жизни.

Еслибы люди открыли философскій камень, то бѣда была-бы еще не велика: золото перестало-бы быть монетою. Но еслибы они нашли сказочный мѣшокъ, изъ котораго выскакиваетъ все, чего душа пожелаетъ, или изобрѣли машину, вполнѣ замѣняющую всякій трудъ человѣка, то самое развитіе человѣчества остановилось-бы: развратъ и дикость завладѣли-бы обществомъ.

Переходя отъ государствъ къ отдѣльнымъ сословіямъ, слѣдя за возникновеніемъ и паденіемъ ихъ, мы видимъ тоже самое: какъ только необходимость труда — будетъ-ли то наука, торговля, государственная служба, военная или гражданская — покидаетъ какое-нибудь сословіе, такъ оно и начинаетъ быстро терять силу, нравственность, а, наконецъ, и

и самое вліяніе; начинаетъ быстро вырождаться и уступаетъ свое мѣсто другому, въ среду котораго переходитъ вмѣстѣ съ трудомъ и энергія, и нравственность, и счастіе.

Примѣры частной жизни представляютъ намъ то-же самое: кто жилъ и наблюдалъ достаточно, чтобы имѣть возможность припомнить нѣсколько благосостояній, созданныхъ и разрушенныхъ на его памяти, тотъ, вѣроятно, не разъ задумывался надъ однимъ страннымъ, періодически-повторяющимся явленіемъ. Отецъ, человѣкъ, проложившій самъ себѣ дорогу, трудится, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ необходимости трудиться и, наконецъ, оставляетъ имъ обезпеченное состояніе. Что-же приноситъ это состояніе дѣтямъ? Оно весьма часто не только бываетъ причиною безнравственности въ дѣтяхъ, не только губитъ ихъ умственныя способности и физическія силы, но даже дѣлаетъ ихъ положительно несчастными; такъ-что если сравнить жизнь отца, тяжкимъ, упорнымъ трудомъ нажившаго состояніе, и жизнь дѣтей, проживающихъ его безъ всякаго труда, то мы увидимъ, что отецъ былъ несравненно счастливѣе дѣтей. А между-тѣмъ бѣднякъ трудился цѣлую жизнь, чтобы дѣтямъ его не нужно было трудиться—бился цѣлую жизнь, чтобъ разрушить ихъ нравственность, сократить ихъ существованіе и сдѣлать для нихъ счастіе невозможнымъ! О дѣльномъ воспитаніи онъ не заботился: къ чему оно? — были-бы деньги! Пусть-де воспитывается тотъ, у кого ихъ нѣтъ. И не подумалъ онъ, что трудъ а за нимъ и счастіе сами сыщутъ бѣдняка; а богачъ долженъ еще умѣть отыскать ихъ.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что трудъ, *исходя отъ* человѣка на природу, дѣйствуетъ обратно на человѣка не однимъ удовлетвореніемъ его потребностей и расширеніемъ ихъ круга, но собственною своею, внутреннею, ему одному присущею силою, независимо отъ тѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя онъ доставляетъ [1]). *Матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе*; *но только внутренняя*, *духовная*, *животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства*, *а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастія*. Это животворное вліяніе имѣетъ только личный трудъ на того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить; но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи: она остается у того, кто трудится. Недостатокъ-то этой незримой цѣнности, производимой трудомъ, а не недостатокъ бархата, шелку, хлѣба, машинъ, вина погубилъ Римъ, Испанію, губитъ Южные-Штаты, вырождаетъ сословія, лишаетъ нравственности и счастія многія тысячи людей.

Такое значеніе труда коренится въ его психической основѣ; но прежде

[1]) Это внутренняя психическая сила труда объяснена нами въ Антропологіи.

чѣмъ выразить психологическій законъ труда, мы должны еще сказать, что разумѣемъ подъ словомъ трудъ, потому что значеніе этого слова извратилось услужливыми толкованіями свѣта, облекающаго этимъ серьезнымъ, честнымъ и почетнымъ именемъ иногда вовсе не свѣтлыя, не серьезныя, не честныя и не почетныя дѣйствія.

Трудъ, какъ мы его понимаемъ, есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для достиженія той или другой истинно-человѣческой цѣли въ жизни [1]).

«Всякое опредѣленіе опасно», говорили римляне, и мы не признаемъ нашего неуклюжаго опредѣленія неуязвимымъ; но намъ хотѣлось отличить въ немъ разумный трудъ взрослаго человѣка, съ одной стороны, отъ работы животныхъ и работы негровъ изъ-подъ палки; а съ другой, отъ забавъ малыхъ и взрослыхъ дѣтей. Машина и животное работаютъ; работаетъ и негръ, боящійся только плети надсмотрщика и неожидающій для себя никакой пользы изъ своей работы: несвободный трудъ не только не возвышаетъ нравственно человѣка, но низводитъ его на степень животнаго. Трудъ только и можетъ быть свободнымъ, если человѣкъ самъ принимается за него по сознанію его необходимости; трудъ-же, вынужденный на пользу другому, разрушаетъ человѣческую личность того, кто трудится или, вѣрнѣе сказать, работаетъ. Не трудится и капиталистъ, придумывающій только какъ-бы прожить доходъ съ своего капитала. Купецъ, надувающій покупателя, чиновникъ набивающій карманъ чужими деньгами, шуллеръ, въ потѣ лица поддѣлывающій карты,—плутуютъ. Богачъ, сбивающійся съ ногъ, чтобы задать балъ на удивленіе, пересѣсть своего пріятеля, стащить соблазняющую его бирюльку—играетъ, но не трудится, и его дѣятельность, какъ-бы она тяжела для него нибыла, нельзя назвать трудомъ точно также, какъ и игру дѣтей въ куклы, въ бирюльки, въ солдатики. Скряга, работающій изъ всѣхъ силъ, чтобы набить свой сундукъ блестящими кружочками—безумствуетъ, но также не трудится. Есть и такіе господа, которые, не имѣя уже рѣшительно никакого дѣла въ жизни, придумываютъ себѣ занятіе ради душевнаго и тѣлеснаго моціона: точатъ, играютъ въ билліардъ или просто бѣгаютъ по улицамъ, чтобы доканать пышный завтракъ и возвратить аппетитъ къ обѣду; но такой трудъ имѣетъ тоже значеніе, какое имѣло рвотное за столомъ римскаго обжоры: возбуждая обманчивую охоту къ новымъ наслажденіямъ, оно помогаетъ разстроивать душевный и тѣлесный организмъ человѣка. Трудъ—не игра и не забава; онъ всегда серьезенъ и тяжелъ; только полное сознаніе необходимости достичь той или другой цѣли въ жизни можетъ заставить человѣка взять на себя ту

---

[1]) Понятно само собою, что мы въ отдѣльной статьѣ не могли выразить самой психической основы этого явленія.

тяжесть, которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго истиннаго труда.

Трудъ истинный и непремѣнно свободный, потому что другого труда нѣтъ и быть не можетъ, имѣетъ такое значеніе для жизни человѣка, что безъ него она теряетъ всю свою цѣну и все свое достоинство. Онъ составляетъ необходимое условіе не только для развитія человѣка, но даже и для поддержки въ немъ той степени достоинства, которой онъ уже достигъ. *Безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но долженъ идти назадъ.* Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требованіе такъ настоятельно, что если, почему-бы то ни было, у человѣка не окажется своего личнаго труда въ жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки, или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій. На той и на другой дорогѣ смерть овладѣваетъ человѣкомъ за-живо; потому-что трудъ, личный, свободный трудъ—и есть жизнь.

Что физическій трудъ необходимъ для развитія и поддержанія въ тѣлѣ человѣка физическихъ силъ, здоровья и физическихъ способностей, этого доказывать нѣтъ надобности. Но необходимость умственнаго труда для развитія силъ и здороваго, нормальнаго состоянія человѣческаго тѣла не всѣми сознается ясно. Многіе, напротивъ, думаютъ, что умственный трудъ вредно дѣйствуетъ на организмъ,—что совершенно несправедливо. Конечно чрезмѣрный умственный трудъ вреденъ; но и чрезмѣрный физическій трудъ также разрушительно дѣйствуетъ на организмъ. Однакоже можно доказать множествомъ примѣровъ, что бездѣйствіе душевныхъ способностей и при физическомъ трудѣ оказываетъ вредное вліяніе на тѣло человѣка. Это неоднократно было замѣчено на тѣхъ фабрикахъ, на которыхъ работники являются дополненіями машины, такъ-что занятіе ихъ не требуетъ почти никакого усилія мысли. Да это и не можетъ быть иначе, потому-что тѣлесный организмъ человѣка приспособленъ не только для тѣлесной, но и для духовной жизни. Всякій-же умственный трудъ, на-оборотъ, приводя въ дѣйствіе нервную систему, дѣйствуетъ благотворно на обращеніе крови и на пищевареніе. Люди, привыкшіе къ трудовой кабинетной жизни, чувствуютъ возбужденіе аппетита скорѣе послѣ умѣреннаго умственнаго труда, чѣмъ послѣ прогулки. Конечно, умственный трудъ не можетъ развить мускуловъ; но дѣятельность и особенная живость нервной системы замѣняетъ этотъ недостатокъ [1]). И если умственная дѣятельность не избавляетъ совр-

---

[1]) Это объясняется тѣмъ важнымъ и еще не вполнѣ раскрытымъ вліяніемъ, которое оказываетъ дѣятельность нервной системы на процессъ па-

шенно отъ необходимости движенія, то значительно уменьшаетъ эту необходимость. Человѣкъ безъ умственныхъ занятій гораздо сильнѣе чувствуетъ вредъ сидячей жизни. Это въ особенности замѣтно на тѣхъ ремесленникахъ, ремесла которыхъ, не требуя значительныхъ физическихъ усилій, требуютъ сидячей жизни и весьма мало умственной дѣятельности. Смотря на блѣдныя, восковыя лица портныхъ, невольно желаешь всеобщаго введенія швейной машины.

Сильное развитіе нервной системы умственнымъ трудомъ даетъ необыкновенную живучесть тѣлу человѣка. Между учеными въ особенности встрѣчается много людей, доживающихъ до глубокой старости, и люди, привыкшіе къ умственнымъ трудамъ, выносятъ перемѣну климатовъ, дурной воздухъ, недостатокъ пищи, отсутствіе движенія не хуже, а часто и лучше людей, у которыхъ сильно развиты мускулы, но слабо и вяло дѣйствуютъ нервы. Причины этого надобно искать въ томъ важномъ значеніи, которое имѣетъ нервная система въ жизни остальныхъ системъ человѣческаго организма, и въ томъ участіи, которое принимаетъ она во всѣхъ его отправленіяхъ.

Конечно, всего полезнѣе было-бы для здоровья человѣка, еслибы физическій и умственный трудъ соединялись въ его дѣятельности; но полное равновѣсіе между ними едва-ли необходимо. Человѣческая природа такъ гибка, что способна къ величайшему разнообразію образа жизни. Самый сильный перевѣсъ труда умственнаго надъ физическимъ, и наоборотъ, скоро переходитъ въ привычку и не вредитъ организму человѣка: только совершенныя крайности въ этомъ отношеніи являются гибельными.

Но если для тѣла небоходимъ личный трудъ; то для души онъ еще необходимѣе.

Кто не испыталъ живительнаго, освѣжающаго вліянія труда на чувства? Кто не испыталъ, какъ послѣ тяжелаго труда, долго поглащавшаго всѣ силы человѣка, и небо кажется свѣтлѣе, и солнце ярче, и люди добрѣе? Какъ ночные призраки отъ свѣжаго утренняго луча, бѣгутъ отъ свѣтлаго и спокойнаго лица труда — тоска, скука, капризы, прихоти, всѣ эти бичи людей праздныхъ и романическихъ героевъ, страдающихъ обыкновенно высокими страданіями людей, которымъ нечего дѣлать. Читая какой-нибудь великосвѣтскій романъ, гдѣ бѣдная героиня, эфирное и совершенно праздное существо, томится необъяснимой тоской, намъ всякій разъ кажется, что эта тоска исчезла-бы сама собою, еслибы героиня вынуждена была потрудиться. Романисты въ особенности любятъ такія праздныя существа именно потому, что здѣсь-то и выростаетъ весь тотъ бурьянъ страстей, прихотей, капризовъ, необъяснимыхъ страданій, въ которомъ такъ привольно блуждать туманному воображенію, невыносящему свѣта дѣйствительности.

Но человѣкъ скоро забываетъ, что труду былъ обязанъ минутами

танія и вообще на растительные процессы организма. Объ этомъ вліяніи мы говорили въ своемъ мѣстѣ.

высокихъ наслажденій и неохотно покидаетъ ихъ для новаго труда. Онъ какъ-будто не знаетъ неизмѣннаго психическаго закона, что наслажденія, если они не сопровождаются трудомъ, не только быстро теряютъ свою цѣну, но также быстро опустошаютъ сердце человѣка и отнимаютъ у него одно за однимъ всѣ его лучшія достоинства. Трудъ непріятенъ намъ, какъ узда, накинутая на наше сердце, стремящееся къ вѣчному, невозмутимому счастью; но безъ этой узды сердце, предоставленное необузданности своихъ стремленій, сбивается съ дороги и, если оно порывисто и возвышенно, быстро достигаетъ бездонной пропасти ничѣмъ неутолимой скуки и мрачной апатіи,—если-же оно мелко, то будетъ погружаться день за днемъ, тихо и незамѣтно, въ тину мелкихъ недостойныхъ человѣка хлопотъ и животныхъ инстинктовъ.

Этотъ неизмѣный законъ труда каждый легко можетъ испытать на самомъ себѣ въ той потребности мѣнять наслажденіе, которая оказывается весьма скоро послѣ того, какъ трудъ покидаетъ человѣка. Потребность этой мѣны доказываетъ уже, что человѣкъ не способенъ *только* наслаждаться. Но это палліативное средство—удерживать въ сердцѣ наслажденіе—само быстро теряетъ свою силу. Чѣмъ больше человѣкъ мѣняетъ наслажденія, тѣмъ кратковременнѣе каждое изъ нихъ приноситъ ему удовольствіе. Мѣна неудержимо дѣлается все быстрѣе и наконецъ превращается въ какой-то вихрь, быстро опустошающій сердце. Если-же человѣкъ по природѣ своей способенъ предаваться какому-нибудь *одному* наслажденію, то это наслажденіе дѣлаетъ его рабомъ своимъ и *мало-помалу* низводитъ на крайнюю ступень человѣческаго *униженія. Напрасно* человѣкъ старается ввести нѣкоторый порядокъ и мѣру въ свои наслажденія; не смотря на этотъ порядокъ, они быстро теряютъ свою цѣну и настойчиво требуютъ перемѣны, или одно изъ нихъ требуетъ усиленія и, не останавливаясь на одной ступени, увлекаетъ за собой человѣка въ бездну душевной и тѣлесной гибели. Такъ, напримѣръ, дѣйствуетъ привычка къ вину, къ опіуму, къ разврату, къ пустой свѣтской жизни, къ картамъ и проч. Человѣкъ неудержимо увлекается этимъ вихремъ, пока онъ не выброситъ изъ сердца его послѣдней человѣческой идеи и послѣдняго человѣческаго чувства.

Этотъ психическій законъ, по которому наслажденія должны уравновѣшиваться трудомъ, прилагается къ наслажденіямъ всякаго рода, какъ бы они возвышенны и благородны не были. Возьмемъ, напримѣръ, наслажденіе искусствомъ: полнота и постоянство этого благороднаго наслажденія покупается также трудомъ. Только художникъ, посвятившій всю жизнь свою художническому труду, можетъ вполнѣ, постоянно и безопасно наслаждаться произведеніями художества. Но если онъ броситъ трудъ, если перестанетъ изучать законы художественнаго творчества, а станетъ только любоваться, то наслажденіе быстро начнетъ утрачивать для него свою силу и, наконецъ, совершенно исчезнетъ. Дѣлаясь развлеченіемъ отъ скуки, наслажденіе искусствами быстро перестаетъ быть наслажденіемъ, а скоро потомъ перестаетъ быть и развлеченіемъ. Страст-

ные собиратели картинъ и статуй начинаютъ можетъ быть наслажденіемъ, но оканчиваютъ пустѣйшимъ тщеславіемъ, и дорогая картина, которая могла-бы сдѣлаться неисчерпаемымъ источникомъ наслажденія и изученія для художника, дѣлается часто вредною для души богача, который ее купилъ. Поэзія, музыка, живопись, ваяніе могутъ быть или отдохновеніемъ послѣ труда, или должны находиться въ живой связи съ трудомъ человѣка; когда же они дѣлаются предметомъ праздной прихоти, тогда не только теряютъ *всю* свою развивающую силу, но дѣйствуютъ отрицательно на нравственное и умственное совершенство.

Но пойдемъ еще выше, до самой высокой ступени человѣческихъ наслажденій. Удовлетвореніе благороднѣйшихъ стремленій человѣческаго сердца, подвиги великодушія, патріотизма, любви къ человѣчеству совершаются не для наслажденій и дарятъ человѣка только мгновеннымъ счастіемъ, которое блеснетъ, какъ искра, и исчезнетъ. Если же человѣкъ захочетъ взять болѣе обильную дань и съ своего благороднаго подвига, остановить эту чарующую искру, то она не только немедленно начнетъ тускнѣть, но, потухнувъ, наполнитъ сердце его смрадомъ тщеславія и самымъ пошлымъ самодовольствіемъ. Если же вопреки этому человѣкъ все будетъ усиливаться остановить потухающее наслажденіе, то выйдетъ еще хуже: онъ можетъ остановиться на постоянномъ созерцаніи своихъ мнимыхъ или даже и истинныхъ добродѣтелей и сдѣлаться самымъ несноснымъ, самымъ безполезнымъ существомъ и безвозвратно погибнуть нравственно.

Но возьмемъ самое спокойное, самое продолжительное изъ наслажденій, наслажденіе семейнымъ счастьемъ, и мы также увидимъ, что безъ труда и оно невозможно.

Вотъ два молодыя существа, которымъ судьба дала все, кромѣ необходимости трудиться и возможности сыскать трудъ жизни. Оба они хороши собой, богаты, молоды, добры и умны; оба страстно любятъ другъ друга и страстно желаютъ принадлежать другъ другу. Наконецъ, желаніе ихъ исполняется. Они *плаваютъ* въ блаженствѣ; но долго-ли продолжается плаваніе? Увы, очень недолго! Скоро притупляется чувство удовлетворенной страсти, и въ промежутки наслажденій незамѣтно начинаетъ закрадываться скука.

Жена создана Богомъ помощницей мужу; но въ чемъ же она будетъ помогать ему, если онъ и самъ ничего не дѣлаетъ? Такимъ образомъ главное назначеніе жены не можетъ быть выполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу исчезаетъ и самое значеніе брака. Чувство любви притупляется: какъ ни тормошатъ его супруги, оно продолжаетъ откликаться все слабѣе и слабѣе, и наконецъ совсѣмъ умолкаетъ; а сердце все не перестаетъ требовать счастья, наслажденій, каждую минуту и во всю долгую жизнь человѣка. Тогда оба супруга начинаютъ посматривать по сторонамъ, искать наслажденій внѣ домашней жизни, и вихрь свѣта быстро уноситъ ихъ въ разныя стороны. Появляются дѣти; но за дѣтьми есть кому присмотрѣть и безъ матери: есть для этого бонны, гувер-

нантки и гувернеры. А отцу что дѣлать съ дѣтьми? Поласкать, когда прійдутъ, прогнать, когда надоѣдятъ — вотъ и все. Сердце же между тѣмъ все не перестаетъ требовать жизни и счастья, каждую минуту, долгіе дни, мѣсяцы и годы! Оба супруга, не находя счастья другъ въ другѣ, ищутъ его по сторонамъ; она—на балахъ, въ нарядахъ, въ романахъ, поджигающихъ исканіе счастья, въ кокетствѣ, въ отысканіи новаго чувства, новой любви; онъ—въ клубахъ, въ пирушкахъ, въ картахъ, рысакахъ, въ танцовщицахъ; еще одинъ шагъ, и святость брака разрушена, тотъ розовый вѣнокъ, котораго они такъ добивались, разорванъ, брошенъ, затоптанъ въ грязь и позабытъ навсегда. Такова судьба всѣхъ браковъ по страсти у людей, которымъ нечего дѣлать. Взгляните черезъ пять, шесть лѣтъ на такихъ супруговъ и вы даже не подумаете, что сильное чувство любви когда-то соединяло ихъ: ни признака какого-нибудь чувства! Въ простой крестьянской семьѣ, гдѣ мужъ выбиралъ въ женѣ только работницу, а она искала въ немъ кормильца и хозяина, вы найдете часто гораздо болѣе и чувства, и истинной супружеской привязанности. Они трудятся вмѣстѣ: ровно, дружно, какъ двѣ дышловыя лошади, подымаютъ они тяжелую борозду ихъ жизненнаго пути, и всѣ ссоры и разсчеты быстро исчезаютъ передъ ежедневно-возникающею необходимостью обоюднаго труда. Ихъ соединяетъ трудъ, и онъ-то свято поддерживаетъ слабую искру взаимнаго сочувствія и проводитъ ее безопасно черезъ всѣ ссоры и даже пороки и преступленія, которыя могутъ быть сдѣланы супругами другъ противъ друга,— проводитъ отъ алтаря до гробовой доски: такъ полно *глубокаго смысла* то выраженіе Библіи, гдѣ Господь назначаетъ жену помощницею мужу: такъ оправдывается оно ежедневно передъ нашими глазами, и мы, если не хотимъ быть слѣпыми, то убѣдимся, что безъ труда, дѣльнаго, серьознаго труда, семейное счастье есть ни что иное, какъ романическая химера. Читая въ какомъ-нибудь романѣ, какъ два ничего не дѣлающія существа сгараютъ взаимной страстью и какъ потомъ эта страсть увѣнчивается бракомъ, такъ и хочется спросить, что-же было потомъ? Шутка Теккерея, въ которой онъ дорисовываетъ картину Вальтеръ-Скота и знакомитъ насъ съ семейною жизнью Айвенъ-Го и Ровенны, внушена писателю глубокимъ знаніемъ сердца и острою наблюдательностью того, что на каждомъ шагу встрѣчается въ жизни.

Но этого мало: если мужъ трудится, чтобы добыть средства къ жизни, а жена только пользуется плодами его трудовъ, не раздѣляя самаго труда, то и тогда семейное счастье невозможно. Женщина, какъ кумиръ, вѣчно отдыхающая отъ лѣни на ложѣ изъ розъ, самое нелѣпое созданіе романистовъ. Такое понятіе о женщинѣ, весьма распространенное въ модномъ свѣтѣ, оскорбительно и для женщины, и для мужчины.

Перебирая, такимъ образомъ, всѣ пріятныя ощущенія, которыя только дано испытывать человѣку на землѣ, мы видимъ много наслажденій и нигдѣ не находимъ счастья, потому-что именемъ счастья человѣкъ упорно называетъ идеалъ ничѣмъ невозмутимаго и безконечнаго

блаженства, которое бы не унижало, но возвышало его человѣческое достоинство [1]). Такого счастья нѣтъ на землѣ. Наслажденія, какъ бы ихъ много ни было собрано въ одну жизнь, еще не счастье. Это только мишурная пыль съ крыльевъ того неуловимаго призрака, за которымъ упорно гонятся люди. Трудъ есть единственно-доступное человѣку на землѣ и единственно-достойное его счастье. Наслажденія порхаютъ вокругъ свѣточа труда, какъ золотые мотыльки, привлекаемые свѣтомъ и, чѣмъ ярче горитъ трудъ, тѣмъ больше ихъ толпится; но потушите его, и эти золотые мотыльки превратятся въ хищныхъ птицъ, которыя мигомъ расхватаютъ всѣ сокровища сердца и оставятъ его на жертву пустотѣ и отчаянію.

Что же это такое, спроситъ читатель: къ чему ведетъ эта рѣчь? Не проповѣдь-ли это на азбучную истину, что *праздность есть мать всѣхъ пороковъ*? Но развѣ эта азбучная истина, которую въ первый разъ высказалъ какой-нибудь греческій мудрецъ, глубоко вдумавшійся въ жизнь человѣка, не превратилась для насъ въ пустую, непонятную фразу? Изъ чего же видно, что эта азбучная фраза, надоѣвшая намъ на прописяхъ, понята нами, какъ глубокая и вѣчная, къ каждому изъ насъ приложимая истина? Не показываемъ-ли мы во всѣхъ нашихъ желаніяхъ, что эта истина не проникла до нашего сердца, что мы не вѣримъ тому, что она истина?

Много-ли можно встрѣтить между нами такихъ людей, которые не смотрѣли-бы на богатство, какъ на завидную привиллегію ничего не дѣлать, а на трудъ, какъ на тяжелую и даже унизительную принадлежность бѣдности? Кто не желаетъ обезпечить возможность праздности для себя, или, по-крайней-мѣрѣ, для дѣтей своихъ? Самое образованіе дѣтей не ставитъ-ли большинство ниже ихъ независимаго состоянія? Мало-ли такихъ людей, которые смотрятъ на образованіе только какъ на средство добывать деньги и многіе ли видятъ въ немъ средство отыскать трудъ— не забаву, не украшеніе, а дѣльный трудъ?

Самое воспитаніе, если оно желаетъ счастья человѣку, должно воспитывать его *не для счастья*, а приготовлять къ труду жизни. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ образованіе его должно быть выше, потому-что тѣмъ труднѣе для него отыскать трудъ, который самъ напрашивается къ бѣдняку, таща за спиною счастье въ нищенской котомкѣ. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя трудъ въ жизни. Но таково ли воспитаніе въ настоящее время?

Много ли найдется матерей, которыя-бы не заботились устроить праздную жизнь для дочерей своихъ? Мало-ли есть такихъ, которыя готовы купить для своихъ любимыхъ дочерей право праздности, про-

[1]) Въ главѣ о стремленіи къ счастью и стремленіи къ наслажденію мы подробно объяснили, что разумѣемъ подъ тѣмъ и другимъ понятіемъ, а потому и надѣемся, что будемъ поняты правильно.

давъ ихъ молодость, красоту и горячее сердце человѣку, о которомъ знаютъ, что онъ не можетъ внушить никакой любви?

«Есть недугъ, его-же видѣхъ подъ солнцемъ», говоритъ Экклезіастъ: «богатство хранимо отъ стяжателя во зло ему». Не много надобно наблюдательности, чтобы убѣдиться, что этотъ недугъ существуетъ и подъ солнцемъ XIX столѣтія. Противъ этого-то недуга, какъ въ частномъ воспитаніи, такъ и въ воспитаніи цѣлаго народа, должно бороться. Чѣмъ большія богатства ожидаютъ человѣка, тѣмъ болѣе онъ долженъ приготовиться нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ къ тому, чтобы выдержать свое богатство.

Взгляните на крестьянина въ сѣрыхъ лохмотьяхъ, грязной рукой отирающаго потъ съ своего утомленнаго лица: давно уже носитъ онъ подъ дождемъ тяжелую соху и съ самаго ранняго утра топчетъ своими лаптями измокшее поле; онъ промокъ до костей, горячій потъ на лицѣ его смѣшивается съ холодными каплями осенняго дождя, руки его опадаютъ отъ усталости; онъ черенъ, угрюмъ, лицо его изрыто морщинами, которыя скорѣе похожи на борозды, проводимыя по полю его тяжелой сохой, чѣмъ на легкія черточки времени; весь онъ запачканъ грязью и облитъ пѣтомъ. Но всмотритесь въ его физіономію, въ его усталые, задумчивые глаза, и вы найдете въ нихъ выраженіе человѣческаго достоинства, котораго напрасно стали-бы искать на бѣломъ, гладкомъ, румяномъ, какъ крымское яблоко, и, лоснящемся какъ атласъ, лицѣ сидѣльца въ енотовой шубѣ, похаживающаго около своей лавки. Отъ нечего дѣлать этотъ сочный господинъ заигрываетъ съ своимъ, такимъ-же разбухшимъ сосѣдомъ: морда толстаго кота, выглядывающая въ окно той-же лавки, глядитъ разумнѣе!

Но какъ ни бѣденъ крестьянинъ, одною сохою выбивающій себѣ насущный кусокъ хлѣба, какъ ни тяжелъ трудъ его и какъ ни скудно вознагражденіе, но когда послѣ долгаго рабочаго дня онъ возвращается домой, то трудъ, какъ закатывающееся солнышко трудоваго лѣтняго дня, облекаетъ пурпуромъ и золотомъ самые скудные, самые грубые предметы, встрѣчающіе его дома. Не многосложна и духовная жизнь крестьянина; но она все-же есть, и въ ней много истинно-человѣческаго достоинства: онъ любитъ семью; въ воскресный день радостно затепливаетъ свѣчу передъ образомъ, и, встрѣчая нищаго, ломаетъ пополамъ свою краюху хлѣба или вытаскиваетъ изъ-за голенища свой грязный кошелекъ, гдѣ лежатъ три мѣдныя копѣйки, добытыя тяжелымъ трудомъ.

Но вамъ кажется, что бѣднякъ стоитъ лучшей участи? Бросьте-же ему горсть золота, которая-бы разомъ избавила его отъ необходимости свободнаго труда и полюбуйтесь превращеніемъ.

Видите-ли вы этого расплывшагося негодяя? Его сальное и безсмысленное лицо, маленькіе заплывшіе глаза, исполненные хитрости, наглости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низкаго раболѣпства передъ вашей высокой особой, напоминаютъ вамъ и вашего приказчика, и цѣловальника въ красной рубахѣ, и знакомаго вамъ содержателя постоялаго двора, и раз-

бухшаго купца—миллiонера, котораго вы помните еще за прилавкомъ питейнаго дома, а можетъ быть и кого-нибудь изъ вашихъ друзей. Это тотъ-же самый крестьянинъ: онъ похитрѣлъ и въ то же время поглупѣлъ, сдѣлался жаденъ и жестокъ, обираетъ и обкрадываетъ народъ и отъ всей души презираетъ своего бывшаго собрата. Онъ сильно сколачиваетъ копѣйку, хотя уже много серебрянныхъ рублей лежитъ въ его окованномъ сундукѣ, на которомъ онъ примостилъ себѣ перину и дрыхнетъ въ ожиданiи кондрашки. Онъ весь предался тому сорочьему инстинкту, который медицина должна была-бы причислить къ самому неизлѣчимому роду сумашествiя. Прощай человѣкъ! остался толстый мѣшокъ, наполненный жиромъ и имѣющiй одно свойство—всасывать деньги.

Кто наблюдалъ надъ жизнью простаго народа, тотъ знаетъ, какъ неизбѣженъ такой законъ превращенiя и какъ быстро звѣрство одолѣваетъ крестьянина, избавленнаго отъ необходимости личнаго физическаго труда и незнакомаго съ трудами умственной жизни. Могучая природа его тѣла, взлѣлеянная на русской печи и русскомъ морозѣ, продолжаетъ вырабатывать все новыя и новыя силы, которыя, за неимѣнiемъ расхода на трудъ, обращаются въ жиръ, потопляющiй и глаза его, и сердце, и мозгъ.

Можетъ быть и другаго рода превращенiе, которое, по нашему мнѣнiю, ни чѣмъ не хуже перваго: внезапно разбогатѣвшiй крестьянинъ, если его натура пошире и сердце поблагороднѣе, можетъ вовсе бросить трудъ и, что называется, закутить. Быстро исчезнетъ съ него тогда человѣческiй обликъ: обрюзглая, посинѣвшая физiономiя, губы красныя, какъ огонь, и мутные глаза выразятъ въ тѣлесныхъ формахъ неутолимую тоску его души.

Эти два превращенiя, которыя въ такихъ рѣзкихъ формахъ высказываются въ простомъ быту, идутъ и выше—гораздо выше! Формы мѣняются, но смыслъ остается тотъ же.

Если духовныя силы, вызывающiя свободную дѣятельность человѣка на новый серьезный трудъ, духовный болѣе прежняго, не растутъ вмѣстѣ съ матерiальными средствами удовлетворять своимъ нуждамъ и прихотямъ, то не только нравственное достоинство человѣка, но и счастье его понижаются по мѣрѣ увеличенiя его богатства, будетъ-ли онъ прибавлять капиталы къ капиталамъ или растрачивать ихъ на наслажденiя, будутъ-ли этими наслажденiями простая сивуха или шампанское, орловскiй рысакъ или балетная знаменитость. Богатство растетъ безвредно для человѣка тогда только, когда вмѣстѣ съ богатствомъ растутъ и духовныя потребности человѣка, когда и матерiальная, и духовная сфера разомъ и дружно расширяются передъ нимъ. Большая разница въ томъ, понадобится-ли разбогатѣвшему крестьянину книга, рояль, картина, или тонкое сукно и тонкое вино; захочетъ-ли онъ дать хорошее воспитанiе своимъ дѣтямъ или заведетъ себѣ любовницу; будетъ-ли побуждать его къ новому труду желанiе расширить сферу своей общественной дѣятельности или желанiе затащить еще тысячу въ свой сундукъ. Вотъ почему, по-крайней-мѣрѣ, наравнѣ съ заботами политичес-

кой экономіи добывать бархатъ, тончайшія сукна и золотыя кисеи, должны идти заботы объ умственномъ и нравственномъ развитіи народа, о его христіанскомъ образованіи, иначе всѣ эти кисеи и бархаты не увеличатъ массы счастья, а напротивъ уменьшатъ его. Но для чего-же вся эта промышленная сумятица, если не для счастья? Не для того-же, конечно, чтобы доставить политико-эконому и статистику удовольствіе считать число фабрикъ и тюки товаровъ. Роскошь, которая въ послѣднее время такъ быстро начала распространяться между всѣми сословіями, и которой такъ радуются иные статистики, политико-экономы и фабриканты, также быстро можетъ съѣдать нравственность и счастье людей.

Роскошь развиваетъ фабрики, фабрики развиваютъ роскошь; капиталистъ сколачиваетъ новые капиталы; не капиталистъ бьется изо всѣхъ силъ и лѣзетъ въ долги, чтобы не отстать въ роскоши отъ капиталиста; человѣкъ вертится на своемъ бархатномъ креслѣ, придумывая, какъ бы добыть бархатныя драпри; потребность большихъ и большихъ капиталовъ для всякаго самостоятельнаго производства увеличивается; число самостоятельныхъ производствъ уменьшается; одна громадная фабрика поглощаетъ тысячи маленькихъ и превращаетъ самостоятельныхъ хозяевъ въ поденщиковъ; одинъ дурѣетъ отъ жиру, другой дичаетъ отъ нищеты; одного губитъ богатство, другаго крайняя бѣдность превращаетъ въ машину; тотъ и другой приближаются къ состоянію животному; а новыя потребности, создаваемыя ежеминутно промышленностью, увеличиваютъ число недовольныхъ жизнью. Такимъ путемъ идетъ экономическое развитіе общества, *не опирающееся на духовномъ и нравственномъ развитіи его содержанія и формы.*

Такъ начерталъ Господь законъ свободнаго труда и во внѣшней природѣ, и въ самомъ человѣкѣ, въ его тѣлѣ, сердцѣ и умѣ. Высылая человѣка на трудъ, Творецъ сдѣлалъ трудъ необходимымъ условіемъ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія, и самое счастье и достоинство человѣка поставилъ въ неизбѣжную зависимость отъ личнаго труда.